

63.529(6)

H-86.

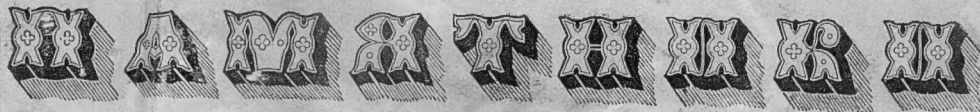

63.529(10)
H-86

9
H 86

ПРАВЫ, ОБЫЧАИ

И

ВСѢХЪ НАРОДОВЪ ЗЕМНАГО ШАРА.

Что городъ, то норовъ, — что деревня, то обычай.
Ученіе свѣтъ, а неученіе тьма.

Русскія пословицы.

ИЗДАНИЕ

А. Семена и А. Стѣпановича,

УКРАШЕННОЕ МНОЖЕСТВОМЪ РИСУНКОВЪ, ОТПЕЧАТАННЫХЪ И РАСКРАШЕННЫХЪ
ВЪ ПАРИЖѢ.

Редакторъ А. Стѣпановичъ.

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА.
1846.

1500

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюня 1-го дня 1846 года.

Ценсоръ В. Флеровъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ
1778

М. М. Тютчев

ОСТ-ИНДІЯ:

ПРАВЫ, ОБЫЧАИ И ПАМЯТНИКИ.

ИНДУСТАНЪ, Н. Н. ТЮТЧЕВА.

ЗАГАНГСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ, А. А. СТОЙКОВИЧА.

Доджак - аска меро (по Плусу льмине)

Джати - монати с мтский (ч Джасингов)

Джуджа - возварил

Том, - отиски к
Томт - удущи тели
Бато - Трату

Мм - Зашовити Зондир

Тили - Каша верел

Тонфы - мерии - жертва

Чаджбара - дити наредер

Турогита - дреду по праша свиде

Дачна - аштомми - мимеру Кривка

Литжа - тавид, 5 гар. Коробя. 2. 100 лова, мотко, 2. 100 лова

Баджерка - Баджер - ситидицу рабко

Литгали - оже риве дсвудие и

Бриджмарин - Коммашара хмедво

Дигамбара - гоан

Светамбара - в белладеру } Шир таи кара
ч Джамантис

Дупетта - прозрачный шар на дрели

Сати - Каша - Силасен. урлоди, всево брашми

Синхата - Тошерай рин окрашен Кышваро

Сутти - сажити Кдав.

Падио - Потал, дсфок шадр мир (санкритски)

Томам - жертва огню.

Баавали - Каша Шивы (Каша)

Суриа - Соура

Рама - Рама - в меро привити мид.

Зуру - духов. мафавиш

Нурбанна - кесушсероварши

Майнд - Чувствени обман

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

СЕНАТОРУ

МИХАИЛУ НИКОЛАЕВИЧУ

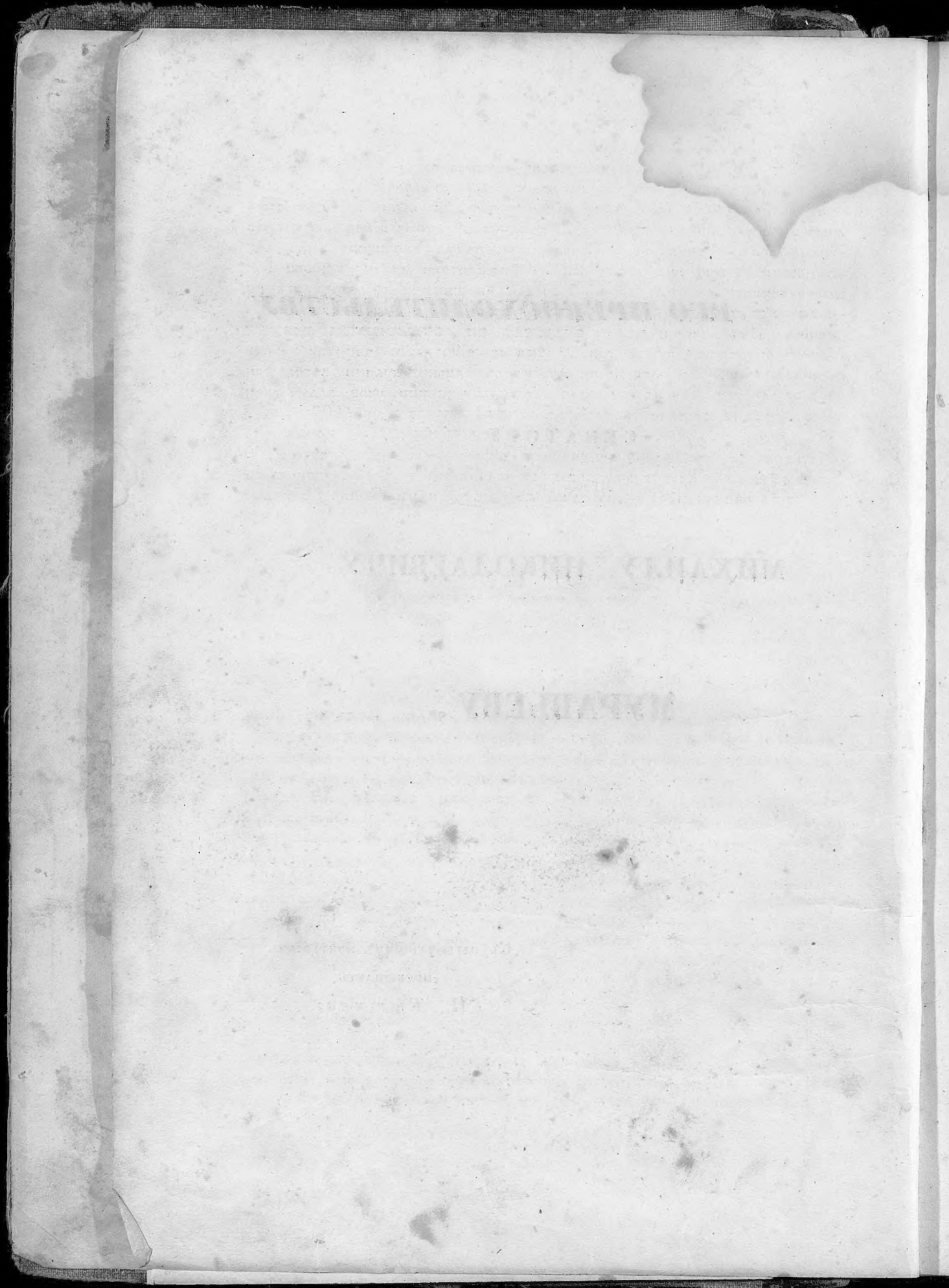
МУРАВЬЕВУ,

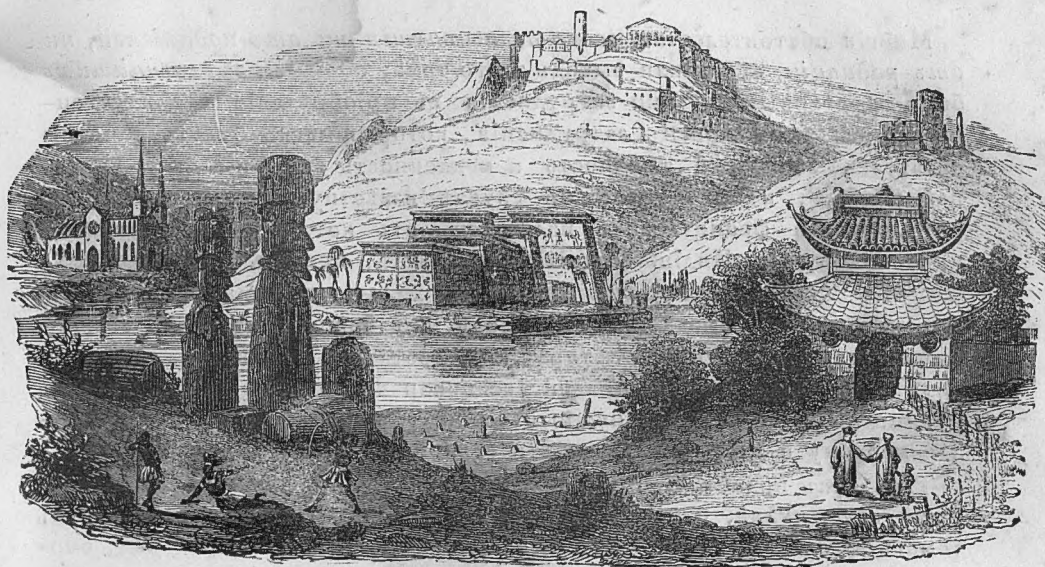
Съ глубочайшимъ почтениемъ

посвящаетъ

Н. Тютчевъ.

К ТМ 23929/279

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Изъ двухъ книгъ, обѣщанныхъ публикѣ издателями **ПРАВОВЪ, ОБЫЧАЕВЪ И ПАМЯТНИКОВЪ ВСѢХЪ НАРОДОВЪ ЗЕМНАГО ШАРА**, первая, посвященная Ост-Индіи, находится теперь передъ глазами читателей. О полнотѣ ея и достоинствѣ мы говорить не станемъ. Она подвергается теперь свободному, личному суду каждаго читателя, и образованные критики наши навѣрное укажутъ на тѣ общіе законы вкуса и науки, по которымъ должно быть произведено сужденіе надъ нею. Намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ о ея внѣшней формѣ, и кажется, что въ этомъ отношеніи, она, по своему наружному достоинству вообще и (смѣемъ сказать) по небывалому у насъ изяществу своихъ художественныхъ приложений, можетъ стать на ряду съ лучшими иностранными изданіями. Что всего этого нельзя было достигнуть безъ большаго старанія — согласится всякій читатель; но только опытные въ книжномъ дѣлѣ поймутъ вполне всѣ затрудненія, соединенныя съ изданіемъ подобнаго рода, — и потому мы считаемъ нужнымъ упомянуть объ этомъ — не въ извиненіе, а въ оправданіе тѣхъ обвиненій, которыя мы могли-бы заслужить. И во-первыхъ — замедленіе выхода книги. Тутъ, напримѣръ, легко представляется вопросъ и упрекъ подписчика: *почему издатели не разошли предварительно, могутъ ли они выполнить обѣщаніе относительно времени выхода?»*

Многія обстоятельства, *вовсе-независѣвшія ни отъ издателей, ни отъ редакціи*, замедлили выходъ этого тома; *однимъ изъ главнѣйшихъ* были претерпѣнные ими затрудненія въ приобрѣтеніи художественныхъ приложений книги, затрудненія, которыя легко будутъ понятны читателю, знающему трудность и медленность сношеній съ за-границей вообще, и въ настоящемъ случаѣ известную уже публикѣ безпорядочность французскихъ издателей, отъ которыхъ заимствованы приложения Ост-Индіи. Издатели **ПРАВОВЪ, ОБЫЧАЕВЪ И ПАМЯТНИКОВЪ ВСѢХЪ НАРОДОВЪ ЗЕМНАГО ШАРА** полагаютъ однакожь, что нѣкоторое замедленіе въ выходѣ ихъ книги достаточно вознаграждается приложеннымъ стараніемъ доставить ей возможную полноту, для чего они не только увеличили число обѣщанныхъ листовъ (*болѣе 30*), но и сочли нужнымъ прибѣгнуть отчасти къ шрифту болѣе-мелкому и несравненно-вмѣстительному.

Такъ какъ подобное изданіе необходимо сопряжено съ значительными издержками, и мы хотѣли ограничиться только выпускомъ двухъ томовъ: *Ост-Индіи* и *Китая* съ *Японіей*,—чтобы потомъ уже, смотря по приему ихъ публикой, предпринять исполненіе нашего намѣренія—окончить обзоръ всѣхъ странъ и народовъ картиннымъ описаніемъ Россіи, — то поэтому мы отлагаемъ, по всей справедливости, изложеніе составленнаго нами плана всего предпріятія впредь до втораго, а *можетъ-быть* и до третьяго тома этого изданія. Съ этой-же цѣлью дали мы и оберткѣ и заглавію предстоящей книги такую форму, которая-бы никакимъ образомъ не подвергала приобрѣтшихъ **ОСТ-ИНДІЮ** необходимости приобрѣтать также, для соблюденія какихъ-либо правилъ полноты хорошей библіотеки, и второй томъ изданія, посвящаемый **КИТАЮ И ЯПОНИИ**. Мы смѣемъ надѣяться, что подобная уловка не нужна съ образованнымъ кругомъ читателей книгъ такого содержанія,—и что безъ этихъ средствъ, вѣроятно, всѣ подписчики на первый томъ останутся также подписчиками и на слѣдующій, о которомъ напечатано на оберткѣ краткое объявленіе.

Занимаясь редакціей этого тома, мы убѣдились въ одномъ затрудненіи, свойственномъ книгамъ подобнаго содержанія: это затрудненіе—*избѣжать сухости, нераздѣльной съ наукою, и вмѣстѣ съ тѣмъ не забыть требованій и самой науки*. Особенно поняли мы тогда трудность яснаго и вмѣстѣ краткаго, но совѣстливаго изложенія свѣдѣній, входящихъ чисто въ области географіи и естественной исторіи, тѣмъ болѣе, что не только нашъ языкъ и наше ухо не привыкли къ терминологіи этихъ наукъ, но даже и большая часть читающей публики не приготовлена еще къ принятію подобныхъ свѣдѣній. (*) По этой-

(*) Не столько въ доказательство сказаннаго нами, сколько по чувству долга и благодарности, мы не можемъ не припомнить здѣсь, въ началѣ изданія, посвящаемаго изученію чуждыхъ намъ народовъ, одинъ новѣйшій отечественный фактъ. Сознавая этотъ всеобщій недостатокъ географическихъ свѣдѣній, скрывающихся отъ большинства читающей публики въ недоступныхъ, по сухости своего изложенія, учебныхъ книгахъ,—попечительное Правительство наше положило въ этомъ году основаніе *углому Статистико-*

же причинѣ, не приложили мы и географической карты къ Ост-Индіи, тѣмъ болѣе пужной, что она облегчаетъ и соображенія читающаго и трудъ пишущаго. Приложение ея было соединено притомъ, кромѣ значительныхъ издержекъ и труда, съ такими многоразличными затрудненіями, что, взвѣсивая все это съ холодностью, съ какою была-бы принята карта наша большинствомъ читателей, мы не рѣшились посвящать этому предмету тѣхъ издержекъ и труда, которые могли, по матеріальнымъ законамъ, основывающимъ всякое предпріятіе, обратить на другія стороны полноты и изящества книги. Тѣмъ не менѣе, просвѣщенные критики признаютъ, что мы не колебались между *полезнымъ* и тѣмъ, что *только-пріятно* читателю, и, по-мѣрѣ возможности, внимательно останавливались на всемъ, что могло служить пищей для ума и полезнымъ предметомъ для его изысканій. Они признаютъ, что текстъ нашъ не есть простая компиляція изъ другихъ сочиненій, но пересозданіе, соотвѣтствующая разработка всѣхъ хорошихъ матеріаловъ относительно описываемой страны, изъ которыхъ многіе не могутъ быть доступны публикѣ или по чрезвычайной дороговизнѣ ихъ, или потому, что они слишкомъ частны или чрезчуръ учены, и иногда написаны на языкѣ—скажемъ слишкомъ варварскомъ, чтобы не сказать совершенно-недоступномъ безъ предварительнаго изученія. Мы не хотѣли пестрить изданія своего учеными цитатами, потому что желали дать ему форму, по возможности доступную всякому образованному, хотя и не ученому по призванію, — но не уклонялись отъ этого въ случаѣ необходимости. Что текстъ нашей книги тоже и не переводъ французскаго изданія: *Moeurs, usages et costumes de tous les peuples du monde*,—изъ котораго взяты наши раскрашенные рисунки, то этого и доказывать намъ не нужно. Всякій легко убѣдится, что и по разнообразію своихъ приложений, соответствующихъ непосредственно самому содержанію, и по полнотѣ (не говоримъ уже о систематическомъ расположеніи и отчетливости) своего текста, книга наша выходитъ побѣдоносно изъ сравненія съ заграничнымъ изданіемъ, предпринятымъ милліонерами и считающимъ въ числѣ подписчиковъ своихъ почти всѣхъ вѣнценосцевъ Европы. Указать на наши ошибки или недостатки есть уже обязанность критиковъ,—и мы пріимемъ къ соображенію ихъ замѣчанія тѣмъ болѣе съ удовольствіемъ, чѣмъ болѣе они будутъ основаны на знаніи дѣла и на доказательствахъ раціональности.

Аркадій Стойковичъ.

Москва, мая 4-го 1846 года.

Географическому Обществу, цѣль и средства дѣятельности котораго даютъ тѣмъ болѣе полную надежду на успѣхъ распространенія въ нашемъ отечествѣ столь непосредственно полезныхъ знаній землеописанія и народовѣдѣнія, что въ этомъ служатъ порукой Высочайшее Имѣя Президента Общества, ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА, и извѣстная всѣмъ, неутомимая дѣятельность того, кто имѣетъ счастье быть его помощникомъ, въ качествѣ Вице-Президента: Г-на Министра Перовскаго.

ОТЪ АВТОРА ИНДУСТАНА.

Назначеніе этого труда—познакомить русскую публику съ одною изъ любопытнѣйшихъ странъ свѣта. Составитель Индустана пользовался всѣми свѣдѣніями, какія находилъ въ лучшихъ и повѣйшихъ иностран-
ныхъ сочиненіяхъ, и надѣется, что разнообразіе, достовѣрность и за-
нимательность ихъ дали ему средства представить читателямъ сочи-
неніе, не лишенное интереса и въ то-же время полезное. Достигъ-ли
онъ предназначенной цѣли—предоставляется судить публикѣ.

Н. Тютчевъ.

С. Петербургъ, сентлбрл 20-го 1845 года.

ВСТУПЛЕНИЕ.

НАЗВАНІЕ, ПОЛОЖЕНІЕ И РАЗДѢЛЕНІЕ. — Подъ Ост-Индіею, въ обширномъ смыслѣ этого слова, подразумѣвали, а отчасти подразумѣваютъ еще и нынѣ, всю часть Азіи, простирающуюся отъ Гималайскихъ горъ до Индійскаго моря, и отъ рѣки Инда до Китайской Имперіи и до Китайскаго моря. Азіятская Индія получила названіе Ост-Индіи или Восточной Индіи только со времени Колумба, въ противоположность островамъ Средней Америки, названнымъ Вест-Индіею или Западною Индіею. Вся Азіятская Индія, по географическому положенію своему, дѣлится на два главные отдѣла: 1) *Индустанъ*, заключающій въ себѣ Индію

по Гангъ, или западный полуостровъ; 2) *Загангская Индія*, или восточный полуостровъ.

Многіе изъ новѣйшихъ географовъ отвергають такое распространіе названія *Ост-Индіи*; они обозначаютъ имъ исключительно Индустанъ, и слѣдовательно не допускають вышеприведеннаго раздѣленія, но смотрятъ на Загангскій Полуостровъ, какъ на страну, совершенно чуждую *Ост-Индіи*. И въ-самомъ-дѣлѣ, народы его отличны отъ племенъ, занимающихъ западный полуостровъ, и нельзя отвергнуть, что происхождение, исторія, а слѣдовательно и гражданственность обитателей обоихъ полуострововъ, не имѣютъ ничего общаго. Поэтому, если мы и оставимъ неприкосновеннымъ освященное обычаемъ общее названіе *Ост-Индіи*, то тѣмъ не менѣе будемъ разсматривать совершенно отдѣльно объ вышеупомянутыя главныя части ея.

ИНДУСТАНЪ.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.

омывается Индійскимъ моремъ, къ востоку Бенгальскимъ за-

ГРАНИЦЫ, ПРОСТРАНСТВО. — Индустанъ составляетъ полуостровъ и имѣетъ форму неправильнаго четвероугольника. Онъ граничитъ къ сѣверо-западу съ Белуджистаномъ и Афганистаномъ, и соприкасается съ хребтами Брагосъ и Соммапскимъ; отдѣляется: къ сѣверу Гималайскими горами отъ Тибета, а къ сѣверо-востоку хребтами Могъ и Анупектумджи отъ Бирманской Имперіи. Къ югу онъ

лвомъ, а къ западу Аравійскимъ (или Оманскимъ) (*).

Вся эта страна, по сказанію священныѣхъ книгъ браминовъ, досталась въ удѣлъ Баратъ, одному изъ десяти сыновей повелителя всей земли. Отъ него она получила названіе *Барати-Канда* (владѣніе Бараты), подъ которымъ была извѣстна въ отдаленнѣйшія времена. Въ позднѣйшія эпохи, между разными другими названіями, въ болѣе употребленіе вошло имя *Индустана* (страна Индусовъ или чѣрныхъ), передѣланное древними Греками въ *Индію*. По современной географической системѣ браминовъ, Индустанъ преимущественно называется *Джамбу-Двипъ* (островъ или полуостровъ дерева джамбу).

Самое большое разстояніе отъ мыса Коморина (южной оконечности полуострова), лежащаго подъ 8° сѣверной широты, — до сѣверной границы области Кашмира, доходящей почти до 30° сѣв. широты, составляетъ около 2900 верстъ; разстояніе-же между крайними точками запада и востока, отъ 85° до 110° восточной долготы, около 2500 верстъ. Эти размѣры равняются разстояніямъ отъ Мессины до Торнео и отъ Лиссабона до Смоленска.

Поверхность Индустана занимаетъ около 65,000 географическихъ квадр. миль (**), слѣдовательно равняется почти половинѣ Европы, и по географическому расположенію своему, распадается на слѣдующія главные части:

Пространство Гималайскихъ горъ.	42,900 кв. м.
Плоская возвышенность Декана.	24,550 — —
Пространство, занимаемое системою Ганга.	40,800 — —
— — — — — Инда.	7,650 — —
Песчаная степь къ востоку отъ Инда.	3,000 — —
Болотистыя равнины Кутша.	300 — —
Малабарскій берегъ.	4,450 — —
Берегъ Коромандельскій.	4,250 — —
64,900 геогр. кв. м.	

ГОРЫ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗДѢЛЕНІЕ СТРАНЫ. — Индустанъ раздѣляется горами на три главные части: сѣверную, восточную и западную.

(*) Таково значеніе *Индустана* въ обширномъ смыслѣ, принятое нами во всемъ сочиненіи. Въ тѣсномъ смыслѣ, подъ Индустаномъ подразумѣваютъ одну сѣверную часть западнаго полуострова; но Индійскія горы, въ противоположность южной части его, *Декану*.

(**) По разсчету Варрена, она равняется 1,127,600 англійскихъ [] миль.

Къ сѣверу отъ него расположены *Гималайскія* горы (Снѣжная обитель), одинъ изъ самыхъ высокихъ хребтовъ земнаго шара. Онъ составляютъ гористую кайму огромной возвышенности Средней Азии, тянутся, на разстоянн почти двухъ-половиною тысячъ верстъ, по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, — и на всемъ этомъ протяженіи низпадаютъ террасами въ благословенныя долины Индустана. Во многихъ мѣстахъ хребетъ тянется непрерывно въ высотъ 15 и 20,000 футовъ; нѣкоторыя отдѣльныя горы его достигаютъ еще гораздо болѣе высоты; такъ напримѣръ, Джулли и Ямунаватери имѣютъ 21,000; Пептиа-Парвала (Пятигорье) отъ 21 до 22,600; Джавагиръ и Джамаляри 26,000; Свѣта-Гирри (Свѣтлая гора) 23,300, а Давалагирри (Бѣлая гора) 26,800 футовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти громадныя Альпы Индіи прорѣзаны чрезвычайно глубокими ущельями, сквозь которыя протекаютъ важнѣйшія рѣки страны; и потому, несмотря ни на огромность занимаемаго пространства, ни на высоту свою, пеннинскій Гималайскій хребетъ не составляетъ точки отправления для главныхъ гидрографическихъ раздѣленій Азии. — Въ разстоянн 200 или 300 верстъ отъ главнаго хребта, къ югу и параллельно съ нимъ, тянутся другіе, менѣе высокіе, но тоже весьма значительныя хребты: Дула, Кемаунъ и Севали.

Эти разныя горы и заключающіяся между ними горцы и долины, составляютъ *сѣверную* часть Индустана. Главныя составныя части этой сѣверной полосы, начиная съ востока, слѣдующія:

Бутанъ, зависящій, въ политическомъ отношеніи, отъ Тибета. Тутъ возвышается хребетъ Дула во всемъ своемъ дикомъ величнн. Съ сѣвера онъ грозно окаймляетъ узкую долину Ассамъ, отъ которой въ лежащую къ сѣверу область Бутанъ ведетъ, на протяженн 400 верстъ, только одна горная дорога. — Далѣе, къ западу, слѣдуютъ: области Сиккимъ, Пенаулъ, Кемаунъ, Гервалъ, Сѣверный Пенджабъ (страна пяти рѣкъ) и Кашмиръ или Кашемиръ.

Мы уже сказали, что Индустанъ отдѣляется отъ Бирманской Имперіи цѣною горъ, имѣющихъ направленіе отъ сѣвера къ югу. Положеніе этой цѣпи слѣдующее:

Самая восточная отрасль Гималайскихъ горъ кончается около 113° вост. дол. и подъ 28° сѣвер. шир. огибается рѣкою Браманутромъ, принимающею здѣсь главный притокъ свой, рѣку Талуку, которая вытекаетъ изъ хребта *Камти*, возвышающагося на лѣвомъ берегу Браманутра, и лежащаго верстахъ въ 80

къ западу отъ точки, гдѣ Бирманскія горы спускаются изъ Тибета къ югу, подъ названіемъ хребта *Кава-Гарбу*. Отъ хребта Камти, горная цѣпь принимаетъ направленіе къ юго-западу, является подъ названіями горъ *Ланс-Танъ*, *Паткоё* или *Поа-Пуа*, *Пага* и *Гаррау*, поворачиваетъ, подъ 108° в. дол. и 25° сѣвер. шир., на востокъ, подъ именемъ *Кассайскихъ* горъ соединяется съ горами провинціи *Муннапуры*, откуда беретъ направленіе прямо къ югу, и, пройдя подъ названіями хребтовъ *Кіанъ* и *Могъ*, развѣтвляется въ *Анупектумджу* (страна большихъ западныхъ горъ, т. е. въ отношеніи къ восточному полуострову), и кончается мысомъ *Неграпсъ*.

Очертивъ такимъ образомъ цѣпь, составляющую восточную границу Индустана, и описавъ положеніе Гималайскихъ горъ и параллельно идущихъ съ ними хребтовъ, отдѣляющихъ отъ остальнаго Индустана его сѣверную часть, намъ остается взглянуть еще на третью орографическую черту, составляющую основу раздѣленія Индустана на восточный и западный.

Подъ 94° вост. дол. и 32° сѣв. шир., между рѣками *Сетледжемъ*, *притокомъ Инда*, и *Джемною*, *притокомъ Гауга*, отъ главнаго хребта Гималайскихъ горъ отдѣляется горная цѣпь, и идетъ по направленію къ юго-западу, — потомъ, принимая названіе *Ара-Уалли*, встрѣчается съ *Виндійскими* горами, которыя образуютъ плоскую возвышенность *Омеркунтукъ*, и, пройдя слишкомъ 1100 верстъ, теряются въ равнинахъ *Баласора* (въ *Бенгальскомъ Президентствѣ*). Отъ возвышенности *Омеркунтукъ* отдѣляется къ югу лѣсистый хребетъ *Гондуана*. Онъ тянется отъ востока къ западу, почти параллельно съ *Виндійскими* горами, отъ которыхъ отдѣляется двумя узкими долинами рѣкъ *Танти* и *Нербудды*; далѣе горы, идя по тому-же направленію, принимаютъ названіе *Берарскихъ*, и встрѣчаются съ *Гатскими* горами, составляющими, къ югу отъ рѣки *Танти*, какъ-бы продолженіе хребта *Ара-Уалли*, сближающагося на сѣверномъ берегу *Нербудды* съ *Виндійскимъ* хребтомъ.

Гаты раздѣляются на два хребта. Главный, западный, идетъ въ небольшомъ разстояніи отъ моря, параллельно съ *Малабарскимъ* берегомъ до самаго мыса *Коморина*; восточный, менѣе значительный, развѣтвляется съ нимъ во внутренности полуострова, между 10° и 15° сѣв. широты. Между обѣими цѣпями *Гатовъ* находятся *Ниль-Герри* (*Спійя* горы).

И такъ, горная цѣпь, отдѣляющаяся, какъ мы видѣли, отъ Гималайскихъ горъ къ югу, перерѣзываемая *Виндійскими* горами и руслами рѣкъ *Нербудды* и *Танти*, и возникающая

потомъ опять подъ названіемъ западныхъ Гатовъ , составляетъ именно ту третью орографическую линію , помощію которой обозначается главное естественное раздѣленіе Индустана на восточную и западную части.

Указавъ на границы каждой изъ этихъ частей , приступаемъ къ поименованію областей , составляющихъ ихъ.

Въ восточномъ Индустанѣ заключаются слѣдующія группы областей :

Мадгія-Дѣса (средняя область), принадлежащая къ огромной системѣ Ганга и подраздѣляемая на Бенгалію , Бахаръ , Аудъ , Делли , Агру, Малву и Синдїю.

Дакшина-Дѣса или *Деканъ* , (южная область), подраздѣляемая на Ориссу, Сѣверные Циркары (т. е. области), Гандуану, Нагпуръ, Голкондское Королевство , Ауренгабадъ , Беджануръ , Балагать , Майссоръ или Мизоре , Салемъ , Конмбатуръ и Карнатикъ съ берегомъ Коромандельскимъ.

Ассама , длинная долина , омываемая Браманутромъ и лежащая на сѣверо-востокъ , между хребтами Дулэ и Нага.

Сверхъ-того , къ югу отъ Ассама , и на юговостокъ отъ Бенгаліи находятся , за Гангомъ , на восточномъ полуостровѣ , двѣ провинціи : *Читагонгъ* и *Араканъ* , которыя , по зависимости своей въ политическомъ отношеніи , должны разсматриваться вмѣстѣ съ Индустаномъ.

Въ западномъ Индустанѣ заключаются :

Берегъ Декана , называемый въ различныхъ частяхъ своихъ , начиная съ юга отъ мыса Коморина : *Траванкорскимъ* , *Кошинскимъ* , *Малабарскимъ* , *Канорскимъ* , *Гоаскимъ* , *Конканскимъ* и *Бомбейскимъ*. Онъ составляетъ узкую длинную полосу, сжатую между западными Гатами и Оманскимъ заливомъ , и орошаемую множествомъ небольшихъ рѣкъ.

Кендишъ , заключающій въ себѣ долины Нербудды и Тапти.

Наконецъ , *Гуджератъ* , *Кутшъ* , *Синдъ* , *Лахоръ* или *Пенджабъ* и *Аджемиръ* или *Раджпутана*. Эта группа областей принадлежитъ къ системѣ Инда ; сюда-же относится и большая соленая степь *Джаръ*.

Извѣстный географъ Риттеръ раздѣлилъ неправильный четвероугольникъ Индустана на два треугольника , общимъ основаніемъ которыхъ принялъ Випдійскія горы. Раздѣленіе это кажется намъ искусственнымъ и отнюдь не соответствующимъ мѣстности страны , а слѣдовательно и несогласнымъ со всѣмъ , что касается ея естественной исторіи и климата.

Самъ Риттеръ долженъ былъ сознаться , что племена , насе-

ляющія западныя области, особенно въ Деканѣ, не имѣютъ ничего общаго съ народами, обитающими въ восточныхъ провинціяхъ, подъ равною съ ними шпротою. Въ Малабарѣ, напримеръ, воздухъ, времена года, теченіе вѣтровъ, все совершенно противоположно явленіямъ, которыя мы находимъ въ Короманделѣ. Жители первой страны полны жизненной силы и дѣятельности; обитатели второй, напротивъ, пребываютъ въ совершенномъ бездѣйствіи и апатіи. Поэтому, мы не рѣшились послѣдовать примѣру Риттера.

Горныя линіи, взятая нами въ основаніе раздѣленія Индустана, вполнѣ, кажется, обрисовываютъ естественный составъ почвы, и, лучше всякихъ другихъ границъ, раздѣляютъ страну, независимо отъ политическихъ дѣленій, именно на тѣ большіе отдѣлы, изъ которыхъ всякій имѣетъ свое самостоятельное значеніе въ отношеніи къ этнографіи и физическому положенію.

Желая дать читателю, по возможности, ясное понятіе о фizioноміи Индустана, мы избѣгали излишнихъ подробностей, и напидывали только главнѣйшія самыя необходимыя очертанія.

Указавъ на расположеніе горъ, мы должны, для дополненія картины, сказать еще о рѣкахъ.

Рѣки. — Нѣтъ ни одной страны въ мірѣ, которая превосходила бы Индію обиліемъ водъ. Западный полуостровъ, самою природою богато надѣленный всѣми удобствами для торговыхъ сношеній, окруженъ моремъ, которое вдается повсюду большими заливами и малыми бухтами, и изрѣзанъ по всѣмъ направленіямъ значительными системами рѣкъ. Мы упомянемъ здѣсь только о самыхъ важныхъ изъ нихъ.

Первенство, въ отношеніи къ вліянію на Индію, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, священному *Гангу*. Источники его находятся въ Гималайскихъ горахъ, въ области Герваль, на вѣчно-снѣжной возвышенности Гомукхи, лежащей въ 13,000 футахъ надъ поверхностію моря. Онъ направляется сперва къ югу и, пробѣжавъ верстъ 300, является въ провинціи Дели, откуда поворачивается на юго-востокъ, принимаетъ въ этой средней полосѣ большую часть своихъ притоковъ, и потомъ продолжаетъ величественное теченіе свое почти прямо на востокъ, съ небольшимъ лишь наклономъ къ югу, до Мусадабада, гдѣ развѣтвляется на многіе рукава,—и, наконецъ, образовавъ собою дельту, впадаетъ въ Бенгальскій заливъ. Бассейнъ Ганга окаймляется съ лѣвой стороны Гималайскимъ хребтомъ и его отраслью, Пенаульскими горами, а съ правой образуетъ собою отлогія возвышенности, изрытыя по мѣстамъ глубокими оврагами, — и

къ югу граничить съ Виндійскими горами. Такимъ образомъ, эта область находится между сѣверными вершинами Гималая и южною плоскою возвышенностію Декана, а потому и получила названіе Мадгія-Дэса (средняя область). Главные притоки Ганга суть: съ правой стороны, Джемна, въ которую впадаютъ: Чумбуль, Кахары и Бедвуа, — а съ лѣвой: Рамганга, Кашиа, Гумти, Кали, Гоггра-Сарью или Дева, Гандакки-Ганга, Багмати, Коса, Маганада и Тоста. Теченіе Ганга составляетъ 2,270 верстъ. Отъ марта до іюня онъ чрезвычайно мелѣетъ, но во время пассатныхъ вѣтровъ и трехмѣсячныхъ дождей подымается 30 футами выше своей обыкновенной поверхности, потопляетъ всѣ низменные мѣста своего бассейна, и расточаетъ вездѣ плодородіе и изобиліе. Главныя переправы черезъ него находятся въ Натторъ, Раджмалъ, Патъ, Маинхиръ, Буксаръ, Бенаресъ, Чинаръ, Мирзануръ, Амахабадъ, Маинкиуръ, Канпуръ, Фуркабадъ и Ануиниръ. Самый западный рукавъ его дельты называется Угли (Hoogly). Весь бассейнъ Ганга отличается повсемѣстнымъ изобиліемъ источниковъ и ключей.

Вмѣстѣ съ Гангомъ, въ Бенгальскій заливъ впадаетъ *Браманпуръ*. Эта рѣка, одна изъ величайшихъ въ Азіи, называемая также Буремпунтеромъ, вытекаетъ изъ Тибетскихъ горъ, неподалеку отъ истока Ганга, отъ котораго отдѣлена только Гималаями. Слѣдуя по направленію этого хребта, она орошаетъ, подъ названіемъ Самну, большую часть Тибета, продолжаетъ свое теченіе, отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, до послѣдней оконечности Гималайскихъ горъ, огибаетъ ихъ, и, поворачивая къ югу, вступаетъ въ Индустанъ. Тутъ она протекаетъ сперва, по направленію къ юго-западу, черезъ узкую долину Ассамъ, потомъ склоняется къ югу, наводитъ Бенгалію на пространство 600 верстъ, принимаетъ названіе Меньи и сливается съ водами Ганга, пройдя всего 2,500 верстъ.

Области Читагонгъ и Араканъ орошаются двумя рѣками, одного съ ними названія, вытекающими изъ хребта Могъ и изъ горной области Ануектумджи, и впадающими тоже въ Бенгальскій заливъ.

Главная рѣка сѣверозападной части Индустана — *Синдъ* или Индъ. Три главные источника, составляющіе ее, сѣверный Шаяоукъ, восточно-южный и средній-Сингетшу, вытекаютъ изъ находящихся въ Тибетѣ сѣверныхъ отраслей Гималайскихъ горъ, соединяются подъ 35° с. шир. и принимаютъ тутъ названіе Синда. Эта рѣка течетъ сперва, направляясь къ юго-

западу, по плоской возвышенности Тибета, прорѣзывается потокомъ, верстъ на 200 въ ширину, западныя оконечности Гималаи, оставляя къ востоку Кашмиръ, а къ западу Индійскій Кавказъ, — далѣе спускается въ равнины Пенджаба и беретъ направление прямо къ югу, принимая въ себя съ правой стороны притоки: Абузанъ и Кабукъ, а съ лѣвой, въ южной оконечности Пенджаба, рѣку Чумаабъ, въ которую впадаютъ четыре другихъ рѣки, выходящія изъ Гималаевъ: Бегать, Сетледжъ, Бетна и Раави, которыя вмѣстѣ съ нею сообщили всей области названіе *Пенджаба* (пятирѣчя). Выходя изъ Пенджаба, Сиддъ вступаетъ въ область, которой даетъ свое названіе, дѣлится на два рукава, снова соединяющіеся, разливается ниже Гайдерабада, подобно Гангу, на множество устьевъ, образующихъ дельту, и впадаетъ въ Оманскій заливъ. При впаденіи въ море, онъ превосходитъ Гангъ массою воды, но русло его чрезвычайно неровно, такъ что пароходы не могутъ идти далѣе точки соединенія его съ рѣками Пенджаба. Подобно Гангу, онъ ежегодно разливается; но наводненія его не имѣютъ оплодотворяющаго свойства, въ такой-же степени, какъ воды священной рѣки Индустана, — и страны, протекаемыя имъ, не отличаются, болѣею частию, плодородіемъ. Границы сиддскаго бассейна составляютъ: съ сѣвера Тибетъ, съ запада хребетъ Брагоз, Салимановскія и Гомольскія горы, съ востока большая песчаная степь, хребетъ Ара-Уали и пространныя болота области Кутинъ.

Изъ числа главныхъ рѣкъ *Декана*, въ Оманскій заливъ впадаютъ только двѣ: *Нербудда* и *Тапти*. Онѣ вытекаютъ изъ плоской возвышенности Омеркунтукъ, направляются прямо отъ востока къ западу, совершаютъ свое теченіе по узкимъ долинамъ, имѣя къ сѣверу Виндійскія, а къ югу Гондуанскія и Берарскія горы, и впадаютъ къ югу отъ города Камбѣ, въ бухту того-же имени. Тапти принимаетъ въ себя притоки: Пурнахъ, Бунцерахъ и Боари. Нербудда, называемая по-санскритски *Пармада* (тихая, пріятная), протекаетъ около 900 верстъ, но судоходна только на 150. Отъ точки впаденія въ море этихъ двухъ рѣкъ до мыса Коморина, на протяженіи четырнадцати градусовъ, (т. е. пространствъ, равномъ разстоянію отъ Петербурга до Крыма), по всему западному берегу полуострова нѣтъ болѣе ни одной рѣки, заслуживающей вниманія. Это явленіе, впрочемъ, достаточно объясняется близостію къ берегу хребта западныхъ Гатовъ.

Въ Бенгальскій заливъ, восходя отъ юга къ сѣверу, вливаются слѣдующія рѣки *Декана*:

Касери; она беретъ начало въ Кургскихъ холмахъ, недалеко отъ Малабарскаго берега, орошаетъ Мизоре, Коимбатуръ, Карнатикъ, и, пробѣжавъ 640 верстъ, впадаетъ въ море двумя главными и множествомъ мелкихъ рукавовъ.

Потомъ слѣдуютъ три менѣе значительныя рѣки: *Папаръ* (Молочная рѣка), *Паларъ* и *Пеннаръ* (или Тандапурти). Первая впадаетъ въ заливъ близъ Пондишери; вторая близъ Мадраса; третья около Нелморе.

Далѣе, къ сѣверу, находится *Кришна* или *Кистна* (т. е. Темносная). Она вытекаетъ изъ западныхъ Гатовъ въ провинціи Беджапуръ, орошаетъ Гайдерабадъ, и у южной оконечности области Сѣверныхъ Циркаровъ впадаетъ въ море, пройдя пространство около 1000 верстъ. Главныя притоки ея суть: съ правой стороны, Варнаахъ, Гатпурба, Малпурба и Тумбудра; съ лѣвой, Бима и Мосси.

Годавери (или Гапга-Годавери) выходитъ изъ западныхъ Гатскихъ горъ, въ точкѣ ихъ соединенія съ Берарскими; направляется къ юго-востоку, пересѣкаетъ полуостровъ почти во всю его ширину, раздѣляется при Раджаминдри на два рукава, дробящіеся на множество другихъ, и, впадая въ море, образуетъ нѣсколько гаваней. Теченіе ея около 1400 верстъ, и совершается большею частію по плоской возвышенности. Поэтому, притоки ея, въ отношеніи къ величинѣ теченія, незначительны; главныя изъ нихъ: Пурна, Вурда и Манджеръ.

Маганудди (Большая рѣка) беретъ начало въ горахъ Гондуаны, течетъ сперва къ востоку, потомъ поворачиваетъ на югъ, и впадаетъ въ море многими рукавами. Подробности теченія ея (простирающагося на 700 верстъ) еще не вполне извѣстны. Устья Маганудди находятся въ разстояніи не болѣе 200 верстъ отъ дельты, образуемой устьями Гапга.

Мы должны были разсчитывать на спсходительность и терпѣніе читателя, при составленіи этого географическаго очерка. Подробности его, какъ ни сухи, тѣмъ не менѣе совершенно необходимы, и мы надѣемся, что внимательный читатель, слѣдя за нашими словами на картѣ, убѣдится, что означенныя нами границы установлены не нашимъ произволомъ, но природою, и что главныя дѣленія страны вытекаютъ сами собою изъ ея мѣстнаго образованія. Далѣе, при обозрѣніи различныхъ частей Индустана, мы увидимъ, какъ важно это первоначальное дѣленіе.

И такъ (соединяемъ въ немногихъ словахъ все сказанное), мы видимъ, что Индустанъ дѣлится на три главныхъ части: *сѣверную, западную и восточную*.

Сѣверная занята Гималайскими горами.

Западная заключаетъ въ себѣ бассейнъ Спиды, большую песчаную степь Джаръ, болота Кутша и всю узкую длинную полосу, лежащую между западными Гатами и водами Оманскаго моря, начиная отъ Камбѣскаго залива до мыса Коморина.

Восточная, наконецъ, самая значительная, заключающая въ себѣ три четверти всего Индустана; дѣлится на два главные отдѣла: южную область, Деканъ, составляющую огромную плоскую возвышенность и занимающую всю южную часть полуострова, и среднюю область, Мадгія-Дѣса, съ центральнымъ бассейномъ благословеннаго Ганга и узкою долиною Ассамъ, служащею русломъ могущественному Браманутру.

Обративъ вниманіе на низменности всего гангскаго бассейна и на положеніе Спиды, взглянувъ на лежація между этими двумя главными рѣками Индіи песчаная степи и болота, и потомъ осмотрѣвшись на обѣ стороны, каждый поразится мыслью, что всѣ низменности Индустана, навѣрно, были когда-то покрыты водою, разливавшееся полукружіемъ отъ Кутшскаго залива до дельты образуемой Гангомъ, — и что, въ то время, подымались изъ моря только Гималайскія горы и возвышенность Декана, послѣдняя въ видѣ острова. Когда именно островъ сдѣлался полуостровомъ — не извѣстно; но предположеніе подобнаго состоянія страны подтверждается, если не историческими доказательствами, то по-крайней-мѣрѣ сказаніями индійскихъ народовъ.

КЛИМАТЪ. — Вообще, въ Европѣ имѣютъ самыя невѣрные и одностороннія понятія объ Индустанѣ и его климатѣ. Мы получаемъ почти всѣ свои свѣдѣнія объ этой странѣ отъ ея владѣтелей—Англичанъ,—а между-тѣмъ, до-сихъ-поръ еще далеко не разсѣяны многіе предрассудки, вкравшіеся въ понятія народонаселенія Англіи, и получившіе тамъ авторитетъ непреложныхъ истинъ. По этому поводу, одинъ изъ англійскихъ журналовъ говоритъ слѣдующее: «Мы привыкли, глядя на возвращающихся въ наше отечество, отъ-времени до-времени, жолтыхъ набабовъ, разслабленныхъ всеми излишествами роскошной и распутной жизни, высохшихъ и почерпнувшихъ отъ палящихъ лучей солнца и жгучаго дыханія пассатныхъ вѣтровъ,—мы привыкли заключать по этимъ выходцамъ, что вся Индія, вообще, страна проклятій, и что обитатели ея повсюду вдыхаютъ въ себя раскаленную атмосферу. Но подобная посылка отъ частнаго къ общему чрезвычайно ошибочна.»

Главная причина, почему подобныя неосновательныя понятія легко и скоро распространяются, заключается въ томъ, что мы,

отъ несносныхъ мушкетеровъ; все тихо; не колышется ни одинъ листокъ жасмина, фестонами обцѣпившаго окна; складки газоваго полога недвижимы, какъ изваянная драпировка гробницы. Всю ночь колышется пупка рукою несчастнаго пашемика; безъ того воздухъ удушливъ, невыносимъ. Но эта ужасная, убійственная жара есть апогея и конецъ жаровъ: это обыкновенно первый предвѣстникъ эпохи дождей. Изрѣдка уже слышатся раскаты грома, солнце заходитъ въ облакахъ, и всякій разъ молніи сверкають на всѣхъ концахъ горизонта. Въ концѣ мая, наступаютъ первыя грозы, кратковременныя, но ужасныя. Дождь по-получасу льетъ ливнемъ, со-дня на-день болѣе; страшныя дождевыя тучи грозятъ потопить всю землю. Въ июль дождь льетъ сряду часовъ тридцать или сорокъ, и не такъ какъ въ нашемъ климатѣ, а прямыми, параллельными струями, часто даже цѣлымъ каскадомъ. Жалкія мазанки несчастныхъ Индусовъ гибнуть въ этихъ потокахъ, а съ ними часто гибнутъ и ихъ владѣльцы. Это эпоха ужаснаго бѣдствія, нещающаяся даже богатыхъ и побѣдителей; самыя отвратительныя пресмыкающіяся, гады, потоциаемые въ своихъ норахъ, выскакиваютъ, выползають на земную поверхность, и щуютъ убѣжища въ жилищахъ чловѣка. Множество ужей, тысяченожекъ, скорпионовъ, ползутъ по лѣстницамъ, вторгаются въ комнаты. Страшно въ потьмахъ, у себя дома, сдѣлать шагъ: можно наступить на какое-нибудь твореніе, которое ужалитъ смертельно. Съ осмотрительностію надо надѣвать сапоги, платье, потому что закравшаяся гадина можетъ смертію наказать неосторожнаго. Но это ужасное время длится не долго: муссонъ уже на исходѣ въ концѣ августа, и исчезаетъ совершенно въ концѣ сентября. Слѣдующее за тѣмъ время до начала февраля, очаровательно, и заставляетъ позабыть предшествовавшія бѣдствія. Воздухъ такъ чистъ, природа такъ прекрасна!»

Горныя линіи, принятыя нами въ основаніе географическаго раздѣленія страны, составляютъ и границы главныхъ атмосферическихъ противоположностей ея. Такъ, Гималайская область, въ различныхъ возвышенностяхъ своихъ надъ моремъ, представляетъ климаты всѣхъ широтъ; такъ, западно-южныя муссоны приносятъ на западный берегъ обильнѣйшіе, постоянные дожди и частыя грозы, между-тѣмъ какъ сѣверо-восточныя вѣтры, вѣющіе во всю сухую половину года, приносятъ прохладу и свѣжесть съ горъ Тибета и Китая въ раскаленные области восточнаго Индустана. Изотермическія линіи нигдѣ такъ значительно не различествуютъ съ параллельными, определяю-

щими географическую широту, какъ въ Индустанѣ, — и между-тѣмъ какъ жители долинъ и низменностей изнемогаютъ отъ нестерпимаго жара, сосѣди ихъ, верстъ 50-ть въ сторону, за горами, дышать прохладой и благоухающимъ воздухомъ весны.

Вообще должно замѣтить, что климатъ отлогостей Гималайскихъ горъ и долинъ въ Индійскихъ горахъ и Гатахъ напоминаетъ собою климатъ Швейцаріи, Италіи и Андалузій. Бассейны рѣкъ пользуются тоже умѣреннымъ, благоухающимъ воздухомъ. За то, въ менѣе выгодныхъ, по своему положенію, мѣстностяхъ сосредоточиваются все свойственныя жаркимъ климатамъ неудобства. Тутъ все заразительныя болѣзни кожи получаютъ право мѣстнаго гражданства: лихорадки, водяныя, элифантіазисъ (арабская проказа), кровавые поносы и холера — уничтожаютъ, по-временамъ, особенно въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, слѣдующихъ за дождевою порою, цѣлыя народонаселенія туземцевъ, а Европейцамъ подобныя мѣста почти недоступны.

Переходя къ некоторымъ подробностямъ, мы видимъ, что восточный Индустанъ, особенно возвышенность Декана, отличается сухостію своего климата. Западный берегъ, напротивъ-того, подверженный непосредственному вліянію юго-западнаго муссона, имѣетъ климатъ сырой. Здѣсь, послѣ прохладнаго времени года, соответствующаго нашей зимѣ, въ февралѣ начинаются жары, которые въ маѣ достигаютъ высшей степени. Наконецъ, настала пора муссона. Послѣ нѣсколькихъ дней нестерпимой духоты, небо въ вечеру начинаетъ все болѣе и болѣе чернѣть, и муссонъ разражается обыкновенно ночью. Ему предшествуютъ удары грома такой силы, о которой жители умѣренныхъ климатовъ не имѣютъ никакого понятія. Потомъ слѣдуютъ страшный, порывистый ураганъ и потоки дождя. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ темная ночь, благодаря безпрестаннымъ молніямъ, превращается ежеминутно въ ослѣпительный день. То передъ вами блещутъ цѣли отдаленныхъ горъ, то вы не видите за два шага отъ себя. Страшные удары близкаго грома прерываютъ безпрестанные раскаты отдаленныхъ и отголоски прежнихъ ударовъ. Наконецъ гроза удаляется къ сѣверо-востоку, и слышенъ только шумъ дождя, падающаго потоками, да ревъ ручейковъ, превратившихся въ рѣки. На другой день представляется глазамъ плачевная картина: дождь продолжаетъ литься такъ обильно, что за нѣсколько шаговъ впередъ ничего не видно; рѣки повсюду выступаютъ изъ береговъ, все ломаютъ, срыпаютъ, уносятъ съ

собою, и разливаются по всемъ окрестнымъ низменностямъ. Паводненіе это продолжается нѣсколько дней. До пашествія муссона, вся земля была желта, сѣра, раскалена; нигдѣ, исключая мѣстъ около самыхъ рѣкъ и источниковъ, не было видно ни малѣйшей зелени. Неизмѣнная ясность неба не нарушалась ни однимъ облачкомъ; по всему воздуху носилась ѣдкая пыль, сквозь которую солнце казалось краснымъ, пелучезарнымъ, какъ бываетъ у насъ зимою во время тумановъ и сильныхъ морозовъ; вѣтеръ раскаленный, какъ-будто изъ печи, нагревалъ все, даже въ тѣни, и желѣзо, и камни, и дерево. Дней черезъ семь или десять, по открытіи муссона, дождь становится слабѣе, грозы уже пропеслись на сѣверо-востокъ, небо проясняется; по темной лазури толпятся пышныя, бѣлыя облака, и вся природа ликуетъ, обновленная будто магическимъ ударомъ. Почерпывшая растительность воскресаетъ, яркая зелень покрываетъ всю рощи и поля: рѣки вошли опять въ свои предѣлы. Бальзамическій воздухъ оживляетъ все творенія. Въ продолженіе іюня перенадаютъ, періодически, благотворные дожди; въ іюль они опять значительно усиливаются, въ августъ видимо уменьшаются, а къ концу сентября или половинѣ октября исчезаютъ совершенно. Конецъ дождей сопровождается опять, подобно началу, сильными грозами.

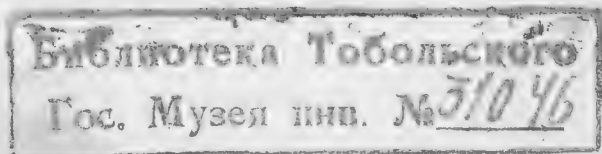
Чѣмъ болѣе юго-западный муссонъ подвигается къ востоку, тѣмъ менѣе приноситъ онъ съ собою дождя. Въ Деканѣ дождь идетъ не далѣе вѣтвей восточныхъ Гатовъ, и больше всего его падаетъ въ Малабаръ, потомъ въ равнинахъ Бенгаліи, въ Бомбей и Бенаресъ. Въ Дели дожди незначительны, въ горныхъ странахъ Кемауна и Кашмира они умеренны, — въ Пенджабѣ-же и песчаныхъ степяхъ Спиды рѣшительно недостаточны, и по-этому эти страны имѣютъ весьма бѣдную растительность.

По нездоровью своего климата замѣчательны:

Берега *Траванкорскій* и *Конканскій*, области *Дарваръ*, *Мизоре* и *Серингапатнамъ*. Здѣсь останавливаются удерживаемыя высокими горами зловредныя испаренія, приносимыя западнымъ муссономъ, и разница температурныхъ экстремовъ составляетъ 42° Реом., — явленіе — въ тропической странѣ почти безпримѣрное. Далѣе: область *Гандуана*, въ сырыхъ лѣсахъ которой зараждаются зловредныя лихорадки, и *Кутигъ* съ своими болотами; по гибельныя всѣхъ прочихъ мѣстностей, столь богатая произведеніями своими *дельта*, образуемая устьями *Ганга*.

Здоровыя, умереннымъ климатомъ отличаются:

Область восточныхъ *Гатовъ* и *Синихъ горъ*, возвышенность

Омеркуитукъ, Гузератъ, Аджемиръ, Бомбей, Дели, верхняя часть бассейна Ганга, вся сѣверная гималайская полоса и Бахаръ. Въ окрестностяхъ Бенареса ночи такъ теплы и ясны, что даже Европеецъ, безъ опасенія, можетъ спать на открытомъ воздухѣ.

Въ знойное время года, отъ февраля до юня, вѣтеръ на берегахъ Индіи мѣняется каждый день два раза. Отъ полуночи до утра вѣетъ жгучій вѣтеръ съ земли на море; часовъ съ 9 утра до 5 по-полудни продолжается освѣжительный морской; потомъ до вечера бываетъ совершенное безвѣтріе, и жаръ въ это время становится нестерпимымъ.

Сырой, жаркій климатъ измѣнностей, особенно располагающій къ сильнымъ лихорадкамъ и многимъ другимъ болѣзнямъ, налагаетъ на жителей обязанность строгой разборчивости и воздержанія касательно пищи. Соблюденіе правильной, сообразной съ обитаемою мѣстностію діеты составляетъ слѣдовательно одно изъ главныхъ условій акклиматизаціи для Европейцевъ, переселяющихся въ Индустанъ; что-же касается до туземцевъ, то значительная часть ихъ, по религіознымъ убѣжденіямъ своимъ, питается исключительно растительною пищею.

Землетрясенія на самомъ полуостровѣ бываютъ очень рѣдко. Они происходятъ преимущественно въ сѣверной полосѣ, особенно въ Гималайскихъ горахъ. Въ 1805 году, въ Агрѣ было значительное землетрясеніе, отъ котораго поколебалось нѣсколько высокихъ горъ, разрушилось много мѣстечекъ, и погибли тысячи людей. Въ 1818 году значительное землетрясеніе разстроило нѣсколько городовъ въ области Кутшъ. Въ 1827 году ощущаемы были признаки землетрясенія въ Бенгаліи.

Огнедышащихъ горъ въ Индустанѣ нѣтъ.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПРИРОДЫ. «Есть, говоритъ Гумбольдтъ: что-то великое и могущественное въ впечатлѣніи, которое производитъ природа въ индійскомъ климатѣ, такъ что, проживъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, подумаешь, будто жилъ тамъ нѣсколько лѣтъ». И дѣйствительно, все здѣсь ново и странно. Посреди полей, въ чащѣ лѣсовъ Индіи, изглаживаются всѣ воспоминанія Европы; потому что, болѣе всего, растительность опредѣляетъ характеръ видимой природы, пейзажа, дѣйствуя на наше воображеніе величіемъ, противоположностью своихъ формъ и яркостію своихъ красокъ. Чѣмъ живѣе и новѣе впечатлѣнія, тѣмъ болѣе ослабляютъ они прежнія. Напряженностью ихъ замѣняется ихъ продолжительность. Здѣсь солнце не свѣтитъ только: оно отцвѣчаетъ предметы, окружаетъ ихъ легкими парами, которые, не пре-

нятельству прозрачности воздуха, дѣлають цвѣта, краски предметовъ болѣе гармоническими.

Почва Индустана; съ своимъ разнообразнымъ мѣстнымъ положеніемъ и различными климатами, представляетъ естественныя произведенія почти всѣхъ поясовъ.

Тамъ, ежегодно снимается двѣ жатвы. Главное основаніе пищи Индусовъ составляетъ рисъ, который произрастаетъ двадцати пяти разныхъ сортовъ. Кромѣ его, этой странѣ свойственны еще слѣдующія мучнистыя растенія: мунгъ; таппа, съмя приносящее изобильный урожай и растущее почти безъ обработки; толль, дающій родъ горошка, употребляемаго преимущественно моряками; катшль, снаружи черный, внутри бѣлый, замѣняющій нашъ картофель; мухпулли, и наконецъ ямъ (или діаскорей), имѣющій, часто, по нѣскольку фунтовъ вѣса.

Индійская флора одна изъ богатѣйшихъ на всемъ земномъ шарѣ. Розы области Дели и окрестностей Гаджинпура прославлены поэтами востока, и извѣстны намъ по извлекаемой изъ нихъ эссенціи (аттаръ). Рядомъ съ ними надо упомянуть растенія: каджумалиху, родъ широколиственнаго жасмина; джамбагу, которою Индусы украшаютъ свой головной уборъ; иксору (клетка), съ ея пурпуровыми цвѣтами на шестифутовыхъ стволахъ, синдрималъ, открывающійся вечеромъ и закрывающійся на разсвѣтъ; нагаталли, листья котораго страшны змѣямъ, и наконецъ, священный цвѣтокъ лотосъ. Изъ числа растеній, важныхъ для промышленности, замѣчательны: индиго, табакъ, конопля, лепъ, сасанариль, хлопчатая бумага, бетель, опіумъ, кужуть и нѣсколько красильныхъ породъ. Область восточныхъ Гатовъ и провинція Аудъ, производятъ въ изобиліи перець. Сахарный тростникъ хорошо удается во всей Бенгаліи и особенно въ окрестностяхъ Бенереса, а бамбуковые и пальмовые лѣса, всѣхъ возможныхъ породъ, разбросаны по поверхности всего Индустана.

Между фруктовыми деревьями заслуживаетъ особеннаго вниманія смоковница или банановое дерево, называемое также деревомъ Будды или фараоноваго фигою (*figus religiosa*). Оно имѣетъ ту особенность, что отъ оконечностей каждой его вѣтви нисходятъ отрасли къ землѣ, впускають въ нее корни, становятся сами деревьями, не теряя связи съ главнымъ деревомъ, и распространяють далѣе свои собственныя отрасли. Такимъ образомъ, каждый старый бананъ образуетъ около себя густую, сросшуюся рощу, живое готическое зданіе съ черными колоннами и зелеными сводами. Это дерево почитается Индусами священнымъ, и составляетъ непременную принадлежность вся-

кой пагоды или храма. Самое знаменитое изъ такихъ деревьевъ находится въ области Гуджератъ и называется *кобирбаръ*. Окружность всѣхъ его стволовъ — не менѣе двухъ тысячъ футовъ, а каждый стволъ, взятый отдѣльно, толще нашихъ старыхъ сосенъ. Народное преданіе приписываетъ этому дереву около трехъ тысячъ лѣтъ. Подъ его сводами помѣщаются, безъ всякой тѣсноты, слишкомъ шесть тысячъ человекъ. Переходя къ другимъ фруктовымъ деревьямъ, мы находимъ въ сѣверной полосѣ Индустана всѣ извѣстныя въ Европѣ породы, въ равнинахъ-же Бенгаліи и на возвышенности Декана всѣ растенія, свойственныя тропическому поясу. Между послѣдними замѣчательны слѣдующія: *мавахъ*, растущее преимущественно въ Бахаръ: изъ его плодовъ извлекается особеннаго рода густое масло, а сушеные цвѣты его употребляются на приправу кушанья *кари*; пальмовое дерево, *таръ*, даетъ огромное количество сока, изъ котораго извлекаютъ сахаръ: маленький стволъ его, толщиной не болѣе девяти дюймовъ, даетъ легко въ сутки нѣсколько литровъ жидкости, которая получается простымъ прорѣзываніемъ или пробуравливаніемъ коры. Жидкость эта, выпитая на зарѣ, очень освежительна и совершенно безвредна, даже въ большомъ количествѣ; но съ восхожденіемъ солнца, она начинаетъ бродить, и въ скоромъ времени становится очень спиртуозною, не теряя между-тѣмъ своего ароматическаго запаха. За нѣсколько копѣекъ, простолюдинъ занимается ею на цѣлый день; поутру она ему служитъ вмѣсто квасу, а вечеромъ вмѣсто двойнаго спирту.

Приведемъ еще два, три примѣра индійской растительности. На сухихъ возвышенностяхъ Декана встрѣчается часто дерево-зонтикъ (*чатта*), изъ семьи пальмистыхъ деревьевъ, лучившее это имя отъ обыкновенной своей формы, совершенно подобной раскрытому зонтику, прикрыленному къ прямому, голому стволу, — и иногда до того правильной, что дерево представляется произведеніемъ не природы, а рукъ человѣческихъ. Вѣтви его покрыты такъ густо иглами, что даютъ непроницаемую тѣнь. Въ западныхъ Гатахъ природа принимаетъ колоссальныя размѣры, превосходящія всякое воображеніе. Такъ, напримеръ, *текъ*, не отличающійся высотой отъ многихъ другихъ тамошнихъ деревьевъ, имѣетъ обыкновенно отъ 20 до 30 сажень въ вышину. *Талипатъ*, одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній растительнаго царства, достигаетъ тоже 30 саж. вышины. Онъ цвѣтетъ только одинъ разъ во все свое существованіе, и эпоха цвѣтѣнія предвѣщаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ его

близкую смерть. Листья его имѣютъ болѣе двухъ сажень въ диаметрѣ, следовательно до семи въ окружности. Если ихъ высушить, то на нихъ можно писать всякимъ острымъ тѣломъ, — а потому въ индійскихъ библіотекахъ находятся и теперь старинныя рукописи, сдѣланныя изъ такихъ листьевъ; нѣкоторые изъ нихъ сохраняются уже слишкомъ шесть-сотъ лѣтъ. Дерево это достигаетъ полнаго роста не ранѣе какъ черезъ 80 лѣтъ; тогда на его вершинѣ лопаются, съ страшнымъ трескомъ и шумомъ, огромный стручокъ, изъ котораго выходитъ гигантскій, имѣющій иногда болѣе четырехъ сажень длины цвѣтокъ, бѣлый какъ снѣгъ. Цвѣтокъ, въ послѣдствіи, перерождается въ исполинскій гроздь, изъ котораго, въ продолженіе 15 или 20 мѣсяцевъ, падаютъ на землю орѣхи, служащіе для обновленія породы *тапината*. Разсыпавъ по землѣ зачатки потомства, дерево медленно увядаетъ и падаетъ при падискѣ перваго муссона.

Минеральное богатство Индустана, хотя оно было чрезъ-чуръ преувеличено въ восточныхъ сказкахъ, — и хотя понятія наши о немъ, составившіяся изъ заимствованныхъ у туземцевъ и принятыхъ безъ всякой повѣрки разсказовъ, далеко оставляли за собою истину, — тѣмъ не менѣе, на самомъ дѣлѣ, богатство это очень значительно; и, судя по открытымъ рудокопнымъ, можно утвердительно сказать, что когда всѣ горы страны будутъ разработаны, то недра ихъ подарятъ еще свѣтъ несметными богатствами. Горное искусство находилось здѣсь доселѣ въ совершенномъ дѣтствѣ; а между-тѣмъ и теперь уже во многихъ мѣстахъ добывается золото, мѣдь, олово, желѣзо и соль.

Читатель, вѣроятно, ожидаетъ, послѣ этого, интересныхъ подробностей о знаменитыхъ алмазныхъ припскахъ Голконды? Изумительное богатство ихъ прогремѣло по всей Азій; кто изъ насъ, въ дѣтствѣ своемъ, не читалъ, не внималъ чуднымъ разсказамъ про этотъ міръ ослѣпительнаго блеска? Въ какой курсъ географіи не перешли статистическія отмѣтки о добываемыхъ въ Голкондѣ драгоценныхъ камняхъ? И что-же! Теперь достоверно дознано, что эти припски обязаны своей всемірной славой лишь щедрому воображенію поэтовъ и услужливости стостой молвы, — и что — на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности, этихъ припсковъ, этихъ алмазныхъ рудъ никогда въ Голкондѣ не существовало! Ученые англійскіе минералоги изрѣзали эту провинцію по всѣмъ направленіямъ, прокопали ея почву, изслѣдовали ея геогнозію, вопрошали сказанія туземцевъ, перерыли всѣ архивы Серинганатнама, — и не подлежащимъ ни-

какому сомнѣнію, окончательнымъ выводомъ изъ всѣхъ этихъ разысканій было достовѣрное извѣстіе, что въ Голкондѣ никогда не бывало ни малѣйшихъ слѣдовъ алмазовъ. Но за то, эти драгоценные камни находятся въ Пиржамъ и Балагатъ. Здѣсь отыскиваются также рубины, снѣгіе яхонты, аметисты, опиксы и прекрасный горный кристалль.

Но всѣ эти богатства исчезаютъ предъ богатствомъ животнаго царства. Ни на одной другой точкѣ земнаго шара природа въ дарахъ своихъ не являлась столь щедрою, многостороннею и граціозною. . . .

Между млекопитающими замѣчательны пзобиліемъ своихъ породъ обезьяны. Онѣ являются въ города цѣлыми стадами, покрываютъ крыши домовъ, присвоиваютъ себѣ священныя яства, приносимыя въ жертву и оставляемыя въ нагодахъ, и пользуются всѣми правами домашнихъ животныхъ. Главныя породы ихъ суть: *гиббоны*, *геноны-кагау*, съ исполненнымъ посомъ, — *геноны-дукъ*, называемыя «нарядными», полосатыя и пестрыя, подобно аристократическому швейцару въ полной ливрѣ; длиннохвостыя обезьяны, *велла-гюранджа* (бѣлыя) и *коринг-гюранджа* (большія чѣрныя); изрѣдка попадаются, говорятъ, и орангутанги. Это пзобиліе обезьянъ мы встрѣчаемъ въ Индіи еще въ самой древности. Спускаясь изъ Персіи въ Пенджабъ, армія Александра Македонскаго увидѣла движенія многочисленныхъ полчищъ живыхъ созданій. Воображая, что передъ ней непріятельское войско, она уже готовилась къ бою, и только, подошедъ ближе, убѣдилась, что ее встревожили легионы обезьянъ... Слоны, носороги и гепарды (индійскіе тигры), населяютъ лѣса Индустана, а рѣки его содержатъ въ себѣ не менѣе двухъ-сотъ пятидесяти породъ различныхъ обитателей, между которыми особенно замѣчательны кайманы, исполнскіе гангскіе крокодилы, пожирающіе даже крокодиловъ другихъ породъ. Здѣсь нельзя не упомянуть и объ огромныхъ гадахъ, принадлежащихъ къ семьямъ ящерицъ и ядовитыхъ змѣй: таковы, напримѣръ, *удагъ*, достигающій до восьмидесяти футовъ длины; *найя*, очковая змѣя, и *уларъ-лимпе*, водяная каймпетая змѣя.

Между птицами опять то-же разнообразіе. Тутъ вы встрѣчаете и попугая, называемаго *лори*, съ кармазинными перьями, и *какаду*, ослѣпительной бѣлизны, и пеструю перрюшу, и трогона съ золотыми и красными перьями, и т. д. Индійскій воронъ, бѣлый, съ чѣрными крыльями, отличается своею смѣлостію и жадностію. Вооруженный длиннымъ клювомъ, съ костянымъ наростомъ на головѣ, онъ нападаетъ на всякое беззащит-

ное существо, не исключая даже своихъ собратьевъ. Число этихъ хищниковъ непомѣрно велико, особенно близъ Мадраса и Калькутты. Жадныя стаи ихъ бросаются на полумертвыхъ быковъ, вырываютъ куски хлѣба изъ рукъ дѣтей, и уносятъ пищу изъ самыхъ съѣстныхъ рядовъ. Должно, впрочемъ, замѣтить, что

такъ какъ хищныя птицы въ жаркомъ климатѣ истребляютъ гадовъ и предотвращаютъ гніеніе падали, то и вѣроны пользуются особенною защитою религіозныхъ и гражданскихъ законовъ. Убить хотя одного изъ нихъ считается грѣхомъ.

Слона Индусъ умѣлъ сдѣлать ручнымъ. Слонъ является при всѣхъ торжествахъ: на немъ везутъ большія знамена, царскіе барабаны, и на немъ-же разъѣзжаютъ все важныя особы. Слоны покрыты яркими, богато серебромъ и золотомъ вышитыми чепраками; у однихъ на спинѣ родъ дивана, у другихъ квадратная площадка съ подушками, а надъ ней китайскій навильйончикъ, въ которомъ надо устѣться, поджавъ подъ себя ноги; другіе-же наконецъ, — и это самыя удобныя, — имѣютъ на спинѣ безколесный фаэтонъ, въ которомъ можно сидѣть двоимъ рядомъ, — и кромѣ-того, сзади устроено еще

мѣсто для слуги, остающееся обыкновенно пустымъ. У каждаго слона сидитъ на шеѣ вожатый, или *корнакъ*, а сзади идетъ пѣшкомъ слуга, который ведетъ рѣчи съ умнымъ животнымъ: увѣщавать его идти спокойно, не шалить хоботомъ, въ особенности не воровать ничего мимоходомъ, въ лавкахъ, обѣщая ему за это, по возвращеніи, свѣжихъ листьевъ. Для того, чтобы устыдиться на этой воздушной колесницѣ, приучаютъ слона ложиться на брюхо, вытянувъ совершенно переднія ноги и присѣвъ на колѣни заднихъ. Когда взберутся по лѣстницѣ къ нему на спину, корнакъ принуждаетъ его встать, словами: «пу, легче! легче!» (*утъ, хастѣ! джи, хастѣ!*); но не всегда слова дѣйствуютъ на его послушность; для этого также придумано средство: на шеѣ слона растравляется язва, которую для ослабленія боли умащаютъ бальзамическими маслами. Корнакъ держитъ въ рукѣ оружіе въ родѣ алебарды, сдѣланное изъ мѣди или серебра, и если слонъ заставитъ дважды повторить приказаніе, онъ бьетъ его этимъ топорикомъ по язве; колоссъ испускаетъ пронзительный крикъ и немедленно повинуется. Всего удивительнѣе, что, исключая чрезвычайной жестокости со стороны вожатаго, нѣтъ почти примѣровъ, чтобы терпѣливое животное покусилось когда свергнуть съ себя нго своего маленькаго мучителя.

Хотите имѣть примѣръ годности слоновъ въ военномъ дѣлѣ? Приведемъ подлинныя слова одного англійскаго офицера: «Бригада наша, говоритъ онъ: шла, по-видимому, по хорошей дорогѣ; однакожъ, пройдя полмили, мы вдругъ очутились въ рѣчномъ руслѣ, высохшемъ совершенно; въ дождливое время, оно, должно-быть, переполняется водами, которыя текутъ быстро, образуя многочисленныя каскады. Не было ни какой тропинки, ни какого выхода, кромѣ этого русла. Два часа тяжкаго труда піонеровъ и чрезвычайныхъ усилій всего авангарда подвинули насъ не на большое пространство; надо было проложить дорогу выучнымъ животнымъ. При этомъ, мы могли увидѣть понятливость слоновъ и пользу ихъ въ горной войнѣ. Когда мы дошли до того мѣста, гдѣ ложе рѣки спадало каскадами, необходимо было втащить пушки почти на вертикальную гранитную скалу, гладко отполированную водою. Волы, которые взяли орудія, послѣ нѣсколькихъ усилій, отказались отъ этого предпріятія и легли, что они обыкновенно дѣлаютъ въ отчаянныхъ случаяхъ. Тогда привели двухъ слоновъ. Имъ показали голосомъ и тѣлодвиженіями, чего ожидаютъ отъ нихъ. И дѣйствительно, одинъ изъ этихъ великановъ, ставъ за шести-

фунтовое орудіе, приложилъ къ нему окончность своего хобота, и толкая орудіе сзади, тогда-какъ канонеры только давали ему направленіе, вслихнулъ его на самую вершину скалы. Немного подалѣе, орудіе скатилось въ оврагъ и опрокинулось; два слона съ обѣихъ сторонъ подняли его хоботами, вытащили и положили на лафетъ.»

Весьма оригиналенъ способъ, какимъ переправляются слоны черезъ рѣки: они, отъ природы, очень хорошо плаваютъ, но рѣдко пользуются этимъ даромъ. Дойдя до берега, они продолжаютъ преспокойно идти по землѣ, т. е. по дну рѣки, и такимъ-образомъ погружаются въ воду все болѣе и болѣе, наконецъ уходятъ всею тѣлою, и надъ водою виднѣть только конецъ хобота, которымъ они дышать. Вожатый слона плыветъ между-тѣмъ надъ нимъ и держитъ только въ рукѣ веревку, прикрѣпленную къ хоботу. Если рѣка глубже двухъ или трехъ сажень, то слоны оставляютъ, наконецъ, дно и продолжаютъ путь вилавъ, между двухъ водъ, но поднимаются отнюдь не выше, чѣмъ требуетъ того длина ихъ хобота. Тѣло по-прежнему остается въ водѣ, до мелей противоположнаго берега.

Но обратимся опять къ индійской природѣ. Вотъ какъ тотъ-же англійскій офицеръ описываетъ внутренность лѣса, близъ рѣки Кавери, чрезъ который онъ проходилъ съ своимъ отрядомъ. «Шумъ приближенія нашего подымалъ на каждомъ шагу лапней, павлиновъ, тетеревовъ; огромные вееръ ломали кусты, тигры пронеслись вдали, а иногда просыпался вдругъ и убѣгалъ огромный слонъ. Стаи обезьянъ слѣдили за нами и опережали насъ, перескакивая съ гримасами и крикомъ по верхушкамъ деревьевъ. Число и шумъ ихъ часто пугали насъ, и мы воображали, что вблизи непріятель. Животное царство въ такомъ изобиліи играло около насъ, что невольно переносило воображеніе къ ковчегу Ноя. Вокругъ насъ возвышались громадныя памятники дѣвственной природы. Столѣтніе *теки*, поблѣвшіе отъ времени, съ обнаженными корнями, и, какъ попало, налегшіе на другія деревья, ясно свидѣтельствовали, что торъ никогда не блестѣлъ въ этомъ таинственномъ мракѣ.»

Жизненная сила природы пробивается повсюду; она шумитъ, ползетъ, летитъ, мурлычетъ, жужжитъ, окружаетъ васъ со всѣхъ сторонъ, наполняетъ воздухъ, подымается изъ глубины воды, движется изъ поръ земли. Пенмѣрное число животныхъ, страшныя ихъ размѣры, ихъ живучесть и почти повсемѣстное присутствіе: все это изумляетъ, преслѣдуетъ, уничтожаетъ васъ; ночь Индустана оживленнѣе нашего дня.

«Если вы путешествуете по Гангу на баркѣ (*буджероэ*), говоритъ миссъ Эмма Робертсъ: и ночь застанетъ васъ на рѣкѣ, то вы очутитесь внезапно посреди страшнаго концерта. Съ одной стороны раздастся пронзительный вой шакаловъ, собирающихся стадами на берегу рѣки; надъ водою несутся большія хищныя и водяныя птицы, изъ которыхъ каждая, нескладными, дикими криками своими, хочетъ, кажется, перекричать другихъ. Прибавьте къ этому непрерывный стукъ отъ перебиванья легіоновъ крысъ по всѣмъ закоулкамъ барки и постоянное жужжаніе цѣлаго облака насѣкомыхъ около самой головы вашей,—и вы будете имѣть хоть отдаленное понятіе о природныхъ гармоніяхъ бенгальской ночи».

По-мѣрѣ приближенія къ низменностямъ и мало обитаемымъ степямъ, все тяжелѣе и утомительнѣе дѣлается для путешественника такое вынужденное, непрерывное сообщество со всѣми живыми и творящими силами природы, — и онъ съ ужасомъ проникаетъ въ самыя тайники ея, гдѣ зараждается жизнь и изобиліемъ своимъ выходитъ изъ всякихъ границъ.

«Въ окрестностяхъ Итаухи, замѣчаетъ одинъ путешественникъ: тщетны будутъ усилія ваши освободиться, хоть на минуту, отъ столь безпокойнаго товарищества. Волкъ и гіенна прогуливаются безпечно по вашему балкону; барсъ лежитъ спокойно у ступенекъ крыльца, рядомъ съ раздувшимся дикобразомъ; крышку, называемую туземцами *чопперъ*, цѣлое народонаселеніе блохъ, крысъ и змѣй избрало своимъ постояннымъ мѣстопробываніемъ; бревна, поддерживающія этотъ чопперъ, служатъ въ одно время святилищемъ и полемъ битвы для дикихъ кошекъ, большихъ зеленыхъ ящерицъ съ пятнами (*хогауни*); и буравчиковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *висъ-копрахъ*. Всѣ эти животныя въ вѣчной войнѣ между собою, грызутся съ величайшимъ остервенѣніемъ, и уничтожаютъ другъ друга, при постоянномъ шумномъ движеніи, воѣ и тревогѣ. Туземныя двуногія, которымъ суждено раздѣлять свои жилища съ этими четвероногими и пресмыкающимися, не забываютъ, съ примѣрнымъ вниманіемъ, внутреннимъ самою трогательною деликатностію, раскидывать широкія ткани подъ бревнами потолка, во всю ширину комнатъ, прикрѣплять ихъ по угламъ къ карнизу, и отдѣлять, такимъ-образомъ, своимъ жильцамъ какъ-бы второй этажъ или антресоль. Распростертая ткань дѣлается поломъ для верхнихъ жильцовъ. Съ низу очень явственно можно слѣдить за движеніями, бѣганіемъ, мельканьемъ, борьбою и маневрами животныхъ; выпуклость ткани

передаетъ барельефо даже всю форму покоящихся тѣлъ; и если ткань гдѣ-нибудь прорвется или протрется, то въ дыру нежданно проскользаетъ то огромная лапа съ когтями, то зеленый хвостъ ящерицы, то проваливается цѣлый *висъ-копрахъ* и падаетъ вамъ на голову».

Послушаемъ, что говоритъ другой путешественникъ, описывающій свои впечатлѣнія, когда онъ открылъ въ первый разъ, что онъ не одинъ занимаетъ изящныя комнаты, отведенныя для него въ пышномъ дворцѣ гостепріимнаго англійскаго банкира, въ Бомбей.—«Я погрузился совершенно въ чтеніе любопытной книги, когда вдругъ, раздавшійся какъ-будто съ того самаго стола, на которомъ я занимался, обратилъ на себя мое вниманіе. Поднявъ глаза, я увидѣлъ двухъ маленькихъ бѣлокъ, только-что вскочившихъ въ открытое окно. Между ними завязался бой на моемъ столѣ. Послѣ нѣсколькихъ секундъ сраженія, онъ сталъ преслѣдовать другъ друга, и выпрыгнули наконецъ въ другое окно. Тутъ я оглянулся кругомъ комнаты и съ ужасомъ увидѣлъ себя посреди тысячи насѣкомыхъ и пресмыкающихся. Ящерицы всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и отливовъ, охотясь за мухами, бѣгали проворно по всѣмъ стѣнамъ и потолку. Бѣлки поминутно появлялись въ окно и исчезали опять, какъ-будто заглядывая въ свое жилище. Иногда большая тарантула перебѣгала вдругъ по полу. Цѣлый хоръ *осъ*, *мускитовъ*, *шмелей*, раздавался въ воздухѣ. Долго я не могъ отрѣшиться отъ моего европейскаго предубѣжденія противъ этихъ певчихъ комнатныхъ товарищей, но наконецъ привыкъ къ нимъ, и теперь нахожу, что они гораздо менѣе непріятны, чѣмъ крикливые попугаи и канарейки, которымъ, однакожъ, наши нѣжныя дамы дали право гражданства въ европейскихъ гостиницахъ.»

Чѣмъ глубже становится ночь, тѣмъ сильнѣе возрастаетъ гулъ и шумъ, тѣмъ болѣе оскорбляются ваши уши, и тѣмъ невозможнѣе всякое покушеніе заснуть. Воробьи, спавшіе подъ наружнымъ карнизомъ крыши, просыпаются, бьютъ крыльями, громко щебечутъ и улетають. Подчища насѣкомыхъ, многочисленностию и живостию своею далеко превосходящихъ все подобное въ другихъ странахъ, обрадовавшись ночной свѣжести, дружно и бодро начинаютъ свой концертъ. Безчисленные жабы берутъ на себя басы; верхній теноръ, сопрано и фистула, исполняются, со всею должною крикливостію, огромными сверчками, мягкіе звуки рожка мускитами, — а неопредѣленные пафѣвы антильскаго пилори (мускусовой крысы) раздаются точно кларнетъ. Каждое животное гордится, кажется, своимъ шу-

момъ, и думаетъ только о томъ, чтобы могуществомъ своего голоса покрыть все остальное.

Сами Индусы не произносятъ ни одного слова иначе, какъ крикомъ, и такъ какъ они, по привычкѣ всѣхъ южныхъ народовъ, снятъ преимущественно къ самымъ жаркимъ часамъ дня, то ночь проводятъ не спокойнѣе туземныхъ животныхъ. Всѣ дороги и площади покрываются народомъ. Вездѣ поютъ, пляшутъ и говорятъ, какъ можно громче; въ эпохи-же народныхъ праздниковъ, возгласы и крики толпы сопровождаются еще тысячами дикихъ инструментовъ, ревущихъ на всевозможные тоны. Тутъ соединяется весь арсеналъ азіатской гармоніи: и мѣдные тазы, и колокольчики, и барабаны, и бубенчики, и шести-футовые трубы, и многіе другіе столько-же пѣжные инструменты.

Днемъ, переизбытокъ жизни, шума, силы, могущества и свѣта производитъ менѣе непріятныя явленія. Съ самаго утра, къ вашему окну подлетаютъ и порхаютъ за кисейною занавѣсью, растянутаю для предохраненія отъ мухитовъ, цѣлыя стада голубей бурыхъ съ фиолетовою грудью и зеленыхъ, — синихъ хохлатыхъ соекъ, зеленыхъ дятловъ съ черными гребешками; они раскидываютъ предъ вами всю роскошь оживленнаго цветника. Предъ глазами вашими, на воздухъ перелетаютъ самыя яркіе цвѣта: и пурпурный, и желтый, и пѣжно-матовая тѣнь жемчуга. Въ продолженіе всего дня вы постоянно слышите жалобныя, но сладкіе стоны голубей. Огромныя крылатые кузнечики играютъ на солнцѣ своими неподражаемыми изумрудами; блестящіе шмели искрятся аметистами и желтыми яхонтами; другія насекомыя выказываютъ какъ-будто кусокъ алаго бархату или красный, пылающій уголь. Полки фазановъ, батальоны попугаевъ, бросаются вдаль, испуская дикіе крики. Сайга вскакиваетъ и летитъ мимо вашего крыльца, съ легкостью стрѣлы. Разноцвѣтная антилопа, называемая *ильгаутъ*, разсѣкаетъ воздухъ, какъ-будто перомая крыльями. Вы видите, какъ инстинктивная величественно направляется къ берегамъ воды; за нею слѣдуютъ, кудахтая, огромныя жирныя утки, а безчисленное множество синихъ лисичъ, длиннохвостыхъ индійскихъ яотовъ и цѣлыя стада проворныхъ бѣлокъ, наполняютъ собою всѣ углубленія почвы, деревьевъ, строеній, всѣ норы и подземелья, всѣ лѣса и низменности. — Даже дѣвственные лѣса Америки не представляютъ ничего, подобнаго могуществу и жизненной плодовитости природы Индустана.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.

ВЗГЛЯДЪ НА СОСТАВЪ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ ИНДУСТАНА. — Народонаселеніе всего Индустана составляетъ около 159 милліоновъ жителей, изъ которыхъ около 106 милл. обитаютъ въ непосредственныхъ владѣніяхъ Англичанъ, а остальные находятся въ посредственной зависѣмости отъ нихъ. Всего многочисленнѣе народонаселеніе въ Бенгаліи, гдѣ на квадрат. милѣ живетъ болѣе 5000 челов.;

между-тѣмъ какъ на плоской возвышенности Декана средняя пропорція бываетъ не болѣе 2500 челов. на квадр. милію, а въ областяхъ, называемыхъ незавѣсными, не превышаетъ 1000 или 1200. Въ нѣкоторыхъ-же областяхъ сипдскаго бассейна она понижается даже до 800 и 600 чел. на квадр. милію.

Народонаселеніе Индустана чрезвычайно разнообразно. Трудно рѣшить, которое изъ племенъ, обитающихъ въ немъ, составляло его коренныхъ жителей. Нѣкоторые этнографы утверждаютъ, что это было арабское племя, составляющее еще и теперь основу народонаселенія Загангскаго Полуострова, — называвшееся Паріями, — въ теченіе вѣковъ потерявшее всякую самостоятельность и упавшее въ гражданскомъ быту ниже самой послѣдней касты. Какъ-бы то ни было, въ настоящее время два главные элемента народонаселенія составляютъ **индусы** и **мусульмане**.

Конечно, если только немного поближе приглядѣться къ индійской жизни, то предъ глазами тотчасъ предстанетъ множество племенъ, не подходящихъ ни подъ одинъ изъ двухъ поименованныхъ разрядовъ, и совершенно отличающихся отъ нихъ всѣмъ: обычаями, религіею, языкомъ и даже физическимъ типомъ. Притомъ, два большіе религіозные отдѣла Индусовъ и мусульманъ сами подраздѣляются на множество различныхъ народовъ, столько-же несходныхъ другъ съ другомъ, сколько несходны между собою народы Европы. Тѣмъ не менѣе, приведемъ здѣсь приблизительное показаніе, въ какомъ числительномъ отношеніи другъ къ другу находятся эти двѣ главныя группы, если не во всемъ Индустанѣ, то по-крайней-мѣрѣ въ непосредственныхъ владѣніяхъ Великобританіи. Мусульманъ считаютъ отъ шестнадцати до двадцати милліоновъ. Число Индусовъ, принадлежащихъ къ различнымъ сектамъ браманской вѣры, доходитъ, говорятъ, отъ шестидесяти до семидесяти милліоновъ, изъ которыхъ не менѣе тридцати поселены въ Бенгаліи. Буддизмъ имѣетъ въ Англійскомъ Индустанѣ отъ двухъ до трехъ милліоновъ приверженцевъ, изъ которыхъ половина обитаетъ на островѣ Цейланѣ. Остальное народонаселеніе, отъ тринадцати до двадцати восьми милліоновъ, состоитъ изъ множества племенъ, исповѣдующихъ различныя ученія, то чуждыя Исламизму и Браманизму, то породившіяся отъ смѣшенія ихъ. Число христіанъ весьма незначительно.

Чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о богатствѣ жатвы, предстоящей этнографическимъ изысканіямъ, мы замѣтимъ, вмѣстѣ съ Джемсомъ Тодомъ, что, слѣдуя по теченію рѣки Чумбула, притока Ганга, на пространствѣ 700 верстъ, вы проѣзжаете чрезъ множество королевствъ, княжествъ и республикъ, обитаемыхъ слѣдующими племенами: Сунди, Чаандоравахты, Съесудыи, Арахы, Горы, Джабуне, Сикервалы, Гуджоры, Джаты, Туары, Чоханы, Бадоріэ, Качъваахи, Сенгары, Бонделы, и проч. Также разнообразно населеніе и многихъ другихъ

мѣстностей Индустана. Этотъ пестрый калейдоскопъ племенъ еще далеко не изслѣдованъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ, такъ что Европейцы досель не могутъ считать себя вполне знакомыми со всѣми особенностями различныхъ частей народонаселенія этой страны. Мы старались извлечь, однако-же, изъ разныхъ сочиненій хоть всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя до-сихъ-поръ дошли до Европы, и передаемъ ихъ въ общемъ очеркѣ. Переходя, по-очередно, отъ одного племени къ другому, мы мало-помалу, познаконимъ читателя съ главными элементами народной жизни Индустана, и надѣемся, что, по-мѣрѣ чтенія, въ его умѣ разовьется довольно полная и живая картина всего быта народовъ, занимающихъ страну, игравшую столь важную роль въ древнѣйшихъ скрижаляхъ исторiи, и будущность которой столь справедливо обращаетъ на себя вниманiе настоящаго поколѣнiя.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ разбору различныхъ племенъ и ихъ религiй, скажемъ нѣсколько словъ о двухъ главныхъ народныхъ группахъ. При взглядѣ на взаимное гражданское отношенiе Индусовъ и мусульманъ и сравненiи чиселъ, выражающихъ ихъ количество, невольно рождается вопросъ: какое изъ двухъ племенъ имѣетъ нравственное и умственное превосходство предъ другимъ? Что касается до даровитости, смѣтливости и ловкости, Индусы по-крайней-мѣрѣ не уступаютъ въ нихъ мусульманамъ. Отъ чего-же, спрашивается, малое число мусульманъ покорило гораздо многочислѣннѣйшiя племена Индусовъ, и спокойно царствовало надъ ними? На этотъ вопросъ отвѣтитъ описанiе сихъ двухъ, непохожихъ другъ на друга народовъ, и взглядъ на ихъ различное нравственное развитiе и на разное значенiе ихъ исторической жизни.

Переходимъ къ этому описанiю.

ИНДУСЫ.

ФИЗИЧЕСКІЙ ТИПЪ. — Индусы дѣлятся на два разряда. Обитатели равнинъ меньше ростомъ и тоньше, чѣмъ жители горъ и плоскихъ возвышенностей, которыхъ ростъ болѣе средняго, и сложеніе крѣпче; но всѣ, вообще, стройны, ловки, гибки и способны переносить большіе труды; всѣ, или почти всѣ, Индусы, съ физической точки зрѣнiя, отличные солдаты. Изуродованiя и

безобразія формъ почти не встрѣчается; за-то слѣпота, по разнымъ причинамъ, распространилась и сдѣлалась весьма нередкимъ недугомъ. Цвѣтъ кожи, болѣе темный у нижнихъ кастъ и болѣе свѣтлый у высшихъ, переходитъ отъ темно-оливковой тѣни до легкой смуглой, съ незначительнымъ оливковымъ оттенкомъ. Такъ, напримѣръ, женщины браминской касты цвѣтомъ лица напоминаютъ креолокъ и иногда даже Испанокъ: между-тѣмъ какъ цвѣтъ кожи простолюдина отличается иногда немногимъ отъ цвѣта кожи негра. Кожа у всѣхъ Индусовъ необыкновенно мягка, пѣжна, упруга и глянцовита. Очеркъ лица составляетъ овалъ; лобъ высокъ но не выпуклъ, глаза и волосы черны; послѣдніе длинны, тонки, гладки, блестятъ, но не вьются; носъ орлиный; взоръ глубокъ, спокоенъ и приветливъ, равно далекий и отъ дикаго выраженія Малайца, и отъ страстнаго взгляда Персіяннина или Аравитяннина. Формы тѣла обыкновенно чрезвычайно правильны и красивы: грудь широка и высока; талія тонка, руки отлично сложены; кисть руки мала и граціозна, какъ рука европейской дамы; но вмѣстѣ съ тѣмъ очень сильна; ноги, сравнительно, нѣсколько тонки, нижнія оконечности плоски, большой палецъ ноги немного коротокъ, но хорошо укрѣпленъ и очень гибокъ. Такъ многіе очевидцы описываютъ Индусовъ. Другіе, допуская красоту чертъ лица и пропорціональность членовъ, называютъ ихъ все-таки племенемъ тщедушнымъ и слабымъ. «Ихъ узкая грудь, говоритъ Жакмонъ: представляется впадиною между переднимъ выступомъ плечъ.» — Подобныя противорѣчія происходятъ отъ того, что путешественники наблюдали въ различныхъ государствахъ обширной Ост-Индіи, и частныя наблюденія хотѣли приписать къ сужденіямъ общимъ. Мнѣніе Жакмона относится лишь къ нѣкоторой части обитателей равнинъ и низменностей. Въ Аджемирской и Гималайской областяхъ народонаселеніе вообще очень росло, и часто встрѣчаются люди исполинской величины, которые, явивъ они къ намъ, могли-бы показывать себя за деньги. «Гокулъ Дассъ, послѣдній владѣтель Діогора (говоритъ полковникъ Тодъ), былъ, и лицомъ и тѣлосложениемъ, одинъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ, какого мнѣ случилось видѣть. Онъ имѣлъ около 2 арш. 14 верш. роста, мышцы такія, которыхъ не постыдился-бы и Геркулесъ, и прекрасную осанку. Отецъ его былъ еще колоссальнѣе и имѣлъ вышины ровно сажень».

Порода женщинъ очень красива. Тѣ изъ нихъ, которыя не пострадали отъ тяжкихъ работъ, особенно изнуряющихъ подъ

жгучими лучами тропического солнца, имѣютъ что-то миловидное и несказанно обаятельное. Члены ихъ малы и правильно округлены; суставы необыкновенно гибки, черты пѣжны, глаза чѣрны и томны, волосы длинны, шелковисты, кожа чрезвычайно мягка и пѣжна. Особенно хороши женщины браминской касты. Ихъ шея, плечи, грудь—восхитительны; все члены тонки и деликатны; движенія свободны, благородны и плѣнительны; лицо округлено самою правильною греческою овалю, носъ прямъ и не великъ, верхняя губа очерчена съ рѣдкимъ совершенствомъ, ротъ маленький и круглый подбородокъ. Глаза, опущенные длинными чѣрными ресницами и освѣяемые правильными дугами чѣрныхъ бровей, велики, чѣрны, влажны и полны выраженія. Словомъ, нельзя себя представить ничего, граціознѣе индустанской женщины высшей касты; золотистая тѣнь ее пѣжной, атласистой кожи, прозрачностью и южною пышностью своею, манитъ взоръ, воспламеняетъ воображеніе и возбуждастъ удивленіе даже въ самомъ холодномъ наблюдателѣ.

РЕЛИГІЯ, ФИЛОСОФІЯ И ПОЭЗІЯ ИНДУСОВЪ (*).

ЛѢТОСЧИСЛЕНІЕ И ДРЕВНОСТЬ ЦИВИЛИЗАЦІИ. — Мы будемъ разсматривать здѣсь вмѣстѣ предметы, столь различные по понятіямъ европейской гражданственности, потому, что въ быту Индусовъ они состоятъ въ близкомъ родствѣ. Здѣсь религія придаетъ догматическое значеніе нѣкоторымъ философскимъ системамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, настоящимъ образованіемъ своимъ отчасти обязана поэтамъ, соткавшимъ, подобно Гомеру, радужную мнѳо-

(*) Если мы въ этой интересной для всякаго любознательнаго человека главѣ говоримъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ о религіи Индусовъ,—то это потому, что считаемъ долгомъ всякаго безпристрастнаго писателя и особенно этнографа говорить безъ насмѣшекъ и фанатизма не только о вѣрованіяхъ цѣлаго народа, но и о частныхъ убѣжденіяхъ каждаго, — тѣмъ болѣе что само Божественное Ученіе наше проповѣдуетъ братскую снисходительность къ чуждымъ насъ заблужденіямъ. Противъ сужденій и упрековъ людей близорукихъ нѣтъ оправданій; но мы надѣемся, что большинство благомыслящихъ читателей оправдаетъ насъ въ этомъ дѣлѣ.

логическую сътъ, облакающую въ настоящее время нравственныя ученія древняго закона. Но предварительно скажемъ нѣсколько словъ о древности индійской цивилизаціи.

Учёные спорятъ о томъ, какому народу принадлежитъ честь первенства на поприщѣ образованія человѣчества. Этотъ вопросъ возбуждаетъ живѣйшее сочувствіе всякаго мыслящаго человѣка, и потому-то такъ важны преданія исторіи этой страны, убѣждающія насъ, что Индусы были однимъ изъ первыхъ образованныхъ народовъ земнаго шара, а можетъ-быть, и первѣйшимъ. Отсюда, сколько намъ исторически извѣстно, перешли въ другія страны сѣмена наукъ и художествъ,—отсюда распространились и первыя, ясно и опредѣлительно высказанныя понятія о Единомъ, Всемогущемъ, Вѣчномъ Богѣ,—и если понятія эти, превратившіяся, вслѣдствіе ученія Христова, въ несомнѣнныя, счастливыя для насъ истины, были тогда не что иное, какъ отвлеченныя догадки, — то они тѣмъ еще болѣе свидѣлствуютъ о глубокомысліи Индусовъ и правильномъ направленіи и развитіи ихъ умственныхъ силъ.

Индусы гордятся древностію своей исторической жизни; но недовольные дѣйствительностію, они обезображиваютъ исторію сказками. Дни у нихъ превращаются въ годы, и въ лѣтосчисленіи ихъ милліоны составляютъ единицы. По ихъ религіознымъ преданіямъ, время измѣряется циклами, *мага-югами* (большими вѣками). Каждый циклъ имѣетъ четыре вѣка или *юга*. Мы находимся теперь въ четвертомъ югѣ.

Первый вѣкъ, *сатья-юга* (золотой), продолжался 1,728,000 ($4 \times 432,000$) лѣтъ. То былъ вѣкъ чистоты, непорочности и счастья; ибо, говорятъ священныя книги Индусовъ: тогда царствовали браминны. Жизнь человѣка продолжалась тогда 100,000 лѣтъ. Второй вѣкъ, *трита-юга* (серебряный), продолжался 1,296,000 ($3 \times 432,000$) лѣтъ. Народы жили подъ владычествомъ второй касты, *кшатріевъ*, и въ обществѣ было пороковъ и несчастій на одну четверть, а добродѣтели и счастья на три четверти. Въ третью эпоху — *девапаръ-юга* (мѣдный вѣкъ), продолжавшійся 864,000 ($2 \times 432,000$) лѣтъ, — царствовали *вайши* (третья каста); тогда пороки поравнялись съ добродѣтелями, и человѣческая жизнь была сокращена до 1000 лѣтъ. Наконецъ, со дня смерти Кришны, о которомъ будетъ подробнѣе упомянуто ниже, а именно, съ 2 часовъ, 27 минутъ, 30 секундъ по-полудни, 10-го февраля 3102 года до Рождества Христова, началась настоящая эпоха — *кали-юга*, *железный вѣкъ*, — вѣкъ презрѣнныхъ судръ (четвертой касты).

Опъ долженъ продолжаться 432,000 лѣтъ, а человѣческая жизнь исшла до болѣеи величины ста лѣтъ. Теперь пороки преобладають надъ добродѣтелью въ пропорціи 3 : 1. — Каждый вѣкъ, или юга, отдѣляется отъ слѣдующаго всемірнымъ потокомъ.

Цикль такихъ четырехъ вѣковъ, содержащій въ себѣ 4,320,008 лѣтъ, Индусы называютъ, какъ мы видѣли, большимъ вѣкомъ, *мага-юга*; тысяча большихъ вѣковъ составляютъ одинъ день *Пара-Брамы*, *калпу*, — и въ продолженіе всякой калпы, Брама постепенно предоставляетъ владычество надъ землею четырнадцати различнымъ *мену* (духъ или святой мужъ). Всякая изъ этихъ четырнадцати эпохъ владычества одного мену называется *менуантаръ*. По мнѣнію другихъ браминовъ, новый мену является при началѣ каждаго золотого вѣка, и исчезаетъ на все время трехъ послѣдующихъ вѣковъ. Мы теперь находимся въ пятьдесятъ первомъ году Пара-Брамы, каждый день котораго заключаетъ въ себѣ болѣе четырехъ тысячъ милліоновъ лѣтъ, — и потому, кто изъ нашихъ читателей охотникъ до безконечныхъ веренищъ пуль, тотъ легко можетъ найти самъ то число годовъ, которымъ, по увѣренію браминовъ, мы отдѣлены отъ эпохи сотворенія міра. Когда Европейцы заговорятъ о своемъ шести-тысячномъ лѣтосчисленіи, Индусы обыкновенно отвѣчаютъ только съ насмѣшкою: « видно старикъ съ бѣлою бородою родился не ранѣе какъ вчера. » Замѣчательно однакожъ, что Бротонъ, основательно изучившій хронологію всѣхъ народовъ, называетъ индійское лѣтосчисленіе чисто символическимъ. Помощію найденнаго имъ астрономическаго ключа, сумма всѣхъ громадныхъ итоговъ превращается въ смиренное число 7,278 лѣтъ.

Но оставимъ преданія, порожденныя народнымъ тщеславіемъ, и обратимся къ тѣмъ даннымъ, по которымъ мы сами, безъ всякаго предразсужденія, можемъ съ достовѣрностію заключать о глубокой древности индійской образованности. Главныя основныя точки ихъ мы находимъ въ священныя книги Индусовъ, въ ихъ писанныя права, астрономическихъ таблицахъ, геометрическихъ изысканіяхъ и древнихъ архитектурныхъ памятникахъ.

Древнѣйшая священная книга Индусовъ называется *Ведамъ*, т. е. собраніе ведъ, которыя, какъ достоверно извѣстно, собралъ, привелъ въ порядокъ и раздѣлилъ на книги и главы знаменитый браминъ Кришна-Даншайяна, получившій за это прозваніе *Віасы* или *Веасы*, « раздѣлителя » (отъ предлога *би* и глагола *ассъ* дѣлать), — а Индусы, по своей страсти къ чудесному и

сверхъ-естественному, приписали это великое дѣло одному изъ важнѣйшихъ божествъ своихъ.

Святой, по понятіямъ Индусовъ, Віаса жилъ около 1580 лѣтъ до Р. Х.; следовательно, до рожденія Моисея, у Индусовъ были почитавшіяся уже и тогда древними и сроднившимися съ народомъ, писанныя священныя книги, которыя этотъ мудрецъ привелъ только въ порядокъ. Отвлеченные метафизическіе вопросы, обсуживаемые въ сборникѣ Віасы, указываютъ высокую степень образованности, на которой стоялъ въ то время индійскій народъ.

Въ Ведамъ говорится, что ангелы собрались передъ престоломъ Всевышняго, и съ покорностію сказали ему:

«О Рудеръ (Боже)! мы желаемъ знать, въ какой связи находится душа съ тѣломъ; какъ сотворился міръ; какъ душа сливается съ божествомъ; каковы размѣры и объемъ всего міра, солнца, луны, звѣздъ, земли,—и какое ихъ назначеніе?» Въ отвѣтъ своемъ Рудеръ говоритъ ясно и опредѣлительно о жизни за гробомъ и безсмертіи души. Этого ученія, въ видѣ догмата, мы не находимъ ни у одного современнаго Віасы народа древняго міра.

Первое писанное право Индусовъ называется правомъ Мену. Оно составлено около 1200 года до Р. Х., следовательно въ то время, когда Греки осаждали Трою. Въ этомъ сборникѣ законовъ заключается полнѣйшая картина тогдашняго общества, и мы не разъ будемъ имѣть случай пользоваться его показаніями. Повѣритъ-ли читатель, что въ немъ уже находятся подробныя постановленія о торговлѣ, родъ вексельнаго права, опредѣленіе законныхъ процентовъ и сводъ положеній о кредитныхъ билетахъ?

Съ астрономическими таблицами Индусовъ насъ познакомили впервые Лоберъ (Laubere), ѣздившій въ XVII столѣтіи, въ качествѣ посланника Людовика XIV, ко двору короля сіамскаго. Съ-тѣхъ-поръ, въ продолженіе почти двухъ вѣковъ, въ Европу было привезено множество астрономическихъ таблицъ, составленныхъ въ отдаленныя одна отъ другой эпохи, и найденныхъ въ различныхъ концахъ обширной Ост-Индіи. Нѣкоторыя изъ этихъ таблицъ были составлены за триста лѣтъ до Р. Х., и всѣ онѣ въ предсказаніяхъ и вычисленіяхъ своихъ совершенно согласны, какъ между собою, такъ и съ точнѣйшими изчисленіями знаменитѣйшихъ европейскихъ астрономовъ. Этотъ фактъ засвидѣтельствованъ извѣстнымъ Балли.

Отношеніе діаметра къ периферіи въ древнихъ геометриче-

скихъ сочиненіяхъ Индусовъ означено числами 1256 : 3927. Эта пропорція весьма близко подходитъ къ пропорціи 113 : 355, и указываетъ на замѣчательную точность ихъ геометрическихъ выкладокъ.

И такъ, если Индусы достигли такой высокой степени въ астрономическихъ и геометрическихъ наукахъ, уже за 4800 лѣтъ до наступленія нашего XIX вѣка, то удивительно-ли, что умъ теряется въ усиліяхъ опредѣлить древность ихъ цивилизаціи! Сколько десятковъ вѣковъ прогресса потребно народу, чтобы дойти, шагъ за шагомъ, отъ инстинктивной борьбы съ природою и выраженія понятій о животныхъ нуждахъ до такой высокой степени изученія всемірнаго порядка!

Далѣе мы встрѣтимся еще, лицомъ къ лицу, съ исполненными памятниками ихъ архитектуры, которые не менѣе живо, даже почти осязательно переносятъ удивленнаго наблюдателя въ эпохи, отъ опредѣленія которыхъ отказывается лѣтосчисленіе.

Ограничимся этими фактами. Очевидно, что Египетъ, подѣлившійся въ послѣдствіи съ Элладою своими свѣдѣніями, съѣмъ на ихъ заимствовалъ въ Индустанѣ, — и что слѣдовательно, эта страна хранила въ себѣ, во времена глубокой древности, сокровища единственной цивилизаціи, имѣющей теперь всемірное значеніе. За-тѣмъ, не станемъ уже спорить и доискиваться, точно-ли Индія принадлежитъ чести хронологическаго первенства исторической жизни, или-же сосѣдственнымъ съ нею державамъ: Персіи, Тибету и Китаю. Этотъ вопросъ можетъ быть интересенъ только для любопытнаго антикварія, а для насъ ни сколько не важенъ.

На другой вопросъ: отчего Индія, прародительница наша въ духовномъ развитіи, такъ далеко отстала отъ живой воспитанницы своей, Европы, — отчего она какъ-бы окостенѣла, — лучше всего отвѣтитъ изложеніе началъ ея религіи и права. Окинувъ взглядомъ исторію этой страны, мы уже безъ удивленія остановимся на тѣхъ картинахъ ея современнаго быта, которыя несообразностію своею такъ дико поражаютъ Европейца, не приготовленнаго къ ихъ воспріятію. Теперь обратимся собственно къ Браманизму.

СУЩНОСТЬ И ПОСТЕПЕННОЕ ПЕРЕРОЖДЕНІЕ БРАМАНСКАГО УЧЕНІЯ. — Религія эта исповѣдывала первоначально чистый монотеизмъ, т. е. признавала Единого Бога; съ теченіемъ-же вѣковъ, по свойственному человеческой природѣ влеченію къ наружнымъ формамъ и символамъ, она мало-по-малу утратила свою чистоту, превратилась въ открытый политеизмъ, и окружила себя безчисленнымъ

множествомъ боговъ, богинь, небесныхъ и адскихъ силъ и ихъ отвратительными идолами.

Главныя начала древняго закона изложены въ первыхъ чetyрехъ ведахъ и въ составленномъ Висою извлеченіи изъ нихъ; называемомъ ведантаю (по-санскритски — толкованіе или окончаніе ведъ).

На вопросъ ангеловъ о Его собственномъ существѣ, Богъ отвѣчаетъ: «Если-бы былъ другой равный Мнѣ, то я описалъ-бы себя сравненіемъ съ нимъ. Я былъ отъ вѣка вѣковъ, и останусь на вѣки вѣковъ. Я первая причина всего, что есть на востокъ и на западъ, на сѣверъ и на югъ, вверху и внизу, на небѣ и въ преисподней; Я все; Я старше всего; Я царь царей; Я истина; Я духъ міротворенія и творецъ; Я сознаніе, чистота и свѣтъ; Я всемогущъ.»

Изъ этихъ словъ мы убѣждаемся, что веды признаютъ Бога единого, всемогущаго, безпредѣльнаго, вѣчносущаго, сознающаго себя и сотворившаго міръ. Превращеніе этого древняго ученія въ грубое идолопоклонство, какое находимъ теперь въ Индустанѣ, зависело болѣею частію отъ слѣдующихъ причинъ: Всемогущій Богъ называется въ ведахъ не только творцомъ и вседержителемъ, но и разрушителемъ міра, что, вѣроятно, имѣетъ связь съ сказаніемъ о природныхъ пересворотахъ, раздѣляющихъ періоды, называемые югами. Соединеніе начала разрушенія съ началомъ творенія составляетъ главную основу браманскаго ученія, и постоянно повторяется въ шастрахъ (толкованіяхъ ведъ).

Вотъ ученіе Пидусовъ о сотвореніи всего видимаго міра. — Заставимъ говорить самого брамина, объясняющаго этотъ предметъ своимъ слушателямъ, извлеченіями изъ священныхъ книгъ: «Слушайте! Въ началѣ міръ существовалъ въ глубинѣ божественной мысли, невыразимо и невидимо, какъ-будто погруженный въ сонъ и сокрытый въ тѣни. Тогда самобытное, единое, неизреченное, безусловное и первоначальное существо сотворило посредствомъ пяти стихій все видимое, простерло свою мысль на міръ и изгнало сю тьму.—Существо это—все; это духъ, кому нѣтъ имени, кого можно постигнуть однимъ духомъ; это—бестѣлесный, у котораго нѣтъ ногъ, но который распространяется повсюду; нѣтъ рукъ, а онъ правитъ всеми вещами; нѣтъ глазъ, а онъ видитъ все, что есть; нѣтъ ушей, а онъ слышитъ все, что происходитъ. Это душа всего міра, дыханіе природы, съ изчезновеніемъ котораго изъ вселенной погибла-бы вселенная; это—невидимый, несотворенный, неизобразимый, всевѣдущий,

тончайшій изъ всѣхъ тонкихъ веществъ, величайшій изъ всѣхъ великихъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ ни великъ и ни малъ (тутъ слѣдуетъ безчисленное множество эпитетовъ Пара-Брамы, въ родѣ 1001 имени Аллаха у мусульманъ).—Задумалъ и рѣшилъ онъ сотвореніе міра, и міръ явился по его волѣ. Онъ создалъ сначала единою мыслию воды, и положилъ туда производительное сѣмя, которое сдѣлалось яйцомъ, блестящимъ какъ золото, яркимъ какъ солнце о тысячь лучахъ. Въ этомъ яйцѣ образовался онъ самъ въ видѣ *Брамы*, божественнаго человека, проявленіи въ этомъ мірѣ первой невидимой причины. Разбивъ яйцо въ исходѣ года вѣчности, равняющагося нѣсколькимъ билліонамъ солнечныхъ годовъ, онъ изъ одной части яйца сдѣлалъ небо, изъ другой создалъ землю и собралъ на ней творящія воды; потомъ, въ видѣ младенца, онъ послѣдовалъ по поверхности водъ, покоясь на цвѣткѣ лотоса и держа большой палецъ своей ноги

во рту, для означенія вѣчности (круга, подобно символическому колыну Египтянъ). Погруженный въ созерцаніе самого себя и питаясь самимъ собой, онъ быстро возрѣлъ, и наконецъ воскликнулъ: «Кто сохранитъ все созданное мною?» Изъ устъ его въ то-же мгновеніе вылетѣло голубое пламя, отвѣчая: «Я!» и Брама далъ имя *Вишну* (судьбы-сохранителя). своему слову, проявившемуся изъ него въ этомъ видѣ. Потомъ, раздѣливъ собственное существо, онъ обратился одной своей половиною въ существо мужескаго пола, другой — въ

существо женскаго, или принялъ вмѣстѣ природу и дѣйствительную и страдательную, и воспроизвелъ, такимъ-образомъ, себя въ существахъ, раздѣлявшихъ его божественную природу. Но такъ какъ воспроизведеніе необходимо должно быть соединено съ разрушеніемъ, то вслѣдствіе этого появился и *Шива*.» За такимъ рассказомъ о созданіи вселенной слѣдуютъ слова: «Безчисленны всемірные перевороты сотворенія, разрушенія и возобновленія. Всемогуцій съ улыбкою совершаетъ ихъ. Онъ посылаетъ смерть вслѣдъ за жизнью и жизнь вслѣдъ за смертью.»

Эти три главные качества всемогущаго Пара-Брамы: творить, содержать и разрушать — означаются въ ведахъ тремя названіями: *Брама*, *Вишну* и *Шива* (Сива или Шивъ), составляющими, въ символическомъ соединеніи своемъ, индійскую

Тримурти (или трехъ-божіе), которая изображается исполнискою головою съ тремя лицами. — Вотъ понятія народа о кругѣ дѣйствій и свойствахъ каждаго изъ этихъ божествъ: «Міромъ управляютъ Брами, Вишну и Шива: первый — создающее могущество, — второй — сохраняющая мудрость, — третій — разрушительный гнѣвъ правосудія; первый — матерія, изъ которой все творится, — второй — пространство, въ которомъ все живетъ, и третій — время, все разрушающее; первый — солнце, дающее жизнь, второй — вода, поддерживающая ее, а третій — огонь; первый — прошедшее, — второй — настоящее, а третій — будущее.»

Но *единство*, распавшееся такимъ-образомъ на *тройственность*, раздробилось, благодаря двойному характеру Шивы, еще болѣе. — Шива почитается богомъ не только разрушенія, но и *воспроизведенія*. Символъ разрушенія есть трезубецъ, подобный Плутону; символъ воспроизведенія — *лингамъ* (знакъ нецѣломудрія), равнозначущій съ египетскимъ *Фаллусомъ*, перешедшимъ потомъ и въ мифологию Грековъ, подъ названіемъ Пріапа. Подъ всякимъ изъ этихъ символовъ, Шива имѣетъ свои храмы, своихъ жрецовъ и жрицъ. Жрицы лингама даютъ объѣтъ цѣломудрія, за несоблюденіе котораго наказываются смертію. Это явленіе тѣмъ болѣе поразительно, что жрецы всѣхъ другихъ боговъ и богинь, баядерки, имѣютъ не только разрѣшеніе предаваться любви, — но нестрогость ихъ правовъ составляетъ даже существенную принадлежность ихъ образа жизни, почитается религіозною обязанностію и непремѣнною статьею дохода того храма, къ которому онѣ принадлежатъ. Поэтому, между-тѣмъ какъ богатство прочихъ храмовъ опредѣляется отчасти красотою и числомъ принадлежащихъ къ нимъ баядерокъ, жрицы лингама, обвѣшанныя изображеніями обоготворяемаго ими символа, отличаются скромностію, строгостію правовъ, и вполне соответствуютъ роли древнихъ весталокъ. Брами, сотворивъ міръ, углубился въ самого себя; но Вишну и Шива, управлявшіе вселенной, принимали разныя формы, и сходили въ нихъ нѣсколько разъ на землю, для исправленія рода человеческого. Воплощенія эти называются *аватарами*. Вишну имѣлъ девять аватаровъ, Шива два, — и во всякомъ изъ этихъ воплощеній божество принимаетъ особое названіе, ему воздаются особые почести, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается опять число предметовъ обожанія.

Такимъ-образомъ, намъ дѣлается яснымъ, какъ *символъ* изъ *Единого Бога* породилъ *трехъ-божіе*, и какъ, вслѣдствіе разныхъ *аватаровъ* двухъ изъ этихъ трехъ лицъ, возникъ *цѣлый Олимпъ*.

Индійскіе поэты, подобно греческимъ, возвели на этотъ Олимпъ еще геросвъ, прославившихся храбростію, добродѣтелью и благодарными челоуѣчеству. Въ послѣдствіи времени, народъ сталъ обоготворять, сверхъ-того, силы природы, стихіи, небесныя тѣла, источники, деревья, и проч.,—такъ, что въ наше время число предметовъ обожанія Индуса достигло до уродливаго итога слишкомъ трехъ-сотъ милліоновъ. Вотъ какая судьба постигла въ Индіи древнюю вѣру въ Единого Бога!...

Верхніе слои общества, особенно брамны, не раздѣляютъ суевѣрныхъ убѣжденій народа; но тѣмъ не менѣе стараются всѣми своими наружными дѣйствіями поддерживать безсмысленную форму настоящей индійской церкви, и нарочно удерживаютъ народъ въ лжеученіи идолопоклонства. Поэтому, въ Индіи есть двѣ религіи: одна невидимая, признаваемая духовенствомъ за истину и упрямно скрываемая имъ отъ народа; другая, почитаемая духовенствомъ за ложь и вмѣстѣ съ тѣмъ ревностно преподаваемая имъ народу. На возраженіе о недобросовѣстности подобной политики брамны отвѣчаютъ, что «есть священные сокровища и таинства, которыя слѣдуетъ скрывать отъ близорукой толпы, не допуская ея далѣе преддверія храма.» Основываясь на этомъ положеніи, духовенство умѣло ввести въ веды особенное правило о чтеніи священныхъ книгъ. Нижнимъ кастамъ веды совершенно недоступны; каста воиновъ имѣетъ позволеніе читать ихъ, но не толкуя; брамнамъ предоставлено исключительное право толкованія ведъ. Отъ этого сословія зависятъ всѣ школы въ Индіи, и воспитаніе народа находится исключительно подъ его мудрымъ надзоромъ.

Одинъ ученый брамнъ, *Рамъ-Могунъ-Рой*, знающій отлично англійскій и многіе азіатскіе языки, переселился въ Лондонъ, и издавъ тамъ, въ 1832 году, брошюру, въ которой подтверждаетъ все сказанное нами. Желая содѣйствовать распространенію истины и раскрытію обмана, онъ перевелъ веды съ санскритскаго на бенгалскій языкъ, и говоритъ между прочимъ въ предисловіи, что всѣ безъ исключенія церемоніи браманскаго церковнаго служенія произошли отъ символическаго обожанія Единого Бога; но что такое происхожденіе формъ въ настоящее время забыто народомъ,—и что того, кто позволитъ себѣ напомнить о немъ, брамны тотчасъ клѣмятъ названіемъ безпокойнаго еретика или опаснаго вольнодумца.

Изъ числа содержащихся въ ведахъ догматовъ, брамны стараются внушить народу преимущественно толкованіе догмата о переселеніи душъ, и утверждаютъ на немъ, какъ на надеж-

ной основѣ, прочное зданіе нравственной деморализаціи, преподаваемой Индусамъ въ освященной формѣ религіознаго ученія. Понятно, какъ могущественно должно дѣйствовать на умы ученіе, которое не только показываесть за гробомъ рай и адъ, но и земную, настоящую жизнь представляесть или наградою, или наказаніемъ за дѣла въ прежнемъ существованіи. Родившійся браминномъ; рожденіемъ своимъ, очевидно, уже награжденъ за прежнія добродѣтели, и слѣдовательно самое рожденіе это есть какъ-бы печать благодати, и дѣласть его священнымъ въ глазахъ другихъ кастъ. Но осквернивъ свою непорочную долю, браминъ можетъ, въ наказаніе, послѣ смерти, родиться въ тѣлѣ чловѣка низшей касты или даже животнаго. Такимъ образомъ, земная жизнь теряетъ значеніе и характеръ личнаго бытія своего, и дѣлаесть среднимъ звѣномъ безконечной цѣпи существованій, бывшихъ до колыбели и ожидающихъ насъ за могилою. Ученіе это имѣло огромное вліяніе на историческое развитіе народа, и въ теченіе нашей бесѣды съ читателемъ, намъ еще не разъ придется бросать на него взглядъ и находить въ немъ разрѣшеніе многихъ вопросовъ. Но и въ частномъ быту индійской жизни мы ежедневно встрѣаемъ явленія, порожденные вѣрою въ метемпсихозъ. То молодая вдова восходитъ на пылающій костеръ, послѣ смерти стараго, любимаго мужа; то набожный богомолецъ съ восторгомъ бросается подъ тяжелыя колеса колесницы, въ которой перевозятся идолы. Здѣсь отецъ подноситъ кубокъ съ ядомъ родной дочери, если она въ двѣнадцатилѣтній возрастъ не вышла еще себѣ приличнаго по сословію мужа; тамъ фанатики кидаются въ Гаугъ и ищутъ смерти въ его священныхъ водахъ...

Чѣмъ объяснить подобное самоотверженіе, подобное попираніе самыхъ глубокихъ инстинктовъ и самыхъ священныхъ чувствованій? Чѣмъ, какъ не вѣрою въ переселеніе душъ? Угодная Богу смерть переноситъ умирающаго или прямо въ лоно Бога и даеъ ему *нивани* (слиянiе съ божествомъ), или-же, въ случаѣ переселенія, обезпечиваетъ производство души въ высшій чинъ на лѣстницѣ рожденій. Какъ, въ-самомъ-дѣлѣ, не рѣшиться члену нижнихъ кастъ разстаться съ своимъ жалкимъ существованіемъ, если онъ мученическою смертію можетъ списать и удивленіе и обожаніе народа, и увѣренность, что воскреснетъ въ высшей кастѣ? Это-же ученіе заставляеъ Индусовъ опасаться быть причиною смерти животныхъ. Члены многихъ индійскихъ сектъ не ѣдятъ мяса. И какъ, разумѣется, осмѣлится изжарить курицу или зайца, когда подъ ихъ наруж-

нымъ видомъ вы рискуете скушать любезную тетюшку или почтеннаго дядю? Впрочемъ, сколько Индусъ упоренъ въ своихъ вѣрованіяхъ и убѣжденъ въ ихъ превосходствѣ предъ другими ученіями, столько-же онъ чуждъ духа прозелитизма. Это явленіе въ тѣсной связи съ его фатализмомъ, и необходимость его съдѣлается вполне понятною при разсмотрѣніи учрежденія кастъ.

Обратимся къ нѣкоторымъ подробностямъ нынѣшней народной мнѣологіи:

Пара-Брама, высшая сила, Богъ, не изображается, и потому почти забытъ народомъ. Вотъ портретъ порожденнаго имъ *Брамы*, создателя всей видимой вселенной:

Онъ изображается въ человѣческой формѣ, съ четырьмя головами и столькими-же руками. Прежде у него было пять головъ, но одна была отрублена Вайрвертомъ, сыномъ Шивы. Четыре головы напоминаютъ о его премудрости и всевѣдѣніи; четыре руки о всемогуществѣ. Онъ сидитъ верхомъ на лебедѣ, плавающимъ по водѣ. Въ одной рукѣ онъ держитъ скипетръ, символъ власти, — въ другой четки или кольцо, символъ вѣчности, — въ третьей веды; четвертая рука открыта, въ знакъ того, что онъ всегда готовъ помогать. Часто Брама смѣшивается съ солнцемъ, и какъ представитель его, или тождественный съ нимъ, изображается съ красными лицами. Окончивъ мірозданіе, Брама углубился въ себя и не вмѣшивается въ управленіе міромъ, а потому и не имѣетъ своихъ особенныхъ храмовъ. По другому сказанію, Брама разъ какъ-то несправедливо поспорилъ съ Шивой, и, по приговору Пара-Брамы, въ наказаніе, былъ навѣкъ лишень всякихъ храмовъ. Въ мигъ нашего рожденія, Брама вкладываетъ въ нашъ мозгъ зерно судьбы, и тѣмъ впередъ опредѣляетъ все земное существованіе чловѣка. Онъ раздѣлилъ смертныхъ на четыре касты. Изъ его четырехъ ртовъ вышли четыре веды, собранныя его сыновьями, *мену* (святыми мужами), и сокращенныя, какъ мы видѣли, мудрецомъ Висаю. Супруга Брамы, *Сарасвати*, есть богиня мудрости и краснорѣчія.

Вседержитель *Вишну*, который почитается особеннымъ покровителемъ плодотворнаго времени года, постоянныхъ дождей, изображается сидящимъ на водяномъ растеніи *лотосъ* (ледвенецъ), и узнается по синему или темнозеленому цвѣту кожи. У него тоже четыре руки, а иногда и болѣе; черты его правильны и благородны; голова убрана тройною косою, означающею три большія рѣки: Гангъ, Джамну и Сарасвати. Онъ часто представляется также въ лежачемъ положеніи, на большомъ змѣѣ *Адиссешенъ*, качающемъ его на молочномъ морѣ;

которое составляет обыкновенное ложе отдохновенія въ его раю *Вайкандомъ*. Богу Вишну приписывается длинный рядъ аватаровъ, которые, вѣроятно, составляютъ столько-же аллегорій на главныя историческія эпохи страны. Число этихъ аватаровъ показывается иными до двадцати одного; но обыкновенно ихъ полагаютъ не болѣе *десяти*. Въ первомъ онъ превращается въ огромную морскую *рыбу*, и спасаетъ во время всемірнаго потопа, по сказанію *однихъ*, какого-то короля, по словамъ *другихъ*, священныя книги Индусовъ. Во второмъ аватаръ онъ превращается въ *черепаху*, чтобы поддержать святую гору, колебавшуюся отъ землетрясенія и готовую упасть въ море. Въ третьемъ, онъ принимаетъ образъ *сепря*, распарываетъ животъ великану Паладасу, и вытаскиваетъ изъ моря клыкомъ потопленный великаномъ земной шаръ; потомъ онъ проявился, постепенно, подъ видами *льва-человѣка*, (*Нара-Синга*), *карлика-брамина* (*Ваманъ*), и наконецъ, обыкновеннаго *человѣка*, подъ названіями *Парасу-Рамы* или *Парисъ-Рамы*, *Рамы* и *Белла-Рамы*. Въ девятомъ аватаръ Вишну явился подъ именемъ *пастуха Кришны*. Этотъ аватаръ самый извѣстный, и мы расскажемъ его послѣ въ подробности. Сверхъ-того, буддисты полагаютъ, что Вишну проявился въ лицѣ Будды.—На-счётъ послѣдняго аватара, обѣ церкви согласны. Его ожидаютъ въ концѣ *постоящаго юга*; тогда Вишну низойдетъ на землю подъ именемъ *Калки*, на *бѣломъ конѣ*, и *уничтожитъ грѣхъ*. По ученію браминовъ, онъ будетъ *десятымъ*, по счёту буддистовъ, *одинадцатымъ*. Супруга Вишну называется *Зри* или *Лакшми*, что значитъ «раздавательница благословеній.»

Шива—богъ разрушенія и воспроизведенія. Его боятся, и потому онъ пользуется въ народѣ наибольшими почестями. Онъ называется: «обожанія достойный, великій, мощный богъ.» Представитель солнца въ самые жгучіе лѣтніе дни, онъ почитается тождественнымъ съ огнемъ, и символъ его есть *треугольникъ (Δ)*, представляющій пламя. Цвѣтъ его совершенно *бѣлый*; онъ изображается обыкновенно *посреди молній*, съ *тремя глазами*, изъ которыхъ *одинъ пылаетъ*, и *восьмью руками*, изъ которыхъ *семь держатъ щитъ, мечъ, конь, трезубецъ, срубленную голову, олея и лингамъ* (символъ силы и воспроизведенія); *восьмая-же не занята ни чѣмъ и сжата въ кулакъ*. На шеѣ у него виситъ ожерелье изъ *человѣчьихъ череповъ*, опускающееся до самыхъ ногъ, которыя упираются въ сраженнаго исполина. Впрочемъ, онъ изображается не всегда *одинаково*. Иногда число рукъ его уменьшается отъ *восьми до четы-*

рехъ, а иногда восходить до тридцати двухъ, вооруженныхъ, каждая, какимъ-нибудь орудіемъ разрушенія, мысль о дѣйствіи которыхъ, однакожъ, всегда ограничивается и вознаграждается присутствіемъ огромныхъ лингамовъ. Шиву обожаютъ подъ безчисленными названіями. Подъ названіемъ *Рудра*, онъ жестокъ; имя *Исвара* означаетъ его всемогущество, — *Магадева* напоминаетъ о его величіи. По вѣрованіямъ нѣкоторыхъ сектъ, Шива есть царь всѣхъ другихъ боговъ, живетъ на высокихъ горахъ, и окруженъ придворнымъ штатомъ кающихся, блаженныхъ, небесныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Вмѣстѣ съ богомъ ада, *Ямою*, онъ держитъ судъ надъ умершими и посылаетъ ихъ въ рай, въ преисподнюю или въ длинный рядъ чистилищъ, о которыхъ будемъ говорить далѣе.

Супруга Шивы, какъ бога разрушителя, называется *Кали* (разрушающая), какъ божества воспроизводящаго, *Парвати* или *Баавати* (природа). Она пользуется значительнымъ уваженіемъ въ религіозныхъ понятіяхъ Индусовъ, и ей приносили въ жертву живыя существа, начиная отъ пресмыкающихся и восходя до человѣка. Она до безконечности многосторонна. Въ атрибутахъ мести и кары, подъ именемъ *Кали*, она вполне соответствуетъ *Прозерпинѣ*, или *Таврической Діанѣ*. Въ другомъ проявленіи вліянія своей богатой личности, она принимаетъ имя *Дурги*, т. е. дѣятельной добродѣтели; и побуждаетъ возбужденнаго ангела *Майсасура*. Она извѣстна также подъ названіемъ *Падмалы* и *Камалы* (рожденная отъ лотоса), и въ этомъ случаѣ совершенно сходна съ греческою богинею любви. Какъ *Афродита*, она образуется изъ морской пѣны, и несомая лотосомъ, доплываетъ до берега, на который, блистая красотою, вступаетъ на встрѣчу нетерпѣливому жениху своему.

Порожденное супругою Шивы поколѣніе боговъ безчисленно. Она мать *Маммадена*, индійскаго *Куиндона*, — *Картикея*, туземнаго *Марса* или предводителя небесныхъ силъ, имѣющаго шесть головъ, окруженныхъ сіяніемъ, и сидящаго верхомъ на павлинѣ. Она-же родила бога мудрости *Ганезу*. — Трудно опредѣлить границу ея атрибутовъ. Она вездѣ дѣйствуетъ, и во всемъ обожается. Вмѣстѣ съ *Сарасваті*, она покровительствуетъ наукамъ, благословляетъ разработку рудниковъ и даритъ звучность музыкальнымъ инструментамъ. И по собственной своей власти, и какъ супруга страшнаго Шивы, *Парвати* пользуется большимъ благоговѣніемъ народа. Сыиъ ея *Ганеза* раздѣляетъ съ нею довѣріе поклонниковъ *Браманзма*. Онъ и богъ обезьяна — *Гануманъ*, обожается какъ Лары древнихъ Грековъ. Ихъ

статуйки находятся въ углу каждой жилой комнаты. На первой страницѣ всякой книги стоитъ воззваніе: «*хвала Ганезу!*» Богъ этотъ изображается съ головою слона. Дѣтей начинаютъ учить грамотѣ въ день, посвященный ему. Еще замѣчательны между сыновьями Шивы: *Супраманиръ* и *Вайревертъ*. На последнемъ ожерелье изъ отрубленныхъ головъ, между которыми и пятая голова Брамъ. У него четыре руки, три глаза и два огромныхъ клыка.

Каждое изъ трехъ божествъ, составляющихъ Тримурти, имѣетъ свой рай, въ который впускаются очищенные души. Но эти три рай, по положенію своему, лежатъ гораздо ниже рай Пары-Брамъ, и цѣнятся меньше его.

Послѣ Тримурти, Пары-Брама создалъ *Майссасура* и легіоны ангеловъ, которымъ велѣлъ восхвалять себя, и они восхваляли Всевышняго нѣсколько миллионовъ лѣтъ. Но потомъ *Майссасуръ* возгордился, отложился отъ власти своего Творца и успѣлъ возмутить часть небеснаго войска. Не желая безвозвратной гибели заблудшихся, Пары-Брама поручилъ Брамъ, для исправленія грѣшниковъ, пересоздать вселенную, и тотъ сотворилъ видимый міръ, состоящій изъ пятнадцати небесныхъ тѣлъ (*бообовъ*), между которыми нашъ земной шаръ занимаетъ средину. Семь нижнихъ шаровъ предназначены для покаянія, семь высшихъ для очищенія кающихся ангеловъ. Для помѣщенія этихъ изгнанныхъ изъ неба душъ, во время нахождения ихъ на землѣ, Брама сотворилъ *восемьдесятъ девять* образовъ смертныхъ тѣлъ. Пройдеъ черезъ 87 тѣлъ, падшій духъ облекается въ форму коровы (*гои*), и по естественномъ распаденіи этой формы, переходитъ въ тѣло человека (*мурдъ*). Въ этомъ видѣ, умственные силы созданія расширяются, и существованіе это составляетъ послѣднюю степень тѣлеснаго очищенія. — По волѣ Всевышняго, воплощенные въ человѣческое тѣло падшіе ангелы должны считать *гои* священною и неприкосновенною. Они не должны есть ни съ мяса, ни мяса другаго животнаго, пресмыкается-ли оно на землѣ (*мурто*), плаваеъ-ли въ водѣ (*ихоале*), или паритъ въ воздухѣ (*устмаанъ*); но могутъ питаться молокомъ *гои* и плодами *мурто*.

Когда кающійся ангелъ угодитъ Богу въ человѣческой формѣ, то духъ его переходитъ съ земли въ первый міръ духовнаго, безтѣлеснаго очищенія, и по прохожденіи всѣхъ семи высшихъ міровъ, допускается опять въ небесный рай Пары-Брамъ, или въ одинъ изъ раевъ созданной имъ Тримурти. Кто-же, во время существованія въ одномъ изъ пятнадцати

міровъ, снова навлечетъ на себя гнѣвъ Бога, несоблюденіемъ-ли постовъ въ восьми нижнихъ мірахъ, недостаткомъ-ли смиренія въ семи высшихъ, или какимъ другимъ грѣхомъ, тотъ повергается вторично въ *Ондерахъ*, самый низшій міръ, и долженъ въ другой разъ начать свое очистительное возшествіе по пятнадцати нистанціямъ.

Испорченные, т. е. оставшіеся послушными, ангелы получили отъ Творца позволеніе нисходить въ обители покаянія и смѣшиваться тамъ съ падшими товарищами, чтобы помогать имъ и поддерживать ихъ бодрость въ борьбѣ съ грѣхомъ и въ стремленіи къ исправленію. Эти чистые ангелы принимаютъ всевозможные образы, и проявляются въ видѣ всѣхъ природныхъ силъ. Индусы обожаютъ ихъ подъ названіемъ *дева* или *деута* (добрые духи), и полагаютъ, что они посланы Богомъ для защиты человѣческаго рода отъ губельнаго вліянія *деитовъ* (злыхъ духовъ); посылаемыхъ Майссасуромъ, предводителемъ отпавшихъ ангеловъ. По мнѣнію Индусовъ, эти добрые и злые духи присутствуютъ во всей природѣ; народъ видитъ ихъ и въ звѣздахъ, и въ воздухѣ, и въ морѣ, и въ лѣсахъ, и въ рѣкахъ. *Деуты* почти всегда въ войнѣ съ *деитами*. Первые, числомъ не менѣе трехъ-сотъ милліоновъ, преклоняются предъ Вишну; вторые, подъ предводительствомъ Майссасура, признаютъ верховную власть Шивы. Ихъ не менѣе восьми-сотъ милліоновъ.

Небо дѣлится на семь этажей. Каждый этажъ окруженъ моремъ и имѣетъ своего стража. Среднюю степень между правительствующею Тримурти и безчисленнымъ множествомъ божествъ, геніевъ и духовъ нижняго разряда, занимаютъ эти восемь стражей пренеподней и небесъ. Вотъ ихъ названія:

1) *Индра*, стражъ нижняго этажа неба, «царь нижнихъ боговъ, тысячеглазый, молніеносный»; изображается или покоящимся въ раю, съ своею супругою *Индрані* (или *Саки*),—или на блестящей огненной колесницѣ,—или верхомъ на слонѣ, пзъ хобота котораго онъ орошаетъ землю дождемъ.

2) *Агни*, богъ огня, «жертвопожиратель»; смѣшивается иногда съ Шивою.

3) *Яма*, царь пренеподней. Въ столицѣ своей, девять разъ опоясанный пидійскимъ огненнымъ Ахерономъ, онъ держитъ, вмѣстѣ съ Шивою, судъ надъ душою всякаго усопшаго. Представшая душа паритъ трепетно въ воздухѣ предъ его строгими взорами, и со страхомъ ждетъ приговора: идти-ли ей въ рай (*сварга*), въ адъ (*нарака*), или начать новый рядъ переселеній.

4) *Ниррита*, божественный, безтѣлесный, никогда не пзоб-

ражаемый духъ. Намѣстникомъ его считается солнце, подъ именемъ *Сурія*, изображаемое съ тысячею рукъ и на бриллиантовой колесницѣ

5) *Варуна*, родъ Пептуна; разъзжаетъ на крокодилообразномъ дельфинѣ по морю и управляетъ этой стихіей.

6) *Павана* (очиститель) или *Вайй* (вѣтеръ); богъ вѣтра и предводитель *маритовъ* (гениевъ вѣтра), онъ-же и посланникъ боговъ; представляется сидящимъ на дикой козѣ, и является подъ 49-ю различными формами.

7) *Куверасъ*, богъ золота и богатства, а равно и торгующаго сословія; соединяющій въ себѣ атрибуты Плутона и Меркурія; наружности безобразной, окруженъ уродливыми гениями.

8) *Пзани* изображается то подъ видомъ женщины (*Сома*, рождающая), и почитается тогда супругой Шивы; то подъ видомъ мужчины, богомъ-мѣсяцемъ, (*Хандра*, свѣтящій). Божество это представляется стоящимъ на колесницѣ, везомой дикими козами, и пользуется большимъ уваженіемъ въ народѣ.

Сверхъ-того, существуетъ еще много второстепенныхъ боговъ, и, какъ мы сказали, несчетное число гениевъ и духовъ. Впрочемъ, статистика индійскаго Олимпа еще далеко не установилась. Кромѣ божествъ, признаваемыхъ всеми последователями Браммы, есть множество силъ, гениевъ и лицъ, обожаемыхъ, въ частности, или разными сектами, или въ разныхъ мѣстностяхъ. Сообщенныя нами свѣдѣнія могутъ дать понятіе о направленіи индійской мѣологии; фактическая-же полнота въ этомъ отношеніи не возможна. Такъ, напримѣръ, Индусы обоготворяютъ солнце, луну и другія небесныя тѣла, обождаютъ великановъ, небесныхъ музыкантовъ и баядерокъ, наполняющихъ раи разныхъ божествъ; поклоняются добрымъ гениямъ, оберегателямъ добродѣтели и стерегущимъ всѣ свѣтыя мѣста (которыхъ около одного Ганга не менѣе шести тысячъ); но поименованіе и описаніе всѣхъ этихъ божествъ обременило-бы память читателя безъ особенной пользы, и мы удерживаемся отъ этихъ подробностей.

Индусъ преклоняется также передъ гуру, брамномъ, толкующимъ ему содержаніе ведъ, и благоговѣнно пьетъ воду, служившую для омовенія его ногъ. Даже жены брамновъ однажды въ годъ оказываютъ мужьямъ своимъ божескія почести, называя ихъ живыми образами Вишну.

Корова, занимающая на мѣстницѣ тѣлъ, созданныхъ для переселенія душъ, непосредственно первое мѣсто послѣ чловѣка, почитается святымъ животнымъ. Молоко и масло составляютъ неперемѣнную принадлежность всякаго жертвоприношенія. По-

метъ ся имѣетъ дѣйствіе очищающее. Смерть коровы считается божескимъ наказаніемъ или испытаніемъ ея владѣльца; продажа ея — смертнымъ грѣхомъ. Обезьяны вообще не обожаются, но почитаются животными особенно-угодными богамъ. Есть заведенія, гдѣ ихъ кормятъ и лечатъ. Изображеніе Ганумана, бога въ видѣ обезьяны, встрѣчается обыкновенно въ храмахъ, посвященныхъ Рамѣ.

Богамъ Вишну и Шивѣ посвящаются многія *деревья*, которыя люди благочестивые сажаютъ близъ своихъ жилищъ, поливаютъ и очищаютъ вокругъ нихъ землю, но никогда не трогаютъ ихъ самихъ. Исполнители такого обряда убѣждены, что этимъ они приготавливаютъ себѣ прохладное жилище въ раю. Между *рѣками* въ-особенности святъ Гангъ. Омовеніе тѣла въ немъ смываетъ съ души всѣ грѣхи. Достаточно умирая думать о Гангѣ, или обратиться къ нему лицомъ, чтобы перейти прямо въ рай. Всего спасительнѣе переплыть черезъ эту рѣку, держась за хвостъ коровы. Кто не успѣлъ при жизни хоть однажды погрузиться въ воды Ганга, того погружаютъ туда мертвого. Если умершій находится слишкомъ далеко отъ священной рѣки, достаточно отдѣлать отъ его тѣла одинъ членъ, палецъ или кость, и окропить его гангскою водою, которая, по увѣренію туземцевъ, можетъ сохраняться безъ порчи цѣлые годы, и въ случаѣ болѣзни замѣнять лучшихъ докторовъ.

Выше мы упомянули вскользь объ аватарахъ Вишну; приведенные нами девять изъ нихъ самые общезвѣстные. Кромѣ ихъ, существуетъ еще множество вошедшихъ въ священные книги аватаровъ какъ Вишну, такъ и другихъ боговъ. Цѣль воплощеній Вишну состоитъ всегда или въ спасеніи міра отъ большихъ переверотовъ природы (такъ, первые три аватара его относятся къ потопамъ и землетрясеніямъ), — или въ освобожденіи рода человеческого отъ притѣснителей (4-й, 6-й и 8-й аватары), — или въ возстановленіи падающей вѣры. Эти девять воплощеній описаны въ разныхъ *пуранахъ*, и составляютъ даже предметъ одной изъ одъ славнаго индійскаго поэта Цагаведы.

Приведемъ здѣсь некоторыя любопытныя черты изъ сказанія о нихъ, придерживаясь, однакожъ, какъ можно болѣе самихъ индійскихъ книгъ, потому что другіе источники вѣрѣе передаютъ эти легенды съ разными измѣненіями, сообразными цѣлямъ излагателей. Въ первомъ аватарѣ (*) Вишну принимаетъ образъ рыбы, для спасенія книгъ ведъ, похищенныхъ какимъ-то злымъ духомъ, унесшимъ ихъ на дно моря. Таково главное содержаніе этого аватара, какъ онъ изложенъ, слѣдуя пуранамъ, въ французскомъ переводѣ *Recherches Asiatiques*, Т. I, р. 170 и Т. II, р. 171; но такъ какъ онъ относится къ новѣйшему,

(*) Изложеніе его составлено самимъ редакторомъ.

последнему из предполагаемых ведами периодически-совершающихся потоков всемирных, то мы приведем еще здесь и отличное от предыдущаго изложение этого аватара, взятое из одного эпизода Мага-Бараты, изданнаго на санскритскомъ языкѣ г. Боппомъ и котораго французскій переводъ былъ помещенъ г. Потье (Pauthier) въ журналъ *Revue de Paris*, за сентябрь 1832 года. «Святой государь Вайвасвати былъ чрезвычайно-строгой жизни (*). Однажды въ то самое время, какъ онъ занимался, на берегу рѣки Прини, выполнениемъ предписанныхъ закономъ обрядовъ богопочитанія, одна небольшая рыбка просила его выпустить ее изъ рѣки, въ которой она страшилась сдѣлаться неминуемой добычей другихъ большихъ рыбъ. Вайвасвати взялъ ее и помѣстилъ въ сосудъ, наполненный водою; но рыбка начала почти видимо расти и вскорѣ приняла такіе объемы, что благочестивый государь былъ принужденъ переносить ее постепенно изъ сосуда въ озеро, изъ озера въ рѣку Гангъ и наконецъ даже въ море, при чемъ всякій разъ, несмотря на чрезвычайно-увеличивающуюся величину свою, рыба эта становилась легче и пріятнѣе для чувствъ осязанія и обонянія. Когда-же наконецъ она была перенесена въ море, то начала говорить слѣдующимъ образомъ святому мужу: «Вскорѣ все существующее на землѣ будетъ разрушено: приближается время всемирнаго потопа! Настаетъ минута обычнаго разрушенія (пралая) для всего движимаго и недвижимаго. Но ты построишь крѣпкій корабль, снабдишь его всеми нужными снастями и войдешь въ него съ 7-ю ришами (**), взявъ съ собой отъ всякаго рода сѣмянъ, — и тогда ожидай меня, доколѣ не явлюсь къ тебѣ съ рогомъ на головѣ, по коему ты отличишь меня отъ другихъ.» — Вайвасвати повиновался, построилъ корабль, и когда все было имъ выполнено и рыба не замедлила явиться, то онъ привязалъ корабль свой къ рогу на головѣ ея. И тогда рыба повлекла корабль поверхъ воды съ удивительной быстротой, несмотря на сильное волненіе и ужасную бурю, свирѣпствовавшую по всему земному шару, и влчила его такъ многое число лѣтъ сряду, доколѣ не прістала къ вершинамъ высочайшихъ въ мірѣ горъ Гимаватъ (т. е. Гималайскихъ), гдѣ повелѣла ришамъ укрѣпить корабль и говорила такъ: Я Брама, владыка всѣхъ тварей и господинъ всего творенія, и ни что не существуетъ въ мірѣ, что было-бы выше меня. Нынѣ, принявъ образъ рыбы, спасъ я васъ отъ гибели; съ этой-же поры вотъ сей Мену (Вайвасвати) займется дальнѣйшимъ устройствомъ моего творенія.» — Въ пуранахъ приписывается, какъ мы сказали, воплощеніе въ образъ рыбы богу Вишну, но такъ какъ Вишну есть 2-е лицо индійской Тримурти, или, какъ выражаются сами веды: «*Тисра эва дэватá*: трое суть божества, но великій духъ ихъ (магáн-áтмá) одинъ нераздѣльный» — то главное содержаніе легенды остается почти то-же, а показанное нами измѣненіе можетъ служить читателю образцомъ вариантовъ подобныхъ легендъ.

Вотъ подробности шестаго аватара. Ямадагни, потомокъ мудраго Бигну, отличался святостію жизни и увлекательнымъ краснорѣчіемъ: первымъ онъ угодилъ богамъ, такъ что самъ Вишну рѣшился воплотиться и явиться на землю въ тѣлѣ его сына, подъ названіемъ Парассу-Рама, — вторымъ привлекалъ къ себѣ толпы вѣрующіхъ. Число учениковъ его возрасло до *деяти-сотъ тысячъ*. Онъ проповѣдывалъ обыкновенно въ пустынь, и кормилъ всѣхъ своихъ слушателей молокомъ одной священной коровы. Тысячерукій великанъ *Аржуна*, желая овладѣть чудеснымъ животнымъ, убилъ пророка. Парассу-Рама опоясался оружіемъ па-

(*) *Вайвасвати*, по-санскритски сынъ солнца, имя 7-го послѣдняго изъ доселѣ бывшихъ Мену, коихъ имена показаны въ книгѣ: Законы Мену, книга 1-я, стихъ 62-й.

(**) Дуки добра, или нѣчто въ этомъ родѣ, какъ-то: святой, вдохновенный, и проч.

расу, отмстил за смерть своего тѣлеснаго отца умерщвленіемъ великана, и, такимъ-образомъ, исполнивъ назначеніе шестаго аватара, исчезъ съ лица земли.

Всего выше почитаются воплощенія Вишну въ тѣла Рамы и Кришны. О первомъ мы сообщимъ нѣсколько подробностей при описаніи главнаго годоваго праздника, посвященнаго ему (см. стр. 141); что-же касается до легенды о Кришнѣ, то мы отсылаемъ читателей къ прибавленіямъ въ концѣ книги (См. Дополненія, N I).

Мы говорили, что въ священныя книги Индусовъ вошли сказанія о значительномъ числѣ воплощеній разныхъ божествъ; число невошедшихъ, по признаваемыхъ молвою народа — еще значительнѣе. Размѣры этихъ аватаровъ доходятъ до самыхъ микроскопическихъ пропорцій. Домашніе божки воплощаются въ собакъ и другихъ животныхъ, для защиты стадъ отъ тигровъ или змѣй; принимаютъ на себя различныя личины, для отомщенія за забытое жертвоприношеніе, для наказанія за несоблюденіе какого-нибудь мелочнаго обряда, и т. п. Есть мѣстечки и деревни, славящіяся частыми аватарами боговъ; а нѣкоторые браминскія семьи уже нѣсколько вѣковъ пользуются преимуществами наслѣдственныхъ воплощеній, особенно бога Ганезы.

Прежде, чѣмъ перейдемъ отъ изложенія этихъ общихъ очерковъ индійской мнѳологіи, къ описанію поклоненія въ настоящее время разнымъ божествамъ, скажемъ нѣсколько словъ о направленіи и содержаніи философіи и поэзіи въ Индустанѣ.

ФИЛОСОФІЯ. — Ученые Индусы раздѣляютъ свои философскія системы на шесть школъ, съ безчисленнымъ множествомъ подраздѣленій, и относятъ основателей ихъ къ древнѣйшимъ временамъ.

При всемъ различіи въ подробностяхъ, системы эти имѣютъ, однакожъ, между собою то сходство, что всѣ онѣ въ высшей степени отвлеченны, переходятъ безпрестанно въ метафизику, не смотрятъ на здѣшнюю жизнь, какъ на предметъ, имѣющій свое отдѣльное значеніе, а въ связи духа съ тѣломъ не видятъ органической необходимости. По толкованіямъ индійской философіи, тѣло есть только тяжелая цѣпь, наложенная на свободный духъ, и земная жизнь не достойна обратить на себя вниманіе божественнаго духа, единственное стремленіе котораго клонится къ скорѣйшему освобожденію себя отъ тягостныхъ узъ своихъ. До этой цѣли онъ доходитъ не иначе, какъ посредствомъ окончательнаго изученія способа дѣйствія вѣшняго міра на наше тѣло и на его органы. Преподаваніе способовъ этого изученія составляетъ содержаніе индійскихъ философскихъ системъ. Лучшимъ средствомъ почитается безстрастное, постоянное созерцаніе и углубленіе въ самого себя. Духъ долженъ безпрестанно изучать міръ, оставаясь ему совершенно-чуждымъ.

Окончивъ это тягостное занятіе, не имѣющее никакого вліянія на сущность его самого, онъ отдѣляется отъ тѣла въ томъ-же видѣ, въ какомъ былъ вложенъ въ него, и возвращается ни сколько не измѣненный въ лоно божества.

Понятно, какъ подобное ученіе должно уничтожать всякую возможность совершенствованія человѣческаго рода. Оно отвлекаетъ умъ отъ всякой полезной дѣятельности и дѣлаетъ его игрой лице безсмысленныхъ пустяковъ, облеченныхъ въ таинственную и свѣщенную форму. Вотъ, напримѣръ, нѣкоторыя предписанія *Патанджали*, одного изъ главныхъ учителей школы *Санкья*: «Мудрецъ долженъ постоянно созерцать и углубляться въ себя; спокойствіе созерцающаго не должно быть нарушаемо ничѣмъ. Надобно удерживать дыханіе, умерщвлять плоть и принимать самыя неспокойныя, самыя неестественныя положенія тѣла. Упражненія эти даютъ върующему способность узнавать прошедшее и будущее, близкое и отдаленное, мысли друзей и враговъ. Созерцающій награждается храбростію льва, силою слона и быстротою вѣтра; онъ получаетъ способность парить въ воздухѣ, ходить по водѣ, проникать въ глубину земли; передъ силою его рушатся все препятствія, передъ умомъ расширяются всякія границы.» — Школа *Веданта*, учрежденіе которой относятъ къ *Віасѣ*, говоритъ: «Духъ есть часть Божества, следовательно безконеченъ и бессмертенъ. Онъ способенъ дѣйствовать, но естественное положеніе его — покой.»

Индійская философія не представляетъ ничего обще-человѣческаго; никто не заботится о судьбахъ міра и человѣчества, каждый думаетъ лишь о себѣ. Въ основномъ направленіи ея видна совершенная отчуждаемость индійскаго характера. Каждый мудрецъ хлопочетъ только объ одномъ — о избавленіи себя отъ метемисхоза и достиженіи, послѣ смерти, сліянія своей души съ божествомъ. Особенно замѣчательно, что народный характеръ умѣлъ склонить къ одной цѣли ученія, имѣющія совершенно-различныя точки направленія; ибо между-тѣмъ какъ нѣкоторыя школы составляютъ какъ-бы толкованіе и распространеніе ученія ведъ, другія имъ чисто противоположны. Одна школа разумно признаетъ Бога, другая отвергаетъ его и клонится къ пантеизму.

Всего любопытнѣе, какъ уродливая крайность ложнаго направленія, система *Майя* или призраковъ. По этому ученію, въ дѣйствительности нѣтъ ничего кромѣ Браны (Пара-Браны); нѣтъ ни земли, ни неба, ни воды, ни воздуха, ни людей, ни животныхъ, ни домовъ, ни растений, ни живой, ни мертвой природы:

нѣтъ ничего, кромѣ божества; все остальное — майя, призракъ, чувственный обманъ. Все, что мы видимъ, слышимъ, или ощущаемъ, не что иное какъ сновидѣніе. Вся жизнь только сонъ, а смерть — пробужденіе къ настоящей жизни. Ученіе это существуетъ въ Индіи уже слишкомъ 3000 лѣтъ. Оно не измѣняется; и имѣетъ очень многихъ приверженцевъ: удивительно, что эти послѣдніе тоже не уходятъ впередъ? Въ другомъ народѣ, подобное ученіе было-бы принято одними фанатиками невѣжества: здѣсь оно изучается искателями мудрости, философами.

ПОЭЗІЯ И ЛИТЕРАТУРА. — Переходя къ поэзіи и литературѣ Индустана, мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ о нарѣчіяхъ, которыми теперь говоритъ разнообразное народонаселеніе этой страны. Прежде всего должно упомянуть о санскритскомъ языкѣ, коренномъ, первоначальномъ языкѣ Индіи, на которомъ написаны всѣ священные книги и эпосы Индусовъ, и на которомъ въ настоящее время уже не говорятъ. Послѣ него, изъ числа болѣе чистыхъ нарѣчій, замѣчательны слѣдующія: пракритъ, простой разговорный языкъ; на немъ объясняются въ драмахъ женщины и добрые духи (злые гении, выведенные на сцену, говорятъ нарѣчіемъ пайзачи); сверхъ-того, нарѣчіе магади, замѣняемое иногда провинціальнымъ діалектомъ анабраджа. Отъ этихъ трехъ, болѣе общихъ и чистыхъ нарѣчій происходитъ множество другихъ діалектовъ: особенный пракритъ, употребляемый на берегахъ Сарасвати; нарѣчіе кайкубъ, или индустана, корень повѣйшаго индійскаго нарѣчія, которымъ говорятъ до 20-ти милліоновъ людей, особенно высшія сословія всего сѣвернаго Индустана, отъ Декана до Кашмира и отъ Калькутты до Бомбея, — между-тѣмъ какъ масса народонаселенія нижней части бассейна Ганга (числомъ до тридцати милліоновъ) употребляетъ нарѣчіе бенгали; далѣе: митила, или тиргуктѣ, въ сѣверномъ Бахарѣ и въ циркарѣ Тургукскомъ; урика, употребляемое въ Ориссѣ; гуджератъ — въ Гуджератѣ; тамульскій діалектъ, одно изъ главныхъ нарѣчій Декана; мараттскій, карнатикскій діалекты, и наконецъ, нарѣчіе телинга, употребляемое часто поэтами. При дворахъ мусульманскихъ владѣтелей говорятъ такъ называемымъ монгольскимъ нарѣчіемъ, смѣсью арабскаго, монголотатарскаго и персидскаго языковъ. Это нарѣчіе служитъ и для дипломатическихъ сношеній Англичанъ съ императорами Делі, которымъ эти коварные пришельцы оставили одни лишь титулы. Изъ приведенныхъ нами нарѣчій, употребляемые въ сѣверномъ Индустанѣ относятся къ санскритскому языку, какъ

романскіе языки Европы къ латинскому. Нарѣчія Декана : тамульское, теллига и карнатическое, по корню и построению своему чужды санскритскому, но заимствовали у него много словъ, также какъ англійскій языкъ, происходящій отъ германскаго корня, перенимъ множество выражений у латинскаго; нарѣчія-же урика и маараштра (мараттское), несмотря на южное положеніе мѣстъ, гдѣ употребляются, очевидно принадлежатъ къ семьѣ санскритскаго языка.

Главные произведенія индійской литературы написаны на санскритскомъ языкѣ. Языкъ этотъ, по удостовѣренію всѣхъ оріенталистовъ, богатъ, благозвученъ и необыкновенно разработанъ. Древнѣйшимъ грамматикомъ считаютъ какого-то *Панини*. После изданнаго имъ руководства, въ теченіе вѣковъ тянулся непрерывный рядъ грамматикъ, словарей, хрестоматій и риторикъ. Въ настоящее время санскритскій языкъ—уже языкъ мертвый, но служить всемъ ученымъ для ихъ преній и трактатовъ, точно также, какъ латинскій языкъ исключительно употреблялся всеми учеными Европы до XVIII вѣка. Когда именно санскритскій языкъ пересталъ быть народнымъ, не извѣстно.—Въ наше время переведены на европейскіе языки еще очень немногія произведенія санскритской литературы : основательное изученіе ея распространилось не далѣе какъ съ конца прошлаго столѣтія, и потому критика должна поступать чрезвычайно осмотрительно при произнесеніи сужденія о ней.

Самая древняя и самая объемистая часть индійской литературы заключается въ поэмахъ, священныхъ и эпическихъ. О первыхъ Кольбрукъ относится безъ особенной похвалы. Сюда принадлежатъ *веды*, написанныя, очевидно, въ такую старину, когда санскритскій языкъ былъ еще мало разработанъ. Религіозное ученіе ихъ чисто нравственныя положенія часто возвышенны, но языкъ и слогъ еще очень грубы. Изъ эпическихъ особенно замѣчательны двѣ поэмы : *Рамаяна* и *Мага-Барата*. Въ первой изъ нихъ, сочиненной *Валмикомъ*, жившимъ нѣсколько столѣтій тому, описываются подвиги Рамы, завоеваніе Цейлана и великія дѣянія бога-обезьяны Гакумана; во второй воспѣваются военные подвиги Кришны. Кроме Кольбрука, произнесшаго рѣшительный приговоръ осужденія надъ всею древнею священною литературой Индустана, все извѣстные оріенталисты относятся съ величайшей похвалой, часто съ восторгомъ, объ этихъ двухъ поэмахъ. Изъ отзывовъ Шлегеля, Мильмена, Уильсона и Джонса видно, что въ древне-индійскихъ поэмахъ нѣтъ той необузданности воображенія и того избытка образности, которые составляютъ

главный характеръ персидскихъ и арабскихъ сочиненій подобнаго рода. Эпическая поэзія отличается, какъ въ языкъ, такъ и вообще въ наружной формѣ, простотою, напоминающею пафосъ Гомера. Мага-Барата, поэма вполне народная, могущая назваться индійскою *Иліадою*, была сочинена не однимъ лицомъ. Первые пѣсни ея приписываютъ *Віастъ*; авторомъ бѣльшей части поэмы называютъ *Самти*; но нѣкоторые пѣсни, гдѣ уже встрѣчается имя Явана (Грековъ), относятся, ясно, къ послѣднимъ столѣтіямъ до Р. Х. *Нала* и *Дамаянти*, изображающая картины домашнего быта, извѣстная нашимъ читателямъ по прекрасной передѣлкѣ ея Жуковскимъ на русскій языкъ съ нѣмецкаго перевода, и *Багаватъ-Джита*, въ которой излагается ученіе одной изъ религиозныхъ сектъ браманской вѣры (переведенная на латинскій языкъ Шлегелемъ), — оба принадлежатъ къ числу главныхъ эпическихъ Мага-Бараты. Во всей этой поэмѣ видно спокойное и разумное воззрѣніе на жизнь, нравственность и религію. Въ ней нѣтъ и малѣйшихъ слѣдовъ того ограниченного фанатизма, который встрѣчается въ поэмахъ позднѣйшихъ временъ, и который теперь такъ обезображиваетъ частный бытъ народовъ Индустана. Въ этихъ древнихъ поэмахъ женщина ставится вездѣ очень высоко, и въ Рамаятѣ мужчинамъ обѣщается даже рай за соблюденіе одноженства.

По-мѣрѣ постепеннаго перерожденія всообщеніи Индусовъ, возникли и сборники ученія вѣры съ его нововведеніями. Такіе сборники называются *пуранами*. Въ нихъ говорится о Брамѣ, Вишну, Шивѣ, Вामанѣ, Ангни, и другихъ богахъ и полубогахъ. Всего 18 пуранъ; каждая имѣетъ пять отдѣловъ, въ которыхъ говорится о *сотвореніи, уничтоженіи и возрожденіи міра*, а равно и о *воплощеніяхъ, рожденіи и родословной* бога, которому посвящена пурана. Во всѣхъ 18-ти сборникахъ вмѣстѣ 400,000 строкъ. Часть ихъ переведена на англійскій языкъ Уильсономъ, часть Мекензи. Пураны писаны гораздо позже ведъ, и языкъ ихъ несравненно обработаннѣе. Менѣе важными почитаются *уповеды* и *упанураны*, толкованія ведъ и пуранъ. — Перейдемъ къ несвященной поэзіи.

Джита-Говинда, или «Пѣвы *Джай-Дэвы*», можетъ служить лучшимъ образцомъ индійской *идиллической* поэзіи. Въ ней безпрестанно встрѣчаются богатые образы и сравненія; во всей поэмѣ разлита восточная пѣга, и такъ какъ этотъ родъ не требуетъ ни смѣлости мысли, ни энергіи выраженія, то онъ развѣснѣ Индусами съ особенною любовью, и удается имъ преимущественно. Въ *сатирѣ* Индусы были всегда очень слабы;

за-то *басня* обязана своимъ рожденіемъ санскритскому языку: тутъ находится большая часть басенъ, перешедшихъ потомъ и въ греческую и въ восточную литературы, не исключая даже *Тысячи и одной ночи*—сказокъ, извѣстныхъ намъ изъ переводовъ съ арабскаго и персидскаго. На санскритскомъ языкѣ собраніе это называется *Вригатката*.

Всего болѣе знакомы Европейцы съ *драматическою* литературою Индустана. Замѣчательнѣйшими писателями по этой части считаются *Калидасъ* и *Бавабутти*. Первый называется однимъ изъ девяти алмазовъ короны короля *Викрамидитя*, царствованіе котораго для литературы санскритской было тѣмъ-же, что въѣкъ Людовика XIV для французской. Эта апогея санскритской литературы относится къ V столѣтію по Р. Х. Бавабутти жилъ 300 лѣтъ позже. Каждый изъ этихъ поэтовъ оставилъ по три драмы, изъ которыхъ по двѣ переведены на англійскій языкъ. Извѣстнѣйшимъ произведеніемъ Калидаса считается *Саконтала* (кольцо судьбы), переведенная Уильямомъ Джонсомъ. Его-же «Герой и Нимфа» есть произведеніе еще болѣе романтическое, напоминающее, по содержанію своему, «Сонъ въ лѣтнюю ночь», Шекспира. — Оріенталистамъ нашимъ извѣстны до 60-ти замѣчательныхъ драмъ, изъ которыхъ донынѣ вполне переведено только восемь, да отрывками переведено и объяснено 24, болѣею частью Уильсономъ и Лангъ. Въ драмахъ Индусы тщательно избѣгаютъ трагической развязки, особенно кровопролитія въ послѣднемъ актѣ. Содержаніе ихъ, впрочемъ, весьма разнородно: оно взято то изъ мифологій, то изъ эпическихъ сказаній, то изъ частнаго, домашняго быта. Нерѣдко встрѣчаются на сценѣ даже боги, лишенные всего таинственнаго, сверхъестественнаго, сложившіе съ себя все чудесное, говорящіе языкомъ человѣческимъ и дѣйствующіе по чисто-человѣческимъ страстямъ. Число дѣйствій неопредѣленно; ихъ бываетъ отъ одного до десяти. Лучшіе драматическіе писатели жили лѣтъ за 1000 или 1500 до наст. Тенерь искусство это въ упадкѣ, а потому и всѣ театральные костюмы скопированы съ изображеній древнихъ парадовъ. Въ серьезныхъ драмахъ, на сценѣ вы никогда не увидите нынѣшней чалмы, но всегда высокія шапки или короны. Поэтому актеры высокой драмы имѣютъ привилегію заставлять звать только учёныхъ высшія касты. Фарсъ пользуется болѣею народностью. Индійскіе паяцы проворны, ловки, изобрѣтательны и умѣютъ смѣшить народъ.

Вообще, о поэтическихъ произведеніяхъ Индусовъ должно сказать, что они глубоко проникнуты элементами ихъ народнаго

характера. Они посятъ на себѣ общій отпечатокъ роскошной нѣги, способствующей гораздо болѣе къ плавному описанію пажурной природы, чѣмъ къ изображенію вѣчнаго движенія и волненія внутренней жизни человѣка. Въ этой поэзіи много мягкаго, гармоническаго, но нѣтъ ничего сильнаго: это вѣчное чувственное убаюкиваніе или усыпить васъ, или покажется приторнымъ; никогда ни одинъ аккордъ бодрости, смѣлости, не возбудитъ въ васъ энергическаго одушевленія. Индійскіе поэты хорошо изображаютъ ощущенія нѣжности и любви: вы встрѣтите и восторгъ раздѣляемой страсти, и томленіе, внушаемое разлукою, и бышенство обманутой любви. Иногда они возвышаются до изображенія привязанности чистой, безъ примѣси всякихъ эгоистическихъ побужденій; — но не ищите въ нихъ силы, стремленій духа гордости, независимости: ничего такого вы не найдете. Даже при описаніи битвъ и сраженій, они не умѣютъ возвыситься до своего предмета; не чувствуя въ себѣ той живой симпатіи къ герою, которою такъ богаты греческіе и римскіе поэты, они прибѣгаютъ къ преувеличиваніямъ, метафорамъ, и описанія ихъ не что иное, какъ натянутое риторство. Они не увлекаются, а слѣдовательно не могутъ увлечь и читателя.

Торжество индійскихъ поэтовъ и любимый родъ ихъ есть описательный. Съ особеннымъ удовольствіемъ рисуютъ они картины мирной, спокойной природы, изображая человѣка погруженнымъ въ размышленіе; въ этомъ родѣ, Индусы доходятъ иногда до высокаго. Прекрасная природа, величественныя горы и рѣки, нетронутые лѣса, тропическая растительность, облитая прозрачною атмосферою, вѣковые памятники архитектуры: все это представляется вѣрно, широко, въ богатыхъ образахъ, описывается простымъ, не напыщеннымъ слогомъ. Образчикомъ чисто-описательнаго рода можетъ служить поэма *Мегадата*, переведенная на англійскій языкъ Уильсономъ. Духъ, изгнанный изъ рая, поручаетъ облаку передать его привѣтствія оставшимся въ раю друзьямъ, и описываетъ посланнику страны, мимо которыхъ ему лежитъ путь. Авторъ избираетъ любимѣйшую индійскими поэтами часть года, когда среди скончившихся тучъ и рокотаній грома начинаются періодическіе дожди; онъ описываетъ пробужденіе окочевѣвшей природы, радость тварей при приближеніи дождей, — воспоминаетъ о длинныхъ всеренницахъ журавлей и другихъ перелетныхъ птицъ, парящихъ въ вышнихъ странахъ неба; онъ рисуетъ тысячу пейзажей, кучу городовъ, надъ которыми облако должно будетъ пролетѣть, и въ то-же время нестритъ свой разсказъ намеками на историче-

скія и мнѳологическія событія, которыхъ страны тѣ были свидѣтелями. Между описаніемъ встрѣчаются, порою, жалобы изгнаннаго и сохраненныя имъ воспоминанія о прекрасной странѣ, закрытой для него завѣки.

Изъ всего сказаннаго нами видно, что литература Индіи вѣрна своему назначенію, и можетъ служить зеркаломъ положенія туземнаго общества. Это литература народа не дѣйствующаго, не двигающагося, но остановившагося и углубившагося въ созерцаніе отвлеченныхъ предметовъ.

ВѢРОВАНІЯ НАРОДА ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ И СВѢДѢНІЯ О БОГОСЛУЖЕНІИ. — Мы видѣли выше, какъ, въ теченіе вѣковъ, религіозное ученіе ведъ мало-по-малу переродилось. Главныя измѣненія состоятъ въ слѣдующемъ: затмѣніе моноѳеизма политеизмомъ и замѣна предписаннаго ведами богослуженія другимъ, приспособленнымъ къ новому ученію; стремленіе придавать особенную важность то одному, то другому божеству, и порожденіе тѣмъ самымъ многихъ сектъ; возникновеніе монашескихъ орденовъ.

На всемъ земномъ шарѣ нѣтъ ни одной страны, въ которой-бы религія играла, по-видимому, такую значительную роль, какъ въ Индіи. Каждый городъ, каждое мѣстечко, или деревня, имѣютъ свои храмы, начиная съ пещи, прикрывающей истукана грубой работы, и оканчивая пагодою съ ея высокими башнями, пространными дворами и смѣлыми колонадами. Во всѣхъ такихъ мѣстахъ безпрестанно толпится народъ, украшающій идоловъ гирляндами, приносящій имъ плоды и цвѣты. Берегъ сосѣдней рѣки или нарочно вырытаго бассейна, устланъ великолѣпною мраморною лѣстницею; широкія ступени которой доходятъ до самой воды. Еще до восхожденія солнца, набожная толпа, приспѣвшая для утренняго богослуженія, покрываетъ эти ступени и творя молитвы, совершаетъ предписанныя закономъ омовенія. Въ продолженіе дня своды храмовъ оглашаются священными пѣнъвами, и на дворѣ, окружающемъ храмъ, видны группы колѣнопреклоненныхъ женщинъ. Растворяются широкія ворота пагодной ограды, и набожная толпа высыпаетъ, бормоча опредѣленные слова, вслѣдъ за молчаливыми браминнами, строго соблюдающими наружное достоинство своего сана. Музыка и громъ барабановъ призываютъ всѣхъ вѣрующихъ. Посреди процессіи видны и изображенія разныхъ боговъ, несомыя усердными прихожанами, и колесницы изумительныхъ размѣровъ, изображающія священныя горы, славные храмы, и т. п.

Но и вдали отъ жилыхъ мѣстъ находятся вездѣ строенія, на которыхъ взоръ усталаго пилигрима можетъ остановиться съ

благоговѣніемъ: то видите вы часовни на берегу ручейка, въ глубокомъ ущельѣ, на высокой скалѣ; то замѣчаете засыхающую на деревѣ гирлянду или разноцвѣтный флагъ. Въ такіе признаки даютъ вамъ знать, что вы на священномъ мѣстѣ.

По всѣмъ дорогамъ встрѣчаются толпы нищенствующихъ богомольцевъ. Монахи узнаются по желтой одеждѣ; пилигримы украшаютъ себя однимъ изъ символовъ того бога, къ храму котораго поспѣшаютъ. При встрѣчѣ съ путешественникомъ, они считаютъ долгомъ воспѣть избранное ими божество. На годовыхъ праздникахъ, посвященныхъ разнымъ богамъ, стекаются люди всѣхъ сословій: богатые, чтобы удивить своею пышностію; бѣдные, чтобы отличиться проявленіемъ самаго дикаго фанатизма; монахи, чтобы извлечь пользу изъ тщеславія богачей и невѣжества бѣдняковъ.

Перейдемъ къ отдѣльному обожанію каждаго изъ боговъ:

Брама. Такъ какъ этотъ богъ, послѣ сотворенія міра, уже не вмѣшивается въ управленіе имъ, то онъ мало поминается народомъ. Имя его, конечно, повторяется еще въ молитвахъ, болѣею частию составленныхъ очень давно; но изъ всѣхъ его храмовъ, въ настоящее время, остался въ Индіи только одинъ. Супруга его, *Сарасвати*, богиня науки и краснорѣчія, забыта нѣсколько менѣе.

Шива. Въ пуранахъ о немъ сказано слѣдующее: «Онъ носитъ и мечется, окруженный легиономъ демоновъ и духовъ, пьяный, голый, съ растрепанными волосами, покрытый пепломъ жертвенныхъ костровъ, украшенный черепами и костями; то громко хохочетъ, то страшно реветъ.» Объ истуканахъ, представляющихъ Шиву въ такомъ видѣ, мы уже говорили. Въ противоположность, онъ изображается иногда спящимъ неподвижно, съ волосами, зачесанными къверху, подобно прическѣ индійскихъ монаховъ, и углубившимся въ полное созерцаніе. Того, кто-бы осмѣлился нарушить это созерцаніе, онъ прожигаетъ насквозь огнемъ своихъ взоровъ. Тренущій народъ подходитъ къ богу-разрушителю со страхомъ и вѣрою. Въ храмы Шивы, которыхъ вездѣ очень много, украшены символомъ воспроизведенія—лингамомъ. Шива любитъ кровь: въ честь его и его супруги, невѣжественный народъ подвергаетъ себя ужаснымъ мученіямъ. Одни глубоко ранятъ свои ноги и руки; другіе, разрывая языкъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, протыкаютъ насквозь его шнаги или стрѣлы, и въ такомъ видѣ слѣдуютъ за процессіями. Тутъ вы встрѣчаете пзувѣровъ, припускающихъ змѣй и другихъ кровожадныхъ животныхъ къ своимъ ранамъ;

тамъ, на странной высотѣ, видите несчастныхъ, раскачиваемыхъ на крюкѣ, продѣтомъ за ребра или другую часть тѣла.

Баавани еще кровожадность своего супруга. Она изображается иногда черною, окровавленою и обвитою змѣями, на которыхъ наизапы человѣчьи черепы. Въ одномъ посвященномъ ей храмѣ близъ Калькутты рѣжутъ ежемѣсячно болѣе тысячи козъ. Въ Биндабани, тамъ гдѣ послѣднія вѣтви Випдѣйскихъ горъ ниспадають къ Гангу, жрецы ея съ гордостію хвалятся, что на алтаряхъ ихъ богини никогда не пересыхаетъ кровь. Въ прежнее время ей всенародно приносили въ жертву и людей; но теперь этотъ странный способъ угождения богинѣ уцѣлѣлъ только въ братствѣ тойговъ (удавовъ), о которомъ мы сообщимъ въ другомъ мѣстѣ любопытныя подробности. Между обожателями Баавани есть одна секта, презираемая всеми правовѣрными Индусами, но тѣмъ не менѣе существующая уже столѣтія. Она состоитъ изъ людей разныхъ кастъ. Члены ея, преслѣдуемые всеми правительствами, собираются по почамъ, для оргій, которыя чествуютъ названіемъ богослуженія. На этихъ оргіяхъ исчезаютъ все различія кастъ. Сектаторы предаются сначала радости изобильнаго стола; разгоряченные папирками, бѣшеною музыкою и необузданными плясками, они приходятъ въ изступленіе, и все, что ни сдѣлають въ такомъ скотскомъ самозабвеніи, считаютъ угоднымъ своей дикой богинѣ.

Вишну. Онъ изображается или съ существенными своими атрибутами, или подъ видомъ одного изъ девяти главныхъ аватаровъ. Изъ обожателей его многіе выбираютъ одно какое-либо изъ его воплощеній и преклоняются исключительно передъ избраннымъ богомъ — покровителемъ. Особенно многочисленны обожатели Рамы и еще болѣе поклонники Кришны. Последняго можно назвать любимымъ божествомъ большинства Индусовъ. Особенно все высшіе классы общества, все люди богатые и преданные чувственности, все знатныя дамы поклоняются преимущественно ему. Многіе не хотятъ признавать его воплощеніемъ Вишну, но говорятъ, что онъ самъ былъ богъ, не сотворенный, но сущій отъ вѣка вѣковъ.

Лакими, супруга Вишну, не имѣетъ отдѣльных храмовъ, но, какъ богиня изобилія, ставится очень высоко и свято чтится народомъ.

Послѣ этихъ первостепенныхъ боговъ, болѣе другихъ почитаются Ганеза и Суріа (солнце), имѣющіе своихъ исключительныхъ поклонниковъ и свои храмы. Въ Деканѣ, Ганезъ посвящено наибольшее число храмовъ, послѣ Шивы. Онъ изоб-

ражается чрезвычайно толстымъ, съ хоботомъ слона, какъ символомъ мудрости. — *Индра* въ прежнее время пользовался чрезвычайнымъ довѣріемъ у народа. Уильямъ Джонсъ даже называлъ его индійскимъ Юпитеромъ. У него было много храмовъ, и между ними огромные: теперь онъ устарѣлъ и утратилъ всю свою народность. — Остальные боги не имѣютъ своихъ храмовъ. Некоторымъ изъ нихъ посвящено, однакожъ, по годовому празднику, для котораго готовится истуканъ празднуемаго бога. Во весь день ему оказываются божескія почести, а вечеромъ, подолъ бросается, съ большимъ торжествомъ, въ воду. У другихъ-же нѣтъ и праздника, и они упоминаются только въ молитвахъ. Такая горемычная участь постигла и *Каму*, бога любви. По словамъ мифа, онъ сынъ *Макии* (прельщенія) и *Ретти* (склонности), и другъ *Вассанта* (весны). Онъ изображается вѣчно-юнымъ, неувыдаемой красоты, съ обвитымъ цвѣтами лукомъ въ рукахъ. Окруженный нимфами, онъ сидитъ верхомъ на пестромъ попугаѣ, и въ лунныя ночи паритъ по воздуху. Стрѣлы его пронзаютъ и смертныхъ и бессмертныхъ, не щадя даже трехъ лицъ Тримурти. Храмы и пещеры, посвященныя ему, играютъ важную роль у всѣхъ поэтовъ, но народъ забываетъ бога любви: онъ жертвуетъ тѣмъ, кого боится.

Всякій богъ имѣетъ свой отдѣльный рай и райскій штатъ. Всего чаще былъ описанъ рай Индры; въ описаніяхъ этихъ дается полный разгулъ фантазіи народа: дворцы, разумется, построены изъ драгоценныхъ камней; цементомъ служатъ чистое золото; цвѣты не увядаютъ, благоуханіе соединяется съ звуками небесныхъ хоровъ и носится въ прохладномъ воздухѣ для услажденія блаженныхъ. *Апсары* и *Гандары* (нимфы и небесные пѣвцы) прислуживаютъ, готовые пѣть и плясать, по первому востребованію правотѣрныхъ, отдыхающихъ въ раю.

Обыкновенное богослуженіе Индусовъ сложно, но не величественно; духовныя гимны ихъ, судя по отрывкамъ, переведеннымъ на англійскій языкъ Кольбрукомъ, заключаютъ въ себѣ нѣсколько хорошихъ мѣстъ, но вообще, лишены содержанія и скучны. Въ богослуженіи, какъ и во всемъ другомъ, сильно пробивается чуждаемость Индусовъ: дома, въ храмъ, въ озеро или рѣку, каждый совершаетъ свою молитву отдѣльно, и какъ-бы не замѣчая соседей. Бѣдность смысла въ индійскихъ молитвахъ не вознаграждается невольнымъ, безсознательнымъ увлеченіемъ, пронсходящимъ отъ многочисленности народа, собравшагося для одного общаго дѣла. Индусъ повторяетъ ежедневно одни и тѣ-же обряды, отъ самаго младенчества до глубо-

кой старости. Индійская церковь не разбирает характера, возраста, общественного положенія или развитія людей; она всѣмъ даетъ одно и то-же, полагая, что это одно и то-же должно удовлетворить требованіямъ всѣхъ! На всякій день предписаны извѣстныя молитвы, опредѣленныя жертвы и омовенія; но невозможность исполненія всѣхъ предписанныхъ закономъ обрядовъ, поневолю, заставляетъ сокращать ихъ. — Брамминъ, чтобы исполнить всѣ обряды, постановленные для его касты, долженъ-бы каждый день употреблять, по-крайней-мѣрѣ, четыре часа, — но брамминны-міряне обыкновенно отдѣлываютъ все въ полчаса; а люди нижнихъ сословій довольствуются часто тѣмъ, что повторять нѣсколько разъ, во время омовенія, имя своего бога покровителя.

Сказанное нами доселѣ даетъ читателю общее понятіе о религіозной жизни Индусовъ, — которое можетъ служить какъ-бы рамкою для тѣхъ любопытныхъ явленій этой жизни, о которыхъ мы намѣрены поговорить ниже, въ особенныхъ главахъ.

Секты. — Въ браманской религіи особенно замѣчательны секты: *шиваитовъ*, *вишнуитовъ* и *сактитовъ*, или послѣдователей какой-либо изъ супругов (*сакти*) трехъ лицъ Тримурти. Изъ послѣднихъ, безъ сравненія, большее число обожателей имѣетъ Баавани или Кали, супруга Шивы. Первая двѣ секты дробятся на множество подраздѣленій, или основываясь на разности метафизическихъ и религіозныхъ толкованій догматовъ, или придерживаясь одного какого-нибудь изъ многообразныхъ образовъ и атрибутовъ избраннаго божества. Если читатели помнятъ описаніе дѣятельности каждаго бога и множество приписываемыхъ ему индійскою мифологіею качествъ, — то легко поймутъ, какому разнообразію сектъ можетъ служить основаніемъ это вѣрованіе. Поименованіе и описаніе всѣхъ туземныхъ расколовъ повело-бы насъ къ слишкомъ сухимъ и утомительнымъ подробностямъ. Кромѣ трехъ главныхъ сектъ, должно упомянуть объ обожателяхъ Ганезы и Сурин. Придерживаясь по паружности ученія Браммы, эти сектаторы, по сущности ученія своего, уже очень близки къ чистому деизму. О сектѣ *сейковъ* или *панекистовъ*, такъ называемыхъ по имени основателя ученія, *Панѣка*, мы будемъ говорить ниже; здѣсь-же сообщимъ нѣсколько подробностей о сектѣ *баніановъ*, причисляющей себя къ кастѣ вайши, и состоящей болѣею частію изъ мелкихъ продавцевъ, мѣнялъ и разныхъ людей торговаго состоянія. Отличительнѣйшую черту этой секты составляетъ щепетильное преувеличеніе уваженія ко всѣмъ тварямъ. Въ Суратѣ баніаны

выстроили огромный лазаретъ для всякаго рода больныхъ, увѣчныхъ и старыхъ животныхъ. Сюда принимаются все породы; кромѣ плотоядныхъ, — и безумная пачожность сектаторовъ доходитъ до того, что, отъ-времени до-времени, богатые люди, цѣною золота, покупаютъ за-живо тѣла бѣдняковъ, нищихъ или угодной богамъ смерти, или-же обезпеченія своему многочисленному семейству, — покупаютъ для нищихъ клоновъ и тѣмъ «звѣрямъ» которыхъ, по выраженію Гоголя, «казнить на погѣ», вскармливается въ ихъ скотолобивыхъ больницахъ!.. Такимъ-образомъ, вѣрующіе дѣлаютъ изъ своихъ несчастныхъ собратьевъ лакомство для различныхъ гадинъ! Душеспасительная мелочность баніановъ даетъ поводъ къ самымъ смѣшнымъ сценамъ: одинъ изъ нихъ прикрываетъ ротъ своей тонкой тканью, чтобы дыханіемъ своимъ не причинить смерти какому-нибудь крошечному насекомому; другой вѣчно вооруженъ метелкой, для подчищенія мѣста, гдѣ вздумаетъ сѣсть, боясь раздавить муравья или червяка; третій ходитъ, уткнувъ всегда глаза въ землю, чтобы не ступить печально на жука; четвертый носитъ съ собою сахаръ, муку или медъ, чтобы кормить всякую встрѣчную мошку или букашку. Европейскіе матросы, рассчитывая на благочестіе баніановъ, нерѣдко брали съ нихъ дорогой выкупъ за оставленіе жизни какому-нибудь теленку или барану, обреченному на жарено....

Только люди просвѣщеннѣйшіе, держась древняго ученія, умѣли возвыситься надъ всеми сектами. Руководствуясь одними ведами, они лишь себя почитаютъ правовѣрными и смотрятъ на сектаторовъ, какъ на пестъ. Не станемъ разбирать, кто изъ нихъ правъ: если судить съ точки исторической, то конечно, народъ не слишкомъ виноватъ. Почему знать ему ученіе ведъ и пуранъ, чтеніе которыхъ вмѣнено ему въ смертный грѣхъ? Правственные догматы доходили до него въ весьма искаженномъ видѣ; исторію вѣрованій передавали ему всегда изустно; всякій проповѣдникъ толковалъ тексты ведъ и пуранъ по своему; многое смѣшивалось въ понятіяхъ слушателей, многое терялось; только яркія легенды или поражали воображеніе народа страхомъ, или наполняли его благоговѣніемъ. Онъ схватилъ эти отрывки, — связи не могъ имъ придать, — и вотъ возникло множество сектъ. Одинъ сталъ держаться такого-то бога, другой такого-то, третій такой-то богини, и т. д.

Шива, страшный богъ, почитался всегда особеннымъ покровителемъ касты браминновъ. Наученный ими народъ построилъ ему множество храмовъ, и вступая въ эти священныя мѣста, несетъ

свои жертвы со страхомъ и трепетомъ; по всю любовь свою онъ обратилъ на вседержителя Вишну, и съ чрезвычайнымъ усердіемъ предавъ его двумъ главнымъ аватарамъ. Мы уже говорили о народности Кришны. Особенно велико число его послѣдователей около устьевъ Ганга. Раму почитаютъ преимущественно кругомъ источниковъ Ганга и Джемны. Впрочемъ, имя его вообще такъ уважается въ Индустанѣ, что встречающіеся, вмѣсто лучшаго привѣтствія, говорятъ другъ другу: *Рама-Рама*. Сектаторы аватаровъ Вишну обитаютъ болѣе во всемъ сѣверномъ Индустанѣ. Въ южной части Декана обожаютъ Вишну, какъ вседержителя, не обращая особеннаго вниманія на его воплощенія. Шивантовъ болѣе всего въ Майссорѣ и въ странѣ Мараттовъ. Сактиты живутъ по всей Индіи; число ихъ, особенно обожателей Кали, очень значительно, и равняется въ Бенгаліи, говорятъ, тремъ четвертямъ всего народонаселенія.

Для человека посторонняго довольно трудно проникнуть въ домашній бытъ Индусовъ, — и многіе Европейцы, послѣ долготнаго пребыванія въ Индустанѣ, не могли составить ни себѣ, ни другимъ, яснаго понятія объ его сектахъ. Кольбрукъ и Бухананъ сообщили впервые, по какимъ наружнымъ признакамъ различать религіозныя партіи Индусовъ. Одну изъ самыхъ странныхъ принадлежностей туалета Индуса составляютъ символы, нарисованные на лбу его. Они служатъ указаніемъ секты, а прежде принимались Европейцами за отличительныя черты кастъ. Желаящіе поступить въ какую-нибудь секту подвергаются предварительному испытанію, и посвящаются потомъ духовнымъ учителемъ, гуру, который шепчетъ имъ на ухо таинственную формулу секты.

Разнообразіе сектъ есть вмѣстѣ и причина и слѣдствіе многочисленныхъ монашескихъ орденовъ. Всякій изъ нихъ посвящаетъ себя исключительно служенію одному какому-нибудь богу, проповѣдуетъ его, требуетъ отъ народа отреченія отъ собственной воли, и обѣщаетъ небесное блаженство въ награду за слѣпое послушаніе. Каста браминовъ, терпящая отъ монаховъ уронъ въ отношеніи къ довѣрію и доходамъ, ненавидитъ ихъ; но убѣдившись, какъ трудно идти противъ порядка вещей, брамины пошли по слѣдамъ *гозеляновъ* (монаховъ): они стали въ главѣ сектъ, такъ что въ настоящее время изъ восьмидесяти *четыреухъ гуру*, или духовныхъ начальниковъ секты *рамануджа*, семьдесятъ девять принадлежатъ къ сословію браминовъ. Власть и значеніе этихъ начальниковъ есть нововведеніе позднѣйшихъ временъ. Большую частію, особенно въ южныхъ частяхъ полу-

острова, имъ даются огромные дома, поддерживаемые на счётъ принадлежащихъ къ нимъ земель, или усерднымъ подаяніемъ членовъ секты. Собираемые такимъ-образомъ доходы издерживаются частию на благотворительныя дѣла,—частию служатъ для покрытія издержекъ духовныхъ владыкъ. *Гуру* живутъ вообще богато, и по случаю ежегодныхъ ревизій въ своихъ епархіяхъ, обнаруживаютъ большое великолѣпіе. Они разъѣзжаютъ на слонахъ, окруженные знаменами, и подражая во всемъ блеску сапожныхъ вельможъ. Они являются вездѣ въ сопровожденіи множества учениковъ, и принимаются съ отличіемъ всеми князьями и другими туземными и европейскими властями.

Бросивъ взглядъ на разныя секты браманскаго ученія, перейдемъ теперь къ подробному обозрѣнію Буддизма и Джаинизма, двухъ расколовъ того-же вѣрованія, принявшихъ размыры и получившихъ значеніе самостоятельныхъ исповѣданій.

БУДДИЗМЪ. — По показанію Боленъ, все народонаселеніе Азіи распадется на разныя вѣроисповѣданія въ слѣдующихъ пропорціяхъ: онъ считаетъ 17 милліоновъ христіанъ, 70 милл. магометанъ, 80 милл. брамантовъ и 295 милліоновъ буддистовъ разныхъ сектъ. Но показанія другихъ знаменитыхъ статистиковъ уменьшаютъ число послѣдователей Буддизма. Вотъ сравнительная таблица народонаселенія всего земнаго шара, по религіямъ:

	Малте-Брѣнъ, 1810.	Шинкертонъ, 1827.	Гассель, 1827.	Бальби, 1844.
Евреевъ	5,000,000	5,000,000	3,950,000	4,000,000
Брамантовъ	60,000,000	60,000,000	111,553,000	60,000,000
Христіанъ	228,000,000	255,000,000	252,000,000	260,000,000
Мусульманъ	110,000,000	120,000,000	120,000,000	96,000,000
Буддистовъ	150,000,000	180,000,000	315,000,000	170,000,000
Членовъ всѣхъ остальн. религій .	100,000,000	100,000,000	134,900,000	147,000,000
Итого	653,000,000	700,000,000	937,483,000	737,000,000

Но какую-бы изъ этихъ цифръ ни приняли за истинную, во всякомъ случаѣ, мы убѣждаемся, что число буддистовъ очень значительно. Буддизмъ есть огромный расколъ браманской вѣры, и хотя теперь исповѣданіе это отчасти вытѣснено изъ мѣста своего рожденія, и распространилось болѣе вѣдъ предѣловъ Индустана, все-же мы почли-бы себя въ долгу передъ читателями, не передавъ имъ характеристики этой секты, распространившейся въ настоящее время на столь значительную часть Азіи.

Буддизмъ имѣетъ слѣдующія общія стороны съ Браманизмомъ: оба стремятся къ бездѣйствію вѣры (квѣтизму), отличаются уваженіемъ къ жизни животныхъ, вѣрують въ метем-

психозъ, и принимаютъ за гробомъ и рай и адъ. Последняя цѣль ихъ желанія есть достиженіе совершенной апатіи. Лучшимъ средствомъ для этого считается умерщвленіе тѣла и возможно-полное отрѣшеніе себя отъ дѣлъ міра сего. — Но и отступленія Буддизма отъ браманской вѣры значительны: буддисты отвергли веды и пураны и не признали установленія кастъ; священники ихъ избираются изъ всехъ сословій общества, и гораздо-болѣе походятъ на католическихъ монаховъ, чѣмъ на браминновъ-жрецовъ. Духовные ихъ живутъ въ монастыряхъ, носятъ желтые мантіи, ходятъ босикомъ и присутствуютъ ежедневно по-нѣскольку разъ при общественномъ богослуженіи. Ихъ процессіи, духовныя мелодіи, религіозные обряды и способъ освещенія храмовъ — поражаютъ всехъ Европейцевъ сходствомъ съ церемоніями римско-католическаго исповѣданія. Монахи буддистовъ принимаютъ на себя обѣтъ безбрачія и цѣломудрія, и отрекаются отъ всехъ мірскихъ наслажденій. Обѣдаютъ они за общою трапезою, а спать не лежатъ, но сидятъ, въ извѣстномъ, предписанномъ закономъ положеніи тѣла. Единственное назначеніе ихъ — отправлять божественную службу въ своихъ храмахъ, куда не допускается народъ, имѣющій особые храмы и бывшее духовенство. Разъ въ недѣлю, монахи выходятъ изъ монастыря для купанія. Все сказанное о щепетильности браминновъ, касательно сохраненія жизни животныхъ, относится и къ буддистамъ. Священники ихъ не ѣдятъ послѣ полудня и не пьютъ послѣ сумерекъ, изъ опасенія проглотить какое-нибудь мелкое пасъкомое. — Буддисты не иптаютъ, подобно браминтамъ, особеннаго уваженія къ огню, но за то преклоняются передъ лицами мнимыхъ своихъ святыхъ: обыкновеніе, неизвѣстное тѣмъ. Для сохраненія остатковъ уважаемыхъ ими мнимыхъ святыхъ, заключающихся часто въ какомъ-нибудь зубъ, клочокъ волосъ, косточекъ и т. п., частяхъ тѣла, которыя, разумѣется, не могутъ быть уничтожены временемъ, они сооружаютъ храмы, иногда исполнскіе, съ колоколообразными куполами.

Буддизмъ основанъ не однимъ лицомъ, но выработался изъ ученія многихъ реформаторовъ, жившихъ въ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ: Индустанъ, Сіамъ, Китаъ и Тибетъ; а потому онъ и принялъ въ каждой изъ этихъ странъ свой мѣстный колоритъ. Реформаторы жили также въ различные вѣка, такъ что отъ перваго до послѣдняго прошло не менѣе тысячи лѣтъ. Всѣ они пользуются общимъ названіемъ Будды, что означаетъ мудрость, или святой мужъ.

Взявъ ученіе Брамъ въ основаніе, всѣ Будды объявили себя

очистителями искаженной религии. Они стали громить политеизмъ, проповѣдывать древнюю вѣру въ Единого Бога, порицать установленіе кастъ, и утверждать всенародно, что добродѣтельные и благочестивые люди достойны большаго уваженія, чѣмъ сильные міра сего, ставящіе себя въ преимущество случайности рожденія въ одномъ изъ высшихъ сословій. Подобное ученіе угрожало гибелью кастъ браминовъ, и они начали съ жестокостію преслѣдовать новыхъ сектаторовъ. Гоненія возымѣли обыкновенное слѣдствіе — содѣйствовали къ быстрѣйшему распространенію секты. Въ нравственныхъ правилахъ Будды сказано: «Не убивайте людей, ибо они вамъ братья; не почитайте ведъ и пуранъ, ибо въ нихъ предписаны кровавыя жертвы, не лгите, не клеветайте, не божитесь, но говорите истину осмотрительно и просто; не извлекайте пользы въ ущербъ другимъ, ибо они ближніе ваши» Бракъ съ иноверцами допускается; сожженіе вдовъ запрещено. Двѣ главные черты этого ученія — отреченіе отъ мірскихъ благъ и любовь къ ближнему. И дѣйствительно, у буддистовъ часто встрѣчаются черты человечности, благотворительности и терпимости; но за-то, преувеличенное отрѣшеніе отъ міра довело ихъ до многихъ, частью жалкихъ, частью пагубныхъ результатовъ, какъ мы увидимъ далѣе.

Переходя отъ нравственнаго ученія къ догматамъ, мы находимъ слѣдующія главные основанія вѣры буддистовъ:

Міръ оживляется однимъ духомъ, который проявляется въ матеріи подъ безчисленными формами, но самъ пребываетъ въ рѣшительномъ бездѣйствіи, и управленіе міромъ предоставляетъ механизму судьбы. Человѣку предоставленъ свободный произволъ дѣйствованія: Богъ не вмѣшивается въ его дѣла ни при жизни, ни послѣ смерти; но дѣйствія всякаго человѣка условливаются, по предопредѣленнымъ судьбою законамъ, участь его за гробомъ. Въ награду за добродѣтель, духъ умершаго теряетъ сознаніе и сливается съ божествомъ. Утрата сознанія не есть ли уничтоженіе, а такъ называемое сліяніе съ божествомъ не прямое-ли отрицаніе всякой жизни за гробомъ? По-нашему такъ, а по мнѣнію буддистовъ выходитъ совершенно иначе. По ихъ ученію, есть три міра или области: міръ существъ, облеченныхъ въ грубое тѣло, т. е. наша земля, гдѣ царствуетъ Брама; міръ существъ, облеченныхъ въ просвѣщенную оболочку, въ которомъ господствуетъ Духъ, и міръ безтѣлесныхъ и безцвѣтныхъ существъ. До переселенія въ послѣднюю область можно достигнуть умерщвленіемъ плоти, совершеннымъ бездѣйствіемъ и постояннымъ углубленіемъ въ себя, особенно если оно увѣи-

чано добровольною, но страдательною, напримѣръ голодною смертію. Первыя двѣ области подлежатъ разрушенію въ предопредѣленные судьбою сроки, но третья не имѣетъ конца: блаженство въ ней называется *нирвана* (несуществованіе) или *мокши* (освобожденіе отъ сознанія). Всѣ животныя причастны безсмертію души, а потому достойны всякаго сбереженія. Души грѣшниковъ переселяются, въ наказаніе, сперва въ тѣла животныхъ, потомъ въ неодушевленные предметы, — наконецъ, при отсутствіи исправленія или покаянія, ввергаются въ адъ, на *вѣчныя* муки. Замѣтимъ здѣсь, что браманская вѣра не допускаетъ вѣчныхъ наказаній.

Но ученіе о *Духѣ* было слишкомъ чуждо толпѣ, и понятіе о наказаніяхъ или наградахъ за гробомъ, какъ *необходимомъ* послѣдствіи сдѣланнаго добра или зла, должно было казаться ей отвлеченнымъ и не могло найти въ ней отголоска: ей пужны были для опоры какіе-нибудь образы, на которыхъ-бы она могла надѣяться, и къ которымъ могла-бы возсылать свои молитвы. Народъ обратился, по естественному ходу дѣлъ, къ начальникамъ своего видимаго вѣроисповѣданія и сталъ обоготворять память *земныхъ Буддъ*.

Необходимо замѣтить, что ученіе буддистовъ, разнообразное по своему историческому образованію въ разныхъ странахъ, было еще болѣе запутано толкованіями такъ называемыхъ философовъ. Постараемся, сколько возможно, проникнуть въ эту хаосъ. Всѣ секты Буддизма почитаютъ трудъ и дѣятельность *удѣломъ* тварей *низшихъ* разрядовъ, а принадлежностью *высшихъ* существъ полагаютъ спокойствіе и всякое отсутствіе движенія. Одна изъ древнѣйшихъ сектъ имѣетъ направленіе чисто пантеистическое. По ученію ея, существуетъ одна матерія неслепленая, вѣчная, вмѣщающая въ себя свою органическую и образовательную силу. Наружная форма, въ которой проявляется матерія, исчезаетъ, но вознаграждается другою, безъ всякаго посторонняго участія и однимъ дѣйствіемъ этой силы. Совершеннѣйшую степень бездѣйствія въ міръ созданій занимаютъ *Будды*, восшедшіе до нея собственными заслугами, строгостями и добровольными лишеніями, въ продолженіе страствованія ихъ душъ въ здѣшнемъ и низшихъ мірахъ. Другія секты признаютъ Бога, ограничивая, впрочемъ, болѣе или менѣе его самосознаніе и произволъ въ дѣйствіяхъ. По понятіямъ буддистовъ, было-бы крайне неприлично, если-бы это Высшее Существо занялось пустяками, подобными устроению вселенной. Оно выходитъ изъ своего вѣчнаго покоя, чтобы сотворить пять или

семь Буддъ; каждый Будда, въ свою очередь, создастъ столько-же Боддхисатвъ, — и всякій изъ этихъ послѣднихъ уже сотворяетъ какой-нибудь міръ. Сотворивъ міръ и опредѣливъ, однажды на-всегда, законы его существованія, Боддхисатва углубляется опять въ свой естественный покой. По ученію одной философской секты, Боддхисатва настоящей вселенной сотворилъ индійскую Тримурти, и повелѣлъ Брамъ, Вишну и Шивъ создать міръ, сохранять его и своевременно разрушить.

Мнѣнія о сущности *земныхъ Буддъ* различны. Иные полагаютъ, что это существа отдѣльныя, облеченныя въ высокій санъ Будды въ награду за собственные заслуги, но не теряющія личности своей и по достиженіи блаженнаго состоянія совершеннаго бездѣйствія; другіе принимаютъ ихъ за отраженіе небесныхъ Буддъ или Боддхисатвъ, и полагаютъ, что награда за земное странствованіе состоитъ въ сліяніи съ божественнымъ существомъ и въ утратѣ тягостной личности. Вотъ какъ соединяется космогонія и теогонія буддистовъ: Буддизмъ, подобно Браманизму, предполагаетъ безконечный рядъ сотвореній и разрушеній видимаго міра. Это чисто-метафизическое ученіе не допускаетъ сознательнаго Высшаго Существа: Богъ-Творецъ и Вседержитель замѣненъ лучезарнымъ пространствомъ, въ которомъ содержатся сѣмена всѣхъ будущихъ существъ. Но лучезарная область не есть, однако, высшая страна міра. Надъ ней находится страна безцвѣтная, вѣчная, не подлежащая разрушенію, въ которой заключена причина всѣхъ будущихъ, необходимыхъ разрушеній двухъ областей видимаго міра: области нижней, земной, и средней, лучезарной. Буддисты глядятъ на существованіе во времени и пространствѣ, какъ на зло, и отвергаютъ даже его сущность, ибо, по ихъ ученію, видимый міръ не существуетъ дѣйствительно, а есть только призракъ, порожденный майею, чувственнымъ обманомъ. Духовныя частицы, разбросанныя по матеріи, начиная отъ лучезарной области до странъ пренеподвижныхъ, заняты постоянно однимъ: оцъ совершенствуются, т. е. стараются отрѣшиться отъ всего матеріальнаго, и стремятся къ сліянію съ всеобщимъ, безцвѣтнымъ и безсознательнымъ Духомъ, т. е. къ уничтоженію себя. Этотъ общій Духъ, содержащій въ себѣ все отъ вѣка вѣковъ, неразрушимый, пребывающій въ высшей области или тождественный съ нею, пребываетъ между-тѣмъ въ непарушимомъ покоѣ, до тѣхъ поръ, пока неизбежные законы дамата, судьбы, не понудятъ его къ новому преобразованію міра, отъ котораго освобождаются только тѣ существа, которыя сбросили съ себя все вещественное; пре-

образились въ безцвѣтныхъ *небесныхъ Буддахъ*, и, подобно имъ, погрузились въ *нирвану*. Но чтобы сохранить между людьми чистоту *истиннаго (!)* ученія, и придать имъ способность и силу воспріятія и исполненія его, *Будды* и сотворенные ими, или стоящіе ниже ихъ, *Боддисатвы* принимаютъ человѣческій видъ и образъ *земныхъ Буддахъ*. Небесные Будды являются на землю не болѣе одного раза,—Боддисатвы нѣсколько разъ, пока не достигнутъ высшей степени Будды, избавляющей ихъ отъ тягостной и нѣсколько униженной обязанности воплощаться и принимать обожанія существъ низшей области. Сходя на землю, Будды имѣютъ полную власть надъ враждебною имъ, по основъ, *матеріею* и надъ обольстительными формами ея. Распоряжаясь самовластно, помощію метаморфозъ, *майей*, они могутъ и уничтожать матерію и пользоваться ею для спасенія человѣческаго рода. Когда свыше предопредѣлена необходимость появленія Будды, безцвѣтный духъ проникаетъ изъ высшей области въ лучезарную, а изъ послѣдней спускается, въ видѣ луча, въ нижнюю, гдѣ и облекается въ оболочку *майи*. На землѣ Будда дѣлаетъ все по неизмѣннымъ законамъ необходимости, но дѣйствія его никогда не имѣютъ ничего понудительнаго, обязательнаго, и ни въ чемъ не стѣсняютъ свободнаго произвола тѣхъ скованныхъ матеріею низшихъ существъ, т. е. людей, для блага которыхъ онъ явился на землю.

Этихъ земныхъ Буддахъ насчитываютъ до 22, но особенно почитаются послѣдніе семь, а изъ нихъ болѣе другихъ самый послѣдній—*Сакія* или *Готама*, одинъ изъ главныхъ основателей Буддизма, и которому народъ приписываетъ управленіе міромъ въ продолженіе 5000 лѣтъ. Мы уже говорили, что рожденіе его совпадаетъ съ аватарами Вишну. Іезуитскій миссіонеръ Ташаръ сообщаетъ, по этому поводу, слѣдующую сіамскую легенду. Непорочная, вдохновенная божествомъ дѣва удалилась въ пустыню, гдѣ, освѣщенная лучемъ божества, родила младенца. Не имѣя молока, она оглядывалась кругомъ, ища помощи, и увидѣла свѣтос растеніе лотосъ. Лотосъ, распахнувъ свои листья, принялъ младенца и вскормилъ его; молодую мать, впавшую въ задумчивость, унесли ангелы на небо; благочестивый отшельникъ нашелъ младенца. Онъ спасъ его отъ преслѣдованій разбойниковъ и принесть къ себѣ въ Камбою, гдѣ и далъ ему имя Готамы. Достигнувъ двѣнадцати лѣтъ, Готама сталъ творить чудеса, и потомъ уже началъ проповѣдывать свое новое ученіе, порицая злоупотребленія, вкравшіяся въ браманскую вѣру. Въ этомъ мнѣ очень много сходнаго съ сказаніемъ о рожденіи Кришны. Но

кромѣ его, существуетъ множество другихъ разсказовъ о жизни Готамы, потому что онъ «столько разъ приходилъ на землю и въ такихъ необъятно-огромныхъ видахъ, что если-бы собрать ихъ вмѣстѣ, то они покрыли-бы весь земной шаръ.» Замѣчательно однакожъ, что всѣ легенды согласны въ томъ, что Будда родился безъ отца.

Приведемъ здѣсь ученіе буддистовъ объ іерархіи существъ, наполняющихъ вселенную. Существа эти — или *чама*, воспроизводящіеся посредствомъ рожденія, — или *рупа*, боги матеріальныя, видимыя, — или *арупа*, божества невидимыя. Всѣ они восходятъ черезъ послѣдовательное переселеніе отъ низшей степени къ высшей (срокъ перехода зависитъ отъ поведенія), пока наконецъ не достигнутъ блаженнаго состоянія *нирвана*, по ученію буддистовъ, настоящаго существованія, очищеннаго отъ всякой матеріи и не подверженнаго чувственному обману *майи*. Какъ личности безпрестанно мѣняютъ одно существованіе на другое, такъ и міры, въ которыхъ онъ живутъ, испытываютъ тоже безпрестанныя измѣненія. Самому Готамѣ не извѣстны ни начало, ни конецъ этой непрерывной цѣпи мірозданій. Всѣ существа раздѣляются слѣдующимъ образомъ: *люди* и *мъстныя боги*; послѣдніе называются *носги*: имъ предоставлено управленіе человечествомъ и судъ надъ умершими, а въ услуженіе даны добрыя и злыя гени. Вся эта компанія занимаетъ нижнюю область, состоящую изъ земли и атмосферическихъ странъ. Сюда принадлежатъ гора *Міенмо* и *шесть небесъ*, *дэва* (или *дяна*), расположенныхъ одно надъ другимъ и превосходящихъ другъ друга блескомъ и великолѣпіемъ. — *Боги видимые*, занимаютъ въ лучезарномъ пространствѣ 16 небесъ, отъ 7-го до 22-го рая, *брама-лока*. — *Боги невидимые* наполняютъ четыре возвышенныхъ рая, отъ 23-го до 26-го. Сюда попадаютъ ревностные послѣдователи Будды, въ награду за примѣрное мученичество и отличное бездѣйствіе. — Выше всѣхъ наконецъ, пребываютъ въ нирванѣ небесныя Будды. Эта высшая, безцвѣтная область называется *добромъ*.

Земныя Будды изображаются иногда въ стоячемъ положеніи, но большею частію, въ глубокомъ созерцаціи, сидя, съ поджатыми ногами, на лотосѣ, съ зачесанными къверху волосами. На истуканахъ этихъ всѣ формы представляются всегда заплывшими *жиромъ*. Глаза чуть видны, суставы почти незамѣтны.... Да какъ-же и быть иначе? Могутъ-ли эти боги-тупеядцы не быть жирными? Чѣмъ жирнѣе Будда, тѣмъ онъ менѣе дѣлалъ, тѣмъ онъ важнѣе, тѣмъ онъ святѣе, — и слѣдовательно, достой-

нѣе всякаго обожанія. Вотъ истинная апофеоза животныхъ, этихъ символовъ божественнаго достоинства, по понятіямъ благочестивыхъ буддистовъ! По мнѣнію народа, Будды окружены *святыми*, большаго или меньшаго значенія, сообразно-заслугамъ ихъ жизни, составляющими при нихъ родъ придворнаго штата, разныхъ степеней.

Къ этимъ вѣрованіямъ собственно-Буддизма присоединялись часто то вѣрованія туземныя, то взятые изъ браманскаго ученія: такъ, во многихъ мѣстахъ преклоняются предъ разными гениями, духами и силами.—Изъ всего этого видно, что чистота догматовъ не могла сохраняться неприкосновенною. Вѣроисповѣданіе, основанное реформаторами, обезобразилось, въ свою очередь, уродливыми баснями и церемоніями; но если Буддизмъ отвергъ и заклеилъ во всеуслышаніе словомъ отрицанія только установленіе кастъ, то уже этимъ однимъ онъ оказалъ великую заслугу всему человечеству. Какъ, въ теченіе времени, онъ самъ переродился, и какъ страшенъ образъ, въ которомъ онъ проявляется теперь въ дѣйствительности,—о томъ здѣсь не мѣсто говорить. Индія была только колыбелью Буддизма, и для насъ важнѣе всего его вліяніе на Браманизмъ и на Индусовъ. Изображеніе-же его современнаго состоянія относится къ описанію Тибета, гдѣ онъ имѣетъ политическое значеніе владычествующей религіи.

Последній Будда, *Готама*, жилъ, по всей вѣроятности, около VI столѣтія до Рождества Христова; Будда-же *Фо*, по сказаніямъ Китайцевъ, шестью столѣтіями раньше. Съ самаго появленія своего, Буддизмъ былъ жестоко гонимъ браминами. Сначала онъ распространился-было по всему полуострову; но наконецъ былъ изъ него вытѣсненъ и обратился на сѣверъ и на востокъ. Въ равнинахъ Индустана онъ теперь уже не встрѣчается, и уцѣлѣлъ лишь къ югу, на островъ Цейланъ, и на сѣверъ, въ горныхъ областяхъ Непалу и Бутана. Въ предѣлахъ Индустана, онъ распространился въ Китай, Кохинхинъ, Корей и Японію, подъ именемъ ученія *Фо*; въ Бирманской Имперіи, на Явѣ, Суматрѣ и Малаккѣ его называютъ ученіемъ *Готамы*; въ Тибетѣ, Монголіи и Татаріи религіею *Далай-Ламы*.

Секта пантеистическая сохранилась въ большей чистотѣ на островѣ Цейланъ, но имѣетъ много послѣдователей и въ Китай. Въ Непалѣ и Бутанѣ, напротивъ, крайне замѣтна примѣсь индійскаго политеизма. Приведемъ здѣсь слова одного изъ новѣйшихъ путешественниковъ о состояніи религіи въ этихъ двухъ областяхъ и о нѣкоторыхъ наружныхъ чертахъ Буддизма въ Тибетѣ:

« Признавая многіе мифы Браманзма, буддисты подчиняютъ браманскихъ бо-

говъ Буддъ и измѣняютъ качества ихъ, согласно требованіямъ своего ученія. Ихъ священники живутъ все въ монастыряхъ. Въ одномъ Тибетѣ до 30,000 монастырей, народонаселеніе которыхъ обновляется само собой, вслѣдствіе закона, по которому пятый мальчикъ каждого семейства посвящается Богу и *долженъ* идти въ монастырь. Монахи эти бръютъ темя, носятъ широкія мантіи желтаго цвѣта, длинный посохъ, крестъ и четки. При вступленіи въ монастыри, они отрекаются отъ всего мірскаго, что, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ, подобно Іезуитамъ, искать и получать все выгодныя мѣста въ училищахъ, администраціи и при дворахъ. Они даютъ объѣтъ цѣломудрія, и закопъ, увѣренный въ строгое соблюденіе его, позволяетъ имъ имѣть при себѣ, для присмотра за хозяйствомъ «даже пестарыхъ женщинъ». Въ новѣйшее время лучшая часть духовенства отеклась отъ безбрачія, и, въ отличіе отъ другихъ, носитъ красныя шапки. Кромѣ посоха, креста и четокъ, каждый священникъ постоянно носитъ съ собою сосудъ (*патра*), который все вѣрующіе наполняютъ съѣстными припасами. Богослуженіе совершается съ большимъ великолѣніемъ: при всѣхъ процессіяхъ являются знамена, кадила, шумная музыка, особенно колокольчики, и святая вода. Въмѣсто изустнаго повторенія молитвъ, многіе буддисты пишутъ ихъ на знаменахъ, или на клочкахъ бумаги, которые бросаютъ въ пустые цилиндры; потомъ приказываютъ слугамъ разносить эти знамена или вертѣть цилиндры, для того, чтобы молитва пришла въ движеніе и сообщилась воздуху, подобно произнесеннымъ словамъ, — а тамъ уже дѣло воздуха донести ихъ до Будды.

Неуары, коренные жители Непалу, держатся вѣры Будды, но не признаютъ тибетскаго Далай-Ламы. У нихъ особенныя священники, называемые *бангра*. Они приняли установленіе кастъ и многіе обряды шиваитовъ. Религія ихъ, по-настоящему, есть смѣсь поклоненія Буддѣ и Шивѣ. Они ѣдятъ мясо всѣхъ животныхъ, сожигаютъ покойниковъ, и продаютъ своихъ женщинъ магометанамъ и христіанамъ.

Кромѣ храмовъ, находящихся въ тѣхъ областяхъ, гдѣ учѣлся Буддизмъ, въ равнинахъ Индустана встрѣчаются великолѣпныя памятники прежняго процвѣтанія этой вѣры; особенно замѣчательны огромныя подземныя храмы въ *Эллоръ* и *Ад-жунтъ*, высѣченныя въ скаль, и остатки прекраснѣйшаго храма въ *Карль*, между Пуною и Бомбеємъ: размѣры его въ высоту и длину, колоннады, разделяющія его на три части, хоры, трапеца съ стройными сводами и скульптурными украшеніями: все въ немъ напоминаетъ величіе готической архитектуры.

Духовная литература буддистовъ очень богата. Ею занимается преимущественно бѣлое и чѣрное духовенства (ламы и гилонги). Считаютъ не менѣе 84,000 свертковъ, или *Будда-Вахана* т. е. словъ Будды. Языкъ, болѣе другихъ употребительный въ этихъ сочиненіяхъ, есть нарѣчіе *пали*, мѣстный діалектъ Магады, прежней столицы той страны, гдѣ родился Готама.

ДЖАИНИЗМЪ. Слово *джаина* или *джина* значитъ побѣдоносный, и сектаторы называли себя этимъ именемъ, въ предзнамено-

ваніе окончательнаго торжества истинъ своего вѣрованія надъ лжеученіями другихъ исповѣданій. Такъ они думаютъ о себѣ, — по въ дѣйствительности, значеніе этой секты, конечно, совсѣмъ иное. Она просто служитъ какъ-бы переходомъ отъ браманскаго ученія къ Буддизму.

Подобно буддистамъ, джаинисты отрицаютъ дѣятельность Высшаго Существа, вѣруютъ въ вѣчность матеріи, обожаютъ святыхъ, боязливо избѣгаютъ умерщвленія малѣйшаго животнаго, не имѣютъ наследственнаго сословія священниковъ, отвергаютъ божественность ведъ, не знаютъ кровавыхъ жертвъ, и окончательною наградою за добрыя дѣла почитаютъ утрату самосознанія и сліяніе съ божественнымъ существованіемъ. Зато, во многихъ другихъ отношеніяхъ, они не отъшились отъ браманской религіи: такъ, они не отвергаютъ вполне раздѣленія кастъ, и хотя не признаютъ ведъ божественными, тѣмъ не менѣе почитаютъ ихъ книгою, заключающею въ себѣ много душеспасительнаго; всего болѣе возстаютъ они противъ отдѣла ведъ о приношеніи кровавыхъ жертвъ, равно и объ употребленіи огня при богослуженіи, «потому что пламя можетъ быть случайной причиною смерти мелкихъ животныхъ.»

Джаинисты не только признаютъ всѣ божества браманской вѣры, но даже увеличили ихъ число: такъ, по ихъ мнѣнію, есть не одна Кали, а двадцать двѣ; богъ-же неба, Индра, находится въ шестидесяти четырехъ видахъ. Они не признаютъ только браманской іерархіи боговъ. Тримурти утратила у нихъ свой престолъ и сравнялась съ другими браманскими богами, которые всѣ вмѣстѣ уже не управляютъ независимо вселенной, а занимаютъ только нижнюю степень святости. Гораздо выше этого браманскаго Олимпа, джаинисты ставятъ *своихъ* святыхъ, и къ нимъ-то относятъ преимущественно свое благоговѣніе. Святые эти повисли предъ лѣнливыми богами посредствомъ всякихъ лишеній, и въ награду за то, обрѣтаются теперь въ вѣчномъ, блаженномъ бездѣйствіи. Они называются *тиртанкера* (чистые или очистители). Число ихъ ограничено. Ихъ было *двадцать четыре* въ прошедшемъ, существуетъ столько-же въ настоящемъ, и столько-же явится въ будущемъ.

Изъ числа настоящихъ тиртанкера, всѣхъ болѣе извѣстны: первый *Рисгоба*, двадцать третій — *Параснатъ*, и двадцать четвертый — *Магавира*. Должно полагать, что послѣдніе два были основателями секты. Тиртанкера изображаются всегда нагіе, въ знакъ чистоты и непорочности, которыя не нуждаются въ мокровѣ. Иногда, вмѣсто статуй, воздвигаютъ просто колонны,

лишенные всяких изваяний. Колонны джайнистовъ гладки и высоки, — колонны брамантовъ обыкновенно низки и покрыты рѣзьбою. — Джайнистскіе старовѣры, въ подражаніе изображеніямъ своихъ святыхъ, тоже не надѣваютъ одежды, и называются *дигамбара* (одѣвающіеся небеснымъ сводомъ); но они встрѣчаются уже рѣдко; большинство джайнистовъ носятъ платья и именуютъ себя *свѣтамбара* (облеченные въ бѣлую одежду).

Джайнисты не имѣютъ монаховъ. Священники ихъ, называемые *джати*, берутся изъ всехъ кастъ и носятъ костюмъ, очень похожій на одѣяніе браминовъ. На нихъ длинныя бѣлыя мантіи, голова не покрыта, волосы на головѣ и борода довольно коротко обстрижены. Они опираются на чѣрный посохъ и вооружены всегда метелкою; подобно буддистамъ, живутъ подаяніемъ, никогда не купаются и не знаютъ никакихъ омовеній. Кромѣ джати, есть еще два ордена: *болковъ* (ѣдящихъ) и *пушпакаровъ* (цвѣточныхъ жрецовъ).

Храмы джайнистовъ болѣею частію огромны и великолѣпны, часто съ плоскими крышами, внутренними дворами и длинными колоннами; иногда они напоминаютъ храмы браманскіе, иногда имѣютъ форму круглую и окружены исполненными колоннами или статуями тиртанкера. Стѣны ихъ исцѣплены изображеніями легендъ браманскихъ и джайнистскихъ. Кромѣ статуй, въ храмахъ есть мраморные алтари съ выпуклыми изображеніями ихъ святыхъ, гдѣ, между прочимъ, попадаются и углубленія, имѣющія форму слѣдовъ и сдѣланныя будто бы стопами праведныхъ. Этотъ грѣшокъ выдавать подѣлку каменщика за чудо водится и за буддистами. Мраморныя развалины самаго великолѣпнаго джайнистскаго храма находятся на горѣ *Абу*, въ сѣверной части Гузерата. Есть нѣкоторые подземные храмы и въ *Элморѣ*, *Пасени* и другихъ мѣстахъ, вырытые джайнистами. Въ *Мизорѣ*, близъ *Чиннапатама*, высѣчено въ скалѣ изображеніе одного изъ тиртанкера, высотой въ семьдесятъ футовъ.

Джайнизмъ возникъ, вѣроятно, не прежде VI или VII столѣтія нашего лѣтосчисленія. Онъ распространялся и устанавливался въ VIII и IX, достигъ высшей степени въ XI вѣкѣ, и началъ упадать съ XII. Онъ родился и развивался болѣе въ южной части полуострова, и долженъ былъ претерпѣть не мало гоненій отъ браминовъ. Въ гангскую долину онъ никогда не заходилъ. Въ настоящее время, джайнисты болѣе всего находятся въ Гузератѣ, Раджпутанѣ и Канарѣ. Они занимаются болѣею частію торговлею и имѣютъ въ своихъ рукахъ значи-

тельную часть богатствъ Индустана. Между ними есть много банкировъ. — Литература джайнистовъ отличается отъ браманской преувеличеніемъ и безъ того уже смѣшныхъ хронологическихъ и географическихъ сказокъ. Мы упомянули выше, какъ щедръ Индусы на милліоны. Джайнисты далеко перещеголяли ихъ: они такъ и сыплютъ сотнями милліоновъ.

Священный языкъ джайнистовъ — *паръчѣ пали*, то самое, на которомъ преимущественно писаны книги буддистовъ.

Войдя въ какой-нибудь храмъ Индустана, Европейецъ тотчасъ можетъ заключить по его архитектурѣ и украшеніямъ, какой сектъ онъ служитъ для отправленія богослуженія. Если вы увидите многорукихъ идоловъ, уродливыя фигуры, въ которыхъ формы челоуѣка соединены съ формами животныхъ, — если замѣтите корову, обезьяну, павлина, трезубецъ или лингамъ, — то храмъ посвященъ богамъ семьи Брамъ. Вы находитесь между буддистами, если увидите надъ собою пирамидальный или колоколообразный куполъ, — если идолы правильной, челоуѣческой формы и имѣютъ не болѣе двухъ рукъ, — если передъ вами стоитъ рядъ *десяти* статуй, напоминающій объ аватарахъ Вишну, въ десятомъ изъ которыхъ проявился Будда. Храмы джайнистовъ во всемъ подобны буддистскимъ, но отличаются своими *двадцатью четырьмя* статуями или колоннами, въ честь святыхъ тиртакера.

СОСЛОВІЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ИНДУСОВЪ.

Нѣсколько словъ о сборникѣ мену. — Обыкновенно у всѣхъ народовъ, даже у самыхъ варварскихъ, находятся памятники и преданія, объясняющіе ихъ прошедшее, и помощью которыхъ можно возсоздать исторію всего постепеннаго развитія даннаго народа: Индусы составляютъ исключеніе изъ этого общаго правила. Дошедъ, въ самой отдаленной древности, до высокой степени гражданственности, они не оставили ни одного замѣчательнаго новшества о своей исторической жизни. Подобныя сочиненія не даются народу, увлекающемуся страстно къ сказкамъ и метафорамъ. Читатели легко согласятся съ нами, если вспомнить примѣры индійскаго лѣтосчисленія. До завоеванія страны мусульманами, встрѣчаются только блестящія имена и важныя эпохи

туземной исторіи; но связь между этими эпохами часто утрачена. Рядомъ съ такою бѣдностію въ фактическомъ отношеніи, вась поражаетъ богатство матеріаловъ касательно законовъ, обычаевъ и религій того времени. О религій Индусовъ мы уже говорили; теперь рассмотримъ ихъ общественныя учрежденія.

Взглянувъ на устройство общества, какъ оно описывается въ сборникѣ законовъ, извѣстномъ подъ именемъ *Мену*, и издавномъ, вѣроятно, около XII столѣтія до Р. Х.,—сборникъ, имѣющій значеніе для народа еще и понынѣ, — мы обратимся потомъ къ состоянію индійскаго общества въ настоящее время, и такимъ-образомъ, передъ нами раскроется сама собою картина быта описываемой страны въ эти двѣ отдаленныя одна отъ другой эпохи.

Король Мену, по понятіямъ Индусовъ, былъ внукъ Брамъ; а потому и сборникъ его пользуется авторитетомъ книги, внушенной ему божественнымъ дѣдомъ. Сборникъ дѣлится на двѣнадцать книгъ. Онъ начинается повѣствованіемъ о сотвореніи міра, далѣе излагаетъ правила касательно воспитанія, бракосочетаній, домашняго быта, постовъ, очищеній и богослуженія; потомъ переходитъ къ государственному управленію и законодательству. Тутъ вы найдете всевозможныя положенія о торговлѣ, ремеслахъ, кастахъ, религіозныхъ обязанностяхъ и покаяніяхъ, какъ-то: купаньяхъ, омовеніяхъ, жертвоприношеніяхъ, процессіяхъ, пилигримствахъ, особенно въ Хардваръ, Бенаресъ и Джагернатъ, — и наконецъ въ заключеніе, полный курсъ о переселеніи душъ и судьбѣ ихъ за гробомъ. Словомъ, въ сборникѣ Мену Индусъ находитъ все основанія своего права, какъ гражданскаго и уголовнаго, такъ и каноническаго.

Необходимо замѣтить еще, что весь этотъ отдѣлъ нашего сочиненія относится исключительно къ общественнымъ учрежденіямъ самихъ Индусовъ, — къ произведеніямъ чисто азіатской почвы. Нововведенія Европейцевъ, особенно система правленія Англичанъ, будутъ разсматриваться далѣе, потому что, прежде разсказа о вліяніи Европейцевъ на гражданскій бытъ Индустана, необходимо имѣть ясное понятіе о немъ самомъ, чему мы и желаемъ содѣйствовать предлежащими главами.

КАСТЫ. — По ученію ведъ, Брама сотворилъ четыре разряда людей, называемыхъ кастами. Первую касту, браминовъ, предназначенную просвѣщать человечество и управлять имъ, онъ сотворилъ изъ своей головы или рта; вторую, кшатрій (воиновъ), защитниковъ общества, изъ руки; третью, вейзій или вайши, питателей государства, — изъ живота; четвертую, судръ,

изъ погъ , удѣливъ ей въ *свѣтлый* удѣлъ — *служить* высшимъ кастамъ.

Первыя три касты, далеко неуравненные между собою, имѣютъ однако то общее, что каждая изъ нихъ пользуется какими-бы то ни было, своими преимуществами; четвертая-же каста и смѣшанная, стоящая еще ниже ея, не имѣютъ никакихъ правъ. На судру законъ смотритъ не какъ на гражданина, или человека, а просто какъ на механическое орудіе, необходимое для существованія трехъ высшихъ кастъ, и могущее быть полезнымъ для достиженія разныхъ цѣлей. — Слово *каста* означаетъ *цвѣтъ*, и нельзя не обратить вниманія на замѣчательный фактъ, что у высшихъ кастъ кожа болѣе свѣтлая, чѣмъ у нижнихъ. Вероятно, въ Индіи, какъ и во многихъ государствахъ Европы, члены касты или сословія суть не что иное, какъ потомки прежнихъ, враждебныхъ другъ другу племенъ. Иначе трудно понять возможность установленія гражданского быта, подобнаго индійскому. Касты выражаютъ собою, можетъ-быть, слои различныхъ завоеваній (*).

Браминъ, «сынъ солнца, потомокъ Брамь, богъ между людьми» (обычные титулы этого сословія), по ученію Мену, есть глава всѣхъ сотворенныхъ созданій; вся вселенная ему подвластна; остальные смертные сохраненіемъ своей жизни обязаны его заступничеству и молитвамъ; его всемогущее проклятiе можетъ мгновенно уничтожить грозныхъ полководцевъ съ ихъ многочисленными полчищами, колесницами и боевыми слонами. Браминъ можетъ сотворить новыя міры; можетъ даже дать жизнь новымъ богамъ. Брамину должно воздавать большія почести, чѣмъ королю. Неприкосновенность брамина и жизнь его охраняются въ здѣшнемъ мірѣ кровавыми законами, въ томъ — страшными угрозами. Если судра осмѣлится словесно оскорбить брамина, то законъ велитъ вбить ему въ горло, на десять вершковъ, раскаленное желѣзо; а если ему вздумается сдѣлать брамину какое-нибудь наставленіе, несчастному заливаютъ ротъ и уши

(*) Браминъ, напримѣръ, каста, столь расхваленная Вольтеромъ, который не найдя въ ихъ летописяхъ словъ: оружіе, ранить, убить — не могъ надвинуться ихъ миролюбію, — не существовали до потопа (подобно и другимъ кастамъ), какъ это видно изъ книги ведъ, — и всѣ преданія говорятъ, что только силою оружія удалось этимъ почтеннымъ отцамъ присвоить себѣ права, которыя они такъ хитро поддерживали послѣ того и силою ужасающаго фанатизма, и необычайною строгостію жизни (временною, однако). Притомъ, единственные представители умственной жизни народа, они сумѣли пріобрѣсти огромный вѣсъ у него своими знаніями и открытіями, поражавшими невѣжественную, суевѣрную толпу.

кипящимъ масломъ. Съ другой стороны, позволено всякому принимать ложную присягу или лжесвидѣтельствовать передъ судомъ, если этими поступками можно спасти брамина отъ осужденія. Браминъ не можетъ быть, ни подъ какимъ условіемъ, ни казненъ, ни наказанъ, ни тѣлесно, ни денежно, хотя былъ-бы уличенъ въ самыхъ возмутительныхъ преступленіяхъ : единственное наказаніе, которому онъ подверженъ, есть удаленіе изъ отечества, или исключеніе изъ касты. Одному брамину предоставлено право толковать священныя книги, отправлять богослуженіе и предсказывать будущее ; но онъ лишается этого послѣдняго права, если три раза ошибется въ предсказаніяхъ. Браминъ преимущественно можетъ врачевать, ибо « болѣзнь есть кара боговъ » ; только браминъ можетъ быть судьей, потому что гражданскіе и уголовные законы Индусовъ включены въ ихъ священныя книги. Словомъ, браминъ любимецъ боговъ ; онъ созданіе сплнное, случайное у престола правителей міра, а слѣдовательно ему и книги въ руки : ужь такъ слѣдуетъ по азійской логикѣ. Но, утверждая свою безопасность на безмолвномъ страданіи народа, основатели браминской касты подвергли, видно для примѣра, и свою партію цѣлому ряду мучительныхъ испытаній. Обязанности брамина весьма сложны, и правила о нихъ составляютъ цѣлый сводъ. Любопытно слѣдить за обдуманною дисциплиною, которая встрѣчаетъ брамина при самомъ рожденіи и не выпускаетъ его изъ своихъ желѣзныхъ рукъ до самой смерти.

Жанъ-Жакъ Руссо доказывалъ, что воспитаніе должно начинаться съ колыбели : мысль справедливая, но не новая. Индійцы давно знаютъ это, и даже превзошли знаменитаго философа. Они посылаютъ учёныхъ мужей бесѣдовать съ беременною женою брамина, чтобы « такимъ-образомъ приготовить дитя къ воспринятію мудрости. » Вся жизнь брамина дѣлится на четыре періода ; рожденію его предшествуютъ и слѣдуютъ большія религіозныя торжества ; 12 дней спустя, ему дается имя ; на третьемъ году отъ роду, ему бръютъ голову, оставляя только клочѣкъ волосъ, называемый *кудуми* ; нѣсколько лѣтъ спустя, онъ отдается на руки духовному наставнику (*гуру*). Воспитаніе у этого *гуру* продолжается обыкновенно отъ 7 или 8 до 15 лѣтъ. Въ продолженіе всего времени воспитанія, состоящаго преимущественно въ изученіи ведъ, ученикъ обязанъ къ самому слѣпому повиновенію своему наставнику и всѣмъ членамъ его семейства. Ему поручаютъ часто самыя чѣрные домашнія работы, и онъ долженъ исполнять ихъ безпрекословно. Воля *гуру* замѣняетъ ему законъ и совѣсть ; улыбка его служитъ лучшею

наградою. Во время преподаванія уроковъ ему запрещено не только говорить съ товарищами, но даже кашлять и плевать, «чтобы не развлекать вниманія.» — Не видно-ли во всѣхъ этихъ чертахъ поразительнаго сходства съ нравственною порчею людей, какая нередко бывала облечена въ систему и у насъ въ Европѣ? Таковы были лицемерныя, разоблаченныя теперь повсюду правила Іезуитовъ. По окончаніи воспитанія, юноша, удостоивается посвященія или *перерожденія*, наружнымъ знакомъ котораго служить возложеніе шарфа или пояса (*сенаръ*), отъ лѣваго плеча черезъ грудь и спину. До минуты этого опоясыванія, браминъ назывался «однорожденнымъ», стоялъ наравнѣ съ судрою, но послѣ обряда, считается уже *дважды-рожденнымъ*, и переходитъ во второй періодъ жизни. — Въ этотъ періодъ онъ вступаетъ въ бракъ, воспитываетъ свою семью и исполняетъ обязанности брамина, т. е. толкуетъ веды, принимаетъ подарки и раздаетъ милостыню.

Брамины раздѣляются на мірянъ и духовныхъ, и распадаются, по занятіямъ своимъ, на различные классы. Замѣчательно, что между духовными, жрецы занимаютъ нижнюю ступень, а высшую тѣ, которые посвятили себя одному толкованію священныхъ книгъ. Браминамъ строго запрещается принимать подарки отъ лицъ недостойныхъ, т. е. отъ людей, принадлежащихъ къ послѣднимъ ступенямъ общественной лѣстницы. Въ случаѣ нужды, брамину разрешается просить милостыню у людей трехъ высшихъ кастъ и заниматься торговлею; но ни подъ какимъ видомъ, онъ не можетъ *служить* кому-бы то ни было. Музыка, танцы, охота и азартная игра, запрещены всѣмъ браминамъ. Нижнимъ разрядамъ этого сословія запрещается, подъ опасеніемъ выключенія изъ касты, употребленіе вина и всякихъ горячительныхъ вещей, какъ то: лука, чеснока, яиць, рыбы, всякаго мяса, кромѣ отъ животныхъ, заколотыхъ на жертву богамъ. — Высшіе брамины, толкователи закона, изъяты отъ постовъ и исполненія многихъ вышнихъ обрядовъ. Имъ предписывается особенное соблюденіе наружнаго достоинства сана, прилежное изученіе и толкованіе закона (*). Нарядъ брамину

(*) Отъ этого занятія миссіонеръ Томассенъ выводитъ ихъ названіе, потому что на еврейскомъ языкѣ *баракъ* — значить молиться, благословлять. А нѣмецкій учёный Постель находитъ въ ихъ имени соотношеніе съ *Авраамомъ* (по нѣмецкому выговору, Abraham), въ которомъ онъ видитъ ихъ Брамъ. И точно, въ книгѣ ведъ (что значить, какъ толкуютъ учёные — *veda, videre* — видеть, всматриваніе), отличающейся вообще безыскусственнымъ, сжатымъ и нередко поэтическимъ изложеніемъ, находятся многія мѣста, напоминающія Библію. —

опредѣляется слѣдующій: «Онъ долженъ стричь волосы и бороду, носить широкій бѣлый плащъ и охранять тѣло отъ всякаго тѣлеснаго и нравственнаго оскверненія.» Въ такомъ видѣ являются браминны и теперь, опершись на длинный посохъ, держа въ рукахъ огромный фоліантъ ведъ, и съ золотыми серьгами въ ушахъ. Кромѣ пояса, сплетеннаго изъ трехъ, въ каждой по девяти, веревочекъ, ежегодною перемѣною котораго отпускаются брамину всѣ грѣхи его, онъ отличается и длиною своего посоха, который у него гораздо выше головы, тогда какъ у воина достаетъ только до лба, у купца паровиѣ съ подбородкомъ, и такъ далѣе, понижаясь постепенно у каждой касты. Упомянутымъ оскверненіямъ пѣтъ конца; напримѣръ, браминъ осквернитъ себя, если сядетъ за одинъ столъ даже съ королемъ, не говоря уже о членахъ нижнихъ кастъ. Онъ долженъ скорѣе мученически умереть, чѣмъ согласиться отдать дочь свою за короля.— Онъ обязанъ не смотрѣть на солнце въ опредѣленные часы и выходить изъ дому во время дождя; онъ не можетъ шагать черезъ веревку, къ которой привязана корова, и долженъ проходить мимо этого священнаго животнаго, или пдола, не иначе какъ оставляя ихъ вправо отъ себя. Онъ не долженъ ни одѣвать вмѣстѣ съ женами, ни глядѣть на нихъ, когда онъ сидѣтъ, зѣваютъ или чихаютъ — Желаящіе долготѣія на землѣ не должны ступать на хлопчатую бумагу или хлѣбныя зерна. Рабски исполняя тысячи подобныхъ мелочныхъ, вѣнныхъ предписаній, браминны, разумѣется, тѣмъ болѣе даютъ себѣ свободу въ остальныхъ дѣйствіяхъ жизни. Вообще Индусы, какъ нельзя лучше, доказываютъ, что гдѣ множество правилъ жизни освя-

Кстати замѣтимъ здѣсь, что, по закону, браминъ не имѣетъ права громко и всенародно читать самый текстъ священныхъ книгъ: потому что только одинъ король въ состояніи безнаказанно слушать его; у всѣхъ другихъ «голова распадется на двое отъ одной строчки.» Браминъ можетъ лишь толковать веды, начиная и оканчивая всякое объясненіе таинственнымъ, непереводаемымъ словомъ: «а-унъ», и то не женщинами, «чтобы, говоритъ Мену: пріобрѣтая вмѣстѣ съ знаніемъ и силу и гордость, необходимыя принадлежности другаго пола, онъ не захотѣлъ-бы свергнуть съ себя ига, наложеннаго на нихъ мужчинами!...» Не раздѣляютъ-ли, однакожъ, еще болѣе этого мнѣнія, не походятъ-ли на этихъ лзычниковъ—Индійцевъ многіе близорукіе поклонники старины, муміи прошедшихъ вѣковъ, воплощенные по духу Китайцы,—люди, которые всякое улучшеніе положенія женщины, всякую невинную попытку развитія ея умственнаго образованія клеймятъ именемъ «эманципаціи (или, какъ они ухитрились перевести по-русски, *разнузданности*) — порожденія гнилаго запада!»

Редакторъ.

щены обычаемъ и распространяются на всѣ дѣйствія человека, тамъ внутреннее сознаніе о нихъ совершенно исчезаетъ. Браминъ, желающій удостоиться почётнаго званія толкователя законовъ и верховнаго наставителя, гуру, готовится къ этому разнымъ лишеніями. Онъ отрекается отъ брака, предается основательному изученію ведъ въ какомъ-нибудь монастырѣ, въ продолженіе 12-ти лѣтъ, удерживаясь въ послѣднія 5 даже отъ разговора и объясняясь лишь знаками; такимъ-образомъ, достигаетъ онъ наконецъ желанной цѣли, и дѣлается духовнымъ учителемъ.

Достигнувъ 40-лѣтняго возраста, браминъ вступаетъ въ третій періодъ своей жизни, называемый *вананпрастра*. Онъ долженъ удалиться въ пустыню и сдѣлаться отшельникомъ. Здѣсь онъ прикрываетъ наготу свою древесной корой или кожею чѣрной антилопы; не стрижетъ ни ногтей, ни волосъ; спитъ на камнѣ или на землѣ; долженъ проводить дни и ночи «безъ дома, безъ огня, въ совершенномъ безмолвіи, и питаясь одними кореньями и плодами.» Онъ долженъ постоянно умерщвлять свое тѣло, стоять голый подъ проливнымъ дождемъ, зимою носить мокрое платье, лѣтомъ выстаивать подъ жгучими лучами солнца, посреди пяти огней (*). Проведя такимъ-образомъ 22 года въ молитвѣ и постѣ, браминъ вступаетъ въ четвертый отдѣлъ жизни, называемый *саніасси*. Тутъ только онъ освобождается отъ самоумерщвленія и всякихъ наружныхъ обрядовъ. Старикъ-отшельникъ углубляется въ совершенное созерцаніе, и съ улыбкою ждетъ блаженной минуты смерти, когда душа оставитъ тѣло, «какъ птичка оставляетъ вѣтку дерева.» Душа брамина, умершаго въ состояніи *саніасси*, тотчасъ обрѣтаетъ сліяніе съ божествомъ (*нивани*); а тѣло его въ спячемъ положеніи опускается въ яму и обсыпается кругомъ солью.

Судя по этимъ страннымъ правиламъ, должно-бы полагать, что браминъ проводитъ всю свою жизнь вдали отъ всякихъ мірскихъ помысловъ, посвящая ее исключительно заботѣ о просвѣщеніи другихъ и приготовленію себѣ блаженнаго *нивани*; но дѣйствительность не подтверждаетъ такого заключенія. Пойдемъ

(*) Не можемъ не привести здѣсь описанія подобнаго пустынника изъ *Саконталы*: «Иди далѣе, за этотъ священный лѣсъ: тамъ найдешь ты благочестиваго *йоги* (отшельника): онъ стоитъ недвижимо, вперивъ глаза въ солнце; его длинныя, густыя, растрепанные волосы развѣваются вѣтромъ... Разсмотри его хорошенько. Тѣло его покрыто глиной, нанесенной бѣлыми муравьями, змѣи служатъ ему поясомъ,—на шеѣ его переплелись густыя и гибкія вѣтви растений, а плечи увиты гнѣздами птицъ...» Какая страшно-дикая картина!

дальше, и мы встрѣтимъ правила другаго направленія, въ которыхъ обнаруживается коренная мысль этой послѣдовательной духовной аристократіи Индустана.

Всякій король или правитель долженъ имѣть браминна главнымъ совѣтникомъ, по-нашему первымъ министромъ. Браминны воспитываютъ короля и научаютъ его искусству прилично жить, управлять собою и народомъ. Ихъ мудрости поручается вся судебная часть; а чтеніе ведъ хотя и позволялось законами Мену тремъ высшимъ кастамъ, — за-то, толкованіе ихъ представлено исключительно браминнамъ. Денежное обезпеченіе браминской касты тоже предусмотрено закономъ. Щедрость къ браминнамъ составляетъ религіозную добродѣтель для всѣхъ върующихся, и есть прямая обязанность правителей. Жертвоприношенія и всякіе обряды приносятъ браминнамъ хорошій доходъ: «Органы чувствъ, говоритъ Мену: доброе имя въ здѣшнемъ мірѣ и блаженство въ будущемъ, самая жизнь, дѣти, стада — все погибаетъ отъ жертвоприношенія, оконченаго *скудными дарами* браминнамъ.»

По смерти безроднаго браминна, выморочное имущество его обращается не въ казну, а въ касту. Браминъ не платитъ никакихъ налоговъ. Громъ убилъ-бы короля, дерзнувшаго посягнуть на лицо или имущество «святаго мужа»; бѣднаго браминна содержать на государственнѣйшій счётъ.

Вторую касту составляютъ *кшатрии*, воины. Во времена Мену, члены этой касты могли приносить жертвы, и изученіе ведъ вмѣнялось въ особенную обязанность князьямъ и героямъ; но въ-послѣдствіи браминны оставили имъ одно позволеніе читать или слушать веды, *не разбирая и не толкуя* ихъ, а право изясненія текстовъ присвоили себѣ. Кшатрии должны раздавать милостыню, но не принимать ея, избѣгать пороковъ и чувственныхъ наслажденій, жить *просто*, «какъ подобаетъ воину.» Законъ гласитъ, что «каста священническая не можетъ существовать безъ касты воиновъ, какъ и послѣдняя безъ первой, и что спокойствіе всего міра зависить отъ согласія обѣихъ, — отъ союза знанія и меча.» — Съ малыми исключеніями, всѣ короли, князья, полководцы и первые правители принадлежатъ ко второй кастѣ; судебная-же часть и управленіе воспитаніемъ находились издревле въ рукахъ браминновъ. Кшатріямъ разрѣшено употребленіе всякаго мяса, *кромѣ бычачьяго и коровьяго.* — Каста эта дѣлилась прежде на три части: къ высшему классу принадлежали всѣ владѣтельные и невладѣтельные князья (*райи*) и ихъ дѣти (*райанутры*).

Третью касту составляют *вейзи* или *вайши*. Прежде и они участвовали, какъ въ жертвоприношеніяхъ, такъ и въ правѣ читать веды, но въ-послѣдствіи, стараніями браминновъ, утратили эти преимущества. Хотя вейзи стояли гораздо ниже кшатріевъ, но все-таки занимали почётное мѣсто въ обществѣ. Они должны были заниматься торговлею, хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Права вейзи на собственность уважались, и поля его считались неприкосновенными. Онъ имѣлъ освященное религіею право пускать деньги въ ростъ. Высшія касты — браминновъ, кшатріи и вейзи, пользовались всѣмъ три шарфомъ, *сенаромъ*, всякая своимъ, и назывались поэтому *дважды-рожденными*, въ противоположность однажды-рожденнымъ, *судрамъ*.

Обязанность *судры*, говоритъ кратко Мену: *служить* тремъ высшимъ кастамъ. Всего лучше для судры служить брамину, за непмѣнимъ его кшатрію, и наконецъ ужъ вейзи. Въ такомъ единственно случаѣ, если онъ не найдетъ возможности вступить въ услуженіе, разрѣшается ему занять полезнымъ ремесломъ. Душа *судры*, съ усердіемъ и честно *прослужившаго всю жизнь брамину*, при переселеніи, возрождается въ челоѣка высшей касты. Какъ попечительно браманское ученіе заботится объ участи народа!

Судръ запрещается даже глядѣть на веды. Браминъ не имѣетъ права не только толковать ведъ судръ, но обязанъ и читать ихъ про себя въ присутствіи послѣдняго. Браминъ, который позволить себѣ истолковывать судръ законъ, или объяснять ему способы покаянія, будетъ наказанъ въ аду *Асамаритъ*. Судра долженъ питаться объѣдками своихъ господъ и носить ихъ обноски. Ему запрещается пріобрѣтать что-нибудь, хотя-бы честнымъ средствомъ, «чтобы онъ не вздумалъ возгордиться къ соблазну священныхъ браминновъ.» Если судра оскорбитъ словесно вейзию или кшатрію, то ему вырѣзываютъ языкъ; если онъ осмѣлится съѣсть подлѣ брамина, или занять его мѣсто, — то раскаленное желѣзо прикладывается къ болѣе-виновной части тѣла. Названіе *судры*, говоритъ Мену: есть бранное слово, — и штрафъ за убіеніе его не превышаетъ суммы, платимой за смерть неважнаго домашняго животнаго, напримѣръ, *собаки или кошки*. Убіеніе-же коровы считается гораздо-болѣе предосудительнымъ дѣломъ: умерщвленіе судры — проступокъ; убіеніе коровы грѣхъ!

Неволя есть естественное положеніе судры, и господинъ не можетъ освободить его, давъ ему отпускную; «ибо, говоритъ законъ: кто, кромѣ смерти, можетъ освободить судру отъ природнаго состоянія?» Намъ, Европейцамъ, довольно трудно пере-

пестись въ этотъ столь чуждый міръ; мы, поневоля, хотимъ подвести все подъ свои понятія, подъ известные намъ формы,— а это-то и вводитъ насъ въ заблужденіе. Такъ, напримѣръ, по понятіямъ Индусовъ, судры составляютъ классъ людей, предназначенныхъ природою для служенія вообще, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не считаются рабами, не составляютъ собственности частныхъ лицъ. Бывали, конечно, и судры-рабы; но вся каста, какъ сословіе, была кастою свободною, и участь членовъ ея не зависѣла отъ одного произвола временныхъ господъ. Отношеніе господъ къ судрамъ, несмотря на приведенные примѣры безчеловѣчнаго взгляда на нихъ, съ точки религіозной, было определено гражданскимъ закономъ,—особенно мѣра и способъ наказаній, которыя во всемъ совпадали съ патриархальными наказаниями, допускаемыми народнымъ обычаемъ въ отношеніяхъ отца, или старшаго брата, къ сыну, или меньшому брату, мужа къ женѣ, и гуру къ ученику. Какъ, вообще, почти-вездѣ въ общественныхъ учрежденіяхъ женщина подвергается преимущественно всѣмъ возможнымъ ограниченіямъ, — такъ и въ Индіи строгость раздѣленія кастъ тяготѣетъ гораздо-болѣе на женщинъ, чѣмъ на мужчинъ. Мужчинъ, при вступленіи во второй бракъ, позволяется выбрать жену изъ низшей касты, кромѣ судры. Такъ, напримѣръ, браминъ можетъ жениться на женщинѣ второй и третьей касты; дѣти отъ этого смѣшаннаго брака займутъ среднюю степень между кастами отца и матери. Женщина-же, выходя замужъ за мужчину низшей касты, совершаетъ преступленіе: она оскверняетъ и себя и все свое потомство. Судры могутъ вступать въ бракъ только между собою. Смѣшеніе съ ними производитъ нечистыя касты, изъ которыхъ самая презрѣнная та, которая происходитъ отъ смѣшенія судры съ браминскою. Члены этой касты называются чадалами, и должны быть палачами или живодерами; прикосновеніе чадалы влечетъ за собою изгнаніе изъ касты.

Замѣчательно, что изъ четырехъ древнихъ кастъ ни одна не имѣла назначенія заниматься ремеслами. Изъ этого должно заключить, что или установленіе кастъ предшествовало здѣсь существованію большей части ремеселъ, или-же ремесла считались занятіемъ, до того унизительнымъ, что отдавались въ удѣлъ судрамъ, недостойнымъ быть въ услуженіи, и членамъ нечистыхъ кастъ.

Ниже нечистыхъ кастъ стоитъ еще жалкій родъ парій. Они отправляютъ, вмѣстѣ съ чадалами, самыя низкія работы. Паріи сдираютъ съ падали кожу, вырабатываютъ ее, а мясо съѣдаютъ;

но отъ коровьяго мяса воздерживаются. Прикосновеніе ихъ оскверняетъ и лица и предметы. Они имѣютъ свои особые колодцы; подлѣ городовъ имъ отводится особый кварталъ, окруженный рвомъ и рогатками. Въ деревняхъ они тоже не имѣютъ права показываться, но должны скрываться въ лѣсахъ, пещерахъ и болотахъ. Брамниъ, оскверненный тѣнью паріи, долженъ броситься въ священныя воды Ганга, которыя одиѣ только въ состояніи смыть такое пятно посрамленія.—Еще ниже паріи стоятъ пуліи, живущіе на Малабарскомъ берегу. Рабы Напровъ, они принуждены укрываться въ сырыхъ подземельяхъ, и не смѣютъ поднять глазъ на благороднаго Индуса. Завидѣвъ издали браминна или Напра, пуліи испускаютъ громкій ревъ, чтобы предостеречь господъ о своей близости, и пока «господа» пережидаютъ на дорогѣ, они должны спрятаться въ пещеру, въ чащу лѣса, или взобраться на высокое дерево. Кто не успѣлъ спрятаться, того Напры разрубаютъ, какъ нечистаго гада. Пуліи живутъ въ страшной неопытности, ѣдятъ падалъ и всякое мясо, кромѣ коровьяго.

Но и пулія можетъ отдохнуть на-минуту отъ подавляющаго его всеобщаго презрѣнія; есть человѣческія созданія еще жалче, ниже его: это *паріары*, — ниже потому, что, раздѣляя все униженіе пуліи, они позволяютъ себѣ ѣсть и *коровье мясо!*... Можете представить себѣ, какъ содрогается душа правоваго Индуса при такомъ святотатствѣ; и поэтому Европейцы и мусульмане, которые тоже не уважаютъ неприкосновенности тучныхъ индійскихъ коровъ и знакомятъ ихъ съ мѣстоположеніемъ своей кухни, всѣ они въ его мнѣніи, нравственно, вполне совпадаютъ съ презрѣннымъ паріаромъ.

Послѣ этого очерка общественнаго значенія различныхъ кастъ Индіи, читатель пойметъ, какъ страшно наказаніе *лишенія касты*, вслѣдствіе котораго и судра, и вейзія, и кшатрія, и браминъ, становятся вдругъ въ одномъ ряду съ отвратительнымъ *паріею*. Гдѣ не торжествуетъ ученіе истины, тамъ люди вездѣ одинъ и тѣ-же, несмотря на цвѣтъ ихъ кожи: Индусъ, которому вы скажете, что онъ «человѣкъ внѣ касты» — разсердится на васъ по-крайней-мѣрѣ столько-же, сколько нѣмецкій баронъ, въ дворянствѣ котораго вы вздумали-бы усумниться. Но здѣсь, въ Индустанѣ, дѣло идетъ не объ одномъ тщеславіи. Есть, конечно, случаи, когда лишенный касты можетъ надѣяться снова вступить въ свои права. Иногда, напримѣръ, какого-нибудь несчастнаго лишаютъ касты оскорбленные родственники за несоблюденіе приличій общежитія, — за то, что онъ не при-

существовалъ на родственной свадьбѣ или на похоронахъ важнаго родственника, — или за то, что не пригласилъ родныхъ къ себѣ на свадьбу или на похороны кого-нибудь изъ членовъ своего семейства. Въ такомъ случаѣ, виновный, заобривъ оскорбленныхъ приличными дарами, является съ поникшей головой передъ начальниками касты. Тутъ онъ выслушивается безъ возраженія упреки, подвергается безропотно тѣлесному наказанію, и молча, платитъ наложенный денежный штрафъ. Потомъ, давъ обѣтъ исправиться, онъ проливаетъ слезы умиленія, и расprostирается, наконецъ, такъ, чтобы касаться пола носками ногъ, колѣнами, животомъ, грудью, лбомъ и руками; что называется *сактанжа* (простирание шести членовъ). Начальники касты, удостоверившись въ искренности раскаянія виновнаго, поднимаютъ его съ пола, обнимаютъ, цѣлуютъ, и включаютъ опять въ свою касту, примиреніе съ которою кончается великодушнымъ угощеніемъ собраннаго общества, на счетъ преступника. Если кого-нибудь исключили изъ касты за болѣе-важное преступленіе и по приговору не родственниковъ, а самихъ начальниковъ, тогда примиреніе сопряжено съ большими затрудненіями. Главную роль очищенія играетъ огонь: виновному то жгутъ языкъ раскаленнымъ золотомъ, то другія части тѣла желѣзомъ, — то заставляютъ его проходить медленно по горячимъ угольямъ. Въ довершеніе всего, онъ долженъ пролѣзть нѣсколько разъ подъ хвостомъ коровы и выпивать сосудъ, наполненный отвратительнымъ напѣткомъ *пейтжа-гавія*. Это покаяніе, какъ и всегда, заключается щедрымъ угощеніемъ всѣхъ браминновъ, сколько-бы ихъ ни сбѣжалось съ разныхъ сторонъ.

Но не всегда возможно примиреніе съ кастою: есть случаи, въ которыхъ изгнанный и все потомство его подвергаются навѣки вѣковъ проклятію, и хорошо еще, если жена и дѣти его не оставятъ. Часто бываетъ, что семейство предпочитаетъ касту отцу или мужу: тогда тотъ, кто вчера былъ богатый браминъ, окруженный семействомъ, дѣлается вдругъ скитальцемъ, не имѣющимъ ни семьи, ни отечества, ни настоящаго, ни будущаго.

Благодаря страшному вліянію лишенія касты, браманское неповѣданіе могло обойтись безъ *нетерпимости*, которою вооружались, или къ которой прибѣгали для собственнаго охраненія, въ разные времена, почти всѣ церкви въ разныхъ странахъ (*).

(*) Пѣтъ никакого сомнѣнія, что мы исключаемъ изъ этого общаго сужденія нашу Православную Церковь, которая всегда осуществляла въ своихъ дѣйствіяхъ великое христіанское правило терпимости, и которой Всененосный Глава всемілостиво принимаетъ подъ державную сѣнь свою людей-братій, безъ различія пацій и вѣроисповѣданій.

Указавъ каждому классу народонаселенія свое мѣсто, и устроивъ все такъ, что отпаденіе отъ вѣры отцовъ или отъ формы, освященной закономъ, влечетъ за собою неминуемо не только осрамленіе, но и совершенное разореніе,—индійская религія могла впелить успокоиться. Она могла открыть границы государства, не пуждаясь въ китайской стѣнѣ и не страшась вторженія иностранцевъ, которые, находясь внѣ всѣхъ установленныхъ классовъ, въ мнѣніи народа должны были-бы стоять ниже самыхъ парій. И дѣйствительно, сильная своею бездѣйственностію, индійская религія отпичалась всегда духомъ терпимости. По тѣмъ-же причинамъ, она была всегда и врагомъ прозелитизма. Не нарушивъ своихъ коренныхъ гражданскихъ учреждений, она не можетъ, никакимъ образомъ, усыновить своего неопита. По ея ученію, одно рожденіе въ состояніи подарить смертнаго качествомъ браминна, кшатрій или вейзін, и пѣтъ на земномъ шарѣ такой власти, которая могла-бы замѣнить этотъ случай. Индусы считаютъ касту существенною принадлежностію и частию организма, а потому и не поняли-бы Европейца, который сталъ-бы доказывать имъ возможность присвоенія кому-либо правъ сословія, въ которомъ онъ не родился.

Слѣдствіемъ такой системы было то, что ни одинъ Европейецъ не могъ проникнуть во все таинства браманской вѣры, и что весьма немногіе Индусы приняли ученіе Христа или Магомета. Завоеватели-мусульмане не смѣшались съ послѣдователями Брами,—а христіанскіе миссіонеры нашли нѣкоторый отзывъ только въ сердцахъ страждущихъ парій.

Взглянемъ теперь на состояніе кастъ въ настоящее время.

Индусы хотя и остались во многомъ вѣрными своимъ древнимъ учрежденіямъ и обычаямъ, но все-таки и у нихъ огромное пространство тридцати столѣтій не могло пройти безъ всякихъ слѣдовъ. Раздѣленіе кастъ и отношеніе ихъ другъ къ другу подверглось, можетъ-быть, болѣющимъ измѣненіямъ, чѣмъ въ другія стороны ихъ гражданского быта. Браминны хвалятся, что изъ четырехъ древнихъ кастъ, до настоящаго времени, осталась неизмѣнною только одна ихъ; но остальное народонаселеніе не соглашается съ этимъ: такъ, напримѣръ, Раджпуты считаютъ себя прямыми потомками князей и полководцевъ изъ касты кшатрій, а Маратты—потомками простыхъ воиновъ чистой крови; многія ремесла относятъ прародителей своихъ къ кастѣ вейзін. Словомъ, Индусы до-сихъ-поръ не хотятъ разстаться съ своими древними преданіями, и мы увидимъ ниже, что хотя прежняя форма измѣнена сплою вещей, но измѣнилась она все-таки въ духъ

касть, т. е. въ духѣ; чуждомъ всему человѣческому и общему.

Ученіе братства всѣхъ людей, преподаваемаго закономъ Христа, недоступно обществу, не допускающему нашего понятія о сотвореніи одного человѣка, но освятившему неравенство сословій сказаніемъ о неравенствѣ предназначенія при сотвореніи кастъ,—обществу, цѣляющемуся изъ всѣхъ силъ за гніющія развалины своей постыдной старины, потому только, что она своя. Въ-послѣдствіи, мы увидимъ, какъ систематическая подлость старовѣровъ и патріотовъ Индустана, привитая крови всего народа, не только лишила эту страну доселѣ всякаго собственнаго развитія, но и какъ сильно она отстанваетъ се отъ вліянія мусульманъ и Европейцевъ.

Брамины понынѣ составляютъ одну касту и имѣютъ тѣмъ самымъ огромный перевѣсъ надъ потомками другихъ трехъ древнихъ сословій, распавшихся на множество подраздѣленій. Мы уже сказали, какимъ-образомъ они въ теченіе вѣковъ, мало-помалу, лишили другія касты права изучать веды, желая присвоить себѣ монополію религіознаго толкованія. Предпріятіе это увѣнчалось совершеннымъ успѣхомъ, особенно по-мѣрѣ постепеннаго преобразованія и упадка другихъ кастъ; но между-тѣмъ и сами брамины, относительно религіозныхъ обрядовъ и домашняго быта, во многомъ отступили отъ древнихъ правилъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они возложили на себя, конечно, еще новыя строгости; такъ, напримѣръ, высшіе брамины даютъ обѣтъ воздерживаться отъ употребленія всякаго мяса; имъ безусловно запрещается вступать въ бракъ съ женщинами низшей касты; но всѣ подобныя строгости страшны только на словахъ, а въ дѣйствительности обѣтъ воздержанія не исполняется: брамины не только ѣдятъ всякое мясо, подъ предлогомъ освященнаго и принесеннаго въ жертву, но предаются и пьянству и сластолюбію, и вообще отлпчаются правственностію, въ высочайшей степени испорченною. Раздѣленіе жизни на четыре періода, послушаніе и смиреніе воспитанника, многолѣтнія мученія отшельника,—все это давно забыто и уступило мѣсто корыстолюбію, едва прикрываемому отвратительнымъ ханжествомъ.

Касательно гражданскаго положенія, брамины въ наше время позволяютъ себѣ вступать и въ военную службу, и заниматься тѣми изъ ремеселъ, которыя почитаются чистыми. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи есть различныя отѣнки, смотря по мѣстности. Въ южныхъ частяхъ Индустана, изъ числа мірскихъ занятій они принимаютъ на себя только должности писарей и государственныхъ чиновниковъ. Вся іерархія должностныхъ лицъ по

управленію, отъ перваго министра до сельскаго писаря, принадлежить къ ихъ кастъ, не говоря уже о судебныхъ должностяхъ, занимаемыхъ исключительно ими со временъ Мену. Кроме того, они священнодѣйствуютъ и находятся на лицо вездѣ, гдѣ надобенъ грамотный чловѣкъ. Въ тѣхъ частяхъ Индустана, гдѣ Монголы ввели свой образъ правленія, водвореніе персидскаго языка вытѣснило браминновъ изъ государственной службы и открыло ее Персіанамъ и потомкамъ судръ; въ Деканѣ та-же самая причина содѣйствовала къ ограниченію ихъ власти. Каста эта не можетъ похвалиться любовью народа; но она богата, сильна, послѣдовательна, — а народъ бѣденъ, слабъ своею раздробленностію, погрязъ въ невѣжествѣ, — и потому находятся и теперь еще мѣста, гдѣ онъ смотритъ на касту браминновъ, какъ на сословіе, не только сильное, но и святое. Всего болѣе значенія утратили брамины въ Бенгаліи.

Брамины-священники должны ходить съ непокрытою головою и голыми плечами, — браминнамъ-мірянамъ разрѣшена чалма и длинная одежда. Женщины разрисовываютъ себѣ на лбу отличительную черту секты или подраздѣленія касты, къ которой принадлежитъ мужъ; онъ носить коротенькую кофточку и облачаютъ станъ свой въ широкое покрывало.

Учѣнѣйшіе брамины знаютъ астрономію и составляютъ календаріи. Брамины-чиновники, унижающіеся иногда до должности кассира у европейскихъ банкировъ въ Мадрасѣ и Калькуттѣ, называются *пандидананами*. Сектаторы Шивы, *татай-дипананы*, должны жить милостынею и постоянно бормотать молитвы; жрецы Вишну, *пананъ-вайшенавены*, отправляютъ службу въ нагодахъ, посвященныхъ ихъ богу-покровителю. Эти послѣдніе находятся въ огромномъ количествѣ, и установили между собою определенную іерархію, соблюденіе которой охраняется строгими штрафами: иначе-бы и не могло быть никакого порядка, ибо въ одномъ Джагернатѣ живетъ ихъ не менѣе 3000.

Высшую степень между браминами-священниками занимаютъ *гуру*, мѣстные и духовные начальники или секты или монастыря. Такъ, у вишнуитовъ и шивантовъ есть свои гуру, имѣющіе надзоръ за чистотою вѣры въ извѣстномъ околоткѣ. Нѣсколько разъ въ годъ они предпринимаютъ ревизіи въ своихъ епархіяхъ. При описаніи сектъ, мы говорили о великолѣпнѣ этихъ поѣздовъ; въ настоящее время гуру нерѣдко совершаютъ ихъ ночью, для избѣжанія встрѣчъ съ мусульманами и Европейцами. Гуру сбираетъ церковныя приношенія со всей своей епархіи, и опредѣляетъ самъ изъ этихъ суммъ содер-

жаніе жрецамъ, баядеркамъ и остальному причету подвѣдомственныхъ ему нагодъ. Доходы эти бываютъ въ нѣкихъ мѣстахъ очень значительны. Такъ, цѣнность подаяній, приносимыхъ на алтари Уйравали, доходитъ, говорятъ, до 140,000 рублей серебромъ въ годъ. Всякій гуру независимъ въ духовномъ отношеніи, и управляетъ по положеніямъ своей секты, ибо церковь Индустана не знаетъ единства и не имѣетъ видимой главы.

Другія три касты времени Мену раздробились на безчисленное множество подраздѣленій, называемыхъ тоже кастами. Каждое мелкое различіе въ занятіи составляетъ теперь достаточный поводъ къ установленію особой касты. Кули, привыкшіе носить тяжесть на головѣ, ни за что не согласятся взвалить ее на плеча; продавецъ масла не станетъ продавать муки; дворецкій почтетъ оскверненіемъ дотронуться до ведра воды, или подать господину умыться. — Люди рождаются, чтобы шить шальвары, саногги, продавать зонтики, быть бриллиантчиками, гончарами, рыбаками, пятновыводчиками, — и если нужда заставитъ ихъ бросить отцовское ремесло, при которомъ они умирали съ голоду, то не иначе позволяется имъ прицѣпиться за болѣе выгодное занятіе, какъ съ лишеніемъ касты и обращеніемъ ихъ въ паріи. Нѣтъ никакой возможности опредѣлить число этихъ новыхъ кастъ или гильдій. Во всякой мѣстности, во всякой провинціи они образовались различно; и если нѣкоторые писатели ограничиваются показаніемъ только 84 или 85 кастъ, — то, по увѣренію другихъ, въ одной окрестности Пуны находится ихъ не менѣе 150. Въ глазахъ Европейца они легко смѣшиваются съ безчисленнымъ множествомъ новыхъ сектъ. Замѣчательно, что въ этихъ мелкихъ подраздѣленіяхъ духъ исключительности развитъ еще рѣзче, чѣмъ въ древнихъ четырехъ кастахъ времени Мену. Это явленіе, впрочемъ, очень понятно: чѣмъ нестественнѣе раздѣленіе общества, чѣмъ труднѣе сохраненіе настоящей формы, — тѣмъ строже, нестественнѣе должны быть законы, охраняющіе его. Раздѣленіе это всего рѣзче выказывается въ Бенгаліи. Не говоря уже о правилахъ приличія, по которымъ членъ одной касты не породнится съ членомъ другой, не станетъ водить съ нимъ дружбы, и конечно, ни за что въ міръ, не сядетъ за одинъ столъ, — мы видимъ, что духъ исключительности истребилъ всякое зерно человечности: Индусъ вдетъ по большой дорогѣ, видитъ человѣка, ушибеннаго колесомъ или лошадыо, упавшаго съ крыши, — и если несчастный не принадлежитъ ни къ его, ни къ высшей кастѣ, — то онъ отвернется и съ равнодушіемъ будетъ продолжать путь. Онъ глубоко убѣж-

день, что помочь несчастному было-бы не только не добрымъ дѣломъ, но прямымъ преступленіемъ. Всѣ отношенія человека высшей касты къ низшему должны ограничиваться изъясненіемъ презрѣнія и отвращенія. Несчастные, такъ часто страждущіе отъ этихъ гнусныхъ предразсудковъ, пользуются ими иногда для своей выгоды. Напримѣръ, Европейцамъ удастся полюбоваться любопытною сценою, какъ *жукань*, сборщикъ податей, человекъ приличной и благонамѣренной наружности, приступаетъ къ какому-нибудь оборванному парю, требуя отъ него подати. Индійскій джентльменъ, произнося свое требованіе, видно, крайне озабоченъ мыслію, какъ-бы не оскверниться прикосновеніемъ презрѣннаго. Паря не соглашается на уплату и вмѣстѣ съ тѣмъ приближается къ сборщику. Тотъ издали кричитъ на него, требуетъ деньги, велитъ остановиться, и наконецъ обращается въ бѣгство. Число парій, съ принадлежащими къ нимъ *чакили*, составляетъ лишь не менѣе *шестой* части всего народонаселенія Индустана; оно заключаетъ въ себѣ, следовательно, много миллионъ людей, и эти миллионы уже цѣлыя тысячелѣтія терпѣливо переносятъ проклятіе и презрѣніе гнетущаго ихъ общества!

Въ характеръ Индусовъ кроется бездна тщеславія. Такъ, при очевидномъ распаденіи формы трехъ древнихъ нижнихъ кастъ, вы встрѣтите цѣлыя племена, ведущія свое происхожденіе прямо отъ *киатрій*. Къ числу ихъ принадлежатъ Напры на Малабарскомъ берегу, Маратты, всѣ жители Раястана (Раяпуты или Раджапуты), Малвы, Бунделунда, Ауда, Пенджаба и Мервы. Притязаніе это напоминаетъ бискайскихъ пастуховъ Испаніи, которые, всѣ безъ исключенія, считаютъ себя дворянами. Врожденное тщеславіе Индусовъ произвело легіоны *титоловъ*. Взглянемъ, для примѣра, на главныя раздѣленія общества въ Карнатикѣ. Тутъ вы находите, между прочимъ, слѣдующія касты:

1) *Велла*, корень служащій точкою исхода для множества близкихъ кастъ, относящихся къ земледѣльческой части. Причисляя себя къ кастѣ вайши, веллаи считаются директорами земледѣлія, о которомъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Близкія имъ касты: *суджія-велла*, *кудакетту-велла*, *туллау-велла*, *каратау-велла*; 2) *агмадгаръ*, — 3) *ретти*, — 4) *натаманъ*, — 5) *одеанъ*, — 6) *пастухи*: члены этихъ пяти кастъ, относящихся къ земледѣлію, не работаютъ собственноручно, но пользуются только кастою, какъ почетнымъ званіемъ; 7) *комути*, — 8) *четти*: эти двѣ касты относятся къ торговлѣ; 9) *каваре*, — 10) *ванья* или *палли*, хлѣбопашцы не по одному только

званію, а на самомъ дѣлѣ; 11) *ваніанъ*, маслѣбойцы, — 12) *каматеръ*, люди работающіе молоткомъ, — 13) *маква*, рыболовы, — 14) *кареаръ*, подраздѣленіе касты маква. Каждая изъ этихъ кастъ имѣетъ свой титулъ, который прибавляется къ прозванію каждаго лица. Такъ, напримѣръ, *суджіи-селлаи* и *пастухи* называются *пуллѣ*, и поэтому говорятъ: *Мутузами-пуллѣ*; это значитъ, что господинъ Мутузами — человѣкъ почётный, и принадлежитъ къ одной изъ двухъ упомянутыхъ кастъ. *Туллуи-селлаи* могутъ называться и *пуллѣ*, и *модели*, и *накинъ*, и *одеанъ*. Словесный переводъ подобныхъ титуловъ невозможенъ; по сравнивая чувство почтенія, вызываемое ими, съ впечатлѣніемъ; производимымъ на низшіе классы нашего общества европейскими титулами, — понятіе словъ *пуллѣ* и *модели* можно-бы передать титулами барона и графа. Члены кастъ *четти* и *ко-муги* присоединяютъ къ своему прозванію слово *четти*; члены касты *ретти* не забываютъ никогда прибавить этого слова къ своей фамиліи, въ родѣ англійскаго *esquire*. Кастъ *каваре* слѣдуетъ титулъ *накинъ*; *патаманамъ* — *одеанъ*; кастъ *ванья* — *падеачи* или *накинъ*; члены касты *ваніанъ*, причисляя себя къ купцамъ, берутъ почётный титулъ *четти*. Въ кастѣ *каматеръ* золотыхъ дѣлъ мастерамъ предоставленъ титулъ *патинъ*, а остальные члены ея довольствуются словомъ *озари*.

Въ учрежденіи двухъ большихъ кастъ: *правой* и *лѣвой руки*, соединяющихъ въ себѣ множество другихъ новѣйшихъ, проявляется тоже въ сильной степени тщеславіе народа. *Лѣвая рука* ведетъ свое происхожденіе отъ *кшатрій* и высшихъ отдѣленій *вайши*; *правая* тоже отъ *вайши*, — отъ *пейчала*, пяти разрядовъ ремесленниковъ, и нѣкоторыхъ классовъ *судръ*; къ ней причисляются и паріи съ классомъ *чакили*. Эти двѣ руки питаютъ другъ къ другу сильную вражду и не перестаютъ спорить о разныхъ преимуществахъ. Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ важныхъ правъ, изъ-за которыхъ дѣло доходитъ часто до драки и даже до кровопролитія: право носить туфли, ѣздить по улицѣ верхомъ, или прогуливаться въ палацки въ свадебные дни, — право имѣть при себѣ прислугу въ опредѣленнаго рода ливреѣ, ходить въ предшествіи трубача, содержать при себѣ отвратительную національную музыку, — право употреблять при извѣстныхъ праздникахъ и процессіяхъ такіе-то или такіе-то музыкальные инструменты, — право окружать себя знаменами и наконецъ, право носить зонтикъ. Одинъ только горшечникъ, *коссеваръ*, стоитъ внѣ этого раздѣленія *правой* и *лѣвой руки*. Произведеніе его рукъ, столь важное въ религіозномъ быту Индуса и

требующее большой чистоплотности при одѣжкѣ, дало ему особенно-почётное значеніе во мнѣніи народа. Въ особенности почитается коссеверь, приготовляющій во внутренности пагоды, помощію горизонтально-вертящагося колеса, священные сосуды для омовенія. Горшки эти такъ легки, что онъ ставитъ ихъ до 8-ми за-разъ на голову, и въ такомъ видѣ выноситъ на рынокъ. Коссеверы — всѣ шиванты.

Мы говорили выше о таинствахъ сектъ, въ которыхъ пчезаютъ на-время всѣ отличія касты. Не менѣе удивительно явленіе, что франмасонство сильно распространено въ Индіи. Европейцы были очевидцами, какъ брамины, по поданнымъ паріями знакамъ, впускали ихъ въ храмъ и обходились съ ними, какъ съ равными. На вопросы Европейцевъ брамины отвѣчали только: «они изъ числа нашихъ братьевъ.» Упомянемъ кстати, что слово братъ (*талеби*) вошло въ такое общее употребленіе, что вы слышите его безпрестанно на улицахъ, — а между-тѣмъ, конечно, нельзя-же называть Индустана страной любви и братства.

Число новыхъ кастъ значительно увеличивается монашескими орденами, составляющими одно изъ нововведеній, самыхъ противныхъ основному духу древнихъ кастъ. Самая отличительная черта этихъ братствъ состоитъ въ томъ, что между посвященными пчезаетъ всякое различіе кастъ, и устанавливается гражданское равенство, умѣряемое только духовнымъ чинопочитаіемъ, основаннымъ на личныхъ заслугахъ и совершенно чуждымъ всему потомственному. Возникновеніе первыхъ монашескихъ орденовъ относится къ VIII вѣку нашего лѣтосчисленія, а отрицаніе положенія касты, въ отношеніяхъ монаховъ между собою, развилося не прежде конца XV-го столѣтія.

Индійскіе монашескіе ордена не подчинены такой послѣдовательной и своеобразной дисциплинѣ, какъ ордена Европы. Различныя братства не составляютъ тамъ чего-то цѣлаго, какъ братства римско-католической церкви, и не отдѣляются такъ рѣзко отъ остальнаго міра. Сословіе монаховъ не имѣетъ даже общаго названія, и мы поневоле будемъ означать его словомъ гозелитъ, частнымъ именемъ одного изъ множества его разрядовъ. Общія черты между всеми орденами только слѣдующія: всѣ связаны обѣтами, всѣ принимаютъ подаянія и всѣ имѣютъ какую-нибудь часть одѣянія, напримѣръ, чалму, поясъ, жолто-оранжеваго цвѣта, исключая, однако, нѣкоторыхъ братствъ, отвергающихъ всякую одежду.

Большая часть орденовъ имѣетъ монастыри съ богатыми недвижимыми имуществами. Монахи всякаго монастыря находятся

подъ начальствомъ настоятеля (*мого*), который, умирая, назначаетъ кого-нибудь изъ братіи своимъ преемникомъ. Желаящіе вступить въ монастырь принимаются не безъ предварительнаго испытанія, продолжающагося по-крайней-мѣрѣ годъ. Въ Бенгаліи есть орденъ, по правиламъ котораго монахи и монахини, давъ обѣтъ цѣломудрія, живутъ въ одномъ зданіи. Многіе монахи, принадлежащіе къ монастырямъ, проводятъ большую часть времени внѣ ихъ; другіе не пристають ни къ какимъ общинамъ, но живутъ независимо и шатаются съ мѣста на мѣсто. Иные ордена налагаютъ на своихъ членовъ обѣтъ цѣломудрія, — другіе позволяютъ имъ вступать въ бракъ и жить съ семействами. — Есть орденъ, посвященный Кришнѣ, называемый *саки-бава*, обѣты котораго состоятъ въ томъ, чтобы носить всегда пышное платье, питаться изысканными яствами и не отказываться ни отъ какихъ *невинныхъ* наслажденій. Въ торжественные дни монахи этого ордена наряжаются въ женское платье, въ честь пастушекъ Кришны. Народъ благоговѣетъ передъ такимъ разгульнымъ братствомъ, и усердными подаяніями даетъ ему средства свято исполнять столь-нетягостный обѣтъ. За-то, есть другіе ордена, которые стараются дикимъ, иногда чистосердечнымъ, иногда поддѣльнымъ фанатизмомъ заслужить уваженіе толпы и блаженство въ томъ мірѣ. Если вы путешествуете по Индустану, — съ вами встрѣчаются и *факиры* и *жогги*, и *фадены*, и *пандараны*, принадлежащіе къ сектѣ Шивы, и *путчари*, монахи секты Маргатты, божества парій, и наконецъ, безчисленное множество тунеядцевъ, прикрывающихся разными названіями и имѣющихъ въ виду одно — пользоваться легковѣріемъ и невѣжествомъ народа. — Главное мѣсто между этими лѣнивыми толпами занимаютъ *факиры* и келантажогги или просто *жогги*; первые изъ нихъ мусульмане, — вторые Индусы, набирающіеся, болѣею частию, изъ высшихъ кастъ и поклоняющіеся Шивѣ. — *Жогги* составляютъ явленіе, въ высшей степени любопытное и оригинальное. Эти отвратительные пзувѣры влечутъ свое существованіе иногда въ самыхъ отдаленныхъ отъ человѣческихъ жилищъ мѣстахъ, помѣщаясь то въ какихъ-нибудь развалинахъ, то въ ямѣ, около большой дороги, и питаются, кромѣ подаянія, дикими плодами и кореньями. Они ходятъ совершенно нагіе, не стригутъ никогда ни волосъ, ни ногтей, считаютъ умываніе и чесаніе совершенно бесполезными обрядами, покрываютъ все тѣло и волосы густымъ слоемъ уважаемаго ими коровьяго кала и посыпаются золою. Желая списать царствіе небесное, эти уроды подвергаются

ужаснѣйшимъ мученіямъ: одни выбираютъ самое неловкое положеніе для рукъ или ногъ, и сохраняютъ его въ продолженіе нѣсколькихъ годовъ, такъ что членъ, лишенный движенія такое долгое время, нѣмбеть и дѣлается навсегда негоднымъ. Другіе, сжавъ кулакъ, не разжимаютъ его, такъ что ногти проростають насквозь черезъ руку. Иные спятъ на желѣзной кровати, съ замѣняющими тюфакъ острыми шпильками. Наконецъ, нѣкоторые зарываются въ землю по самое горло, или замуровываютъ себя въ тѣсный сводъ, въ которомъ тѣло ихъ можетъ помѣститься и съ головою, а сверху оставляютъ только отверстіе, куда прохожій можетъ подать пищу. Понятно, что въ такомъ случаѣ, у нихъ есть добрые пріятели, которые подадутъ пищу и тогда, когда-бы не случилось сострадательныхъ прохожихъ, такъ что жогги не рискуютъ умереть голодною смертію; но каково-же подобное существованіе?... А достовѣрно извѣстно, что есть жогги, которые осуждаютъ себя на такое мученіе въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и выдерживаютъ свой обѣтъ!... Между жогами есть святыя *изступленные*, святыя *дурачки*, даже святыя *старушки-кликуши* (*).—Отчасти почтенные люди эти состоятъ дѣйствительно изъ полоумныхъ, отчасти изъ хитрецовъ, принимающихъ на себя личину, уважаемую народомъ. — Но не всѣ они избираютъ одинъ путь: иные, пользуясь почетнымъ званіемъ, на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ волтижеры, шарманщики или просто воры; другіе-же, не обрекая себя на мученія, спискиваютъ уваженіе народа... чѣмъ-бы, вы думали?... крайнею неопратностію, безсвязностію рѣчей, и тѣмъ, что не соблюдаютъ никакихъ правилъ приличія. Народъ толпится около нихъ, почитаетъ ихъ жизнь угодною богамъ и поддерживаетъ ихъ существованіе изобильнымъ подаяніемъ. Онъ твердо увѣренъ, что жогги могутъ прожить нѣсколько лѣтъ безъ пищи, что чудеса — имъ ни почемъ, — что прикосновеніе ихъ освящаетъ, и потому, набожныя женщины не отказываютъ этимъ грязнымъ мерзавцамъ *ни въ чемъ* (вѣроятно, увлекаясь правломъ Фоп-Визинова бригадира: согрѣшимъ и покаемся). Иногда ихъ собирается до 10,000 человекъ. Появленіе сброда подобныхъ богомольцевъ внушаетъ не только божескій, но и человѣческій страхъ; они безъ всякой

(*) Нужно-ли повторять намъ, что только близорукая, невѣжественная толпа въ состояніи увлекаться продѣлками этихъ ловкихъ обманщиковъ, и награждать титулами, даваемыми лишь высшей степени человѣческаго совершенства, людей, которыхъ нужно-бы образумливать исправительными увѣщаніями полиціи.

церемоніи обирають и объѣдаютъ, какъ саранча, цѣлыя деревни. Число всѣхъ факировъ и жоговъ простирается, говорятъ, до 800,000.— Между голыми орденами замѣчательнъ еще орденъ *нагасъ*. Это вооруженные бродяги, готовые, подобно ландскнехтамъ среднихъ вѣковъ, сражаться за всякаго, кто имъ заплатитъ. Они отличаются своею необузданностію и изувѣрствомъ. Ихъ голые, испачканные члены, длинныя косматыя бороды, скомканные въ клокья волосы, придаютъ имъ страшный видъ. Въ настоящее время, Англичане успѣли нѣсколько укротить этихъ странныхъ монаховъ; но и теперь они еще часто причиняютъ большіе безпорядки. Особенно опасно, если сойдутся *нагасы* разныхъ сектъ. Такъ, напримѣръ, при большой хардварской ярмаркѣ, въ 1760 году, *нагасы* Шивы и Вишну вступили въ рукопашный бой, дрались нѣсколько дней, и по окончаніи сраженія найдено было, какъ утверждаетъ народная молва, не менѣе 18,000 мертвыхъ тѣлъ. Это показаніе, безъ сомнѣнія, преувеличено; но возможность подобнаго показанія касательно происшествія позднѣйшихъ временъ можетъ дать понятіе о числѣ сражавшихся и остротѣ инстинкта этого рода стычекъ изъ-за-ничего.

Конечно, и между индійскими *гозелами* есть люди, совершенно непричастные всѣмъ этимъ мерзостямъ. Вы найдете въ числѣ ихъ и учёныхъ, преданныхъ наукѣ, и добродушныхъ мошельщиковъ, равно отдаленныхъ отъ фанатизма и отъ обмановъ, — найдете почтенныхъ торговцевъ и попечительныхъ отцовъ семейства; но большая часть индійскихъ монаховъ состоить, какъ мы сказали, изъ двухъ половинъ: фанатиковъ и обманщиковъ. Тѣ и другіе — тунеядцы, и живутъ тѣмъ, что выманять у ближняго. Особенно отличаются дурной нравственностію монахи секты Шивы; вишнуиты стоятъ несравненно выше ихъ. Сообщимъ здѣсь анекдотъ, который превосходно обрисовываетъ настоящее значеніе индійскихъ кающихся (*мопасина*). Знаменитый Ауренгзебъ приказалъ однажды созвать къ себѣ всѣхъ нищихъ пилигримовъ *Декана*. На его призывъ стеклись многочисленныя толпы печёсанныхъ, оборванныхъ людей. Мудрый государь, зная, съ кѣмъ имѣеть дѣло, щедро угостилъ ихъ, и подарилъ каждому изъ «святыхъ мужей» по новому платью жолтаго цвѣта, а старыя лохмотья велѣлъ отобрать. Тутъ его гости подняли страшный крикъ, увѣряя, что они почитаютъ грѣхомъ надѣть предлагаемая имъ столь дорогія одежды, что они посвятили себя бѣдности и не хотятъ разстаться съ платьемъ, въ которомъ были у столькихъ святыхъ мѣстъ и знаменитыхъ храмовъ. Невѣжественный народъ хотѣлъ-было заступиться за нихъ,

по Луренгзебъ остался при своемъ приказаніи, — и каково было удивленіе вѣрующей толпы, когда стало извѣстно, что въ лохмотьяхъ бѣдныхъ монаховъ нашли зашитого золота и драгоценныхъ камней на многія сотни тысячъ рупій!

Приведемъ названія еще нѣкоторыхъ изъ скитающихся орденовъ. *Рамаласъ*, послѣдователи Рамы, находятся преимущественно въ западныхъ областяхъ. Ихъ одѣяніе состоитъ изъ куска полотна, подпоясанаго веревкой или цѣпью. Они бродятъ всегда толпами, входятъ въ дома богачей и сидятъ тамъ молча, пока ихъ не накормятъ, — а спятъ подъ открытымъ небомъ, около костровъ. *Кавира-панта*, также поклонники Рамы. *Кристайиасъ*, считающіе своимъ покровителемъ Кришну, питаются милостыней и продажей самодѣльныхъ корзинокъ. *Шареваресъ* вооружены вѣчно метелкою, и озабочены мыслию какъ-бы не умертвить случайно какой-нибудь твари. *Данди* имѣютъ право на гостепріимство всякаго брамина, пользуются обожаніемъ народа, и по смерти тотчасъ сливаются съ божествомъ. *Угора-панта*, нагіе, отвратительные нищіе. Въ правой рукѣ у нихъ сосудъ съ угольями, а въ лѣвой человѣчій черепъ, наполненный помоями и самымъ нечистымъ соромъ. Въ случаѣ недостаточнаго полученія милостыни, они начинаютъ ѣсть эти гадости, что считается большимъ грѣхомъ и позоромъ для отказавшаго.

Окончимъ этотъ обзоръ современнаго раздѣленія индійскаго общества взглядомъ на страшное франмасонство *тойговъ* (*), поклоняющихся кроваваго Баавани, грозное изображеніе которой читатели, конечно, еще помнятъ.

До 1830 года, существованіе этого страшнаго братства было тайною не только для Европейцевъ, но даже и для туземныхъ правительствъ. Прежде (съ 1816 года) попадались, правда, изрѣдка въ руки правосудія нѣкоторые изъ членовъ его, — но всѣ рассказы о немъ, всѣ открытія, дѣлаемые англійскими офицерами, казались преувеличенными, приписывались воображенію изслѣдователей, и поэтому не могли обратить на себя общаго вниманія. А между-тѣмъ, съ каждымъ годомъ, эта общественная чума губила большее и большее число жертвъ, таясь, подобно гремучей змѣѣ, во мракѣ и охватывая своими смертоносными кольцами все народонаселеніе Индустана, отъ подошвы Ги-

(*) *Тойгъ* значитъ обманщикъ, обольститель: такъ называютъ этихъ душегубцевъ въ сѣверномъ Индустанѣ; въ Деканѣ они извѣстны подъ именемъ *фансегаровъ* (удавовъ). Городъ, гдѣ было средоточіе ихъ братства (въ Голкондскомъ Королевствѣ), получилъ названіе *Мактала* (города убійства).

маласвѣ до мыса Коморина, отъ Кутна до Ассама... Ужасъ объѣлъ всю Индію, когда въ 1830 году, вслѣдствіе признанія, сдѣланнаго однимъ изъ главныхъ предводителей тойговъ, по имени *Ферингеа*, устройство этой адской машины сдѣлалось извѣстнымъ. Нельзя было уже болѣе сомнѣваться въ страшной истинѣ, доказательства были на лицо: въ день своего допроса, Ферингеа, которому пощадилъ жизнь, подъ условіемъ полного доноса на всѣхъ соучастниковъ, показалъ судьямъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла ихъ палатка, *тринадцать* труповъ, находившихся въ разной степени гніенія; кругомъ онъ брался отрыть безчисленное множество жертвъ, павшихъ подъ ударами его собратьевъ... Но и тогда еще многіе боялись вѣрять своимъ глазамъ: въ такой кровавой наготѣ предстало зло... Въ-самомъ-дѣлѣ, начальники многихъ туземныхъ областей могли похвалиться тѣмъ, что малѣйшее преступленіе въ ихъ округѣ, самая ничтожная кража, не укрывались отъ ихъ зоркой бдительности; а ни одинъ изъ нихъ не зналъ, не могъ даже вообразить себѣ, чтобы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣстъ, гдѣ правительство сторожило общественную безопасность, гнѣздились колоссальная шайка убійцъ, наслѣдственно отправлявшихъ свое «ремесло», — чтобы сотни, тысячи путешественниковъ невѣдомо гибли подъ ея ударами...

«Какъ подобное франмасонство, говоритъ одинъ путешественникъ, описывая это явленіе, такъ рѣзко очерчивающее фанатическую природу Индуса: какъ могло оно столь значительно умножиться, сохранивъ такую строгую тайну: это трудно понять въ Европѣ, не изучивъ особенностей восточнаго общества. Азія, съ незапамятныхъ временъ раздробленная на большое число участковъ, подчиненныхъ правительствамъ деспотическимъ, безпечнымъ, враждебнымъ другъ другу, никогда не была покрыта безопасными путями сообщеній, — и полиція всякаго отдѣльнаго владѣнія ни въ какомъ случаѣ не могла выходить за свои предѣлы. Когда вспомнимъ, что въ Индіи никогда не существовало правильныхъ общественныхъ средствъ переезжать съ мѣста на мѣсто, ибо этому противились нравы и обычаи народонаселенія; что самыя продолжительныя путешествіи въ этой странѣ совершаются верхомъ или пѣшкомъ; что отдѣльные путешественники, чуждые другъ другу должны, для взаимнаго самосохраненія, собираться большими караванами; что извѣстно, какія значительныя цѣнности въ металлическихъ слиткахъ и драгоценныхъ камняхъ постоянно перевозятся въ поклажѣ путешественниковъ; что нѣтъ другихъ путей сообщенія, кроме тропинокъ, кое-какъ проложенныхъ ногами человека черезъ лѣса и степи; что селенія рѣдки; что на большихъ пространствахъ между этими селеніями не встрѣтишь жилья, гдѣ-би можно было опасаться найти свидѣтелей или мстителей: когда вспомнимъ все это, то нельзя не согласиться, что всѣ эти обстоятельства сильно благоприятствуютъ разбойничьимъ шайкамъ, и даютъ имъ возможность оставаться безнаказанными. Отъ того-то, во все времена, Азія была наводняема шайками всѣхъ возможныхъ наименованій; но ни одна изъ нихъ не была такъ многочисленна, такъ стройно организована и вместе съ тѣмъ такъ пагубна, какъ братство тойговъ.»

Главная причина этого непостижимаго успѣха тойговъ заключалась въ томъ, что они не походили на обыкновенныхъ разбойниковъ, убивали не изъ одной корысти. Въ своемъ «ремеслѣ» они видѣли призваніе, цѣль жизни, средство спасенія. Грабежъ становился для нихъ дѣломъ второстепеннымъ, побочнымъ, и былъ презираемъ ими, если съ нимъ не соединялось убійство. Богиня Баавани, во имя которой они дѣлались членами одной семьи, усыновленными дѣтьми божества, любить смерть, потому что ненавидитъ родъ человѣческій; закланіе людей—самая пріятная жертва для нея, и кто чѣмъ больше принесетъ ей этихъ кровавыхъ жертвъ, чѣмъ больше истребитъ подобныхъ себѣ, тѣмъ вѣрнѣе попадетъ онъ въ рай, гдѣ ожидаютъ его вѣчно-прекрасныя жены и вѣчно-новыя, душевныя и чувственныя наслажденія. Тойгъ умерщвляетъ безъ ярости и остервененія, спокойно, какъ-будто дѣлая доброе дѣло, умерщвляетъ и старика, и женщину, и младенца, друга и врага, единственно въ угоду своей дикой богинѣ. . . «Вы находите, говорилъ одинъ изъ этихъ убійцъ своимъ судьямъ: большое удовольствіе въ преслѣдованіи дикаго звѣря въ его логовищѣ, въ нападеніи на кабана, на тигра, потому что съ этимъ соединены опасности, которыя надо преодолевать; потому что для этого нужны смѣлость, мужество. Подумайте-же, какъ должна усилиться прелесть этой охоты, когда вы вступаете въ борьбу не съ звѣремъ, а съ человекомъ, котораго надо, во что-бы то ни стало, уничтожить. Въмѣсто упражненія одной душевной способности, мужества, здѣсь приводятся въ дѣйствіе все разомъ: храбрость, хитрость, предвидѣніе, краснорѣчіе, вкрадчивость. Сколько пружицъ нужно привести въ дѣйствіе, сколько средствъ развить! Играть со всеми страстями, трогать даже струны любви и дружбы, чтобы завлечь жертву въ тенета: это славная, употребительная охота.»

Время основанія общества тойговъ не извѣстно. По ихъ словамъ, оно современно сотворенію міра. Баавани думала пѣкогда истребить все человѣчество, кромѣ послѣдователей ея ученія; но занимаясь этимъ, она съ удивленіемъ замѣтила, что изъ крови убитыхъ сию творческая сила природы производила новыя поколѣнія. Тогда она собрала своихъ учениковъ и показала имъ, какъ можно убивать безъ пролитія крови, посредствомъ удавленія, объявивъ при этомъ, что она приметъ на себя заботу о скрытіи труповъ. Но одинъ изъ тойговъ, видно полюбопытнѣе другихъ, вздумалъ подсмотреть, какъ будетъ она дѣлать это, и разгнѣванная богиня съ-тѣхъ-поръ отказалась отъ исполненія

своего обѣщанія, предоставивъ убійцамъ самимъ хлопотать о скрѣпѣ своихъ жертвъ.

Члены братства были изъ различныхъ классовъ, отъ нищихъ монаховъ до мѣстныхъ властей, и всѣ они раздѣлялись на партіи, каждая подъ начальствомъ одного или нѣсколькихъ *жемидаровъ* (нѣчто въ родѣ церемоніймейстера), избравшихся изъ самыхъ опытныхъ разбойниковъ; между ними существовали особые знаки, по которымъ они легко отличали другъ друга. Символомъ поклоненія имъ служилъ заступъ (*кходали* или *нишанъ*), замѣнявшій для отряда знамя. Всякій разъ передъ выступленіемъ на промыселъ, тойги праздновали «молитву» (*пуджу*) заступу, обращали при этомъ вниманіе на благопріятныя примѣты, и отправлялись въ путь, смотря по донесеніямъ соглядатаевъ. Кромѣ жемидара, при каждой толпѣ находился особый *буттоатъ* (удавитель); носившій при себѣ оружіе общества—платокъ, длиною около трехъ футовъ, завязанный въ узелъ съ одного конца. Когда нужно было совершить убійство, буттоатъ, по знаку церемоніймейстера, накидывалъ платокъ сзади на шею обреченной жертвы, быстро скрещивалъ руки, и несчастный падалъ мгновенно, не испустивъ ни одного воиза. Съ путешественниками, которые, обманутые добродѣтельною наружностью тойговъ, попадались въ ихъ сѣти, употреблялся другой обрядъ: напередъ гробокопатели общества вырывали для жертвы ямы, и вопросъ жемидара: «очищены-ли ямы,» на что подчиненный отвѣчалъ «маджехъ!» служилъ смертнымъ приговоромъ неосторожнымъ странникамъ.—Часть награбленной добычи отсылалась отрядомъ въ мирзанурскій храмъ Баавани, десятая доля давалась жемидару, а остальное дѣлилось между всею шайкою. Порядокъ распоряженій, умѣнье замаскироваться въ честныхъ простачковъ, быстрота сообщенія извѣстій, и какая-то непонятная, тайная связь между отдаленными одинъ отъ друга отрядами тойговъ, были удивительны.

Во время открытія Ферингеа, число тойговъ простиралось до пятидесяти тысячъ! Можно представить себѣ, сколько людей должно было гибнуть подъ ударами этой олицетворенной гильотины, и какова была насильственная смертность въ Индустапъ!... По словамъ пойманныхъ убійцъ, рѣдкій изъ нихъ, въ продолженіе 30 лѣтъ, не присутствовалъ при сотнѣ или болѣе «религіозныхъ давлѣній!»

Англійское правительство дѣятельно преслѣдуетъ это кровавое общество, но силу фанатизма Индуса не такъ-то легко укротить,—и при подножіяхъ эшафотовъ, подъ сѣкирою палача,

общество тойговъ находитъ и новыхъ приверженцевъ, и имѣетъ своихъ проповѣдниковъ и мучениковъ.

ОБРАЗЪ ПРАВЛЕНІЯ. — По законамъ Мену, *высшая правительственная власть* должна сосредоточиваться въ рукахъ неограниченнаго короля, отдающаго отчетъ въ своихъ поступкахъ одному Брамъ. «Народъ да обожаетъ короля, говоритъ Мену: въ его тѣлѣ крестя великое божество. Король составленъ изъ частицъ верховныхъ боговъ, а потому и стоитъ высоко надъ всеми простыми смертными.» Обязанности короля опредѣлены слѣдующимъ образомъ: «Блюсти за судопроизводствомъ въ королевствѣ, оказывать твердость противъ непріятеля, милость друзьямъ и щедрость брамнамъ. Король долженъ съ благоговѣніемъ и смиреніемъ слушать совѣты брамновъ. Отъ нихъ получаетъ онъ все свѣдѣнія касательно правовѣднія, политики, метафизики и богословія.» Король окруженъ совѣтомъ изъ семи кшатрій, но выше ихъ стоитъ главный брамнъ, первый министръ, къ которому король обязанъ питать сильное довѣріе. Кромѣ главнаго брамны, при дворѣ находится еще важное лицо — «посланникъ», по-нашему министръ иностранныхъ дѣлъ, опредѣляющій войну и миръ.

Внутреннее управленіе государства находится въ рукахъ коронныхъ чиновниковъ. Они раздѣляются на начальниковъ деревень и городовъ (послѣднихъ отъ одного, десяти и ста до тысячи), и соблюдаютъ въ сношеніяхъ своихъ строгое чиновочтеніе. — Жалованье выдается мелкимъ чиновникамъ натурою, изъ припасовъ и матеріаловъ, собираемыхъ съ городовъ въ пользу казны. Начальники десяти городовъ получаютъ участокъ земли на двухъ работниковъ; ста-городовымъ даютъ на прокормленіе вотчину, а начальникамъ тысячи — цѣлый городъ.

Государственныя *подати* состоятъ изъ поземельнаго сбора, торговыхъ повинностей и подушнаго оклада, равняющагося платѣ за одинъ рабочий день ежемесячно. Кромѣ-того, король получаетъ 20 процентовъ изъ чистаго барыша при всякой продажѣ. Онъ законный наследникъ всехъ выморочныхъ имѣній, за исключеніемъ принадлежащихъ брамнамъ. Ему принадлежить половина всехъ рудниковъ.

Король долженъ выбрать для столицы мѣсто возвышенное, неприступное, здоровое, и окружить городъ укрѣпленіями. Средину города долженъ занимать тѣнистый садъ, средину сада — королевскій дворецъ. Потомъ онъ обязанъ избрать себѣ королеву изъ знатнаго рода и отличной красоты, и назначить дворцоваго жреца. — *Послушаемъ церемоніалъ королевскаго дня:* Король встаетъ съ за-

рею, совершаетъ жертвы, и принимаетъ благосклонно своихъ подданныхъ въ пышной приѣмной. Потомъ онъ собираетъ совѣтъ на горѣ или террасѣ, въ тѣни старыхъ деревьевъ, равно удаленной отъ шпионовъ, женщинъ и болтливыхъ птицъ. Послѣ совѣта, онъ предается воинственнымъ упражненіямъ, купается и идетъ объѣдать. Объѣденный часъ онъ проводитъ съ семействомъ, и взвѣшиваетъ мысленно цѣну своихъ сановниковъ. Послѣ объѣда, онъ назначаетъ войску смотръ и ученія, и принимаетъ курьеровъ. Вечеръ определенъ на удовольствія. Ужинъ подаютъ въ самыхъ внутреннихъ покояхъ; потомъ слѣдуетъ вечерній концертъ, послѣ котораго король отходитъ ко сну.—Патріархальная картина эта затмивается нѣсколькими слѣдующими совѣтами: Кухня короля должна быть подъ надзоромъ человека испытанной преданности. На столѣ его должны находиться во всякое время сильнѣйшія противоядія. Подъ легкой одеждой король долженъ носить кольчугу. Всякій, кто подходитъ къ особѣ короля, не исключая и женщинъ, долженъ быть обысканъ досмотрщиками.

Основныхъ правилъ о наследствѣ престола не было. Король самъ назначалъ своимъ преемникомъ кого хотѣлъ, изъ числа своихъ сыновей, не стѣняясь правомъ первородства.

Вотъ нѣкоторыя правила политики: Король долженъ смотрѣть на сосѣднія государства, какъ на враждебныя; въ странахъ, находящихся непосредственно за сосѣдними, онъ можетъ видѣть друзей и союзниковъ; на болѣе-отдаленныя онъ долженъ смотрѣть, какъ на нейтральныя. Шпионы играютъ важную роль въ политикѣ. Законъ совѣтуетъ избирать ихъ изъ числа «бѣглыхъ преступниковъ, несостоятельныхъ купцовъ и ложныхъ кающихся.»

Армія состояла изъ конницы и пѣхоты, вооруженныхъ луками, мечами и щитами. Боевыя колесницы служили вмѣсто артиллеріи. Слоны изстари употреблялись на войнѣ. Военные законы дышали челолюбіемъ. Папитанныя ядомъ и горящія стрѣлы запрещены. Запрещено убивать раненыхъ, безоружныхъ, упавшихъ, бѣгущихъ и просящихъ пощады. Всадникъ не смѣетъ убивать пѣшаго. Третье лицо не можетъ нападать на воина, сражающагося съ другимъ. Въ завоеванномъ государствѣ, жизнь, имущество, религія побѣжденныхъ, должны быть неприкосновенны. Побѣжденный король, или ближайшій родственникъ его, занимаетъ престолъ, въ качествѣ вассала побѣдителя.

Пролетимъ мысленно черезъ тридцать столѣтій, и обратимся къ настоящему времени. Надѣемся, читатели не забыли, что въ этомъ отдѣлѣ мы не касаемся нововведеній мусульманъ и Ев-

ропейцевъ, и что онъ посвященъ исключительно разсмотрѣнію туземныхъ элементовъ государственной жизни.

Въ настоящее время, индійскіе владѣтели не имѣютъ опредѣленнаго числа ни министровъ, ни совѣтниковъ. — Конечно, во всякомъ особомъ управленіи есть свой начальникъ; но эти начальники обыкновенно покорные рабы перваго министра, въ рукахъ котораго сосредоточиваются всѣ нити правленія. Изъ древнихъ финансовыхъ дѣлений на городовые участки всего болѣе уцѣлѣли, особенно въ Деканѣ, перганна, т. е. ста-городовые округа. Индійскія государства раздѣлены, болѣею частию, на обширныя провинціи, которыя также дѣлятся на округа. Главный министръ назначаетъ только начальниковъ большихъ областей, предоставляя имъ всѣ виды власти; а они выбираютъ уже сами отъ себя правителей для меньшихъ частей своихъ намѣстничествъ. Отдѣльные отъ исполнительной власти суды находятся въ однихъ столицахъ и то не во всѣхъ.

Слѣдовательно, патриархальное правленіе, если оно дѣйствительно существовало когда-нибудь не въ одномъ сборникѣ законовъ, но и на дѣлѣ, — теперь совершенно исчезло, и замѣнилось обыкновенною азіатскою формою, бессмысленнымъ деспотизмомъ. Что же дѣлали нижніе классы общества при всѣхъ переворотахъ управленія? — Ничего. Они оставались совершенно чуждыми имъ. Законы Мену были писаны не народомъ и не для народа. Они были составлены людьми сплывыми, для своей касты. Желая только управлять толпою для собственной выгоды, брамины всячески старались повергнуть ее въ невѣжество, и удалить отъ всякаго участія въ государственномъ управленіи. Народъ не достигъ не только до чувства гражданства, но даже до сознанія національности. Онъ остался членомъ тѣснаго кружка, членомъ общины, и ограничился въ политическомъ отношеніи ничтожною сферою дѣятельности. Вотъ почему, въ теченіе тридцати столѣтій, жизнь общинная въ народѣ ни сколько не измѣнилась. Вотъ почему и теперь индійскія государства не что иное, какъ скопленіе большаго или меньшаго числа атомовъ, общинъ, управляемыхъ тѣмъ, кто ловче съумѣетъ схватить бразды высшаго правленія. Правитель вѣдываетъ налоги, народъ платитъ ихъ; другой государственной связи нѣтъ. Народъ смотритъ на отношенія свои къ правительству, какъ на дѣло внешней политики; его внутренняя государственная жизнь ограничивается земскимъ правленіемъ общины.

Назначеніе границъ общинныхъ дачъ относится въ Индіи къ отдаленнѣйшимъ временамъ, и донынѣ соблюдается свято. Дачи

раздѣлены на участки, также обмежеванные, и планы ихъ хранятся въ деревенскихъ архивахъ, съ означеніемъ ихъ качества, количества и цѣнности. Всякая община управляетъ сама собою. Общинное правленіе распредѣляетъ и взимаетъ государственныя доходы и земскія повинности; оно занимается всѣми полицейскими дѣлами и рѣшаетъ гражданскія дѣла въ первой инстанціи. Словомъ, община живетъ совершенно отдѣльною, своею жизнію, права и преимущества которой высшее правительство нарушаетъ иногда на дѣлѣ, но никогда не отрицаетъ въ законѣ.

«*Деревни*, говоритъ сэръ Чарльзъ Миткельфъ: представляютъ собою зрѣлище совершенныхъ республикъ, живущихъ независимо отъ всякой вѣдшей власти. Онѣ, кажется, пользуются правомъ вѣчнаго существованія въ странѣ, гдѣ рушатся и величайшія государства. Династіи падаютъ одна за другой, перевороты слѣдуютъ за переворотами, — Индусы, Афганцы, Монголы, Маратты, становятся по-очередно властителями; а деревни остаются всегда вѣрною самою себѣ, такою-же, какой была съ незапамятныхъ временъ. Во время смутъ она окружаетъ себя укрѣпленіями и вооружается. Захочетъ-ли непріятельскій отрядъ пройти по близости ея, поселене загоняютъ свой скотъ въ укрѣпленную деревню, запираютъ ворота, поднимаютъ мосты, и съ высоты стѣнъ наблюдаютъ за движеніями отряда, не безпокоя его и не вызывая на бой. Если община слишкомъ слаба, чтобы отстоять деревню, то все народонаселеніе уходитъ въ сосѣднія селенія и ждетъ тамъ окончанія опасности. — Бываютъ случаи, что какая-нибудь провинція служитъ театромъ войны нѣсколько лѣтъ. Деревни на это время пустыютъ, но потомъ опять наполняются, и всякій снова вступаетъ въ свои права. Иногда цѣлое поколѣніе умретъ на чужой сторонѣ, но слѣдующее за нимъ непременно займетъ жилища отцовъ. Эта непоколебимая связь деревенской общины содѣйствовала, по моему мнѣнію, болѣе всякой другой причины, къ неизмѣнчивости индійскаго общества посреди всѣхъ политическихъ переворотовъ, которымъ оно неоднократно подвергалось.»

Управленіе общиною тамъ, гдѣ форма правленія сохранила свою первоначальную простоту, сосредоточивается въ рукахъ головы, котораго законы Мену опредѣляютъ; какъ лицо должностное, назначаемое отъ правительства. Теперь должность эта сдѣлалась наслѣдственнымъ достояніемъ нѣкоторыхъ семействъ, и дается кому-либо изъ ихъ членовъ, по назначенію иногда правительства, иногда общины. — Деревенскій голова долженъ быть самъ владѣльцемъ, и получаетъ сверхъ-того нѣкоторое жалованье; но главный доходъ его состоитъ въ штрафахъ, взыскиваемыхъ съ подвѣдомственныхъ ему поселянъ. Въ глазахъ правительства онъ представитель своей общины, такъ что, въ случаѣ несправнаго платежа податей, или ослушанія общины противъ другихъ распоряженій правительства, голова отсылается въ тюрьму. На немъ лежатъ всѣ обязанности земскаго правленія. Онъ условливается ежегодно съ сборщикомъ касательно количества податей, и распредѣляетъ ихъ между поселянами. — Онъ

отдаетъ въ наемъ мірскія оброчныя статьи; утверждаетъ распределение водъ для орошенія полей, судить тяжущихся и отсылаетъ виновныхъ въ тюрьму. Онъ рѣшаетъ дѣла всегда публично, въ назначенномъ для этого мѣстѣ, и въ случаяхъ общаго интереса, долженъ совѣтоваться съ мірскою сходкою. — При разбирательствѣ гражданскихъ тяжбъ, съ нимъ засѣдаютъ посредники, выбранные тяжущимися. Должность головы можетъ быть и продажа, но рѣдко она продается совсѣмъ; обыкновенно люди богатые уступаютъ всѣ заботы и власть, а за собою оставляютъ нѣсколько чисто-почетныхъ преимуществъ, напримѣръ, право предшествовать при главныхъ процессіяхъ.

Общинному головѣ помогаютъ нѣсколько должностныхъ лицъ, изъ которыхъ главные: бухгалтеръ, или *писарь*, замѣняющій для крестьянъ и маклера и уѣздный судъ, и еще полевой *сторожъ*, первое полицейское лицо послѣ головы. Кромѣ *мѣпаллы*, занимающагося повѣркою всей ходячей монеты, въ деревняхъ находятся *жрець* и *астрологъ* (одинъ изъ нихъ въ то-же время и деревенскій учитель), *кузнецъ*, *плотникъ*, *цырюльникъ*, *горшечникъ* и *кожевникъ*. — *Портной*, *бѣлизчикъ* и *музыкантъ* бывають не вездѣ; на югъ каждая деревня имѣетъ еще свою *танцовщицу*. Всякій изъ этихъ чиновниковъ получаетъ съ міра жалованье, или деньгами или натурой.

Таково правленіе во всѣхъ деревняхъ, гдѣ нѣтъ средняго лица между правительствомъ и поселянами. Но въ половинѣ Индіи особенно въ сѣверныхъ областяхъ и на самомъ югѣ, въ каждой деревнѣ находятся нѣсколько семействъ, которыя, основываясь на какихъ-то историческихъ правахъ, представляютъ собою всю общину, и считаютъ остальныхъ поселянъ своими ленниками. Эти привилегированныя семейства почитаются владѣтелями почвы; они имѣютъ исключительное преимущество выбрать изъ среды себя начальника, который признается деревнею. Собраніе членовъ этихъ семействъ составляетъ мірскую сходку, — а всѣ остальные жители пользуются землею только по найму у нихъ. Иногда всѣ общинныя права сосредоточиваются въ одномъ семействѣ: въ такомъ случаѣ, его глава чистый помѣщикъ. — Въ привилегированномъ классѣ владѣльцевъ право собственности принадлежитъ не лицамъ, а семействамъ. Если-бы кто захотѣлъ продать свои права на участокъ, то онъ можетъ сдѣлать это не иначе, какъ съ согласія всей семьи. Покупщикъ пріобрѣтаетъ тогда отнюдь не отдѣльную собственность, а только участіе въ общемъ правѣ цѣлой семьи, въ которую онъ вступаетъ на мѣсто продавца.

Всѣ другіе поселяне, стоящіе ниже этой деревенской аристократіи, дѣлятся на четыре разряда: два высшіе заключаютъ въ себя потомственныхъ и временныхъ фермеровъ; въ третьемъ находится наемные работники; ниже всѣхъ считаются торговцы и ремесленники.

Въ настоящее время, казенныя подати часто равняются половинѣ дохода поселянина, — и правительства, берущія не болѣе трети, считаются уже весьма милостивыми. Понятно, что при подобной жадности начальства, всякій хозяинъ старается скрыть свой дѣйствительный доходъ. Обманъ и подкупъ правительственныхъ чиновниковъ считаются, такимъ-образомъ, дѣломъ общепнымъ, — и взятки, даваемые сборщику податей, составляютъ постоянную статью въ ежегодномъ бюджетѣ мірскихъ расходовъ. — При наложеніи годовой подати на общину, правительство сообщаетъ обыкновенно съ суммами, которыя получались въ прежніе годы. Если временныя причины возвышенія налога и минули, увеличенный налогъ все-таки продолжается; его привыкли получать, а за издержками дѣло не станеть. Приходитъ новая, чрезвычайная потребность, на удовлетвореніе ея назначается новый налогъ; она минула въ свою очередь, а налогъ не понижается. Такимъ-образомъ, понятно, какъ наконецъ долженъ опъ поглощать до половины годового дохода изнуреннаго хлѣбопашца! Если коронный сборщикъ податей не можетъ согласиться съ мірскимъ головою, то опъ прѣзжаетъ самъ въ деревню, и тогда подать взимается при самой уборкѣ хлѣба; и смотря по требованіямъ правительства, половина или треть жатвы отвозится прямо въ казенныя магазины. Бываютъ наконецъ случаи, что міръ, видя невозможность исполненія требованій сборщика, не соглашается на нихъ. Не смѣя вступить въ положительную оппозицію съ короннымъ чиновникомъ и объявить ему рѣшительный отказъ, деревенскіе жители обнаруживаютъ свое несогласіе удаленіемъ. Старый и малый, все населеніе деревни, оставляютъ дома и поля, угоняютъ стада, и уходятъ сами въ лѣса, гдѣ и остаются, покуда сборщикъ не понизитъ своихъ требованій.

Читатель можетъ посудить, сколько насильственныхъ мѣръ сопряжено съ подобнымъ взиманіемъ податей. Но объясненный нами способъ считается въ Азіи еще благодѣяніемъ, въ сравненіи съ откупною системою, примѣняемою къ сбору податей. — Многіе изъ индійскихъ владѣтельныхъ князей имѣютъ обыкновеніе ввѣрять управленіе обширными провинціями богатымъ откупщикамъ, называемымъ земиндарами, которые должны вне-

редъ вносить въ казну годовыя подати. Власть намѣстника вручается тому, кто наддастъ на торгахъ большую сумму. Водворившись въ своей провинціи, *земиндаръ* дѣлитъ ее на округи и отдаетъ ихъ на откупъ отъ себя; окружной откупщикъ поступаетъ также съ городами своей области, а городовые откупщики съ мѣстечками и деревнями. Последніе достаются часто мѣстному головѣ. Представьте себѣ теперь участь миллионѣвъ людей, проданныхъ изъ рукъ въ руки, и служащихъ жертвою корыстолюбія тѣхъ властей, которыя должны-бы покровительствовать имъ, и вы поймете весь ужасъ, всю безправственность подобнаго финансоваго управленія. Это зло еще болѣе увеличивается отъ неопредѣленнаго *права собственности* въ Индустанѣ. Одни приписываютъ поземельную собственность правительству, другіе земиндарамъ, третьи общинамъ или привилегированнымъ семействамъ ея, четвертые, наконецъ, хлѣбопашцамъ. Разсмотрѣвъ права этихъ различныхъ разрядовъ, мы убѣдимся, что никто изъ нихъ не пользуется правомъ собственности, въ европейскомъ смыслѣ этого слова.

По индійскимъ законамъ, правительство имѣетъ высшее право на часть земледѣльческихъ произведеній и можетъ уступить его кому угодно; но вмѣстѣ съ тѣмъ, оно не смѣетъ сдѣлать ни малѣйшаго распоряженія касательно самой земли какой-бы то ни было общины, и не имѣетъ права перемѣнять владѣтеля ея: слѣдовательно, земля не принадлежитъ ему. Земиндаръ есть только временный посредникъ между правительствомъ и подданными, почему уже никакъ не можетъ почитаться владѣльцемъ.—Привилегированныя семьи, замѣняющія общину, имѣютъ также потомственное, вѣчное право на часть произведеній.—По удовлетвореніи требованій правительства, онѣ получаютъ опредѣленную часть изъ годоваго дохода, который, за-тѣмъ, идетъ въ пользу собственно-хлѣбопашца. Слѣдовательно и такъ-называемые владѣльцы и наследственные фермеры имѣютъ свои права на часть дохода. Права эти вѣчны. Оба класса могутъ продать ихъ при жизни, оба оставляютъ ихъ въ наследство потомству. Но полного, однако, хозяина земли нѣтъ. Ни правительство, ни привилегированныя фамиліи, ни фермеры — не настоящіе владѣльцы.

Убѣдившись, что въ Индіи нѣтъ раздѣльной собственности, и что тамъ не должно спрашивать, кому принадлежитъ земля, а только какую степень правъ имѣетъ каждый изъ трехъ классовъ, пользующихся ею, — читатель пойметъ, какое гибельное вліяніе должно было имѣть на земледѣліе и вообще на благосо-

стояніе народа такое образованіе права собственности, въ высочайшей степени несообразное съ требованіями народнаго хозяйства.

ЗАКОНЫ И СУДОПРОИЗВОДСТВО. — Взглянемъ сперва на состояніе судебной части во времена Мену. Верховный судья въ государствѣ — король. Онъ можетъ судить или самъ въ высшей инстанціи, или предоставить право суда главному брамину, окруженному тремя совѣтниками изъ той-же касты. Судья долженъ внимательно слѣдить за выраженіемъ лицъ тяжущихся, обязанъ сообразоваться съ мѣстными обычаями и съ прежними приговорами судей въ подобныхъ случаяхъ; онъ не долженъ оскорбляться страстными выходками подсудимыхъ, и пропнесши приговоръ, не имѣетъ права перемѣнить его.

Уголовное право Индусовъ чрезвычайно строго. Особенно подъ влияніемъ суевѣрія и исключительнаго духа кастъ, оно дѣлается кровавадымъ. Только пытка обвиненныхъ ему не извѣстна. Приведемъ здѣсь, для примѣра, нѣсколько законовъ Мену по уголовной части :

« Часть тѣла, которую кто-нибудь нанесъ высшему лицу оскорбленіе, должна быть изувѣчена. Такова воля Мену. Если кто ударилъ высшаго рукой или палкой, то отрубить ему руку; если толкнулъ ногою, отрубить ему ногу. Если кто сядетъ возлѣ лица высшей касты, то прижечь бедро виновнаго раскаленнымъ желѣзомъ; если кто плюнетъ на высшаго или выбрать его, тому вырвать обѣ губы. — Если кто схватитъ высшаго за волосы, за бороду, за шею, за руки или за ноги, то виновному отрубить обѣ руки. — Если замужняя женщина напѣшитъ мужу, король долженъ приказатъ бросить ее на съденіе псамъ, въ праздничный день, посреди народнои площади. — Преступнаго же любовника ея приковать къ желѣзной кровати, тоже всенародно; разложивъ подъ него дрова, зажечь ихъ и поддерживать огонь, пока кровать не раскалится до-бѣла, а тѣло преступника не превратится въ уголья и пепель. »

Въ случаѣ неимѣнія свидѣтелей или другихъ ясныхъ доказательствъ, уголовные законы допускаютъ со стороны обвиненнаго разныя судебныя испытанія. Средствами при подобномъ « боженіи судъ, » служатъ: огонь, вода, ядъ, горячее масло, раскаленное желѣзо, освященный рисъ и изображенія боговъ.

Гражданскіе законы не имѣютъ этого характера свирѣлости. Сводъ ихъ, конечно, не полонъ. Есть важныя пропуски : такъ, напримѣръ, ничего не сказано о духовныхъ завѣщаніяхъ; но за то многіе другіе отдѣлы примѣрно разработаны. Впрочемъ, мы не намѣрены распространяться здѣсь о достоинствахъ или недостаткахъ сборника Мену съ юридической точки зрѣнія; сообщимъ только тѣ законы, которые болѣе другихъ могутъ дать намъ понятіе о гражданскомъ бытѣ древнихъ Индусовъ.

Законы Мену опредѣляютъ въ точности всѣ необходимыя качества судьи. Очень любопытно, что они не позволяютъ быть

судьею позже шестидесяти лѣтъ : « умъ , говоритъ Мену : слабѣетъ въ это время. »

Перейдемъ собственно къ законамъ :

« *Займодавецъ* , можетъ прибѣгнуть къ слѣдующимъ средствамъ , чтобы заставить должника заплатить ему долгъ : къ убѣжденіямъ , процессамъ , къ хитрости , и наконецъ , къ нѣкотораго рода насилію. »

На основаніи послѣднихъ словъ закона , Индусы имѣютъ еще и понынѣ обыкновеніе заманивать должника къ себѣ въ домъ , и морить его голодомъ , пока онъ не уплатитъ долга. (Хорошее средство для нашихъ « несчастныхъ » и « неосторожныхъ » несостоятельныхъ !).

Процентовъ законъ позволяетъ брать , при отдачѣ денегъ подъ залогъ , пятнадцать въ годъ , -- при отдачѣ же безъ залога , съ брамина по два , съ кшатріи по три , съ вейзи по четыре , съ судры по пяти со ста въ мѣсяць , то-есть , отъ 24-хъ до 60-ти въ годъ.

Касательно *брака* находимъ слѣдующія установленія :

Дѣвица считается возмужалою съ восьми лѣтъ . Отъ восьми до одиннадцати , отецъ или старшій братъ можетъ отдать ее замужъ . Если возмужалая дѣвица не отдана замужъ три года сряду , то имѣетъ право сама выбрать себѣ мужа изъ равной касты . Въ такомъ случаѣ , ни она , ни молодой мужъ ея не совершаютъ преступленія . Мужнина дѣлаетъ всего лучше , если женится на женщинѣ равной касты ; ему позволено жениться и на женщинѣ низшей касты , но запрещается вступать въ бракъ съ женщиною высшей , родственницею до шестаго колѣна и однофамилицею .

Сводъ законовъ Мену признаетъ восемь различныхъ браковъ . Вотъ слова сборника :

« Теперь узнайте въ подробности восемь различныхъ способовъ брака , употребительныхъ между четырьмя кастами , — узнайте , которые изъ нихъ хороши и которые дурны на этомъ свѣтѣ и на томъ .

« Эти восемь способовъ суть : бракъ Брамы , боговъ , святихъ , творцовъ , злыхъ геніевъ , небесныхъ музыкантовъ , исполнителей , и наконецъ , самый низкій изъ всѣхъ , бракъ вампировъ .

« Знайте , что первые шесть способовъ брака позволени браминамъ , и чисты ; послѣдніе же два незаконны ; особенно способъ вампировъ ненавистенъ богамъ , и достоинъ всеобщаго презрѣнія людей .

« Если отецъ , подаривъ дочери своей вѣнчальное платье и драгоценности , отдастъ ее добродѣтельному и ученому толкователю священныхъ книгъ , то такой бракъ называется бракомъ Брамы . Бракомъ божественнымъ или бракомъ боговъ называется тотъ , когда дѣвица вѣнчается съ священнодѣйствующимъ жрецомъ . Если отецъ отдастъ , согласно закону , руку своей дочери жениху , отъ котораго получилъ быка и корову , то бракъ называется святымъ . Бракъ творцовъ тотъ , когда отецъ новобрачной говоритъ молодымъ : « Угождайте другъ другу по закону , и плодитесь » . Если женихъ возьметъ невесту противъ ея воли , силою по-

дарковъ, поднесенныхъ ей родителямъ, то бракъ называется бракомъ злыхъ гениевъ. Если молодые соединяются по обоюдной страсти, союзъ ихъ называется бракомъ небесныхъ музыкантовъ. Бракъ, вслѣдствіе насильственного похищенія, называется бракомъ исполнновъ. Бракъ вампировъ, наконецъ, тотъ, когда мужичина воспользуется, для богопротивнаго наслажденія, состояніемъ обморока, слабостью или сумасшествіемъ дѣвочки, чтобы принудить ее къ браку.»

Обрядъ вѣнчанія людей равной касты состоитъ въ соединеніи ихъ рукъ передъ алтаремъ. Если браминъ женится на кшатріи, невѣста должна держать въ рукъ лукъ, — если на вейзіи — кнутъ, — если на судри — шнуръ по полу одежды. Бракъ неразрывенъ на всю жизнь, кромѣ слѣдующихъ, определенныхъ закономъ случаевъ развода :

« Въ продолженіе года мужъ долженъ терпѣливо выносить ненависть жены ; но если по прошествіи этого срока, она не перестанетъ ненавидѣть его, то мужъ можетъ дать ей необходимѣйшія средства пропитанія и развестись. Жена, которая оставитъ мужа, преданнаго игрѣ, пьянству, или подверженнаго обыкновенной болѣзни, должна быть лишена всякихъ украшеній, платьевъ и свободы въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Но та, которая чувствуетъ отвращеніе къ мужу сумасшедшему, преступному, одержимому арабскою проказою или чахоткою, или же неспособному (къ исполненію своей обязанности), не виновна, и имѣетъ право оставить его безъ грѣха.

« Жена, преданная пьянству, распутству, сварливая, прокаженная, или расточительная, можетъ быть оставлена и замѣнена другою. — Жена безплодная можетъ быть оставлена черезъ восемь лѣтъ; та, которой дѣти все умираютъ, чрезъ десять, — та, которая рождаетъ только дочерей, черезъ одиннадцать. — Если жена замѣнена другою на законномъ основаніи, и позволить себѣ поносить за то мужа, то въ наказаніе она должна быть всенародно выгнана изъ дома и посажена въ тюрьму.

« Мужъ, уѣзжающій вдалѣ, обязанъ оставить женѣ средства пропитанія. Жена должна ждать мужа восемь лѣтъ, если онъ отлучился для богомолья; шесть лѣтъ, если онъ повѣхалъ по дѣламъ, для ученія или для славы; три года, когда онъ отправился для своего удовольствія.»

Теперь взглянемъ на значеніе женщины въ обществѣ :

« И маленькая дѣвочка, и молодая женщина, и старуха, не должны никогда ничего дѣлать по своей волѣ, даже дома. — Въ дѣтскомъ возрастѣ, женщина зависитъ отъ отца. Въ юношескомъ она выходитъ замужъ и зависитъ отъ мужа. Вдова зависитъ отъ своихъ сыновей, — если не имѣетъ ихъ, отъ родственниковъ мужа или отца; за неимѣніемъ никакихъ родныхъ, отъ короля и назначасмой правительствомъ опеки, — потому что женщина ни въ какомъ случаѣ не должна управлять сама собою.»

Въ другихъ мѣстахъ сказано :

« Жена должна быть отличной хозяйкой; она обязана наблюдать за порядкомъ въ домѣ, должна всегда улыбаться своему мужу. Даже если мужъ жестокъ и невѣренъ ей, добродѣтельная жена должна тѣмъ не менѣе чтить его, какъ бога (ибо, сказано въ пуранахъ: онъ « богъ любви »), и всегда безропотно покоряться его волѣ.

« Женскія имена должны быть пріятны, кротки, легки, очаровательны для воображенія и имѣть доброе предзнаменованіе. Пикто не долженъ брать жены

изъ семейства, подверженнаго болѣзнямъ. Никто не долженъ жениться на женщинѣ уродливой, болѣзненной, болталивой, также на такой, у которой на головѣ слишкомъ мало или слишкомъ много волосъ, или въ глазахъ воспаленіе. Напротивъ, пусть всякій избираетъ себѣ въ супруги дѣвушку, которой тѣло особенно мягко, волосы и зубы количествомъ своимъ занимаютъ средину, которой имя звучно, поступъ полна приличія, какъ поступъ флампаго или молодого слова. Если женщина одѣта безъ большой старательности, она не можетъ развеселить мужа, а если господинъ ея не веселъ, то у нихъ не будетъ дѣтей. Кто, для покрытія свадебныхъ издержекъ, нищенски выпрашиваетъ денегъ, тотъ не долженъ имѣть никакой выгоды отъ брака. Дѣтя принадлежатъ тому, кто далъ подрокъ. — Если жены учителя изъ одного съ нимъ сословія, то ученикъ или студентъ обязанъ оказывать имъ ту же честь, какъ и ихъ почтенному супругу, — если онъ не изъ одной касты, то долженъ отдавать имъ почтеніе, только вставая и кланяясь. Слѣдующихъ распоряженій студентъ или ученикъ никогда не долженъ предпринимать: не обливаетъ жены своего учителя благовоющимъ масломъ, не служитъ ей при купаньи, не убрываетъ ея волосъ и не тереть ея рукъ и ногъ. Женщина можетъ совратить съ прямого пути не только глупца, но и умнаго; а потому ни одинъ мужчина не долженъ сидѣть съ нею въ уединенномъ мѣстѣ.

Перейдемъ, наконецъ, къ не менѣе любопытной статьѣ о *правѣ наслѣдства*:

Первыми законными наслѣдниками считаются родные сыновья, а за неимѣніемъ ихъ, сыновья дочерей. — За неимѣніемъ у кого-либо собственныхъ потомковъ, наслѣдникомъ дѣлается усыновленный пріемышъ, который теряетъ все права на наслѣдство своего природнаго отца, получая, за-то, право на шестую часть наслѣдства послѣ усыновившаго его, — даже и въ томъ случаѣ, когда усыновившій приживетъ въ послѣдствіи времени родныхъ дѣтей.

Индусамъ необходимъ мужской потомокъ, для совершенія надъ ихъ тѣломъ похоронныхъ обрядовъ. Мысль объ этомъ потомкѣ не даетъ покоя ни одному туземцу, пока онъ не обезпечитъ себя въ этомъ отношеніи. Отсюда, такая радость при рожденіи сына-первенца, — отсюда, пронтекаютъ все преимущества, связанные съ первородствомъ; отсюда, наконецъ, изобрѣтеніе десяти различныхъ сыновей «по закону,» въ замѣнъ сыновей по плоти.

«Люди, умершіе бездѣтно, говоритъ Мену: отсылаются, въ наказаніе, въ *путь*, мѣсто ужаса, гдѣ они должны страдать отъ голоду и жажды, потому что некому приносить для нихъ на кладбище рисъ, и совершать возліянія въ предписанные Брамию дни. — Молитвы и обряды, совершаемые сыномъ, освобождаютъ родителей изъ чистилища, и потому-то самъ Брами называлъ сына *путрою* (избавителемъ изъ пута). — Рожденіе сына даетъ умершему входъ въ небесныя царства; рожденіе внука даритъ его безсмертіемъ; рожденіе правнука переноситъ въ область солнца.»

Вычислить свойства и названія десяти *путръ*, сыновей по закону, было-бы слишкомъ утомительно. Скажемъ только, что между ними есть, напримѣръ, сынъ жены отъ неизвѣстнаго отца, сынъ родившійся до срока по совершеніи вѣчанія, сынъ неиз-

вѣтнаго отца и какой-нибудь женщины, родившей въ домъ бездѣтнаго, и т. д.

За писмѣніемъ сыновей, внуковъ или пріемышей, послѣдство переходитъ къ племянникамъ, потомъ къ родителямъ, къ братьямъ и сестрамъ, къ дальнимъ родственникамъ, къ близкимъ знакомымъ, къ браминамъ, и наконецъ, какъ выморочное, въ казну. Послѣ смерти отца, братья остаются или нераздѣльными, и тогда старшій сынъ вступаетъ во все права отца, или дѣлятъ имѣніе, и тогда меньшей сынъ получаетъ одну часть, старшій двѣ, а все средніе по полторы. Дочери не получаютъ послѣ отца ничего, но остаются на попеченіи братьевъ. Материнское-же послѣдство дѣлится по-равну между братьями и сестрами. — Если сыновья отъ разныхъ матерей, тогда и послѣдство дѣлится иначе. Въ такомъ случаѣ, сынъ браминки получаетъ четыре части, сынъ кшатріи три, сынъ вейзіи двѣ, сынъ судры одну. Доля послѣдняго притомъ не должна никогда составлять болѣе десятой части всего послѣдства, даже и тогда, когда пѣтъ другихъ сыновей. — Евнухи, слѣпые, горбатые, глухіе, всякіе калѣки и сумасшедшіе, лишены права послѣдства, и остаются на попеченіи прочихъ наслѣдниковъ.

Въ какой степени, вдовы наслѣдовали послѣ мужей, не извѣстно. Видно только, что онѣ принимали участіе въ наслѣдствѣ.

«Если, говоритъ законъ: вдова родитъ послѣ смерти мужа, и не отъ него, а отъ родственника, — то должна сохранить имущество умершаго мужа и вручить его своему сыну при совершеннолѣтіи.»

Объ отдѣльномъ имуществѣ замужнихъ женщинъ говорится слѣдующимъ образомъ:

«Есть шесть родовъ отдѣльнаго имущества у жены: то, что дано было ей при брачномъ огнѣ, при отправленіи въ домъ мужа, въ знакъ любви и привязанности, — что она получила отъ отца, матери и старшаго брата.»

Это имущество, составляющее ея приданое, равно и подарки, полученные отъ мужа или отъ его родныхъ, по смерти ея, достаются въ наслѣдство ея дѣтямъ, даже и тогда, если отецъ ихъ еще живъ.

Сборникъ законовъ Мену, служащій и понынѣ основаніемъ индійскаго правовѣдѣнія, не могъ не подвергнуться, во многихъ отношеніяхъ, вліянію пролетѣвшихъ надъ нимъ вѣковъ. Несмотря на божественность его происхожденія и на строгое запрещеніе заниматься его толкованіемъ людямъ другихъ кастъ, кромѣ браминской, въ теченіе времени появлялись разные комментаторы, которые или опирались на славу большой учености, или охраняли себя днимымъ виушеніемъ свыше. Между этими учеными и «боговдохновенными» толкователями особенно замѣча-

тельны: Яджнавалкія, Вригаспати, Смрити-Хаандрика, Готама, Датта-Миманза, и другіе. Многіе изъ этихъ толкователей имѣли своихъ послѣдователей, и такимъ-образомъ, пронзощи разныя системы или *юридическія школы*, между которыми теперь и раздѣленъ индійскій міръ.

Точкой отправленія для всѣхъ школъ служатъ законы Мёну; но они слѣдуютъ съ толкованіями начальника школы и его послѣдователей въ одинъ текстъ, и поэтому каждая школа имѣетъ теперь свой особый сводъ или сборникъ законовъ, которымъ и руководствуется. Главныя изъ этихъ школъ слѣдующія пять: бенгальская, бахарская, бенаресская, мараттская и южная, называемая школою Дравида. Всѣ онѣ запрещаютъ бракъ между людьми неравныхъ кастъ, не допускаютъ всѣхъ родовъ сыновей «по закону,» но признаютъ только дѣтей родныхъ и усыновленныхъ. Нѣкоторыя установили, впрочемъ, новый способъ усыновленія, не находящійся въ законахъ Мёну, предоставляя вдовѣ, съ подлиннаго или подразумеваемаго назначенія умершаго мужа, выбрать ему сына и наследника, послѣ его кончины. — Всѣ школы возстаютъ, болѣе или менѣе, противъ преимущества первородства, и уравниваютъ доли наследства всѣхъ дѣтей. Отцу запрещается продать или раздѣлить не по-равну родовое имѣніе. Школа Дравида объявляетъ безъ обиняковъ, что дѣти имѣютъ на родовое имѣніе совершенно одинаковое съ отцомъ право, и что послѣдній лишь временной владѣлецъ, могущій распоряжаться только доходомъ, а отнюдь не самымъ имуществомъ. Духовныя завѣщанія допускаются одною бенгальскою школою.

Но кромѣ этихъ измѣненій, древнія положенія Мёну во многихъ другихъ случаяхъ потеряли свое дѣйствіе, безъ всякой видимой борьбы; отъ одного вліянія новаго порядка вещей. Такъ, напримѣръ, во всѣхъ новыхъ сводахъ перешли положенія Мёну о всѣхъ способахъ брака, — но изъ жизни народной они давно исчезли, и кромѣ учёныхъ, ни одинъ, даже образованный Индусъ не пойметъ васъ, если станете спрашивать его о подробностяхъ брака Брами, или женитьбы по способу вампировъ.

Въ новыхъ сборникахъ древнее уголовное право осталось безъ всякаго измѣненія, а потому, какъ слишкомъ жестокое, не примѣняется къ дѣлу. Уголовные судьи руководствуются теперь во всякой мѣстности особыми правилами, происшедшими изъ мѣстныхъ обычаевъ, а еще чаще, безотчѣтнымъ произволомъ. Вообще, теперь уже нѣтъ постоянныхъ судебныхъ мѣстъ, предписываемыхъ Мёну. Въ деревняхъ дѣла рѣшаетъ голова, въ городахъ мирный судья, или административные чиновники.

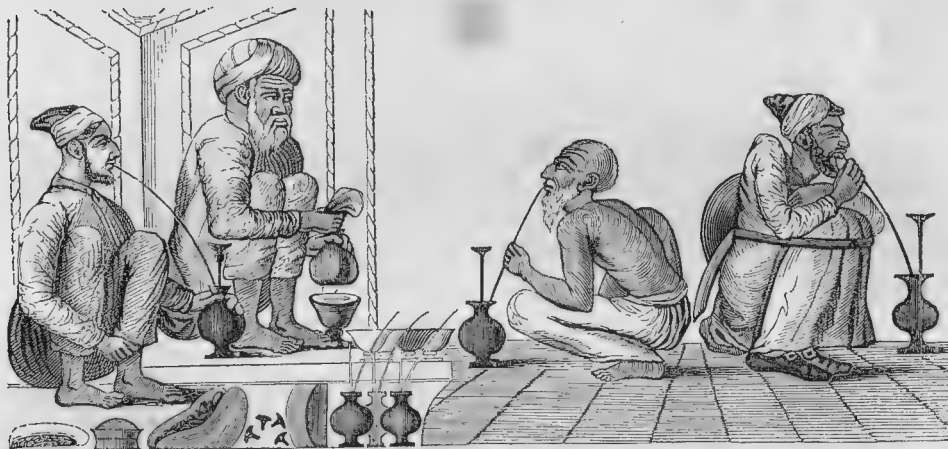
Впрочемъ, разсмотрѣніе однихъ писанныхъ законовъ не можетъ никогда дать полного понятія о состояніи правъ въ какомъ-нибудь государствѣ. Рядомъ съ закономъ стоитъ юридическій обычай; хорошо, когда первый есть выраженіе втораго, или второй примѣненіе перваго. Но на дѣлѣ случается и противное. Приведемъ здѣсь только одинъ примѣръ, особенно любопытный потому, что онъ составляетъ явленіе не минутное, но продолжающееся уже цѣлые вѣка.

Читатель только-что прочелъ законоположенія Индусовъ о наследствѣ и бракѣ. Что-же скажетъ онъ, когда сообщимъ ему, что между малабарскими Наирами всякая замужняя женщина имѣетъ законное право предаваться всѣмъ мужчинамъ равной и высшей касты? Естественно, что, при такомъ порядкѣ вещей, никто не знаетъ своего отца, а потому родовое наследство мужчины и переходитъ не къ собственнымъ его сыновьямъ, которыхъ опредѣлить мудрено, а въ руки сыновей сестры.

ПРАВЫ, ОБЫЧАИ,

ДОМАШНІЙ И ГРАЖДАНСКІЙ БЫТЪ И ХАРАКТЕРЪ

ИНДУСОВЪ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ. — По примѣру предъидущаго отдѣла, скажемъ предварительно о правахъ Индусовъ и состояніи ихъ гражданственности во времена Мену. При изслѣдованіи правовъ народа,

прежде всего, невольно спрашиваемъ, какое мѣсто въ его обществѣ занимала женщина. — Въ Индіи женщина, какъ мы видѣли, находилась во всегдашней зависимости отъ мужчины. Жена въ полномъ повиновеніи у мужа, который долженъ заставлять ее соблюдать всѣ обряды закона, а за-тѣмъ, не запрещать ей низшихъ удовольствій. Отдавая женщину въ распоряженіе мужчины, законъ, конечно, совѣтуетъ ему быть къ ней справедливымъ и внимательнымъ :

«Гдѣ женщина не пользуется почѣтомъ, тамъ всѣ религіозныя обряды остаются бесполезными, и то семейство, въ которомъ женщина не довольно уважаема, скоро погибнетъ. Напротивъ, тамъ, гдѣ жена довольна мужемъ, а мужъ женою,—обитаютъ согласіе, счастье и благословеніе Брами.»

Обязанности мужей къ женамъ опредѣлены закономъ даже до мельчайшихъ подробностей. — Мужу предписывается снабжать жену достаточною пищею, нарядами и украшеніями. Но чтѣ значать всѣ эти обезпеченія? Не доказываютъ-ли эти законы, лучше всякихъ фактовъ, что женщина не пользовалась своими природными правами, а жила только по милостивому усмотрѣнію своего господина, т. е. мужа. Вспомните, что за измѣну супружеской вѣрности, жена отдавалась сама на съденіе, и что невѣрнаго мужа добродѣтельная жена должна была, тѣмъ не менѣе, «читать какъ бога,»—и эта параллель вполне объяснитъ вамъ взаимное отношеніе обонхъ половъ въ древнемъ индійскомъ обществѣ.

Сборникъ Мену сообщаетъ намъ мало извѣстій о домашнемъ бытѣ своего времени. Онъ говоритъ только о высшей кастѣ, и входитъ при этомъ часто въ самыя пустыя подробности.

Во всемъ сборникъ нѣтъ ни слова о самосожженіи вдовъ при похоронахъ мужа. Вдовамъ предписывается смиренная жизнь, а судьба ихъ препоручается покровительству королевской опеки.

Единственныя самоубійства, одобряемыя закономъ, суть тѣ, когда пустынный, одержимый неизлечимою болѣзнію, уморитъ себя голодомъ, или когда король, чувствуя приближеніе смерти, передастъ бразды правленія наслѣднику, раздастъ браминнамъ часть имущества, и кинется въ пылъ сраженія. Въ мирное время ему позволяется также искать голодной смерти.

Объ употребительныхъ въ то время удовольствійхъ и развлеченійхъ можно судить по тѣмъ, которыхъ законъ совѣтуетъ остерегаться королю; это: охота, азартныя игры, любострастіе, пьянство, пѣніе, танцы и безполезныя путешествія.

Законъ вездѣ проповѣдуетъ уваженіе къ старшимъ и преданіямъ старины :

«На дорогѣ слѣдуетъ посторониться передъ колесницею, передъ девыпоста-

лѣтнимъ старцемъ, передъ больнымъ, передъ носильщикомъ, передъ женщиною, передъ всякимъ высшимъ и передъ новобрачными.—Преданія и обычаи старины суть источникъ всякаго блага. »

По всему видно, что промышленность достигла тогда уже нѣкоторой степени совершенства. Законъ говоритъ о золотѣ и жемчугѣ, о шолкѣ и разныхъ украшеніяхъ, какъ о предметахъ, встречающихся во всякомъ домѣ. Слоны, лошади, колесницы служатъ повсемѣстно для перѣзда людей,—волы, верблюды и тельги — для перевозки тяжестей. Кромѣ-того, упоминается о большомъ числѣ разныхъ ремеслъ, и не маломъ количествѣ породъ хлѣба; первыя свидѣтельствуютъ о многихъ удобствахъ домашней жизни народа, вторыя о цвѣтущемъ положеніи хлѣбопашества въ то время.

Въ заключеніе этого бѣлаго обзора состоянія тогдашняго индійскаго общества, приведемъ нѣсколько любопытныхъ словъ Мену касательно судръ :

« Есть цѣлыя области, обитаемыя судрами, переполненныя безбожниками и лишеныя присутствія браминовъ. Правители и короли этихъ областей и городовъ тоже судры, но да не проникаютъ дважды-рожденные въ эти обиталища проклятій и оскверненій. »

Въ другихъ мѣстахъ сборника сказано еще яснѣе, что члены трехъ высшихъ кастъ должны селиться исключительно между Гималайскими и Випдійскими горами, отъ западнаго моря до восточнаго, но что нечистые судры могутъ шататься по всему свѣту. Не служитъ-ли все это явнымъ подтвержденіемъ той гипотезы, которая въ кастахъ видитъ представителей прежнихъ племенъ и народовъ ?

Но довольно о минувшихъ столѣтіяхъ; перейдемъ къ подробному разсмотрѣнію домашняго и гражданскаго быта Индусовъ *въ настоящее время*

Индустанъ населенъ множествомъ народовъ, между которыми можно различить десять главныхъ, совершенно-разнородныхъ націй. Но браманская вѣра проникнула въ эти различныя національности и дала имъ нѣчто восточно-общее, подобно западно-общему, порожденному христіанствомъ, связывающимъ въ столь-несходныя между собою національности Европы. Это западно-общее такъ ярко выступаетъ передъ глазами Азіятца, что Индусъ, напримѣръ, не умѣетъ отличить, на-взглядъ, Англичанина отъ Испанца : во всѣхъ Европейцахъ онъ видитъ только одинъ, чуждый ему типъ. — Точно также и Европѣйцу нуженъ долготѣпный навѣкъ, чтобы сквозь общую кору Индуса пріучиться различать частныя черты разныхъ національностей.

Въ этомъ отдѣлѣ мы постараемся передать читателю однѣ,

болѣе или менѣе, общія всѣмъ Индусамъ черты, обозначивъ только самыя разительныя различія, условливаемыя главнымъ естественнымъ раздѣленіемъ страны; а объ особенностяхъ каждой націи и жителей разныхъ мѣстностей будемъ говорить въ послѣдней половинѣ нашей книги, предназначенной обзору Индустана сообразно его политическому раздѣленію.

Всего болѣе разницы между жителями сѣвернаго Индустана и Декана. Общая связь заключается только въ исповѣданіи Браманизма и въ родствѣ нарѣчій, происходящихъ отъ санскритскаго языка. Все остальное различно: и религіозныя секты, и архитектура, и одежда, и физическій типъ жителей. Племена сѣвера рослы и имѣютъ свѣтлый цвѣтъ кожи, — южныя малаго роста и темнаго цвѣта. — На сѣверѣ, народъ продовольствуется преимущественно пшеницею; на югѣ, растеніемъ *ранги*, столько-же неизвѣстнымъ въ остальныхъ частяхъ Индустана, какъ и въ Европѣ.

Но и обитатели сѣверной части Индіи распадаются на весьма-различныя отдѣлы. Такъ, жители верхней части огромной гангской долины не похожи на Бенгальцевъ, обитающихъ собственно около устьевъ Ганга и на берегу Бенгальскаго залива. Первые составляютъ самую воинственную, самую крѣпко-сложенную породу Индусовъ. Они приняли мусульманскую одежду и чалму, питаются прѣснымъ пшеничнымъ хлѣбомъ, живутъ большими деревнями посреди равнинъ, и дома ихъ крыты черепицею Бенгальцы, напротивъ, гораздо меньше ростомъ, темнѣе цвѣтомъ, но стройны и благообразной наружности, — отличаются рабскою трусостию и пронырствомъ; живутъ они въ бамбуковыхъ, опрятныхъ хижинахъ, крытыхъ тростникомъ и разбросанныхъ по густымъ темнозеленымъ лѣсамъ. Одежда Бенгальцевъ древняя индійская, съ поясомъ около стана и шарфомъ черезъ плечо. Они питаются почти исключительно рисомъ, и имѣютъ обыкновеніе натираться послѣ купанья масломъ, отъ чего кожа ихъ дѣлается очень гладкою и предохраняется отъ вреднаго вліянія сыраго климата. — Отношеніе нарѣчій, употребляемыхъ Индустанцами и Бенгальцами, можно сравнить съ отношеніемъ англійскаго языка къ нѣмецкому. Но мы не можемъ останавливаться на всѣхъ этихъ мелкихъ отличіяхъ, и потому переходимъ къ подробностямъ, болѣе или менѣе, общимъ всѣмъ Индусамъ.

ДЕРЕВНИ. — Несмотря на множество значительныхъ городовъ, большинство народонаселенія всего Индустана поселено въ деревняхъ. Въ горахъ есть кромѣ-того кочевыя племена, занимающіяся скотоводствомъ; а на берегу Спинда живутъ рыбаки, не имѣющие осѣлости; но число тѣхъ и другихъ незначительно.

Деревни Индустана очень разнохарактерны; въ некоторыхъ мѣстахъ онѣ окружены валомъ и порядочною стѣною, такъ что каждое селеніе составляетъ родъ небольшой крѣпости; въ другихъ, заборы служатъ только для загона скота, въ третьихъ—нѣтъ никакихъ оградъ. Способъ постройки деревенскихъ домовъ определяется климатомъ мѣстности, и имѣетъ свой особый типъ въ каждомъ изъ большихъ отдѣловъ края, образуемыхъ линіями Випидійскихъ и Гатскихъ горъ. Индустанскія хижинны складываются изъ высушеннаго на солнцѣ кирпича, или просто изъ глины; онѣ просторны, но не такъ красивы какъ бенгальскія (о которыхъ мы уже сказали). Въ областяхъ Гатскихъ горъ и къ западу отъ нихъ, у хижинъ низкія стѣны и высокія, крутыя крыши, ниспадающія почти до земли; онѣ осыпаны деревьями, окружены кустами и тонутъ въ зелени. Огурцы, дыни, хмѣль и тысячи плющевыхъ растений покрываютъ ихъ густою сѣтью.—Къ востоку отъ Гатовъ, климатъ совершенно другой; тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ не бываетъ ни капли дождя, и потому, постройки Декана дѣлаются изъ полевого камня, земли и глины, съ насыпною террасою вмѣсто крыши. На западномъ берегу полуострова подобныя жилища не устояли-бы противъ перваго проливнаго дождя, — а тутъ они некутятся круглый годъ жгучими лучами солнца, и сухіе вѣтры достаточно защищаютъ ихъ отъ незначительныхъ дождей. Дома эти, вмѣстѣ съ кровлею, не выше полуторы сажени, и болѣе похожи на развалины, на кучи грязи, на муравейники, — чѣмъ на человѣческія жилища. Въ южной оконечности полуострова, матеріалы тѣ-же, но отдѣлка гораздо чище. Дома покрываютъ снаружи штукатуркою и окрашиваютъ, въ горизонтальномъ направленіи, широкими красными и бѣлыми полосами. Эти яркіе цвѣта даютъ домамъ опрятный, веселый видъ. Туды, обитатели Синнихъ горъ, живутъ очень бѣдно. Хижинны ихъ имѣютъ обыкновенно 2 сажени въ длину, 4 аршина въ ширину, сажень въ вышину, а вмѣсто двери и оконъ служитъ квадратное двухъ-футовое отверстіе, черезъ которое хозяинъ вползаетъ домой. Подобныя размѣры и устройство показались-бы Европейцу нестерпимыми; Индусъ не находитъ въ нихъ ни малѣйшаго неудобства. Это сдѣлается нѣсколько понятнымъ, если вспомнить, что онъ проводитъ всю жизнь свою внѣ дома, возвращается въ него только въ сырую часть года, для сна, и что если ему случится пробыть у себя бодрствуя, то онъ непременно приметъ свое любимое положеніе—присядеть на корточки. Въ этомъ положеніи онъ и куритъ и балагуритъ: сидѣніе на корточкахъ состав-

листь его кейфъ.—Въ Мизоръ деревни тоже имѣють бѣдный видъ.

Должно замѣтить вообще, что на всемъ сѣверъ крыши острия, крытыя—въ самомъ Индустанѣ черепицею, въ Бенгаліи и сѣверномъ Деканѣ — тростникомъ, соломой или пальмовыми листьями; плоскія-же земляныя крыши находятся только въ сухихъ мѣстахъ, то-есть, во всей южной части Декана и на Карнатикскомъ берегу. Въ самыхъ сѣверныхъ областяхъ Индустана, дома строятся изъ прочнаго кедроваго дерева, въ три этажа. Первый этажъ служитъ скотнымъ дворомъ, второй — кладовыми и амбаромъ; а въ верхнемъ, окруженномъ галлереею, живетъ семейство хозяина.—Обыкновенно деревенскіе дома имѣють свой огородъ и окружены заборомъ.

Во всякой значительной деревнѣ вы найдете гостинный дворъ, гдѣ продается хлѣбъ, табакъ, съѣстные припасы, красные товары, и т. п. Всякая деревня имѣетъ годовую ярмарку и храмовые праздники, и почти въ каждой, близъ пагоды, находится священное банановое дерево. Подъ нимъ находятъ отдыхъ и предаются созерцанію усталый путникъ, и подъ нимъ-же собираются для совѣта и суда деревенскіе старшины. Иногда это огромное дерево осѣняетъ общественную гостиницу, *шультри*, открытую для всѣхъ проезжихъ, которые могутъ найдти въ ней помѣщеніе, огонь и освѣжительную рисовую воду. Это *четвероугольныя каменныя зданія*, окруженныя колошпадами, и часто основанныя набожными людьми, завѣщавшими имъ все свое имущество. Иногда при этихъ совершенно-народныхъ заведеніяхъ есть и сады, но вообще, въ настоящее время, гостиницы приходятъ въ упадокъ, и во многихъ мѣстахъ однѣ развалины свидѣтельствуютъ объ удобствахъ, ожидавшихъ путешественниковъ въ старину.

Многія мѣстности Индустана требуютъ искусственнаго орошенія полей, а потому, кромѣ встрѣчаемыхъ вездѣ пагодныхъ прудовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятся, такъ-сказать, *цѣлыя общественныя водяныя хозяйства*. Поля изрыты правильно-проведенными каналами, снабженными шлюзами и находящимися подъ надзоромъ водянаго пристава и деревенскихъ старшинъ.

ОБРАЗЪ ЖИЗНИ ОБИТАТЕЛЕЙ ДЕРЕВЕНЬ.—Войдя въ индійскую избу, вы не увидите много мебели: на полу, вмѣсто ковра, раскинута самодѣльная прохладная рогожка, для сидѣнія; около стѣнъ стоятъ нѣсколько мѣдныхъ и глиняныхъ горшковъ, тарелки, ручная мельница, ступка, желѣзный листъ для печенія хлѣба, и прочая, столь-же простая хозяйственная утварь. Постель стелется вечеромъ на полу, безъ занавѣсокъ и покрывала, а на день убирается

куда-нибудь; кушанье готовится всегда въ дома, подъ навѣсомъ. Окна очень малы, и стекло въ нихъ не имѣется: ихъ закрываетъ иногда бумага, напечатавшая масломъ, но болѣею частию въ раму вставлена просто сквозная рѣшетка, дающая свободный проходъ вѣтру, и для предохраненія жильцовъ отъ мускитовъ, закрываемая какою-нибудь тканью. Вся внутренность индѣйской хижины незатѣйлива, бѣдна, но содержится обыкновенно въ опрятности. Болѣе-зажиточные поселяне отличаются не богатствомъ мебели, а просторомъ. Избы ихъ убраны также бѣдно, но имѣютъ два этажа и широкій дворъ.

Хотя пагубная страсть къ пьянству почти не извѣстна въ Индустанѣ, туземные хлѣбопашцы, однако, всегда безъ денегъ. Во время взиманія податей и при наступленіи сроковъ арендныхъ уплатъ, у нихъ обыкновенно не достаетъ наличности для требуемыхъ взносов, и они должны обращаться къ ростовщикамъ, изъ рукъ которыхъ часто не могутъ потомъ выкупиться въ продолженіе цѣлой жизни. Неправильное образованіе права собственности и совершенное отсутствіе законнаго обезпеченія отъ слѣпаго произвола алчныхъ властителей и ихъ чиновниковъ, заключаютъ въ себѣ главную причину нерадѣнія народа и его почти повсемѣстно бѣдственнаго положенія.

Сельскіе жители Индіи, подъ наружною смиренностію и безотвѣтною готовностію переносить все, когда нѣтъ силы сопротивляться, скрываютъ умѣнье вознаграждать себя за это покореніемъ, ловко обманывая недалекое начальство и ничая на соседей.

Вставъ вмѣстѣ съ зарею, и совершивъ утренній омовеніе, хлѣбопашецъ удаляется съ рабочимъ скотомъ въ поле, на довольно отдаленное отъ деревни. Тамъ онъ проводитъ весь день и возвращается лишь къ ночи. Жена приносить въ поле около полудня обѣдъ, и смотритъ за порядкомъ въ домѣ. Въ теченіе дня она успѣетъ и воды принести, и смолотъ зерна на муку, и приготовить ужинъ къ часу возвращенія хозяина, котораго встрѣчаетъ у порога, подавая ему раскуренную трубку.

Каждая деревня имѣетъ обыкновенно, какъ мы видѣли, по крайней-мѣрѣ, двѣнадцать общинныхъ «чиновниковъ». Изъ числа ихъ, цырюльникъ или браминъ, принявшій на себя почетное названіе маистри, считается деревенскимъ лекаремъ. Не имѣя познаній въ этихъ сельскихъ Пшократахъ; они помогаютъ преимущественно вѣрующимъ, а потому, кромѣ нѣкоторыхъ цѣлительныхъ травъ, главный арсеналъ ихъ доморощенной аптеки состоитъ изъ писанныхъ молитвъ и другихъ талисмановъ. Войдя

въ деревню, вы встрѣтите то бѣллышника, собирающаго чѣрное бѣлье и платье, то брамина или астролога, сидящаго со школьниками на пескѣ, служащемъ имъ асфидною доскою; здѣсь раздается молотъ чѣрнаго кузнеца, тамъ болтовня проворнаго брадобрѣя, между-тѣмъ какъ изъ отворенныхъ дверей пагоды вырываются пронзительные аккорды духовныхъ симфоній, терпѣливо выносить которыя можетъ развѣ одно только ухо правотѣрнаго Индуса. Факиры, волтижеры, акробаты и жогги ломаются на перекресткахъ. Женщины, разукрашенные бусами, фольгою и всякими блестящими побрякушками, кормятъ всенародно дѣтей; дѣвушки суетятся около колодцевъ. И какія поэтическія сцены бывають иногда въ это время!

«Взгляните, говоритъ одинъ путешественникъ, на эту молодую дѣвушку, которая робко подошла къ самой водѣ (рѣки), боязливо оглянулась, и не видя ничего, опустила на поверхность бѣгущей струи листъ банановаго дерева, усыянный цвѣтами. Маленькая барка понеслась по рѣкѣ, и дѣвушка съ безпокойствомъ смотритъ ей вслѣдъ. Это любовное гаданье. Если листъ скоро потонетъ, или выброшенъ на берегъ, дѣвушка съ горемъ отходитъ отъ рѣки, прощаясь съ своимъ счастьемъ и заливаясь горькими слезами. Если-же цвѣты благополучно запрыгають по волнамъ и унесутся вдаль, она съ восторгомъ возвращается домой, мечтая дорогой о предстоящемъ блаженствѣ. Какъ миловидны индійскія дѣвушки! Священное писаніе повѣствуетъ намъ о женщинахъ, собравшихся къ обществянымъ комедіамъ. Въ Индіи прародительскій обычай этотъ уцѣлѣлъ и понынѣ, особенно въ деревняхъ. Сколько разъ случалось мнѣ забивать теченіе времени и просиживать вечеромъ, во время заката солнца, цѣлые часы предъ этими Осмодцами, не отрывая взора отъ стройныхъ и изящныхъ формъ туземокъ, полныхъ природнаго благородства. Легкій *дупетти*, опоясывающій раза два талію и закинутый черезъ лѣвое плечо, обозначаетъ всю прелесть бюста, закрытаго только въ половину, — и тутъ-то вполне убеждаешься, какъ противны требованіямъ изящнаго вкуса многія принадлежности дамскаго туалета въ Европѣ, несообразность которыхъ ускользаетъ отъ нашего взгляда, притупленнаго привычкою смолоду.»

Вечеромъ все народонаселеніе собирается на улицахъ въ кучки: молодежь прыгаетъ, а старики играютъ въ домино или шахматы.

Свойства почвы и климата дѣлають индійское земледѣліе очень простымъ искусствомъ. Легонькая сошка, поддерживаемая плечомъ хлѣбопашца, и пара небольшихъ воловъ—вотъ все, что нужно для проведенія по поверхности земли неглубокой борозды, которой ввѣряются сѣмена. Посѣвъ бѣльшею частию дѣлается посредствомъ машины, гдѣ зерна скользятъ чрезъ пять или шесть маленькихъ бамбуковыхъ трубочекъ; вмѣсто бороны служитъ доска, на которой стоитъ работникъ, правящій волами. Мотыка, заступъ и нѣсколько другихъ, столь-же простыхъ орудій, составляютъ все принадлежности земледѣлія. Жатва производится сернами; зерна вымолачиваются на гумнѣ ногами жи-

вотныхъ , и сохраняются на-сухо въ земляныхъ ямахъ. Поля , мѣста которыхъ означены и знаками и на планахъ , съ чрезвычайной точностію , не имѣютъ обыкновенно никакихъ оградъ , и только различіе посѣвовъ нарушаетъ ихъ однообразіе. Несмотря на такую простоту , земледѣліе въ Индіи часто подвергается , однако , условіямъ , требующимъ особаго умѣнья и заботливости. Лѣтніе посѣвы достаточно орошаются періодическими дождями ; по зимою дѣлается необходимымъ искусственное орошеніе , которое производится изъ соседнихъ рѣкъ , прудовъ и особенно колодезевъ. Въ наилучше-обработанныхъ провинціяхъ каждое поле имѣетъ свой особый машинный колодезь , съ колесами и кожаными ведрами , приводимыми въ движеніе посредствомъ воловъ. Есть мѣстности , гдѣ каждые два или три года всѣ поля должны быть очищаемы отъ дурныхъ травъ. Очищеніе это достигается глубокимъ перепашиваніемъ земли , въ самое сырое время года , для чего въ тяжелый плугъ запрягаютъ отъ трехъ и до семи паръ воловъ. Подъ зерновые посѣвы не кладется навоза ; но при воздѣлываніи сахарнаго тростнику его употребляютъ въ большомъ количествѣ.

Эти общія замѣчанія относятся преимущественно къ тѣмъ провинціямъ , гдѣ пшеница составляетъ главный предметъ народнаго продовольствія. Рисовое хозяйство , распространенное во всей Бенгаліи и на Коромандельскомъ берегу , подлежитъ другимъ условіямъ. Въ Декатъ , при обыкновенной , благопріятной погодѣ , снимаются постоянно двѣ жатвы въ годъ. Рисъ , требующій много влажности , покрываетъ поля отъ мая до ноября ; въ декабрь они опять обрабатываются , и засѣваются сѣменами бобовыхъ и масляныхъ растений , снимаемыхъ въ концѣ апрѣля. За-то , при неблагопріятныхъ муссонахъ , бываютъ такіе неурожаи , о которыхъ мы не имѣемъ и понятія. Безъ влажности рисъ вовсе не родится. Въ Индустанѣ по-крайней-мѣрѣ каждыя десять лѣтъ бываетъ такой голодъ , о какомъ въ Европѣ помнилъ-бы цѣлыя столѣтія. Подобное бѣдствіе посѣтило , въ послѣдній разъ , Мадрасъ въ 1837 году , а Бенгалію въ 1838.

ГОРОДА И РЕМЕСЛА. — Тѣ индійскіе города , куда не проникла еще европейская архитектура , очень похожи другъ на друга. Кто видѣлъ одинъ городъ , тотъ знаетъ всѣ. Они состоятъ изъ высокихъ каменныхъ или кирпичныхъ строеній (съ плоскими крышами въ исхнхъ странахъ) , съ кое-гдѣ проглядывающими маленькими окнами , выходящими на узкія , кривыя улицы , по которымъ , вмѣсто мостовой , разбросаны огромные необтесанные камни. Люди богатые окружаютъ дома свои роскошными сада-

ми, колоннадами, галлереями, называемыми *веранга*, — словом; все, что может дать тѣнь и прохладу. Въ некоторыхъ городахъ дома очень высоки: такъ, въ Бенаресѣ есть даже шестиэтажные дворцы индѣйскаго стиля. Нижній этажъ, особенно въ Бенгаліи, остается всегда пустымъ, по причинѣ сильныхъ селитряныхъ испареній почвы. Многіе города окружены укрѣпленіями. Ихъ узкія улицы вѣчно полны шума и движенія. — Тутъ тѣснятся толпы народа, палачники знатныхъ особъ и запряженные волами экипажи ихъ женъ; вы не успѣли еще опомниться отъ толчка *неона* (сорохода), бѣгущаго вслѣдъ за повозомъ своего господина, какъ натываетесь на бѣснующагося факира или празднаго солдата. Наконецъ, вы вырвались изъ толпы, — но вамъ на встрѣчу идетъ священный быкъ, и вы должны безропотно посторониться передъ нимъ, если онъ не своротитъ самъ съ дороги, чтобы безпретенсивно съѣсть выставленную на продажу пищу. Горю продавцу, который осмѣлился-бы почестъ это убыткомъ, а не благословеніемъ неба, и ударить священную скотину!..

То что въ Индіи называютъ *базарами* — не площади, а только менѣе-узкія и болѣе-прямые улицы, изъ которыхъ каждая населена особою кастою, то-есть, особымъ ремесленнымъ цѣхомъ. Передъ всякимъ домомъ есть навѣсъ, гдѣ выставлены все издѣлія мастерового, — а самъ хозяинъ сидитъ на корточкахъ среди своего товара и работаетъ. Прохожій останавливается передъ открытою лавкою, торгуетъ нужную вещь, платитъ деньги и уноситъ купленное. Весь этотъ торгъ совершается среди улицы. Особенно замѣчательно искусство серебряныхъ дѣлъ мастеровъ. Каждый изъ нихъ работаетъ одинъ, на своемъ порогѣ, и самыми грубыми инструментами, а между-тѣмъ, ихъ цѣпочки, ожерелья, чеканная работа, сдѣланы-бы честь лучшимъ мастерамъ Европы, пользующимся пособіемъ прекраснѣйшихъ инструментовъ. Соперничество этихъ бѣдныхъ ремесленниковъ очень велико, а вознагражденіе безпримѣрнаго труда и терпѣнія крайне ограничено. Самыя блестящія лавки, безспорно, мастерскія мѣдниковъ. Тутъ изготовляются круглые гладкіе кубки и чаши, столь-необходимые всему народонаселенію, какъ для хозяйственнаго употребленія, такъ и для религіозныхъ омовеній. Рядомъ съ мѣдникомъ вы видите грубые издѣлія кузнеца и простаго оружейника, изъ которыхъ первый, кромѣ кованья гвоздей и желѣзныхъ ложекъ, выдѣлываетъ и дрянныя сабли, — вещь, очень важную въ Индіи. Простонародная сабля, съ желѣзною рукояткою и деревянными обитыми кожею ножнами,

стоитъ рупію (70 копѣекъ сер.). Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ она составляетъ непремѣнную принадлежность наряда каждаго простолюдина, но никогда не употребляется въ дѣло. Поссорившіеся Индусы въ состояніи браниться посреди улицы, съ геніальною находчивостію, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, хватаясь безпрестанно за рукоять сабли. Взоры ихъ горятъ, руки судорожно сжимаются; но не бойтесь: оба они удовольствуются одними угрозами.—Далѣе вы видите безчисленное множество лавокъ съ съѣстными припасами и пряностями: все это продается посреди улицы; только лавки мѣняль помѣщаются въ комнатахъ, притворяемыхъ дверью. — Но самую важную отрасль промышленности въ Индустанѣ составляетъ, безъ сомнѣнія, производство бумажныхъ, шерстяныхъ и шолковыхъ тканей, которыми страна эта славится уже болѣе двадцати вѣковъ. Европеецъ не въ состояніи, даже съ помощію самыхъ сложныхъ машинъ, превзойти Индуса, работающаго перѣдко подъ открытымъ небомъ, на простомъ станкѣ, прикрѣпленномъ къ какому-нибудь дереву. Выдѣлываемыя такимъ-образомъ тончайшія кисеи, часто шитыя золотомъ, и шали изъ кашемирской шерсти, доходятъ до такой степени прозрачности, что тѣло сквозитъ черезъ нихъ, хотя-бы они были сложены въ-шестеро и болѣе. Шолковыхъ и бумажныхъ матерій различной ткани считается въ Индустанѣ до ста двадцати четырехъ разрядовъ, начиная съ эеирныхъ газовъ и золотомъ вышитыхъ атласовъ, до простыхъ ситцевъ и набосктъ, съ ихъ яркими узорами, изображающими растения, баснословныхъ звѣрей и разныя арабески.—Кромѣ тонкости ткани, индійскія издѣлія отличаются ослѣпительною бѣлизною поля и удивительною яркостію красокъ, употребляемыхъ на разводы. Качество мѣстныхъ красильныхъ травъ, воды, воздуха, и наконецъ, искусство, передаваемое изъ рода въ родъ и не выпускаемое изъ касты, то-есть, мѣстнаго цѣха, дѣлають иногда нѣкоторые рисунки и набивки потомственнойю принадлежностію то одного, то другаго герода, который ими и славится. Особенно примѣчательны въ этой отрасли промышленности Мадрасъ, Бенаресъ и Суратъ.

ОБРАЗЪ ЖИЗНИ ГОРОЖАНЪ. — Города не имѣютъ, подобно деревнямъ, общиннаго правленія, но зависятъ отъ начальника, назначасмаго правительствомъ и окруженнаго полиційскими и финансовыми чиновниками. Въ полицейскомъ отношеніи, они дѣлятся на кварталы; каждый кварталъ заселенъ какою-нибудь одною кастою, управляемою выбраннымъ изъ среды ея старшиною, который служитъ посредникомъ между правительствомъ и обывателями.

Высшимъ слоемъ городского общества считаются банкиры, богатые купцы и чиновники. Первые занимаются торговыми дѣлами, часто откупаютъ государственныя подати, лежащія на городахъ, и отдаютъ въ ростъ деньги: ремесло, предоставляемое законами Мену кастъ вайши, въ числѣ честныхъ занятій. Такимъ-образомъ, купцы дѣлаются кредиторами большей части горожанъ, разоренныхъ ими-же самими въ качествѣ откупщиковъ податей. Въ домашнемъ быту своемъ они живутъ очень не роскошно, даже скупно; за-то тратятъ иногда изъ тщеславія огромныя суммы на семейныя праздники, свадьбы и украшеніе храмовъ.

Около праздныхъ людей высшихъ сословій толнятся тунядцы низшаго разряда, въ качествѣ ихъ приближенныхъ. Люди эти составляютъ какъ-бы классъ приказныхъ Индустана. Въ города переполнены ими и ихъ семействами. Такъ, у всякаго индійскаго «барина» найдете особеннаго писаря по копированной части, другаго по кухонной, третьяго для охоты. Административныя мѣста тоже завалены этимъ народомъ; каждая артель солдатъ, каждый ничтожный цѣхъ имѣетъ своихъ писарей и кассировъ. Индусы удивительно изобрѣтательны на должности. Разумѣется, что всякій изъ этихъ писаришекъ считаетъ себя человекомъ важнымъ, государственнымъ, и съ пренебреженіемъ смотритъ на честнаго, небогатаго ремесленника. Образъ жизни бѣдныхъ горожанъ во многомъ сходенъ съ жизнью поселянъ; какъ одни въ полѣ, такъ другіе проводятъ цѣлый день въ лавкѣ, а вечеромъ, вмѣсто деревенской улицы, собираются на базаръ, который замѣняетъ имъ наши клубы и трактиры. Сельскіе жители развлекаются, кромѣ-того, разными гимнастическими играми; горожане находятъ главное развлеченіе въ ярмаркахъ и народныхъ праздникахъ.

ЯСТВА И СПОСОБЪ ЖИЗНИ. — Человѣкъ отличается, между прочимъ, отъ животнаго и тѣмъ, что любитъ бѣсть въ обществѣ. Въ Индустанѣ, благодаря разсоединенію кастъ, это удовольствіе почти никому неизвѣстно. Тамъ человѣкъ съѣдаетъ пищу свою наединѣ и молча, какъ животное, — и низшія сословія, то-есть, огромное большинство народонаселенія, потребляютъ тѣ-же самыя припасы, которые служатъ кормомъ и домашнему скоту. Передъ обѣдомъ Индусъ умываетъ руки и ноги, вышоласкиваетъ ротъ и садится на полу, ожидая, пока хозяйка подастъ приготовленное ею кушанье. Жена никогда не сядетъ рядомъ съ мужемъ. Она будетъ подавать и принимать кушанье, услуживать мужу въ продолженіе обѣда, и послѣ, когда господинъ насы-

тится, ей позволено, очистивъ мѣсто, служившее для обѣда, усесться гдѣ-нибудь, возлѣ очага, и утолить свой голодъ. За обѣдомъ Индусъ не пуждается ни въ столѣ, ни въ стульяхъ, ни въ столовомъ бѣльѣ, ни въ ножахъ, ни въ вилкахъ. Обѣдающій садится на коверъ или рогожку; тарелку ставятъ передъ нимъ на полу, — и онъ полной горстью черпаетъ изъ нея жирный рисъ, или другое какое кушанье. Мѣсто, назначенное для обѣда, должно быть очерчено на полу. По закону Мену, оно должно имѣть форму четвероугольника для брамина, треугольника для кшатри, круга для вайши и полукругія для судры.

Яства Индусовъ состоятъ преимущественно изъ растительныхъ веществъ. Разваренный рисъ составляетъ одно изъ наиболѣе употребительныхъ блюдъ, и играетъ такую-же роль въ быту простаго Индуса, какъ щи и каша въ быту нашего простолюдина. Кроме-того, Индеецъ употребляетъ рисъ во всевозможныхъ другихъ видахъ. Онъ дѣлаетъ изъ него простые хлѣбы на водѣ, сдобныя лепешки, смѣшивающъ съ разными приправами и высушивающъ въ сухари. Рисовая вода составляетъ обыкновенное питье его. Въ округѣ Барелли, люди богатые потребляютъ пшеничный хлѣбъ; средніе классы лакомятся пирогами, испеченными изъ смѣси пшеничной муки съ овсяною и гороховою; простолюдины ѣдятъ въ разныхъ видахъ просо, ячмень и полевой горошекъ; самые бѣдные прибегаютъ къ кореньямъ и саранчѣ, а презрѣнные паріи должны довольствоваться мертвою рыбою, падалью и другимъ добромъ, какое найдутъ въ общественныхъ помойныхъ ямахъ. Число и разнообразіе вкусныхъ сочныхъ фруктовъ въ Индустанѣ безконечно. Индусы отличные кондитеры и дѣлаютъ превосходныя конфеты и варенья. Даже простолюдины лакомки.

Въ наше время, изъ числа разныхъ сектъ и кастъ воздерживаются безусловно отъ мясной пищи только восемнадцать; прочія секты разрѣшаютъ себѣ ѣсть мясо какого-нибудь одного рода. Въ некоторыхъ большихъ городахъ есть даже бойни для Индусовъ, гдѣ убиваются все животныя, кромѣ быка и коровы. Но если совѣсть Индуса стала шире, то кармавъ его остался тощъ по-прежнему, и бѣдный простолюдинъ только по большимъ праздникамъ нюхаетъ крѣпительный запахъ мяса.

Кромѣ рисовой воды, Индусъ пьетъ простую воду и молоко. Изъ фруктовъ онъ извлекаетъ разные сидры и пальмовое вино; ромъ и аракъ ему также извѣстны, равно и употребленіе ихъ въ видѣ нуша; виноградное вино (сура) и пиво зналъ онъ еще до прібытія Европейцевъ. Пьянство мало извѣстно въ Индустанѣ; оно

встрѣчается болѣе только тамъ, гдѣ много Европейцевъ, и въ сырыхъ мѣстахъ, на примѣръ въ Бенгаліи и нѣкоторыхъ округахъ южнаго берега. Въ англійскихъ владѣніяхъ порокъ этотъ увеличивается, и продажа крѣпкихъ напитковъ допускается тамъ, со взиманіемъ нѣкоторой пошлины. Въ странахъ, независимыхъ отъ Англичанъ, приготовленіе и продажа крѣпкихъ напитковъ безусловно запрещены закономъ, и постановленіе это до-того соответствуетъ обычаямъ народа, что не возбуждаетъ ни малѣйшаго неудовольствія.

Въ западной части сѣвернаго Индустана, Раджпуты употребляютъ много опиума, но для простаго народа напитокъ этотъ такой-же недоступный нектаръ, какъ шампанское для русскаго мужика. За-то, Индусы всѣхъ сословій или курятъ только не табакъ, а разныя опьяняющія травы, или жуютъ массу изъ листьевъ бетелля, смѣшанныхъ съ пряностями и раковинною известью.

Постоянно заботясь о томъ, чтобы не употреблять посуды, бѣлья или ковровъ, оскверненныхъ употребленіемъ другихъ кастъ, Индусы прибѣгаютъ иногда къ самымъ смѣшнымъ средствамъ. Такъ, брамны, за большими зваными обѣдами, приказываютъ ставить на полу, передъ каждымъ гостемъ отдѣльно, тридцать или сорокъ разныхъ лѣствъ, которыя должны подаваться не на фарфоръ или металлъ, а на блюдахъ изъ листьевъ. Полъ устланъ гирляндами изъ разноцвѣтныхъ песковъ, придающими ему видъ узорчатой скатерти. После обѣда, песчаная скатерть сметается, листовыя блюда бросаются въ яму, и домъ не оскверняется. Для Европейцевъ ставятъ, однакоже, всегда столы и стулья, и на пирушкахъ, даваемыхъ для нихъ, вполне развертывается аристократическое мотовство тщеславныхъ туземцевъ, не жалѣющихъ ничего, чтобы только удивить «бѣломѣщихъ эмировъ.»

Вотъ какъ принялъ Варрена одинъ изъ индійскихъ князей, когда тотъ проѣзжалъ чрезъ его столицу:

«Набавъ хотѣлъ непременно угостить и меня и мою маленькую свиту. Лошадей моихъ накормили ачменемъ, людей рисомъ и растопленнымъ масломъ (гхи), а передо мною поставили огромный пилавъ, т. е. курицу, потопившую въ пирамидѣ риса, приправленную разными пряностями. Около пилавъ стояли разныя кари и кибавы, всѣ начиненные безмѣрнымъ множествомъ пряностей. Набавъ оказалъ мнѣ даже изумительную честь—отвѣдать кушанье съ моей тарелки, такъ что наши пальцы не разъ встрѣчались въ рыхломъ рисѣ. После безконечнаго ряда подобныхъ кушаній, столъ покрылся прекрасными плодами: апельсинами, гранатами, ананасами, смоквами и наконецъ, крошечными, безвкусными яблоками, которыми, какъ рѣдкостью, тщеславіе богачей считаетъ обязанностію похвастаться предъ гостемъ. После омовенія, намъ подали хуки (трубки), которыя мы уже не выпускали изъ рукъ до самаго вечера. Набавъ пользовался хукою съ истиннымъ эппикурензмомъ. Ежеминутно ему перемѣняли шиллумъ (со-

держаніе трубки) и накладывали новый *гадаюкъ*, сильно напитанный опиумомъ. Онъ затягивался только два, три раза, и возвращалъ чубукъ.»

Но эта баретвенная роскошь и чувственный кейфъ не знакомы бѣдному Индусу. Сдобныя лепешки изъ нечистой индичной или мансовой муки, на волючемъ маслѣ, сухая чечевица, которая хруститъ на зубахъ, какъ орѣхи, да глотокъ простой или рисовой воды — вотъ его будничныи и праздничныи столъ. Изрѣдка лишь, когда судьба пошлетъ ему особенныи случай, или во время значительнаго религіознаго торжества, удастся ему полакомиться разварнымъ рисомъ, приправленнымъ перцемъ, шафраномъ или другими пряностями. Поэтому, цѣна обѣда простолоднна обходится, въ сложности, въ 4 коп. серебромъ. Если же какой-нибудь тороватый прибавляетъ къ обыкновенной своей

пищѣ шафрану или тамарину, — тогда обѣдъ стоитъ немного дороже, но за-то жжетъ своимъ приносами ротъ счастливаго туземца на-славу, и заставляетъ его забывать всѣ невзгоды жизни... Иногда Индусъ покупаетъ полфунта накаленного риса, смѣшаннаго съ сушеною чечевицею (что стоитъ одну копейку серебромъ), достаетъ изъ кармана это лакомство по зернышку и ѣстъ, не прерывая своей работы. И такъ, мѣсячный расходъ на столъ составляетъ для простаго Индуса не болѣе $2\frac{1}{2}$ рупій, т. е. 1 руб. 75 коп. серебромъ. Въ награду за большіе труды, напримѣръ при окончаніи продолжительнаго путешествія, господинъ жалуетъ артели наемныхъ слугъ, въ подарокъ, *букру* (барана или козу). Щедрость эта, стоящая одну рупію, приводитъ бѣдняковъ въ совершенный восторгъ. Послѣ разныхъ религіозныхъ обрядовъ, они закалываютъ животное, дѣлятъ его на части, и каждый жаритъ или печетъ свой кусокъ, по правиламъ своей секты или касты. Они не сидятъ въ кружокъ или рядомъ для общаго обѣда. Всякій беретъ свою часть, уйдетъ за уголь строенія, спрячется за дерево, и поспѣшно набьетъ себѣ брюхо, опасаясь, чтобы чужой не осквернилъ его пищу своимъ взглядомъ, во время такого важнаго дѣйствія, какъ насыщеніе желудка.

ОДЕЖДА. — Индусъ дѣлаетъ свою одежду изъ произведеній своей страны: полотна, шолка и преимущественно бумаги. Древняя индійская одежда состоитъ изъ двухъ длинныхъ кусковъ бумажной ткани бѣлаго цвѣта. Первый обвиваетъ станъ, обхватываетъ верхнія части ногъ; конецъ ея виситъ сзади до подколѣника, другой покрываетъ плеча, а иногда обвиваетъ и голову, не покрываемую ничѣмъ другимъ; ноги, за исключеніемъ верхней части, почти всегда голы. Волосы и борода бръются; остается только священный чубъ, длинный клочекъ волосъ на самомъ темени. Многіе Индусы носятъ усы, но брамины никогда. Эта древняя одежда удержалась болѣе всего въ Бенгаліи; въ другихъ странахъ ей остаются верными лишь самые ревностные поборники старины. Большинство народонаселенія переняло отъ своихъ завоевателей чалму и шальвары. Въ Индіи сословія отличаются между собою не различіемъ покроя, а качествомъ и цѣнностію употребляемыхъ на одежду тканей. Такъ, простые шальвары бѣдняка сдѣланы изъ незавидной бумажной ткани и иногда доходятъ только до колѣнъ, а богачъ облечется въ широчайшія шальвары изъ самой тонкой кисеи или богатой шолковой матеріи. Платье богача шире и бѣлье, чѣмъ у бѣдняка; притомъ, послѣдній довольствуется часто, кромѣ чалмы и шаль-

варовъ, однимъ кускомъ ткани, которая служитъ ему то кушакъ, то плащомъ или одъяломъ, а богачъ надѣваетъ перѣдко подъ исподъ плаща шелковую или кисейную куртку, въ родъ нашего жилета. Старые Индусы замѣняютъ эту куртку кисейною тюпикою, которую подпоясываютъ разноцвѣтнымъ кушакъ. Обыкновенно тюпика доходитъ до колѣнъ, но при торжественныхъ случаяхъ, ниспадаетъ даже до пятъ, и тогда плащъ надѣвается уже не бѣлый а пестрый, и, накинутый на лѣвое плечо, завязывается подъ правою мышкою. Тюпика должна быть поразительной бѣлизны; она прозрачна, плотно обхватываетъ станъ до пояса, а ниже распадается широкими складками. Шарфъ черезъ плечо, чалма, браслеты и другія блестящія украшенія дополняютъ праздничный нарядъ индійскаго щеголя.

У женщинъ, придерживающихся древне-національнаго костюма, два куска ткани, составляющіе главную часть одежды, бываютъ длиннѣе, шире и болѣе-яркихъ цвѣтовъ, чѣмъ у мужчинъ. Молодыя и знатныя женщины надѣваютъ камзолы съ коротенькими рукавами, тѣсно обхватывающіе талію. У богатыхъ на шальвары употребляются шелковыя матеріи, часто даже шитыя серебромъ и золотомъ. Сверхъ камзола, вмѣсто пояса, обвязывается дорогая шаль, концы которой забрасываются черезъ плеча. — Въ-старину дѣвщцы отличались тѣмъ, что собирали на лбу всю косу, и не употребляли никакихъ головныхъ украшеній, а распускали волосы въ локоны и проплетали ихъ цвѣтами—считалось тогда принадлежностію однихъ бездомныхъ женщинъ. Теперь это измѣнилось. Всѣ женщины обращаютъ особенное вниманіе на головной уборъ. Богатыя наплетываютъ волосы благовонными маслами и эссенціями, завиваютъ ихъ въ локоны или проплетаютъ жемчугомъ, драгоценными камнями, искусственными и садовыми цвѣтами. Бѣдныя придерживаются еще отчасти древняго обычая, протягиваютъ всю косу впередъ и складываютъ ее надъ головой,—съ боку прикалываютъ также фольгу, бусы, и все что случится подъ рукой блестящаго, или полевые цвѣты. Благовонное масло онѣ замѣняютъ дешевымъ кокосовымъ, которое портится очень скоро, и происходящій отъ него весьма-непріятный духъ, смѣшиваясь съ приторнымъ запахомъ бетеля, которымъ разитъ отъ всякаго Индуса, окружасть простонародную туземку почти не пропнцаемою для Европейца атмосферою. Приплетныя косы и женскіе парикки въ Индіи еще неизвѣстны; за-то индійскія женщины умѣютъ увеличивать объемъ своихъ косъ, вкладывая внутрь прически клубки бумаги или перья. Браслеты надѣваются ими на руки и

на ноги, серьги прицѣпляются къ ушамъ и къ носу; есть щеголихи, у которыхъ болтаются по три огромныхъ серьги на каждомъ ухѣ и на носу. Драгоценности надѣваются, впрочемъ, во множествѣ не одними женщинами, но составляютъ любимую принадлежность туалета всѣхъ Индусовъ, безъ различія пола и возраста. Мужчины, даже изъ низшихъ сословій, носятъ и серьги, и ожерелья, и браслеты. Такимъ-образомъ, люди небогатые въ состояніи имѣть все свое имущество подъ рукой, на самихъ себѣ. Ожерелья не всегда дѣлаются изъ драгоценныхъ камней; или изъ золотыхъ и коралловыхъ шариковъ; часто видны сдѣланные изъ сѣмянъ, принимающихъ со-временемъ большую степень твердости и прекрасный темнокоричневый цвѣтъ. — Даже дѣтей обвѣшиваютъ разными драгоценностями, и несчастныя малютки поэтому дѣлаются перѣдко жертвами хищныхъ воровъ, которые, ограбивъ ихъ, или продаютъ въ отдаленныя провинціи, или убиваютъ. — Чтобы придать большій блескъ глазамъ, индійскія женщины чернятъ брови. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ выкрашиваютъ красною или желтою краскою ладонную сторону руки и ступню, въ иныхъ чернятъ зубы; есть наконецъ провинціи, гдѣ на тѣлѣ накалываютъ разные узоры. — Покрывала употребляютъ только знатныя женщины, въ видѣ украшенія, не закрывая ими лица, а простой народъ вовсе не носитъ ихъ. Къ туалетнымъ потребностямъ индійской щеголихи принадлежатъ разные гребни, зеркала, шали, платки, шарфы, корсеты (плоды сношеній серьезной Индіи съ вѣтреною Европою), зонтики, вѣеры, зубочистки, драгоценныя камни, кисей, эссенціи (особенно розовый аттаръ), и множество подобныхъ предметовъ. Коробочка съ бетелемъ для жеванья необходима каждому Индусу. Обувь обоихъ половъ, употребляемая на улицѣ, состоитъ у богатыхъ изъ туфель и сандалій, у бѣдныхъ изъ тростниковыхъ лантей. Она снимается при входѣ въ домъ или въ паланкинъ.

Вотъ что говоритъ Варренъ о мужскомъ костюмѣ высшихъ сословій Гайдерабада:

«Здѣсь вы найдете огромнѣйшій выборъ драгоценныхъ камней, лучше которыхъ нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ: алмазовъ, рубиновъ, изумрудовъ, гранатъ и особенно жемчугу; кромѣ-того, ткани, легкостію превосходящія пчелиныя крылья, извѣстные бенаресскіе шарфы изъ золотой или серебряной парчи, съ широкими бахрамами, и наконецъ, знаменитыя кинкабы, неподражаемые для самой сложной механики; но ничто не можетъ сравниться въ красотѣ съ шитьемъ по бархату, украшающимъ пугру, индійскую чалму. Взгляните на этого статнаго всадника съ прекрасными чертами лица: чалма его словно соткана изъ блестящихъ драгоценныхъ камней, его тѣсный камзолъ и широкіе шальвары изъ ала-го бархата, шитыя золотомъ, поражаютъ своимъ богатствомъ. Станъ обхваты-

нается кашемирского шалью; другая шаль перекинута, въ видѣ шарфа, черезъ плечо; бѣлый легкій плащъ развѣвается по вѣтру, сабля брѣшится о стремяна, брилліанты съ эфеса блестятъ на лучахъ солнца, а бѣлый конь фыркаетъ и присуется, будто гордясь своей ношей. Вся сбруя лошади кована чистымъ серебромъ. За этою блестящею фигурою всегда сѣдѣуетъ дружина людей полунагихъ, вооруженныхъ алебардами, саблями и старинными ружьями съ фитилями. Весь поѣздъ крайне живописенъ.»

Хотите ознакомиться съ костюмомъ двухъ простыхъ воиновъ, взятыхъ въ плѣнъ Англичанами въ области Гатскихъ горъ? Послушайте:

«Они были одѣты по-горски, то-есть, въ широкую тюнику, ниспадавшую до коленъ. Она дѣлается изъ туземной синей или коричневой ткани, на ватѣ, съ светлою подкладкою, съ длинными рукавами, и подпоясывается около талии бѣлымъ бумажнымъ шарфомъ. Подъ тюникою панталоны, сверху очень широкіе, а ниже колѣна прилегающіе къ икрамъ. Чалмы бываютъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ. Въ рукавѣ каждый воинъ хранитъ талисманъ, писанный на бумагѣ или пальмовомъ листѣ, и купленный у браминновъ за дорогую цѣну. Одинъ изъ плѣнниковъ былъ вооруженъ ружьемъ, длиною почти въ шесть футовъ; прикладъ его очень великъ, стволъ коротокъ. Стрѣляя, солдатъ кладетъ его на подставку, какъ дѣлаютъ Тирольцы съ своими винтовками. Ружье это тяжело, бьетъ недалеко, но очень вѣрно. Мѣсто замка съ куркомъ занимаетъ фитиль. Онъ очень длиненъ, и солдатъ оборачиваетъ его нѣсколько разъ около себя, какъ поясъ. — Отъ этого случалось перѣдко, что раненый, будучи не въ состояніи ни погасить фитиля, ни снять его съ себя, сгоралъ заживо. У другаго плѣнника былъ лукъ, колчанъ и стрѣлы. Оба они были, сверхъ-того, вооружены короткими тесаками, называемыми *кукри*. Тесакъ имѣетъ простую деревянную ручку и короткий, толстый клинокъ, съ конца острый, по срединѣ дюйма въ четыре шириною. Это оружіе дѣйствуетъ страшно: легкій ударъ снимаетъ съ чловѣка голову. При проходѣ черезъ густые лѣса, оно служитъ даже часто вмѣсто топора.»

Сообщимъ, наконецъ, краткое описаніе незатѣпливаго костюма индійскаго лацпарони:

«Римская тюника, т. е. рубашка съ короткими рукавами, первоначально сшита изъ простой бѣлой или коричневой шерстяной ткани, составляющая простовародный костюмъ многихъ странъ, до-того изорвана и запачкана, что потеряла не только свой цвѣтъ, но и форму. Это скорѣе дыры, соединенныя между собою какими-то нитями и подпоясанныя, Богъ вѣсть для чего, простою веревкою. Единственная не дырявая вещь костюма есть *лангути*, полотняный треугольникъ на животъ, да и тотъ объемомъ своимъ далеко не удовлетворяетъ требованіямъ благопристойности. Тѣмъ и ограничивается весь нарядъ. Остальное все голо.»

ПРАВИЛА ОБЩЕЖИТІЯ И ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО ЖИЛИЩЪ. — Въ домахъ богатѣйшей дѣрви и вся столярная работа украшены рѣзьбою, а окна и двери обвѣшиваются тяжелыми шолковыми занавѣсями. Полъ весь устланъ бумажнымъ ковромъ, покрытымъ бѣлою тканью, служащею для сидѣнія; другой мебели въ гостинной не найдется. Скромные гости садятся другъ противъ друга, у ближайшей ко входу стѣны, которая считается низшею. Важные люди, особенно князья, помѣщаются у верхней стѣны, проти-

воположной входу. Они выбираютъ самую средину, равно отдаленную отъ обонхъ угловъ. Если ихъ санъ очень важенъ, имъ подкладываютъ низенькую подушку, покрываемую шелковымъ ковромъ. Владѣтельные князья прибавляютъ, кромѣ-того, круглый балдахинъ изъ шитаго штофа: подобное съдалице называется *маснадъ* или *гади*, и служитъ имъ престоломъ. Только короли имѣютъ право на болѣе-возвышенный тронъ.

Этикетъ строго сообразуется съ общественнымъ значеніемъ каждаго лица. Владѣтельнаго князя встрѣчаютъ за двѣ и за три версты, — важнаго сановника у порога дома, — равныхъ себѣ у дверей гостиной, — низшихъ, наконецъ, привѣтствуютъ, приподымаясь только съ мѣста, или даже и не вставая, однимъ кивкомъ головы или движеніемъ руки. Браминамъ кланяются, сложивъ обѣ ладони и поднося ихъ раза два или три ко лбу; другимъ знакомымъ отдають мусульманскій саламъ, т. е. прижимають руку сперва къ сердцу, а потомъ ко рту и ко лбу. Браминны привѣтствуютъ другъ друга какою-то санскритскою формулою, — остальные Индусы, при встрѣчѣ, обмѣниваются словами: *Рама-Рама*. Если въ одной гостиной сойдутся люди различной важности, всѣ правила мѣстничества строго соблюдаются; — и для хозяина бываетъ часто трудною задачею рассадить всѣхъ по рангамъ, не задѣвъ ни чей щекотливости.

Простолюдины изысканы въ своихъ выраженіяхъ. Они осмыпають другъ друга безконечными комплиментами и пѣжностями; за-то, если разсердятся, то нѣтъ также конца ихъ бездонному запасу бранныхъ словъ, тѣмъ болѣе, что споръ почти никогда не переходитъ въ драку.

Когда хозяину хочется избавиться отъ гостей, онъ подноситъ всякому по-очередно листья бетеля и орѣхи пальмы арекки: это сигналъ прощанія. Каждый встаетъ и раскланивается; хозяинъ начинаетъ упрашивать гостей остаться, и беретъ въ руки флакончикъ съ розовымъ аттаромъ. Гости отговариваются необходимостію, и наконецъ хозяинъ соглашается отпустить ихъ, но на дорогу накрапывается имъ нѣсколько аттара въ носовой платокъ, а слуги окропляютъ розовой водой все платье пощитителя, и тотъ уходитъ съ приличными поклонами. При первомъ посѣщеніи, равно и по случаю праздниковъ, хозяинъ отпускаетъ гостей не иначе, какъ съ дарами. Подарки состоятъ изъ шалей, шелковаго штофа, серегъ, ожерелій, браслетовъ, жемчуга, а иногда даже, въ знакъ особеннаго уваженія, изъ верховыхъ лошадей и слоновъ. — Подарки дѣлаются также слугамъ въ вознагражденіе за вѣрную и усердную службу, солдатамъ за от-

личіе на войнѣ, поэтѣмъ, учёнымъ; въ наибольшемъ-же изобиліи они сыплются на пѣвицъ и танцовщицъ.

При церемонныхъ посещеніяхъ говорятъ только люди важные, а помелче молчатъ; но въ простомъ кругу, разговоръ оживленъ общимъ участіемъ и никогда не прерывается. Индусы говорятъ скоро, проворно, униженно; они готовы льстить высшимъ и равнымъ себѣ, съ цѣлю и безъ цѣли, просто по привычкѣ или по расчёту, помня, что всякій человекъ, даже неважный въ настоящее время, можетъ когда-нибудь пригодиться.

Богатые люди встаютъ довольно рано, но выходятъ въ пріемныя комнаты не прежде двухъ или трехъ часовъ по-полудни. Утро они проводятъ въ своихъ жилыхъ комнатахъ, совершаютъ въ домовыхъ часовняхъ молитвы, потомъ купаются, объедаютъ рано, ложатся опять, и выходятъ уже послѣ обѣденнаго сна. Начиная съ трехъ часовъ, они занимаютъ дѣлами, принимаютъ гостей, а по вечерамъ угощаютъ ихъ иногда домашними весьма-нестройными концертами, до глубокой ночи.

Кромѣ свадебъ, рожденій, и подобныхъ, встречающихся довольно рѣдко случаевъ, богатые туземцы задаютъ пиръ во славу какого-нибудь божества, или въ честь важнаго знакомаго, начальника или благодѣтеля. Пиръ начинается обѣдомъ, но главный предметъ его — пѣсни и пляска, перемежающіяся представленіями искусѣйшихъ въ мірѣ фокусниковъ или жонглеровъ и выходками праздничныхъ шутовъ. Во время этихъ представлений, гости сидятъ чинно на своихъ мѣстахъ. На нихъ надѣваютъ гирлянды и подносятъ имъ дары, а воздухъ наполняется благовоніемъ отъ курпльницъ, разставленныхъ по всемъ комнатамъ.

Въ столицахъ туземныхъ владѣтельныхъ князей, особы высшихъ классовъ, въ извѣстные табельные дни, имѣютъ право и обязанность являться ко двору. Всякій придворный подходитъ по-очередно къ престолу, дѣлаетъ узаконенный поклонъ и повергаетъ къ стопамъ повелителя свой наццеръ, денежное приношеніе, цѣнность котораго опредѣляется чиномъ приносящаго. Наццеръ, впрочемъ, составляетъ общій знакъ подчиненности; его обязаны приносить не только князьямъ, но и всякому старшему, всякому начальнику. По закону, самый меньшій наццеръ долженъ быть рупія (около 70 коп. серебромъ), самый большой — сто ашрефи (отъ 700 до 800 руб. сер.); но въ действительности онъ испадаетъ иногда у неимущихъ до полевого цвѣтка, у мелкаго продавца до какой-нибудь копѣчной бездѣлушки, а у богатыхъ возрастаетъ до ста тысячъ рупій, что составляетъ

на наши деньги до 70,000 р. серебр. — Особенно огромны бывают эти подарки, если какой-нибудь владетельный князек, или важный сановникъ его, спозойдетъ до милости посѣтить домъ незнатнаго миллионщика.

Приглашенія на пиръ въ честь какого-либо божества дѣлаются отъ его имени. Истуканъ божества, одѣтый въ парчу, ставится подъ богатымъ балдахномъ, посреди огромной залы, и окружается балюстрадаю. Гости, нарядившіеся въ лучшія свои одежды, по-мѣръ пріѣзда въ домъ, кланяются богу-хозяину, и потомъ располагаются вдоль стѣны, соответственно своимъ чинамъ. Впрочемъ, пиръ во всемъ походитъ на обыкновенныя пирушки. Тѣ-же гирлянды, пляски, нѣсни, подарки и ѣмліамъ. Подъ конецъ пира, гостямъ разносятъ бетель и розовое масло; всякій тотчасъ спѣшитъ раскланяться съ божествомъ и отправляется домой.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ. — Индійскіе праздники пользуются общимъ названіемъ *пуджа* (воззваніе, молебствіе). — Обыкновенно нагодые браминны обмываютъ истуканъ божества водою, потомъ поливаютъ его, съ разными церемоніями, молокомъ и благовоннымъ масломъ. Замѣтимъ кстати, что всякій членъ браминской касты имѣетъ право священнодѣйствовать, но разрядъ собственпо-жрецовъ, посвятившихъ себя исключительно отправленію религиозныхъ церемоній и дѣлящихъ между собою, по окончаніи службы, приношенія вѣрующихъ, называется *пурогита* и имѣетъ свои подраздѣленія. *Садашіей* называется родъ причетниковъ, убирающихъ храмъ для предстоящаго торжества; *брама* обязанъ поддерживать огонь во время жертвоприношеній; *гота* подбавляетъ къ огню очищенное коровье масло; *ашаріа* читаетъ громко молитвы, и т. д. При значительныхъ нагодахъ число этихъ жрецовъ очень велико. Цѣлыя толпы ихъ отгоняютъ огромными вѣрами мошекъ отъ истукана, другіе собираютъ подающіе молящихся, а храмовыя баядерки восхищаютъ ихъ священными танцами передъ крыльцомъ нагоды. Вѣрующіе исполняютъ между-тѣмъ тоже разные обряды. Одни погружаются по поясъ въ нагодный прудъ, другіе выливаютъ масло себѣ на голову, всѣ бормочатъ молитвы. — При наступленіи ночи, браминны и всѣ правотѣрные становятся въ два ряда. Всякій вооружается факеломъ изъ коровьяго кала, пахнутаго масломъ; обожаемый истуканъ, завѣшанный кисеею, относится торжественно къ ближайшей рѣкѣ и бросается въ воду, при громкихъ кликахъ толпы. Процессія сопровождается дикими аккордами туземной музыки.

HINDOUSTANISCHER TÄNZER.

Danseur Indou.

- b. Kaphal...

Праздники, при которыхъ приносятся богатые дары богамъ, т. е. жрецамъ ихъ, называются *бицца-пуджа*; праздники, сопровождаемые или предшествуемые постами, зовутся *упофъ*. Вотъ образецъ индйскаго поста *скандра-соумъ*, учрежденнаго въ честь луны: Постъ продолжается двѣнадцать дней. Въ первый сутки, вѣрующіе не ѣдятъ ничего; во вторыя, одно зерно хлѣба, въ третью, одно яйцо; въ четвертыя—два, въ пятая—три яйца. Въ шестой день позволено съѣсть столько, сколько помѣщается въ горсти; въ седьмой — двѣ пригоршни пищи; въ восьмой, три. Въ девятый и десятый день разрѣшается съѣсть четвертую часть обыкновенно-потребляемой пищи. Въ одиннадцатый день воспрещена всякая пища, кромя коровьей мочи; но въ двѣнадцатый, должно воздержаться и отъ этой драгоценности. Соблюденіе этого поста смываетъ все грѣхи.

Индусы разныхъ сектъ имѣютъ въ году тридцать девять главныхъ праздниковъ. Упомянемъ здѣсь о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Одно изъ подобныхъ торжествъ называется *голи* и празднуется въ честь весны. Это италіанскій карнавалъ, переложенный на индйскіе нравы. Простолюдныя, особенно дѣти, собираются по вечерамъ, раскладываютъ костры, пляшутъ около нихъ, поютъ пѣсни, болѣею частию насмѣшливаго содержанія, и позволяютъ себѣ всевозможныя выходки противъ своихъ господъ или начальниковъ. Но главная забава толпы — орошать всѣхъ встрѣчныхъ желтою жидкостью, и забрасывать все лица краснымъ порошкомъ. Жидкостью обливаютъ изъ маленькихъ насосовъ, а порошокъ вкладываютъ въ пустые шарики изъ рыбьяго клею. Эта тонкая оболочка, ударяясь объ голову, тотчасъ лопается, порошокъ покрываетъ все лицо и потомъ съ трудомъ отмывается. Все сословія и возрасты принимаютъ участіе въ этой народной забавѣ. Все гражданскія различія, все касты забыты на этотъ день: *голи* поглощаетъ все. Но недолго продолжается эта сатурналія, которой подчиняетъ себя строго-раздѣленное индйское общество. Пирующіе приходятъ домой усталые, испачканные, но только-что успѣли они переодѣться и умыться, карнавалъ уже забыть, и все входитъ снова въ желѣзныя формы вседневной жизни.

Въ *Калькуттѣ* карнавалъ бываетъ въ сентябрѣ или октябрѣ, во время большаго праздника *дурга-пуджи*, посвященнаго страшной богинѣ Кали. День проходитъ въ процессіяхъ, а вечеромъ дома богачей открыты для всѣхъ, безъ различія, порядочно-одѣтыхъ людей. Посреди главной пріемной залы, назначенной для священныя плясокъ, находится богато-украшенное рѣзное изоб-

раженіе богини. Входящіе становятся около Дурги и опрыскиваются благовопною водою. Тщеславіе богачей жертвуетъ иногда до 100,000 рупій (70 т. руб. сереб.) на одинъ такой вечеръ, которому всѣ наши модные балы должны почтительно уступить. Приведемъ подлинныя слова одного изъ новѣйшихъ путешественниковъ о посвященномъ этой покровительницѣ торговъ торжествѣ дурга-пуджа :

« Въ эти минуты характеръ Индуса становится совершенно загадочнымъ; вы видите безпрестанный контрастъ самыхъ противорѣчащихъ явленій. Тотъ самый человекъ, который вчера убѣгалъ съ визгомъ отъ поднятой трости, или падалъ на колѣна отъ грознаго слова, который завтра повторить то-же самое, безстрашно бросается, во время религіознаго праздника, на встречу почти вѣрной смерти. Фанатизмъ объясняетъ все, но трудно повѣрить, что Индусы рѣшаются часто на всякія мученія и вовсе безъ фанатизма, хладнокровно, за другихъ, изъ одной незначительной платы. Мы уже рассказывали, какъ нѣкоторые изувѣры, для спасенія души и на удивленіе народу, приказываютъ поднимать себя на воздухъ крючками, продѣтыми за ребра; подобныя сцены повторяются ежегодно при дурга-пуджѣ, за деньги. Бѣднякъ заключаетъ условіе мучиться всенародно за богача, проливаетъ свою кровь, получаетъ, по окончаніи торжества полрупіи или много рупію, а ханжа, заплатившій деньги, беретъ отъ браминовъ свидѣтельство о перенесенныхъ будто-бы имъ, ради спасенія души, мученіяхъ. Эти свидѣтельства собираются и кладутся въ послѣдствіи подлѣ трупа умершаго правовѣрнаго. »

Въ Калькуттѣ, богинѣ Калли посвященъ еще другой праздникъ, чуррукъ-пуджа, торжествуемый 10 апрѣля, въ день новаго года по индійскому календарю. Вечеромъ наканунѣ этого дня, толпа собирается на берегу Ганга; набожные люди взлѣзаютъ на бамбуковыя настилы или высокія подмостки, и бросаются оттуда на землю. Дѣйствіе паденія смягчается обыкновенно тюфяками, которые поддерживаются нагодными браминами. Поутру, до восхожденія солнца, туземная музыка проходитъ по всѣмъ улицамъ и сзываетъ народъ къ мейдану (на площадь). Народъ стекается со всѣхъ сторонъ, и скоро передъ вами волнуется бѣлое море, трехъ-сотъ-тысячная толпа. Повсюду развѣваются разноцвѣтныя знамена, и во многихъ мѣстахъ воздвигаются площадки для священныхъ плясокъ. Эта толпа, одѣтая въ бѣлую кнешею, эти пронзительные звуки музыки, этотъ шумъ, эта давка, только еще предвѣстники торжественной процессіи. Но вотъ, наконецъ, она является. Многіе изъ участвующихъ въ ней выкрасили себѣ лица и руки красною краскою, нѣкоторые даже въ красной одеждѣ. На головѣ, около шеи, кругомъ пояса, повсюду видны гирлянды цвѣтовъ. Впередѣ и позади шествія, быки и лошади везутъ трофеи и подвижные театры. Тутъ видите вы разныя міеологическія и символическія фигуры, и

рядомъ съ ними картонныя или деревянныя изображенія европейскихъ солдатъ, кораблей и пушекъ. Вслѣдъ за этимъ потѣдомъ, идутъ кающіеся, вооруженные раскаленными щипцами, пожарами и кипжалами, которыми жгутъ и рѣжутъ себя, подѣ тактъ священныя пѣнъвовъ. Паружность ихъ отвратительна: они обнажены до пояса; тѣло ихъ выкрашено киноварью и убрано цвѣтами; по спинѣ висятъ длинныя масляныя волосы; лица, несмотря на стараніе ихъ казаться веселыми, полны страданія, невольно выражающагося въ обезображенныхъ чертахъ... Вечеромъ вся эта процессія отправляется на огромную площадь, посреди которой утверждены *сертящіеся шесты*. Кающіеся за себя или за другихъ подходятъ къ шесту въ сопровожденіи толпы браминовъ. Встрѣчаемый радостными криками толпы, онъ всходитъ на маленькую площадку, гдѣ утверждены шесты; крючокъ вбивается надъ бедромъ въ тѣло несчастнаго; тѣсный поясъ затягивается около стана, брамины подхватываютъ съ другого конца веревку, къ которой прикрѣпленъ крючокъ, налегаютъ на нее,—и жертва, выкрашенная киноварью, покрытая цвѣтами, возвышается, обливаясь кровью, надъ головами зрителей. Когда окровавленнаго кающагося дотянуть до верхняго конца шеста, его приводятъ въ кругообразное движеніе, и рука изувѣра разсыпаетъ на ликующій народъ цвѣты и кокосовыя орѣхи.

Въ другихъ странахъ Индустана, процессія въ честь богини Кали называется *буссо-дженгъ* и совершается слѣдующимъ образомъ. Исполнскую статую богини развозятъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней по всѣмъ улицамъ города. На головѣ у нея тиара; въ одной изъ четырехъ рукъ она держитъ мечъ, въ другой отрубленную голову; на шеѣ у нея ожерелье изъ череповъ, ниспадающее до коленъ; богиня высунула языкъ, «потому что сердита.» Въ опредѣленный день, вечеромъ, вся процессія спускается къ священной пристани. Народъ и жрецы восхваляютъ богиню. Тутъ приготовлены двѣ барки, стоящія рядомъ и связанныя между собою. Статуя ставится посреди ихъ, такъ что опирается на оба судна. Барки наполняются браминами и людьми, отличавшимися пачобностью въ послѣдніе дни; ихъ окружаетъ безчисленное множество большихъ и малыхъ лодокъ, которыя мгновенно наполняются народомъ. Какъ скоро барки, по данному главнымъ жрецомъ знаку, отчалили, хвалы божеству и молитвы смѣняются страшною бранью и проклятіями. На истукана сыплются камни и палочные удары. Всякій старается отличиться изобрѣтательностію брани и звучностію крика. Доплывши до середины рѣки, барки останавливаются. Брамины

перерѣзываютъ веревки, гребцы отталкиваютъ суда въ разныя стороны, и статуя падаетъ въ воду, при громкихъ проклятіяхъ всего народа. Еще долго послѣ паденія истукана раздаются брань и возгласы, и тотъ изъ браминновъ, кто будетъ признанъ побѣдителемъ по части ругательствъ, почитается святымъ до слѣдующаго годоваго праздника Кали.

Главная цѣль добровольныхъ мучениковъ при всѣхъ этихъ праздникахъ заключается въ томъ, чтобы пролито было какъ можно болѣе крови, ибо богиня Кали «любитъ не столько смерть, сколько самую кровь.» Вотъ почему изъ тюфяковъ, поддерживаемыхъ браминами подъ тѣми мѣстами, откуда прыгаютъ съ большой высоты набожные люди, торчатъ множество маленькихъ кипчаловъ, большихъ иголокъ, гвоздей и пожничковъ. Падающій точно не разбивается о землю; онъ падаетъ на мягкій тюфякъ, но изрѣзываетъ въ одну секунду все свое тѣло. Торжество это называется *джанмъ*. По окончаніи его, процессія отирается къ пагодѣ, и на этомъ переходѣ кающіеся играютъ огнемъ и железомъ. Вполнѣ-достойнымъ почитается только тотъ, чье тѣло въ-вечеру покрыто *ста-двадцатью ранами*.—Есть люди, которые щеголяютъ при этихъ процессіяхъ, продѣвая сквозь свое тѣло, надъ бедрами, чубуки, освященные веревки, огромные четки и прутья. Во многихъ мѣстахъ, народъ становится, однакожъ, скупѣ на свою кровь, и есть нѣкоторые племена, между которыми правотѣрные обливаютъ другъ друга какою-то красною жидкостью, и тѣмъ успокоиваютъ свою совѣсть.

Но бываютъ праздники, не обезображиваемые никакими кровавыми истязаніями. Такъ, напримѣръ, жители приморскаго берега при началѣ муссона выходятъ, въ торжественной процессіи, къ самому морю и бросаютъ въ него кокосовые орѣхи.

Въ день *аида-пуджа*, всякій Индусъ кладетъ свое оружіе въ чистую, убранную комнату, а рядомъ съ нимъ ставитъ книги и музыкальные инструменты. Храмовые браминны обходятъ дома всѣхъ прихожанъ, произносятъ молитвы и окропляютъ священной водой выставленную утварь, во имя Дурги или Парвати, *Лакшми* и *Сарасвати*. Праздникъ этотъ бываетъ въ пятый индійскомъ мѣсяцѣ. За нимъ слѣдуетъ «праздникъ коровъ» (*гон-пуджа*). Всякій хозяинъ моетъ своихъ коровъ, выкрашиваетъ имъ рога, убираетъ ихъ гирляндами и водитъ торжественно по улицамъ, кормя рисомъ не только свою корову, но предлагая его и всѣмъ чужимъ, которыхъ встрѣтитъ.

Праздникъ *джаннамъ-аштоми* состоитъ въ томъ, что дѣти, нарядившись Кришною и его пастушками, даютъ драматическую

минстерію, сопровождаемую плясками и пѣснями.—Во время праздника *джуали*, все храмы и дома освѣщаются вѣнзелями, щитами и гирляндами изъ разноцвѣтныхъ стаканчиковъ. Огненные линіи и арабески украшаютъ все окна, крыши и колонны обыкновенныхъ строеній, и покрываютъ высокія, нарочно для этого выстроиваемыя бамбуковыя подмостки. Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, на всехъ горахъ и въ деревняхъ видны огни. Всякій крестьянинъ зажигаетъ по состоянію, возможно-большее число лампадокъ или въ жилищѣ или на улицѣ. Иные возвышаютъ эти лампы на длинныхъ бамбуковыхъ тростяхъ, такъ что издали ихъ можно принять за падающія звѣзды.

Посты соблюдаются особенно во время мартовскихъ праздниковъ, посвященныхъ *лиггаму*, и во время священной *джагернатской педъли*. Святая колесница, *рутг-литра*, отвозится съ величайшимъ великолѣніемъ за милою отъ главнаго храма, и остается тамъ семь дней. На восьмой ее везутъ обратно, и въ это-то время случается (теперь впрочемъ рѣдко), что фанатики ищутъ смерти подъ массивными колесами подвижнаго храма. — Во всю эту педълю, всякій Индусъ почитаетъ грѣхомъ работать; особенно тяжкій грѣхъ для земледѣльца тропуть отдыхающее поле.

Остается описать еще празднуемую во всемъ Индустанѣ *рамлилу*, торжество въ память воплощенія Вишну въ видѣ Рамы.

Тому очень давно, говоритъ индійская мифологія: на островѣ

Цейланъ царствовалъ десятиглавый и десятирукій великанъ *Раванна*. Жестокій, несправедливый, онъ приводилъ въ ужасъ своихъ подданныхъ. Возмолвись они о избавленіи отъ злодѣя, и безконечно-благой Вишну рѣшился сойти на землю для спасенія людей, и родился, подъ именемъ *Рамы*, отъ жены сіамскаго царя. Быстро возрасталъ онъ, ознаменовывая свое дѣтство великими чудесами, — потомъ женился на прекрасной царевнѣ *Сэтѣ* (побѣдивъ

всѣхъ соперателей ея руки, не могшихъ натянуть тетивы лука *Шивы*), — пятнадцати лѣтъ покинулъ отеческій кровъ и, въ сопровожденіи своей супруги и брата, *Лукмана*, отправился странствовать по бѣлу свѣту и искоренять зло. Но занимаясь сраженіями съ великанами и злыми духами, онъ проглядѣлъ однажды свою возлюбленную подругу и не видалъ, какъ злой *Раванна*, влюбленный въ нее по уши, похитилъ ее. Все поиски Вишну были напрасны; добрый повелитель царства обезьянъ, куда зашелъ онъ, помогъ ему найти Сѣту, и обрадованный мужъ, съ безчисленной арміей обезьянъ и медвѣдей,

бросился въ городъ Ланку (на Цейланѣ), гдѣ, по указанію божественной обезьяны Гацумана, была заключена его жена. Много и горячо сражались обѣ арміи, но добродѣтель восторжествовала: Вишну поразилъ стрѣлою Раванну и обнялъ свою милую Сэту, не забывъ очистить ее прежде огнемъ и заклинаніями.

« Церемоніи рамаили, рассказываетъ самовидецъ: не что иное, какъ представленіе въ лицахъ этой религіозной драмы. Приготовленія продолжаются нѣсколько недель. Въ это время, сипай безостановочно строятъ на равнинѣ родъ крѣпости, которую должны осаждать Рама и Лукманъ. Разставляютъ множество колоссальныхъ идоловъ, окруженныхъ самыми странными фигурами, конями, слонами, сдѣланными изъ глины и соломы: во внутренность ихъ кладется порохъ. Война длится нѣсколько дней, при звукахъ оглушительныхъ трубъ и тамтамовъ. Всякій вечеръ, подвозятъ на огромныхъ колесницахъ какое-нибудь новое божество, долженствующее присоединиться къ тому или другому войску. Наконецъ, Рама ина, истуканъ футовъ въ сорокъ, побѣждаетъ Рамою при помощи войска обезьянъ—людей, наряженныхъ въ самыя ужасныя маски, похожихъ на демоновъ, — и съ страшнымъ громомъ и трескомъ взлетаетъ на воздухъ. Вся церемонія длится дней девять. Несмѣтное множество народа стекается на это зрѣлище: это какъ-бы сто-тысячный таборъ Цыганъ, въ разнообразныхъ, разноцвѣтныхъ одеждахъ. И все это движется, хохочетъ, куритъ, поетъ и кричитъ. Это—движущееся море головъ людей и животныхъ. Часто слонъ, везя посреди толпы своего повелителя, хоботомъ тихонько отставляетъ къ сторонѣ стоящаго ему на пути безпечнаго зрителя, чтобъ не раздавить бѣднаго зѣваки. Праздникъ оканчивается за полночь: все еще слышны взрывы, летитъ на воздухъ все,—воинство Раванны, его кони, слоны, и толпа неистово рукоплещетъ. При внезапныхъ озареніяхъ мрака ночи этими взрывами, страшные образы идоловъ кажутся еще страшнѣе. Это зрѣлище сильно поражаетъ воображеніе. »

У племени Мараттовъ этотъ праздникъ принялъ совершенно-другой видъ. Онъ продолжается тамъ только одинъ день и даетъ поводъ къ великолѣпному воинственному зрѣлищу. Маратты выбрали для празднованія тотъ эпизодъ преданія, когда Рама, освятившись извѣстными обрядами и сорвавъ завѣтную вѣтвь, вѣрный залогъ побѣды, отправляется съ своимъ войскомъ въ походъ. Самы Маратты, въ случаѣ войны, открываютъ ее предпочтительно послѣ слѣдующаго торжества:

Вблизи столицы или лагеря выбирается равнина, и посреди ее всаживается дерево того рода, о которомъ говоритъ преданіе. Съ самаго утра, вся дорога до священнаго растенія уставлена съ обѣихъ сторонъ кавалеріей, пѣхотою и артиллерією; за войскомъ, по всей равнинѣ толпятся густыми массами народъ и зрители всѣхъ сословій. Наконецъ, является живописный поѣздъ владѣтельнаго князя. Впереди идутъ знаменосцы, герольды, вооруженные золотыми и серебряными жезлами, и густая фаланга воиновъ съ копьями, въ шестнадцать футовъ длиною. За передовымъ отрядомъ, показывается самъ царь-воинъ на слонѣ,

окруженный блистательною свитою знати и военачальниковъ. Каждый изъ этихъ сановниковъ великолепно одѣтъ; сбруя его арабской лошади блеститъ серебромъ, золотомъ и драгоценными камнями; верховая дружина всякаго подобрана изъ статныхъ, удалыхъ молодцовъ. Въ некоторомъ разстояніи за свитою цари; слѣдуетъ большое количество слоновъ; на нихъ развѣваются огромныя знамена, шитыя золотомъ и серебромъ. Богатыя нарчевыя попоны такъ длинны, что волочатся по землѣ. Около слоновъ скачутъ со всехъ сторонъ тучи прекрасной конницы; вооруженной копьями и разноцвѣтными флюгерами, увѣшанной богатыми шарфами, развѣвающимися по волѣ вѣтра. Когда владѣтельный князь приближается къ дереву, артиллерія начинаетъ салютовать, пѣхота отвѣчаетъ ей бѣглою пальбою, а конница привѣтствуетъ его громкими кликами и прибавляетъ рыси. Во время совершенія княземъ надлежащихъ обрядовъ, вся кавалерія во весь опоръ мчится къ дереву, и едва только сорветъ онъ первую вѣточку; какъ, по данному артиллеріею сигналу, тысячи рукъ уже протянуты къ вѣтвямъ. Дѣлается страшная конная давка, въ одинъ мигъ все дерево обнажено, и зеленныя вѣтви его переходятъ на бѣлыя чалмы. Потомъ начинаются всеобщія взаимныя поздравленія и лобызанія. Большой *дарбаръ* (пріемъ), при которомъ являются всѣ офицеры, заключаетъ торжество.

ПИЛИГРИМСТВА И ЯРМАРКИ. — У Индусовъ множество *святыхъ мѣстъ*, и по всѣмъ большимъ дорогамъ встрѣчаются толпы богомольцевъ. Пилигримъ, оставяи домъ свой, иногда на нѣсколько мѣсяцевъ, брѣетъ накануне отъѣзда голову, не ѣстъ ничего и совершаетъ *шрадду*, поминки по всѣмъ покойникамъ своего семейства. Въ путь онъ отправляется пѣшкомъ, ѣстъ только одинъ разъ въ сутки немного риса и воздерживается отъ обычнаго мазанія тѣла масломъ. Въ день прибытія къ святому мѣсту, онъ опять наблюдаетъ совершенный постъ; по приходѣ, отдыхаетъ часа два, брѣетъ волосы на всемъ тѣлѣ, очищается купаньемъ, и вторично совершаетъ *шрадду*. Въ святомъ мѣстѣ онъ долженъ остаться по-крайней-мѣрѣ семь дней. Женщинамъ не бръютъ головы, но вырѣзываютъ только косичку около затылка. Возвращаясь домой, богомалецъ беретъ съ собою цвѣты, листья, золу коровьяго каала и другіе предметы, освященные въ храмѣ, за которые онъ дѣлаетъ браминнамъ усердныя подаянія.

Не упоминая о другихъ святыхъ мѣстахъ, скажемъ лишь нѣсколько словъ о *Джагернатъ*, къ главному храму котораго стекаются богомольцы со всехъ сторонъ. Число ихъ возрастаетъ

иногда въ одно время до двухъ-сотъ тысячъ. Эта масса народа собирается къ священному дуплу, обновляемому каждыя три года; въ немъ, по увѣренію браминновъ, заключается прахъ боготворимаго народомъ *Кришны*. Брамниъ, удостоенный чести перемѣстить эти «священные останки», долженъ во время перемѣщенія закрыть глаза, «чтобы не ослѣпнуть отъ божественнаго блеска». Любопытный примѣръ одного фанатика, измѣрившаго своимъ тѣломъ разстояніе отъ Бенареса до Джагерната: вмѣсто того, чтобы идти, онъ ложился на землю, протягивалъ руку впередъ, вставалъ и ложился опять ногами на мѣсто, обозначенное передъ тѣмъ рукою. Такимъ-образомъ, онъ достигъ, наконецъ, Джагерната, протавившись, подобно пресмыкающемуся, около шести-сотъ верстъ.

Индійскія ярмарки имѣютъ тоже свою особую фizioномію. Тамъ, какъ и въ Европѣ, народъ собирается для торга и для удовольствія, но мѣстный колоритъ придаетъ этой толпѣ много картиннаго и любопытнаго въ глазахъ Европейца. Во-первыхъ, васъ поражаютъ волны народа, не черныя, какъ у насъ, а бѣлыя. Куда ни обратится вашъ взоръ, вездѣ видна легкая бѣлая одежда, украшенная яркими шарфами и кушаками. Посреди толпы, вы встрѣчаете блестящія фигуры вооруженныхъ всадниковъ; повсюду раздается музыка, шумъ, вездѣ колеблются знамена и флагера. Поводомъ къ ярмаркѣ служитъ обыкновенно какой-нибудь мѣстный праздникъ. Но религіозный обрядъ отдѣляется въ нѣсколько мгновеній, и радостная толпа предается потомъ уже одному: ищетъ прибыли и наслажденія; даже у святыхъ мѣстъ, стеченіе народа влечетъ за собою обыкновенно торжище. Лишь небольшое число больныхъ стариковъ или набожныхъ женщинъ занято заботами о спасеніи души, и, по окончаніи обрядовъ, сѣдѣтъ опять домой; почти всѣ остальные богомольцы, выдержавъ въ постъ и молитвѣ семидневный срокъ, предаются потомъ помысламъ болѣе-мірскимъ. — Поэтому-то около святыхъ мѣстъ кипитъ вѣчный торгъ, и толпы пилигримовъ, исполнивъ религіозныя обязанности, вознаграждаютъ себя шумнымъ весельемъ за долговременныя лишенія.

МУЗЫКА И ТАНЦЫ. — Оркестръ Индусовъ состоитъ изъ множества инструментовъ, между которыми главную роль играетъ барабанъ, въ тысячѣ различныхъ видовъ. Тутъ встрѣчается *гаукъ*, барабанъ до-того громкій и шумный, что его не позволено употреблять безъ особеннаго разрѣшенія мѣстнаго начальства; *урни*, грубая гитара изъ кокосоваго орѣха, распиленнаго по поламъ; на ней играютъ бамбуковою тростью, и она издастъ

только два звука : одинъ похожій на мяуканье кошки, другой— на ревъ дикаго звѣря; *кооль*, барабанъ набожныхъ пилигримовъ; *джуржъ-гадже*, двойной барабанъ ; съ кожами различной величины; *саренгви*, пѣчто похожее на виолончель ; *нагассарамъ*, родъ гобоя изъ тростника, употребительный преимущественно при пляскахъ баядерокъ; трубы и литавры, *нагуръ*, входящія въ составъ полковой музыки Мараттовъ и павьючиваемыя обыкновенно на верблюдовъ; *пани-каванъ*, погребальная флейта; *комбу*, нагодный рожокъ ; *сонгъ*, большая вогнутая раковина, въ которую дуютъ брамины ; *турти*, волынка употребительная въ пагодахъ, особенно при пляскахъ баядерокъ ; *вина*, родъ гитары ; *пеннакъ*, родъ однострунной скрипки ; *саринда*, пятиструнная скрипка; *ситтаръ*, подобіе флейты; *зоейра*, бубень , и наконецъ, *нагаботъ*, огромный царскій барабанъ, несомый слономъ.

Таково собраніе индійскихъ инструментовъ ; соединеніе ихъ всѣхъ составило-бы страшный концертъ , но въ народѣ болѣе любви къ шуму , чѣмъ музыкальной способности , — и поэтому рѣдко можно встрѣтить болѣе семи или восьми музыкантовъ , исполняющихъ вмѣстѣ что-нибудь одно цѣлое. Впрочемъ, усердія такого небольшого числа совершенно достаточно, чтобы замучить любого путешественника.

« Была поздняя ночь, рассказываетъ одинъ изъ нихъ : весь городъ былъ погруженъ во мракъ ; только изрѣдка возникали передъ нами свѣтлыя массы ярко-освященныхъ пагодъ, изъ внутренности которыхъ раздавались напѣвы баядерокъ, смѣшанные съ звуками варварскихъ инструментовъ. Божественная служба Индусовъ заключается , по-видимому , преимущественно въ ужасномъ шумѣ и гамѣ , который производятъ брамины , ударяя безпрестанно въ барабаны и тамъ-тамы, висящіе на стѣнахъ пагоды , и трубя одновременно въ трубы разныхъ величинъ и октавъ. Самая ужасная изъ этихъ трубъ прямая , цилиндрической формы и около сажени длиною. Звукъ ея напоминаетъ гигантскую волынку. Весь этотъ храмовой концертъ ошеломитъ самаго свирѣпаго европейскаго трубача. Круговыя галлерей пагодъ бываютъ наполнены народомъ вплоть до утренней зари , и въ толпѣ нѣтъ ни одного празднаго , молчаливаго зрителя ; каждый старается бить по барабану или трубить изо всей мочи. Только выбившись изъ силъ, набожный Индусъ предается наслажденію слушать. Пагодныя трубы раздѣляются на два главные разряда : на маленькія согнутыя и большія, о которыхъ мы говорили выше. Труба этого послѣдняго разряда такъ тяжела , что надо имѣть необыкновенныя мышцы , чтобы быть въ состояніи держать ее на воздухѣ и въ то-же время дѣйствовать ею. Все честолюбіе трубача состоитъ въ томъ , чтобы извлечь изъ нея какой-нибудь звукъ. О мелодіи никто и не думаетъ ; кто дольше трубитъ, тому и почѣтъ, тотъ считается отличнымъ музыкантомъ, и его приглашаютъ на всѣ торжества. Звукъ выходитъ сперва сильный , потомъ становится слабѣе, перепрыгиваетъ на какой-нибудь интервалъ, вверхъ или внизъ, но какъ-бы то ни было—продолжается, и замолкшіе соперники съ смущеніемъ отступаютъ отъ торжествующаго виртуоза. »

Национальный свѣтскій *танецъ* Индусовъ называется *натшъ*. Вотъ разсказъ о немъ одного европейскаго очевидца, дополненный нами изъ другихъ источниковъ :

« Меня пригласили на туземный балъ, на *натшъ*, который давалъ одинъ богатый *бабу* (аристократъ). Мы подъѣхали къ дворцу. Весь фасадъ его былъ великолепно освѣщенъ, и улица покрыта любопытною толпою. Намъ ввели въ огромную залу, съ двумя внутренними галлереями: верхняя, защищенная бамбуковою рѣшеткою, была назначена для женъ *бабу*, нижняя для гостей. Двѣ колонны поддерживали галлерей; вся зала была освѣщена хрустальными канделябрами и представляла собою очаровательный, великолѣпный видъ. Когда мы входили въ галлерею, въ залѣ раздавался голосъ знаменитой *Никки*, восточной Каталани. Она пѣла индустанскія мелодіи, подъ аккомпаниментъ весьма не мелодическаго оркестра.— Потомъ начался *натшъ*. Этотъ свѣтскій танецъ не лишенъ ничего общаго съ религіозными плясками, исполняемыми *балдерками*, *девадасами*, *канченями*, и другими танцовщицами, причисленными къ *пагодамъ*. *Натшъ* исполняется *зюмъ-дженіями*; онѣ группируются всегда по три, и вмѣстѣ нагло-кокетливыхъ уловокъ *балдерокъ*, умѣютъ придавать своимъ движеніямъ столько-же граціи и стыдливости, сколько и сладострастной заманчивости. Костюмъ ихъ соответствуетъ этому характеру танца. Вмѣсто легкаго покрывала, изъ-подъ котораго выказываются полунагія формы *балдерокъ*, станъ стройныхъ *зюмъ-дженій* обхватывается полною, золотомъ и серебромъ шитою юбкою съ бахромой; широкія свѣтлыя шелковыя шальвары, съ серебряными вышивками, виспадаютъ до лодыжекъ и покрываютъ находящіяся около нихъ браслеты съ бубенчиками. На пальцахъ ногъ у нихъ также кольца; въ ушахъ продѣто множество серегъ, и носъ тоже не лишень украшеній: тоненькій золотой прутикъ съ жемчужиною на концѣ продѣтъ въ него, и очень некрасиво болтается передъ ртомъ. Обыкновенно *натшъ* заключается въ мимическомъ представленіи. Труппа дѣйствующихъ лицъ состоитъ изъ семи особъ. Сначала всѣ онѣ очень граціозно выпрыгиваютъ на середину сцены; потомъ двѣ изъ нихъ отбѣгаютъ для пляски и становятся противъ зрителей. Три отступаютъ назадъ и составляютъ оркестръ (изъ тамъ-тама и гитаръ); остальные берутъ факелы, которые поднимаютъ и опускаютъ подъ тактъ, слѣдя за движеніями танцующихъ; въ другой рукѣ у нихъ флаконъ съ благоуханнымъ масломъ, которое они подливаютъ на огонь. Утомившись пляскою, танцовщицы берутъ факелы, а факельницы начинаютъ плясать. Такимъ-образомъ, труппа можетъ занимать публику до утренней зари, а Индусъ тому и радъ. »

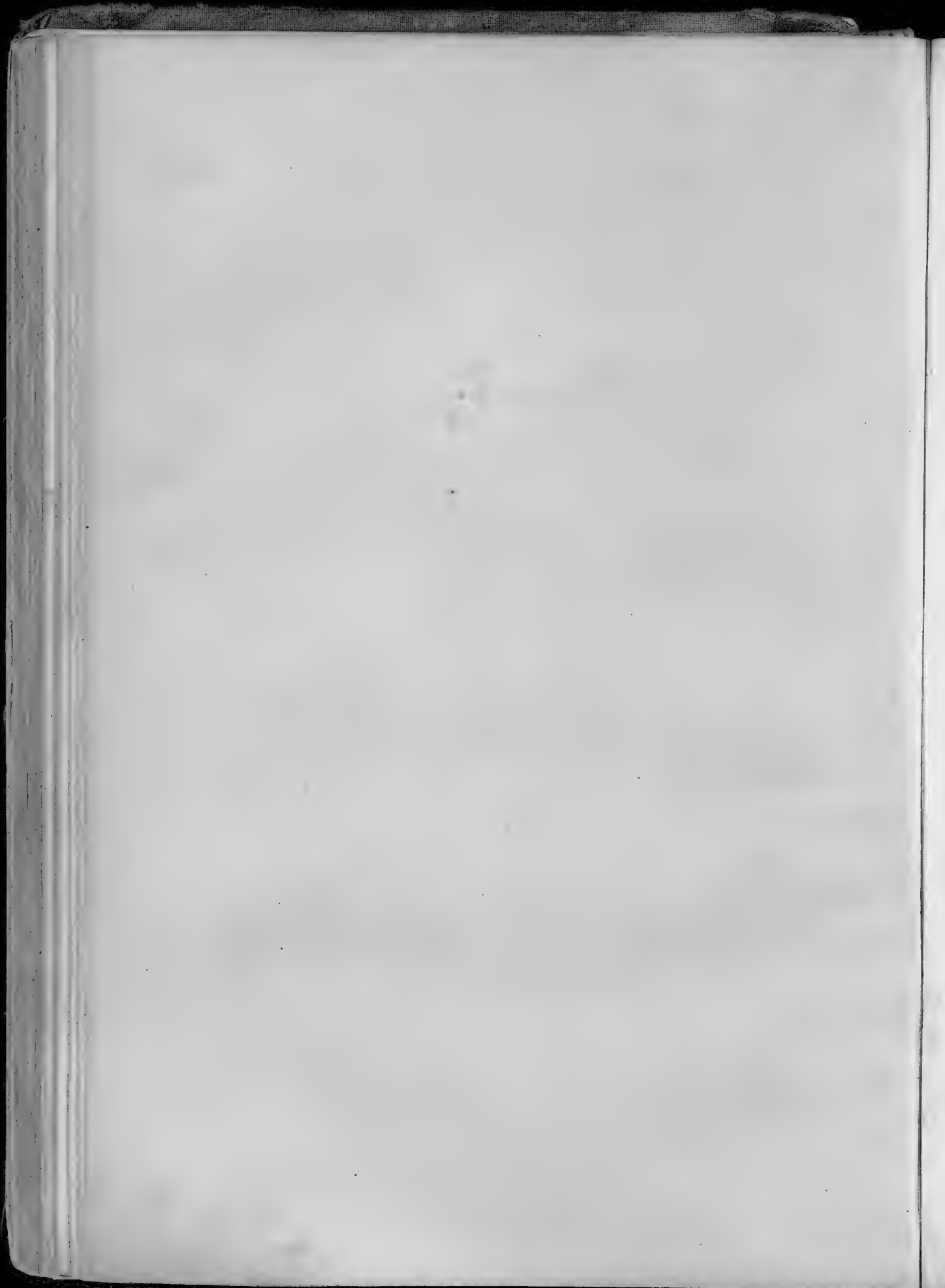
Скажемъ, наконецъ, нѣсколько словъ о знаменитыхъ индійскихъ *балдеркахъ*. Извѣстно, что онѣ необходимы въ религіозныхъ торжествахъ Индустана, и что, въ нѣкоторомъ отношеніи, онѣ принадлежатъ къ духовному сословію этой страны, тѣмъ болѣе, что брамины завели ихъ для земли, въ подражаніе небеснымъ *ансарамъ* (нимфамъ), которыя, вѣчно-юныя, вѣчно-очаровательныя, наполняютъ, въ числѣ шести-сотъ милліоновъ, ранъ индійскихъ боговъ. Послушаемъ опять очевидца :

« Въ Нелморѣ находятся двѣ богатяя пагоды и при одной изъ нихъ многочисленное заведеніе *балдерокъ*. Въ вечеръ нашего прибытія, онѣ приветствовали насъ народными плясками, а потомъ предложили другаго рода услуги, отъ которыхъ мы отказались. Мы впервые удалось видѣть этого рода танцы. Едва

ЗАЕДЕРНА.

Bayadère.
(Indoustan).

явились байдерки, около нихъ тотчасъ образовался многочисленный кружокъ туземцевъ, жадныхъ до подобныхъ зрелищъ. Танцовщицы и музыканты заняли средину кружка. Для пляски отдѣлились двѣ байдерки. Главную часть ихъ одѣянія составлялъ чрезмѣрно-длинный газовой шарфъ, розоваго цвѣта, шитый по концамъ золотомъ. Онъ нѣсколько разъ обвивалъ ихъ станъ, а концы, перебросенные чрезъ плеча, развѣвались на груди и за спиною. Маленькая парчевая курточка обхватывала талію, оставляя плеча, грудь и руки обнаженными. На ногахъ были шелковыя шальвары светло-сиреневаго цвѣта, сверху широкія, ниже колѣна узкія. Пальцы, кисти рукъ, шея, даже носъ (о ужасъ!) блестѣли украшеніями. Танцу предшествовали напѣвы, отъ которыхъ Россіи, на-вѣрное, сомель-бы съ ума: это ужаснѣйшій речитативъ изъ гортанныхъ звуковъ, поднимающійся все выше и выше. Оркестръ состоялъ изъ любимаго тамъ-тама и восьмиструнной скрипки. Всѣ эти звуки очень похожи на скрипъ неподмазанной татарской арбы. Пляска достойна музыки. Она состоитъ въ неестественномъ кривляньи ногъ и рукъ. Главная заслуга состоитъ въ томъ, чтобы быстро выворачивать, попеременно, пятку и большой палецъ ноги. Танцовщица должна подвигаться впередъ на однихъ пяткахъ, сжимая носки внутрь. Такимъ-образомъ, совершивъ съ величайшимъ напряженіемъ маленькій кругъ, она возвращается на прежнее мѣсто, а другая байдерка начинаетъ тотъ-же маневръ. Во время танца, байдерка часто перегибается назадъ верхнею частью тѣла и играетъ безпрестанно концами шарфа, то закрывая, то открывая свои члены. Это-то послѣднее движеніе приводитъ туземцевъ почти въ судорожное состояніе. Чрезъ полчаса, онъ намъ ужасно наскучилъ, но мы съ трудомъ могли отдѣлаться отъ нихъ. Несмотря на безобразнѣйшія ихъ серьги, продѣтыя въ носъ, многія изъ нихъ имѣли хорошенькое лицо, и всѣ безъ исключенія были прекрасно сложены.

Роль этихъ байдерокъ весьма странная. Всѣ онѣ приписаны къ какому-нибудь храму, божеству котораго посвящаютъ всю свою жизнь, и служатъ ему прелестями тѣла (между-тѣмъ какъ названіе ихъ происходитъ отъ слова *байтри*, стыдливая, робкая!). Безъ нихъ не обходится ни одинъ религіозный праздникъ. Ихъ пляски восхваляютъ правовѣрныхъ, ихъ объятія, открытыя для всѣхъ, вѣрующихъ и невѣрующихъ, Индусовъ, мусульманъ и Европейцевъ, прославляютъ божество. Не понятно, какъ Индусы, соблюдающіе всегда и вездѣ столь строго тѣлесную чистоту свою, вѣчно опасующіеся оскверниться малѣйшимъ прикосновеніемъ чловѣка низшей касты или чужаго исповѣданія, въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ вовсе не въ духъ своего ученія. Видно и у нихъ цѣль освящаетъ средство, и выгода божества, т. е. жрецовъ, превращаетъ въ похвальный и святой поступокъ то, что безъ этого почиталось-бы непростительнымъ грѣхомъ. Поэтому-то положеніе байдерокъ не похоже на положеніе соответствующихъ имъ женщинъ въ нашихъ краяхъ. Байдерка гордится своею долею, а народъ уважаетъ любимцу боговъ, и по смерти, ставитъ ей памятники, которые богатствомъ своимъ могутъ соперничать съ памятниками женъ туземныхъ государей. О воспитаніи байдерокъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

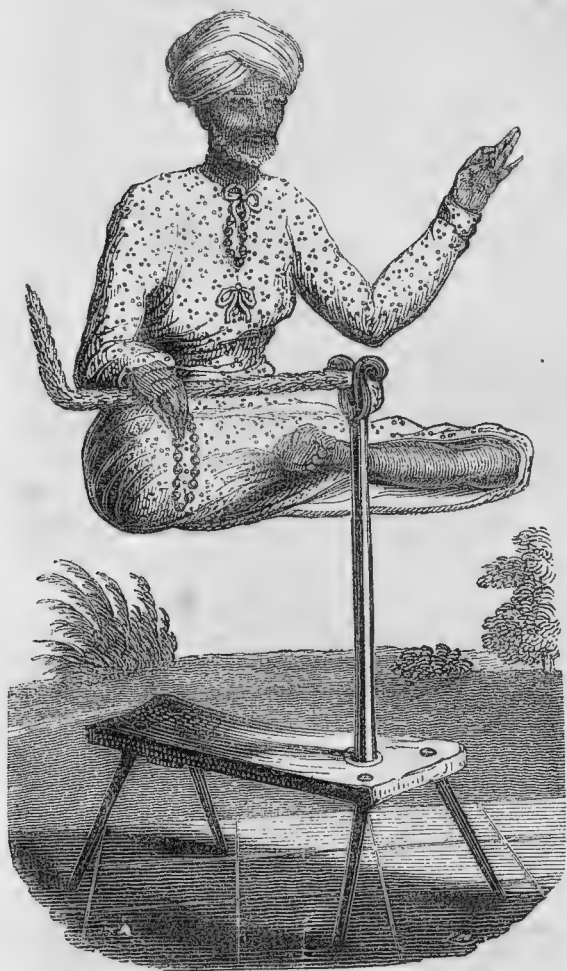
ИГРЫ И УВЕСЕЛЕНИЯ. — Привольно душѣ туземца, когда онъ смотритъ на божественныхъ обольстительницъ — баядерокъ, рисующихся передъ нимъ въ облакахъ пахучаго дыма хуки; сидѣть на корточкахъ, курить, жевать бетель, да любоваться чародѣйками, любоваться день и ночь — это было-бы высшимъ счастьемъ его жизни, котораго Брама не далъ, однакожъ, на землѣ, приберегая его для своего собственнаго рая, — и бѣдный Пндусъ долженъ былъ придумать для себя другія наслажденія, другія удовольствія. Предки его (какой-то учёный браминъ) изобрѣли и передали ему въ наследство шахматную игру; а благодѣтельные ревнители просвѣщенія, Европейцы, недовольные туземными азартными играми (петушинымъ боемъ, игрою въ кости), познакомили его съ картами, на которыхъ онъ, всегда религіозный, изобразилъ своихъ боговъ, вмѣсто нашихъ королей, дамъ и валстовъ, а четвероугольную форму замѣнилъ символическою круглою, желая показать этимъ, что такая умная забава должна существовать до скончанія вѣковъ. Но это лишь домашнія, обыкновенныя увеселенія его; уличная жизнь представляетъ ему болѣе потѣхъ. Къ его услугамъ являются канатные плясуны, акробаты и фокусники, знаменитые фокусники, какихъ нѣтъ во всемъ свѣтѣ, и предъ которыми наши прославленные Шипетти и Боско должны-бы снять шляпы.

Игра нѣсколькими десятками книжаловъ, тарелокъ, пудовыхъ шаровъ — да еще такъ, что изъ всего этого составляются вѣйки, цѣпочки и выются вокругъ головы или рукъ штукаря, глотанье шнагъ по самый эфесъ, прогулка по горящимъ угольямъ — это пустяки для индійскаго фокусника, которые онъ и посоветится показывать «почтеннѣйшей публикѣ», а если и покажетъ, то въ видѣ вступленія къ продѣлкамъ болѣе-удивительнымъ, изъ которыхъ состоитъ его представленіе, даваемое обыкновенно на открытомъ воздухѣ, посреди городской площади, въ бѣдной деревушкѣ, вездѣ, гдѣ есть праздные люди, готовые заплатить за его искусство. Весь скарбъ его бродячаго театра — въ мѣшкѣ, который онъ таскаетъ съ собою, и откуда, по его мановенію, являются чудеса, одно другаго удивительнѣе. Вотъ нѣсколько изъ нихъ: фокусникъ беретъ большую, совершенно-гладкую малку, ставитъ ее на полъ, взбирается на кончикъ ея и усаживается, поджавъ подъ себя ноги; потомъ, надывъ на голову вѣнокъ, начинаетъ вертѣться и кладетъ, между-тѣмъ, по ялицу въ петлю каждой висѣющей веревочки вѣйка; быстрѣе и быстрѣе кружится онъ, такъ что зритель видитъ около него только бѣлый кругъ ялицъ; наконецъ штукаръ снимаетъ ихъ одно за другимъ и послѣ

нѣсколькихъ поворотовъ, слѣзаетъ съ своего воздушнаго сѣдалища. Подобную-же продѣлку повторяютъ индійскіе фокусники съ козами или собаками, участвующими иногда въ представле-ніяхъ. Одинъ изъ нихъ ложится на землю, кладетъ себѣ на грудь высокую пирамиду изъ маленькихъ камней и на верхушку ея устанавливаетъ животное. — Послѣ нѣсколькихъ штукъ, между которыми особенно замѣчательна та, когда на грудь лежащей женщины кладутъ пальмовый листокъ и съ размаха разсѣкаютъ его саблею, фокусникъ проситъ кого-нибудь изъ зрителей на-

значить, какое дерево хочетъ онъ видѣть предъ собою. Тотъ назначаетъ, фигляръ бросаетъ въ землю зерно, произнося разныя заклинанія, и чрезъ нѣсколько секундъ, показывается желаемое дерево: банановое, пальмовое, какое угодно. Дерево быстро поднимается; видно, какъ оно растетъ, какъ увеличиваетъ объемъ его ствола, листьявъ, какъ появляются на немъ плоды; красныя птицы садятъ на вѣтвяхъ его и поютъ: обвороженіе полное! Мало этого: фокусникъ срываетъ съ вѣтвей плодъ и подноситъ имъ зрители! Нвдругъ, одно его слово, и ничего, ни растенія, ни птицъ, какъ не бывало.

Одинъ изъ самыхъ удивительныхъ, самыхъ неистощимыхъ фокусовъ — сидѣнье на воз-

духъ. Штукарь ставитъ небольшую скамеечку съ отверстіемъ, въ которое втыкаетъ бамбуковину съ двумя желѣзными завитками на концѣ, и беретъ въ руки палку, обшитую козлиной

шкурой. Его накрываютъ шалью, и минутъ черезъ пять, когда шаль отдернуть, онъ является въ такомъ видѣ, какъ представленъ на рисункѣ, то-есть, лишь слегка придерживаясь одной рукой за перекладину, вложенную въ желѣзную выемку, а остальнымъ всѣмъ тѣломъ вися на воздухѣ. Ловкіе фокусники могутъ пробыть въ этомъ положеніи около получаса; послѣ, сидящаго накрываютъ опять шалью, и онъ сходитъ наземь.

Представленіе часто оканчивается слѣдующею мастерскою штукою: жонглеръ вводитъ въ кружокъ зрителей маленькаго мальчика, раздѣваетъ его почти до-нага и разсердившись, бросаетъ въ пловую плетушку, которую закрываетъ платкомъ. Дитя проситъ о пощаду, но фокусникъ колетъ его нѣсколько разъ книжаломъ: малютка испускаетъ предсмертный крикъ, кровь льется изъ-подъ плетушки... неопытные зрители въ страхъ, думая, что совершилось ужасное преступленіе, и вдругъ, чрезъ нѣсколько минутъ, мальчикъ бросается къ нимъ совершенно-одѣтый, такой-же здоровый, какъ прежде, и начинаетъ собирать съ публики награду за доставленное ей удовольствіе.

Многіе фокусы составляютъ достояніе исключительно одной какой-нибудь труппы или даже одного лица, и передаются ими по наслѣдству. Отъ этого, тайны многихъ штукъ умерли вмѣстѣ съ ихъ обладателями, и если сами Индусы не берутся разгадать ихъ, то напрасно стали-бы мы ломать головы надъ этимъ. Вотъ, напримѣръ, разсказъ изъ туземныхъ записокъ XVII столѣтія о фокусахъ того времени, которыми извоили потѣшаться однажды великомощный Ауренгзебъ:

«Фокусники показали зрителямъ совершенно-пустой мѣшокъ. Одинъ изъ нихъ опустилъ въ него обнаженную руку и вытащилъ оттуда двухъ огромныхъ, чрезвычайно-красивыхъ пѣтуховъ, которые бросились другъ на друга съ ожесточеніемъ; но въ самую жаркую минуту схватки, ихъ покрыли простынею и тотчасъ же сняли ее. Тогда на мѣсто пѣтуховъ явилась пара отличныхъ куропатокъ, которыя кричали и рыли когтемъ землю, отыскивая въ ней червяковъ. На куропатокъ также набросили покрывало, и изъ-подъ него выползли двѣ большія змѣи, изъ опасной породы. Онѣ начали переплетаться между собою, вступили въ бой, и зрители не могли опомниться отъ ужаса.—Послѣ этого, штукари вырыли въ землѣ довольно-большой прудъ, попросили наполнить его водою, и накрыли его полотномъ. Вскорѣ изъ воды образовалась ледяная площадка. По просьбѣ фокусниковъ, одинъ корнакъ провелъ нѣсколько разъ своего слова по льду, и ледъ нигдѣ не треснулъ: казалось, это была вѣковѣчная скала. Прудъ опять закрыли полотномъ, и черезъ минуту все исчезло.—Наконецъ, фокусники отрубили голову одному изъ своихъ товарищей, а потомъ отсыпали ему топоромъ ноги и руки. Эти страшные, окровавленные члены были разложены на землѣ; всѣ ихъ разсматривали и убѣдились, что это дѣйствительно части человеческого тѣла. На нихъ набросили простыню, одинъ изъ фокусниковъ подползъ подъ нее

и чрезъ нѣсколько секундъ, вышелъ вмѣстѣ съ тѣмъ, котораго только-что обезглавили: на немъ не было ни малѣйшей царапинки.»

Мало вамъ всѣхъ этихъ дѣлъ: являются колдуны, настоящіе колдуны, не съ рѣшетомъ и ковшомъ воды, а съ змѣями, которыя въ ихъ рукахъ смиренны какъ овечки. Эти заклинатели змѣй присоединяются иногда къ странствующимъ фокусникамъ и показываютъ свое искусство, по окончаніи «спектакля», т. е. достаютъ изъ мѣшка нѣсколько десятковъ пресмыкающихся, съ которыми не весело встрѣтиться въ лѣсу, начинаютъ пѣть и играть на дудочкѣ: змѣи шипятъ, свиваются въ кольца, по ярость ихъ постепенно утишается волшебною сплою пѣсенъ заклинателя. Онъ беретъ ихъ голыми руками, заставляя прыгать около себя, дѣлаетъ изъ нихъ чалму вокругъ своей головы, бьетъ — и змѣи покорны его волѣ. Нѣкоторые изъ заклинателей обладаютъ тайною вызывать змѣй изъ лѣса какими-то кабалистическими словами и заставлять ихъ слѣдовать за собою куда угодно. Какія это слова, они не откроютъ ни за что, потому что, по ихъ увѣреніямъ, заклинаніе потеряетъ тогда всю свою силу; оно можетъ быть передано одному лицу и то лишь при смерти. Разумѣется, тутъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго, «дарованнаго волею боговъ», какъ говорятъ они; это тайна природы, которую Индусъ умѣлъ подсмотреть у нея, одна изъ тѣхъ разнообразныхъ силъ, которыя человекъ по-прежнему покоряетъ себѣ, и которыя мы, Европейцы, знаемъ едва-ли болѣе Индусовъ (*).

Но въ Индіи являются нерѣдко чародѣи, вполне достойные этого названія. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому, въ Пенджабѣ славился одинъ факиръ, обладавшій способностью *не умирать, будучи закопаннымъ въ землю*. Многіе, заслуживающіе всякаго вѣроятія свидѣтели подтверждали странные рассказы о немъ. Приведемъ слова одного изъ нихъ; англійскаго офицера Осборна, лично видѣвшаго опытъ *неумиранія*:

«Послѣ нѣсколькихъ дней, употребленныхъ на приготовленія, факиръ объявилъ о своей готовности къ опыту; свидѣтели собрались къ приготовленной для него и выложенной камнемъ могилѣ. Тогда факиръ закрылъ воскомъ, за исключеніемъ рта, всѣ отверстія тѣла, черезъ которыя могъ-бы проходить воздухъ, и раздѣлся до нага. Его покрыли полотнянымъ мѣшкомъ и (по желанію его) выворотили ему языкъ такъ, чтобы закрыть горло, — послѣ чего, онъ немедленно погрузился въ летаргическій сонъ. Тогда саванъ завернули, завязали;

(*) У насъ, въ Россіи, есть подобные знахари, которые тоже ни за какую цѣну не скажутъ своего секрета. Нѣкоторые изъ нихъ увѣряютъ, что они намазываются отвѣромъ ясеневаго дерева, будто-бы усыпляющаго ядовитость змѣй.

магараджа (король) приложилъ къ нему свою печать, и факира положили въ деревянный гробъ, который также заверли, запечатали и опустили въ глубокую могилу. Могилу была засыпана, на утоптанной землѣ постлана роза, и вокруг поставлены бдительныя часовыя, смѣняемые днемъ и ночью. Несмотря, однакожъ, на всѣ эти предосторожности, магараджа не дѣйствилъ еще, и въ продолженіе десяти-мѣсячнаго срока, опредѣленнаго условіемъ, два раза открывалъ могилу въ своемъ присутствіи: факиръ лежалъ въ мѣшкѣ безчувственный и холодный. Наконецъ, послѣ десяти мѣсяцевъ, было произведено официальное открытіе могилы. Въ присутствіи генерала Вентуры и капитана Ваде, отперли гробъ, сняли печати и вынули саванъ съ факиромъ. Ничто не могло подать повода къ подозрѣнію въ обманѣ. Ни малѣйшее біеніе сердца или пульса не обозначало присутствія жизни въ похороненномъ. Какъ первое условленное средство къ оживленію, вложили ему весьма осторожно палецъ въ ротъ и привели языкъ въ обыкновенное, естественное положеніе. Только одна маковка головы сохраняла еще нѣкоторую теплоту. Наконецъ, послѣ продолжительнаго обливанія тѣла теплой водой, показались первые признаки жизни, и послѣ двухъ-часовыхъ заботъ и стараній, факиръ всталъ и началъ ходить улыбаясь.

«Этотъ необыкновенный человекъ рассказываетъ, что онъ наслаждается обворожительными снами во все время своего нахождения подъ землею, но что ему очень тягостна минута пробужденія. Чувство сознанія собственнаго бытія сопровождается всякій разъ сильной дурнотой и несносными головокруженіями.—Ему около 30 лѣтъ, онъ высокъ ростомъ и очень худъ; непріятное лицо его имѣетъ особенное выраженіе хитрости.»

«Хитрецъ!» скажетъ читатель: можетъ-быть, только получше Каліостро, которому простодушно вѣрили наши дѣды.

Но какъ ни занимательны представленія индійскихъ фокусниковъ, все-же они могутъ прискучить, и у туземца существуютъ другія развлеченія, изъ которыхъ самое любимое—охота. Военные, т. е. всѣ люди высшихъ классовъ, съ особенной страстью предаются этой забавѣ и неутомимо преслѣдуютъ оленей, волковъ, зайцевъ и кабановъ. Поѣздка какой-нибудь важной особы на охоту дѣлается съ чрезвычайной пышностью, и за охотниками слѣдуетъ цѣлый обозъ изъ слоновъ и верблюдовъ. Особенно шумны бываютъ охоты на тигровъ, которыя предпринимаютъ или на слонахъ (и это всего безопаснѣе), или на лошадяхъ. Въ-старину, у туземныхъ владѣтелей, охота походила на настоящую войну. Прочтите, напримѣръ, описаніе «забавы» свѣтлѣйшаго бенгальскаго пабаба, Косимъ-Али-Хана, въ 1670 году:

«Двадцать тысячъ человекъ загоняльщиковъ и цѣлый эскадронъ легкой кавалеріи отправлялись съ нимъ на охоту. Между Гангомъ и пограничными холмами избиралась мѣстность въ нѣсколько верстъ. Охотники, частію пѣшіе, частію въ паланкинахъ или на лошадяхъ и слонахъ, сопровождаемые собаками и соколами, составляли огромный кругъ, который, постепенно уменьшаясь, стѣснялъ тигровъ, гіеннъ, ланей и кабановъ. По данному знаку, взлетали соколы, спускались со своръ собаки. Лани падали подъ зубами псовъ, кабаны подъ ножомъ пѣшихъ охотниковъ,—тигры, преслѣдуемые слонами, подъ пулею смѣльчака, вступающаго въ борьбу съ кровожаднымъ животнымъ. Къ числу самыхъ

отважныхъ охотниковъ принадлежалъ пабабт. Рѣзня была ужасная. Когда охотники сходились въ средину круга, передъ ними возвышалась пирамида, сажень въ десять вышиною, изъ убитыхъ или зверей.»

Въ высшихъ сословіяхъ, въ большомъ употребленіи верховая ѣзда. Особенно Маратты отличаются ловкостію, съ которою на конѣ владѣютъ конемъ. Стремсна у нихъ очень короткія. Лошади ихъ приучены вдругъ бросаться прямо во весь опоръ и останавливаться или поворачиваться въ одно мгновеніе на всемъ скаку. Эта быстрота движеній придаетъ атакамъ индійской кавалеріи необыкновенную силу и стремительность, особенно когда она мчится на непріятеля, держа копье на-перевѣсъ.

Въ прежнее время, знатные люди, самъ король и всякій, слышій за молодца, должны были умѣть управлять слономъ. Теперь это занятіе не въ почѣтъ, хотя въ высшихъ классахъ есть еще много любителей, которые позволяютъ себѣ его, извиняясь тѣмъ, что умѣнье править слономъ необходимо, особенно на войнѣ, на случай убіенія настоящаго вожатаго.

САДЫ. — Говоря объ увеселеніяхъ высшихъ классовъ индійскаго общества, нельзя не сказать о туземныхъ садахъ, столь-драгоценныхъ по своей прохладѣ и свѣжести, но теряющихъ много для глазъ отъ излишней правильности расположенія. Обыкновенно они прорѣзываются широкими аллеями, которыя раздѣляютъ ихъ то на квадраты, то въ форму вѣера, то по другому правильному рисунку. Средину аллей занимаютъ водопроводы, выложенные камнемъ, а по сторонамъ тянутся ковры нестраго мака или гряды разныхъ цвѣтовъ, разсаженныхъ регулярными, однообразными узорами. Жаль, что индійскіе садовники такъ грубо портятъ роскошную растительность своего края, которая и въ этомъ подавленномъ состояніи еще прекрасна. Тутъ смѣшиваются благоуханные померанцовые и лимонные деревья съ двадцатью другими ароматическими кустами, изъ бѣлаго цвѣта которыхъ выступаетъ темный кипарисъ, между-тѣмъ какъ листья стройной пальмы граціозно колеблются, шевелимые едва-примѣтнымъ дуновеніемъ вѣтерка. Въ знойный жаръ лѣта, когда все изнемогаетъ, счастливый владѣлецъ постоянно-орошаемаго сада находитъ возможность дышать прохладой. Онъ удаляется подъ сѣтчатыя рѣшетки, непроницаемо-обвитыя виноградными лозами и освѣяемая пальмой ареской. До него не доходятъ лучи солнца, и одно тихое журчаніе воды нарушаетъ всеобщее безмолвіе природы въ полуденный часъ. Загородные домики, обыкновенно простой постройки, покрыты бѣлой штукатуркой, окружены галлерейми, и видомъ своимъ вполне соответствуютъ

искусственной фizioномiи садовъ. Эта господствующая правильность рисунка въ расположенiи садовъ перешла къ Индусамъ, очевидно, отъ мусульманъ; въ прежнее-же время, если вѣрить стариннымъ описанiямъ, Индустанъ славился богатыми парками, ни сколько не походившими на различные современные сады.

ДОРОГИ, СПОСОБЫ ПУТЕШЕСТВОВАНІЯ И ГОСТИННИЦЫ. — Въ Индустанъ весьма ощутителенъ недостатокъ хорошихъ дорогъ и мостовъ, и во многихъ мѣстностяхъ можно еще встрѣтить бамбуковыя перекладины, переброшенные черезъ быстрые потоки или пропасти

и замѣняющіе мосты. Европейецъ ни за что-бы не рѣшился ступить по нимъ, а туземецъ, съ ловкостію акробата и довѣріемъ въ благую волю Браны и предопредѣленную имъ судьбу, бѣжитъ по этимъ животрепещущимъ «путямъ сообщенiй,» рискуя сломить голову. Въ новѣйшее время, одинъ англійскій инженеръ Шекспиръ навелъ черезъ нѣсколько рѣкъ канатные мосты, которые устроиваются посредствомъ бамбуковыхъ перекладинъ, желѣза и канатовъ, безъ помощи сводовъ или контрфорсовъ, и могутъ быть наведены или сломаны въ одинъ сутки.

Престолоудныя совершаютъ путешествія пѣшкомъ, верхомъ на лошади, или закладываютъ въ свои небольшіе тележки маленькихъ, проворныхъ, бѣльшихъ частью бѣлыхъ воловъ; люди же знатные употребляютъ обыкновенно паланкинъ. Если хотите имѣть ясное понятіе объ этомъ индійскомъ экипажѣ, послушайте, какъ описываетъ его Варренъ:

« Паланкинъ устроенъ болѣе для лежанія, чѣмъ для сидѣнія. Это огромная корзина или кузовъ, прикрѣпленный въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ нашихъ каретахъ биваютъ оси, къ двумъ поперечнымъ бамбуковымъ шестамъ, подъ которые посылщики подставляютъ плечи. Съ боку открываются дверцы, служащія въ то-же время и окнами. Невозможно представить себѣ, до какой степени уютности доведены эти воздушные экипажи. Индусъ осуществилъ слова философа: *omniâ*

tecum porto, — даже сдѣлать больше, потому что онъ несесть не самъ. Надъ вашими ногами выдвигаются со стороны ящики, которые служатъ и шкапулкой, и буфетомъ, и библіотекой, и бюро. Выше вы находите стѣнные часы и кладовую. Въ вашемъ паланкинѣ есть все, отъ полнаго чайнаго прибора до запаса винъ и водокъ. Снаружи, надъ крышкою его уложенъ огромный чемоданъ со всѣмъ вашимъ гардеробомъ; а внутри, къ крышкѣ прикрѣплена сѣточка для легкихъ вещей. Подушка отдѣляетъ васъ отъ сундука съ дорожнымъ бѣльемъ, между-тѣмъ какъ на стѣнѣ, противоположной дверцамъ, или подъ сафьяннымъ тюфякомъ, на которомъ покоемся вы, находится полный дорожный арсеналъ: ружье, сабля и пистолеты. — Рядомъ съ паланкиномъ бѣгутъ два *коври-кули*. Всякій изъ нихъ держитъ на-перевѣсъ черезъ плечо длинный бамбуковый шестъ, къ концамъ котораго прикрѣплены сѣтки съ двумя огромными корзинами (*нетарі*) изъ индійскаго тростника, заключающими въ себѣ всѣ съестные припасы и кухонную посуду. Носильщиковъ паланкина (*бойхи* или *бааги*) бываетъ обыкновенно отъ девяти до тринадцати. Одинъ изъ нихъ бѣжитъ по очередно передовымъ, съ факеломъ аршина полтора длиною въ одной рукѣ, и жестянымъ сосудомъ, изъ котораго онъ подливаетъ въ него масло, въ другой, и называется тогда *массалчи*. Остальные 12 или 8 раздѣляются на двѣ сѣтвы. Три или два носильщика подставляютъ плечи подъ передній бамбуковый шестъ, столько-же подъ задній, раздѣляясь такъ, чтобы съ каждаго боку экипажа было по-равну. Когда каждый носильщикъ занялъ свое мѣсто, *массалчи* подаетъ знакъ, человеческая четверка или шестерня трогается съ мѣста и начинаетъ бѣжать подъ тактъ, легкою рысью. Носильщики безпрестанно перемѣняютъ плеча, подставляя то правое, то лѣвое. Другая сѣтва бѣжитъ между-тѣмъ рядомъ, упершись кулаками въ бока, и черезъ двѣ или три минуты, сѣмьется на бѣгу усталоющихъ товарищей, которые, въ свою очередь, вольной рысью отдыхаютъ отъ ноши въ продолженіе такого-же времени.

«Какъ только путешественникъ отдалъ приказаніе готовиться въ путь, носильщики начинаютъ свой дорожный туалетъ. Главная часть ихъ одѣянія состоитъ изъ длиннаго бѣлаго полотнянаго покрывала. Ночью оно служитъ имъ вмѣстѣ и тюфякомъ, и подушкой, и одѣяломъ: они обертываютъ имъ все тѣло и спокойно засыпаютъ. Готовясь бѣжать, они складываютъ его, придаютъ ему форму длиннаго шарфа и оборачиваютъ нѣсколько разъ около ляжекъ, отъ чего и выходитъ плечо похожее на короткіе тѣсные штаны. Два длинные шарфа изъ грубаго мусселина, обыкновенно синяго или кирпичеваго цвѣта, изъ которыхъ одинъ служитъ поясомъ, а другой тюрбаномъ, дополняютъ ихъ нарядъ. Сбираясь бѣжать рысью, безостановочно отъ 20 до 25 верстъ, они находятъ необходимымъ подпоясаться, какъ можно туже. Для этого они раздѣляются на группы по двое, и накрѣпко затягиваютъ другъ другу *коммербондъ* (поясъ). Потомъ каждый стягиваетъ свою чалму покрѣпче около висковъ. Тогда все готово. Каждый носильщикъ подставляетъ плечо подъ свое мѣсто бамбуковаго шеста, пригнѣтываетъ къ гвоздю паланкина свой небольшой мѣшокъ и туфли, закладываетъ за наружную проволочную сѣть экипажа посохъ — неразлучнаго своего товарища; *массалчи* подаетъ знакъ, и тринадцать человекъ дружно пускаются рысью, заботясь только объ одномъ, чтобы бѣжать, какъ можно ровнѣе, и не нарушать покоя спящаго, или не развлечь вниманія читающаго господина.

«Взойдите въ этотъ экипажъ, который далеко спокойнѣе всякой европейской кареты, и не смущайтесь ни одной секунды сомнѣніемъ на-счѣтъ вѣрности вашей человеческой запряжки. Если вамъ, или жепъ вашей, или малолѣтней дочери, предстоитъ путешествіе за тысячу верстъ, черезъ край, въ которомъ вы

никогда не бывали, — не колебайтесь вверить судьбу свою, или дорогихъ вамъ особъ, вѣрности носильщиковъ. Честность и надежность этого класса людей испытана въками и сдѣлалась поговоркой. Носильщики раздѣляются на множество сектъ и кастъ, ненавидящихъ одна другую; на почлегъ, они ни за что не станутъ вѣсть вѣрствъ. Одно только чувство служить связью между ними: это чувство *вѣрности* условію и временному своему господину. Но совѣстливость эта имѣетъ свои весьма-странные стороны и ограниченія. Чѣмъ беззащитнѣе особа, вверившаяся *игрѣ* носильщиковъ (такъ называютъ артель, состоящую изъ тринадцати или девяти человекъ), тѣмъ безопаснѣе и спокойнѣе она будетъ доставлена на мѣсто назначенія. Если въ паланкинѣ находится ребенокъ, женщина или тяжело-больной человекъ, то артель соблюдаетъ строгую дисциплину. Переходы и время отдыха слѣдуютъ другъ за другомъ, съ точностію движеній машины, и путь будетъ оконченъ непременно въ назначенный заранее срокъ. Если же въ паланкинѣ мужчина здоровый и молодой, который можетъ постоять за себя, и слѣдовательно, по понятіямъ Индуса, не стоитъ подъ именемъ покровительства боговъ, тогда начинается со стороны носильщиковъ безконечный рядъ хитростей и отговорокъ. Личность и имущество ваши въ совершенной безопасности, но все старанія носильщиковъ направлены на сокращеніе переходовъ и выигрышъ времени. Въ такомъ случаѣ, участь путешественника зависитъ отъ его умѣнья обращаться съ начальникомъ артели. Если онъ обнаружитъ умеренность и твердость, достаточныя для сохраненія нравственнаго вліянія своего, начальникъ артели, желая отворотить отъ себя непріятныя послѣдствія его гнѣва, немедленно водворитъ опять порядокъ между своими товарищами, — и все пойдетъ на ладъ. Но горе путешественнику, оказавшему слабость или излишнюю запальчивость и жестокость. Въ первомъ случаѣ, онъ употребитъ на путешествіе двойное время и двойныя деньги; во второмъ — заставитъ разбѣжаться всю артель и очутится одинъ съ своимъ паланкиномъ, посреди дремучаго лѣса, въ какомъ-нибудь дикомъ оврагѣ, или посреди безконечной степи.

«Гронувшись съ мѣста, носильщики определяютъ шагъ рыси монотоннымъ на-
пѣвомъ. Великій изъ нихъ по-очередно поетъ какой-то однообразный речитативъ,
а при концѣ каждой строфы вся артель вскрикиваетъ разомъ. При столь близ-
комъ движеніи многихъ ногъ, для избежанія толчковъ необходима величайшая
регулярность со стороны каждого лица, а потому, малѣйшее движеніе не въ
такъ наказывается тотчасъ кулакомъ сосѣда.»

Избалованные Европейцы часто не довольствуются паланкин-
номъ. Они не хотятъ разстаться ни на минуту съ своимъ ком-
фортомъ въ такой странѣ, гдѣ нѣтъ и понятія о немъ, и та-
щатъ за собою цѣлые караваны верблюдовъ и воловъ, нагружен-
ныхъ всѣми прихотями утонченной жизни, отъ бутылки шам-
панскаго до складной кровати.

Но вы должны спать, если не имѣя большихъ средствъ, хо-
тите путешествовать какъ можно проще и дешевле. Вы не
берете ни верблюдовъ, ни воловъ, ни палатокъ, ни паланкина:
какъ-же вы поѣдете? — Дилижансовъ, почтовыхъ лошадей, сѣ-
точныхъ, ничего этого нѣтъ. Вы поѣдете верхомъ, и, волею или
неволею, окружите себя непременно маленькою свитою. У васъ
будутъ двѣ верховыя лошади. Каммердинеръ вашъ, онъ-же и

новаръ, поѣдетъ тоже верхомъ. При васъ будетъ еще нѣсколько конюховъ, которымъ часто прійдется самимъ косить траву для лошадей. Два коври-кули, наконецъ, которые въ своихъ корзинахъ понесутъ и чемоданы, и припасы, и посуду, пополнить вашу дорожный штабъ.—Вотъ вы пустились въ дорогу и вдали увидѣли какія-то чѣрные точки: предметы приближаются, растутъ, и вы наконецъ можете ясно разсмотрѣть все. Это поѣздъ какого-то мусульманина, отправляющагося съ семействомъ изъ одного города въ другой. Самъ господинъ, одѣтый въ богатое платье, красуется впереди на персидской лошади, породы *богадери*. Лошадей этихъ кормятъ мясными шариками, начиненными множествомъ пряностей, и подобная пища придаетъ имъ разительное сходство съ откормленными волами. *Богадери* отличается массивностью, — все члены его очень объемисты; притомъ онъ безпрестанно пляшетъ, прыгаетъ и фыркаетъ, а между-тѣмъ подвигается впередъ очень медленно. Такая массивность и бесполезная прыткость почитаются туземцами за большія достоинства. За мусульманиномъ ѣдутъ двѣ женщины и ребенокъ; все трое сидятъ на одной лошади, а лошадь ведется конюхомъ подъ уздцы. Обѣ женщины укутаны въ покрывала; за ними идетъ нѣшкомъ человекъ двѣнадцать прислуги, вооруженныхъ, кто саблею и щитомъ, кто алебардою или ружьемъ съ фитилемъ. Два кули и маленькая лошадка несутъ все пожитки путешественниковъ, ибо туземцы, даже богатые, не берутъ съ собою въ дорогу ничего лишняго, а только необходимое, т. е. нѣсколько перстней и ожерельевъ, нѣсколько богатыхъ шалей, да перемѣны двѣ бѣлыя на каждого изъ господъ. Слуги довольствуются тѣмъ, что есть у нихъ на себѣ. — Въ хорошую погоду вы останавливаетесь въ тѣни рощи, вблизи какой-нибудь деревни, куда и посылаете за съѣстными припасами. Но настала буря, и вы должны искать защиты отъ дождя. Вы прибыли въ пустое мѣстечко и дотащились наконецъ до туземнаго постоялаго двора. Каравансерай стоитъ совершенно отдѣльно. Иногда онъ построенъ у входа въ деревню, иногда на площади городка. Все туземные мелкіе путешественники ищутъ въ немъ убѣжища. За ночлегъ платится около одной копейки серебромъ съ каждаго человека и животнаго; кто-же имѣетъ при себѣ не менѣе двухъ провожатыхъ, тотъ платитъ за всю свою свиту, сколько бы ей ни было, около 16 коп. серебромъ. — Нѣтъ зрѣлища печальнѣе съѣхавшихся въ каравансерай: здѣсь всего больше пилигримовъ, бродячихъ мелкихъ торгашей, которыхъ все имущество навьючивается на вѣчно-голодную клячу, и которые все-

такимъ не забываютъ угостить себя кальяномъ (просимъ полюбоваться ихъ отдыхомъ на стр. 115), и умейдваровъ (дѣтей надежды), еще болѣе жалкаго класса людей, ищущихъ какого-нибудь способа прокормленія. Въ каравансераяхъ вы увидите толпы дѣтей, женщинъ и стариковъ, обезпленныхъ дальнимъ путешествіемъ и остановившихся здѣсь на нѣсколько дней, чтобы дать время зажить язвѣмъ своихъ израненныхъ ногъ. Нечего говорить, что при такомъ сбродѣ людей, должно отказаться отъ всякаго притязанія на опрятность.

Коври-кули, корзиннопопсы, панимаются обыкновенно отъ станцій до станцій, какъ у насъ почтовые лошади. Проезжіе, нуждающіеся въ такихъ людяхъ, обращаются къ мѣстному головѣ или писарю. Часто случается, что эти «власти» берутъ прогоны для себя, а несчастнаго кули заставляютъ даромъ тащить тяжелую пошу. Въ такомъ случаѣ, эти труженники стараются всячески спастись бѣгствомъ. Единственное средство удержать ихъ — это отдать во второй разъ условленную плату имъ самимъ въ руки. Такимъ-образомъ, путешественникъ долженъ перѣдко платить двойные прогоны: первые — мѣстному старшинѣ, который иначе не допуститъ кули до него, — вторые этому послѣднему, чтобы онъ не убѣжалъ и не бросилъ клади посреди дороги.

КОММЕРЧЕСКІЯ СНОШЕНІЯ. — Мы не станемъ говорить здѣсь ни о заграничной торговлѣ, находящейся въ рукахъ Европейцевъ, ни о судоходствѣ по огромнымъ рѣкамъ Индустана, — но упомянемъ только о сухопутной торговлѣ во внутренности полуострова, особенно въ Деканѣ, который менѣе другихъ частей страны богатъ рѣками, и не пользуется выгодами искусственныхъ водныхъ сообщеній. Мы уже говорили объ огромныхъ ежегодныхъ ярмаркахъ, преимущественно въ городахъ, куда какая-нибудь святыня привлекаетъ сотни тысячъ народа. Такъ, напримеръ, въ Бенаресѣ, Хардварѣ и другихъ мѣстахъ, перебивается въ годъ, по увѣренію путешественниковъ, не менѣе 500 и даже 600,000 человекъ, всѣхъ половъ и возрастовъ. Товары на эти ярмарки свозятся обыкновенно огромными караванами, между владельцами которыхъ отличаются особенно баньяны, составляющіе классъ первостатейныхъ купцовъ въ области Мерваръ. Въ составъ такъ-называемаго тяжелаго, т. е. большаго каравана входятъ: 500 слоновъ, 1000 верблюдовъ, 2000 лошадей и, для охраненія, 4000 всадниковъ. Къ этой толпѣ еще надо прибавить многочисленныя семейства, которыя тянутся за корюками и погонщиками воловъ. Замѣчательно еще сословіе бриджа-ріевъ, служащее уже цѣлые вѣка для перевозки хлѣба. Ихъ

огромные обозы, состоящіе часто тысячъ изъ 50 навьюченныхъ воловъ, прорѣзываютъ Деканъ по всемъ направленіямъ и, перебираясь чрезъ Гаты, снабжаютъ хлѣбомъ даже Малабарскій берегъ. Бриджарин живутъ общинами, всегда въ палаткахъ; не женятся никогда на горожанкахъ, и руководствуются своими собственными законами. Правила честности они соблюдаютъ только въ отношеніи другъ къ другу; обокрасть-же или ограбить чужаго, ни сколько не считается предосудительнымъ. Поэтому, все они превосходные стрѣлки, и стараются отличиться другъ передъ другомъ удалствомъ. Бриджарин собственно не купцы, но коммиссіонеры или извозчики; всякій изъ нихъ имѣетъ большее или меньшее число воловъ. Начальникъ артели или общины заключаетъ условіе съ богатыми купцами, принимаетъ отъ нихъ хлѣбъ и доставляетъ его на мѣсто назначенія. Извозчики обозные берутъ съ собою и женъ и дѣтей. Караванъ сопровождается огромными стадами сердитыхъ собакъ; онъ сторожатъ его ночью. За вечернимъ отдыхомъ веселятся пѣснями *батовъ* (бардовъ), прославляющихъ подвиги предковъ этихъ помадовъ, побѣды ихъ надъ разбойниками и отрядами враждебныхъ войскъ. Во время войны, эти воинственные извозчики пользуются полнымъ нейтралитетомъ, и безпрепятственно провозятъ хлѣбъ въ лагери обѣихъ непріязненныхъ армій.

ПОДЗЕМНЫЕ ХРАМЫ. — Самые древніе храмы Индусовъ не что иное, какъ природныя пещеры или искусственныя подземелья, высеченныя въ скалахъ или подведенныя подъ горы. Эти подземные храмы, куда исключительно стекались въ прежнее время обожатели Брамъ и Будды, поуждаемые къ выбору подобныхъ прохладныхъ мѣстъ самымъ климатомъ, находятся, въ большомъ количествѣ, въ сѣверномъ Индустанѣ и особенно въ Кашмирѣ. Тамъ считаютъ до 12,000 храмовъ, высеченныхъ въ скалахъ и украшенныхъ произведеніями скульптуры; въ каждомъ изъ нихъ заключается по три исполненныхъ истукана, изображающихъ мужчину, женщину и младенца. Большое число такихъ храмовъ встрѣчается, кромѣ-того, въ области Ориссъ, на Коромандельскомъ берегу, и цѣлый рядъ самыхъ замѣчательныхъ въ Бомбейскомъ Президентствѣ. Эпоха устройства ихъ не извѣстна намъ, но во всякомъ случаѣ, они относятся къ глубокой древности, потому что одинъ взглядъ на внутреннюю отдѣлку значительнѣйшихъ изъ нихъ показываетъ ясно, что тутъ трудились многія поколѣнія, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ и подъ руководствомъ различныхъ школъ архитектуры. Самые знаменитые изъ этихъ храмовъ, слѣдующіе: Элефантскій и Са-

лсетскій близъ Бомбея, Элорскій близъ Ауренгабада, Аджунтскій въ горахъ Берарскихъ и Магабалипурамскій близъ Мадраса.

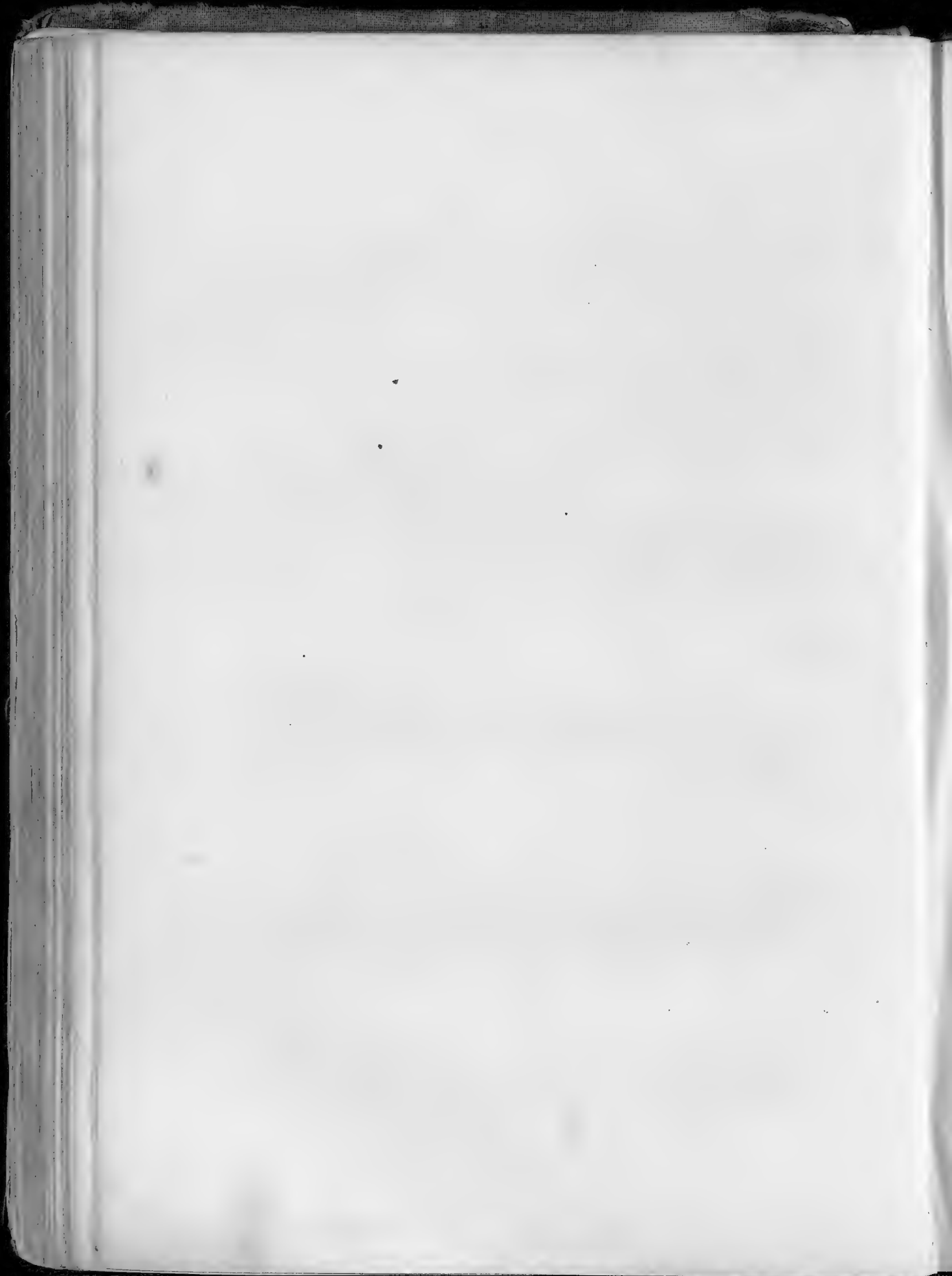
Элефантскій храмъ (рисункъ 1) выстѣненъ въ морской порфировой скалѣ, образующей собою островъ Элефанте, названный такъ Европейцами, по причинѣ огромнаго каменнаго слона, изстѣннаго у самой пристани и поражавшаго издали взоры мореходцевъ (въ 1814 году, этотъ гигантъ разрушился). Туземцы называютъ островъ просто Горипури (горный городъ). Площадь храма составляетъ правильный квадратъ, 120 футовъ въ основаніи. Скала, служащая куполомъ, поддерживается четырьмя рядами красивыхъ цѣльныхъ колоннъ, имѣющихъ свою самобытную фізіономію и совершенно-отличныхъ отъ колоннъ разныхъ орденовъ греческаго стиля. Стѣны покрыты множествомъ барельефовъ всѣхъ возможныхъ размѣровъ, съ изображеніями мужчинъ и женщинъ. Куполъ представляетъ собою небо, на которомъ разбросано множество изображеній духовъ, разумѣется, тоже изъ камня. На карнизахъ находятся изваянія многихъ животныхъ, преимущественно слоновъ, тигровъ и обезьянъ. Храмъ былъ посвященъ Шивѣ, и колоссальный истуканъ его, съ тремя лицами, уцѣлѣлъ еще до-сихъ-поръ. Кромѣ-того, храмъ наполненъ статуями всѣхъ замѣчательнѣйшихъ индійскихъ боговъ, такъ что его можно назвать туземнымъ пантеономъ. Теперь ни храмъ, ни самый островъ не посѣщаются индѣями, кромѣ презрѣнныхъ парій, которые рады, что хотя среди необитаемыхъ развалинъ они могутъ вздохнуть привольно. Элефантскому храму приписываютъ до трехъ тысячъ лѣтъ существованія.

На островѣ Салсетъ находится не одинъ подземный храмъ; огромная гора изрыта съ двухъ сторонъ, и въ ней выстѣнено, на разныхъ высотахъ, безчисленное множество гротовъ различныхъ формъ и размѣровъ. Меньшія искусственныя пещеры служили, вѣроятно, кельями для отшельниковъ. Посреди этихъ скромныхъ жилищъ находится великолѣпная зала, называемая дурбаръ (залою совѣта), снабженная широкимъ каменнымъ диваномъ вдоль всѣхъ четырехъ стѣнъ, покрытыхъ прекрасными произведеніями ваянія. Но замѣчательнѣе всѣхъ другихъ пещеръ этого острова, огромный храмъ, служившій когда-то обожателямъ Будды. Посреди великолѣпнаго портала стоитъ огромная восьмиугольная колонна, поддерживающая трехъ сидящихъ львовъ. Стѣна, отдѣляющая предхраміе отъ самаго святилища, покрыта изваяніями пляшущихъ мужчинъ и женщинъ. Формы ихъ обнажены, но отдѣланы художнически и чужды всего грубаго и грязнаго, такъ часто встрѣчающагося въ новѣйшихъ храмахъ

1.

Tempel des Buddha

Индусовъ. Двѣ главныя фигуры имѣютъ по двадцати семи футовъ вышины. Одинъ бюстъ божества, изображеннаго съ тремя слоновыми головами, вышиною въ 25 футовъ. Самое святилище вдается полукружіемъ въ гору и поддерживается внутри рядами восьмиугольных колоннъ. Потолокъ изсѣченъ въ формѣ купола. До-сихъ-поръ въ немъ уцѣлѣло много желѣзныхъ пере-кладннхъ, къ которымъ, вѣковъ за двадцать тому, привѣшивали въ торжественныя дни гирлянды, разноцвѣтныя фонари и лампадки.

Но самый великолѣпный изъ всѣхъ памятниковъ индійской подземной архитектуры, безспорно, храмъ *Эллора*. Приведемъ здѣсь нѣсколько цифръ, чтобы дать ясное понятіе о размѣрахъ этого громаднаго созданія рукъ человѣческихъ, и потомъ послушаемъ краснорѣчивыхъ словъ очевидца. Черезъ главный порталъ вы входите въ изящно-отдѣланное предхраміе, въ 138 футовъ ширины и 88 длины. Вы видите предъ собою высокій портикъ, вступаете въ него, и великолѣпный мостъ ведетъ васъ во вторую, обширѣйшую пещеру, длиною въ 256 футовъ и 150 шириною. Посреди ея стоитъ огромная гранитная скала, отдѣленная со всѣхъ сторонъ отъ возвышающейся надъ нею каменной горы, но не массивная, какъ природныя скалы. Назначая ее для храма, человекъ сдѣлалъ изъ нея каменную скорлупу, и почти-невозможнымъ трудомъ образовалъ дивное произведение. Вступая въ нее, вы входите въ главный храмъ, имѣющій внутри 100 футовъ длины, 60 ширины и 17 вышины. Надъ нимъ возвышается пирамидою, поддерживаемою по угламъ исполинскими слонами; священная пещера, вершина которой отстоитъ отъ купола главнаго храма на 100 футовъ! (*)

(*) Кромѣ этихъ подземныхъ храмовъ, *Эллора*, которую нашъ русскій путешественникъ, *Анастасій Пикитинъ*, называетъ *индійскимъ Іерусалимомъ*, и говорить, что это каменное зданіе величиною будетъ съ пол-Твери, — что на стѣнахъ его вырѣзаны подвиги *Брамы*, изображеннаго въ видѣ обезьяны съ хвостомъ, съ правою рукою, простертою, какъ у статуи царя *Юстиніана* въ Константинополѣ, и съ копыемъ въ лѣвой, — что передъ нимъ стоитъ чрезвычайной величины быкъ, высѣченный изъ чѣрнаго камня, съ позолотою, и что народъ, осмывая быка цвѣтами, цѣлуетъ его въ копыто, — *Эллора*, описанная такъ еще въ XV столѣтіи, знаменита превосходнымъ образцомъ другаго рода религіозныхъ построекъ, встречающихся въ Индіи, и которыя мы назовемъ *храмами-обелисками*. Въ нихъ, какъ и въ подземныхъ храмахъ, человекъ приносилъ только одинъ трудъ на мѣста зданій и подвергалъ ему лишь тѣ матеріалы, которые сама природа поставила на избранномъ мѣстѣ. По этотъ необъятный трудъ, превосходящій смѣлость мысли, вызвавшей его, произвелъ памятники, которые могли-бы назваться чудесами міра, если-бы они болѣе удовлетворяли гармоническимъ требованіямъ законовъ изящнаго. Эти храмы-обелиски составлялись изъ одной скалы, которую сначала отдѣляли отъ остальной массы горы площадью,

«Взглянемъ, говоритъ одинъ путешественникъ : на эти гигантскія созданія, которыя такъ часто многіе тщетно пытались описывать, и которыя съ трудомъ можно признать дѣломъ рукъ человека : такъ малъ кажется онъ, какъ художникъ, подлѣ своего творенія ! Нельзя выразить того изумленія, какимъ поражены вы съ перваго взгляду. Зрѣніе ослѣплено, умъ потрясѣнъ, разсудокъ вашъ помутился. Разнообразность предметовъ, вдругъ представляющихся со всѣхъ сторонъ, такъ поразительна, что первое впечатлѣніе есть смѣсь страха и изумленія; надо долго, долго приходить въ себя, чтобъ со вниманіемъ созерцать окружающія васъ чудеса. Царствующая здѣсь тишина и мертвое безмолвіе, пустыньность окрестныхъ долинъ, романтическая прелесть пейзажа, самая гора, со всѣхъ сторонъ пронизанная просвѣтами : все пробуждаетъ въ путника новыя ощущенія, совершенно-отличныя отъ тѣхъ, какія испытывалъ онъ при видѣ самыхъ великолѣпныхъ зданій, возникшихъ среди человеческой дѣятельности. Все въ этихъ мѣстахъ располагаетъ къ размышленію, и всякій изъ окружающихъ предметовъ уноситъ мысль въ тѣ отдаленныя эпохи, когда существовали эти могущественные народы, достигшіе до высокой степени гражданственности, когда обитатели Европы жили еще въ дикомъ состояніи посреди

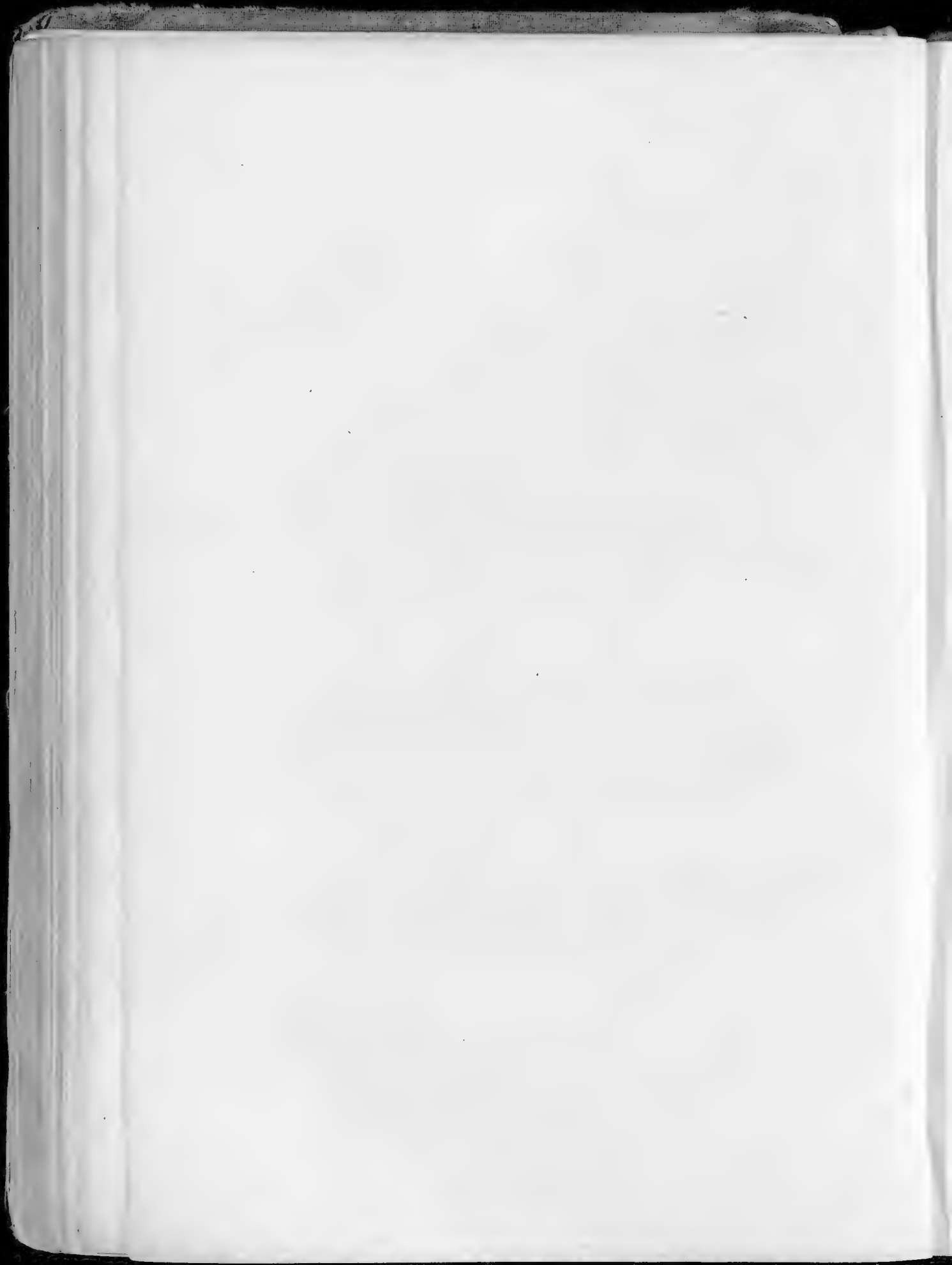
образованною рукою человека посредствомъ срыванія цѣлыхъ громадъ камня. Тогда, давая избранной скалѣ вѣщную форму храма, строитель терпѣливо и осторожно проникалъ въ нѣдра ея, и выламывая всю ея внутренность, давалъ этому исполнену желанныя формы гротовъ, залъ, часовень, соединенныхъ между собою лѣстницами и мостами. Онъ покрывалъ, накопецъ, эту, такъ-сказать, каменную скорлупу, но скорлупу непроницаемую, стѣнообразную, рельефными изваяніями украшеній архитектуры и своихъ боговъ. Въ этомъ-то родѣ особенно замѣчательнъ одинъ изъ эллорскихъ храмовъ, называемый *Келасса*. Различныя путешествія, которыя мы имѣли подъ рукою, такъ несогласны въ своихъ описаніяхъ его, болѣею частію запутанныхъ, что, оставляя мелочныя подробности, прямо указываемъ читателю на прилагаемый *рисунокъ* (III). Сколько мы могли составить себѣ ясное понятіе о этомъ храмѣ, онъ находится *подъ открытымъ небомъ*, между-тѣмъ какъ индѣ путешественники называютъ именемъ *Келасса* огромный храмъ-obeliskъ, заключающійся въ одной изъ пещеръ эллорскихъ и описанный выше авторомъ Падін. По подробному описанію Лангле, видно, что онъ состоитъ изъ особенно-замѣчательныхъ трехъ частей, изъ которыхъ одна, называемая главнымъ храмомъ, возвышается на 90 футовъ надъ площадью, пространство которой одни опредѣляютъ почти въ 990 футовъ, а другіе въ 250 футовъ длины и 150 ширины, — хотя непонятно, какъ можно измѣрять площадь между храмомъ и окружающею его горою какимъ-нибудь однимъ числомъ не квадратныхъ футовъ, или измѣрять въ ширину и длину эту созданную трудомъ человека площадь, тогда какъ часть ея занята храмомъ, поставленнымъ на ней самою природою. Между отдѣльными частями *Келасса* возвышаются огромныеobeliski, вышиною въ 39 футовъ, увѣнчанные фигурою безгриваго *синга* (льва-человѣка), или быками *панди*, на которыхъ любилъ прогуливаться Шива. Къ числу фигуръ, перемежающихся съ обелисками, принадлежатъ два гигантскіе слона, грубой отдѣлки (одинъ изъ нихъ видѣнъ на рисункѣ), которые какъ будто-бы прародители безчисленнаго множества слоновъ, изваянныхъ на базаментахъ (основаніяхъ) главнаго храма и, кажется, какъ-бы поддерживающихъ его, на подобіе того, какъ въ индійской мифологіи божественныя слоны поддерживаютъ міръ.

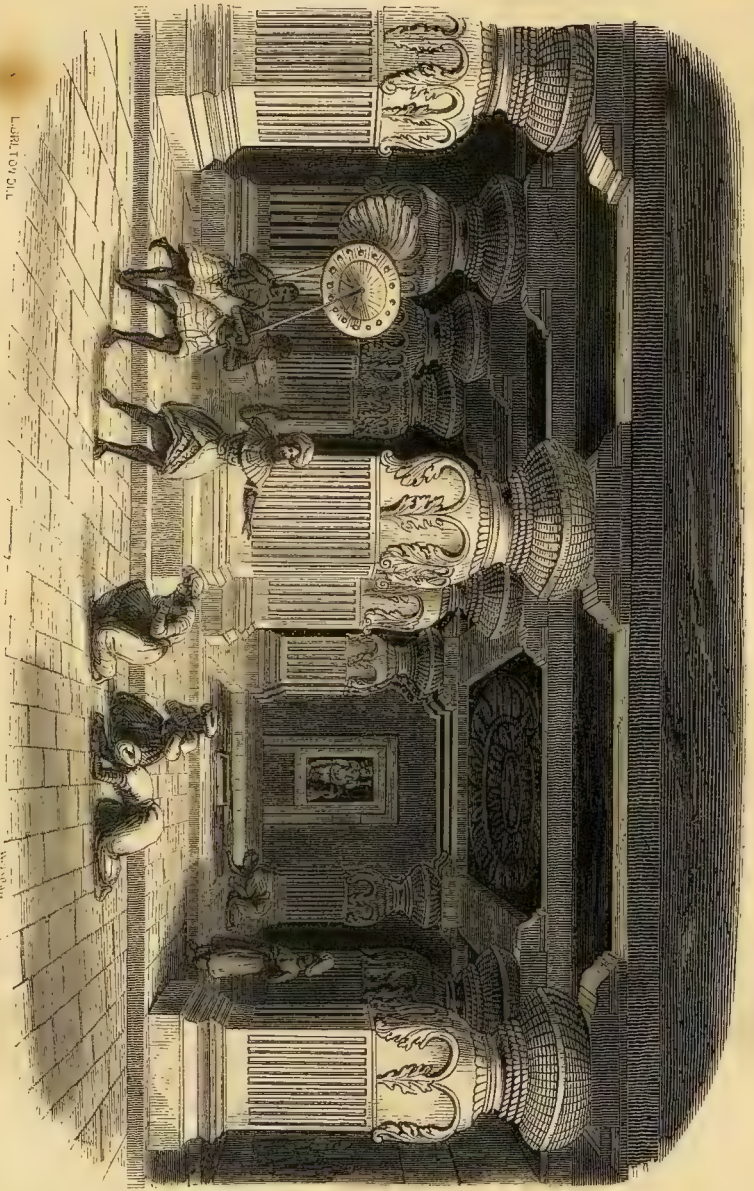
Редакторъ.

III.

Kennet & Son

LIBRARY

LIBRARY

Johns Hopkins

льсовъ и степей! Представьте себѣ изумленіе путешественника, когда вдругъ взоръ его открываетъ въ пѣдрахъ земли, при отверстіи глубокой пещеры, колоссальный храмъ, изъсѣченный въ скалѣ, гордо-высящійся въ небо, отдѣленный отъ главной горы огромною многоугольною эспланадою. Эта скала имѣетъ въ окружности не менѣе пяти-сотъ футовъ. Храмъ также дивенъ въ цѣломъ, какъ и въ подробностяхъ: безчисленныя изваянія людей и животныхъ, фризъ, колонны, часовни, высіяція почти на воздухѣ, обширныя залы (*), все дышитъ здѣсь изысканнымъ вкусомъ, и, непонятное дѣло, все въ цѣлости, несмотря на время и людей, все разрушающихъ; лѣстницы, даже до верхнихъ галлерей, двери, окна, арки — все на своемъ мѣстѣ, все сохранилось совершенно. Три яруса подземныхъ галлерей вртзаны въ гранитный поясъ, окружающій эспланаду, и глубоко проникаютъ въ основаніе горы, представляя цѣлый пантеонъ индійскихъ божествъ.»

Одинъ возводитъ постройку Элорскаго храма за 8000 лѣтъ до насъ, другіе только за 900; но вѣрнѣе кажется мнѣніе Ланглэ, который, основываясь на томъ, что два тамошніе храма были посвящены Буддѣ, а одинъ Брамъ, относитъ ее къ началу нашего лѣтосчисленія, къ эпохѣ, когда объ религіи пользовались равнымъ господствомъ.

Но и восточный берегъ не отсталъ отъ другихъ областей Индустана. Онъ даже можетъ похвалиться особенностію подземной архитектуры, какой не найдется на всемъ остальномъ полуостровѣ. Близъ Мадраса есть цѣлый городъ, называемый туземцами *Магабалипурамъ* (крѣпость великаго Бали), а европейскими мореходцами прозванный «семью пагодами,» потому что семь храмовъ его особенно выдаются въ море. Весь городъ простирается на три мплн. Всякое зданіе высѣчено изъ гранита и украшено внутри рѣзною работою.

Опытные въ подземной архитектурѣ, Индусы обратили это искусство и въ пользу военнаго дѣла, и изъ числа крѣпостей, изъсѣченныхъ въ скалѣ, особенно замѣчательнъ фортъ *Гвалиоръ*, о которомъ мы скажемъ послѣ.

ПАГОДЫ. — Въ позднѣйшія времена Индусы стали воздвигать храмы на поверхности земли, и стиль древнѣйшихъ изъ надземныхъ храмовъ то ясно напоминаетъ характеръ архитектуры подземныхъ, то соответствуетъ религіознымъ и астрономическимъ понятіямъ народа, который ихъ строилъ. Храмамъ этимъ придавали или овальную форму, какъ символъ вселенной, имѣющей, по индійскимъ сказаніямъ, форму яйца; или видъ андреевскаго креста, строго-соответствующаго четыремъ странамъ свѣта, — и называли ихъ *баагавати* (святой домъ), изъ чего Евро-

(*) Одинъ изъ приложенныхъ рисунковъ (II) изображаетъ такую залу, называемую *Инджа-Сабга*, то-есть, храмъ Индры.

пейцы сдѣлали слово пагода, употребляющееся для означенія индійскихъ храмовъ.

Часто утверждаютъ, что индійская архитектура имѣетъ много общаго съ египетскою. Сходство ихъ заключается преимущественно въ массивности построекъ и изобиліи скульптурныхъ украшеній; кромѣ-того, въ обѣихъ странахъ есть обыкновеніе воздвигать башни надъ городскими воротами и около всѣхъ значительныхъ памятниковъ; нѣкоторыя египетскія колонны напоминаютъ колонны индійскихъ подземныхъ храмовъ: но этимъ и ограничивается все сходство. Въ Индіи образовалась своя архитектура, и даже не одна, а нѣсколько школъ. При обзорѣ индѣизма и Джаниизма, мы уже говорили о храмахъ этихъ исповѣданій, а здѣсь обратимъ вниманіе на пагоды, посвященные браманскому богослуженію. Матеріалъ, употребляемый на постройку, зависитъ отъ мѣстности: такъ, на Малабарскомъ берегу, храмы отдѣляются мраморомъ, на Корамандельскомъ (гдѣ и въ области Ориссы они отличаются особеннымъ великолѣпіемъ), строятъ много изъ порфира и гранита, — въ другихъ мѣстахъ прибѣгаютъ къ кирпичу. Въ Бенгаліи, обыкновенный типъ святилища — небольшой каменный кубъ, или, точнѣе, отрѣзанная четверугольная пирамида, съ плоскою крышею и шестью пристройками для придѣловъ. Наклонныя стѣны храма покрыты скульптурною работою, болѣею частию весьма-неблагочестиваго, по нашимъ понятіямъ, содержанія; здѣсь, особенно на храмахъ, посвященныхъ Шиву, лингамъ всегда играетъ важную роль. Пагоды выстроены частию надъ рѣками, частию снабжены прудами, и отъ храма къ водѣ ведетъ каменная лѣстница, гаатъ, по которой вѣрующіе спускаются для омовенія душевной нечистоты. Браминны, разумѣется, извлекаютъ свою выгоду изъ раскаянія грѣшниковъ. На самомъ берегу священныхъ водъ вы видите иногда фанатиковъ, валяющихся въ пыли и грязи, обсыпанныхъ съ ногъ до головы пепломъ и порошкомъ изъ коровьяго помета, предающихся величайшей телесной неопрятности, чтобы только сдѣлаться достойными погруженія въ воду, смывающую всякій грѣхъ. Святилище не имѣетъ оконъ, но освѣщается или узенькими отверстіями, оставленными въ потолкѣ, или черезъ дверь, въ которую имѣютъ право входить только жрецы и баядерки; вѣрующіе допускаются не дальше порога, гдѣ и оставляютъ свои приношенія. Въ бѣдныхъ деревняхъ, это святилище съ небольшимъ прудомъ и узенькою лѣстницею составляетъ весь храмъ; но по мѣрѣ важности городовъ и благосостоянія прихожанъ, пагода предше-

ствуется большими или меньшими предхрамьями (на подобіе наших колоколенъ), на постройку которыхъ обращается особенное вниманіе,—окружается дворами, башнями, домами, колошпадами, каравансерами, — и распространенный такимъ-образомъ храмъ занимаетъ цѣлый кварталъ. Приличная, невеликолѣпная пагода состоитъ, кромѣ святилища, гаата и бассейна, еще изъ четверугольной площади, окруженной каменною оградой, вдоль которой расположена внутренняя крытая галлерей, гдѣ собирается народъ. Стѣны галлерей испещрены изваяніями, а по угламъ и въ разныхъ мѣстахъ ограды возвышаются башни.

Въ праздники, храмы изукрашиваются гирляндами, фольгою, освѣщаются шкалками и, подъ конецъ торжества, около нихъ сжигаются великолѣпные фейерверки. Наружныя стѣны пагоды покрыты изображеніями деутовъ и дентовъ; во внутренности святилища находятся пстуканы божествъ изъ глины, дерева, камня, мѣди или золота; употребленіе же серебра и другихъ металловъ строго запрещено. Читатель знаетъ, каковы индійскіе пстуканы. Буддисты изображаютъ своихъ вѣчно-праздныхъ Буддъ въ формахъ, заплывшихъ *жиромъ*, но все-таки человѣческихъ; но браманты не довольствуются этимъ: они почти-таютъ за долгъ напоминать всегда символамъ о силѣ и мудрости своихъ боговъ, а потому и не щште ничего художественнаго въ ихъ храмахъ. *Мудрый богъ* долженъ, безспорно, имѣть *дѣтъ* или *три головы*, да пожалуй еще *съ хоботами*; у *сильнаго бога* по-крайней-мѣрѣ *четыре руки*, а иногда и *до тридцати двухъ*. Притомъ, какъ не прибавить ему, для вѣщей важности, еще *роговъ*, другого символа силы? Вспомните воплощенія Вишну въ виды *вепря, льва-человѣка, рыбы, чернахи*, не говоря уже о воплощеніяхъ другихъ боговъ, часто въ высочайшей степени смѣшныхъ, и вы поймете, какое странное сборище фантастическихъ формъ поражаетъ чужеземца при входѣ въ брамантскую пагоду. Такое направленіе скульптуры тѣмъ жалче, что подробности бываютъ исполнены превосходно, и свидѣтельствуютъ о даровитости художниковъ, которые, при другомъ направленіи, могли-бы совершенствоваться на болѣе-достойномъ ихъ поприщѣ. Но не вездѣ пагоды одинаковаго стиля. Въ южныхъ частяхъ полуострова онѣ представляютъ издали форму почти пирамидальную, и состоятъ изъ многихъ этажей, одинъ другого уже. Къ сѣверу отъ рѣки Годаверн, пагоды заимствовали у мусульманской архитектуры выпуклые куполы, надъ которыми возвышается какой-нибудь позолоченный атрибутъ мѣстнаго божества. Въ различныхъ провинціяхъ, основаніе

святилища принимаетъ форму то квадрата, то параллелограмма, то восьмиугольника. Оно окружено большимъ или меньшимъ числомъ башенъ, одинаковой или разной высоты и постройки. Фасады покрыты барельефами, преддверія уставлены статуями, а святилища кончаются куколами или террасами, и надъ каждымъ угломъ возвышается огромный рогъ; иногда они принимаютъ виды пирамиды, и только изрѣдка имѣютъ треугольные фронтоны.

Внутренность храмовъ изобилуетъ невысокими колоннадами. Колонны бываютъ различныхъ формъ: круглыя, четырехъ, восьми и многостороннія, конусовидныя; — иногда разбѣгаются шире къ верху, иногда имѣютъ выемки и выуклости, — но всѣ вообще покрыты изваяніями. Капителі изображаютъ вазы, черезъ края которыхъ висятъ гирлянды; иногда онѣ составлены изъ головъ и разныхъ членовъ звѣрей, или даже изъ человеческихъ фигуръ. Не

довольствуясь рядами колоннъ и пиластровъ, Индусы соединяютъ ихъ часто въ цѣлыя группы. Притолки и перекладины дверей окружены и покрыты изящными арабесками цвѣтовъ, плодовъ, людей, животныхъ и мифологическихъ созданий. Живопись въ храмахъ встрѣчается рѣдко.

Одна изъ древнихъ пагодныхъ картинъ любопытна по своему содержанию. На ней изображена апсара, съ восемью своими подругами, расположенными въ такомъ видѣ, что онѣ представля-

ютъ фантастическаго верблюда, на которомъ она сидитъ верхомъ. Картина эта вполне выражаетъ странное, причудливое направленіе художественнаго вкуса Индусовъ.

1840

W. H. F. & S. D. L.

W. H. F. & S. D. L.

IV

Бергштекк Навига

Взглянемъ теперь на главные пагоды Индустана. Первое мѣсто между ними занимаютъ Джагернатская, Серингамская, Бенаресская, Шаламбрунская, Триченгурская и Трипесткая.

Джагернатская пагода, въ области Ориссъ, построена (въ 1298 году) изъ полированного гранита, и известна у Европейцевъ подъ именемъ Чёрной пагоды. Гранитныя массы, величиною до 12,000 кубическихъ футовъ, были привезены изъ восточныхъ Гатовъ, за 270 верстъ. Ограда, вышиною въ 20 футовъ, окружаетъ площадь храма, имѣющую 1120 футовъ длины и 700 ширины. Посреди этой площади, надъ главнымъ входомъ въ святилище, воздвигнута одиннадцатитрёхъэтажная пирамидальная башня, вышиною въ 172 фута, странной формы: съ двухъ сторонъ стѣны ея прямы, а съ двухъ выгнуты въ видъ дугъ. Форма крыши также необыкновенна: золоченный куполъ ея походитъ на сплюснутый шаръ, на которомъ какъ-бы опрокинутое блюдо, въ срединѣ котораго высокая металлическая ваза; на вазѣ стоитъ колесо, а надъ нимъ шпиль со знаменемъ. — Главную башню окружаетъ пятьдесятъ другихъ, поменьше; около пагоды нѣсколько танковъ (прудовъ). Вдоль ограды тянутся галлерей, обшитыя великолѣпною колоннадою и поддерживаемыя 276 сводами; рядомъ съ ними множество дворцовъ для помѣщенія браминовъ и баядерокъ и приёма важныхъ богомольцевъ. Святилище, какъ и вездѣ, освѣщается только черезъ дверь, и осыпанные драгоценными каменьями истуканы лишь для однихъ праздничныхъ процессій оставляютъ свой вѣчный полумракъ. Бретонъ, въ своемъ сочиненіи «Памятники всѣхъ народовъ», увѣряетъ, что ежегодное число богомольцевъ, посѣщающихъ Джагернатскую пагоду и окрестности простирается до двѣнадцати милліоновъ.

Серингамская пагода, близъ Тричипалли, считается самымъ большимъ храмомъ въ цѣлой Азіи. Она окружена семью оградами, изъ которыхъ послѣдняя имѣетъ четыре мили въ окружности. Въ каждомъ изъ семи дворовъ находится нѣсколько часовенъ и прудовъ. Внутренній дворъ наполненъ группами колоннъ, окружающихъ самое святилище, подобными рощамъ вѣковыхъ пальмовыхъ деревьевъ. Къ этому храму стекается несметное множество богомольцевъ. Число людей, живущихъ на счётъ Серингамской пагоды, т. е. браминовъ съ ихъ семьями и прислугой, жрицъ, баядерокъ, и проч. простирается, какъ утверждаетъ Пакье, до 50,000 душъ.

Знаменитая Бенаресская пагода (рисункъ IV), превращенная Луренгзобомъ въ мечеть, построена въ видѣ андреевскаго креста.

Она посвящена *Магадеви* (великому богу) (*), одному изъ племенъ *Шивы*, и въ ней хранится чтимый *Индусами* чёрный камень его, будто-бы упавшій съ неба.

Шаламбурская пагода, которой приписываютъ сорокъ вѣковъ существованія (что впрочемъ не доказано), находится близъ *Пондишерна*. Ограда ея имѣетъ 120 футовъ въ окружности, трое воротъ и надъ каждымъ изъ нихъ по пирамидѣ въ 112 футовъ вышиною.

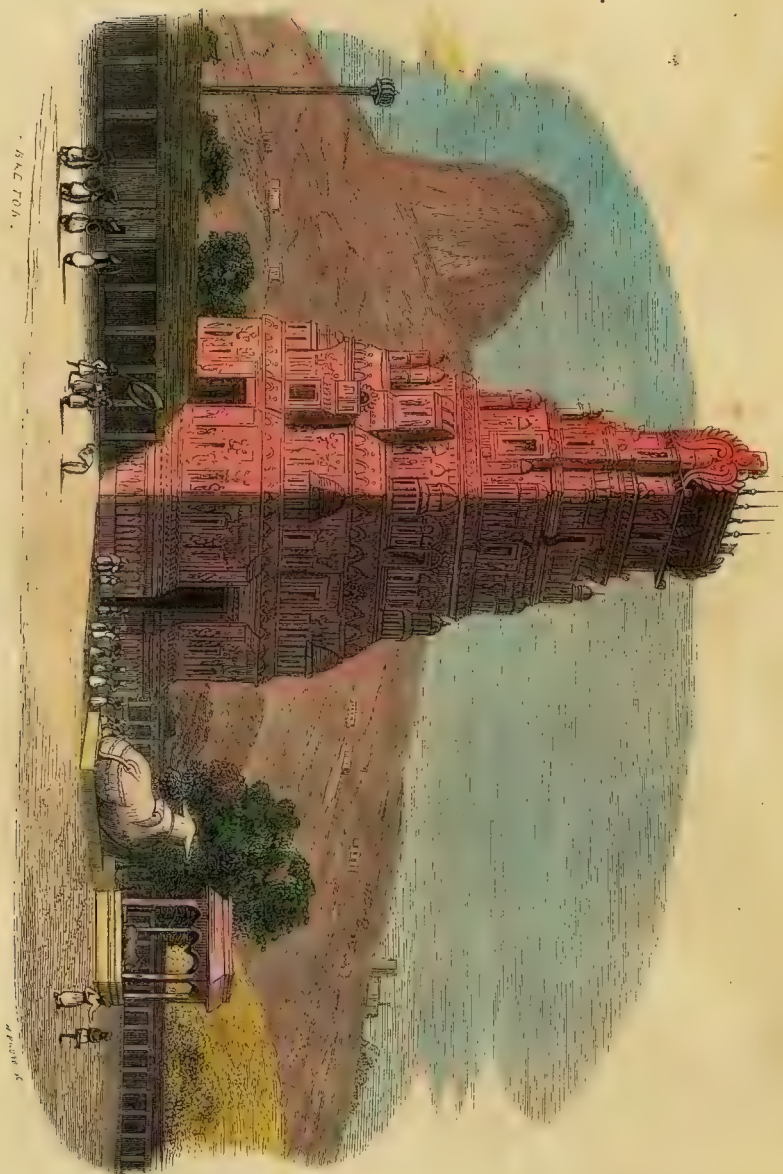
Тричегурская пагода (рисункъ V) находится въ городѣ одного съ нею племени (въ области *Мадуръ*), на большой площади. Ея предхрамье можетъ служить лучшимъ образцомъ индійскихъ пирамидальныхъ построекъ этого рода: вышина его около 105 футовъ, и съ низу до верху это зданіе покрыто изящной рѣзбой, смѣлыми барельефами, башенками, колоннами, фонарями и другими украшеніями, и оканчивается пятью шипцами; символомъ одного изъ туземныхъ божествъ. Противъ входа, ведущаго въ собственный храмъ съ плоской крышей, поддерживаемой множествомъ разнообразныхъ колоннъ, стоитъ огромный истуканъ священнаго быка *Панди*, а подлѣ него пространный колодезь, изъ котораго сотни тысячъ женщинъ безпрерывно приходятъ черпать воду. *Индусы* увѣряютъ, что каждую ночь каменный быкъ изволитъ прогуливаться кругомъ пагоды, и отъ расположенія его духа зависить благосостояніе страны.

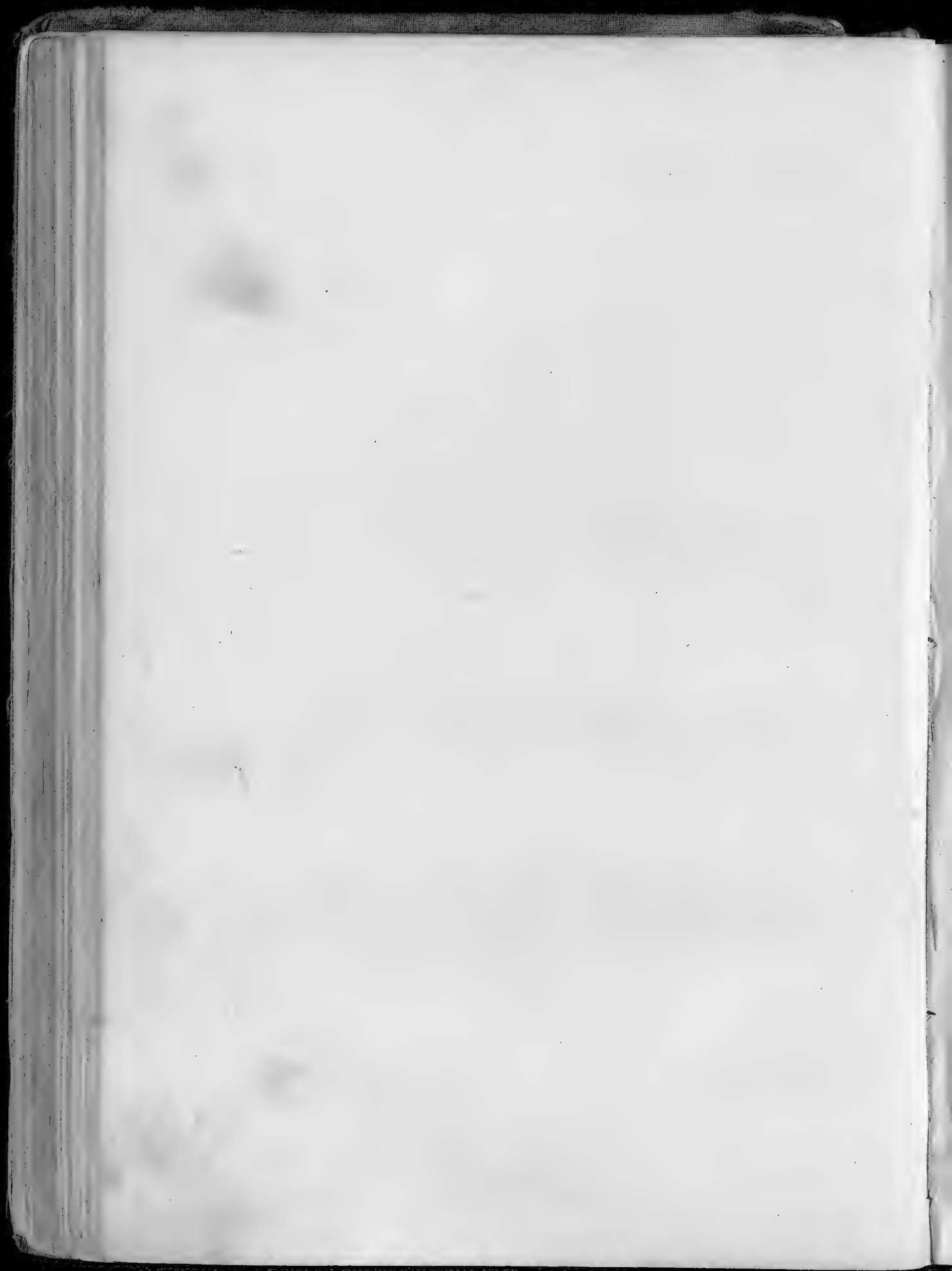
Триптекая пагода — настоящій городъ: такъ много при ней разныхъ строеній. Она построена на горѣ, почитаемой святою, и *Индусы* отправляются сюда на богомолье, какъ мусульмане въ Мекку. Сеченіе народа особенно велико въ сентябрь мѣсяць. Богомольцы, завидѣвъ храмъ, падаютъ ницъ. На священную гору позволено входить только правовѣрнымъ, за ограду переступаютъ одни браминны. Можно вообразить себѣ, какъ велики должны быть доходы этого храма, если въ 1758 году браминны нашли для себя выгоднымъ, за утвержденіе своихъ правъ, взнести Англичанамъ 210,000 рублей серебромъ!

Но несмотря на весь этотъ избытокъ матеріала, труда и искусства, индійскія пагоды далеко не въ состояніи произвести такого впечатлѣнія, какое производятъ храмы греческой, готической или мусульманской архитектуры. Та часть пагоды, для отдѣлки которой употреблено наиболѣе труда и искусства, то есть, самое святилище, сиката, тѣсна, низка; башни, напротивъ, выведенныя до изумительной вышины, не довольно толсты. По-

(*) Нельзя не замѣтить въ этомъ словѣ необыкновеннаго сродства съ разнозначащими названіями Бога у Грековъ и Римлянъ: *мега-теосъ* и *магнус-деусъ*.

Thiruvannamalai Temple

дойдите къ этимъ огромнымъ массамъ : онѣ изумятъ васъ своимъ страшнымъ объемомъ ; приглядитесь къ подробностямъ , и вы увидите рядкую , совѣстливую отдѣлку : по пѣть главнаго, гармоніи, органической связи, въ которой состоитъ все достоинство художественнаго произведенія. Вотъ почему эти великолѣпные памятники труда цѣлыхъ поколѣній , въ продолженіе вѣковъ, не могутъ удовлетворить васъ,—вотъ почему, при взглядѣ на нихъ, вы ощущаете одно изумленіе и безпокойство, которыя не разрѣшаются художественнымъ наслажденіемъ. Особенно теперь религіозная индійская архитектура находится въ упадкѣ : доказательствомъ служатъ пагоды новѣйшаго времени, находящіяся въ Бомбей и Калькуттѣ , въ которыхъ мѣсто первобытной простоты (мы говоримъ не о циклонскихъ древнихъ постройкахъ Индустана) и слѣдовавшей за нею роскоши украшеній заступили отсутствіе первой и бѣдность, безвкусіе въ послѣднихъ.

Ограничимся этими свѣдѣніями объ архитектурѣ храмовъ , и въ заключеніе , приведемъ хотя одинъ примѣръ богатства описанныхъ нами пагодъ. Вотъ что повѣствуетъ исторія : при взятіи крѣпости Сомната , въ Гуджератъ , Махмудъ , несмотря на мольбы браминновъ, предлагавшихъ десять милліоновъ рупій выкупа, велѣлъ разбить главнаго истукана, и во внутренности его нашелъ брилліантовъ , жемчугу и рубиновъ болѣе чѣмъ 70,000,000 р. сер. Сомнатская пагода была тогда одна изъ замѣнѣйшихъ въ Индустанѣ ; при ней считалось 2000 браминновъ, 500 баядерокъ, 300 музыкантовъ и столько-же цырюльниковъ, необходимыхъ для того, чтобы успѣвать брить всѣхъ стекавшихся сюда богомольцевъ. Кромѣ этого такъ плотно набитаго истукана, при пагодѣ находилось нѣсколько тысячъ золотыхъ статуекъ, а пятьдесятъ шесть колоннъ, поддерживавшихъ куполъ святилища, были все усыпаны драгоценными камнями. Сверхъ-того, къ пагодѣ было приписано 2000 селъ. Благодаря владычеству мусульманъ и Англичанъ, великодушно обращающихъ своихъ подданныхъ, богатство индійскихъ пагодъ, въ настоящее время, разумѣется, значительно уменьшилось.

ГРАЖДАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА. — Дворцы , казалось-бы, должны скорѣе подвергнуться всякимъ нововведеніямъ, чѣмъ пагоды ; но болѣею частію, даже тѣ богатые Индусы, которые воздвигаютъ себѣ жилища и въ новѣйшее время, остаются вѣрными стило чисто-индійской архитектуры. Главная отличительная черта старыхъ дворцовъ—прочность и массивность. Последнее качество и террасо-образное устройство крышъ позволяетъ владѣльцу, по мѣрѣ надобности, надстраивать этажи и прибавлять боковыя

пристройки. Такимъ-образомъ случается, что очень древнія постройки представляютъ собою огромную, безобразную массу разныхъ помѣщеній. Вотъ коренной типъ этихъ строеній: внутренний дворъ, болѣею частию обсаженный, для прохлады, деревьями и снабженный часто бассейномъ или фонтаномъ, окруженъ съ четырехъ сторонъ галлереями на сводахъ, или колонадами. Галлерей эти тянутся вдоль строеній въ нѣсколько этажей, и состоятъ съ ними въ сообщеніи посредствомъ большихъ дверей и оконъ; часто комнаты имѣютъ только три стѣны, а отъ галлерей отдѣляются одними колоннами. Приемныя комнаты всегда во второмъ или третьемъ этажѣ; къ нимъ ведутъ узенькія витыя лѣстницы, вѣланныя въ толстыя стѣны. Въ большихъ дворцахъ не одинъ такой дворъ, а два, три и до десяти. У людей небогатыхъ, но живущихъ безъ нужды, бываетъ обыкновенно два двора: одинъ для приема гостей (*диванъ-эалъ*), другой для домашней жизни и для женщинъ (*диванъ-экасъ*). Наружныя стѣны или ослѣпительной бѣлизны, или выкрашены темно-красною краскою, или наконецъ, покрыты ландшафтами и мифологическими сценами. Внутреннее расположеніе домовъ очень псевдобно, а убранство представляетъ самыя смѣшныя противоположности. — Послушаемъ, какъ очевидецъ описываетъ жилище знатнаго сановника:

Въ убранствѣ видно странное смѣшеніе роскоши и неряшества, невѣжества ризаній на утонченность. Въ стѣны комнатъ украшены мельчайшею рѣзною работою, а окна и двери не притворяются, скрипятъ и дрожатъ на петляхъ; вы находите бездну излиштва и не встрѣтите самыхъ необходимыхъ вещей. Съ удивленіемъ замѣчаете фортепјано, употребленіе котораго никому незнакомо; во всякой комнатѣ стѣнные часы изъ Лондона и Парижа, которыхъ никогда не заводятъ. Люстры, развѣшанныя въ страшномъ количествѣ, цѣпляютъ васъ за голову. Въ богатые рамы, самаго дурнаго вкуса, вставлены лубочныя картинки, какія встрѣтите у васъ развѣ только въ кабацкѣ; золоченныя кресла обиты лучшимъ бархатомъ, изъѣденнымъ насквозь, и на нихъ садятся только при Европейцахъ. На обѣденномъ столѣ, рядомъ съ блюдами изъ массивнаго серебра и изящными канделябрами, стоятъ простыя мѣдные подсвѣчники, какихъ у васъ не бываетъ и въ передней, а развѣ только на кухнѣ. Стѣны, наконецъ, покрыты огромными, запыленными и почернѣвшими зеркалами.

Въ образѣ постройки рѣшительное отсутствіе общественности: человекъ отдѣленъ отъ человека. Прибавьте къ этому скудость средствъ и нищету, и вы поймете, какъ безотраденъ долженъ быть видъ жилища бѣднаго. Кромѣ храмовъ, лавокъ и дворцовъ богатей, въ дома индустанскаго города представляютъ самую печальную картину: это не что иное, какъ высокія стѣны изъ грязи. Отверзтіи на улицу два или три: дверь, служащая для входа, саженъ три или четыре отъ земли, да

одна или двѣ узенькія бойницы. Окна и двери выходятъ всѣ на внутренній, пыльный дворъ. И въ этихъ жилищахъ, въ продолженіе тысячелѣтій, рождаются, живутъ и умираютъ сотни миллионовъ людей небогатыхъ.

Говоря о жилищахъ живыхъ, скажемъ нѣсколько словъ и о памятникахъ, воздвигаемыхъ надъ прахомъ мертвыхъ. Надгробные памятники отличаются, въ сравненіи съ жилищами живыхъ, просторомъ, совершенствомъ отдѣлки частей и богатствомъ матеріаловъ. Форма этихъ мавзолеевъ почти всегда одинакова. Они состоятъ изъ четвероугольной галлерей, построенной на возвышенной площадкѣ, къ которой ведетъ гранитная лѣстница во всю ширину строенія. Надъ галлереею терраса, съ богато-украшенною балюстрадаю. Галлерей образуется колоннадою, поддерживается арками и окружаетъ кубическую залу, освѣщаемую только черезъ дверь. Надъ залою куполь, надъ которымъ вызолоченная стрѣла, а посреди ея простой саркофагъ изъ чѣрнаго мрамора, съ метафорическимъ панегирикомъ покойнику. Черезъ всегда-отворенную дверь поминутно влетаютъ и вылетаютъ сотни голубей, и жалобнымъ воркованіемъ своимъ еще болѣе увеличиваютъ прелесть тишины и прохлады этихъ мѣстъ. Жадные до такихъ благъ, горожане пріѣзжаютъ сюда, и инквизиторы европейскихъ офицеровъ и дамъ обыкновенно даются въ мавзолей какого-нибудь благочестиваго Индуса или мусульманина.

Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній индійской архитектуры—резервуары, раздѣляющіеся на два разряда: одни вырыты въ землѣ, другіе образованы посредствомъ плотинъ, нѣрѣдко громадныхъ, помощью которыхъ вода наполняетъ цѣлыя долины. Первые находятся по близости всѣхъ городовъ, и возлѣ нихъ устроиваются общественныя бани; резервуары втораго разряда предназначались всегда для искусственнаго орошенія полей, иногда въ цѣлой области. Нѣкоторыя изъ этихъ работъ великолѣпны, и построены съ необыкновенною прочностію.

Нельзя не упомянуть и объ индійскихъ колодцахъ. Новѣйшіе изъ нихъ круглы, древніе имѣютъ форму четвероугольную. Они очень глубоки, и до самой поверхности воды окружены массивными галлерейми, а иногда ступеньками, по которымъ безопасно можно спуститься.

Скажемъ также о колоннахъ и триумфальныхъ воротахъ, воздвигнутыхъ въ честь побѣдоносныхъ героевъ. Последнія иногда не бываютъ округлены сверху, подобно нашимъ; проездъ въ нихъ всегда четвероугольный. Базнагарскія ворота, въ сѣверномъ Гуджератѣ, одинъ изъ красивѣйшихъ. Между колоннами

славна *Читторская*, въ сто двадцать футовъ вышины, украшенная на верху позолоченною короною.

ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ ДѢТЕЙ. — Индійскіе родители отличаются слѣпою привязанностію къ дѣтямъ, доходящею часто до баловства; въ знакъ благодарности за эти попеченія, сынки, достигнувъ совершеннолѣтія, перѣдко затѣваютъ съ родителями тяжбы, почти всегда изъ-за интереса.

Дѣти знатныхъ людей рано выводятся въ свѣтъ. Въ обществѣ вы встрѣтите малютокъ десяти и одиннадцати лѣтъ, одѣтыхъ по всей строгости моды, съ маленькою саблею на боку; они не позволяютъ себѣ ни малѣйшей шалости, и озабочены безопытнымъ подражаніемъ этикету взрослыхъ. Простымъ людямъ некогда смотреть за своими дѣтьми. Мальчишки бѣгаютъ по улицамъ, играютъ, и, находясь почти постоянно на воздухѣ и въ движеніи, бываютъ обыкновенно очень красивы. Простолудины учатся только чтенію, письму, первымъ правиламъ арифметики и закону, или, вѣрнѣе сказать, мифологій. Писать начинаютъ пальцами по песку, потомъ переходятъ къ мѣлу, которыми чертятъ по полу; грамотѣямъ дается въ руки грифель или желѣзная заостренная палочка для черченія по пальмовымъ листьямъ: это коренной индійскій способъ; только въ новѣйшее время стали употреблять чернила, бумагу и тростниковыя перья. — Воспитаніе людей богатыхъ, особенно изъ торгующаго сословія, танцовщицъ и семействъ Раджпутовъ нѣсколько сложнее. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ-то, въ Мундессурѣ, Индурѣ и другихъ, преподаютъ даже санскритскій языкъ.

Народныя школы есть почти во всѣхъ городахъ и значительныхъ селахъ. На югѣ полуострова годовая плата за ученіе мальчика простирается до 5 руб. сер., но въ Бенгаліи и другихъ областяхъ она еще незначительнѣе, и обыкновенно, особенно въ селахъ, ограничивается нѣсколькими мѣрками риса или овощей. Во всѣхъ этихъ школахъ очень употребителенъ способъ взаимнаго обученія, извѣстный въ Европѣ подъ именемъ Ланкастерскаго, и заимствованный изобрѣтателемъ его у насъ, говорятъ, изъ Индустана. — Въ этихъ школахъ обучается грамотѣ почти третья часть всѣхъ дѣтей, такъ что въ Индустанѣ грамотныхъ не менѣе 33 процентовъ всего народонаселенія (*). За-то, воспитаніе женщинъ въ совершенномъ пренебреженіи. Для нихъ гра-

(*) Въ Пруссіи число дѣтей, посѣщающихъ школы составляетъ не болѣе 14, въ Нидерландахъ 11, въ Англіи 7, а во Франціи $6\frac{9}{10}$ всего народонаселенія. Видно, что посѣщеніе школъ не составляетъ еще дороги къ образованію.

могу считаютъ излишнею роскошью.—Люди богатые рѣдко по-сылаютъ дѣтей въ общественныя школы, и предпочитаютъ держать у себя домашнихъ браминовъ. — Высшія науки преподаются даромъ профессорами, содержимыми на счетъ владѣтельныхъ князей или изъ вкладовъ, дѣлаемыхъ ревнителями просвѣщенія; но какъ жалко, какъ односторонно это преподаваніе, читатель убѣдится, прочитавъ ниже отчетъ о современномъ состояніи наукъ въ Индустанѣ. О школахъ, учрежденныхъ Англичанами, мы тоже поговоримъ въ свое время.

ИМЕНА И ПРОЗВАНІЯ. — Во многихъ областяхъ полуострова вовсе не извѣстно, что такое фамиліное прозваніе. Изъ этого правила исключаются Маратты, у которыхъ каждый родъ имѣетъ свою фамилію и передаетъ ее потомкамъ, совершенно какъ въ Европѣ. У Раджпутовъ есть названія цѣлыхъ клановъ или племенъ, составляющія общее достояніе большого числа людей, которыхъ невозможно считать родственниками, а слѣдовательно и названія эти не фамиліныя. У браминовъ сѣвернаго Индустана встрѣчается то-же самое.

Въ южныхъ областяхъ, имени лица предшествуетъ обыкновенно названіе его мѣстопребыванія, въ видѣ прилагательнаго: такъ, напримѣръ, скажутъ Карна-Манди-Рао, что значитъ Манди-Рао, изъ Карны. Кромѣ-того, во всѣхъ документахъ къ имени прибавляется отечество, какъ у насъ. Европейецъ, не понимающій языка, долженъ непременно произнести полный титулъ лица, съ которымъ говоритъ; иначе, если онъ вздумаетъ назвать его на-удачу, какою-либо одною частию имени, — легко можетъ случиться, что онъ произнесетъ, вмѣсто самаго имени, или одно отечество, или одно названіе его мѣстопребыванія.

СВАТОВСТВО, ОБРЯДЫ ВЪВЧАНИЯ И СВАДЬБЫ. — Мы уже не разъ говорили, какъ важно, по понятіямъ Индусовъ, имѣть дѣтей, особенно сына, который могъ-бы совершать тризну послѣ смерти родителей. Поэтому, бракъ составляетъ у нихъ религіозную обязанность, отъ которой избавляются только люди набожные, посвятившіе себя созерцательной жизни. Вскорѣ послѣ рожденія любимаго ребенка, цѣлые родители начинаютъ помышлять о его женитьбѣ. По законамъ Мену, дѣвица можетъ быть выдана замужъ, когда достигла восьми-лѣтняго возраста, и имѣетъ право выбрать себѣ мужа сама послѣ одиннадцати лѣтъ. Въ дѣйствительности-же, дѣвушекъ вѣчаютъ часто семи, шести и даже четырехъ лѣтъ, а мальчиковъ отъ одиннадцати до четырнадцати. При выборѣ невѣсты, родители заботятся особенно о чистотѣ ея касты. Родственники, начиная съ третьяго колѣна, имѣютъ

преимущественное право на своихъ родственницъ, и только за неимѣніемъ различнаго рода троюродныхъ братьевъ или съ согласія ихъ, родители невѣсты могутъ не отвергнуть сватовства людей постороннихъ. Законы Мену запрещаютъ принятіе даровъ за невѣсту, и бракъ, совершенный подъ вліяніемъ подарковъ, называютъ продажей; но только высшія сословія исполняютъ этотъ законъ. Въ настоящее время существуетъ четыре способа отдавать замужъ, изъ которыхъ первый называется *канигада-намъ* (даровая отдача), два послѣдніе *паріамъ* (продажа), а второй занимаетъ средину между ними.

Первый способъ, самый почётный, состоитъ въ томъ, что отецъ невѣсты не только не принимаетъ никакихъ даровъ, но на свой счётъ готовить богатое приданое, платитъ за все свадебныя издержки, и сверхъ-того щедро даритъ жениха и его родню. — При второмъ способѣ, обѣ семьи складываются, и на общій счётъ готовятъ приданое и платятъ за свадьбу. Не думайте, чтобы это дѣлалось между людьми ограниченнаго состоянія, и съ мыслию помочь другъ другу въ необходимыхъ издержкахъ: вовсе нѣтъ! Такое соединеніе двухъ семей, для общаго расхода, происходитъ единственно отъ желанія блеснуть, отличиться, удивить. Такъ, въ Бенгаліи, въ 1838 году, два благоразумные отца согласились сыграть свадьбу на общій счётъ, и условились ограничиться съ каждой стороны ста тысячу рупій, что вмѣстѣ составляетъ около 500,000 р. ассигнаціями! Иногда издержки бывають еще значительнѣе, и доходятъ, говорятъ, до четырехъ и пяти-сотъ тысячъ рупій. Возможность поглощенія подобныхъ суммъ объясняется множествомъ драгоценностей, которыми украшаются молодые и ихъ родственники, безмѣрнымъ числомъ священнодѣйствующихъ брамновъ и пляшущихъ баядерокъ, и продолжительностію шровъ, которые непременно повторяются въ теченіе пяти дней, а иногда не прерываются и цѣлый мѣсяцъ. — При третьемъ способѣ, родители жениха берутъ на себя издержки свадьбы и приданаго, и платятъ, кромѣ-того, выкупъ за невѣсту. Этотъ способъ очень распространенъ между людьми небогатыми, и каждая каста имѣетъ извѣстную таксу на выкупъ, до полученія котораго родители не отдадутъ своей дочери. — Четвертый способъ всего униженнѣе для невѣсты, и къ нему родители прибѣгаютъ лишь изъ нужды. Узнавъ, что дочь ихъ понравилась родителямъ какого-нибудь жениха, они ведутъ ее къ нимъ на домъ, отдаютъ бѣдняжку на ихъ произволъ и просятъ за нее «что-нибудь, ради Браны.»

Впрочемъ, сказать правду, нужда не знаетъ и не можетъ

знать никакихъ законовъ. Бываютъ случаи, когда родная мать, избывая голодной смерти, принуждена продавать дочь свою на развратъ. Послушайте, по этому поводу, краснорѣчиваго разсказа графа Варрена, который былъ очевидцемъ, а могъ-бы быть даже дѣйствующимъ лицомъ при одной изъ этихъ ужасныхъ драмъ, какія пужда порождаетъ въ жилищѣ бѣдности:

« Однажды, это было въ 1835 году, я сидѣлъ въ Белари, на открытой верангѣ (галлерей) моего дома. Небо было лазурно-голубаго цвѣта, воздухъ тепелъ и благообразенъ, а между-тѣмъ, голодъ и эпидемія опустошали землю. Муссонъ замедлилъ явиться и былъ не такъ силенъ: отъ этого урожай не былъ полонъ. Въ странѣ, гдѣ ремесленники и художники живутъ поденщиною, подобное происшествіе есть смертный приговоръ для цѣлой части населенія. Посреди общихъ страданій, полкъ нашъ показалъ себя съ прекрасной стороны: офицеры и простые солдаты всѣми силами старались искупить преступное равнодушіе правительства, значительными пожертвованіями изъ своего жалованья. Но средства наши истощались, а бѣдствіе все болѣе и болѣе увеличивалось. Я сидѣлъ, размышляя о такомъ положеніи дѣлъ; вдругъ, вижу, двѣ женщины показались въ концѣ длинной аллеи изъ розовыхъ и бѣлыхъ лавровъ, пересѣкавшей мой садъ. Послѣ минутной нерѣшимости, онѣ приблизились ко мнѣ, потомъ, за нѣсколько шаговъ отъ того мѣста, гдѣ я сидѣлъ, пали на колѣни, и одна изъ нихъ, приползши ко мнѣ, поцѣловала полу моего платья. Когда она подняла руку, чтобъ отстранить свое покрывало, мнѣ показалось, что я увидѣлъ костлявую руку скелета, и минутой спустя, эта женщина (я никогда не забуду ея), съ впалыми щеками и выкатившимися глазами, предстала предо мною, какъ статуя голодной смерти! « Сажебъ (господинъ)! сказала она мнѣ: я не ѣла уже четыре дня. Вчера я отдала дочери нашу послѣднюю горсть рису! Мой тестъ умеръ сегодня утромъ, и мужъ мой умираетъ! Купите у меня дочь, я отдаю вамъ ее за сто рупій (70 рублей серебромъ): половину изъ этихъ денегъ я отдамъ ростовщику, а на другую могу спасти мужа и прожить еще нѣсколько мѣсяцевъ. Возьмите мою дочь себѣ, какъ рабыню. Она такъ хороша, она васъ вознаградитъ!.. Вы такъ добры, она не будетъ несчастна!... Прошу васъ только не покидать ея, пока вы будете въ Индіи; когда-же уѣдете, пусть будетъ, что угодно Богу и вашему великодушію!... » И бѣдная мать обливалась слезами. Нѣсколько времени я не могъ отвѣчать: такъ сильно это растрогало меня; ей показалось, что я колеблюсь принять ея предложеніе. Тогда, подбѣжавъ къ дочери, она вдругъ открыла ее, сорвавъ съ головы покрывало: « Смотрите, сказала она съ выраженіемъ материнской гордости: не красавица-ли моя дочь и не достойна-ли она какого-нибудь султана? » И дѣйствительно, это была дѣвушка лѣтъ тринадцати, но развитая, какъ двадцатилѣтняя нашихъ сѣверныхъ странъ, съ чудными азіатскими глазами, длинными рѣсницами, золотистою, прозрачною кожею, античнымъ станомъ, волшебными ножками и ручками, которыя дѣлаютъ изъ индійской Венеры очаровательнѣйшее созданіе. Правда, матери было чѣмъ гордиться. Но до какой степени нищеты должно было дойти, чтобъ рѣшиться на подобную крайность! — Мужъ былъ бѣдный ткачъ, который въ лучшіе дни выработывалъ не болѣе, какъ на что могъ доставить дочери новое платье, *комли* (плащъ изъ грубой шерсти) старику-отцу, да, можетъ-быть, купить себѣ новый тюрбанъ въ концѣ года. Голодъ засталъ его невзначай: съ тѣхъ-поръ его заработокъ едва доставало на прокормленіе женщинъ. Отецъ его и онъ самъ — не ѣли уже съ недѣлю. Всякій день они подтягивали свой поясъ и работали, по

обыкновенно, безъ жалобъ. Наконецъ, старикъ умеръ; сынъ лишился уже силъ и тоже умиралъ. Жена его имѣла въ головѣ только одну мысль: спасти его и спасти дочь свою какою-бы то ни было цѣною. Было отъ чего вскружиться голою и покрѣпче моею: эта маленькая гурія была восхитительна! Но я зналъ отца: онъ пережилъ-бы голодъ, для того, чтобъ умереть отъ стыда безчестія. Я далъ сто рупій и отпустилъ красавицу. Признаться-ли съ Катомомъ, что добродѣтель стоитъ намъ иногда сожалѣній?»

Но обратимся опять къ сватовству. Невозможно передать всѣхъ обычаевъ касательно сватовства; всякая мѣстность измѣняетъ ихъ по-своему. Для примѣра, мы сообщимъ здѣсь обряды, наиболѣе-употребительные въ Мадраасскомъ Президентствѣ.

Избравъ мысленно невѣсту для своего сына и узнавъ подъ рукою о расположеніи ея родителей, отецъ и мать жениха совѣтуются съ мѣстнымъ астрологомъ, и по его указанію, назначаютъ день для формальнаго сватовства. Отправляясь изъ дома, они берутъ съ собою кусокъ полотна, кокосовый орѣхъ, пять смоквъ и двѣ баночки съ порошкомъ изъ кинновари и сандала. Дорогой они внимательно наблюдаютъ за всѣми примѣтами. Если черезъ дорогу перебѣжитъ кошка, змѣя, шакалъ, или покажется что-нибудь другое столь-же зловѣщее, они тотчасъ поворачиваютъ назадъ, и сватовство откладывается до другого дня. Добравшись, наконецъ, счастливо до родителей невѣсты, они съ вѣжливостію объясняютъ причину своего посѣщенія. Хозяева, выслушавъ предложеніе, не отвѣчаютъ ни слова, но обращаются лицомъ къ югу, и смотрятъ неподвижно на стѣну. Читателю извѣстно, что въ Индіи по комнатнымъ стѣнамъ безпрестанно перебѣгаютъ маленькія ящерицы, пускаяющія, время-отъ-времени, тихій крикъ. Хозяева выжидаютъ этого крика, и, принимая его за одобреніе боговъ, изъявляютъ свое согласіе на сдѣланное предложеніе. Эта сцена молчанія, въ продолженіе которой хозяева не отводятъ глазъ отъ стѣны, а гости должны сидѣть съ поступленными взорами, продолжается иногда часа два или три. Получивъ согласіе, гости отдаютъ подарки и удаляются домой. Вечеромъ, къ родителямъ жениха собирается семейный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго пурогиты (жреца). Безъ его участія не можетъ обойтись ни одно важное семейное дѣло. Мужчины разсуждаютъ, сидя на коврахъ или на циновкахъ, а женщины «очищаютъ» между-тѣмъ одну изъ комнатъ дома, т. е. натираютъ полъ растворомъ коровьяго кала (средство, предохраняющее отъ наѣдомыхъ), и раскрашиваютъ его сверху красными и бѣлыми полосами. Какъ скоро онъ кончили, въ очищенную комнату приносятъ истуканъ бога Вигуэсуара, совершаютъ пуджу (воззваніе) и ставятъ передъ нимъ

горохъ, сахаръ, кокосовый орѣхъ и сладкій напитокъ, называемый *параманна*. Всѣ присутствующіе воздають ему божескія почести (*памаскара*), и возсылають молитвы объ успѣшномъ совершеніи предположеннаго брака. Особенно-хорошимъ знакомъ считается, если во время этого молебствія маленькая ящерица испуститъ крикъ на южной стѣнѣ комнаты. По окончаніи церемоніи, пурогита назначаетъ день для совершенія обряда вѣнчанія.

Самымъ счастливымъ днемъ для бракосочетанія считается день весенняго равноденствія, 10 марта. Хорошіе мѣсяцы для этого, вообще, мартъ, апрѣль, май и іюнь. Въ случаѣ нужды, можно обвѣнчаться и въ февраль или ноябрь, но въ іюль мѣсяцъ ни одинъ Индусъ не рѣшится жениться, полагая въ этомъ большой грѣхъ, потому что апрѣль, девятый мѣсяцъ послѣ іюля, считается, по астрологическимъ выкладкамъ, самою зловредною эпохою для поворожденныхъ.

Какъ скоро пурогита выбралъ день для совершенія обряда, родители подають гостямъ бетель, и тѣмъ объявляютъ всѣмъ присутствующимъ о своей рѣшимости отдать дочь за присватавшагося жениха. Съ слѣдующаго-же дня начинаются приготовленія. Въ домъ певѣсты стекается множество ремесленниковъ и торговцевъ. Однимъ заказываютъ кольца, браслеты, серьги и тысячи другихъ столько-же необходимыхъ для семейнаго счастья предметовъ; другимъ велятъ шить богатые одежды, у третьихъ покупають посуду, принасы, и т. д. За три дня до вѣнчанія, передъ домомъ выстраиваютъ *пандалъ*, временное зданіе изъ деревянныхъ колоннъ, обтянутыхъ полотномъ. Кровлею служитъ драпировка, а внутренность убрается со всевозможнымъ богатствомъ, по-мѣрѣ состоянія. Въ *пандалъ* переносятъ *пстуканъ Вигуессуара*, совершаютъ ему новыя жертвы, молятъ опять о содѣйствіи и воздвигаютъ передъ нимъ алтарь.

Въ день, назначенный для *вѣнчанія*, съѣзжаются всѣ гости. Молодые, покрытые шолкомъ, парчамъ и золотомъ, сидятъ, молча, другъ подлѣ друга. Родственники и друзья молятся за нихъ, т. е. кричатъ какъ можно громче. Пурогита вызываетъ боговъ, планеты, небесныхъ музыкантовъ и блаженныхъ предковъ, приглашая ихъ присутствовать при церемоніи; потомъ онъ приступаетъ къ молодымъ, связываетъ имъ руки священною травою, и водить ихъ три раза около алтаря. Все это сопровождается гамомъ и крикомъ молящихся. Наконецъ, шумъ нѣсколько утихаетъ, певѣста подходитъ къ алтарю, подноситъ, въ знакъ непорочности, свою руку попеременно то къ огню, то къ освященной водѣ, и остается близъ алтаря. Женихъ долженъ по-

дойдти къ ней семью шагами. Послѣ всякаго шага онъ останавливается и произноситъ молитву; послѣ седьмой молитвы падѣваетъ на невесту золотую или серебряную дощечку (*тали*), составляющую, подобно нашимъ кольцамъ, символъ брачнаго соединенія. Потомъ супруги садятся рядомъ и угощаютъ другъ друга бетелемъ. Въ это время къ нимъ подходятъ двѣ замужнія женщины и благословляютъ ихъ.

Послѣ церемоніи слѣдуютъ свадебные пиры. Тутъ начинается цѣлый рядъ жертвоприношеній, гимновъ, купаній и омовеній, процессій, постыщеній, обѣдовъ, вечернихъ сходовъ съ музыкой и танцами. Индусы, вообще склонные къ разсѣтливости, при этомъ случаѣ перерождаются. Тщеславіе заставляетъ издерживать въ одну недѣлю доходъ нѣсколькихъ лѣтъ. Скупые выкапываютъ спрятанныя деньги. Гостепріимство не знаетъ границъ. Угощаютъ знакомыхъ и полузнакомыхъ, угощаютъ всѣхъ съѣжавшихся жрецовъ и баядерокъ, а многихъ награждаютъ еще и подарками.

По окончаніи свадебныхъ пировъ, молодая возвращается въ родительскій домъ, гдѣ и остается нѣсколько лѣтъ. По наступленіи совершеннолѣтія, начинаются новые пиры, подъ названіемъ окончательной свадьбы. Но и послѣ нихъ, молодая живетъ, попеременно, то въ домѣ родителей, то у мужа. Только послѣ первыхъ родовъ, она дѣлается неразлучною съ «отцомъ своего ребенка».

Если дѣвушка не выдана замужъ въ дѣтствѣ, то при наступленіи совершеннолѣтія тоже выстроивается пандаль, родители ея задаютъ пиры, двери жилищъ украшаются листьями манговаго дерева,—и домъ, снабженный подобною вывѣскою, открытъ всѣмъ искателямъ невесты.

Мы замѣчали, что законы Мену совѣтуютъ имѣть не болѣе одной жены, а веды сулятъ даже рай за соблюденіе моногаміи: но совѣтъ этотъ имѣетъ обязательную силу только для нижнихъ классовъ народа. Судрамъ Мену запрещаетъ имѣть болѣе одной жены, вейзіамъ разрѣшаетъ имѣть двухъ, кшатріямъ — трехъ, браминьамъ—четырехъ. Въ дѣйствительности, вопросъ этотъ рѣшается гораздо-болѣе деньгами, чѣмъ правами или убѣжденіями. Бѣднякъ на-сплу можетъ прокормить одну жену и не думаетъ уже о второй; богачъ, напротивъ, не разбирая правъ касты, подражаетъ мусульманамъ и окружаетъ себя цѣлою геманой (гаремомъ).

Какъ во многомъ другомъ, такъ и въ отношеніи къ браку, посреди пестраго калейдоскопа племенъ, паселяющихъ Инду-

станъ, можно найти мѣстные самыя страшныя несообразности. Приведемъ на-удачу хоть нѣсколько примѣровъ. Туды, живущіе на Пиль-Герри, убиваютъ всѣхъ бѣдныхъ дѣвушекъ; богатые, оставленные въ живыхъ, должны выходить не за одного мужа, а разомъ за всѣхъ родныхъ сыновей одного отца.—Между жителями Гуджерата царствуетъ многомужество по той-же причинѣ. Многіе изъ обитателей провинціи Кутна считаютъ стыдомъ жениться на дѣвушкахъ своего племени, а потому, и отравляютъ опиумомъ, при самомъ рожденіи, «ни къ чему негодныхъ» дѣтей женскаго пола. Желая найти въ женщинѣ не мать дѣтямъ, а работницу и любовницу, они особенно уважаютъ тѣхъ, которыя владѣютъ искусствомъ не рожать дѣтей. Правительство строго преслѣдуетъ подобные обычаи, и къ счастью, въ наше время они становятся все рѣже и рѣже.

РОЖДЕНІЕ И ПЕРВОЕ ДѢТСТВО ИНДУСА. — Приступая къ разсказу объ обрядахъ, соблюдаемыхъ при рожденіи младенца, мы должны предварительно объяснить значеніе названій тѣхъ изъ нихъ, которые, по наставленію не забывающихъ своей выгоды жрецовъ, почитаются необходимыми для всѣхъ вѣрующихъ. Индусы до такой степени ослѣплены толками, къ которымъ прислушались съ младенчества, что придаютъ столько-же святости нелѣпнымъ церемоніямъ своего лжеученія, сколько благочестивые христіане находятъ его въ таинствахъ божественнаго откровенія.

Всѣмъ браминскимъ обрядамъ должно предшествовать мысленное углубленіе въ самого себя, *санг-калпа*. Совѣстливое исполненіе его обезпечиваетъ успѣхъ предпринимаемаго дѣла, а упущеніе превращаетъ священныя обряды въ грѣхъ и святотатство. Вотъ въ чемъ заключается *санг-калпа* священнодѣйствующаго жреца. Онъ долженъ вспомнить: о богахъ Вишну и Брамѣ, объ аватарѣ перваго въ благо вѣпра, о великомъ королѣ Баратѣ, о горѣ Меру, о лунѣ, о звѣздахъ настоящаго дня, и прочемъ, всего о *двѣнадцати* предметахъ.

Всего чаще изъ обрядовъ повторяется, какъ въ пагодахъ, такъ и на дому, церемонія *пуджа*. Всякій браминъ долженъ совершить пуджу по-крайней-мѣрѣ разъ въ день, въ честь домашнихъ пенатовъ и главы ихъ Вигуессуара. Есть большая, средняя и малая пуджа. Первая состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1. *лаваганна*, воззваніе къ божеству; 2. *гасанна*, предложеніе ему съдалиша; 3. *суагала*, когда его привѣтствуютъ и спрашиваютъ, благополучно-ли оно изволило прибыть; 4. *падіа*, приношеніе воды для омовенія ногъ божества и угощеніе его четырнадцатью разными яствами или дарами. Четвертый актъ молитвы всего пріятнѣе жрецамъ, потому что они берутъ на себя комиссію доставить по мѣсту назначенія дары, принесенные богамъ. Потомъ всѣ присутствующіе преклоняются, а усерднѣйшіе падаютъ ницъ предъ истуканчиками пенатовъ. Безъ пуджи не можетъ обойтись ни одинъ религіозный праздникъ, а потому, по весьма-обыкновенному смѣшенію понятій, и самые праздники Индусовъ называются теперь «пуджа».

Для предохраненія кого-нибудь отъ *дурнаго глаза*, дѣвъ замужнія женщины

остягаютъ голову благословляемаго металлическимъ блюдомъ, на которомъ стоитъ лампадка: церемонія эта именуется *аранти*. — Толченый рисъ, окрашенный шафраномъ и киноварью, называется *акшалти*. Иногда онъ освящается молитвою, *маитрамъ*, — иногда же употребляется и въ неосвященномъ видѣ. Первый необходимъ при всякой пуджѣ, и является во многихъ религіозныхъ церемоніяхъ; второй составляетъ принадлежность людей хорошаго тона и служить знакомъ вѣжливости. Приглашая почётное лицо на обѣдъ или на вечеръ, знатный Пидусъ подаетъ ему металлическую чашку съ неосвященной акшалтой. Приглашаемый, къ знакъ согласія, беретъ нѣсколько зеренъ, прижимаетъ ихъ ко лбу и низко кланяется.

Кольцо, называемое *павитрамъ*, отгоняетъ невидимыхъ исполнителей, демоновъ и всякихъ злыхъ духовъ, которыхъ Пидусы расположены видѣть повсюду, и отъ которыхъ они отмаливаются и защищаются тысячами различныхъ амулетовъ. Павитрамъ дѣлается изъ трехъ, пяти или семи стебельковъ травы *дарба*. Передъ начатіемъ молебствія, пурогита надѣваетъ его непременно на средній палецъ правой руки. — Слово *пуни-аватшана* значить «вызываніе благодати»: такъ называютъ церемонію освященія воды.

Мы уже нѣсколько разъ упоминали о жидкости *пентжа-гавіа*, играющей столь важную роль въ очищеніяхъ Пидусовъ. Этимъ словомъ называется смѣшеніе пяти «даровъ» коровы: прѣснаго и кислаго молока, топленого масла, кака и мочи. Набожные Пидусы полагаютъ, что смѣсь эта излѣчаетъ отъ всѣхъ грѣховъ и недуговъ, а потому и употребляютъ ее и наружно и внутренно. За пимвнѣемъ пентжа-гавіа, правовѣрные довольствуются послѣдне-поименованною изъ ея составныхъ частей. Нерѣдко случается видѣть, что кромѣ пастуха за стадомъ коровъ идетъ нѣсколько благочестивыхъ стариковъ и старухъ, съ пустыми сосудами въ рукахъ; счастливъ тотъ, кто опередилъ другихъ и успѣлъ запастись священною жидкостію! Онъ проворно спѣшитъ домой, и утоливъ жажду свою собственную и всего семейства, выливаетъ остатки сокровища себѣ на голову, предпочитая душеспасительную жидкость всякому благовоинному маслу. Когда пентжа-гавію предположено употребить на очищеніе дома или другаго мѣста, священнодѣйствующій жрецъ обращается къ жидкости предварительно съ слѣдующею молитвою (представляемую здѣсь въ точномъ переводѣ): «О богъ *пентжа гавіа*! прости согрѣшенія всѣхъ смертныхъ, которые будутъ приносить тебѣ жертвы и станутъ вкушать тебя. Пентжа-гавіа! ты изомель изъ тѣла коровы, и я обращаюсь къ тебѣ, моля о прощеніи грѣховъ и объ очищеніи, тѣлесномъ и душевномъ, всѣхъ тѣхъ, кто будетъ испивать тебя. Прости и намъ, принесшимъ тебѣ пуджу, всѣ грѣхи, вольные и невольные. Помилуй и спаси насъ!»

Опишемъ самое *очищеніе мѣстъ*. Домашнія женщины разводять водою коровій калъ, и раскладываютъ его, разными узорами, по полу комнаты. Давъ составу время высохнуть, онъ покрываютъ его широкими, бѣлыми и красными полосами, которыя посыпаютъ травою *дарба*. Въ случаяхъ важныхъ, напримѣръ при смерти или рожденіи кого-нибудь, при этихъ обрядахъ присутствуютъ пурогиты, и очищеніе оканчивается употребленіемъ пентжа-гавіа; обыкновенное же очищеніе производится безъ жреца. Въ «порядочномъ» домѣ полъ натирается каждый день коровьимъ каломъ, какъ у насъ паркетъ воскомъ. Если же хозяинъ не велитъ натереть пола передъ званымъ обѣдомъ или вечеринкою, это крайне оскорбитъ всѣхъ гостей: они увидятъ въ этомъ явное неуваженіе къ ихъ особамъ. Даже Европейцы, имѣющіе частыя дѣловые сношенія съ Пидусами и дорожащіе посѣщеніемъ ихъ, должны придерживаться, относительно пріемной комнаты, этого отвратительнаго этикета.

Теперь посмотримъ на обряды при рожденіи младенца. Для примѣра, возьмемъ рожденіе брамина, съ которымъ сопряжено наиболѣе церемоній.

Отецъ долженъ присутствовать при родахъ своей жены (*брамади*) и съ величайшею точностію записать число, день, часъ и минуту появленія поворожденнаго на свѣтъ. Люди съ состояніемъ тотчасъ посылаютъ за ученымъ астрологомъ, который, за приличное вознагражденіе, составляетъ гороскопъ поворожденнаго; мы не приводимъ образчика этихъ гороскоповъ, потому что они наполнены чуждыми намъ индійскими названіями созвѣздій, съ обозначеніемъ ихъ расположенія на небѣ. Всѣ они кончаются словами: «слѣдовательно, поворожденный будетъ счастливъ и проживетъ весьма долго.» Гороскопъ записывается на пальмовыхъ листкахъ и свято хранится въ семействѣ. Онъ составляетъ въ Индіи документъ, и передъ судомъ имѣетъ силу нашего метрическаго свидѣтельства о рожденіи. Подробный гороскопъ, съ предсказаніемъ происшествій всѣхъ дней отъ рожденія до самой смерти, стоитъ около 250 руб. сереб.

Въ продолженіе десяти дней, домъ, гдѣ были роды, считается оскверненнымъ, и обитатели его не имѣютъ права выходить изъ него, для какихъ-бы то ни было дѣлъ. На одиннадцатый день, весь домъ очищается выше-описаннымъ способомъ. Родильница, держа поворожденнаго въ рукахъ, садится на земляную скамейку, сложенную посреди внутренняго двора и осыпленную полотнянымъ павѣсомъ. Возлѣ нея усаживается мужъ. Къ нимъ подходитъ пурогита съ потушенными взорами, совершаетъ *санъ-калпу*, потомъ обращается къ Вигуессуару и приветствуетъ его *пуджею*, наконецъ произноситъ *пунія-аватиану* надъ сосудомъ воды. Священная вода подается сперва родильницѣ и мужу ея; хозяева черпаютъ ее рукою, выпиваютъ нѣсколько капель и льютъ себѣ на голову; потомъ жрецъ кропитъ водою всѣхъ присутствующихъ, весь домъ, а остатокъ выливаетъ въ колодезь. Вся эта церемонія называется *джата-карма*. Она вполне очищаетъ домъ и всѣхъ живущихъ въ немъ, кромѣ родильницы, которая очищается вторично черезъ четыре недѣли, до истеченія которыхъ обязана удалиться въ особую комнату.

Въ двѣнадцатый день послѣ рожденія, ребенку дается имя: это называется *нама-карпа*. Всѣ родственники и приглашенные гости совершаютъ очистительное омовеніе въ нагодномъ прудѣ. Съ купанья они являютъ въ домъ и приносятъ сперва жертву огню, *хомамъ*, въ честь девяти планетъ. Потомъ отецъ беретъ ребенка на руки, садится на земляную скамейку и дѣлаетъ

санъ-калпу. Подлѣ него стоитъ блюдо съ рисомъ. Взявъ въ правую руку золотое кольцо, онъ чертитъ, молча, указательнымъ перстомъ по рису день, часъ и минуту рожденія, равно и имя, которое предположено дать младенцу; потомъ произноситъ его три раза, и съ этой минуты поворожденный получаетъ имя, вписываемое въ его гороскопъ. Слѣдуютъ, разумѣется, подножаніе бетелемъ, дары жрецамъ и роднымъ и щедрое угощеніе. Мать не имѣетъ права присутствовать при этомъ обрядѣ.

Когда ребенку исполнится шесть мѣсяцевъ, его отнимаютъ отъ груди и кормятъ въ первый разъ рисомъ. Это служить новымъ поводомъ ко множеству обрядовъ и новыхъ даровъ. Опять являются и астрологи, и пурогиты, и родственники, — выстраиваютъ особенный падалъ, дѣлаютъ пуджи, санъ-калпы, и послѣ перваго пріема акшалты и множества аратти, на шестимѣсячнаго младенца надѣваютъ торжественно *лангути*. Вся эта церемонія называется *арма-парассана*.

По достиженіи двухъ или трехъ-лѣтняго возраста, первое обрѣтіе ребенка, *тиахуала*, снова даетъ поводъ къ безконечнымъ церемоніямъ. На голову оставляютъ только небольшой клочекъ волосъ (*кудули*, священный чубъ), «за который, послѣ кончины, ангелъ смерти увлекаетъ блаженнаго въ назначенный ему богомъ Ямою рай.» — Таковы первые шаги Индуса въ жизни, сопровождаемые вездѣ и всегда обрядами и дарами. Перейдемъ чрезъ все его существованіе и взглянемъ, какъ онъ встрѣчаетъ приближающуюся смерть.

СМЕРТЬ ИНДУСА, ПОСМЕРТНЫЕ ОБРЯДЫ И ПОНЯТІЯ О ЗАГРОВНОЙ ЖИЗНИ. — Участь мертваго тѣла въ Индустанѣ зависитъ отъ секты, касты и благосостоянія умершаго. Шиванты, почитающіе огонь столь-священнымъ, что его не должно осквернять трупами, хоронятъ тѣла или бросаютъ ихъ въ рѣки. Между *вишнуитами*, люди богатые и высшихъ кастъ жгутъ мертвыя тѣла, а бѣдняки зарываютъ ихъ въ землю. Мертвому тѣлу *мірянина* на костръ даютъ положеніе лежащее, тѣлу монаха—сидячее. Замѣтимъ здѣсь, что джаннисты придерживаются такихъ-же обрядовъ, какъ и буддисты (о которыхъ уже было сказано); какъ тѣ, такъ и другіе дѣлаютъ отступленіе отъ общепринятаго обычая для очень-важныхъ особъ и бальзампруютъ тѣла ихъ. Но подойдемъ къ одру умирающаго браманта.

Какъ скоро у больнаго или стараго браманта покажутся признаки предсмертной агоніи, родственники посылаютъ тотчасъ за жрецомъ, а сами между-тѣмъ приготавливаютъ приличное мѣсто для умиранія. Это приготовленіе состоитъ въ томъ, что подъ

открытымъ небомъ, обыкновенно посреди внутренняго двора, выбирается мѣсто въ квадратную сажень, устилается коровьимъ каломъ и посыпается травою *дарба*. Очищенное и освященное такимъ-образомъ мѣсто покрывается новымъ полотномъ, и умирающій переносится на него. Если-же, къ несчастію, правовѣрный умретъ на цыновкѣ, диванѣ или кровати, то душа покойника осуждена носить повсюду съ собою тяжелое бремя того неосвященного предмета, на которомъ тѣло испустило послѣднее дыханіе. Другой кусокъ чистаго полотна туго обвязывается около стана умирающаго. Между-тѣмъ, является жрецъ. Онъ и главный распорядитель похоронъ, т. е. ближайшій родственникъ, если можно — родной сынъ умирающаго, подходятъ къ одру и начинаютъ церемонію очищенія, *сарва-прашиита*. Женщины подносятъ два металлическія блюда: на одномъ золотыя, серебряныя и мѣдныя монеты; на другомъ акшата, сапдалъ и пентжа-гавія. Жрецъ беретъ ложечкою нѣсколько капель послѣдней жидкости и впускаетъ ее въ ротъ умирающаго. Потомъ всѣ присутствующіе упрощаютъ умирающаго произнести словесно или хотя мысленно нѣсколько предсмертныхъ *маитрамовъ* (молитвъ). По окончаніи *сарва-прашииты*, къ очищенному отъ грѣховъ умирающему подводятъ корову съ теленкомъ. Корову обернута полотномъ, на шеѣ у ней гирлянда, рога покрыты блестящими кольцами изъ золота или мѣди. Умирающій беретъ ее за хвостъ, а пурогита бормочетъ между-тѣмъ молитвы. Потомъ умирающій даритъ эту корову главному жрецу, что называется *гои-дана*, а помощникамъ его достаются монеты, лежащія на блюдѣ, цѣнность которыхъ должна равняться цѣнѣ коровы. Вотъ для чего необходимъ этотъ даръ: царство *Ямы*, передъ которымъ должна предстать на судъ душа каждаго покойника, окружено девять разъ огненною рѣкою. Душа правовѣрнаго, исполнившаго *гои-дана*, находитъ на берегу пылающей рѣки безсмертную корову съ скотнаго двора самого *Ямы*, ухватясь за хвостъ которой, она переплываетъ невредимо чрезъ потоки огня; но душа человѣка, упустившаго принести пурогитъ въ даръ земную корову, должна вѣчно скитаться около заколдованныхъ береговъ, — и такимъ-образомъ, лишается наслажденій рая, который, быть-можетъ, готовился ей за цѣлую жизнь благочестія и религіозной строгости, или-же должна броситься безъ защиты въ страшныя волны кипящей смолы и высоко-пылающаго огня.

Обезпечивъ этими дарами прибытіе души къ престолу *Ямы* наследники должны приготовить десять другихъ даровъ, *дасса-дана*, которые раздаются жрецамъ при самыхъ похоронахъ. Чѣмъ

богаче эти дары, тѣмъ спсходительнѣе будетъ судъ Ямы, тѣмъ вѣроятнѣе загробное блаженство улетѣвшей души. Съ приближеніемъ послѣдней минуты, умирающаго покрываютъ листьями базилика. Послѣдней попыткой къ спасенію, когда уже отказались всѣ врачи, почитается перенесеніе умирающаго, если позволяеть разстояніе къ берегамъ священной рѣки, если такая есть близость, и преимущественно, къ берегамъ Ганга. Умирающій, увидѣвъ священныя волны, спокойно выпускаетъ духъ, твердо-убѣжденный, что онъ прямо переходитъ въ царствіе небесное. Тѣ-же, надъ которыми совершили всѣ предсмертныя обряды и которые остались живыми послѣ погруженія въ Гангъ, обыкновенно отрекаются отъ всего, что имъ было дорого, отъ семейства, богатства и связей, удаляются въ пустыню или монастырь, и посвящаютъ себя размышленіямъ о суетѣ міра сего, о величій и благодати боговъ и блаженствѣ окружающихъ ихъ ангеловъ и душъ. Около Ганга есть даже цѣлая деревня, населенная, какъ говорятъ, людьми «богоспасенными» и ихъ потомками.

Только-что умирающій успѣетъ испустить духъ, всѣ присутствующіе обязаны начать громкія жалобы. Все кругомъ плачетъ и голоситъ. Повалившись вдоволь по полу и порвавъ свою одежду, главный наслѣдникъ, не раздѣваясь, отирается въ купальню. Цырюльникъ брѣетъ ему голову, усы и бороду. Второе купаніе смываетъ оскверненіе, нанесенное прикосновеніемъ нечистаго цырюльника. При возвращеніи, наслѣднику подають пентжа-гавію, кунжутнаго масла, травы дарба, риса и нѣсколько приностей. Онъ надѣваетъ навитрамъ, дѣлаетъ санъ-калпу (замѣтьте, что наслѣдникъ бываетъ часто крошечный ребенокъ), потомъ совершаетъ жертву хомамъ, и молится о спасеніи души умершаго. Вслѣдъ за этимъ, моютъ тѣло покойника и сбрасываютъ съ него всѣ волосы, кромѣ священнаго чуба. Послѣ второго омовенія, тѣло облачаютъ въ самыя дорогія одежды, надѣваютъ на него разныя драгоценности, на шею навѣшиваютъ гирлянды, на лобъ кладутъ сапдалъ и акшалту, а ротъ наполняютъ бетелемъ. Въ такомъ видѣ тѣло кладутъ на парадный катафалкъ и оставляютъ его тамъ, пока не кончатся всѣ приготовления къ похоронамъ. Когда все готово, наслѣдникъ приносить саванъ, отъ котораго отрываетъ длинную узкую полосу, необходимую для разныхъ посмертныхъ обрядовъ, а въ самый саванъ завертываютъ трупъ, связавъ предварительно одинъ съ другимъ большіе пальцы рукъ и ногъ. Если покойникъ былъ женатъ, его лицо остается непокрытымъ; въ Декавъ его даже выкрашиваютъ киноварью.

Наконецъ, главный наслѣдникъ, онъ-же и распорядитель похороны, даетъ знакъ, и похоронная процессія начинается. Тѣло кладутъ на носилки. Главный наслѣдникъ беретъ въ руки глиняный сосудъ съ огнемъ, и открываетъ шествіе. За нимъ несутъ покойника, покрытаго зеленью, цвѣтами и окруженнаго толпою родственниковъ и гостей. Всѣ присутствующіе безъ тюрбановъ, и въ знакъ траура накидываютъ на голову одно бѣлое покрывало. Процессія сопровождается въ нѣкоторыхъ провинціяхъ музыкой; нѣкоторыя касты имѣютъ свои похоронныя пѣнны и даже пляски. Женщины остаются въ домѣ покойника, и должны тамъ быть и голосить до окончанія церемоніи. Дорогой шествіе останавливается три раза. Всякій разъ покойнику щиплютъ носъ, жмутъ крѣпко животъ, брызжутъ водою въ лицо, трубятъ надъ ухомъ: все для того, чтобы увѣриться, что онъ не въ обморокъ, а точно умеръ. Потомъ ему отворяютъ ротъ, всовываютъ туда рисъ, и затѣмъ продолжаютъ шествіе.

Пришедши на мѣсто сожженія тѣла, если нѣтъ въблизи священной рѣки, роютъ неглубокую яму, кропятъ ее священою водою, и потомъ складываютъ костеръ, вышиною не болѣе четырехъ или пяти футовъ, если покойникъ лицо не важное; для знатныхъ особъ костеръ возводятъ иногда до огромныхъ размѣровъ. Тѣло кладутъ на костеръ; родственники снимаютъ съ него все, одежду, украшенія, даже саванъ. Главный наслѣдникъ кладетъ ему на животъ обгорѣлое полѣно, совершаетъ хомамъ, и потомъ приступаетъ къ самой отвратительной церемоніи. Онъ наклоняется поочередно ко свѣмъ отверзтіямъ тѣла покойника, рту, ушамъ носу и т. д., произноситъ надъ каждымъ особенный мантрамъ, лобызаетъ его и заливаетъ растопленнымъ масломъ. Въ заключеніе, онъ кладетъ въ ротъ мертвеца золотую монету, а гости—вареный и сырой рисъ. Тѣло покрываютъ сухими дровами и хворостомъ. Наслѣдникъ обходитъ три раза около костра, держа на плечъ легкій глиняный сосудъ съ водою, который потомъ разбиваетъ надъ головою покойника. Разбитіе кувшина и актъ зажженія костра составляютъ юридическія доказательства на право наслѣдованія, и на нихъ можно ссылаться въ случаѣ тяжбы. Наслѣднику подаютъ факель, но онъ отказывается отъ него, начинаетъ выть, кричать, бить себя въ грудь и валяться по землѣ. Всѣ присутствующіе тоже плачутъ или воютъ, и въ знакъ особеннаго огорченія крѣпко обнимаются. Наконецъ, наслѣдникъ беретъ факель и зажигаетъ костеръ съ четырехъ угловъ. Вслѣдъ за-тѣмъ, онъ отправляется немедленно со всѣми присутствующими къ ближайшей рѣкѣ или пруду, гдѣ

все общество совершаетъ *омовеніе смерти*, «чтобы дать прохладу горящему тѣлу,» и садится въ мокрыхъ одеждахъ на берегу воды, устремивъ взоры на костеръ. Несгорѣвшія кости хоронятъ въ яму, или бросаютъ въ священную рѣку; потомъ жрецамъ раздаютъ *дасса-дана*, остальнымъ гостямъ подаютъ мелкія монеты и бетель; всѣ присутствовавшіе провожаютъ наследника до порога его дома, не входя однако туда, чтобъ не оскверниться; имъ на улицѣ умываютъ ноги, и всѣ расходятся по домамъ.

Воротившись домой, наследникъ отводитъ особенную комнату для *припамъ*, души покойника, и ставитъ въ ней сосудъ съ водою, отъ котораго проведена до потолка проволока. Подлѣ сосуда кладутъ каждое утро пригоріишу риса. Въ продолженіе десяти дней, которые душа осуждена скитаться въ видѣ демона, она будетъ спускаться по проволоку и питаться рисомъ съ водою, а потомъ уже отлетитъ къ судилищу Ямы. Только поставивъ это блюдо для умершаго (въ сѣверозападныхъ областяхъ оно называется *хотіэ*), живые обитатели дома, неѣвшіе ничего съ самой минуты кончины покойника, имѣютъ право подумать и о своемъ желудкѣ.

Памятники Индусы воздвигаютъ не всѣмъ мертвымъ, а только надъ гробами важныхъ особъ, героевъ, павшихъ въ сраженіи, *балдерокъ* и *вдовъ*, рѣшившихся на самоубійство въ честь своихъ мужей. О формѣ этихъ памятниковъ мы говорили выше; иногда, однако, они состоятъ только изъ кубического камня съ простою надписью. Въ Гуджератъ ставятъ памятникъ всякому человеку, умершему насильственной смертію, образъ которой символически изображается на самомъ камнѣ, фигурою коня, стрѣлы, лошади, и т. п.

Похоронныя шествія служатъ иногда поводомъ къ огромнѣйшимъ издержкамъ. Такъ, въ одной изъ калькутскихъ газетъ было сообщено, въ іюнѣ 1824 года, что какой-то индійскій наследникъ издержалъ на похороны своего отца, не считая даровъ, сдѣланныхъ жрецамъ и главнымъ брамнамъ, баснословную сумму пять-сотъ тысячъ рупій, что составляетъ слишкомъ 1,200,000 р. асс.

Трауръ послѣ брамны продолжается годъ. Первые тринадцать дней послѣ похоронъ до-того наполнены обрядами, что наследникъ и домочадцы его заняты ими съ утра до вечера. Цѣль всѣхъ этихъ церемоній, какъ объясняютъ ежедневно угощаемые и даримые брамны, двойная: первая, чтобы покойникъ не страдалъ голодомъ, жаждою и не оставался безъ крова, — а

второй, ускорить освобождение души от труда и возрождение ее в новомъ, прекраснѣйшемъ тѣлѣ. Невозможно вообразить себѣ, какую безсмысленную, грязную, унижительную форму приняли эти обряды. Даже пересказывать ихъ возмутительно (*)... Кроме первыхъ тринадцати дней, въ теченіе траурнаго года, еще четырнадцать другихъ дней назначены на поминки. Въ эти дни совершаются богослуженія, священныя мистеріи, приносятъ жертвы, а главное, щедро дарятъ и угощаютъ браминовъ. Законъ даже опредѣляетъ, сколько, по-меньшей-мѣрѣ, надо позвать жрецовъ, сколько дать каждому изъ нихъ. Молитва одного не значила-бы ничего; должно пригласить трое, восьмерыхъ, 18, даже 45 жрецовъ, накормить, напоить эти бочки Даяндъ, наполнить ихъ дарами, — и тогда только пѣжная совѣсть сына можетъ быть спокойна на-счетъ участи родителя, и то лишь до ближайшаго срока. Кто пропуститъ хоть одинъ изъ этихъ сроковъ, тотъ скоро отомлится отъ гнѣва боговъ, развѣ догадается откупиться тройными или шестерными дарами жрецамъ. По истеченіи траура, Индусъ долженъ ежегодно поминать отца, и мать, т. е. не забывать кармапа жрецовъ въ день смерти и рожденія родителей; благочестивые-же Индусы приносятъ жертвы за покойниковъ при рожденіи каждой новой луны.

Разумѣется, само-собою, что весь этотъ церемоніаль относится только къ людямъ порядочнымъ, съ состояніемъ. О душѣ бѣдняка не вспомнить ни одинъ пурогита и не будетъ тревожить родственниковъ напоминаніями о срочныхъ поминкахъ. Для простолюдина пѣтъ ни мантрамовъ, ни жертвъ, ни костра. Надъ нимъ совершается только обрядъ прашисты; потомъ его зарывають и забываютъ. Трауръ продолжается не долѣе трехъ дней.

Остается сказать о мнѣніяхъ Индусовъ касательно будущей жизни. Извѣстно, что ученіе о переселеніи душъ служитъ основой ихъ вѣрованій; но постепенныя переселенія отнюдь не составляютъ необходимой цѣпи разныхъ существованій, вѣчно и безъ конца обновляющихся, а служатъ только способомъ исправленія и очищенія, — средствами, ступенями для достиженія вѣчнаго блаженства, заключающагося въ окончательномъ перемѣщеніи въ одинъ изъ раевъ, доступныхъ душамъ смертныхъ. Люди, угодившіе богамъ, могутъ миновать эти испытанія, и поступаютъ, за отпущеніе, прямо въ рай, соответствующій ихъ заслугамъ. Грѣшники-же не тотчасъ допускаются къ очищенію

(*) Очень-подробное описаніе ихъ любопытные читатели могутъ найти въ сочиненіи Пакье: Précis de l'histoire de l'Hindoustan.

посредствомъ метемпсихоза; души ихъ облакаются въ новую форму не непосредственно, а проводятъ, по приговору Ямы, между разными тѣлесными существованіями, огромные промежутки времени, цѣлыя тысячелѣтія, въ томъ изъ адовъ, который соотвѣтствуетъ ихъ грѣхамъ. Правда, Браманизмъ не допускаетъ *вѣчныхъ* мученій въ аду, но это дѣлается не изъ любви къ человечеству, не изъ уваженія къ божеству, а изъ разсчета. Жрецы весьма хорошо поняли, что, допустивъ вѣчность наказаній, сами они стали-бы лицами совершенно-лишними. Гораздо выгоднѣе объявить наказанія временными, зависящими отъ рѣшенія боговъ, а себя выказать посредниками, заступничество которыхъ можетъ пригодиться для сокращенія сроковъ. Падѣ умирающимъ виситъ мечъ: это неизвѣстность участи, ожидающей его за гробомъ. Взгляните на двѣ крайности, которыя представляются его воображенію:

Дороги, ведущія добродѣтельныхъ ко дворцу Ямы, широки, гладки и просторны. Со всѣхъ сторонъ встрѣчаются хоры музыкантовъ и толпы танцовщицъ; повсюду раздаются гимны вѣжныхъ боговъ, *гандарвъ*, въ честь и хвалу боговъ высшихъ; повсюду видны гостепріимныя шультри, окруженныя столѣтними деревьями и свѣтлыми прудами, покрытыми лотосомъ; добрые духи услуживаютъ путникамъ, купаютъ ихъ и сладкими мелодіями разнообразить сны засыпающихъ. Путники встрѣчаютъ нерѣдко боговъ, развѣзжающихъ на лошадахъ, въ паланкинахъ, на слонахъ или въ великолѣпныхъ колесницахъ, везомыхъ быками; боговъ окружаютъ рабы, вооруженные бѣлыми зонтиками и огромными вѣерами. Наконецъ, путникъ достигаетъ до бѣлаго, какъ свѣтъ, престола изъ слоновой кости, на которомъ сидитъ и судитъ Яма. Высшій судья приветствуетъ его ласково и съ улыбкой, и назначаетъ, въ какой рай отослать душу. Всѣ предстоящіе ликуютъ, и душа радостно возносится въ обитель вѣчнаго блаженства.

Извѣстно, что, по мифологіи Индусовъ, небо дѣлится на семь этажей, и что во всякомъ изъ нихъ находится по одному главному раю, независимо отъ частныхъ раевъ разныхъ божествъ. Индусы, утвердившіе столь-строгую правящую іерархію въ своемъ земномъ обществѣ, не могли не перенести этихъ понятій и въ небо. Каждой степени добродѣтели и заслуги соотвѣтствуетъ особенный этажъ неба, въ которомъ опять множество мельчайшихъ подраздѣленій. Вотъ главные черты значенія этихъ семи раевъ:

Въ Бобур-Логѣ находятся солнце, луна и всѣ звѣзды.

Суарга назначенъ для тѣхъ, которые добрыми дѣлами своими заслужили не мучиться долѣе на землѣ.

Магур-Логъ опредѣленъ въ удѣлъ людямъ, достигшимъ посредствомъ многихъ молитвъ до значительной степени святости.

Тишанег-Логъ опредѣленъ для душъ *чрезвычайно*-побожныхъ людей.

Туппе-Логъ— жилище умершихъ въ состояніи *саніасси* и мучениковъ за вѣру.

Сумти-Логъ, рай собственно Брамъ, который принимаетъ туда людей никогда не гнавшихъ, вдовъ, добровольно умеревшихъ на кострѣ послѣ мужа, и кромѣ-того, своихъ любимцевъ.

Девта-Логъ, седьмое небо, есть жилище самихъ боговъ.

Взглянемъ на оборотъ картины:

Злые должны влачиться къ грозному Ямъ по мрачнымъ ущельямъ, поросшимъ колючими травами и кустами: раскаленный песокъ жжетъ ихъ окровавленный поги; два суровые служителя Ямы не даютъ имъ отдохнуть ни на мигъ; покрытые потомъ, кровью и грязью, несчастные изнемогаютъ отъ жажды и усталости; на нихъ сыплются горячая зола и раскаленные уголья. Страшные призраки пугаютъ ихъ и наполняютъ воздухъ зловещими криками. Наконецъ, трепетная душа падаетъ къ ногамъ грознаго судьи. Яма принимаетъ самый страшный видъ. Онъ встаетъ и вырастаетъ въ длину на 320,000 нашихъ верстъ; глаза его подобны огромнымъ морямъ изъ крови; вокругъ него разлетаются молніи; голосъ его подобенъ грому въ день разрушенія вселенной; все его тѣло покрыто волосами, и всякій волосъ подобенъ пальмовому дереву. Онъ дышитъ огнемъ и съ шумомъ, подобнымъ морскому урагану. — Подлѣ судьи стоитъ его страшный секретарь *Гитра-Гупта*. — Яма устремляетъ взоръ на новоприбывшаго и говорить ему: «Ты зналъ, что я награждаю добродѣтель и караю пороки? Ты зналъ это; и ты грѣшилъ! Ты слѣдовалъ преступнымъ страстямъ: ступай-же теперь въ адъ и терпи тамъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, наказанія и муки за твои преступленія! Теперь поздно плакать, ступай!» Если приговоренный сознается въ своихъ грѣхахъ, его отдаютъ злымъ духамъ, и они тотчасъ увлекаютъ его въ назначенный адъ. Если-же онъ попроситъ доказательствъ, *Гитра-Гупта* раскрываетъ страницу подсудимаго въ книгѣ суда, гдѣ записанъ каждый день его, каждый поступокъ, добро и зло уже сочтены, и итогъ подведенъ. Въ подтвержденіе достовѣрности показаній, являются, какъ свидѣтели, небесныя стражи: *Сурія*, *Хандра*, *Павана*, *Ангни* и *Варуна*, то-есть, солнце, луна, вѣтеръ и боги огня и воды. Пристыженный грѣшникъ умолкаетъ, его схватываютъ и съ хохотомъ проклятій ввергаютъ въ опредѣленный адъ.

Понятно, что дѣлается въ душѣ умирающаго, когда онъ представитъ себѣ двѣ столь-противоположныя картины; онъ, во что-бы то ни стало, хочетъ попасть въ первый разрядъ, въ разрядъ людей, отсылаемыхъ въ рай. Кажется, объ этомъ слѣдовало-бы вспомнить прежде; кажется, придавая вѣру справедливости возмездія за гробомъ, слѣдовало-бы жить честно; но Индусъ разсуждаетъ совсѣмъ иначе. По его мнѣнію, жить — значитъ жить для себя, т. е. думать только о своей выгодѣ, — а придется умирать, онъ пошлетъ за пурогитой, исполнитъ обряды, предлагаемые закономъ, заплатитъ всѣмъ, — притомъ у него остается сынъ, который будетъ почитать отца и приносить за него жертвы. — Вотъ какъ въ Индіи ученіе о возмездіи за гробомъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать благотворно на нравственность, подкормило ее окончательно, и послужило, вмѣстѣ съ излишнею важностію, приписываемою исполненію вѣншихъ обрядовъ, основаніемъ деморализаціи цѣлаго народа въ пользу одного сословія. Индусу печего хлопотать о честномъ имени и доброй славѣ; у богатаго только двѣ заботы въ жизни: оставить послѣ себя роднаго или усыновленнаго сына, и быть въ дружбѣ съ пурогитами; бѣдный тоже оставляетъ сына, а за немѣнѣемъ

денегъ для жрецовъ, помучится добровольно, погрузится въ Гангъ, и его дѣло также въ шляпѣ. Хотите примѣръ, какъ сильно дѣйствуютъ религіозныя угрозы на нравственность индійскаго народа? Этихъ примѣровъ тысячи, но мы приведемъ только одинъ. За безусловную правдивость Брами награждаетъ достойныхъ своимъ собственнымъ, шестымъ раемъ; за ложное свидѣтельство въ судѣ, напротивъ, наказывается мученіями ада не только самъ свидѣтель, но и потомство его до четырнадцатаго колѣна включительно. Несмотря на то, почти каждый бѣдный Пидусъ присягнетъ въ чемъ вамъ угодно за умѣренную плату, именно за одинъ фанонъ, что, на наши деньги, составляетъ около восьми копѣекъ серебромъ.

СУТТИ И САМОУБИЙСТВА. — Конечно, всѣ читатели слышали объ индійскомъ обычаѣ самосожженія вдовъ. Разказы о немъ слышались повсюду, и мы постараемся только соединить здѣсь нѣсколько данныхъ, чтобы дать хотя отдаленное понятіе о статистикѣ этихъ мрачныхъ драмъ, порожденныхъ невѣжествомъ, фанатизмомъ и отчасти нуждой. — Въ прежнее время, въ Европѣ полагали, что въ Индіи сжигается почти всякая вдова, — что смерть жены — одна изъ необходимыхъ принадлежностей похоронъ мужа. Публицисты всѣхъ государствъ, особенно Англіи, возстали противъ этого возмутительнаго обычая и начали требовать его уничтоженія. Еще въ прошломъ столѣтіи, англійское правительство въ Индустанѣ ограничило право самосожженія, вѣнчивъ каждой вдовѣ въ обязанность — объявить о своемъ намѣреніи мѣстному начальнику, который допрашивалъ ее, добровольно-ли она рѣшается на смерть, и отправлялъ на мѣсто сожженія депутата изъ Европейцевъ, поручая ему остановить церемонію, въ случаѣ, когда вдова колеблется въ своей рѣшимости и обратится къ нему съ просьбою о защитѣ. Но присутствіе депутатовъ ни сколько не могло соответствовать своей цѣли; вдовы почти никогда не обращались къ нимъ. Находясь еще въ памяти, онѣ дѣйствовали подъ вліяніемъ фанатизма, сулившаго имъ шестой рай, — рай самого Брами; если даже сердце ихъ сжималось на мигъ, онѣ заглушали голосъ природы, зная, что, за отреченіе отъ мученической смерти, ихъ ждетъ изгнаніе изъ касты, всеобщее презрѣніе и проклятіе; что гнѣвъ неба за такое преступленіе разразится не только на нихъ, но и на семью, на касту, на цѣлую область, и обнаружится всеобщимъ голодомъ, войной или чумой. Притомъ, несчастную вдову окружали цѣлыя толпы жрецовъ, и не допускали до нея никого, кто могъ-бы близостію своею осквернить священную жертву. Роль беспиль-

наго депутата становилась еще возмутительнѣе, когда несчастныя, побѣжденные физическимъ страданіемъ, вырывались изъ костра и прибѣгали къ ихъ власти. Депутаты не могли помочь имъ, и народъ убивалъ при немъ безпомощныхъ женщинъ. Въ 1829 году, генералъ-губернаторъ Ост-Индіи, Бентинкъ, безусловно запретилъ наконецъ сожженіе вдовъ; обрадованные филантропы объявили объ этомъ всему свѣту; всякій вздохнулъ свободнѣе, но докучливые журналисты тридцатыхъ годовъ стали опять сообщать извѣстіе за извѣстіемъ о *сутти*, и мы, поневолю, убѣдились, что самосожженіе въ Индустанъ прекращено только въ собраніи законовъ, а на дѣлѣ еще существуетъ.

Когда и къмъ установлено сожженіе вдовъ, неизвѣстно. Въ ведахъ и законахъ Мену мы не находимъ ни малѣйшаго слѣда этого обычая, но уже Дюдоръ (*), руководствуясь разсказами, принесенными въ Грецію арміею Александра Македонскаго, описываетъ его со всѣми донынѣ существующими подробностями, и мы видимъ, что этотъ обычай былъ въ силѣ еще за три столѣтія до Рождества Христова.

Шивантамъ, буддистамъ и джайнистамъ обыкновеніе это не извѣстно. Между вишнунтами, честь самосожженія предоставлена только вдовамъ первыхъ трехъ кастъ, а жена судры не удостоивается счастья заслужить такимъ самопожертвованіемъ шестой рай. Беременной женщинѣ тоже запрещено всходить на костеръ, не изъ сожалѣнія къ невинному младенцу, но «чтобы не осквернить священнаго пламени.»

Способы сожженія въ разныхъ провинціяхъ не одинаковы. Въ Бенгаліи вдову крѣпко привязываютъ къ трупу мужа, вкладываютъ обоихъ въ бамбуковый шатеръ, находящійся на кострѣ и наполненный смолою, селитрою и другими горючими веществами, и потомъ, притворивъ спаружу отверстіе шатра, зажигаютъ дрова. Въ области Ориссъ вдова бросается сама на пылающій костеръ, разложенный въ глубокой ямѣ, изъ которой нѣтъ выхода, и несчастную тотчасъ покрываютъ хворостомъ, соломою и тростникомъ. Въ Деканѣ она медленно восходитъ

(*) Онъ говоритъ, между прочимъ, о происхожденіи этого обычая слѣдующее: «Въ древнія времена, многія Индіянки влюблялись въ весьма-молодыхъ лѣтахъ. Отъ этого часто происходило, что, жалѣя о сдѣланномъ выборѣ и желая вступить въ новый бракъ, жены отравляли своихъ мужей. Въслѣдствіе чего, и выданъ былъ законъ, чтобъ вдовы (за исключеніемъ оставшихся беременными) были сжигаемы вмѣстѣ съ умершими мужьями. Вдова, нехотѣвшая подвергнуться этому закону, не могла болѣе выходить замужъ, и какъ безбожница, не допускалась ни къ жертвоприношеніямъ и ни къ чему освященному.»

на костеръ, садится и кладетъ голову покойника себѣ на колѣна. Въ провинціи Аллахабадъ, близъ Бенареса, вдова можетъ обойтись и безъ мужняго трупа. Если супругъ умеръ вдали отъ нея, она идетъ на костеръ, держа въ рукахъ какой-нибудь предметъ, принадлежавшій покойнику: одежду, туфлю, посохъ, или другую бездѣлку. Въ Гуджератъ жертву поятъ опиумомъ и кладутъ на костеръ рядомъ съ трупомъ.

Обычай самосожженія не повсемѣстенъ въ Индіи. Въ Деканѣ, напримѣръ, онъ встрѣчается рѣдко; къ югу отъ рѣки Кистны, въ Карнатикѣ, никогда. Въ пространномъ Бомбейскомъ Президентствѣ въ годъ бываетъ не болѣе тридцати самосожженій; но собственно въ Индустанѣ, особенно въ Бенгаліи и Аллахабадѣ, всего болѣе бываетъ *сутти*. Есть мѣстности, гдѣ на 8000 душъ народонаселенія приходится по одной сутти. Въ Калькуттѣ, въ теченіе 1817 года, были сожжены 442 вдовы; въ Бенгаліи сгорѣло, въ одинъ 1818 годъ, 839, а въ теченіе четырехъ лѣтъ 2366 женщинъ. Даже туземные владѣтели, какъ напримѣръ, *Гайдеръ-Али*, въ свое время возставали противъ этого жестокаго обыкновенія; но обычаи нескоро побѣждаются, — и, несмотря на запрещеніе, изданное Бентинкомъ въ 1829 году, пендшерскія вѣдомости, отъ 4-го октября 1838 года, сообщили, между прочимъ, что въ теченіе одного сентября мѣсяца того года, въ окрестностяхъ Сурата, было сожжено не менѣе восьми вдовъ.

Зрѣлище приготовленій къ этому добровольному аутодафе, свѣрхъ-человѣческое спокойствіе жертвы, знаки почтенія и обоженія, которыми привѣтствуетъ ее толпа, привѣтливость вдовы, надѣляющей всѣхъ своихъ знакомыхъ подарками или поклономъ: во всемъ этомъ есть что-то сильно-потрясающее душу. Жертва восходитъ на костеръ съ улыбкой торжества, посредн пламени поднимаетъ руки къ небу, точно будто исполняетъ обычную молитву близъ пагода, и благословляетъ окружающій ея народъ. Зритель смотритъ, и сожалѣніе къ заблужденію смѣшивается въ душѣ его съ благоговѣніемъ передъ нравственной силой несчастной. Но такое безусловное торжество нравственной силы надъ страданіемъ физическимъ встрѣчается лишь въ видѣ исключенія. Усердіе жрецовъ или родственниковъ прикрываетъ обыкновенно «постыдную слабость» сутти, и помогаетъ ей перейти въ шестой рай. Приведемъ здѣсь примѣръ.

Въ 1822 году, близъ Бомбея, вдову брамина отвели въ торжественной процессіи, съ шумною музыкой, къ костру, на которомъ уже лежалъ трупъ ея мужа. Походка ея была тверда, выраженіе лица спокойно. На вопросъ англійскихъ офицеровъ, добровольно-ли она умираетъ, она отвѣтила: «да, добровольно!»

По тому ея отвѣта, видно было, что она хотѣла пристыдить невѣріе и малодушіе ненавистныхъ Европейцевъ. Между-тѣмъ зажгли костеръ. По данному знаку, она подошла къ пламени, стала прощаться съ присутствующими, раздала родственникамъ всѣ свои драгоценности, — и, полунагая, при громкихъ пѣсняхъ браминовъ и оглушительной музыкѣ барабановъ и трубъ, бросилась въ огонь. Но, вѣроятно, страданіе было ужасно, ибо въ ту-же минуту она оборотилась и хотѣла соскочить. На нее опрокинули кучу дровъ, стали пихать шестами, все тщетно: полубогорѣвшая, она испровергла все, растолкала всѣхъ и бросилась къ рѣкѣ. Брамины кинулись за нею, и, несмотря на сопротивление Европейцевъ, притащили ее назадъ къ костру. Тутъ поднялся страшный шумъ. Тысячи голосовъ требовали ея смерти, — Европейцы хотѣли спасти жертву. Посреди всеобщаго смятенія, четыре дюжіе жреца схватили сутти, и съ размаха бросили ее на костеръ. Несчастная съ величайшимъ напряженіемъ извивалась и ползла по своей огненной гробницѣ; но со всѣхъ сторонъ на нее лѣзли горячія полѣнья. Наконецъ, она вырвалась въ другой разъ, и побѣжала къ рѣкѣ. Жрецы догнали ее, схватили, опрокинули и погрузили головой въ воду, съ намѣреніемъ утопить. Приспѣвшій въ это время отрядъ конницы отбилъ жертву у палачей; но она умерла на другой день отъ ранъ, проклиная всѣмъ негодующимъ народонаселеніемъ.

Другая сутти, ребенокъ четырнадцати лѣтъ, погибла еще ужаснѣе. Она тоже вырвалась съ костра и спряталась въ ближайшей рѣкѣ. Къ ней подбѣжала родной дядя, съ полотномъ въ руки, и уговаривалъ закутаться въ него, обвинялъ отвести ее домой. «Нѣтъ, кричала несчастная: вы хотите меня бросить въ огонь!... Ради Бога, дядя! пощадите меня! Я оставлю семейство, я буду жить милостиней, какъ проклятая, — я стану дѣлать все, что захотятъ, что прикажутъ: только сжальтесь! пощадите!» Дядя поклялся водами Ганга, что защититъ ее отъ всѣхъ и отнесетъ домой. Бѣдлужка повѣрила и легла на полотно. Изувѣръ, связавъ концы его, поспѣшилъ къ костру и бросилъ этотъ узелъ въ огонь. Полотно обгорѣло, сутти снова выскочила изъ пламени, — но сабельный ударъ положилъ конецъ ея слабымъ успѣхамъ...

На великолѣпныхъ похоронахъ Ренджитъ-Синга были сожжены его пять главныхъ женъ. — Иногда, что всего ужаснѣе, вдовы рѣшались на сожженіе, побуждаемыя нуждою, — и назначеніе отъ правительства ежегодной пенсіи въ 50 рублей серебромъ бывало достаточно, чтобы заставить ихъ отречься отъ своего отчаяннаго намѣренія.

Самоубійства между мужчинами въ Индустанѣ не рѣдки, но обыкновенно къ нимъ прибѣгаютъ, разумѣется кромѣ фанатиковъ и за исключеніемъ батовъ, о которыхъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ; только люди одержимые неизлечимыми болѣзнями. Самоубійцы восходятъ на костеръ, бросаются въ рѣки, особенно въ Гангъ при стеченіи его съ Джемною, гдѣ они тонутъ или дѣлаются жертвою крокодиловъ, — заставляютъ себя хоронить живыми, или бросаются подъ колеса джагернатской колесницы. Последний способъ выходить, однакоже, нѣсколько изъ моды. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ, которыя

резидентъ Стирлингъ провелъ въ Джагернатъ, только три особы нашли смерть подъ колесницею; изъ нихъ одинъ погибъ внезапно, а двое другихъ страдали мучительными болезнями.

ПОЛОЖЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ. — Въ древнія времена, индійскія женщины жили отдѣльнѣе и уединеннѣе, чѣмъ теперь. Женщины мусульманъ, какъ вездѣ, скрыты здѣсь за глухими стѣнами и плотными покрывалами; но изъ числа Индусовъ только сословіе вожповъ переняло это обыкновеніе побѣдителей.

Тѣмъ не менѣе, положеніе женщины въ домашнемъ быту, не говоря уже о гражданскомъ, далеко не уравнено съ положеніемъ мужчины. Мы имѣли случай упомянуть, что у простолюдиновъ жена готовить обѣдъ, прислуживаетъ мужу за столомъ, подаетъ ему трубку или бетель, и потомъ уже заботится о томъ, какъ-бы между дѣломъ и самой пообѣдать на скорую руку. Въ домѣ мужъ съ женой никогда не идутъ рядомъ. Мужъ идетъ впереди, жена сзади, какъ-бы широка ни была улица.

«Уже нѣсколько дней, говорить по этому случаю Варренъ: я занимаюсь наблюденіемъ разныхъ группъ путешественниковъ, которые мнѣ попадаются на встрѣчу, и убѣждаюсь съ каждымъ днемъ болѣе, что одно христіанское ученіе обезпечиваетъ сколько-нибудь положеніе женщины въ обществѣ. Нигдѣ въ свѣтѣ положеніе это не казалось мнѣ столь-унизительнымъ, какъ между Индусами, особенно нижнихъ кастъ. Сближеніемъ обоехъ половъ тутъ руководствуетъ одна сила чувственности, одно непреодолимое влеченіе тѣла, но болѣе не ищите ничего. О любви или нежной привязанности нѣтъ и помину. Мужчины смотрятъ здѣсь, по-видѣмому, на женщинъ, какъ на такія нечистыя твари, что вы готовы удивляться, какъ отвращеніе не побуждаетъ въ нихъ даже природнаго влеченія. Я встрѣчаю множество путешествующихъ семействъ, и всегда мнѣ представляется одна и та-же картина. Какъ ни оборваны лохмотья путешественниковъ, какъ ни истощены ихъ лица, при всѣхъ признакахъ крайней нужды и нищеты, всегда мужъ идетъ впереди, храня важное молчаніе, — всегда женщина слѣдуетъ за нимъ въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, неся одного или двухъ ребятшекъ. Если у скитальцевъ есть какое-нибудь имущество, оно навьючивается непременно на жену. Сколько разъ случалось мнѣ видѣть, какъ женщины изнемогали подъ тяжело-нагруженною корзиною, и никогда я не замѣчалъ, чтобы мужъ, у котораго одинъ посохъ въ рукахъ, вздумалъ облегчить бремя жены, и взялъ на руки по-крайней-мѣрѣ своего ребенка. Женщина влзается съ трудомъ за своимъ господиномъ, не позволяя себѣ никогда ни малѣйшаго ропота. Иногда при мужѣ двѣ жены; тогда обѣ раздѣляютъ рабство и переносятъ презрѣніе его. Любимца беретъ на себя поменьше кладъ, и поменьше отстаѣтъ отъ мужчины, а на старую жену взымаютъ что потяжелѣе, и она заключаетъ семейное шестіе. Дѣти каждой жены около матери или на пей. Иногда мнѣ приходилось бѣжать шагомъ. Я слѣдилъ за этими печальными караванами по нѣскольку мѣ, и никогда не видалъ, чтобы порядокъ ихъ нарушился хоть на секунду, во время перехода отъ одной станціи до другой. Когда нѣсколько семействъ идутъ по одному направленію, всѣ мужчины соединяются и идутъ впереди, а жены съ дѣтьми тянутся за главами семействъ въ почтительномъ разстояніи. Если чужой,

особенно-же Европеецъ, проѣдетъ мимо женской группы, она тотчасъ останавливается, и всѣ женщины отворачиваются отъ посторонняго, или кутають во что-нибудь свои лица. Потомъ онъ продолжаютъ путь, молча и съ пасмурными лицами, какъ-бы следуя за похоронами.»

Мужъ, подзывая къ себѣ жену, часто чествуетъ ее «служанкой, рабой»; женщина, напротивъ, говоря съ мужемъ, величаетъ его *своимъ господиномъ, государемъ, даже своимъ богомъ*. Чувство уваженія къ мужу не позволяетъ женѣ назвать его по имени, и если это случится съ нею въ припадкѣ дурнаго расположенія духа или запальчивости, «господинъ» тотчасъ напоминаетъ ей *собственноручно* о долгѣ приличія, за нарушение котораго прибить жену считается дѣломъ естественнымъ, вовсе не-предосудительнымъ, — а всѣ посторонніе почтутъ ее неблаговоспитанною женщиною. Даже за-глаза индійская женщина не произнесетъ имени своего мужа, и Индусъ, знакомый съ правилами *порядочнаго* общества, никогда не предложитъ женщинѣ хорошей касты такого вопроса, отвѣчая на который, она должна-бы сказать имя мужа. Если Европеецъ, не знающій этихъ тонкостей, предложитъ подобный вопросъ, индійскія дамы придутъ въ смущеніе, краснѣютъ, потупляютъ взоры, а при повтореніи вопроса закрываютъ лицо вѣеромъ, и обнаруживаютъ или негодованіе, или презрительное сожалѣніе къ невѣжеству грубаго иностранца. Когда-же при допросахъ въ судѣ, онъ бывають принуждены произнести это священное для нихъ имя, то наклоняются къ толмачу, и шепчутъ ему на ухо роковое слово такъ тихо, чтобы по-крайней-мѣрѣ третье лицо не могло уловить произнесенныхъ звуковъ.

Подобное общественное положеніе не можетъ не отозваться въ характеръ женщинъ. Отъ природы онѣ живы, граціозны, очень разговорчивы, любопытны и непостоянны. Раннее замужество и тяжкія работы изнурають ихъ и преждевременно лишаютъ молодости. Въ двѣнадцать, тринадцать лѣтъ, женщина дѣлается уже матерью, — въ тридцать она отжила свой вѣкъ и записана въ старухи. Рабское, необезпеченное положеніе дѣлаетъ женщинъ ласковыми и приветливыми въ высочайшей степени, и столько-же двуличными и ненадежными. На ихъ слова полагаться нельзя. Пока онѣ въ васъ пуждаются, онѣ готовы обѣщать, клясться въ чемъ угодно и чѣмъ хотите. Но эти обѣщанія, эти клятвы лишь необходимыя средства, употребляемыя ими для достиженія желанной цѣли: объ исполненіи ихъ онѣ и не думаютъ, а если вы напомните имъ, то васъ-же осмѣютъ за вашу «простоту.» Оскорбленія индійская женщина не забу-

детъ никогда; она станетъ цѣлые годы скрывать свои чувства, будетъ казаться спокойной, веселой, будетъ пріятлива съ тѣмъ, кто ее обидѣлъ, но при первомъ удобномъ случаѣ она ужалитъ врага и утолитъ жажду мести.

Ревность, мучительница всего прекраснаго пола, не слишкомъ тревожитъ Индіянокъ, не оскорбляющихся правомъ мужчины окружать себя цѣлымъ гаремомъ наложницъ, потому что, по туземнымъ понятіямъ, любовныя связи мужа съ женщинами низшаго состоянія, съ рабынями или служанками, ни сколько не вредятъ браку, тѣмъ болѣе, что главной жень всегда принадлежатъ большія права и преимущества. Но если женатый человѣкъ заводитъ связь съ женщиной высшей касты, положеніе законной жены приходитъ въ особенную опасность, и она начинаетъ немножко ревновать и даже гнѣваться *изъ самолюбія*, дозволяемаго ей общественнымъ мнѣніемъ.

Любопытно изображеніе женщины въ драмѣ *Минхизакати*:

«Двѣ вещи дороже всего на землѣ: другъ и любезная, но я цѣню друга выше, чѣмъ сотню красавицъ. — Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тамъ бываетъ худо, гдѣ есть слонъ, сборщикъ податей, нищій, шпионъ или двусмысленная дѣвушка. — О, какъ безуменъ тотъ, кто полагается на женщинъ и на богатство: и то и другое ненадежны! Онъ по волѣ могутъ улыбаться, плакать, обманывать. Волны моря и заря вечера не такъ непостоянны, какъ любовь женщины. Ихъ цѣль — деньги; если у мужчины нѣтъ денегъ, онъ кидаетъ его, какъ пустой кошелькъ. Любовь женщины коротка, какъ блескъ молніи; онъ нѣжно смотритъ на одного, тогда какъ ужъ другой царствуетъ въ ихъ сердцахъ. Такъ хотѣла природа! Лотосъ не растетъ на горныхъ вершинахъ; изъ мула никогда не выходятъ лошади; изъ ячменвыхъ зеренъ не вырастаютъ рисъ: такъ и добродѣтель никогда не обитаетъ въ груди женщины.»

Переходя къ степени образованности и занятіямъ женщинъ, мы видимъ, что почти наилучшимъ воспитаніемъ пользуются баядерки, которыя, кромѣ свойственныхъ имъ танцевъ, умѣютъ, по-крайней-мѣрѣ, всѣ и читать и писать, между-тѣмъ какъ воспитаніе дѣвицъ вообще ограничивается только свѣдѣніями по домашнему хозяйству. Большая образованность ума и ловкость тѣлесныхъ движеній, обнаруживаемая при публичныхъ религіозныхъ танцахъ, вотъ два преимущества, которые придаютъ въ глазахъ Индусовъ столько прелести баядеркѣ, — вотъ двѣ главныя причины почётнаго мѣста, которое занимаетъ въ ихъ обществѣ эта любимица боговъ и народа. Но и не дешево достается ей эта «образованность.»

Называясь *девадассами*, т. е. «посвященными богамъ», баядерки берутся изъ всѣхъ кастъ, кромѣ парій. Иногда онѣ обрекаются въ это званіе по обязанности, иногда по доброй волѣ. Дѣвушка, назначающая себя въ баядерки, должна явиться въ храмъ до возмужалости. Здѣсь ее тщательно осматриваютъ; замѣча-

ютъ, хорошъ-ли ся станъ, благовидно-ли лицо, здорово ли сложеніе, — и потомъ отдаютъ на руки другимъ байдерамъ, которыя купаютъ ее въ пруду пагоды, наряжаютъ въ новое платье и украшаютъ драгоценностями. Въ этомъ нарядѣ она является къ главному жрецу, онъ подвергаетъ ее нѣкоторымъ обрядамъ посвященія въ таинства, и раскаленнымъ желѣзомъ выжигаетъ на ея тѣлѣ клеймо храма, которому она съ этой минуты принадлежитъ вполне и дѣлается его байдеракой. Ее учатъ читать, писать, пѣть и въ особенности плясать. Для новопринятыхъ составленъ даже особеннаго рода курсъ кокетства, заключающій въ себѣ полное собраніе всехъ танцевъ туалета. Все образованіе байдераки стремится къ одной цѣли, къ цѣли прельщать, нравиться: это ея ремесло и назначеніе. Сначала она правится браминямъ, владѣтелямъ ея по праву, — потомъ публикѣ, которой она продаетъ свои ласки въ пользу жрецовъ. Когда байдерака начнетъ плясать передъ идоломъ, полунагая, въ костюмѣ, едва застегивающемся на высокихъ ея бокахъ серебрянымъ поясомъ, — въ длинномъ, полосатомъ передникѣ, до-того прозрачномъ, что всѣ формы ея тѣла открыты глазу; когда эта прелестница выкажетъ богатому Индусу всю прелесть своего стана; когда въ восторженномъ взглядѣ ея проявится притворное уносное и пѣтѣ въ каждомъ движеніи ея, — чувственность проснется въ самомъ скупомъ, и пагода беретъ богатую дань съ красоты своей служительницы. — При свободной жизни, прелести и молодости байдеракъ скоро увядаютъ; послѣ восемнадцати или двадцати лѣтъ, для нихъ наступаетъ преждевременная старость. Тогда жрецы увольняютъ «отслужившихъ свою службу», онѣ возвращаются въ свои сословія, и выходятъ замужъ, чему ни сколько не препятствуетъ ихъ прежняя жизнь.

Одѣя байдераки позволяютъ себѣ пѣть публично; остальные женщины поютъ только дома, между собою, занимаясь рукодѣльемъ, или по случаю разныхъ священнѣхъ обрядовъ: свадебъ, похоронъ, и т. п. Такая скромность весьма похвальна, потому что пѣтъ ни одного народа не музыкальнѣе Индусовъ. Вязаніе, вышиваніе, шитье, все это почти не извѣстно индійскимъ женщинамъ; и дѣйствительно, эти искусства имъ не нужны, потому что одѣяніе ихъ состоитъ изъ цѣльныхъ кусковъ ткани, безъ всякихъ швовъ. — За-то, всякая женщина умѣетъ чесать и прясть хлопчатую бумагу, и почти въ каждой хижинѣ вы найдете одну или нѣсколько прялокъ.

РАБЫ. — Домашнее рабство встрѣчается въ Индіи почти повсемѣстно. Рабы или потомки людей, изстари принадлежавшихъ владѣльцу ихъ, или приобрѣтаются покупкою. Иногда люди взрослые поступаютъ въ вѣчную или временную кабалу за долги; иногда, во время голода, отцы продаютъ своихъ дѣтей. Рабовъ покупаютъ также перѣдко у *бриджаріевъ*, которые, пользуясь своими постоянными перѣздами, воруютъ дѣтей и продаютъ ихъ въ отдаленныя области. Число рабовъ-мужчинъ вообще гораздо-меньше числа рабынь; послѣднихъ особенно много въ Малвѣ. Въ Индустанѣ находится множество афферистовъ, которые скупаютъ хорошенеккихъ дѣвочекъ, лѣтъ шести и семи, и берегутъ ихъ

не для себя, а для публики. Семейство и имущество раба принадлежатъ господину. Отпущенный на волю рабъ вступаетъ опять въ свою касту. — Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ не только люди важные или богатые владѣютъ рабами, но и всякій сколько-нибудь зажиточный крестьянинъ. У древнихъ Индусовъ, какъ видно изъ законовъ Мену, не было рабовъ, приписанныхъ къ землѣ; они переняли этотъ обычай изъ Декана. Такъ, въ южной части полуострова рабы продаются съ землею, а на Малабарскомъ берегу, гдѣ участь ихъ самая жалкая, и безъ земли, съ семействами или поголовно, подобно неграмъ. Число рабовъ на Малабарскомъ берегу и въ южной оконечности полуострова не извѣстно въ точности, но приблизительно полагается около четырехъ сотъ тысячъ. Въ Бенгаліи, Бахарѣ и Гуджератѣ, число рабовъ, въ сравненіи со всемъ народонаселеніемъ, малозначительно, и должно ежегодно уменьшаться, потому что въ настоящее время, англійское правительство уже не допускаетъ рабства въ своихъ непосредственныхъ владѣніяхъ: не допускаетъ, дѣйствительно, но хотѣте ли вы примѣръ, какъ англійскій законъ исполняется на дѣлѣ?

« Въ 1837 году, во время моего пребыванія въ Калькутѣ, говоритъ одинъ французскій путешественникъ: я занималъ домъ, рядомъ съ жилищемъ какого-то монгольскаго семейства. Однажды, молодая женщина, вырвавшаяся изъ соседняго дома, вскочила въ окно моей комнаты: руки ея были сложены съ умоляющимъ видомъ; глаза дико блуждали. Она упала къ ногамъ моимъ, крѣпко обхватила ихъ, и не хотѣла встать до-тѣхъ-поръ, пока я не обшарилъ ей своего покровительства. На шеѣ у нея были видны слѣды цѣпи, ротъ весь въ крови: у ней было выбито три переднихъ зуба. Она рассказала мнѣ, что жила у этого монгольскаго семейства уже три года, вмѣстѣ съ другими рабынями, что ихъ почти всегда содержали въ цѣпяхъ, мучили работою и дурно обходились. Я объявилъ объ этомъ полиціи, а она представила несчастную судѣ, которому доносъ былъ сдѣланъ во всей подробности. Монголъ остался не наказанъ. »

Каково-же должно быть положеніе рабовъ въ государствахъ, находящихся только въ посредственной зависимости отъ Англичанъ, или вовсе независимыхъ отъ нихъ!

КАСТЫ ВОРОВЪ И ДАРНА. — Какъ для всякаго рода честнаго занятія, такъ и для воровства, индійское общество имѣетъ особенныя касты, которыя могли-бы служить примѣромъ для лучшихъ лондонскихъ и парижскихъ школъ по этой части. Дети этой касты приучаются съ малолѣтства смотрѣть на воровство, какъ на наследственное ремесло, какъ на свое законное пропитаніе. Въ горахъ есть цѣлыя племена, весь гражданскій бытъ которыхъ вертится около словъ: «воровство» и «грабежъ», — племена, живущія въ вѣчной войнѣ съ обитателями равнинъ; но и въ равнинахъ, посреди мирнаго народонаселенія, есть свои цѣхи

доморощенныхъ воровъ, достигшихъ, помощью наслѣдственной практики, до невѣроятной степени совершенства въ своемъ искусствѣ. Цыгане, древніе выходцы Индустана, и доселѣ довольно ловкіе воры, но они значительно переродились въ нашей добродушной Европѣ, гдѣ такъ легко прослыть порядочнымъ мошенникомъ. Другое дѣло въ Индіи: тамъ нескоро добьешься почётной степени между очистителями чужихъ кармаповъ. Разказы путешественниковъ о ихъ смѣлости, наглости и ловкости наполнены изумляющими подробностями. Ни присутствіе вооруженныхъ людей, ни высокія стѣны, ни прочные замки, ничто не можетъ остановить ихъ. Они нерѣдко подводятъ подкопы подъ дома, и послѣ продолжительныхъ, трудныхъ земляныхъ работъ, выходятъ въ одну прекрасную почъ въ желанный домъ, и выскакиваютъ, обремененные добычею, въ окна, между-тѣмъ какъ привратники спокойно предаются сну, держа подъ подушкой тяжелые ключи отъ воротъ и дверей.

Нельзя не привести здѣсь весьма-замѣчательныхъ словъ Варрена о горномъ племени Билевъ :

« Всѣ Били избрали воровство преимущественно своимъ ремесломъ, и отличаются замѣчательною ловкостію. Чтобы пробѣжать безопасно черезъ область, обитаемую ими, всего лучше попросить у нихъ самихъ конвоя, состоящаго изъ воровъ. Заплативъ условленную пошлину, вы можете быть спокойны; эти разбойники имѣютъ свои понятія о чести, и ни за что не выдадутъ вѣрншагося имъ путешественника. Но если вы захотите обойтись безъ конвоя, то, конечно уже поздно, будете раскayаться въ томъ и убедитесь, что всѣ предосторожности, какія-бы вы ни приняли, окажутся недостаточными. Напримѣръ, вы ночуете въ палаткѣ: вѣры прокрадутся въ нее незаметно, и обернутъ ее до чиста. Чтобы достигъ своей цѣли, они ползаютъ по канавамъ, по бороздамъ поля, перенимаютъ сто различныхъ звуковъ, заглушаютъ всею, подобнымъ вою шакала, шумъ нечеловкаго движенія или малѣйшій шорохъ, потомъ умолкаютъ, и товарищъ ихъ отвѣчаетъ на нѣкоторомъ разстояніи визгомъ убѣгающаго животнаго. Тысячи различныхъ легкихъ звуковъ и прикосновеній они дѣлаютъ вашъ сонъ безпокойнымъ, не нарушая его, и заставляютъ васъ переворачиваться съ боку на бокъ, пока не стаятъ, не разбудивъ васъ, даже самое одѣяло, въ которое вы завернулись. Если передъ дверью палатки спитъ вашъ слуга, одинъ или нѣсколько, даже вооруженныхъ, это обстоятельство ни сколько не заставитъ отважнаго Били отказаться отъ исполненія своего намѣренія. Только-что вы и ваши люди легли, онъ уже подкрался къ шатру и притаился около самаго полотна, пользуясь глубокимъ мракомъ ночи. Билъ прислушивается къ вашему дыханію, и едва вы заснули, онъ приставаетъ, проводитъ кияжаломъ вертикально по полотну, и въ ту-же минуту проскользаетъ черезъ это отверстіе въ палатку. Онъ совершенно голъ, все его тѣло намазано масломъ; около шеи виситъ на длинномъ шнуркѣ роковой кинжалъ. Онъ садится около спящаго и начинаетъ съ одной стороны складывать его одѣяло вдоль, въ самыя узкія складки, такъ чтобы оно занимало наименьшее мѣсто. Потомъ онъ переходитъ на другую сторону, и начинаетъ слегка щекотать спящаго. Сонный нѣсколько разъ вздрагиваетъ, и, навѣрно,

переворачивается на другой бокъ, оставляя одѣяло за собою. Если онъ, сверхъ чаянiя, проснется, ему подъ руку попадается голое тѣло, скользкое какъ уголь; но если, къ несчастiю, онъ удержитъ противника, кинжалъ тотчасъ мѣтко впи-
нается въ сердце; хозяинъ палатки убитъ безъ всякаго шума, въ одну секунду, а убійца исчезнетъ, незамѣченный никѣмъ. Англійское правительство не жа-
леть никакихъ пожертвованiй, чтобы унять это неукротимое племя; оно беретъ
часть этихъ грабителей на свое жалованье и даетъ имъ европейскiхъ офице-
ровъ, которые, живя между ними, своимъ личнымъ нравственнымъ влiянiемъ при-
носятъ нѣкоторую частную пользу; но одна цивилизацiя въ состоянiи изгладить
нравы, подобныя описаннымъ, а ходъ цивилизацiи медленъ.»

Часто полицейская власть дѣйствуетъ заодно съ ворами, и тогда путешественникъ дѣлается жертвою этого моншенниче-
скаго заговора.

« По прибытiи моемъ въ одну изъ пограничныхъ деревень Мадрасскаго Пре-
зиденства, говоритъ одинъ изъ нихъ: *котвалъ*, деревенскiй сотскiй, сталъ увѣ-
рять меня, что въ окрестности наполнены шайками воровъ, и убѣдилъ, нако-
нецъ, взять для ночной стражи двухъ чокодаровъ или беркандазовъ (родъ жан-
дармовъ). Эти добрые люди не дали мнѣ заснуть цѣлую ночь, то перекликаясь,
то стрѣляя изъ ружей, въ знакъ своей бдительности; и будто для того, чтобы
запугать воровъ; тѣмъ не менѣе, къ утру у моихъ людей не доискалось чаяны
и пояса, а у меня пропало охотничье ружье. Дѣло въ томъ, что мы пустили
волковъ въ овчарню. Чокодары обворовали меня, и въ-послѣдствiи, безъ сомнѣ-
нiя, подѣлились съ котваломъ.»

Сторожа деревенскихъ общинъ и богатыхъ владѣльцевъ при-
надлежатъ обыкновенно къ воровскимъ кастамъ, но, несмотря на
то, очень вѣрны и надежны. Ихъ присутствiе служитъ доста-
точною защитою противъ воровъ ихъ собственной касты; а бди-
тельность и опытность ихъ успѣшно уничтожаютъ замыслы
чужихъ мошенническихъ кастъ. Въ Гуджератъ есть сторожа,
доведшiе до невѣроятной степени умѣнье преслѣдовать вора по
его слѣдамъ, которые въ странѣ сухой, особенно лѣтомъ, для
неопытнаго глаза рѣшительно неуловимы. Одному изъ нихъ по-
ручили отыскать серебряную посуду офицерскаго полковаго об-
щества. Сторожъ нашелъ слѣды вора, шелъ по нимъ верстъ
двадцать до воротъ Ахметабада, потерялъ ихъ въ этомъ городѣ,
но нашелъ опять у другихъ городскихъ воротъ. Потомъ слѣды
исчезли у берега рѣчки, русломъ которой воръ прошелъ съ вер-
сту. Неутомимый сторожъ отыскалъ ихъ снова, и слѣдилъ по
нимъ до самаго убѣжища вора, находившагося отъ мѣста по-
кражи въ сорока верстахъ.

Въ противоположность ворами и для защиты отъ нихъ, есть
касты пѣвцовъ или бардовъ, называемыхъ *батами* и *шаранами*.
Въ Раджпутанѣ присутствiе подобнаго проводника не только за-
щищаетъ цѣлый караванъ отъ разбойниковъ, но и освобождаетъ
его отъ таможенныхъ пошлинъ. Въ Гуджератъ они препровожд-

даютъ значительныя денежныя суммы по такимъ мѣстностямъ; гдѣ прикрытіе многочисленнаго вооруженнаго отряда не спаслобы сокровищъ отъ хищности разбойниковъ. Порука этихъ посредниковъ считается необходимою при условіяхъ, заключаемыхъ между разными начальниками и другими важными людьми. Ихъ значеніе и вѣсь основаны на святости ихъ сана и безпри-
терпной твердости характера. Всѣ они почитаются служителями и особенными любимцами Шивы. Если батя или шаранъ за-
мѣтитъ, что разбойники хотятъ напасть на него или на его ка-
раванъ, или что тотъ, за чью вѣрность онъ поручился, отказы-
вается отъ исполненія заключеннаго условія, то онъ объявляетъ,
что будетъ дѣлать *трагу*. Если угроза не произвела дѣйствія,
онъ приступаетъ къ исполненію ея: вонзаетъ кинжалъ сперва
себѣ въ бокъ, а если и это не помогаетъ, въ самое сердце. За
кровь, особенно-же за смерть бата, по вѣрованіямъ Индусовъ,
Шива мститъ жестоко и виновному, и его кастѣ, и той области,
гдѣ случилось преступленіе. Виновный тотчасъ дѣлается пред-
метомъ ненависти, презрѣнія и проклятія всѣхъ, а потому и
самый закоснѣлый разбойникъ рѣдко доведетъ дѣло до самоубій-
ства барда, и почти всегда согласится на его настоячивое тре-
бованіе. — Если нѣсколько человѣкъ поручились за исполненіе
условія или за безопасность каравана, то, въ случаѣ угрожаю-
щей опасности, вся артель поручителей бросаетъ жребій, кому
первому умереть. Означеннаго рокомъ товарищи удавливаютъ;
потомъ петля переходитъ поочередно на всѣхъ другихъ, а по-
слѣдній долженъ заколоться. Барды носятъ бѣлые мантии, и
особенно часто встрѣчаются при дворахъ, гдѣ въ пѣсняхъ сво-
ихъ они или прославляютъ, или опозориваютъ имена вѣтязей,
королей и ихъ придворныхъ.

Другой, напоминающій трагу обычай распространенъ по всему
Индустану. Человѣкъ, желающій добиться чего-нибудь отъ васъ,
приходитъ къ вашему крыльцу, держа въ рукахъ ядъ и кин-
жалъ, садится на ступени, объявляетъ себя вашимъ гостемъ,
и назначивъ срокъ, даетъ обѣтъ убить себя, если не исполните
его требованія. Должники прибѣгаютъ къ подобному средству,
называемому *дарна* (или дерна), чтобы имъ простили ихъ долгъ.
Не принося съ собою ни яда, ни кинжала, эти непрощенные
гости, сидя на вашемъ крыльцѣ, воздерживаются только отъ
всякой пищи, и объявляютъ о томъ всѣмъ прохожимъ. Хозяинъ,
не нарушивъ всѣхъ правилъ благоприличія, никакъ не можетъ
позволить себѣ съѣсть что-нибудь прежде своего гостя, и по-
неволь, наконецъ, покупаетъ прощеніемъ долга позволеніе не

умереть съ голоду. Занмодавцы вынуждаютъ такимъ-же образомъ деньги у своихъ неисправныхъ должниковъ; иногда цѣлыя полки и отряды солдатъ дѣлають дарну около своихъ генераловъ или туземныхъ князей, пока имъ не уплатятъ задержаннаго жалованья.

Что прикажете дѣлать противъ подобнаго безмолвнаго бунта, въ которомъ побѣда рѣшается силою не рукъ, а желудка?

Въ Индіи распространены еще одинъ подобный обычай, гдѣ сражается уже языкъ, даръ слова, но какъ сражается, судите сами:

«Если кто получилъ отъ высшаго обиду, пишетъ миссъ Робертсъ: неподлежащую законному разсмотрѣнію, онъ нерѣдко мститъ своему противнику только тѣмъ, что найметъ на базарѣ двухъ старыхъ бабъ, извѣстныхъ глубокими познаніями въ наукѣ ругательствъ, сидѣть у его дверей: эти вѣдьмы обладаютъ безконечнымъ запасомъ бранныхъ словъ и расточаютъ ихъ бѣдному хозяину со всевозможнымъ усердіемъ и безъ всякой пощады. Поношенія не ограничиваются имъ однимъ; для большей извѣстности они распространяются на все его семейство и особенно на мать: нѣтъ такой мерзости и позора, которыми-бы не осыпали ея, не обращая никакого вниманія, заслуживаетъ-ли она это, а единственно въ укоръ сыну. Пока эти ругательства достигаютъ только сосѣдняго уха, они еще довольно безвредны; но если, Боже сохрани, дойдутъ они по адресу, несчастный человекъ погибъ совершенно. Если кто-нибудь узнаетъ, что онъ слышалъ ихъ, все кончено для него на бѣгомъ свѣтѣ. Поэтому, для сохранения своего достоинства, предметъ такого страннаго преслѣдованія прячется въ отдаленнѣйшую комнату своего дома, и цѣлый отрядъ конницы не принудилъ-бы другаго къ такому тѣсному заключенію, въ какомъ держать его мощные языки двухъ безотвязныхъ старушенокъ. Чокодары, исправляющіе тамъ должность европейскихъ жандармовъ, не мѣшаются въ подобныя дѣла; несчастный plaintiffъ остается безъ всякой помощи, и поневоле долженъ вступить въ переговоры съ тѣмъ, кого обидѣлъ.»

О НАРОДНОМЪ ХАРАКТЕРѢ ИНДУСОВЪ. — «Европейцы, живущіе въ городахъ Индустана, говоритъ Жакмонъ: не видятъ ничего изъ домашняго быта прислуживающихъ имъ людей. Почти ни одинъ англійскій офицеръ или компанейскій чиновникъ не знаетъ, гдѣ и какъ живутъ его лакеи, женаты-ли они, имѣютъ-ли дѣтей, на что употребляютъ свое жалованье и какъ проводятъ свободное отъ службы время.» Эти слова, относящіеся только къ классу слугъ, можно однакожь распространить отчасти и на все туземное народонаселеніе. Между Европейцами и Индусами есть непрестанныя дѣловыя точки столкновенія, но почти вовсе нѣтъ не должностныхъ, безкорыстныхъ отношеній или чисто-общественныхъ связей.

Выходцы Европы, пріѣзжающіе въ Индію за пріобрѣтеніемъ богатства или власти, смотрятъ обыкновенно на Индусовъ съ презрѣніемъ, какъ на стадо домашняго скота или на механическія средства обогащенія, — тогда какъ Индусы переносятъ съ

отвращеніемъ владычество ненавистныхъ имъ иповѣрцевъ, съ которыми не имѣютъ рѣшительно ничего общаго. Ни англійскій чиновникъ, ни миссіонеръ, ни военный, ни судья, ни дипломатъ, не имѣютъ никакой возможности вполне проникнуть въ мракъ семейной жизни Индусовъ и ихъ задушевныхъ понятій. Всякій изъ нихъ преслѣдуетъ свою частную цѣль, и всякій встрѣчаетъ вездѣ недоувѣрчивость, осторожность и отвращеніе, прикрываемыя завѣсою привѣтливости и низкой лести. Прибавьте къ этому понятія о долгѣ, обязанности и чести, совершенно-несогласныя съ нашими понятіями объ этихъ предметахъ, и вы поймете, какъ трудно Европейцу быть безпристрастнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ основательнымъ судьей индійскаго народа. Говоря объ оцѣнкѣ народной жизни, нельзя не упомянуть, что повоприбывшіе Европейцы относятся обыкновенно объ Индусахъ весьма строго, между-тѣмъ какъ тѣ, которые провели между ними значительное число лѣтъ, бываютъ уже снисходительнѣе. Мы не беремся рѣшать, чему слѣдуетъ приписать это явленіе, болѣе-ли зрѣлости сужденія опытныхъ наблюдателей, или безсознательному измѣненію въ понятіяхъ, произведенному ежедневно-повторяющимся вліяніемъ окружающаго ихъ міра. Есть многіе люди, которые смѣшиваютъ объясненіе съ оправданіемъ, такъ что имъ достаточно найти только причину какого-нибудь самаго незаконнаго факта или результата, и потомъ они готовы уже считать такой фактъ оправданнымъ, или выводить даже апофеозу ему. Такое воззрѣніе совершенно ложно. Причину зла надобно искать для того, чтобы лучше понять и искоренить его, а не для того, чтобы помириться съ нимъ, обрадовавшись своей мудрости и проникательности ума. И такъ, обязанность быть осмотрительными въ произношеніи приговора, не должна лишать насъ права смотрѣть въ оба глаза, и сообщить все, что представится нашему взору.

Читатели, прошедшіе съ нами всѣ темныя, безнадежныя извилины лабиринта, называемаго установленіемъ кастъ, и уже неоднократно встрѣчавшіеся, во время нашей бесѣды, съ различными дикими проявленіями нравственнаго міра Индусовъ, конечно, приготовлены уже отчасти къ тѣмъ пятнамъ, которыя покрываютъ характеръ этого народа и которыя еще болѣе объясняются физическимъ устройствомъ страны, расположеніемъ почвы и свойствами климата.

Одинъ жаръ климата не ослабляетъ еще человека; неизбежность постоянного зноя, въ соединеніи съ скудностію даровъ природы, вызываетъ, напротивъ, всю энергію его. Кому нуженъ

примѣръ, тому стоитъ только припомнить огненную природу сыновъ *бесплодной Аравіи*. Но въ Индіи жаркая температура соединяется съ плодородіемъ почвы, устраняющимъ всякую необходимость тяжкаго труда, и съ огромнымъ пространствомъ земель, еще далеко не заселенныхъ, сообразно возможности. Жаръ умѣряется дождями, и слѣдственно, почва вознаграждаетъ малѣйшій трудъ; все располагаетъ къ лѣнѣ, лѣни и бездѣйствію, которымъ часто не могутъ противиться и сами Европейцы. Расположеніе это увеличивается еще болѣе родомъ пищи, почти исключительно растительной и состоящей (для огромнаго класса народонаселенія) преимущественно изъ риса. Гипотеза эта подтверждается сравненіемъ племенъ, населяющихъ различныя области. Обитатели горныхъ провинцій сѣвера и сухихъ областей сѣверо-запада, гдѣ есть зима, противъ которой они должны брать разныя предосторожности и дѣлать запасы, дѣятельны и сильны; Маратты, живущіе въ неплодородныхъ горахъ, тоже трудолюбивы и смѣлы; между-тѣмъ какъ жители теплой, сырой, покрытой рисомъ Бенгаліи, незнакомой съ холодомъ и имѣющей въ году двѣ жатвы, составляютъ самую лѣнѣеющую часть народонаселенія Индустана.

Впрочемъ, не останавливаясь на частныхъ исключеніяхъ, мы видимъ, что общее всѣмъ Индусамъ врожденное чувство есть *стремленіе къ покою*, который они почитаютъ высшимъ блаженствомъ. Это стремленіе порождаетъ, съ одной стороны, *бездѣйствіе*, съ другой, *близость* (удаленіе отъ всякаго покоя и хлопотъ); а изъ этихъ двухъ точекъ отправленія истекаютъ почти всѣ тѣ недостатки индійскаго характера, которымъ народъ обязанъ и особенностями своей исторіи и своимъ жалкимъ современнымъ положеніемъ. Жизнь и нравственное движеніе, эти живители общества, чужды характеру Индуса, которому религія, вмѣсто закона, даетъ преданіе старшнн, вмѣсто совѣсти, обычай, — а бездѣйствіе и неизмѣнность ставятъ въ числѣ первѣйшихъ гражданскихъ обязанностей и добродѣтелей. Во всѣхъ неурействахъ своего общества Индусъ видитъ не случайное зло, которое можно и должно исправить, по зло необходимое, предопредѣленное и слѣдственно, неотвратимое. Всѣ силы своего характера обращаетъ онъ въ область фанатизма, а въ гражданскій бытъ свой приписываетъ самое противогражданственное начало, одно полное отрицаніе всѣхъ своихъ человѣческихъ правъ. Такое направленіе ума и понятій объясняетъ намъ, какъ во правѣ Индуса могутъ таиться, не мѣшая одно другому, столько противоположныхъ качествъ, къ разсмотрѣнію которыхъ теперь приступаемъ.

Индусы отличаются, даже между Азіятцами, своею *неправдливостію*. Ни обѣщаніе, ни честное слово, ни клятва, не считаются ни сколько обязательными, и ложное свидѣтельство передъ судомъ стоитъ обыкновенно менѣе гривенника. Не щите безусловной честности у Индуса не только на дѣлѣ, но даже и въ понятіяхъ. Быть честнымъ со всеми кажется ему и глупо и смѣшно; онъ будетъ честенъ и вѣренъ только въ отношеніяхъ къ своимъ, къ членамъ своей семьи, своей касты, или наконецъ, и это уже самая отдаленная сфера, съ которой онъ признаетъ себя въ связи, къ членамъ общины или деревни, гдѣ онъ живетъ. И это весьма естественно, и иначе даже быть не можетъ. Индусъ не имѣетъ понятія о христіанскомъ ученіи братства и равенства, и слѣдовательно, отнюдь не видитъ въ каждомъ членѣ своего ближняго; онъ не понимаетъ также смысла неизвѣстнаго ему слова: «гражданинъ.» Онъ знаетъ только свой тѣсный кружокъ, свою семью, свой цѣхъ, много свою общину, и этотъ кружокъ составляетъ все его общество, весь его міръ. Все, что выходитъ изъ этого кружка, есть міръ чужой, враждебный, съ которымъ онъ находится и долженъ находиться въ постоянной дипломатической войнѣ; а дипломатія, какъ вамъ извѣстно, не разбираетъ средствъ и вѣрнѣйшія считаетъ лучшими. Недобросовѣстность народа бросается въ глаза особенно во всѣхъ его сношеніяхъ съ правительствами, противъ которыхъ, какъ сильнѣйшихъ, и общины и частныя лица, не обезпечиваемыя святостію закона, считаютъ позволительными всевозможные обманы и подлоги. Должностныя лица выходятъ изъ той-же народной почвы и не измѣняютъ ей. *Подрядчикъ и воръ, это понятія неразлучныя въ Индіи*; чиновникъ и грабитель тоже синонимы. Во нравъ Индусовъ выработались отлично всѣ тѣ качества, которыя могутъ служить орудіемъ слабому или, правдытѣ сказать, трусливому, не подвергая его никакой явной опасности. Индусы чрезвычайно *хитры* и способны на всякія козни и пронырства. Одаренные терпѣливостію, гибкостію и вкрадчивостію, они умѣютъ проникнуть образъ мыслей и намѣренія того, отъ кого зависятъ или съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Они будутъ наблюдать за расположеніемъ его духа, будутъ умѣть кетати взволновать и кетати успокоить его, и безконечною цѣною впередъ-разсчитанныхъ поступковъ и впечатлѣній заставить его, наконецъ, желать сдѣлать то, чего они внутренно сами желаютъ и чего такъ искусно добивались.

Льстивость Индусовъ не знаетъ никакихъ границъ. Она принята всѣмъ классамъ народа и пробивается поминутно во всѣхъ

безъ исключенія отношенійхъ, какъ дѣловыхъ, такъ и чисто-общественныхъ. Въ особенноти, просьба низшаго къ высшему, о какой-бы то ни было бездѣлицѣ, сопровождается всегда безчисленными саламами, улыбками и изустными увѣреніями въ совершенной преданности и таковомъ-же глубокопочитаніи.

Туземный булочникъ желаетъ, напримѣръ, поставлять хлѣбъ офицерамъ какого-нибудь англійскаго полка. Въ одно прекрасное утро, полковой адъютантъ слышитъ страшный шумъ и визгъ. Въ испугъ вскакиваетъ онъ съ постели и бросается къ окну. Тутъ только узнаетъ онъ, что весь этотъ шумъ происходитъ въ честь ему, и что онъ слышитъ почётную серенаду. Только-что успѣетъ онъ набросить халатъ и выйти на крытую галерею, какъ увидитъ себя увѣшаннымъ гирляндами: это опять новый знакъ уваженія. Въ такомъ неловкомъ костюмѣ онъ долженъ еще выслушать приветственную рѣчь булочника. Послѣ разнаго много-рѣчія, возгласовъ и поклоновъ, проситель, или подмастерье его, подастъ наконецъ адъютанту блюдо; на блюде необходимыя гостинцы, а на гостинцахъ лежитъ сложенный листъ бумаги. Это прошеніе булочника, начинающееся обыкновенно слѣдующими или подобными имъ фразами: «Расточителю милостей, справедливому по преимуществу, защитнику бѣдствующихъ, прозорливому, мудрому и бесконечно-щедрому подпоручику такому-то! Да не уменьшится никогда его тѣнь, и счастье его да разрастется подобно банановому дереву!» и т. д.

Если въ Индусѣ крайне развиты всѣ инстинкты опасливости и трусости, если онъ всѣми силами будетъ избѣгать всякой открытой борьбы, сопряженной съ опасностію для его жизни, — то съ другой стороны, страсть къ процессамъ, къ законнымъ борьбамъ безъ опасности для тѣла, развита въ немъ тоже до невѣроятной степени. Люди не бѣдные готовы жертвовать аличности судей, и перѣдко судятся о бездѣлицѣ цѣлыя десятилѣтія, проходя чрезъ всѣ инстанціи и не замѣчая, что они просуживаютъ гораздо-болѣе, чѣмъ стоитъ цѣнность предмета, служащаго основаніемъ процессу. Это безпрестанно-встрѣчающіеся типы для «Двухъ Пвановъ, малороссійскихъ пановъ» (*).

Духъ пріобрѣтенія сильно развитъ между зажиточными классами. Нѣтъ почти ни одного вельможи или богатаго владѣльца, который не пускался-бы въ спекуляціи, или не отдавалъ-бы своихъ денегъ въ ростъ. Вся эта аличность пріобрѣтенія, законными или незаконными дорогами, торговлею, взяточничествомъ, грабежомъ или заимодавчествомъ и откупами, происходитъ не отъ исканія спокойствія и удобствъ жизни, а единственно отъ желанія блеснуть, отличиться и удивить пышностію и роскошью при извѣстномъ случаѣ. Поэтому-то, нигдѣ вы не найдете столь-ко великолѣпія и безумной расточительности по поводу праздниковъ или пріемовъ, какъ въ Индіи. Десятки и сотни тысячъ

(*) Извѣстные сюаги въ романѣ Паръжанаго.

стараются на воздухъ, другія уходятъ въ видѣ подарковъ; а загляните къ тому-же богачу въ будничій день, и вы удивитесь, какъ мало пужно для удовлетворенія требованій его вседневной жизни. Индусы не пьяницы и не обжоры; можно положить общимъ правиломъ, что они даже очень воздержны. Имъ мало нуждъ, простолюдины обыкновенно и скуповаты.

Повсемѣстное суевѣріе даетъ очень-почетное мѣсто астрологін. Вторникъ и пятница находятся подъ управленіемъ планетъ Марса и Венеры, и считаются несчастными днями. Но и во всѣ остальные дни, есть въ каждомъ свои полтора часа зловѣщихъ, въ которые нельзя ничего начать.

Если сообразить всѣ приведенныя нами стороны народнаго характера Индусовъ, вспомнить недостойную чловѣка форму, въ которую вылилась ихъ государственная и домашняя жизнь, вспомнить бессмысленныя и мертвыя тонкости ихъ метафизики, приторность большей части ихъ поэтическихъ произведеній, уродливость мнѳологін и нелѣпую толпу суевѣрій, которыми загромождены ихъ понятія,—если вспомнить ихъ робость, безусловную боязнь всякихъ переменъ и нововведеній, способность увлекаться и утѣшаться, подобно дѣтямъ, всякимъ вздоромъ,—то мы не можемъ не сознаться, что умъ, впрочемъ, даровитаго народа взялъ самое несчастное направленіе и наложилъ, на многіе вѣка, печать нравственнаго оскверненія на тѣхъ, кто такъ тщетно и такъ бесполезно хлопочетъ только объ избѣжаніи оскверненія тѣлеснаго. Особенно вредно дѣйствуетъ на развитіе Индусовъ ихъ религіозно-нравственное ученіе. Ученіе о сліянніи съ Брамию въ награду за жизнь, проведенную не въ трудахъ и добрыхъ дѣлахъ, а въ одномъ созерцаніи,—ученіе о божественности кастъ и предопредѣленіи судьбою того, что, по нашимъ понятіямъ, составляетъ вопиющую несправедливость,—подобное ученіе убиваетъ и клеймитъ всякую дѣятельность, всякій духъ предпримчивости и всякое стремленіе къ совершенствованію. Мнимое божественное откровеніе вмѣшивается и въ правовѣдніе и въ состояніе всѣхъ вообще наукъ, и не оставляетъ имъ никакихъ средствъ и путей къ дальнѣйшему развитію. Законъ Браны входитъ въ ежедневную жизнь каждаго Индуса, предусматриваетъ и опредѣляетъ всѣ занятія дня, велитъ такую-то бездѣлцу, запрещаетъ такой-то вздоръ; словомъ, свободный произволъ дѣлается совершенно-чуждымъ вещью для чловѣка, и ребенокъ съ малыхъ лѣтъ привыкаетъ никогда не вопрошать свою совѣсть, никогда не думать о различіи добра и зла, а вѣчно только спрашивать у другихъ, что можно и чего

нельзя? что приказано и что запрещено? что грѣшно и что не грѣшно?—Когда воспитаніе дѣтей и понятія взрослыхъ не втѣснены въ подобную противоестественную рамку, каждое поколѣніе, пользуясь опытностію отцовъ, идетъ впередъ вѣрнымъ шагомъ по пути добра и просвѣщенія, и преобразование устанавливается само-собою, незамѣтно. Но когда на всякій пустякъ есть воля Браны и запрещенія Мену, то малѣйшее отступленіе требуетъ необыкновенно-смѣлаго духа, и тотъ, кто, напримѣръ, позволить себѣ ѣсть мясо коровы или быка, долженъ отказаться отъ уваженія общества, отъ связей и родства, отъ своей касты и часто отъ собственнаго семейства.

Но картина наша еще не полна и была-бы не вѣрна, если-бы мы не взглянули на нѣкоторые качества Индуса, противоположныя его недостаткамъ. Внимательный читатель тотчасъ увидитъ, какъ качества эти еще болѣе подтверждаютъ заключенія, выведенныя нами изъ недостатковъ. Предстоящіе примѣры дадутъ притомъ Европейцу нѣкоторое понятіе о томъ, какъ Индусы понимаютъ слова: честь и обязанность.

Вы помните сказанное нами о честности должностныхъ лицъ. Вотъ представляется случай: сборщикъ возвышаетъ свои требованія съ какой-нибудь общины. Деревенскій голова не соглашается. Слово его обязательно для общины, но честь велитъ не давать этого слова и не измѣнять своей деревнѣ. Голова переноситъ терпѣливо мракъ тюрьмы, голодъ, даже пытки, и часто твердость его торжествуетъ надъ алчностью сборщика. Наконецъ его выпускаютъ на волю, и что-же? Онъ возвращается домой, и на другой-же день сдѣлаетъ взятку съ тѣхъ, за кого распинался. —Человѣкъ вашъ обманываетъ васъ ежедневно въ мелкихъ покушкахъ; но вѣрьте этому домашнему вору болѣшую сумму, и будьте спокойны: онъ станетъ хранить ее, какъ зеницу ока. — Подсудимый далъ взятку судѣ или чиновнику; доказано, что взятка дана, но неизвѣстно кому, и давшій скорѣе согласится перенести всѣ несправедливыя наказанія, чѣмъ указать, кого онъ подкупилъ.

Подобная твердость доходитъ иногда до презрѣнія смерти. Послѣдній Индусъ, который вчера еще впадалъ въ отчаяніе отъ малѣйшей неудачи, становится теперь героемъ, какъ скоро, по его понятіямъ, ему необходимо пожертвовать жизнью. Онъ спокоенъ, онъ улыбается, онъ говоритъ съ друзьями, привѣтливъ съ палачѣмъ, и не измѣнитъ своему достоинству до послѣдней минуты.

Съ особенно-выгодной стороны отличаются отъ остальныхъ

Индусовъ воинственные Раджпуты. Между ними встрѣчаеъ въ благородную гордость, восторженную храбрость и готовность къ самопожертвованіямъ, въ соединеніи съ простотою и привѣтливостію манеръ,—однимъ словомъ, лучшую форму осуществленія индійскаго характера.

Судя по рассказамъ о франмасонствѣ *тойговъ*, которые убиваютъ столько людей, между-тѣмъ какъ цѣлыя шайки другихъ разбойниковъ, называемыхъ *декоа*, производятъ почныя нападенія на деревни и города и забираютъ всю собственность обитателей, должно-бы ожидать въ Индустанѣ страшной статистики уголовныхъ дѣлъ. Однакожъ, изъ цѣлаго ряда рапортовъ, представленныхъ англійскому парламенту до 1832 года, оказывается, что въ теченіе четырехъ лѣтъ, въ Англійской Индіи приходилась въ сложности одна смертная казнь на 1,004,000 жителей и одна ссылка на 462,000. Въ Англии, въ то-же время, отношеніе примѣненія смертной казни къ народонаселенію оказалось въ пять, а примѣненіе ссылки въ шесть разъ сильнѣе. И дѣйствительно, воровство и убійство не входятъ въ число часто-повторяющихся преступленій общаго населенія, а составляютъ лишь занятіе особенныхъ кастъ, которыя переносятъ дѣйствія свои изъ одной области въ другую, какъ маленькую войну. Въ то время, когда въ окрестностяхъ города или деревни не «шалить» подобная кака-нибудь шайка, никто не запираетъ ни дверей, ни оконъ, и всѣ спятъ глубокимъ сномъ, не думая о замкахъ или засовахъ.

Дѣти Индусовъ живы, понятливы, и лѣтъ въ двѣнадцать и тринадцать несравненно-развитѣе европейскихъ дѣтей равнаго съ ними возраста. Но всѣ эти силы ума пропадають за-даромъ, и достигнувъ зрѣлаго возраста, Индусъ готовъ признавать только одинъ умъ, который онъ называетъ *бриллиантовымъ*: этотъ умъ, по превосходству, хитрость.

Въ домашнемъ быту и въ дѣлахъ Индусъ очень спокоенъ, и хранитъ приличное молчаніе; на гуляньяхъ, праздникахъ и ярмаркахъ живъ и шуменъ; въ обществѣ очень разговорчивъ, любитъ смѣхъ, шутки и анекдоты.

О наружности Индусовъ мы говорили уже нѣсколько разъ; здѣсь замѣтимъ только, что они обыкновенно нѣсколько ниже Европейцевъ и всегда тоньше и деликатнѣе. У нихъ менѣе силы, но болѣе природной граціи и особенно быстроты и ловкости въ движеніяхъ. Цвѣтъ ихъ кожи занимаетъ средину между кожею Европейцевъ и негровъ. Высшія касты подходятъ цвѣтомъ къ Испанцамъ или креоламъ, низшія гораздо темнѣе; есть нѣкото-

рые Индусы совсѣмъ — чѣрные. Усы и бороды очень густы и длинны, но обыкновенно ихъ сбриваютъ. Чистоплотность Индусовъ перешла въ поговорку. Они мѣняютъ бѣлье, разумѣется, не послѣ всякаго омовенія или купанья, но очень часто, и внутренность всѣхъ частныхъ домовъ опрятна; одни лишь караван-серан не могутъ похвалиться чистотою.

О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ У ИНДУСОВЪ.

Мы уже имѣли случай говорить въ различныхъ мѣстахъ нашего сочиненія о богословіи Индусовъ, объ ихъ философіи, литературѣ, зодчествѣ и ваяніи; теперь, чтобы дополнить обзоръ ихъ умственной жизни, бросимъ взглядъ на энциклопедію ихъ свѣдѣній въ остальныхъ отрасляхъ знанія и на усѣхи ихъ въ художествахъ.

Начнемъ съ математическихъ наукъ. Древность и самобытность индійской астрономіи составляютъ очень любопытный предметъ изученія, и подали первымъ астрономамъ Европы поводъ къ продолжительнымъ преніямъ. Кассини, Вальи и Плетеръ утверждаютъ, что замѣчательныя своею точностію, дошедшія до насъ индійскія астрономическія таблицы и вычисленія относятся къ наблюденіямъ, сдѣланнымъ болѣе чѣмъ за три тысячи лѣтъ до Р. X.; они прибавляютъ, что подобныя наблюденія свидѣтельствуютъ уже о значительномъ развитіи науки. Другіе известные астрономы, напримѣръ Лапласъ и Деламбръ, отрицаютъ достовѣрность столь-глубокой древности таблицъ. Споръ этотъ чисто-учѣбный, и для насъ достаточно знать, что Бентле, самый горячій противникъ индійской древности, принужденъ допустить, что раздѣленіе эклиптики на двѣдцать семь лунныхъ станцій существовало въ Индіи уже въ XV столѣтіи до Р. X., т. е. лѣтъ двѣсти до похода Аргонавтовъ, эпохи первыхъ астрономическихъ наблюденій въ Греціи. Ученые, занимавшіеся этими изысканіями, находили мало достовѣрныхъ источниковъ истины въ древнихъ сочиненіяхъ Индіи. Духъ исключительности касты жрецовъ набросилъ свою непроницаемую завѣсу и на эту науку. Она преподавалась только немногимъ посвященнымъ, но не приводилась въ стройную систему, и никогда не обнародывалась. Брамнины находили выгоду для себя окружать таинственностію свои наблюденія, выдавать ихъ неучѣной толпѣ за откровенія боговъ и приучать народъ смотрѣть на древніи обсерваторіи въ Дааръ, Бенаресъ, Дели и многихъ другихъ мѣстахъ, какъ на зданія священныя, доступныя лишь немногимъ избраннымъ мужамъ. Поэтому, теперь нѣтъ на-лицо основаній, служившихъ для составленія древнихъ таблицъ Индусовъ; нѣтъ и длиннаго ряда сдѣланныхъ ими послѣдовательныхъ наблюденій. Заботясь о своей выгодѣ гораздо-болѣе, чѣмъ о разработкѣ науки, брамнины позволяли себѣ, кромѣ-того, отступать отъ истины, прилепять къ ней разныя небывлицы и составлять для случая поддѣльныя таблицы, особенно когда дѣло шло о соглашеніи происшествій ихъ мѣтеорологіи съ совпадавшими будто-бы съ ними, описанными въ народныхъ преданіяхъ, иногда даже невозможными созвѣз-

діями. Понятно, какъ пагубно такая исключительность и педобросовѣстность должны были дѣйствовать на развитіе науки, и поэтому въ ихъ современной астрономіи весьма ощутителенъ недостатокъ общей теоріи; различныя части науки достигли различной степени разработки, и самыя грубыя ошибки въ вычисленіяхъ стоятъ рядомъ съ таблицами, изумляющими своею вѣрностью, рядомъ съ работами, исполненными по самымъ оригинальнымъ, никакому другому народу неизвѣстнымъ системамъ. Скажемъ болѣе: эти работы, относящіяся къ отдаленнымъ эпохамъ, основываются часто на открытіяхъ, которыя стали извѣстны намъ, Европейцамъ, только въ послѣднія два столѣтія. Существованіе подобныхъ фактовъ уничтожаетъ всякое сомнѣніе касательно самобытности индійской астрономіи. Въ позднѣйшія времена, астрономы Индустана, конечно, вошли въ сношенія съ александрійскими Греками, — но гораздо прежде, когда имъ не у кого было заимствовать, наука была уже обогащена у нихъ замѣчательными наблюденіями и вычисленіями. — Но ни древность, ни самобытность, не могли спасти индійской астрономіи отъ вреднаго вліянія браминской касты, въ рукахъ которой высокая наука должна была сойти съ своего престола и сдѣлаться орудіемъ корыстныхъ видовъ. Разбѣдившія индійскія школы не могутъ теперь сравняться съ системою, которая дружно разрабатывается всѣмъ учёнымъ міромъ Европы. Но брамины и не гонятся за всемірною славою. Они довольны своею участію: издають календари, составляютъ гороскопы, да берутъ за то хорошія деньги, а въ глазахъ своихъ невѣжественныхъ соотечественниковъ тѣмъ не менѣе сдѣлать людьми святѣйшими и учёнѣйшими.

Въ другихъ отрасляхъ математики Индусы оказали, безспорно, не менѣе ранніе и большіе успѣхи. Въ *Суріа-Сидентъ*, сочиненіи, составленномъ, по увѣренію Бентле, въ XI, а по мнѣнію другихъ учёныхъ, въ V или VI столѣтіи нашего лѣтосчисленія, находится курсъ *тригонометріи*, который далеко выходитъ изъ границъ свѣдѣній, извѣстныхъ древнимъ Грекамъ и даже среднимъ вѣкамъ, и заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя теоремы, открытыя въ Европѣ уже въ XVI столѣтіи. Измѣреніе площади треугольника посредствомъ трехъ сторонъ его и точное опредѣленіе отношенія діаметра къ окружности круга были найдены Индусами еще въ отдаленной древности. Открытіе десятичной системы счисленія принадлежитъ тоже имъ; во всего замѣчательнѣе ихъ труды по части алгебры. Ихъ открытія въ этой наукѣ особенно извѣстны намъ по сочиненіямъ браминновъ *Атишаріи* (въ XII вѣкѣ), *Гопты* (въ VI) и предшественника ихъ, знаменитаго *Аріа-Батты*, жившаго (въ IV или V столѣтіи) во время наибольшаго процвѣтанія ея въ Индустанѣ. Заслуги Индусовъ по части геометріи, арифметики и алгебры неоспоримы; метода ихъ свидѣлствуетъ о совершенной самобытности, а время цвѣтущаго состоянія этихъ знаній предшествовало тремъ или четыремъ столѣтіямъ VIII вѣку, эпохѣ, когда Арабы, въ послѣдствіи столь-знаменитые въ математическихъ наукахъ, стали впервые просвѣщать въ источникахъ греческой науки.

Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что приговоры и самыя учёныхъ судей касательно этихъ вопросовъ мы должны принимать крайне осмотрительно, условно и не иначе, какъ лишь мнѣнія о томъ, что имъ извѣстно; болѣе-подробное и основательное изученіе Европейцами санскритскаго языка и писанныхъ на немъ сочиненій дастъ только въ-послѣдствіи возможность произнести приговоръ окончательный и менѣе подверженный спорамъ.

Способность къ математикѣ кажется врожденною почти всѣмъ Индусамъ и въ наше время. Въ народныхъ школахъ математика составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ занятій, и европейскіе очевидцы приходили не разъ въ изумленіе

отъ быстроты, съ которою индійскія дѣти разрѣшали въ головѣ трудныя задачи, употребляя на нихъ несравненно менѣе времени, чѣмъ могъ-бы сдѣлать это Европейецъ съ помощію аспидной доски.

Въ географіи, напротивъ, Индусы никогда не уходили слишкомъ далеко. — По ихъ космографіи, исполнившій цвѣтокъ лотосъ (по-санскритски *падма*) плаваетъ на поверхности океана. Вымышленная гора *Меру* занимаетъ самую средину лотоса. Она имѣетъ форму усѣченного конуса; вся боковая поверхность ея усыпана драгоценными камнями, а на вершинѣ находится земной рай. Она окружена семью концентрическими материками, отдѣляемыми одинъ отъ другаго шестью морями; седьмое море окружаетъ послѣдній материкъ. Моря эти, кромѣ самаго внутренняго, состоятъ изъ молока, вина, сока сахарнаго тростника, и т. п. Центральный земной поясъ или материкъ, называемый *Джамбу-Двипъ*, омывается моремъ изъ соленой воды. Онъ состоитъ изъ четырехъ полуострововъ, соответствующихъ четыремъ листьямъ лотоса и имѣющихъ направленіе къ четыремъ странамъ свѣта. Южный полуостровъ составляетъ Индію, а иногда пользуется и исключительно, въ географическомъ отношеніи, названіемъ Джамбу-Двипа (*). Въ политическомъ отношеніи, Индія называлась браминями въ древнія времена *Барата-Канда*. Географическія свѣдѣнія Индусовъ не выходили никогда за предѣлы ихъ любезнаго, отечества. Ихъ древнія географическія книги составлены безъ всякой системы и наполнены однимъ голымъ именами. Несмотря на частыя грубыя ошибки въ изложеніи, въ этихъ названіяхъ можно по-крайней-мѣрѣ еще иногда узнать теперешнія королевства или города по рѣкѣ Синдъ; но всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ областямъ, лежащимъ къ западу отъ Снада, перепутаны до невѣроятности, и не даютъ ни одного имени, согласнаго съ истинною. Фактъ этотъ бросается въ глаза, особенно въ повѣствованіи о завоеваніяхъ Александра Македонскаго, и убѣждаетъ насъ, что съ самыхъ древнихъ временъ Индусы показывали отвращеніе къ путешествіямъ, какое обнаруживаютъ даже и теперь, и что они, вѣроятно, остались-бы еще многія столѣтія чуждыми всему міру и вполне-отдѣленными отъ него, если-бы Европейцы не вздумали сами отыскать ихъ и насильно нарушить ихъ упрямую отчужденность.

Въ древнихъ книгахъ Индусовъ Греки называются *Яванъ*, и названіе это перешло потомъ на всѣхъ завоевателей, приходившихъ въ Индію съ сѣверо-запада. По туземцы знакомились съ ними только у себя, въ Индустанѣ, и не имѣли никакихъ свѣдѣній о тѣхъ мѣстахъ, откуда приходили побѣдители. Въ сочиненіи какого-то автора VII или VIII вѣка, отысканномъ Кольбрукомъ, встрѣчаются первыя указанія о другихъ народахъ. Здѣсь сказано, что языки варваровъ называются «парасика, яванъ, ромака и барбара:» первые три изъ нихъ указываютъ, конечно, на Персіянъ, Грековъ и Римлянъ. О Китаѣ Индусы тоже слышали, но понятія ихъ объ этой странѣ были весьма неясны. Есть описаніе путешествія какого-то Китайца, бывшаго въ Индію въ IV вѣкѣ; а по сказанію китайскихъ исторіографовъ, индійскія посольства пріѣзжали нѣсколько разъ въ Китай въ II-мъ и послѣдующихъ столѣтіяхъ. Въ извѣстныхъ намъ географи-

(*) Вотъ индійская легенда о населеніи Джамбу-Двипа послѣ потопа: «Мудрый Мену, издавъ свои на вѣки вѣковы славные законы, умеръ, оставивъ шесть наслѣдниковъ одного съ нимъ имени. Въ ихъ продолжительныя царствованія народъ забылъ повелѣнія боговъ и погрязъ въ грѣхахъ. При седьмомъ Мену, потопъ покрылъ всю землю. Отъ всеобщей гибели уцѣлѣлъ одинъ удобный богамъ король Мену, съ женою, и сохранилъ святыя вѣды для грядущихъ вѣковъ. Въ ковчегѣ съ нимъ было еще семь *риши* (полубоговъ), съ своими женами. Потомство Мену, раздѣлившись на дѣтей солнца и луны, населило опять благословенную Джамбу-Двипъ.»

ческих сочиненіяхъ Индусовъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ сношеній Индіи съ Египтомъ: вся заграничная торговля между этими двумя странами находилась въ рукахъ Грековъ, а потомъ Римлянъ (*). Индійскіе купцы твердо знали относительно цѣну привозимыхъ къ нимъ товаровъ, а объ остальномъ не любопытствовали. Въ наше время, торгующее сословіе Индусовъ осталось вполне-вѣрнымъ наклонностямъ и образу мыслей предковъ. Такъ, напримѣръ, изъ города Шикарпура, лежащаго близъ Спиды, цѣлыя семьи торговцевъ переселяются безпрестанно, ища выгоды, въ Персію и Туркестанъ. Обогатившись, онѣ возвращаются въ свои края, и ихъ мѣсто занимаютъ семьи другого поколѣнія. Обычай этотъ продолжается уже вѣка,—сотни семействъ составили себѣ капиталы, но между ними не нашлось ни одного человека, который измѣнилъ-бы ремеслу отцовъ, занялся

(*) Были-ли такъ рано Китайцы въ Индустанѣ, спорить не станемъ, но изъ Европейцевъ мы первыя познакомились съ Индією, и туземцы услыхали о Россіи прежде, чѣмъ о Португаліи, Англіи и Франціи. Въ то время, какъ Васко-де-Гама думалъ о пути въ Индію, тверской купецъ Аванасій Никитинъ, около 1470 года, ходилъ уже въ эту землю бесерменскую, корысти ради,—покупалъ «руду алмазную» и толковалъ съ Малабарцами о догматахъ вѣры. На память потомству, онъ оставилъ записки о своемъ необыкновенномъ странствованіи и чудныхъ приключеніяхъ, случившихся съ нимъ во время шестилѣтней скитальческой жизни, — и хотя путешествіе его не очень богата пожива для географіи, но любопытно, какъ памятникъ старины и единственный источникъ для узнанія быта Индіи въ ту эпоху. Просто, безъ прикрасъ, начинаетъ нашъ странникъ свою повѣсть: «Господи Иисусе Христе! помилуй мя, раба своего грѣшнаго, Аванасья, Микитина сына. Се написахъ грѣшное хожденіе свое за три моря: Дербентское (доріа Хвалитское), Индійское (доріа Индустанская) и Черное (доріа Стембульское).» Отправился онъ Волгою въ Астрахань, побывалъ въ *Мушкатѣ* (Маскатѣ), *Гурмычѣ* (Ормузѣ), *Кузрятѣ* (Гуджератѣ), пускался кое-гдѣ въ торговые обороты, и послѣ «горькихъ злоключеній», прибылъ наконецъ въ *Еидербъ*, «страну индустанскую, гдѣ господствуютъ Хорассанцы,» и остался здѣсь надолго, такъ что имѣлъ время сдѣлать нѣсколько интересныхъ наблюденій. «Народъ здѣсь бѣденъ, говоритъ онъ: а вельможей носятъ на серебряныхъ кроватяхъ, а передъ ними ѣдутъ кони, украшенные золотомъ, воины, трубачи и свирѣльщики... Съ султаномъ на охотѣ бываетъ всегда 40,000 всадниковъ, 50,000 пѣшихъ, 200 слоновъ, 400 обезьянъ и 400 наложницъ.... Жители весьма склонны къ воровству, а жена рѣдкая цѣломудренна, рѣдка не вѣдьма.... Войны бываютъ частыя (а войска триста тысячъ); главная сила рати состоитъ въ слонахъ, покрытыхъ доспѣхами; къ рылу ихъ и зубамъ привязываютъ длинныя мечи, на спинѣ же у каждаго сидитъ двѣнадцать человекъ съ пушками (?)... Пошанны вездѣ большіе, разбойниковъ множество. Жить здѣсь дорого: я издерживаю въ день 45 денегъ (около 1½ руб. асс.). Дешевы перецъ и краски (а паче всего *далекъ*, индиго), шолкъ и сахаръ, но годнаго для Россіи мало, даромъ что Индію называютъ раемъ купечества...» Видно, что нашему Никитину не везло: съ горя поѣхалъ онъ осматривать «индійскій Іерусалимъ» и другія диковинки, но прибылъ для его торговли отъ этого было мало. «Нѣтъ, братья-христиане, писалъ онъ въ заключеніе: не ѣздите въ Индію, если мила вамъ слабая вѣра: или сдѣлаетесь магометанами, которые здѣсь господствуютъ, или претерпите страшныя бѣдствія. Увы! я все забылъ, не имѣя книгъ съ собою; не знаю ни праздниковъ, ни среды, ни пятницы. По-крайней-мѣрѣ, молюся Богу истинному, инаго не призывалъ, несмотря на заблужденія народа сего, исповѣдующаго 84 вѣры (вѣроятно, *касты*), согласныя въ поклоненіи *Гуту* (Буддѣ), но столь-несогласныя въ правлахъ, что Индійцы разныхъ вѣръ не хотятъ ни пить, ни ѣсть вмѣстѣ, и не совокупляются бракомъ между собою....» Возгрустнулось по отчизнѣ, и Тверитянинъ рѣшился «покинуть поганыхъ,» и черезъ гавань *Дабуле* поплылъ домой; но въ Кафѣ турецкіе пашы отняли у него всѣ товары, и бѣдный, измученный, онъ едва-едва дотащился до роднагонопелища.—Позднѣе, у насъ являлось нѣсколько послѣдователей смѣлаго купчины: самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ Астраханецъ *Маметъ-Исупъ Касимовъ*, ѣздившій въ Индію съ торговыми порученіями отъ нашего правительства, въ 1675 году.

Редакторъ.

бы изученіемъ чужой страны и обогатилъ-бы свое отечество свѣдѣніями о со-
сѣднихъ державахъ. Кромѣ-того, толпы нищихъ монаховъ отправляются еже-
годно въ предѣлы Россійской Имперіи, къ берегамъ Каспійскаго моря, въ Баку,
для поклоненія святому огню; но и отъ нихъ мало толку для географіи. При-
томъ, народная гордость Индусовъ весьма неблагоклонно смотритъ на откровенія
географіи. Брамантскій старовѣръ никогда не согласится, чтобы священная Ба-
рата-Канда могла быть такою незначительною частью всего земнаго шара, какою
изображена она на англійскихъ картахъ. Понятія Индусовъ соответствуютъ во
всемъ излишнему значенію, которое они придаютъ своей странѣ. Какъ мы при-
выкли, понятія «западъ» и «востокъ» соединять съ понятіями о двухъ цивили-
заціяхъ, называя западомъ живую Европу, а востокѣ неподвижную Азію, —
такъ и у нихъ слово *вилаѣтъ*, западъ, западное, означаетъ всю страну, лежа-
щую къ западу отъ Синда, всѣ государства, не пользующіяся божественнымъ
установленіемъ кастъ. Индусъ произноситъ это слово всегда съ нѣкоторымъ пре-
зрѣніемъ. Для его правотѣрной, неизмѣнной натуры, уже и Персіянцы и Арабы,
и Турокъ, люди малонадежные, безпокойные, и онъ смотритъ на нихъ съ подо-
зрѣніемъ, съ опасеніемъ, какъ на представителей безпорядковъ, почти какъ на
Европейцевъ. Нужно-же было существовать Индусамъ, чтобы и Турки по-
нали въ либералы!

Перехода къ хронологіи Индусовъ, намъ стоитъ вспомнить ихъ мнѣологиче-
скія бредни объ эпохѣ сотворенія вселенной, чтобы понять, что истина немного
найдетъ въ ихъ историческихъ сочиненіяхъ. Желая привести въ какой-нибудь
порядокъ данныя этой хронологіи, необходимо прежде всего отбросить въ сто-
рону ихъ юги, мага-юги, менугантары и калпы, и обратиться исключительно
къ оцѣнкѣ дошедшихъ до насъ памятниковъ ихъ исторической жизни. Но и тутъ
съ трудомъ выутаешься изъ темнаго лабиринта неточныхъ, противорѣчащихъ
одно другому показаній. Въ исторіи Индусовъ все гадательно и шатко до са-
мага появленія мусульманскихъ побѣдителей и ихъ историографовъ.

Естественныя науки и медицина никогда не достигали въ Индіи до высо-
кой степени систематической разработки, но нѣкоторыя отдѣльныя отрасли ихъ
были разработаны болѣе другихъ. Зоологическія свѣдѣнія Индусовъ очень не
полны. Ботаника процвѣтала гораздо-болѣе и вмѣстѣ съ нею фармакологія.
Индусы передали Арабамъ первыя свѣдѣнія о дѣйствіи на человеческое тѣло
разныхъ растений и минераловъ. Въ химіи они тоже сдѣлали ранніе успѣхи,
и своею самобытною дорогою дошли до приготовленія множества важнѣйшихъ
химическихъ препаратовъ, умѣли составлять многія кислоты, и т. д. Физика
не пользовалась никакимъ почѣтомъ у Индусовъ: она была слишкомъ противна
баснословному міру ихъ мнѣологіи и сверхъестественному направленію ихъ ре-
лигіознаго ученія. Самые древніе медицинскіе писатели, которыхъ сочиненія
дошли до насъ, назывались Шарака и Сушрута; время ихъ существованія не
извѣстно. Сочиненія ихъ были переведены на арабскій языкъ, и арабскіе учѣные
отзываются всегда съ особеннымъ уваженіемъ о медицинскихъ познаніяхъ Инду-
совъ. Еще въ арміи Александра Македонскаго индійскіе врачи считались искус-
нѣйшими, и превосходство ихъ было признаво Греками, послѣдователями Эску-
лапа. Два главные лейбъ-медики Гарунъ-аль-Рашида были тоже Индусы и на-
зывались Мавка и Сале. Въ хирургіи Индусы достигли до той степени искус-
ства, которая дается вѣрности и ловкости руки, безъ основательнаго познанія
анатоміи. Они почитаются изобрѣтателями ринопластики, глазной операціи
катаракта и прививанія оспы. Въ этихъ и всѣхъ болѣе-наружныхъ операціяхъ,
они отличались совершенною ловкостію, но операціи болѣе-внутреннія, какъ

напримѣръ, литотомія, удавались имъ рѣдко. Въ ихъ древнихъ сочиненіяхъ насчитывается до 127 хирургическихъ инструментовъ, но всѣ они и теперь еще очень грубы и неудовлетворительны. — Осталась-ли индійская медицина на той-же степени, на какой была во время Александра Великаго, или выродилась съ-тѣхъ-поръ: это трудно рѣшить. Природная смѣтливость Индусовъ дѣлаетъ ихъ отличными діагностиками, но отсутствіе положительныхъ патологическихъ свѣдѣній удерживаетъ ихъ въ тѣсномъ кружкѣ чистой эмпирики. Индійскій врачъ можетъ быть очень полезенъ въ лазаретахъ, если его сдѣлать помощникомъ врача европейскаго: первый отлично оцѣнитъ симптомы и опредѣлитъ болѣзнь, второй укажетъ на лучшія средства. Гдѣ индійскіе лекаря дѣйствуютъ независимо, тамъ они прибѣгаютъ часто, въ случаяхъ опасныхъ, къ помощи магіи и астрологін, къ разнымъ амулетамъ и мантрамамъ! Высшая хирургія перешла теперь въ руки Англичанъ, а въ мелкихъ городкахъ и деревняхъ хирургами бывають цирюльники, а костоправами пастухи.

Наука о музыкѣ у Индусовъ—кто-бы этому повѣрилъ? была приведена въ разныя и весьма-сложныя системы. Въмѣсто нашихъ двадцати четырехъ тоновъ, Индусы принимаютъ восемьдесятъ четыре, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое названіе, взятое обыкновенно отъ времени года или дня, напримѣръ, весенній, утренній тонъ, и т. д., и каждый долженъ дѣйствовать на особенное чувство. Но какъ мало вся эта учёность способствовала къ развитію музыкальности въ народѣ, читателю уже достаточно извѣстно это. Даже Англичане, этотъ анти-музыкальный народъ, не могутъ равнодушно переносить ея.

Должно сказать вообще, что Индусы мало способны къ высшимъ художествамъ. Индусъ обращаетъ трудъ и искусство на ремесло и успѣваетъ въ немъ, или стремится въ лабиринтъ темной, отвѣченной метафизики и путается въ ней. Ремесло и метафизика имѣютъ въ его глазахъ цѣль. Ремесло—рабство всѣдневной нужды; индійская философія—рабья душеспасительныхъ заботъ. Но свѣтлый міръ свободныхъ художествъ закрыть передъ туземцемъ. Онъ не понимаетъ его самобытнаго значенія и ищетъ въ немъ лишь выраженія своихъ мнѣологическихъ весьма не художественныхъ басней. Поэтому въ Индіи ни скульптура, ни живопись не процвѣтають.

При разсмотрѣніи архитектуры, мы уже имѣли случай убѣдиться, что лучшія статуи находятся въ подземныхъ храмахъ, и принадлежать самой отдаленной древности. Въ настоящее время, какъ мы замѣтили, статуи брамантовъ уродуются умноженіемъ числа рукъ и головъ, соединеніемъ формъ змѣей съ формами человѣческими, словомъ, разными отступленіями отъ естественнаго типа. Въ скульптурѣ Индусъ хочетъ быть богословомъ и философомъ. Для него видимый міръ ничто. Повсюду онъ жаждетъ осуществить порожденія своей фантазіи, а фантазія эта, къ сожалѣнію, стремится предпочтительно въ міръ темный, неестественный и неизобразимый. По той-же причинѣ и буддисты приписли въ жертву природу мудрствованію, красоту формъ символу достоинства, жиру, порожденному идеальнымъ, по ихъ понятіямъ, бездѣйствіемъ. Потерявъ, такимъ-образомъ, чистоту типа, Индусы, поневолю, упали въ скульптуру, но упали только въ нашихъ глазахъ. По собственнымъ ихъ понятіямъ, напротивъ, искусство у нихъ весьма обогатилось, усовершенствовалось и процвѣтаетъ досель. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, они съ гордостью указываютъ на скульптурныя работы, покрывающія наружность и внутренность ихъ храмовъ, на необыкновенное изобиліе арабесковъ и украшеній, на толпы пиластровъ и колоннъ, и спрашиваютъ, гдѣ можно найти подобное богатство? — И действительно, сколько тутъ труда и умения, сколько отчасти превосходныхъ подробностей! Но все

это подробности, да подробности, а нѣтъ связи, нѣтъ направленія, нѣтъ цѣлости, словомъ, искусства тутъ бездна, а народомъ выработаннаго художества не нмѣется. Если вѣаніе, когда-то процвѣтавшее, въ наше время упало, то *живопись*, кажется, никогда не процвѣтала въ Индіи; вы находите здѣсь одно малярство. Комнатныя стѣны раскрашены, болѣею частію, водными, а иногда масляными красками, и предметы изображеній берутся обыкновенно изъ мифологіи. Ландшафты встрѣчаются рѣдко и состоятъ изъ одного или двухъ деревъ, безъ соблюденія перспективы и безъ всякихъ оттѣнковъ. Попадаются у Индусовъ и миниатюрные портреты: иногда въ нихъ бываетъ сходство чертъ, но жизни и фizioноміи никогда. Отъ прежнихъ временъ остались, кроме того, многіе великолѣпно-раскрашенные манускрипты, отличающіеся яркостію красокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неправильностію рисунка; въ подземныхъ храмахъ уцѣлело много превосходныхъ фресковъ, замѣчательныхъ свѣжестію колорита.

Этотъ бѣглый очеркъ современнаго состоянія наукъ и художествъ у Индусовъ указываетъ опять на жалкую участь, постигшую этотъ даровитый народъ. Когда-то онъ жилъ, двигался, опередилъ всѣхъ сосѣдей, образовалъ разныя науки; но ему было мало всего этого, — онъ отложился отъ братства другихъ націй, объявилъ себя народомъ, избраннымъ Брамой, — нѣкоторые изъ среды его провозгласили себя архипизбранными богамъ, назвали себя браминями, передали своимъ землякамъ божественное установленіе кастъ... и съ-тѣхъ-портъ, все погибло, все остановилось, все помертвѣло. Проклятіе, лежащее на даровитомъ племени Индусовъ, содержитъ въ себѣ многозначительный урокъ для всѣхъ народовъ и племенъ, особенно Азіи. Жаль только, что подобные уроки понятны лишь тѣмъ, кому они уже не надобны, а нуждающіеся въ нихъ готовы только забавляться кривизною чужаго лица, и никогда не подумаютъ заглянуть сами въ зеркало истины.

* * *

Весь второй отдѣлъ нашего сочиненія былъ доселѣ посвященъ подробному разсмотрѣнію Индусовъ, главнаго элемента народонаселенія описываемой нами страны. Эти шестьдесятъ или семьдесятъ милліоновъ людей населяютъ преимущественно гангскій бассейнъ, весь восточный берегъ Индустана и всѣ южныя и внутреннія области полуострова. Читатель, надѣмся, достаточно познакомился съ этимъ извѣженнымъ, слабымъ и малодушнымъ племенемъ, которое раститъ господскій рисъ, сажаетъ чужой табакъ, ждетъ, когда созрѣетъ сахарный тростникъ, работаетъ вѣчно на своихъ притѣснителей, и засыпаетъ въ нищету, ни мало не заботясь о томъ, кто управляетъ его судьбами. Эти шестьдесятъ милліоновъ составляютъ только главную часть огромнаго индусскаго поколѣнія, число котораго можно опредѣлять только гадательно, и которое, независимо отъ кастъ, раздѣляется на многія вѣтви, различныя между собою по характеру, вѣншему виду и обычаямъ. Такимъ-образомъ, въ противоположность съ дѣшными, погрязшими въ униженіи племенами востока, центра и юга Индіи, на сѣверѣ и западѣ ея находятся другія племена, воинственные, смѣлыя, полныя жизненныхъ силъ. Между ними главныя мѣста занимаютъ Маратты, Раджпуты, Сейки и Наиры. Но такъ какъ эти племена составляютъ лишь исключеніе изъ общаго правила, и частнымъ отступленіемъ своимъ отъ національнаго типа огромной индусской семьи они одолжены преимущественно вліянію географическихъ особенностей обитаемыхъ ими областей, — то мы и оставляемъ ближайшее знакомство съ ними до четвертаго отдѣла, предназначеннаго обзору Индустана соотвѣтственно его политическому дѣленію. Мы сдѣлаемъ исключеніе для однихъ Сейковъ, потому что они вполне отложились отъ Браманзма и составили себѣ

особенное религиозное исповѣданіе, — и рассмотримъ ихъ въ этомъ второмъ отдѣлѣ. Но предварительно необходимо познакомиться съ мусульманами Индустана. Потомъ мы کنیمъ бѣглый взглядъ на остальные мелкія племена, разбросанныя по горамъ, равнинамъ и ущельямъ обширнаго Джамбу-Джипа, — и тѣмъ закончится наше этнографическое путешествіе кругомъ индійскаго свѣта.

МУСУЛЬМАНЕ.

Послѣ Индусовъ, въ Индустанѣ болѣе всего потомковъ прежнихъ завоевателей этой страны: Монголовъ, Афгановъ, Персовъ и Арабовъ. Мусульманъ въ Индіи считается до *шестнадцати милліоновъ*, такъ что, въ настоящее время, у англійской королевы болѣе подданныхъ поклонниковъ Магомета, чѣмъ у турецкаго султана. Число это составляетъ около *десятой части* народонаселенія всей страны и около *седьмой* обитателей непосредственныхъ англійскихъ владѣній въ Индіи.

Неоднократные набѣги Афгановъ и Монголовъ, особенно завоеванія Индіи Махмудомъ и Куттубомъ и продолжительное царствованіе на дѣлійскомъ престолѣ династіи Бабера: вотъ естественный источникъ Исламизма болѣе части туземныхъ владѣтелей; то-же самое можно сказать и объ ихъ придворныхъ, такъ что мусульмане до наступленія XIX вѣка занимали важное мѣсто въ высшей аристократіи Индустана. Но и нижніе классы мусульманъ не слились съ туземцами въ одну массу. Несмотря на продолжительность своего пребыванія въ Индіи (около *деяти вѣковъ*) и на многочисленность, мусульманское населеніе сохранило здѣсь какой-то *иноземный характеръ*; оно живетъ обыкновенно въ большихъ городахъ, по окраинамъ страны, и весьма рѣдко во внутренности полуострова и въ селеніяхъ.

Извѣстно, что мусульмане раздѣляются на двѣ главныя секты: *суннитовъ* и *шиитовъ*. Въ Индустанѣ болѣе суннитовъ; шиизма держатся только потомки Персовъ.

Въ первыя времена вторженія въ Индію, мусульмане старались обращать Индусовъ въ свою вѣру огнемъ и мечомъ; ревность ихъ имѣла тогда успѣхъ, хотя и ограниченный, потому что характеръ Индуса не измѣнилъ себя и здѣсь. Новообращенные не могли разстаться съ понятіями Браманизма, объ оскверненіяхъ и общественныхъ раздѣленіяхъ, и пытливіе потомки ихъ свято хранятъ предразсудки отцовъ, столь чуждые духу Исламизма. Въ послѣдствіи фанатизмъ завоевателей уменьшился,

а вмѣстѣ съ нимъ прекратился и прозелитизмъ. Мусульманскіе правители стали довольствоваться земною властію, не вмѣшиваясь въ духовныя дѣла. Они перестали заботиться, какимъ богамъ поклоняются ихъ подданные, лишь-бы они оставались покорными ихъ власти, и вносили безъ недоимокъ назначенные налоги.

Безъ сравненія, большая часть мусульманъ Индустана принадлежитъ къ монгольскому племени, и говоритъ обыкновенно по-индустански. Въ обществѣ высшихъ классовъ и въ письмѣ употребляются однако-же персидское и такъ-называемое монгольское нарѣчія. Мусульманъ не-Монголовъ наберется не болѣе милліона. Индійскій Монголь крѣпкаго тѣлосложенія. Онъ выше ростомъ, сильнѣе и воинственнѣе Индуса, живущаго въ равнинахъ. Онъ приросъ къ своей лошади, и ловко управляетъ холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Разрѣзъ его маленькихъ, блестящихъ глазъ нѣсколько косъ. Цвѣтъ кожи темень, волосы чѣрны, носъ плосокъ. Въслѣдствіе необходимаго смѣшенія съ Индусами, монгольскія черты лица его стали менѣе непріятны, но бѣдность бороды напоминаетъ его происхожденіе.

Одежда мусульманъ была почти повсемѣстно принята Индусами, и потому теперь трудно отличить тѣхъ и другихъ по наряду. Только шарфъ, принадлежность праздничнаго или богатаго костюма, накидывается мусульманами на правое плечо, а у Индусовъ идетъ черезъ лѣвое.

Мусульманинъ менѣе даровитъ, менѣе ловокъ и гибокъ, чѣмъ Индусъ, но въ немъ болѣе силы и прямотушія. Характеръ Индуса изобличаетъ человека слабаго, или, вѣрнѣе, зануганнаго. Въ характеръ мусульманина даже пороки свидѣтельствуютъ о его силѣ. Храбрость и жестокость смѣшиваются у него съ жадностію къ деньгамъ, власти и наслажденіямъ. Передъ высшимъ онъ, въ случаѣ надобности, погнется и поползаетъ,—низшему покажетъ презрѣніе и гордость; но по-крайней-мѣрѣ подличать безъ нужды, подобно Индусу, онъ не будетъ, и при всей видимой необузданности страстей своихъ, когда нужно, покажетъ, что онъ не забылъ, что значить сила воли. Взгляните на богатаго мусульманина. Онъ всегда въ шелку, въ бархатѣ и драгоценныхъ шаялахъ; вокругъ него толпы прекрасныхъ рабынь, но и тѣ ему наскучили, и онъ предается самымъ противоестественнымъ наслажденіямъ: съ утра до вечера не разстается съ опьяняющею хукою, безпрестанно прибѣгаетъ, несмотря на запрещеніе пророка, къ вину, а еще чаще къ незапрещенному опиуму. И что-же? Когда этому сластолюбцу прійдется быть на охотѣ

или въ походѣ; онъ терпѣливо будетъ переносить холодъ, голодъ и усталость, и заткнется за-поясъ самаго браваго Европейца.

Гдѣ есть гаремы, свнухи и покрывала, гдѣ женщина живетъ рабой и затворницей, тамъ, конечно, еще нѣтъ общества чисто-человѣческаго. И точно, въ мусульманствѣ осталось еще много животнаго. Звѣрь долженъ со-временемъ переродиться въ человѣка,—но пока не переродился, пусть остается звѣремъ: это лучше, чѣмъ обратиться, какъ-будто для перехода, предварительно въ животное домашнее, что, къ сожалѣнію, случается нерѣдко. Многоженство встрѣчается у мусульманъ только между богатыми. Люди не совсѣмъ бѣдные женятся обыкновенно въ первый разъ по восемнадцатому году; но лѣтъ черезъ десять или пятнадцать, «подруга юности» уже старуха, и тогда они снова выбираютъ другую молодую женщину, которую называютъ «подпорой и утѣшеніемъ старости.» Тѣмъ и ограничивается гаремъ индо-мусульманскаго мѣщанина. «Подруга юности» обращается наконецъ въ няньку дѣтей «утѣшительницы старости,» или просто въ работницу.

Многія женщины высшихъ сословій умѣютъ читать, и употребляютъ время, свободное отъ ласкъ супруга, на чтеніе романовъ и народныхъ разсказовъ; но умѣть писать считается для благовоспитанной дамы крайне-неприличнымъ, потому что излишняя грамотность можетъ пригодиться для любовнаго письма,—и всегда покорныя своей судьбѣ, дамы востока отказываются отъ соблазнительнаго искусства, и покрываютъ свои сердечныя тайны хитро-составленнымъ букетамъ цвѣтовъ.—Сыновья бѣдныхъ людей обучаются въ школахъ преимущественно персидской грамотѣ и арифметикѣ, по-крайней-мѣрѣ на столько, чтобы умѣть составить домашній счѣтъ, потому что многіе богатые Европейцы выбираютъ себѣ прислугу бѣльшого частию изъ мусульманъ.

Какъ у Индусовъ, такъ и у магометанъ есть свои фанатики и кающіеся братія.—Особенно опасны богомольцы, возвращающіеся изъ Мекки съ поклоненія гробу пророка. Они убѣждены, что убійство христіанина или Индуса, вообще всякаго не-мусульманина, зачтется имъ въ особенную заслугу и отворить врата рая; поэтому при нихъ всегда ножъ, кинжалъ, или другое столь-же душеспасительное орудіе.

Ненависть къ владычеству Англичанъ ни сколько не уменьшила нелюбви туземцевъ къ мусульманамъ. Въ обыкновенной жизни эта наследственная вражда не замѣтна. Индусъ и мусульманствѣ живутъ рядомъ, учатся часто въ одной школѣ, торгуютъ между собою; но въ обществѣ они избѣгаютъ другъ

друга и не встрѣчаются безъ пужды. Религіознаго праздника, какой-нибудь процессіи достаточно, чтобы вызвать наружу всѣ чувства недоброжелательства, которыя питаютъ другъ къ другу поклонники Брамъ и послѣдователи Магомета. Индусъ ставитъ всякаго мусульманина ниже *наріи*, и съ ужасомъ смотритъ, какъ безбожникъ преспокойно объѣдается вкусной говядиной, между-тѣмъ какъ онъ, набожный брамантъ, только съ благоговѣніемъ вкушаетъ смѣшеніе пяти даровъ священной *гои*. Зато мусульманину всякій идолъ брамантовъ просто пожъ въ сердце. Англичанамъ весьма нравится такое непріязненное отношеніе двухъ главныхъ группъ управляемыхъ ими народовъ. Оно отвращаетъ всякую возможность тѣснаго союза болѣе чѣмъ ста милліоновъ азіятскихъ подданныхъ противъ менѣе чѣмъ ста тысячъ господствующихъ Европейцевъ.

Еще до рожденія Магомета, на западномъ берегу Индіи были поселены многіе *Арабы*, занимавшіеся торговлею и хлѣбопашествомъ. Ученіе Ислама было скорѣ принято ими, и между-тѣмъ какъ одноплеменики ихъ громили войною Индустанъ съ сѣвера, южные поселенцы, не довольно многочисленныя, чтобы прибѣгнуть къ силѣ оружія, дѣйствовали убѣжденіями, и умѣли примѣрною жизнію своею вкрасть въ довѣренность новыхъ своихъ соотечественниковъ и втереться въ ихъ частную и общественную жизнь. Вся торговля Малабарскаго берега перешла въ ихъ руки, и пользуясь огромнымъ вліяніемъ на туземныхъ властителей, отправляя свободно богослуженіе и воздвигая повсюду великолѣпныя мечети, они пріобрѣтали всѣ важныя государственныя должности, особенно въ Деканѣ и Гузератѣ, и наконецъ, мало-по-малу, изъ смиренныхъ купцовъ обратились въ самовластныхъ вассаловъ и овладѣли крѣпостью Гоа. Время и обстоятельства ослабили ихъ могущество, — и теперь на Малабарскомъ берегу считаютъ около ста тысячъ Арабовъ, оставшихся вѣрными языку и обычаямъ родины. Смѣсь ихъ съ Индусами называется *Мапулетами*.

Но не всѣ мусульмане были такъ миролюбивы, и многія шайки «правовѣрныхъ» разбойниковъ опустошали Индустанъ въ прежнее время, и собираясь толпами тысячъ въ сорокъ, налагали контрибуцію на туземныхъ слабыхъ правителей. Славнѣйшія изъ этихъ хищническихъ племенъ были *Пиндарии* и *Міяны*, но оба они усмирены теперь Англичанами, и ведутъ себя ниже травы, тише воды.

Религіозные праздники мусульманъ, о которыхъ не мѣсто говорить здѣсь подробно, основаны на болѣе очищенномъ ученіи

и далеко не такъ ужасны, какъ торжества Индусовъ, но тѣмъ не менѣе посятъ на себѣ оригинальный отпечатокъ мѣстности. Строгий Исламизмъ не могъ оградить себя вполне отъ вліянія почвы, изобилующей символами и формами, на которую онъ былъ перенесенъ. Такъ, во время одного изъ замѣчательнѣйшихъ религіозныхъ торжествъ, мохорума, празднуемаго шінтами, въ память плачевной кончины внука пророка, Гуссейна, въ продолженіе десятидневнаго поста разыгрывается всенародная драма, въ которой имамы повѣствуютъ о подробностяхъ смерти святаго мужа, а толпа, одѣтая вся въ чѣрное, вопить изъ всѣхъ силъ и бьетъ себя въ грудь. Въ самый день праздника, вечеромъ, въ торжественной процессіи переносятся тази, т. е. пустые гробы двухъ мучениковъ (Гассана и Гуссейна), память которыхъ празднуютъ, и все туземные шінты считаютъ священнѣйшимъ долгомъ присутствовать при этомъ обрядѣ. Снова читается «прискорбная повѣсть», снова безчисленная толпа правовѣрныхъ испускаетъ то жалобные, то яростные вопли, при воспоминаніи о каждой изъ тридцати ранъ Гуссейна. По зарытіи гробовъ, мусульмане бросаются къ разложеннымъ огнямъ и начинаютъ бѣшеную, изступленную пляску, произнося проклятія на убійцъ Магометова потомка. Индусы, столь-жадные ко всякому шуму и безпорядку, лишь-бы онъ нарушалъ гнетущее однообразіе ихъ вседневной жизни, пользуются этимъ праздникомъ, и не имѣя понятія о его значеніи, отправляютъ его на своему. Они дѣлаютъ изъ этихъ поминковъ настоящій карнавалъ, и среди блѣдныхъ, серіозныхъ лицъ мусульманъ, въ глубокомъ траурѣ, встрѣчаются цѣлыя толпы веселыхъ гулякъ, нарядившихся въ самые смѣшные костюмы, покрытыхъ съ ногъ до головы бубенчиками, и оглашающихъ воздухъ громомъ шумныхъ инструментовъ. Впрочемъ, и сами мусульмане заразились отчасти брамантскими повѣртіями, и въ Индустанѣ найдется не малое число магометанъ, которые, называя Мекку и Медину «святыми мѣстами», слишкомъ отдаленными отъ нихъ, совершаютъ путешествія къ гробамъ святыхъ брамантовъ.

Чтобы ознакомиться съ фیزیономією мусульманскихъ городовъ и образомъ жизни ихъ обитателей, представимъ панораму Гай-дерабада, самаго многочисленнаго города Декана.

Онъ занимаетъ огромное пространство, и населенъ почти 250,000 жителей. Вся укрѣпленія его состоятъ изъ обвалившейся во многихъ мѣстахъ земляной ограды, и по этимъ неживописнымъ развалинамъ, мудро догадаться, что възжаешь въ столицу обширнаго государства, а между-тѣмъ вы уже у главныхъ триумфальныхъ воротъ, Дели-Дерваза, окруженныхъ двумя караульными. При проѣздѣ важнаго лица, караулъ отдаетъ честь, опираясь на свои длинные

ружья съ фитилемъ. Караульный отрядъ состоитъ изъ пестрой толпы Сейковъ и Арабовъ, которые со славою заняли-бы роль бандитовъ въ любой мелодрамѣ. Подобно большей части индійскихъ городовъ, Гайдерабадъ построенъ крестообразно. Двѣ главныя улицы города, какъ артеріи этого огромнаго тѣла, пересекаютъ одна другую подъ прямымъ угломъ. Центръ образуетъ широкую площадь (*Чоръ*), и по срединѣ ея находится *Джема-Месджидъ* (т. е. большая мечеть, съ четырьмя минаретами). Съ платформы этого храма передъ вами раскрывается панорама всей столицы. Куда ни взгляните, повсюду у вашихъ ногъ террасы и бѣлыя плоскія крыши домовъ, которыя съ улицы почти незаметны, отдѣляемыя одна отъ другой легкими верхушками частыхъ деревьевъ. Крыше, узкіе переулки, въ которыхъ живетъ туземное населеніе, скрыты отъ глазъ; за-то, взоръ свободно пробѣгаетъ по двумъ главнымъ улицамъ, и разомъ обнимаетъ всю жизнь и движеніе города. Вездѣ, надъ крышами и изъ-за деревьевъ, торчатъ башни и своды, изобилующіе окнами, сквозными ставнями, балкончиками и зубцами. Вездѣ видны балюстрады, куполы, шпицы, заостренные стрѣлки, все прихоти восточной архитектуры. Въ этомъ зрѣлищѣ такъ много полого, поразительнаго для Европейца, что вы готовы забыться на цѣлыя часы. Но опытный проводникъ не долго даетъ вамъ смотрѣть. Эта возвышенная точка слишкомъ хорошо удовлетворяетъ любопытству иностранца, а мусульманинъ не любитъ, чтобы чужой глазъ заглядывалъ въ его домашній бытъ. Мусульманскія женщины привыкли проводить всю прохладную часть дня на кровляхъ своихъ домовъ. Тамъ онѣ дышатъ чистымъ воздухомъ, прогуливаются болтаютъ, съ подругами и не стѣсняютъ себя ни въ чемъ, потому что высокая балюстрада защищаетъ ихъ отъ нескромныхъ взглядовъ прохожихъ. Только отъ наблюдателя, стоящаго на галлерей большой мечети, не укрывается ничто, а потому и не оставайтесь долго на этой опасной точкѣ, если не хотите, чтобы пуля ревниваго мусульманина напомнила вамъ о законахъ приличія и скромности.

Не пускайтесь и въ лабиринтъ переулковъ: скоро вамъ сдѣлается душно и тѣсно; удивленіе и отвращеніе вдругъ измѣнятъ пріятное впечатлѣніе, навѣянное на васъ общастью картины. По обѣ стороны переулковъ тянутся высокія, неправильныя, чѣрные, каменные массы безъ оконъ, напоминающія остроги, а не уютныя жилища людей. Часто черезъ улицы переброшены своды, соединяющіе противоположные дома; иногда поперекъ переулка вдругъ выстроена стѣна, и достаточно затворить ея калитку, чтобы кварталъ превратить въ укрѣпленное мѣсто. Посреди переулковъ тянется глубокій, длинный ровъ, наполненный грязью, изъ которой отбѣляются зловредныя испаренія. Въ этихъ-то кварталахъ нищеты холера всегда находитъ гостепріимство и обильную пищу.

Но вышедши отсюда на большую улицу или на *Чоръ*, вы вдругъ перенесены въ совершенно-другой міръ. Вечно-движущаяся и обновляющаяся толпа представляетъ пестротой одеждъ своихъ крайне-живописный видъ; медленные движенія и безпечность простолюдина дышатъ какимъ-то благородствомъ. Рѣдко вы встрѣтите грубость; самыя жесткіе пріемы не выходятъ изъ границъ гордости. Праздная толпа пользуется бездѣйствіемъ, какъ знакомымъ благомъ, и крайняя нужда, кажется, мало тяготитъ ее. Вы не встрѣтите шумнаго изъясненія радости, но не увидите также ни суетливости, ни озабоченности. Къ любимымъ забавамъ и къ необходимой работѣ простолюдинъ идетъ равно медленно. «Къ чему спѣшить? Что должно быть, то и будетъ а будетъ то, что угодно Аллаху!»

Постройка Гайдерабада очевидно, ко временамъ упадка искусства. Даже главная мечеть замѣчательна не по стили, а только по огромности. Легкая мусульманская архитектура встрѣчается въ однихъ надгробныхъ памятникахъ,

и кладбища представляют самый очаровательный видъ. Это великолѣпныя сады, гдѣ сквозь густую зелень рисуется множество бѣлыхъ или черныхъ каменныхъ зданий, одно другаго изищете, зѣрите. Невозможно вообразить себѣ, какъ граціозно эти каменные кружева и арабески отдѣляются и рисуются на прозрачномъ небѣ юга. Сюда каждый вечеръ стекаются горожане наслаждаться свѣжестью и прохладою; услышавъ голосъ муэззина, православные поклонятся надъ прахомъ тѣхъ, кто былъ имъ дорогъ, и чье послѣднее жилище теперь окружено ковромъ благоуханныхъ цвѣтовъ.

Кромѣ этихъ яркихъ особенностей, города мусульманскіе въ остальномъ болѣею частию походятъ на чисто-индійскіе. Во всѣхъ классахъ обитателей ихъ проявляется много оригинальнаго, особеннаго, но во всякомъ случаѣ, мѣстность беретъ свое, и многіе обычаи мусульманъ приняты какой-то смѣшанный туземный оттѣнокъ. Отличить эти обычаи довольно трудно, и мы дѣлаемъ это, по-мѣрѣ возможности, въ разныхъ отдѣлахъ нашей книги, оставляя полную картину магометанскаго быта до описанія какой-либо страны, гдѣ онъ занимаетъ господствующее мѣсто. А теперь удовольствуемся любопытной характеристикой мелкихъ индійскихъ владѣтелей-мусульманъ, которымъ Англичане оставили только тѣнь независимости. Приведемъ разсказъ одного путешественника:

«Вѣзжая въ его небольшую столицу (брата знаменитаго Типпо-Саиба), я встрѣтился съ многочисленною кавальеріею, которой предшествовалъ идболъ: такъ называется родъ танъ-тама, въ который кивалась мѣрно ударяетъ, идя впереди свиты свѣтлѣйшей особы. Только лица королевской крови, главные министры и важнѣйшіе саванники имѣютъ право на такое отличіе. Мы вѣхали на встрѣчу самъ владѣтельный клзъ. За нимъ красовалось нѣсколько статныхъ, богато-одѣтыхъ всадниковъ, а впереди бѣжали его телохранители, довольно-оборванные, съ голыми руками, но вооруженные съ ногъ до головы, всѣми родами оружія нападательнаго и оборонительнаго, начиная съ ружей и пистолетовъ до щитовъ и кинжаловъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что каждый воинъ былъ ходячею лавкою оружейника. Руки, ноги, кушаки этихъ жалкихъ героевъ были до-того обременены всякою всячиною, что проворный паренъ съ доброй дубиной успѣлъ-бы отколотить гвардейца, прежде чѣмъ онъ справился-бы съ своимъ арсеналомъ, и рѣшился въ выборъ оружія. Но что прикажете дѣлать? Разнообразіе вооруженія должно свидѣтельствовать о силѣ и власти охраняемаго лица.—Самъ набабъ былъ прекрасный мужичка, и хорошо управлялъ своимъ арабскимъ конемъ. На немъ была очень-длинная тюника, изъ тяжелой толковой матеріи, шитой золотомъ; на груди блестяли богатныя застѣжки; зеленый кушакъ и розовый тюрбанъ дополняли его нарядъ. Съ яркаго сѣдла висѣли широкія турецкія стремяна изъ серебра. Два конюха отгоняли отъ лошади настькомыхъ: одинъ шелъ сбоку, другой сзади, придерживая рукою хвостъ. Лошадь была совершенно-бѣлая; концы ея хвоста были выкрашены малиновою краскою, а нѣсколько выше на немъ рисовалась розовая полоса въ видѣ кольца. Удила были серебряныя. Вся эта фигура производила прекрасный эффектъ, и подлѣ нея мой бѣдный европейскій костюмъ, моя соломенная шляпа, моя бѣлая куртка и некогда-бывшіе панталоны должны были играть довольно-жалкую роль.

«Поравнявшись съ набабомъ, я поклонился ему и сѣлалъ азійскій саламъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ тѣмъ-же, и подошелъ ко мнѣ всадника, прося остановиться въ его дворецъ.—Въ бесѣдѣ съ нимъ мы говорили оба въ третьемъ лицѣ, но иногда я замѣнялъ эту общепотребительную форму разговора его собственнымъ титуломъ, называя его *алижа* (свѣтлѣйшій), а онъ всякій разъ тотчасъ отвѣчалъ на мою вежливость, чувствуя меня «величествомъ»».

Исчезли блескъ и могущество мусульманъ; но удѣлѣли и на нѣсколько вѣковъ сохраняются еще прочныя памятники ихъ царствованія въ Индустанѣ: мы говоримъ о дворцахъ, мечетяхъ, гробницахъ и другихъ постройкахъ, которыми роскошная щедрость мусульманскихъ владѣтелей украшала туземные города, во славу Аллаха и въ честь своего имени. Отлагая ближайшее знакомство съ этими памятниками до четвертаго отдѣла, просимъ покуда читателей взглянуть на мечеть *Мустафы-Хана*, въ Беджанурѣ (*рисунокъ VIII*). Прекрасный и вмѣстѣ поразительный видъ представляетъ это величественное зданіе, возвышающееся среди опустѣлаго города, прозваннаго «индійской Пальмирой.» *Джема-Месджидъ* (т. е. главная или большая мечеть), какъ обыкновенно называютъ ее, построена въ XVI столѣтіи, и по своему необыкновенно-изящному куполу, имѣющему 140 футовъ высоты, и особенно по стрѣлчатымъ, готическимъ сводамъ и высокимъ аркамъ, напоминаетъ Севильскій соборъ.

СѢЙКАМЪ.

На самомъ сѣверо-западѣ Индустана, въ Пенджабѣ, образовалось самостоятельное религіозное ученіе, неповѣдваемое *Сейками* (что по-санскритски значитъ *ученики*); основателемъ его былъ родившійся въ 1469 году *Напекъ-Шахъ*. Это чистый деизмъ, основанный на ученіяхъ *Магомета* и *Брамы*. *Баба-Напекъ*, какъ обыкновенно называютъ этого преобразователя, психодилъ весь Индустанъ, былъ въ Персіи и Аравіи, и вездѣ знакомился съ вѣрованіями обитателей, слушалъ объясненія брамантовъ и буддистовъ и вступалъ въ пренія съ учѣнѣйшими имамами. По возвращеніи на родину, онъ объявилъ себя реформаторомъ *Брамаизма*, почти въ то-же самое время, когда на западѣ Европы, ничтожный виттенбергскій монахъ возсталъ противъ власти папы. Баба-Напекъ проповѣдывалъ своимъ ученикамъ единство Бога, добрыя дѣла, миръ и вѣротерпимость. Стекавшійся отовсюду народъ слушалъ его съ восторгомъ и прини-

VIII.

Mani Menapa fassa b. Teyanaypa

малъ новое ученіе. Однажды къ Нанёку подошелъ юги (отшельникъ), и сталъ хвастаться, будто онъ можетъ творить чудеса, на что тотъ возразилъ: «А я не могу показать тебѣ ничего подобнаго; мудрецъ оправдываетъ истину своего ученія единственно чистотою собственной жизни. Все можетъ перемѣниться, только Богъ и истина не измѣняются никогда.» Опираясь также на коранъ и на веды Нанёкъ, выбиралъ изъ нихъ казавшееся хорошимъ и отбрасывалъ все, что, по его мнѣнію, было недостойно поклонниковъ Единого Бога. Онъ отзывался съ уваженіемъ о Магометѣ, но порицалъ его яростный прозелитизмъ и религіозную жестокость. Еще болѣе не одобрялъ онъ отчужденности Брамаизма, отталкивающаго отъ себя всѣхъ иновѣрцевъ и презирающаго новообращенныхъ. Нанёкъ проповѣдывалъ, что истина должна быть удѣломъ всѣхъ людей, но что распространять ее должно не иначе, какъ путемъ убѣжденія. Ученіе его было собрано въ книгу, подъ названіемъ *Ади-грантъ* (первая или главная книга). Чтимый какъ первосвященникъ основанной имъ вѣры, Нанёкъ, несмотря на то, что у него были сыновья, еще при жизни избралъ преемникомъ своей власти одного изъ своихъ учениковъ. Гоненія со стороны фанатическихъ мусульманъ и особенно казни одного изъ последователей Нанёка, Аржана, возбудили фанатизмъ между миролюбивыми дотолъ Сѣйками. Это происходило въ то время, когда въ Европѣ католики и протестанты вели кровопролитную тридцатилѣтнюю войну. Жившій въ концѣ XVII вѣка *Гуру-Говиндъ-Сингъ*, десятый духовный вождь Сѣйковъ, котораго отецъ былъ казненъ по приказанію Аурангзеба, жестоко преслѣдовавшаго всѣхъ немусульманъ,—видя, что силъ надобно противопоставить силу, доказалъ своимъ единовѣрцамъ, что миролюбивыя правила ихъ перваго законодателя несообразны съ ихъ гражданскимъ существованіемъ и заставилъ ихъ поклясться въ вѣчной враждѣ къ мусульманамъ. Вскорѣ часть мирнаго племени Сѣйковъ превратилась въ народъ воинственный; воины приняли названіе *синговъ* (львовъ), между-тѣмъ какъ земледѣльцы сохранили прежнее имя Сѣйковъ. Старовѣры не признаютъ, впрочемъ, ученія Говинда, держатся однихъ словъ Нанёка, и называются *удасинъ*, тогда какъ последователи Говинда известны подъ именемъ *каласса*. Между послѣдними есть наружный обрядъ приема въ исповѣданіе, для дѣтей и новообращенныхъ. Нанекизмъ былъ принятъ людьми разныхъ націй: между Сѣйками есть Джаты, Раджпуты, Индусы, Афганы, Монголы, Арабы, и проч. Число нанекистовъ въ точности неизвѣстно, но оно не превышаетъ пяти

милліоновъ; и секта эта имѣетъ болѣе вліянія по смѣлому и фанатическому духу своихъ членовъ, нежели по ихъ числу. Воинственный образъ жизни Сѣйковъ дѣлаетъ ихъ во многомъ схожими съ Мараттами.

Храмы Сѣйковъ, посвященные «Непостижимому», имѣютъ наружность строгую, простую и лишены всякихъ изображеній и украшеній. Богослуженіе ихъ состоитъ изъ гимновъ, въ которыхъ восхваляются единство, всемогущество и вездѣсущность Бога, и испрашивается у него сила творить благое на пользу человечества. У Сѣйковъ бываютъ братскія трапезы, къ которымъ допускаются и инверьцы, и гдѣ читаются иногда наставленія Навѣка или Говпида; но должно сказать вообще, что молитвы въ храмахъ бываютъ очень непродолжительны и не сопровождаются никакими внѣшними церемоніями. Стараясь очиститъ свое вѣрованіе отъ всего чуждаго, они отвергаютъ поклоненіе идоламъ и установленіе кастъ; признавая загробную жизнь, они вѣрують, отчасти, и въ переселеніе душъ. Въ новѣйшее время, въ ихъ ученіе вкралась, однако, нѣкоторыя основы Брамизма. Такъ, многіе спяги, несмотря на исповѣдуемое ими единобожіе, свято чтутъ индійскую богиню войны, смерти и кровопролитія, Дурга-Баавани, и значительная часть ихъ удерживается отъ употребленія говядины. Навѣкъ и Говпидъ почитаются Сѣйками за святыхъ, на-перекоръ ученію этихъ основателей, которые велѣли святость приписывать одному Богу. Сѣйки не бреютъ, подобно Индусамъ или мусульманамъ, ни бороды, ни головы.

Въ наше время, Сѣйки вполне воинственный народъ; кромѣ воиновъ, между ними находятся только земледѣльцы и купцы, а часто хлѣбопашество и военное ремесло соединяются въ одномъ лицѣ, — и потому генералъ Біорнстерна называетъ ихъ Римлянами современной Азіи. Обыкновенно ихъ описывали, какъ племя фанатическое, храброе, привыкшее къ военному дѣлу, съ атлетическими формами тѣла, лишенное всякаго образованія и презирающее грамоту, — но имѣетъ съ тѣмъ, хвалили ихъ прямодушіе, благородство и незлобивый духъ.

По словамъ капитана Муррелъ, прожившаго между ними 15 лѣтъ, единственная, общая всемъ Сѣйкамъ отличительная черта есть страшная, исторически-развившаяся ненависть къ мусульманамъ. Въ частной жизни они руководствуются слѣпое невѣжество. Безпрестанно они справляются о хорошихъ или зловѣщихъ дняхъ и часахъ. Колдовство и проклятiе играютъ важную роль у народа и его начальниковъ. Сны и жребіи ставятся гораздо выше рѣшеній разсудка. Табакъ считается у нихъ нечистымъ землемъ, но всякіе горячительные напитки, особенно аракъ, употребляются въ большомъ количествѣ, равно какъ и опиумъ.

Мертвыя тѣла сжигаются, а изрѣдка случается и возведеніе вдовъ на костеръ. Браки заключаются въ очень молодыхъ лѣтахъ; часто родители, изъ жадности, общаются свою дочь двумъ, тремъ и болѣе женихамъ, берутъ со всякаго «задатокъ», и предоставляютъ имъ потомъ рѣшить силой, чьему задатку не пропасть. Вдовамъ позволено вступать во второй бракъ, но не въ своей секты. Духовные начальники Сѣйковъ называются *гुरू*. Въ духовной столицѣ ихъ, городѣ Амритсирѣ, находится фанатическій гарнизонъ, состоящій изъ монаховъ и воиновъ, называемыхъ *акали* (бессмертные). Этотъ орденъ внушаетъ страхъ и слабымъ и сильнымъ. За всякія преступленія, часто вымышленныя, онъ налагаетъ огромныя денежныя пенн. — Судопроизводство находится въ рукахъ *сирдаровъ*, которые берутъ взятки, рѣшаютъ дѣла произвольно и приговариваютъ тоже къ денежнымъ пенямъ. Эти штрафы составляютъ главный финансовый доходъ правительства. «Словомъ, кончаетъ Муррей: несправедливость, обманъ, клятвопреступленія, необходимы Сѣйкамъ, какъ насущный хлѣбъ; они живутъ въ вѣчныхъ ссорахъ, которые рѣшаются мечомъ, или въ тяжбахъ, которыя выигрываетъ богатѣйшій. Честь и стыдъ — понятія, вовсе недоступныя имъ.

И такъ, вездѣ одинъ и тотъ-же результатъ. Гдѣ нѣтъ просвѣщенія въ массахъ; тамъ никакое благое сѣмя не можетъ пустить глубокаго корня. Какъ ни чисто сердце реформатора, какъ ни высокъ его умъ, какъ ни истинно его ученіе: все погибнетъ и выродится, если тѣ, для кого назначены эти истины, не приготовлены къ воспріятію ихъ, неспособны ихъ переработывать, очищать, обогащать и передавать грядущимъ вѣкамъ. Физическій міръ вѣчно движется; въ нравственномъ и умственномъ мірѣ покой столько-же невозможенъ. Азія не хотѣла идти впередъ и пошла назадъ. Ученіе ведъ превратилось въ цѣльное идолопоклонство. Умный Магометъ, желая предохранить свое ученіе отъ подобнаго перерожденія, проклялъ искусство ваятеля и живописца; и называлъ свое вѣрованіе «откровеніемъ Аллаха.» Онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Мусульманинъ никогда не поклонится чужимъ идоламъ, но у него образовался и долженъ былъ образоваться идолъ своего рода — фатализмъ. Онъ безжалостно растопталъ свободный произволъ чловѣка; превратилъ разумное существо въ машину и не оставилъ ему никакого выхода. Какъ переродился Буддизмъ, мы объяснили выше. Наконецъ явился Панѣкъ, этотъ чловѣкъ съ чистымъ ученіемъ, съ свѣтлымъ умомъ и съ простымъ, неживымъ сердцемъ. И что-же? Последователи его удержали наружный символъ чистаго ученія, сохранили букву его закона; читаютъ страницы его *Ади-гранта*, собираются въ простыхъ, неукрашенныхъ храмахъ, — и только. А сердца ихъ исполнены несправедливости, жадности и корысти. Такова будетъ участь всякаго реформатора, пока свѣтъ истины и знанія не проникнетъ въ умы миллионовъ.

КОРЕННЫЕ ЖИТЕЛИ.

Въ горахъ и лѣсахъ центральной Индіи удержалось доселѣ коренное населеніе страны, совершенно-отличное отъ Индусовъ. Это порода людей малорослыхъ, чѣрныхъ, стройныхъ, проворныхъ, съ быстрыми, живыми глазами. Племена, составляющія ее, ходятъ почти совсѣмъ нагія, вооружены луками и топорами, и находятся въ вѣчной войнѣ съ обитателями равнинъ, которыхъ грабятъ они считаютъ себя въ правѣ. Племена эти живутъ маленькими аулами. Хижины ихъ строятся болѣею частью изъ вѣтвей, и иногда цѣлое мѣстечко перевозится съ одного мѣста на другое. Горцы отличные охотники и очень дурные земледѣльцы, и поэтому, главные средства ихъ пропитанія заключаются въ неутомимой войнѣ съ звѣрьми и съ зажиточными обитателями равнинъ, которыхъ они перѣдко заманиваютъ къ себѣ подъ предлогомъ мѣшовой торговли.

Религія горцевъ состоитъ изъ хаоса доморощенныхъ и заимствованныхъ суевѣрій. Въмѣсто жрецовъ у нихъ колдуны. Рядомъ съ нѣкоторыми божествами Индусовъ, преимущественно страшными и кровожадными, напримѣръ Шивой и Дургою, вы находите боговъ собственнаго изобрѣтенія, чтимыхъ соразмѣрно предполагаемой въ нихъ грозной силѣ. Такъ, богъ оспы, свирѣпствующей въ горахъ, стоитъ выше всѣхъ. Тутъ преклоняются передъ деревьями, рисомъ, собакой, —тамъ воздаютъ божескія почести отголоску или водопаду. Если горцу нужно грести противъ теченія рѣки, онъ броситъ сперва въ воду застрѣленную птицу, чтобы духъ воды не оскорбился, что его чешутъ «противъ шерсти.» — По указанію колдуновъ, горцы приносятъ въ жертву животныхъ, совершаютъ возліянія, закливаютъ своихъ покойниковъ и соблюдаютъ разные обряды при вѣчаніи и рожденіи. Они не знаютъ ни оскверненій, ни кастъ, ѣдятъ все и со всѣми, и очень преданы пьянству. Они населяютъ преимущественно Випдійскія горы и пространные лѣса, идущіе отъ окрестностей Бенареса почти до мыса Коморина. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хлѣбопашество вытѣснило лѣса; коренные обитатели послѣднихъ превратились въ охотниковъ, деревенскихъ сторожей, и живутъ въ мирѣ съ населеніемъ равнинъ. Въ другихъ мѣстахъ топоръ горцевъ истребилъ всѣхъ переселенцевъ: деревни хлѣбопашцевъ обратились въ груды камней, и на запустѣвшихъ поляхъ лѣсъ вступилъ опять въ прежнія права.

Образъ жизни и тѣлосложеніе этихъ племенъ показываютъ , что всѣ они принадлежать къ одной породѣ , родственной неграмъ. Но какъ между племенами, стоящими на столь-низкой степени, никогда не бываетъ единства , проявляющагося только вмѣстѣ съ національностью , о которой здѣсь не можетъ быть и помину, то и коренные жители Индіи дѣлятся на бездну отдѣльныхъ племенъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свое нарѣчіе, и извѣстно подѣ особымъ названіемъ. Приведемъ здѣсь нѣкоторые изъ нихъ.

Огромное, еще мало извѣданное пространство въ западной части Бенгаліи и въ Бахарѣ занимаютъ Коли, племя очень-безобразное, но крѣпкаго сложенія; между ними считается до тридцати различныхъ поколѣній, управляемыхъ своими спрдарами. Въ окрестностяхъ Джагерната встрѣчаются Сури; они малорослы, имѣютъ кожу блестящаго чѣрнаго цвѣта, не воинственны, исправляютъ разныя рабскія должности у жителей равнинъ, но тѣмъ не менѣе всегда вооружены топоромъ, и если не нужно рисковать собою, съ величайшимъ хладнокровіемъ убиваютъ кого угодно. Въ Багалпурѣ горцы называются Пагарія (обитатели горъ), изъ чего Европейцы сдѣлали слово парія.

Близъ Виндійскихъ горъ, въ центрѣ и на югѣ большихъ лѣсовъ, и по сосѣдству съ Мараттами, на значительномъ пространствѣ, живутъ Гонды или Гуды. Они распадаются на множество племенъ и говорятъ различными нарѣчіями. Биндеруаръ-Гонды, въ Омеркунтукѣ, живутъ не въ деревняхъ, но разбѣяны по лѣсамъ и скрываются въ весьма-бѣдныхъ хижинахъ. Главная пища ихъ состоитъ изъ сыраго риса, но кромѣ его, они иногда лакомятся обезьянами, змѣями и особенно соею, смѣшанною съ сахаромъ, — а по-временамъ не гнушаются и человеческого мяса. Какъ скоро кто-нибудь изъ родственниковъ или хорошихъ друзей отчаянно боленъ или очень старъ, они перерѣзываютъ ему горло и ѣдятъ его трупъ, увѣренные, что, кромѣ удовольствія себѣ, оказываютъ этимъ истинную услугу страдальцу. Многие Гонды, живущіе на восточномъ берегу рѣки Годавери, имѣютъ волосы совершенно-рыжіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ курчавые, какъ овечья шерсть, что придаетъ имъ чѣрному лицу очень-оригинальный видъ.

Въ многочисленномъ племени, принадлежащемъ тоже къ семѣ Гондовъ и обитающемъ на южномъ берегу рѣки Маганудди, уцѣлѣлъ до-сихъ-поръ обычай приносить людей на жертву, и такъ какъ этотъ обычай составляетъ тамъ какъ-бы основаніе всѣхъ отношеній человека съ обожаемыми имъ высшими силами

то мы сообщимъ здѣсь очеркъ религіозныхъ мѣтній и обрядовъ туземцевъ.

Боги этого племени раздѣляются на большихъ и малыхъ, то-есть, общихъ и мѣстныхъ. Первыхъ около дюжины, вторымъ пять числа; сверхъ-того Гонды поклоняются индуесской богинѣ Кали, Гондскій Юпитеръ—Вердъ-Ненну, богъ земли. «Земля, говоритъ преданіе: была первоначально массою грубою, непрочною, неспособною для обработанія и удобнаго жилища людямъ. Богъ земли рекъ: «да прольется предо мною кровь человѣческая,»—и дѣта принесено было ему въ жертву. Въ тотъ-же мигъ почва сдѣлалась твердою и плодоносною. Богъ повелѣлъ повторять этотъ обрядъ.»—Вердъ-Ненну богъ злой, и только проливъ въ честь его надлежащее количество человѣческой крови, Гондъ дѣлается спокойнымъ, и съ чистою совѣстью предается наслажденію благами природы. Всякій правотверный туземецъ обязанъ, сообразно съ своимъ средствами, содѣйствовать поддержанію обичая, предписаннаго вѣрой отцовъ. Считается необходимымъ приносить человѣческую жертву во время сѣянія, при наступленіи жатвы и въ промежутки между ними, смотря по тому, каковы надежды на урожай. Общія бѣдствія отъ какой-нибудь болѣзни или отъ опустошеній, производимыхъ дикими звѣрями, и несчастіе, постигающее аббайю, т. е. патриарха, равнымъ образомъ служатъ поводомъ къ общественному умиловленію бога земли. Частное умиловленіе бога считается необходимымъ, когда какое-нибудь необыкновенное несчастіе съ однимъ изъ жителей показываетъ гнѣвъ его. Въ такомъ случаѣ, всегда совѣтуются съ жрецомъ, и онъ обыкновенно требуетъ немедленной жертвы.

Гонды не приносятъ въ жертву своихъ единоплеменниковъ, потому что такіе приношенія негодны богу земли: онъ требуетъ «закланій не-даровыхъ,» а потому Гонды покупаютъ жертвы, меріи, у соседнихъ горцевъ, а тѣ похищаютъ для этого дѣтей у Индусовъ. Въ каждомъ округѣ обыкновенно бываетъ въ запасѣ нѣсколько мерій, на случай непредвидѣнной бѣды, неожиданнаго гнѣва боговъ.

Поставщикъ приводитъ жертву съ завязанными глазами въ селеніе, гдѣ ее помѣщаютъ въ домъ аббайи. Если мерія взрослый, его связываютъ; дѣта остается на свободѣ. Пока онъ живъ, его считаютъ существомъ священнымъ, и если онъ на волю, у каждаго порога его встрѣчаетъ радушный привѣтъ. Иногда юный мерія вырастаетъ, не зная, какая участь ожидаетъ его. Ему дарятъ землю, скотъ и иноплеменную жену. Если онъ приживетъ дѣтей, они считаются обреченными на страшную участь ихъ отца; а когда божество требуетъ большой жертвы, отецъ и дѣти погибаютъ вмѣстѣ.

Множество народа обоого пола стекается на празднество жертвоприношенія, продолжающееся три дня, посвященные всевозможнымъ грубымъ излишествамъ.

Первый день и ночь исключительно проводятся въ пляскахъ, ѣдѣ и неблагопристойныхъ играхъ. На другое утро, мерію, котораго съ вечера заставляютъ постыться, тщательно умываютъ, одѣваютъ въ новое платье и выводятъ за деревню въ торжественной процессіи, съ музыкою и пляскою. Роща жертвъ обыкновенно находится недалеко отъ деревушки, у ручейка, называемаго «ружьемъ мерій.» Топоръ не можетъ коснуться вѣтвей ея священныхъ деревьевъ, ни одинъ Гондъ не смѣетъ вступить въ нее. Въ срединѣ рощи, на другой день праздника, вбиваютъ колы, и жрецъ призываетъ къ нему жертву. Мерію умащаютъ деревяннымъ или коровьимъ масломъ и желтымъ пибиремъ, украшаютъ цвѣтами и цѣлый день воздаютъ ему почести, похожія на обожаніе. Каждый старается пріобрѣсть что-либо отъ этого священнаго лица. Частичка пибирнаго тѣста, которымъ мажутъ мерію, и капля слюны его считаются особенно-дорогими.

На третье утро, мерин дают для освященія смного молока и сагу, между-
тѣмъ какъ безпутьное пиршество, едва прекратившееся ночью, шумно возобнов-
ляется. Около полудня оргіи кончаются и все собраніе, съ оглушительными кри-
ками и нестройною музыкою, отправляется на жертвоприношеніе.

Такъ какъ жертва не можетъ быть приносима связанною, и вмѣстѣ съ тѣмъ не
должна оказывать ни малѣйшаго сопротивленія, то мерин домаютъ въ нѣсколькихъ
мѣстахъ руки, а въ случаѣ нужды и ноги. — Мѣсто для жертвоприношенія отыски-
ваютъ наканунѣ, ночью, для чего отправляется нѣсколько человекъ въ поля, принад-
лежащія деревнѣ или жертвоприносителю. Въ темнотѣ они пробуютъ почву длин-
ными палками, и первая глубокая щель, пробитая ими, считается мѣстомъ, которое
богъ земли назначаетъ для принятія жертвы. Палка остается воткнутою въ землю,
и сюда-то приводятъ въ полдень меринъ. Аббайя равнитъ его слегка сѣкирою. Толпа
бросается на бѣдную жертву, и восклицая: «мы купили тебя за деньги, и нѣтъ
грѣха на насъ!» отдираетъ мясо отъ костей. Каждый несетъ кровавый кусокъ
на свои поля и оттуда возвращается домой. На слѣдующій день всѣ остатки
жертвы сжигаютъ на кострѣ съ цѣлою овцою. Пепелъ либо разбвваютъ по
полямъ, либо дѣлаютъ изъ него тѣсто, которое хранятъ въ домахъ и житницахъ.
Въ теченіе трехъ дней послѣ жертвоприношенія, жители деревни не говорятъ
ни слова, объясняясь между собою посредствомъ знаковъ, и не принимаютъ ни
чьихъ посѣщеній. По прошествіи этого срока, на мѣстѣ жертвоприношенія
убиваютъ буйвола, и тогда все начинается по-прежнему.

Человѣческія жертвы приносятся также ежегодно на межахъ богу границъ,
проявленію бога земли, и въ рѣдкихъ случаяхъ, индусской Кали, которая обык-
новенно должна довольствоваться буйволами, козами и домашними птицами. Изъ
боговъ, не требующихъ закланія людей, главный — богъ оружія, Лога-Иешу.
Передъ войною ему приносятъ въ жертву цыпленка, кокосовое молоко и рисъ.
Во время перваго сраженія, правая рука перваго убитаго или взятаго въ плѣнъ
непріятеля составляетъ трофей, который относится въ рощу божества. Гонды
вѣрятъ въ божество солнца и луны, поклоняются богу осипи, и, чтобы отвратить
приходъ его, сажаютъ тернъ на дорогахъ, ведущихъ къ тому мѣсту, гдѣ откры-
лась эта болѣзнь. У нихъ есть богъ селеній, хранитель каждой деревушки, отъ
котораго зависятъ бѣдность и благосостояніе ея, богъ охоты и царь львовъ,
которому посвящаются заповѣдныя рощи. Кроме того, каждая горная высота,
каждый холмъ имѣютъ своего особаго бога. — Усердно чествуютъ Гонды бога
дожда и покровителя источниковъ. Когда какой нибудь ручей высыхаетъ, жрецъ
беретъ коконъ шелковичнаго червя, и въ глухую ночь идетъ къ другому ключу,
заклинаетъ бога перевести часть воды въ опустѣвшій источникъ. Онъ наполняетъ
коконъ водою и возвращается къ иссохшему источнику, повторяя на пути за-
клинанія, и Гонды вѣрятъ, что потокъ воды бѣжитъ подъ землею вслѣдъ за нимъ.
Жрецъ опускаетъ коконъ съ водою въ пустой ключъ, приносить жертву, и вода
пробввается либо немедленно, либо чрезъ нѣсколько времени (*).

(*) То-есть, когда-нибудь, а потомъ это уже служить доказательствомъ чуда: печаль-
ная, вѣчно-повторяющаяся исторія суевѣрія, котораго вся сила, вся упорность заключается
въ грубомъ невѣжествѣ. Наполняется-ли внезапно источникъ, является-ли ночью огонекъ
въ пустой степи, имѣютъ-ли гора, скала, даже камень какое-нибудь сходство съ знако-
мымъ предметомъ, невѣжество, не зная и не находя видимой или ближайшей при-
чины явленія, прибѣгаетъ тотчасъ къ вѣчному своему объясненію воли боговъ или ду-
ховъ, и безсилное разгадать законы природы, осмѣливается разгадывать и объяснять
непостижимую волю ея Создателя, грозя испытующему уму гнѣвомъ Высшаго Суще-
ства, и подъ покровомъ его выпуская свои низкія страсти: гадкое соединеніе зависти,
злости, хитрости и всего порочнаго.

Вотъ боги, которымъ поклоняется всё племя. Гонды вѣрятъ, что человекъ имѣетъ три жизни: животную, которая прекращается, другую, которая переживаетъ тѣло и одушевляетъ постепенно рядъ тѣлесныхъ формъ, и жизнь божественную, которой предоставлена уже власть надъ дѣлами человеческими. Поэтому, умершіе предки занимаютъ первое мѣсто въ ряду мѣстныхъ божествъ. Гонды, по своимъ понятіямъ, не могутъ имѣть храмовъ. Они увѣрены, что боги обитаютъ въ землѣ, а выходятъ изъ нея и возвращаются внутрь посредствомъ расщелинъ, которыя иногда открываются для благочестивыхъ поклонниковъ. Всѣ боги, по произволу, принимаютъ на себя земные виды; такъ, напримеръ, богъ земли проявляется въ образъ тигра, который служитъ эмблемою его свойствъ.

Званіе жрецовъ наследственно; но каждый, кому вздумается сказать, что богъ призываетъ его на службу, можетъ отправлять жреческія обязанности, и въ правѣ, по своей волѣ, слагать съ себя принятое званіе. Жрецы не только истолкователи воли боговъ и посредники между ними и людьми, но они искусны и въ волшебныхъ штукахъ. Поэтому, они пользуются большимъ вліяніемъ, и на всѣхъ празднествахъ занимаютъ почётное мѣсто,—особенно на пирахъ по случаю брака, похоронъ, рожденія или нареченія имени дитяти, когда они рѣшаютъ, какой предокъ возродился въ младенцѣ. И когда на общественномъ совѣтѣ жрецъ, почтенный по лѣтамъ и характеру, спрашиваетъ: «ужели люди не хотятъ послушать тѣхъ, кого слушаютъ боги?» рѣдко встрѣчаетъ онъ возраженіе.

Вы содрогаетесь, читатель, видя, съ какою хладнокровною, систематическою жестокостію всякій добрый и попечительный аббайя, начальникъ деревни или отецъ семейства, выбираетъ дѣтей на жертву,—какъ онъ откармливаетъ ихъ иногда въ продолженіе десяти лѣтъ, и какъ лучъ человечности не проникаетъ въ его грудь ни на одинъ мигъ; вы готовы осудить цѣлое племя, готовы назвать его отверженцемъ Бога, вырождаемъ человечества: удержитесь отъ необдуманнаго приговора, и взгляните на понятія этихъ самыхъ людей о долгѣ и обязанности, и на пронскающую изъ нихъ нравственность. Вы увидите, что если этотъ народъ страшно заблуждается, то въ томъ виновато его умственное невѣжество, неразвитость его разумности,—а что начала кроются въ немъ весьма-добрыя и чистыя: религіозныя убійцы эти до чрезвычайности правдивы. Они вѣрятъ, что нарушение клятвы всегда наказывается гнѣвомъ божіимъ. «Гондъ долженъ говорить правду во всякомъ случаѣ, исключая, если обманъ необходимъ для спасенія жизни гостя; гость лицо священное: жизнь его Гондъ предпочитаетъ жизни даже собственнаго дитяти, ибо первая обязанность, которую боги возложили на человека, есть обязанность гостепріимства.» Отказъ въ платежѣ долга есть нарушеніе правила правдивости и считается величайшимъ грѣхомъ. «Пусть, говоритъ Гондъ: должникъ отдастъ все своимъ заимодавцамъ и выпроситъ, какъ милостыню, овцу для новаго обзаведенія: по милости боговъ, онъ поправитъ свое состояніе. Пусть онъ имѣетъ многочисленныя стада и от-

кажется заплатить справедливый долгъ: у него не останется ни одной овцы.» И если васъ удивитъ, что люди честные и правдивые не могутъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ отстать отъ такихъ ужасныхъ обычаевъ, или что такіе обычаи не искоренили въ нихъ послѣдняго сѣмени добра,—вспомните, что добро они дѣлаютъ непосредственно, что умъ ихъ не развитъ, что старина и святыня для нихъ синонимы (одно-и-тоже), и что, отдавая долгъ кредитору и принося богу жертву, за которую притомъ заплатили,—они почитаютъ себя равно правыми. И такъ увѣрены они въ своей правотѣ, что каждый годъ, на одной высокой горѣ, жертвенникъ бога Дунгарри обливается кровію буй-волово, козъ и свиней, и многочисленная толпа поклонниковъ молить бога, «чтобы онъ далъ имъ жить такъ, какъ жили ихъ предки, и чтобы дѣти ихъ жили послѣ, подобно имъ.»

Къ западу отъ Гондовъ, живутъ *Били*, ловкости которыхъ въ воровствѣ мы уже отдали должную справедливость. Составляя какъ-бы переходъ отъ горцевъ къ Индусамъ, они дѣлятся на *бѣлыхъ* и *чѣрныхъ* (т. е. благородныхъ и простолюдиновъ). Первые ведутъ свое происхожденіе отъ Раджпутовъ, и занимаются преимущественно хлѣбопашествомъ и ремеслами; между ними есть много брамантовъ и мусульманъ. Чѣрные остались вѣрными старинѣ, не выходятъ изъ горъ и живутъ, какъ привычно потомственнымъ головорѣзамъ. — Къ западу отъ Билевъ, по сосѣдству съ Раджпутами, находятся *Меры*; на самомъ югѣ полуострова обитаютъ *Колари*.

Исторіи у всѣхъ этихъ племенъ нѣтъ и не можетъ быть: они до нея еще не доросли. Во время завоеванія Декана Индусами, они жили въ такомъ-же состояніи, какъ теперь, и конечно эти дикари были тѣ союзники Рамы, изъ которыхъ преданіе сдѣлало обезьянъ. Тогда вся эта страна была не что иное, какъ огромный лѣсъ, котораго никто не оспаривалъ у коренныхъ его обитателей. По-мѣрѣ того, какъ мечъ вводилъ плугъ и соху, исчезали лѣса и вмѣстѣ съ ними коренные жители, уступая мѣсто гражданственности побѣдителей. Но и теперь еще такъ-называемый удѣлъ Гондовъ огроменъ, лѣса ихъ непроходимы, климатъ сырѣе и туманнѣе климата сосѣднихъ областей, и обитаемая ими земля такъ мало извѣдана, что на англійскихъ картахъ отмѣчены словами: *explored countries* (неизслѣдованныя земли).

Разумѣется, что нѣчего и думать объ опредѣленіи числа коренныхъ жителей. Наисчитать число не трудно, — но кто ихъ считалъ?— Въ горахъ сѣверо-востока и въ Гималайской области

находятся тоже горы; но мы познакомимся съ ними въ другомъ мѣстѣ.

МНОГОЛЕТНИКИ.

Кромѣ описанныхъ нами большихъ отдѣловъ народонаселенія Индустана, въ составъ его входятъ еще многія меньшія племена или секты, переселившіяся сюда изъ своихъ отечествъ, болѣею частію вслѣдствіе религіозныхъ тонесій, и сохранившія болѣе или менѣе свою самостоятельную фizioномію.

Первое мѣсто между ними занимаютъ *Парсы* или Гэбры, настоящіе квакеры Индіи, потомки древнихъ Персовъ, вытѣсненныхъ изъ своего отечества Монголами. Они обожаютъ четыре стихіи, призываютъ въ своихъ молитвахъ солнце, какъ благороднѣйшій образъ Верховнаго Существа, утверждаютъ, что одни они сохранили во всей чистотѣ ученіе Зороастра, и что вѣчный огонь, поддерживаемый въ свѣтѣишемъ изъ ихъ храмовъ, въ Урдварѣ, есть тотъ самый, который былъ вывезенъ ихъ предками изъ Фарсисстана. Священники ихъ называются *мобезъ*, патриархи — *дестуръ*; но ни тѣ, ни другіе не имѣютъ особеннаго вліянія на общество Парсовъ, славящихся примѣрною нравственностію. Все это племя отличается благородными, рѣзко-опредѣленными чертами, посящими отпечатокъ ума и прямоты. Широкій лобъ, правильный носъ, большіе черные глаза, все состоитъ въ совершенной гармоніи между собою. Мужчины и женщины очень стройны; у послѣднихъ кожа необыкновенно бѣлая для южнаго климата Индустана. Они выходятъ повсюду и пользуются большою свободою. Многоженство неизвѣстно Парсамъ. Они живутъ между собою очень согласно, помогаютъ другъ другу, и потому между ними вовсе нѣтъ нищихъ. Образъ жизни ихъ простъ, что, однако, не мѣшаетъ имъ, быть весьма-гостепріимными.

Парсы поселены преимущественно въ западной части Индустана, въ Гуджератѣ, близъ Сурата и Бомбея. Богатѣйшіе изъ нихъ купцы, банкиры и подрядчики всѣхъ построекъ; бѣднѣйшіе — торговцы и ремесленники во всѣхъ ремеслахъ, гдѣ не нужно употребленіе огня. Ихъ нѣтъ также ни въ войскахъ, ни во флотѣ, потому что они никогда не возмуть въ руки огнестрѣльнаго оружія. Послѣ Англичанъ, Гэбры самые богатые банкиры. Духъ предпріимчивости развитъ въ нихъ очень сильно. Въ особенностяхъ они отличаются искусствомъ строить суда, и самые лучшіе туземные корабли спускаются съ ихъ верфей.

Домъ всякаго Парса есть вмѣстѣ съ тѣмъ и храмъ; на алтарѣ пыластъ огонь, безпрерывно поддерживаемый подѣнами благовопнаго дерева. Парсы никогда не гасятъ огня. Если парскому прислужнику нужно потушить свѣчку, онъ самъ ни за что не рѣшится на это, и попроситъ кого-нибудь другаго замѣнить его и взять «грѣхъ» себѣ на душу. Даже въ случаѣ пожара не тушатъ огня, а срубаютъ только соседніе дома и стараются разобщить пламя.—Любопытно смѣтрѣть, какъ обожатели солнца, въ бѣлыхъ широкихъ плащахъ и зеленыхъ чалмахъ, являются на площадь Бомбея, ожидая восхожденія обожасмаго ими свѣтила. При первомъ лучѣ его, одни радостно вскрикиваютъ, другіе благоговѣнно молчатъ и набожно складываютъ руки; третьи падаютъ на колѣни и потираютъ пескомъ лобъ и носъ; потомъ все удаляются домой. Вечеромъ они являются опять и остаются распростертыми на землѣ, пока не исчезнетъ послѣдняя розовая тѣнь вечерней зари.—Чтобы не осквернить ни одной стихіи мертвымъ тѣломъ, Парсы не хоронятъ покойниковъ, не жгутъ и не бросаютъ ихъ въ рѣки, а привязываютъ къ доскѣ и выставляютъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ. Въ горахъ тѣла относятся на высокія скалы, гдѣ вырублены для этого особые пещеры; а жители равнинъ выстраиваютъ для этой-же цѣли выскія «подмостки смерти.» — Число Парсовъ простирается отъ ста пятидесяти до двухъ-сотъ тысячъ семействъ.

Въ южныхъ частяхъ полуострова находится довольно много Евреевъ, бѣлыхъ и чѣрныхъ. Бѣлые переселились въ Индію послѣ разоренія Іерусалима Титомъ, въ первомъ столѣтіи по Р. Х. Они основались въ Краганпорѣ, близъ Кочина, и жили тамъ въ продолженіе десяти вѣковъ, подъ управленіемъ семидесяти двухъ начальниковъ, выбравшихся изъ среды ихъ. Въ теченіе этого времени къ нимъ переселялись едиповѣрцы изъ Іудеи, подъ предводительствомъ ученыхъ раввиновъ Самуила и Іегуды, а въ-послѣдствіи прибыли и выходцы изъ Испаніи, бѣжавшіе отъ инквизиціи. Приверженцы Самуила составили особенную секту; расколъ религіозный, но весьма-свойственной всегда и вездѣ Евреямъ страсти къ безпокойствамъ, превратился въ политическое междоусобіе, и одна изъ партій отдалась подъ покровительство какого-то индійскаго князя, который разорилъ Краганпоръ, и разогналъ всехъ его жителей (которыхъ число простиралось до 80,000). Разбѣянные бѣглецы мало-по-малу собрались опять и нашли покровительство въ Кочинѣ, гдѣ они живутъ и понынѣ, претерпѣвая разныя униженія. Къ нимъ присоединились Евреи изъ Египта, Турціи и Польши.—Чѣрные

Евреи, потомки обращенныхъ парій и коренныхъ жителей, разсыяны по всему Индустану, и не имѣютъ никакихъ писанныхъ преданій Иудаизма. Бѣлые еднѣнѣрцы смотрятъ на нихъ съ презрѣніемъ и не пускаютъ ихъ даже въ свои синагоги. — Число всѣхъ Жидовъ Индустана простирается до восьми-сотъ тысячъ.

Тамъ, гдѣ находилась главная колонія Евреевъ, жили преимущественно и *сирійскіе христіане*, общество которыхъ составляетъ какъ-бы посредствующее звѣно между туземцами и Европейцами. Вѣроисповѣданіе ихъ основывается на догматахъ, проповѣданныхъ въ Индіи самимъ апостоломъ *Томою*. Къ послѣдователямъ апостола присоединились въ-послѣдствіи многіе выходцы изъ Сиріи, привезшіе съ собою сирійскій переводъ священнаго писанія, и всѣ индійскіе христіане стали съ-тѣхъ-поръ называться *суріани* (сирійскими). По преданію туземныхъ христіанъ, св. *Томъ* прибылъ моремъ въ *Кранганоръ*, и тамъ впервые началъ проповѣдовать истины святаго Евангелія. Потомъ онъ направилъ свои стопы въ *Квилонъ*, на *Траванкорскомъ* берегу, основалъ тамъ нѣсколько христіанскихъ общинъ, и наконецъ перешелъ въ богатый городъ *Малиануръ* (близъ *Мадраса*), гдѣ обратилъ въ христіанство короля и большую часть его подданныхъ. Брамны произвели народное возстаніе, и святой проповѣдникъ претерпѣлъ мученическую смерть. Мѣсто, освященное его кончиною, сдѣлалось предметомъ поклоненія, и до-сихъ-поръ толпы не только христіанъ, но и магометанъ стекаются на поклоненіе гробу апостола. У подношья горы, называемой *Томпной*, построилъ маленькій католическій храмъ, и на самой вершинѣ ея живописно возвышается сирійская церковь.

Преслѣдованія брамновъ принудили почти всѣхъ малианурскихъ христіанъ переселиться (во II и III столѣтіи) на *Малабарскій* берегъ, гдѣ многіе Евреи и браманты приняли между-тѣмъ святое крещеніе. Здѣсь сирійскіе христіане умѣли пріобрѣсти гражданскія права и значительныя преимущества. Кромѣ уголовныхъ дѣлъ, они во всемъ пользовались собственнымъ судопроизводствомъ и считались наравнѣ съ *Напрами*, составляющими туземную аристократію, и наконецъ, образовали родъ самостоятельнаго королевства, которое, однакожъ, скоро подняло подъ власть *кочинскаго* государя. Во время прибытія *Португальцевъ*, сирійскіе христіане владѣли десятию городами, сорока двумя селеніями, и имѣли около тысячи церквей. Однихъ несторіанцевъ (переселившихся въ Индію въ V вѣкѣ) было 30,000. *Португальцы* привезли святую инквизицію: пошли гоненія и *аутодафе*, и наконецъ, всѣ жители берега были приобщены къ

римско-католическому исповѣданію; одни обитатели горъ не отступили отъ вѣры отцовъ. Первыхъ теперь считаютъ около 150,000, вторыхъ съ небольшимъ 200,000. Храмы сирійскихъ христіанъ стилемъ своимъ напоминаютъ молебни Сиріи и Палестины.

Сирійскіе христіане не признаютъ власти папы, не допускаютъ чистилища, не поклоняются святымъ, признаютъ только два таинства: крещеніе и причащеніе; словомъ, по догматамъ своимъ, могутъ назваться протестантами Индіи, но богослуженіе ихъ образовалось на югъ, и весьма различно отъ богослуженія послѣдователей Лютера и Кальвина. Въ церквахъ сирійцевъ нѣтъ ни стульевъ, ни скамеекъ; алтарь обращенъ на востокъ, и на немъ возвышается распятіе или одинъ крестъ. По обѣ стороны алтаря стоятъ каменные гробы умершихъ пастырей церкви. Литургія совершается на древне-сирійскомъ языкѣ, котораго народъ не понимаетъ теперь. Проповѣди говорятъ рѣдко. Между церковными молитвами бываютъ промежутки молчанія, во время которыхъ всякій присутствующій творитъ молитву про себя. Митрополитъ сирійскихъ христіанъ носитъ мантию изъ темно-красной шелковой матеріи; одежда священниковъ состоитъ изъ легкой бѣлой тюники и краснаго колпака. Между сирійскими христіанами уцѣлѣли братскія трапезы, но не какъ ежедневный обычай, а въ видѣ религіознаго воспоминанія старины. Англичане съ чрезвычайной похвалою отзываются объ ихъ нравственности: всѣ они, говорятъ, люди честные, воздержные и въ высочайшей степени правдивые, но мало образованные. Замѣчательно, что духовный санъ остался наследственнымъ въ тѣхъ семействахъ, прародители которыхъ были посвящены въ него св. Омою: это должно приписать вліянію брамантскихъ понятій о наследственности кастъ. Благодаря тому-же вліянію, нѣкоторыя мелкія секты сирійскихъ христіанъ усвоили себѣ и понятія объ оскверненіяхъ; члены ихъ подвергли себя разнымъ омовеніямъ и воздерживаются безусловно отъ употребленія мяса. Другія секты приняли многія изъ римско-католическихъ установленій: не признавая власти папы, онѣ установили изустную исповѣдь, панихиды по покойникамъ, и соблюдаютъ посты. Число постныхъ дней простирается до ста девяноста въ годъ, въ томъ числѣ всякій четвергъ и пятница.

Вмѣстѣ съ Евреями и сирійскими христіанами, въ Деканѣ явились и *Армяне*. Число ихъ незначительно, и всѣ они занимаются торговлею. *Китайцы* заѣзжаютъ въ Индію только по дѣламъ, но не селятся въ ней (*). На Коромандельскомъ берегу

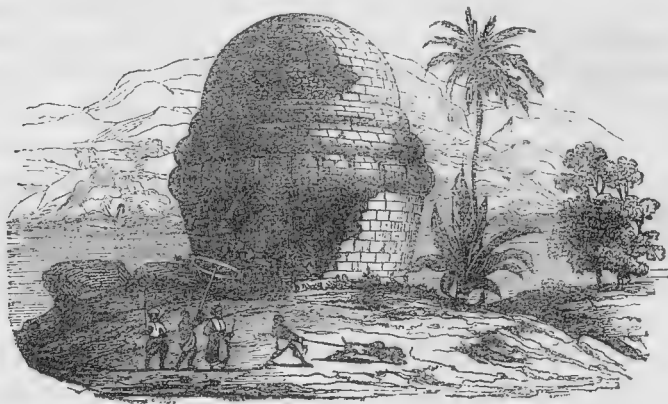
(*) Если не считать за осѣдлыхъ жителей китайскихъ ремесленниковъ, основавшихъ въ большихъ городахъ Индіи: Мадрасъ, Бомбей и Калькутту. Редакторъ.

есть немногочисленные потомки *Малайцевъ*. *Абиссинцы* встрѣчаются на Малабарскомъ берегу и въ Гуджератъ. Они занимались часто военнымъ ремесломъ, и иногда добивались значительныхъ должностей. Отъ смѣшенія ихъ съ туземками произошла особенная порода, рѣзко-отличающаяся своимъ типомъ, и равно-чуждая Индусамъ и мусульманамъ. Многие индійскіе государи составляли изъ нихъ отряды тѣлохранителей, и между прочими, знаменитый Гайдеръ-Али.

* * *

Здѣсь кончается нашъ этнографическій очеркъ. Передъ читателями прошли отдѣльными группами столь-противоположныя семьи обитателей Индіи. Въ четвертомъ отдѣлѣ мы покажемъ, какъ размѣстились эти различные племена по шахматной доскѣ Индустана, и въ какія они стали, въ каждой мѣстности, одно къ другому отношенія. При обзорѣ современнаго политическаго быта Индіи, мы должны будемъ говорить о владѣтеляхъ ея, а потому подробное описаніе общества Европейцевъ оставимъ тоже до четвертаго отдѣла, гдѣ мы познакомимся и съ другими нерассмотрѣнными нами племенами.

Безпрестанные контрасты даютъ особенную прелесть изученію Индустана. Отъ раджпутскаго рыцаря, облитаго въ сталь, вы переходите къ брамину, стерегущему идолъ джагернатскій; отъ сроднившагося съ концемъ своимъ Маратта къ пабабу, топящему въ подушкахъ паланика, или распростертому на диванѣ, несомомъ слономъ; отъ амазонки, смѣло—преслѣдующей тигра, къ байдеркѣ, жрицѣ вѣги передъ храмомъ боговъ... А города Индіи, рѣзко-обозначенныя своими отличительными чертами въ каждой мѣстности, интересны не менѣе самихъ жителей... По прежде окипевъ бѣглымъ взглядомъ прошедшее этой страны, займемся ея исторіею, отъ которой уже перейдемъ къ ея настоящему.

Tent.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРЕКЪ ИНДУСТАНА.

ЭПОХА ДО ОСНОВАНИЯ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРІИ. —
Отбросивъ все баснословные рассказы ту-
земцевъ, исторію Индіи можно начать
съ того времени, когда ея богатства ста-
ли привлекать къ себѣ и завоевателей
и кущовъ, и когда историки другихъ
странъ начали сообщать о ней различ-
ныя свѣдѣнія, правда, неполныя, но, бо-
лье — достовѣрныя, чѣмъ тѣ, которыя
представляетъ она сама въ легендахъ и
преданіяхъ. Самыя древнѣйшія изъ па-
мѣстій, сдѣланныхъ на Индію, о которыхъ мы знаемъ, были
Сезостриса (17 столѣтій до нашей эры) и Даріа Гистаспа (500

лѣтъ до Р. Х.); но изъ разсказовъ египетскихъ и персидскихъ лѣтописцевъ, кромѣ этихъ фактовъ, мы не узнаемъ ничего. Съ болѣею подробностію извѣстенъ намъ походъ Александра Македонскаго, который, завоевавъ Персію, присоединилъ къ своему царству и зависѣвшій отъ нея Пенджабъ, и не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, дошелъ до рѣки *Гифаза* (теперешній Бедша), гдѣ встрѣтился съ королемъ *Гангаридъ* (пригангскихъ странъ), противопоставившимъ ему съ 2000 боевыхъ колесницъ и болѣе чѣмъ съ 200,000 войска. Разбивъ его, Александръ долженъ былъ отказаться отъ завоеванія Индустана, потому что Греки, пресыщенные побѣдами, стали требовать возвращенія на родину.

Описавъ походы Александра и полководца его Селевка, иностранные писатели не сообщаютъ ничего объ Индіи почти до прихода мусульманъ, кромѣ неважныхъ свѣдѣній о ея торговлѣ и промышленности, и мы поневолѣ должны обратиться къ туземнымъ источникамъ, къ священнымъ книгамъ Индусовъ. Но перебравъ внимательно и *Мену*, и *веды*, и *пураны*, мы видимъ, что, кромѣ генеалогическихъ таблицъ и противорѣчащихъ между собою разсказовъ, перемѣшанныхъ съ мифическими вымыслами, они не представляютъ никакой пищи для исторіи, — и поэтому, не хотимъ ни утомлять вниманія читателя сухими, лишними связи фактами, ни обременять его памяти множествомъ именъ. Разкажемъ, что заслуживаетъ хотя нѣкотораго любопытства.

Издревле, по сказаніямъ брамминовъ, Индія дѣлилась на десять державъ (что отчасти подтверждается и десятию главными нарѣчіями страны), между которыми *Брамаверта* (жилище боговъ) и *Брамариши* (область брамминовъ) занимали первую степень святости. Позднѣе, 2000 лѣтъ до Р. Х., говоритъ Мену, главныхъ государствъ въ Индустанѣ было четыре, которые состояли между собою въ тѣсномъ союзѣ, и которымъ всѣ второстепенныя платили дань; но потомъ они раздробились на множество мелкихъ владѣній.

Война, описанная въ *Мага-Баратъ* и относящаяся къ XIV или XV столѣтію до Р. Х., составляетъ, послѣ *Рамаяны* (стр. 54), первое историческое событіе, на которомъ можно остановиться среди груды пропесенствій, наполняющихъ исторію каждаго изъ этнографическихъ отдѣловъ Индіи. Война эта возникла между двумя линіями (*Паиду* и *Курю*) царствовавшей тогда династіи, которая принадлежала къ потомству луны. Всѣ владѣтели Индіи вмѣшались въ споръ, но сторона *Паиду*, имѣвшая въ числѣ своихъ союзниковъ *Кришну*, владѣтеля *Гузерата*, одержала верхъ,

хотя послѣ такого кровопролитія, что побѣдители рѣшились покинуть край, обогранный кровью ихъ братьевъ, и удалиться въ сѣвѣ Гималаи. Самъ Кришна, по возвращеніи домой, умеръ насильственной смертію. — Послѣ этого многозначительнаго для всей страны происшествія, исторія Индіи опять впадаетъ въ безсвязный хаосъ, увеличивающійся еще болѣе и отъ того, что всякое государство, иногда даже незначительное племя, заботится не о послѣдовательномъ разсказѣ касающихся до него самого событій, а щеголяетъ только непрерывною цѣпью именъ своихъ владѣтелей. Замѣчательное исключеніе изъ этого почти общаго для всей Индіи правила составляетъ королевство *Малва*, которое, безъ всякихъ притязаній на знаменитость и древность происхожденія, начинаетъ свою исторію съ короля *Викрамадитіа* I, жившаго около 50 лѣтъ до Р. X. и прославившагося покровительствомъ наукамъ (*). — Съ VII столѣтія нашего лѣтосчисленія появляется достоверное повѣствованіе исторической жизни, общей всей Индіи, и мы займемся имъ поподробнѣе.

Съ этого времени начинаются безпрерывныя нашествія индусовъ на Индустанъ, настаетъ рядъ опустошеній, кровопролитій и угнетеній, не прекратившійся и до-сихъ-поръ. Въ продолженіе этихъ одиннадцати вѣковъ, Индустанъ испыталъ надъ собою господство нѣсколькихъ племенъ. Каждое племя, въ продолженіе своего владычества, представляетъ картину мучительства вытѣсняющихъ одна другую династій. Каждая новая династія топала въ крови туземцевъ, а возникавшая восходила на престолъ, также обогранный индійскою кровью; но жестокіе уроки эти ничему не научили поклонниковъ Браммы, которые, въ настоящее время, менѣе чѣмъ когда-нибудь въ состояніи соединиться и дѣйствовать, какъ прилично огромной націи.

Первыми завоевателями являются *Арабы*. Въ 664 году, эмиръ Мухаммедъ опустошаетъ Мултанъ. Двадцати-лѣтній Мухаммедъ-Хазимъ, полководецъ халифа Валида, возвращается въ эту-же область, въ 711 году, вводитъ вездѣ насильно ученіе Магомета, строитъ мечети, и, раздраженный религіознымъ упрямствомъ брамантовъ, убиваетъ въ одномъ изъ взятыхъ городовъ всѣхъ жителей, имѣющихъ болѣе семнадцати лѣтъ отроду. Съ X столѣтія начинаются вторженія *Афгановъ*, особенно со времени востества на афганскій престолъ династїи *Газневидовъ*, родоначальникъ которой, Себектеджинъ, нападалъ на Пенджабъ.

(*) Историческій хаосъ Индіи съ III го вѣка нашей эры по VII й долженъ былъ особенно усиливаться и отъ междоусобій, потрясавшихъ тогда всю страну, раздѣленную между послѣдователями ученій Будды и Браммы.

Послѣдникъ его, Махмудъ I, далъ обѣтъ употребить власть свою на обращеніе индійскихъ идолопоклонниковъ, и по усмирении своихъ враговъ, приступилъ къ исполненію его.

Въ теченіе двадцати шести лѣтъ онъ сдѣлалъ двѣнадцать нашествій на Индію. Путь его обозначался разрушеніемъ храмовъ, избиеніемъ жрецовъ и гибелью множества тысячъ Индусовъ. Въ 1009 году, всѣ индійскіе короли отъ Кашмира до Пербудды соединились для спасенія своей вѣры, и подъ Пешаверомъ Махмуду противостояло до 150,000 человекъ; побѣда была сомнительна, но случилось, что слонъ, на которомъ возсѣдалъ индійскій главнокомандующій, упалъ, и Индусы обратились въ бѣгство. Странно, что обстоятельство это повторяется нѣсколько разъ въ послѣдующихъ вѣкахъ: паденія слона, несущаго полководца, главное знамя или короля, достаточно, чтобы мгновенно превратить въ пораженіе почти-выигранную битву.

Въ Индіи Махмудъ оставлялъ отчасти туземныхъ королей въ качествѣ вассаловъ, отчасти поручалъ завоеванныя провинціи мѣстникамъ изъ числа своихъ приближенныхъ. За нимъ слѣдовало тринадцать послѣдниковъ, которые, въ продолженіе полутора ста лѣтъ, безпрестанно опустошали равнины Индустана.

Послѣ Газневидовъ, Гуридъ Мухаммедъ сдѣлался въ 1186 году султаномъ Афгановъ, и совершилъ девять опустошительныхъ нашествій на Индію. Въ 1193 году, полководецъ его Кутбеддинъ-Эйбукъ (или просто Куттубъ) взялъ приступомъ Дели. До Куттуба Афганы вторгались въ Индію всегда для одного грабежа, и послѣ каждаго набѣга возвращались въ свои горы. Онъ первый остался въ Дели, по смерти Мухаммеда объявилъ себя независимымъ владѣтелемъ сѣверной Индіи, и такимъ-образомъ сдѣлался основателемъ афганскаго царства, извѣстнаго подъ именемъ дельйской имперіи. Въ ознаменованіе побѣды надъ Браманизмомъ, онъ воздвигъ въ 1193 году, въ Дели, триумфальную пятиэтажную башню, названную по его имени: *Куттубъ-Минаръ* (рисункъ VII). Красный гранитъ, изъ котораго построена она, выложенъ бѣлымъ и чернымъ мраморомъ. Основаніе башни 27 мн-угольный полигонъ, и снаружи она жолобчата до третьяго этажа, какъ бываетъ это иногда на колоннахъ коринтскаго ордена. Витая внутренняя лѣстница въ триста ступенекъ ведетъ къ ея вершинѣ, которую прежде осѣнялъ куполъ. *Куттубъ-Минаръ* выше колокольни церкви Богородицы, въ Парижѣ (Notre-Dame), выше купола Казанскаго собора, въ Петербургѣ, и Уэстминстерскаго аббатства, выше мачты сто-пушечнаго корабля, и только немногимъ уступаетъ колокольнѣ нашего Ивана

Великаго. Вообще, это одна изъ красивѣйшихъ башенъ не только въ Азіи, но и въ Европѣ, несмотря на поврежденія, сдѣланныя въ ней временемъ. Нѣкоторые думаютъ, что она принадлежала прежде къ несуществующей нынѣ мечети.

При послѣдникахъ Куттуба, афганское царство начало быстро распространяться. Пали знаменитые города Бенаресь и Уджейнъ, и власть Афгановъ была признана на пространствѣ отъ Кашмира до Нербудды и отъ Синда до устьевъ Ганга. Вездѣ сокрушались нагоды, мечети заступали ихъ мѣсто, туземцы вытѣснялись изъ всѣхъ гражданскихъ и военныхъ должностей; для мусульманъ-же были учреждены высокія званія *омра* и *эмировъ-ал-омра* (государственныхъ совѣтниковъ), блистательно украшавшія императорскій дворъ; а отдаленныя провинціи отдавались въ управленіе *субадарамъ* и *набабамъ*, т. е. намѣстникамъ.

Около этого времени, молва заговорила о подвигахъ полудикихъ Монголовъ, подъ предводительствомъ Чингисъ-Хана, подобно кровавому метеору пронесшагося надъ всею Азіей. Одинъ изъ сыновей Чингиса хотѣлъ завладѣть Индустаномъ, но былъ отраженъ Афганами. Внукъ его, Гулалу-Ханъ, посылалъ посланника въ Дели, и могущество афганскаго императора было такъ велико, что визирь его вышелъ къ посланнику на встрѣчу со свитою, состоявшею изъ 2000 слоновъ, 3000 вооруженныхъ конесницъ и 50,000 всадниковъ. При дворѣ делійскомъ находилось въ то время до 24 королей и султановъ, разбѣжавшихся передъ полчищами Монголовъ и нашедшихъ здѣсь покровительство и безопасность.

Вторженія Монголовъ были почти непрерывны въ продолженіе двухъ столѣтій, но не могли поколебать царства, утверждавшагося все болѣе и болѣе. Около 1300 года они вторгнулись съ двухъ-сотъ-тысячною арміею, но были разбиты подъ самыми стѣнами Дели. Покоривъ весь собственно такъ-называемый Индустанъ, Афганы перешли въ Деканъ: Ауренгабадъ, Элора, даже сѣверный Карнатикъ вошли въ предѣлы ихъ имперіи, и побѣдоносныя арміи возвратились въ Дели съ такими грудями награбленныхъ драгоценностей, какихъ прежде не видывали, и которыя дали возможность султану Алаху, славному своимъ жестокимъ и счастливымъ царствованіемъ, «настежь отворить, какъ говорятъ современные историки, ворота своей милости, и наградить богатствами придворныхъ *омра*, усердныхъ слугъ, знаменитыхъ учѣныхъ и богослововъ, каждаго по достоинству.»

Разумѣется, что делійскій престолъ недолго былъ послѣдіемъ потомковъ Куттуба, и не переходилъ спокойно отъ отца къ сыну;

какъ дѣлается это въ монархической Европѣ. Въ деспотической Азіи не бываетъ продолжительныхъ династій. Верховная власть посреди всеобщаго рабства имѣетъ слишкомъ много прелести, и потому безпрерывно возжигаетъ преступныя драмы. Въ продолженіе трехъ столѣтій афганское царство видѣло пять династій, изъ которыхъ каждая оканчивалась насильственно. Этого еще мало: перѣдко въ одной и той-же династии преемникъ восходилъ на престолъ по трупу роднаго брата. Но Азіяты привыкли къ подобнымъ зрѣлищамъ.

Вотъ, для примѣра, одинъ эпизодъ изъ жизни знаменитаго Аллаха, прославившагося необузданною храбростію, и нешута уже думавшаго оставить въ Индустанѣ намѣстника, а самому заняться покореніемъ остальнаго міра. Съ этой мыслию, онъ принялъ-было названіе *Секандеръ-сани* (т. е. Александръ II.). Необыкновенный человекъ этотъ былъ прежде рабомъ; онъ не зналъ грамоты, а вступивъ на престолъ, сталъ сзывать учѣныхъ, основалъ академію, и отказавшись отъ завоеванія міра, хотѣлъ прославить себя основаніемъ новой религіи. Но и это ему не удалось; за-то онъ умѣлъ усидѣть на престолѣ двадцать одинъ годъ (1295—1316), что было не такъ-то легко и требовало не малыхъ силъ. Расскажемъ одинъ изъ многочисленныхъ случаевъ покушенія на его жизнь.

Утомившись охотою, Аллахъ отдыхалъ съ небольшою свитою подъ деревомъ. Зять его, Акиъ, провзжалъ въ это время по большой дорогѣ и вздумалъ овладѣть престоломъ, на который самъ Аллахъ вступилъ, удавивъ напередъ своего тестя. Акиъ подалъ знакъ своей дружинѣ, и Аллахъ, мгновенно покрытый градомъ стрѣлъ, упалъ замертво. Акиъ подскочилъ къ нему и хотѣлъ отрубить ему голову, но былъ остановленъ однимъ изъ своихъ приближенныхъ. Убійца тотчасъ принялъ царственные знаки, явился посреди войска, и имя его было провозглашено въ мечетахъ, въ катбѣ (молитва за султана). Но Аллахъ былъ не убитъ, а только тяжело раненъ. Онъ очнулся, велѣлъ перевязать свои раны, взвести себя на возвышенность, и раскинулъ бѣлый зонтикъ, который Акиъ захватилъ съ собою. При видѣ царскаго зонтика, все войско собралось около султана, и черезъ полчаса у ногъ его лежала голова хищника. Будь Акиъ менѣе разсвѣдъ, его-бы осыпалъ бѣлый зонтикъ, а къ ногамъ его принесли-бы голову Аллаха.

Несмотря, однакожъ, на такія волненія, Дели украшался зданіями; въ него стекались богатства, и роскошь дѣлалась всеобщею. Ученые, поэты и богословы, т. е. грамотные льстецы, не отходили отъ дворцовъ и прославляли власть и блескъ счастливыхъ грабителей. Что пужды, что провинціи между-тѣмъ нищали, и терпѣли нго притѣсненій: онъ были далеко, и вопль ихъ не слышался за веселою музыкою, окружавшею «зонтикъ повелителя всей земли.» И дѣйствительно, что могло быть великолѣпнѣе его двора? Въ присутствіи султана, при публичныхъ аудіенціяхъ, всѣ другіе короли не смѣли сѣсть, а стояли по сторонамъ его трона. Отрядъ конныхъ дворцовыхъ тюлахранителей состоялъ изъ тысячи знатнѣйшихъ татаръ, одѣтыхъ въ яр-

кія, богатія ткани, блестящія драгоценностями. Вся гвардія султана отправлялась два раза въ недѣлю на охоту, служившую вмѣсто маневровъ; а когда на улицѣ показывались покрытые пурпуромъ бѣлые слоны его и свиты, то впередъ бѣжали пятьдесятъ воиновъ, съ обнаженными саблями, чтобы разгонять все, могущее замедлить шествіе «солнца земли.»

Въ царствованіе *Махмуда III* (1325—51), всего замѣчательнѣе была временная перемѣна столицы. Отправившись въ Деканъ для усмиренія какого-то бунта, султанъ такъ нѣжилъ положеніемъ *Дюгпра*, что рѣшился перенести въ него свою резиденцію. Тотчасъ были посланы курьеры въ Дели, и жители этого города должны были переселиться за полторы тысячи верстъ. *Дюгпръ* получилъ названіе *Даулатабада* (города власти). Черезъ два года, Махмудъ снова переѣхалъ въ Дели, а потомъ опять переехалъ въ новую столицу, и Дели въ другой разъ опустѣлъ. Но Махмудъ умѣлъ только приказывать, а не создавать. *Даулатабадъ* не распространился, и черезъ нѣсколько лѣтъ, кореннымъ жителямъ Дели было позволено возвратиться во-свои. Сотни тысячъ воспользовались этой «милостью», но половина ихъ была истреблена въ дорогѣ голодомъ и разбойниками. При такой безтолковости поступковъ Махмуда, не удивительно, что пронесся слухъ, будто онъ хочетъ истребить всѣхъ брамантовъ; къ этому присоединилось еще возвышеніе налоговъ, и безъ того тяжелыхъ,—и вдругъ вспыхнулъ бунтъ во всей южной части полуострова и въ Бенгаліи, слѣдствіемъ котораго было то, что при кончинѣ Махмуда, во власти Афгановъ остался въ Деканѣ одинъ лишь *Даулатабадъ*.

Послѣ Махмуда, рѣдкое явленіе въ исторіи этихъ временъ, 36 лѣтъ мирно царствуетъ *Фируза III* (1351—87), посвящая власть свою исключительно на благо страны и ея обитателей.

По смерти *Фируза*, престолъ, въ теченіе одиннадцати лѣтъ, переходилъ десять разъ изъ рукъ въ руки; во всей имперіи царствовало безначаліе, число вассаловъ уменьшалось, когда, въ 1398 году, до Дели дошелъ слухъ о переправѣ черезъ Индъ *Тимуръ-Хана* (или *Тамерлана*), этого кровожаднаго завоевателя, который говаривалъ, что ему велѣно отъ Бога распространить свою власть надъ всѣмъ человѣчествомъ и укрѣпить вездѣ ученіе пророка. «Притомъ, прибавлялъ онъ: нехорошо, и неприлично, чтобы на землѣ было болѣе одного повелителя.» Вотъ относящаяся къ покоренію Индіи выписка изъ его собственноручныхъ записокъ, оставленныхъ имъ подъ заглавіемъ: *Тимуръ-Хана политическія и военныя учрежденія*.

« Я приказалъ, пишетъ онъ : 1000 скорымъ верблюдамъ, 1000 лошадямъ и 1000 человекамъ избранной пѣхоты отправиться въ Индію, и довести мнѣ, что тамъ дѣлается. Я узналъ, что Тинктумишъ-Ханъ былъ разбитъ Орусъ-Ханомъ, и просилъ моей защиты. Узналъ, что князья Индустана ведутъ между собою войну, — что Махмудъ въ Дели, Муллу въ Лахоръ и Саврингъ въ Мултапъ подняли мечи одинъ на другаго. Я рѣшился завладѣть индійской державой и завладѣлъ. Въ Дели я узналъ, что римскій кесарь вступилъ въ мои западныя владѣнія, и что народъ Грузіи взялъ нѣсколько моихъ крѣпостей. Я разсудилъ, что если останусь въ Индустанѣ, то можетъ возмутиться Францъ: я устроилъ свое индійское государство, и обратился противъ римскаго кесаря; разбилъ его и завладѣлъ его державой. »

Каковъ слогъ : въ каждомъ словѣ судьба цѣлаго народа ! Для объясненія слова « римскій кесарь, » нужно замѣтить, что въ Средней Азіи и нынѣ еще турецкій султанъ называется « римскимъ халифомъ. » Тимуръ говоритъ здѣсь о Баязетѣ, который завоевалъ тогда Румелію и выбралъ резиденціей Адрианополи. Въ Константинополѣ царствовали еще Палеологи, но звѣзда ихъ была на закатѣ, и для Тимура они уже слишкомъ малы : онъ ихъ не замѣчаетъ.

Пребываніе Тамерлана въ Индіи продолжалось не болѣе пяти мѣсяцевъ. Въ сентябрѣ 1398 г., онъ перешелъ черезъ Индъ : слѣдъ его до самаго Дели превратился въ пустыню: все было сожжено и разграблено. Народонаселенія цѣлыхъ областей ухидили въ лѣса и горы ; жители городовъ, не успѣвшіе спастись, предпочитали умертвить своихъ женъ и дѣтей и погибнуть въ пламени. Тѣмъ не менѣе Тимуръ явился подъ стѣнами Дели, таща за собою 100,000 плѣнныхъ ; но передъ рѣшительнымъ сраженіемъ, опасаясь ихъ множества, онъ велѣлъ всѣхъ перерѣзать. Третьяго января 1399 года, Тимуръ занялъ Дели. Пламя обняло всю столицу, и черезъ четыре дня геній разрушенія могъ съ чистою совѣстью продолжать свой путь. Здѣсь ему ничего уже не оставалось дѣлать. Онъ спустился по Гангу, разорилъ еще нѣсколько знаменитыхъ храмовъ, потомъ вдругъ поворотилъ, и исчезъ за областью Кашмиромъ, хвастаясь, что онъ истребилъ всѣхъ нечестивыхъ идолопоклонниковъ. Послѣ его ухода, прежніе владѣтели Индіи вступили опять въ безконечныя междоусобія, по имя Тимура и его сыновей еще лѣтъ пятьдесятъ сряду упоминалось въ церковныхъ молитвахъ. Афганская имперія изнемогала въ безсмысленной анархіи. Сильные субабы становились независимыми, а дѣйскіе султаны сохраняли одну тѣнь прежней власти. Это состояніе продолжалось болѣе вѣка. Наконецъ явился прославившійся рыцарскимъ духомъ своимъ Биберъ, султанъ Самарканда, по отцу правнукъ Тимура, по ма-

тери потомокъ Чингисъ-Хана . генеалогія изрядная. Онъ былъ сперва незначительнымъ ханомъ Ферганы, двѣнадцать лѣтъ вступилъ въ управленіе своимъ наслѣдіемъ, и черезъ три года съ-

умѣлъ сдѣлаться повелителемъ Самарканда и Бухары. Власть за тѣмъ, въ продолженіе тридцати лѣтъ, онъ завоевалъ всѣ провинціи, отпавшія въ теченіе времени отъ самаркандскаго королевства, и пять разъ ходилъ на Пенджабъ и Кашмиръ. Въ концѣ 1525 года, предводительствуя тринадцатью тысячами опытнаго войска, «поставивъ, по его собственному выраженію,

погу въ стремя рѣшительности, и взявъ въ руку поводья уно-
вація на Аллаха,» онъ прошелъ по Кашмиру, и въ равнине Па-
нипата встрѣтился съ полчищами дѣйснаго императора Пбра-
гима. Близъ Панипата неоднократно рѣшалась судьба Индуста-
на: равнины его для Индіи то-же, что для Европы поля Лейп-
цига. Войско Пбрагима состояло изъ ста тысячъ всадниковъ и
тысячи вооруженныхъ слоновъ. На сторонѣ Афгановъ было пре-
восходство въ числѣ, на сторонѣ Монголовъ выгодная позиція,
гепій полководца и привычка къ побѣдамъ. Часть Афгановъ про-
бѣлъ: они сошли со сцены Индустана, гдѣ въ продолженіе бо-
лѣе трехъ-сотъ лѣтъ играли первую роль, и царство ихъ до-
сталось въ удѣлъ великому моголу (1526). Завладѣвъ столи-
цею, Баберъ основалъ такъ-называемую Монгольскую Имперію.
Индійскіе владѣтели сѣвера и запада признали тотчасъ его вер-
ховную власть, но Бенгалія, Деканъ и Гуджератъ остались
пока еще независимыми.

За двадцать восемь лѣтъ передъ тѣмъ, къ берегамъ Индіи
пристали первые Европейцы, подъ предводительствомъ Васко-
де-Гамы: это были Португальцы; Англичане прибыли позже.
Могъ-ли всесильный основатель Монгольской Имперіи подозрѣ-
вать, что потомки его сдѣлаются со-временемъ нахлѣбниками
этихъ европейскихъ купцовъ, которые тогда такъ низко кланя-
лись передъ его субабамъ, вымаливая милостивое разрѣшеніе
поторговать въ его владѣніяхъ!

МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРІЯ. — Баберъ, современникъ Карла V, былъ чело-
вѣкъ умный, просвѣщенный, чуждый всякаго фанатизма. Онъ
занимался науками, особенно любилъ поэзію и музыку,— любилъ
все, что украшаетъ жизнь, жилъ хорошо самъ и былъ щедръ
ко всемъ окружающимъ его. Послѣ него остались собственно-
ручныя его записки, изъ которыхъ мы представимъ, въ извлече-
ніи, занимательное описаніе Индіи.

«Прежде Индустана, говорить онъ: я не видалъ никакой другой южной стра-
ны; прибывъ сюда, я очутился въ новомъ мірѣ... все было отлично отъ видѣн-
наго мною прежде. Я былъ пораженъ удивленіемъ, и правда, было чему удив-
ляться. Когда я завладѣлъ этой страной, королевская власть находилась въ ру-
кахъ пяти мусульманскихъ и двухъ идолопоклонническихъ (т. е. брамантскихъ)
владѣтелей. Кромѣ-того, въ горахъ и лѣсахъ держались разные мелкіе раджи,
о которыхъ не стоить говорить. Главное мусульманское царство было афганское,
съ двумя столицами Дели и Агрою; второе составлялъ полуостровъ Гуджерата,—
третье, Деканъ, находилось на югѣ. Но въ настоящее время, султаны Декана
лишены всякой власти. Всѣ провинціи ихъ царства находятся подъ управленіемъ
сильныхъ вельможъ, и къ этимъ-то эмирамъ, своимъ подданнымъ, король долженъ
обращаться съ просьбами, когда ему нужно что-нибудь. Четвертое царство зак-
лючало въ себѣ область Малву и находилось въ упадкѣ. Въ Бенгаліи власть,

по странному обыкновению, тѣсно связана съ присвоеннымъ ей наружнымъ знакомъ. Для султана есть маснадъ (престолъ); самъ всякаго изъ эмировъ, визирей и маисбдаровъ назначено особеннаго рода сѣдалище. Маснадъ и сѣдалища пользуются исключительнымъ уваженіемъ Бенгальцевъ. Когда султану вздумается отдать кому-нибудь одно изъ этихъ властительскихъ креселъ, избравшій, какова бы происхожденія онъ ни былъ, садится на пожалованное мѣсто, и пользуется безропотнымъ послушаніемъ всѣхъ своихъ новыхъ подчиненныхъ, а предшественникъ его теряетъ всякое значеніе и исчезаетъ въ толпѣ. Точно также, когда сѣдлому бродягѣ удастся убить султана и сѣсть на маснадъ, онъ тотчасъ признается за законнаго владѣтеля, и всѣ, отъ визиря до простаго воина, отъ эмира до хлѣбопашца, убѣждены, что онъ сѣлъ на маснадъ волею Аллаха. Поэтому часто услышите въ Бенгаліи слова: «мы преданы маснаду; выборъ султана зависитъ отъ Бога, а наше дѣло, быть ему вѣрными.» По другому общепринятому понятію, каждый султанъ обязанъ скопить сокровище. Чѣмъ болѣе оставить онъ по смерти въ казнѣ золота и серебра, тѣмъ болѣе достоинъ онъ, по мнѣнію народа, благодарности потомства.—Въ городахъ и областяхъ Индустана мало живописнаго; все носитъ на себѣ отпечатокъ бѣдности и запустѣнія. Сады не окружены оградами; всякая рѣка промываетъ себѣ во время проливныхъ дождей глубокія русла, которыя, по стоку воды, безобразятъ ландшафтъ. Каналы и водопроводы не встрѣчаются почти нигдѣ. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что въ Индустанѣ разореніе и постройка деревень и даже городовъ, соединеніе большихъ массъ людей на новыхъ точкахъ и водвореніе безлюдства въ областяхъ населенныхъ, совершаются съ неслыханною быстротой. При слухѣ объ угрожающей опасности, многочисленный городъ пустѣетъ совершенно въ одни сутки. Если же какая-нибудь община вздумала поселиться на новомъ мѣстѣ, то водвореніе ее приводится въ исполненіе очень скоро. Индійской деревнѣ не надо ни плотинъ, ни водопроводовъ. Молодой народъ роетъ прудъ или колодезь, а старики складываютъ хижины изъ переплетенныхъ прутьевъ. Хижина покрывается соломой или тростникомъ, въ прудъ набирается вода, — и новое селеніе быстро возникаетъ, благодаря множеству праздныхъ людей, сбѣгающихъ изъ окрестностей и готовыхъ работать изъ за куска хлѣба.

«Индустанъ страна печальная. Народъ некрасивъ. Онъ не имѣетъ понятія о живыхъ общественныхъ отношеніяхъ и прелести товарищества. Въ немъ нѣтъ ни смѣлости ума, ни любезности въ общеніи, ни влеченія къ истинному знанію, ни чувства прекраснаго. Архитектура его противна требованіямъ климата и страны. Въ Индустанѣ нѣтъ ни хорошихъ лошадей, ни вкусной говядины, ни винограда, ни сочныхъ фруктовъ, ни льда, ни холодной воды, ни даже хлѣба на базарахъ, ни бань, ни академій, ни свѣчей, ни факеловъ. Зато Индустанъ отличается грабежомъ, невѣжествомъ и нищетою. Хлѣбопашцы и простолюдины ходятъ почти совершенно нагіе.»

Какая яркая картина, набросанная кистью наблюдательнаго завоевателя!

Но индійскіе владѣтели, ошеломленные быстрымъ набѣгомъ Бабера, скоро опомнились и рѣшились уничтожить храбраго Монгола, окруженнаго немногочисленною дружиною. Афганцы соединились съ Раджупутами, и въ числѣ болѣе ста тысячъ устремились изъ западныхъ провинцій къ Агрѣ. Приближенные Бабера совѣтовали ему отступить въ Кабуль или въ Пенджабъ, но онъ пошелъ на встрѣчу непріятелю, и помощію

своей артиллеріи разбилъ и разсыялъ грозныхъ союзниковъ. Несмотря на то, частныя возстанія повторялись до самой его смерти, то въ Кабуль, то въ Индустанъ. Онъ умеръ въ 1530 году, не успѣвъ заняться исправленіемъ администраціи, которой недостатки видѣлъ такъ ясно.

Ему наследовалъ сынъ его Гумаюнъ, человекъ добрый, образованный, храбрый, но болѣе-расположенный къ изученію астрономіи, нежели къ дѣламъ. Во дворецъ своемъ онъ выстроилъ семь большихъ приемныхъ залъ, въ честь семи планетъ. Въ марсовой залъ принимались военные, въ меркуріевой судьи, чиновники, купцы, и т. п.; но вскорѣ онъ долженъ былъ заняться предметами, болѣе-близкими земной власти. Противъ него возстали Раджпуты. Молодой султанъ явился хорошимъ полководцемъ, разбилъ ихъ, и сталъ надѣяться на спокойное царствованіе. Но въ 1540 году возбунтовались Афганы подъ предводительствомъ бенгальскаго султана, Чиръ-Хана. Гумаюнъ былъ побежденъ, бѣжалъ въ Персію, и на престолъ его возсѣлъ Чиръ-Ханъ. Побѣдитель царствовалъ мудро, но недолго, и былъ оплаканъ всемъ народомъ, которому такъ рѣдко удавалось пользоваться вѣнчимъ міромъ и справедливостію внутренняго правленія. По смерти Чиръ-Хана и его сына, афганскіе полководцы начали спорить о власти; Гумаюнъ воспользовался ихъ несогласіемъ, и послѣ пятнадцатилѣтняго изгнанія, снова занялъ дѣйскій престолъ. Но черезъ годъ онъ поскользнулся на мраморной лѣстницѣ своего дворца, упалъ и умеръ. — Гумаюнъ любилъ справедливость и былъ врагъ расточительности, но онъ не былъ рожденъ двигателемъ событій. Историкъ Ферришта говоритъ про него, «что онъ былъ слишкомъ добръ для хорошаго султана.»

Въ 1556 году началось славное царствованіе сына его, Мухаммедъ-Акбара, самаго мудраго и великаго изъ государей, возсѣдавшихъ на дѣйскомъ престолѣ. Четырнадцатилѣтній императоръ принялъ бразды правленія въ такое время, когда повсюду возставали подвластные ему народы. Начиная съ усмиренія внутреннихъ враговъ, онъ прибѣгнулъ къ двумъ средствамъ: къ вѣротерпимости и разительной быстротѣ военныхъ дѣйствій. Онъ лично принималъ участіе во всѣхъ важныхъ походахъ и не щадилъ собственной жизни; солдаты обожали его и готовы были слѣдовать за нимъ на самыя отчаянныя предпріятія. Такъ, напримѣръ, во время войны съ бенгальскимъ султаномъ, достигнувъ почью, съ передовымъ отрядомъ, Гауга, на противоположномъ берегу котораго находилось непріятельское войско, онъ не дождался своей арміи, и съ сотнею всадниковъ бросился вѣлавать,

велѣлъ трубить императорскій маршъ, вѣзаясь въ самую середину лагеря и убилъ бенгальскаго полководца. Войско, уstraшенное, среди пиршества, внезапнымъ появленіемъ грознаго юноши, разбѣжалось передъ горстью его храбрецовъ. Въ другой разъ, услышавъ въ Агрѣ, что Раджпуты осаждаютъ Ахметабадъ, онъ, съ двумя тысячами отборныхъ всадниковъ, дѣлая переходы по 80-ти верстъ въ день, явился неожиданно, освободилъ городъ, а самъ, съ двумя-стами челоуѣкъ, разбилъ 5000 свѣжаго войска. Во второмъ бенгальскомъ походѣ онъ вызвалъ на поединокъ бенгальскаго султана, передъ лицомъ обѣихъ армій. Бенгалецъ убѣжалъ, а войско перешло къ Акбару. Такимъ дѣлами онъ приобрѣлъ неслыханную славу. Народъ былъ убѣжденъ, что ему покорны нечистыя силы, и при одномъ звукѣ царскихъ барабановъ и трубъ, все разбѣгалось или сдавалось. Такъ усмирилъ онъ Раджпутовъ и Афгановъ, а завоеваніемъ Бенгаліи, Кашмира, Гуджерата и сѣверной части Декана, утвердилъ вполнѣ владычество Монголовъ надъ Индією, предѣлы которой распространились отъ присоединенія Кабула и крѣпости Капдагара. Въ началѣ своего царствованія онъ перенесъ столицу изъ Дели въ Агру, а подъ конецъ принялъ здѣсь титулъ деканскаго императора, въ то самое время, когда англійская королева Елисавета подписывала въ Лондонѣ первую конституцію возрождавшейся тогда Ост-Индской Компаніи. Окончивъ завоеванія, Акбаръ раздѣлилъ имперію на шестнадцать намѣстничествъ (*суба*), раздѣлявшихся въ свою очередь на округи (*перганна*). Каждымъ суба управлялъ намѣстникъ, *субадаръ* (слово, перешащенное Европейцами въ субабъ), котораго подчиненные величали въ разговорѣ «набабомъ» (господинъ, повелитель). *Комсалимъ*, помощникамъ намѣстниковъ, Акбаръ вѣнчалъ въ особенную обязанность, наблюдать, чтобы индійскія вдовы сожигались не иначе, какъ съ собственнаго ихъ согласія.

Подобно дѣду своему Баберу, Акбаръ былъ далекъ отъ всякаго фанатизма. Въ то время, когда королева Марія жгла на кострахъ англійскихъ протестантовъ, владѣтель Индіи помышлялъ только о томъ, какъ-бы уравнять Индусовъ во всѣхъ правахъ съ мусульманами, и велѣлъ вездѣ соблюдать строгое правосудіе, безъ различія націй, вѣры и рода. Услышавъ про христіанскую религію, онъ выписалъ даже католическихъ миссіонеровъ изъ Гоа. Два раза проповѣдники пріѣзжали въ Агру, были отлично приняты, и вступали въ публичныя пренія съ мусульманскими богословами. Нѣкоторое время они даже надѣялись, что Акбаръ приметъ христіанскую вѣру; но султанъ

слушалъ ихъ только съ любопытствомъ, не болѣе. Узнавъ о дѣйствіяхъ святой инквизиціи на Малабарскомъ берегу, онъ пожелалъ избавиться отъ почтенныхъ капуциновъ, и велѣлъ имъ предложить пройти черезъ пылающій костеръ, рука объ руку съ однимъ факиромъ, который вызывался сдѣлать это. Капуцины отказались отъ этого испытанія и удалились обратно въ Гоа.

Главнымъ министромъ Акбара былъ знаменитый историкъ *Абуль-Фазль*. Онъ составилъ извѣстное сочиненіе *Ауанг-Акбари* (журналъ Акбара) (*), въ которомъ находится полное историческо-географическое описаніе Индустана. Въ немъ помѣщенъ, кромѣ-того, подробный отчетъ объ управленіи Акбара, его государственныхъ и домашнихъ дѣлахъ. Особенно любопытны статистическія свѣдѣнія, въ которыхъ обозначены объемъ и производительныя силы каждой провинціи. Эти свѣдѣнія служили для уравниванія государственныхъ податей. Акбаръ уничтожилъ всѣ налоги: подушные, торговые, ремесленные, и оставилъ только одинъ, поземельный. Онъ велѣлъ взимать въ казну третью часть произведеній почвы, и немало хвалился этимъ уменьшеніемъ подати, за которое благословлялъ его народъ, переставшій убѣгать въ лѣса. Доходы Акбара составляли около восьмидесяти милліоновъ руб. сер. Онъ оживилъ всѣ отрасли народнаго хозяйства. Вся страна покрылась дорогами, водопроводами и колодезьями,—повсюду водворились спокойствіе и безопасность. Почтовая система соединила всѣ точки имперіи, и изъ Агры въ Гуджератъ (на разстояніи до 1000 верстъ) письмо поспѣвало въ шесть дней. Въ Дели, въ Агрѣ, въ Бенаресѣ были построены обсерваторіи; во всѣхъ селахъ оживили народныя школы. Благотѣльное царствованіе Акбара продолжалось полвѣка, до 1605 года.

Акбаръ умеръ, и съ нимъ умерли его дѣла, ибо въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни прочныхъ государственныхъ учрежденій, ни твердыхъ законовъ,—гдѣ нѣтъ ничего святаго, кромѣ безусловной власти султана и безусловнаго рабства его подданныхъ, великій мужъ только счастливый случай, мимолетный метеоръ. Умирая, онъ уноситъ съ собою свой геній, какъ путешественникъ убираетъ палатку, собираясь въ дальнѣйшій путь, и оставляетъ послѣ себя опять пустое, голое мѣсто....

По смерти Акбара, возшелъ на престолъ слабый сынъ его Селимъ, принявшій, Богъ знаетъ отъ чего, названіе *Джехангира* (завоевателя вселенной); но напередъ онъ долженъ былъ

(*) Подлинникъ этого любопытнаго сочиненія, великолѣпный образецъ восточной каллиграфіи, находился прежде въ Парижѣ, въ библиотекѣ Лангесса, и былъ проданъ въ 1825 году за 16,000 рублей. Редакторъ.

посадить въ тюрьму своего сына Чузеро, который вздумалъ-было, послѣ кончины дѣда, завладѣть наслѣдіемъ отца. Царствованіе его продолжалось двадцать два года, подѣ постояннымъ вліяніемъ извѣстной любимицы, которая, по красотѣ своей, была названа народомъ *Миръ-эль-Нисса* (солнце женщинъ) и *Нуръ-Джеханъ* (свѣтъ вселенной). Женщина эта дѣлала изъ слабого государя все, что хотѣла, а въ случаѣ нужды садилась сама на коня и распоряжалась даже посреди сраженій (*).

Ко двору Джехангира прѣзжали два англійскія посольства, съ просьбою о позволеніи свободной торговли въ предѣлахъ имперіи. Первое прибыло въ 1609 году, и Англичанинъ Гаукинсъ (Howkins) былъ отлично принятъ императоромъ, который далъ ему *джагиръ* (аренду) въ 20,000 р. сер. годового дохода, женилъ его на молодой Армянкѣ, и обещалъ сдѣлать все. Но Португальцы, опасавшіеся соперничества Англичанъ, поднесли любимицѣ большой рубинъ, и Гаукинсъ долженъ былъ уѣхать въ Англію, въ 1611 году, не получивъ даже отвѣта на королевское посланіе, «пбо царю царей неприлично переписываться съ такимъ незначительнымъ раджою» (т. е. съ королемъ Англіи). Все, чего онъ могъ добиться, было позволеніе основать четыре торговыя факторіи. Въ 1616 году прибылъ Томасъ Ро (Roe). Сопровождавшій его докторъ Баутенъ (Boughton) успѣлъ вылечить любимую дочь монарха, и въ награду, получилъ позволеніе торговать по всей имперіи, а вліяніемъ его и помощію большнхъ подарковъ, посланникъ добился наконецъ и письменнаго отвѣта королю Якову I, съ слѣдующею гордою надписью, въ которой не было даже упомянуто имени англійскаго государя: «законному королю, происходящему отъ своихъ предковъ, воспитанному въ военныхъ упражненіяхъ, облеченному въ почести и держащему сираведливый судъ.» Далѣе мы увидимъ, какія важныя послѣдствія имѣла привиллегія, дарованная Баутену.

Описанный сѣромъ Ро этикетъ монгольскаго двора чрезвычайно любопытенъ, и показываетъ всю ничтожность тогдашняго императора:

Почти всю жизнь царь царей долженъ былъ проводить публично. По-утру онъ выходилъ на балконъ и показывался народу; около полудня, отсюда-же смот-

(*) Пресыщенная сладострастіемъ, красавица вздумала, наконецъ, купаться вмѣстѣ съ своимъ возлюбленнымъ султаномъ въ бассейнъ, наполненный розовою водою. Дѣйствіемъ солнца отъ жидкости отдѣлилось благовонное масло, и съ тѣхъ-поръ сдѣлался извѣстнымъ розовый *аптаръ* (эссенція), который потомъ стали готовить уже и искусственно, употребляя для составленія его, на весь одной рупіи, болѣе 200,000 розовыхъ цвѣтковъ.

рталъ на травлю дикихъ звѣрей, особенно слоновъ, — послѣ обѣда давалъ аудіенцію въ «залѣ совѣта» (*дурбаръ*). Въ восемь часовъ вечера онъ выходилъ на открытый дворъ и бесѣдовалъ тамъ съ придворными. Въ *дурбаръ* престолъ его стоялъ на возвышенности, у середины стѣны, противоположной входу. Къ самому трону не подходилъ никто. За первую оградой помѣщались высшіе сановники и посланники; за второю стояли нижніе военные и гражданскіе чиновники, а за ними толпа народа. Императоръ долженъ былъ каждый день, въ назначенный часъ, непременно явиться въ «залу совѣта.» Отъ этой обязанности его избавляли только двѣ причины: болѣзнь или пьянство; но въ обоихъ случаяхъ придворный объявлялъ о томъ собравшейся публикѣ.

Въ торжественныхъ случаяхъ императоръ былъ мало того, что украшенъ, но, въ полномъ смыслѣ слова, *покрытъ жемчугомъ, рубинами и алмазами.* Попоны царскаго слона были тоже унизаны драгоценными камнями, а голова исполнискаго животного блестяла, какъ діадема. Въ день рожденія, императору приносили два кованыхъ ящика: въ одномъ находились рубины, въ другомъ золотыя и серебряныя мидаляны. Державный имянинникъ бросалъ ихъ пригоршнями между придворныхъ, и потѣшался жаднымъ соревнованіемъ своихъ важныхъ омура. Въ другіе дни весь дворъ былъ занятъ взвѣшиваніемъ своего повелителя. Императора сажали, въ полномъ облаченіи, на одну сторону вѣсовъ, а на другую наваливали, поочередно, руинъ, золото, драгоценные камни, дорогія ткани, цѣнныя пряности, и наконецъ, рисъ и коровье масло. Результатъ всякаго взвѣшиванія тщательно вносился въ государственные акты, и всеобщая попойка достойно вѣчала торжество дня. Въ эти «эпохи дани» каждый долженъ былъ принести императору подарокъ, и цѣнность собранныхъ такимъ образомъ въ одинъ день даровъ простиралась иногда до 50 миліоновъ рублей ассигнаціями.

Въ послѣдніе годы царствованія *Джехангира*, надменность его любимицы породила много возстаній. Даже старшій сынъ императора, *Шахъ-Джеханъ*, опасаясь ея вліянія, возсталъ противъ отца. Но старикъ умеръ отъ удущья, и *Шахъ-Джеханъ* взомшелъ на престолъ безъ отцеубійства; онъ велѣлъ только зарѣзать родныхъ братьевъ своихъ, съ которыми погибли и всѣ ихъ дѣти.

Укротивъ взбунтовавшагося сильнаго омура *Лоди*, *Шахъ-Джеханъ*, какъ увѣряютъ исторіографы, началъ управлять съ величайшею справедливостію. Но кто знаетъ теперь, что руководило историками, справедливость или лесть? Въ Азіи это не рѣдкость. Уничтожить соперника считается тамъ дѣломъ естественнымъ, а потомъ принявшій власть готовъ быть справедливымъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ не вмѣшивается его личный интересъ. Впрочемъ, стоитъ-ли останавливаться на самоспасительныхъ кровавыхъ мѣрахъ Азіятца *Шаха-Джехана*, когда современникъ его, Герцогъ Ришельё, управлявшій тогда судьбами Франціи, приводилъ въ исполненіе свои рѣзкія понятія о политической справедливости!... Нѣтъ сомнѣнія, что Индія обязана *Шаху-Джехану* изящнѣйшими памятниками архитектуры, изъ которыхъ особенно знаменитъ мавзолей *Таджъ-Махалъ*, воздвигнутый въ Агрѣ, въ честь его любимой супруги *Пуръ-Джеханъ*. Онъ построилъ

изъ бѣлаго мрамора, и стоилъ Шаху около 6 милліоновъ р. сер.

Государство Шаха-Джехана было такъ огромно, что онъ не нуждался въ завоеваніяхъ, и могъ жить мирно. Небо благословило его четырьмя сыновьями, которымъ онъ далъ въ управленіе каждому по намѣстничеству. Младшему изъ нихъ, Ауренгзебу, достался Деканъ. Братья его не занимались ничѣмъ, какъ прилично султанскимъ сыновьямъ, — но Ауренгзевъ входилъ самъ во всѣ подробности управленія и оказывалъ величайшую способность къ дѣламъ. Кроме-того, онъ окружалъ себя факирами, безпрестанно молился, и казался самымъ ревностнымъ мусульманиномъ. Онъ первый изъ потомковъ Бабера обнаружилъ религіозную нетерпимость, и заслужилъ этимъ ненависть брамантовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенную преданность мусульманскаго войска; а этого только онъ и искалъ.

Вдругъ разнесся слухъ, что Шахъ-Джеханъ при смерти. Всѣ четыре сына двинулись съ своими войсками къ столицѣ. Ауренгзевъ соединился съ однимъ изъ братьевъ, Мурадомъ, увѣряя, что онъ хочетъ возвести его на престолъ, а самъ думаетъ только объ одномъ — о путешествіи ко гробу пророка. Шахъ-Джеханъ между-тѣмъ выздоровѣлъ; но это не остановило Ауренгзеба: послѣ продолжительныхъ кровопролитій, все кончилось тѣмъ, что онъ уничтожилъ своихъ трехъ братьевъ ядомъ, веревкой и кнѣжаломъ, самъ возшелъ на престолъ (1656), а старика-отца засадилъ въ тюрьму, гдѣ и продержалъ его, впрочемъ съ изъясненіемъ величайшаго сыновняго уваженія, до самой смерти, цѣлыхъ десять лѣтъ.

Ауренгзевъ завоевалъ Ассамъ и южную часть Декана. Имперія его дѣлилась на двадцать одно намѣстничество, населеніе которыхъ простиралось до 64 милліоновъ, а государственные доходы составляли болѣе 200 милліоновъ р. сер. Царствованіе Ауренгзеба, современника Людовика XIV, было блестящее, и имя его въ Европѣ извѣстнѣе всѣхъ другихъ индійскихъ владѣтелей. Это естественно: онъ былъ человѣкъ могущественный, шелъ постоянно къ своей цѣли, не боялся никакихъ средствъ, а потому и удостоился названія «великаго.» Особенно фанатизмъ его повлекъ за собою гибельныя слѣдствія. Было время, когда онъ захотѣлъ совершенно истребить Браманизмъ. Его старанія, разумѣется, не удалась: но гоненія эти вызвали двойную реакцію. На сѣверѣ взбунтовались Сѣйки, а разъединенные прежде Маратты водрузили знамя индійской старины, соединились и сдѣлались опаснѣйшимъ врагомъ Монгольской Имперіи. Эпоха Ауренгзеба была послѣднимъ блескомъ монгольской династіи;

она далеко разлила лучи свои, и, по-видимому, ручалась за прочность имперіи еще на многія столѣтія, между-тѣмъ какъ въ ней таились уже начала разложенія. — Любопытно внимательнѣе взглянуть въ главнаго дѣйствителя того времени, челоуѣка, который потому только не говорилъ: *l'état c'est moi*, что считалъ смѣшнымъ говорить о предметѣ, въ которомъ никто и безъ того не могъ сомнѣваться. Мусульманскіе писатели прославляютъ царствованіе его, какъ золотой вѣкъ справедливости и всеобщаго процвѣтанія. Окруженный пышностію, Аурумгзебъ жилъ самъ очень просто, и преслѣдовалъ бездѣйствіе и развратъ. Съ восхожденіемъ солнца, онъ являлся въ залу дурбара, принималъ всѣхъ подданныхъ, безъ различія сословій, выслушивалъ ихъ жалобы, и рѣшалъ дѣла на мѣстѣ, строго, справедливо, не по-такая ни власти, ни богатству. Если вѣрить мусульманскимъ исторіографамъ, вся эпоха отъ Акбара до смерти Аурумгзеба составляла блаженнѣйшее время для Индустана. Быть-можетъ, что послѣднія четыре продолжительныя царствованія, въ сравненіи съ эпохами прежнихъ безпрерывныхъ междоусобій, казались Индусамъ и въ-самомъ-дѣлѣ временемъ счастливымъ. Главную причину народнаго довольства должно искать особенно въ вѣротерпимости, введенной Баберомъ и поддерживаемой всѣми наследниками его, кромѣ Аурумгзеба; она должна была при-вязать къ Баберидамъ Индусовъ, претерпѣвшихъ столько гоненій отъ фанатическихъ султановъ афганскаго происхожденія. По до чего преувеличены безусловныя похвалы мусульманскихъ писателей, ясно видно, если заглянуть въ записки европейскаго путешественника Бернье, посѣтившаго Индію въ это время.

Вотъ одинъ изъ приведенныхъ имъ примѣровъ, какъ императоры разбирали дѣла. Къ Шаху-Джехану явился молодой челоуѣкъ, съ жалобою, что мать его, наследовавъ послѣ мужа двѣсти тысячъ рупій, не удѣляетъ ему ни малѣйшей части изъ отцовскаго имѣнія. Шахъ-Джеханъ велѣлъ позвать виновную и приказалъ ей: «отдать четверть имѣнія сыну, оставить четверть себѣ, а половину внести въ императорскую казну.» Вдова возразила ему: «Передъ сыномъ я виновата: онъ имѣетъ право на имѣніе отца; но какая-же связь между покойнымъ мужемъ моимъ, смиреннымъ торговцемъ, и твоимъ шахскимъ величествомъ?» Шахъ-Джеханъ согласился, что она права, и отказался отъ ста тысячъ рупій. Мусульманскіе писатели не могутъ надвинуться этой чертѣ и называютъ ее высшимъ торжествомъ справедливости. Мы видимъ тутъ только смѣсь природнаго, безсознательнаго добродушія съ произволомъ; въ настоящемъ случаѣ добродушіе взяло верхъ надъ произволомъ; въ тысячѣ другихъ — произволъ надъ добродушіемъ: а сознательной справедливости тутъ нѣтъ и слѣда.

Но если и допустить, что императоръ былъ всегда готовъ соблюдать строгое безпристрастіе, нельзя не согласиться, что его личный судъ былъ доступенъ только обитателямъ областей

Дели и Агры. Остальная масса подданныхъ, связанная по рукамъ и по ногамъ, находилась въ произвольномъ распоряженіи намѣстниковъ, «людей способныхъ пожрать всю вселенную», какъ выражается Бернье. «Всѣ должностныя лица, говоритъ онъ, грабятъ, какъ на большой дорогѣ, прикидываются бѣдными, и, выжавъ изъ своей области все, что только можно, стараются попасть въ другую, менѣе-изнуренную.»

Бернье первый раскрылъ истинное состояніе монгольскаго войска, и разсѣялъ ложный призракъ его непобѣдимости. Главную силу арміи составляла кавалерія, числомъ до 250,000; артиллеристовъ и пѣхотинцевъ вмѣстѣ было не болѣе 15,000 человекъ. То, что прежніе путешественники выдавали за безчисленные полчища пѣхоты, было не что иное, какъ толпы конюховъ, рабовъ, поваровъ, и другаго бесполезнаго и даже обременительнаго народа. Бернье не отрицаетъ храбрости мусульманскихъ всадниковъ, но замѣчаетъ, что они не имѣютъ никакого понятія ни о дисциплинѣ, ни о маневрахъ. Онъ утверждаетъ, что какому-нибудь Тюренню или Конде было-бы достаточно 20,000 человекъ европейской пѣхоты, чтобы уничтожить Монгольскую Имперію. Это было напечатано въ Европѣ, въ срединѣ XVIII столѣтія, ровно за сто лѣтъ до большихъ военныхъ дѣйствій Англичанъ, и можетъ служить объясненіемъ того быстрого переворота, который иначе является чѣмъ-то непонятнымъ, баснословнымъ.

Самое многозначительное событіе изъ временъ Ауренгзеба было основаніе могущественнаго мараттскаго союза, которому было суждено сдѣлаться главнымъ виновникомъ паденія Монгольской Имперіи и, въ-послѣдствіи, значительнѣйшимъ соперникомъ англійской власти. *Маараштра* заключала въ себѣ около шести милліоновъ обитателей. Маратты говаривали, что престоль ихъ князей спина боеваго коня, скипетръ мечъ, и всякую землю, тронутую копытомъ ихъ лошадей, они объявляли своимъ достояніемъ. Но независимость эта, ограждавшаяся гористымъ положеніемъ страны, никогда не выступила-бы изъ границъ разбойничьей жизни, если-бы не явился одинъ изъ тѣхъ сильныхъ людей, которымъ дано быть основателями государствъ: это былъ *Севаджи*, родомъ незначительный князекъ. Съ семнадцати лѣтъ, съ шайкою товарищей, онъ началъ вести жизнь разбойника, которою начинали свое поприще столь многіе завоеватели Азіи, — завладѣвъ нѣсколькими крѣпостями, и сталъ страшенъ султану Беджанура. Называя себя вассаломъ великаго могола, Севаджи, во время пашествія Ауренгзеба на Беджануръ, былъ уже пред-

ставителемъ самостоятельной власти, и пользовался особеннаго рода нейтралитетомъ, т. е. смотря по обстоятельствамъ, нападалъ то на ту, то на другую армию. Приобрѣтая безирестанно новыхъ партизановъ, храбрый Мараттъ дѣлалъ чудеса, грабилъ города, покорялъ провинции и не признавалъ никакой власти. Наконецъ, противъ него выступила огромная армія, подъ предводительствомъ опытнаго полководца Ауренгзебова. Всѣ крѣпости Севаджи были взяты, и самъ онъ долженъ былъ сдаться. Его привезли въ Агру, гдѣ Ауренгзебъ оказалъ ему явное неуваженіе, причисливъ его къ второстепеннымъ омира. Вскорѣ Севаджи удалось убѣжать въ свои горы, и по прибытіи въ Пуна, онъ провозгласилъ себя магараджей (великимъ княземъ) всей Маараштры, и былъ коронованъ. Послѣ этого онъ опять сталъ продолжать свой наѣздническій образъ жизни, вторично разграбилъ Суратъ; потомъ, съ 12,000 всадниковъ, явился въ Голконду и взялъ съ нея огромную контрибуцію. Главнымъ намѣреніемъ этого смѣлаго полководца было вступить въ тѣсный союзъ со всѣми владѣтелями Декана противъ Ауренгзеба, но ему не удалось вразумить враждовавшихъ между собою князьковъ. Набѣги его становились все смѣлѣе и смѣлѣе, многое задумывалъ онъ, и вдругъ умеръ (1680 г.). Когда вѣсть о его кончинѣ дошла до Ауренгзеба, онъ не скрылъ своего восторга: Севаджи былъ главнымъ и самымъ могущественнымъ врагомъ его. Смерть этого предприимчиваго горца, около котораго сосредоточивались всѣ брамантскіе патріоты Индіи, сильно потрясла мараттское царство; но толчокъ былъ данъ, и народъ не измѣнилъ памяти своего героя. Самбоджій, сынъ Севаджи, былъ взятъ въ плѣнъ, и Ауренгзебъ присутствовалъ самъ при его мучительной казни; но братъ убитаго, Рама, началъ мстить за него, и Маратты безпрерывно опустошали области могола. Въ послѣдствіи, государство это приняло форму, подобную формѣ Германской Имперіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ; главою его считался *пейшва*, родъ императора, а столицею *Пуна*, родина Севаджи.

Армія Мараттовъ, которой суждено было, въ продолженіе слѣдующихъ ста лѣтъ, имѣть величайшее вліяніе на судьбу Индіи, состояла, какъ и монгольская, преимущественно изъ кавалеріи, но была очень отлична отъ послѣдней. Монголы, покрытые тяжелыми латами, ѣздили на большихъ, неуклюжихъ лошадяхъ; начальники ихъ, несомые слонами, были какъ-бы окружены подвижнымъ укрѣпленіемъ. Эти густыя массы двигались по равнинамъ, подобно македонскимъ фалангамъ, и все разступалось передъ ними; но холмы и горы Маараштры были имъ недоступ-

ны. Мараттское войско, напротивъ, сообразно мѣстности, было составлено изъ самой легкой кавалеріи. Лошади его были малаго роста, живы и быстры. Все предназначалось болѣе для отдаленныхъ и скорыхъ пѣздовъ, нежели для сраженія. Главныя оружія были длинное копье, короткая шашка и круглый щитъ. Посреди этихъ кавалеристовъ находились пѣхотные мушкетеры. Походъ начинался ежегодно по окончаніи муссона, и въ знакъ войны распускали національное знамя, *хозенда*. Передъ выступленіемъ на войну, каждый Мараттъ срубалъ нѣсколько колосьевъ, и обрызгивалъ коня своего кровью. Съѣстныхъ припасовъ брали съ собою не болѣе того, сколько могло помѣститься въ двухъ мѣшкахъ, которые каждый всадникъ привязывалъ около сѣдла. Впрочемъ, надѣялись на подвозъ брижаріевъ и на грабежъ, производившійся систематически, не порознь, но въ видѣ контрибуцій. Главное достоинство мараттскихъ экспедицій состояло въ томъ, что войско никогда не убывало: повсюду къ нему присоединялись охотники. Это была настоящая семиглавая гидра, и часто, послѣ самаго рѣшительнаго пораженія, войско нападало съ новыми силами на удивленнаго побѣдителя.—Кстати представимъ очеркъ *теперешняго* состоянія мараттскихъ войскъ, въ которыхъ уже находимъ много перемѣнъ.

Многіе мараттскіе начальники проводятъ всю свою жизнь въ походахъ, и кромѣ лагерь, у нихъ нѣтъ другой столицы; поэтому ихъ военный станъ бываетъ окруженъ чрезвычайнымъ количествомъ людей невооруженныхъ. Когда онъ раскидывается на новомъ мѣстѣ, посреди воздвигаютъ палатку начальника, съ знаменемъ. По обѣ стороны ея разставляются палатки всей арміи и войсковой обозъ. Когда войско трогается съ мѣста, вы видите только шумное движеніе огромныхъ массъ безъ всякаго порядка. Ландшафтъ покрытъ на нѣсколько верстъ во всѣ стороны движущимися толпами; тутъ васъ поражаетъ видъ сбитыхъ въ кучу верблюдовъ, слоновъ, всадниковъ, пѣхотинцевъ, телгъ, паланкиновъ, навьюченныхъ воловъ, носильщиковъ, бѣгущихъ женщинъ, плачущихъ дѣтей, стадъ ословъ, быковъ, и овецъ. И вся эта масса облята густымъ, высоко-поднимающимся облакомъ пыли.

Если при войскѣ есть пѣхота, она идетъ впереди, раздѣляясь на полки. За ней слѣдуетъ артиллерія, безпрестанно-останавливающаяся по причинѣ дурныхъ дорогъ. Артиллерію сопровождаютъ одинъ или два слона, съ знаменами и съ музыкой. Около нихъ должно находится отъ 500 до 5000 всадниковъ, но обыкновенно бываетъ только горсть, иногда не болѣе пяти или шести человекъ. Остальная масса всадниковъ подвигается въ-разсыную: кто около обоза, кто впереди или въ сторонѣ. Повсюду группы, говоръ, смѣхъ и скачки на заклады.

Вдругъ авангардъ остановился: начальникъ торгуется съ общиною, которая предлагаетъ выкупъ и проситъ, чтобы отрядъ не останавливался на ея пастбищахъ. Въ арріергардѣ всякой занимается между-тѣмъ своимъ дѣломъ, кто курить, кто стряпаетъ, кто спитъ. Показался-ли гдѣ олень, вепрь, или другой какой звѣрь, тотчасъ сотни людей бросаются въ сторону, и весь отрядъ въ волненіи, пока не пораженъ непріятель.

Не-смотря на этотъ видимый безпорядокъ, европейскому войску никогда не удавалось застать Мараттовъ въ-расплахъ, и, что еще поразительнѣе, вся эта масса часто переносилась съ невероятною быстротою по самымъ неудобнопроходимымъ мѣстностямъ, и являлась внезапно тамъ, гдѣ ее вовсе не ожидали.

Благодаря среднему положенію знаменъ, лагерь устроивается очень скоро, и всякій заранее знаетъ свое мѣсто. Палатки обыкновенно бѣлыя, но есть и другихъ цвѣтовъ, и только у самыхъ бѣдныхъ воиновъ изъ чѣрной шерсти; иногда это просто кусокъ ткани на трехъ небольшихъ шестахъ. У каждого начальника нѣсколько палатокъ: одна, высокая, для приѣма гостей; другія, поменьше, съ двойными стѣнками, выложенныя внутри шолкомъ, служатъ для помѣщенія хозяевъ. Всѣ палатки одного лица соединены между собою крытыми сводами, и окружены оградой изъ полотна, которая занимаетъ иногда болѣе полуверсты.

Армію сопровождаютъ гозеяны (монахи), громогласно распѣвающіе молитвы и собирающіе милостыню, и толпа бривжаріевъ, для закупки хлѣба. Жители ближайшихъ деревень должны даромъ доставлять арміи съѣстные припасы или внести приличную сумму денегъ, если не предпочтутъ разбѣжаться. Въ такомъ случаѣ войско разоряетъ деревню.

Въ настоящее время, главные эпизоды сраженія: пушечная пальба и общій набѣгъ конницы. Маратты очень мѣткіе артиллеристы. Нападеніе конницы весьма живописно и страшно съ виду, но для европейскаго карре не опасно, и противъ картечи не въ состояніи удержаться.

Но обратимся опять къ Ауренгзебу.—Набѣги Мараттовъ, возстанія Раджпуртовъ и деканскихъ владѣтелей тревожили его старость; но всего болѣе огорчало его несогласіе собственныхъ сыновей и кровавыя распри, которыя онъ предвидѣлъ. Вотъ что писалъ онъ, незадолго передъ смертію, сыну, которому предназначалъ наслѣдіе престола:

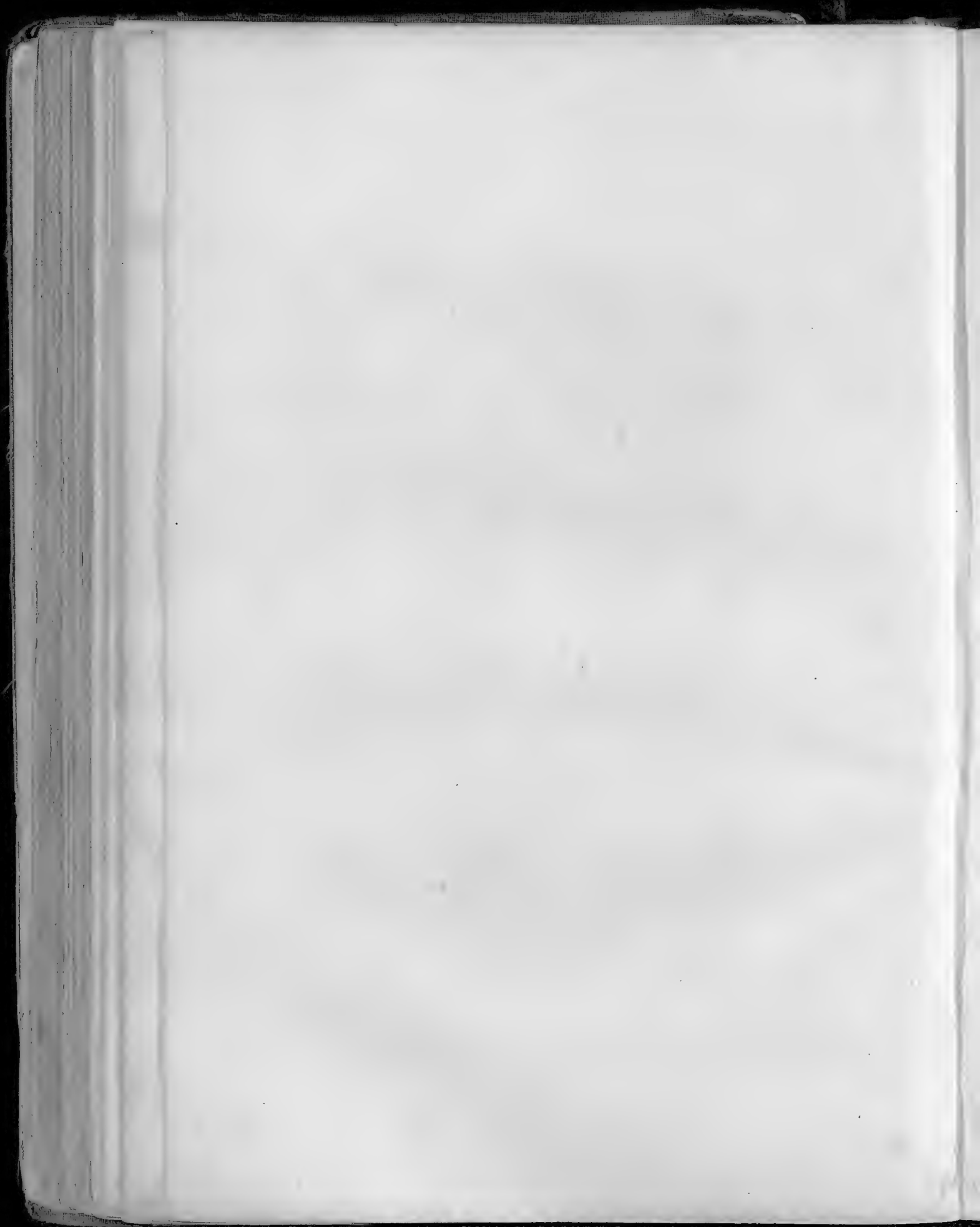
«Старость пришла, слабость овладѣла мною, а сила покинула мои члены. Чужимъ я явился на этотъ свѣтъ, и чужимъ его оставляю. Я не знаю о себѣ ничего: ни что я такое, ни къ чему я предназначенъ. Время власти кончается, и оставляетъ по себѣ только упреки совѣсти. Я не былъ покровителемъ государства. Драгоценное время дѣятельности ушло въ суету! Въ сердцѣ моемъ жилъ стражъ моей чести, но я отворачивался отъ яркаго свѣта совѣсти. Я ничего не принесть въ этотъ міръ, и ничего не выношу изъ него, кромѣ недуговъ дряхлости. Я боюсь за участь души моей, и со страхомъ гляжу на предстоящія мнѣ мученія ада. Велика благость Аллаха, но преступленіямъ моимъ нѣтъ числа. Все, что я сдѣлалъ, все было сдѣлано для тебя. Никто еще не присутствовалъ при разставаніи своей души съ тѣломъ, но я чувствую, что моя душа оставляетъ меня.»

Вотъ каковъ былъ конецъ «великаго» Ауренгзеба! Онъ умеръ въ 1707 году. Въ то время, великій Людовикъ XIV, устарѣвъ, варилъ по утрамъ особеннаго рода кофе, подъ названіемъ *la France*, для набожной мадамъ Меупенонъ..... По смерти Ауренгзеба, начались обыкновенныя кровопролитія. Въ первый одиннадцать лѣтъ было убито пять императоровъ и шесть претендентовъ на престолъ. Правителей лишали зрѣнія, давили, рѣзали; наконецъ является въ исторіи правнукъ Ауренгзеба, Мухаммедъ XIV, ко-

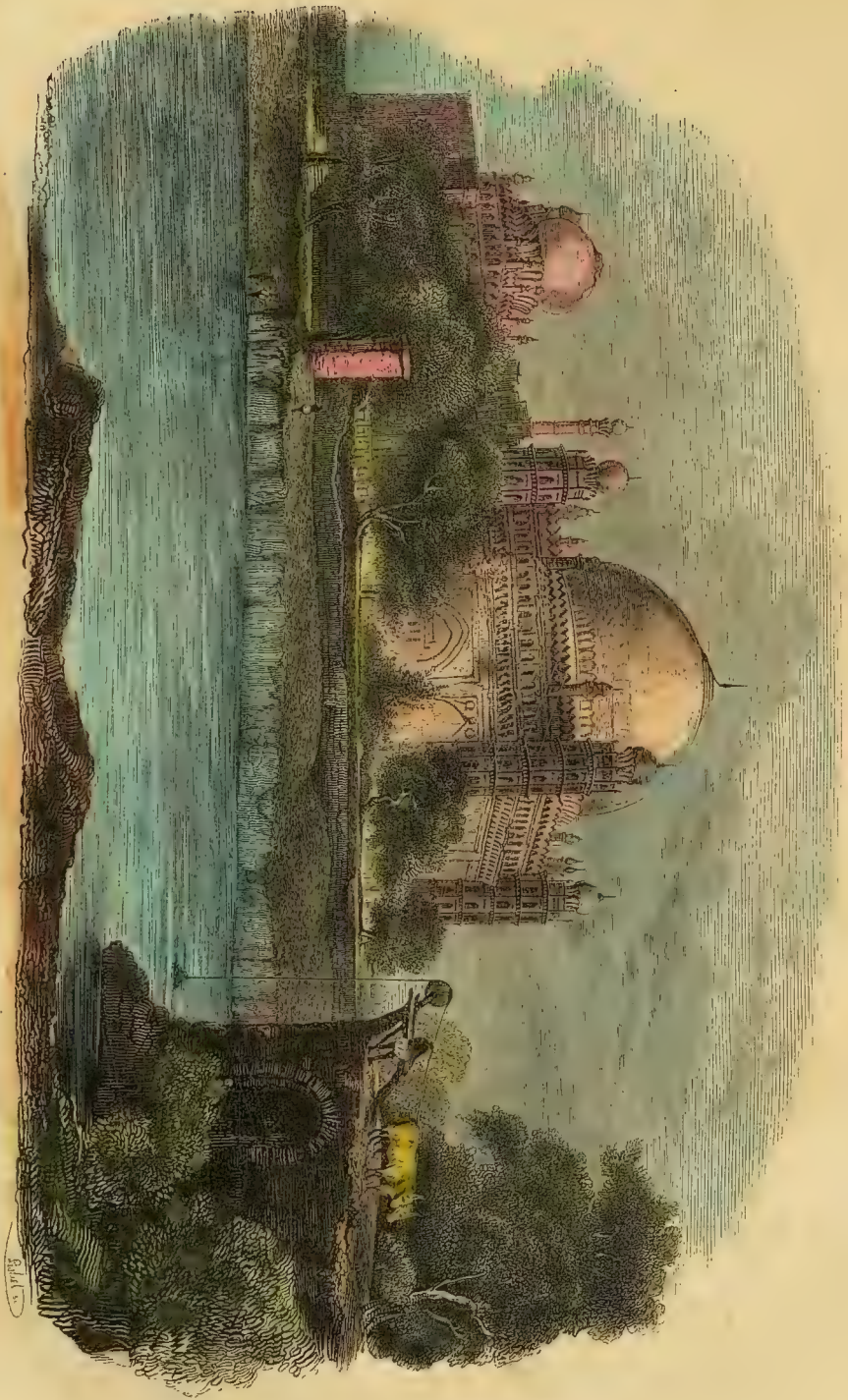
2

E. H. TON DEL.

+

Handwritten text in a cursive script, likely a title or description of the scene.

торого царствованіе нѣсколько продолжительнѣе, но составляетъ одну изъ несчастнѣйшихъ эпохъ Индіи. Царствовавшій въ то время въ Персіи *Тахмасъ-Кули-Ханъ* или *Надиръ* потребовалъ выдачи нѣкоторыхъ изъ своихъ подданныхъ, бѣжавшихъ въ Индустанъ. Оскорбленный отказомъ (другіе говорятъ, что онъ былъ призванъ измѣнникомъ, честолюбивымъ охрою *Низамъ-ул-Мулукомъ*), онъ явился, въ 1739 году, въ Индію, предводительствуя 160,000-ю арміею. Изнѣженные императорскія войска не выдержали патиска свѣжихъ горцевъ, и персидскій шахъ занялъ Дели. Все было сожжено и разорено; не щадили ни лѣтъ ни пола; погибло до 150,000 человекъ. Надиръ могъ-бы сѣсть на индійскій престолъ, но не захотѣлъ; женилъ своего сына на дочери Мухаммеда, оставилъ своему свату пышный титулъ, и взялъ себѣ только Кабуль, Капдагаръ и Пенджабъ. Грабежъ Дели продолжался 35 дней. Тысяча слоновъ, 7000 верблюдовъ и 10,000 лошадей перевозили добычу (!); деньгами было взято, говорятъ, 5000 милліоновъ рублей серебромъ, а драгоценныхъ камней на 600 милліоновъ; однихъ пушекъ было до 5000. Всего замѣчательнѣе въ числѣ добычи былъ *Луренгзевовъ* престолъ, спинка котораго изображала раскинутый павлиный хвостъ, усыпанный драгоценными камнями всѣхъ цвѣтовъ и отливовъ.

Мухаммедъ назывался царемъ еще до 1747 года, но все это время было для него временемъ испытанія, а не власти. Ударъ, нанесенный Надиромъ, былъ какъ-бы знакомъ къ окончательному распаденію имперіи. Вслѣдъ за голкондскимъ субадаромъ, поднялись Маратты и принудили императора уступить имъ *чуть*, четвертую часть податей съ тѣхъ странъ, на которыя они нападали. По смерти Мухаммеда, который, не смотря на свою незнаменитость, но очень дорожа своей особой, какъ истый мусульманинъ, еще при жизни воздвигъ себѣ великолѣпную гробницу въ Беджапурѣ (*рисункъ XI*), по смерти его, возбунтовались горныя племена; Бенгалія, Сѣйкы и Аудское Набавство сдѣлались независимыми. Наконецъ Маратты завоевали большую часть Гуджерата, Бера и Ориссы, и послѣдникамъ Тамерлана остался, кромѣ пышнаго титула царя царей, одинъ Дели, котораго народонаселеніе быстро уменьшилось. Въ 1760 году Монгольская Имперія была только пустой звукъ. Съ сѣвера стали опять показываться полчища Афгановъ; они столкнулись съ Мараттами, и владѣтели Дели принуждены были искать помощи то у однихъ, то у другихъ. Повсюду возставали мелкіе независимые владѣтели, — Индія дробилась все болѣе и болѣе; но уже приближалась эпоха

первенства Англичанъ, которымъ было суждено наследовать великому моголу.

ЕВРОПЕЙЦЫ ВЪ ИНДИИ.—Съ начала XVI столѣтія, разныя націи Европы, привлеченныя слухами про баснословныя богатства Индіи, проникли въ эту страну по слѣдамъ, проложеннымъ Васко-де-Гамой. Сперва являются Португальцы, которымъ папа, по праву наместника Петра апостола, подарилъ всю Африку и Азію, такъ какъ Испанцамъ всю Америку (!). Ихъ первые корабли пристають къ устьямъ Ганга; но въ-послѣдствіи они обращаются къ Малабарскому берегу, гдѣ вскорѣ раздается громъ ихъ пушекъ, и Албукеркъ занимаетъ разныя военно-торговые порты, изъ которыхъ самый значительный Гоа. За Португальцами слѣдуютъ ненавидимые и тѣснимые ими Венеціанцы, — Голландцы, Датчане, Французы и Англичане. Голландцы владѣли Негапатнамомъ, на Коромандельскомъ берегу; Датчане Транкебаромъ и Серампуромъ, Французы Шандернагоромъ и Пондишеріи. Англичане прибыли не прежде XVII столѣтія, и въ-слѣдствіе посольства Гаукнуса, основали торговую факторію въ Суратъ (въ 1611 г.), другую въ Мадрасъ, третью въ Бомбей и четвертую на берегу Угги. Последней было предназначено играть въ-послѣдствіи самую важную роль и служить точкой исхода политическому значенію Англичанъ въ Индіи. Незначительная факторія, основанная во второй половинѣ XVII столѣтія, составляетъ теперь одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ земнаго шара: это Калькутта, имѣющая 900,000 жителей.

Депутаты всѣхъ этихъ націй являлись къ императорскому двору въ Дели и въ Агру, подчинялись самому унижительному этикету, падали ницъ передъ царемъ царей, подкупали его любимцевъ и главныхъ совѣтниковъ, чернили другъ друга, и старались исхочатайствовать монополію торговли въ Монгольской Имперіи, каждый для купцовъ своего отечества. Позволенія торговать были даваемы то Португальцамъ, то Голландцамъ: но они были ограничены, относились всегда только къ определенному числу лѣтъ и къ извѣстнымъ городамъ. Наконецъ, случай покровительствовалъ Англичанамъ, и они не упустили его. Получивъ право торговли, докторъ Баутенъ, о которомъ мы уже говорили, продалъ его Англійской Компаніи, и это обстоятельство положило въ Индіи основаніе торговому перевѣсу Англичанъ надъ другими европейскими націями. Калькутта была основана съ согласія мѣстнаго, бенгальскаго пабаба, который, въ 1698 году, позволилъ Англичанамъ даже воздвигнуть нѣкоторыя у-

крѣпленія, для защиты отъ разбойниковъ, и умирая, говорилъ своему наслѣднику: «Смотри на факторіи Европейцевъ, какъ на пчеліныя ульи, изъ которыхъ можно извлечь много меда; но если ты помѣшалъ ихъ работѣ, то бойся ихъ жала.» Въ началѣ XVIII столѣтія Англичанамъ позволили купить нѣсколько земель около Калькутты, и въ то-же время возникли ихъ второстепенныя факторіи; но до половины этого вѣка успѣхи ихъ были чисто-торговые. Политическое значеніе Англичане начали имѣть послѣ 1750 года, занявъ на этомъ поприщѣ мѣсто Французовъ, театромъ подвиговъ которымъ служилъ Деканъ.

Основателемъ независимости голкондскаго королевства былъ *Шейедъ-Кули-Ханъ*, одинъ изъ полководцевъ Ауренгзеба. За отличіе онъ получилъ почётный титулъ *Низамъ-ул-Мулука* (подпора имперіи), подъ которымъ и извѣстенъ въ исторіи, и который перешелъ на его наслѣдниковъ, такъ что теперь именныя владѣтели Голкондскаго Королевства называются не султанами, а *низамими*. Первоначально королевство это занимало третью часть Монгольской Имперіи. Въ 1748 году, умеръ основатель его, и смуты, наступившія за этимъ, и отпаденіе многихъ областей положили здѣсь основаніе французскому могуществу, особенно въ лицѣ геніальнаго *Дюпле*; но онъ имѣлъ жребій Колумба, и всѣ плоды его трудовъ достались въ удѣлъ болѣе-дальновиднымъ и послѣдовательнымъ купцамъ береговъ Темзы.

Низамъ-ул-Мулукъ оставилъ послѣ себя пять сыновей. Въ минуту его смерти, старшій сынъ, *Чази-Уддинъ*, находился въ Дели, и второй, *Назиръ-Юнгъ*, начальствовавшій арміею, былъ провозглашенъ низамомъ. Внукъ покойнаго, *Муззусферъ-Юнгъ*, основываясь на завѣщаніи дѣда, возсталъ противъ дяди, и призвалъ на помощь генераль-губернатора французскихъ владѣній, *Дюпле*, прославившагося тогда счастливою войною противъ Англичанъ и взятіемъ Мадраса.

Никогда Франція не посылала въ колоніи свои лучшаго администратора. Когда онъ прибылъ въ Индію, Европейцы, не имѣвшіе никакого политическаго значенія, дрожали при одномъ имени монгольскаго чиновника. Природная смѣтливость *Дюпле* скоро постигла тайны индійской государственной жизни и дипломатіи. Онъ понялъ всю шаткость Монгольской Имперіи, и задумалъ опрокинуть ее, или, по-крайней-мѣрѣ, оторвать отъ нея, въ пользу Франціи, весь Деканъ. Великая мысль долженствовала быть приведена въ исполненіе помощію самаго простаго средства: это средство заключалось въ томъ, чтобы внушить туземнымъ владѣтелямъ желаніе взять въ свое услуженіе отряды европей-

скихъ солдатъ. Преимущество европейской дисциплины должно было дать перевѣсъ надъ соперниками тѣмъ изъ туземныхъ князей, которые рѣшились-бы на эту мѣру. Будучи обязаны упроченіемъ своей власти Европейцамъ, они, въ свою очередь, не могли-бы отказаться отъ ихъ подпору и въ-послѣдствіи, и такимъ-образомъ, само-собою, должно было возродиться и укрѣпиться безграничное вліяніе начальниковъ Европейцевъ на туземныхъ владѣтелей.

Можно себя представить, съ какимъ восторгомъ Дюпле принялъ просьбу Муззуферъ-Юнга о помощи. Его не остановило ни на мигъ то, что искатель вѣнца былъ слабѣйшій, и что все деканское войско было на сторонѣ его соперника.

Но начало не соответствовало ожиданіямъ Дюпле. Назиръ-Юнгъ, заключивъ союзъ съ Англичанами, разбилъ и взялъ въ плѣнъ своего племянника. Дюпле не отчаялся однакоже: онъ зналъ, что при всякомъ восточномъ дворѣ кроется сѣмь заговора, отыскалъ его, развилъ, и когда все было готово, устремилъ 800 Французовъ, подъ предводительствомъ отважнаго Латура, на 100,000-ю армію непріятеля. Горсть Европейцевъ пала какъ бомба среди индійскаго лагеря, и во время всеобщаго безпорядка и смятенія, Назиръ-Юнгъ умеръ подъ ударами убійцъ, а Муззуферъ-Юнгъ перемѣнилъ тюрьму на престолъ.

Драма эта происходила близъ Пондишери, въ декабрь 1750 года, а нѣсколько дней спустя, Муззуферъ-Юнгъ принялъ въ самомъ городѣ низамскую власть, и увлеченный благодарностію, провозгласилъ тутъ-же союзника и благодѣтеля своего, Дюпле, набабомъ Карнатика, равнаго пространствомъ своимъ Франціи. Сверхъ-того, молодой монархъ уступилъ французской компаніи, въ вѣчное владѣніе, двѣ области близъ Пондишери и городъ Мазулипатамъ.

Первый шагъ былъ сдѣланъ: Дюпле царствовалъ надъ Карнатикомъ; оставалось захватить бразды правленія Декана, оставивъ именной власть низаму, а потомъ примѣнить тотъ-же маневръ къ цѣлой Индіи, посадивъ на престолъ Ауренгзеба какого-нибудь преданнаго Французамъ туземца. Судьба улыбалась предпріимчивости Дюпле, и второй шагъ былъ сдѣланъ имъ вслѣдъ за первымъ.

Простившись съ Дюпле, Муззуферъ-Юнгъ отправился, въ главѣ арміи, въ Гайдерабадъ, и взялъ съ собою отрядъ, состоявшій изъ 300 Французовъ, 2000 сипаевъ и 10 пушекъ, и находившійся подъ командою выбрагнаго Дюпле маркиза де-Бюсси, который соединялъ въ себѣ всѣ качества хорошаго генерала съ ловко-

стію дипломата. Обстоятельства вскорѣ оправдали выборъ Дюпле. Не дойдя до Гайдерабада, тѣ самые военачальники, которые убили Пазирь-Юнга, руководимые наследственною ненавистію къ монгольской династіи, умертвили и Муззуферъ-Юнга. Положеніе Французовъ стало критическимъ: стоило взволноваться арміи, и ихъ ждала вѣрная смерть. Нужно было отвлечь подобное волненіе, и какъ можно скорѣе выбрать новаго короля. На-лицо въ лагерь былъ малолѣтній сынъ Муззуферъ-Юнга и три младшіе сына Низамъ-ул-Мулука, содержавшіеся подъ стражею. Бюсси созвалъ военный совѣтъ, и по его предложенію, старшій изъ трехъ, *Салабутюнзъ*, возведенъ былъ на престолъ.

Новый низамъ былъ слабъ; но онъ понималъ, что помощь Бюсси его единственное спасеніе, и потому совершенно отдался въ руки Французамъ, которые умѣли отплатить ему за это довѣріе. Тщетно старшій братъ низама получаетъ отъ монгольскаго императора грамоту на гайдерабадскій престолъ: его отравляетъ родная мать; тщетно Маратты громятъ его владѣнія своей многочисленной кавалеріею: они должны отступить передъ европейскою дисциплиною. Вліяніе Бюсси на низама сдѣлалось всесильнымъ, и онъ ничего не упускалъ, чтобы увеличить свое вліяніе и на народъ. Соединяя азіятскую пышность съ французскимъ изяществомъ, онъ показывался народу не иначе, какъ въ парадной палаткѣ, въ которой помѣщалось до шестисотъ человекъ; а во время похода или на смотру, передъ его слономъ шла музыка и толпа поэтовъ, воспѣвавшихъ достославныя качества и военные подвиги «французскаго эмира.»

Забывая болѣе всего о славіи отечества, Бюсси употребилъ свое личное вліяніе въ пользу Франціи. По его настоянію, низамъ уступилъ французской компаніи четыре важныя округа: Мустафанагаръ, Элору, Раджаминдри и Спкаколе, которые, въ соединеніи съ Мазулипатомъ, дѣлали Французовъ непосредственными владѣльцами пространства, до 600 миль въ длину и до 60 въ ширину, составлявшаго непрерывную область, усѣянную множествомъ укрѣпленій и ограниченную съ одной стороны моремъ, а съ другой неприступными горами. Область эта находилась въ самой населенной и промышленной части Индіи, и давала до четырехъ милліоновъ руб. сер. годового дохода.

Таковы были непосредственныя владѣнія Французовъ, а вліяніе ихъ простиралось на весь Деканъ. Бюсси, не возбуждая зависти низама, умѣлъ завладѣть всѣмъ правленіемъ, и дѣйствовалъ неограниченно. Онъ производилъ въ набавы и разжаловывалъ, давалъ и отнималъ провинціи даже у королевскихъ

братьевъ. Если-бы Бюссон разсорился съ пизамомъ, верховная власть, вѣроятно, перешла-бы къ тому изъ туземцевъ, котораго онъ вздумалъ-бы сдѣлать своимъ орудіемъ. Имя его равнялось цѣлой арміи, и судьба Индустана была въ его рукахъ. Таковъ былъ блестящій плодъ соображеній Дюпле! Зданіе, которое въ послѣдствіи едва могли воздвигнуть соединенными силами, въ теченіе полувѣка, Клейвъ, Уарренъ, Гастингсъ и Уеллеслей, — Дюпле успѣлъ создать одинъ, въ кратковременное управленіе свое. Уже онъ предвидѣлъ цѣль своихъ замысловъ, уже простиралъ руку къ опеку надъ всею Индіей; но парижскіе министры, искавшіе дружбы Англіи, схватились за топоръ и безсмысленно срубили у самаго основанія гордый дубъ, посаженный великимъ Дюпле. Англичане усердно аплодировали «мпрولیбіо» (!!!) версальскаго кабинета, а потомъ ревностно бросились на оставшіеся корни французской власти въ Индіи, и доканали ее.

Вотъ какъ это произошло. Французская компанія безусловно желала мира съ Англіей, чтобы не имѣть препятствій въ индійской торговлѣ. Англійская Компанія тоже хотѣла мира, но болѣе дальновидная, она выше всего ставила удаленіе изъ Индіи геніальнаго Дюпле. Французскіе купцы, думавшіе болѣе о своихъ капиталахъ, чѣмъ о величіи отечества, вмѣсто удивленія и признательности, подарили Дюпле всей своей ненавистію, видя въ немъ виновника продолженія войны. Французское министерство, думая болѣе о нѣкоторыхъ купцахъ, чѣмъ о цѣлой націи, не превратило частнаго вопроса въ общій, но отозвало Дюпле (!), и вмѣсто его послало одного изъ директоровъ компаніи, Годегё, человека съ ограниченными умомъ, помѣшаннаго на расчётахъ мелкаго торгашества.

Прибытіе Годегё въ Индію ознаменовалось трактатомъ, заклеяннымъ журналистами названіемъ «невѣроятнаго» (*traité incroyable*), но который министерство не постыдилось утвердить. Въ этомъ трактатѣ было сказано: «что объ компаніи навсегда отказываются отъ вмѣшательства въ дѣла туземныхъ правительствъ, равно и отъ всехъ туземныхъ должностей и почестей; что всѣ провинціи и области, находящіяся во владѣніи обѣихъ компаній, будутъ возвращены великому моголу, за исключеніемъ только тѣхъ городовъ, которыми онъ владѣли до начала послѣдней войны,—такъ что на Коромандельскомъ берегу у Англичанъ останутся Мадрасъ, Сентъ-Давидъ и Двикотта, а у Французовъ Пондишери и Карикаль; что владѣнія обѣихъ націй будутъ вполнѣ уравнены, и что область Мазулиатамъ раздѣ-

лится между ними на равныя части; что объ компаніи отказываются впредь отъ всякихъ поземельныхъ пріобрѣтеній и другихъ доходовъ, кромѣ чисто-торговыхъ.» Этотъ трактатъ далъ Англичанамъ то, чего они такъ долго добивались, и отнялъ у Французовъ все плоды ихъ геройства и дипломатіи. Онъ выгонялъ ихъ изъ Гайдерабада, отнималъ Карнатикъ и разрушалъ управление Декапомъ; то-есть, лишалъ ихъ вліянія на 35 милліоновъ жителей, составлявшихъ половину народонаселенія всей Индіи.

Во время своего управленія, Дюпле долженъ былъ занять слишкомъ три милліона рублей серебромъ. Компанія отказалась отъ платежа этой суммы. Онъ хотѣлъ вступить съ ней въ процессъ: министерское предписаніе остановило ходъ дѣла. Дюпле умеръ въ Парижѣ, въ нищету.....

Годегё возвращался между-тѣмъ во Францію, торжествуя, что ему удалось устроить миръ на столь-прочныхъ основаніяхъ. Онъ не успѣлъ еще доплыть до Европы, а Англичане, нарушивъ трактатъ, завоевывали уже новыя области. Два года спустя, между Франціей и Англіей открылась опять война. Дюпле былъ еще живъ, но его не послали на знакомое ему поприще, а отправили храбраго, но пустаго Лалли-Толлендаля. Новый губернаторъ поспѣшилъ отозвать Бюсси изъ Гайдерабада, и послѣ неоднократныхъ представленій, тотъ долженъ былъ, скрѣпя сердце, повиноваться правиламъ дисциплины. Это было въ 1758 году. Шестъ лѣтъ послѣ заключенія «невѣроятнаго» трактата, на башняхъ Пондичерри развѣвалось англійское знамя. Въ-послѣдствіи, Франціи возвратили ея старинныя колоніи, нѣсколько городовъ, но Англія успѣла между-тѣмъ завоевать уже весь Индустанъ.

По удаленіи Бюсси, Салабутюнъ заключилъ-было съ Англичанами, въ 1759 г., унижительный договоръ, по которому уступилъ имъ нѣсколько округовъ, но это не помогло ему, и онъ долженъ былъ передать престолъ брату своему, Низамъ-Али, а самъ умеръ въ тюрьмѣ, насильственною смертію. Съ нимъ кончилось вліяніе французскаго правительства на Индію. Съ воцареніемъ Низамъ-Али начинается вторая эпоха голкондской исторіи, возникающее вліяніе Англичанъ, эпоха, тѣсно-связанная съ развитіемъ Англійской Имперіи въ Индіи, и потому мы воротимся къ ней въ-послѣдствіи, а предварительно перенесемся въ Бенгалію, гдѣ въ то время дѣйствовалъ знаменитый Клейвъ (*).

(*) Основатель Англійской Имперіи въ Индіи, Клейвъ родился въ 1725 г. Онъ былъ педваряскаго происхожденія, и 18-ти лѣтъ вступилъ въ службу Компаніи, въ качествѣ простаго прикащика, но потомъ перешелъ въ полкъ и до-

Мы видѣли, какъ факторія Калькутта пользовалась покровительствомъ бенгальскаго субаба. Дружественныя отношенія Англичанъ съ Бенгальцами продолжались до смерти Али-Верди-Хана. Ему послѣдовалъ *Сураджа*, и скоро представились разные причины къ неудовольствію, и между прочими слѣдующая. Одинъ изъ сановниковъ субаба, порядочный взяточникъ, ограбилъ нѣсколько провинцій, и посредствомъ большихъ подарковъ губернатору Калькутты, нашелъ убѣжище въ этомъ городѣ. Напрасно субабъ требовалъ его выдачи. Потерявъ терпѣніе, онъ подошелъ, въ 1756 году, съ 60,000 войска къ стѣнамъ Калькутты; губернаторъ бѣжалъ, городъ былъ взятъ и разграбленъ, а 146 человекъ гарнизона были заключены въ тѣсную яму. До утра, 123 изъ нихъ задохлись. И все это изъ-за азійскаго взяточника, подѣлывшагося съ европейскимъ собратомъ! Вслѣдствіе этого несчастія, всѣ соперничества между Европейцами умолкли, и жители Калькутты были радушно приняты Французами въ Шандернагоръ и Голландцами въ Шипсуру. При вѣсти о взятіи Калькутты, советъ Мадраса отправилъ туда для отмщенія эскадру адмирала Уатсона и полковника Клейва съ тысячею Европейцевъ. Клейвъ снова занялъ факторію, и разбилъ 20,000-ю армію субаба. Потомъ онъ уничтожилъ городъ Угли, и обратился противъ Шандернагора, главной бенгальской колоніи Французовъ, находившихся въ союзъ съ Сураджи. Городъ былъ взятъ, и за нимъ всѣ второстепенныя бенгальскія факторіи Французовъ сдались Англичанамъ, противники которыхъ были принуждены заключить выгодный для побѣдителей миръ.

Но по случаю переговоровъ о мирѣ, Клейвъ постарался взойти въ тайныя сношенія съ приближенными субаба, чтобы помощію дипломатіи продолжать то, что было начато силою оружія. Онъ обратился къ Миръ-Джаффиру, родственнику субаба, и разными и полубышаніями умѣлъ сдѣлать изъ него усерднаго поклон-

служившаго до генеральскихъ эполетъ. Потхавъ въ Англію, онъ долженъ былъ, вслѣдствіе неудачъ, воротиться въ Индію, гдѣ, съ 1762 года, началъ приводить въ исполненіе свою безжалостную политику, девизомъ которой были: обманъ и грабительство. Но его гордость и надменность вооружили противъ него многихъ, и по прибытіи въ Англію, онъ былъ обвиненъ въ хищничествъ и другихъ злоупотребленіяхъ, и подвергся суду. Но страшные безпорядки въ Индіи требовали его присутствія, и онъ, еще не освободившись отъ процесса, облеченный неограниченною властію, отправился въ Калькутту, гдѣ всѣ дѣйствія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Въ новый пріѣздъ свой въ Лондонъ (1772), онъ снова былъ судимъ, и жолчная раздражительность его дошла до такой степени, что въ 1774 г. онъ положилъ самъ конецъ своей жизни. — Питтъ и Фоксъ, такъ рѣдко соглашавшіеся между собою, оба называли Клейва великимъ человекомъ.

изъ Индіи. На это была направлена вся дѣятельность послѣднихъ лѣтъ его жизни, и чтобы имѣть возможность исполнить эту мысль, онъ отослалъ прежняго субадара въ дворцы Сери-ганатама; главныхъ приверженцевъ его разсадилъ по желѣзнымъ клѣткамъ, не пролилъ даромъ ни чьей крови, сѣлъ на престолъ, который въ настоящемъ видѣ былъ созданъ имъ самимъ, и объявилъ себя султаномъ Майссора.

Главная ошибка владѣтеля Декана, Низамъ-Али, состояла въ томъ, что онъ не понялъ великой мысли Гайдера-Али. Онъ видѣлъ въ немъ только дерзкаго выскочку, и никакъ не хотѣлъ согласиться вступить съ «бунтовщикомъ» въ союзъ противъ общаго врага. Соединясь онъ съ самаго начала своего царствованія съ Гайдера-Али и съ Мараттами, Англичанамъ пришлось бы плохо. Но онъ хотѣлъ хитрить, хотѣлъ ссорить трехъ соседей, которыхъ равно ненавидѣлъ, а самому оставаться нейтральнымъ и пользоваться ихъ враждою, но не сумѣлъ исполнить задуманнаго плана, и дорого за то заплатился. До 1780 года, въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ, всѣ воюющія стороны вознаграждали себя, при заключеніи перемирій, на его счетъ. Такъ, Маратты завладѣли большою частію Берара, Гайдеръ-Али отнялъ всѣ южныя провинціи Голконды, а Англичане дипломатической уловкой выманили у Дели грамоту на субадарство Карнатика, которое было отдѣлено отъ Декана, и дано преданному Англичанамъ аркотскому пабабу. Между-тѣмъ Низамъ-Али долженъ былъ уступить въ непосредственное владѣніе Компаніи сѣверные Сиркары и Гаптуръ, за что Англичане обѣщались платить ему 490,000 руб. сер. ежегодной дани, но не заплатили ни копѣйки.—Наконецъ, въ 1780 году, Низамъ-Али рѣшился на единственную мудрую мѣру во все свое царствованіе, и заключилъ союзъ съ Мараттами и майсорскимъ султаномъ. Маратты должны были напасть на Бенгалію и на Бомбей, а голкондскія и мизорскія войска завладѣть Мадрасскимъ Президенствомъ. Старый Гайдеръ-Али, собравъ 70,000 войска, пошелъ прямо къ Мадрасу, взялъ его и осадилъ Аркотъ. Въ 1782 году онъ выступилъ вторично противъ Мадраса, но умеръ въ походѣ, оставивъ геройскому сыну своему, *Типпо-Саибу*, великую мысль и для исполненія ея, 90,000 человекъ хорошо-вооруженнаго войска и 21,000,000 руб. сер. наличныхъ денегъ. Въ это время Англичане въ Карнатикѣ находились въ самомъ критическомъ положеніи: сѣверные Сиркары были открыты, и Низамъ-Али стоило только двинуть свое войско, чтобы занять ихъ. Но онъ думалъ не о войнѣ, а о деньгахъ и удовольствіяхъ. Казна его

пуста: Англичане предлагаютъ ему огромныя суммы. Азіятецъ не можетъ устоять противъ золота, отдѣляется отъ союза, и заключаетъ, въ 1784 году, миръ. Французы тоже помирились съ Англичанами, между Мараттами возникли несогласія, и Типпо-Самбъ, оставшись одинъ, увидалъ себя вынужденнымъ отложить военныя дѣйствія до болѣе-удобнаго времени.

Низамъ-Али царствовалъ тридцать одинъ годъ, и умеръ своею смертію, но царствованіе его представляло непрерывную нить ошибокъ и потерь, которыя упрочили окончательно вліяніе Англичанъ, и рѣшили гибель Голкондскаго Королевства.

Въ 1782 году возстали жители пригангскихъ странъ. Алчность Гастингса возмутила наконецъ мирное населеніе Бенареса; англійскіе отряды были перерѣзаны, и самъ генералъ-губернаторъ подвергся большимъ опасностямъ.—Онъ наскоро собралъ бывшія подъ рукою войска, захватилъ семейство бенаресскаго раджи и все его драгоценности. Также онъ поступилъ съ матерью и сестрою аудскаго пабаба, и, похитивъ у нихъ десять милліоновъ рупій, велѣлъ пытать ихъ евнуховъ, чтобы выведать, не осталось-ли еще какихъ богатствъ. Слухи о всѣхъ этихъ ужасахъ возбудили въ Англіи всеобщее негодованіе. Въ 1784 году, актомъ парламента былъ учрежденъ контроль надъ верховнымъ управленіемъ политическихъ дѣлъ Индіи, и формально воспрещено Индійской Компаніи вести впредь какую-бы то ни было завоевательную войну. — Въ слѣдующемъ году Гастингсъ былъ отозванъ въ Англію, но, не-смотря на громы обвиненія со стороны знаменитаго Борка, вышелъ изъ процесса чистымъ въ глазахъ англійскаго правительства, былъ произведенъ въ перы, получилъ отъ Компаніи пенсіонъ въ 100,000 руб. на 28 лѣтъ, — а генералъ Біорнстерна называетъ его, печатно, *отцомъ народовъ Индіи*! Передъ отъѣздомъ изъ Индіи, Гастингсъ вступилъ въ тайныя сношенія съ однимъ изъ мараттскихъ начальниковъ, съ магараджей Спиди, и допустилъ его занять города Дели и Агру. Слабый императоръ, Шахъ-Алламъ, попалъ въ руки Мараттовъ и оставался въ ихъ власти до 1803 года. Такъ, даже имя Монгольской Имперіи исчезло на-время съ географическихъ картъ!—Въ 1787 году, Гастингсу наследовалъ лордъ Корнуоллисъ, обратившій особенное вниманіе на возстановленіе англо-индійскихъ финансовъ, которые находились въ самомъ жалкомъ состояніи.

Положеніе Голконды въ это время, до 1790 года, было неопредѣленно; отношенія Низамъ-Али къ Англичанамъ носили на себѣ отпечатокъ какой-то двусмысленности. Маратты были за-

пять междоусобными распрями, — Типпо-Санбъ устройствомъ своей державы и приготовленіями къ дальнѣйшей борьбѣ съ Англичанами. Въ 1787 году онъ отправилъ посольство во Францію, ища союза. Союзъ былъ заключенъ, но это происходило наканунѣ 89 года, и Франціи было тогда не до того. Низамъ-Али, съ своей стороны, ни сколько не заботясь о дѣлахъ, предался, бѣшенствѣ и необузданствѣ чѣмъ когда-либо, безпрерывнымъ ширмамъ и удовольствіямъ, и истощилъ казну до того, что войску нечѣмъ было платить жалованья, и оно жило грабежомъ. Тщетою Типпо-Санбъ предлагалъ ему вступить въ новый союзъ противъ «коварныхъ пришельцевъ.» Англичане слѣдили день-за-днемъ за дѣйствіями низама, и когда увидѣли, что финансовое разстройство его дошло до кризиса, предложили ему наличныя деньги, нарисовавъ самыми живыми красками опасность такого сосѣда, какъ безпокойный Типпо-Санбъ, и обѣщая возвращеніе всѣхъ провинцій, отнятыхъ у низама старымъ Гайдеръ-Али. Покореніе было сильно, и въ 1790 году, между ростовщиками и должникомъ былъ заключенъ союзъ противъ майссорскаго султана, а вскорѣ къ нему присоединились и Маратты. Предупреждая своихъ враговъ, Типпо-Санбъ вторгся въ ихъ области, и нанесъ имъ многія пораженія, но сила превозмогла, и въ началѣ 1792 г. онъ принужденъ былъ купить миръ цѣною половины своего царства и взносомъ трехъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; сверхъ-того, въ залогъ спокойствія, у него взяли двухъ его сыновей. Разумѣется, что болѣе другихъ союзниковъ при этомъ выиграла Компанія.

Въ этой войнѣ является опять одно французское имя, *Ремонъ*, послѣдователь Бюссон по своей отвагѣ и вліянію на туземцевъ. Начальствуя нѣсколькими сотнями Французовъ (которые болѣе сорока лѣтъ постоянно держались при гайдерабадскомъ дворѣ, опираясь единственно на свою шпагу, и были для Англичанъ точно бѣльмо на глазу), онъ дѣлалъ все, что могъ для поддержанія власти низама, — и, надѣясь на помощь Франціи, водрузилъ въ Гайдерабадъ трехцвѣтное знамя республики; но смерть (1797 г.) помѣшала осуществленію его смѣлыхъ плановъ. Почитаемый Индусами и мусульманами почти за святаго, онъ былъ послѣднимъ облакомъ, пронесшимся передъ властолюбивою звѣздою Англіи.

Около этого времени прибылъ новый генералъ-губернаторъ Индіи, маркизъ *Уеллесли*. Онъ приказалъ англійскому резиденту въ Гайдерабадъ употребить всѣ средства для удаленія французскаго отряда. Типпо-Санбъ, выручивъ своихъ сыновей, всту-

пишъ между-тѣмъ въ переговоры съ мараттскимъ пейшвой и съ прибывшимъ въ Египетъ генераломъ Бонапарте; заключилъ съ первымъ союзъ, а отъ втораго получилъ обѣщаніе присылки 30,000 вспомогательнаго войска. Англійскій резидентъ воспользовался слухами объ этихъ приготовленіяхъ, чтобы напугать слабаго низама, противъ котораго въ это-же время, по наущенію Англичанъ, возстали его родныя сыновья,—и Али рѣшился, наконецъ, подписать гибельный *трактатъ 1 сентября 1798 года*.

По этому трактату, Компания утверждала за низамомъ весь его владѣнія, обѣщала ему навсегда свое покровительство противъ враговъ,—а низамъ, за-то, соглашался на слѣдующія три условія, которыя отдавали его самого и его государство въ полное распоряженіе Англичанъ: 1) распустить французскій отрядъ и выдать офицеровъ его Англичанамъ; — 2) содержать постоянно шесть англійскихъ батальоновъ съ артиллеріей; — 3) для содержанія этого *вспомогательнаго* (субсидіарнаго) войска, платить ежегодно до 1,700,000 рублей серебромъ.

Этимъ ударомъ прекращается всякое вліяніе Французовъ, и стирается послѣдняя тѣнь независимаго существованія Декана: это третья эпоха—*уничтоженіе королевства*. Низамъ и преемники его, пользуясь однимъ пустымъ титуломъ, исчезаютъ въ гаремахъ, а вся власть переходитъ въ руки англійскихъ резидентовъ. Другимъ владѣтелямъ Индіи союзъ Англии обходится не дешево. Аудское Набавство совершенно разорено. Набабъ Карнатика и подданные его доведены до нищеты и отчаянія. Повсюду Англичане возбуждаютъ междоусобія, и предлагаютъ потомъ свое недешевое покровительство или посредничество. По нимъ предстоитъ сразиться еще съ двумя сильными врагами: Мараттами и майссорскимъ султаномъ.

Бонапарте не имѣлъ тогда никакой возможности прислать обѣщаннаго войска, и Уеллеслей рѣшился напасть на Типпо-Салба, пока къ нему не подоспѣли на помощь Маратты. Англійская армія состояла изъ 20,000 Европейцевъ и 60,000 сформированныхъ туземцевъ. Вспомогательный отрядъ низама (шесть тысячъ пѣхоты и столько-же конницы) былъ отданъ подъ начальство роднаго брата генераль-губернатора, полковника *Артура Уеллеслей* (въ-послѣдствіи герцога *Веллингтона*). Кроме того, за Англичанами слѣдовало множество союзныхъ войскъ. Послѣ кратковременнаго торжества надъ непріятелемъ, неустрашимый Типпо-Салбъ долженъ былъ отступить къ *Серингатаму*. Онъ геройски защищалъ свою столицу: но 3 мая 1799 г. она была взята приступомъ, въ которомъ Англичане должны

были пройти по трунамъ султана и его лучшихъ воиновъ. — Вотъ подробности о смерти героя :

« Типпо-Санбъ былъ утомленъ перестрѣлкою съ осаждающими, продолжавшеюся цѣлое утро, и отправился отдохнуть во внутренніе покои своего дворца, какъ вдругъ его извѣстили, что непріятель, воспользовавшись сильнымъ зноемъ, въ нѣсколько минутъ пробилъ брешь и уже ворвался въ городъ. Увидѣвъ, что все потеряно, султанъ рѣшился пробиться съ толпою приверженцевъ. Сѣча была ужасная. Типпо-Санбъ былъ раненъ одинъ изъ первыхъ, и вся его дружина легла костью около своего вождя. Окровавленный, онъ палъ на мостовую. Англіійскій солдатъ хотѣлъ сорвать съ него алмазное ожерелье; это оскорбленіе оживило султана. Съ послѣдними усилиями, онъ приподнялся и нанесъ солдату саблею ударъ въ голову. Англичанинъ добилъ его штыкомъ, не зная самъ, кого онъ поразилъ. Поздо вечеромъ отыскали наконецъ нагое тѣло султана. »

Типпо-Санбъ съ подобающею честію былъ отнесенъ въ мавзолей, гдѣ поконился его отецъ. На престолъ его посадили, для формы, какого-то потомка прежнихъ владѣтелей, развѣнчанныхъ Гайдеромъ, а провинціи Конмбатуръ, Канара и Вайпудъ перешли въ непосредственное владѣніе Компаніи. Послѣ пораженія страшнаго Типпо-Санба, передъ Англичанами преклонился весь югъ Декана, и пріобрѣтенія 1799 года составили не менѣе 50,000 англ. кв. миль. На сѣверѣ остались еще Маратты, но прежде чѣмъ обратиться противъ нихъ, Уеллесли рѣшился упрочить вліяніе, пріобрѣтенное въ Деканѣ.

Мы сказали, что трактатомъ 1798 г. низамъ обязался содержать на свой счетъ определенное число англійскаго войска. Но содержаніе это не было обезпечено ничѣмъ, и маркизь Уеллесли, для пополненія пропуска, предложилъ низаму новую мѣру, состоявшую въ томъ, чтобы Компаніи была уступлена, въ вѣчное владѣніе, область, доходы съ которой могли-бы покрыть издержки содержанія. Предложеніе генералъ-губернатора равнялось предписанію, и въ октябрѣ 1800 года состоялся *новый трактатъ*. Мы приведемъ его здѣсь въ подробности, потому что онъ составляетъ эпоху въ исторіи Англо-Индійской Имперіи, и кромѣ того служилъ образцомъ для заключенія всѣхъ другихъ *вспомогательныхъ* (субсидіарныхъ) трактатовъ. Тутъ мы находимъ первый примѣръ того образа правленія, которое теперь введено почти во всѣхъ государствахъ, пользующихся покровительствомъ Англіи.

Вотъ главные пункты трактата :

- 1.) Между обѣими державами (какая насмѣшка!) заключается оборонительный и наступательный союзъ.
- 2.) Компанія, для защиты низама отъ всякихъ враговъ, вѣнскихъ и внутреннихъ, содержать определенное число войска, называемаго вспомогательнымъ, и которое должно постоянно находиться въ столицѣ или въ окрестностяхъ ея. Для покрытія нужныхъ на содержаніе его издержекъ, низамъ уступаетъ Компа-

ни отняты у майсорскаго султана, въ 1792 и 1799 годах, области: (Всѣ «уступленныя провинціи» (ceded districts), съ главными городами Белари, Гутти и Кадапа, составляютъ не менѣе 25,000 кв. миль, и давали въ 1800 году слишкомъ 5,600,000 р. сер. дохода, между-тѣмъ какъ содержаніе войскъ стоило никакъ не болѣе 1,700,000 р. серебромъ: даже и въ этомъ разсчѣтѣ Англичане не обидѣли себя, взявъ 300 процентовъ барыша.)

3.) Для внутренней полицейской стражи, низамъ содержать изъ своихъ собственныхъ доходовъ туземное войско, равнаго съ вспомогательнымъ числу, а Компанія обязуется (!!) снабжать это войско англійскими офицерами и приучить его къ европейской дисциплинѣ. Приказанія низама сообщаются резиденту, а военный секретарь послѣдняго передаетъ ихъ англійскимъ начальникамъ отдѣльныхъ дивизій туземнаго отряда. (И такъ, низамъ содержать, изъ своихъ доходовъ, двѣ англійскія арміи, которыя зависятъ вполне отъ постоянно-наблюдающаго за нимъ резидента!)

4.) Низамъ отказывается отъ всякихъ союзовъ съ иностранными державами, и во всѣхъ важныхъ случаяхъ обязывается спрашивать совѣта (т. е. резолюціи) резидента или генераль-губернатора.

5.) За-то низаму, защищенному отъ всякихъ возстаній, разрешается (!) судить своихъ подданныхъ по усмотрѣнію (т. е. слѣпому произволу), и налагать на нихъ какіе угодно налоги (право конфискаціи имущества и разоренія народа)

Вотъ главныя основанія *субсидіарной системы*, о которой мы будемъ говорить подробно въ-послѣдствіи. Теперь обратимся къ другому дѣйствию маркиза Уеллесли. Въ 1802 году онъ снова приобрѣлъ, болѣею частию договорами, слишкомъ 25,000 кв. миль, и между прочимъ, Карнатикъ. Наконецъ, въ слѣдующемъ году, онъ столкнулся съ Мараттами. Главныя мараттскія княжества были: Голкаръ и Спидія; храбрый Футтѣ-Сингъ владѣлъ Гуджератомъ. Сильнѣйшій изъ вождей былъ владѣтель Спидіи. Онъ завоевалъ, какъ мы сказали, даже Агру и Дели, держалъ въ плѣну великаго могола и угрожалъ нападениемъ на Бенгалію. Войско его состояло изъ 200,000 кавалеріи и 20,000 регулярной пѣхоты. Генераль Декъ разбилъ его въ теченіе одной компаніи, въ трехъ сраженіяхъ, и освободилъ императора Шахъ-Аллама; а побѣжденный вождь Мараттовъ уступилъ Англичанамъ всѣ свои завоеванія, болѣе 40,000 англ. квад. миль. Въ 1804 году Артуръ Уеллесли разбилъ владѣтеля Голкара, и отнялъ у Мараттовъ еще нѣсколько областей. Шахъ-Алламу оставили одинъ императорскій титулъ, назначили 840,000 р. сереб. ежегодной пенсіи, а власть, разумѣется, перешла въ руки побѣдителей.

Уеллесли окончилъ дѣло начатое Клейвомъ. Превосходный администраторъ, онъ окончательно упрочилъ власть Англичанъ въ Индіи, и управленіе его было школой, изъ которой вышло много способныхъ людей

Слишкомъ десять лѣтъ сряду лордъ Минто и, послѣ него,

возвратившійся вторично Корнуаллисъ, пользуясь миромъ, приводили въ порядокъ внутреннюю администрацію Индіи. Въ 1816 году на генераль-губернаторство вступилъ маркизъ Гастингсъ. Онъ уничтожилъ, въ 1818 году, огромныя разбойничьи шайки *Пиндаріевъ*, а въ 1819 смирилъ окончательно *Мараттовъ*, которые должны были опять уступить ему болѣе 30,000 англ. кв. миль, особенно области, прилежащія къ рѣкѣ Нербуддѣ.

Въ 1820 году у Англичанъ не было болѣе значительныхъ враговъ въ Индіи. Вездѣ, куда ни проникала ихъ политика, престолы туземныхъ владѣтелей начинали колебаться, одна провинція отпадала за другою и дѣлалась жертвой господъ «покровителей» (!); а обобранные кругомъ раджи, набобы и султаны сходили наконецъ добровольно съ своихъ шаткихъ престоловъ, получали пенсію и удалялись въ гаремы. Менѣе-послушные князья мѣняли престолъ на вѣчную тюрьму. — Далѣе, въ статистическомъ обзорѣ, мы увидимъ, кто изъ нихъ попалъ въ какой разрядъ: вычислять-же всѣ эти мелкія драмы, въ хронологическомъ порядкѣ, было-бы слишкомъ утомительно, да и бесполезно. Завоевавъ весь Индустанъ всѣми средствами то льстивой, то вносящей раздоры политики, Компанія не упустила случая перейти естественныя границы его, и въ 1825 году притѣснила (и довольно выгодно) *Бирманцевъ*, а въ 1838 вмѣшалась (но не такъ удачно) въ междоусобія *Афганистана*.

Мы присутствовали при борьбѣ Англичанъ и ихъ торжествъ: теперь взглянемъ, во чье имя происходила эта борьба, кому именно принадлежитъ и отъ кого зависить пространная *Англо-Индійская Имперія*.

ОСТ-ИНДСКАЯ КОМПАНІЯ. — Вслѣдствіе плаваній *Дрека*, *Стефенса*, *Кевендиша* и другихъ Англичанъ, и по примѣру прочихъ націй, въ концѣ XVI столѣтія, въ Лондонѣ образовалась торговая компанія, которой, по силѣ хартии, подписанной королевою Елизаветою 31 декабря 1599 года, было предоставлено на 35 лѣтъ исключительное право торговли съ Азіатскою Индіею. Коммерческая привилегія эта была потомъ неоднократно возобновляема при истеченіи каждаго новаго срока, прерывалась только два раза на короткое время, и уничтожилась не прежде 1834 года. Разсчитанная честность и обходительность коммисіонеровъ Компаніи составляли выгодную для ея дѣль противоположность съ необузданнымъ фанатизмомъ *Португальцевъ*. Первоначальный капиталъ общества не превышалъ 400,000 фунтовъ стерлинговъ, и былъ раздѣленъ на акціи, по 50 фунт. (около 1250 р. асс.) каждая. Но акціи стали быстро подыматься въ биржевой цѣнѣ, по-

тому что выгода общества была очень значительна. Вдругъ Кромвель уничтожилъ привилегію его, и объявилъ индійскую торговлю свободною,—но потомъ возвратилъ Компаніи старыя права; въ 1661 г. Карль II распространилъ ихъ и на Китай; въ 1676 воспослѣдовало опять новое преобразование общества, но кредиту его былъ нанесенъ ударъ, отъ котораго оно нескоро успѣло оправиться. Дѣла его принимали все болѣе и болѣе дурное положеніе: въ довершеніе всѣхъ другихъ неудачъ, въ 1698 г., возникло новое торговое общество и стало въ соперничество съ старымъ. Послѣ четырехъ-лѣтней борьбы, обѣ компаніи соединили свои капиталы и приняли новый уставъ.

Капиталъ соединеннаго общества состоялъ изъ 6,000 акцій, по 1000 фунтовъ каждая, и составлялъ 6,000,000 ф. стерлинговъ. По новому уставу, владѣтель цѣлой акціи имѣлъ одинъ голосъ; три акціи давали два голоса; шесть—три, десять и болѣе—четыре. Свыше четырехъ голосовъ одно лицо не могло имѣть. Всѣ акціонеры содѣйствовали на этомъ основаніи къ выбору тринадцати директоровъ. Съ этого преобразования торговли дѣла Компаніи такъ увеличились, что директора ся задумали дать управленію своему правительственную форму, издали законы и уставы, создали флотъ и войско. Мало-по-малу, общество стало утрачивать свой чисто-торговый характеръ и пріобрѣтать поземельныя владѣнія и политическій вѣсъ.

Въ 1760 году, когда акціонеры получали отъ 12 до 15 процентовъ дивиденда, биржевая цѣна акцій поднялась до 2000 фунтовъ. Въ 1769 году актъ парламента сдѣлалъ эту цѣну неподвижною, рѣшивъ, что впредь Компанія должна раздавать акціонерамъ ежегодно, въ счѣтъ дивиденда, $10\frac{1}{2}$ процентовъ съ первоначальнаго нарицательнаго капитала (т. е. 630,000 ф. ст.),—и опредѣливъ, чтобы избытокъ доходовъ былъ отчасти обращенъ въ резервный фондъ, отчасти употребляемъ на управленіе собственно индійскихъ владѣній. Утвердивъ всѣ прежнія монополіи Компаніи, хартія 1773 года признала ее въ политическомъ отношеніи независимою правительницею завоеванныхъ ею владѣній. Въ то время Индія подвергалась дѣйствию англійскаго завоеванія; побѣжденные враги платили большія контрибуціи, но тамошняя торговля не давала тогда никакихъ барышей, что, однако, съ излишкомъ вознаграждалось прибыльной торговлей съ Китаемъ. Недовольная этимъ, Компанія вздумала распространить сбытъ вывозимаго его оттуда чая и на Сѣверную Америку, которая до-тѣхъ-поръ не была подчинена ей монополіи, и съ согласія министерства, корабли ея явились въ Бостонъ. Но Сѣверо-

Американцы не захотѣли быть данниками Компаніи,—толпа молодежи потопила грузъ чая, а черезъ восемь лѣтъ Англія признала независимость тринадцати штатовъ.

Безчеловѣчная политика Клейва и Уаррена Гастингса обратила между-тѣмъ на себя вниманіе парламента. Нѣкоторые стали спрашивать, почему Англія допускаетъ мученія многихъ милліоновъ людей и истребленіе сотенъ тысячъ ихъ изъ-за денежныхъ выгодъ небольшого числа капиталистовъ? Следствіемъ преній было ограниченіе политическихъ правъ Компаніи и формальное *запрещеніе ей дальнѣйшихъ завоеваній* (въ 1784 году); тотъ-же актъ парламента создалъ *контроль* для дѣлъ Ост-Индіи, и подчинилъ ему совѣтъ директоровъ, съ правомъ главнаго надзора за дѣйствіями послѣдняго. Такова была конституція Компаніи.

Мы видѣли, что сперва она была обществомъ чисто-торговымъ. Съ середины XVIII столѣтія, она *соединяетъ характеръ торговый съ политическимъ*; настаетъ 1834 годъ: она теряетъ коммерческое значеніе и становится обществомъ *вполнѣ-политическимъ*. Парламентскій актъ 1833 года снимаетъ съ общества какъ-бы коммерческую маску, обнаруживаетъ передъ глазами всѣхъ давно-выработавшуюся систему управленія Индіи, и освящаетъ ее пменнымъ одобреніемъ законодательной власти Англіи. Актъ этотъ окончательно опредѣляетъ конституцію болѣе чѣмъ ста милліоновъ людей, конституцію, составленную безъ вѣдома и участія этихъ ста милліоновъ,—но тѣмъ не менѣе обязательную для нихъ, и потому мы рассмотримъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ содержаніе акта.—Двѣ главные черты его слѣдующія:

1.) *Коммерческая привиллегія Компаніи прекращается*, и торговля съ Индіей и съ Китаемъ становится свободною (и кромѣ того, всякій получаетъ право селиться въ Индіи, что прежде строжайше запрещалось).

2.) Верховная политическая власть надъ Индіею отбирается, по имени, у Компаніи, объявляется принадлежностію Англійскаго Государства,—но *вмѣстѣ съ тѣмъ управленіе всею Индіею предоставляется и впредь этой самой Компаніи*, почти безъ всякаго измѣненія того правительственнаго механизма, который составилъ въ теченіе XVIII вѣка.

Новый порядокъ вещей начался съ 30 апрѣля 1834 года. Переворотъ, установившій его, совершился безъ всякаго шума, и былъ рѣшенъ въ нѣсколько засѣданій парламента. Но какимъ-же образомъ, по-видимому столь-значительная перемѣна могла совершиться спокойно? Какъ Компанія отказалась безъ борьбы отъ двухъ-вѣковой торговой привиллегіи? Какъ парламентъ вручилъ судьбу ста милліоновъ людей въ руки частнаго общества? Всѣ эти вопросы невольно поражаютъ читателя, и мы приступимъ къ любопытному изслѣдованію ихъ.

Начнемъ съ уничтоженія коммерческой монополіи. Торговля съ Индією приносила Компаніи мало выгоды, и дивиденды выплачивались акціонерамъ изъ туземныхъ государственныхъ доходовъ. Слѣдовательно, акціонеры дорожили не торговлею съ Индією, а собственно дивидендомъ, котораго та не была даже въ состояніи обезпечить. Акціи давно утратили свой первоначальный характеръ, давно уже перестали зависеть отъ случайностей торговли, и съ самаго акта 1769 года, стали въ разрядъ собственности, гарантированныхъ правительствомъ. Актъ 1833 года снова утвердилъ этотъ порядокъ вещей, и акціонеры съ удовольствіемъ промѣняли невыгодныя случайности торговой монополіи на предложенное имъ, прочное и непоколебимое обезпеченіе цѣнности акцій.

Перейдемъ къ политической части вопроса. Почему парламентъ, объявивъ Индію достояніемъ англійскаго королевства, поручилъ управленіе ею частному обществу?—къ этому способствовали двѣ главныя причины. Во-первыхъ, парламентъ нашелъ невыгоднымъ обременить финансы Англій обязанностію ежегоднаго платежа 630,000 фунтовъ стерлинговъ, а потому возложилъ это бремя на безответную Индію, на порабощеніе которой былъ употребленъ и первоначальный капиталъ Компаніи. Во-вторыхъ, и это самое главное, парламентъ счелъ опаснымъ для конституціонныхъ правъ Англичанъ, вверить въ руки министерства управленіе Индією, доходы которой давали-бы этому послѣднему огромныя средства, и дѣлали-бы его независимымъ отъ бюджетныхъ преній парламента.

Слѣдовательно, власть, которой былъ подчиненъ Индустанъ, осталась неизмѣнною: рассмотримъ-же, кто составляетъ ее и какъ она организована.

Компанія была устроена съ торговою цѣлію, и потому всѣ уставы ея пропитаны денежнымъ духомъ. Теперь, сдѣлавшись правительствомъ, она все-таки, какъ ни странно это, не измѣнила своихъ постановленій. Администрація ея основана на представительномъ началѣ; но представителями служатъ не люди, не умы, а капиталы. Мы видѣли, что число голосовъ возвышается по числу акцій. Кто-бы вы ни были, Англичанинъ или иностранецъ, мужчина или женщина, слышали-ли вы объ Индіи или не имѣете объ ней понятія—до этого цѣль никому дѣла. У васъ есть деньги, вы покупаете акцію, другую, третью, являетесь въ Лондонъ и подаете голосъ, два, сколько вздумается вашему кошельку, вмѣшивающемуся въ управленіе Индією и говорящему громче, чѣмъ государственный человѣкъ, который, можетъ-быть, родился въ Калькуттѣ.... Характеръ всякаго денежнаго учрежденія есть всегда, по преимуществу, олигархическій. Не забудемъ, что акція въ 1000 ф. стерл. нарицательной цѣны равняется капиталу 2000 ф. ст. (что составляетъ почти 50,000 руб. асс.). Слѣдовательно, послѣдняя сумма есть наименьшая цифра собственности, необходимой для того, чтобы имѣть право полного гражданства въ Компаніи и чтобы попасть въ разрядъ пзбирателей. Акціонерамъ, имѣющимъ полъ-акціи, т. е. 25,000 р. асс., предоставлено только право присутствовать въ совѣтъ,

по безг. голоса. *Состытъ акціонеровъ* собирается каждыя три мѣсяца и выбираетъ изъ среды себя *тридцать директоровъ*. Въ 1832 году 6000 акцій Компаніи находилась въ рукахъ 2000 особъ, которыя располагали 2583 голосами; 2211 голосовъ принадлежали мужчинамъ, а 372 женщинамъ.

Совѣтъ директоровъ (the court of directors) состоитъ изъ двадцати четырехъ членовъ (остальные шесть поочередно не участвуютъ въ действительномъ управленіи). Чтобы попасть въ директоры, необходимы три условія: выбиравшій долженъ имѣть по-крайней-мѣрѣ двѣ акціи, быть англійскимъ подданнымъ и не быть членомъ банка. Совѣтъ директоровъ собирается разъ въ недѣлю, и избираетъ ежегодно изъ среды себя президента и вице-президента. Всѣ вопросы рѣшаются тайною баллотировкою, для которой необходимо присутствіе не менѣе тринадцати членовъ. Для нескрѣтныхъ текущихъ дѣлъ управленія, совѣтъ директоровъ раздѣляется на три комитета: 1, внутреннихъ дѣлъ и отчетности; 2, дипломатическихъ сношеній и военнаго управленія; 3, комитетъ финансовый и законодательный. — Совѣтъ, какъ мы сказали, подчиненъ контролю, the board of control, члены котораго (непремѣнно 6, иногда до 8) называются «*королевскими комиссарами по дѣламъ Индіи.*»

Теченіе индійскихъ дѣлъ слѣдующее: изъ Калькутты всѣ рапорты и запросы поступаютъ въ совѣтъ директоровъ, гдѣ они отдаются въ одинъ изъ комитетовъ. Комитетъ дѣлаетъ справку въ своихъ дѣлахъ, обсуживаетъ настоящій случай, и входитъ съ докладомъ въ общее собраніе директоровъ. Мнѣніе совѣта препровождается въ контроль, который или утверждаетъ представленіе, или дѣлаетъ свои замѣчанія. Если совѣтъ директоровъ не согласится на измѣненія, предложенныя контролемъ, то дѣлу не даютъ дальнѣйшаго хода. Это порядокъ формальный, но часто президенты двухъ инстанцій вступаютъ между собою въ прямые сношенія, иногда даже изустныя, и тогда все кончается безъ всякой потери времени. Однакожъ, въ вопросахъ болѣе важности, особенно по части внѣшней политики, ходъ дѣлъ бываетъ совершенно другой. Тутъ одной изъ главныхъ пружинокъ высшаго правленія дѣлается безгласность и строжайшая тайна. Когда совѣтъ директоровъ найдетъ это нужнымъ, онъ выбираетъ изъ среды себя члена. Президентъ, вице-президентъ и новобранный директоръ образуютъ секретный комитетъ, и всѣ сообщенія изъ Калькутты поступаютъ уже прямо къ нему. Всѣ сношенія комитета съ контролемъ и всѣ рѣшаемыя между ними дѣла остаются тайною не только для акціонеровъ, но и для со-

вѣта директоровъ. Комитетъ, вмѣстѣ съ контролемъ, безотчѣтно обсуживаетъ и рѣшаетъ все, даже миръ или войну со всѣми державами, съ которыми могутъ случиться столкновенія въ Азіи, не исключая ни Персіи, ни Китая, ни даже Россіи.

Изъ всего этого очевидно, что между-тѣмъ какъ высшее мѣстное правленіе въ Индіи получаетъ всѣ предписанія отъ имени совѣта директоровъ, и дѣйствуетъ тоже отъ него одного, — очевидно, что во всѣхъ важныхъ вопросахъ дипломатіи, настоящая власть ускользаетъ изъ рукъ этой коллегіи, превращается въ диктаторскую, но вмѣстѣ съ тѣмъ, — что всего любопытнѣе, — не сосредоточивается въ рукахъ одного человека, а переходитъ въ безличную инстанцію, состоящую изъ секретнаго комитета и президента контроля, — инстанцію, которая самовольно рѣшаетъ важнѣйшіе вопросы, не давая никому отчета. Слѣдовательно, высшее управленіе имѣетъ двѣ главы, дѣйствія которыхъ сливаются въ-одно, и по этому необыкновенному порядку вещей, ни на комъ отдѣльно не тяготеетъ ответственность, и общественное мнѣніе никогда не знаетъ, чьему особенно вліянію приписать ошибки въ управленіи Индіею.

Членомъ секретнаго комитета можетъ сдѣлаться всякій директоръ, а при выборѣ въ директоры руководствуются всегда преимущественно не способностями, а старшинствомъ. Поэтому всякій акціонеръ, соединяющій въ себѣ три законныхъ качества и снабженный достаточнымъ количествомъ терпѣнія, выслуживается до полной вѣроятности быть выбраннымъ въ директоры, и поэтому почти всѣ члены совѣта директоровъ не что иное, какъ пожилые капиталисты; молодые выбираются только въ случаѣ очень большого богатства. И такъ, единственные необходимые качества, чтобы получить въ руки безотчѣтную власть надъ 100,000,000 подданныхъ, состоятъ въ соединеніи изряднаго капитала съ большимъ терпѣніемъ, или просто въ богатствѣ. Вотъ гдѣ мы находимъ откровенное обоготвореніе золотого тельца: бѣдная Индія!

Каждый директоръ, послѣ четырехъ-лѣтняго отпращиванія своей должности, теряетъ на годъ права быть снова избраннымъ. Это правило годовой, такъ-сказать, политической смерти имѣетъ основаніемъ частный интересъ, потому что каждый въ свою очередь хочетъ пользоваться выгодами, соединенными съ званіемъ дѣйствительнаго директора, которыя (не говоря о назначеніи для капиталистовъ жалованья 300 ф. ст.) состоятъ въ важномъ правѣ назначать чиновниковъ во многихъ отрасляхъ службы въ Индіи. Это обстоятельство доставляетъ директорамъ

величайшій вѣтъ, потому что они располагаютъ самыми выгодными и почётными поприщами, которыхъ добиваются молодые люди первѣйшихъ аристократическихъ фамилій.

Вотъ какъ дѣлается распределение этихъ должностей: извѣстное совету общее число вакансій на первыя степени въ административной, медицинской, финансовой и судебной частяхъ, равно и прапорщичьихъ вакансій въ компанейскомъ войскѣ, дѣлится на тридцать равныхъ частей. Президентъ и вице-президентъ совета директоровъ получаютъ въ свое распоряженіе каждый по двѣ такихъ части, президентъ верховнаго совета Индіи тоже двѣ, каждый изъ директоровъ по одной. Такимъ-образомъ, въ распоряженіи каждаго директора бываетъ ежегодно отъ тридцати до сорока должностей, которыя онъ раздаетъ кому хочетъ, и которыя огромностію своихъ окладовъ служатъ обольстительною приманкою для Англичанъ. — Назначеніе въ другія должности (королевскихъ судей, епископовъ англиканской церкви и офицеровъ королевскаго войска) зависитъ отъ разрѣшенія министерства, по представленію верховнаго правленія въ Калькуттѣ.

Актъ 1833 года оставилъ вообще въ прежнемъ видѣ наружныя формы сношеній совета директоровъ съ контролемъ, но распространилъ нѣсколько права послѣдняго. Такимъ-образомъ, всѣ инструкціи касательно вопросовъ вѣншей политики, посылаемыя верховному калькуттскому правленію, должны быть предварительно одобрены контролемъ. Въ случаѣ рѣшительнаго несогласія директоровъ, дѣло идетъ на апелляцію въ «палату королевской скамьи» (государственный советъ).

Если откроется вакансія на должность генералъ-губернатора, главнокомандующаго войсками Индіи, одного изъ губернаторовъ или членовъ верховнаго совета въ Калькуттѣ, — то советъ директоровъ представляетъ контролю трехъ кандидатовъ, а тотъ препровождаетъ списокъ ихъ къ президенту министерства, который, выбравъ одного изъ трехъ, представляетъ его на утвержденіе короля.

Съ 1834 года всѣ движимыя и недвижимыя имущества Компаніи въ Англіи и въ Индіи, цѣнимыя въ 21 милл. фун. стерл. и состоящія изъ крѣпостей, факторій, поземельныхъ владѣній, и т. д., перешли къ коронѣ, которая приняла на себя всѣ долги и обязательства Компаніи. — Признавъ неприкосновенность первоначальнаго капитала акціонеровъ, правительство, сверхъ-того, предоставило себѣ право погашенія акцій посредствомъ пріобрѣтенія ихъ покупкою. По изложеннымъ нами причинамъ, парламентъ оставилъ Индію въ управленіи Компаніи на двадцать лѣтъ. Въ теченіе этого времени Компаніи предоставлено взимать ежегодно изъ государственныхъ доходовъ Индіи свой дивидендъ, 630,000 ф. ст. Если въ 1854 году Компанія перестанетъ быть уполномоченною на непосредственное управленіе Индіею, тогда она можетъ потребовать уплаты всего капитала, 12 мил. ф. ст., въ три года. Въ противномъ случаѣ, она будетъ продолжать

вознаграждать себя процентами до 1874 года, и только тогда правительству разрешается приступить къ приобретению акцій. Читатель легко пойметъ, какъ, при такихъ условіяхъ, невѣроятно, чтобы управленіе Индіею было въ скоромъ времени отпято у Компаніи. По всей правдоподобности, оно будетъ продолжаться также долго, какъ и власть Англичанъ.

Актъ 1833 года не основалъ новаго переворота, а засвидѣтельствовалъ только совершившійся гораздо-прежде. Онъ уничтожилъ законо-торговую монополію, первую виновницу учрежденія Англійской Компаніи,—а Компанія отъ того ни сколько не пострадала. Этотъ фактъ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что, въ наше время, Компанія имѣла торговаго только одно названіе, а въ сущности давно уже была обществомъ чисто-политическимъ. *Фактическимъ* основаніемъ этому политическому значенію Компаніи служило *завоеваніе Индіи*, а *законнымъ*—*актъ* парламента 1769 года, преобразовавшій акціи въ государственныя облигаціи, въ векселя на государственные доходы Индіи.

Управленіе Индіею послѣ 1834 года осталось то-же, что было и прежде. Правда, по имени, Компанія утратила Индію, и полномочіе управлять этою страной дано ей только на двадцать лѣтъ: но что значатъ слова рядомъ съ дѣйствительностію? И торговая монополія была выдана, въ 1599 году, не болѣе какъ на 35 лѣтъ, а на дѣлъ продолжалась ровно 235. Такъ, по всей вѣроятности, и политическое посредничество Компаніи будетъ продолжаться, пока или не измѣнятся коренныя отношенія податнаго народа въ Англіи къ своему правительству, или пока все индійское общество не возродится и не возмужаетъ....

* * *

Теперь мы знаемъ исторію Индіи и царствующей надъ нею Компаніи. Останемся на мигъ, и бросимъ взоръ на окончательный результатъ этихъ двухъ противоположныхъ исторій.

Съ одной стороны, представляется огромный полуостровъ, равняющійся половинѣ Европы, озаренный солнцемъ юга, изобилующій всеми дарами природы. На немъ толпятся двадцать народовъ, въ числѣ 159 милліоновъ. Но этимъ міромъ правятъ губернаторы и резиденты, и весь онъ не что иное, какъ большое помѣстье.

Съ другой стороны, виднѣтъ небольшой островъ, окруженный вѣчнымъ туманомъ. На немъ многолюдный городъ, обвѣянный угольнымъ дымомъ. Въ одной изъ тѣсныхъ улицъ этого города сходятся нѣсколько пожилыхъ людей, съ румяными лицами, въ черныхъ фракахъ, съ блѣсившимъ голландскимъ бѣлѣмъ. Окончивъ засѣданіе, они берутся за зонтики, вѣжливо раскланиваются между собою, и спѣшатъ на биржу. Эти банкиры и купцы—повелители Индустана. Они наслѣдовали власть Бабера и Аурангзеба.

Какими путями сооружена Англійская Имперія въ Индіи, мы видѣли изъ ея исторіи; какими средствами держится она, что внесли въ Индію Англичане, и что выносятъ изъ нея, все это увидимъ изъ слѣдующаго, послѣдняго отдѣла.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.

Въ первой части этого отдѣла мы представимъ общую **СТАТИСТИКУ** Индіи, покажемъ **ПОЛИТИЧЕСКОЕ** дѣленіе этой страны, — рассмотримъ двѣ главныя формы англійскаго **УПРАВЛЕНІЯ** въ ней, — и, заключивъ такимъ-образомъ главу *общихъ свѣдѣній*, перейдемъ ко второй части, къ *мѣстнымъ свѣдѣніямъ*, предназначенной къ **ОЗОРУ** провинцій и городовъ.

НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ, ПРОСТРАНСТВО И РАЗДѢЛЕНІЕ ВСЕГО ИНДУСТАНА. — Относящіяся сюда цифры мы соединили въ таблицѣ, при составленіи которой руководствовались преимущественно показаніями Монгоммери-Мартена, исправляя ихъ только тамъ, гдѣ новыя пріобрѣтенія

Англичанъ измѣнили политическія границы владѣній, а слѣдовательно и прежнія категоріи подданства.

ГЛАВНЫЯ ДАННЫЯ СТАТИСТИКИ ИНДУСТАНА.

ВЛАДѢНІЯ АНГЛИЧАНЪ:	Округи.	Англ. кв. миль.	Жителей.
Бомбейское Президентство.	43	68,074	6,940,277
Мадрасское	22	435,604	46,549,887
Бенгальское	30	453,792	39,937,564
Агрское Вице-президентство.	—	82,447	33,386,846
Новѣйшія приобрѣтенія: близъ Нербудды, въ Берарѣ, на За- гангскомъ Полуостровѣ и об- ласть Синдъ.	—	448,700	9,696,000
И того въ непосредственной за- висимости Англичанъ	—	588,587	406,500,544
ВНѢ ВЛАДѢНІЙ АНГЛИЧАНЪ:			
Пенджабъ.	—	50,000	4,000,000
Голкондское Королевство.	—	408,800	42,000,000
Аудское Набавство.	—	25,300	3,700,000
Бераръ	—	64,200	2,500,000
Саттара	—	7,943	4,500,000
Барода.	—	24,949	2,000,000
Майссоръ.	—	29,750	3,500,000
Траванкоръ и Кочинъ.	—	6,560	4,000,000
Гваліоръ.	—	32,940	4,000,000
Непаулъ.	—	489,558	2,000,000
Раджпутана, Сейки	—		
Бонделькондъ.	—		46,500,000
И того внѣ владѣній Англичанъ	—	540,000	52,700,000
ВСЕГО ВЪ ИНДУСТАНѢ	—	4,428,587	259,200,544

* * *

Изъ числа туземныхъ государствъ здѣсь отдельно поименованы только самыя важныя; менѣе-значительныя соединены въ три группы (Раджпутана, Сейки, Бонделькондъ); мелкихъ-же владѣній нѣсколько сотъ. Въ таблицѣ равно не означены и владѣнія другихъ европейскихъ націй, какъ очень-неважныя. Колоніи Датчанъ занимаютъ 4 □ миль, съ 30,000 жителей; въ французскихъ колоніяхъ 168,000 жителей, на 26 □ мѣ; Португальцы владѣютъ пространствомъ въ 300 □ миль, съ населеніемъ 576,000 жителей. Островъ Цейланъ, съ своимъ миллиономъ жителей, принадлежащій не Компаніи, а собственно английскому правительству, тоже не вошелъ въ таблицу.

Опредѣливъ такимъ образомъ количественное отношеніе двухъ главныхъ земельныхъ раздѣленій Индустана, т. е. Индіи Английской и не-Английской, мы переходимъ къ обзору состава и управленія первой.

АНГЛИЙСКАЯ ИНДІЯ.

МѢСТНОЕ НАЧАЛЬСТВО.—АДМИНИСТРАТИВНАЯ И СУДЕБНАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ. -- Владѣнія Компаніи раздѣляются на три Президенства: Бомбейское, Мадрасское и Бенгальское. Последнее изъ нихъ и теперь еще самое значительное, несмотря на то, что изъ части его составлено, нѣсколько лѣтъ тому, особое вице-президенство, заключающее въ себѣ сѣверозападные области, съ главнымъ городомъ Агройю. Эти четыре обширные губернаторства Индустана, вмѣстѣ съ мѣньшимъ, состоящимъ изъ округовъ Загангскаго Полуострова (Пенангъ-Сингапура и Малакки), подчинены верховной власти генераль-губернатора, имѣющаго мѣстопробываніе въ Калькуттѣ. Съ этой должностію онъ можетъ соединять и званіе главнокомандующаго войсками Индіи, а поэтому власть его превосходить власть многихъ государей Европы, и дѣлаетъ его чѣмъ-то въ родѣ римскихъ проконсуловъ. Онъ имѣетъ право объявлять войну, заключать миръ и торговые трактаты, и вступать въ союзъ со всѣми державами Азіи и Африки. Ему предоставлено даже царское право помилованія преступниковъ и полномочіе отрѣшанія отъ должностей всѣхъ служащихъ, не исключая и губернаторовъ президенствъ. Для потребностей управленія, ему предоставлено право выдавать векселя на неограниченныя суммы, и Компанія никогда не отказывается отъ ихъ уплаты. Генераль-губернаторъ назначаетъ всѣхъ дипломатическихъ агентовъ: какъ тѣхъ, которые, подъ названіемъ резидентовъ, управляютъ народами Индіи, такъ и тѣхъ, которые посылаются, въ качествѣ посланниковъ, ко дворамъ сосѣдственныхъ державъ. Онъ можетъ издавать даже новые законы, уничтожать или измѣнять прежніе, и его постановленія имѣютъ законную силу для 106 милліоновъ подданныхъ, пока не будутъ обсуждены въ верховномъ управленіи метрополіи.—Пышность двора генераль-губернатора соответствуетъ его власти. Жакмонъ рассказываетъ, что лордъ Бентинкъ, во время путешествія своего по Индустану, имѣлъ свиту изъ 4000 человекъ; за нимъ слѣдовало 30 слоновъ, 700 верблюдовъ и 1000 верховыхъ лошадей. А этотъ губернаторъ отличался еще простотой въ образѣ жизни!

Генераль губернатору приданъ для совѣщанія верховный совѣтъ Индіи, состоящій изъ четырехъ непременныхъ членовъ. Онъ находится обыкновенно въ Калькуттѣ, но обязанъ, по призыву генераль-губернатора, являться вездѣ. Въ случаѣ необходимости изданія новыхъ законовъ, совѣтъ подаетъ свое мнѣніе,

и при несогласіи съ генераль-губернаторомъ, имѣеть право остановить исполненіе его воли на *сорокъ восемь часовъ*. По истеченіи этого срока, воля генераль-губернатора приводится въ исполненіе, а протоколъ о протестѣ совѣта препровождается въ Лондонъ, гдѣ директоры разбирають споръ, и отзываютъ обратно или генераль-губернатора или членовъ совѣта.

Мадрасское и Бомбейское Президенства управляются губернаторами. У всякаго изъ нихъ находится тоже совѣтъ изъ трехъ членовъ, въ числѣ которыхъ непременно долженъ находиться главнокомандующій войсками президенства. Северо-западные области (т. е. Агрскій Округъ) подчинены вице-губернатору, безъ совѣта.

Главнокомандующій арміею Индіи, если самъ этотъ не возложенъ на самого генераль-губернатора, зависить отъ послѣдняго, и по должности своей, есть пятый экстраординарный членъ верховнаго совѣта.

Оклады всехъ этихъ сановниковъ слѣдующіе: генераль-губернаторъ получаетъ жалованья 36,000 ф. стерлинговъ (почти 900,000 р. асс.), а губернаторы по 12,000 фунтовъ. Послѣ семи лѣтъ службы, шестая часть этой суммы превращается въ пожизненный пенсіонъ.

Изъ этихъ немногихъ данныхъ мы видимъ, что въ отношеніи къ Индіи генераль-губернаторъ есть неограниченный повелитель, и что единственно такимъ онъ долженъ казаться въ глазахъ своихъ подданныхъ, Азіятцевъ. Въ отношеніи же къ высшей правительственной инстанціи метрополіи, онъ, между-тѣмъ, не что иное, какъ отвѣтственный чиновникъ, котораго директоры смѣняютъ, какъ скоро онъ не угодилъ имъ. — Весьма забавны понятія нѣкоторыхъ индійскихъ простолюдиновъ на-счётъ *Компаниі*, о могуществѣ которой они безпрестанно слышатъ. Желая придать образъ этой всепильной властительницѣ, одни принимаютъ ее за старую, могущественную колдунью, живущую всегда въ гаремѣ и окруженную множествомъ мужей, — а другіе воображаютъ, что на англійскихъ гинеехъ изображенъ портретъ не королевы Викторіи, а королевы Компаниі.

Производство дѣлъ правленія каждаго президенства распределено на четыре департамента: внѣшнихъ сношеній, — финансовъ и полицейскаго управленія, — юстиціи и войны, — подраздѣляемыхъ каждый на нѣсколько постоянныхъ комитетовъ. При верховномъ правленіи въ Калькуттѣ есть кромѣ-того пятый департаментъ, законодательный.

Познакомившись съ устройствомъ мѣстнаго правленія, сосре-

доточенного въ главныхъ городахъ президенствъ, перейдемъ теперь къ посредствующимъ звѣнамъ между начальствомъ и подданными, и взглянемъ на механизмъ финансоваго и полицейскаго управленія, а равно и на организацию судебной части. Для этого необходимо оглянуться назадъ, и найти историческій ключъ къ объясненію теперешняго устройства гражданской службы въ Индіи.

Когда Компанія играла еще роль чисто-торговую, она посылала въ свои факторіи множество молодыхъ людей, которые дѣлались сперва простыми прикащиками, отмыривали и отмышивали, во за-то пользовались привилегіей завять со-временемъ, по *старшинству*, вакансіи директоровъ коммерческихъ депо Компаніи, откуда нагружались ея корабли. Подвигаясь еще далѣе по этой лѣстницѣ должностей, они, и исключительно они, становились членами совѣта колоніи, а потомъ и главными управляющими или губернаторами. По этой дорогѣ шли Клейвъ и Уарренъ Гастингсъ.

Несмотря на то, что время совершенно измѣнило значеніе Компаніи и поручаемыхъ ею должностей, прежнія правила о производствѣ уцѣляли во всей силѣ, и даже анахроническое наименованіе должностей пережило актъ 1833 года, и измѣнено уже восемь лѣтъ позже. До 1841 года порядокъ чиновъ гражданской службы былъ слѣдующій: *писаря, прикащики, младшіе купцы и старшіе купцы*. Но кромѣ именъ, въ 1841 году не измѣнено ничего: духъ исключительности остался тотъ-же; его не коснулись. Для гражданской службы въ Индіи не существуетъ никакого соперничества; дорога эта закрыта всемъ постороннимъ, и всѣ нижнія должности компанейской службы раздаются исключительно членами лондонскаго совѣта директоровъ. Непзмѣнность этого правила соблюдается такъ строго, что даже генераль-губернаторъ, который въ-послѣдствіи утверждаетъ производство во всѣ высшіе чины, не властенъ дать самую меньшую должность челоуѣку, въ способностяхъ и чрезвычайной годности котораго онъ былъ бы лично убѣжденъ. Даже мѣста, зависящія собственно отъ генераль-губернатора, могутъ быть ввѣрены имъ только лицу, уже прежде находившемуся въ службѣ Компаніи. Присланный-же однимъ изъ директоровъ новичокъ, напротивъ, вступаетъ по праву въ назначенную ему должность, и дѣлается вскорѣ властелиномъ спокойствія и имущества огромныхъ отдѣловъ населенія, котораго понятія и быть вполне ему чужды.

Никакія отличія и заслуги не въ состояніи дать первенства и нарушить непреклонный порядокъ *старшинства*, и самая очевидная неспособность или явное пренебреженіе къ службѣ не лишаютъ вѣсь вѣрнаго хода въ предначертанной колѣѣ и вѣрнаго достиженія высшихъ должностей. Только судебно-доказанные подлоги и лихомство могутъ прервать спокойное возшествіе сытаго джентельмена по лѣстницѣ почестей; но мы увидимъ въ-послѣдствіи, что подобный судебный приговоръ есть рѣдчайшее исключеніе.

Слѣдствія этого порядка понятны: тотъ, кто при другомъ правленіи, подстрекаемый честолюбіемъ, употребилъ-бы способности свои на трудъ, смотритъ теперь на всякую дѣятельность, какъ на величайшую глупость; а въ себѣ видитъ только члена привилегированнаго кружка, которому нечего заботиться о своей судьбѣ. Онъ спокойно засыпаетъ подъ журчаніе хуки, убѣжденный, что волна старшинства вынесетъ его куда слѣдуетъ. И слѣпая волна выноситъ, не равняя, а, и его и всякаго другаго, попавшаго въ кружокъ, будь онъ лѣннѣе и не

многимъ умѣе черепахи. Рѣдкіе компанейскіе чиновники знаютъ порядочно языкъ управляемаго ими народа.

Касательно окладовъ существуютъ слѣдующія ограниченія. Чтобы получить 500 фунтовъ стерлинговъ жалованья, необходимо предварительное трехлѣтнее пребываніе на службѣ; 1500 фунтовъ даются не прежде шести лѣтъ, 3000 послѣ девяти, а 4000 (около 100,000 руб. асс.) не прежде двѣнадцати лѣтъ службы. Къ должностямъ дипломатическимъ это правило не относится. Послѣ семилѣтней службы, всякій чиновникъ имѣетъ право требовать двухъ-годового отпуска, а послѣ двадцати лѣтъ, онъ получаетъ значительный пожизненный пенсіонъ.

Разсмотримъ теперь *судебную* часть, въ которой встречаются отступленія отъ вышесказаннаго. Привиллегія Компаніи нарушается здѣсь, но не въ пользу индійскихъ подсудимыхъ, а въ пользу лондонскаго министерства. Кромѣ судебныхъ мѣстъ, учрежденныхъ Компаніею, находятся другіе суды, замѣщаемые отъ короны и называемые «*королевскими палатами*». Они были учреждены собственно для того, чтобы министерство могло награждать выгодными арендами преданныхъ ему лондонскихъ адвокатовъ. Предсѣдатель суда получаетъ жалованья 200,000 р. асс., остальные судьи по 150,000.

«*Королевская палата*» есть въ главномъ городѣ cadaго президентства. Ея разбирательству подлежатъ, въ высшей инстанціи, всѣ гражданскія и уголовныя дѣла того города, гдѣ она находится, и апеллировать въ нее имѣютъ право всѣ Англичане, въ какой-бы части Индіи они ни жили; но до туземцевъ, живущихъ внѣ городской черты, она не касается. Эти три или четыре «палаты» стоятъ ежегодно и безъ того уже бѣднымъ жителямъ Индіи почти два съ половиною милліона рублей: а приносятъ-ли онѣ какую пользу?

Для туземныхъ обитателей президентскихъ столицъ королевскія палаты разорительны. Производство дѣлъ въ нихъ сопряжено съ такими огромными издержками, что множество богатѣйшихъ старинныхъ семействъ (известно, что Индусы охотники до процессовъ) успѣли лишиться всего состоянія. Королевскія палаты произвели нѣкоторое чудо: въ наше время встрѣчается нѣредко, что богатые Индусы кончаютъ споръ мировой, изъ одного страха огромности издержекъ тяжбы: Господи избави отъ подобнаго отрицательнаго блага!

На Европейцевъ судъ вовсе не дѣйствуетъ. Тысячу разъ случалось, что Англичане позволяли себѣ самые противозаконные поступки противъ туземцевъ, и только разъ или два, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, были признаны виновными. Англійскіе присяжные считаютъ святою обязанностію отстоять земляка: народъ, властвующій и получающій огромные оклады, стоитъ такъ высоко надъ народомъ побѣжденнымъ и платящимъ подати, что тутъ нѣтъ и поминна о безпристрастіи. Англійскій судья помнитъ прежде всего, что онъ Англичанинъ, и что если онъ имѣетъ годовую аренду въ 200,000 р., то это единственно въ награду за то, что онъ Англичанинъ. Выводъ изъ всего этого ясенъ: городскіе туземцы удаляются отъ суда; загородные не подлежатъ ему; Европейцы и безъ суда пользуются властію, по праву сильного. Кому-же королевская палата при-

носить пользу? Тому лишь десятку, или двумъ, людей, которые назначаются отъ министерства судьями. А содержаніе палатъ, повторяемъ, стоитъ народу два милліона съ половиной.

За городского чертою начинается судъ Компаніи, и представляется то-же зрѣлище: одно дѣленіе огромныхъ денежныхъ окладовъ между Европейцами, заседающими въ судахъ трехъ инстанцій.

Верхнюю инстанцію составляетъ *суддерб-дивани* и *суддерб-низамутъ-адаулутъ* (высшій гражданскій и уголовный судъ). Для большей выгоды судей, эти дѣла, прежде отдѣльныя палаты соединены въ одну. Въ гражданскихъ дѣлахъ онѣ судили досель Индусовъ и мусульманъ, всякаго по ихъ собственнымъ законамъ; а въ уголовныхъ мусульманскіе законы распространялись на всѣхъ туземцевъ. Гражданскія дѣла поступаютъ въ эту инстанцію только въ случаѣ тяжбы по крайней-мѣрѣ о 125,000 рублѣхъ. Такую-же сумму составляетъ и жалованье главныхъ судей.

Вторую инстанцію составляютъ провинціальныя суды, три главные члена которыхъ получаютъ по 90,000 р., и кромѣ-того, подобно судьямъ высшей инстанціи, пользуются выгодными мѣстами по части административной или финансовой.

Нижнюю судебную инстанцію, занимаемую Европейцами, составляютъ суды, находящіеся въ каждой *зилль* (округѣ). Изъ числа компанейскихъ чиновниковъ, тутъ заседаютъ судья, получающій отъ 30 до 75,000 рублѣхъ, секретарь и нѣсколько ассессоровъ. Кромѣ ихъ, есть одно туземное лицо въ качествѣ совѣтника, для объясненія, при случаѣ, значенія мѣстныхъ обычаевъ. Но такъ какъ въ *зилль* бываетъ не менѣе двухъ милліоновъ жителей, такъ что судъ, разумется, былъ-бы всегда заваленъ горами неоконченныхъ дѣлъ,—то поэтому, ниже окружнаго суда устроены опять три инстанціи, занимаемыя туземцами. Эти туземные судьи называются *мунсифъ*-ами, *омин*-ами и *суддерб-омин*-ами (вышшіе омины). Последние получаютъ иногда до четырехъ тысячъ руб. сер., по жалованье первыхъ недостаточно даже для приличнаго содержанія,—и потому въ нижнихъ инстанціяхъ распространено самое наглое лихоимство.

И такъ, бѣдный индійскій народъ долженъ содержать семь инстанцій такъ-называемыхъ судовъ: нижнія три, замѣщаемыя чиновниками-туземцами, обираютъ народъ ежедневно, по мелочамъ; верхнія четыре, въ которыхъ заседаетъ судебная аристократія изъ Европейцевъ, берутъ только большими кушами. Несчастный райотъ платитъ за все, и утѣшается одною мыслию, что по смерти, въ награду за безропотное терпѣніе, онъ возродится въ высшей кастѣ, и въ свою очередь приметъ участіе во всеобщемъ грабежѣ. Вотъ каково *практическое* дѣйствіе индійской вѣры!...

Англичане хвастаются введеніемъ въ Индію суда присяжныхъ, которыхъ туземцы могутъ выбирать для каждой касты особо. Но при теперешнемъ положеніи тамошняго общества это горькая насмѣшка. Что значить судъ присяжныхъ безъ равенства передъ закономъ? Более-полезно другаго рода преобразованіе, по которому разныя мусульманскіе и индусскіе законы переработаны и соединены въ одинъ сводъ, который отнынѣ предполагаютъ ввести во всѣхъ компаней-

скихъ владѣнiяхъ. Если это нововведенiе удастся, то оно все-таки будетъ шагомъ впередъ, и принесетъ нѣкоторую пользу. Установленiе единства законовъ ограничитъ подсудимаго хоть отчасти отъ сальнаго произвола нижнихъ инстанцій; а высшiя останутся по-прежнему бесполезною роскошью. Новый сводъ законовъ назначенъ, впрочемъ, единственно для туземцевъ. Въ немъ, въ каждомъ словѣ, дышатъ совершенная вѣротерпимость и уваженiе къ кастамъ. Какъ-же и быть иначе? Въ Индiи вѣротерпимость Англичанамъ выгодна, а слѣдовательно и проповѣдывается вездѣ: англiйскiе артиллеристы салютуютъ процессiямъ «страшной» богини Кали, а лондонскiе купцы привозятъ между-тѣмъ идоловъ, разныхъ сортовъ, издѣлiе англiйскихъ фабрикъ. Зачѣмъ подкапывать миролюбивое ученiе Брами, отвлекающее Индусовъ отъ дѣлъ сего мiра? Зачѣмъ нарушать ихъ вѣру въ установленiе кастъ? Индусы такъ покорны, — они отдадутъ последнее, они вѣчно платятъ! Чего-же болѣе требовать отъ нихъ? Будемъ снисходительны: это выгодно, а вѣротерпимость вѣнчается намъ въ честь и заслугу: здѣсь нѣтъ публицистовъ!

Земская полицiя въ Индiи подчинена окружному суду. Всякая зилла, въ полицейскомъ отношенiи, раздѣлена на нѣсколько уѣздовъ. Уѣздъ заключаетъ въ себѣ около двадцати квадратныхъ миль, и ввѣряется туземному чиновнику, называемому *дарогдъ*, съ нѣсколькими помощниками (*чокидарами*). Въ распоряженiи судебной и исполнительн. властей находятся отряды милицiи и жандармовъ. Независимо отъ этой общей полицiи, существуетъ еще другая, очень-дѣятельная, тайная, направленная противъ страшнаго братства тойговъ.

Читатель познакомился съ системою мѣстнаго управленiя въ Индiи. Каково-же послѣ этого прочесть объ ней отзывъ, въ родѣ того, какой сдѣлалъ графъ Бюрнстiерна, привыкшiй безусловно удивляться всемъ учрежденiямъ Англичанъ:

«Гражданская служба въ Индiи, говоритъ онъ: требуетъ большихъ познанiй и рѣдкато самоотверженiя, а потому и вознаграждается щедро. Все согласны, что чиновники Компанiи составляютъ отборнѣйшее общество достойныхъ и дѣльныхъ людей. При производствѣ въ высшiя степени, начальство руководствуется преимущественно справедливой оцѣнкой способностей и нравственныхъ качествъ награждаемаго. Судопроизводство дешево, скоро и справедливо.»

Можно-ли въ немногихъ строкахъ соединить болѣе неосновательныхъ и ложныхъ сужденiй?

ФИНАНСЫ. — Взглянемъ сперва на главные источники государственнаго дохода и на порядокъ взиманiя налоговъ, а потомъ сравнимъ итоги доходовъ и расходовъ правительства Англiйской Индiи.

«Благосостоянiе народа, говоритъ графъ Бюрнстiерна: зависитъ отъ количества налоговъ и отъ способа ихъ раскладки и взиманiя. Подданные Компанiи въ обоихъ отношенiяхъ очень-счастливы. Платимыя ими подати весьма-умѣренны, и взиманiе ихъ производится по правиламъ здраваго народнаго хозяйства.»

Таковъ благопрiятный приговоръ англомана: по оправдывается-ли онъ существующимъ порядкомъ вещей?

Доходы англо-индійскаго правительства происходятъ изъ многихъ источниковъ, которые можно, однако-же, подвести подъ слѣдующіе четыре главные разряда: налогъ поземельный, дань вассальныхъ народовъ, монополіи и таможи.

1.) Налогъ поземельный, существующій въ Индіи издревле, и составляющій болѣе половины всего государственнаго дохода, требуетъ нѣкоторыхъ историческихъ объясненій.

Читатель помнитъ, конечно, сказанное нами о составѣ индійской деревни и о сущности права собственности на землю. Мы убѣдились тогда-же, что въ Индіи нѣтъ раздѣльной собственности, и что тамъ не должно спрашивать, кому принадлежитъ земля, а только, какую степень правъ на произведенія ея имѣетъ каждое изъ пользующихся ею лицъ. Но классы, которыхъ должно интересовать «право собственности», были весьма далеки отъ сознанія этой истины. Всякій изъ нихъ толковалъ право по-своему, и въ этомъ всеобщемъ хаосѣ боролись всегда два главные мнѣнія: община считала землю своею принадлежностію, а подать съ нея платила въ видѣ государственнаго налога; правительство, напротивъ, объявляло, что вся земля принадлежитъ ему, смотрѣло на все населеніе, какъ на своихъ фермеровъ, и поземельную подать требовало на арендномъ основаніи, какъ-бы за наемъ земли.

Руководимое такимъ взглядомъ, правительство отдавало подати сперва въ административное, потомъ въ откупное содержаніе, препоручая то цѣлую провинцію такъ-называемому *девану*, то (и это случалось чаще) округъ или волость *земиндару* (откупщику). Последний долженъ былъ удерживать себѣ не болѣе десяти процентовъ изъ всей подати, которая, въ свою очередь, составляла, по закону, отъ 33 до 50% стоимости произведеній почвы. Этотъ способъ взиманія податей назывался *земиндари*.

Чтобы дать *земиндару* возможность собрать безпедомночно подати, — за что онъ отвѣтствовалъ имуществомъ и личною свободою, — монгольское правительство позволяло ему держать отрядъ войска, сколько заблагоразсудится. Въ тѣхъ случаяхъ, когда *земиндаръ* намѣревался ограничиться законными процентами, онъ вступалъ въ переговоры съ начальниками общинъ, и подати платились безпрекословно. Но онъ рѣдко довольствовался законною долею, и часто, отнимая всю землю у общинъ, отдавалъ ее съ публичныхъ торговъ, по частямъ, постороннимъ лицамъ. Послѣдствія такой системы очевидны: съ одной стороны, жадное до денегъ туземное правительство, съ другой развѣдиченныя, беззащитныя райоты, а въ срединѣ сплошная фаланга капиталистовъ-аристократовъ, т. е. *земиндаровъ*, окруженныхъ полицейскими отрядами. Правительство, озабоченное болѣе всего безпедомночнымъ полученіемъ податей, содѣйствовало все болѣе и болѣе къ упроченію власти *земиндаровъ*. Наконецъ, власть эта стала наследственною, и такимъ-образомъ, *земиндары*, бывшіе сперва простыми сборщиками податей, переродились потомъ въ откупщиковъ, и сдѣлались помѣщиками подчиненныхъ имъ округовъ. Во время прихода Англичанъ, въ рукахъ этихъ семействъ находился даже мѣстный судъ.

Лордъ Корнуоллисъ, видя въ *земиндарахъ* готовую основу богатой аристократіи, вздумалъ удерживать это установленіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ отдѣлать финансовую часть отъ судебной и полицейской, и облечь порожденіе азіатскаго деспотизма въ форму англійской законности. Этими мѣрами онъ произвелъ страшный переворотъ и въ общественныхъ отношеніяхъ прежнихъ сословій,

и въ распредѣленіи поземельной собственности. Предпринятія имъ въ 1788 году распоряженія касательно Бенгаліи заключались въ томъ, что правительство признало земиндаровъ настоящими помѣщиками, и заключило съ ними условія насчетъ поземельной подати, которая должна была быть опредѣлена однажды навсегда, по сложности предыдущихъ тринадцати лѣтъ. Ответственность за взносъ въ казну годовыхъ податей была следовательно оставлена на земиндарахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ отымалась всякая власть, и судебная и административная. Они должны были немедленно распустить свои полицейскіе отряды; въ пользу же райота постановлялось сверхъ-того, чтобы заключенный между имъ и земиндаромъ арендный контрактъ былъ обращенъ изъ временнаго въ вѣчный, такъ что одно неисполненіе условій со стороны райота давало земиндару право просить законно объ уничтоженіи контракта.

И такъ, по новому установленію, правительство имѣло право отнять у земиндара его округъ и продать его съ аукціоннаго торга, при первой несправности въ срочныхъ взносахъ подати; земиндаръ-же при несправности общины или райотовъ могъ дѣйствовать противъ нихъ только судебнымъ порядкомъ. Вслѣдствіе этого, въ теченіе двухъ лѣтъ, въ одномъ судѣ зплы Бурауанъ накопилось около 30,000 нерышенныхъ дѣлъ между земиндарами и райотами, — а по прошествіи десяти лѣтъ, всѣ наследственные мусульманскіе и индусскіе земиндари Бенгаліи были разорены, исчезли со сцены, на которой держались почти три вѣка, и были замѣнены ново-разбогатыми капиталистами изъ купцовъ и мѣщанъ. Райоты были, между-тѣмъ, не менѣе разорены судебными издержками и враждою земиндаровъ, которые, чтобы отсрочить хоть на нѣкоторое время свое неминуемое обанкротеніе, всячески старались на законномъ основаніи, особенно во время голода или неурожая, вытѣснить прежняго фермера и заключить съ другимъ болѣе-выгодный контрактъ.

Вмѣсто того чтобы отбросить крайне-тягостный способъ сбора податей, англійское правительство, въ 1799 году, для поддержанія земиндаровъ дало имъ право продавать участки райотовъ безъ судебного разбирательства. При этомъ неслыханномъ, по понятіямъ Индусовъ, нововведеніи, прикрытомъ скромнымъ названіемъ «измѣненія» закона 1788 года, всѣ горожане, имѣющіе деньги, бросались на участки общины и хлѣбопашцевъ. Увлеченные перспективою небывалыхъ выгодъ и подстрекаемые соперничествомъ, они стали покупать земли гораздо-выше ихъ настоящей цѣны. Подобно тому, какъ десятилѣтіе послѣ 1788 года разорило всѣ значительныя семейства земиндаровъ, такъ тридцатилѣтіе послѣ 1799 года истребило всѣ средніе классы общества. Зажиточные хлѣбопашцы потеряли свои владѣнія и обанкротились, а вытѣсненные ихъ горожане обанкротились. Замѣтите, что при всѣхъ этихъ переворотахъ туземный народъ не приобрѣталъ ничего, а выигрывало всегда одно правительство, или, точнѣе, общество чиновниковъ Англійской Компаніи.

Въ 1830 году всѣ новые земиндари и мелкіе владѣльцы были разорены. Съ-тѣхъ-поръ поземельныя владѣнія перешли опять болѣею частію въ руки новыхъ капиталистовъ, и откупныя податныя суммы упали во многихъ мѣстахъ на третью противъ прежнихъ. Новые земиндари важиваются и предаются всѣмъ излишествамъ; они необходимы правительству и поддерживаются имъ, а райоты ходятъ между-тѣмъ голодными толпами, въ лохмотьяхъ, и часто совсѣмъ нагіе. Это тѣмъ менѣе удивительно, что между земиндаромъ и народомъ прозябаетъ обыкновенно, на счетъ послѣдняго, еще три или четыре слоя второстепенныхъ мелкихъ откупщиковъ. — Вотъ разсказъ одного новѣйшаго путешественника, проѣзжавшаго по Мадраасскому Президентству.

«Тронувшись съ ночлега, говорить онъ: мы тотчасъ убедились, что перетхали изъ финансоваго округа европейскаго сборщика въ *жагеръ* (округъ) земнидара. Въмѣсто взбороненныхъ полей, богатыхъ плантацій, веселыхъ деревень и зажиточнаго населенія, съ которыми мы распрощались, здѣсь нашъ взоръ поражаютъ только болота и пустоши: кругомъ, то разстилается степь, заросшая лозой, то тлѣются сухіе каменные холмы, покрытые тощимъ верескомъ. Кое-гдѣ разбросаны рѣдкія землянки, въ которыхъ хилыя и полунагія человѣческія существа живутъ въ вѣчномъ товариществѣ съ многочисленнымъ населеніемъ домашнихъ наѣзковыхъ. Иногда полуодичавшіе туземцы выказываются изъ этихъ норъ, но при видѣ чужаго лица исчезаютъ со страхомъ и мгновенно, какъ улитки въ свои раковины, или убѣгаютъ въ рощи. Никогда вы не дожидаетесь отвѣта отъ этого запуганнаго племени. Путешественникъ невольно вопрошаетъ себя, чѣмъ питаются эти несчастныя существа посреди такой пустыни»

Всѣ сознаютъ гибельность земнидарской системы, всѣ согласны, что она изнуряетъ цѣлую страну, что дѣйствіе ея подобно дѣйствію рака. Чѣмъ-же держится такая система? Отвѣчаютъ: законностію. Правительство, говорятъ, обязано передъ земнидарами поддерживать, увѣковѣчить это установленіе. Обязано! Законность! Страшная, непостижимая обязанность поддерживать изъ всѣхъ учреждений прежняго правительства только то, которое, разрушая благосостояніе покореннаго народа, даетъ въ доходъ самый большой итогъ.

Въ провинціи Аркотъ Англичане нашли не земнидаровъ, а общинное правленіе деревень, въ его первоначальной формѣ. Тутъ правительство вступаетъ въ прямыя сношенія съ общиною. Пока хлѣбъ еще на корнѣ, сборщикъ податей является въ деревню, и вмѣстѣ съ деревенскими старшинами оцѣняетъ предстоящую жатву. Съ рисовыхъ полей, орошаемыхъ муссономъ, правительство беретъ половину жатвы; съ остальныхъ породъ хлѣба, снимаемыхъ при второй уборкѣ и требующихъ искусственнаго орошенія и большей работы, оно получаетъ треть. Подать взимается деньгами прежде уборки хлѣба, или патурой при самой уборкѣ

Третій способъ взиманія поземельной подати называется *райотваръ*, и здѣсь сборщикъ податей долженъ имѣть дѣло непосредственно съ каждымъ райотомъ. По объясненнымъ нами причинамъ, англійскіе сборщики, какъ и всѣ другіе чиновники Компаніи, обыкновенно не занимаются вовсе своимъ дѣломъ, — а потому судьба райота и при этомъ способѣ часто въ совершенной зависимости отъ разныхъ писарей и другихъ пегодаевъ, окружающихъ сборщика.

Изъ трехъ системъ вторая оказалась-бы, безспорно, лучшею, если-бы только подать была менѣ значительна и не равнялась-бы 33 и 50% жатвы, то-есть не походила-бы на конфискацію. Вотъ мѣстныя границы этихъ трехъ системъ:

Подати взимаются земледарями во всей Бенгаліи, Бенаресѣ, въ сѣверныхъ Сиркарахъ, въ Ориссѣ, словомъ, на пространства 200,000, англ. кв. миль, населенномъ слишкомъ сорока милліонами душъ.

По-общинно онѣ взимаются въ Агрскомъ Вице-президентствѣ, въ большей части Бомбейскаго Президентства и въ нѣкоторыхъ частяхъ Мадрасскаго.

Райотваръ, наконецъ, введенъ въ «уступленныхъ областяхъ», въ южной части мараттскихъ областей и въ разныхъ округахъ Мадрасскаго и Бомбейскаго Президентствъ.

Этими тремя способами поземельнаго налога получено въ тридцатіе, отъ 1839—1842 года, среднимъ числомъ въ годъ около 13,400 фунт. стерл., т. е. почти 328,000,000 руб. асс.

2.) *Дани вассаловъ* подраздѣляются на собственно такъ-называемую дань, пособія и жалованье войсковымъ участкамъ (контингентамъ). Дань платится Компаніи союзникамъ ея за обещанное покровительство. Пособія Компанія получаетъ на содержаніе своихъ вспомогательныхъ войскъ. Кромѣ-того, она обязываетъ нѣкоторые союзныя государства содержать туземныя войска (контингенты), которыми командуютъ англійскіе офицеры. Всѣхъ этихъ дани получаются, среднимъ числомъ, около 28,000,000 р. асс.

3.) Третій источникъ доходовъ: *монополіи*. Главныя отрасли, подлежащія имъ: *соль, опиумъ и табакъ*. Съ соляной монополіи получается ежегодно около $2\frac{1}{2}$ милл. фунтовъ стерлинговъ,—съ опиума около двухъ,—съ табаку около ста тысячъ; то-есть, со всѣхъ трехъ до 112,000,000 руб. асс. Первые двѣ монополіи происхожденія азіятскаго, и замѣчательнѣе изъ нихъ торговля опиумомъ. Табакъ и соль потребляются въ Индіи, но опиумъ вывозится большею частию въ Китай,—и поэтому, относя читателей нашихъ ко *второму* тому *Правовъ и Обычаевъ*, посвященному Китаю и Япоіи,—мы ограничимся здѣсь только указаніемъ, что цѣнность опиума, вывозимаго въ Макао и Кантонъ, уменьшившаяся—было во время войны Англии съ Китаемъ, возрасла теперь опять до 4 милл. ф. ст., и Компанія выигрываетъ при этомъ до 300 процентовъ.

До-сихъ-поръ мы видѣли, что Англичане вездѣ вступали только въ права великаго могола и развивали ихъ по-своему. Монополіи они тоже нашли готовыми; назвавъ ихъ налогомъ безправственнымъ, они постыжили унестерить доходъ съ нихъ. Что-жъ касается до дани, то это налогъ новый, изобрѣтенія чисто-англійскаго; мы познакоимся съ ними ближе въ другомъ мѣстѣ, и увидимъ, что онѣ немало способствуютъ къ разоренію союзныхъ государствъ.—Гдѣ-же слѣды умеренности налоговъ, о которой ораторствуетъ Біорнстерна? Посмотримъ на таможенную

часть : не удастся-ли намъ найти въ ней какихъ-нибудь источниковъ благоденствія, хоть для ремесленныхъ и торговыхъ классовъ Индіи ?

4.) Таможенный доходъ, въ рукахъ правительства просвѣщеннаго и внимательнаго къ выгодамъ управляемыхъ, долженъ-бы ежегодно возрастать все болѣе и болѣе, а между-тѣмъ, въ Индіи онъ день-о-то-дня скудѣетъ. Подобная-же несправедливость политики была еще въ прошедшемъ столѣтіи, какъ всѣмъ извѣстно, причиной единодушнаго возстанія и освобожденія нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Съ восьмидесятихъ годовъ, т. е. уже болѣе полустолѣтія, Индія обязана принимать въ своихъ портахъ всѣ мануфактурныя произведенія фабричной Англіи почти безпошлинно (за англійскія издѣлія платится только отъ 2 до 3 процентовъ),—а издѣлія трудолюбиваго Индуса, работающаго безъ машинъ, принимаются между-тѣмъ въ портахъ метрополиі не иначе, какъ съ неутроитною пошлиною отъ тридцати до **тысячи** процентовъ.

Ввозъ въ Англію сырыхъ произведеній Индіи, которыхъ такое обиліе, что они одни могли-бы удовлетворить всѣхъ народовъ Европы, обогативъ вмѣстѣ и колонію и метрополию,—ввозъ этотъ почти совершенно запрещенъ, единственно изъ предпочтенія къ другимъ колоніямъ. Защищая канадскаго фермера, англійскій законъ наложилъ на индійскую пшеницу 30%. Для предохраненія произведеній Антильскихъ Острововъ отъ соперничества, индійскіе кофе, бумага, шерсть, льняное сѣмя, шолкъ и кошениль должны платить отъ ста до трехъ-сотъ процентовъ; табакъ, наконецъ, которымъ природа преимущественно благословила Индію, проклятъ англійскими регламентами : онъ обложенъ пошлиною болѣе чѣмъ въ **три тысячи** на сто.

Приведемъ нѣсколько данныхъ для точнѣйшей оцѣнки дѣйствія этого тарифа на индійскую торговлю. Мы увидимъ, что всѣ статьи ея, кромѣ опиума, съ-года-на-годъ ослабѣваютъ.

Упадокъ вывоза виденъ изъ слѣдующихъ чиселъ, означающихъ цѣнности предметовъ въ двѣ эпохи, съ десятилѣтнимъ промежуткомъ :

Предметы.	Съ 1825 — 26 года.	Съ 1835 — 36 года.
Шалл.	24,884 ф. стерл.	7,700 ф. стерл.
Бумажныя ткани	96,768 — — —	8,213 — —
Шолкъ.	1,567,650 — — —	1,103,404 — —
Индиго	2,427,050 — — —	1,911,390 — —

Словомъ, несмотря на то, что вывозъ опиума удвоился въ это время, все-таки въ общей суммѣ предметовъ вывоза находится годовое уменьшеніе въ 300,000 фунтовъ стерлинговъ.

Отъ вывоза перейдемъ къ ввозу :

ВВЕЗЕНО ВЪ ИНДІЮ РАЗНЫХЪ ТОВАРОВЪ :			
Съ 1846 — 1825 года	на	94,622,034 ф. стерл.	
— 1826 — 1835 года	—	79,807,289 — — —	
Уменьшеніе въ 40 лѣтъ		14,814,795 ф. стерл.	

т. е. въ годъ 1,181,479 ф. стерл. (около 29,000,000 руб. ассиг.).

Понятно, что страна, въ которой такъ сильно упалъ и вывозъ и ввозъ товаровъ, не представляетъ выгоднаго рынка для издѣлій мануфактуръ метрополіи. Искусный ткачъ, трудолюбивый земледѣлецъ, лишенные всякихъ средствъ пропитанія, умираютъ съ голоду, и всякое украшеніе, даже простѣйшая одежда, дѣлается для нихъ предметомъ роскоши; а потому читатель и не удивится, узнавъ, что, по раскладкѣ ввозимыхъ изъ Англіи издѣлій, на всякаго Индуса приходится цѣнности не болѣе 18 коп. сер.; между-тѣмъ какъ каждый житель другихъ колоній потребляетъ въ годъ англійскихъ издѣлій не менѣе какъ на 28 р. сер.

Теперь читателю, надѣмся, ясно, отчего Компанія такъ охотно отказалась отъ своей монополіи на англо-индійскую торговлю. Въ десятилѣтіе, отъ 1819 до 1829 года, она понесла убытка на этой торговлѣ ежегодно около пяти милліоновъ рублей, и только выгодный сбытъ опиума въ Китаѣ вознаграждалъ ее, и конечно съ большимъ избыткомъ, за эти потери. Но довольно этихъ подробностей. Мы видимъ, что торговля, а слѣдовательно и доходъ съ нея упадаютъ. Въ 1831 году таможенный сборъ простирался еще до 1,380,000 фунт. стерл., но въ 1842 составлялъ уже не болѣе 350,000 ф. с., т. е. около 8,750,000 р. асс.

Кромѣ этихъ главныхъ четырехъ отраслей дохода, есть еще многія менѣе-важныя, каковы: гербовый и почтовый сборъ; доходъ съ монетнаго двора; акцизъ; налогъ на городскіе дома; судебныя пенн; *акбаръ* (подушныя) и *мотурфа* (ремесленная подать). Весь итогъ регулярныхъ государственныхъ доходовъ составляетъ, среднимъ числомъ, въ годъ около 22,000,000 ф. стерл., т. е. до 550,000,000 р. асс.

Что-же касается до налоговъ случайныхъ, собираемыхъ подъ всевозможными предлогами, каковы: чрезвычайные займы и военныя контрибуціи, налагаемыя на вассаловъ; челоуколюбивыя

заведенія, существующія только на бумагъ, или приносящія пользу однимъ Европейцамъ; повинности для военныхъ и торговыхъ дорогъ, которыя пролагаются лишь изрѣдка; сборы на поправку прудовъ и бассейновъ, никогда не поправляемыхъ, или для проведенія каналовъ, всегда остающихся въ однихъ проектахъ: что касается до всѣхъ этихъ налоговъ, говоримъ мы: число ихъ огромно и извѣстно только секретному комитету, да контролю Компаніи. Этими путями истребляются послѣднія средства вассаловъ, и изнуряются послѣднія силы подданныхъ.

Государственные расходы дѣлятся на два главныхъ отдѣла: на суммы, издерживаемыя въ Англіи, и траты въ самой Индіи; но тѣ и другія лежатъ исключительно на народахъ послѣдней.—Европейскіе расходы мало измѣняются и могутъ считаться за постоянные; суммы, издерживаемыя собственно въ Индіи, подвержены большимъ измѣненіямъ: до войны въ Афганистанѣ онѣ составляли около 16 милліоновъ фунтовъ, во время войны около 20 милл., въ настоящее время 16,857,000 ф. ст.—Приводимъ показаніе главныхъ расходовъ:

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ АНГЛО-ИНДИЙСКОЙ ИМПЕРІИ.	
ЕВРОПЕЙСКІЕ :	Фунт. стерл.
Гражданскіе (высшее управленіе въ метрополіи, переезды сановниковъ и чиновниковъ, миссія въ Персіи, и т. д.)	4,043,000
Военные (пенсіи, жалованья именнымъ полковымъ командирамъ, пароходство, вербованіе рекрутъ, кадетскіе корпуса и перевозка войска изъ Англіи)	2,000,000
Дивиденды акціонерамъ	630,000
Итого европейскихъ расходовъ	3,643,000
ИНДИЙСКІЕ :	
Армія, флотъ, крѣпости и резиденты	9,500,000
Финансовое управленіе	2,540,000
Администрація, народное просвѣщеніе, полиція, и т. д.	4,300,000
Судебная часть	4,320,000
Проценты государственнаго долга	4,697,000
Итого индійскихъ расходовъ	46,857,000
СУММА ВСѢХЪ РАСХОДОВЪ	20,500,000

За-тѣмъ остаются изъ доходовъ полтора милліона фунтовъ, которые употребляются на погашеніе государственнаго долга.

Положеніе финансовъ Компаніи, 1 мая 1843 года, было слѣдующее :

600,000 и

200,000 —

= 400 милліонъ

Въ ея кассахъ хранилось резервнаго капитала . . . 8,500,000 фунт.
 Долгъ ея составлялъ 35,700,000 —

Слѣдовательно, годовой доходъ Англіійской Индіи относится къ ея долгу, почти какъ 2 : 3. Эта пропорція, въ сравненіи съ долгами европейскіхъ державъ, еще очень благопріятна (*).

О цвѣтущемъ кредитѣ Компаніи можно судить еще вѣрнѣе по слѣдующимъ цифрамъ. При займахъ своихъ она платила въ 1798 году 12%, а теперь платитъ только 4,75%.—Въ самое время совершенія Компаніею послѣдняго займа, оба калькуттскіе банка дисконтировали векселя лучшихъ банкировъ не иначе, какъ съ вычетомъ 8 и 10 процентовъ. Этотъ фактъ показываетъ, какъ рѣдки деньги въ Индіи, и слѣдовательно, какъ необыкновенно великъ кредитъ Компаніи.

Мы уже знаемъ заботливость Англіійской Компаніи о вещественномъ благосостояніи протестантскихъ Индусовъ: не болѣе ли заботится она хотя о духовномъ?

ХРИСТИАНСКІЯ МИССИИ.—Въ Индіи показались сперва католики, въ лицѣ Португальцевъ; протестанты явились уже въ-послѣдствіи. Главные способы обращенія въ Христіанство заключались у Португальцевъ въ насилие и кострахъ святой инквизиціи. Вскорѣ по занятіи Гоа, въ этомъ городѣ явился епископъ, и насильственное обращеніе туземцевъ, подданныхъ Португальцевъ, и сосѣдственныхъ жителей Канары и Малабарскаго берега пошло своимъ чередомъ.

Въ 1542 году къ епископу прибылъ іезуитъ Франсуа Ксавье, называемый «апостоломъ Индіи», и причисленный папою Урбаномъ VIII къ лику святыхъ. Дѣятельность его въ Азій продолжалась десять лѣтъ. Съ самаго пріѣзда онъ сталъ изучать нарѣчія простаго народа, возсталъ противъ многоженства гоаскихъ христіанъ, но никакъ не могъ поколебать мнѣнія индійскихъ дѣвицъ, которыя стыдился своей пещиности и старались какъ можно скорѣе избавиться отъ нея. Года черезъ два онъ оставилъ колонію, и сопровождаемый отрядомъ португальскихъ солдатъ, сталъ проповѣдывать повсюду. Слухи о чудесахъ великаго «европейскаго брамина» распространились въ народѣ. Неустанный Ксавье взлѣзалъ обыкновенно на высокія деревья, и оттуда проповѣдывалъ толпамъ новое ученіе. Онъ прошелъ пешкомъ весь Жемчужный берегъ, Траванкоръ, Цейланъ и Малакку, вездѣ разорялъ пагоды, и кресты.

(*) По показаніямъ Тепгоборскаго, государственный доходъ относится къ государственному долгу въ Пруссіи, какъ 1 : 3; во Франціи, какъ 1 : 4; въ Австріи, какъ 1 : 7.

стилъ народъ, то насильно, то убѣжденіемъ, то обманомъ (такъ, на Моренскихъ Островахъ онъ перекрестилъ, помощію обмана, въ одинъ день 12,000 человекъ). Препоручивъ Индію другимъ іезуитамъ и надзору инквизиціи, ревностный миссіонеръ отправился въ Япоцію, а оттуда въ Китай, гдѣ и умеръ въ Кантонѣ.

Вслѣдъ за Ксавье прибыло новое поколѣніе іезуитовъ. Португальское начальство получило между-тѣмъ отъ императора Акбара разрѣшеніе посылать миссіонеровъ по всей Монгольской Имперіи, и новопрібывшіе іезуиты преимущественно воспользовались этою милостію. Ксавье былъ іезуитомъ только по имени, и походилъ скорѣе на пзступленнаго фанатика; но его пресмники были уже люди проникнутые всѣми правилами, всѣмъ духомъ утонченной политики Ласкеза.

Не уповаа на силу божественнаго ученія Христа, они хотѣли собственною хитростію опрокинуть тысячелѣтнимъ утвержденное ученіе Брамъ, и чтобы успѣшнѣе завладѣть умами Индусовъ, стали проповѣдывать имъ ложное Евангеліе. Эти члены ордена, называемаго Иисусовымъ, проповѣдая ученіе Христа, скрывали его страданія, его смерть, именно все то, что составляетъ характеръ Спасителя. Они отвергали крестъ, а когда и употребляли его въ торжественныхъ моленіяхъ, то не иначе, какъ тщательно скрывая подъ цвѣтами отъ взоровъ всѣхъ присутствовавшихъ. Распятіе не встрѣчалось нигдѣ, а Христосъ изображался всегда только торжествующимъ, окруженнымъ блескомъ и среди коленнопреклоненныхъ царей и мудрецовъ. Для лучшаго достиженія предначначенной цѣли, іезуитъ Робертъ Нобили первый одѣлся въ браминское платье и назвался европейскимъ браминомъ; его примѣру последовали и другіе іезуиты. Они позволяли новообращеннымъ держаться многихъ обрядовъ Браманзма: такъ, напримѣръ, дѣвушки до вѣнчанія носили ожерелья изъ лингамовъ, а передъ исповѣдью христіане посыпали себѣ голову пепломъ изъ сушеной пентжа-гави. Іезуиты строили двойныя церкви: одну для трехъ высшихъ кастъ, а другія для судръ и парій. При совершеніи литургіи они наблюдали обряды не католическіе, а брамантскіе. Въ жилище паріесъ они не входили, потказывали имъ даже въ святомъ причастіи, для избѣжанія оскверненія. Усвоивъ, такимъ-образомъ, себѣ основанія Браманзма, разумется, они не могли поколебать его.

Тщетно папы громилъ буллами подобныя святотатства, тщетно посылали они нарочно кардиналовъ для исправленія безпорядковъ: іезуиты, для своей выгоды, не исполняли повелѣній отдаленныхъ архипастырей. — Не такъ дѣйствовали первые проповѣдники Христіанства...

Въ-послѣдствіи времени духовенство пользовалось своимъ вліяніемъ на начальство португальскихъ и французскихъ колоній, чтобы увеличить число христіанъ. Выгодныя должности стали ввѣрять только людямъ, принявшимъ христіанскую вѣру. Но несмотря на всѣ эти средства, результаты были не блистательны. Въ настоящее время, такъ-называемыхъ католиковъ находится въ Индіи не болѣе шести или семи-сотъ тысячъ. Кромѣ іезуитовъ, у нихъ священнодѣйствуютъ монахи другихъ орденовъ,

и находится немалое число туземныхъ католическихъ священниковъ, часто очень-ревностныхъ, но всегда необразованныхъ. Вездѣ и понынѣ встрѣчаются слѣды брамантскихъ обрядовъ и понятій. Такъ, напримѣръ, близъ Пондишери, всѣ процессіи происходятъ вечеромъ, при освѣщеніи факелами изъ коровьяго каала и въ сопровожденіи туземной музыки, фейерверковъ и стрѣльбы. Священники красятъ лобъ желтой краской, не ѣдятъ говядины, и не берутъ слугъ изъ среды парій (*).

Первые *протестантскіе миссіонеры* прибыли изъ Германіи, Голландіи и Даніи. Появившись около 1700 года, они проповѣдывали свое вѣроисповѣданіе искренно, не искажали Евангелія, не добивались мірской власти, и дѣйствовали такъ осторожно, что въ теченіе всего XVIII вѣка не успѣли сдѣлать почти ничего. Одинъ изъ нихъ пишетъ, въ 1760 году: «Я убѣжденъ, что святая истина проникла уже въ сердца многихъ идолопоклонниковъ, и что одно опасеніе непріятностей удерживаетъ ихъ въ лонѣ Браманизма» (*Nur Menschenfurcht hält sie zurück*).

Позже другихъ показались *англійскіе миссіонеры*, и это замедленіе было не безъ причинъ. Ост-Индская Компанія, видя въ Браманизмѣ ученіе совершенно-соотвѣтствующее ея корыстнымъ видамъ, объявила себя покровительницей существующаго порядка вещей. Она всячески старалась отвратить распространеніе христіанской религіи въ своихъ владѣніяхъ, и безъ обиняковъ не допускала къ себѣ ни одного протестантскаго проповѣдника. Католическихъ миссіонеровъ она терпѣла, потому что искаженное ими религіозное ученіе духомъ своимъ не отличалось отъ оподляющаго Браманизма. Между-тѣмъ, съ 1786 года, въ Англіи и Шотландіи стали образовываться миссіонерскія общества, горѣвшія желаніемъ распространить слово Истины въ самыхъ отдаленныхъ странахъ земнаго шара; но Индія была для нихъ недоступна. Многіе миссіонеры, не имѣвшіе понятія о секретныхъ регламентахъ Компаніи, являлись къ берегамъ Индустана и тамъ только узнавали, что Христово ученіе «здѣсь не приемлется,» и должны были возвращаться во-своисп. Наконецъ, въ 1813 году, парламентъ, движимый всеобщимъ ропотомъ,

(*) Характеръ индійскихъ католиковъ хорошо обрисовывается слѣдующимъ фактомъ. Типпо-Санбъ, въ припадкѣ прозелитизма, велѣлъ пригнать въ Серингатамъ 60,000 туземныхъ католиковъ, и приказалъ имъ принять Исламизмъ. Всѣ исполнили волю султана, и не оказалось ни одного охотника на ослушаніе и мученичество. По смерти султана, они всѣ возвратились въ лоно католической церкви, увѣрая, «что внутренно никогда не переставали быть христіанами» (и хорошими учениками іезуитскихъ казуистовъ, прибавимъ отъ себя).

открылъ Индію христіанскому ученію. Черезъ годъ составленъ былъ штатъ для англо-индійской церкви, и въ Калькутту отправился первый индійскій митрополитъ. Въ Мадрасъ и Бомбей было тоже отправлено по епископу. Митрополитъ зависитъ отъ кентерборійскаго архіепископа и получаетъ 125,000 руб. жалованья; епископы (суффраганы) получаютъ противъ него въ половину. Сверхъ-того, всякому изъ этихъ духовныхъ отведено по прекрасному дворцу, и выдаются ежегодно большія суммы на подъемъ, по случаю годовыхъ ревизіонныхъ объѣздовъ. Пасторамъ протестантскимъ назначили по 8400 рупій (около 21,000 р. асс. въ годъ). Утвердивъ этотъ штатъ, Компанія совершенно успокоила свою совѣсть. Теперь уже никто не могъ упрекать ея въ религіозномъ равнодушіи: чего-же болѣе? Двадцатью тысячами простому пастору можно прожить; ну а за двадцать тысячъ онъ, навѣрно, приложитъ стараніе свое къ составленію великолѣпныхъ «отчетовъ для публицистовъ» Европы. Въ 1835 году вышелъ штатъ и для католическаго духовенства. Иновѣрцамъ можно жить и поэкономнѣе, а потому католическому священнику определено только 1440 рупій въ годъ, менѣе чѣмъ жалованье прапорщика. Наконецъ подумали и о туземныхъ, черныхъ и коричневыхъ католическихъ священникахъ. Эти «надри» уже вовсе не похожи на джентельменовъ, и имъ совершенно достаточно 30 рупій въ мѣсяцъ. Несчастные эти должны притомъ часто священнодѣйствовать въ трехъ или четырехъ различныхъ церквахъ, и отслуживъ обѣдню въ одной, спѣшатъ пѣшкомъ верстъ за двадцать въ другую.

Независимо отъ распоряженій правительства, по Индіи распространились миссіи различныхъ протестантскихъ сектъ. Въ 1842 году этихъ миссій насчитывали не менѣе 180, и ежегодно къ нимъ отсылались десятки тысячъ экземпляровъ Евангелія, переведеннаго на всѣ возможные языки. Каковы-же, спросимъ мы: результаты всѣхъ этихъ обществъ, которыя такъ громко прославляются, и которыя ежегодно повсюду распространяютъ свои отчеты? Результатовъ почти нѣтъ никакихъ, и вотъ почему:

Такъ-называемые англійскіе «миссіонеры» вовсе не походятъ на миссіонеровъ. Это люди, имѣющіе большія семейства, экипажи, толпу слугъ, живущіе въ прекрасныхъ домахъ и пользующіеся всеми выгодами комфорта. Они не пускаются даже отыскивать страждущихъ, но ожидаютъ спокойно, чтобы невѣрующіе сами предстали передъ ними. Протѣхавъ въ наланкни до церкви и сказавъ тамъ проповѣдь, миссіонеръ исполнилъ свою должность; послѣ этого ему остается присмотрѣть только за тѣмъ, чтобы никто въ его домъ не нарушилъ святости воскресенья. Такимъ-ли «господамъ» учить смиренію, покаянію и воздержанію тѣхъ оборванныхъ простолюдиновъ, которые съ-дѣтства привыкли къ самымъ

жестокимъ истязаніямъ, и которымъ вѣчего страстища поста, потому что они часто переносятъ мученія голода? — А потому, никто изъ туземцевъ и не ищетъ утѣшенія въ пышныхъ палатахъ «европейскихъ гуру.» Въ протестантскихъ церквахъ Серампура, Бенареса и Дели слово Божіе проповѣдывается голымъ стѣнамъ, и единственные прозелиты пасторовъ англиканской церкви состоятъ изъ спротивъ, которыхъ миссіонеры покупаютъ въ младенческомъ возрастѣ и воспитываютъ въ своихъ школахъ. Но и изъ нихъ большая часть, по достиженіи возмужалости, возвращается къ вѣрѣ своихъ отцовъ. Протестантскія миссіи разныхъ сектъ, не принадлежащихъ къ англиканской церкви, имѣютъ не болѣе вліянія на религіозныя понятія Индійцевъ. Не будучи обеспечены жалованьемъ, подобно членамъ господствующей церкви, миссіонеры диссентеровъ ищутъ обезпеченія въ торговлѣ, «образуя, по словамъ Жакмона, колонію религіозную въ Европѣ, промышленную въ Индіи». Миссіонеръ отправляется изъ Европы съ добросовѣстнымъ намереніемъ быть апостоломъ Евангелія, но прибывъ въ Индію, онъ видитъ себя членомъ европейскаго общества, составляющаго, такъ-сказать, большой банкирскій домъ. Онъ вступаетъ въ эту фалангу, и ему даютъ работу, соответствующую его свѣдѣніямъ или способностямъ. Одинъ миссіонеръ строитъ дома, другой занимается книгопечатаніемъ, третій выдѣлываетъ бумагу, ведетъ банкирскія книги; общество процвѣтаетъ и раздаетъ кстаті множество библій: по тѣмъ и ограничивается его религіозная дѣятельность. — Компанейское правительство, между-тѣмъ, льститъ брамантамъ, провозглашая неприкосновенность кастъ, принимая на себя роль Немезиды за разореніе Афганами сомнатскаго храма, и сопровождая индійскія процессіи громомъ англійской артиллеріи. Поддерживая суевѣрія народа, правительство извлекаетъ изъ него даже денежныя выгоды, взимая налогъ съ джагернатской пагоды, съ алахабадскихъ купалень, и т. д. Касательно распространенія христіанскаго ученія, оно громко хвастаетъ своею «мудрою медленностію,» и мы видѣли, какъ хорошо устройство миссій соответствуетъ подобной мудрости.

Сообщаемъ цифры, относящіяся къ статистикѣ обращеній во всѣ исповѣданія христіанской вѣры.

Изъ 16 милліоновъ мусульманъ не образовался до-сихъ-поръ ни одинъ христіанскій приходъ, а если по-одиначкѣ и перешло нѣсколько человекъ, то число прозелитовъ такъ незначительно, что не можетъ входить ни въ какой разсѣтъ. Изъ общества благотворительныхъ и наиболѣе образованныхъ Парсовъ, прозелиты могутъ считаться тоже самымъ рѣдкимъ исключеніемъ. — Изъ 60 или 70 милліоновъ Индусовъ, наконецъ, ежегодно принимаютъ христіанскую вѣру не болѣе трехъ-сотъ человекъ, т. е. четверо на милліонъ; въ томъ числѣ девять десятыхъ принимаютъ католическое исповѣданіе, а протестантское не болѣе одной десятой части. Первоначальныя школы протестантовъ въ Бенгаліи посѣщаются пятидесятью тысячами дѣтей, но всѣ эти ученики выносятъ изъ нихъ только свѣдѣнія по части механики и разныхъ точныхъ наукъ, оставаясь между-тѣмъ вѣрными Исламизму и Браманизму. Туземныхъ протестантовъ разныхъ сектъ считается, въ настоящее время, во всей Бенгаліи около 60,000

человѣкъ; въ Мадрасъ менѣе половины этого числа, въ Бомбей еще менѣе.—Слѣдовательно, христіанъ всѣхъ исповѣданій, кромѣ членовъ сирійской церкви, находится въ Индіи отъ семи до восьмисотъ тысячъ; въ томъ числѣ шесть седьмыхъ такъ-называемыхъ католиковъ, не отрѣзавшихся отъ установленія кастъ. Поэтому можно сказать, не обижая напрасно никого, что, за исключеніемъ апостола Томы, слово Христово еще никѣмъ не было проповѣдано народамъ Индіи.

Нигдѣ впрочемъ, можетъ быть, и не представляется христіанскому ученію столько препятствій всякаго рода. Когда миссіонеръ говоритъ о божественномъ Спасителѣ, воплотившемся ради искупленія рода человеческого, браманты съ гордостію отвѣчаютъ, что они воплощеніемъ гораздо-богаче, — что ихъ боги несравненно милосердѣе Бога христіанъ, — что грозный Шива воплощался, какъ всему свѣту извѣстно, два раза, Вишну не менѣе девяти разъ, а Ганеза не перестаетъ воплощаться и донынѣ. Когда заговорятъ о пророкахъ или Евангеліи, то вы тотчасъ услышите въ отвѣтъ пышный панегирикъ ведамъ и пуранамъ. Если Индусамъ рассказываютъ о чудесномъ распространеніи ученія Христа, они отвѣчаютъ, что Христіанство было принято только нечистыми варварами и паріями, находившимися въ всякихъ кастъ и не пользовавшимся, подобно Индусамъ, божественными откровеніями. Съ гражданской точки зрѣнія представляется столько-же препятствій, какъ и съ догматической. Членъ высшихъ кастъ отвергаетъ ученіе, принятіе котораго лишитъ его всѣхъ преимуществъ общественнаго положенія, и сдѣлаетъ предметомъ презрѣнія всѣхъ тѣхъ, чьимъ мнѣніемъ онъ дорожитъ; а парія или судра по-неволѣ спрашиваетъ, гдѣ же въ дѣйствительности встрѣчается то смиреніе, та любовь, о которыхъ проповѣдуютъ европейскіе миссіонеры, и чьимъ отличается этотъ иностранецъ, называющійся братомъ простолюдина о Христѣ, отъ браминна, который по-крайней-мѣрѣ землякъ угнетаемаго?

Таковы успѣхи Христіанства въ странѣ, которою Европейцы пользуются для своей выгоды уже триста сорокъ семь лѣтъ.

АРМІЯ. — Англо-индійская армія состоитъ изъ королевскихъ и компанейскихъ полковъ и такъ-называемыхъ контингентовъ. Взглянемъ на количественное отношеніе двухъ первыхъ разрядовъ въ разные эпохи, и вспомнимъ при этомъ, что въ 1827 году кончалась война съ Бирманцами, а отъ 1838—1842 г. тянулась борьба съ Афганистаномъ.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА СОСТОЯНІЯ АРМІИ ВЪ РАЗНЫЕ ГОДЫ.					
	1827	1830	1837	1839-42	1843
Европейцы	30,872	33,971	30,340	50,600	47,300
Туземцы	260,275	179,885	150,000	239,500	184,300
И того дѣйствующей арміи	291,147	213,856	180,340	290,100	231,600
Италиды	11,652	10,588	10,000	13,000	12,400
ВСЕГО.	302,797	224,444	190,340	303,100	244,000

Все войско раздѣляется на три арміи, по одной во всякомъ президентствѣ, предводительствуемая каждая особымъ корпуснымъ командиромъ.

Военный бюджетъ, поднявшійся-было въ 1838 — 1842 г. до четырнадцати милл. фунт. въ годъ, въ 1844 г. упалъ опять на 9,500,000 (около 70 милл. р. сер.). Последнее число составляетъ среднюю пропорціональную военнаго бюджета Англо-Индійской Имперіи въ мирное время; слѣдовательно, армія поглотаетъ почти половину государственныхъ доходовъ.

Изъ приведенной таблицы видно, что въ войскѣ Компаніи, въ тридцатыхъ годахъ, находилось обыкновенно въ мирное время около 30,000 Европейцевъ. Большая часть послѣднихъ состоитъ въ королевскихъ полкахъ, посылаемыхъ въ Индію поочередно, на шесть или на девять лѣтъ. Известно, что корпуса великобританской арміи никогда не находятся долго на одномъ мѣстѣ. Англія имѣетъ колоніи на всѣхъ точкахъ земнаго шара, и полки ея переходятъ попеременно изъ одной въ другую. Со дня отправления изъ Англіи до возвращенія въ метрополию, полки, отсылаемые въ Индію, несмотря на то, что они служатъ въ это время въ разныхъ колоніяхъ Англіи, находятся на счету Компаніи, — такъ что одна обмундировка и доставленіе въ Индію каждого рядоваго обходятся послѣдней около 2500 руб. асс. Въ случаѣ надобности усиленія европейскаго отряда, новый полкъ не можетъ успѣть прибыть изъ Англіи въ Индію прежде истеченія восемнадцати мѣсяцевъ.

Королевскій пѣхотный полкъ въ Индіи состоитъ изъ 1100 человекъ, въ числѣ которыхъ 51 офицеръ.

Въ главѣ офицерскаго списка стоитъ имѣнной полковой командиръ, который обыкновенно не находится при полку, и часто не видалъ его даже въ глаза. Онъ долженъ быть по-крайней-мѣрѣ генераль-маіоромъ, и получаетъ значительное жалованье; сверхъ-того въ его рукахъ сосредоточивается вся хозяйственная часть полка, передаваемая имъ какому-нибудь поставщику. Годовой барышъ полковаго командира въ Англіи составляетъ около двадцати пяти, въ Индіи около пятидесяти тысячъ руб. асс. За нимъ слѣдуютъ два подполковника, изъ которыхъ старшій командуетъ дѣйствительно полкомъ. — *Кружокъ офицеровъ* составляетъ общество «господъ», резко-отдѣляющихся отъ остальнаго полка. Чиновная іерархія между самими офицерами соблюдается свято въ дѣлахъ службы, но вне ея всѣ становятся совершенно-равными другъ другу, по званію джентельмена. Для поддержанія этого братства, постановлено военными регламентами,

чтобы всѣ офицеры одного и того-же корпуса, неженатые, или которыхъ жены не живутъ въ гарнизонѣ, составляли между собою общество и имѣли общій столъ, the mess, слово, которое можно перевести словомъ *масса*, потому что здѣсь соединяются вклады, навсегда принадлежащіе обществу.

Эта «масса» есть извѣняющійся капиталъ, получившій начало съ-давнихъ-поръ и увеличивающійся слѣдующимъ образомъ: всякій офицеръ, вступая въ полкъ съ чиномъ подпоручика, обязанъ внести въ общую кассу сумму, равную своему мѣсячному жалованью. Сверхъ-того, всякій мѣсяцъ онъ вноситъ плату за столъ, которая одинакова для всѣхъ офицеровъ, и дневное жалованье. Каждый разъ при повышеніи въ слѣдующій чинъ, всякій офицеръ обязанъ внести для увеличенія массы свое новое мѣсячное жалованье. Въ случаѣ смерти, наследникомъ этихъ вкладовъ остается общество; то-же самое бываетъ при переводѣ офицера изъ одного корпуса въ другой, гдѣ онъ долженъ внести новую сумму.

Правительство также даетъ отъ себя по 250 фунт. стерлинговъ (болѣе шести тысячъ рубл. асс.) въ годъ на каждый полкъ, потому что оно требуетъ отъ этого учрежденія нѣкоторой роскоши (напримѣръ, двухъ большихъ обѣдовъ въ годъ, для генераловъ, каждые полгода производящихъ инспекторскіе смотры,—обѣдовъ, на которые должны быть приглашены всѣ мѣстные начальства). Теперь понятно, что этотъ общественный фондъ можетъ быстро увеличиваться, несмотря на большія издержки.

Всѣ офицеры избираютъ изъ среды себя президента (которымъ никогда не можетъ быть полковой командиръ) и двухъ секретарей, которымъ поручено, подъ строгою ответственностію, наблюденіе за капиталомъ и имуществомъ общества. Они подаютъ каждые полгода отчетъ, разсматриваемый нарочнымъ комитетомъ. Всякая экстраординарная издержка зависитъ отъ собранія всего общества, и рѣшается большинствомъ голосовъ.

Общій столъ есть какъ-бы военный-парадъ: никто не имѣетъ права не быть за нимъ, не уверивъ честию, что онъ приглашенъ куда-нибудь, или не можетъ явиться по болѣзни. Два офицера по-недѣлю отправляютъ должность президента стола и сидятъ по обѣимъ концамъ его. Должность эта чрезвычайно затруднительна и ответственна. Президентъ наблюдаетъ за порядкомъ и нравственною дисциплиною собесѣдниковъ; одинъ онъ имѣетъ право давать приказанія многочисленной прислугѣ; наконецъ, онъ можетъ арестовать всякаго офицера, какого-бы тотъ ни былъ чина, если тотъ произведетъ безпорядокъ, вызоветъ кого на дуэль, или откажется отъ исполненія постановленій общества. Весьма замѣчательно одно изъ правилъ, находящихся въ инструкціи президента стола: онъ обязанъ прерывать разговоръ, имѣющій предметомъ практическія подробности или общія мѣста военного ремесла. Застольная бесѣда должна быть салонная, хорошаго тона, касаться литературы и искусствъ.

Понятно, что такое учрежденіе должно имѣть самыя благопріятныя послѣдствія въ физическомъ и нравственномъ отношеніи, поддерживать между офицерами дружественныя отношенія и духъ образованнаго общества. Даже въ военное время этотъ порядокъ ни сколько не измѣняется. Палатки, серебро, хрусталь, многочисленный штатъ прислужниковъ, роскошная мебель «массы», все это навьючивается на слоновъ и верблюдовъ, и тянется за полкомъ. Общій столъ англійскихъ офицеровъ наканунѣ или на другой день сраженія ни въ чемъ не уступаетъ столу лучшихъ лондонскихъ и парижскихъ гостиницъ.

Такая роскошь не удивительна, по огромности выгодъ, сопряженныхъ съ разными чинами. Жалованье не одинаково въ кавалеріи и пѣхотѣ, и кромѣ-того измѣняется, смотря по мѣстности, въ которой находится полкъ.

Прапорщики и корнеты получаютъ отъ . . .	4,500—9,000 р. асс.
Поручики и медики.	6,000—10,500 —
Капитаны и штабъ-медики.	10,000—16,000 —
Маіоры.	17,000—27,000 —
Подполковники.	22,000—34,000 —
Именные полковые командиры.	36,000—45,000 (*)

Понятно, что при такихъ окладахъ и почти при одинаковыхъ издержкахъ для прапорщика и неженатаго полковаго командира, дающимъ имъ возможность сберегать изъ своего жалованья довольно-большія суммы,—понятно, какъ важно для офицера повышение въ чинѣ. Способовъ для повышеній два: или очередь, какъ у насъ въ Россіи, или покупка мѣста у другаго. При помощи послѣдняго средства англійскіе финансы избавляются почти совсѣмъ отъ назначенія пенсій. Хочетъ-ли какой-нибудь офицеръ оставить службу, онъ можетъ продать свое мѣсто младшему по себѣ, за цѣну, которой наименьшая сумма опредѣлена закономъ. Только въ томъ случаѣ, когда ближайшіе по старшинству офицеры полка не хотятъ или не въ состояніи внести законной платы, выходящій въ отставку имѣетъ право продать свое мѣсто офицеру изъ другаго полка. Цѣна эта для капитанскаго чина составляетъ 1800 фунтовъ, для вакансіи поручика 700 а для прапорщика 450 (около 11,000 руб. асс.).

Между офицеромъ и солдатомъ лежитъ цѣлая пропасть, и отъ джентельмена до простолюдина почти такое-же разстояніе, какъ отъ брамина до паріи. Англійскій офицеръ старается безпрестанно показывать, что онъ не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ своими подчиненными. Солдатъ не слышитъ отъ него ничего, кромѣ строгой команды, и англійскій военный сводъ вмѣняетъ офицерамъ такую отчужденность даже въ обязанность. Одинъ прапорщикъ королевскаго войска былъ военнымъ судомъ лишенъ своей должности, за то только, что пригласилъ къ себѣ на ужинъ двухъ унтеръ-офицеровъ.

Англійскіе солдаты въ Индіи составляютъ надежнѣйшую часть

(*) Оклады высшихъ офицеровъ еще значительнѣе. Бригадные командиры получаютъ 60,000 р. асс., корпусные отъ 90 до 100,000,—а главнокомандующій, независимо отъ жалованья по чину, имѣетъ еще въ годъ, подъ названіемъ экстраординарнаго содержанія, 180,000 р. асс.

туземнаго войска, какъ-бы гвардію его, (*) и поэтому объ нихъ чрезвычайно заботятся. Отличное качество жизненныхъ принадлежностей и здоровое устройство помѣщенія соединяются съ хорошими медицинскими пособіями, для сбереженія человека, стоящаго Компаніи довольно-дорого. Армія почти всегда въ лагеряхъ, но тамошніе лагеря спокойнѣе и здоровѣе европейскихъ казармъ, а бивуаки случаются лишь послѣ рѣшительнаго пораженія.

Мѣсячное жалованье солдатъ слѣдующее :

Молодому солдату отъ	48 до 58 р. асс.
Капралу	60 — 70 —
Сержантамъ разныхъ разрядовъ	100 — 220 —
Сержантъ-мажору	250 — 275 —

Разумѣется, что ожиданіе такой платы должно сильно дѣйствовать на усердіе бѣдняка, опредѣлившагося въ рекруты.

Въ настоящее время, въ Индіи находится королевскихъ войскъ:

25 полковъ пѣхоты, по 1100 ч.	27,500 человекъ.
5 — — конницы, по 600 ч.	3,000 —
Артиллерія, инженеровъ и саперовъ	9,500 —

И того 40,000 —

Компанейское войско устроено совершенно по другой системѣ. Оно состоитъ изъ туземцевъ, предводительствуемыхъ англійскими офицерами. Вотъ перечень его настоящаго состава :

КОМПАНЕЙСКОЕ ВОЙСКО.	Число полковъ.	Число людей.	
		Въ полку	Во всѣхъ полкахъ
ТУЗЕМНОЕ ВОЙСКО :			
Пѣхота (сипай)	154	900	138,600
Конница регулярная	21	600	12,600
» иррегулярная	44		
Артиллерія и саперы	—	—	12,400
Европейскіе офицеры и медицинскій штабъ, около	—	—	5,000
И того туземнаго войска	—	—	175,200
ЕВРОПЕЙСКІЙ ОТРЯДЪ :			
Пѣхота	6	900	5,400
ВСЕГО КОМПАНЕЙСКАГО ВОЙСКА.	—	—	180,600

(*) По-крайней-мѣрѣ, въ отношеніи къ матеріальной силѣ и стойкости. Вообще, въ англійскомъ солдатѣ чрезвычайно развитъ инстинктъ вещественнаго благосостоянія, и такъ какъ военное поприще вполне удовлетворяетъ этой потребности, то онъ славно исполняетъ свои обязанности и храбро дерется (особенно

Прибавивъ послѣдній итогъ къ числу королевскихъ войскъ, мы получаемъ для англо-индійской арміи общее число 220,600 человекъ, относящееся къ числу всего населенія Англійской Индіи, приблизительно, какъ 1:500 (*). Кроме-того, есть еще тысячь восемнадцать разныхъ мѣстныхъ милицій и тысячь шесть войска, разсыяннаго по острову Цейлану.—Жалованье *европейскихъ офицеровъ компанейской службы* уравнено съ жалованьемъ въ королевскихъ полкахъ, но кроме-того имъ предоставлено множество другихъ выгодъ. Поэтому, и такъ какъ въ компанейскомъ полку число офицеровъ гораздо-меньше (18), чѣмъ въ королевскомъ, то и образъ жизни первыхъ совершенно-другой. Они болѣею частию женаты, и поперемѣнно находятся въ отлучкѣ отъ полка, а потому между ними нѣтъ не только «массы», но и вообще никакого слѣда товарищества. Отсутствие благотѣльнаго дѣйствія этого установленія чрезвычайно ощутительно, и имѣетъ неблагопріятное вліяніе на нравственность компанейскихъ офицеровъ, которые часто подвергаются военному суду за различные несовсѣмъ честные поступки. Мудрено и не испортиться имъ. Кроме значительнаго жалованья по военному чину, всякій изъ нихъ имѣетъ какую-нибудь прибыльную гражданскую должность. Мѣста резидентовъ занимаютъ почти исключительно компанейскими офицерами; иногда они поручаются именнымъ полковымъ командирамъ, но болѣе капитанамъ и даже поручикамъ, по причинѣ примѣрной, почти всеобщей неспособности и апатіи старыхъ штабъ-офицеровъ; мѣста-же эти очень выгодны: резиденты получаютъ до 66,000 и никогда меньше 36,000 рупій, т. е. отъ 90 до 165 тысячъ руб. асс.

Продажа мѣстъ въ компанейскомъ войскѣ не извѣстна. Какъ въ гражданской компанейской службѣ, такъ и въ военной, повышение зависитъ исключительно отъ одного старшинства.

Но одни англійскіе офицеры не въ состояніи удовлетворять всѣмъ требованіямъ службы, и поэтому вмѣстѣ съ ними, для команды, находятся *туземные офицеры*, которые обходятся Компаніи несравненно-дешевле. Ихъ бываетъ при каждомъ полку тоже по 18, и всѣ они стоятъ гораздо ниже Европейцевъ, такъ что, напримеръ, капитанъ (*субадаръ-мажоръ*) вытягивается передъ англій-

но если передъ сраженіемъ ему удалось плѣтно покушать). Но честь, слава — понятія для него странныя; онъ предпочитаетъ имъ водку и ростбѣфъ; любимыя его слова: «весь человекъ въ шинь», и когда его лишаютъ этой основы его храбрости, онъ дѣлается тяжелымъ, медленнымъ, настоящимъ Джонъ Булемъ ..

(*) Въ другихъ державахъ пропорція эта слѣдующая: въ Пруссіи 1:80; во Франціи 1:122; въ Англіи 1:320; въ С. Американскихъ Штатахъ 1:1077.

скимъ прапорщикомъ, только-что выпущеннымъ изъ корпуса, рапортуетъ ему, а жалованья получаетъ гораздо-меньше его.

Таково устройство въ регулярномъ войскѣ; въ нерегулярныхъ кавалерійскихъ полкахъ командуютъ болѣею частию мусульмане, но и тамъ въ каждомъ полку бываетъ всегда полный штабъ, состоящій изъ пяти Англичанъ.

Туземные солдаты паходятся на такой-же степени, какъ и офицеры. Чудное дѣло! Англичане, желая создать воинственный призракъ на страхъ всему свѣту, призракъ, который охранялъ-бы ихъ отдаленную Азіятскую Имперію, возвели *сила* на искусственныя подмостки небывалой славы, и въ продолженіе восьми-десяти лѣтъ не перестаютъ трубятъ, что индійское туземное войско не только не уступитъ, но и превзойдетъ храбростію и дисциплиной войско любой европейской державы. Неужели, въ-самомъ-дѣлѣ; европейская дисциплина произвела такое чудо на тѣхъ людей, сотни тысячъ которыхъ разбѣгались передъ сотнями Бюсси, Клейва и Уеллессей? — Невѣрующимъ Англичане отвѣчаютъ словами Веллингтона, « что англо-индійская армія есть лучшая на земномъ шарѣ (разумѣется послѣ англійской), — прибавляя, что Веллингтонъ, какъ фельдмаршалъ семи державъ, имѣетъ право судить о подобномъ предметѣ. Не оспариваемъ этого права: но безпристрастно-ли мнѣніе благороднаго лорда?

Туземцамъ, вытѣсненнымъ изъ всѣхъ вѣдомствъ гражданскаго управления, систематически обираемымъ несправедливыми налогами, угнетаемымъ таможенными уставами Англии, и лишаемымъ послѣдняго куска хлѣба соперничествомъ англійскихъ машинъ, — имъ оставленъ только одинъ способъ честнаго пріобрѣтенія: это ряды туземной арміи, и они съ жадностію бросились въ нихъ. Поэтому, армія сдѣлалась единственнымъ мѣстомъ соединенія членовъ всѣхъ сектъ и кастъ. Здѣсь парія, облагороженный службой, стоитъ рядомъ, иногда даже командуетъ объединившимъ браминномъ; мусульмане слушаются презрѣнныхъ Индусовъ, Индусы ненавистныхъ потребителей говядины. Но въ службы всякій вступаетъ опять во всѣ права своей касты: товарищества нѣтъ и слѣда.

Рядовой получаетъ хорошее жалованье: въ гарнизонѣ до пяти р. сер. въ мѣсяцъ, а на походѣ около шести, что даетъ ему возможность прокормить свое семейство. Жалованье *паика* (капрала) и *гавилдара* (сержанта) еще значительнѣе. — Относительно здоровья и благосостоянія *силы* все предусмотрено. Больной, онъ находитъ въ госпиталяхъ скорую помощь; устарѣвшій или израненный, пользуется попеченіями начальства. Съ 1838 года

учреждены два ордена для военныхъ отличій: «орденъ Англіійской Индіи» и «за заслуги.» Эти знаки еще сильнѣе денегъ дѣйствуютъ на характеръ почётотлюбиваго Индуса; кромѣ-того, съ обоими орденами соединяется пенсіонъ.

Между-тѣмъ какъ въ королевскомъ войскѣ палка играетъ очень-важную роль, въ туземномъ не извѣстны никакія тѣлесныя наказанія: ударъ, нанесенный браминну, почелся-бы за святотатство, и весь полкъ непременно-бы взбунтовался, или разбѣжался. Притомъ, кроткая природа Индуса и не требуетъ никакихъ грозныхъ мѣръ. Арестъ въ караульнѣ, лишая солдата возможности провести день у себя, служить ему большимъ наказаніемъ, а отставки онъ боится, какъ голодной смерти. Поэтому, сипай подлещитъ самой снисходительной дисциплинѣ, приличной его склонностямъ къ правильному и трезвому образу жизни, при которомъ за его поведеніемъ нѣчего смотрѣть. Отъ него требуютъ только исправности по службѣ, а служба дается легко и скоро его организацин, его гибкимъ членамъ и природной смѣтливости. Первые часы утра, отъ пяти до семи или восьми, употребляются на ученіе: остальное время принадлежитъ сипаю, и онъ можетъ ходить весь день безъ мундира, такъ что его нельзя отличить отъ обыкновеннаго простолюдина. Мундиръ сипая изъ краснаго сукна, съ бѣлыми отворотами; бѣлые брюки въ обтяжку, недоходящіе даже до коленъ, и красные башмаки дополняютъ его нарядъ. На бѣлыхъ металлическихъ пуговицахъ мундира выставлены буквы N. J. (т. е. native infantry, туземная пѣхота) и номеръ полка. Вся экипировка прекрасна, вооруженіе удивительно. Киверъ сипая очень похожъ на кокошникъ, надѣтый задомъ-напередъ; у кавалериста киверъ замѣненъ сипей чалмой.

Нѣтъ войска, которымъ было-бы пріятнѣе командовать въ мирное время, чѣмъ сипаими. Если случится, что солдатъ подвергся военному суду, то это вѣрно за то, что онъ или уснулъ на своемъ постѣ, или пожелалъ жены ближняго. Убѣжденные въ превосходствѣ Европейцевъ, сипаи послушные дѣти, приверженные къ своимъ начальникамъ, если только встрѣчаютъ въ нихъ хотя малѣйшую доброту. Только не требуйте отъ сипаи никакой службы во время его обѣда: принужденный обстоятельствами претерпѣвать на службѣ соприкосновеніе съ людьми нечистыхъ кастъ, онъ вознаграждаетъ себя дома за это непріятное пожертвованіе. Въ обѣдъ, всякій членъ чистой касты долженъ скрываться отъ взоровъ всѣхъ не-принадлежащихъ къ его кастѣ. Поэтому, если-бы европейскій офицеръ вздумалъ по-

дойдти къ ебѣдающему сипаю, тотъ съ негодоваіемъ повернулся бы къ нему спиной, а лицу и лицу покрылъ-бы полой платья. (туземные лакеи поступаютъ точно также). Въ мирное время эта странность сипаевъ никому не мѣшаетъ, но въ военное приносятъ иногда величайшій вредъ.

Само-собою разумѣется, что въ сипайскихъ войскахъ не можетъ быть и поминна ни объ артеляхъ, ни о казенномъ пайкѣ. Всякій сипай кормится на свой счётъ. Близъ лагеря или поселенія всегда находится обильный базаръ: цѣлая слобода ремесленниковъ и кушцовъ, слѣдующая повсюду за войскомъ. Здѣсь есть все, отъ простаго хлѣба до сливокъ и отъ шампанскаго до увеселительныхъ женщинъ и танцовщицъ для рядовыхъ. Каждый базарный купецъ везетъ съ собою жену и дѣтей. Все это не отстаётъ отъ полка ни въ мирное, ни въ военное время. Сверхъ-того, каждый офицеръ тащитъ за собою значительный багажъ: при немъ отъ десяти до тридцати человекъ прислуги, тяжелая палатка въ нѣсколько отдѣленій, со столами, кроватью и стульями, а иногда, въ добавокъ къ этому, и лондонская коляска. — При англо-индійскомъ войскѣ считается по штату не менѣе 3000 слоновъ и 40,000 верблюдовъ для перевозки тяжестей. Последніе животныя, столь-полезныя въ песчаныхъ степяхъ, причиняютъ безирестанныя остановки въ сырыхъ низменностяхъ. Если верблюдъ поскользнулся на глинистой почвѣ и упалъ, то обыкновенно онъ вывихиваетъ себѣ ноги, и его надобно убить на мѣстѣ. При переправѣ черезъ рѣку еще болѣе церемоній. Каждому верблюду нужно связать ноги подъ животъ, и человекъ двадцать рядовыхъ должны ввалить животное въ лодку. Само оно ни за что не рѣшится вступить въ воду, а подыметъ только страшный крикъ. Отъ муссона верблюды гибнутъ цѣлыми стадами. Во время похода, при базарѣ и багажѣ бываетъ всегда людей невооруженныхъ по-крайней-мѣрѣ вдвое больше, чѣмъ настоящихъ солдатъ. — Лордъ Клейвъ завоевалъ Индію отчасти потому, что съ быстротою молнии поражалъ непріятеля то здѣсь, то тамъ. Ему неизвѣстны были эти чудовищные багажи, и онъ имѣлъ привычку жить на счётъ обоза враговъ. Теперь все измѣнилось. Англичане не отказываются отъ комфорта даже на войнѣ, и потому всѣ ихъ походы соединены съ огромными тратами денегъ и времени. Движенія арміи медленны: то идутъ не любимцы победы, а многотрудно перемалываются цѣлыя населенія. Подобная система возможна только противъ невѣжественныхъ, разединенныхъ азіатскихъ полчищъ, — а потому-то Англичане такъ и озабочены, чтобы никакая европейская стройная армія не проникла въ ихъ владѣнія.

Кромѣ постоянныхъ базаровъ, въ военное время армія снабжается всѣмъ нужнымъ отъ кочевыхъ бривжаріевъ (стр. 158) (*).

Легкость рекрутскаго набора въ Индію изумительна. При первомъ воззваніи на базарахъ явился-бы цѣлый миллионъ волонтеровъ. Всякое захолустье, всякій каравансарай, богаты цѣлыми отрядами умейдваровъ (дѣтей надежды) — земледѣльцевъ, ремесленниковъ безъ работы, обанкротившихся купцовъ, бѣдняковъ, которые, потерявъ даже необходимые для работы инструменты, сидятъ на корточкахъ на каждомъ перекресткѣ, выжидая случая заработать кусокъ хлѣба: вотъ вамъ и охотники: правительство можетъ затрудниться только въ выборѣ. Однако-же этотъ выборъ очень важенъ, потому что едва-лишь придется выступить въ походъ, выгоды военного ремесла начинаютъ казаться менѣе-блестательными, и повобранцы убѣгаютъ цѣлыми сотнями, дѣлаясь опять умейдварами и предпочитая шаткость жизни лаццарони опасностямъ войны. Выборъ рекрутъ не менѣе важенъ относительно воинскихъ качествъ сипая: опытъ доказалъ, что эти качества почти неизмѣнно зависятъ отъ племени.

Слѣдуя Жапсичи, многіе увѣрили, что въ пѣхотной арміи компанейскаго войска находится не менѣе 30,000 Раджпутовъ, и что вся кавалерія состоитъ изъ мусульманъ. Показаніе это невярно. Раджпуты и мусульмане чистой крови служатъ въ одной пререгулярной кавалеріи и въ контингентахъ, находящихся вѣхъ арміи. Регулярная кавалерія состоитъ, конечно, тоже изъ магометанъ, но это потомки Индусовъ, обращенныхъ въ Исламизмъ, которые типомъ и чертами ни сколько не измѣнили своимъ предкамъ. Пѣхота состоитъ вся изъ Индусовъ, и въ ней на каждый полкъ придется не болѣе тридцати человекъ Раджпутовъ, Гурковъ и другихъ храбрыхъ горцевъ Гималайской полосы. Мусульмане чистой крови, потомки Афгановъ, Персовъ, Арабовъ и Монголовъ, чрезвычайно рѣдки въ англійскомъ войскѣ: они предпочитаютъ служить владѣтелямъ своей вѣры, даже за меньшую плату. Слѣдовательно, изъ ста сипаевъ девяносто шесть принадлежатъ къ Индусамъ, а мы знаемъ, что это за народъ.

Читателю извѣстно, что во всей природѣ Индусовъ, въ ихъ пріемахъ и рѣчахъ, есть какая-то робость и расслабленность, поражающія съ перваго взгляда. Умѣренность Индусовъ въ пище изумительна. За-то, живя въ расслабляющемъ климатѣ, они

(*) Племя это имѣетъ очень много общаго съ цыганами, которые, вѣроятно, могутъ считаться потомками его. Женщины бривжаріевъ также торгуютъ собою, старухи воровать, а мужчины, кромѣ закупокъ хлѣба, занимаются мелочнымъ торгашествомъ.

невоздержно предаются чувственнымъ наслажденіямъ: отсюда эта передача, отъ одного поколѣнія къ другому, тѣна все болѣе и болѣе ослабляющагося. Недостатокъ силы вознаграждается у Индусовъ, однакожь, изумительною ловкостію, гибкостію членовъ и рѣдкою терпѣливостію. Въ случаѣ пужды, Индусъ дѣлаетъ иногда, пять и шесть дней сряду, переходы по пятидесяти англійскихъ миль въ день, несмотря на тягость ружья. — Ни сколько не отличаеся постояннымъ геройскимъ духомъ, онъ способенъ иногда, какъ все люди перваго сложенія, раздражаться до высочайшей степени, и во время такого прилива страсти, охотникъ будетъ преслѣдовать тигра съ яростію и терпѣніемъ, въ которыхъ никто не превзойдетъ его; а отрядъ спнаевъ кипитъ, какъ случилось это подъ Буртпуромъ, на батарее, которую Англичане четыре раза тщетно пытались брать, и возмечь ее. Но подобныя подвиги всегда только порожденія минуты; слѣдствія победы духа надъ тѣломъ, и составляютъ вспышку яркой противоположности съ вседневнымъ и постояннымъ проявленіемъ слабой природы запуганнаго Индуса. — Таковъ умейдваръ, прибывающій въ полкъ. Здѣсь онъ выучивается тайнъ европейской дисциплины, быстро постигаетъ ее, и недѣли черезъ четыре, чужіе другъ другу бродяги слились уже въ одну дружную массу, и составляютъ батальонъ спнаевъ. Читатель впереди готовъ рѣшить, что батальоны эти превосходно будутъ дѣйствовать противъ туземцевъ; но что противъ европейскихъ полковъ имъ не устоять, и исторія вполнѣ подтверждаетъ такое предположеніе. Спнаи дѣйствительно устрашаютъ своими масками и выучкою племена Инди, которыя, подобно имъ, робки но менѣе ихъ вооружены, не знаютъ дисциплины и не имѣю искусныхъ начальниковъ. Въ мелкихъ войнахъ съ туземцамъ въ погоняхъ за тойгами, спнаи превосходны. Въ мирное время употребляютъ на исправленіе всѣхъ обязанностей службы и это даетъ возможность сохранять англійскихъ солдатъ на день битвы. Спнаи — ноги арміи; Европейцы — руки, голова и сердце.

Спнаи до-того чувствуетъ превосходство силы Англичаппа, что даже вооруженный, онъ неохотно пойдетъ на безоружнаго. Иногда человекъ двадцать пять спнаевъ вооруженныхъ палками и ружьями, получаютъ приказаніе схватить одного пьянаго Европейца. Любопытно видѣть, какъ осторожно приближаются они къ нему, и цѣлый часъ выжидаютъ удобной минуты схватить шатающагося героя. Тотъ идетъ себѣ посреди ихъ, сваливая кулакомъ то одного, то другаго; но лишь-только онъ поскользнулся и упалъ; все, какъ львы, кидаются на него, сторицею

воздають ему за полученные удары, вяжутъ его и влекутъ съ триумфомъ, почти не вѣря своей смѣлости и удачѣ.—Между робкимъ и всегда трезвымъ Индусомъ и плотнымъ, часто пьянымъ Европейцемъ такъ мало общаго, что сипай никогда не сходятся съ европейскими солдатами. Притомъ и понятія ихъ обо всемъ различны. Встрѣтился-ли Англичанинъ съ сипаемъ у общественнаго колодезя и ударилъ его, въ видѣ дружеской ласки, по плечу: тотъ чувствуетъ себя не только измятымъ, но и обезцѣненнымъ. Англичанинъ протянетъ руку для привѣтствія: сипай не можетъ принять ея, не осквернивъ себя. Англичанинъ непременно мигнетъ повстрѣчавшейся молодой женщиной; а это опять страшное оскорбленіе ся кастно-благородному мужу, отцу или брату.

Когда Англичане увѣряють, что сипайское войско можетъ быть сравнено съ европейскими арміями, они не заблуждаются сами (потому что давно убѣдились въ невыгодѣ этого сравненія), а просто вводятъ сознательно иностранцевъ въ заблужденіе. Въ глазахъ европейскаго офицера сипай будетъ драться, чтобы попасть въ *панки*, панкъ, чтобы сдѣлаться *джеммадаромъ* (прапорщикомъ), джеммадаръ, чтобы выскочить въ *субадары* (поручики), но не будь офицера, и туземецъ тотчасъ бросаетъ ружье, и ввѣряется быстротѣ своихъ ногъ. Сипай еще выдержитъ иногда осаду или перестрѣлку, но передъ рядомъ европейскихъ штыковъ ему нѣтъ никакой возможности не убѣжать: такъ ноги и поднимаются. Онъ боится рукопашнаго боя, какъ огня. Въ доказательство приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1807 году генералъ Кредокъ приказалъ сипаямъ, поселеннымъ около города Веллора, брить бороды, носить новой формы чалмы, а во время ученія надѣвать сережки и другихъ отличительныхъ знаковъ касты. По изданіи этого приказа, вспыхнулъ бунтъ. Въ одну ночь были перерезаны почти все Европейцы, за исключеніемъ 27 человекъ. Эта горсть людей защищалась на открытой съ двухъ сторонъ платформѣ, въ продолженіе тридцати часовъ, противъ 1800 сипаевъ, покуда не подошелъ на выручку отрядъ европейской кавалеріи.

Въ 1809 году взбунтовалась противъ мѣстнаго начальства вся мадрасская армія, подъ предводительствомъ своихъ англійскихъ офицеровъ; въ главѣ бунта стояли нѣсколько опытныхъ полководцевъ, слѣдовательно сипайское войско пользовалось всеми преимуществами европейской дисциплины и организаціи. Тѣмъ не менше, губернаторъ президенства разбилъ и разсталъ въ нѣсколько недѣль всю армію, опираясь единственно на пять тысячъ человекъ королевскихъ солдатъ, разсыпанныхъ по всему президенству.

Въ афганской войнѣ сипай выказался весь. Въ послѣднее время, предшествовавшее общему возстанію, компанейское войско сражалось въ двадцати трехъ мѣстахъ противъ необученнаго, но храбраго непріятели, вооруженнаго только саблями и изрѣдка винтовками. Въ шести сраженіяхъ передовая колонна состояла изъ Европейцевъ, и все шесть разъ побѣда осталась за компанейскимъ войскомъ. Въ семнадцати сраженіяхъ сипай дрался одинъ, и все семнадцать

разъ были разбиты. Панический страхъ разгонялъ цѣлыя полки; европейскіе офицеры умирали при знаменахъ; изрубленные на куски, а сипаи садились около большихъ дорогъ, поручали жизнь свою Брамъ, и недвижимо ждали смерти или рабства.

Англичане до того убѣждены въ ненадежности сипаевъ, что во время всякой войны число столь дорого стоящихъ Европейцевъ увеличивается. Скажемъ болѣе: во время сраженія первый рядъ сипайской колонны наполняютъ часто Европейцами, и только эта передняя стѣна Англичанъ увлекаетъ сипаю въ огонь. А то случается нерѣдко, что англійскій офицеръ, устремившись впередъ противъ непріятеля, оглянется назадъ и не увидитъ за собою ни одного сипаю. Неудивительно, что при такой осторожности бывають иногда баснословные случаи. Вотъ, напримѣръ, реляція о 9-мъ сипайскомъ полкѣ: «Сражавшихся: 800; убито: одинъ англійскій офицеръ, ни одного сипаю; ранено: никого!» Иногда сипаи и не отстають отъ своего офицера; но въ такомъ случаѣ всегда подмѣшивается чуждая мысль, что авось тотъ защититъ ихъ, и найдетъ какой-нибудь секретъ для избавленія ихъ отъ бѣды.

Часто приписывали къ чести сипаевъ знаменитую защиту Аркота Клейвомъ противъ Дюпле, и удивлялись особенно слѣдующему подвигу: когда у осажденныхъ осталось лишь нѣсколько мѣръ риса, сипаи предложили уступить его весь Европейцамъ, а сами рѣшились довольствоваться одной водою, въ которой онъ варился. Это точно примѣръ великаго самоотверженія, но не доказываетъ-ли онъ, лучше всякихъ аргументовъ, что воздержные сипаи были глубоко убѣждены, что вся ихъ надежда на однихъ Европейцевъ?

Кавалерія раздѣляется на королевскую и компанейскую; послѣдняя на регулярную и пререгулярную. Всякій англійскій про-столюдинъ, взятый отдѣльно, весьма-посредственный всадникъ, и англійскій кавалерійскій полкъ беретъ развѣ только своею массою и дружнымъ дѣйствіемъ. Туземцы, напротивъ, настоящіе кентавры: каждый компанейскій кавалеристъ превосходный всадникъ, и одинъ на одинъ непремѣнно одолѣетъ Англичанина. Но европейская дисциплина стѣсняетъ этихъ Азіятцевъ: она несогласна съ ихъ привычками, и вмѣсто помощи, ослабляетъ ихъ. Только поэтому регулярная компанейская кавалерія не очень хороша. Нѣкто полковникъ Скипперъ понялъ это неудобство; по его настоянію, часть пререгулярной конницы получила особенное образованіе, и приняла въ-послѣдствіи названіе своего учредителя, Skinnerhorses. Этими скипперцамъ предоставлено много

свободы: всякій изъ нихъ можетъ одѣваться по своему вкусу; въ начальники назначаются, кромѣ немногихъ Англичанъ, мусульмане лучшихъ родовъ; всякая лишняя регулярность у нихъ отмѣнена, а жалованье назначено очень-значительное. Скинперцы составляютъ лучшую часть кавалеріи, и оказали чудеса храбрости противъ Мараттовъ, Пиндаріевъ и Афгановъ. Ихъ считается восемь полковъ, числомъ около 5000 человекъ. Регулярная кавалерія влечетъ за собою огромный обозъ. Ко всякой лошади, кромѣ всадника, приставлены еще два конюха: одинъ изъ нихъ чиститъ, сѣдлаетъ коня и отвариваетъ для него *кулонъ* (родъ чечевицы); другой запасаетъ сѣно. Всадникъ и оба конюха обыкновенно женаты.

Конная артиллерія англо-индійскаго войска превосходна. Можно сказать, что она всего болѣе содѣйствовала къ завоеванію Индіи. Замѣчательно, однако-же, что Англичане, употребляя туземцевъ въ артиллерійскую службу, не посвящаютъ ихъ во всѣ правила стрѣльбы. Индусамъ не сообщается, напримѣръ, отношенія наклонности пушки къ отдаленности цѣли. — Пѣшая артиллерія чрезвычайно неудобна и почти бесполезна. Подъ всякую пушку запрягаютъ отъ шести до четырнадцати воловъ, которыми управляютъ ласкары, дергая ихъ за хвостъ, то вправо, то влево.

О военномъ флотѣ Компаніи не стоитъ почти и говорить. Бомбейское Президентство имѣетъ только одинъ фрегатъ, съ десяткомъ корветовъ и вооруженныхъ бриговъ, да нѣсколько транспортовъ. Въ Бенгаліи около дюжины бриговъ, дѣятельно прохаживающихся по Углю, между Калькуттой и моремъ. Въ Мадрасъ нѣтъ никакого флота. Въ последнее время правительство стало заводить пароходы: въ Калькуттѣ, кромѣ купеческихъ, въ 1843 году ихъ было двѣнадцать, въ Бомбей шесть, а на Спидъ четыре.

Скажемъ наконецъ о *контингентахъ*. Контингенты содержатся на счетъ союзнаго государства, по суммы, потребныя на ихъ содержаніе, препровождаются туземнымъ правительствомъ къ англійскому резиденту, и тотъ уже раздаетъ отъ себя жалованье и дѣлаетъ всѣ нужныя распоряженія. Въ мирное время контингентъ бываетъ разсыянъ по всѣмъ провинціямъ союзной страны, занимаетъ гарнизоны, и исправляетъ всѣ обязанности внутренней стражи, между-тѣмъ какъ около самой столицы туземнаго владѣтеля находится полная дивизія англо-индійскаго войска. Въ военное время контингентъ долженъ слѣдовать за компанейскою арміею, куда прикажетъ генералъ-губернаторъ. — Какой именно контингентъ обязано ставить каждое изъ союз-

ныхъ государствъ, мы увидимъ ниже; здѣсь сообщимъ только, что число этихъ войскъ простирается отъ 110 до 140 тысячъ. Чтобы получить ясное понятіе о нихъ, бросимъ взглядъ на контингентъ гайдерабадскаго низама. Этотъ владѣтель обязанъ содержать двѣнадцать тысячъ человекъ, изъ которыхъ 3300 находятся постоянно въ Боларумъ.

Боларумское военное поселеніе расположено въ прекрасной долинѣ, и выстроено въ видѣ треугольника, основаніемъ которому служить длинный, тѣсный базаръ. На противоположномъ углу отъ базара находится европейскій кварталъ, состоящій слишкомъ изъ тридцати строеній, называемыхъ *бонгало*. Первоначальный типъ бонгало—это палатка, окруженная постройкой, наружныя стѣны которой биваются изъ досокъ или глинны, кровля изъ камыша, а полотно палатки прикрываетъ внутренность стѣнъ, вмѣсто обоевъ. Типъ этотъ встрѣчается во многихъ главныхъ квартирахъ синайскихъ дивизій, но въ Боларумъ онъ уже совершенно исчезъ. Тутъ такъ-называемые бонгало—настоящіе римскія виллы, изящнѣйшаго стиля, окруженныя колоннадами, надъ которыми возвышаются террасы. Во внутренности ихъ вы находите весь комфортъ, всю роскошь англійскаго дворца. Бонгало раскинуты на большомъ пространствѣ. Между ними тянутся «линии» контингента, состоящія изъ трехъ тысячъ хатъ, которыя имѣютъ форму палатокъ: цыновки, натянутыя на деревянные бруски, служатъ имъ стѣнами. Весь лагерь дѣлится прекрасными шоссе на кварталы, окруженные каждый канавой. Всякій рядовой имѣетъ свою хату; мебели въ ней немного: стѣла натянутая на раму и служащая кроватью для солдата,—въ углу необходимая хука,—далѣе мыльный сосудъ для омовеній, висящее рѣшето, въ которомъ хранится платье, да три или четыре глиняныхъ горшка для стражи: вотъ и все.

Въ полкахъ контингента находится всегда, какъ и въ нерегулярныхъ компанейскихъ, пять человекъ Англичанъ, берущихся изъ компанейскаго войска. Полковой командиръ (изъ капитановъ) получаетъ по этой должности 30,000 рублей, товарищъ его 20, а остальные два офицера и медикъ по 15,000 руб. асс. въ годъ. Сверхъ-того каждый изъ нихъ имѣетъ еще какую-нибудь должность, иногда не одну, и получаетъ за нее хорошій окладъ. Солдаты боларумскаго контингента, называющагося низамскимъ, слѣпо преданы «рукъ, питающей ихъ», т. е. Англичанамъ, и по приказанію резидента, не усомнились-бы разстрѣлять низама, котораго они, впрочемъ, никогда и не видѣли, потому что онъ почти не выходитъ изъ своего дворца, гдѣ подъ именемъ короля ведетъ жизнь узника.

Но близъ столицы союзнаго государства находится всегда только главная квартира четвертой или меньшей части контингента: три четверти его разбросаны во внутренности провинцій и стоятъ по-батальонно. Судьба офицеровъ на этихъ отдѣльных постахъ обыкновенно очень печальна. Эти четверо или пятеро молодыхъ людей, изъ которыхъ каждый получаетъ огромное содержаніе, должны довольствоваться своимъ тѣснымъ кружкомъ. На сто верстъ въ окрестности не къ кому поѣхать въ гости, не съ кѣмъ молвить слова. Около нихъ одни подчиненные и работающій народъ. Они выписываютъ книги и журналы, но вѣчно читать нельзя, о читанномъ не съ кѣмъ переговорить;

наконецъ одинъ видъ книгъ становится невыносимымъ и молодыми людьми овладѣваетъ англійскій спящій. Чѣмъ-же займутся наши несчастные богачи?— Съ утра до вечера они будутъ лежать на диванѣ и раскуривать хуку. Въ жаркомъ климатѣ соединеніе этихъ двухъ занятій прекрасно располагаетъ ко сну. Въ промежуткахъ между сномъ иные будутъ держать въ рукахъ газеты или новые романы,—другіе, болѣе-откровенные, станутъ отгонять безсонницу громомъ. Вечеромъ они пройдутся верхомъ, потомъ каждый пообѣдаетъ за тропхъ, а потомъ, послѣ ирриличнаго застѣванія за хукой и громомъ, все лягутъ спать. Это обыкновенный порядокъ дня. Но замѣтите, что эти молодые лѣнныцы находятся посреди обнищалаго и испорченнаго общества, которое готово обоготворять ихъ пороки. Индійскія матери приведутъ къ нимъ своихъ дочерей, и почтутъ за честь для себя продать имъ первыя ласки двѣнадцати и тринадцатилѣтнихъ дѣвушекъ, — а офицеръ съ удовольствіемъ отдастъ горсть денегъ, чтобы хоть на минуту разсѣять спящій. Мало-по-малу около него образуется цѣлый гаремъ, и вскорѣ кругомъ каждого бонгало играетъ толпа гафкастовъ, отъ разныхъ матерей. Но несмотря ни на вино, ни на опиумъ, скука снова появляется,—деньги расходятся на содержаніе многихъ семействъ, и офицеръ старѣетъ, проклиная всякій день свою слабость, и погрязая въ ней все болѣе и болѣе. Такова судьба трехъ четвертей компанейскихъ офицеровъ, служащихъ въ туземныхъ контингентахъ. — Дорого-же обходится Индусамъ обязанность поддерживать не довольство, а смертельную скуку этихъ господъ!

ОБЩЕСТВО ЕВРОПЕЙЦЕВЪ. — Вообще, скука и монотонность составляютъ отличительный характеръ жизни Европейцевъ, переселившихся въ Индію. Все они привѣзжаютъ сюда и остаются на нѣсколько лѣтъ съ одною цѣлію нажить и разбогатѣть при помощи милостивой судьбы и собственнаго умѣнья. Благосклонность первой выражается въ огромныхъ жалованьяхъ и въ присвоеніи одному лицу нѣсколькихъ должностей вдругъ, которыя оно, при всей благонамѣренности, разумѣется, не въ состояніи исполнять добросовѣстно; а второе практически доказывается изстаривающимися повѣрьемъ, что Индія полна европейскихъ дядюшекъ-милліонеровъ. И это повѣрье очень понятно, потому что здѣшнее европейское населеніе состоитъ почти исключительно изъ людей военныхъ, административныхъ и купцовъ,—и неслужащихъ Европейцевъ въ Индіи ни за что не спустится ниже занятій торговлею или плантаціями. Вы не найдете здѣсь ни европейскаго земледѣльца, ни ремесленника, потому что произведенія почвы и ремесла

стоятъ въ такой низкой цѣнѣ, что только одинъ до невѣроятности трудолюбивый и воздержный Индусъ можетъ существовать, занимаясь ими. Во всѣхъ большихъ, особенно приморскихъ городахъ вы встрѣтите дворцы такъ-называемыхъ князей купечества, т. е. англійскихъ банкировъ и купцовъ, корабли которыхъ привозятъ изъ Португаліи и Испаніи вина и звонкую монету; изъ Франціи вина и водки; изъ Англіи пиво, эль, шерстяныя и бумажныя ткани, стеклянную и фаянсовую посуду. Изъ Индіи негоціанты отправляютъ шолкъ, шолоковыя матеріи, селитру, лакъ, въ-особенности-же опиумъ и индиго. Плантаторы послѣдняго находятся преимущественно около Калькутты, Бенареса и Агры. Въ нижней Бенгаліи есть огромныя плантаціи, стоящія отъ 200 до 300 тысячъ рупій и принадлежащія англійскимъ афферистамъ. Эти господа или разоряются или дѣлаются милліонерами въ нѣсколько лѣтъ, и въ обоихъ случаяхъ сѣшать на родину,—одинъ, чтобы наслаждаться пріобрѣтеннымъ золотомъ, другіе, чтобы въ своей общинѣ, въ силу таксы о бѣдныхъ, найти убѣжище отъ нужды. Въ сѣверо-западныхъ областяхъ плантаціи гораздо-меньшаго размѣра: онѣ цѣнятся обыкновенно отъ 30 до 40 тысячъ рупій, и болѣею частию находятся въ рукахъ французскихъ промышленниковъ. Во всемъ Индустанѣ плантаторовъ считаютъ до 13,000 человекъ. Нажившись и уѣзжая или спѣша уѣхать, всякій продаетъ свою плантацію новоприбывшему искателю счастья. Это, впрочемъ, исторія всѣхъ Европейцевъ въ Индіи: и офицеръ, и чиновникъ, не исключая самыхъ высшихъ сановниковъ,—и купецъ, и плантаторъ, все пріѣзжаютъ съ пустыми карманами, занимаютъ вакансіи послѣ разбогатѣвшихъ предшественниковъ, богатыютъ сами, уѣзжаютъ и замѣняются новыми прішельцами.

Послушайте, однако, разговоръ Англичанъ: всегда одно и то-же; всегда жалобы на дурныя годы и сожалѣніе о славномъ старомъ времени, когда дерево рупій (любимое выраженіе, обратившееся въ терминъ) росло не по днямъ, а по часамъ. Если послушать англійскихъ генераловъ и банкировъ, подумаешь, что имъ нечѣмъ жить. Но что значитъ жить, по ихъ понятіямъ? Жить,—это значитъ имѣть верховыхъ лошадей, экипажи, прекрасный домъ, индійскихъ любовницъ, толпу слугъ, возможность пить въ изобиліи вино и пиво (послѣднее изъ уваженія къ родинѣ) и не знать никакой воды кромѣ зелцерской. Каждый Англичанинъ, прибывшій въ Индію, полагаетъ, что онъ сдѣлалъ огромное пожертвованіе, и имѣетъ полное право требовать необыкновенныхъ вознагражденій. Нигдѣ Англичане не имѣютъ такихъ

притязаній на скорое разбогатѣніе, какъ въ Индіи. Бѣльшеею частію они и достигаютъ своей цѣли, и возвращаются на родину капиталистами, но вмѣстѣ съ деньгами обыкновенно привозятъ болное тѣло, разслабленное не столько климатомъ Индіи, сколько совершенною невоздержностію. Въ продолженіе своего пребыванія въ Индіи, они, можно сказать, изыскиваютъ всѣ средства, чтобы разстроить свое здоровье. Поэтому и смертность Англичанъ въ Индіи, особенно молодыхъ, очень значительна.

Всѣ эти люди, наживающіе чужія деньги и проживающіе свои жизненные силы, ведутъ въ Индіи самый непривлекательный образъ жизни, въ которомъ къ англійской чопорности, жеманности, примѣшиваются еще раннее разочарованіе, пресыщеніе и вѣчная скука, такая, что у насъ недостаетъ силъ и говорить о ней.

А женщины? спроситъ читатель.— Не угодно-ли, вмѣсто отвѣта, выслушать исторію Англичанки, занесенной въ Индію, исторію жалкую, смѣшную, но справедливую. Въ какомъ-нибудь лондонскомъ пансіонѣ подрастаетъ молодая дѣвушка, безъ приданого, безъ связей, безъ красоты, слѣдовательно, безъ всякой надежды на партію. Къ счастью, въ Калькуттѣ или Мадрасѣ отыскивается какая-нибудь тетка или пріятельница покойной матери, и молодую дѣвушку, полную здоровья, отправляютъ изъ пансіона прямо въ Индію, чтобы добыть мужа. Тутъ Европейки рѣдки, и всякую новоприбывшую берутъ на-расхватъ. Въ первый двѣ недѣли уже нѣсколько джентельменовъ просятъ руки молодой миссъ. Около нея увиваются купцы и чиновники, старые генералы съ желтыми какъ пергаментъ лицами и подагрой, и молодые прапорщики, не успѣвшіе еще загорѣть. Всѣ они повторяютъ ей, что она ангелъ доброты и совершенство красоты и ума. Недолго вскружится слабой головою пансіонерки. Благоразумная тетка учитъ ее между-тѣмъ, съ кѣмъ танцовать и кому отказывать,—высчитываетъ, что этотъ получаетъ столько-то жалованья, а этотъ-то столько-то,—и что надобно заботиться о «необходимомъ» въ жизни. На основаніи желанія имѣть это «необходимое» миссъ говляется за старымъ, больнымъ генераломъ, и отвергаетъ нѣсколько очень-выгодныхъ предложеній, о какихъ въ Англіи ей и во снѣ не пригрезилось-бы. Это продолжается годъ, два, и тогда остается одно изъ двухъ: или дѣвушка выходитъ за старика, и въ такомъ случаѣ, обыкновенно черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возникаютъ разные странные слухи про молодыхъ адъютантовъ, или не выходитъ ни за кого. Въ последнемъ случаѣ, раздосадованная неудачею, дѣвушка (уже приближающаяся къ зрѣлости) желтѣетъ, сохнетъ, путешествуетъ изъ одного города

въ другой за жѣнхами, и наконецъ, кончасть исторією Крыловской пѣвѣсты, выходитъ за устарѣлаго поручика, потерявшаго надежду понасть въ капитаны и возвратиться въ Англію. Бѣдникъ, перпортившій собственною безпечностію и слабостію характера свое существованіе, хочетъ сдѣлаться, по-крайней-мѣрѣ, «супругомъ соотечественницы,» и для этого разстается съ своимъ индійскимъ гаремомъ, и отсыластъ куда-нибудь, подальше отъ глазъ молодой жены, пять или шесть мулатскихъ ребятшекъ, живыя доказательства прежнихъ грѣховъ. Но надежды обрѣсти желанный покой обманываютъ Англичанна. Соотечественница канризничаетъ,—лѣта ея между-тѣмъ уходятъ—она хочетъ жить не по состоянію, разоряетъ мужа, и жизнь ихъ дѣлается похожею на постоянный и очень-дорогой карантинъ...

Независимо отъ массъ Европейцевъ, идущихъ по описаннымъ нами тремъ главнымъ поприщамъ, въ приморскихъ городахъ найдется нѣсколько журналистовъ, которыхъ дѣла идутъ довольно-порядно; а въ горахъ и лѣсахъ полуострова попадаются смѣльчаки, удалившіеся къ полудикимъ племенамъ центральной Индіи, и проживающіе десятки лѣтъ между Билами, Гондами и другими. Это пионеры, подготовляющіе англійское вліяніе, то по собственному побужденію, то по порученію правительства.

Мы видѣли, что Европейцы не сливаются съ побужденными ими народами. Быть Европейцемъ значитъ быть членомъ аристократіи, и аристократіи недоступной никакому достоинству человека посторонняго. Исключительность эта простирается не только на чужихъ по крови, но и на родныхъ дѣтей. Такъ-называемые *гафкасты* (*halfcast*, полукастный), т. е. люди, происходящіе отъ смѣси европейскихъ завоевателей съ туземками, съ самаго рожденія своего обречены на безпрестанныя униженія. Различіе цвѣта кожи никогда не прощается этимъ несчастнымъ, число которыхъ простирается до 40,000. Никакое отличіе, ни умственное ни нравственное, не смываетъ съ нихъ мнимаго пятна. Гафкасты допускаются къ второстепеннымъ должностямъ по военному и гражданскому управленію, но общество Европейцевъ для нихъ закрыто. Отверженные и Англичанами и Индусами, они наследуютъ пороки обоихъ племенъ: говоря вообще, они соединяютъ въ себѣ все, сладострастіе матерей и всю любовь къ пьянству отцовъ, и это пагубное соединеніе доводитъ большинство ихъ до безвозпроизведенія и преждевременной смерти. Самая жалкая участь постигаетъ гафкастовъ, воспитанныхъ въ Англіи. Они возвращаются въ Индію съ прекрасными познаніями, часто пользуются независимымъ состояніемъ, но

кроме презрѣнія, холодности и общаго отверженія не находятъ ничего. Они проклипаютъ свое рожденіе, свое образованіе, проклипаютъ развратъ и эгоизмъ своихъ отцовъ, и ищутъ само-забвенія въ новомъ развратѣ.

Потомство гафкастовъ сливается съ топасами: это мулаты и метисы всѣхъ возможныхъ отъѣнковъ, происходящіе отъ Голландцевъ, Французовъ и преимущественно Португальцевъ. Топасовъ считается до 800,000. Они частью католики, частью держатся туземныхъ вѣроисповѣданій. Несмотря на свою круглую шляпу, они не имѣютъ ничего общаго съ Европейцами, и въ правахъ своихъ уравниены съ туземцами.

И такъ, тысячъ шесть генераловъ и офицеровъ, тысячи полторы гражданскихъ сановниковъ и чиновниковъ, civilians, да тысячъ тринадцать купцовъ и плантаторовъ, и того тысячъ двадцать съ небольшимъ Европейцевъ, — вотъ тѣ люди, обогащаютъ которыхъ есть главное назначеніе огромной имперіи, называемой Англійскою Индіею. Сверхъ-того, имперія эта обезпечиваетъ вѣрную уплату дивиденда по 6,000 акціямъ Ост-Индской Компаніи, и кстати даетъ огромное жалованіе слишкомъ сорока тысячамъ англійскихъ солдатъ. Средства, употребляемые для достиженія этого результата, слѣдующія: непомерные сборы съ 106 милліоновъ непосредственныхъ подданныхъ, поддержка туземнаго деспотизма надъ другими 53 милліонами Индусовъ и ежегодное отравленіе опиумомъ Китайцевъ. Займемся вторымъ изъ этихъ средствъ, т. е. политикою Англійской Компаніи въ отношеніи къ индійскимъ владѣтелямъ, не совершенно зависящимъ отъ нея.

СОЮЗНЫЯ И ВАССАЛЬНЫЯ ГОСУДАРСТВА. СУБСИДИАРНАЯ СИСТЕМА.

Кроме непосредственныхъ англійскихъ владѣній, въ Индіи находится въ настоящее время до двухъ-сотъ двадцати второстепенныхъ отдѣльныхъ владѣній (исчисляя множества мелкихъ), зависящихъ отъ Компаніи и платящихъ ей дань. Каждое сколько-нибудь значительное государство содержитъ двѣ арміи: субсидіарную и контингентъ, находящіеся подъ командою англійскихъ офицеровъ и въ распоряженіи мѣстнаго резидента. Незначительныя владѣнія платятъ просто денежную дань; или, если они бѣдны или еще мало доступны дѣйствию англійскихъ властей,

обязаны по договору, въ случаѣ войны, по требованію генералъ-губернатора; вооружиться поголовно. Туземные князья, частію царствующіе, частію отставные, по происхожденію и въроисповѣданію, распадаются на слѣдующіе разряды:

Мусульманскіе князья, монгольскаго рода: делійскій императоръ, аудскій пабавъ, гайдерабадскій низамъ, потомки Типпо-Саиба, пабабы Бенгаліи, Аркота, и др.

Афганскаго происхожденія: пабабы бопальскій, суратскій, мазулипатамскій, и др.

Абиссинскіе князья: пабавъ сутчинскій и спидія джипджераскій.

Индусскіе князья: пейшва, раджа джалинскій, гвиковаръ Бароды, магараджа-спидія, раджа Берара и прочіе мараттскіе владѣтели; раджи Удейпура, Саттары, Джейпура и другіе владѣтели Раджпутаны, Бондельконда, Малвы и Гуджерата; раджи бортпурскій, кочинскій, и т. д. — Всѣхъ князей индусскаго происхожденія перечислить невозможно. Скажемъ только, что между ними, кромѣ весьма большаго числа раджпутскихъ вождей и пятнадцати главныхъ мараттскихъ князей, находится девять владѣльцевъ изъ касты браминовъ и десять кшатрій.

Сѣйки: магараджа Лахора, независимые отъ него сирдары, раджи джипдскій, Патіалы, Сирмора, и т. д.

Благодаря субсидіарной системѣ, введенной Уеллесслемъ, вся эта пестрая толпа туземныхъ владѣтелей зависить, въ большей или меньшей мѣрѣ, отъ Компаніи. Чтобы удобнѣе опредѣлить степень зависимости каждаго князя, раздѣлимъ ихъ, слѣдуя Жансиппу, на четыре главныхъ политическихъ категорій, царствующія, и пятую, заключенную въ тюрьму.

Кто-бы подумалъ, что субсидіарная система есть порожденіе англійской законности? а между-тѣмъ это такъ. Извѣстно, что Англичане, мало заботясь о духѣ закона, рабы его буквы, и это рабство произвело субсидіарную систему. — Актъ 1784 года, запротившій всѣ дальнѣйшія завоеванія въ Индіи, далъ поводъ къ системѣ, помощію которой пріобрѣтаются сперва области, а потомъ и цѣлыя государства, безъ войны и на законномъ основаніи. Эта политика, начавшаяся съ конца прошедшаго столѣтія, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Англичане, громко отрекаясь отъ завоеваній, вездѣ стали предлагать только дружбу, союзъ и покровительство, и если предложенія ихъ принимались, они тотчасъ посылали резидента (посланника) въ столицу союзника, и, оставаясь до-времени совершенно довольными, терпѣливо ждали дальнѣйшихъ послѣдствій. Ожиданія ихъ, какъ можно себѣ вообразить, исполнялись всегда чуднымъ образомъ.

Пользуясь удобной минутой или слабостію характера и эгоизмомъ владѣльца, резидентъ убѣждаетъ его принять помощь англійскихъ войскъ противъ непокорности собственныхъ подданныхъ и вторженій сосѣдей. Владѣльцы, то принужденные обстоятельствами, то желая обезпечить свою личную выгоду, соглашаются на предложенія Англичанъ, и обязуются содержать субсидіарное войско и контингентъ. Заключается союзъ, и отнынѣ Англичане идутъ по-видимому рука объ руку съ туземнымъ владѣтелемъ. Изъ-подъ беззастѣнчиваго деспотизма правительства чисто-туземнаго, подданные союзника переходятъ подъ деспотизмъ еще болѣе наглый и поддерживаемый компанейскимъ войскомъ. За-то союзный владѣтель, изъ благодарности, отказывается отъ всякой политической самостоятельности: онъ обязывается не имѣть ни съ кѣмъ независимыхъ дипломатическихъ сношеній, и не вступать ни въ войну, ни въ переговоры безъ вѣдома резидента и совѣта (!) или разрѣшенія генералъ-губернатора. Между-тѣмъ Англичане увеличиваютъ субсидіарное войско, и съ возвышеніемъ расходовъ на его содержаніе увеличивается и притѣсненіе народа. Не будучи въ состояніи уплачивать въ срокъ выговоренныхъ суммъ, туземные правители уступаютъ Компаніи, въ обезпеченіе содержанія войскъ, или цѣлыя области (подобно тому, какъ были уступлены низамомъ ceded districts), или даютъ Англичанамъ право совместнаго финансоваго правленія (какъ случилось это въ Аудскомъ Набабствѣ); а извѣстно, что въ Индіи сборщикъ податей вмѣстѣ съ тѣмъ и полицейскій чиновникъ. Такимъ-образомъ, политическая, военная и административная власть переходитъ постепенно отъ туземнаго короля къ англійскому резиденту, и лишь одна судебная остается нераздѣльною въ рукахъ владѣтеля, который утробеннымъ деспотизмомъ вознаграждаетъ свое раздраженное самолюбіе за оскорбленія, претерпѣваемые имъ ежедневно отъ Англичанъ. По-мѣрѣ возвышенія вліянія резидента, власть короля падаетъ все ниже и ниже, и превращается наконецъ въ одну постыдную и чрезвычайно-невыгодную роль. Въ отношеніи къ Англичанамъ, туземный владѣлецъ становится просто сборщикомъ податей, а въ отношеніи къ своимъ подданнымъ, совершеннымъ палачѣмъ. Онъ долженъ изнурять народъ до нелзя, а все добытое золото относить въ казначейство Компаніи. Ей весь барышъ, ему весь позоръ и проклетіе народа. Утомленные этою ролью, туземные владѣтели сходятъ сами съ своихъ позорныхъ маснадовъ, или возмущаются, и тогда, какъ нарушители трактата, засаживаются въ крѣпости, а владѣнія

ихъ становятся безъ войны благопріобрѣтенными англійскими провинціями, и Компанія остается права передъ парламентомъ.

Мы видимъ, что ось, около которой обращается все--это резиденты. Лицо чисто-дипломатическое дѣлается сперва совѣтникомъ союзника, потомъ его господиномъ, а наконецъ безотчѣтнымъ повелителемъ. Резиденты получили въ Индіи такую непріятную знаменитость, что Ренджитъ-Сингъ, который не могъ отказаться отъ союза съ Англичанами, все-таки никогда не допускалъ англійскихъ резидентовъ въ свои владѣнія. Повѣренный англійскаго правительства долженъ былъ жить на лѣвомъ берегу Сетледжа, на англійской землѣ. Резидентъ, посланный по окончаніи послѣдней бирманской войны въ Аву, былъ тоже выгнанъ оттуда, и калькуттское правительство должно было замѣнить его простымъ консуломъ. После смерти Ренджитъ-Синга резиденты получили доступъ въ Лахоръ, и присутствіе ихъ начинаетъ уже дѣйствовать. При Ренджитъ-Сингѣ Лахоръ почитался совершенно независимымъ сосудаствомъ; теперь онъ спустился уже на первую степень зависимости.

Вся безправственность и возмутительность субсидіарной системы были пѣсколько разъ выставлены на видъ парламенту, но представленія эти не имѣли никакого дѣйствія, и прикрытое закономъ, ярмо Индіи растетъ, и резиденты съ величайшимъ усердіемъ и примѣрнымъ умѣишемъ исполняютъ всѣ виды правительства. Усердіе объясняется огромностію окладовъ; умѣние-же надобно приписать тому обстоятельству, что резиденты назначаются не по старшинству, а по личному выбору генералъ-губернатора. Они находятся въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ верховнымъ правительствомъ, и часто обязаны давать ему даже ежедневный отчетъ о всѣхъ случившихся происшествіяхъ, и доставлять подробѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ значительныхъ особахъ мѣстности. Чтобы дать понятіе о многосложности этой дипломатической переписки, стоитъ только замѣтить, что число сирдаровъ и мелкихъ сейкскихъ вождей, имѣющихъ своихъ полномочныхъ агентовъ при англійскомъ генералъ-резидентѣ въ Амбаль (*), не менѣе ста пятидесяти; главныхъ раджей и сирдаровъ въ Бонделькондѣ тридцать семь, въ Раджпутанѣ двадцать два, и т. д. Гдѣ-же такому множеству разнородныхъ азіатскихъ владѣтелей устоять противъ напора огромной имперіи, управляемой наиболѣе послѣдовательною націею

(*) Этотъ генералъ-резидентъ получаетъ жалованья 15,000 рупій въ мѣсяцъ, т. е. около 450,000 руб. асс. въ годъ. Блескъ и многочисленность его двора чрезвычайны.

Европы? Разсмотримъ-же тѣ пять ступеней, по которымъ размѣстились, подъ покровительствомъ Компаніи, нѣкогда независимые государи Индіи. Эти пять классовъ слѣдующіе:

1. Владѣльцы, зависящіе только въ отношеніи внешней политики, но независимые во внутреннемъ управленіи своего государства.

2. Владѣльцы, которыхъ государства управляются туземнымъ министромъ, назначеннымъ отъ генераль-губернатора и дѣйствующимъ подъ надзоромъ резидента.

3. Владѣльцы, которыхъ государства управляются отъ нихъ имени самими резидентами.

4. Князья, лишенные своихъ владѣній и всякой власти и получающіе пенсіоны, но сохраняющіе еще преимущества касты и сана. Съ ними обходятся со всѣми возможными церемоніями, требуемыми обычаями страны. Особа ихъ неприкосновенна и не подлежитъ суду. Но если они избавлены отъ строгости закона, то за-то лишены и его покровительства: надъ ними вѣчно виситъ мечъ политики. Свобода и пенсіоны этихъ отставленныхъ особъ зависятъ совершенно отъ произвола Компаніи.

5. Князья, низложенные и заключенные въ тюрьмы.

Главный въ первомъ классѣ, по числу подданныхъ и пространству владѣній, есть повелитель *Лахора*, магараджа Пенджаба. Его власть простирается на 4 милліона душъ; ежегоднаго дохода онъ получаетъ до 5,000,000 ф. стерл. Пока Ренджитъ-Сингъ былъ живъ, имперія его, сплоченная во-едино искуснымъ вождемъ, составляла достаточный оплотъ противъ вторженія Англичанъ, но по смерти его, внутренняя анархія потрясла государство, и теперь Пенджабу предстоитъ принять «покровительство» (!) Компаніи. — Независимые отъ магараджи, сѣйскіе вожди находятся тоже подъ ея покровительствомъ. Подвластное имъ населеніе составляетъ около трехъ милліоновъ жителей, а годовой доходъ около 550,000 ф. стерл. По требованію генераль-губернатора или его генераль-резидента, они должны выставить 25,000 человекъ контингента.

Всѣхъ независимые изъ индійскихъ владѣльцевъ магараджа Гурковъ, государь *Непаула*. Государство его дѣлится на девять областей, изъ которыхъ въ каждой держится множество раджей: напримѣръ, въ Гуркѣ 24, въ Шилѣ 22, и т. д. Несмотря на непрерывныя междоусобія раджей, напоминающія средніе вѣка Европы, эта мозаика мелкихъ индійскихъ рыцарей сплочена въ одну массу національною гордостію и духомъ независимости, свойственнымъ вообще обитателямъ Гималайской полосы. Дос-

тупъ въ эту страну сопряженъ съ трудомъ и вреденъ для здоровья. Послѣ неудачной попытки, въ 1814 и 1815 году, Англичане отказались, кажется, отъ насильственного завоеванія ея; они успѣли тогда только заключить съ Непалуомъ торговый договоръ, и втереть въ Катманду (столицу государства) своего резидента: будущее вперед. Народонаселеніе Непала простирается до 2 милл. душъ.—За-тѣмъ слѣдуетъ еще цѣлая толпа владѣльцевъ, платящихъ Компаніи дань, то людьми, то деньгами. Для краткости и болѣе ясной, мы представимъ въ таблицѣ всѣ относящіеся сюда показанія.

БАССАЛЬНЫЯ ГОСУДАРСТВА ПЕРВАГО КЛАССА.							
Годъ заключе- нія трактата.	НАЗВАНІЕ ГОСУДАРСТВЪ.	Пространство кв. милями.	Населеніе.	Доходъ.	Денежная дань.	Контин- гентъ.	
						Кон- ница.	Пѣхо- та.
1819	Кутпъ	7,395	542,000	фунт. 160,000	стерл. 8,000	Погол.	овно.
1818	Удейпуръ	11,784	неизв.	—	30,000		
1813	Бопаль	6,722	—	150,000	16,000	600	400
1817	Кота	4,388	150,400	—	12,000	—	—
1818	Пуртабгаръ	4,457	—	50,000	8,000	—	—
1818	Баунди	2,294	—	—	4,000	—	—
1803	Улваръ и Матшері	3,254	—	—	—	—	—
1818	Биканиръ	18,059	—	50,000	5,000	—	—
1818	Джейзулмиръ	9,779	—	—	—	—	—
1818	Кишенгаръ	724	—	—	—	Погол.	овно.
1818	Дунжерпуръ	2,004	—	24,500	—		
1818	Бансвара	4,440	—	30,000	3,000	—	—
1817	Кираули	4,878	—	—	—	—	—
1823	Сераунъ	3,024	—	50,000	—	—	—
1819	Даръ	4,465	58,000	65,400	—	—	—
1834	Долпуръ-Барі	4,625	—	59,500	—	—	—
1817	Джонкъ	4,403	—	—	—	—	—
1817	Серонжъ	264	—	—	—	—	—
1817	Нимбердъ	269	—	—	—	—	—
1812	Рева	10,340	—	200,000	10,000	500	4,200
1812	Адживуръ	—	—	30,000	4,500	—	400
1804	Джанзи	—	—	—	—	—	—
1804	Тери	—	—	—	—	—	—
1804	Джалунъ	—	—	—	—	—	—
1804	Чуттерпуръ	49,918	4,578,400	838,450	—	—	—
1804	Дусра	—	—	—	—	—	—
1804	Беджавиръ	—	—	—	—	—	—
1804	Чеккарі	—	—	—	—	—	—
1804	Панна	—	—	—	—	—	—
1824	Маннипуръ	6,200	50,000	—	—	—	—
1824	Жпизъ	3,455	27,000	—	4,000	—	—
—	Сумбульпуръ и юго- восточныя области	—	—	20,000	5,000	—	—
—	Виссагиръ	—	—	4,500	—	—	—
—	Канаверъ	—	556,000	—	—	—	—
—	Кемаунъ	—	—	5,000	—	—	—
—	Горныя области	—	—	—	—	до	45,000

Ко второму классу принадлежать следующие владельцы: низамъ гайдерабадскій, магараджа Гвалиора, аудскій набабъ, гви-коваръ Бароды, раджи Берара, Коланура и Джейшура.

Мы видѣли, какъ, по трактату 1800 года, Англичане завладѣли важными провинціями *Голкондской Имперіи*, для обезпеченія содержанія субсидіарной арміи. На содержаніе контингента низамъ долженъ былъ, кромѣ-того, вносить ежегодно въ кассу резидента 300,000 ф. стерл. Въ 1812 году новый трактатъ прибавилъ къ прежнимъ 12,000 субсидіарнаго войска еще отрядъ изъ 3000, а контингентъ опредѣлилъ въ 12,000 человекъ. Низамъ, доведшій подданныхъ своихъ до послѣдней степени нищеты, долженъ былъ дѣлать займы, платя по 15 и 18 процентовъ. Наконецъ, въ 1843 году управлявшій государствомъ, по назначенію Англичанъ, министръ отказался отъ невозможной обязанности исполнять постоянно-возраставшія требованія Компаніи, а низамъ объявилъ, что онъ желаетъ сложить съ себя власть и удалиться съ своей частной казной. Англичане не приняли этого предложенія, и низамъ долженъ былъ остаться именнымъ правителемъ страны, а за недопмку во взносъ контингентныхъ денегъ у него отобрали и присоединили ко владѣніямъ Компаніи самыя лучшія провинціи.

За низамомъ слѣдуетъ главный мараттскій князь магараджа-синдія, государь Гвалиора. Независимость этого государства ппустила послѣдній вздохъ съ кончиною магараджи Дженкажи-Рао-Синдіи, умершаго въ 1843 году. Англійскій резидентъ выдалъ 12-ти-лѣтнюю вдову его за 9-ти-лѣтняго ребенка, котораго провозгласилъ магараджей, и назначилъ преданнаго себѣ министра. Но молодая ранія не захотѣла имѣть ни мужа-ребенка, ни чужаго министра, выбрала себѣ любовника и сдѣлала его министромъ. Резидентъ былъ тотчасъ отозванъ: онъ увелъ съ собою весь контингентъ, и воротившись черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, привелъ все въ прежній порядокъ. Ранія должна была выдать своего казжи (сердечнаго друга) Англичанамъ, и взять прежняго министра. Часть провинцій Гвалиора отойдетъ, вѣроятно, ко владѣніямъ Компаніи, если послѣдняя не предпочтетъ занять все государство, которое имѣетъ для нея особенную важность, потому что тутъ воздѣлывается лучший опиумъ Малвы, соперничающій съ компанейскимъ. По позднѣйшимъ извѣстіямъ, ранія была заключена въ манарскую крѣпость.

Набабъ аудскій считается однимъ изъ богатѣйшихъ владельцевъ Индіи, а народъ его однимъ изъ наиболѣе разоренныхъ. Частная казна его простирается, говорятъ, до 350 милліоновъ

рублей, и Англичане, не довольствуясь ежегодной, определенной данью, черпаютъ изъ нея неумолимо, опираясь на всевозможные поводы. Въ 1801 году набабъ былъ принужденъ уступить имъ часть владѣній, и заключить слѣдующій трактатъ :

«Ост-Индская Компанія гарантируетъ его свѣтлости набабу аудскому, за сдѣланную уступку, владѣнiе остальныхъ провинцiй, съ условiемъ *совмѣстнаго* управленiя. Его свѣтлость обязывается ввести у себя то управленiе, которое будетъ болѣе соответствовать нуждамъ и благоденствiю народа, о всѣхъ предметахъ управленiя спрашивать совѣтовъ резидента, и всегда слѣдовать этимъ совѣтамъ.»

Что можетъ быть яснѣе? — Англичане имѣютъ всю власть и получаютъ огромныя деньги; набабъ, лишенный власти, копнѣтъ подъ покровительствомъ Англичанъ тоже огромныя суммы, а народъ, о благоденствiи котораго говорятъ въ трактатахъ, находится на крайней степени нищеты. — Вотъ статистическiя данныя, относящiяся къ семи вассальнымъ государствамъ втораго разряда.

ВАССАЛЬНЫЯ ГОСУДАРСТВА ВТОРАГО КЛАССА.							
Годъ заключенiя трактата.	НАЗВАНiЕ ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ.	Пространство кв. мильми.	Народно- населенiе.	Доходъ.		ВОЙСКО.	
				фунт.	стерл.	Тузем- ное пр- регу- лярное.	Контин- гентъ.
1800 и 1843	Низамъ гайдерабадскiй, и субадаръ Декана. . .	108,80	42,000,000	3,000,000	500,000	—	42,000 контин- гента и 45,000 субсидiар- наго.
1837	Мага-раджа-синдiя, го- сударь Гвалiора . . .	32,944	4,000,000	1,500,000	102,419	20,000	2000 кон- ницы и пѣ- хоты, по востребо- ванiю.
1765 и 1801	Набавъ аудскiй. . . .	25,300	3,700,000	2,000,000	—	20,000 до 50,000	2,000
1780 и 1803	Гвiкваръ Бароды. . .	24,949	2,000,000	400,000	—	40,000	3,000
1816 и 1842	Раджа Берара	64,200	2,500,000	350,000	80,000	—	3,000
1827	— Коланпура. . . .	3,484	англiйскiе	гарниз. въ	главн.	город.	и дань.
1848	— Джейпура . . .	45,426	—	—	75,000	—	—

Владѣльцы *третьяго класса* лишены уже всякой власти и пользуются только самыми необходимыми суммами на содержа-нiе двора. На нѣкоторыхъ изъ нихъ возложена определенная дань; съ другихъ требуютъ людей и денегъ, по усмотрѣнiю. Вездѣ

англійскіе чиновники слѣдятъ за ходомъ сборовъ, и при первой наличности, отъ резидента поступаютъ разныя экстраординарныя требованія. Вотъ списокъ этихъ владѣльцевъ.

ВАССАЛЬНЫЯ ГОСУДАРСТВА ТРЕТЬЕГО КЛАССА.					
Годъ заключенія тракта.	НАЗВАНІЕ ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ.	Пространство кв. милям.	Населеніе.	Ординарная дань.	Контингентъ
				фунт. стерл.	
1799	Раджа Майссора .	29,750	3,500,000	280,000	1,000
1819	— Саттары .	7,943	1,506,000	скольکو потребуютъ.	4,500
1788	{ Траваннора и Кочина .	11,573	4,000,000	90,000	поголовно.
1790		4,987		28,000	
1838	— Джудпура . (раджпутъ)	34,154	—	10,000	4,500
—	— Буртпура .	4,945	—	—	поголовно.
—	— Савунтвари .	954	—	—	
1818	— Голкара .	11,245	—	—	3,600

Окончивъ обзоръ этихъ трехъ разрядовъ, дадимъ себѣ отчетъ въ его результатахъ.

Самое важное вассальное государство Монгольской Имперіи было некогда Голкондское, но власть низама упала теперь до такой степени, что въ 1843 году этотъ повелитель 12,000,000 подданныхъ подавалъ въ отставку. — Въ прошломъ столѣтіи и до самаго 1818 года, главными защитниками Индіи были Маратты: теперь потомки могущественныхъ вождей Спиди и Голкара, а равно и раджа берарскій, доведены до крайняго безсилія. — Раджпутана славилась издревле воинственностію своихъ народовъ: три главные властители Раджпутовъ, раджи Удейпура, Джейпура и Джудпура, представлявшіе прежде до 60,000 прекрасной кавалеріи, приняли теперь каждый одинъ изъ трехъ разрядовъ подданства. — Театръ, прославленный дѣяніями Гайдера-Али и Типпо-Сауба, уже сорокъ шесть лѣтъ въ безпрекословномъ распоряженіи Англичанъ. — Набабъ аудскій — давно уже театральный царь, безъ всякой самостоятельности. Словомъ: власть Англичанъ проникла повсюду, какъ вода просасывается сквозь непрочную плотину, — и скоро, можетъ-быть очень скоро, всѣ эти безсвязныя развалины старинны обрушатся окончательно, и англійское господство превратитъ весь Индустанъ въ одну имперію, какъ рѣка покрываетъ гладкимъ зеркаломъ воды всѣ неровности почвы, въ которую ей удалось прорваться. Изъ числа значительныхъ государствъ, Пенджабъ, Голконда и Гваліоръ, имѣющіе вмѣстѣ 20,000,000 жителей, сдаются, вѣроятно, вскорѣ добычей Англичанъ. Всего отдаленнѣе, по разсѣтамъ вѣроятности, паденіе гористаго Непаула, защищеннаго и воинственностію жителей, и географическимъ положеніемъ своимъ: область эта не окружена владѣніями Компаніи, а граничить съ ними только съ трехъ сторонъ; четвертая остается свободною и прислоняется къ Гималаю.

Въ четвертомъ классѣ, въ числѣ особъ, сверженныхъ съ престоловъ, мы находимъ потомковъ знаменитѣйшихъ государей

Индій, при предкахъ которыхъ поименованные нами владѣтели, царствующіе теперь еще по волѣ Англичанъ, были простыми слугами. Такимъ-образомъ, низамъ былъ только намѣстникомъ великаго могола, а сидія носилъ туфли пейшвы. Въ главѣ этой толпы царственныхъ пенсіонеровъ выступаетъ подавленный тяжестію титуловъ и воспоминаній, потомокъ Тимура и Чингиса, шахъ-ин-шахъ (царь царей), котораго знамя развѣвается еще надъ дѣйскимъ дворцомъ; но онъ упалъ ниже послѣдняго изъ своихъ «рабовъ», и скудною рукою удѣляютъ ему милостыню. Наслѣдовавъ власть великаго могола, Компанія окружаетъ его, изъ видовъ политики, притворнымъ уваженіемъ, и суди по дипломатическимъ формамъ, подумавъ, что великій моголъ до-сихъ-поръ повелитель Индустана, а Компанія пользуется лишь помощіемъ его. Такъ, резидентъ при дѣйскомъ дворѣ обязанъ исполнять въ сношеніяхъ съ дурбаромъ (совѣтомъ императора) всѣ унизительныя формы, предписываемыя индійскимъ этикетомъ низшему. Всѣ просьбы императора съ виду кажутся повелѣніями; всѣ приказанія резидента представляются въ видѣ просьбъ. Но мало-по-малу эти формы отминаяются, и въ повѣйшее время, имя королевы Викторіи замѣнило имя потомка Бабера на монетахъ, выбитыхъ по приказанію калькутскаго начальства Сверва сверженному монарху, для покрытія издержекъ по содержанію двора, отдали въ непосредственное управленіе значительную провинцію; но потомъ удѣлъ этотъ поступилъ въ управленіе англійскихъ чиновниковъ, и царю царей стали выдавать только малую часть доходовъ съ него. Наконецъ, не имѣя чѣмъ жить, моголъ долженъ былъ посылать на базаръ продавать рукодѣлія царей и князей, и былъ вынужденъ послать извѣстнаго Рамъ-Могунъ-Роя съ жалобами въ Лондонъ. Вслѣдствіе этого посольства, ему назначили пенсію, около 3,750,000 руб. асс. въ годъ.

За великимъ моголомъ слѣдуетъ набабъ Бенгаліи, резиденціей котораго былъ Муршедабадъ. Онъ окруженъ многочисленнымъ дворомъ; въ честь его рожденія, свадьбы и похоронъ, гремятъ пушки форта Уилліама; пенсія онъ получаетъ 18 лакъ рупій (около четырехъ съ половиной милліоновъ руб. асс.) (*). Набабъ Аркота живетъ на такомъ-же основаніи, какъ и бенгальскій, получая около 5 милл. руб. Раджа Танджора получаетъ до 3

(*) Молодой набабъ умеръ недавно, оставивъ на рукахъ Компаніи малолѣтняго ребенка. Компанія не упуститъ этого случая соблюсти экомію; какъ она дѣлаетъ это съ внучатами Типпо-Саиба, которымъ удѣляетъ въ мѣсяцъ 150 рупій, вмѣсто обещанныхъ 40,000.

милліоновъ.—*Рація Фиразпура* завѣщала свои владѣнія Компаніи, чтобы обезпечить пользованіе ими при жизни, и отъ такой боязни оставляетъ племянника въ нищету.—*Бегумъ Сарданы* (мусульманская владѣтельная княгиня, жена бѣга) сдѣлала то-же самое.

Далѣе слѣдуетъ цѣлая толпа царей, живущихъ въ Бенаресѣ, этомъ общемъ скопищѣ падшихъ величій, начиная съ пейшвы, получающаго пенсіона $1\frac{1}{2}$ милліона руб. сер., и кончая недавно-сверженнымъ кургскимъ раджею или Фиразпурскимъ набабомъ, отецъ котораго погибъ на эшафотѣ. Тамъ вы можете пайдти ихъ всѣхъ, каждаго въ собственной кельѣ, покорившагося своей судьбѣ съ азійскою флегмою и безпечностію, углубившагося въ безконечныя молитвы, или совершающаго омовенія посреди набожной толпы.

Пятый классъ: государственные узники разсажены по многочисленнымъ бастіямъ Индіи, изнемогая то въ темныхъ тюрьмахъ, то проводя безцвѣтные дни свои въ крѣпостяхъ, вѣщающихъ вершины горъ. Тутъ они приносятъ покаяніе въ томъ, что были некогда сильны. Число ихъ велико до невѣроятности, и опредѣлить его невозможно, потому что узники эти поступаютъ въ безотчѣтное завѣдываніе секретныхъ комитетовъ (*). Варренъ знакомитъ насъ съ цитаделями двухъ крѣпостей, Гутти и Белларри. Въ первой онъ нашелъ четырехъ заключенныхъ: новоприбывшаго тинневельскаго раджу; двухъ полигаровъ (воспныхъ вождей) изъ сѣверныхъ Сиркаровъ и стараго министра беджапурскаго раджи. Послѣдній, защищая права своего государя, лишился ноги; потомъ раджа и министръ были взяты оба въ плѣнъ, и засажены вмѣстѣ. Въ Белларри Варрену приходилось самому стеречь кернгульскаго набаба.

«Этотъ несчастный, говоритъ онъ: сдѣлался жертвой одной изъ тѣхъ большихъ несправедливостей, безъ которыхъ политика Ост-Индской Компаніи не можетъ ступить шагу. Его засадили въ тюрьму потому, что онъ показывалъ умъ и способности, а на престолъ его возвелъ незаконнаго его брата, человека ничтожнаго, который успѣлъ подкупить мѣстнаго сборщика податей. Поводомъ къ заключенію набаба послужило умерщвленіе имъ жены, которую убить онъ, какъ мусульманинъ, вполне почиталъ себя въ правѣ, потому что невѣрность ея была доказана. Къ счастью, убійство случилось на англійской землѣ, и Англичане

(*) Такъ, напримѣръ, въ 1840 году, наследникъ короны Бурдуана былъ ввергнутъ въ темницу и обвиненъ въ самоубійствѣ, за то, что требовалъ себе наслѣдіе предковъ, безстыдно проданное одному изъ его дядей. Правительство должно было возратить ему 100 лакъ рупій (25 милліоновъ рублей); но такъ какъ оно заплатитъ этой суммы не намѣрено, то и затянуло процессъ.—Раджа Беджанура не хотѣлъ насыщать алчности компанейскихъ агентовъ: его обвиняютъ въ извѣщаніи и заключаютъ въ крѣпость.

тотчасъ воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы засадить его въ крѣпость. Когда я сдѣлался его тюремщикомъ, онъ былъ лишенъ свободы уже шесть лѣтъ. Тихо апеллировалъ онъ къ совету директоровъ, къ парламенту: его первыя прошенія были отвергнуты, послѣдующія оставались въ рукахъ мѣстнаго начальства. Онъ требовалъ суда, военнаго суда, казни, если его найдутъ виновнымъ,—свободы, если онъ будетъ оправданъ. Ему не дали суда. Сверхъ-того; по распоряженію, внушенному духомъ бесполезной жестокости, до него не допускали ни его матери, ни жень. Въ продолженіе шести лѣтъ единственные люди, съ которыми онъ имѣлъ сношенія, были два раба, оставленные ему для прислуги, и караульные англійскіе офицеры. Компанія дала ему въ мѣсяць около 500 франковъ, и онъ употреблялъ эту сумму на угощеніе караульныхъ офицеровъ. Этотъ замѣчательно-умный человѣкъ имѣлъ сильнѣйшую потребность въ обществѣ, въ разговорѣ, и издерживалъ всѣ свои деньги, чтобы купить пріятную бестду; но обыкновенно офицеры подавали ему сочныя блюда, свѣжіе фрукты и шербеты, и рѣдко кто изъ нихъ дарилъ его вниманіемъ или соглашался сыграть съ нимъ въ шахматы.—Число этихъ узниковъ, кончасть Варренъ: безконечно. Вы можете смѣло предположить, гдѣ-бы ни увидѣли вы высокую горную крѣпость, что тамъ кончасть свои дни какой-нибудь низложенный Компаніею князь, завидуя послѣднему району, пашущему поле, и антилопѣ, скачущей на свободѣ.

Самыми послѣдними заключены были эмиры завоеваннаго недавно Спиды. Исторія ихъ интересна, и мы расскажемъ ее въ другомъ мѣстѣ.

Тутъ кончается нашъ обзоръ политики Англичанъ въ Индіи и административной организаціи ихъ имперіи. Въ прошедшемъ мы видимъ удачную борьбу Англійской Компаніи съ сотнями туземныхъ государей; въ настоящемъ — всю Индію, покрытую англійскими войсками и съѣтой непреодолимой субсидіарной системой; въ будущемъ — неминуемое поглощеніе всѣхъ туземныхъ государствъ Англійскою Имперіею и учрежденіе въ Индустанѣ единства власти, котораго теперь еще нѣтъ.—Очевидно, что всѣ туземныя правительства отжили свой вѣкъ: они не могутъ уже служить народамъ Индіи, и желательно, чтобы окончательное разложеніе ихъ совершилось скорѣе. Когда вся Индія будетъ соединена подъ скипетромъ Англіи, тогда для нея начнется новая эра. Чтѣ принесетъ эта новая эра — неизвѣстно, но пусть наступитъ она скорѣе, ибо отъ старины Индіи нѣчего ждать, и всѣя надежды впереди. Только нравственное, религіозное и политическое обновленіе туземныхъ народовъ можетъ повести къ новымъ судьбамъ страны, древняя цивилизація которой такъ ужасно осуждена исторіей.

Надѣемся, что достаточно простаго сличенія сущности англійской народности и объясненной нами сущности индійскаго общества, чтобы понять, отчего Англичане должны были покорить Индію; но если насъ спросятъ, чтѣ особенно ускорило ходъ

этого завоеванія и утвердило новую имперію, то мы готовы приписать это преимущественно двумъ обстоятельствамъ. Во-первыхъ, отдаленность Индіи отъ Англіи, и протекавшая отсюда диктаторская власть генераль-губернаторовъ; ибо Клейвъ, Гастингсъ и Уэллеслей были возможны только въ отдаленной Азіи, а въ Европѣ эти генералы должны были-бы руководствоваться мнѣніями лондонскаго кабинета и парламента, и вѣроятно не успѣли-бы ничего создать. Во-вторыхъ, назначеніе огромныхъ окладовъ офицерамъ и чиновникамъ: это обстоятельство дѣлаетъ каждаго Европейца, находящагося на службѣ Компаніи, какъ-бы акціонеромъ Англійской Индіи. При томъ, нельзя однако не замѣтить, что объ эти причины, содѣйствовавшія и содѣйствующія къ распространенію власти Англичанъ въ Индіи, — вмѣстѣ съ тѣмъ, содѣйствуютъ именно къ тому, чтобы власть эта употреблялась исключительно въ пользу однихъ Европейцевъ; съ совершеннымъ отверженіемъ попечительности о судьбѣ туземцевъ.

* * *

Познакомившись такимъ образомъ съ общою статистикою Индіи и съ главною властію, управляющею ея судьбами, перейдемъ, наконецъ, къ отдѣльнымъ частямъ ея. При этомъ обзоръ областей и городовъ мы будемъ руководствоваться принятымъ нами раздѣленіемъ Индустана на сѣверный, восточный и западный.

ОБЗОРЪ ПРОВИНЦІЙ И ГОРODOвъ.

СѢВЕРЪ ИНДУСТАНА.

Въ I отдѣлѣ мы уже сказали, что Гималайская область, называемая по браминской космографіи *Удитиша-дэса* (сѣверная страна), окаймляется съ сѣвера, на протяженіи почти двухъ съ половиною тысячъ верстъ, Гималаемъ, а съ юга хребтами Дулэ, Кемаунъ и особенно Севали, идущими параллельно съ нимъ. Главный Гималайскій хребетъ, около ста верстъ шириною, имѣетъ средней вышины до 15,000 футовъ; но отдѣльныя вершины его, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ и разставленныя надъ хребтомъ, какъ часовые, достигаютъ до 23, 25 и даже 27 тыс. футовъ. Этотъ громадный гранитный поясъ отдѣляетъ Индію

отъ Тибета (*), и прерывается иногда глубокими руслами рѣкъ. Средняя высота хребта *Севали*, то отдѣляющагося отъ Гималая, то тѣнящагося къ нему, 6000 футовъ.

«Индійскій Гималай, говоритъ Жакмонъ: часто напоминаетъ растительностію своею Швейцарскія Альпы; но спуститесь нѣсколько тысячъ футовъ ниже, и вы очутитесь опять посреди природы юга. Тутъ вы увидите рощи то огромныхъ сосенъ, то кедровъ и дикихъ смоковницъ.» Обыкновенно въ этихъ горахъ хлѣбопашество прекращается на вышинѣ 10,000 футовъ; но болѣе къ востоку капитанъ Уэббъ нашелъ ячменные поля на высотѣ 13,600 футовъ, и палатка его была раскинута въ тѣни розовыхъ деревьевъ. На вышинѣ 20,000 футовъ солнечные лучи раскаляютъ атмосферу, а въ тѣни между-тѣмъ сильный морозъ. Невозможно передать дѣйствія этихъ безпрестанныхъ противоположностей. Въ мартъ мѣсяцъ раскаленные вѣтры индійскаго лѣта устремляются изъ Декана на Гималай и превращаютъ ледники его въ столбы пара. Это время года очень опасно для здоровья. Если солнце Бомбея и Калькутты наполняетъ воздухъ нездоровыми испареніями почвы, то нѣкоторыя мѣстности Гималая перецеголяютъ низменности Гангской дельты. Такъ, область Сирморъ наполнена вѣчно-сырыми, неприступными лѣсами, проникнуть въ которые, во время жаровъ, значитъ обречь себя на вѣрную смерть. Но за исключеніемъ этихъ лѣсовъ и ущелій, Гималайская область пользуется вообще яснымъ небомъ и умереннымъ, здоровымъ климатомъ.

Кромѣ Инда, Брампутры и Ганга, религіозными почестями пользуется особенно *Джемна*. Источники этой прекрасной рѣки окружены святилищами, куда постоянно направлены помышленія и молитвы вѣрующихъ Индусовъ, — и богомольцы издалека стекаются для поклоненія священнымъ коровамъ пагодъ *Хурзалл*. Поднявшись по крутымъ горнымъ дорогамъ, пилигримы приходятъ, наконецъ, къ потемнѣвшимъ отъ времени храмамъ изъ кедроваго лѣса, покрытымъ изваяніями, окруженнымъ витыми колоннами, изъ-за которыхъ возвышаются, блестя на солнцѣ, высокіе ледники Гималая. Тутъ они находятъ отдыхъ въ каравансераяхъ, устроенныхъ жрецами, и руки готовы принять ихъ усердныя приношенія.

Гималайская область составляетъ нѣчто цѣлое, отдѣленное естественными границами отъ остальнаго Индустана, и занимаетъ

(*) Составляя величественную декорацию индійскаго горизонта, видную до Бенареса, самъ онъ не что иное, какъ одна изъ террасъ Тибетскихъ Альпъ.

узкую, длинную, малоприступную полосу. Въ ней заключаются, начиная съ востока, слѣдующія провинціи и государства: Бутанъ (*), Сиккимъ, Непалуль, Гервалъ, Сирморъ, Кугистанъ и Кашмиръ. Переходимъ къ обзору ихъ.

СИККИМЪ. Небольшая область между Бутаномъ и Непалулемъ. Населеніе ея состоитъ изъ племенъ *Бутій* и *Доптиа*: первые—миролюбивые хлебопашцы, вторые воинственные горцы; оба племена исповѣдываютъ Буддизмъ. Въ 1788 году Гурки завоевали эту страну. Раджа искалъ помощи у повелителя Бутана, который, изгнавъ врага, овладѣлъ самъ Сиккимомъ, но въ 1815 былъ вытѣсненъ отсюда Англичанами, которые отобрали себѣ южную часть страны, а туземному раджѣ оставили, изъ милости, северную часть его владѣній, подъ условіемъ своего покровительства.

НЕПАУЛЬ. Эта область, орошаемая тремя притоками Ганга, раздѣляется на четыре полосы. Нижняя, *Терралла*, граничащая съ компанейскими владѣніями, почти вся покрыта густыми лѣсами, составляющими родъ стѣны для защиты отъ вторженій непріятелей, и защита эта оказалась столь дѣйствительною, что монгольскіе императоры никогда не простирали своей власти на Непалуль. За Терраллою слѣдуетъ полоса холмовъ, покрытыхъ тоже почти безпрерывнымъ лѣсомъ и орошаемыхъ безчисленными ключами. Третья терраса занимаетъ главную часть Непала и состоитъ то изъ высокихъ горъ, прорѣзываемыхъ глубокими руслами рѣкъ, то изъ пространныхъ горныхъ долинъ. Вся эта полоса чрезвычайно живописна, плодородна и отличается здоровымъ климатомъ. Самая главная долина, собственно Непалуль, находится въ 4000 фут. надъ моремъ, и напоминаетъ построеніемъ своимъ дно высохшаго озера. Наконецъ, *Катигаръ*, высшая полоса, состоитъ изъ необитаемыхъ гранитныхъ массъ, прерываемыхъ иногда пропастями.

Народонаселеніе Непала состоитъ изъ разныхъ коренныхъ племенъ и племенниковъ, называющихся *парватъя*. Первые держатся Буддизма; вторые, пришедшіе, въ VII и XII столѣтіяхъ, изъ Индустана, принесли съ собою Брамизмъ и устройство кастъ. Между многочисленными племенами коренныхъ жителей замѣчательны: въ центрѣ *Неуары*; на востокъ *Кираты* и *Бутіа*; на западъ *Мзары*. Всѣ эти туземцы воинственны и пребываютъ въ глубокомъ невѣжествѣ; но тѣмъ не менѣе ламамъ и гилонгамъ этихъ варваровъ уже издревле известны не только письмена, но и искусство книгопечатанія. Такъ, въ Батгонгѣ, древней столицѣ Неуаровъ, находится много книгохранилищъ и въ одномъ изъ нихъ до 15,000 буддистскихъ сочиненій. Простолудины бръютъ брови и волосы на головѣ, и продѣваютъ въ уши множество серегъ, а иногда и камешки, дюймовъ въ семь длины. Одежда ихъ состоитъ болѣею частію изъ одного куска ткани. Жилища у нихъ деревянные; внутреннія стѣны комнатъ украшены самою грубою живописью или резьбою. Нѣкоторые племена нивютъ кожу чѣрнаго цвѣта и напоминаютъ коренныхъ жителей центральной Индіи; но большая часть ихъ походитъ на Китайцевъ и Тибетцевъ. Народъ вообще строенъ, и рѣдко можно встрѣтить мужчину ростомъ ниже 6 футовъ;

(*) Такъ какъ эта страна признаетъ себя вассаломъ Тибета, и слѣдовательно Китая, и платитъ дань Англичанамъ только за часть своей территоріи, находящейся въ предѣлахъ Бенгаліи, то она отнесена нами къ описанію *Киталъ*, составляющему второй томъ этого изданія.

по зоби, болѣзнь распространенная здѣсь повсемѣстно и приписываемая употребленію свяжной воды, безобразить многихъ.

Потомки Индусовъ, особенно Раджпуты и Шапуръ, обитающіе въ Непалѣ, называютъ себя *парватъя*, т. е. владѣтели горъ, и точно составляютъ здѣсь господствующее племя. Мы уже упоминали, что раджи, происходящіе изъ высшихъ кастъ, расселились въ девяти главныхъ округахъ Непальскаго Княжества, и образомъ жизни напоминаютъ феодальныя времена Европы. Парватъя нижнихъ кастъ, живущіе въ кирпичныхъ и земляныхъ домахъ, выращенныхъ бѣлою и розовою краскою, завѣсятъ отъ этихъ раджей, которые, въ свою очередь, признаютъ верховную власть гуркескаго магараджи, пребывающаго въ Катманду.

Катманду пзобилуетъ множествомъ храмовъ архитектуры Тибета и Индустана, и это разнообразіе даетъ городу издали очень живописный видъ, который худо поддерживается тѣсными, нечистыми улицами и безобразными домами. Въ Катманду считается 20,000 жителей, въ *Лалита-Патанъ* 24 т.; въ *Горкѣ*, главномъ городѣ воннственныхъ Гурковъ, 2,000 домовъ и 10,000 жителей. Всѣ эти города, впрочемъ, не окружены стѣнами и соединяются съ соседственными селами. Въ нихъ производится много металлическихъ работъ; особенно хороши колокола. Надъ селами возвышаются повсюду деревянные храмы съ золочеными главами. Въ 1768 году воннственные Гурки завоевали весь Непалъ, и главный вождь ихъ сдѣлался магараджей страны. Онъ получаетъ около тринадцати миліоновъ рублей дохода, и содержитъ 17,000 человекъ войска. Эта регулярная армія находится въ военныхъ поселеніяхъ, но во время войны всѣ туземцы должны возстать поголовно. Когда магаранія, супруга непальскаго великаго князя, выезжаетъ куда-нибудь изъ своего дворца, ее сопровождаетъ эскадронъ одѣтыхъ въ мужское платье и прекрасно-вооруженныхъ телохранителей.

Теперешній магараджа, молодой человекъ безъ ума и безъ характера, находится въ рукахъ женщинъ, и страшное безначаліе царствуетъ при его дворѣ.

ГЕРВАЛЬ устанъ замками, *геръ*, и отъ нихъ получилъ свое названіе. Онъ лежитъ между рѣками Кали (съ востока) и Джемною (съ запада), и раздѣляется на двѣ части: Кемаунъ и собственно Герваль. Главный городъ перваго *Алмора*, втораго *Сирингхуръ*. Въ 1815 году Англичане, вытѣснивъ Гурковъ изъ этой области, присоединили Кемаунъ къ Бенгальскому Президентству, а въ Герваль оставили туземнаго раджу, подъ опекою резидента.

Герваль, какъ колыбель Ганга, мѣсто святое для всѣхъ Индусовъ. Въ него проникаютъ обыкновенно черезъ Хардваръ (т. е. «ворота Харн,» Вишну), расположенный у подошвы хребта Севали, тамъ гдѣ священная рѣка прорывается изъ горной области и вступаетъ въ долины Индустана. Къ 10 апрѣля со всей Индіи сюда стекаются толпы богомольцевъ къ торжеству *Кумба-мела*, и жрецы ежегодно собираютъ огромную дань съ религіознаго усердія своихъ земляковъ. Положеніе Хардвара на границѣ собственно Индустана, Пенджаба и Раджпутаны даетъ годовому празднику особенно-яркій колоритъ. Городская ярмарка привлекаетъ множество купцовъ, и всѣ острова Ганга покрываются лавками и превращаются въ базары. «Въ косметическомъ шалашѣ, говоритъ Скиннеръ: я видѣлъ рядомъ съ часами и кашемирскими шалами парижскія румяна, африканскій *гение*, для окраски пальцевъ, антимонію, которой придаютъ болѣе томности женскому взгляду: словомъ, соединеніе всѣхъ туалетныхъ принадлежностей гарема и будуара.» Пестрые узоры, покрывающіе наружныя стѣны домовъ, толпы обезьянъ на кровляхъ, оригинальные костюмы армянскихъ, китайскихъ, татарскихъ купцовъ, сейскихъ и гуркескихъ вонновъ, красные мундиры англійскихъ солдатъ и полунагія фигуры купающихся: все это вмѣстѣ составляетъ самую

разнообразную панораму. Прежде къ рѣкѣ вела узкая лѣстинца, на которой помѣщалось не болѣе четырехъ человекъ въ рядъ. Массы народа устремлялись къ водѣ во время самаго освѣщенія ея. Первые ряды богомольцевъ опрокидывались часто въ рѣку, и многіе погибали въ давкѣ. Такъ, въ 1819 году задохлось въ толпѣ не менѣе 430 Индусовъ. Теперь Компанія велѣла выстроить широкую лѣстинцу, а сама набережная расположена пространнѣмъ полукругомъ, на ступенькахъ котораго помѣщаются большіе, дѣти и женщины, всѣ, которые боятся или стыдятся броситься въ рѣку: они сидятъ здѣсь, опустивъ ноги въ воду, и творятъ молитвы. Люди знатные являются въ паланкахъ и на верблюдахъ; простолюдины бросаются прямо въ рѣку, верѣдко тонуть, и часто должны отбиваться отъ хищныхъ гавіаловъ.

Раджи сѣвернаго Индустава соперничаютъ между собою въ Хардварѣ роскошью. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ бегумъ Сумро, явившаяся въ Хардваръ со свитою изъ тысячи всадниковъ и полторы тысячи пѣхоты. Вотъ что писалъ о пей Жакмонъ:

«Я завтракала съ этой старой вѣдьмой, обѣдалъ у нея и поцѣловалъ даже съ должною вѣжливостію ея изсохшую руку. За обѣдомъ мы чокались бокалами. На первой день Рождества ова снова пригласила меня. Этой почтенной дамѣ лѣтъ сто, — она совсѣмъ сгорбилась, высохла хуже изюмны, но тѣмъ не менѣе занимается всѣмъ сама, управляетъ своимъ владѣніемъ, слушаетъ разомъ доклады двухъ или трехъ секретарей и въ то-же время диктуетъ тремъ другимъ. Года четыре тому (это было писано въ концѣ 1831) она разсердилась на своихъ министровъ и некоторыхъ придворныхъ: подпавшіе подъ опалу были привязаны къ жерламъ заряженныхъ пушекъ, и вся батарея выстрѣлила залпомъ; а лѣтъ семьдесятъ назадъ она велѣла похоронить заживо рабыню, которую приревновала къ своему мужу, и надъ ея могилой дала въ тотъ-же вечеръ нати въ возлюбленному супругу. Въ послѣдствіи она была за двумя Европейцами: оба кончили жизнь насильственной смертію. Теперь къ ней подбились итальянскіе капуцины и настрашали ее такъ, что она выстроила въ Сарданнѣ прекрасный храмъ и приписала къ нему разныя села. Она писала даже къ папѣ и просила отъ него епископа для Сарданни. Доходы ея простираются до четырехъ милліоновъ рублей въ годъ; половину ихъ она зарываетъ ежегодно въ своемъ саду.»

При наступленіи вечера все освѣщается яркими огнями, и зеркало Гайга отражаетъ тысячу огненныхъ столбовъ, а балдерки начинаютъ свои пляски. Индусы хвастаются, будто въ Хардварѣ, въ продолженіе года, перебивается не менѣе двухъ милліоновъ пилигримовъ: Гамильтонъ находитъ это число преувеличеннымъ и полагаетъ его только до милліона.

Источники трехъ рѣкъ, составляющихъ Гангъ, находятся на священной возвышенности *Гомукхи* (коровій ротъ). Близъ истока рѣки Багирати стоитъ скала, схожая съ виду на коровью голову; отъ нея вся мѣстность получила названіе, и между Индусами ходитъ поверье, что испанская корова, высунувъ изъ-подъ земли конецъ головы, извергаетъ священную рѣку.

Въ *Ганготри* построенъ большой храмъ, куда на три лѣтніе мѣсяца переезжаетъ браминъ изъ Дерали; въ немъ находится колоссальная статуя богини Ганга изъ краснаго камня. Возшествіе въ Ганготри сопряжено съ опасностію, и на него рѣшаются немногіе: обстоятельство, весьма содѣйствующее къ поддержкѣ народнаго суеврѣя и кредита этого мѣста. Большинство пилигримовъ достигаетъ только до храма Деванрайги, построеннаго при сліяніи Амакананды и Багирати. Браминны записываютъ имена богомольцевъ въ храмовыя книги, наполняютъ кувшины священною водою и прикладываютъ къ нимъ свою печать.

Пилигримы купаются, покупаютъ (*) запечатанные кувшины, берутъ свидѣтельства, и когда пурогита вымажетъ имъ лобъ священнымъ иломъ, они чисты отъ грѣховъ. Тогда они берутся опять за посохъ и уносятъ съ собою воду и глиняные шарики за сотни и тысячи верстъ.

Населеніе Кемауна состоитъ изъ Хазій, типомъ своимъ напоминающихъ Пиду-совъ, только съ болѣе светлою кожею. Они невысокаго роста, но крѣпкаго сложенія, и называютъ себя Раджпутами чистой крови. Мужчины обыкновенно вооружены большой дубиной; женщины были-бы не дуры, но онѣ истощены работой, кожа ихъ испорчена солнцемъ, а уши и носъ изуродованы огромными кольцами. Эти горцы трудолюбивы, приветливы и честны, хотя понятія ихъ очень отличны отъ нашихъ. Когда путешественникъ Скипперъ въѣзжалъ въ одну изъ деревень Хазій, его остановилъ старецъ почтенной наружности, предлагая ему свою младшую дочь за шестьдесятъ рупій (42 р. с.). При выѣздѣ изъ другой деревни ему сдѣлали то-же предложеніе, и отецъ прибавилъ простодушно: «Таковъ нашъ обычай: куда двать намъ всѣхъ нашихъ женщинъ?» Тутъ-же путешественникъ видѣлъ многихъ мужчинъ, спящихъ передъ воротами домовъ, съ прялками въ рукахъ: чтобы не терять ни минуты, они прядутъ и во время разговора, и выгоняя скотъ. (То-же самое встрѣчается и у пиринейскихъ пастуховъ).

Въ Гервалѣ много висѣщихъ мостовъ (джухла). Они устроиваются всегда на нависшихъ съ обѣихъ сторонъ рѣки скалахъ. Два параллельно протянутые каната, прикрѣпленный къ нимъ плотикъ и иногда еще корзинка; составляютъ весь матеріалъ моста. Путешественника перетаскиваютъ помощію веревки отъ одной скалы къ другой, или онъ переправляетъ себя самъ, сидя и дѣйствуя руками и ногами. На маленькихъ пространствахъ протянуть только одинъ канатъ; на немъ виситъ обручъ, на который садится путешественникъ и скользитъ съ нимъ по канату, иногда надъ страшною пропастію.

Узкій хребетъ отдѣляетъ Вагирати отъ Джемны, источники которой скрываются въ самыхъ неприступныхъ горахъ; но въ сколько пиже (въ 10,8000 фут. надъ моремъ) есть горячіе ключи, и къ нимъ направлены стопы пилигримовъ. Снѣжные обвалы дѣлаютъ переходъ къ нимъ очень-опаснымъ. Богомольцы должны часто карабкаться по вертикальнымъ стѣнамъ скалъ, переходить по шаткимъ сосновымъ бревнамъ и держаться за острые посохи и крючки. Проводниками по этимъ горамъ служатъ исключительно храмовые браминны. Но есть фанатки, которымъ всѣхъ этихъ опасностей еще мало. По ихъ мнѣнію, одна добровольная смерть можетъ достойно увѣнчать жизнь, полную лишений, самовольныхъ истязаній и совершенно-чуждую всякой мірской дѣятельности. Посѣтивъ всѣ священные бассейны Гервала, эти фанатки прощаются навсегда съ храмовыми браминнами, выкрашиваютъ себя лобъ желтою краскою, вооружаются посохомъ, и взявъ съ собою сухаго риса только на сорокъ восемь часовъ, поднимаются одна къ снѣгамъ дикаго Кеде-Ната. Скоро скитальца окружаетъ холодная, рѣдкая атмосфера. Дыханіе его захватывается, члены немеютъ, но онъ долженъ идти все впередъ и впередъ. Даже оглядываніе вѣняется ему въ грѣхъ. Если онъ упадетъ духомъ и воротится, онъ дѣлается отверженнымъ богами, и горцы (это обязанность ихъ) непременно забросаютъ его камнями. Если-же, напротивъ, онъ дойдетъ бодро до роковой вершины, и бросится съ нея въ необозримую пропасть, усыпанную острыми скалами, то-память его дѣлается святою, имя

(*) Въ этомъ-то и состоитъ вся сила и важность обряда: безъ денегъ вода потеряла бы свою святость. Религія Индійцевъ слишкомъ еще бѣдна, чтобы давать утѣшеніе свое и обѣщать чудесное даромъ!...

отмѣчается въ горныхъ пагодахъ желтою чертою, а душа тотчасъ сливается съ божествомъ. Сотни остоновъ разсыпаны по скаламъ, и торчатъ изъ нависеннаго выюгою снѣга!

СИРМОРЪ И КАНАВЕРЪ. Первая изъ этихъ областей расположена между Джемной и Сетледжемъ и находится подъ покровительствомъ Англичанъ. Кроме наханскаго раджи, здѣсь, какъ и въ Гервалъ, есть безчисленное множество мелкихъ князьковъ, болѣею частью изъ Раджпутовъ; но по всей области разстланы военныя посты Компаніи, и офицеры этихъ постовъ настоящіе повелители страны, которая прежде причислялась къ Гервалу и зависѣла также отъ Гурковъ. Здѣсь вы встрѣчаете повсюду огромныя горы, между которыми тянутся узкія населенныя долины. Дома долины нѣютъ отъ духа до трехъ этажей, и острая кровля ихъ спускается съ двухъ сторонъ почти до земли, служа такимъ образомъ навѣсомъ, защищающимъ отъ жгучихъ лучей солнца. Но въ открытыхъ мѣстахъ постройка домовъ походитъ на горныя избы Швейцаріи.

Изъ Сирмора въ Канаверъ ведетъ дефилея Бруангати. Канаверъ лежитъ къ сѣверу отъ Гималая, и жители его уже очевидно походятъ на Тибетцевъ. Спускаясь съ Бруангати къ берегамъ Сетледжа, Джонсенъ видѣлъ по ту сторону рѣки деревни, выстроенныя на нависшихъ скалахъ. Ниже деревни видѣлись виноградныя сады, около нея фруктовыя, выше поля, еще выше лѣса, и надъ ними вѣчно-блестящая діадема горнаго снѣга.

Городъ Канемъ, лежащій за Сетледжемъ, въ 900 фут. надъ моремъ пользуется прекраснымъ климатомъ. Тутъ всего довольно, только мѣста мало, и потому плоско-кровельные дома прижаты одинъ къ другому, безъ всякихъ промежутковъ, и имѣютъ до восьми этажей. Въ здѣшней буддистской библіотекѣ нашли полный переводъ сочиненій Виргілія. Жители этой области крайне неопытны; мужчины и женщины заплетаютъ волосы въ косу. Джонсенъ немало удивился, увидѣвъ на престолахъ кожаную обувь съ РУССКИМЪ штемпелемъ.

Въ нижнемъ Канаверѣ царствуетъ Браманизмъ; Буддизмъ отступилъ къ сѣверу, и для последователей его въ городѣ Сугиумъ приготовляется большое количество молитвенныхъ цилиндровъ всѣхъ размеровъ. — Въ Канаверѣ находится красивое поселеніе Сима, служащее мѣстомъ съѣзда для всѣхъ людей богатыхъ, праздныхъ и больныхъ. Здѣсь не боялись ни хроническихкихъ воспаленій печени, ни гнилыхъ горячекъ, ни холеры, этихъ трехъ болѣзней-гражданокъ низменной Бенгаліи. Лѣтъ 40 тому здѣсь не было ничего кромѣ свѣжаго горнаго воздуха, да восхитительнаго мѣстоположенія. Но потомъ этотъ пустынный рай поправился, вошелъ въ моду, и вскорѣ, за 2800 верстъ отъ Калькутты, на мѣстѣ, лежащемъ выше горы Сентъ-Бернара и Мон-Сени, было построено около шестидесяти изящныхъ бонгало. Прекрасныя дороги были прорублены въ скалы, и теперь во время всякаго сезона прибываютъ туда толпы Англичанъ, и живутъ совершенно на европейской ногѣ: не забыть даже и театръ.

КУГИСТАНЪ и КАШМИРЪ. Кугистанъ (т. е. горный край), составляющій сѣверную полосу Пенджаба, находится между Сетледжемъ и Индомъ, и простирается отъ знаменитыхъ равнинъ Пешавера до Аттока. Онъ распадается на разныя мелкія княжества, зависяція отъ магараджи Лахора, какъ то: Кихтеваръ, Джемму, Кангра, Чемба, Кулу и Кашмиръ. Населеніе его сбродъ всякихъ племенъ, между которыми особенно замѣчательны: Джаты, Гикеры, знаменитые своей красотой, и Сейки, владычущіе страной въ настоящее время. Число Раджпутовъ, Афгановъ и Монголовъ (последніе всѣ рабы) не велико.

Перенесемся прямо въ область Кашмиръ. Тамъ, гдѣ теперь прелестная Кашмирская долина, было когда-то озеро. Она лежитъ на самомъ сѣверо-западномъ

конѣ Индустана и окружена Индійскимъ Кавказомъ. Ближайшія горы покрыты рощами и пастбищами, наполнены изобильною дичью и многочисленными стадами. «Дома города Кашмира (по туземному Сприндгаръ, т. е. область блаженства), давшего названіе всей области, говоритъ Форстеръ: построены изъ дерева, и стѣны ихъ покрыты слоемъ известковаго раствора; кровлей служатъ земляная терраса, которая лѣтомъ даетъ прохладу, а зимою защищаетъ отъ обильнаго снѣга. Лѣтомъ терраса усаживается цвѣтами, и тогда весь городъ представляется зрителю огромнымъ садомъ; но горе путешественнику, проникшему во внутренность его: улицы узки, кривы, и завалены соромъ. Во всемъ городѣ нѣтъ ни одного замѣчательнаго строенія. Прелесть мѣстоположенія и благоуханнаго горнаго воздуха отравляется этой примѣрной неопрятностію.»

Область Кашмиръ лежитъ на большой дорогѣ въ Индустанъ, и претерпѣла множество нашествій. Первоначально ею управляли раджи и цари изъ туземцевъ, но потомъ они должны были покориться Монголамъ. Акбаръ нашелъ здѣсь вмѣстѣ съ Исламизмомъ и Браманизмомъ особенное обожаніе змѣй, истуканы которыхъ находились въ слишкомъ 700 храмахъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія несчастною провинціей завладѣли опять Афганы, но они были вытѣснены Ренджитъ-Сингомъ въ 1819 году, и теперь Кашмиръ принадлежитъ къ Лахору.

«Объ отдаленной эпохѣ національной независимости, говоритъ Жакмонъ: теперь остались лишь неясныя понятія у изыскателей древности, и кое-гдѣ уцѣлѣло нѣсколько развалинъ. Массивность этихъ построекъ чисто-индійскаго стиля. Есть еще нѣсколько слѣдовъ общепользовныхъ работъ, но только отъ той-же эпохи. Делійскіе императоры строили одни кіоски и каскады. Теперешніе Кашмирцы разорены до крайности. Они безпрекословно дѣлаютъ, что имъ велятъ, и нѣсколько тысячъ грубыхъ, безсмысленныхъ Сейковъ, съ саблями и пистолетами за кушаками, управляютъ этимъ испорченнымъ горнымъ племенемъ, какъ стадомъ барановъ.» Бернье (въ XVII столѣтіи) называетъ Кашмирцевъ племенемъ умнымъ, ловкимъ и трудолюбивымъ. Форстеръ (въ XVIII) не упоминаетъ уже о трудолюбіи, но говоритъ про ихъ живость, веселость, любопытство, страсть къ удовольствіямъ и порочность. «Теперешніе Кашмирцы, говоритъ Жакмонъ: не герои, но зато до-того изловчились въ плутовствѣ, что смѣтливостію своею прослыли даже между хитрымъ по преимуществу племенемъ Индусовъ.»

Близъ города находится Дакъ, знаменитое кашмирское озеро, прославленное восточными сказками. Джехангиръ, Шахъ-Джеханъ и Ауренгзебъ издерживали огромныя суммы на украшеніе его острововъ и проводили здѣсь мѣсяцы лѣтняго жара. Противъ острова Чинара виднѣтъ золотой куполъ мечети. Сюда приходятъ мусульмане изъ Индіи и Персіи поклониться Азретъ-Болою (что значитъ буквально: его превосходительству господину волосу изъ бороды пророка). За мечетію возвышается гора, называемая Соломоновымъ-Престоломъ; на ней древній храмъ.

Женщины Кашмира были прославлены за свою красоту. Бернье увѣряетъ, что у монгольскаго двора кашмирскія женщины цвѣтились выше всѣхъ другихъ. Форстеръ отзывается объ нихъ гораздо хладнокровнѣе: «Въ южной Франціи и въ Испаніи, говоритъ онъ: кашмирскія женщины считались-бы за смазливыхъ брюнетокъ; но такъ какъ я ожидалъ найти здѣсь необыкновенныхъ красавицъ, то и былъ весьма непріятно пораженъ. Я видѣлъ ихъ лучшихъ танцовщицъ: вообще у нихъ неправильный рисунокъ лица, грубыя черты и толстыя ноги. Прежде Кашмиръ изобиловалъ граціозными куртизанками, но неумѣренныя контрибуціи Афгановъ почти уничтожили этотъ классъ.» Жакмонъ называетъ мужчинъ красивѣйшими плутами во всемъ свѣтѣ, но туземныя женщины не по его

вкусу; онъ къ нимъ еще строже Форстера. «Я весьма сожалею, говорить онъ: что не могу согласиться съ своими предшественниками. Или Форстеръ украшалъ действительность, или она въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ совсѣмъ измѣнилась. Я не видалъ въ Кашмирѣ ни одной хорошенькой молодой женщины, а старухи отвратительны.» (Замѣтимъ кстати, что Жакмонъ вообще не любитъ брюстоукъ.)

Промышленность Кашмира славится лакированными вещами, прекрасной писчей бумагой, расходящейся по всей Азіи, рѣзными работами изъ дерева, которыми даже удивляются искусные Индусы, и наконецъ шалами, развозимыми во все страны міра. Замѣчательно, что при употребленіи одного и того-же матеріала ни въ Патнѣ, ни въ Агрѣ, ни въ сосѣдственномъ Пенджабѣ не удавалось сдѣлать шалей, подобныхъ здѣшнимъ. Какъ для калачей одна Москва, такъ для шалей одинъ только Кашмиръ. Местная вода составляетъ, вѣроятно, *conditio, sine qua non*, и здѣсь и тамъ. Промышленность Кашмира, впрочемъ, упадетъ: въ 1809 году въ немъ считалось еще 150,000 жителей, но теперь не болѣе 60,000.

ВОСТОКЪ ИНДУСТАНА.

Въ этомъ отдѣлѣ поселено почти все индусское племя, кромѣ Раджпутовъ; въ немъ были главные государства Афгановъ, Монголовъ и Мараттовъ. Онъ занимаетъ три четверти всего полуострова, раздѣляясь на двѣ главныхъ части: среднюю область, Мадгія-Деса, и южную, Деканъ. По категоріямъ политической зависимости, къ «востоку Индустана» принадлежатъ: все непосредственные владѣнія Англичацъ, кромѣ нѣсколькихъ округовъ Мадрасскаго Президентства, западной части Бомбейскаго и новопріобрѣтенной провинціи Спиды,—Аудское Набабство, владѣнія низама и магараджи-спидін; Майссоръ, Саттара, Бераръ, Пидуръ и Бонделькондъ.

Калькуттское Президентство и Агреское Вице-президентство распространяются на бассейны рѣкъ Ганга и Джемны. Начнемъ съ устьевъ перваго, и потомъ, идя постоянно противъ его теченія, посѣтимъ все омываемыя имъ и Джемною провинціи.

БЕНГАЛІЯ. Эта область плоска и только къ сѣверу имѣетъ нѣсколько холмовъ. Кромѣ Брамапутры и множества притоковъ Ганга, она орошается еще большимъ числомъ меньшихъ рѣкъ, впадающихъ въ Бенгальскій заливъ. Народонаселеніе ея простирается до двадцати пяти милліоновъ жителей, масса которыхъ обитаетъ въ деревняхъ, отъ 100 до 500 душъ въ каждой и въ разстѣянныхъ по лѣсамъ хатахъ. Въ городахъ (во всей Бенгаліи ихъ 12) всякая нація селится отдѣльно; индусская часть города раздѣлена, кромѣ-того, на кварталы по кастамъ.

Калькутта лежитъ на лѣвомъ берегу Угли, западнѣйшаго рукава Ганга. Отъ Угли до устьевъ Брамапутры, на протяженіи 250 верстъ, расположена Гангская дельта, состоящая изъ наносной почвы, и прорѣзанная по всемъ на-

правленіямъ безчисленнымъ множествомъ рукавовъ Ганга, такъ что она образуетъ цѣлый архипелагъ мелкихъ лѣсныхъ острововъ и мелей. Чаша лѣсовъ населена полчищами обезьянъ, буйволами, носорогами, тиграми, словомъ, всякимъ сбродомъ хищныхъ звѣрей и птицъ, а рукава Ганга изобилуютъ крокодилами и водяными змѣями. Мусульманскіе завоеватели назвали эту страшную пустыню *додшакъ* т. е. «адское мѣсто». Въ сухіе мѣсяцы сюда привѣзжаютъ солдаты (*молунжи*) и дровосѣки, рискуя безпрестанно жизнью, ибо тигры самой большой породы бродятъ по берегамъ, нападаютъ на вооруженныхъ, а ночью подплываютъ даже къ лодкамъ дровосѣковъ, стоящимъ на якоряхъ. Несмотря на то, что каждый годъ погибаетъ порядочное количество этихъ несчастныхъ, есть мусульманскіе факіры, которые, ища спасенія души, селятся въ додшакъ. Эти фанатики утверждаютъ, что они обладаютъ талисманами противъ всѣхъ хищныхъ звѣрей, и пользуются необыкновеннымъ уваженіемъ народа. Вѣтъ они кончаютъ свой вѣкъ насильственной смертію, но хижины ихъ рѣдко остаются незанятыми. Новый отшельникъ хоронитъ кости съдѣннаго предшественника своего подлѣ самой хижины, опять утверждаетъ, что у него есть талисманъ, — и дровосѣки, проѣзжая мимо, преклоняются передъ гробницами «праведныхъ» и молятъ покойника о покровительствѣ на предстоящее лѣто.

Въ нѣсколькихъ верстахъ надъ устьемъ Угги и не дотыкая версты сорокъ до Калькутты, находится *Бриллиантовая гавань* (Diamond-Harbour), гдѣ останавливаются и выгружаются всѣ значительныя суда. Далѣе виднѣется столица Англо-Индійской Имперіи, великолѣпная *Калькутта*, поражающая взглядъ шпицами своихъ колоколенъ и бѣлымъ рядомъ дворцовъ, окаймленныхъ роскошными садами. При послѣднемъ поворотѣ рѣки, вы находитесь вдругъ передъ исторически-знаменитымъ фортомъ Уильямъ, восьми-угольнымъ зданіемъ. Непосредственно за нимъ взору представляется набережная, на протяженіи $2\frac{1}{2}$ версты, обставленная строевіями прекраснаго стиля. Эта первая панорама Калькутты весьма величественна, особенно при вечернемъ освѣщеніи. Калькуттскій портъ, куда прибываютъ всѣ мелкія суда, не хорошъ, и при сильномъ вѣтрѣ случаются часто несчастія.

Калькутта построена на наносной землѣ, образованной не очень давними наводненіями. Гдѣ прежде бѣдная деревушка индійскихъ рыбаковъ тонула посреди болотъ, тамъ теперь столица съ 900,000 жителей. Но сколько великолѣпнѣе европейскій кварталъ, *Чадринджи*, столько-же далекъ отъ роскоши обширный *Черный-Городъ*, обитаемый туземцами. Въ немъ нѣтъ пространнаго базара, этой необходимой принадлежности каждаго азіятскаго города. Многочисленныя мечети и пагоды его невысоки и бѣднаго стиля, а дома богатыхъ бабу отличаются только своею массивностію. Черный-Городъ занимаетъ огромное пространство, и населенъ смѣсю разнообразныхъ племенъ Индіи. Большая часть домовъ — мазанки, покрытыя листьями или соломой. На улицахъ лежатъ кучи нечистоты. Коршунъ спускается посреди бѣлаго дня и находитъ себѣ добычу; галки и вороны перелетаютъ съ крикомъ съ одного купола на другой, а ночью по улицамъ бродятъ толпы злыхъ собакъ, ища падали: онѣ замѣняютъ медицинскую полицію, и народъ не трогаетъ ихъ. По крышамъ домовъ важно разгуливаютъ марабу, или ансты, называемые «пожирателями костей.» Впрочемъ, любимое местопребываніе ихъ около крѣпости, гдѣ подлѣ-стать англійскимъ солдатамъ, своимъ особеннымъ покровителямъ, они выстроиваются цѣлыми рядами, поджавъ подъ себя ноги. Въ этой части города только въ немногихъ улицахъ находится мостовая; по другимъ послѣ дождя рѣшительно нѣтъ прохода: грязь по колѣна.

Чадринджи, напротивъ, это Европа, шегольская Европа; это Лондонъ съ его

Гайдпаркомъ, Парижъ съ его Елисейскими-Полями. Вечеромъ, по захожденіи солнца, вы можете увидѣть на пригангскомъ бульварѣ весь большой свѣтъ Калькутты.—Между публичными зданіями Чадриджи особенно замѣчательны: ратуша, дворецъ генераль-губернатора, зданіе присутственныхъ мѣстъ,—коллегіумы: христіанскій, магометанскій (*медрессѣ*) и санскритскій; школа для индійскихъ дѣвушекъ; домъ учёнаго Азіятскаго Общества и театръ. За городомъ находится ботаническій садъ (простирающійся на 7 верстъ), а въ городѣ нѣсколько типографій. Въ 1814 г. въ Калькуттѣ издавалось только одинъ офенціальныя вѣдомости, а теперь (1842) число періодическихъ изданій простирается до 48.

Женская школа, учрежденная, въ 1830 году, мистриссъ Уйлсонъ, женою англійскаго миссіонера, чрезвычайно любопытна. До нея не было примѣра, чтобы индійская дѣвушка училась читать, писать или шить. Но предпріятіе Англичанки было такъ удачно, что въ теченіе десяти лѣтъ число ея ученицъ возросло отъ десятка, которымъ она начала, до восьми-сотъ. Родители позволяютъ учить дѣтей даже христіанскому катихизису, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы ихъ не принуждали ни къ чему противному требованіямъ кастъ.—Къ востоку отъ Калькутты течетъ *Нулла-Толли* маленькій рукавъ Угли, въ которомъ *Индусы* (или вѣрнѣе брамины ихъ) хотятъ видѣть продолженіе настоящаго Ганга. Избѣгая оскверненнаго судами Европейцевъ Угли, они совершаютъ въ *Нулла-Толли* всѣ свои обряды. Каждое утро, съ восхожденіемъ солнца сюда приходятъ нѣсколько тысячъ брамантовъ; послѣ должныхъ омовеній, они натираютъ себѣ щеки и лобъ бѣлой краской или желтой глиной, и произносятъ громогласно «*Рама, Рама!*» а жрецы, сидя на берегу, перебираютъ четки, перелистываютъ священныя книги, бормочатъ невнятно молитвы, и собираютъ деньгу.

Въ *Барракипурѣ*, верстахъ въ 25 отъ столицы, находится постоянный лагерь и любимый загородный дворецъ генераль-губернатора. Противъ него, по ту сторону широкаго Угли, видѣтъ *Саралипуръ*, съ его бывшими домиками и красной колокольней, на которой развѣвается датское знамя.

Шандернагоръ, находящійся близъ Калькутты и принадлежащій Франціи, представляетъ печальную картину: нѣсколько пустыхъ улицъ, низкіе необитаемые дома, гавань безъ кораблей, набережная безъ товаровъ, вотъ что видѣть въ немъ путешественникъ.

Кромѣ возрастающей Калькутты, всѣ другіе города Бенгаліи замѣчательны только развалинами и прошедшимъ величіемъ. *Муршадабадъ*, бывшая столица мусульманскаго набаба, имѣлъ до 220,000 жителей. Въ *Даккѣ*, на *Брамапутрѣ*, въ началѣ этого столѣтія, считалось 300,000 жителей, а теперь находится не болѣе 30. Развалины *Гура* разбросаны на 60 □ миляхъ, и по показанію Ауанъ-Акбаръ, въ 1598 году въ немъ считалось 1,200,000 семействъ. Въ *Раджамахалѣ*, столицѣ коренныхъ индійскихъ владѣтелей, теперь одни обломки прежнихъ зданій, а немногочисленное населеніе его живетъ въ бѣдныхъ лачужкахъ. Тутъ уже замѣтенъ переходъ изъ душной Бенгаліи въ болѣе прохладный Бахаръ.

БАХАРЪ. Къ сѣверу отъ Ганга и орошаемая имъ-же, эта провинція простирается до Пенаула, а къ югу входитъ въ Бендійскія горы. Изъ одиннадцати милліоновъ жителей ея три четверти Индусовъ, остальные магометане. Обитатели Бахара носятъ густыя бороды, черныя длинныя бурки съ капшонами, и всякій простолюдинъ вооруженъ палкой въ человѣчскій ростъ. Женщины украшаютъ себя еще болѣе, чѣмъ Бенгалки. Въ этой провинціи существуетъ обычай, что кредиторъ беретъ себѣ жену должника, въ видъ залога, впредь до уплаты долга. Если у него родятся дѣти, то половина ихъ принадлежитъ ему, а другая долж-

нику. Замѣчательно, что между-тѣмъ какъ Бенгальцы цѣлкомъ лица походятъ на негровъ, жители этой соседственной съ ними провинціи напоминаютъ южныхъ Европейцевъ: феносецъ, который можно объяснить однимъ различіемъ племенъ.

Въ *Большинуръ*, городъ населенный 30,000 жителей, епископъ Геберъ встрѣтилъ школу, гдѣ находилось множество Пагарисъ (горцевъ) всякаго возраста, учившихся грамотѣ: примѣръ неслыханный! Вдали виднѣтъ *Кордаръ*, конусообразная скала, къ которой стекается множество богомольцевъ. «Кордаромъ», говорятъ они: боги взбивали море, когда приготовляли *амрейту*» (индійскій нектаръ, питіе, дающее безсмертіе). Близъ Большинура Гангъ имѣетъ семь верстъ ширины, но устья скалами въ сто и полтораста футовъ вышиною, изъ которыхъ многія прибрежныя изсѣчены въ формѣ пдолговъ.

Геберъ встрѣтилъ за городомъ цыганскіе таборы, какіе находилъ потомъ и въ другихъ провинціяхъ Индіи. Здѣсь этихъ людей называли *Кандже*, и вся равнина была устлана ихъ цыновочными палатками.

Столица провинціи, *Патна*, знаменитая древностію, имѣла прежде 300,000 жителей и отличалась огромною промышленностію, ограничивающеюся теперь приготовленіемъ опиума и извлеченіемъ селитры. Въ центрѣ города повсюду развалины древнихъ храмовъ и укрѣпленій, наполненные толпами бродягъ, поэтически прозванныхъ въ Индіи «дѣтьми надежды». Лучшій кварталъ, какъ и во всѣхъ другихъ городахъ Индіи, составляетъ предместье, занимаемое Англичанами.

Верстъ 80 отъ Патны въ сторону, находится драшій, по святой городъ *Гал*. Сюда ежегодно приходятъ до 100,000 пилигримовъ поклониться двумъ янкамъ въ скалѣ, которые выдаютъ за слѣды Вишну. Въ *Боксаръ*, городъ мусульманскомъ, Геберъ посѣтилъ христіанскую школу, ученики которой принадлежали къ обоимъ поламъ и ко всѣмъ возрастамъ, но большинство состояло изъ женщинъ, отъ двадцати до тридцати лѣтъ! Близъ Боксара рѣка Карамназа составляетъ границу Алахабадской провинціи.

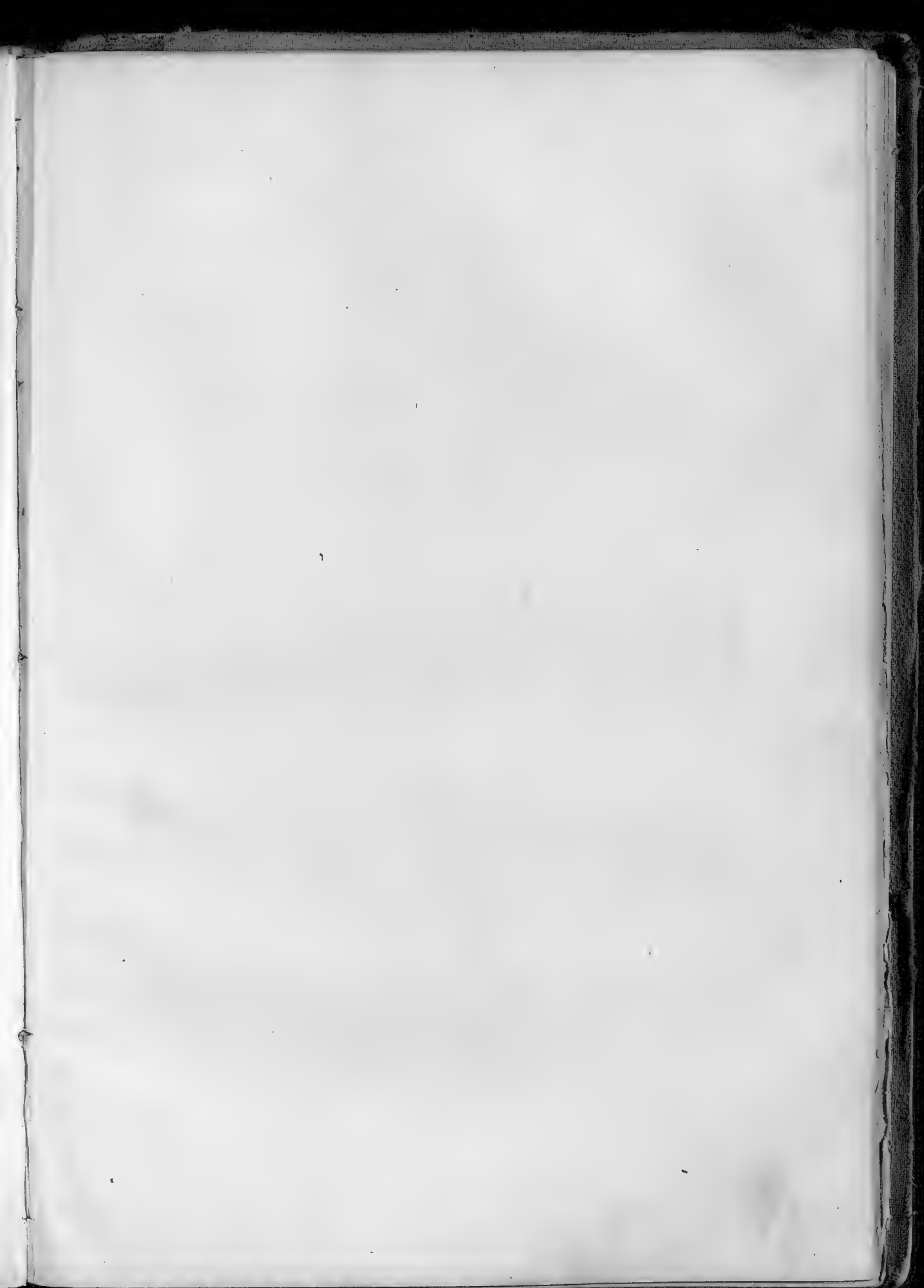
АЛАХАБАДЪ. Народонаселеніе этой области простирается до семи миллионовъ и состоитъ почти исключительно изъ Индусовъ. Оно очень невѣжественно, набожно по-своему и безнравственно по-нашему. Сутти здѣсь погибаетъ очень много, и самоубійства часты: мужчины, а еще болѣе женщины, бросаются въ колодези или принимаютъ ядъ по самымъ пустымъ поводамъ, обыкновенно изъ-за мелкихъ ссоръ, «чтобы кровь ихъ упала на враговъ». Проклаза считается наказаніемъ боговъ, и прокаженныхъ сжигаютъ, или зарываютъ живыми въ землю. Столица этой провинціи называется тоже *Алахабадъ* (обитель бога), и для отличія отъ нѣсколькихъ городовъ того-же имени, къ ея названію прибавляютъ слово *Батъ-Пралга*, потому что она построена близъ соединенія рѣкъ Джамны и Ганга. Но до Алахабада на пути еще лежатъ Гайзенуръ и Бенаресъ.

Въ *Газейнуръ*, какъ и во всѣхъ городахъ Индіи, много развалинъ, и теперь онъ славится своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, здоровымъ воздухомъ и изобиліемъ розовыхъ полей; здѣсь приготовляютъ самый лучшій аттаръ.

Еще издали высокіе минареты главной мечети возвышаются путешественнику съѣздъ *Бенареса*, этой религіозной столицы Браманизма и коммерческаго центра Индіи. Бенаресъ раскинутъ по правому берегу Ганга, на протяженіи 14 верстъ. Онъ разбросанъ въ живописномъ безпорядкѣ, амфитеатромъ, и товетъ посреди роскоши южной растительности. Между вѣтви туземными городами Бенаресъ отличается по преимуществу восточною физіономією. Ни одинъ Европейецъ не живетъ въ срединѣ города; улицы, вѣчно-полныя народа, такъ узки, что въ нихъ негдѣ пробхать экипажу. Трехъ-этажные дома принадлежатъ къ числу низкихъ; пяти-этажные встрѣчаются на каждомъ шагу; есть многіе и въ

шесть этажей. Притомъ, первый этажъ гораздо выше улицы, и подъ нижнимъ жильемъ обыкновенно бывають еще амбары, которые не входятъ въ счётъ. Надъ кровлями возвышаются террасы, башенки, балконы, окруженные подвижными жалюзи. Стѣны часто покрыты скульптурой, или яркой живописью. Этихъ большихъ домовъ изъ тесаннаго камня считается въ Бенаресѣ до 12,000; а земляныхъ мазанокъ съ тростниковыми крышами болѣе 20,000. Число жителей составляетъ 600,000. Количество храмовъ невѣроятно велико, но болѣею частью они малыхъ размѣровъ, всѣ выкрашены красной краской и напоминають наши часовни. Кромѣ пагодъ въ Бенаресѣ есть много мечетей и одинъ джапанскій храмъ. Быки всѣхъ возрастовъ, посвященные Шивѣ, разгуливаютъ по городу, какъ домашніе собаки, и ложатся безъ церемоніи поперекъ узкихъ улицъ. Простой народъ обходитъ кругомъ ихъ, а зонтиконосецъ, предшествующій паланкину, сгоняетъ священное животное въ сторону самыми вѣжливыми мѣрами, и горе тому, кто позволилъ-бы себѣ ударить непослушнаго быка! Потомки Гавумана сидятъ на всѣхъ кровляхъ и балконахъ, дѣлають безнаказанно вторженія въ съѣстные ряды, и вырываютъ у дѣтей изъ рукъ пищу. На каждомъ почти углу находятся дома жоговъ, установленные снаружи идолами, и цѣлый день оглашаемые адскимъ концертомъ, въ честь боговъ. Значительныя улицы покрыты, въ буквальномъ смыслѣ, двумя густыми рядами нищихъ. Тутъ вы найдете выставку брамантскихъ монаховъ разныхъ орденовъ, старающихся перещеголять другъ друга безпорядкомъ одежды, длиной нечесанныхъ волосъ, толщиной слоя грязи на тѣлѣ, отвратительными болтзнями, зловонными язвами, выпукнутыми членами и самыми неестественными, самыми трудными положеніями тѣла. Слѣпыми нѣтъ числа. Многие мѣшаютъ себѣ зрѣнія, чтобы лучше углубиться въ свой духъ. Геберъ видѣлъ здѣсь многихъ людей, которыхъ обѣ руки были навѣкъ скованы между собою посредствомъ проросшихъ черезъ тѣло погтей. Всѣ эти люди кричатъ прохожему самымъ жалобнымъ голосомъ: «*Aga sageb! Toni sageb!*» (Князь подай, вѣтъ подай!) но трудно удовлетворить ихъ алчность.

Таковы предметы, поражающіе иностранца при въѣздѣ въ *наисвятыишій городъ всего Джамбу-Двины, лонотъ вселенной, построенный не на землѣ, а на копцѣ презубца Шивы*, мѣсто до-того проникнутое близостию и мнотію боговъ, что всякій человекъ, который умретъ въ немъ, наследуетъ непременно царство небесное, *если послѣднія минуты его ознаменовались щедростію къ браминамъ*, какой-бы впрочемъ онъ ни держался при жизни религіи или секты, не исключая даже и нечестивыхъ пожирателей говядины. По этой-то причинѣ въ Бенаресѣ кончаютъ жизнь почти всѣ изложенные государи Индіи. Многие изъ нихъ заводятъ монастыри, чтобы по смерти обѣ нихъ молилась братія. Раджи и пабабы, еще не лишеныя всей власти, держатъ здѣсь посланниковъ, которыхъ молитвы засчитываются въ заслугу пославшимъ. То-же самое дѣлають и многіе богатые люди Индустана, Тибета и Бирманской Имперіи. Вы встрѣтите въ Бенаресѣ множество пожилыхъ людей, пришедшихъ сюда за смертію. Понятно, какія арміи нищихъ должны стекаться въ эту фабрику блаженныхъ смертей для богатыхъ негодяевъ, которые щедрими подаяніями откупаются отъ грѣховъ долготѣйшей жизни! Семействъ всѣхъ служащихъ жрецовъ считается въ Бенаресѣ до 8000; пилигримовъ приходитъ въ годъ до 250,000. Самые нетерпѣливо-жадные до душевнаго спасенія бросаются въ Гангъ. Это дѣлается вотъ какъ: они покупають два большихъ глиняныхъ сосуда съ крышками, привязываютъ ихъ къ себѣ по обѣ стороны груди и опускаются въ воду, на которой поддерживаются сосудами. Плавая, они совершаютъ всѣ предписанные закономъ обряды, потомъ наполняютъ горшки водой и идутъ ко дву, сопровождаемые рукоплесканіями толпы. Такихъ жертвъ считается въ годъ до 200.

XII.

Гривна (српско) - Таин

Но Бенаресъ славенъ не только, какъ святой городъ, столица нищихъ и быковъ: онъ составляетъ торговый центръ Индіи. Окрестности его богаты шелковыми, бумажными и шерстяными мануфактурами. Торговля находится въ рукахъ Индусовъ, Армянъ, Персіянъ, Турковъ, Татаръ и даже нѣкоторыхъ Европейцевъ. Коммерческія сношенія Бенареса простираются до Тифлиса и Астрахани.

«Осмотрѣвъ торговые ряды, говоритъ Геберъ: мы обратились къ храмамъ. Первое посѣщеніе было сдѣлано нами знаменитому храму Вишвайца, одному изъ болѣе почитаемыхъ во всемъ Индустанѣ. Храмовой дворъ превращенъ въ скотный дворъ. Для святѣйшихъ изъ быковъ устроены даже стойла у самаго преддверія нагоды. Эти откормленные животныя идутъ на встрѣчу каждому входящему, протягивая къ нему морду за ишеницей или кофетами, приносимыми въ болѣе большомъ количествѣ. Посреди быковъ сидятъ отвратительныя жогги, которые находятъ здѣсь всѣ косметическія средства для своего благочестиваго туалета. Жогги и приходящіе, всѣ кричатъ безпрестанно: *Рама, Рама, Рама!* и несумолкаемый шумъ этотъ напоминаетъ наши биржи. Храмовые браминны соблюдаютъ однако, возможную чистоту, поливая поминутно водою каменные плиты двора. Они показали намъ все съ величайшею готовностію, повторяя безпрестанно, что они тоже «отцы», какъ и я. Я далъ имъ на водку, и они остались довольны. — Вблизи храма колодезь, въ который подъ землей проведена вода изъ Ганга. Браминны выстроили надъ колодеземъ башню, ключи отъ которой держатъ у себя, объявляя, что тутъ самая святая вода, и каждый изъ 250,000 пилигримовъ долженъ платить имъ за входъ.

«Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ строеній, древняя индусская обсерваторія, брошенная теперь. Изъ обсерваторіи мы отправились въ индуское высшее училище, *Видалайл*. Въ немъ десять профессоровъ и двѣсти слушателей. Тутъ преподаютъ арифметику по индійской методѣ, санскритскую литературу, индійскія и персидскія права, астрономію по системѣ Птолемея и астрологию. Училище содержится на счетъ Компаніи. Въ библіотекѣ его нашли описаніе Англіи, до завоеванія ея Кесаремъ, на санскритскомъ языкѣ, гдѣ она названа святой землей. Темза и нѣсколько другихъ рѣкъ означены тамъ подъ ихъ теперешними именами. Храмы и монументы друидовъ сравниваются съ индійскими храмами.»

Бенаресъ вмѣщаетъ въ себя всѣ составы народонаселенія Индустана. Нѣсколько сотъ богатыхъ купцовъ, сотни тысячъ умейдваровъ, монаховъ и нищихъ и тысячи браминновъ, гордящихся своимъ педантическимъ невѣжествомъ, таковъ Бенаресъ, таково болѣе или менѣе населеніе всѣхъ старинныхъ городовъ Индіи.

Въ недалекомъ разстояніи отъ Бенареса находится *Жуанпуръ*, замѣчательный огромный мостомъ черезъ Гумти и особенно мечетью, называемою *Атула-Ханъ* (рисункъ X), славною во всей Индіи. Внѣшній видъ этого великолѣпнаго храма, постройка котораго обошлась въ 20 мил. р., напоминаетъ крѣпость. Основаніе его четвероугольное, но съ притупленными углами, отчего оно кажется восьмиугольнымъ, и такъ какъ съ каждымъ этажемъ число угловъ учащается, то послѣдній этажъ дѣлается совершенно-круглымъ и образуетъ собою куполь. Внутренность мечети, и въ-особенности середина ея, поражаетъ своею изящностію и стройными размѣрами частей; галлерей ея сдѣланы-бы честь любому готическому храму Европы. Индійскіе мусульмане чтутъ Атула-Ханъ не менѣе самой Мекки.

По близости же его находится фортъ *Чунаръ*, выстроенный на скалѣ, нависшей надъ Гангомъ, мѣсто святѣе самого Бенареса. «Командантъ, говоритъ Геберъ: велѣлъ подать ключъ, и отворивъ заржавленную дверь въ очень-

старой стѣнѣ, снявъ шляпу и вошелъ въ маленькій четвероугольный дворъ; окруженный стѣнами скалы. На одной изъ скалъ выросла смоковница, осыпавшая весь дворъ; на деревѣ висѣлъ серебряный колокольчикъ. Подъ колокольчикомъ на землѣ видна была плита изъ чѣрнаго мрамора, а на стѣнѣ былъ выстѣненъ треугольникъ и въ немъ роза, грубой работы. Сопровождавшіе насъ слѣпаны тотчасъ упали на колѣни, облобызали мѣсто около плиты и потеряли лобъ пылью. Я съ удивленіемъ взглянулъ на коменданта. «Индусы увѣрены, сказалъ онъ: что Богъ проводить на этой плитѣ каждый день не менѣе девяти часовъ, а на остальные три, отъ шести до девяти утра, отправляется въ Бенаресъ. Потому-то они и убѣждены, что владѣтели этого форта законные господа всего Индустана, и что фортъ можетъ быть завоеванъ только поутру въ три упомянутые часа.»

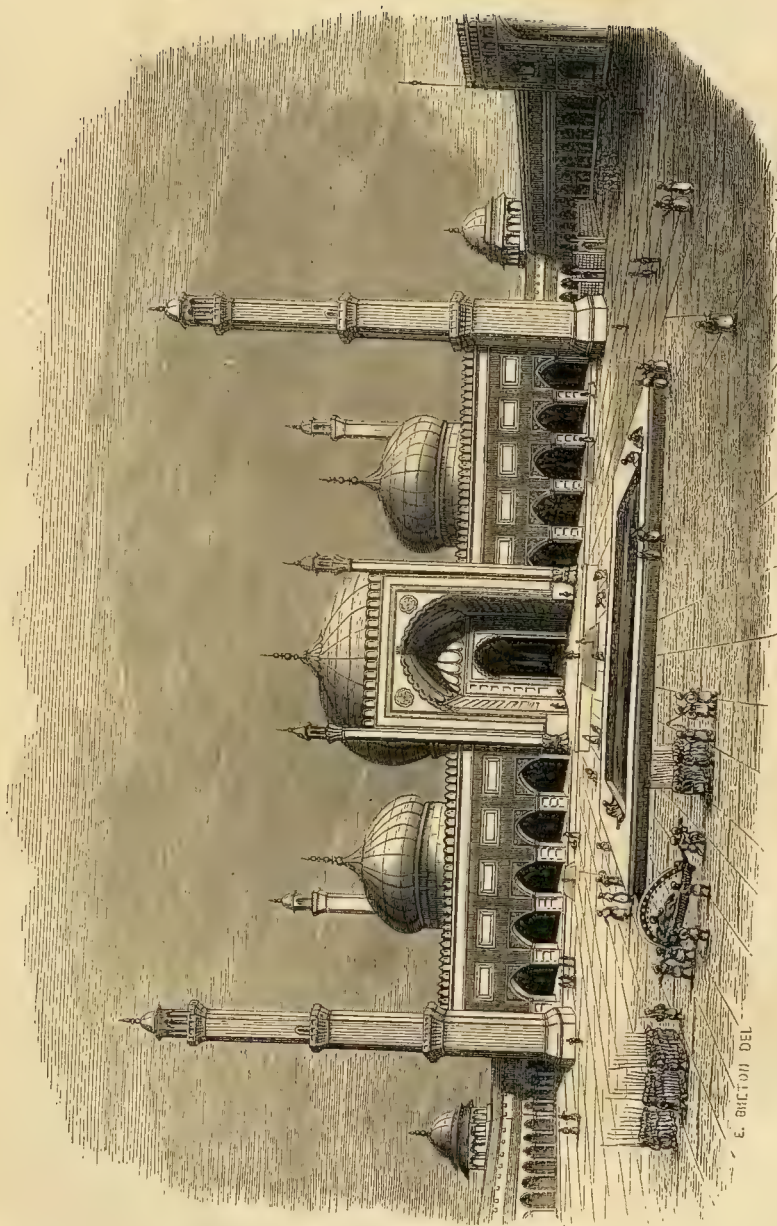
На дорогѣ въ Аллахабадъ лежитъ еще городъ *Мирзануръ*, одинъ изъ тѣхъ немногихъ городовъ Индіи, которые не приходятъ въ упадокъ и разцвѣтаютъ. Въ немъ самый большой рынокъ хлопчатой бумаги и бумажныхъ издѣлій. Народонаселеніе его, составлявшее въ 1801 году только 50,000, теперь учетверилось.

Аллахабадъ находится на южной оконечности образуемаго слияніемъ Джемны и Ганга междурѣчья, называемаго *Доабъ*, и поэтому считается святымъ. По толкамъ Индусовъ, съ водами рѣкъ Ганга (богини чистоты) и Джемны (Ямуны, дочери солнца) здѣсь сливается еще рѣка Сарасвати (воображеніемъ одаренная); имъ прислуживаютъ восемь дѣвицъ (меньшіе притоки), и потому Гангъ ниже Аллахабада получаетъ священный эпитетъ *тридеси* (три выходящихъ локона). Въ дѣйствительности, рѣки Сарасвати нѣтъ близъ Аллахабада, но вѣрующіе утверждаютъ, что она соединяется съ Гангомъ подъ землею, а потому купаніе въ Аллахабадѣ считается тройнымъ и избавляетъ отъ обязанности отправляться въ священные области Кемауна. Пришедшій пилигримъ садится надъ самой рѣкой, такъ чтобы при предварительномъ брѣтѣи все волосы упали въ Гангъ: за всякій волосъ вѣрующему даруется миллионъ лѣтъ присутствія въ раю Брами. (Какое несчастье для пилигримовъ!) Богомольцевъ проходитъ сюда ежегодно около 220,000; съ каждаго англійское правительство за позволеніе погрузиться въ Гангъ беретъ три рупіи, и этотъ налогъ доставляетъ ему въ годъ около 1,650,000 р. асс.

Знаменитая здѣшняя горная крѣпость надъ Гангомъ, изъ краснаго камня, построенная Акбаромъ, служитъ теперь главною тюрьмою государственныхъ узниковъ. Но только одно это орудіе владычества и сохранилось въ цѣлости: весь городъ въ развалинахъ.... Изъ сотни тысячъ прежняго населенія въ Аллахабадѣ теперь осталось постоянныхъ жителей не болѣе 20,000; посылка, впрочемъ, слухъ, что президентскую столицу сѣверо-восточныхъ провинцій хотѣтъ перенести изъ Агры въ Аллахабадъ; это конечно подняло-бы городъ, находящійся въ такомъ упадкѣ, что его въ насмѣшку называютъ *факиръ-абадомъ* и *теки-абадомъ*, т. е. столицей факировъ и нищихъ.

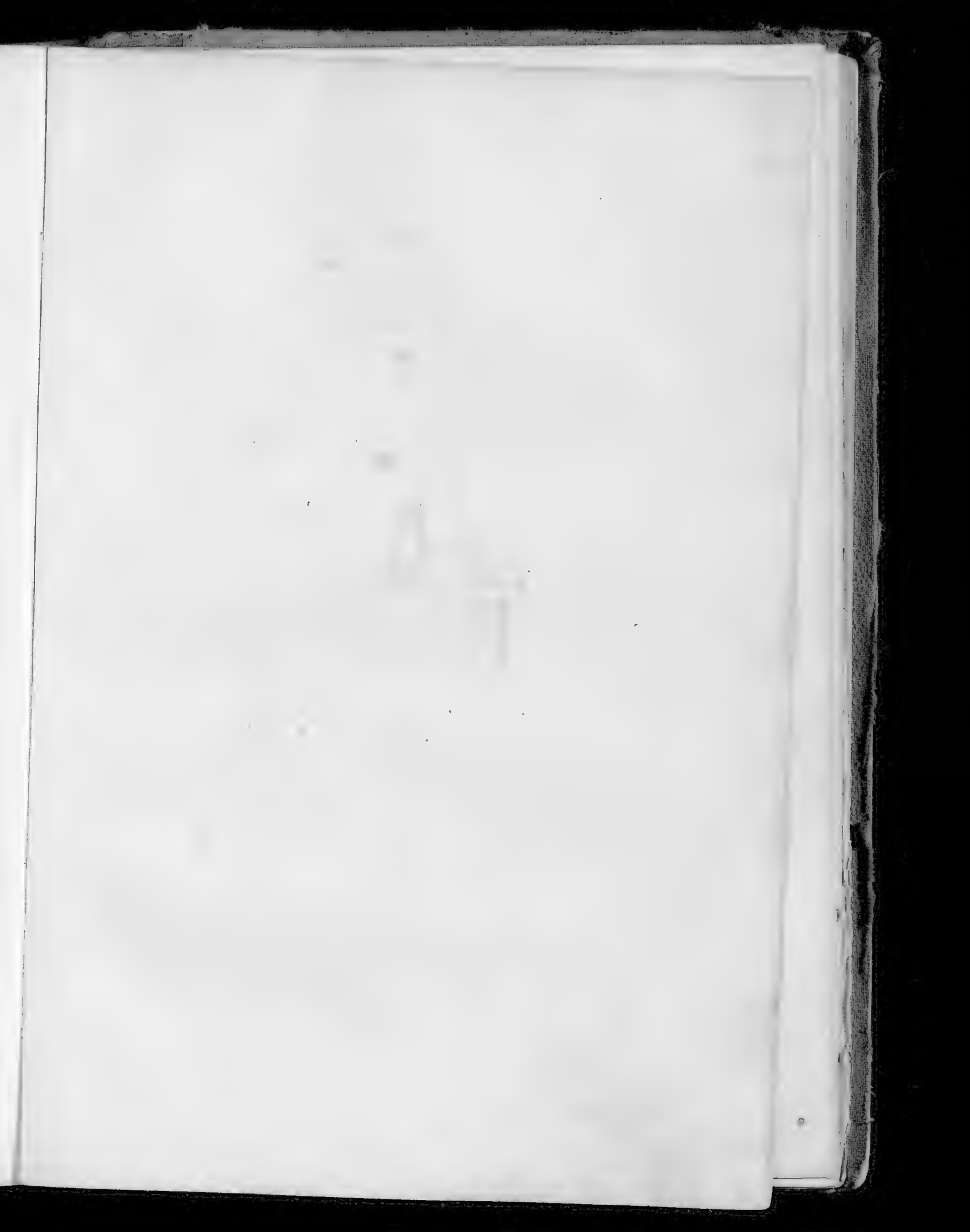
АУДСКОЕ НАБАВСТВО. Оно лежитъ между Гангомъ и хребтомъ Сивали. Благодаря вмѣшательству Англичанъ, которые дѣйствуютъ здѣсь уже съ 1765 года, набабъ лишенъ всякой власти, — во всемъ государствѣ страшное безначаліе, разбой, и все деревеннѣе услаивъ развалинами. Резиденція набаба съ 1775 г. перенесена въ *Лакнау*. Дворъ его окруженъ великолѣпнымъ, но вся власть въ рукахъ резидента.

Послѣ кончины послѣдняго набаба мать умершаго и народъ хотѣли посадить на престолъ его сына, но резидентъ обратилъ свое вниманіе на слабаго старика, слѣпо-преданнаго Компаніи, дядю покойнаго. Едва успѣла мать набаба возложить царственные знаки на своего внука, какъ явился резидентъ съ нѣсколь-

IX.

Mecca, Great Mosque

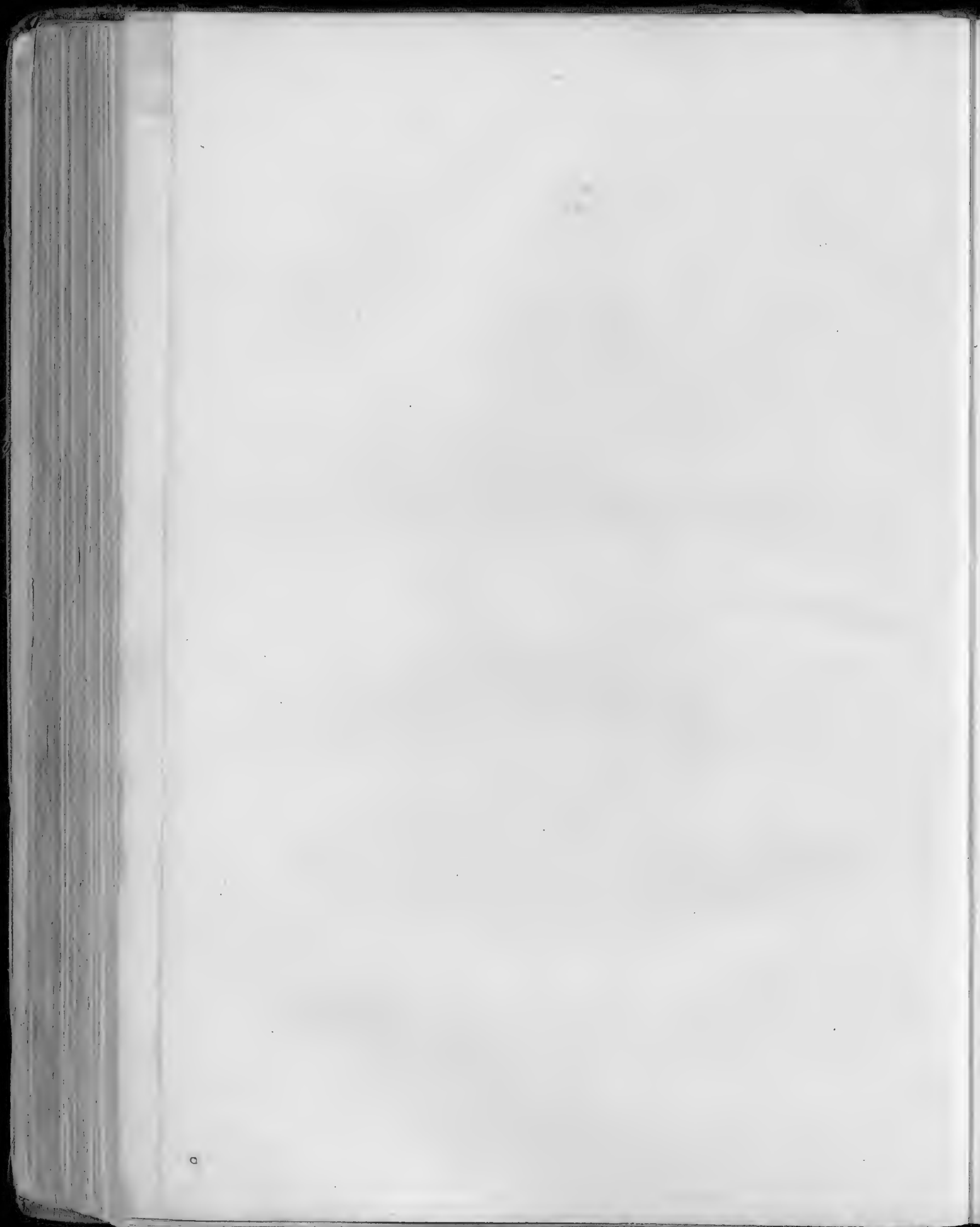

FELDHERR DER KAISERLICHEN TRUPPEN VON DELHI.

Général des troupes de l'Empereur. (Delhi).

НАЧАЛЬНИКЪ ПОМОЩНИКАМЪ ДЕАНЪМЪ
СЕНТЕРАПОРА.

кими сипайскими полками. Она приказала было запереть ворота дворца, но резидентъ силою проникъ въ тронную залу, выгналъ старуху съ внукомъ, а любимца своего посадилъ на престолъ. Дворецъ разграбили, а толпы народа разогнали картечью. — И все-таки Аудское Пабабство считается еще не-английской провинціей!

Лакнау дѣлится на три города: чѣрный, бѣлый и святой. Въ последнемъ множество мавзолеевъ и храмовъ. Особенно поражаетъ путешественника на улицахъ Лакнау необыкновенное множество слоновъ, на которыхъ здѣсь мѣстная мода.

АГРА, некогда вторая столица Монгольской Имперіи, теперь главный городъ управленія сѣверо-западныхъ провинцій, имѣетъ въ настоящее время не болѣе 60,000 жителей, но огромныя развалины, посреди которыхъ бродитъ ея населеніе, свидѣтельствуютъ о прежнемъ величій. Провинція Агра занимаетъ южную часть плодороднаго междурѣчья Доабъ. Покрытая развалинами многихъ городовъ, она находится во владѣніи мелкихъ вассальныхъ раджей. Народонаселеніе ея состоитъ изъ Сѣйковъ, джанинстовъ и особенно Индусовъ; цитадель Агры вмѣщаетъ въ себя множество мусульманскихъ памятниковъ, изъ которыхъ, особенно замѣчательны мечеть Моти-Месджидъ, построенная изъ бѣлаго мрамора, и мавзолеемъ *Таджъ-Махалъ*.

Въ этой области знамениты какъ историческія мѣста, городъ *Матпура*, приписывающій себѣ честь рожденія Кришны; *Секандра*, съ великолѣпнымъ мавзолеемъ въ честь Гумаюна, и неприступный фортъ *Алигаръ*.

ДЕЛИ. Мы дошли наконецъ до бывшей столицы Монгольской и Афганской Имперій, которая и теперь еще составляетъ центръ мусульманскаго населенія сѣверной Индіи. Тутъ стоятъ рядомъ два города: древній и новый.

Древній городъ существовалъ гораздо прежде появленія мусульманъ, и, если вѣрныя преданія Индусовъ, основанъ раджею Дегу, современникомъ *Александра Македонскаго*. Разростаясь соответственно власти царствовавшихъ династій, Дели, въ самую цвѣтущую эпоху свою, занималъ говорятъ, 48 кв. верстъ. По сумасброднымъ переселеніямъ *Махмуда III въ Деканъ* нанесли первый ударъ городу; нашествіе *Тамерлана* оставило въ немъ одинъ развалины, а перенесеніе *Акбаромъ* резиденціи въ Агру рушило окончательно величіе стараго Дели. Теперь на мѣстѣ его величественно стоятъ разбросанныя на огромномъ пространствѣ нѣмые памятники старины. Въ срединѣ развалинъ возвышается знаменитая башня *Куттубъ-Минаръ* (стр. 242). По другую сторону города красуется пятиэтажный мавзолеемъ, построенный надъ гробомъ Акбара.

Когда *Шахъ-Джеханъ* оставилъ Агру, онъ не перѣхалъ въ древній Дели, а основалъ близъ его *новый городъ*: это и есть теперешній Дели. Въ царствованіе *Ауренгзеба* новый городъ достигъ высшей степени блеска; тогда, по утверженію мусульманскихъ историковъ, населеніе его доходило до двухъ милліоновъ душъ. Но *Ауренгзебъ* умеръ, имперія его раздробилась, *Надиръ-Шахъ* пронесся надъ ней опустошителемъ, появились жадные до грабежа *Рохиллы* и не менѣе совѣстливые *Маратты*; и теперь въ Дели, имѣющемъ 40 верстъ въ окружности, осталось не болѣе 200,000 жителей.

Изъ памятниковъ новаго Дели особенно замѣчательна большая мечеть (*рисункъ IX*), построенная въ 1631 г. *Шахомъ-Джеханомъ*, и стоявшая ему три милл. рублей: сума для того времени чрезвычайная. Она возвышается на пространной платформѣ, окруженной колоннадой изъ краснаго гранита, и имѣетъ 261 футъ длины; вышина каждаго изъ двухъ красивыхъ минаретовъ ея — 130 футовъ. Съ этою мечетью соединяется весьма-печальное воспоминаніе: передъ ней въ 1739 г., грозный *Надиръ*, присутствуя при умерщвленіи жителей Дели.

Монгольской Имперіи уже нѣтъ, но императоры монгольскіе обитаютъ и теперь въ дворцахъ своихъ предковъ, не отступая ни на шагъ отъ строгаго и пышнаго этикета своего двора. Пенсіонеръ Компаніи, Акбаръ II, конечно съ неменьшею наружною важностію даетъ публичныя аудіэнціи, какъ и славный Акбаръ I, располагавшій судьбами Индіи.

Когда Жакмонъ былъ допущенъ въ тронную залу царя царей, онъ увидѣлъ его окруженнаго богато-одѣтыми стариками, держащими въ рукахъ, для означенія занимаемыхъ ими высокихъ должностей, трости съ золотыми шарами. То были омыры и эмиры-ал-омра. Рядомъ съ ними стояли въ богатыхъ мундирахъ генералы и начальники императорской гвардіи. (Жакмонъ могъ-бы прибавить, что между ними особенно красовался начальникъ тѣлохранителей, котораго изыщно-величественный костюмъ читатели могутъ видѣть на прилагаемомъ *рисункѣ*).

«Меня привезъ во дворецъ самъ резидентъ. Свита наша состояла изъ полка сипаевъ, отряда кавалеріи, цѣлаго войска слугъ и порядочнаго количества богато-убранныхъ слоновъ. Когда я прибылъ въ тронную залу и изъяснилъ монарху свое глубочайшее почтеніе, онъ пожаловалъ мнѣ дорогой халатъ, и почётное платье было тотчасъ надѣто на меня, съ подобающимъ торжествомъ и подъ распоряженіемъ перваго министра. Въ этомъ новомъ костюмѣ я явился въ тронную залу, покрывъ голову моею пуховой сърой шляпой, которую первый визирь успѣлъ между-тѣмъ, посредствомъ шали, преобразить въ чалму. Меня повели къ самому престолу, и потомокъ Чингисхана и Тамерлана собственными руками изволилъ приколотъ къ моей шляпѣ-чалмѣ двѣ застѣжки изъ драгоценныхъ камней. Императоръ спросилъ меня, есть-ли во Франціи король, и говорить-ли тамъ по-англійски. Черезъ полчаса дурбаръ кончился, и я откланялся. Когда слонъ мой проходилъ мимо карауленъ, все выбѣгало и отдавало честь моему халату изъ вышитой кисеи.

«Разумѣется, что я не пилъ духа смѣяться надъ пышностію жалкаго старика. Озабоченное выраженіе его прекраснаго лица, окаймленнаго густою бѣлою бородою, показывало, что старый монархъ чувствуетъ все униженіе своей роли. Все-таки онъ не разстанется съ своимъ мнимымъ престоломъ, пока его только не отымутъ у него: такова уже природа Азіятца.»

Главное украшеніе Дели, по словамъ Скипнера, есть *Чанди-Чокъ*, самая широкая улица во всей Азін. По сторонамъ ея разбросаны въ живописномъ безпорядкѣ дома, бѣльшею частію хорошаго стила. Многіе изъ нихъ украшены балконами изъ бѣлаго мрамора, на которыхъ богатые хозяева сидятъ молча цѣлыя часы, наслаждаясь куреньемъ хуки. Иногда рядомъ съ мужчинами показываются и женщины, но старовѣры съ неудовольствіемъ смотрятъ на такія нововведенія, и не позволяютъ своимъ женамъ выходить на открытые балконы. Въ другія улицы—кривые переулки.

Дели, подобно другимъ большимъ индійскимъ городамъ, поражаетъ Европееца особенно тѣмъ, что тутъ дѣлается все на улицахъ, и что туземцы говорятъ между собою, какъ-будто вѣчно готовые вступить въ драку. Эти крики, вмѣстѣ съ ржаніемъ лошадей, мычаніемъ и блеяніемъ животныхъ, ревомъ тигровъ, продаваемыхъ на особомъ рынкѣ въ желѣзныхъ клеткахъ, визгомъ немазаныхъ колесъ и непрерывнымъ стукомъ кузнецовъ и другихъ ремесленниковъ, смѣшиваются въ концертъ, невыносимый для новопріѣзжаго. У всѣхъ оконъ, дверей и воротъ пестрыя занавѣски; кромѣ-того есть обычай вывѣшивать съ кровель, для просушки, одежды, и развѣивающіяся такимъ-образомъ по волѣ вѣтра бѣлые, красные, желтые, синіе, зеленые шарфы даютъ всему городу праздничный видъ корабля, убранаго разноцвѣтными вымпелами.

Сядьте и вы на свой балконъ, закурите хуку и любуйтесь издали картинностию восточнаго быта. По бездѣйствію наскучить вамъ, вы захотите побывать на базарахъ, вытѣшаться въ эту пеструю, крикливую толпу,—и повѣрьте, нѣтъ лучшаго средства, чтобы примирить васъ съ прозаическимъ, но опрятнымъ однообразіемъ мѣщанскаго быта Европы. Мнѣиы мухъ осаждаютъ съѣстные ряды всякаго восточнаго города; движеніе экипажей и толпы подымаютъ густыя облака пыли съ немощеныхъ улицъ; отсюда разить воню изъ помойныхъ ямъ, а запахъ испорченнаго масла, на которомъ поджариваютъ, посреди базара, разный лакомства для черни, захватить ваше дыханіе. Не долго выдержите вы подобное испытаніе, и безъ оглядки бросите изученіе уличныхъ нравовъ. Если вы вздумали провѣхать по городу верхомъ, то запаситесь ловкостію, осторожностію и терпѣніемъ: иначе вы не достигнете своей цѣли. Ежеминутно вы должны будете разгонять передъ собою толпу крикомъ, бранью и толчками. Встрѣча съ стадомъ тяжело-навьюченныхъ верблюдовъ или слоновъ заставляетъ васъ смиренно посторониться, и если при проходѣ послѣднихъ лошади ваша станеть на дыбы, или начнеть бросаться въ сторону, вы легко можете полетѣть головой прямо въ одну изъ безчисленныхъ кострюль съ горячимъ рисомъ, разставленныхъ въ базарныхъ харчевняхъ. Если же слонъ испугался вашей лошади, то на улицѣ дѣлается страшный безпорядокъ, и вы должны почестъ себя очень-счастливыми, если отдѣляетесь однимъ испугомъ (*). А когда злая судьба наткнула васъ на повозку какого-нибудь важнаго лица, то нѣтъ спасенія: вы должны прижаться къ самой стѣнѣ, мимо васъ пройдетъ безконечная свита, и цѣлыхъ полчаса вы будете еще глотать страшную пыль, которая окружитъ васъ такимъ непроницаемымъ покрываломъ, что вы не скоро поймете, гдѣ вы и куда продолжаетъ путь.—Въ Дели считается до сорока мечетей, и замѣчательна большая обсерваторія, выстроенная въ началѣ XVIII вѣка.

Со времени монгольскихъ завоевателей, удивительный каналъ *Забета*, въ 200 англійскихъ милъ длиной, начинаясь отъ Дели, проходилъ по всей западной части Верхняго Дооба, оплодотворяя страну, сдѣлавшуюся теперь обитаемымъ хищныхъ звѣрей, потому что время и людская безпечность привели его въ упадокъ. Вотъ уже лѣтъ 25 толкуютъ о томъ, какъ возстановить этотъ благородный трудъ человека; но несмотря на то, что въ казнѣ Компаніи перѣдко оставалось до десяти милл. руб. ежегодно, все ограничивается однимъ словомъ. Въмѣсто этого благотворнаго правительствомъ съ каждымъ годомъ усиливается воздѣлываніе опиума, столь-вредное для почвы и такъ мало прибыльное для свѣтеля: но что пужды: лишь-бы было выгодно карману плантатора!

Въ Делійской Провинціи, какъ и въ Агрской, находится множество вассальныхъ раджей (Патіалы, Саргинда, Лодіаны и др.). Она населена Джатами, Сѣйками, мусульманами, а сѣверная часть ея занята афганскими ордami *Рохилковъ* (что значитъ горцы). *Рохилкундъ* лежитъ къ югу отъ Сирмора и Кемауна. Тутъ главные города: *Барельи* (60 т. жителей) и *Рампуръ* (50 т. жит.). Къ западу отъ Рохилкунда находится область *Сахарампуръ*, съ городами *Хардваромъ* и *Сахарампуромъ*.

Провинція Дели составляетъ крайнюю сѣверо-западную область восточнаго Индустана. Теперь спустимся опять по Джемъ и отъ Агры поверотимъ на югъ.

МАЛВА. Область Малва совершенно отлична отъ Гангской долины. Она вся изрѣзана горами и скалами, не превышающими впрочемъ 2000 футовъ, а южная

(*) Огъ этого въ Калькуттѣ запрещено развѣзжать въ самомъ городѣ на слонахъ...

часть ея касается Внидійскихъ горъ. Междугорныя долины очень плодородны и покрыты плантаціями опиума и индиго.

Во время завоеванія Индіи Баберомъ, Малва составляла нераздѣльное султанство, но теперь она распалась на нѣсколько частей. Большинство народонаселенія ея состоитъ изъ Мараттовъ; кромѣ ихъ, въ ней обитаютъ Пиндарин, Били, Джаты и Раджути. Малва заключаетъ въ себѣ теперь мараттскія княжества: Синдію и Индуръ, Бонделькондъ, съ его мелкими раджами, и раджество Бопаль; западъ-же области отошелъ къ Раджупутамъ, какъ востокъ къ Англичанамъ. Отъ древней столицы Малвы, Чанди-Абада, остались теперь однѣ развалины, простирающіяся на 28 верстѣ.

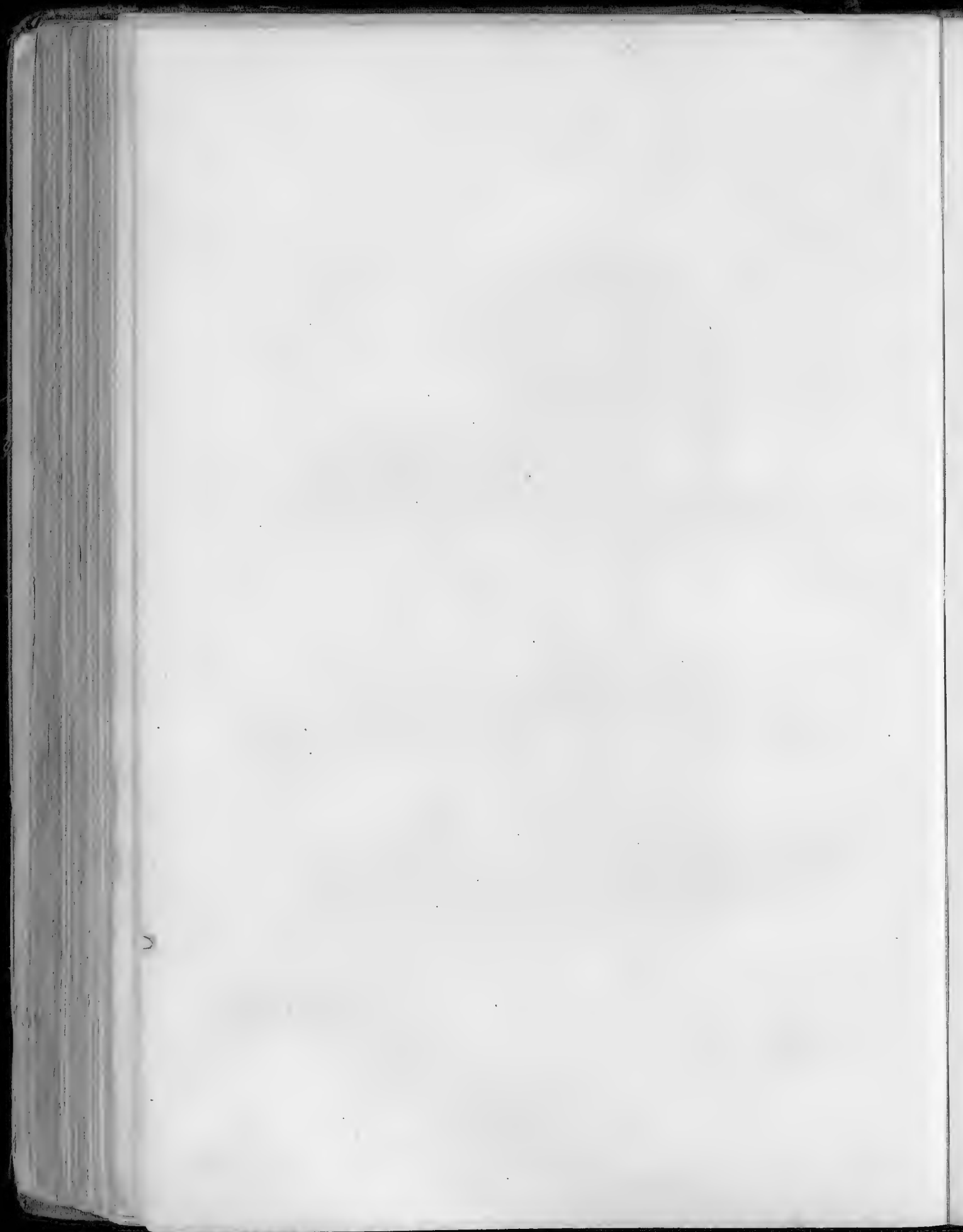
Столицей Синдіи до 1810 года считался Уджейнъ; одинъ изъ семи святыхъ городовъ Индустана; въ немъ находится знаменитая обсерваторія, отъ которой Индусы считаютъ первый меридіанъ. Теперь столица перенесена въ Гвалиоръ, знаменитый своимъ фортомъ. Эта крѣпость огромная скала, имѣющая около миль въ окружности и возвышающаяся на 300 футовъ надъ всю окрестностью. Мѣстность отъ природы неприступная укрѣплена еще болѣе искусствомъ. Человѣкъ обтесалъ кругомъ всю скалу и образовалъ изъ нея со всехъ сторонъ совершенно-вертикальную стѣну. Во внутренность ея ведетъ только одна дорога. Она защищена семью воротами, вырубленными въ скалѣ и огражденными каждая особымъ укрѣпленіемъ. Внутри горы находятся огромныя помѣщенія для нѣсколькихъ тысячъ гарнизона и для припасовъ на два года. Въ нѣсколькихъ точкахъ скала просверлена до основанія, и такимъ-образомъ навсегда обезпечена водою изъ неприступныхъ колодезевъ. Кто видѣлъ крѣпость Кенигштейнъ въ Саксонской Швейцаріи, тотъ видѣлъ, такъ-сказать, только намекъ на Гвалиорскую крѣпость. Въ 1780 г. этотъ фортъ попалъ однако-же въ руки Англичанъ, но былъ взятъ не силою.

Образцомъ земляныхъ укрѣпленій, какими наполнена Индія и какія есть и въ Гвалиорѣ, могутъ служить ворота Котилла (укрѣпленное обиталище) (рисункъ XIII), находящіяся недалеко отъ Дели и построенныя Шахомъ Фиррузою въ 1220 году.

Во владѣніяхъ бопальскаго набаба, кромѣ туземцевъ, обитаетъ около 50,000 мусульманъ, которые занимаются торговлею, отличаются миролюбивымъ характеромъ, и называются Боры. Это потомки Евреевъ, принявшихъ Исламизмъ; они удержали многіе жидовскіе обычаи, но какъ-то облагорожены Исламизмомъ.

О раздробленности Бондельконда мы говорили уже неоднократно. Подобно всѣмъ областямъ Индіи, онъ покрытъ развалинами, и кромѣ-того дурно обработанъ.

НАГПУРЪ. Владѣнія мараттскаго бунсла заключаютъ въ себѣ большую, восточную часть Берара и западъ Гондуаны. Нагпурское раджество, ограниченное Ориссою, владѣніями низама, Бахаромъ и Малвою, занимаетъ плоскую возвышенность, которой высшая точка Омеркунтукъ; во многихъ мѣстахъ оно имѣетъ недостатокъ въ водѣ (хотя его орошаютъ двѣ важныя рѣки: Маганудди и Годаверн), и потому, несмотря на то, что пространствомъ оно въ $2\frac{1}{2}$ раза болѣе Аудскаго Набаства, народонаселеніе его равняется только двумъ третямъ послѣдняго. Это объясняется кромѣ-того и густыми, часто непроходимыми лѣсами Гондуаны. Берарскій бунсла повелѣваетъ многимъ мелкимъ раджами, но состоитъ и самъ въ вассальствѣ Англичанъ. Въ его столицѣ, Нагпурѣ (имѣющей до 115 т. жителей), находится, какъ слѣдуетъ, резидентъ. Область Гондуана дѣлится на 24 округа, изъ которыхъ только восточные и сѣверные принадлежатъ къ Бенгальскому Президентству; остальные признаютъ власть нагпурскаго бунсла. Но попятно, какъ мало власти въ рукахъ раджи, котораго

подданные подданіе *Гонды*, *Коли*, *Карвары* и *Чопаны*, и опекунство надъ которымъ вѣрено надежному резиденту! Второй городъ государства есть *Рут-тунпуръ* (городъ драгоценныхъ камней), на берегу Маганудди.

ОРИССА. Эта приморская область составляетъ южную оконечность Бенгальскаго Президентства и лежитъ къ востоку отъ Нагпура. Народонаселеніе ея простирается до $1\frac{1}{2}$ милліона. Вблизи морскаго берега тянутся болота, наполненные крокодилами, и доставляющія Компаніи огромное количество селитры; потомъ слѣдуютъ роскошныя лѣса; далѣе, во внутренности страны, скудныя производительною возвышенныя равнины. Обитатели послѣднихъ составляютъ племя миролюбивое, но недѣлательное, и съ величайшею щепетильностію соблюдающее всѣ кастныя раздѣленія. Въ горахъ живутъ коренныя племена *Колей*, *Гондовъ* и *Куровъ*; первые дѣлятся на тридцать поколѣній, и обожаютъ преимущественно четыре предмета: дерево сахарнаго, рисъ, горчичное масло и собаку. Въ приморскихъ болотахъ обитаетъ, кромѣ того, исправляя разныя рабскія работы, племя *Суровъ*. Въ этой области вообще мало торговли и промышленности. Главныя города ея: *Баласоръ*, *Джагернатъ* (съ 30 т. жит.) и *Каттакъ*.

Орисса одна изъ святѣйшихъ областей брамантскаго міра и устлана храмами: такъ, напримѣръ, съ вершины большой башни развалинъ города *Буванесуара* взоръ путешественника обнимаетъ вдругъ до 60 башенъ, изъ которыхъ каждая принадлежитъ къ особому храму. Но перлъ здѣшнихъ святыхъ—это «досто-славный Джагернатскій храмъ».

Имя *Джагерната* происходитъ отъ дупла, въ которомъ, по увѣренію браминовъ, заключаются останки и духъ Кришны. Это дупло, или идолъ, называется *Джагатната* (богъ вселенной). Гранитный храмъ Джагернатскій (см. стр. 166) великъ, но грубой архитектуры. Наружныя стѣны его покрыты изваяніями, изображающими разныя уродливыя лица. Кругомъ храма стоятъ каменные статуи, съ самыми неприличными положеніями тѣла. Главный придѣлъ храма посвященъ Джагатнатъ, идолъ котораго дупло, чуть-чуть обтесанное, съ самымъ грубымъ подражаніемъ человѣческому бюсту; около плечъ оставлены обрубки сучьевъ, и къ нимъ прикрѣпляются руки изъ чистаго золота. Дупло перемѣняется, по словамъ однихъ, каждыя три года,—по увѣренію другихъ только тогда, когда въ мѣсяцъ *ассанъ* встрѣчаются два новолунія, что бываетъ каждыя семнадцать лѣтъ. Это тайна браминовъ, которые доселѣ не допускаютъ въ храмъ ни одного Европейца; извѣстно только народу, что браминъ, перемѣстившій останки божества изъ стараго дупла въ новое, никогда не доживаетъ до слѣдующаго годоваго праздника: божество отзываясь его въ свой рай.

При храмѣ находится четыре тысячи жрецовъ, баядерокъ, цирюльниковъ, поваровъ и другихъ прислужниковъ съ семействами. Одному англійскому путешественнику удалось достать дневной кухонный бюджетъ капища. Для идола и его приближенныхъ каждое утро потребно: 220 фунтовъ рису; 97 фунтовъ юллы (родъ овоща); 24 фунта мууга (родъ зернистаго хлѣба); 184 фунта коровьяго масла; 80 сахару или патоки; 82 фунта разной зелени и овощей; 10 фунтовъ простокваши; $2\frac{1}{2}$ фунта приностей; 2 сандаловаго дерева; 2 толы камфоры; дровъ на 4 рупіи и наконецъ, 22 фунта миндальнаго масла для лампы.—Идоламъ пища предлагается три раза въ день.

Главный доходъ храма отъ пищи, отпускаемой богомольцамъ. Жрецы установили правиломъ, что пища, освященная на ихъ дворѣ, до-того проникается благодатію, что терять даже воспримчивость оскверненія, такъ что прикосновеніе ни мусульманина, ни христіанина, ни парія не можетъ нанести ей ни малѣйшаго пятна. Вслѣдствіе этого мудраго закона всѣ пилигримы обращаются за пищею

въ храмъ, и четырсета поваровъ, въ продолженіе такъ-называемой «священной джагернатской недѣли» и другихъ храмовыхъ праздниковъ, день и ночь заняты работою. Этихъ праздниковъ въ году не менее двадцати, но самый важный изъ нихъ *Руттъ-яттра*, празднуемый въ концѣ іюня и привлекающій въ Джагернать до 200 тысячъ богомольцевъ.

Для этого праздника заранее готовятъ три *рутты*, т. е. колесницы. Большая изъ нихъ, въ 35 футовъ вышиною, утверждена на шестнадцати массивныхъ колесахъ. Она выкрашена яркими красками; надъ верхней площадкой ея, гдѣ усаживаютъ идола, воздвигается балдахинъ или куполь, надъ которымъ развѣвается англійскій флагъ, и въ такомъ видѣ колесница представляетъ родъ подвижнаго храма. Впереди площадки прикреплена деревянная фигура, изображающая возницу, передъ которымъ торчатъ на воздухѣ четыре деревянные лошади. Когда въ первый день священной недѣли отворяются двери храма, толпа бросается въ святилище съ такою поспѣшностію, что каждый годъ нѣсколько человекъ погибаютъ въ давкѣ. Задушенныхъ вытаскиваютъ крюками и черезъ головы народа выбрасываютъ изъ храма, а торжество идетъ своимъ чередомъ. Появленіе идола на порогъ храма встрѣчается радостными криками богомольцевъ.

Жрецы несутъ идола до нижней ступени храмовой лѣстницы, гдѣ его ожидаетъ колесница. На двѣ меньшія колесницы усаживаютъ идолы боговъ *Баларама* и *Шабудры*. Около заката солнца является верховный священникъ (онъ-же и раджа Курды), сопровождаемый своимъ лейбъ-слономъ, животнымъ необычайной величины, бѣлымъ какъ снѣгъ, и покрытымъ яркими попонами, усыпанными драгоценными камнями. За его слонѣмъ стоятъ слоны его свиты, потомъ англійское начальство, далѣе густая толпа пилигримовъ. Эта неподвижная стѣна огромныхъ животныхъ, бѣльведеры, устроенные на ихъ спинахъ, башнеобразныя колесницы, уставленные идолами, тысячи браминовъ, высилавшихъ изъ храмовъ, сотни тысячъ людей молящихся, поющихъ и кричащихъ, звонъ колоколовъ, а на заднемъ планѣ высокая башня главнаго храма, окруженная множествомъ пагодъ и пестро-выкрашенными домами города, и еще далѣе темно-голубая волна моря: все это вмѣстѣ составляетъ картину, фантазмагорическій эффектъ которой превзойдетъ ожиданія самаго смѣлаго воображенія.

Верховный священникъ, одѣтый въ бѣлый мусселивъ, съ босыми ногами, приближается, поддерживаемый двумя рослыми браминами, къ колесницамъ, и мгновенно умолкаетъ весь шумъ. Онъ восходитъ на колесницу, молча приветствуетъ божество, освящаетъ сандалной водой площадку, и тогда, въ знакъ народной радости, раздаются тысячи инструментовъ, и воздухъ оглашается криками всѣхъ присутствующихъ. Это повторяется три раза. Сошедъ съ третьей колесницы, раджа подставляетъ плечо къ руттъ-яттрѣ и тѣмъ даетъ знакъ къ процессіи. При этомъ знакѣ все приходитъ въ движеніе. Тысячи храмовыхъ браминовъ, передъ которыми народъ благоговѣйно разступается, съ зелеными вѣтвями въ рукахъ, подбѣгаютъ, прыгая и воспѣвая священные пѣсни, къ колесницамъ, ухватываются за длинныя канаты, привѣянные къ нимъ, и оборотившись лицомъ къ идоламъ, начинаютъ подвигаться назадъ. Впереди идетъ Баларамъ, въ серединѣ Джагатватата, на концѣ Шабудра. Толпа тѣснится къ колесницамъ. Каждый пилигримъ хочетъ коснуться каната или колеса, и какъ-нибудь содѣйствовать шествію. По-мѣрѣ подвиганія колесницъ, народъ бросаетъ на огромныя золотыя чаши, несомыя браминами, деньги и какаовые бобы. Браминны освящаютъ бобы и раскидываютъ ихъ въ толпу (чтобы оставалось больше мѣста на блюдахъ); а серебряныя рупіи и золотыя пагоды оставляютъ себѣ. Около колесницъ скачутъ молодые браминны, какъ-бы изступленные, ударяя освященными

путьми то везущихъ, то окружающую толпу. Богачи пробираются сквозь народъ, чтобы коснуться канатовъ; женщины цѣлуютъ колеса и колесницу; мѣтѣ-счастливыя, которымъ не удастся пробраться, поднимаютъ дѣтей выше головы, чтобы подолъ могъ благословить ихъ издали. Шествіе освѣщается безчисленными факелами. Пріѣхавъ на мѣсто, гдѣ было срублено послѣднее дупло, Джагнатта останавливается и остается здѣсь семь дней. Эту недѣлю три колесницы окружены день и ночь народомъ, соблюдающимъ строгій постъ, воздерживающимся отъ всякой работы и молящимся во все часы, свободные отъ сна. На восьмой день колесницы возвращаются къ храму, и тутъ-то фанатики бросаются подъ колеса ихъ; но теперь этого рода добровольная смерть выходитъ изъ моды. За-то число людей, умирающихъ отъ давки, подъ ногами народа и слоновъ, очень значительно. Задавленные остаются посреди поля до вечера, а ночью пожираются шакалами. Окрестности Джагнатта всегда усыяны островами. По окончаніи праздниковъ, народъ расходится по домамъ, шакалы удаляются въ лѣса, а сытые брамины въ нагодныя жилища.

СИРКАРЫ (т. е. области) называются «сѣверными» въ отношеніи къ Деканскому берегу Карнатика, и составляютъ переходъ отъ Индустана къ Декану. Онѣ принадлежатъ къ Мадрасскому Президентству и имѣютъ до трехъ милліоновъ жителей. Главныя рѣки области: Голаверн и Кришна. Почва ея плодородна, но поземельная подать взимается земиндарами, и слѣдовательно, народъ очень бѣденъ. Жары здѣсь стоятъ нестерпимыя: даже ночью термометръ рѣдко опускается ниже 33° Реомюра. Провинція раздѣляется на семь округовъ, и столицею ея считается *Мадулипатамъ*.

ГОЛКОНДСКОЕ КОРОЛЕВСТВО. Во владѣніяхъ низама заключаются провинціи: Гайдерабадъ, Бидеръ, восточная часть провинцій Ауругабада и Беджапура; а до 1843 года сюда принадлежали западныя округа Бераара. Мы уже нѣсколько разъ говорили объ этомъ государствѣ, населенномъ двѣнадцатію милліонами жителей, которое прежде занимало первое мѣсто между памѣстничествами Монгольской Имперіи, а теперь можетъ почитаться какъ-бы представителемъ туземныхъ данниковъ всепоглощающей Компаніи. Политическія дѣйствія субсидіарной системы нами уже показаны; теперь изслѣдуемъ ея *соціальныя* дѣйствія. Примеромъ для всѣхъ туземныхъ государствъ въ этомъ случаѣ можетъ служить Гайдерабадъ.

Мы видѣли изъ исторіи Голконды постепенное паденіе этого королевства при безпутномъ Низамѣ-Али, который объявилъ себя, наконецъ, вассаломъ Англіи и довелъ своихъ подданныхъ до страшной нищеты. По смерти его, въ 1803 г., на престолъ вступилъ *Секундеръ-Шахъ*, государь слабый, при которомъ королевство еще болѣе подпало вліянію Англичанъ. Самовольный выборъ министра генераль-губернаторомъ, вопреки трактату, положилъ въ молодомъ низамѣ основаніе ненависти къ Англичанамъ, превратившейся въ-послѣдствіи въ instinctивное отвращеніе отъ всѣхъ мѣръ, предлагаемыхъ хитрыми покровителями, даже если онѣ могли-бы быть и полезными ему. Это обнаружилось особенно по случаю избранія новаго министра, въ 1808 году.

При дворѣ находились тогда два главныхъ сановника: Шумсъ-ул-Умра, родственникъ низама, пользовавшійся его любовью, и Мунере-ул-Мулукъ, котораго онъ ненавидѣлъ. Желая знать мнѣніе Англичанъ о нихъ, низамъ попросилъ у генераль-губернатора совѣта, кого выбрать. Лордъ Минто рекомендовалъ Шумсъ-ул-Умру: этого было довольно для низама, чтобы не взять его и назначить министромъ Мунере-ул-Мулука. Губернаторъ, оскорбленный такимъ поступкомъ, утвердилъ избраннаго почѣтнымъ министромъ, но отъ себя назначилъ другаго

министра, Индуса *Шандула*, и вручилъ ему всю власть. Такимъ-образомъ, низамъ принужденъ былъ содержать двухъ главныхъ министровъ и незаметно подчиниться власти *Шандула*.

Въ 1811 году въ Гайдерабадъ явился резидентъ сэръ *Россель*. Вотъ нѣкоторые мѣста изъ письма его къ совету директоровъ. Начало письма относится къ положенію дѣлъ въ 1811 г. «Со-всѣхъ сторонъ, пишетъ онъ: наша политика встрѣчала затрудненія и препятствія. Со стороны низама мы не могли ожидать ничего добраго, и должны были опасаться всего дурнаго. Онъ былъ, — и отъ природы и вслѣдствіе своего положенія, — характера слабого и подозрительнаго. Его стѣснила наша опека, и онъ съ видимою благосклонностью смотрѣлъ на каждый комplotъ, направленный противъ насъ. Двое изъ его сыновей подняли открытый бунтъ, вступили посреди города въ сраженіе съ моею свитой, убили одного изъ моихъ офицеровъ; но были схвачены и посажены въ темницу. Соперничество двухъ главныхъ министровъ содѣйствовало тоже немало къ поддержанію безпрестаннаго броженія. Чѣмъ совѣтовалъ одинъ, то непременно отсовѣтовалъ другой. Всѣ начальники и всѣ семейства, имѣвшіе прежде значеніе, приписывали, и не безъ основанія, нашему вліянію потерю его и утрату участія въ государственномъ управленіи, а потому ненавидѣли насъ вдвойнѣ, какъ личныхъ враговъ своего сословія и какъ инноваторцевъ. Простой народъ, какъ во всѣхъ магметанскихъ городахъ, былъ невѣжественъ, расположенъ къ буйству и готовъ на всѣ преступленія, особенно подъ вліяніемъ фанатизма.

«Союзъ съ нами на основаніи субсидіарной системы, продолжаетъ *Россель*: содѣйствуетъ, безъ сомнѣнія, къ поддержанію нашей власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ подготавливаетъ и неминуемое разложеніе поддающагося туземнаго правительства. Подобный родъ политики противенъ однако-же выгодамъ не только туземцевъ, но и Англичанъ. Въ каждомъ увеличеніи нашихъ непосредственныхъ владѣній кроются семена будущихъ опасностей для насъ. Съ паденіемъ каждаго туземнаго правительства исчезаетъ поприще дѣятельности для горячихъ головъ, которыхъ такъ много въ военныхъ сословіяхъ Индіи. Какъ скоро новая территорія дѣлается англійскимъ округомъ, всѣ мѣста по управленію ея занимаются тотчасъ европейскими чиновниками Компаніи, — туземцы высшихъ и среднихъ сословій повсюду вытѣсняются, и имъ предстоить нищета: слѣдовательно, сумма народной ненависти возрастаетъ противъ насъ все болѣе и болѣе. Въ Англіи многіе утверждаютъ, будто компанейское правленіе пользуется любовью Индусовъ: это ложь. Индусы предпочитаютъ свое доморощенное правленіе, каково-бы оно ни было, благодѣяніемъ управленія чужестранцевъ, и нужно признаться, что наше управленіе соответствуетъ ихъ нуждамъ, понятіямъ и обычаямъ столько-же, сколько наше платѣ ихъ климату. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что наша система управленія навмекла на страну болѣе зла, и зла гораздо-болѣе глубокаго, нежели сама произвольный дѣйствія худшаго изъ туземныхъ правительствъ. Въ доказательство приведу только одно обстоятельство: въ Гайдерабадъ теперь нѣтъ и слѣда высшихъ и среднихъ классовъ общества. Англійское вліяніе и господство ознаменовывается вездѣ только разрушеніемъ и развалинами.»

Убѣдившись, что выгода и Англіи и Индіи требуетъ ограниченія власти Англичанъ, *Россель* почелъ своимъ долгомъ водворить порядокъ въ несчастныхъ владѣніяхъ низама. Предшественники его распустили мало-по-малу контингентъ низама, между-тѣмъ какъ грабительства податныхъ откупщиковъ изнуряли провинціи и заставляли ихъ прибѣгать къ возстаніямъ. *Россель* могъ-бы, конечно, согласно политикѣ Компаніи, защищать грабительство откупщиковъ сипайскими полками субсидіарнаго войска, но онъ предпочелъ возвратитъ низаму часть

власти и вмѣстѣ съ тѣмъ внушить ему менѣе-безжалостную политику. Для этого онъ возстановилъ контингентъ, далъ низаму возможность усмирить бунтовщиковъ, сдѣлалъ, соединеніемъ умѣренности съ твердостью, приобрести совершенное доверіе и любовь султана, — и когда въ 1816 году противъ Англичанъ въ центрѣ Индіи вспыхнуло возстаніе Мараттовъ, — когда для войны соединились пейшва, Бераръ и Голкаръ, когда Сивдью удерживало только присутствіе арміи: словомъ, когда все, что было воинственнаго въ Индіи, возстало противъ иностранцевъ, и все взоры съ ожиданіемъ обратились на низама, — то вліяніе Росселя на послѣдняго было такъ сильно, что низамъ, не колеблясь ни минуты, присоединился со всеми своими силами къ компанейской арміи. Тѣмъ не менѣе, нечестнолюбивая политика Росселя не понравилась: его отозвали, а преемникамъ его было вѣнчено въ обязанность возстановить «законное» вліяніе Англіи. Все дѣла управленія перешли опять исключительно въ руки Шандулала, который во всѣхъ важныхъ случаяхъ совѣтовался съ резидентомъ, а низамъ остался только въ видѣ финансоваго пугала для народа.

При вступленіи въ должность, Шандулаля нашелъ все источники государственнаго дохода истощенными, а между-тѣмъ нужно было покрывать значительные постоянные расходы и удовлетворять безпрестаннымъ требованіямъ Англичацъ. Онъ роздалъ все государство податнымъ откупщикамъ, и, получая отъ нихъ выговоренныя суммы, выжималъ изъ нихъ награбленныя деньги, когда по его разсчѣту они достаточно нажились. Но этихъ доходовъ все-таки не хватало. Въ Европѣ, въ случаѣ надобности, государство дѣлаетъ правильный заемъ; Индусу слово «государственный кредитъ» непонятно. Азіатцу не войдетъ въ голову, какимъ-образомъ правительство, которое можетъ обобрать все даромъ, станетъ дѣлать займы, и индійскій министръ можетъ занимать развѣ только на свое имя. Такъ поступалъ и Шандулаля. Но не всегда будучи въ состояніи расплатиться, онъ прибѣгалъ верьдако къ другимъ средствамъ. Напримеръ, въ 1839 году, желая «очистить долгъ», онъ велѣлъ сказать купцу, которому былъ долженъ два милліона рупій, чтобы онъ явился за деньгами. Кредиторъ предсталъ съ векселями: у него отобрали ихъ, самого засадили въ тюрьму, вынудили его дать квитанцію въ полученіи долга, — а на дому у него уничтожили между-тѣмъ свѣдѣнія книги и кстаті захватили все наличныя деньги. Въ крайней экстренности случалось, что министръ приказывалъ предавать банкротовъ пыткамъ, жечь имъ пальцы, пока они не признавались, гдѣ ихъ касса. Читатель, можетъ-быть, подумаетъ, что Шандулаля жестокаго права: напротивъ, Варренъ, прожившій почти годъ въ Гайдерабадѣ, изображаетъ его человекомъ кроткимъ и, сравнительно съ обыкновенными азіатскими министрами, правственнымъ. По должности его — должность палача, и пока онъ былъ министромъ, онъ не могъ дѣйствовать иначе. Всеми этими средствами онъ набиралъ ежегодно до 75,000,000 рублей; но сумма эта не покрывала расходовъ, — долгъ компанейскому правительству возрасталъ ежегодно, и въ 1843 году 72-хъ-лѣтній Шандулаля отказался наконецъ отъ своей должности. Англичане предложили-было низаму, чтобы онъ уплатилъ долгъ изъ своей частной казны, но Азафъ-Шахъ, царствующій съ 1829 года, не согласился на это и попросилъ отставки. Англичане, не желая лишиться полезнаго орудія, оставили его низамомъ, взяли себѣ Берарскіе Округи, а преемникомъ Шандулала сдѣлали одного молодца, который вездѣ кричалъ, что все безпорядки въ финансахъ происходятъ отъ излишняго мягкосердія старика. Изъ столицы перейдемъ во внутренность королевства.

Государственные доходы взимаются почти во всѣхъ округахъ иждарадарами, податными откупщиками, которые берутъ подать или натурой (большую частію

половину урожая) или деньгами. Но и жарадаръ, подмещающій произволу министра, оплачивается тѣмъ-же самымъ и народомъ. Въ неурожай онъ отнимаетъ у крестьянина послѣднюю скотину, — въ урожай оставляетъ ему только необходимое для пропитанія. Откупщику всѣ барыши; хлѣбопашу весь уронъ. Жалобъ на откупщиковъ правительство не принимаетъ.

Судебная власть, по законамъ, находится въ рукахъ слѣдующихъ лицъ. Въ столицѣ долженъ быть *суба*, для гражданскихъ дѣлъ, и *котвалъ*, для уголовныхъ; оба они представляютъ дѣло на разрѣшеніе *кази*, и исполняютъ его приговоръ. Гражданскія дѣла Индусовъ, вмѣсто кази, рѣшаются *пенджаэтомъ* (судомъ изъ пяти лицъ), выбраннымъ тяжущимися. Въ провинціяхъ должны быть тоже и кази и пенджаэты, а въ права суба и котвала вступаетъ откупщикъ податей. (*) Въ дѣйствительности-же этого не существуетъ: въ столицѣ рѣшаетъ все одинъ министр и его чиновники, въ провинціяхъ одинъ откупщикъ. Слѣдовательно, *министръ и откупщики* — вотъ единственные люди, въ чьихъ рукахъ имущество и судьба 12 милліоновъ подданныхъ цизама. Поэтому всѣ королевство въ нищетѣ, и частныя возстанія не прекращаются, открываясь то въ той провинціи, то въ другой. Англичане не господа, а «союзники», и потому имъ

(*) Замѣтимъ при этомъ, что въ уголовномъ туземномъ судопроизводствѣ удержалось доселѣ тотъ родъ доказательствъ, который напоминаетъ *ордалинъ* Германцевъ и который въ средніе вѣка люди, по простотѣ своей, называли «*судомъ Божиимъ*» (*judicium Dei*): ибо ему предназначено было рѣшать тѣ случаи, когда преступленіе не было предсудомъ членовъ человеческими законами, — и потому, что тогда вѣрили, что въ подобныхъ обстоятельствахъ самъ Богъ уже непременно оправдаетъ невиннаго и защититъ слабого. Девять такихъ родовъ «суда Божія», показанныя въ священныя книги Индусовъ, рѣшали, какъ и въ Европѣ, или по крайней мѣрѣ *могли* рѣшать: сила, коварство и слѣпой случай. Приведемъ нѣкоторые изъ этихъ средствъ. — Въ *испытаніи вѣсели* обвиненнаго взвѣшиваютъ послѣ предварительнаго поста и омовенія, потомъ кладутъ ему на голову листокъ съ написаннымъ на немъ обвиненіемъ, и взвѣшиваютъ снова. Если вѣсу прибавило, подсудимый признается виновнымъ, — если убавилось, онъ оправданъ. При *испытаніи содою* обвиненный входитъ въ рѣку, держась за трость сопутствующаго ему брамина; въ это время одинъ воинъ пускаетъ три стрѣлы, а обвиненный долженъ опуститься въ воду и вынырнуть не прежде, пока къ брамину не принесутъ самой отдаленной стрѣлы. Въ *испытаніи огнемъ и ядомъ*, въ первомъ обвиненный долженъ пройти по горячимъ угольямъ, во второмъ проглатываетъ масляный, отравленный ядомъ шарикъ, — и оправдывается, если огонь и ядъ не имѣли дѣйствія, причѣмъ дѣйствию яда назначается суточный срокъ. *Испытаніе коша* подобно предыдущему; но вмѣсто яда выпивается вода, въ которую окунаютъ изваяніе какого-либо божества, и срокъ для наблюденія надъ зловернымъ дѣйствіемъ этого напѣтка, «который непременно накажетъ виновнаго», назначается 14-ти-дневный (вѣроятно, достаточный для того, чтобы купить противоядіе у того-же брамина, который, по злобѣ, могъ подсунуть въ воду какого-нибудь зелья). *Испытаніе тапта* состоитъ въ опусканіи обнаженной руки въ кипящее масло, откуда желающій оправдаться долженъ вынуть безвредно металлическій шарикъ. Остановимся на этомъ и прибавимъ, что не далѣе какъ въ 1808 году одна Индіянка, обвиненная въ прелюбодѣяннѣ, прибѣгла къ испытанію *тапта*, при нѣсколькихъ тысячахъ зрителей, и была торжественно оправдана... Англичане искореняютъ этотъ обычай, а Индусы считаютъ его доказательствомъ своего благочестія; но мы видимъ въ немъ только доказательство ихъ грубаго невѣжества. Дурное то, по нашему мнѣнію, благочестіе, которое основано на отрицаніи человеческихъ способностей, природы и правъ человека. Ссылаться на волю Божию и опираться на ея невидимое рѣшеніе всякій разъ, когда *лживый, телный или близорукій* умъ человеческій не въ состояніи дать своего собственнаго, — есть *обычай, общій всѣмъ не образованнымъ народамъ земнаго шара, и почти всегда соответствующій въ своей силѣ степени ихъ невѣжества и душевнаго усыпленія*.

Редакторъ.

дѣла нѣтъ до этихъ внутреннихъ неустройствъ. Понятно, почему Компанія не торопится присоединять къ своимъ владѣніямъ туземныя государства, и почему она не позволила низаму въ 1843 году сойти съ престола. Эти державные вассалы прекрасныя орудія пытки, чтобы извлечь изъ какой угодно страны послѣднее золото и послѣднюю кровь. Они же притомъ и громовые отводы, привлекающіе на себя проклятія угнетаемыхъ.

Субсидіарная система не только разорила народъ, но и произвела совершенный переворотъ въ его общественномъ составѣ. Характеръ мусульманскихъ, мараттскихъ и раджпутскихъ правительствъ чисто-военный. Всякій дворянинъ вои́нъ; всякое помѣстье—военная мѣна; въ арміи—дворянинъ ничто: гражданскихъ отличій нѣтъ. Его санъ и достоинство пріобрѣтаются на полѣ сраженія. Его приближенные и свита—офицеры и солдаты его отряда. Съ подвореніемъ субсидіарнаго войска и контингента, туземные дворяне не нужны низаму. Для нихъ нѣтъ уже ни одной военной должности, а по-прежнему остается обязанность содержать свиту. Это первая причина разоренія; но другая еще гораздо-жесточе. По смерти настоящаго владѣтеля, его помѣстье возвращается къ низаму, и семейство его должно впасть въ нищету.... Такимъ-образомъ, почти всѣ важныя семейства исчезли, и теперь при гайдерабадскомъ дворѣ уцѣлѣло не болѣе двѣнадцати старыхъ родовъ; среднихъ сословій тоже не осталось слѣда. Коса безпредѣльнаго произвола и грабительства провела надъ всѣми ними уровень разоренія и нищеты.

Въ настоящее время, въ городахъ Голкондскаго Королевства считается небольшое число купцовъ, которые прячутъ свои капиталы, а вся остальная масса народонаселенія состоитъ изъ нищихъ, ремесленниковъ и райотовъ, которые работаютъ для сегодня, нисколько не заботясь о будущемъ, потому что все «лишнее» у нихъ тотчасъ отберутъ. Во всемъ королевствѣ вы не найдете ни одного запаснаго хлѣбнаго магазина. При первомъ неурожаѣ риса, все государство подпадаетъ ужасамъ общаго голода, и двадцатой части населенія грозитъ голодная смерть.—Такова участь, постигшая Голкондское Королевство, такова въ Индіи участь и всѣхъ другихъ союзниковъ Англійской Компаніи!

Какъ Дели на сѣверѣ, такъ Гайдерабадъ на югѣ Индіи составляетъ главный центръ мусульманъ. Кроме Гайдерабада, въ Голкондскомъ Королевствѣ замѣчательны слѣдующіе города: *Бидеръ*, некогда столица афганскихъ набавовъ, богатъ превосходными мавзолеями. — *Ауренгабадъ*, прежняя великолѣпная столица Монгольской Имперіи, при Ауренгзебѣ, покрытъ теперь чудными развалинами и имѣетъ не болѣе 60,000 жителей. Въ Ауренгабадѣ встрѣчаются главныя дороги Индіи, соединяющія Дели, Гайдерабадъ, Мадрасъ, Бомбей и Калькутту. Въ его окрестностяхъ находятся знаменитые подземные храмы Элоры (стр. 161). Перпендикулярно надъ этими храмами, на горѣ, лежитъ небольшой городъ *Рази*, въ которомъ находится охраняемая нѣсколькими факирами гробница Ауренгзеба. Въ этой-же провинціи и *Джулатабадъ* (древній Діогиръ), цитадель котораго служила до прошлаго столѣтія казнохранилищемъ туземнымъ владѣльцамъ; издали она имѣетъ видъ огромнаго улья. Представьте себѣ посреди равнины поставленный природою каменный конусъ, въ 800 футовъ вышиною, стѣны котораго, отъ основанія до половины, перпендикулярно обтесаны рукою человека. Онъ окруженъ рвомъ, черезъ который ведетъ подъемный мостъ къ небольшой двери, служащей входомъ въ галлерей, выстѣченную во внутренности скалы, и до-того узкую, что въ ней едва можно пройти одному человеку, и то согнувшись. Галлерей всходитъ сперва въ караульную, изстѣченную сводомъ; потомъ подымается слишкомъ на 600 футовъ и выходитъ въ другую караульную. Единственное отверстіе, веду-

щес отсюда далѣе—это западня въ потолокъ, защищенная желѣзной рѣшеткой, надъ кою можетъ быть расположенъ костеръ, отъ дѣйствія котораго температура въ галлерей сдѣлалась-бы нестерпимо-раскаленной. По выходѣ изъ этой западни вы еще не въ цитадели, а должны пробираться по узкой тропинкѣ, открытой огнямъ крѣпости и окруженной глубокими резервуарами съ водою. — Казалось-бы, подобную твердыню невозможно взять, а между-тѣмъ, благодаря непреодолимой силѣ золота, она безпрестанно переходила изъ рукъ въ руки. Вблизи Гайдерабада находится знаменитый въ древности, но опустѣлый теперь городокъ *Голконда*, давшій имя королевству. Въ его цитадель не пускается ни одинъ Европейецъ: тамъ до-поры до-времени хранится частная казна пизама, до которой Англичане, конечно, когда-нибудь да доберутся.

Всѣ эти города были когда-то столицами, и всѣ они покрыты теперь развалинами: это живая исторія Индіи. Одно завоеваніе тѣснитъ другое, послѣдніе завоеватели становятся черезъ вѣкъ, черезъ два покоренными, — и каждый изъ этихъ временныхъ господъ только грабитъ и разоряетъ: никто ничего не ждетъ.

АУРЕНГАБАДЪ. Центръ и западная часть этой провинціи принадлежатъ къ Бомбейскому Президентству: здѣсь мы говоримъ лишь о центрѣ. Въ западныхъ Гатахъ Ауренгабада находится множество подземныхъ храмовъ, которые составляютъ почти-безпрерывную цѣпь между знаменитыми храмами Элгори и Салсетты. Въ южной части провинціи лежитъ городъ *Пуна*, возведенный знаменитымъ Севаджи изъ деревни въ столицу, и служившій потомъ резиденціей мараттскому пейшвъ; въ немъ считается до 100,000 жителей. Вблизи Пуны, въ городѣ *Чинчуръ* находится, по увѣренію Мараттовъ, живое божество, въ которомъ народъ видитъ воплощеніе Ганезы; имя этого божества *Нарраинъ-део* и *Чинталанъ-део* (богъ таинственной драгоцѣнности). По мѣстному преданію, Ганеза вѣрилъ святому мужу Мараба-Госсею охраненіе какого-то священнаго камня, и въ награду за его примѣрную набожность, обѣщала воплощаться въ его потомствѣ до 21 колѣна. *Бара* или дворецъ божества состоитъ изъ множества строеній на берегу Муты.

«Войдя въ *бару*, говоритъ мистриссъ Грэмъ: мы увидѣли въ одной изъ галлерей божество на деревянномъ сѣдалищѣ. Кругомъ него толпились браминны, съ толстыми красными лицами. Божокъ не отличался ничѣмъ особеннымъ отъ другихъ дѣтей; только глаза его были какъ-то мутны, что должно приписать множеству опиума, которымъ его пичкаютъ. Его отдаляютъ отъ другихъ дѣтей и учатъ одному санскритскому языку, такъ что онъ можетъ говорить только съ учеными браминами. Онъ пріялъ насъ весьма ласково и велѣлъ толмачу передать намъ, что онъ очень уважаетъ Англичанъ. Когда мы стали прощаться съ нимъ, онъ предложилъ намъ миналаю и конфектъ; мы приняли его даръ, и отблагодарили бога горстію серебряныхъ рупій. Глазки божка радостно заблестали.»

САТТАРА. Когда Ауренгзебъ въ 1689 году завоевалъ это султанство, населенное семью милліонами жителей, въ его столицѣ *Беджапуръ* находилось 980,000 жителей, множество дворцовъ и 1400 мечетей. Развалины послѣднихъ разбросаны на большомъ пространствѣ. Посреди нихъ особенно замѣчательны уцѣлвшіе великолѣпные мавзолеи въ честь разныхъ мусульманскихъ владѣтелей. Лучшій изъ нихъ—*Макбара* (см. стр. 261), гробница султана Мухаммеда XIV, строившаяся 42 года: діаметръ купола ея меньше купола собора св. Петра въ Римѣ только на 10 футовъ. Гробница *Ибрагима-Паши* (рисункъ XII) уступаетъ ей пемпогнмъ въ богатствѣ украшеній, хотя превосходитъ ее величіемъ стили.

Въ XVIII столѣтіи Маратты заняли эту область, и составляютъ теперь $\frac{9}{10}$ ея населенія. Въ настоящее время одинъ сѣверъ области принадлежитъ мараттскому

раджъ; востокъ ея отошелъ, какъ мы сказали, къ низаму, а югъ и западъ, съ Конканскимъ берегомъ, вошли въ составъ Бомбейскаго Президентства.

Въ 1817 году Англичане посадили на туземный престолъ ребенка изъ рода знаменитаго Севаджи, но черезъ 13 лѣтъ, за какую-то небывалую вину, сослали его въ Бенаресь, а царемъ сдѣлали брата его Аппа-Санба, который будетъ вполне соответствовать своему назначенію: онъ полоумный.

БАЛАГАТЪ. Область эта занимаетъ возвышенность, соединяющую западные Гаты съ восточными (отъ чего и получила свое названіе: область между Гатами), и составляетъ какъ-бы центральную цитадель всего Декана. Англичане поняли это, и въ одномъ изъ здѣшнихъ городовъ (Белари) учредили военный округъ, откуда королевскіе и компанейскіе полки мгновенно готовы устремиться на сѣверъ во владѣнія низама, на югъ въ Манссоръ, а на западъ въ Саттару. Какъ управляется она, объ этомъ можно судить изъ слѣдующаго факта.—Простолюдину здѣшнему, по точнымъ разсчетамъ одного очевидца, необходимы каждый мѣсяцъ 2 р. асс. на самое бѣдное одѣяніе и 6½ на самую скромную пищу; слѣдовательно, онъ непремѣнно долженъ имѣть ежемесячно не менѣе 8 р. 25 к., чтобы прозябать, или иначе онъ подвергается непріятности познакомиться съ голодомъ и холодомъ. По компанейское правительство, которому всего ближе должны быть извѣстны эти обстоятельства, платитъ за работу въ солонявняхъ и при постройкѣ дорогъ мужчине не болѣе 7 р. 50 к., а женщины вдвое менѣе; слѣдственно, явно понуждаетъ бѣдняковъ искать спасенія въ воровствѣ или разпутствѣ. «Зато запрещено лихоимство, царствовавшее при туземныхъ правительствахъ;» скажетъ какой-нибудь защитникъ англійскаго управленія. Изъ чего же это видно? Не изъ того-ли, что сказано: «запрещается брать взятки и деньгами и товарами.» Слова тонкаго правительства столь-же обманчивы, какъ и благочестивыя изреченія ханжей-лицемѣровъ. Точно, вмѣсто прежнихъ кашмирскихъ шалей (которыхъ получалъ во время оно на нѣсколько тысячъ каждый офицеръ свиты резидента, при всякомъ визитѣ этого послѣдняго низаму), теперь зажиточный туземецъ ограничивается даромъ двухъ флакончиковъ аттара, а бѣдняки маленькіимъ лимончикомъ, съ извѣстнымъ количествомъ саламовъ (поклоновъ) и комплиментовъ самаго гиперболическаго слога; но и давать ужъ нечего частнымъ лицамъ послѣ того, что выжало и выжимается изъ нихъ само правительство. Разумѣется, есть богатые люди, окруженные толпою ободранныхъ слугъ, служащихъ изъ необходимостей пропитанія и увеличивающихъ свиту своего барина только для того, чтобы на крикъ его: *коз-хаз* (эй, малый!) было всегда кому отвѣтить: *сагебъ* (сударь, или по-нашему, слушаю); но эти выходцы, напыщенные гордостью и великіе своимъ невѣжествомъ, нигдѣ и никогда не служили еще ни основаніемъ, ни знаками народнаго благосостоянія.

Народонаселеніе Балагата чисто-индійское. Оно имѣетъ своихъ мѣстныхъ вождей, называемыхъ *полигарами*, но управляется компанейскими чиновниками. Область промышленна и воздѣлана. За пенмѣніемъ рѣкъ она орошается искусственно: въ ней вырыто болѣе 50,000 прудовъ и колодцевъ; но теперь большая часть изъ нихъ обвалилась.

МАЙССОРЪ. Къ югу отъ Балагата простираются владѣнія майссорскаго раджи. Область эта плодородна,—опирается съ двухъ сторонъ на оба хребта Гатовъ, изобильно населена, и населеніе ея до-сихъ-поръ находится въ вѣчномъ броженіи; но оно состоитъ изъ различныхъ враждебныхъ одна другой частей, и потому всѣ возстанія его оставались и останутся безъ послѣдствій. Притомъ, Майссоръ со всѣхъ сторонъ окруженъ англійскими владѣніями, а во внутренности его, въ городѣ Бангалорѣ, находится самое значительное военное управле-

ніе всей Индіи. Вся исторія Майссора, его прошедшее, настоящее и будущее, вмѣщается въ три названія городовъ: Серингапатамъ, Майссоръ и Бангалоръ. Въ *Серингапатамъ* похороненъ Типпо-Салтъ, а вмѣстѣ съ нимъ и независимость страны; въ *Майссоръ* открываются поддерживаемые англійскою политикою раджи; въ *Бангалоръ*, наконецъ, сосредоточена военная и гражданская администрація Англичанъ, и это настоящая столица области.

КОИМБАТУРЪ. На югъ, непосредственно за Майссоромъ слѣдуетъ область Коимбатуръ, принадлежащая къ Мадрасскому Президиуму. Окаймленная Гатами, она имѣетъ около милліона жителей, между которыми особенно замѣчательно племя *Тудовъ*, обитающее на Синнихъ горахъ, пересѣкающихъ область во всю ширину ея. *Туды* очень высоки, стройны, крякаго тѣлосложенія, и представляютъ совершенную противоположность съ Индусами, какъ по гордой, твердой поступи, такъ и по особому языку. Они не стригутъ ни бороды, ни усовъ, и ихъ чѣрные какъ смоль волосы падаютъ густыми кудрями на плеча. Одежаніе ихъ состоитъ изъ очень-короткой юбки и широкаго куска ткани. Женщины тоже высоки, красавы, носятъ цыновочные корсеты и имѣютъ полную свободу жить съ кѣмъ хотятъ. Туды не знаютъ ни городовъ, ни деревень, ни письменъ, ни кастъ, ни гаремовъ. Они живутъ семьями, патриархально, посреди своихъ стадъ. Вечеромъ всѣ члены семьи подходятъ подъ благословеніе старшаго. Хаты ихъ тѣсны, и въ нихъ можно проникнуть только ползкомъ; но гостепріимство туземцевъ открываетъ ихъ для всякаго иностранца. Главный храмъ Тудовъ посвященъ *Истинъ*; форма его конусообразная, и онъ лишень всякихъ украшеній. Слово, данное въ немъ и сопровождаемое возліаніемъ изъ священной чашки, почитается неварушимымъ. Обыкновенное богослуженіе Тудовъ очень просто; но бываютъ особенные случаи, когда боговъ умиляютъ смертью невинныхъ дѣтей, и въ такія эпохи, въ лѣсахъ нерѣдко встречаются колыбели, покрытыя цвѣтами, подъ покровомъ которыхъ лежитъ ребенокъ, съ роковой шолковой петлей на шеѣ. Нѣкоторые путешественники, основываясь на сходствѣ физіономіи и на томъ, что въ Синнихъ горахъ найдено было нѣсколько медалей съ изображеніями Августа и Тиверія, считаютъ Тудовъ потомками римской колоніи.

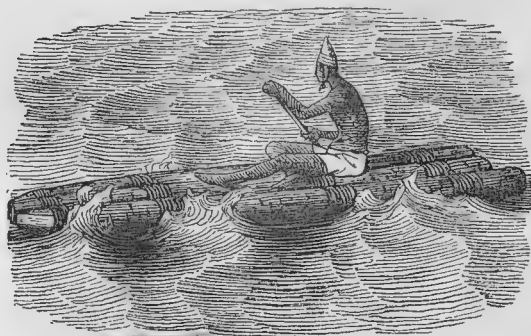
Единственный значительный городъ Коимбатура находится посреди Гатовъ и носитъ одинаковое съ нимъ имя.

КАРНАТИКЪ. Къ востоку отъ трехъ предыдущихъ провинцій, между восточными Гатами и Бенгальскимъ заливомъ, лежитъ Карнатикъ (чѣрная или приморская страна). Онъ простирается отъ устьевъ Кришны до мыса Коморина, и дѣлится на Коромандельскій берегъ, берегъ Палкского пролива и берегъ Манаарскаго залива.

Обитатели Коромандельскаго берега называютъ себя *Танкуль*, а Европейцы даютъ имъ имя Малабарцевъ. Это племя людей чѣрныхъ, довольно-высокихъ и стройныхъ, но изнѣженныхъ и трусливыхъ. Танкулы воздержны въ пищѣ, но жадны до азартныхъ игръ и до увеселеній. Женщины нехороши собой и страстныя охотницы до нарядовъ.

Возвышеніе всего Коромандельскаго берега надъ моремъ такъ незначительно, что оно накапливаетъ передъ нимъ вездѣ пески, и это дѣлаетъ его недоступнымъ для самыхъ мелкихъ европейскихъ шлюбокъ. Прибой волнъ столь силенъ, что лишь одніе туземныя *шеленги* могутъ приставать къ берегу. Эти *шеленги* совершенно плоски, не имѣютъ киля и дѣлаются изъ досокъ, связанныхъ веревками. Въ хорошую погоду на нихъ дѣйствуетъ девять гребцовъ, въ дурную одинадцать. Начальникъ гребцовъ, *тандель*, стоитъ у кормы съ длиннымъ багромъ. Отмель имѣетъ обыкновенно три буруна, и все искусство танделя состоитъ въ томъ,

чтобы навести шеленгу прямо переднюю частію на каждый изъ этихъ валовъ; но несмотря на чрезвычайную ловкость гребцовъ, шлюбки ихъ перѣдко опрокидываются: тогда люди спасаются вплавь. Для подобныхъ случаевъ шеленга

буксируетъ всегда за собою ка-тимаронъ, родъ плота, составленнаго изъ нѣсколькихъ бревенъ. Одинъ, или два гребца сидятъ на немъ, поджавъ подъ себя ноги, и гребутъ пагалми, т. е. легкими веслами, на подобіе лопаты, безъ болтовъ и уключинъ. Повступимъ на берегъ Карнатика и начнемъ съ сѣверной части его.

Рѣка Кришна, по святости, Гангъ Декана; на южномъ берегу ея находится, между про-

чимъ, знаменитый Трипетскій храмъ. На днѣ ея попадаются золото и драгоценныя камни, добываніе которыхъ, незатруднительное въ лѣтніе мѣсяцы, когда рѣка мельеетъ, дѣлается невозможнымъ, когда при началѣ дождей она выступаетъ изъ береговъ и заливаєтъ все окрестности. Въ это время лодки безполезны. Путешественники должны садиться въ круглыя корзины изъ тростника и пальмовыхъ листьевъ, и волны рѣки переносятъ ихъ на другой берегъ, нѣсколько верстъ ниже.

Отъ Кришны къ Мадрасу дорога ведетъ черезъ города Онголе и Веллоръ. Въ обоихъ находится по нѣскольку изящныхъ бонгало, обитаемыхъ компанейскими чиновниками, да тысячь по десяти туземцевъ, живущихъ, посреди развалинъ дворцовъ, въ низкихъ мазанкахъ, безпрестанно размываемыхъ дождемъ. Храмовъ на всемъ этомъ берегу нѣтъ числа. На пути вездѣ слѣды разрушенія и опустынія...

Вотъ и Мадрасъ, второй президентскій городъ Индіи, съ своимъ 500,000 промышленнаго народонаселенія. Онъ начинается съ самаго Малианура, или города св. Томи, города ископн-индійскаго, бывшаго подъ властію Португальцевъ и Французовъ, и доставшагося наконецъ Англичанамъ. Народонаселеніе Малианура состоитъ изъ Малабарцевъ и топасовъ. Каменная приморская набережная Мадраса, съ рядомъ дворцовъ вдоль ея, имѣетъ около двухъ верстъ длины. Фортъ св. Георгія занимаетъ довольно-большое пространство. Прежде весь Бѣлый Городъ заключался въ его оградѣ, но теперь тамъ остались только присутственныя мѣста и конторы негодіантовъ; частныя-же дома расположены за оградой и тонутъ посреди пышной зелени. Тутъ живутъ семейства Европейцевъ, и сюда прѣзжаютъ отдыхать богатые купцы и компанейскіе чиновники. Эти дома, окруженные колоннадами и галлереями, построены въ греческомъ вкусѣ, и расположены вдоль широкихъ улицъ, усаженныхъ аллеями. Въ огромныхъ, высокихъ комнатахъ болѣе всего ищутъ простора и прохлады, чему способствуетъ множество дверей и оконъ, закрытыхъ легкими жалюзи, и искусственное освѣщеніе посредствомъ пунки (огромнаго вѣтра), приводимой въ движеніе слугами. Но несмотря на все эти блага, на все средства развлеченія, представляемыя и природою и искусствомъ, владѣльцы этихъ домовъ болѣею частію холодны, чопорны, и единственныя наслажденія ихъ сосредоточиваются около обѣденнаго стола. Вечернія-же сходки и рауты этого общества скучны, какъ театральныя парадъ.

Черный-Городъ простирается на двѣнадцать верстъ. Тутъ, посреди бѣднаго

народа, живутъ и богатые туземные купцы. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ зенау въ двѣсти и триста женъ и содержатъ отряды снаевъ. Число мадрасскихъ храмовъ всѣхъ исповѣданій простирается до тысячи, что объясняется промышленностію города, ибо торговля соединяетъ здѣсь людей всѣхъ націй и сектъ. Любопытно взглянуть на жизнь простаго народа въ Чёрномъ-Городѣ. «Рано утромъ, говоритъ Варренъ: большая часть населенія, бѣдные, ремесленники, поденщики, еще спятъ подъ открытымъ небомъ, на цыновкахъ, а чаще на голой землѣ, каждый передъ дверьми своего жилища. Чалма служитъ мужчинамъ подушкой, а женщины подстилаютъ себя подъ голову свои косы. Каждый спитъ, покрывшись полою своего платья, чтобы защититься отъ росы и наскоковъ. Мужъ и жена спятъ подъ однимъ полотномъ, которое днемъ служитъ женѣ покрываломъ или юбкой. Иногда двѣ или три такія пары, разныхъ поколѣній одного и того-же семейства, лежатъ одна подлѣ другой. По-мѣрѣ того, какъ восходитъ солнце, эти люди встаютъ; тогда начинается туалетъ также подъ открытымъ небомъ. Жена приноситъ воды и льетъ ее на голову и плечи мужу, который сидитъ на корточкахъ. Она моетъ его, утираетъ, иногда даже умащаетъ масломъ все его тѣло, чешетъ и заплетаетъ его длинный чубъ; наконецъ, смотря по тому, послѣдователь-ли онъ Брамъ, Вишну или Шивы, она расписываетъ ему на лбу бѣлые, желтые или красные, отличительные знаки его секты. По окончаніи этой операціи, убранный мужъ и господинъ садится на корточки, какъ обезьяна, на порогъ своего жилища, и важно куритъ незатѣйливую хуку. Жена или жены, прежде чѣмъ заняться собственнымъ туалетомъ, выметаютъ ту часть улицы, которая служила спальней, убираютъ домъ и вымазываютъ стены его растворомъ коровьяго кала.»

Мусульманамъ въ Чёрномъ-Городѣ предоставленъ особый кварталъ, называемый *Тирреулэ-кани*. Они составляютъ красивѣйшее племя южной Индіи, и держатся почти всѣ секты Алл.

Мадрасъ и окрестности его живутъ промышленностію и торговлей, и почти исключительно одни снабжаютъ всю Европу индійскими фулярами. Было время, когда Голландцы соперничали съ Англичанами въ этой отрасли торговли; но Ост-Индская Компанія, рѣшась на временные убытки, понизила цѣны на фуляры гораздо-ниже ихъ стоимости, и теперь эта торговля осталась за однимъ Мадрасомъ.

На западъ отъ Мадраса находится городъ *Аркотъ*, прославленный въ исторіи защитою Клейва. Верстъ семьдесятъ на югъ лежитъ городъ *Конджеверамъ* (золотой городъ), священный Бенаресъ Декана, со множествомъ пагодъ, посвященныхъ Шиву. Далѣе слѣдуетъ городъ подземныхъ храмовъ *Магабалипурамъ*; а въ четырехъ верстахъ отъ него, наконецъ, *Садрасъ*, принадлежавшій прежде Голландцамъ, процвѣтавшій тогда, но убитый потомъ соперничествомъ Мадраса.

Между областями Коимбатуромъ и Карнатикомъ находится провинція *Салемъ*. Мѣстоположеніе ея возвышенно и очень здорово; народонаселеніе отличается промышленностію. Городъ Салемъ имѣетъ 60,000 жителей.

КОЛОНИИ ФРАНЦІИ. Верстъ 120 къ югу отъ Мадраса находится *Пондишери*, главный городъ теперешнихъ незначительныхъ французскихъ владѣній, который Дюпле сдѣлалъ нѣкогда столицею Карнатика и мечталъ сдѣлать столицею всей Индіи. Городъ имѣетъ 40,000 жителей, округъ около 120,000. Двѣ главныя части Пондишери—Бѣлый и Чёрный-Городъ—отдѣлены одна отъ другой широкимъ каналомъ, обсаженнымъ деревьями; Чёрный-Городъ раздѣленъ каналами на правильные острова, изъ которыхъ на каждомъ живетъ особая каста.

«Мы пристали, говоритъ Дюмонъ-д'Юрвилъ: къ четвероугольному зданію, надъ которымъ развѣвался французскій флагъ. Здѣсь находились таможенные чиновники; вокругъ нихъ толпились множество людей, которые съ бѣшеною услужливостію

бросились на мои пожитки, какъ на добычу (*). Къ счастью, я былъ предуведомленъ, что именно между этими людьми должно выбрать себѣ покровителя, даубаши, родъ фактотума, ответственного проводника, чичероне, переводчика, управителя, комиссіонера, словомъ, все что вамъ угодно. Только что вътрѣлился въ даубаши, онъ беретъ ваши пожитки, располагаетъ вашимъ карманомъ, покупаетъ что нужно, панимаетъ квартиру, слугъ, паланкинъ, заказываетъ обѣдь, ведетъ васъ куда хочеть, показываетъ вамъ все, и слѣдитъ за вами повсюду, какъ тѣнь. Безъ даубаши Европейецъ пропасть; даубаши замѣняетъ ему десятилѣтній опытъ, и награда его—это самое незначительное мѣсячное жалованье.

« И такъ, мнѣ необходимо было запастись даубаши. Среди этихъ лицъ, которыхъ, обступивъ меня, пожирали глазами, я искалъ самаго надежнаго. Когда выборъ былъ сдѣланъ, произошло явленіе совершенно-театральное. Мой новый покровитель мгновенно измѣнился: онъ принялъ на себя важный видъ, приличный новому сану; созвалъ пять или шесть служителей меньшаго достоинства, разогналъ палкою осаждавшую меня толпу, наложилъ на мои пожитки руку хозяина, посадилъ меня къ паланкинъ, выбралъ мысленно квартиру и велѣлъ меня туда нести. Квартира была опрятна, хорошо освѣжена, меблирована не роскошно, но согласно съ климатомъ, и надъ нею находилась терраса, олгомасть, съ которой открывался видъ рейда. Я только-что расположился подъ опекою своего даубаши, когда явилась цѣлая стая слугъ: каждый имѣлъ свою должность. Одинъ рекомендовалъ себя сапожникомъ: то былъ парія, ибо одному парію позволено касаться кожи, части животнаго, переставшаго уже существовать; люди кастные считаютъ прикосновеніе кожи оскверняющимъ. Другой предлагалъ свои услуги моимъ бакенбардамъ; третій просился въ зонтиконосцы. Находились еще другіе, которые за умѣренную цѣну соглашались стричь мои ногти или чистить уши. Я тиетно представлялъ моему даубаши, что всѣ эти люди совершенно не нужны; онъ отвѣтилъ мнѣ, что они необходимы, и не позволилъ мнѣ даже обойтись безъ пеона. Пеонъ въ Индіи то-же, что въ Левантѣ домашній ливчаръ. Это солдатъ, чѣрный, всегда бравадный, иногда храбрый. Онъ носитъ чалму и широкое восточное платье. Отличительная особенность его костюма, это перевязь черезъ плечо, съ серебряною бляхой, на которой изображено имя или гербъ его господина. Число пеоновъ цѣнятъ въ Пондишери богатство и знатность каждаго. Губернаторъ имѣетъ тоже своихъ пеоновъ, но это уже не простые прислужники: губернаторскіе пеоны составляютъ, по занятіямъ своимъ, какъ-бы жандармскую команду города и округа Пондишери. И такъ, у меня были даубаши, слуги, пеонъ, и всѣ эти люди, увѣряя, что они въ полномъ моемъ распоряженіи, держали меня между-тѣмъ въ совершенной опекѣ.

« Въ первый-же день это обваружилось какъ нельзя яснѣе: я вздумалъ пойти пешкомъ къ губернатору, который жилъ въ двухъ шагахъ отъ меня. Когда люди мои узнали о столь «неприличномъ для господина» намѣреніи моемъ, между ними вспыхнулъ открытый бунтъ. Они объявили, что они берутъ жалованье не даромъ, что знаютъ хорошо обязанность свою, и т. д. Всѣ мои доказательства ничего не помогли: я долженъ былъ разлечься въ паланкинъ, и человѣческая упряжь рысью перенесла меня черезъ улицу, къ губернаторскому дому.

« Когда, черезъ недѣлю, я объявилъ своему даубаши о намѣреніи отправиться сухопутно въ Мадрасъ, тотъ немало былъ огорченъ кратковременностію моего пребыванія въ Пондишери,—но тѣмъ не менѣе снабдилъ меня паланкинномъ, языч-

(*) Въ другихъ большихъ городахъ Индіи, около пристани или на площади всегда стоятъ паланкины, какъ у насъ извозчики.

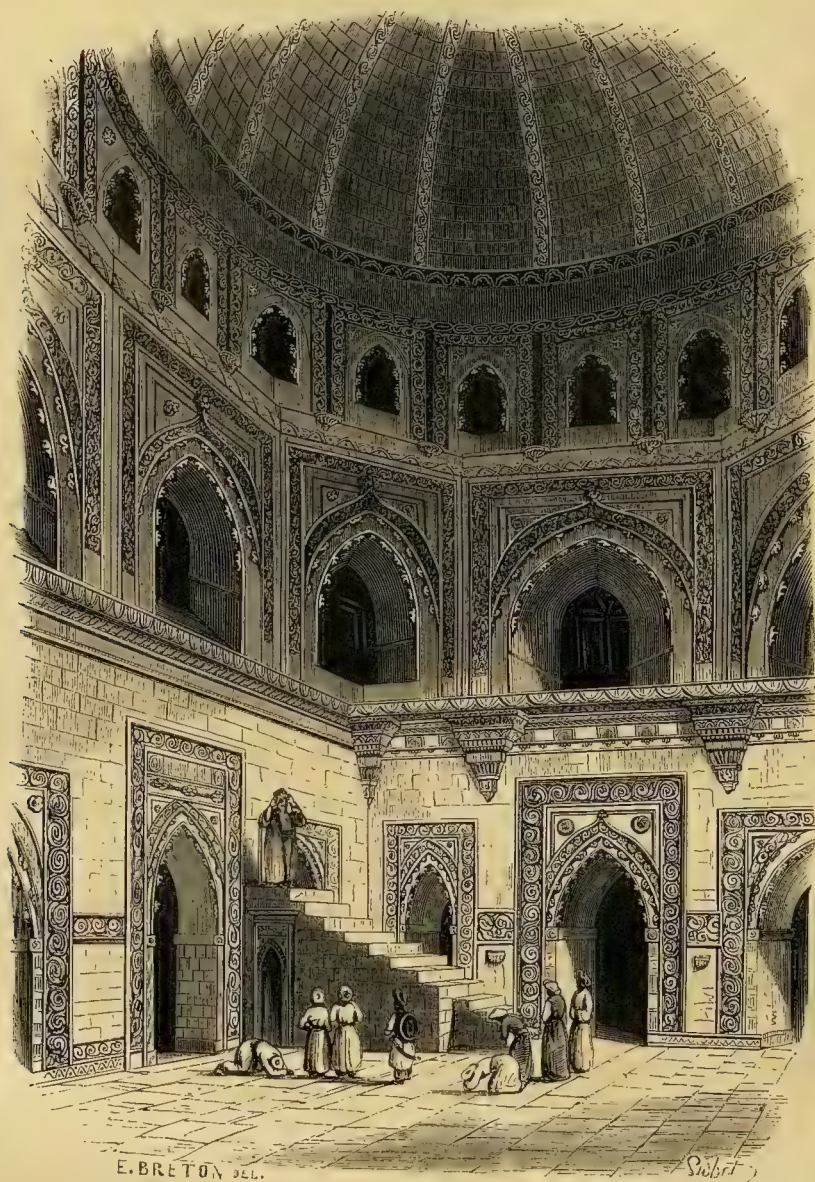
никами и треязычнымъ паспортомъ. Когда я выѣзжалъ изъ города, вся прислуга моя выстроилась близъ жилища: впереди стоялъ *даубаши*; далѣе *пеонъ*; поваръ и помощникъ его, *мастаржи*; еще далѣе *маэпатъ* (слуга-прачка); потомъ *танигарши* или *тоти* (чёрнорабочіе парии). Я роздалъ имъ мѣсячное жалованіе, всего не болѣе 60 франковъ.»

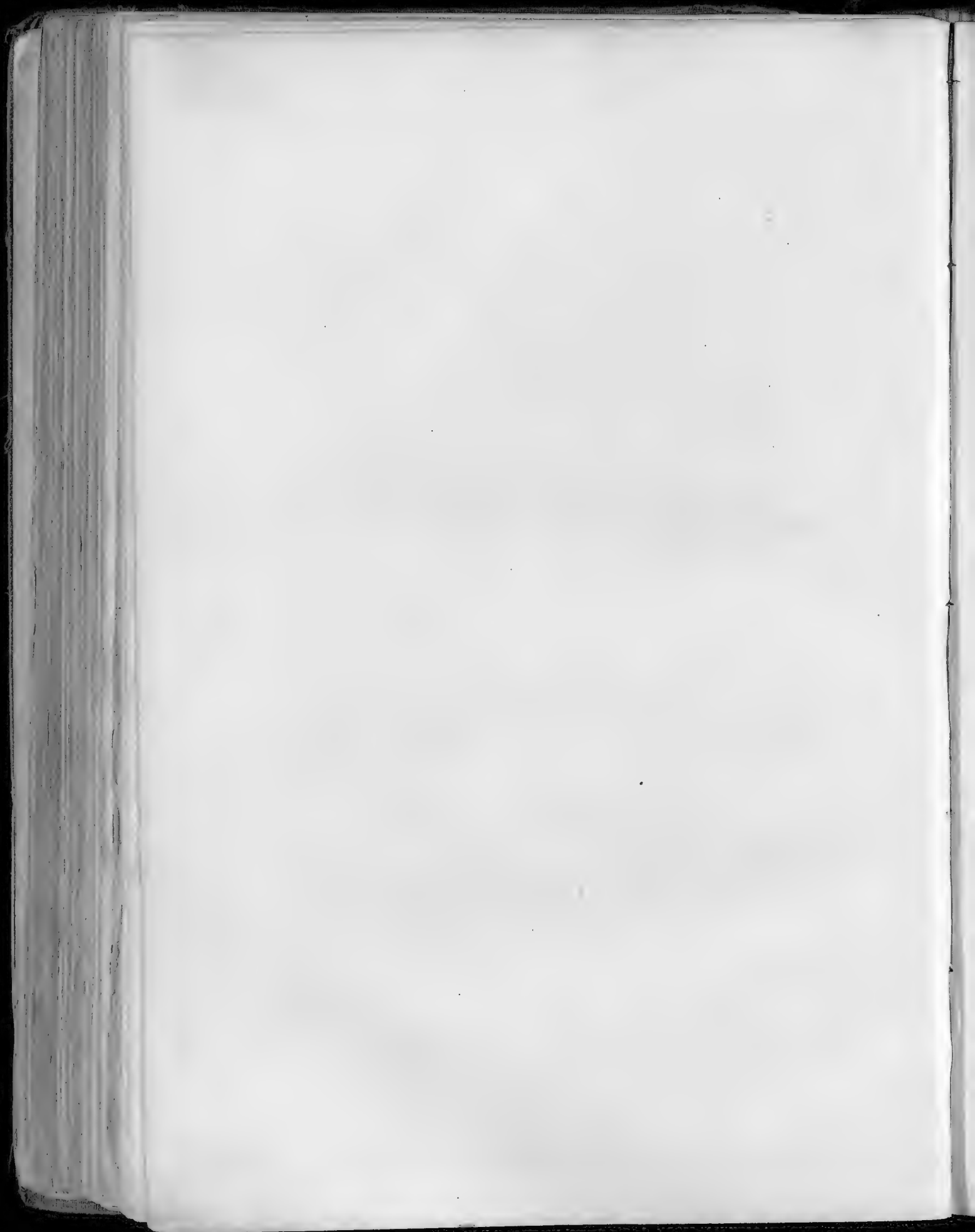
Народонаселеніе Пондишерійскаго Округа зажиточно и миролюбиво, а потому весь гарнизонъ Пондишерии состоитъ изъ одной только роты сипаевъ. Чисто-европейское населеніе колоніи очень незначительно. Въ прошломъ столѣтіи Пондишеріи имѣлъ многочисленное французское общество; въ девятидесятыхъ годахъ сюда переселилось множество эмигрантовъ съ своими семействами, и Пондишеріи сталъ центромъ отборнѣйшаго общества Европейцевъ въ Индіи. Богатые Англичане, Голландцы и Португальцы пріѣзжали сюда на зимній сезонъ, повеселиться, иногда обзавестись женой и вообще попользоваться общественной жизнью Французовъ. Но теперь все это измѣнилось. Сыновья эмигрантовъ возвратились во Францію; часть торговли перешла въ Мадрасъ, и ряды богатыхъ купцовъ стали рѣже; а изъ Франціи никто уже не переселяется сюда. Въ наше время пондишерійское общество состоитъ изъ кресоловъ и гадкастовъ (смѣси Французовъ съ туземцами), которыхъ здѣсь называютъ «Португальцами.» Женщины послѣдняго племени почти всѣ грубы, неграціозны, одѣваются пестро и безвкусно, и хотя не носятъ серегъ въ ноздряхъ, но любятъ щеголять тоже безмѣрнымъ количествомъ блестящихъ украшеній. Изъ нихъ Европейцы выбираютъ себѣ любовницъ, а Армяне и мулаты женъ. Всего непріятнѣе у нихъ привычка, подобно туземкамъ, напивать волосы кокосовымъ масломъ, и жевать безпрестанно бетель. Кокосовое масло очень скоро портится, и тогда духъ его невыносимъ, а бетель поддерживаетъ непрерывное слюнотеченіе, такъ что подлѣ всякой софы и даже на столѣ стоятъ салфетальницы. Известка, которой пропитанъ бетель, разъѣдаетъ зубы и заставляетъ ихъ крошиться, а арековое масло, входящее тоже въ этотъ составъ, придаетъ деснамъ темнокрасный цвѣтъ. Нельзя вообразить себѣ ничего отвратительнѣе рта, опустошеннаго бетелемъ.

Въ окрестностяхъ Пондишеріи, покрытыхъ прекрасно-воздѣланными полями, прорѣзанныхъ по всѣмъ направленіямъ аллеями и устланныхъ садами, разбросаны повсюду индусскія деревни, *алдеи*, обитатели которыхъ пользуются всевозможнымъ довольствомъ. По дорогѣ изъ алдей въ городъ путешественникъ встрѣчаетъ между различными экипажами, отъ простой тележки до щегольской коляски, одинъ особенно-любопытный: это *гадисы*, или малабарскія кареты, родъ бѣльведеровъ на колесахъ, запряженныхъ двумя быками (иногда раскрашенными), ни сколько не уступающими лошадямъ въ живости бѣга. Этотъ странный экипажъ наиболѣе употребляется богатыми туземцами. Удобный, легкій и быстрый на ходу, онъ способствуетъ невероятной роскоши убранства коврами и позолотою. Рога быковъ украшены кольцами или цѣпами изъ массивнаго золота. Образецъ *гадисы* читатели могутъ видѣть на рисункѣ IV (см. стр. 167).

Кромѣ округовъ города Пондишеріи, Карикала въ Танажорѣ, Янува на берегу Годавери, Шандернагора въ Бенгаліи и Махе на Малабарскомъ берегу, управляемыхъ Европейцами, Франціи имѣетъ еще незначительные посты въ Мазулипатамѣ, Баласорѣ, Патнѣ, Каликатѣ, и проч. На всѣхъ этихъ точкахъ французскій флагъ оберегается какимъ-нибудь туземцемъ, ибо въ нихъ не живетъ ни одного Француза.

Итогъ всѣхъ французскихъ подданныхъ въ Индіи составляетъ, какъ мы уже сказали, около 168,000 душъ. Мѣстное управленіе этихъ колоній не только не стоитъ Франціи ни одной копейки, но французское правительство получаетъ еще

ежегодно отъ Англійской Компаніи миллионъ франковъ, въ вознагражденіе отреченія Франціи отъ приготовленія соли, опиума и селитры. Цѣнность товаровъ, которыми въ 1833 году Франція обмѣнилась съ своими колоніями, составляла около тридцати миллионъ руб. асс.

ТРАНКЕВАРЪ, близъ устья одного изъ рукавовъ Кавери, принадлежитъ Датчанамъ съ 1612 года. Съ 1707 года здѣсь находится протестантская миссія. Городъ построенъ довольно-чисто, имѣетъ 12,000 жителей, и находится въ зависимости отъ губернатора Сирампура (въ Бенгаліи). Датчане платятъ танджорскому раджѣ 2000 рупій ежегодной дани.

ТРИЧИНАПАЛИ, имѣющій 80,000 жителей, расположенъ около горы, на которой возвышается знаменитая Серингамская пагода (см. стр. 167).

На югъ отъ Кавери замѣчательны еще города *Танджоръ*, *Мадур* и *Тиневелли*. Каждый храмъ, каждая скала этой области посвящены воспоминанію о Рамѣ и Гануманѣ. Особенно почитается (въ городѣ Рамнадѣ) храмъ *Рамиссерамъ*, передъ которымъ красуется древній портикъ, въ 100 футовъ вышиною, сложенный изъ огромныхъ гранитныхъ массъ и покрытый изображеніями героев Рамаяны. Въ двѣнадцати верстахъ отъ него находится проливъ, названный Голландцами именемъ капитана *Палка*. Тутъ рядъ скалъ, острововъ и мелей соединяетъ материкъ Индіи съ островомъ *Манаромъ*, лежащимъ близъ *Цейлана*. Во время отлива можно переправиться сухопутно по этому мосту, брошенному природой. Мусульмане называютъ эту часть пролива *Адамовымъ мостомъ*, а Индусы *мостомъ Рамы*, соединивъ съ этимъ названіемъ преданіе, будто Рама построилъ мостъ для завоеванія Цейлана.

Мы прошли по областямъ сѣвера и востока Индустана, и оставили за собою весь святая для брамантовъ мѣста около источниковъ Джемны и Ганга, около теченія и устья Браманутры, Ганга, Маганудди, Годаверы, Кришны и Кавери. Прежде чѣмъ перейдемъ къ западу Индустана, перенесемся на островъ Цейланъ. Тамъ представится намъ, хотя въ тѣсныхъ географическихъ границахъ, особый міръ, совершенно различный съ брамантскимъ.

ЦЕЙЛАНЪ. Форма этого острова похожа на грушу, сѣверная оконечность которой образуется полуостровомъ *Джафнапатомъ*, а южная мысомъ *Дондра*. Цейланъ, имѣющій 1200 верстъ въ окружности, называется туземцами *Сингала* (островъ льва), Индусами *Ланка*, мусульманами *Серендабъ*, и былъ даже называлъ Греками и Римлянами подъ названіями *Симунди-инсула* и *Тапробана*.

Перенесемся прямо на Адамову гору, возвышеннѣйшую точку всего острова, на которой находится *зри-пада*, слѣдъ ноги Будды, въ слишкомъ пять футовъ длиною и въ два съ половиною шириной. Углубленіе это, выложенное мѣдью и усыпанное драгоценными камнями, осыпано желѣзнымъ нагѣсомъ, прикованнымъ четырьмя цѣпами къ скалѣ, и окружено каменной оградой, за которой выстроена келья для живущаго здѣсь священника. Сюда стекаются пилигримы со всехъ концовъ буддистскаго міра, чтобы поклониться слѣду божества и принести ему свой посильный даръ. Мусульмане утверждаютъ, что это слѣдъ не Будды, а Адама, который, по изгнаніи изъ земнаго рая, взомель на гору, и стоялъ тамъ на одной ногѣ, пока Богъ не простилъ его. Браманты-же приписываютъ слѣдъ этотъ божественному Рамѣ.—Адамова гора имѣетъ около 9,200 футовъ вышины. Съ ея подошвы устремляются на востокъ и на сѣверъ четыре главные, впрочемъ несудоходныя, рѣки острова.

Природа щедро надѣлила Цейланъ всеми своими дарами. «Здѣсь, говоритъ одинъ ученый: камни рубины и сафры; *алоэ* благоухаетъ въ болотахъ, *корица* въ лѣсахъ, и самая простая трава издаетъ благовонные ароматы; слоны

бѣгаютъ стадами, какъ кабаны въ другихъ странахъ, а вмѣсто воронъ и ласточекъ видны блестящія павлины и прелестныя райскія птички. Планаціи коричневыхъ лавровъ, ловля жемчуга, искони прославившая Цейланъ, и охота на слоновъ, доставляютъ туземцамъ значительные доходы.

Лѣтъ 500 до Р. Х. Надусы завоевали островъ. Съ 1505 года показались Португальцы, потомъ Голландцы, а наконецъ Англичане. По Амьенскому миру (1802), европейскія державы признали господство Великобританіи надъ Цейланомъ, а въ 1819 году былъ, наконецъ, лишенъ престола послѣдній туземный царь.

Англійская администрація сосредоточена въ *Колумбо*, портовомъ городѣ западнаго берега. Дома его посредственной постройки, но дурно крыты, и непрочныя кровли ихъ безпрестанно размываются полчищами обезьянъ и смѣлыхъ вороновъ, которые ищутъ тутъ убѣжища отъ частыхъ грозъ. Народонаселеніе города, простирающееся до 65 т. душъ, состоитъ изъ смѣси разныхъ націй (Европейцевъ, Мавровъ, Надусовъ, Арабовъ, и проч.) и туземцевъ, и говоритъ испорченнымъ португальскимъ языкомъ. Въ европейскомъ обществѣ преобладаютъ Голландцы. Нравы этихъ креоловъ проникнуты лѣнью и бездѣйствіемъ. Вся жизнь мужчинъ раздѣлена между хукой и визитами. Молодые Голландки ридятся и катаются; старыя злословятъ, или молча жуютъ бетель.

Внутренность Цейлана обитаема туземцами, двухъ племенъ: *Бедѣ* и *Сингалезы*. *Бедѣ* живутъ въ дикомъ состояніи. У нихъ нѣтъ даже ни шалашей, ни палатокъ. Вечеромъ *Бедѣ* срубаютъ нѣсколько сучьевъ, дѣлаютъ изъ нихъ родъ укрѣпленія около стараго дерева, и въ этой самодѣльной крѣпости проводятъ ночь. Сонъ его очень легокъ, и при малѣйшемъ шумѣ, означающемъ приближеніе слона или тигра, дикарь вскарабкивается на верхушку дерева, не разставаясь ни на минуту съ своимъ топоромъ. Когда *Бедѣ* нуженъ кусокъ ткани, желѣза или что другое, онъ не отправляется въ самый городъ, а приноситъ свой медъ, жемчугъ или слововую кость въ назначенное для того по близости города мѣсто, условленными знаками, вырѣзываемыми на пальмовыхъ листьяхъ, дастъ знать о своемъ требованіи, а самъ сторожитъ между-тѣмъ изъ-за какого-нибудь дерева, пока не принесутъ желаемого.

Сингалезы высоки, стройны, сильны и въ чертахъ лица имѣютъ много малайскаго. Женщины ихъ почти все хороши собой. Несмотря на то, что *Сингалезы* не браманты, установленіе кастъ проникло и къ нимъ. Люди низшихъ кастъ ходятъ почти нагіе; весь нарядъ обоихъ половъ состоитъ изъ куска ткани, который у женщинъ нѣсколько больше чѣмъ у мужчинъ. Только знатныя дамы пользуются привилегіей укрывать свою грудь, носятъ зонтикъ и имѣть при себѣ провожатаго. Костюмъ знатныхъ *Сингалезовъ* представляетъ самую забавную смѣсь модъ Парижа и Канди. Представьте себѣ широкую бѣлую хламиду, шитую по краямъ; сверхъ нея натянутъ открытый жилетъ и фракъ изъ шелковой матеріи, съ серебряными или золотыми пуговицами; все это унизано жемчугомъ или драгоценными камнями. Прибавьте къ этому саблю, остроконечныя красныя туфли, густыя заплетенныя волосы, собранныя подъ золотой гребень, и передъ вами вѣрный портретъ знатнаго *Сингалеза*. За баринномъ идетъ слуга, держа его шляпу и зонтикъ, сдѣланный изъ пальмоваго листа. За очень-важнымъ человекомъ слѣдуютъ иногда до шести слугъ съ зонтиками. Эти вельможи впрочемъ такъ обѣдѣли, что, по случаю торжественныхъ дней, бывають припуждены складываться на туалетныя принадлежности: изъ трехъ или четырехъ господъ каждый шеголяется въ свою очередь, въ собранномъ общими силами костюмѣ.

Дома *Сингалезовъ* всегда въ одинъ этажъ, и строятся изъ лѣса или бамбуковаго тростника. По полу комнаты разостланы циновки, и вся семья спитъ

имѣсть. — Когда молодой человекъ достигнетъ восемнадцати лѣтъ, родители отыскиваютъ для него приличную невесту, уговариваются о приданомъ, и по совету астролога назначаютъ день свадьбы. Обрядъ вѣчанія замѣняется двумя общественными обѣдами у обоихъ семействъ. Въ знакъ родственнаго расположенія другъ къ другу, все собѣдники заускаютъ въ одно время руки въ жирный пилавъ, — и съ этой минуты сочетающіеся становятся мужемъ и женой. По истеченіи двухъ недѣль, супруги могутъ развестись, что часто и случается, — и поэтому въ Цейланѣ встрѣчается и многоженство и многомужество. Считается только предосудительнымъ имѣть болѣе семи жёнъ или мужей. Мать выкармливаетъ ребенка, и, отнявъ отъ груди, отдаётъ его отцу для дальнѣйшаго воспитанія. При рожденіи дитя получаетъ имя отъ родителей; а достигнувъ 20 лѣтъ, самъ выбираетъ себѣ другое, которое и остается при немъ навсегда. Мертвые тѣла сжигаются на кострахъ.

Въ языкѣ Сингалезовъ есть слѣды арабскаго, санскритскаго и палійскаго. Они пишутъ желѣзнымъ остріемъ на пальмовыхъ листьяхъ, намазывая потомъ начерченные буквы чернилами изъ масла и угля. Изъ такихъ манускриптовъ у нихъ составлены цѣлыя библіотеки, въ которыхъ вы найдете трактаты о богословіи, медицинѣ, исторіи, химіи и живописи; но все это не имѣетъ никакой научной цѣны. Главная наука ихъ — астрологія, и безъ ея указаній они ни на шагъ. Художественная дѣятельность Сингалезовъ ограничивается грубыми произведеніями архитектуры и рисунками безъ перспективы; промышленная — умѣніемъ приготовить аракъ.

Сингалезы гордятся большимъ числомъ своихъ храмовъ. Первую степень между ними занимаетъ *вихаре Малваттѣ*, буддійскій монастырь; не менѣе важны: храмъ *Дагоба*, въ окрестностяхъ Канди, славящійся останками святыхъ; *Магараджа-Вихарѣ* (царь-храмъ) отличается огромными размѣрами. Впрочемъ, весь Цейланъ усеянъ храмами и часовнями (въ числѣ которыхъ есть и подземные). Браманскіе храмы называются здѣсь *девалѣ*, и замѣчательнѣйшій изъ нихъ, посвященный Ганезу, находится въ Тринкамалаѣ (см. рисунокъ на стр. 285).

Санъ священника, для полученія котораго нужно выдержать испытаніе передъ 20-ю законоучителями, соединенъ съ почѣтомъ и выгодами, а потому и составляетъ главную цѣль честолюбія Сингалезовъ; въ деревняхъ доходы священниковъ взимаются нерѣдко натурой, отчего случается часто видѣть, какъ учѣный бонзъ, обошедъ приходъ, возвращается въ свой *вихаре*, обременивъ поясъ десяткомъ или дюжиной индійскихъ пѣтуховъ.

Канди, прежняя столица, находится въ центрѣ острова, близъ рѣки Магаваллы и большаго искусственнаго озера, и имѣетъ теперь не болѣе 3000 жителей. Домъ города бѣденъ, сложенъ изъ земли и крытъ соломой; только «дворцы» вельможъ покрыты черепицей. Фасады королевскаго дворца, въ шесть-сотъ футовъ длиною, оканчивается двумя павильонами. Изъ одного изъ нихъ король показывалъ народу, въ торжественные дни, свои ноги, сидя въ галлерей, открытой снизу. Между многочисленными храмами города особенно замѣчательны *Далада-Малегава*, цейланское святилище, ибо тутъ хранится патронъ острова, святѣйшій зубъ Будды Готамы. Много чудесъ рассказываютъ про эту драгоцѣнность. Когда тѣло послѣдняго Будды было сожжено на кострѣ, то чудотворнымъ образомъ уцѣлѣлъ одинъ его зубъ, который съ-тѣхъ-поръ переносился всегда въ мѣста особенно-удобныя Богу, и, послѣ разныхъ приключеній, прибылъ наконецъ на Цейланъ, гдѣ въ честь его совершаютъ ежегодное торжество. Это жолтый, засаженный обломкомъ какой-то кости, но Цейланцы увѣрены, что отъ обладанія

имъ зависить обладаніе островомъ, и поэтому ключи отъ часовни, гдѣ хранится зубъ, находятся у англійскаго чиновника.

Какъ колыбель Буддизма, Цейланъ наполненъ памятниками этой религіи, восходящими къ самымъ отдаленнымъ временамъ. Отличительные признаки ихъ: массивность, прочность постройки и пирамидальная форма. Рисунокъ I I представляетъ одно изъ такихъ зданій, находящееся близъ Бенареса и известное подъ именемъ *Сарната*. Оно имѣетъ около 70 аршинъ въ окружности и складено изъ камней.

ЗАПАДЪ ИНДІИ.

Мысъ Коморинъ, составляющій самую южную точку Гатовъ, пользуется особеннымъ уваженіемъ Индусовъ, потому что тутъ, по ихъ мнѣнію, была резиденція Кришны. Обогнувъ мысъ, мы вступаемъ на Малабарскій берегъ, который Арабы называютъ «страной перца.» И дѣйствительно, весь западный берегъ Декана производитъ пряности въ большомъ изобиліи, такъ что въ XVI и XVII столѣтіяхъ онъ преимущественно удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ европейской торговли, и поэтому всегда посѣщался иностранцами, чему способствовало и географическое положеніе его. Благодаря этимъ сближеніямъ, народонаселеніе его не могло соблюсти той строгой отчужденности, которой отличается огромная брамантская семья Индусовъ по ту сторону Гатовъ. Эти историческія и географическія причины имѣли очевидное дѣйствіе на туземцевъ: обитатели западнаго берега столько же дѣятельны и воинственны, сколько жители Коромандельскаго вѣлы и робки.

На юго-западъ отъ мыса Коморина находится нѣсколько тысячъ скалъ, разбросанныхъ 17-ю группами, и посящихъ пышное названіе *Малдивскаго Архипелага*. (*) Изъ числа этихъ острововъ сорокъ или пятьдесятъ нѣсколько болѣе другихъ, и имѣютъ постоянное населеніе. Самый значительный островъ, *Маль*, весь покрытъ столицей малдивскаго султана, хорошенькимъ укрѣпленнымъ городкомъ, съ дворцомъ и двумя мечетями, и имѣетъ верстъ пять въ окружности.

(*) Туземцы зовутъ себя *Маль-рага* (королевство Маль); но Индусы называютъ ихъ *Мальдивами* (островитянами Мала). На малабарскомъ языкѣ *маль* значить тысяча, по-ихнему «несмѣтное число,» въ родѣ нашей славянской десяти-тысячной тѣмы, а *дива* — островъ; слѣдовательно *Малдива* — тысяча острововъ, или безчисленное множество острововъ, — и точно, ихъ насчитываютъ всего до 50,000, что легко понять, вспомнивъ, что эта скалистая группа тянется въ длину на 812 верстъ.

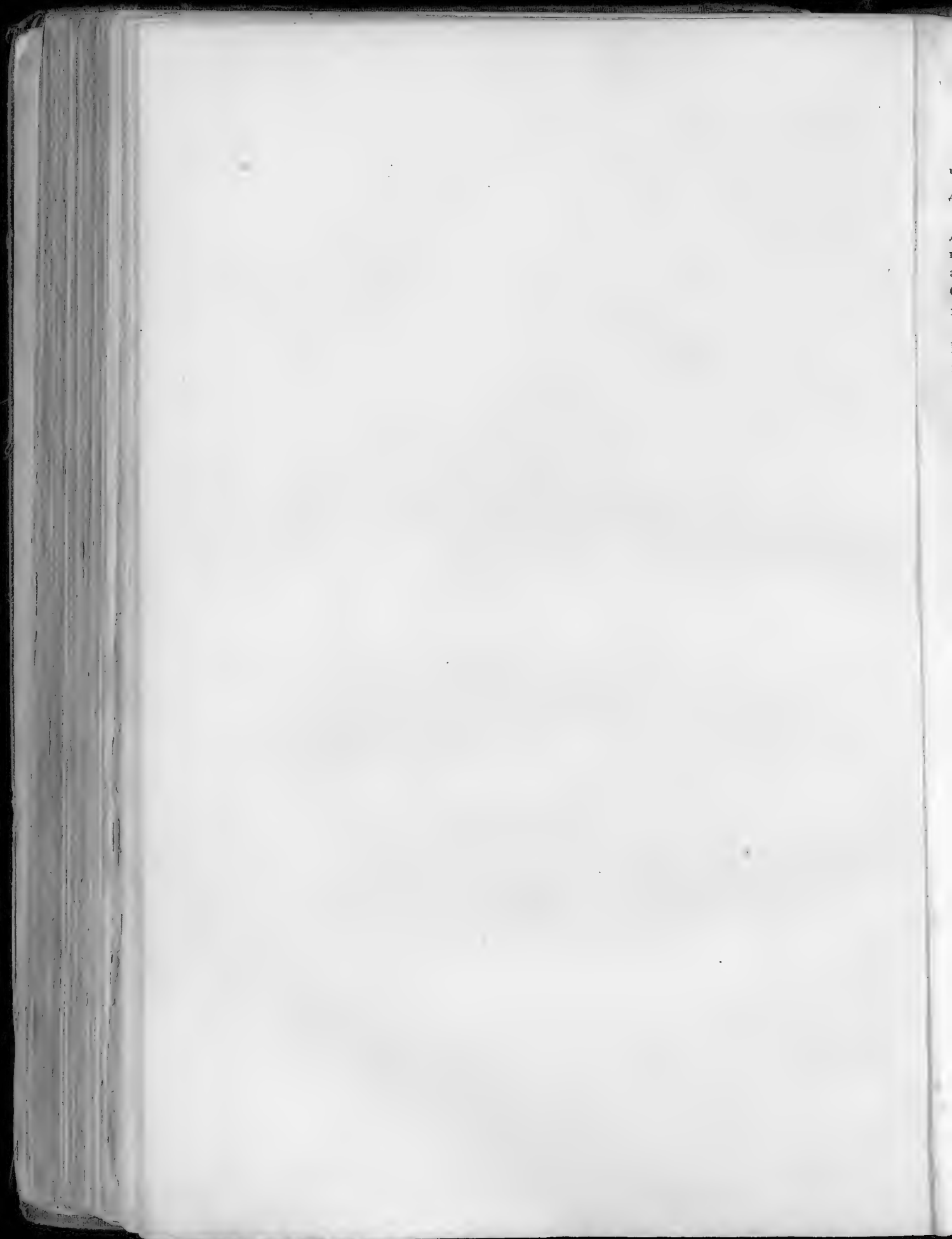
X

W. B. - 1817

VI

Engraving

Къ северу отъ Малдивскихъ Острововъ находится еще незначительнѣйшій *Лакедивскій Архипелагъ*. — Но перейдемъ на индійскій материкъ.

ТРАВАНКОРЪ. Прежде онъ составлялъ часть Малабарскаго Королевства, и до-сихъ-поръ въ немъ уцѣлѣли нѣкоторые обычаи Наировъ. Такъ, напримѣръ, царская власть переходитъ, по смерти раджи, не къ его собственнымъ дѣтямъ, а къ старшему сыну его сестры: обычай, уже объясненный нами (см. стр. 115). Столица Траванкора теперь въ развалинахъ, и настоящая резиденція раджи находится въ городишкѣ *Тривандерамъ*.

КОЧИНЪ. Исключая города Кочина, съ его округомъ, присоединеннаго къ Мадрасскому Президентству, остальные округи этой области подвластны траванкорскому раджи. Городъ лежитъ на очень-маломъ островѣ, но построенъ хорошо и укрѣпленъ по-европейски. Здѣшняя цитадель основана, въ 1503 году, Дабукеркомъ и была первою португальскою крѣпостью въ Индiи. Населенiе города простирается до 30 тысячъ душъ.

МАЛАБАРЪ. Значительная часть этой области занята Гатами, имѣющими здѣсь до 8,000 ф. выш.; средняя полоса ея плодородна и населена зажиточными земледѣльцами. О торговомъ значенiи *Каликата*, главнаго города Малабара, говоритъ еще Васко-де-Гама. Это былъ главный портъ арабiйской торговли, и мусульманское населенiе, *Моппэ*, составляетъ и теперь большую часть его 30,000 жителей; но онъ такъ часто переходилъ въ разныя руки, что теперь не осталось и слѣдовъ прежней важности. Близъ Каликата видны дома Наировъ, этой туземной аристократiи, которая надѣлала столько хлопотъ Португальцамъ и такъ сильно стѣснила своихъ собственныхъ раджей и королей. Домъ всякаго Наира составляетъ замокъ, окруженный брустверомъ, по которому въ прежнее время ходили сторожа, спускавшiе лѣстницу для хозяина дома и тотчасъ подымавшiе ее. Теперь политическое значенiе Наировъ упало, и вмѣстѣ съ нимъ исчезли сторожа. *Махэ*, незначительный городокъ принадлежащiй Французамъ, ведетъ торговлю перцемъ. Въ *Телличери* главная торговля сандаловымъ деревомъ. Въ *Канпурѣ*, имѣющемъ до 10 т. жит., проживаетъ *биби* (королева), которой прежде принадлежалъ и Лакедивскiй Архипелагъ, и которая теперь, въ качествѣ королевы только на словахъ, кормится скуднымъ таможеннымъ сборомъ. Въ Малабарѣ считается не менѣе 100,000 пулiй, пребывающихъ въ самомъ жестокомъ рабствѣ.

КАНАРА. Канарскiй берегъ во всѣхъ направленiяхъ покрытъ вѣтвями Гатей и изрѣзанъ множествомъ рѣкъ, устья которыхъ довольно широки и образуютъ бухты, удобныя для гаваней. Народонаселенiе его составляетъ около 600,000 душъ, и состоитъ преимущественно изъ джаннистовъ. Главныя торговые порты находятся въ *Мангалорѣ*, *Аиколѣ* и *Конданурѣ*.

Въ южной Канарѣ, на границѣ Малабара и Майссора, въ самихъ Гатахъ находились владѣнiя кургскаго раджи, вѣнчъ пансионера Компанiи. «Протѣжая по столицѣ раджи, говоритъ Варренъ: я съ удивленiемъ замѣтилъ, что мнѣ безпрестанно попадались увѣчные: у одного недоставало носа, у другаго уха, у третьяго ни ушей, ни носа. Мнѣ объяснили, что это любимый родъ наказанiя раджи, и что онъ примѣняется его за самыя мелкiя вѣны; разумѣется, что о судебномъ разборѣ итъ и поминна. Этого мелкаго деспота небольшого горскаго племени подданные его называли не иначе какъ *Мага-Сами* (великiй Боже). Во владѣнiяхъ низама я тоже часто встрѣчалъ увѣчныхъ, но я не воображалъ, чтобы мелкiе раджи позволяли себѣ подобныя поступки. Въ-послѣдствiи я убѣдился, что такъ-называемые союзники и вассалы Англичанъ тѣшатъ себя вездѣ

ненаказно подобнымъ судопроизводствомъ. Когда несчастныя жертвы ихъ тиранизма прибѣгали, обливая кровью, къ резидентамъ, тѣ должны были отвергать жалобы, и позволяли себѣ развѣ только частныя, не-официальныя объясненія съ туземными властями. Для избѣжанія и этихъ объясненій, туземные раджи перьдко приказываютъ бросать несчастныхъ въ подземныя тюрьмы: отверзтіе темницы закладывается камнемъ, и узникъ долженъ умереть голодной смертью. Въ Гайдерабадѣ подобныя расправы не въ диковинку.» *Курги* причисляютъ себя къ Напрамъ.

ГОА. Португальская территорія, лежащая между Канарой, Конканомъ и округами южнаго Беджапура, принадлежащими теперь къ Бомбейскому Президентству, состоитъ изъ острова *Гоа* и округовъ *Бардесъ* и *Салсета*. Эта территорія, вмѣстѣ съ *Діу*, *Даманомъ*, *Тиморскими* колоніями въ *Зондскомъ* *Архипелагѣ* и *Макао* въ *Китаѣ* составляетъ управленіе генераль-губернатора, находящагося въ *Гоа*, и называется *индійскимъ наместничествомъ* (*vice-reynado da India*). Старый городъ, процвѣтавшій въ XVI и XVII столѣтіяхъ и имѣвшій тогда до 150,000 жителей, брошенъ теперь по нездоровью своего мѣстоположенія; пустыя улицы его, уставленныя гордыми памятниками власти фанатическихъ Португальцевъ, заросли травой, и лишь изрѣдка проходитъ по нимъ процессія католическаго духовенства. «Святая» инквизиція уничтожена здѣсь, по настоянію Англичанъ, только въ 1811 году. Последніе костры ея горѣли въ *Гоа* въ 1777 году, но и теперь еще португальское начальство не позволяетъ строить ни мечетей ни пагодъ. Нѣсколько монаховъ и монахинь, да сотенъ пять-шесть крещеныхъ туземцевъ составляютъ все населеніе стараго *Гоа*.—Близъ его построено довольно правильно новый городъ, *Villa Nova de Goa* или *Танджамъ*, служащій резиденціей португальскому наместнику и имѣющій до 18,000 жителей: это самая пестрая смѣсь Европейцевъ, Азіятцевъ и Африканцевъ; большая часть бывшихъ—священники, а черныхъ—рабы.

КОНКАНЪ. Этотъ берегъ составляетъ западную полосу области Беджапура, и принадлежит Англичанамъ съ 1819 года. Въ сѣверномъ Конканѣ считается 2,111 деревень, въ южномъ 2,291 и до 700,000 жителей: въ томъ числѣ $\frac{6}{7}$ *Маратты*. Въ горахъ живутъ *Кули* и *Били*.

БОМБЕЙ. Городъ на островѣ того-же имени былъ основанъ Португальцами въ 1530 году, и получилъ названіе отъ бухты, которая служитъ ему превосходной гаванью (*buona bahia*). Въ 1661 году онъ былъ уступленъ Англичанамъ, а потомъ Компанія учредила здѣсь президентство. Городъ имѣетъ до 250,000 жителей (въ томъ числѣ только 4 т. Англичанъ), — а президентство до 7 милл. Торговля Бомбея весьма значительна и привлекаетъ ежегодно въ его гавань до 60,000 человѣкъ. Въ немъ строятся лучшіе суда, для которыхъ употребляется твердый текъ, покрывающій хребетъ западныхъ Гатовъ. Почти десятую часть населенія Бомбея составляютъ *Парсы*, въ рукахъ которыхъ значительная часть здѣшней торговли и всѣ корабельныя верфи. Освященный въ 1841 году, великокопный храмъ ихъ сталъ 2 милліона рублей, и составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній города. Насыпь и прекрасное шоссе соединяютъ островъ Бомбей съ островомъ *Салсетою*, знаменитымъ своими подземными храмами. Тутъ-же и островъ *Элефанта* (см. стр. 160').

Въ портовомъ городѣ *Даманъ*, оставшемся во владѣніи Португальцевъ, хорошія верфи и много *Парсовъ*. Нѣсколько сѣвернѣе его начинается *Камбейскій* заливъ. Близъ города *Камбел* море уходитъ во время отлива на тридцать верстъ и оставляетъ сухое дно; но во время прилива оно возвращается за-то съ

скоростию 8 верстъ въ часъ и подымается на 25 и даже на 30 футовъ. (*)

КЕНДИШЪ. Область эта, занимающая долины Нербудды и Тапти, составляла прежде самостоятельное государство, но теперь она раздроблена на множество мелкихъ владѣній, управляемыхъ раджами подъ покровительствомъ Англичанъ. Кендишъ обитаетъ Индусами; въ горахъ разбойничаютъ Били и потомки Афгановъ.

ГУДЖЕРАТЪ. Отъ Дамана начинается многорѣчная область Гуджератъ, занимающая полуостровъ, который называется иногда *Каттиваромъ* (область Каттовъ), и раздѣленная хребтомъ горъ на двѣ части.

На приморскомъ берегу живутъ Индусы, мусульмане, джанисты и Парсы; въ горахъ держатся *Били*, *Кули* и особенно коренные жители страны, *Катты*, племя съ атлетическими формами тѣла, живущіе разбоемъ. Единственное богатство Каттовъ добрый конь, хорошее вооруженіе и запасъ опиума. Лошадей своихъ они хоятъ до-цѣлы; изъ-за хорошей винтовки готовы продать роднаго отца, а зажиточные между ними имѣютъ всегда при себѣ опиумъ; иные глотаютъ его въ день до 30 грановъ.

Англичанамъ принадлежатъ нѣсколько округовъ около Камбейскаго залива, съ торговыми городами: Суратъ, Бароджъ, Камбей, Ахмѣтабадъ, и друг. На южной оконечности полуострова находится городокъ *Диу*, принадлежавшій Португалии. Остальной Гуджератъ раздробленъ между множествомъ мелкихъ раджапутскихъ раджей, зависящихъ частью отъ Англичанъ, частью отъ мараттскаго гвиковара, который тоже вассалъ Англіи. Резиденція послѣдняго, *Барода*, лежитъ недалеко отъ устья Нербудды и имѣетъ около 100,000 жителей. *Ахмѣтабадъ*, столь-славный въ царствованіе Акбара, теперь въ упадкѣ, хотя еще отличается издѣліями изъ стали и слоновой кости и тонкими шерстяными тканями, и служитъ средоточіемъ мусульманской образованности. *Суратъ* составлялъ прежде коммерческій центръ этой части Индіи, но палъ при соперничествѣ Бомбей, подобно тому какъ Садрасъ палъ передъ Мадрасомъ, и какъ почти всѣ важные приганскіе города поглощены Калькуттой. Ніякого значенія *красота*, что очень нейдетъ къ фizioноміи города. Его 160,000 жителей помѣщаются въ грязныхъ жилищахъ, а все остальное развалины. Одно изъ замѣчательнѣйшихъ строеній города—больница для животныхъ, которой набожные люди жертвуютъ огромныя суммы, заботясь гораздо-болѣе о сохраненіи жизни какой-нибудь кошки или таракана, чѣмъ человека, — и отъ этого загородье наполнено разбойниками, а весь Гуджератъ покрытъ безчисленнымъ множествомъ укрѣпленныхъ замковъ и надгробныхъ камней, означающихъ насильственную смерть.

КУТШЪ. Къ западу отъ Гуджерата находится небольшая область Кутшъ, омываемая съ юга моремъ, а съ сѣвера отдѣляемая отъ содѣственныхъ областей пространствомъ *Ранъ*, которое разные путешественники, смотря по времени года, въ какое провзжали, называли то рѣкой, то болотомъ, то песчаною степью. Народонаселеніе Кутша состоитъ изъ смѣси Раджапутовъ, принявшихъ Исламизмъ, и Синдійцевъ. Любимымъ занятіемъ у тѣхъ и у другихъ было морское разбойничество; но теперь ихъ суда сожжены или отняты, и они должны довольствоваться сухопутнымъ разбоемъ, или даже рѣшаться (отъ пѣчего дѣлать) на скотоводство и хлѣбопашество. Между туземными раджами самый важный находится въ городѣ *Буджъ*. Англичане владѣютъ вполне только двумя округами, а остальными распоряжаются по праву «союзниковъ».

Песчаная низменность *Ранъ* занимаетъ около тысячи кв. мѣ, и хотя многіе

(*) По этому-же роду явленія извѣстны въ Европѣ *Монъ-Сенъ-Мишель*, на сѣверо-западной оконечности Франціи.

географы называютъ его болотомъ, но, по мнѣнію извѣстнаго Бориса, это не вѣрно.

«Надъ Рэномъ, пишетъ Борисъ: почти постоянно носится миражъ, и туземцы называютъ это явленіе *донанъ* (дымъ). Маленькіе кусты представляются то огромными лѣсами, то кораблями, идущими на всѣхъ парусахъ, то моремъ, разбивающимся о скалы. Холмы Кутна принимаютъ видъ высокаго хребта. Единственные животныя, встрѣчаемыя въ этой пустынѣ, *харъ-гады* (дикіе ослы). Они бѣгаютъ иногда цѣлыми стадами, и хотя не больше обыкновенныхъ ослонъ, но сквозь *донанъ* кажутся одного роста со словами. Рэнъ представляется обыкновенно озеромъ, въ пасмурную погоду горой. Одни туземцы привыкли къ явленіямъ миража, и умѣютъ не поддаваться въ оптической обманъ.»

РАДЖПУТАНА или **АДЖМИРЪ**. На сѣверъ и на западъ отъ Рэна тянутся безотрадная степи; къ западу, около границы Синада, находится соленая песчаная пустыня; середина Раджпутаны занята равнинами, часто тоже песчаными, а къ востоку, къ Гвалиору, возвышаются горы Ара-Уали. Каждый годъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ здѣсь царствуютъ раскаленные сѣверовосточные вѣтры, умерщвляющіе всякую растительность въ плодородныхъ округахъ; въ пустынныхъ-же они перегоняютъ съ мѣста на мѣсто песчаные холмы, вышиною иногда до 100 футовъ. Посреди этой бѣдной природы разбросаны соломенные хижинны, съ высокими коническими крышами. Колодцы приходится рыть иногда на 300 футовъ глубины, и вода въ нихъ необильна, мутна и соленовата. Восточные холмистые округи Раджпутаны покрыты скалами и лѣсами, населенными полчищами дикихъ звѣрей. Тигра простой народъ называетъ «*раджой чѣрной скалы*,» утверждая, что всѣ тигры потомки какого-то оборотня-раджи, и что при встрѣчѣ съ ними достаточно отдать имъ почтеніе словами: «*маму* (дядя), я твой сынъ!» чтобы пройти безвредно.

Населеніе Раджпутаны состоитъ изъ *Джатовъ*, племени малорослаго, чѣрнаго и безобразнаго. Имъ владѣютъ *Раджпуты* (что значитъ княжескія дѣти), которые всѣ ведутъ свое происхожденіе отъ Кришны. Сами Раджпуты раздѣляются на раджей владѣтельныхъ, вассальныхъ, и людей вольныхъ. Какъ племя завоевателей, они составляютъ военную аристократію, живутъ въ своихъ укрѣпленныхъ замкахъ, и право собственности у нихъ утверждено на ленномъ основаніи. Раджпутана никогда не составляла исполнѣ усмирненной провинціи Монгольской Имперіи. Шахъ-Джеханъ и Аурангзебъ воздвигали въ ней сильныя крѣпости, изъ которыхъ громили Раджпутовъ, но возстанія не переставали возникать; а при ослабленіи Монгольской Имперіи Раджпутана отделилась одна изъ первыхъ. Въ прошедшемъ столѣтіи ее заняли Маратты, послѣ паденія которыхъ туземные раджи должны были принять покровительство Англичанъ, обязавшись выставлять контингенты и платить дань; но внутреннее управленіе страны не измѣнилось и осталось совершенно-феодалнымъ. Каждый городъ, каждое село имѣетъ своего владѣльца (*такура*, господина), который мало заботится о волѣ высшаго сюзерена.

«На скалахъ и горахъ Раджпутаны, говоритъ Біористерна: страны, своимъ пространствомъ почти равняющейся Германіи, воздвигаются укрѣпленные замки, окруженные стѣнами и башнями, ни сколько не уступающіе замкамъ, развалины которыхъ мы видимъ на берегахъ Рейна и Дуная. Тутъ живетъ благородный Раджпутъ, надъ селами своихъ вассаловъ, подобно барону среднихъ вѣковъ. Онъ также опоясываетъ юношу мечемъ и провозглашаетъ его рыцаремъ. Свѣтъ на борзого коня, онъ, съ шлемомъ на головѣ, прикрываясь щитомъ, и съ копьемъ въ рукѣ ѣдетъ ратовать противъ враждебнаго сосѣда. Наконецъ, здѣсь также молодая благородная дѣвушка храбро гоняется за тигромъ, или, въ замкѣ сво-

его родителя, съ вѣжностію ухаживаютъ за молодымъ воиномъ, равнымъ въ бою.»

Для болѣе полноты картины прибавимъ, что Раджпуты дорожатъ болѣе всего необузданностію. Не терпя власти надъ собою, они обращаютъ въ рабство все что приходитъ съ ними въ прикосновеніе, даже своихъ собственныхъ женщинъ. Мужъ покупаетъ себѣ жену, отецъ торгуетъ своею дочерью, сынъ продаетъ свою мать... Величайшая честь для дочерей этихъ азіатскихъ рыцарей—быть дорого проданными; величайшій стыдъ — не найти на себя покупателей. Мужчины жадны, жестоки и вѣроломны.—Въ горахъ живутъ разбойническія племена Напровъ и Билей, изъ которыхъ Англичане образуютъ прекрасныхъ солдатъ. —

Городъ *Аджемиръ*, отличающійся красивымъ мѣстоположеніемъ и опрятностію, принадлежитъ Англичанамъ. Поселенная близъ его бригада наблюдаетъ за покорностію раджпутскихъ князей, изъ столицъ которыхъ замѣчательны слѣдующія: *Биканиръ*, *Джудпуръ*, *Удейпуръ*, *Котъ*, и др.—*Читторъ*, прежняя столица княжества Удейпура, богата развалинами превосходной архитектуры.

СИНДЪ. Выходя изъ Пенджаба, рѣка Индъ вступаетъ въ область, которой даетъ свое названіе, раздѣляется на множество вѣтвей и впадаетъ 11-ю рукавами въ море. Область Синдъ, принадлежавшая прежде къ Кабулу, составляетъ теперь крайнюю точку англійскихъ владѣній на западъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ скалистыхъ горъ, Синдъ страна равнинъ, и кромѣ округовъ, пограничныхъ съ Раджпутаною, вся область, по обилію въ водѣ, плодородна.

Народонаселеніе Синда состоитъ изъ Белуджей—завоевателей страны и Индусовъ — покоренныхъ. Синдійцы хорошіе солдаты, особенно въ пѣшемъ строю. Они высоки, красивы, но цвѣтомъ гораздо-темнѣе Раджпутовъ. Костюмъ ихъ состоитъ изъ шальваровъ, широкой тюники и высокой шапки яркаго цвѣта. Женщины одѣваются также, но волосы ихъ открыты, а сверхъ тюники онѣ надеваютъ шолоховый корсажъ, стягиваемый на спинѣ. Синдійцы исповѣдаютъ Исламизмъ.

«Жители Синда, рассказываетъ капитанъ Постель: здороваются такъ, какъ едва-ли гдѣ-нибудь здороваются люди. Прежде всего они спрашиваютъ о здоровьи гостя или встрѣчнаго, потомъ слѣдуетъ рядъ вопросовъ о здоровьи семейства, о состояніи дома, и проч. И не думайте, что туземецъ ограничивается простымъ вопросомъ о здоровьи: нѣтъ, — онъ повторять его въ нѣсколькихъ фразахъ, выражаетъ и сомнѣніе свое и безпокойство. «Здоровы-ли вы, спрашиваетъ онъ: совершенно-ли здоровы? Какъ вы поживаете! Хорошо-ли поживаете? Счастливы-ли вы? Совершенно-ли счастливы! Вѣрно-ли, что вы здоровы?»— Когда одинъ кончитъ такой допросъ и получитъ удовлетворительный отвѣтъ, начинаетъ другой; такимъ-образомъ, друзьямъ нужно немало времени, чтобъ поздороваться. Въ какое-бы большое общество ни зашелъ туземецъ, онъ долженъ подходить съ этимъ формальнымъ привѣтствіемъ ко всѣмъ, и каждому, начиная съ старшаго. Синдѣецъ не пройдетъ, не пройдетъ мимо незнакомаго челоуѣка безъ того, чтобъ не предложить ему всѣхъ этихъ вопросовъ. Онъ спрашиваетъ съ такимъ участіемъ, какъ-будто онъ самый искренній другъ вамъ, и наконецъ, вдругъ озадачивается васъ вопросомъ: «кто вы такой?» Этотъ обычай замѣчательнъ, потому, что Синдъ почти единственная страна на востокѣ, гдѣ хорошее воспитаніе и этикетъ позволяютъ спрашивать объ имени незнакомца.

«Невозможно вообразить себѣ что-нибудь неопытнѣе внутренности синдскаго го-

рода. Каждый житель выбрасывает соръ и нечистоту на улицу, передъ домомъ; узкая улица, гдѣ едва можетъ пройти выюный верблюдъ, залезена грудами навоза, на которомъ привольно живутъ стаи жирныхъ собакъ, и иностранецъ, особенно христiанинъ, не жди отъ нихъ пощады: собаки—виднo истинныя мусульманки. Мухъ такъ много, что лица ребятишекъ совершенно покрыты ими; а въ лавкѣ мясной или бакалейной вы не узнаете товара, выставленнаго на продажу. Прибавьте къ этому толпы грязнаго народа, нестерпимую вонь, солнце, которое можетъ испечь яйцо, — и вы составите себѣ нѣкоторое попятiе о синдскомъ городѣ.»

Съ 1779 года почти весь Синдъ находился подъ властію эмировъ изъ семьи *Талпури*, пришедшихъ изъ Белуджистана. Старшій эмиръ жилъ въ Гайдерабадѣ (на Индѣ), а братья его въ Хирпуръ и Мирпуръ. Вагаулпуръ, на сѣверѣ, составлялъ независимое княжество.—Главною страстію этихъ эмировъ, страстію весьма-разорительной для страны, была охота, заставлявшая ихъ опустошать обширныя и плодородныя мѣста. Мир-Фетти-Али опустошилъ одно изъ самыхъ плодородныхъ мѣстъ близъ Гайдерабада, приносящее ежегодно два-три лака рупій дохода,—для того, чтобы имѣть удовольствіе охотиться за антилопами, которыя водились тамъ! Другой эмиръ, безжалостно прогнавъ жителей изъ одной деревни, сравнял ее съ землею, оттого, что пѣніе пѣтуховъ и мычанье скота пугали дичь въ охотничьемъ паркѣ его брата, находившемся близъ деревни. Когда полковникъ Поттннджеръ заключалъ договоръ съ гайдерабадскимъ дворомъ, эмиры болѣе всего настаивали на томъ, чтобы Англичане не трогали ихъ *шикарговъ*, или охотничьихъ парковъ. «Шикаргами» сказалъ одинъ эмиръ: дорожимъ мы столько-же, сколько пашиими женами и дѣтьми.» Но настала и для нихъ пора проститься съ своими потѣшными сокровищами.

Лѣтъ четырнадцать назадъ, капитанъ Борнсъ прибылъ, подъ видомъ простаго путешественника, въ Синдъ. Онъ былъ первый Англичанинъ, проникшій въ эту страну. Его приняли ласково, и въ дружественной бесѣдѣ эмиры сообщали ему опасенія насчетъ грознаго соседа своего, Ренджитъ-Синга. Борнсъ уговорилъ ихъ заключить союзъ съ Компаніей, и союзъ «вѣчной дружбы» былъ заключенъ. Англичане выговорили свободное плаваніе по Инду своимъ *купеческимъ* судамъ. Но вскорѣ послѣ этого, воспользовавшись какимъ-то недоразумѣніемъ эмировъ съ Ренджитъ-Сингомъ, они получили право прислать въ Гайдерабадъ резидента, съ такою *свитою*, какая покажется необходимою англійскому правительству, т. е. другими словами, съ началомъ субсидіарной арміи. При открытіи афганской войны, Англичане заняли часть Синда, объявляя, что это дѣлается «на время», и начали перевозить вверхъ по Инду свои войска и военные снаряды, объявляя тоже, что это дѣлается «по необходимости, въ видѣ исключенія». Вслѣдъ затѣмъ эмиры получили отъ генералъ-губернатора увѣдомленіе, чтобы они приготовились къ немедленной уплатѣ своему законному сюзерену, Шаху-Суджѣ, данн недоставленной въ срокъ. Надо замѣтить, что Шахъ-Суджа лѣтъ 25 жилъ въ изгнаніи, и что лордъ Дуклендъ, вздумавъ объявить его повелителемъ Синда, насчиталъ за все это время недоимочной данн съ эмировъ около пяти милл. рублей. Несмотря на всеобщее негодованіе, Англичане заняли всю территорію своихъ союзниковъ, и заставили эмировъ подписать все что хотѣли. Вспыхнуло возстаніе, а Компанія этого только и желала. Послѣ битвы при *Miani*, Синдъ сталъ англійской провинціей, а эмиры его государственными узниками.

Кромѣ Гайдерабада, въ которомъ около 20,000 жителей, значительнѣйшіе города Синда слѣдующіе: *Рори*, *Баккаръ*, *Хирпуръ*, *Шикарпуръ*, *Татта*, и др.

ПЕНДЖАБЪ. Въ другомъ мѣстѣ мы уже говорили о религіозной сектѣ *Сейковъ*, основанной Баба-Наиѣкомъ. Одинъ изъ его преемниковъ, *Гуру-Рамдасъ* вырылъ прудъ, названный *Ауритсиръ* (хранилище напитка безсмертія), и основанный близъ него городъ принялъ вскорѣ то-же названіе, и сталъ какъ-бы религіозной столицей Сейковъ. Отчаяніе сдѣлало Сейковъ изступленными фанатиками, и хотя человекъ, произведшій этотъ переворотъ, умеръ въ изгнаніи, но посаженное имъ сѣмя возшло, — и вскорѣ Сейки стали господами Пенджаба и образовали религіозно-политическую конфедерацію.

Говиндъ былъ послѣднимъ сейкскимъ патриархомъ. Еще при жизни онъ учредилъ совѣтъ духовныхъ начальниковъ, *гуру-мата*, и передалъ ему свою власть. Съ измѣненіемъ значенія Сейковъ, и гуру-мата сталъ высшей политической инстанціей нхъ союза, собирався во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Во время смутныхъ царствованій наслѣдниковъ Аурангзеба, Сейки не переставали бороться съ властію дѣлійскихъ императоровъ, и являлись то побѣдителями, то покоренными. Но гораздо-страшнѣе изнемогающаго Дели для Пенджаба были его западные сосѣди. Въ 1738 году Пенджабъ два раза стоналъ подъ копытами безчисленной конницы Надиръ-Шаха, а вслѣдъ затѣмъ начались непрерывныя вторженія *Ахметъ-Дуруани*, основателя новой афганской монархіи, продолжавшіяся до самой его смерти.

Политическая форма федеративной республики была слѣдующая. Государство дѣлилось на 12 *миссуловъ* (штатовъ или кантоновъ), изъ которыхъ каждый управлялся *сирдаромъ*, выбраннымъ вѣтми сингами. Всякій миссулъ пользовался своею независимую администраціею, но высшая политическая власть сосредоточивалась въ гуру-матѣ, по востребованію котораго каждый сирдаръ выступалъ въ поле съ контингентомъ своего округа. Федеративная армія состояла изъ 70,000 человекъ. Словомъ, это была конституція Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, переложенная на азіатскіе нравы. Въ социальномъ отношеніи все было устроено на ленномъ основаніи. Сирдаръ былъ главнымъ судьей своего миссула, а управленіе полицейское и финансовое каждаго округа вѣрялось имъ особенному земнидару, который становился къ нему въ положеніе вассала.

Въ борьбахъ противъ Ахметъ-Шаха отличался особенно сирдаръ *Хуррукъ-Сингъ*. Вліяніе его на Сейковъ было столь сильно, что ему удалось оставить сыну своему *Матіа-Сингу* въ наслѣдство сирдарскую власть (завѣщавшую дотолѣ отъ выбора синговъ); а по смерти Матіа-Синга она перешла къ двѣнадцатилѣтнему сыну послѣдняго, *Ренджитъ-Сингу*. Въ 1796 году афганское войско вторглось опять въ Пенджабъ. Застигнутые врасплохъ, Сейки были вездѣ разбиты, но молодой Ренджитъ-Сингъ вскорѣ вытѣснилъ враговъ, — и во время этихъ смятеній успѣлъ увеличить свой миссулъ на счетъ сосѣдей, и занялъ значительный городъ Лахоръ. Укрѣпясь такимъ-образомъ, онъ заботился дальнѣйшимъ распространеніемъ своей власти, и въ этомъ случаѣ не отступалъ ни передъ какими средствами, дѣйствовалъ переговорами, обманомъ, ядомъ и золотомъ. Полный успѣхъ увѣнчалъ такую политику, и въ 1810 году онъ провозгласилъ себя магараджей Лахора, а бывшая конфедерація превратилась въ неограниченную монархію, раздѣленную на 12 губерній. Упрочивъ свою власть внутри государства, Ренджитъ-Сингъ оторвалъ отъ Афганистана провинціи Мултанъ, Пешаверъ (въ 1818 году), Кашмиръ (въ 1819), и далъ такимъ-образомъ Лахорскому Королевству его теперешнія границы.

Первыя сношенія Ренджитъ-Синга съ Англичанами относятся къ 1808 году, когда, вслѣдствіе набѣговъ разныхъ сейкскихъ сирдаровъ на берега Джамны, отрядъ бенгальской арміи былъ отправленъ противъ хищниковъ. Ренджитъ-Сингъ

тогдашъ понималъ, что Англичанъ нужно держать въ почтительномъ отдаленіи, не давая имъ безразсудною войною повода вмѣшиваться въ дѣла Пенджаба, и въ 1809 году заключилъ съ ними договоръ, по которому рѣка *Сетледжъ* была назначена взаимною границею. Всю свою жизнь онъ сохранялъ наружную дружбу съ компанейскимъ правительствомъ, и два раза имѣлъ даже личныя свиданія съ генералъ-губернаторами лордомъ Бентинкомъ и лордомъ Ауклендомъ. Съ 1814 года онъ занялся обученіемъ своей арміи на европейскій манеръ, и сперва употребилъ для этого англійскихъ офицеровъ, бѣжавшихъ изъ компанейскаго войска; а съ 1822 года принялъ къ себѣ Италіанца Вентуру и Француза Аллара, служившихъ прежде въ арміи Наполеона. Въ отношеніи къ дисциплинѣ, обученіе этими генералами войска равнялись, по удостовренію Бориса, съ сипайскими полками, но составленіе ихъ изъ племени воинственнаго давало имъ надъ сипаями огромный перевѣсъ. Подъ конецъ его царствованія вся армія простиралась до 90 тысячъ человекъ; въ томъ числѣ 29 т. сформированныхъ по-европейски. Ренджитъ-Сингъ умеръ 27 іюня 1839 года, и смерть его была знакомъ страшнаго безначалія. Съ помощію Англичанъ на престолъ сѣлъ полоумный сынъ покойнаго *Хуррукъ-Сингъ*; но собственнй сынъ послѣдняго, внукъ Ренджитъ-Синга, двадцатилѣтній *Нао-Нехалъ-Сингъ*, соединившись съ старымъ и опытнымъ министромъ основателя Лахорскаго Королевства, *Діанъ-Сингомъ*, завладѣлъ браздами правленія. Однако ловкій царедворецъ вскорѣ рѣшилъ, что ни тому, ни другому не бывать магараджей. *Хуррукъ-Сингъ* умеръ скоропостижно, а на сына его, во время похоронъ отца, упало, при провѣздѣ подъ портникомъ, говорятъ тоже случайно, — бревно и убило его. Такъ, въ 1840 году прересѣлось прямое потомство Ренджитъ-Синга, и магараджей сдѣлался, по прозванію *Діанъ-Синга*, *Шере-Сингъ*, сынъ умершаго, но непризнанный имъ. Царствованіе его, однако, было непродолжительно, потому что честолюбивый министръ самъ желалъ престола, и орудіемъ для этого выбралъ *Аджитъ-Синга*, родственника Ренджита, человека пустаго, ограниченнаго. *Шере-Сингъ* погибъ, а соперникъ его былъ провозглашенъ королемъ; но, опасаясь интригъ *Діанъ-Синга*, новый государь застрѣлилъ своего помощника изъ пистолета, когда они ѣхали вмѣстѣ. Братъ и сынъ убитаго, при помощи генерала Вентуры, осадили *Аджита* въ Лахорѣ, взяли его въ плѣнъ и обезглавили. Это случилось въ сентябрь 1843 года. На престолъ возведенъ былъ *Дулиъ-Сингъ*, ребенокъ, усыновленный Ренджитъ-Сингомъ; но рѣзня до-сихъ-поръ не прекратилась въ Пенджабѣ, и всѣ Европейцы, служившіе въ лахорскихъ войскахъ, спаслись отъ этихъ безконечныхъ смутъ на англійскую землю. Въ прошломъ 1845 году къ ужасамъ междоусобной войны присоединились опустошенія холеры и вѣтшателство Англичанъ, которые, какъ попечительные сосѣди, изъ человеколюбія, рѣшились «водворить въ Пенджабъ миръ» и съ 40-тысячнымъ корпусомъ двинулись къ границамъ несчастнаго государства. Сѣйкамъ не понравилось это усердіе, и въ началѣ этого года они, въ числѣ 60 т. человекъ, перешли *Сетледжъ* и сразились съ Англичанами. Подробности этихъ сраженій (доселѣ ихъ было три), о которыхъ еще не получено полныхъ донесеній, читатели знаютъ, вѣроятно, изъ газетъ. Сѣйки, чувствуя что отъ этихъ дней зависитъ ихъ будущее, оправдывали свое народное прозваніе «львовъ», но были разбиты и попросили мира: англійскій главнокомандующій отвѣчалъ, что онъ объявитъ условія лишь подъ стѣнами Лахора..... Часть Пенджаба пробилъ.....

Пенджабъ граничитъ къ сѣверо-востоку съ малымъ Тибетомъ, къ юго-востоку съ Сирморомъ, областями Дели и Раджапутаной, къ югу съ Синдомъ, къ западу съ Афганистаномъ; сѣверную полосу его составляютъ Кугистанъ и Кашмиръ.

Климатъ очень зноенъ лѣтомъ, но зимой, особенно въ Кугистанѣ, холодъ бываетъ уже довольно чувствителенъ. Кромѣ Инда и пяти рѣкъ, давшихъ названіе всей странѣ, Пенджабъ богатъ каналами. Долины его, особенно Мултанъ, весьма плодородны, и все плоды Индустана и Европы рождаются въ различныхъ округахъ его. Слоны и верблюды здѣсь не въ общемъ употребленіи, но за-то лошади персидскихъ и татарскихъ породъ превосходны. Скотоводство также значительно.

Мирныя ремесла и торговля находятся бѣльшею частію въ рукахъ брамантовъ, а Сѣйки занимаются только хлѣбопашествомъ и войною, такъ что въ мирное время многіе изъ нихъ нанимаются въ службу къ другимъ государямъ.

Изъ городовъ замѣчательны: *Лахоръ*, на берегу Рави, имѣетъ 80,000 жителей, построенъ довольно правильно, и славится дворцомъ изъ краснаго гранита, выстроеннымъ Акбаромъ и украшеннымъ Ренджитъ-Сингомъ. За городомъ находится мавзолей Джахангира (*). *Амритсиръ* имѣетъ 50,000 жителей. Посреди священнаго бассейна, давшего имя городу, построенъ храмъ, въ которомъ хранятся заповѣди Говинда. При храмѣ 500 священниковъ, называемыхъ *акали*. За тѣмъ слѣдуютъ города отнятые у Кабула: *Пешавръ*, съ крѣпостію, дворцомъ и 70,000 жителей; *Мултанъ*, знаменитый шелковыми тканями и коврами, и *Аттокъ*, пограничная крѣпость на Индѣ; да отторгнутые отъ Синда: *Уджъ* и *Шикарпуръ*. О Кашмирѣ мы уже говорили.

Между Лахоромъ и провинціей Дели находятся владѣнія независимыхъ отъ магараджи сейкскихъ сирдаровъ. Ихъ не менѣе полутораста, и они походятъ болѣе на помѣщиковъ, чѣмъ на владѣтельныхъ князей. Все они обязаны ставить контингенты по востребованію генералъ-губернатора; но упомянутый нами мусульманскій ханъ *Багаулпура*, называющій себя потомкомъ пророка, платитъ дань Лахору.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Обзоръ областей и городовъ Индустана вполне подтвердилъ сказанное нами прежде, что скоро Англичане смѣнятъ дряхлыя туземныя правительства и сдѣлаются единственными властителями всей страны. Знамя ихъ развѣвается отъ Гайдерабада на Индѣ до Сингапура близъ Малакки, отъ вершинъ Гималая до Адамова мыса на Цейланѣ. Имперія ихъ, считая со временъ Клейва, кончается уже скоро первое столѣтіе своего существованія. Чѣмъ-же ознаменовалось это столѣтнее господство? Раздѣлимъ этотъ вопросъ на два. Изслѣдуемъ сперва: Какія вы-

(*) Въ окрестностяхъ города и во всемъ Пенджабѣ встрѣчаются древніе конусообразныя памятники, называемые *топъ* и приписываемые туземцами богамъ. Ученые видятъ въ нихъ гробницы древнихъ бактрианскихъ государей; но, основываясь на томъ, что въ этихъ памятникахъ замѣтно вліяніе греческаго искусства, и на нумизматическихъ открытіяхъ, гораздо-основательнѣе считать ихъ принадлежащими греческой династіи Бактрианы. Изображеніе одного изъ замѣчательнѣйшихъ *топовъ*, находящагося на границѣ Пенджаба и Афганистана, можно видѣть на стр. 238. Редакторъ.

годы приносятъ Англичанамъ Индія? а потомъ: Чѣмъ обязана она имъ? Сличеніе двухъ отвѣтовъ дастъ намъ окончательный выводъ.

КАКІЯ ВЫГОДЫ ПРИНОСИТЪ АНГЛИЧАНАМЪ ИНДІЯ?—Соединимъ здѣсь, въ краткихъ словахъ, разбросанное въ разныхъ главахъ нашего сочиненія.

Акціонеры Компаніи получаютъ ежегодно 630,000 фун. стерл. дивиденда. Выбранные ими директоры раздаютъ ежегодно кому хотятъ около 1200 гражданскихъ и военныхъ вакансій на должности, которыя такъ выгодны, что на каждаго гражданского чиновника приходится въ сложности не менѣе 40,000 рублей годового жалованья. «Европейскіе расходы» англо-индійскаго правительства составляютъ около 90,000,000 р. асс. Компанейскіе гражданскіе чиновники и офицеры, живущіе въ Индіи и переселяющіеся потомъ на родину, сберегаютъ въ годъ, по умѣренной оцѣнкѣ, около 37 милліоновъ; слѣдовательно, изъ Индіи въ Англію вывозится ежегодно 127 милл. р. асс. Большая часть 422 милліоновъ, издерживаемыхъ каждаго года подъ названіемъ «индійскихъ расходовъ», проходитъ тоже черезъ руки Европейцевъ. Сверхъ-того наживается около тринадцати тысячъ купцовъ-плантаторовъ, и ихъ годовые барыши вычисляются въ годъ, среднимъ исломъ, до 75,000,000 руб. Монополія опиума даетъ Англичанамъ возможность вымѣнивать (съ огромною для себя выгодой 300 на 100) у Китайцевъ чай, и паводняютъ имъ всю западную Европу, а сама Индія, съ своими 160 милліонами жителей, служитъ мѣстомъ сбыта для издѣлій англійскихъ мануфактуръ.

Эти числа могутъ дать только нѣкоторое понятіе о денежныхъ выгодахъ, раздѣляемыхъ между промышленными, торгующими и служащими сословіями Англіи. Выгоды политической власти опредѣлить числами невозможно. Скажемъ только, что Англичане господа Индіи, и что конечно ни одна азіятская держава, ни Персія, ни Турція, ни Китай, не въ состояніи поколебать ихъ имперіи. Притомъ, все могущество Англіи основано на торговлѣ и на флотѣ, для которыхъ необходимы колоніи, а между колоніями Англіи самая важная Индія. — Теперь посмотримъ, какъ Англичане владѣютъ этою страной, падѣленною отъ природы необыкновеннымъ плодородіемъ, и что они сдѣлали для улучшенія нравственнаго и физическаго состоянія своихъ безчисленныхъ подданныхъ.

Чѣмъ Индія обязана Англичанамъ?—Для справедливой оцѣнки теперешняго положенія Индіи необходимо вспомнить ея прежнее состояніе. Въ III отдѣлѣ мы привели описаніе Индустана, сдѣланное въ началѣ XVI столѣтія Баберомъ: оно обрисовываетъ

управленіе Афгановъ. Приведемъ здѣсь слова туземнаго исторіографа *Голауизъ-Гуссейнъ-Хана*, относящіяся къ началу XVIII столѣтія, и могущія служить оцѣнкой благотвореній монгольскаго правленія :

«*Въ то время, говоритъ Гуссейнъ: все военнопленные убивались; при малѣйшемъ подозрѣніи князья подвергали подданныхъ своихъ пыткамъ; удары плетью, бамбуковою тростью и нанесеніе ранъ полицейскимъ копьемъ считались самыми обыкновенными мѣрами исправленія. Пные владѣтели травли своихъ подданныхъ собаками, и застрѣливали ихъ немалое количество для своей царской потѣхи. У людей зажиточныхъ отбирали нерѣдко имущество, а самихъ удавливали. Никому не позволялось приглашать къ себѣ гостей безъ особаго разрѣшенія начальства. О справедливомъ судѣ нигдѣ не было и помину.*»

Теперь кое-что измѣнилось, многое осталось.

Во время послѣдней войны съ Афганистаномъ Англичане и сипаи умертвили не только множество воиновъ, взятыхъ въ плѣнъ, но и бездну дѣтей и женщинъ, особенно замужнихъ. Англіійскіе офицеры, рассказывая печатно о подобныхъ поступкахъ, не находятъ для нихъ ни малѣйшаго слова порицанія, а говорятъ, какъ о вещахъ, которыя совершенно во правъ солдатъ хвалебнаго компанейскаго войска.

Конфискаціи и пытки не вышли изъ моды и теперь у всѣхъ союзныхъ съ Англичанами государей, и мы видѣли, что Компания тщательно поддерживаетъ произволъ туземныхъ князей. Читатели, надѣмся, не забыли ни подземныхъ тюремъ Гайдерабада, ни безносыхъ жителей Меркары. Плеть и бамбукъ въ большой чести и теперь для людей нижнихъ кастъ; справедливаго суда также нѣтъ. Но за-то, правда, нынѣ уже не охотятся на людей, и гостей позволено приглашать безъ особаго разрѣшенія мѣстной полицейской власти.

Главныя заслуги Англичанъ относятся къ общей полиціи и къ сохраненію личной безопасности путешественниковъ. Такъ, напримѣръ, они побѣдили Пиндаріевъ, укротили Рохилловъ, и дѣятельно преслѣдуютъ тойговъ. Вездѣ-присутствующее войско ихъ поддерживаетъ наружную тишину; но полицейское спокойствіе не означаетъ еще общественнаго порядка, условливающаго общественное благоустройство, и въ этомъ-то отношеніи состояніе Индіи представляется намъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

Не можемъ не привести при этомъ случаѣ поразительнаго, но достовѣрнаго рассказа одного очевидца :

«Смотря на обиліе и богатство произведеній Индустана, говоритъ неизвѣстный авторъ „Путевыхъ Впечатлѣній“ (*): я былъ пораженъ удивленіемъ при

(*) Подъ такимъ заглавіемъ была напечатана въ *Revue des Deux Mondes*, 1842 года, статья, изъ которой мы беремъ эти замѣтки.

видъ ужасной бѣдности, въ которую погружены три четверти туземцевъ. Страна, гдѣ матери часто бываютъ принуждены продавать своихъ дочерей, чтобы добыть себѣ немного хлѣба, можетъ-ли называться счастливою? Тамъ, гдѣ рабство существуетъ еще, цивилизація сдѣлала-ли какіе-нибудь успѣхи? При всемъ томъ, самое рабство, обезпеченное отъ голодной смерти, еще можно предпочесть свободѣ, которою пользуются тысячи несчастливцевъ, бродящихъ вокругъ селеній, по берегамъ рѣкъ, въ каравансераяхъ, по протяжнмъ дорогамъ, вымалывающихъ горсти *суджи* (мансовой муки), нѣсколькихъ зеренъ майса, или остатковъ трапезы путешественника, которые у нихъ оспариваютъ псы. Покрѣтые отвратительными рубищами, часто совершенно нагіе, съ впалыми щеками, блуждающими глазами, высунувшимися скулами, оскаленными зубами, съ колынами болѣе толстыми, чѣмъ самыя лядвен, эти странствующие скелеты пьютъ силы не болѣе, какъ чтобы поддерживать свой костлявый составъ. Они съ отчаяніемъ кричатъ: *Бука марта сагебъ, кангалъ магамадже капетъ кали хай!* («О, сударь! я умираю съ голоду; желудокъ бѣдняка пустъ»). Увы! видъ ихъ закрѣпляетъ въ истинѣ этнхъ словъ. Въ землѣ, которую *Дуренгсэбъ* называлъ *расми странъ*, кака я ужасная нищета! Я видѣлъ бѣдныхъ египетскихъ феллаховъ, я зналъ, какое жестокое обращеніе они испытываютъ, — и все-таки я предпочелъ бы ихъ участь участи нищихъ Индусовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *райотовъ*. Къ какой кастѣ вообще принадлежать они? Часто къ самой полезной, кастѣ *судровъ*. Эпидемія, наводненіе, засуха, или просто слишкомъ-жестокія преслѣдованія *земиндара* изгнали ихъ съ полей ихъ предковъ, и они скитаются по деревнямъ и городамъ. Изгоняемые, какъ иноземцы, *пурдесси*, мучимые голодомъ, не будучи въ состояніи найти работу, они предаются воровству и грабежу: самая поразительная противоположность съ ихъ владыками, которые почти всѣ умираютъ преждевременно отъ дѣйствія слишкомъ-питательныхъ яствъ и отъ злоупотребленія спиртныхъ напитковъ. *Сагебъ логъ дѣнь бѣръ катъ питѣ хайнѣ, калла адли гомъ ауръ букъ ката хай:* «Бѣлый человѣкъ,» говорятъ они: «ѣсть и пить цѣлый день; чѣрный человѣкъ пожираетъ свой голодъ со стыдомъ». Посмотрите на земледѣльца и ремесленника въ томъ состояніи, когда они не дошли еще до этого послѣдняго предѣла нищеты, когда они еще пользуются этимъ довольствомъ, о которомъ говоритъ Жансильи. Въ чемъ состоитъ оно? Жилище ихъ? это хижина, смазанная изъ грязи. Ихъ домашнее убранство? *чарпазъ* (постель, сплетенная изъ тростника), циновка, нѣсколько деревянныхъ или глиняныхъ, рѣдко мѣдныхъ чашекъ. Ихъ одежды? у мужа — лаггути, едва прикрывающій наготу, тюрбанъ изъ толстаго полотна, плохой шерстяной плащъ для защиты отъ зимней стужи; у жены — изодранное рубище, которое въ лохмотьяхъ ниспадаетъ на грудь и колѣни. Ихъ пища? грубая зерна, какими кормятъ животныхъ, а чаще мука, разболтанная въ холодной водѣ; невкусность этихъ яствъ они не всегда могутъ приправить солью, которая составляетъ предметъ монополіи и продается очень дорого! Чему-же приписать такую нищету? Недостатку ли земли? Нѣтъ, потому что цѣлыя области остаются воздѣланными. Развѣ англо-индійское правительство болѣе угнетаетъ народъ, чѣмъ туземные владыки? Безъ сомнѣнія, нѣтъ, или, по-крайней-мѣрѣ, оно ограничивается тѣмъ, что продолжаетъ систему, которая тяготѣетъ надъ этнмъ народомъ уже столько вѣковъ. Оно требуетъ себѣ то-же самое количество налоговъ, и, при взиманіи ихъ, несправедливостей гораздо-менше, чѣмъ прежде. Но монгольскій деспотизмъ, безусловный, неограниченный по праву, ограничивался на дѣлѣ, самъ собою, своею собственною слабостію. Онъ требовалъ отъ земледѣльца трехъ пятыхъ произведеній почвы, но не имѣлъ силы заставить уплатить ихъ себѣ;

такимъ-образомъ , требуя , онъ не получалъ ихъ. Компанейское-же правитель-ство, напротивъ, имѣющее лучшихъ слугъ, болѣе могущественное, болѣе искус-ное , владѣетъ средствами принудить уплатить ему должное, — и въ то время, какъ налогъ кажется одинъ и тотъ-же, уплачиваемый сполна , онъ сдѣлался не-выносимо-тягостенъ : и вотъ первое разрѣшеніе задачи.

« Обманутый въ своихъ надеждахъ причудами времени года, земледѣлецъ нахо-дилъ по-крайней-мѣрѣ средства , доставляемые ему прежде, во время правленія Монголовъ, туземными мануфактурами, которыя занимали столько рукъ. Пыльце эти мануфактуры болѣе уже не существуютъ: онъ подверглись преслѣдованіямъ, разоренію, и наконецъ были уничтожены для избѣжанія совмѣстничества , опа-снaго для фабрикъ метрополіи. Сколько новыхъ причинъ нищеты !

« Наконецъ, было и еще средство къ существованію — это общественныя рабо-ты. Прежніе индійскіе раджи или афганскіе и монгольскіе завоеватели, часто безчеловѣчныя съ своими подданными, ознаменовывали по-крайней-мѣрѣ свои царствованія этими благодѣланіями народу, этими изумительными постройками, которыя встрѣчаются еще и нынѣ на всякомъ шагу : работы эти пускали въ оборотъ миллионы и занимали тысячи рукъ. Подъ небомъ, котораго неумолная ласность въ теченіе семи или восьми мѣсяцевъ не подергивается ни однимъ об-лачкомъ, въ странѣ, гдѣ цѣлые полгода земля не покрывается росой, единствен-ное спасеніе для земледѣлія состояло въ томъ, чтобъ во время періодическихъ разливовъ рѣкъ создавать искусственные бассейны , озера для орошенія полей. Отъ одной горы къ другой, поперекъ долины, накидывали чудовищную насыпь, которая перестыкала се пополамъ; дождевыя воды верхней части встрѣчали пре-граду въ этой громадной плотинѣ; такимъ-образомъ, являлось озеро надъ пес-чанною равниною, которая вскорѣ покрывалась жатвою и зеленью. Народонасе-леніе выростало быстро въ этихъ оплодотворенныхъ странахъ. Разоренный земе-дѣлецъ, бѣдный поденщикъ находили при этихъ постройкахъ работу, вѣрный кусокъ хлѣба ; а теперь, можно сказать безъ преувеличенія, въ наименѣе-зна-чительно изъ департаментовъ Франціи въ полгода производится болѣе общественныхъ работъ, нежели на прострaнствѣ всей Англійской Индіи въ теченіе цѣлаго года.

« Всѣ памятники или общественныя постройки, находящіеся теперь въ Индіи, относятся ко временамъ туземныхъ владыкъ: Компанія не вырыла ни одного ко-лодца, ни одного пруда, ни одного канала, не построила ни одного моста для выгоды своихъ индійскихъ подданныхъ; она не провела ни одной дороги (исклю-чая развѣ для прохода своихъ войскъ) ; къ тому-же, подобныя работы по обы-кновенію производятся такъ наскоро, что на слѣдующій годъ ихъ необходимо бываетъ перестраивать. Работы Индусовъ и Монголовъ, подобно римскимъ, были гигантскія, и, казалось, предназначались на вѣчность; работы-же Англи-чанъ дѣлаются на живую нитку, кое-какъ, и носятъ въ себѣ начало своего раз-рушенія, такъ что, еслибъ какая-нибудь буря вдругъ испровергла владычество Ост-Индской компаніи, то въ Индіи не осталось-бы отъ этого владычества дру-гаго слѣда, кромѣ монетъ съ изображеніемъ короны Англіи, — и только пумиз-матика сохранила-бы память о немъ, помѣщая эти безмолвныя монеты въ ряду государей-завоевателей, покорявшихъ въ разныя эпохи эти мирныя, нѣкогда столь цвѣтущія страны. Рѣки, прекраснѣйшія въ мірѣ, которыя, посредствомъ каналовъ или отводовъ, могли-бы оплодотворить обширнѣйшія области, терятся бесполез-но въ водахъ моря или въ пескахъ. Воды утекаютъ и бассейны иссыхаютъ; зем-ледѣліе исчезаетъ, народы гибнутъ и вся страна обращается въ пустыню . . . »

Все сказанное относится болѣе къ существованію райота. Чтѣ-

же касается до другихъ классовъ, то счастливы-ли они? Въ нравственномъ отношеніи, увы, нѣтъ! Имъ не оставили даже мѣста въ общественномъ составѣ, ни малѣйшаго уголка въ мірѣ, гдѣ могли-бы они добывать средства для поддержанія своей жизни. Сначала всѣ мелкіе владѣльцы, которыхъ государства были разграблены и казна истощена, увидѣли (и нынѣ еще ежедневно видятъ) себя въ необходимости распустить прежнюю толпу слугъ. Изъ этого слѣдуетъ, что по-мѣрѣ увеличенія цѣнъ на предметы первыхъ потребностей, уменьшаются средства къ существованію для высшихъ и среднихъ классовъ, для Индусовъ и мусульманъ, которымъ рожденіе, воспитаніе, совершенно-военное, и предразсудки касты не позволяютъ заниматься земледѣліемъ. Во времена императоровъ, по-крайней-мѣрѣ, имъ представлялись поприща, гдѣ-бы они могли употребить свои способности или мужество; теперь-же всѣ мѣста наводнены иноземцами. Даже въ самыя тяжкія, переходныя эпохи, въ эпохи завоеваній, одни обогащались тѣмъ, что теряли другіе; въ громадной лотерей политическихъ потрясеній выпадало извѣстное число выигрышныхъ нумеровъ: нынче выигрышъ возможенъ только для Европейцевъ. Падаютъ-ли какой-нибудь министръ, его замѣняетъ англійскій резидентъ; испровергается-ли какое правительство, оно замѣщается англійскимъ. Все, что носить на себѣ имя туземнаго, или подверглось уже гибели, или эта гибель близка и непремѣнна: колесо фортуны остановилось надъ туземцами, чтобъ стереть ихъ въ прахъ. Какія должности представляются для удовлетворенія честолюбія высшихъ классовъ Индусовъ? Въ войскѣ званіе субадара-мажора — почти не офицерское; въ гражданской службѣ нѣкоторые мелочныя мѣста. Такимъ-образомъ, всѣ поприща заперты для туземцевъ; отъ этого постепенно исчезаютъ, не замѣняясь ни чѣмъ, средніе классы, имѣвшіе прежде независимое состояніе, и вскорѣ наступитъ время совершеннаго равенства по нищетѣ, которая поставитъ подъ одинъ уровень всѣ 160 милліоновъ населенія. Эту-же участь раздѣлятъ и вассальныя государства. Компанія, подобно баснословному вампиру, поглотитъ все; не останется никакой благородной личности, которая могла-бы стать выше массъ, между которыми только и будетъ людей, что ремесленникъ, земледѣлецъ, поденщикъ, да солдатъ. Это народъ рабовъ, пользующихся свободою только по имени, свободою, уничтожаемою на дѣлѣ горькой пуждою, — народъ, которому нѣтъ другихъ надеждъ, видовъ, какъ работать и работать для исключительной пользы своихъ владыкъ.

«Европейцы, говоритъ авторъ «Путевыхъ Впечатлѣній»: судятъ очень часто о настоящемъ состояніи Индустана по приморскимъ городамъ, каковы Мадрасъ, Бомбей и Калькутта; но это единственные мѣста, гдѣ сосредоточилось довольство, и обитателей ихъ нельзя сравнивать съ населеніями, распространенными по столькимъ государствамъ, городамъ и селамъ. Когда, вспоминая прошлое, бродишь межъ песчаныхъ пустынь, гдѣ нѣкогда высились цвѣтущія столицы, — какая перемена! Чтѣ стало съ сокровищами Голконды и Беджапура? Не чума ли поразила эти города? — Чтѣ осталось отъ другихъ столицъ? На нѣсколько миль въ окрестности только и видишь развалины; хищные звѣри и пресмыкающіеся заняли мѣсто прежнихъ обитателей. Пораженные этою одиночностію, вы спросите мусульманина, и онъ вамъ отвѣтитъ: «Когда такъ ужъ написано въ книгѣ судебъ, напрасна всякая предосторожность.» Эта вѣра, нѣкогда возвеличивавшая послѣдователей пророка, теперь сдѣлалась причиною ихъ упадка. Спросите Индуса, его отвѣтъ будетъ совсѣмъ не таковъ: «Она хитростью овладѣла нашею страной!» скажетъ Индусъ, съ характеромъ гибкимъ и уклончивымъ, говоря о *компейръ сагебъ багадуръ*, «достопочтенной и побѣдоносной госпожѣ-Компаніи.»

И чтѣ всего ужаснѣе — это то, что Индусы имѣютъ несчастье называться свободными. Не даромъ Уйлберфорсъ двадцать лѣтъ сряду повторялъ въ англійскомъ парламентѣ свое предложеніе объ освобожденіи негровъ, и наконецъ добился своей цѣли — уничтожить рабство въ колоніяхъ. Но Индусы называются не рабами, а потому за нихъ нѣкому и ходатайствовать. Ничего не можетъ быть вреднѣе, какъ если названіе и форма не соотвѣтствуютъ сущности предмета, который они должны выражать.

Индусы называются свободными, но ими управляютъ по полномочию чужихъ имъ во всѣхъ отношеніяхъ акціонеровъ, въ пользу назначаемыхъ директорами чиновниковъ; съ нихъ требуютъ ежегодно 550 милліоновъ рублей, которые обходятся имъ по-крайней-мѣрѣ въ 1100 милліоновъ; ихъ фабрики уничтожены; на ихъ сырыя произведенія наложены ужасныя пошлины; на гражданскомъ и на военномъ поприщѣ имъ оставлены только самыя нижнія ступеньки; весь порядокъ ихъ общества рухнулъ и повсюду воцарилась безвыходная нищета!... Да, Индусъ свободенъ, свободенъ работать на Англичанъ, покупать англійскія издѣлія, свободенъ даже умереть съ голоду! Да, Индусъ не рабъ, если рабство заключается въ одномъ имени, а не въ повседневномъ угнетеніи, не въ подавленіи всѣхъ источниковъ благосостоянія...

Установивъ отяготительный таможенный тарифъ, англійское правительство поощряетъ только воздѣлываніе *опіума*, который изпурляетъ почву, разоряетъ хлѣбопашца, но составляетъ монополичный доходъ Компаніи, — *индиго*, разведеніе котораго исключительно въ рукахъ Европейцевъ, — и *сыраго шолка*, не имѣющаго соперничества въ другихъ колоніяхъ Великобританіи. Вы-

возъ всѣхъ остальныхъ статей странно упалъ. Повсюду пространныя поля опиума и стаи голодныхъ земледѣльцевъ; повсюду разрушенныя дороги и каналы, пустыя фабрики, праздные стаки и толпы умейдваровъ, безъ дѣла и съ угрюмой покорностію судьбъ на лицахъ. Самъ Біорнстерна, защищающій всегда и вездѣ Англичанъ и Компанію, сознается, что торговля Ост-Индіи не достигаетъ теперь и десятой части того объема, который предназначенъ ей природой, и что одни законоположенія метрополіи могли имѣть такое убійственное вліяніе на промышленность и торговлю колоніи. «Положеніе Индіи, говоритъ Монгомери-Мартенъ: можетъ быть уподоблено состоянію человека, лишеннаго пищи, по которому дѣлаютъ ежедневныя кровопусканія. Результатъ этого—изнуреніе, конвульсіи и смерть.» Компанейское правительство поняло это наконецъ, и, 11 февраля 1840 года, подало въ парламентъ просьбу объ уравниціи правъ Индіи съ другими англійскими колоніями. Въ этомъ прошеніи признавалась, впрочемъ, законность права англійской промышленности на первенство, и просители умоляли только объ исправленіи тѣхъ притѣсненій, которыя не условливаются соперничествомъ самой метрополіи. Тѣмъ не менѣе и эта просьба была признана *неумѣстной*.

Но довольно объ экономическихъ предметахъ. Перейдемъ къ вопросамъ другаго рода. Содѣйствовала-ли Англія къ нравственному усовершенствованію Индусовъ? приобщила-ли ихъ успѣхамъ просвѣщенія и Христіанства? распространила-ли въ Индіи хотя нѣкоторыя выгоды повѣйшей цивилизаціи?

Дѣятельность религіозныхъ миссій уже извѣстна намъ...

Перехода къ народному просвѣщенію, мы знаемъ, что Англичане, при завоеваніи Индіи, нашли уже вездѣ учрежденнымъ первоначальное народное обученіе. Не повторяя сказаннаго, замѣтимъ здѣсь только, что Индія можетъ служить разительнымъ доказательствомъ, что просвѣщеніе не въ буквѣ, а въ томъ, что выражаетъ буква. Мы увѣрены, что грамотность Индусовъ удержитъ ихъ еще долго въ томъ неестественномъ направленіи образованія, которое вреднѣе всякаго невѣжества и незнаціи. Народъ Индіи несравненно-грамотнѣе Французовъ, Англичанъ и Нѣмцевъ, этихъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ Европы, но гораздо-невѣжественнѣе самаго безграмотнаго европейскаго племени. Народныхъ школъ Англичане не коснулись; они устроили лишь кое-гдѣ высшія училища. Но эти училища, надѣлавшія столько шума, основанныя въ Калькуттѣ, Мадрасѣ, Бомбей, Агрь, Дели и Бенаресѣ, училища, куда посылаются дѣти *бабу* (бога-

тыхъ Индусовъ) и *серкаровъ* (маклеровъ), болѣе вредны, нежели полезны, и приготавлиють только писцовъ для канцелярій, или педантовъ, дѣлающихся язвою своихъ соотечественниковъ. Главныя предметы преподаванія въ нихъ: грамматика, латинь и искаженная географія.

Только улучшивъ физическое состояніе челоука, должно заботиться о его нравственномъ; челоукъ, который терпѣть голодъ и подверженъ разнымъ страданіямъ, прежде всего требуетъ пищи, одежды, или средствъ добыть ихъ. Въ странѣ, гдѣ такое множество несчастныхъ, напрасно будете вы искать хоть одной больницы для народа, хоть одного благотворительнаго заведенія: одни солдаты и чиновники правительства имѣють право на его призрѣніе и благотворительность.

Что-же Англичане сдѣлали еще для блага Индусовъ? «Мы дали имъ, говорятъ они: судъ присяжныхъ, свободу тисненія, механизмъ.»

Какъ принялся въ Индіи судъ присяжныхъ и европейское судопроизводство съ своими разорительными инстанціями, мы видѣли...

Вслѣдствіе свободы тисненія, въ Индустанѣ точно выходитъ около 80 журналовъ, и журналисты изъ Англичанъ сыты; но какое до того дѣло Индусамъ, да и не горькая-ли насмѣшка свобода тисненія въ такомъ государствѣ, гдѣ нѣтъ не только общественнаго мнѣнія, но гдѣ всѣ сословія уничижены и лишены всякаго гражданскаго значенія?

Механизмъ, наконецъ, это страшный мечъ, данный въ руки и безъ того сильному капиталисту противъ безпомощнаго туземнаго подданика, и приличное дополненіе къ таможенному уставу Индіи.

Вычисливъ всѣ *благотѣянія*, оказанныя Индіи Англичанами, пойдемъ далѣе.

КАКАЯ БУДУЩНОСТЬ ОЖИДАЕТЪ ИНДІЮ?—Стоитъ-ли послѣ всего сказаннаго намъ говорить, что владычество Англичанъ въ Индіи основано не на любви народовъ, а на одномъ страхѣ? По этого страха совершенно достаточно для ихъ безопасности, пока народы Индіи предоставлены сами себѣ. Мы видимъ изъ исторіи, что Афганъ заняли Индустанъ, и, несмотря на религіозную ненависть туземцевъ, управляли ими триста лѣтъ; что Монголы изгнали Афгановъ и заняли спокойно ихъ мѣсто; что даже сильныя перевороты, вызванныя у Сѣйковъ Говиндомъ и у Мараттовъ Севаджею, не могли отвратить завоеванія страны Англичанами. Народы Индіи играли въ исторіи ея всегда чисто-страдательную роль: они привыкли не дѣйствовать, а доставаться кому-нибудь, и служить всегда тому, кто сумѣетъ потребовать отъ

нихъ покорности. Взгляните на современное индійское общество : кому въ немъ возстать ? Цари давно отжили свой вѣкъ, военная аристократія исчезаетъ ; торговый классъ боится всякой войны, зная, что его имущество съблается прежде всего добычей и непріятелей и неразборчивыхъ земляковъ ; для робкаго племени райотовъ страшень и сипай, а сипайскіе полки разбѣгаются при видѣ штыковъ одной европейской роты , и тѣмъ болѣе ни за что не пойдутъ на европейскую баттарею.

И такъ, Англичанамъ нечего бояться возстанія народовъ Индіи. Завоевателя азіятскаго имъ также нечего опасаться. Какая азіятская армія, въ-самомъ-дѣлѣ, въ состояніи побѣдить англо-индійское войско ? Но можетъ-ли быть для нихъ страшна армія европейская ? На востокъ и юго-западъ Индія омывается моремъ, и съ этихъ двухъ сторонъ англійскій флотъ не допуститъ непріятеля. Съверо-востокъ защищенъ Гималаемъ, крайній востокъ Бирмано-Араканскими горами, и ни Тибетъ, ни Бирманъ не страшны для Англичанъ. Остается одна съверо-западная граница, служащая бассейномъ Инду, и на ней-то мы остановимся.

Графъ Біорнстерна, основываясь на двадцати англійскихъ сочиненіяхъ, доказываетъ, что завоеваніе Англійской Индіи невозможно, и по географическому положенію, и по причинѣ прекраснаго состоянія компанейской арміи. Изъ исторіи видно (не говоря уже объ отдаленныхъ походахъ Сесостриса, Дарія и Александра), что въ VII и VIII столѣтіяхъ черезъ Индъ проникали Арабы ; что съ X-го пошли непрерывныя вторженія Афгановъ ; что Махмудъ I сдѣлалъ на Индію двѣнадцать нашествій ; что Кутубъ проникъ черезъ Индъ въ Дели ; что Тамерланъ безпрепятственно вторгся въ Индію съ этой-же стороны ; что Баберъ прошелъ тоже черезъ Индъ ; что выгнанный Гумаюнъ воротился съ войскомъ черезъ Индъ въ послѣдіе отца ; что Надиръ-Шахъ безпрепятственно пронесся съ арміею отъ Испагани черезъ Индъ въ Дели и обратно. Словомъ : видно, что всѣ завоеватели Индіи являлись черезъ Кабуль ; видно кромѣ-того, что всѣмъ имъ нужно было сразиться только съ арміею царствовавшей династіи ; видно, что изнѣженное и обремененное обозами войско этой послѣдней всегда поражалось немногочисленными полчищами неистомленныхъ пришлецовъ, и что народы Индіи всегда безропотно подставляли выю подъ новое иго. Стратегическая важность Кабула была до-того извѣстна правителямъ Индіи, что Абуль-Фазль, министръ Акбара, называлъ эту область ключемъ Индіи, а Надиръ-Шахъ, не захотѣвшій взять себя Индію, потрясенной междоусобными смутами, отторгъ отъ нея одинъ

Кабуль, понимая, что это значитъ оставить для своей арміи отворенныя ворота.—Вполнѣ сознавая эту истину, Англичане хотѣли сдѣлать Кабуль своею провинціею и орудіемъ для этого выбрали Шаха-Суджу, но, неудачно.

Отстранивъ возраженіе касательно географической невозможности, скажемъ лишь о препятствіяхъ, какія можно ожидать отъ англійскаго войска и народовъ Индіи. Тамъ дѣло шло о примѣрахъ въ прошедшемъ, и мы привели въ свидѣтельство историческіе факты; здѣсь рѣчь идетъ о вѣроятномъ въ будущемъ, и мы сошлемся на мнѣнія людей, имѣющихъ право судить.

Клейвъ говаривалъ, что Индія будетъ принадлежать тому, кто выставитъ большее число европейскихъ солдатъ. При обзорѣ англо-индійской арміи, мы могли убѣдиться, какъ вѣрно онъ оцѣнилъ сипая, считая его ни во что въ сравненіи съ Европейцами.

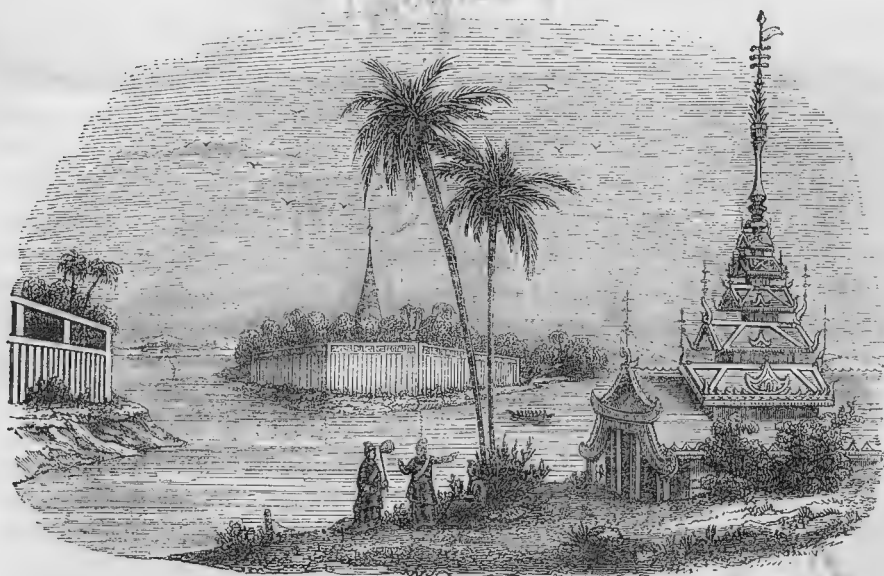
У Наполеона мысль о завоеваніи Индіи поселилась съ самаго начала его политической жизни и не оставляла его до самаго конца ея. Будучи генераломъ, онъ вступилъ въ переговоры съ Типпо-Санбомъ, хотѣлъ изъ Египта пройти въ Константинополь, и, завладѣвъ Турціею, отправиться къ берегамъ Ганга; но неудачи въ Сиріи опрокинули все эти планы. Достигнувъ консульства, онъ составилъ новый планъ, въ которомъ надѣялся на содѣйствіе русскаго войска. Французскій корпусъ долженъ былъ отъ устьевъ Дуная переправиться на русскихъ судахъ до Таганрога, оттуда сухопутно дойти до Царицына, спуститься по Волгѣ до Астрахани, а отсель переплыть на русскихъ-же судахъ въ Астрабадъ, гдѣ и соединился-бы съ русскимъ корпусомъ, отправленнымъ туда заранее. Еще позже, готовясь къ нашествію на Россію, Наполеонъ предполагалъ, въ случаѣ счастливаго окончанія его, привести въ исполненіе свой любимый планъ. По его разсчѣтамъ, каждый изъ двухъ корпусовъ долженъ былъ состоять не болѣе какъ изъ 35,000 человекъ. — (*) Не намъ судить, вѣренъ-ли былъ этотъ разсчѣтъ Наполеона, подобно его предположеніямъ передъ Италіанскимъ, Прусскимъ и Австрійскимъ походами, или ошибался-ли гений военнаго искусства, какъ это случилось передъ Египетскою и Русскою кампаніею. Варренъ утверждаетъ, что семидесяти-тысячная европейская армія совершенно достаточна для завоеванія Индіи, и предлагаетъ даже свой подробный планъ, какъ дѣйствовать и на какія точки устремиться новымъ завоевателямъ; но читатель, прочтя планъ Варрена, не перемѣнитъ судьбы Индіи; а предво-

(*) Доказательства этого факта читатели найдутъ въ Дополненіяхъ (N° 2-й).

датель наступательной арміи, если-бы такая явилась, вряд-ли сталъ-бы справляться у Варрена, что ему дѣлать, и, разумѣется, руководствовался-бы указаніями собственныхъ соображеній и требованіями обстоятельствъ минуты. Можно ручаться лишь за то, что всякая завоевательная армія, и въ-особенности европейская, найдетъ въ воинственныхъ Афганахъ вѣрныхъ союзниковъ, озлобленныхъ противъ Англичанъ, — что единственное препятствіе силы, которое она должна будетъ преодолѣть, единственные войска, съ которыми должна будетъ сразиться, — это королевскіе полки, артиллерія и европейскій отрядъ Компаніи, всего отъ 40 до 50 тысячъ человекъ, движенія которыхъ будутъ, какъ мы видѣли выше, крайне замедлены чрезмерно-огромными обозами; что вслѣдъ за-тѣмъ сипаи разбѣжятся, и что, при первой вѣсти о пораженіи Англичанъ, возстанутъ, навѣрно, и Раджпуты, и Маратты, и Монголы, словомъ, все, что есть мужественнаго въ народонаселеніи Индустана.

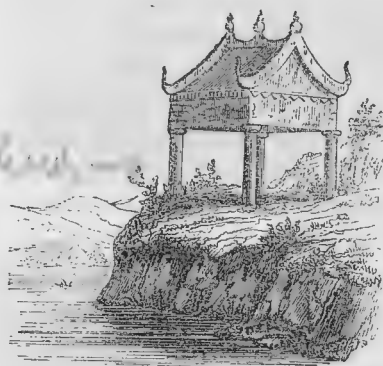
Но останется-ли Индія въ рукахъ Англичанъ, или-же падетъ другой власти: это вопросъ чисто-политическій, внѣшній, и его никто не можетъ рѣшить впередъ.

Есть другая истина, необходимая и вытекающая изъ характера туземнаго общества Индіи, — та, что Англичане могутъ быть вытѣснены только Европейцами, и что, послѣ Англичанъ, Индія все-таки непременно должна принять опять владычество одной изъ другихъ націй, причастныхъ европейской цивилизаціи, — потому что азіатскій элементъ развѣснчанъ, и удѣлъ его — переродиться, а до перерожденія — пребывать въ безсильномъ рабствѣ. Индійское общество состоитъ изъ мусульманъ и брамантовъ. Мусульманъ погубилъ фатализмъ, брамантовъ учрежденіе кастъ и вѣра въ переселеніе душъ. Только возникновеніе значительнаго новаго слоя въ обществѣ, слоя креоловъ, которые перестали-бы оглядываться на Европу и признали-бы Индію отечествомъ своимъ и своего потомства, можетъ повести Индію на встрѣчу новымъ судьбамъ. Такъ было и въ Сѣверной Америкѣ и въ Южной. Только тогда, вѣроятно, и истинное ученіе Христа озаритъ, пропитаетъ и увлечетъ впередъ народы, которые доселѣ, къ несчастію своему, умѣютъ озираться только назадъ, и любить лишь то, держаться того, что ихъ губитъ.

ЗАГАНГСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ.^(*)

ОБЩІЯ СВѢДѢНІЯ.

Коммерческая важность Индустана, разнообразныя богатства котораго переходили въ Европу, сухимъ путемъ, задолго до открытія Васко-де-Гамой морскаго пути въ Индію, дала поводъ незнакомымъ еще съ этой страной, Европейцамъ распространить названіе «Индін» на всю страну, лежащую къ востоку отъ Аравіи и къ югу отъ Китая. Даже и сами учёные тѣхъ временъ дѣлили эту воображаемую, изъ нѣсколькихъ государствъ составленную ими Индію, на три части, называя *Западною* или *Пер-*

(*) Авторъ Индустана, увлеченный интересомъ своего предмета, написалъ его не только полнѣе предполагаемаго, но и нашелся въ необходимости отказаться

вой *Индію* — всю полосу земли къ западу отъ Инда, оставляя названіе *Средней* землямъ, заключающимся между Индомъ и Гангомъ (т. е. Индустану), и распространяя далѣе то-же имя только съ прибавленіемъ словъ *Третьей* и *Восточной* на страны, лежащія къ востоку отъ устьевъ Ганга. А такъ какъ все однажды принятое получаетъ право законности въ глазахъ толпы и умовъ не ищущихъ доказательства своимъ убѣжденіямъ, то Европейцы продолжали говорить о Загангской Индіи даже и тогда, когда ближе ознакомились со страной, отъ которой заимствовали это имя. Но тѣмъ не менѣе, подразумеваемая ими Загангская Индія не только не Индія, но даже и не совершенно Загангская, потому что *восточный* полуостровъ лежитъ только къ востоку отъ устьевъ Ганга, но не отдѣляется отъ Индустана этой рѣкой, вовсе не пограничной, а составляющей какъ-бы главную артерію собственно Индустана. Поэтому-то путешественники и географы прошлаго столѣтія замѣнили это слово разными другими и въ-особенности *Индокитаемъ*. Но мы, основывая наше мнѣніе на томъ, что вліяніе Индіи и Китая, весьма-ощутительное впрочемъ здѣсь, въ земляхъ, прилежащихъ этимъ двумъ странамъ, не лишаетъ однакожъ большей части описываемой нами страны своего собственного, самостоятельнаго характера, полагаемъ справедливымъ замѣнить это названіе *Загангскимъ Полуостровомъ*. Такимъ-образомъ, отбрасываніемъ слова *Индія* уничтожается неправильность прежняго имени, а замѣненіемъ его словомъ *полуостровъ* дается прилагательному загангскій та опредѣлительность, которой недоставало ему въ прежнемъ названіи. И кромѣ-того, мы имѣемъ за себя право аналогіи и можемъ сослаться на принятые въ Европѣ названія: Скандинавскій Полуостровъ и Пиринейскій Полуостровъ, названія, усвоившіяся у насъ и принятые рациональностью. Отстранивъ однакожъ неправильность названія, мы тѣмъ не менѣе должны покориться географическому обычаю и принять Загангскому Полуострову границей отъ Индустана не *Бирмано-Араканскій хребтъ*, спускающійся отъ Китая на югъ и потомъ далѣе оканчивающійся мысомъ *Негрансъ*, какъ-бы это слѣдовало по правилу естественныхъ, физическихъ границъ (такъ что об-

отъ этой части сочиненія, тоже порученной ему. Редакторъ, принимая на себя этотъ неожиданный трудъ, проситъ читателей, при оцѣнкѣ его, принять во вниманіе предстоящія исполненію соединенныя затрудненія: необходимость краткости для соблюденія границъ, предварительно-опредѣленныхъ каждому тому плану изданія, желаніе не быть сухимъ, неточнымъ, и совершенный недостатокъ хорошихъ матеріаловъ касательно описываемыхъ имъ странъ.

А. Сидѣвичъ.

ласти *Ассамъ*, *Гарау*, *Качгаръ*, *Типерд*, *Кассай* и *Араканъ* отошли-бы къ Индустану, а все лежащее къ востоку отъ этого хребта вошло-бы въ составъ Загангскаго Полуострова), по восточные рукава Ганга и Браманутра, — и потому протянемъ отъ нихъ мысленно линію на сѣверъ и примемъ ее за основу нашего дѣленія (*).

ГРАНИЦЫ. — Поэтому границы Загангскаго Полуострова будутъ слѣдующія: На востокъ: Малаккскій проливъ, Бенгальскій заливъ, Бенгалія Индустана и Бутанъ; на сѣверъ: Китайская Имперія и именно: Бутанъ, Тибетъ и собственно Китай; на востокъ узкая полоса Китая и потомъ Китайское море; на югъ, наконецъ, также Китайское море, Сингапурскій проливъ и Бенгальскій заливъ.

ВНѢШНІЙ ВИДЪ ЗЕМЛИ, ГОРЫ И РѢКИ. — Очеркъ, форму Загангскаго Полуострова можно-бы уподобить неправильному, (основаніемъ вверхъ) треугольнику, если-бы не обращать вниманія на его три большія развѣтлинныя и отнять у него большую округлую выпуклость, составляемую съ западной стороны его землями: Камбоджею, Кохинхиной и частью собственнаго Аннама; но если прибавить къ Загангскому Полуострову еще полуостровъ, примыкающій къ его средней развѣтлинѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ англійское владѣніе Мартабанъ лежитъ между Бирманомъ и Сіамомъ, то можно будетъ только сказать о цѣломъ полуостровѣ, какъ и о каждомъ изъ трехъ государствъ, заключающихся въ немъ, порознь, что онъ имѣетъ гораздо-большее протяженіе отъ сѣвера къ югу, чѣмъ отъ востока къ западу. А именно: *Ассамъ*, сѣверо-западнѣйшая область Загангскаго Полуострова, лежитъ на 27° с. ш., а мысъ Боулусъ, или Буро, составляющій южную оконечность Малакки и самую южную точку материка Азіи, находится только въ 130 верстахъ отъ экватора (1½° с. ш.); слѣдственно протяженіе Загангскаго Полуострова, отъ сѣвера къ югу, равняется 2700 верстамъ нашимъ, между-тѣмъ какъ средняя ширина сѣверной части его, тамъ гдѣ расположены рядомъ, отъ запада на востокъ, *Араканъ*, *Бирманъ*, *Сіамъ* и *Аннама*, т. е. на самомъ большемъ протяженіи, составляетъ около 1200 верстъ, — не говоря уже о длинной и узкой Малаккѣ, которой ширина заключается между 270 и 90 верстъ. — Отъ возвышенной, гористой, сѣверной границы полуострова, вся земля его постепенно понижается къ югу, но не обширными уступами, плодородными террасами, орошаемыми, какъ въ Индустанѣ, богатой системой рѣкъ, — которыя подобно жизненнымъ артеріямъ земли, связывали-бы ея обитателей живою нитью соединенія, но напротивъ того узкими полосами, отдѣленными одна отъ другой тремя хребтами, параллельно идущими отъ хребта *Куэнь-Лунь*, въ

(*) Замѣтимъ здѣсь кстати, что рѣка составляетъ вообще весьма не натуральную границу въ политической системѣ государствъ, потому что она обыкновенно раздѣляетъ на-двое народы одинаковаго происхожденія и языка, населяющіе равнину, перестѣкаемую ея русломъ, или по-крайней-мѣрѣ одинаковаго образованія и направленія. Ближайшій примѣръ видимъ мы въ долину Рейна (мѣсто-пребываніи германскихъ племенъ и обычаевъ, языка и образованія), съ отдѣленіемъ лѣваго берега которой къ Франціи разорваны всѣ узы обитателей ея съ Германіей. — Въ случаѣ населенія рѣчной долины разными народами, замѣчается другое общее правило, что народы эти дѣлятся тогда между собой верховья, средину и устье рѣки, чему опять ближайшимъ примѣромъ Дунай. Примѣненіе этого послѣдняго правила часто встрѣчается на рѣкахъ описываемаго нами полуострова.

Китай, къ тремъ развѣтвленіямъ земли, образующимся на южномъ концѣ полуострова, — тремя дикими, скалистыми хребтами, которыми Провидніе какъ-будто отдѣлило находящіяся между ними равнины четырьмя главными, населяющимъ ихъ, разединеннымъ народамъ, — какъ-будто ставя имъ въ обязанность избѣгать всякихъ сношеній между собою и ненавидѣть другъ друга. Хребты эти, которые мы, вмѣстѣ съ Бальби, назовемъ *Бирмано-Сіамскимъ*, *Лаосо-Сіамскимъ* и *Аннамскимъ*, опредѣляютъ сверхъ-того и направленіе четырехъ главныхъ рѣкъ полуострова, идущихъ тоже отъ с. къ ю., а именно *Брамапутра*, *Правадди*, *Сацулуэна* и *Манкаунга*. Опредѣлить градусами точное направленіе этихъ хребтовъ — невозможно; довольно сказать, что оба послѣдніе хребта загибаются другъ къ другу, на югъ, у береговъ морскихъ, и какъ-бы составляя изъ себя ворота для прохода рѣки *Менамконга*, отдѣляютъ дельту его отъ остальной части заключеннаго между ними Аннамскаго Королевства, — что *Аннамскій* хребетъ, нисходя къ югу въ косвенномъ с. з. направленіи, въ недалекомъ разстояніи отъ западныхъ береговъ полуострова или Китайскаго моря, отдѣляетъ на западъ узкую полосу, называемую *Кохинхиной* (также какъ въ противоположной ему западной сторонѣ полуострова поименованный нами *Бирмано-Араканскій* хребетъ отдѣляетъ береговую полосу земель, принадлежащихъ нынѣ *Ост-Индской Компаніи*); мы скажемъ еще наконецъ, что *Бирмано-Сіамскій*, самый важный изъ этихъ хребтовъ, начинался отъ 13° с. ш., тянется почти прямо отъ сѣвера къ югу, по 36° в. д., и потомъ переходитъ въ полуостровъ Малакку, — что, достигая на сѣверѣ до 4, 5 и 10 т. ф. вышины, хребетъ этотъ становится въ Малаккѣ гораздо менѣе значительнымъ, — но что почти на всемъ протяженіи своемъ, онъ, даже и для неопытныхъ рукъ, разрабатывающихъ его, считается богатымъ золотомъ, серебромъ и въ-особенности желѣзомъ. Хотя источники и верхнее теченіе означенныхъ рѣкъ показаны на новѣйшихъ картахъ, но показанія эти основываются на однихъ только предположеніяхъ, а не на подлинномъ изслѣдованіи, такъ что мы не знаемъ еще достоверно: находятся-ли источники этихъ большихъ рѣкъ въ сѣверномъ хребтѣ горъ, окаймляющихъ полуостровъ, или не прорываются-ли ихъ воды сквозь ущелія этихъ хребтовъ, скрывая свои источники гдѣ-нибудь далѣе, во внутренности азіатскаго материка; по-крайней-мѣрѣ новѣйшее изслѣдованіе теченія *Брамапутры* показало, какъ мало можно довѣрять и самымъ великимъ географамъ, когда они замѣняютъ факты своими предположеніями и учеными догадками. — Сколько положительно извѣстно, всѣ рѣки Загангскаго Полуострова имѣютъ два главныхъ направленія въ склонѣ своемъ и два бассейна: *Бенгалскій заливъ*, или *Индійское море*, и *заливъ*, или *море Китайское*.

Начиная съ перваго, въ него впадаютъ (къ западу отъ Бирманскихъ горъ): *Брамапутра* съ притоками (*); *Правадди* (*почитаемая* длиннѣе нашей Волги), достоверное теченіе которой начинается съ выхода ея изъ китайской провинціи *Юннанъ*, и которая, орошая, въ своемъ переходѣ отъ с. къ ю., всю Бирманскую Имперію, дѣлится въ области Пегу на множество судоходныхъ рукавовъ и обра-

(*) О *Брамапутрѣ* было уже говорено въ описаніи Индустана (стр. 8); но здѣсь должны мы поправить вкравшуюся тамъ ошибку. Основываясь на свидѣтельствахъ *Реннелля* и *Торнера*, географы называли *Брамапутру* «продолженіемъ тибетской рѣки *Салину* или *Занетту*», приписывали ему до 2½ тысячи верстъ и называли «одною изъ огромнѣйшихъ рѣкъ Азіи». Ширина его теченія не мало способствовала къ поддержанію этого мнѣнія. Но новѣйшими изслѣдованіями *Уйлькокка* и *Буритена* доказано, что источники *Брамапутры* находятся въ области *Борхалти*, у подошвы ледниковъ *Ланетана*, къ востоку отъ *Ассама* и къ сѣверу отъ Бирманской Имперіи, и что все теченіе его составляетъ не болѣе 4000 верстъ.

зуетъ при устьѣ обширную дельту; *Зиттангъ*, рѣка, не имѣющая длиннаго теченія, но широка устья которой подобна заливу; *Самуэиъ*, появляющійся тоже изъ Юннанъ и служащій въ верхнемъ теченіи своимъ границей между Бирманомъ и Сіамомъ, а въ нижнемъ между Бирманомъ и Мартабаномъ.

Въ Китайское море впадаютъ (къ востоку отъ Бирманско-Сіамскаго хребта): *Менамъ*, — онъ протекаетъ весь Сіамъ, дѣлится на многіе рукава и при устьѣ своемъ (собственно въ Сіамскій заливъ) образуетъ ихъ также множество; — (къ востоку отъ Лаосо-Сіамскаго хребта): *Манкауиъ*, — въ Тибетъ называется онъ *Дзатшу* (?), въ Юннанъ *Лант-Зуанъ Кіангъ*, въ Лаосъ *Манкауиъ*, а въ Камбоджъ принимаетъ названіе самой области; въ Лаосъ впадаетъ въ него поперечная рѣка *Аннамъ-Лишитъ*, образуемая изъ двухъ рукавовъ, отдѣлившихся отъ Менама и нашедшихъ глубокими ущеліями проходъ чрезъ Лаосо-Сіамскій хребетъ (!): она судоходна, впрочемъ только во время постоянныхъ дождей.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ. — Ничто не опредѣляетъ столько характера какой-либо страны, какъ свойственныя ей растенія, точно будто-бы въ нихъ однихъ сохраняются чистые, ясные, неподдѣльные отпечатки ея флоры. Поэтому, мы остановимся предпочтительно на растительномъ царствѣ, при чемъ тѣмъ болѣе постараемся избѣжать обычнаго въ географіяхъ перечня всѣхъ произведеній, изъ котораго обыкновенно ничто не удерживается въ памяти читающаго, — что съ одной стороны, сухая, ученая номенклатура была-бы недоступна болѣе части нашихъ читателей, по недостатку развитія у насъ естествознанія, — а съ другой, сама наука вообще еще очень немного успѣла въ изслѣдованіи описываемыхъ нынѣ нами странъ. И такъ, соблюдая въ описаніи переходъ отъ запада къ востоку, мы не остановимся на сильномъ различіи бирманской растительности въ низменной дельтѣ орошающей ее Иравади и въ сѣверныхъ гористыхъ частяхъ, нуждающихся уже въ искусственномъ орошеніи (ирригаціи) для произращенія рису, — но замѣтимъ во-первыхъ весьма-отличительное свойство загангской растительности вообще, — именно то, что почти всѣ здѣшнія деревья имѣютъ большую или меньшую наклонность перевиваться между собою. Главный родъ этотъ выющихся деревьевъ (*Funes silvestres Rumphii*) не уступаетъ часто въ разрывѣ ствола своего толщину человеческого туловища, и, разширивъ стволъ на весьма-большое разстояніе, перевивается по маковкамъ высочайшихъ растительныхъ группъ. Характеристическая странъ наклонность эта такъ сильна здѣсь, что даже пальмы (порода *salamis, romanъ*), (*) извѣстныя всѣмъ по прямизнѣ и стройности ствола своего: — «стройная какъ пальма» — даже и пальмы дѣлаются здѣсь кривыми, сгибаются, и, перевиваясь чрезъ верхушки близстоящихъ гигантовъ, пускаютъ оттоль въ землю новые отростки, становящіеся, въ свою очередь, новыми, большими выющимися-же пальмами. Такимъ-образомъ составляютъ онѣ съ другими, впрочемъ, менѣе-крѣпкими и твердыми породами выющихся деревьевъ нѣчто въ родѣ искусственнаго непроницаемаго плетня, дѣлающаго лѣса совершенно-непроходимымъ безъ помощи топора; а густотой своей тѣни поддерживаютъ въ нихъ постоянную свѣжесть и сырость, которая очень благопріятствуетъ размноженію многочисленныхъ и часто прекрасныхъ видовъ растеній тайнобрачныхъ и чужездныхъ, дѣлая вмѣстѣ съ тѣмъ климатъ страны весьма-нездоровымъ для тѣхъ обитателей, которые не свыклись еще съ подобной сыростью. Менѣе всѣхъ другихъ деревьевъ подвержены этой общей характеристической склонности тековыя деревья (*tectona grandis*), эта «пагуба топо-

(*) Тонкія, очень-высокія и обыкновенно весьма-пряморастущія пальмы, употребляемыя въ Европѣ на трости, зонтики и переносныя стулья.

ровъ, особенный родъ ели, дающія для построекъ отличнѣйшій матеріалъ, съ которымъ ничто не можетъ сравниться ни въ твердости, ни въ прочности (корабль изъ тековаго дерева переживаетъ четыре корабля изъ дубу). Въ этомъ произведеніи могутъ поспорить съ Бирманомъ только сосѣдній *Сіамъ*, немногія англійскія владѣнія по сѣ сторону Ганга, да еще островъ *Ява*.

Сіамъ, кромѣ тековаго дерева, богатъ еще кокосовыми пальмами и пальмой — *арекъ*, иначе называемой капустною, оттого, что сердцевина ея употребляется въ кушанье подъ именемъ пальмовой капусты. Сверхъ-того изобилуетъ онъ еще *бѣлымъ перцемъ*, который не что иное, какъ обыкновенный перецъ, съ зеренъ котораго (въ спѣломъ видѣ красныхъ, и потомъ чернѣющихъ при сушеніи) снята черная кожица. Аннамъ и въ-особенности Камбоджа славятся тоже своими строевыми лѣсами; но кромѣ ихъ, нельзя не замѣтить еще богатства этого королевства въ такихъ деревьяхъ, которые драгоцѣнны для страны не особенной годностью своей для построекъ, и важны для торговли не по цѣнности своихъ штабзовъ (*), а по продуктамъ, доставляемымъ ими самими или насткомъ, поселяющимся на нихъ. Мы замѣтимъ главнѣйшія: *Шелковичное*, которое здѣсь, какъ и въ Китай, разводится чрезвычайно-старательно, хотя продуктъ его ни въ грубомъ видѣ (коконы шелковичнаго червя), ни въ обработанномъ (шолкъ-сырецъ и ткань) не можетъ сравниться съ китайскимъ; *бумажное дерево* (**), изъ котораго добывается древесная хлопчатая бумага; *сальное дерево* (***, содержащее въ своихъ орѣхахъ сало, изъ котораго Китайцы дѣлаютъ свѣчи; дерево, производящее *гумми-резиу*, или *гоммиласстикъ*, т. е. *gomme élastique* (****); *коричневый лавръ* драгоцѣнный по ароматной и маслистой корѣ своей (*корицъ*); дерево, на которомъ обитающіе на немъ муравьи производятъ гуммилакъ, главный составъ всякаго хорошаго сургуча, — и наконецъ (причислимъ сюда-же) *сахарный тростникъ*, котораго ежегодно вывозятъ отъ 75 до 225 тысячъ пудовъ, болѣею частью въ Китай, и родъ *гречихи* (*****), изъ которой здѣсь, какъ въ Китай, получаютъ *зеленый индиго*, и которая одна могла-бы, при лучшей обработкѣ, составить богатство страны. Вообще, всѣ долины и прирѣчья Загангскаго Полуострова, по свойственному его рѣкамъ (обще со всѣми жаркаго пояса земли) ежегодному періодическому разлитію, отличаются большимъ плодородіемъ въ рисѣ, маисѣ и разнаго рода бобахъ и картофельныхъ растеніяхъ, этихъ главныхъ статьяхъ пищи туземныхъ обитателей; но въ-особенности богата рисою низменная и болотистая почва прирѣчья Менама. Эта рѣка — второй Нилъ, по землеудобряющему плу своему, разливается во время, противоположное разлитію Нила, т. е. отъ сентября до декабря, и жители собираютъ чрезвычайно-обильную жатву риса на поляхъ, застѣнныхъ предъ наводненіемъ, развѣзжая потомъ на лодкахъ по нимъ. Кохинхина изобилуетъ, кромѣ-того, разными сочными плодами: виноградомъ, ананасами, превосходными апельсинами и орѣхо-подобными *литши* (*****), развозимыми по всему Китаю и даже доходящими до нашей *Кяхты*.

Относительно ископаемаго царства, мы упомянули выше о золотѣ и серебрѣ Бирмано-Сіамскаго хребта (въ которомъ, кромѣ-того, также какъ и въ Лаосѣ, встрѣчаются драгоцѣнные камни, особенно рубины): то-же, какъ увѣряютъ пу-

(*) Какъ, напримѣръ, драгоцѣнное, пахучее *орлиное* дерево, *Aguillaria agallocha*, котораго большія партіи перевозятся не только въ сосѣдній Китай, но даже и въ Мекку.

(**) Растущее здѣсь деревцомъ, а не однолѣтнимъ растеніемъ или подкустарникомъ, какъ у насъ въ Армянской Области.

(***) *Stillingia Sebigera*. (****) *Croton lacciferum*. (*****) *Polygonum tinctorium*.

(*****) Или иначе *литш*, *Euphoria litchi*; плоды растутъ кистями, и покрыты скорлупою, подъ которою находится вкусное сочное тѣло и внутри его большая косточка.

тешественники, должно относиться и къ другимъ хребтамъ полуострова; но зато все они должны уступить Бирману честь быть третьимъ пунктомъ мѣстонахожденія платины на всемъ земномъ шарѣ (*). По весь (бѣдный) горный промыслъ и всякая, какая ни есть, обработка металловъ держатся лишь на дѣятельности китайскихъ переселенцевъ, потому что туземцы не имѣютъ въ этихъ предметахъ ни малѣйшихъ знаній, за исключеніемъ развѣ Кохинхинцевъ, наученныхъ Французами литью пушекъ.

Животное царство замѣчательно здѣсь не столько по богатству и разнообразію породъ, сколько по рѣдкости, громадности или уродству и чрезвычайному множеству (**) нѣкоторыхъ изъ нихъ. Изъ нашихъ домашнихъ животныхъ нѣмало, другихъ, напримѣръ овцы, вовсе нѣтъ; другія опять, въ-особенности наши *вьючныя*, туземной дурной, малорослой и тѣлешной породы, находятся, но недостатку вниманія и знанія въ заводствѣ, въ самомъ жалкомъ положеніи. Слоны, который достигаютъ здѣсь исполинскихъ размѣровъ и находится, въ Лаосѣ и въ Кохинхинѣ предпочтительно, не только отличной породы, но и въ достаточномъ количествѣ, могъ-бы вполне замѣнить странѣ этотъ недостатокъ вьючныхъ животныхъ, если-бы невѣжественныя и деспотическія туземныя правительства не считали слона царскою принадлежностью и не видѣли въ немъ, и преимущественно въ *бѣломъ*, только особеннаго украшенія двора и его торжественныхъ выходовъ. Тѣ-же страны изобилуютъ и стадами прекрасныхъ буйволовъ: Лаосцы ведутъ торгъ ихъ кожами, а въ Аннамскомъ Королевствѣ замѣняютъ ими быковъ при распаханіи менѣе-удобныхъ полей и развоза большихъ тяжестей. Вообще, жители Загангскаго Полуострова предпочитаютъ разведенію и попеченію о полезныхъ животныхъ охоту, всегда опасную и часто бесполезную, за громадными животными, каковы: *единороги* (водящіеся особенно въ Лаосѣ, Сіамѣ и Тонкинѣ), безчисленное множество тигровъ и огромныя амфибіи: *пифоны* (длиной своей не уступающіе американскому боа) и *гавіалы* (тѣ-же крокодилы, только съ длинной острокопечной мордой). Нужно исключить, однакожъ, изъ этой охоты, составляющей пріятное занятіе, даже страсть туземцевъ, два весьма выгодные рода: *ловлю кубышекъ* и *добываніе гнѣздъ саламанганы* (***), которыми занимаются Кохинхинцы, какъ настоящимъ промысломъ, и кромѣ-того, повсемѣстную на вѣсѣхъ южныхъ берегахъ *рыбную ловлю*, составляющую, впрочемъ, здѣсь *вездѣ* монополию сребролюбиваго правительства и отдаваемую имъ на откупъ. Не менѣе въ жалкомъ положеніи находится птицеводство вѣсѣхъ этихъ странъ, богатыхъ отъ природы если не самыми полезными и ручными, то навѣрное самыхъ яркихъ, разнообразныхъ и прелестныхъ цветовъ птицами (****). Одно Аннамское Королевство представ-

(*) Платина находится еще только: у насъ, въ Уралѣ, да въ Южной Америкѣ, въ Ново-Гренадской Области Хоко.

(**) Такъ, напримѣръ, обезьяны, стоящи разгуливающія по берегамъ Менама и осыпающія вечеромъ прирѣчные деревья, точно вороны (которыхъ на Загангскомъ Полуостровѣ такое-же множество, какъ въ Индустанѣ),—или другія, болѣе-рослыя, обезьяны (породы *дукъ*) въ Аннамѣ, собирающіяся толпами по нѣскольку тысячъ и опустошающія сады и жатвы, на подобіе саранчи, которая составляетъ также бичъ этихъ странъ.

(***) *Кубышки* (*holoturiae*, морское животное изъ рода звѣздчатыхъ) извѣстны болѣе подъ малайскимъ названіемъ *трипанги*,—и гнѣзда ласточки *саламанганы* составляютъ лакомство Китайцевъ, — и потому, для избѣжанія повтореній, мы будемъ говорить объ этихъ предметахъ во *второмъ* томѣ нашего изданія.

(****) Такъ какъ орнитологія Загангскаго Полуострова имѣетъ мало видовъ, которые не были-бы общи съ видами животныхъ, находящихся въ Индустанѣ, то мы отсылаемъ туда (стр. 22) читателей, желающихъ найти больше подробностей по этой части. Мы упомянемъ здѣсь только о птицѣ *поето*, бѣгающей по полямъ сіамскимъ и ростомъ превосходящей даже строуса.

леть въ этомъ отношеніи блистательное исключеніе: птицеводство доведено въ немъ до совершенства, — и особенно превосходны здѣсь пѣтухи, на которыхъ обращено особое вниманіе, по туземной страсти къ пѣтушному бою. Наши пѣтухи, которые могутъ назваться развѣ только тѣнію здѣшнихъ, происходятъ, вѣроятно, отъ смѣшенія двухъ туземныхъ породъ.

КЛИМАТЪ. Если мы отодвинули изложеніе климата Загангскаго Полуострова отъ разсмотрѣнія *земли и воды*, гдѣ, казалось, должно было-бы перейти къ третьему, такъ-сказать, полю дѣйствія законовъ природы, *атмосферѣ*, и даже за условливаемыя климатомъ каждой страны произведенія, — то причиной этому былъ не случай, а разсчитанная цѣль приготовить для себя нѣсколько фактовъ, могущихъ служить объясненіемъ въ изложеніи климата, объясненіемъ необходимымъ, если не довольствоваться столь же легкимъ для пишущаго, сколько и безполезнымъ для читающаго, сборомъ нѣсколькихъ эпитетовъ, въ родѣ: жаркій, холодный, и проч. Въ природѣ все связано; отъ одного созданія ея къ слѣдующему, отъ одного явленія ея къ другому, вездѣ переходъ и причина, вездѣ законъ и его слѣдствіе, — и скачки въ ходѣ природы находятъ умъ человѣчскій только тамъ, гдѣ онъ самъ слѣдитъ за ней или слишкомъ слабо, или слишкомъ медленно. Мы говорили выше о особенномъ вліяніи растительности Загангскаго Полуострова на сырость его мѣстностей: сырость эта условливается еще болѣе столько-же видомъ земли, омываемой большими массами воды и сильно-понижающейся на югъ при приближеніи къ морю, сколько и близостью параллельно-текущихъ рѣкъ и ихъ періодическимъ разлитіемъ, котораго слѣдствіемъ болотистость всѣхъ низменностей страны. Разлитіе-же рѣкъ зависить, въ свою очередь, отъ сильныхъ дождей, — и такъ начнемъ съ вѣтровъ, наносящихъ съ моря дождевыя облака. Здѣсь замѣчаются *вѣтры періодическіе*, называемые *муссонами*, и по постоянному направленію своему, раздѣляются на муссоны юго-западные и муссоны сѣверо-восточные. Такъ какъ причина ихъ находится вся во вліяніи солнца, т. е. теплоты лучей его, то поэтому они совпадаютъ съ періодами кажущагося перехода солнца по сѣ или по ту сторону экватора. А именно: когда солнце переходитъ въ сѣверное полушаріе, и почти отвѣсныя лучи его нагрѣваютъ землю материка болѣе воды, тогда воздухъ стремится съ моря, т. е. относительно положенія земли съ юга; но къ этому южному теченію присоединяется впечатлѣніе, производимое имъ со стороны запада, оттого что онъ надвигается у экватора болѣею силою кругообращенія, и слѣдственно имѣетъ избытокъ скорости къ востоку передъ туземной атмосферой, — и люди, опредѣляя направленіе вѣтра только по впечатлѣнію, производимому имъ, называютъ его справедливо юго-западнымъ. Такимъ-же точно образомъ, по переходѣ солнца по ту сторону экватора, воздухъ стремится изъ остывающаго сѣвернаго полушарія на югъ, и, присоединяя теперь къ этому впечатлѣнію восточное, получаетъ названіе сѣверо-восточнаго муссона. Но съ моря вѣтеръ приноситъ гораздо-болѣе водяныхъ паровъ, — и поэтому съ юго-западнымъ муссономъ соединяется для Загангскаго Полуострова *время постоянныхъ дождей*, а вмѣстѣ съ нимъ и пора *разлитія рѣкъ отъ апрѣля до октября*, а въ противномъ вѣтрѣ, сѣверо-восточномъ, съ октября до марта включительно, не только *сухое время*, но даже и засуха (*).

(*) Пужно замѣтить однакожь, что положеніе высокихъ хребтовъ, идущихъ отъ с. къ ю., и еще болѣе положеніе страны, въ отношеніи къ морю и матерiku, измѣняютъ иногда этотъ общій законъ; такъ напр. для Кохинхины, въ которую юго-западный муссонъ достигаетъ чрезъ хребетъ Аниамскій, пройдя уже нѣсколько сотъ верстъ по землямъ Сіама и Камбоджи (и слѣдственно нѣсколько нагрѣтый и осушенный,

Передавая только свои личные ощущенія, некоторые путешественники, подводя климатъ здѣшнихъ странъ подъ собственныя понятія и раздѣленія времени года въ своемъ отечествѣ, не только искажаютъ путевыя замѣтки свои самыми сбивчивыми фактами и своевольными подраздѣленіями, но даже доходятъ до того, что называютъ зимою часть года съ конца мая до сентября. Это неутѣрно и еще болѣе сбивчиво. Хотя климатъ Индустана и Загангскаго Полуострова вовсе не совпадаетъ съ климатомъ астрономическимъ (тѣмъ, который принимали древніе), т. е. съ долготою дня и ночи; но тѣмъ не менѣе этотъ описываемый нами физическій климатъ не противоположенъ астрономическому, и время зимы и лѣта все-таки одинаково для всѣхъ странъ сѣвернаго полушарія. Поэтому-то и здѣсь тепло и холодъ сосредоточиваются около мѣсяцевъ іюля и декабря, хотя, сообразно гораздо-болѣе южному положенію странъ, разумѣется, не совпадаютъ съ нашими. Дѣло въ томъ, что по-крайней-мѣрѣ для всѣхъ низменностей Загангскаго Полуострова не существуетъ тѣхъ продолжительныхъ переходовъ отъ холода къ жару и отъ жары къ холоду, которые называются у насъ весною и осенью. Но если наша сѣрая осень, съ ея вѣчными и скучными мелкими дождями, исчезаетъ здѣсь въ удвоенномъ числѣ мѣсяцевъ лѣтнихъ, уменьшая своими проливными дождями тѣ страшныя жары, которые могли-бы тяготѣть надъ этими тропическими странами,—то весна сливается здѣсь въ одно съ зимою, не знающей снѣгу и не уступающей въ теплотѣ нашей лучшей веснѣ или нашему маю, а по сухости превосходящей даже самое сухое лѣто.

Однакожъ, если во всѣхъ низменностяхъ Загангскаго Полуострова только два времени года, то въ центрѣ его и въ болѣе-отдаленной отъ юга и возвышенной сѣверной полосѣ можно произвести уже другія дѣленія. Такъ, въ центрѣ и на сѣверѣ Бирмана отдѣляются первые 4 мѣсяца засухи подъ названіемъ *прохладнаго времени*, т. е. зимы безъ мороза, — послѣдніе два дождливой поры называются *временемъ большихъ дождей*, и наконецъ все остающееся въ срединѣ означается *временемъ малыхъ дождей* или *жары*. Сіяныи дѣлятъ климатъ и вмѣстѣ годы страны своей на три времени: *панъ-паоу* (начало холода и вообще сырой погоды — декабрь и январь), *па-роунъ* (начало тепла и время засухи — февраль, мартъ, апрѣль) и *пароу-йякъ* (начало жары и вмѣстѣ дождей — съ мая до декабря (!)). Осени не знаютъ туземцы; *па-роунъ*, или «малое лѣто», составляетъ ихъ весну, за нимъ слѣдуетъ одно «*большое лѣто*» — жары, которое они могли-бы върѣе назвать *двойнымъ*, потому что солнце дважды проходитъ въ это время вертикально надъ ихъ головами, или, выражаясь ученѣе: дважды находится въ зенитѣ ихъ горизонта. Это жаркое лѣто обнажаетъ у нихъ (какъ и у насъ на Кавказѣ, напримеръ) всѣ тѣ деревья, которыя не обезлиствѣла зима, а зима ихъ не уступить теплотой нашему лѣту. Температура никогда не опускается здѣсь до нуля градусовъ, но жители ощущаютъ уменьшеніе теплоты своей безснѣжной зимы подобно нашему холоду; а садовыя деревья защищаютъ отъ зной почти безконечнаго лѣта своей рогатины навѣсами изъ плетенокъ.

Перейдемъ теперь къ землямъ, составляющимъ Аннамское Государство. Мы говорили выше объ исключеніи, представляемомъ Кохинхиной въ климатическомъ отношеніи. Зимой не бываетъ здѣсь никогда ниже 11° холода по Реомюру, но холодъ гораздо-ощутительнѣе, чѣмъ можно-бы предполагать по этому термомет-

по общимъ законамъ природы), а с. в. муссонъ дуетъ прямо съ моря, не встрѣчая даже никакого защитительнаго хребта, этотъ послѣдній приноситъ съ собою самые проливные дожди и производитъ полное измѣненіе въ порядкѣ времени года, такъ что настоящее дождливое время наступаетъ здѣсь съ октября и кончается мартомъ.

рическому данному; потому что такъ какъ для всего органическаго, и для людей, и для животныхъ, и для растений; ощущеніе и вліяніе холода въ-особенности важно при соединеніи его съ вѣтромъ или сыростью, то здѣшній умѣренный холодъ не можетъ не быть весьма ощутителенъ по соединенію съ нѣмъ сильныхъ морскихъ вѣтровъ и дождей, въ высочайшей степени обильныхъ. Въ Камбоджѣ, гдѣ раздѣленіе года подобно указанному нами для всѣхъ низменностей Загангскаго Полуострова, лѣто (іюнь, іюль, августъ) такъ влажно и сыро, что подало поводъ Г. Эйріѣ къ названію его временемъ холода и зимы, съ прибавленіемъ, что въ остальные восемь мѣсяцевъ воздухъ тепелъ (?), ясенъ и чистъ (*). Въ Тонкинѣ менѣе дождей, облегчающихъ зной лѣтній, тогда какъ холодъ весьма усиливается по причинѣ тумановъ.

Мы не разъ говорили уже: «сильные дожди», «проливные дожди», но понять силу здѣшнихъ дождей можно только изъ слѣдующаго выраженія одного Англичанина-путешественника: «дождь падаетъ здѣсь не каплями, а водяными потоками», — и еще изъ сравненія ежегодной массы его съ другими намъ извѣстными. Такъ, въ Петербургѣ выпадаетъ его ежегодно 17", подъ тропиками 90", въ Англіи вообще $\frac{1}{3}$ этого послѣдняго числа, въ Италіи половина его; но между поворотными кругами есть многія мѣста, гдѣ масса дождя возвышается за 100" и далѣе; она доходитъ, напримѣръ, на возвышенностяхъ Пуло-Пенанга (одного изъ острововъ, прилежащихъ къ Малаккѣ и слѣд. къ Загангскому Полуострову) до 116" (**). Теперь присоедините къ этому, что петербургская масса дождя, напримѣръ, ниспадаетъ въ 169 дней, что составляетъ на день около 1", тогда какъ ежедневное паденіе массы дождя подъ тропиками, 90", распаваясь на каждый дождливый день по 14", оканчивается уже въ 78 или 80 дней въ году, — и тогда, сообразя все это, сдѣлается понятнымъ читателю, если ему скажутъ, что жаръ лѣтній умѣряется здѣсь проливными дождями, — что сырость климата вредна непривычнымъ къ нему Европейцамъ; и что вмѣстѣ съ тѣмъ, небо болѣею частію совершенно ясно, безоблачно, воздухъ чистъ, прозраченъ, и что ночи (несколько прохладныя) «волшебны» освѣщаются мѣсяцемъ и ярко-блещущими безчисленными звѣздами.

Мы сказали выше, что съ временемъ дождей соединено время разлитія рѣкъ Загангскаго Полуострова. Поэтому, по прямому смыслу этихъ словъ, разлитіе рѣкъ должно-бы начинаться вслѣдъ за дождями, какъ слѣдствіе за причиною, такъ какъ это замѣчается, напримѣръ, на сіамскомъ Менамѣ; но въ Бирманѣ наводненія не только слѣдуютъ за большими дождями, но и предшествуютъ имъ, потому что испаренія его, уносимыя юго-западными вѣтрами на сѣверъ, останавливаются въ горахъ, отдѣляющихъ Бирманъ отъ Ассама, превращаются тамъ въ туманы, дожди, потоки, — и пока въ центрѣ Бирмана стоитъ еще пора сухая и самая жаркая, текущая съ сѣвера Правадди и притоки ея начинаютъ расти и выступаютъ изъ береговъ. Этой-же физической причиною объясняется

(*) Живописное путешествіе по Азіи, томъ третій, стр. 175.

(**) Нужно-ли напоминать читателямъ нашимъ, что числа эти, показывающія количество воды, выпавшей ежегодно дождемъ, выражаютъ толщину того слоя, которое-бы она образовала, если-бы падала на одну и ту-же ровную горизонтальную поверхность, не стекая съ нея, не поглощаясь ею и даже не испаряясь. Замѣтимъ однакожь, что мы брали въ соображеніе только одну изъ формъ, одинъ изъ видовъ ниспаденія воды, а именно дождь, потому что весь Загангскій Полуостровъ лежитъ вѣдъ 35° широты, составляющаго границу ниспаденія снѣга. Но вообще количество воды, ниспадающей снѣгомъ, такъ ничтожно въ сравненіи съ массой дождя, что напр. въ Петербургѣ, гдѣ снѣгу такъ кажется много и гдѣ снѣгъ идетъ 174 день въ году, — отношеніе его ежегодной массы снѣжной воды къ дождевой выражается отношеніемъ: 0,38 : 1.

и другое явленіе, замѣченное, но необъясненное знаменитымъ путешественникомъ *Кемпферомъ*: что наводненія особенно замѣчаются, «страшнымъ образомъ» (какъ говоритъ онъ), не по близости моря, а въ верховьяхъ и среднемъ теченіи здѣшнихъ рѣкъ (*).

Такъ какъ вслѣдъ за дождями перемѣняется направленіе періодическихъ вѣтровъ (**), то начинающійся сѣверо-восточный муссонъ сгоняетъ обыкновенно весьма-скоро весь избытокъ воды въ море и значительно уменьшаетъ сырость и зловредныя испаренія, которыя распространились бы съ низменныхъ прирѣчій, если-бы вода, стекая медленно, успѣла оставить на всемъ протяженіи ихъ свой землеудобряющій, но людямъ зловредный, волючій нѣль. Европейцы замѣтили, что смертность сильно увеличивается въ тѣ годы, когда сѣверо-восточный муссонъ не довольно силенъ; а жрецы здѣшніе воспользовались этимъ, чтобы увѣрить суевѣрный народъ, что смертность эта происходитъ отъ злыхъ духовъ, оставленныхъ на землѣ рѣками послѣ разлитія, и значительно обираютъ туземцевъ, какъ въ вознагражденіе за молитвы, которыми будто-бы они одни въ состояніи умилостивить разгнѣванныхъ боговъ, такъ и на зажиганіе безчисленнаго множества бумажныхъ фаварей, которыхъ мнимое назначеніе — прогнать духовъ тьмы, утраченныхъ ихъ свѣтомъ и бдительностью жрецовъ!

Весьма замѣчательны еще измѣненія вкуса воды здѣшнихъ рѣкъ во время того или другаго муссона. Такъ, при юго-западномъ муссонѣ, приливы Менама, напримѣръ, такъ сильны, что въ Банкокѣ, сіямской столицѣ, находящейся на этой рѣкѣ, въ семи миляхъ отъ моря, рѣчная вода становится прѣсною только на одну часть, да и тогда нельзя еще назвать ее совершенно-прѣсною. А при сѣверо-восточномъ муссонѣ, когда водополье сбывается въ нѣсколько дней, не только морскіе приливы дѣлаются нечувствительны, но и вода Менама совершенно прѣсна въ это время на двѣ или на три, а иногда даже и на одну милю отъ взморья.—Въ Кохинхинѣ-же, гдѣ вѣтры не могутъ имѣть такого вліянія на воды рѣкъ, направленію которыхъ они несоответственны, вліяніе это замѣняется тифонами, столь-сильными, что разразясь надъ Туранскимъ морскимъ заливомъ, они наполняютъ его такимъ слоемъ прѣсной воды, что не только моряки, посѣщающіе эту гавань, наполняютъ ею бочки судовъ своихъ, но даже и скотъ спѣшитъ на водопой къ морскому берегу. Скотъ какъ-будто пассивно чувствуетъ причину явленія, въ которомъ туземный людъ видитъ одно сверхъестественное чудо и вліяніе какихъ-то духовъ! И эту слѣпоту суевѣрія они называютъ еще богопочитаніемъ, религіей!....

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. Деспотическія правительства Загангскаго Полуострова (особенно въ Бирманъ и еще болѣе въ Сіамъ) считаютъ не только имущество, но даже личность, знанія и самыя способности каждаго подданнаго своимъ полнымъ, законнымъ достояніемъ (***), и обратили въ непремѣнный законъ, что вся-

(*) Engelbert Kaempfer's Geschichte und Beschreibung von Japan, herausgegeben von Dohn, 1779. Часть I-я, стр. 57. Однакожъ это замѣчаніе Кемпфера (относящееся въ-особенности къ Менаму) не совсѣмъ вѣрно, потому что Менамъ разливается въ это время на 40 миль у устья своего, а около самаго моря воды его покрываютъ всѣ берега къ сѣверу отъ залива миль на полтора и болѣе.

(**) Перемѣны, замѣняющія здѣсь наши переходныя времена осени и весны, перемѣны не продолжительныя, но появляющіяся у береговъ со-страшнымъ бореніемъ стихій, дѣлающихъ весьма-опаснымъ мореплаваніе: въ заливѣ Бенгальскомъ страшными шквалами, а у восточныхъ береговъ зихрями и тифонами.

(***) Такъ, напримѣръ, въ Сіамѣ всякій отличившійся ремесленникъ немедленно обязывается работать единственно ко двору и даже безвозмездно.

кий, кроме разнообразных податей и повинностей, долженъ безвозмездно посылать еще треть каждого года разнымъ казеннымъ работамъ; поэтому не удивительно, что, разбирая промышленность Бирмава и Сіама, мы не найдемъ ни одной отрасли, къ которой можно было-бы не примѣнить разныхъ степеней одного и того-же эпитета: дурно, жалко, негодно. Но что главная причина этого упадка промышленности заключается менѣе въ неспособности народа, чѣмъ въ формѣ тяготящаго надъ нимъ правленія, уничтожающаго въ подданныхъ, алчностью своею, не только все средства, но даже и всякое желаніе улучшения своего состоянія, — тому могутъ служить доказательствомъ нѣкоторые начатки промышленности и видимое поправленіе быта во всѣхъ мѣстностяхъ, менѣе подвергнутыхъ гнету деспотизма, за недоступностью или отдаленностью страны, или вслѣдствіе нѣкоторыхъ правъ, пріобрѣтенныхъ ея обитателями силою оружія, какъ-то: въ Бирманъ — у жителей сѣверныхъ пограничныхъ земель и въ-особенности въ округѣ города Бааму; въ Сіамъ — обитатели полунезависимаго гористаго и лѣснаго Лаоса, — и преимущественно въ Аннамскомъ Королевствѣ, гдѣ сильное вліяніе образованія сосѣдственнаго Китая уменьшило тягость деспотизма уже тѣмъ, что нѣсколько ограничило своеволіе его, если не законностью, то по-крайней-мѣрѣ неизмѣнностью существующихъ формъ и нѣкоторымъ образованіемъ самихъ правителей. Вообще, во всѣхъ отрасляхъ промышленности и если не въ благосостояніи, то по-крайней-мѣрѣ въ меньшемъ разореніи, и въ способностяхъ, и моральномъ и умственномъ развитіи обитателей этихъ странъ, замѣчается постепенное улучшение, переходя отъ запада къ востоку Загангскаго Полуострова. По-крайней-мѣрѣ о всемъ Аннамскомъ Государствѣ можно сказать, что оно оставило позади себя оба другія государства полуострова, хотя и не ушло само далеко впередъ.

ТОРГОВЛЯ. Безъ промышленности, безъ удобства сообщеній и хорошихъ средствъ переноса тяжестей, подъ гнетомъ своеволія власти, присвоивающей себѣ монополію выгодѣйшихъ товаровъ и окладывающей тяжелыми пошлинами, въ 1/10 цѣнности, все другіе, — подъ стѣснительнымъ надзоромъ подозрительнаго правленія, съ одной стороны какъ-будто чувствующаго, что подданные его желаютъ бѣжать въ другія земли, и потому подстерегающаго всякую возможность подобнаго побѣга, — а съ другой чуждающагося всякаго тѣснаго сношенія съ Европейцами, изъ опасенія, чтобы идеи этихъ варваровъ не разорвали тѣ цѣпи пагубнаго и безрасуднаго суедрія, которыми съ-исконнъ вѣковъ опутаны управляемые ими народы, — и чтобы живительная сила этихъ идей не пробудила ума и воли подданныхъ, усыпленныхъ страхомъ и безнадѣжностью своего положенія: при всѣхъ этихъ несчастныхъ условіяхъ, легко понять, почему почти вся торговля Загангскаго Полуострова находится въ рукахъ смысленныхъ Китайцевъ, и легко объяснить себѣ, что существующее, несмотря на все вышеприведенныя нами препятствія, значительное движеніе капиталовъ должно приписать единственно природному богатству полуострова и менѣе-выгодному положенію и изобилію странъ, его окружающихъ (*).

(*) Какъ ни желаемъ мы быть краткими, но не можемъ не замѣтить здѣсь, въ дополненіе къ сказанному на стр. 395, другой мысли великихъ новѣйшихъ географовъ, что, по большой развѣтвленности береговъ своихъ и множеству острововъ, лежащихъ не въ далекомъ отъ нихъ разстояніи, Загангскій Полуостровъ принадлежитъ къ странамъ, благословеннымъ природой на торговлю и иныя сношенія съ другими народами, и на зависящій отъ этого успѣхъ въ просвѣщеніи. Отношеніе береговъ Загангскаго Полуострова къ материку его земли выражается числами 4: 7, — тогда какъ для странъ, всего болѣе носящихъ на себѣ отпечатокъ этого счастливаго расположенія къ вѣннимъ сношеніямъ,

Внутренняя торговля между отдельными государствами Загангскаго Полуострова стѣснена враждебнымъ ихъ другъ къ другу расположеніемъ; между Сіамомъ-же и Бирманомъ не только нѣтъ никакой непосредственной торговли, но даже обѣ стороны границъ этихъ двухъ державъ обращены въ пустыню, народонаселеніе этихъ мѣстъ отодвинулось назадъ, и рабство или смерть ожидаютъ того, кто осмѣлится проникнуть въ эту необитаемую полосу, даже съ самыми благовидными цѣлями. Самое значительное движеніе торговли замѣчается между областями каждаго государства порознь, т. е. въ собственно ихъ внутренней торговлѣ, и особенно въ Айнаскомъ Королевствѣ, въ которомъ, по примѣру Китайцевъ, обращено вниманіе на водяныя сообщенія и имѣется два канала: одинъ вокругъ столицы *Гюэ*, для ея удобствъ, другой отъ рѣки *Гюэ* до южной гавани *Мугкота*. Поэтому-то вся главная внутренняя торговля Загангскаго Полуострова состоитъ изъ каботажной (*) или порѣчной. Изъ этого должно исходить небольшія торговля сношенія въ южныхъ частяхъ полуострова, производимыя помощью слоновъ, ежегодныя караваны изъ *Лаоса* въ *Сіамъ* на лошадяхъ, число которыхъ доходитъ до двухъ тысячъ, и на которыхъ, впрочемъ, кромѣ лаосскихъ кожъ, болѣею частью бирманскіе и китайскіе товары, да еще Бирманъ ведетъ сухопутную торговлю съ Китаемъ (преимущественно своей хлопчатой бумагой) чрезъ сѣверныя границы. Но здѣсь тянутся караваны только въ лѣтнюю засуху; а въ дождливое время спускается изъ *Юнпана* такое количество судовъ (до 6000!), которое заставляетъ предполагать, что обычное опредѣленіе общаго баланса этой торговли въ $\frac{1}{2}$ милліона руб. сер. вѣроятно слишкомъ мало. Центромъ этого торговаго движенія—городъ *Бааму*, и отъ него оно продолжается уже двумя путями: чрезъ Маппуръ и мелкія податныя Ост-Индской Компаніи области въ *Бенгалію*, и въ другомъ направленіи по *Правадди* въ *Асу*, столицу Бирмана, и далѣе. Главная артерія этой торговли рѣка *Правадди*, на восточномъ рукавѣ устья которой *Рангунская* гавань присвоила себѣ всю иностранную торговлю, важнѣйшая статья вывоза которой — тековое дерево; ввозъ же состоитъ изъ всѣхъ европейскихъ и въ-особенности англійскихъ фабрикацій. Сухопутная торговля Бирмана съ пограничными англійскими владѣніями гораздо-менѣе значительна, чѣмъ показанная выше съ Сіамомъ чрезъ посредство Лаоса, хотя она и весьма увеличилась съ 1827 года, со времени основанія *Кроффордъ* на *Мартабанскомъ* берегу города *Амгерста*, служащаго складочнымъ мѣстомъ торговли между Бирманомъ и Индустаномъ.

Въ заграничной торговлѣ Сіамъ примѣчается тоже сильное возрастаніе (**), несмотря на то, что она составляетъ монополию государя, который иногда располагаетъ ею какъ единственный въ государствѣ купецъ; съ помощью своихъ чиновниковъ, а иногда, разсчитавъ свои выгоды, допускаетъ другихъ къ торговлѣ нѣкоторыми статьями (напримѣръ, перцемъ и сахаромъ), выговоривъ себѣ огромную часть барыша и пользуясь сверхъ-того, отдѣльно отъ этого личнаго права, тяжелой для торгующихъ пошлиной, взимаемой въ пользу казны, со всякаго ввоза

эта пропорція выражается: для Италіи отношеніемъ 4 къ 12, для Греціи 4: 8, для Индустана 4: 40, для всѣхъ европейскихъ земель, вмѣстѣ взятыхъ, 4: 57; между-тѣмъ какъ, сравнительно съ Европой, материкъ Азіи и Африки ограничиваются: первой пропорціей 4: 405, второй 4: 150. (Мы пользовались при этомъ выводами Берггауза и Денцеля).

(*) Терминъ, взятый отъ Французовъ и означающій торговлю, соединенную съ плаваніемъ около береговъ.

(**) Впрочемъ, пропорціональное увеличенію китайскаго народонаселенія, которое въ 100 лѣтъ возрасло во 100 разъ противъ прежняго, и составляетъ теперь около одиннадцатой части всего народонаселенія страны.

и вывоза. Вывозъ изъ Сіама въ Китай состоитъ болѣею частью изъ грубыхъ продуктовъ; а ввозъ оттуда составляютъ чай и произведенія мануфактуръ. Вся каботажная эта торговля съ Китаемъ и Кохинхиной занимаетъ до 12,000 сіамскихъ матросовъ и 140 джонокъ (китайскихъ судовъ), вмѣщающихъ среднимъ числомъ, до 1,750,000 пудовъ груза. Банкокъ, единственная гавань сіамская для иностранной торговли, имѣетъ прямые сношенія не только со всеми китайскими гаванями, лежащими на востокъ отъ Кантона, но даже съ самой Батавіей; кромѣ судовъ, торгующихъ подъ китайскимъ флагомъ, въ него нерѣдко входятъ англійскіе, голландскіе и португальскіе корабли, и таможенная пошлина для европейскихъ судовъ почти вдвое ниже, чѣмъ для судовъ, приходящихъ изъ другихъ азіатскихъ гаваней или изъ Малайскаго Архипелага. — Не менѣе важна и вѣтшняя торговля Аннамскаго Королевства, тѣмъ болѣе, что, имѣя свои собственные суда, смѣлые и дѣятельные обитатели его тѣзды сами въ Китай, Сіамъ, Малакку и Сингапуръ, получая на то всякій разъ предварительное соизволеніе своего правительства. Каботажная торговля эта производится особенно съ Китаемъ и Японіею и занимаетъ болѣе 2000 джонокъ. Главныя статьи ввоза: опиумъ, селитра, огнестрѣльное оружіе и мануфактурныя произведенія; вывозъ состоитъ изъ собственныхъ грубыхъ произведеній, изъ цыковой туземной ходячей монеты и зеленого чая (*).

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА. О наукахъ нѣтъ и помину въ Загангскомъ Полуостровѣ; онѣ не могутъ быть тамъ, куда не допускаютъ ихъ соединенныя выгоды религіи и правленія. Въ Аннамское Королевство перешла, однакожъ, вѣсть съ китайскимъ Конфуцизмомъ и часть китайскихъ книгъ, съ ихъ учёной безсмыслицей и теоретическими бреднями. Поэтому-то, напримѣръ, медицина, оставившаяся въ Бирманѣ и Сіамѣ на практическомъ знаніи старыхъ знахарей, передающихъ изъ рода въ родъ свои наблюденія и опыты, ограничивается (для Сіама) 83 рецептами отъ 83 различныхъ родовъ болѣзней, — между-тѣмъ какъ въ Аннамѣ усвоилась уже медицинская теорія, тѣмъ болѣе вредная, что, бесполезная сама по себѣ, она убиваетъ своею схоластическою строгостью всякую возможность практической опытности. По теоріи этой, несомнѣнно китайскаго происхожденія, аннамскіе докторы полагаютъ, что *истолченный въ порошокъ кости тигра дѣлаютъ человека храбрымъ, слоновій мозгъ даетъ ему умъ, а пепелъ оленьяго рога — проворство*. Хороша медицина! Весьма жаль, что путешественники не потрудились развѣдать, въ какомъ положеніи находятся другія науки: подобныя изложенія, если они понятны, могутъ быть иногда не только занимательны, но даже полезны тѣмъ, что ясно изобличаютъ невѣжество, и, наводя мысль на собственные заблужденія, учатъ уму уликой чужой глупости. Это одна изъ двухъ главныхъ сторонъ пользы изученія правовъ и обычаевъ чуждыхъ намъ народовъ. Мы нашли у Кемпфера только одну географическую замѣтку Сіамцевъ: «что Гангъ соединяется рукавами своими съ Менамомъ и Менамконгомъ, и что, плывя вверхъ по теченію ихъ, можно наконецъ захватить

(*) О чаѣ и торговлѣ имъ читатели найдутъ большую статью во II томѣ этого изданія, посвященномъ Китаю и Японіи (см. на оберткѣ); здѣсь можемъ только сказать, что хотя чайное дерево давно обрабатывается въ Кохинхинѣ и растетъ въ дикомъ видѣ по всемъ сѣвернымъ границамъ Загангскаго Полуострова, — но такъ какъ, подобно винограду, доброта чая зависитъ отъ соединенныхъ условій мѣста произрастанія и средствъ обработки его, требующей чрезвычайной опытности и тщательности, — то это произведеніе не только составляетъ теперь, но будетъ еще много вѣковъ составлять природную монополію Китая.

въ Бенгалію»; но неутомимый путешественникъ этотъ убѣдился, что *Менамъ* становится весьма мелокъ и незначителенъ въ сѣверномъ Лаосѣ, и опровергаетъ предположеніе туземныхъ доморощенныхъ географовъ. — *Изящныя искусства* находятъ тоже повсемѣстно въ жалкомъ положеніи. По части живописи въ Бирманѣ и Сіамѣ, путешественники упоминаютъ лишь объ одной видѣнной ими картинѣ, но и та, какъ полагаютъ они, написана китайскимъ живописцемъ. *Валііе*, занятое единственно религіозными предметами, стремится только къ одному: удивить огромностью размѣровъ, и изобличаетъ уже тѣмъ дѣтство своего развитія. Странности причудливой индійской фантазіи не вознаграждаются здѣсь даже тщательной отдѣлкой безобразныхъ истукановъ, хотя большое на нихъ требованіе и чудесный мраморъ, которыми обильны многія мѣстности, могли-бы, казалось, пробудить ваятелей къ болѣе-изящному проявленію ихъ дѣятельности. Къ архитектурѣ (въ которой Бирманцы отличаются по-крайней-мѣрѣ нѣкоторою оригинальностью) мы обратимся послѣ, при отдѣльномъ разсмотрѣніи государствъ Загангскаго Полуострова. Аннамцы, ученики Китайцевъ въ изящныхъ искусствахъ, сдѣлались въ нихъ слѣпыми подражателями своихъ учителей; поэтому, отлагая разсматриваніе ихъ живописи, зодчества и ваянія до произнесенія нами приговора надъ ихъ наставниками, т. е. до 2-го тома этого изданія, мы удовольствуемся относительно всѣхъ этихъ предметовъ краткимъ описаніемъ ихъ знаменитой *пагоды мраморныхъ утесовъ* (далѣе впереди), а теперь обратимся къ другимъ искусствамъ ихъ. Мы видѣли успѣхи обитателей Аннамскаго Королевства въ земледѣліи и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ соединенной съ нимъ промышленности; прибавимъ къ этому, что ихъ лакированные вещи, которыя они весьма-искусно украшаютъ помощью золота и инкрустаціи, по прочности лака своего (и особенно тонкинскаго) предпочитаютъ даже первымъ въ этомъ родѣ японскимъ произведеніямъ. За-то искусство литья пушекъ и обработки металловъ не сдѣлало никакого успѣха со времени введенія его къ нимъ Французами, и по незнанію средствъ хорошаго закалыванія стали, они принуждены довольствоваться европейскими ружьями. Вообще, этотъ народъ болѣе смысленный, чѣмъ талантливый, болѣе способенъ къ прилежному труду и точному подражанію, нежели къ изобрѣтенію, и отличается болѣе памятью, чѣмъ силой соображенія; поэтому-то, въ подражаніе построеннымъ французскими инженерами укрѣпленіямъ, онъ создавалъ на многихъ мѣстахъ подобныя-же, но не ушелъ ни на шагъ впередъ отъ привитаго и заученнаго. Въ обработкѣ золота онъ отличается тоже удивительною подробностью и старательностью отдѣлки, напримѣръ чрезвычайно-тонкою и искусною филигранью, но она лишена всякаго вкуса единственно за недостаткомъ моделей. Жалокъ народъ, попавшій на подобную колею въ пути къ совершенствованію! Подобно слѣпцу, будетъ онъ всегда нуждаться въ руководителяхъ и зависть отъ нихъ; вся его умственная дѣятельность будетъ состоять изъ страшнаго боренія: желанія дѣлать и безсилія производить. Всего удивительнѣе успѣхи Аннамцевъ въ кораблестроеніи. Приобрѣтѣя случайнымъ образомъ (какъ мы увидимъ далѣе) для модели настоящей европейскій корабль, они, благодаря разнымъ благоприятнымъ обстоятельствамъ, дошли до обладанія флотомъ, который должно считать наряду съ лучшими и сильнѣйшими другихъ азіатскихъ государствъ. Особенно хороши ихъ галеры, употребляемые для прогулокъ по водѣ: они построены чрезвычайно-прочно и богато украшены причудливыми, ярко-расписанными и позолоченными изваяніями драконовъ и змѣй; число мачтъ, разныхъ флаговъ и вымпеловъ (въ томъ числѣ и окрашенные красной краской коровьи хвосты) соответствуетъ всегда числу особы, находящейся на суднѣ. Купеческія суда походятъ на китайскіе

джонки. Европейскимъ судамъ дозволено входить только въ три гавани Аннамскаго Государства: *Сайгонъ*, *Фай-Фо* и *Туранъ*.

ОБРАЗЪ ПРАВЛЕНІЯ. Загангскій Полуостровъ есть, такъ-сказать, страна классическаго азіатскаго деспотизма. Въ Индустанѣ, не отличающемся, какъ мы видѣли, либеральностью своихъ государственныхъ учреждений, деспотизмъ этотъ ограниченъ, однакожъ, разными законами и положеніями, за неизмѣнность которыхъ ручается мнимая непогрѣшимость такъ-называемыхъ священ-ныхъ книгъ, и сила которыхъ основана на мнимомъ откровеніи боговъ. Деспотизмъ теряетъ тамъ произволъ свой предъ «*божественнымъ установленіемъ кастъ*», и вся свѣтская власть и сила его распадается во прахъ предъ брамин-номъ, представителемъ власти духовной. Всякій государь индустанскій, будь онъ магометанскій князекъ или ничтожный индійскій раджа; безотчѣтно располагал состояніемъ и жизнью подданныхъ своихъ всѣхъ кастъ, исключая браминской, отрубая для потѣхи своей носы и уши обитателей управляемой имъ страны, не можетъ однакожъ вознести почестями какого-нибудь *судру*; не можетъ повелѣть какому-либо *торговцу* быть *хлебонашцемъ*, и даже безсиленъ пзмѣнить ремесло самаго ничтожнѣйшаго изъ поденщиковъ. Онъ царь, онъ владыка земли; но — «*боги начертали ему обязанности, опредѣлили границы его власти и оставили ему на землѣ своихъ представителей и толкователей своей воли*» — браминовъ.» Таково устройство правительственной власти въ Индустанѣ, гдѣ ограничили ее брамины, вѣроятно давшіе ей нѣкогда начало и потомъ сохранившіе себя уго-локомъ въ ней. Другимъ образомъ (не забывая впрочемъ тоже себя) старались огра-ничить ее въ Китаѣ учѣные теоретики и практическіе философы-моралисты, стѣсняя ее присвоеннымъ себѣ толкованіемъ разныхъ (собственно не имѣющихъ никакой связи съ правленіемъ) физическихъ явленій природы, и замѣняя мерт-вый текстъ мнимыхъ священныхъ индійскихъ книгъ не менѣе мертвою буквою исторіи, въ которой выставлены примѣры жизни и дѣйствія «*древнѣйшихъ и вмѣстѣ мудрѣйшихъ царей*.» *Сынъ неба, владыка Поднебесной Имперіи* не знаетъ другой воли кромѣ своей собственной; но голосъ обычая, святость древ-ности и изреченія мудрецовъ ограничиваютъ на каждомъ шагѣ произволъ его, и сотни учѣныхъ необинуясь укажутъ и ему и народу на всякое малѣйшее от-ступленіе отъ примѣра «*богоподобныхъ праотцевъ*.» Слабые опыты невин-наго, или, вѣрнѣе, простодушнаго дѣтства гражданственности! Установле-нія, сообразныя грубымъ правамъ управляемыхъ и жалкому просвѣщенію ихъ! Но здѣсь, въ Загангскомъ Полуостровѣ, нѣтъ этихъ двухъ защитительныхъ го-лосовъ: «ни мнимаго божественнаго голоса» Индіи, ни «голоса древности» Ки-тая; здѣсь нѣтъ никакихъ гарантій, ни порожденныхъ европейскою граждан-ственностью и пытливостью европейскаго ума, ни созданныхъ азіатскимъ тео-кратическимъ началомъ. Созданная силою оружія и произволомъ, верховная власть этихъ странъ основалась на своей силѣ и на страхѣ покоренныхъ, огра-дилась невежествомъ управляемыхъ народовъ, а потомъ укрѣпилась еще и вре-менемъ, и дѣйствіемъ привычки, и религіею (входившею сюда, какъ все челове-ческое, съ подобострастіемъ ищущаго покровительства и покупающаго его), и первыми плодами знанія (принесеннаго выходцами изъ Китая и Индіи и Евро-пейцами, занесенными сюда религіознымъ рвеніемъ и случаемъ (*), и наконецъ достигла до высшаго образца, до классическаго азіатскаго деспотизма. По-творствующая власти религія не вложила въ душу правителей никакого поня-тія о правахъ человечества или объ обязанности попеченія надъ управляемыми;

(*) См. далѣе историческіе очерки Сіама и Аннама.

она не согрѣла никакого чувства любви въ душѣ подданныхъ: напротивъ-того, возвышая власть и унижая до ничтожества подданныхъ, она уничтожила всякую возможность того патріархальнаго соединенія, гдѣ чувства обязанности и довѣрія сливаются въ одно цѣлое, шествуя къ цѣли спокойствія и благосостоянія. Вслѣдствіе проповѣдуемаго туземной религіей *метемпсихоза* (т. е. переселенія душъ), Бирманцы и Сіамцы увѣревы, или ихъ увѣрили, что въ тѣлѣ возсѣдающаго на престолѣ всегда находится душа наиболѣе-достигнувшая нравственнаго совершенства и сближающаяся съ божествомъ въ награду за прежнюю земную жизнь, — и вслѣдствіе этого вѣрованія, не ослабляемаго ни пороками, ни явно-безрасудными дѣйствіями царствующихъ, лицо государя отаѣлено невыразимою чертою отъ лица самыхъ важнѣйшихъ сановниковъ (разумѣется покуда кто-нибудь изъ нихъ не достигнетъ престола хитростью или силою). Поэтому-то не только личность, но и всѣ части тѣла его считаются святыми, и въ Бирманѣ прибавляется къ нимъ каждый разъ эпитетъ *золотой*: «это веселитъ золотой глазъ; это пріятно золотому носу.» Самое-же «священное имя» царствующаго въ этихъ государствахъ вѣряется только небольшому числу придворныхъ, и произнести его кому-либо изъ подданныхъ вѣчается въ государственное преступленіе. «Прекрасная, поэтическая, хотя и невѣрная идея», скажутъ тѣ, которые смотрятъ на все сквозь розовыя стекла поэтическаго воображенія. Мы готовы раздѣлять съ ними, въ другихъ случаяхъ, поэтическое расположеніе ихъ; но въ многосложной машинѣ государственнаго управленія все основано на точныхъ, положительныхъ законахъ, все определено требованіями ума и опыта, и только при такомъ устройствѣ ея, можетъ развиваться духовная жизнь человека, и является настоящая поэзія этой жизни. Идея почти то-же въ ходѣ человечества, что законъ направленія магнитной стрѣлки въ ходѣ корабля. Малѣйшая невѣрность компаса произведетъ страшныя невѣрности въ опредѣленномъ пути корабля и заведетъ его далеко отъ цѣли его стремленія. Невѣрность идей, руководящихъ ходомъ *человѣчества*, какъ-бы она ни была незначительна въ началѣ, проявится удасятеренная въ примѣненіяхъ ея къ опыту, и ошибки ея отзовутся сторицею въ длинномъ пути его, гдѣ станціи замѣняются вѣками; поэтому-то въ государственной жизни точное опредѣленіе невѣрностей руководительной идеи столь-же важно, какъ важно для корабля опредѣленіе возможныхъ качаній уклоненія и наклоненія магнитной стрѣлки компаса отъ постояннаго, нормальнаго направленія ея на сѣверъ и югъ. Идея христіанская, божественное правило—*любить ближняго какъ самого себя*, есть вѣчная, неизмѣняемая, непоколебимая идея; въ ней соединено все: и высочайшій умъ и высочайшая поэзія; но несчастное вѣрованіе въ метемпсихозъ есть нечто противоположное христіанской идеи любви. Достаточно проникнуть въ сущность этого вѣрованія, чтобы по немъ одномъ уже быть въ состояніи опредѣлить и деспотизмъ правительства Загангскаго Полуострова, и духъ рабства, царствующій въ немъ, и равнодушіе къ земному существованію, и отсутствіе всякихъ попытокъ и усилій измѣнить горестное состояніе этого существованія. Многое, если не все, опредѣлился тогда въ образѣ жизни, въ обычаяхъ и понятіяхъ народовъ этихъ странъ. Намъ не удивлять тогда частыя примѣры жестокаго обхожденія при *авайскомъ* (т. е. бирманскомъ) дворѣ, гдѣ нередко случалось видѣть, какъ государь билъ по щекамъ любимцевъ своихъ или дралъ ихъ больно за уши: обхожденіе еще милостивое въ сравненіи съ жестокимъ наказаніемъ, которому подвергались иногда не только царедворцы, но и самые министры бирманскіе за малѣйшую неосмотрительность и самую незначительную вину. Обычное наказаніе это называется *нефу м'га л'ганъ ти* и состоитъ въ томъ, что виновнаго

кладутъ на спину, въ полдень, на солнце и оставляютъ его въ этомъ положеніи на нѣсколько часовъ съ огромною тяжестью на груди. По этой-же причинѣ считается государственнымъ преступленіемъ прервать, чѣмъ-бы то ни было, спокойствіе, которымъ опредѣлено наслаждаться возстающему на престолѣ, въ награду за прежнюю земную жизнь, потому что душа, находящаяся въ тѣлѣ его, не для чего ниваго переселена въ тѣло государя, какъ только для наслажденія, — и тревожить блаженное *dolce far niente* этой души не должно смѣть даже и государственнымъ дѣломъ, не терпящимъ никакого отлагательства (*).

На основаніи этого-же вѣрованія въ метемпсихозъ, сіялскій государь, для означенія великихъ, тронъ его окружающихъ вельможъ, присоединяетъ къ нимъ именна имена болѣе или менѣе чистыхъ животныхъ, составляя изъ этихъ прибавокъ нѣкоторую лѣстницу ихъ важности и добродѣтелей, — и позволяетъ чествовать того *благородной собакой*, этого *великимъ буйволомъ*, иного знаменитой *крысой*: все почётные титулы, въ ряду которыхъ недостаетъ, къ несчастію, безпристрастной лиси или премудраго осла. — Бирманскій императоръ не считаетъ нужнымъ величать такъ своихъ подданныхъ, но говорятъ, что нынѣшній властитель превращалъ, на дѣлѣ, въ лошадей одного изъ своихъ придворныхъ, по имени *Sarroa*, на которомъ онъ частенько разъѣзжалъ, для потѣхи своей, ввудавъ его кисейнымъ шарфомъ (**). На основаніи этой-же религіозной идеи, не долженъ никто изъ подданныхъ, ни въ какомъ случаѣ, произносить никакихъ пожеланій здоровья, счастья и благоденствія своему государю, «потому что болѣзни и несчастія не могутъ никакимъ образомъ тревожить блаженства этихъ сверхъ-естественныхъ существъ.» Только въ *Аннамскомъ* Королевствѣ, гдѣ правительство старалось

(*) Такъ, въ войнѣ съ Англичанами бирманскіе полководцы долгое время обманывали правительство свое, постоянно отступая и донося между-тѣмъ о мнимыхъ побѣдахъ своихъ. Даже и тогда, когда нельзя было скрывать настоящаго положенія дѣла, и когда ужъ и самый главнокомандующій былъ казненъ за неудачу военныхъ дѣйствій, въ которыхъ онъ оказалъ однакожъ большую дѣятельность и сильное умѣніе, даже и тогда условія мира и вынужденныя войной уступки были подписаны императоромъ не иначе, какъ послѣдствіе уѣзреній царедворцевъ, что англійскій посолъ «пріѣхалъ просить прощенія въ нечаянныхъ побѣдахъ своихъ соотечественниковъ, возвратитъ ему, съ должнымъ величіемъ его извиненіемъ, всѣ завоеванныя области и умоляетъ объ обратномъ принятіи суммы, вытребованной Англичанами на покрытіе военныхъ издержекъ.» Въ-послѣдствіи, узнавъ правду, императоръ, вѣроятно, переколотъ-бы этихъ совѣтниковъ собственноручно копьемъ своимъ, если-бы они не попрыгали съ балкона аудіенцъ-залы, въ которой разразился надъ ними гнѣвъ царскій.

(**) Подобный-же, но, можетъ-быть, извиняемый пуждою примѣръ униженія чело-вѣческаго достоинства, замѣтилъ въ *Ново-Гренадской Области Кундиларка*, въ гористой провинціи *Антиокія* (въ Южной Америкѣ), и еще на *рудоконьяхъ мексиканскихъ*. Въ первой, богачи употребляютъ для своихъ путешествій людей, у коней на спинѣ привязано кресло, и этотъ весьма-дешевый родъ путешествій называется тамъ *andaq en caigue*, т. е. *вздитъ на спинѣ теловѣческой*, такъ-же наивно, какъ если-бы сказали: *вздитъ на лошадей или на волахъ*. Въ рудоконьяхъ-же Мексики существуетъ обычай у лѣнливыхъ владѣльцевъ рудниковъ имѣть при каждомъ изъ нихъ одного или двухъ наемныхъ такъ-называемыхъ *cavallitos* (лошадей!), людей, которыхъ сѣлаютъ (!) каждое утро, и которые, согнувшись и опираясь на палку, переносятъ хозяевъ съ одного мѣста рудоконни на другое. Въ обоихъ случаяхъ (замѣчаетъ Гумбольдтъ) цѣнятся и особенно рекомендуются тѣ, которые не *разбиты на ноги* и у которыхъ *ходъ ровный и не тряскій*: словно какъ-будто говорилось о лошадяхъ! Прибавьте къ этому носильщиковъ паланкиновъ въ Индіи, Китаѣ и Японіи, отайскихъ министровъ, которые таскаютъ своихъ *полновѣсныхъ* владыкъ на плечахъ, — и коллекція породы *верховыхъ* людей, выдуманной лѣнью и тщеславіемъ, будетъ почти изчерпана.

принять, по образцу китайскаго, вѣтшнюю форму правительства патриархальнаго, искушагося, подобно отцу, о благъ своихъ подданныхъ, — только въ *Анна-ми* не считается государь особеннымъ, какимъ-то высшимъ существомъ; тѣмъ не менѣе, однакожъ, власть его совершенно-неограниченна и не подвержена почти никакому суду или другимъ гарантіямъ въ родъ существующихъ въ Китаѣ. Всѣ правители Загангскаго Полуострова не знаютъ другаго закона, кромѣ своего произвола и не вѣдаютъ другаго ограниченія этому произволу, кромѣ явнаго возмущенія своихъ подданныхъ. Основныхъ государственныхъ законовъ не имѣется вовсе никакпхъ, а тѣ, коими управляются и по коимъ судятся туземцы, измѣняются безпрестанно не только каждымъ новымъ государемъ, но и тѣмъ, который только-что издалъ ихъ. Той-же участи подвергаются и всякія дарованныя подданнымъ права и почести, и судопроизводство, и даже самое устройство судовъ и управленій. Подобно какъ въ Китаѣ, бамбукъ играетъ здѣсь главную роль въ заботѣ управленія подданными, съ тою однакожъ разницею, что тамъ число «наставленій его» опредѣлено точными положеніями закона, а здѣсь это «сильное и легкое средство морализаціи» примѣняется единственно по произволу или «убѣжденію и доброй волѣ располагающаго онымъ»; хотя, по привычному здѣсь тоже мѣтну, тѣлесное наказаніе «назидательнымъ бамбукомъ» не считается обезчестивающимъ назидаемаго. За-то, если въ Китаѣ замѣчается вообще повсемѣстная покорность и уваженіе къ властямъ, доходящее иногда до любви, то въ Загангскомъ Полуостровѣ видно только одно безсознательное рабство, — всякое чувство чести и внутренней гордости подавлено и уничтожено, — и подлая, фальшивая униженность составляетъ единственную связь и достоинствѣ всѣхъ классовъ народа и оканчивается только на тронѣ.

Государственный доходъ всѣхъ трехъ политически-отдѣленныхъ частей Загангскаго Полуострова состоитъ, кромѣ всѣхъ вышеозначенныхъ (стр. 404 и 405) доходовъ, изъ торговли, налоговъ на рыбную ловлю, крепкіе напитки и игру, изъ разныхъ пошлинъ, разлагаемыхъ безъ справедливости и взимаемыхъ со всевозможною строгостью, — и наконецъ изъ поголовнаго и поземельнаго сбора. По болѣе всего обогащаетъ казну этихъ деспотовъ законъ, располагающій *третьею частью жизни* всѣхъ подданныхъ выше 20-ти-лѣтняго возраста, не только для солдатчины, на защиту государства, но и для земледѣльческихъ и другихъ безвозмездныхъ публичныхъ работъ въ пользу казны, для морской службы (въ *Анна-ми*) и даже для услугъ чиновникамъ. Этому-то закону, этой-то повинности, въ высочайшей степени тяжелой и несправедливой, должно въ-особенности приписать то отсталое во всѣхъ отношеніяхъ положеніе, которое замѣчается у всѣхъ обитателей Загангскаго Полуострова, въ сравненіи съ соседними народами Индіи и Китая, гдѣ отдѣльное существованіе военной касты, или порядочно и законно-набираемаго войска, даетъ остальной массѣ народонаселенія возможность свободно располагать своимъ временемъ и своими занятіями. Обращаясь еще разъ (и послѣдній) къ одному звѣну тяжелой цѣпи деспотизма, тяготящаго надъ этими странами, скажемъ, что, какъ непремѣнное слѣдствіе вышеприведеннаго тягостнаго закона повинностей, всякое удаленіе изъ предѣловъ королевства считается на всемъ Загангскомъ Полуостровѣ государственной измѣной и какъ-бы похищеніемъ государственнаго движимаго имущества, и слѣдственно наказывается, въ случаѣ поимки, смертною казною.

Но, несмотря на всѣ эти основныя недостатки хорошаго управленія, нельзя не замѣтить нѣкотораго порядка въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ здѣшнихъ правительствъ, хотя, вѣроятно, порядокъ этотъ ограничивается весь на вѣтшней, гораздо-менѣе важной сторонѣ государственнаго управленія, и вообще суще-

ствование его не удивительно уже потому, что главная причина его находится как въ собственныхъ пользахъ и выгодахъ правительства, такъ еще болѣе въ простотѣ и грубомъ механизмѣ государственнаго управленія этихъ странъ; а механизмъ этотъ тѣмъ проще, тѣмъ грубѣе, чѣмъ одностороннѣе цѣль, къ которой стремится управленіе,—и вичего не можетъ быть одностороннѣе, какъ общее правительствомъ Загангскаго Полуострова желаніе заботиться лишь о своихъ собственныхъ, отдѣльныхъ выгодахъ (*). О причудливыхъ, пышныхъ титулахъ каждаго изъ трехъ государей Загангскаго Полуострова будемъ мы говорить при отдѣльномъ разсмотрѣніи правовъ и обычаевъ обитателей каждой изъ управляемыхъ ими державъ, и окончимъ этотъ параграфъ замѣчаніемъ, что хотя государи Сіама и Аннама считаются въ полномъ титулѣ китайскаго императора его вассалами и данниками, и гордятся честью называться «наслѣдственными правителями» великихъ областей Поднебесной Имперіи, но на самомъ дѣлѣ они совершенно независимы отъ него и старательно, даже перѣдко весьма-упорно охраняютъ свою власть отъ вмѣшательства богдохана въ дѣла управляемыхъ ими государствъ.

РЕЛИГІЯ. Мы имѣли случай, говоря о правленіи, показать вліяніе на него одной религіозной идеи тѣхъ вѣрованій, которымъ слѣдуютъ обитатели Загангскаго Полуострова. Оно составляетъ, въ гражданскомъ отношеніи, скажемъ главнѣйшую, чтобъ не сказать единственную, сторону этихъ вѣрованій,—потому что вліяніе этихъ послѣднихъ на народъ, т. е. на остальную отъ правительства и въ некоторомъ образѣ противоположную ему часть обитателей Загангскаго Полуострова, столько же недостаточно проникнута путешественниками, сколь и слабо само по себѣ. Причина того и другаго слѣдующая. Религія составляетъ здѣсь нѣчто отдѣльное отъ земной жизни; она ищетъ своей цѣли въ ея условій и дѣйствуетъ не положительно, но отрицательно на мораль народа. Она дала ему не правила жизни, не руководителя въ дѣйствіяхъ, не основныя понятія добра и зла, которыхъ сѣмена, брошенныя на почву души человѣка и оставленныя его произволу, могли-бы потомъ свободно развиваться и совершенствоваться, слѣдуя ходу времени и человечества: нѣтъ, она оставила ему на храненіе только свою измѣняющуюся, старѣющуюся, изнашивающуюся вѣшную оболочку. Она заповѣдала народу обряды безъ смысла, формы безъ причинъ, темныя и сбивчивыя, несвязныя между собою и превратныя, чисто-догматическія понятія, безъ всякаго основанія и безъ всякой возможности примѣненія или по-крайней-мѣрѣ выработки изъ нихъ какого-либо вывода,—и наконецъ столь-же причудливыя и грубыя, сколько и несбыточныя легенды, частью занесенныя изъ Индіи и

(*) Управленіе Бирманскаго Государства производится императоромъ съ помощью двухъ совѣтовъ, каждый изъ четырехъ членовъ: члены тайнаго называются *атвен-сунъ*, члены государственнаго—*сунъ-ей*. Области поручаются непосредственному управленію губернаторовъ (*мійо-сунъ*); а подвластная Бирману часть Лаоса находится подъ управленіемъ своихъ наслѣдственныхъ князей, съ почѣтнымъ титуломъ *шобъ-ва*. — Въ Сіамѣ (въ собственномъ и принадлежащей ему части Камбоджи) управляютъ министры (*фрійя*), которыхъ, по мнѣнію Крофора, называющаго ихъ *крэнъ*, теперь четыре; въ другихъ областяхъ—*тиао-луанен*, или вице-короли, которыхъ государь назначаетъ и смѣняетъ, когда ему заблагоразсудится; только подвластная ему часть Лаоса управляется наслѣдственными князьями, которыхъ можно считать болѣе вассалами, чѣмъ чиновниками сіамскаго государя: то-же можно сказать и о малайскихъ, зависящихъ отъ Сіама владѣніяхъ, за исключеніемъ округа Патани, составляющаго собственность короля. — Аннамскій государь вспомооществуемъ въ исполненіи своей воли *комитетомъ* изъ шести министровъ, а въ областяхъ—*правленіемъ*, состоящимъ изъ одного военнаго и двухъ статскихъ, взаимно наблюдающихъ другъ за другомъ, чиновниковъ.

поэтому вовсе чужды и непонятны, — частью порожденные въ разстроенномъ умѣ нѣсколькихъ фанатиковъ и принятыя кое-какъ ограниченою толпою безъ всякой, даже малѣйшей попытки на критику. Обо всемъ этомъ вліяніи, котораго общія черты считали мы долгомъ внести въ этотъ отдѣлъ Общихъ Свѣдѣній, будемъ мы говорить, гдѣ представится случай, рассматривая поочередно нравы и обычаи обитателей Загангскаго Полуострова; рассматриваніемъ основаній понятій и критикой каждой изъ нѣсколькихъ религій, столкнувшихся здѣсь, займемся мы, по всей справедливости, при описаніи тѣхъ народовъ, которые дали имъ жизнь, или у которыхъ онѣ являются господствующими (*), а здѣсь покажемъ только, для избѣжанія повторенія, географическое размѣщеніе этихъ разныхъ религій и вѣрованій по Загангскому Полуострову.

Безъ сравненія большее число населенія Загангскаго Полуострова исповѣдуетъ *Буддизмъ*, который занимаетъ весь *центръ полуострова* (**); *Брамаизмъ* встрѣчается только между высшими сословіями, въ областяхъ, лежащихъ на *западѣ* отъ Араканско-Бирманскаго хребта и по соседству Бенгаліи. Тутъ-же есть нѣсколько тысячъ Англичанъ — *протестантовъ*. Въ Кохинчинѣ и Тонкинѣ, на крайнемъ *востокѣ Загангскаго Полуострова*, часть высшихъ сословій исповѣдуетъ ученія *Конфуція* и *Тао-сзе*. Тутъ же встрѣчаются въ небольшомъ числѣ католики (***). Малайцы (поселенные на югѣ) слѣдуютъ всѣ *Исламизму*. — Большая часть дикихъ, незначительныхъ, разбѣянныхъ по всему полуострову племенъ довольствуются безсвязнымъ смѣшеніемъ нѣсколькихъ суевѣрныхъ идей и повѣрій.

ЯЗЫКЪ И ЛИТЕРАТУРА. Отъ религій намъ тѣмъ ближе перейти къ литературѣ народовъ Загангскаго Полуострова, этой чрезвычайно-бѣдной, лишенной всякаго духа и вовсе-недостойной своего имени литературѣ, — что она рѣзко дѣлится на свѣтскую и духовную. Свѣтская, о которой мы, говоря о каждомъ народѣ порознь, скажемъ при случаѣ нѣсколько словъ, употребляетъ всегда туземный языкъ того или другаго народа и состоитъ изъ *пѣсней его и преданій*, или, вѣрнѣе, сказокъ, написанныхъ метрическимъ размѣромъ; духовная употребляетъ индійское мертвое нарѣчіе *пали*, которое считается священнымъ у буддистовъ, какъ латинскій языкъ у католиковъ, и кромѣ-того, *магадское* нарѣчіе, употреблявшееся некогда въ Бахарѣ: предметомъ этой литературы — болѣею

(*) Мы увѣрены, что подобное дѣленіе предмета ни одинъ благомыслящій читатель не припишетъ какому-либо желанію связать между собою различные томы этого изданія, которые мы однажды навсегда объявили «*вовсе отдѣльными другъ отъ друга и не имѣющими никакой видимой между собою связи*». Всякому легко будетъ понять, что безъ такого раздѣленія матеріи не было-бы опредѣленныхъ границъ ни одному тому; что явно противорѣчило-бы не только основному правилу всякаго изданія, но и цѣльности предстоящаго, если оно продолжится далѣе *общинныхъ двухъ томовъ*: Остъ-индіи и Китая и Японіи. Въ предстоящемъ *первомъ томѣ* читатели найдутъ довольно, какъ намъ кажется, отчетливое и полное объясненіе Брамаизма и Буддизма; въ томѣ *Китай и Японіи* мы постараемся сдѣлать нѣкоторые дополненія къ Буддизму и изслѣдовать, какъ только будемъ въ состояніи, *религіозно-философскія ученія Конфуція* (Кон-фу-дзы), *Менція* (Мин-дзы) и *Тао* (Тао-сзе).

(**) Сюда принадлежатъ *Бирманцы, Муги, Араканцы, Пегуанцы, Сіянцы, Ласцы, Камбоджійцы*, многочисленные китайскіе колонисты, нижніе классы населенія всего Аннамскаго Королевства и нѣкоторые полудикія племена горцевъ, у коихъ Буддизмъ смѣшанъ съ прежними ихъ вѣрованіями.

(***) И такъ, *христіанская религія* размѣщена здѣсь слѣдующимъ образомъ: въ крайнемъ сѣверо-западѣ протестанты; значительное число населенія Аннамскаго Королевства, нѣсколько тысячъ въ Сіамѣ и нѣсколько сотенъ въ Вирманѣ — христіане католическаго вѣроисповѣданія.

частью легенды Индустана, не имѣющія часто ни малѣйшей связи съ вѣрованіями обитателей Загангскаго Полуострова, а форма изложенія тоже метрическая. Однакожъ, нужно замѣтить, что изъ этого исключается литература Аннамцевъ, которые, вмѣстѣ съ китайскими вѣрованіями и образованіемъ, приняли и китайскую словесность, съ ея духомъ, направлепіемъ и формами.

Общее свойство всѣхъ языковъ Загангскаго Полуострова то, что они односложны и тѣмъ болѣе, чѣмъ далѣе на востокъ: несчастное свойство языка, которое немало способствуетъ туземнымъ народамъ въ ихъ убійственной системѣ отчужденія, держащаго ихъ въ кругъ собственныхъ, застарѣлыхъ и однообразныхъ понятій, въ избитой колѣѣ старинны и повѣрій, и лишаетъ ихъ, посредствомъ неясности и негибкости самаго языка, немалой силы въ развитіи и усовершенствованіи собственныхъ идей и еще болѣе воспріятія идей чуждыхъ имъ націй. Изъ трехъ народовъ, властвующихъ на Загангскомъ Полуостровѣ, *марамы*, языкъ Бирманцевъ, имѣетъ въ корняхъ много сходства съ тибетскимъ; нарѣчіе пали передало ему также много сложныхъ словъ, которыя являются однакожъ въ немъ, какъ односложныя. Сіамскій языкъ, или языкъ *тхайн*, обогащенъ большимъ количествомъ словъ пали, китайскихъ и санскритскихъ. Языкъ Аннамцевъ заимствовалъ многое у китайскаго, хотя имѣетъ для выраженія тѣхъ-же понятій свои собственные коренныя слова. Вообще, всѣ языки Загангскаго Полуострова отличаются сбивчивымъ разнообразіемъ и богатствомъ звуковъ, почти недоступныхъ европейскому уху и выговору,—но всѣ замѣчательны удивительной простотой въ законахъ построенія рѣчи, лишены склоненій, почти не имѣютъ спряженій и свободны отъ всякихъ правилъ нашего синтаксиса, нашего управленія и порядка въ размѣщеніи словъ. Аннамцы заимствовали письмена отъ Китайцевъ, а Сіамцы и Бирманцы имѣютъ свои собственные. Письмена послѣднихъ состоятъ изъ круговъ, полукруговъ и дугъ въ разныхъ положеніяхъ.

Теперь, въ заключеніе этого отдѣла, намъ остается разсмотрѣть, какіе народы и племена населяютъ описываемый нами полуостровъ, чтобы потомъ перейти къ описанію ихъ правовъ и обычаевъ; но при этомъ мы должны сдѣлать воззваніе къ терпѣнію тѣхъ изъ нашихъ читателей, которыхъ любознательность не слишкомъ еще сильна, чтобы не утомиться сухостью этого вступленія въ любопытную область народовѣдѣнія.

НАРОДЫ И ПЛЕМЕНА. Всѣ народы Загангскаго Полуострова занимаютъ, въ этнографическомъ отношеніи, средину между монгольскимъ, кавказскимъ и малайскимъ племенемъ. Къ кавказскому принадлежать они, болѣе или менѣе, по общему сродству своему съ Индусами, но по окладу лица склоняются къ типу монгольскому или еще болѣе китайскому, и тѣмъ сильнѣе, тѣмъ яственнѣе, чѣмъ идти далѣе на востокъ Загангскаго Полуострова. Но несмотря на это, они имѣютъ, какъ мы уже сказали, свой собственный, самостоятельный характеръ и свои особенныя оттѣнки типическіе. Главныя общія черты сходства всѣхъ ихъ состоятъ въ вѣрованіяхъ, въ гражданскомъ устройствѣ, въ правахъ и обычаяхъ и даже тѣлосложеніи.

Всѣ обитатели Загангскаго Полуострова, говоря вообще, уступаютъ въ ростѣ и Индусамъ и Китайцамъ, но выше Малайцевъ. (Самые рослые Бирманцы, самые малорослые Аннамцы.) Они приземисты, коренасты, сильны, но иногда тучны (исключая Аннамцевъ) и вообще лишены всякаго наружнаго достоинства, не имѣютъ никакой граціи и неловки, негибки. Рукамъ ихъ недостаетъ ни тѣхъ формъ, ни той нѣжности, которой отличаются Индусы: недостатокъ весьма-важный, потому что въ физической формѣ руки заключаются способности и еще болѣе первоначальныя способы людей къ мануфактурѣ,—и ей-то обязаны Индусы

тонкостью своихъ тканей. — Цвѣтъ кожи ихъ темнѣе китайскаго и свѣтлѣе кожи Индусовъ; ова болѣе изжелта-коричневаго цвѣта, хотя и доходитъ у многихъ туземокъ до цвѣта женщинъ полуденнаго неба Европы. Черты лица не имѣютъ вообще ничего рѣзкаго, отличительнаго, замѣчательнаго: носъ приплюснутый, ротъ большой, глаза маленькіе, совершенно-чёрные, но лишенные огня и часто мутные, въ-особенности глазное яблоко, — бѣлки глаза, отличающіеся обыкновенной мутной желтизною. Самая отличительная черта ихъ лица — это неправильность овала его; несоразмѣрная ширина и сильно-выдающіяся скулы, при большихъ отвислыхъ ушахъ, даютъ ему странную, оригинальную форму ромбоида, которая принята здѣсь, какъ въ Европѣ правильный овалъ, за типъ красоты (*). Таково по-крайней-мѣрѣ требованіе сіамскаго вкуса, — вкуса самаго несчастнаго, если прибавить къ описанному нами общему типу толстыя, безцвѣтныя, блѣдныя губы, не придающія красы и безъ того огромному рту на лицѣ оливковомъ съ красноватымъ отливомъ. — Волоса на головѣ чёрные, грубые, невьющіеся и густые, и рѣдкость бороды, этотъ, какъ увѣряютъ, признакъ недостатка природной храбрости, весьма-невѣрный въ отношеніи къ Египтянамъ, есть общая черта обитателей Загангскаго Полуострова и особенно Аннамцевъ, у которыхъ иногда въ наберется болѣе двѣнадцати волосъ на всей бородѣ и гдѣ борода вершка въ два считается уже чудесною. Прибавьте къ этому, что у всѣхъ Загангцевъ (какъ у многихъ другихъ) существуетъ обычай окрашивать съ ранней юности зубы своей чёрной никогда несклоняющейся краской, или обкладываютъ ихъ тонкими золотыми пластинками, такъ что туземные поэты могутъ вполне присвоить имъ нашъ романтический эпитетъ: «золотой ротикъ». А причина, оправданіе этого обычая заключается вся, повѣрятъ-ли читатели, въ томъ, что, какъ говорятъ Сіамцы: *«непригоже людямъ имѣть такіе-же бѣлые зубы, какъ и у лютаго тигра.»* (**)

Со времени появленія Европейцевъ на Загангскомъ Полуостровѣ замѣчены были нѣсколько главныхъ народовъ, властвовавшихъ надъ его странами и находившихся въ безпрестанной враждѣ и войнѣ между собою. Война составляла, можно сказать, обычное положеніе этихъ народовъ, а миръ былъ какое-то исключительное, временное состояніе ихъ. Въ этомъ всепожирающемъ горнилѣ плавилось народное богатство, таяли всѣ силы и всѣ добрыя качества туземцевъ, гибла всякая возможность, всякая надежда на развитіе, — и вышла изъ него только одна власть деспотизма, окрыпшая и словно-закаленная. Судьба не внесла въ это горнило ни одного сторонняго элемента, и всѣ перевороты ограничились, благодаря (или, можетъ-быть върнѣе, неблагодаря) географическому и физиче-

(*) Нельзя не замѣтить, что Аннамцы многими чертами не подходятъ къ накинутаго нами типу; такъ, напримѣръ, обликъ лица ихъ круглый, особенно у женщинъ, которыя слыгутъ тѣмъ болѣе пригожими, чѣмъ круглѣе у нихъ лицо. Красотой и гармоніей головы своей, выраженіемъ лица они далеко опередили всѣхъ сосѣдей и даже почтенныхъ учителей своихъ, Китайцевъ, которымъ они, можетъ-быть съ-родни, но вѣроятно не одного происхожденія, какъ многіе полагали. Это доказывалось-бы уже живостью ихъ глазъ и неотвислостью вѣковъ, если-бы мѣньшій ростъ, болѣшая складность формъ и общее имъ нерасположеніе къ тучности не служили достаточнымъ доводомъ нашему мнѣнію.

(**) Не повѣрять? Да кому не случилось въ жизни своей слышать подобныя доказательства! Я читалъ, не помню гдѣ, оправданіе одного католика, обвиненнаго въ покражѣ холстины, покражѣ, соединенной съ ранами, нанесенными защищавшему свою собственность: «Да какъ-же мнѣ было хоронить своего родственника безъ савана: вѣдь онъ человѣкъ, а не скотина какая!»

скому положенію страны, собственными внутренними силами. Никогда, сколько исторически известно, не были эти страны покоряемы, подобно Индустану, никаким чуждым завоевателем; только Китайцы дѣлали иногда нашествія на восточную часть полуострова, и Англичане сдѣлали недавно вообще неудачную попытку на Бирманъ. Но вотъ ужъ около 50 лѣтъ, какъ замолкла война, прежніе воители какъ-будто устали, и среди тишины, не прерываемой досель, явилось нынѣшнее политическое раздѣленіе народовъ и земель Загангскаго Полуострова. — Начнемъ съ народовъ. Изъ четырехъ или пяти главныхъ только три остались властвующими; эти три (переходя отъ запада къ востоку) суть: Бирманцы, Сіамцы и Аниамцы. Правами и обычаями этихъ народовъ мы займемся далѣе, при рассмотрѣніи тѣхъ трехъ главныхъ политическихъ дѣленій, которымъ они дали свое имя, а теперь выпишемъ только большую часть другихъ народовъ, сколько для показанія разнообразія и сродства въ составѣ народонаселенія Загангскаго Полуострова, столько и для того, чтобы не разбирая правовъ и обычаевъ самыхъ незначительныхъ или менѣе извѣстныхъ, дать любознательному читателю возможность самому вывести заключеніе объ нихъ, — тѣмъ болѣе, что въ предстоящемъ изчисленіи народовъ мы будемъ, по возможности, строго придерживаться границъ тѣхъ трехъ государствъ, въ которыхъ первенствуютъ три означенные нами народа.

Такъ, въ Бирманъ все народонаселеніе распадется на 18 племенъ, различающихся, несмотря на всегда сильное вліяніе и перевѣсъ владычествующаго народа, языкомъ, нравами, обычаями, религіозными частностями, но имѣющихъ болѣе или менѣе общій Загангскому Полуострову типъ, по которому они занимаютъ средину между Индусами и Китайцами, приближаясь однакожъ болѣе другихъ Загангцевъ къ малайскому племени. Въ этой смѣси народовъ, составляющихъ Бирманъ, отдѣляются въ-особенности два, долго и упорно спорившіе за обладаніе Правадди, а именно *Марамъ* и *Монъ*; но съ XVIII вѣка побѣда осталась за Марама, и Моны покорены; первые заняли страну верхняго и средняго теченія рѣки, вторые гораздо-меньшее пространство ея болотистой дельты. Трудно догадаться, что *Марамъ* есть именно тотъ народъ, который мы называемъ *Бирманцами*. Но имя Марама усвоили они сами себѣ, въ теченіе послѣднихъ вѣковъ, и такъ какъ оно пишется у нихъ въ родѣ *Мрампра*, а выговаривается, картава букву *p*, *Mianmia*, то можетъ-быть, читателямъ нашимъ и особенно любителю филологическихъ изслѣдованій будетъ понятно, что время, случай и различное произношеніе могли, измѣняя его постепенно въ *Біамъ*, *Брамъ*, *Бармъ*, довести его до *Бирмъ* (принятаго Французами и Нѣмцами), изъ котораго, наконецъ, мы, следуя обычаю каждаго народа переименовывать чуждымъ именами на свой ладъ, сдѣлали свое названіе Бирманъ или Бирманская Имперія, которая, по имени столицы ея Авы (удареніе на первомъ слогѣ), называется у нѣкоторыхъ Европейцевъ государствомъ Авою, а самый народъ Авдѣцами (*Avanet*). Столько-же правы и Китайцы, называющіе его Мянъ-Цянъ, по прежнему, древнѣйшему имени Бирманцевъ: *Miao*. Языкъ народа *Марамъ* дѣлится на нѣсколько діалектовъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны два: *большой Марамъ*, которымъ говорятъ собственно Бирманцы, въ долинѣ Правадди, и *малый Марамъ*, употребляемый народомъ *Магъхъ* или *Мугъ*, который считается родоначальникомъ всего Марама и занимаетъ западныя границы Бирмава. *Монъ* или *Моанъ*, другой самый значительный народъ Бирманской Имперіи, называется у Бирманцевъ *Талайнъ*, а у насъ и другихъ Европейцевъ извѣстенъ подъ именемъ *Пегу*, *Пегуанцевъ*, произведеннымъ отъ *Бегу*, туземнаго названія страны обитаемой ими. Далѣе замѣчательны еще *Kariane*, называемые тоже *Karianгами* и *Karainами*,

народъ весьма-любопытный во многихъ отношеніяхъ, и въ которомъ нѣкоторые ученые находили потомковъ древнихъ Египтянъ, а другіе видѣли древнихъ выходцевъ изъ Іудей (къ этимъ двумъ народамъ очень палки нѣкоторые ученые); между-тѣмъ какъ, по всему вѣроятію, его должно считать остаткомъ первобытнаго населенія этихъ странъ, чему можетъ уже служить доказательствомъ и то, что они какъ въ языкѣ, такъ и въ нравахъ и обычаяхъ своихъ очень сходны съ первобытными жителями смежной съ Бирманомъ китайской провинціи Юннанъ. *Karriane* одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ народовъ Бирмана; живутъ они болѣе въ южныхъ частяхъ его, но попадаются и въ сѣверныхъ и западныхъ областяхъ сосѣдняго Сіама, съ племенами котораго Бирманцы встрѣчаются въ сѣверовосточныхъ областяхъ своего государства. Кромѣ-того, извѣстно еще на западъ Бирмана добродушное, весьма-древнее и, вѣроятно, тоже первобытное на Перавади племя *Kienow*, называющихъ себя *Тхайлунгами*. О другихъ, какъ-то: *Ka-Kien*, *Цахипгахъ* и *Плау*, не стоитъ упоминать: всѣ они чрезвычайно-мало-численные, скитающіеся и живущіе въ полудикомъ состояніи народцы, — да притомъ, всѣхъ ихъ и не перечтешь, потому что, упоминая объ восемнадцати, мы считали только главнѣйшихъ, а здѣсь нѣрѣдко случается, что весь народъ заключенъ въ предѣлахъ одной деревеньки, и вовсе не понимаетъ языка другаго народа, занимающаго сосѣдственное селеніе. Понятно, какой перевѣсъ должны имѣть надъ ними властвующіе Бирманцы, особенно съ-тѣхъ-поръ, когда покоренные ими *Моны* до-того сроднились и слились съ ними, что ихъ языкъ составляетъ лишь только особый діалектъ языка Марама. Переходя теперь за Бирмано-Сіамскій хребтъ, мы должны замѣтить, что многіе ученые принимаютъ его границей между бывшимъ, т. е. кавказскимъ, племенемъ (къ которому присоединяютъ они и Бирманцевъ), на западъ отъ хребта, и жолтымъ, т. е. монгольскимъ, на востокъ отъ него. Но мы не считаемъ нужнымъ слѣдовать этому діалектію, во-первыхъ потому, что не видимъ такого рѣзкаго физическаго различія между Бирманцами и другими болѣе восточными Загангцами, а во-вторыхъ потому, что, указавъ настоящее, по нашему мнѣнію, переходное мѣсто народамъ полуострова, мы уже достаточно означили особенность бирманскаго типа, преимущественнымъ ихъ, предъ другими Загангцами, сближеніемъ съ малайскимъ племенемъ. Перейдемъ къ Сіаму.

Владычествующій народъ Сіамскаго Государства — суть *Сіамцы*, или, какъ они сами называютъ себя, *Тхайи*. Они занимаютъ всю средину Загангскаго Полуострова; но изъ центра своей жизни, изъ обширныхъ долинъ, орошаемыхъ Менамомъ, они распространились на сѣверъ до внутреннихъ возвышенностей Юннана, на востокъ заняли многія мѣстности средняго теченія Менамконга, на западъ являются въ долинахъ, орошаемыхъ Брампутромъ, а на югъ на полуостровѣ Малаккѣ, гдѣ встрѣчаются съ малайскимъ племенемъ. Бирманцы называютъ ихъ *Шанами*; Китайцы и другіе сосѣдніе народы даютъ имъ имя *Сіоанъ*, *Тшамъ*: отчего-же мы называемъ ихъ Сіамцами? Странная игра случая, прихоти и незнанія! Слово *тхайи* значитъ на языкѣ Сіамцевъ — свободные: ужасная ложь, какъ мы увидимъ далѣе; то-же самое значитъ на языкѣ Бирманцевъ и слово *Шанъ*, — слѣдственно тутъ есть еще какая-то логика; но мы называемъ ихъ *Сіамцами* только потому, что Португальцамъ, первымъ европейскимъ пришельцамъ въ ихъ землю, угодно было перевернуть китайское названіе страны въ свое доморощенное *Ciao*, изъ котораго уже нетрудно было образоваться и *Сіаму* и *Сіамцами*; тогда какъ можно навѣрное предположить, что если-бы первыми пришельцами въ эти страны были Нѣмцы или Французы, тогда-бы Сіамъ получилъ названіе *Franfen Reich* или *Franfreich*, *Royaume des Francs*, — и мы имѣли-бы теперь одну

западную и одну восточную Францію (*). Все писатели и сборщики по части народовѣдѣнія повторяютъ за Ла-Луберомъ, что Сіамцы дѣлятся на *Тхай-Яи* (великіе) и *Тхай-Ноз* (малые), — и, не объяснивъ себя этого дѣленія, считаютъ его или невѣрнымъ или недоказаннымъ; но имена эти относятся просто къ двумъ главнымъ нарѣчіямъ языка *Тхайи*, съ которыми, какъ и вездѣ, связано дѣленіе народа, говорящаго имъ. Посему эти *великіе* и *малые Тхайи* ни чуть не удивительны, и должны быть очень понятны намъ, которымъ такъ близко дѣленіе на великихъ и малыхъ Россіянь. Можетъ-быть и Бирманцы, по той-же причинѣ собственнаго опыта, называютъ очень-логически этихъ обоихъ Тхайи однимъ именемъ *Шанъ*. Но въ языкѣ Тхайи не два главныхъ нарѣчія, а пять, хотя первыя два относятся къ самымъ многочисленнымъ родственнымъ народамъ, а именно: *Тхай-Яи* къ собственно-Сіамцамъ, занимающимъ все нижнее теченіе и дельту Менама, а *Тхай-Ноз* къ *Лаосцамъ*, народу древнѣйшему, но гораздо-менѣе извѣстному, занимающему всю сѣверную часть земель, орошаемыхъ Менамомъ и его притоками рѣками, земель, которыя политически раздѣлены между тремя государствами Загапгскаго Полуострова. Потомъ уже слѣдуютъ другія нарѣчія и народы родственные Тхайи: *Мои-Тхайи* въ долинахъ Брампутра; *Локъ-Тхайи*, живущіе на границахъ Китая и даже въ самомъ Юннанѣ, подъ именемъ *Пейи*, — и наконецъ *Ло-Ло*, называемые у Китайцевъ *Па-пе-си-фу* и называющіе себя еще болѣе длиннымъ именемъ, отъ котораго мы избавляемъ читателей. Потомъ изъ живущихъ еще въ предѣлахъ Сіама племенъ нельзя не замѣтить: *Тшонговъ*, малочисленный народъ, отличающійся духомъ промышленности и живущій въ юго-восточной части Сіама; дикое и высокомерное племя *Ка* (на языкѣ Тхайи: *невольники*), въ сѣверо-восточныхъ границахъ собственнаго Сіама, на которое Сіамцы охотятся, какъ на звѣрей, для добыванія себѣ невольниковъ, — и наконецъ, черное племя *Негритосъ* (**), которое означается обыкновенно малайскимъ словомъ *Пауа*, что значитъ *курчаваголовые*; небольшой остатокъ его живетъ, занимаясь охотою, въ гористой оконечности принадлежащей Сіаму части Малаккискаго Полуострова, отдѣльно отъ весьма-значительнаго и многочисленнаго малайскаго племени.

Въ Ациамъ, наконецъ, состоящемъ изъ земель Тонкина, Кохинхина и Камбоджи, владычествуютъ *Ациамцы*, занимающіе двѣ первыя страны, которыя у Китайцевъ носятъ вмѣстѣ одно названіе *Нганъ-Шанъ*. Обитатели этихъ двухъ странъ, которыхъ

(*) Вообще, ученымъ нужно-бы обратить вниманіе на предложеніе, сдѣланное извѣстнымъ по своей «*Индійской флорѣ и орнитологіи*», Френсисъ Бухананъ-Гамильтонъ: «удерживать по возможности всегда туземныя названія описываемыхъ государствъ, областей и мѣстъ», потому что они не только остаются въ устахъ населяющихъ тѣ страны народовъ, но и сохраняются навсегда неизмѣнными (?) въ сочиненіяхъ туземныхъ писателей, тогда какъ новыя, введенныя иностранцами путешественниками и пришельцами, быстро и непримѣтно появляясь, подобно грибамъ на чуждой почвѣ, подвергаются своевольнымъ измѣненіямъ позднѣйшихъ пришельцевъ, и, запутывая соображеніе изслѣдователя, затрудняютъ изученіе страны. Такъ, напримѣръ, сѣверная часть Коромандельскаго берега, или область *Андра*, названа Европейцами *Сѣверные Сиркары*, потому только, что была раздѣлена на пять частей. (уѣздовъ, по-санскритски *Сиркаръ* или *Циркаръ*), тогда какъ во всемъ Индустанѣ не найдете вы туземца, который-бы понялъ, о чемъ вы говорите, называя описываемую полосу *Сѣверными Сиркарами*, или какимъ-то *Коромандельскимъ берегомъ*.

(**) Племя это, населяющее Мадагаскаръ и являющееся какъ первобытное на многихъ островахъ Полинезіи и Индійскаго Архипелага, названо такъ учеными для отличія отъ негровъ Африки. Но о немъ и о малайскомъ племени мы будемъ говорить при описаніи *Океаніи*, если изданіе наше продолжится.

считали обыкновенно отдельными народами — *Тонкинцами* и *Кохинхинцами* (названія, столько-же понятны тамъ, какъ было-бы понятно у насъ, если-бы рѣчь шла о народахъ — Петербуржцахъ, Москвичахъ, и другихъ), суть не что иное, какъ два нарѣчія одного и того-же языка и два подраздѣленія народа аннамскаго, котораго другіе болѣе-мелкіе діалекты разсыяны въ странѣ Камбоджѣ, раздѣленной, подобно Лаосу, между Сіамскимъ и Аннамскимъ Государствами, но населенной особеннымъ народомъ, называемымъ у Аннамцевъ *Као-Миенъ* или *Као-Менъ*, и зовущимъ себя *Камъ*. Кромѣ-того, замѣчательны еще *Лао* или *Лои* (иначе *Три-Три*), довольно-образовавшій народъ, обитающій въ области Ціампъ, бывшей некогда отдельнымъ государствомъ, а теперь подвластной Аннаму, — и наконецъ *Мои*, мирное, вѣроятно первобытное племя, живущее въ горахъ западной границы Аннама, на которое Аннамцы часто охотятся, какъ на звѣрей.

Изчисливъ болѣшую часть народовъ, живущихъ въ предѣлахъ какого-либо изъ трехъ государствъ Загангскаго Полуострова, мы, въ заключеніе, прибавимъ *Китайцевъ*, выходящихъ изъ Поднебесной Имперіи, играющихъ, по своей предприимчивости, перевѣсу своего образованія и своимъ торговымъ и промышленнымъ способностямъ, столь-важную роль въ описываемыхъ нами странахъ. Въ Бирманѣ селятся они постоянно на среднемъ теченіи Иравади, — въ Сіамѣ составляютъ однадцатую часть всего народонаселенія, и менѣе всего находится ихъ въ Аннамѣ (гдѣ за-то гораздо-сильнѣе ихъ нравственное вліяніе); вездѣ-же, во всѣхъ трехъ государствахъ, находится въ ихъ рукахъ большая часть торговли и всякой промышленности и даже административныя мѣста, которые даются имъ предпочтительно предъ туземцами, во уваженіе ихъ аккуратности и дѣятельности.

Все народонаселеніе Загангскаго Полуострова составляетъ около 21 милліона; изъ этого числа мы полагаемъ: 4 милліона на Бирманѣ, 5 на Сіамѣ и 13 на Аннамѣ. — Теперь перейдемъ къ дѣленію земель полуострова.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДѢЛЕНІЕ. Нынешнее политическое дѣленіе земель Загангскаго Полуострова легко начертать себѣ каждому, если, отдѣляя полуостровъ Малакку, принять въ соображеніе слѣдующее. Всѣ земли Загангскаго Полуострова дѣлились прежде четырьмя почти-параллельно-пересекающимися ихъ хребтами на пять *перовыхъ полосъ*, изъ которыхъ среднія дробились на сѣверныя и южныя, другъ отъ друга отдѣльныя части. Такимъ-образомъ, первая полоса составляла Араканское Государство, вторая дѣлилась на Государства Бирманъ и Пегу, третья полоса, земли народа Тхайи, состояли изъ Лаоса и Сіама, четвертая распадалась на Тонкинъ и Камбоджу, а пятая, наконецъ, составляла приморскую тонкую полосу Государства Кохинхины. Прибавьте къ этому еще независимое маленькое Королевство Ціампу между южныхъ границъ 3-й и 4-й полосы, и предъ вами изобразится положеніе прежнихъ девяти независимыхъ государствъ Загангскаго Полуострова. Но время и война измѣнили это природнымъ границамъ дѣленіе, — и теперь, когда первой полосой овладѣла Ост-Индская Компанія, — когда Лаосъ и Камбоджа раздѣлены между сильнѣйшими народами, — когда Пегу покоренъ Бирманомъ, Ціампой завладѣли Аннамцы, а родственные Тонкинъ и Кохинхина слились воедино, — теперь хребты эти служатъ раздѣленіемъ тремъ государствамъ: Бирману, Сіаму и Аннаму, которые мы рассмотримъ поочередно, переходя отъ запада къ востоку и вставляя *англійскія владѣнія на Загангскомъ Полуостровѣ* вслѣдъ за первымъ отдѣломъ, за Бирманомъ, — съ котораго начнемъ.

БИРМАНЪ.

Это въ политическомъ отношеніи третье государство въ системѣ земель буддійской религіи (послѣ Китая и Японіи) занимаетъ западнѣйшую часть полуострова, всю широкую долину, орошаемую рѣкой Иравади и ея притоками. Ограничиваясь къ сѣверу и западу англійскими владѣніями по ту (для насъ) сторону Ганга, къ сѣверо-востоку Китайской Имперіей, а къ востоку Сіамомъ и частью англійскими лежащими при устьѣ Салуэна владѣніями, Бирманъ, внутри этихъ неточно-опредѣленныхъ границъ (что, впрочемъ, обще всѣмъ внѣ-европейскимъ государствамъ), занимаетъ 9900 $\square$ географическихъ миль, изъ которыхъ только 1900 падаетъ на податныя ему владѣнія. Къ этимъ податнымъ владѣніямъ нужно причислить и самую населенную, принадлежащую Бирману часть Лаоса. Все народонаселеніе имперіи, составъ котораго показать намъ выше, опредѣляется весьма-несходно разными учеными, потому что въ Бирманѣ (какъ и въ другихъ государствахъ Загангскаго Полуострова) не бываетъ оффиціальнаго народосчисленія, — и всякій ученый, всякій путешественникъ давалъ этому народонаселенію ту цифру, которая казалась ему болѣе-основательною и болѣе-подходящею къ замѣченной имъ самой густотѣ народонаселенія въ мѣстностяхъ, которыя онъ проѣзжалъ. Многихъ ввело въ заблужденіе, при опредѣленіи этихъ данныхъ, значительное число войскъ, выставленныхъ Бирманцами противъ Англичанъ; а калькуттская оффиціальная газета находила, можетъ-быть, выгоднымъ для чести англійскаго оружія, когда увеличивала народонаселеніе Бирмана до 11 милліоновъ; но мы не раздѣляемъ поводовъ, руководствовавшихъ калькуттской газетой, и знаемъ, что здѣсь не можетъ быть никакой благоразумной пропорціи войска къ народонаселенію, потому что постоянной арміи вовсе не имѣется въ Бирманѣ, а набирается она, какъ мы увидимъ далѣе, довольно-насилъственнымъ способомъ. Поэтому, не приводя здѣсь всѣхъ разныхъ данныхъ, скажемъ, что изъ ряда ихъ, отъ 4-хъ до 15-ти милліоновъ (послѣднее по Саймсу), мы предпочитаемъ меньшую цифру, предложенную Крофордомъ послѣ путешествія, сдѣланнаго имъ въ 1826 году. — Бирманъ отсталое государство, какъ мы сказали въ началѣ, и стоитъ оно отдѣльное, одинокое, внѣ покровительства какой-либо могучей державы-союзницы, и окруженное врагами. Такъ, на востокъ имѣетъ онъ вѣчнаго врага въ Сіамѣ, покровительствуемомъ Ки-

таемъ, который дѣлалъ уже нѣсколько попытокъ (послѣднія въ 1776 и 1780 годахъ) покорить сосѣда и внести его имя въ обширный кругъ податныхъ державъ Поднебесной Имперіи; а къ западу не отдѣлило его море отъ другаго еще болѣе непріимчиваго сосѣда, Ост-Индской Компаніи, резидентъ которой живетъ уже въ Авъ.... О сношеніяхъ его съ этимъ сосѣдомъ читатели узнаютъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѣДѢНІЯ. Краткій очеркъ исторіи Бирмана можетъ служить читателямъ нашимъ, по крайнему недостатку матеріаловъ, лучшимъ путемъ ознакомленія какъ съ духомъ народа, такъ и военными средствами этой столь мало известной страны. Бирманцы владѣли, говорятъ, нѣкогда всѣмъ Загангскимъ Полуостровомъ; но древніе едва знали имя этого государства, исторію графы котораго начинаютъ свои достоверныя повѣствованія за 301 годъ до Р. Х. Исторія эта состоитъ изъ перечня непрерывныхъ войнъ, то междоусобныхъ, то съ сосѣдами, и изъ перемѣны столицъ, имена которыхъ служатъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и для обозначенія царствующихъ династій. Въ XIV вѣкѣ Бирманъ владѣлъ даже Бенгаліей, но покоренный тогда-же Монголами, онъ обезнѣлъ, и только смуты въ Китаѣ дали ему возможность укрѣпиться по-прежнему. Достовернѣе и интереснѣе становится для насъ исторія его со времени появленія Португальцевъ въ Индійскихъ моряхъ. Мы знаемъ чрезъ нихъ, что до XVI вѣка Бирманъ находился подъ властію Пегуанцевъ, которыхъ туземцы, въ свою очередь, успѣли потомъ покорить, при помощи одного португальскаго искателя приключеній, — и что эти-же Португальцы, въ половинѣ XVIII столѣтія, помогли опять Пегуанцамъ не только свергнуть тяжкое иго, но и снова овладѣть Бирманомъ: горестное чередованіе, пагубное для силы и развитія обоихъ народовъ! — Въ это время, на берегу рѣки Авъ жилъ простой охотникъ Аломпра. Питая честолюбивыя надежды къ освобожденію своего отечества, этотъ бирманскій Брутъ, подъ знаками покорности, скрывалъ ненависть къ побѣдителямъ и смиренно довольствовался званіемъ старшины своей родной деревушки. Но гордая прокламація побѣдителей возбудила всеобщее негодованіе племени Марамъ, и представила удобный случай къ возстанію, котораго Аломпра, какъ всѣ геніальныя воители, не пропустилъ. Перерѣзавъ, съ помощію сотни товарищей, весь пегуанскій гарнизонъ, онъ, съ небольшою ватагой, пошелъ на столицу государства — Аву и завладѣлъ ею; потомъ разгромилъ посланное противъ него войско, и послѣ кровопролитной рѣзни, въ родѣ Сицилійскихъ Вечерней, происходившей попеременно то въ Пегу, то въ Авъ, рѣзни, которая не могла не поселить сильной ненависти между враждующими народами, — взялъ городъ Пегу и женился на дочери побежденнаго владыки. Смерть престѣла дальнѣйшіе замыслы Аломпры, собиравшагося покорить Сіамъ, — но онъ умеръ, оставивъ въ наследство старшему сыну своему (сыну охотника!) тройную корону Бирманской Имперіи. Не будемъ говорить о смутахъ, волновавшихъ потомъ бирманскій дворъ, и разбирать законность или незаконность правъ притязателей на престолъ Аломпры: довольно сказать, что Шембуанъ, второй сынъ этого послѣднлаго, слѣдующій наконецъ захватить верховную власть, завоевалъ Сіамъ и отразилъ Китайцевъ, — а Мандрагей, четвертый сынъ Аломпры, покорилъ Араканъ, и перенесъ столицу въ основанную имъ Амерапuru. Слѣдовавшее за-тѣмъ мирное время едва не было прервано несогласіями, возникшими съ англійской торговой конторой Читагонга, обвиненной въ потворствъ малайскимъ пиратамъ. Но несогласія эти были счастливо покончены мирнымъ договоромъ, въслѣдствіе

котораго былъ отправленъ посланникомъ къ бирманскому двору майоръ *Саймсъ*, доставившій Европѣ первыя достоверныя свѣдѣнія объ этомъ государствѣ. Возстановленное такимъ-образомъ согласіе было снова прервано, въ 1811 году, двусмысленнымъ поведеніемъ Англичанъ. Пѣкто *Кинберинъ*, бирманскій вельможа и араканскій владѣтельный князь, возмущившійся противъ императора, бѣжалъ въ англійскій Читагонгъ, а оттолъ, собравъ воинственныхъ Муговъ, завоевалъ почти весь Араканъ. Англичане, тайно содѣйствовавшіе бунтовщику, осуждали явно поступки его и посылали майора *Кэппинга* въ Аву, для оправданія Компаніи. Но такъ какъ и по смерти *Кинберина*, Муги не прекращали своихъ нападѣній на Бирманъ, и всякій разъ, въ случаѣ неудачи, находили пріютъ на англійской землѣ, — то этотъ странный нейтралитетъ возбудилъ противъ Англичанъ справедливыя подозрѣнія и гнѣвъ *Миндераджи-Пра*, такъ что этотъ послѣдній вознамѣрился-было уже вступить въ союзъ съ Мараттами, и вѣроятно сдѣлалъ-бы этотъ пагубный для Ост-Индской Компаніи шагъ, если-бы скорое наденіе Мараттовъ и смерть, прекратившая его дни въ слѣдующемъ году, не остановили его мщенія. Но наследникъ его, навѣрно, не терялъ изъ виду этого мщенія, когда, начавъ царствованіе свое перенесеніемъ столицы опять въ Аву, во внутренность имперіи, — онъ, какъ-будто старался охранить ее природой страны отъ нападѣній сильнаго сосѣда, — и когда потомъ, чрезъ завоєваніе *Ассама*, онъ сдѣлалъ Бирманъ непосредственнымъ сосѣдомъ Компаніи. — На рѣкѣ *Брамапутрѣ*, служившей границей обоимъ владѣніямъ, находился островокъ *Шанури*, занятый Англичанами; но бирманскій императоръ, считая его принадлежащимъ къ Ассаму, завладелъ имъ въ 1824 г. Начались споры: Компанія требовала возвращенія острова, императоръ жаловался, что она покровительствуетъ ассамскимъ мятежникамъ, и не уступалъ, такъ что объ стороны взялись наконецъ за оружіе. Но первыя выгодныя дѣйствія компанейскихъ войскъ на сѣверъ, въ Ассамъ, были прекращены наступленіемъ дождливой поры, — и Компанія принуждена была открыть войну на югѣ и отправить въ приморскій городъ *Рангунъ* 10,000 войска. Эскадра бирманскихъ лодокъ разстлалась при гро-мѣ трехъ кораблей, прикрывавшихъ англійскій отрядъ, и *Рангунъ* былъ занятъ почти безъ боя. Но бирманскій государь сдѣлалъ краснорѣчивое воззваніе къ своимъ подданнымъ, и черезъ пятнадцать дней туземное войско окружало уже *Рангунъ* рядомъ переносныхъ блокаузовъ, надѣясь побѣдить Англичанъ голодомъ. Блокаузы эти строились изъ твердаго тековаго дерева и обносились тековыми-же палисадами; окруженные вѣишнимъ рвомъ, къ которому присоединялся иногда и внутренній, они были защищаемы не только войскомъ, но нередко и пушками. Съ самыхъ первыхъ встрѣчъ Англичане убѣдились, что Бирманцы не похожи на Индусовъ, что это народъ храбрый, одаренный инстинктомъ войны, — и что полунагіе туземцы, съ небольшимъ передникомъ вокругъ бедръ, плохо-вооруженные пиками, саблями, ружьями и кинжалами, храбро выдерживаютъ огонь и не только безстрашно, но даже съ одушевленіемъ бросаются на непріятельскіе штыки, пренебрегая жизнью и не зная отступленія. Мы не станемъ вычислять всехъ стычекъ этой давно-оконченной войны, релиціи о которой, въ свое время, были не безъ интереса, — не остановимся на надеждахъ бирманскаго полководца, посланнаго противъ Англичанъ съ 60-ти-тысячною армією и везшаго съ собою цѣпи для закованія пришельцевъ, дерзнувшихъ потревожить *златоногаго монарха*: Англичане побѣдили, — европейская дисциплина и тактика, преимущество оружія и ума взяли верхъ надъ природною храбростью Бирманцевъ, — но для этого нужно было два года! Два года и нѣсколько новыхъ подкрѣпленій, и тысячи страшныхъ конгревовыхъ ракетъ, и

миліоны денегъ, — и несмотря на все это — нѣсколько неудачъ, нѣсколько поражений! Бирманскій императоръ принужденъ былъ заключить миръ въ Яндабо (въ 1826 году), но только соединенныя дѣйствія трехъ англійскихъ корпусовъ, тѣспившихъ Бирманъ съ разныхъ сторонъ, могли принудить его къ этому, — и должно полагать, что и сами побѣдители не въ отличномъ были положеніи, когда согласились взять часть областей имперіи, на какувъ того, когда могли завладѣть всѣми. По этому мирному договору уступался Ост-Индской Компаніи: *всѣ прибрежныя западныя провинціи Бирмана, отъ Ассама до Аракана включительно* (провинціи, могущія служить Бенгаліи прекраснымъ валомъ отъ набѣговъ бирманскихъ народовъ и, въ случаѣ нужды, точкой отправленія для новыхъ наступательныхъ военныхъ дѣйствій на имперію), *и часть южныхъ прибрежныхъ областей, какъ-то: Мартібанъ, и проч.,* которыя, вмѣстѣ съ западными, въ-особенности важны для Англичанъ по своимъ глубокимъ гаванямъ и превосходнымъ портамъ, которыхъ недостатокъ столь ощутителенъ для Компаніи, по причинѣ измѣнности, мелкости и открытаго положенія всего восточнаго берега Индустана (Коромандельскаго и Орисскаго). Въ добавокъ ко всему этому, бирманскій императоръ обязался объявить Рангунъ свободнымъ портомъ, заплатить 24 милліона рублей, въ вознагражденіе военныхъ издержекъ, которыя, *однакожь, простирались до ста милліоновъ*, — да и вообще, какъ ни выгодно кончилась эта война, самыя лучшія политикѣ, *черсзчуръ откровеннымъ*, и слѣдственно невыгоднымъ, поступкомъ компанейскаго правительства.

ПРАВЫ И ОБЫЧАИ. Для Бирманцевъ и всѣхъ другихъ народовъ Загангскаго Полуострова подобное заглавіе вовсе невѣрно; было-бы гораздо-приличнѣе замѣнить его такъ: нѣсколько замѣтокъ о правахъ и обычаяхъ, — да и тутъ находите вы только слабыя воспоминанія того, на что путешественники смотрѣли лишь глазами, какую-нибудь странность вѣшняго необъясненнаго обряда, какую-либо черту жизни, интересовавшую ихъ своимъ несходствомъ съ формами жизни соотечественниковъ наблюдателя и замѣченную какъ особенность, между-тѣмъ какъ она составляетъ нѣчто общее всѣмъ Азіятцамъ; прибавьте къ этому неточности, невѣрности, преувеличенія, и вы поймете часть затрудненій писателя, желающаго составить изъ этихъ клочковъ нѣчто цѣлое, хотя и неполное. Начнемъ съ чего-нибудь, хоть съ фразистаго титула того, къ *затымъ стопамъ* котораго повергаются съ трепетомъ всѣ народы бирманскіе, съ «*высокодостойнаго и преславнаго обладателя земли и морей, властителя небесныхъ державъ, законнаго обладателя всѣхъ бѣлыхъ слоновъ, лошадей, сокровищъ и золотыхъ дворцовъ, государя тѣхъ странъ, гдѣ восходитъ солнце, и восточной страны Шабуду, царя царей* (и если-бы кто изъ нихъ былъ довольно безразсуденъ, чтобы возстать противъ боа, то было-бы счастливымъ для безразсуднаго быть истреблену небеснымъ огнемъ!), поселителя самаго милостиваго и самаго блаженнаго, надежды всѣхъ народовъ, могущественнѣйшаго изъ владыкъ земныхъ и

единственного, котораго ноги покоятся на головахъ народовъ,» и проч. и проч. И вы не разувѣрите какого-либо Бирманца въ справедливости этого титула, если скажете ему, что бѣлые слоны водятся не при одномъ авайскомъ дворѣ. И если, наконецъ, упомянете о побѣдѣ Англичанъ, «дерзнувшихъ» возстать на «царя царей», то онъ посмотритъ на васъ странно, недоувѣрчиво, какъ-будто сомнѣваясь въ здоровьѣ вашего мозга, и скажетъ: «Помилуйте, почтеннѣйшій! Откуда вы, что и этого не знаете? Да вѣдь вотъ что именно говорятъ объ этой войнѣ наши высокоучённые, заслуженные исторіографы: «Въ 1826 и 1827 годахъ, въ славное царствованіе Миндераджи-Пра, бѣлые люди, пришедшіе съ востока, объявили войну «властителю золотого дворца. Они вышли на берегъ близъ города Рангуна, овладѣли имъ, потомъ Промомъ, и наконецъ «были допущены до Яндабо, — потому что императоръ, по религій и человечеству, ни сколько не думалъ оказывать имъ «сопротивленія. Это предпріятіе стоило имъ огромныхъ издержекъ, и всѣ средства ихъ были истощены, когда они пришли «въ Яндабо. Въ бѣдственномъ положеніи своемъ они подали «просьбу государю, который, будучи всегда милосердъ и великодушень, послалъ имъ значительныя суммы для покрытія ихъ «издержекъ, и приказалъ имъ удалиться изъ его владѣній.» А если вы и послѣ этого вѣрнаго извлеченія изъ сказаній туземныхъ исторіографовъ еще осмѣлитесь усомниться, то Бирманецъ покажетъ вамъ свои «священныя книги», — и по нимъ вы ужъ ясно, неоспоримо убѣдитесь, что земля плоска, какъ блинъ, съ тою только разницею, что вся она изъ одной матеріи, постоитъ пополамъ изъ земли и воды,—что она плаваетъ на водѣ, которая, въ свою очередь, поддерживается другой водой, покоящейся на воздухѣ, а уже тамъ далѣе просто безвоздушное пространство. Сама-же земля, то-есть землянистый блинъ, діаметръ, окружность и поверхность котораго довольно-аккуратно вычислили бирманскіе учёные, ровна, ополсана вокругъ горами, а въ возвышенномъ центрѣ ся лежитъ Бирманъ, опоясанный другими меньшими семью хребтами и поддерживаемый тремя колоннами изъ драгоценнаго карбункула; далѣе-же на всѣ четыре стороны и концы земли находятся четыре безконечно-высокихъ стѣны: на востокъ серебряная, на западъ стеклянная, на сѣверъ золотая, а на югъ рубиновая. Такъ говорятъ священныя книги, и спорить нечего: не будемъ-же и мы спорить съ Бирманцами (*).

(*) Не станемъ спорить и съ теми изъ нашихъ соотечичей, которые, видя

Но замѣтите, что тамъ, гдѣ ложь доказывается невѣжествомъ, тамъ все хорошее можетъ быть только случайно, а не слѣдствіемъ обдуманнаго плана и дѣйствія. Такъ, напримѣръ, десятичная система счисления, распространенная въ Бирманъ на вѣсь и мѣру, есть тоже одна игра случая, а у насъ была плодомъ глубокаго соображенія. Поэтому и самые обычаи подобнаго народа не имѣютъ ничего цѣлаго, связаннаго между собою; это не опредѣленныя формы жизни, добытыя народомъ цѣною долготѣней опытности и принятые умомъ за законъ будущихъ дѣйствій: это разъединенныя попытки, соединеніе безразсуднаго произвола съ требованіями религіи, какъ-будто разсчитанными на то, чтобы убить всякую возражающуюся пытливость ума, и притомъ столь-строгими и стѣснительными, что тамъ, гдѣ скованный умъ не находитъ выхода, находитъ его движимая своеволіемъ недобросовѣстность, отыскивая себѣ ложныя извиненія и прикрываясь священными текстами, для того чтобы не слѣдовать имъ. Такъ, напримѣръ, несмотря на вѣру въ переселеніе душъ и запретъ убивать животныхъ, Бирманцы ѣдятъ рыбу безъ зазрѣнія, потому что ее можно варить и жарить, не проливая крови. Законъ возбраняетъ многоженство, но наложница можетъ имѣть всякій столько, сколько въ состояніи содержать, потому что «наложница не жена», — хотя впрочемъ и бракъ не соединенъ ни съ какими религіозными обрядами и считается актомъ чисто-гражданскимъ. При желаніи разойдтись съ женой, получить разводную, въ случаяхъ опредѣленныхъ закономъ, можно только за большія деньги; но бросить жену, оставить ее и дѣтей безъ пропитанія и остаться съ своими наложницами — можно и даромъ, потому что это дѣло житейское, и законъ сохраняется неприкосновеннымъ. Опъ-же, благодаря какой-то случайности, отличаетъ жену отъ наложницы очень-важнымъ правомъ. По смерти мужа, если не найдется завѣщанія, четверть имѣнія покойнаго дѣлается собственностью жены; остальные-же части (если покойникъ не прибѣгнулъ къ какому-либо средству передать свое имущество побочнымъ дѣ-

ошибки бирманскихъ математиковъ, готовы сказать намъ свой вѣчный прирѣвъ: «Вотъ и ваши учёные астрономы, можетъ-быть, не менѣе ошибаются!» — Это, господа, бирманское доказательство. Кто дѣлаетъ подобное замѣчаніе, тотъ не постигаетъ, какъ въ наукахъ пытливыи умъ добивается чистой, непоколебимой истины путемъ сомнѣній и проверки своихъ открытій, и какъ многое въ этихъ наукахъ (не говоримъ уже о положительныхъ, математическихъ) непреложно. Учитесь, и сомнѣнія, увеличиваясь въ сферѣ того, чего вы еще не знаете, исчезнутъ, разсыются въ томъ, въ чемъ убѣдить васъ знаніе.

тѣмъ) остальные части дѣлятся между законными дѣтьми; и въ случаѣ малолѣтства послѣднихъ, вдова становится ихъ опекуницей до совершеннолѣтія. Послѣ сказаннаго нами о законахъ и судопроизводствѣ (стр. 411), легко представить себѣ, съ какими проторями и убытками соединена здѣсь всякая тяжба; но удивительно то, что веденіемъ частныхъ дѣлъ занимаются стряпчіе, получающіе жалованье (впрочемъ весьма-незначительное) отъ казны. Нѣкоторые путешественники находятъ, что уложеніе бирманское исполнено чистѣйшей нравственности, написано ясно и подробно; но мы рѣшительно не вѣримъ этому, потому что путешественники эти не представили выписокъ изъ хвалимаго уложенія, которыя могли-бы послужить къ нашему собственному убѣжденію, а на слово вѣрить тѣмъ трудѣсь, что, какъ намъ извѣстно, судъ Божій, испытаніе огнемъ и водою и проклятіе помѣщены въ книгѣ законовъ, какъ средства доказательства невинности и наказанія виновнаго. Не вѣримъ мы также въ истину и благоразуміе тѣхъ пресловутыхъ увѣщаній государямъ и сановникамъ, которыми, говорятъ, оканчивается это уложеніе, потому что существованіе деспотизма показываетъ, что или увѣщанія эти дурны, или безсильны для обузданія сильныхъ, — а, вѣроятно, служатъ только хитрымъ прикрытіемъ своеволія. Извѣстно, напротивъ-того, положительно, что всѣ административные чиновники только и думаютъ о томъ, чтобы высосать у туземцевъ побольше на свой собственный пай. Администрация носитъ всегда на себѣ болѣе или менѣе вѣрный отпечатокъ духа высшаго правительства, и 45 милліоновъ, награбляемыхъ, выжимаемыхъ казною бирманскаго императора, обходятся подданнымъ его по крайней-мѣрѣ въ полтора раза болѣе. Принципамъ крови, сановникамъ даются въ удѣлъ области, города и деревни; за-то, въ военное время, они, какъ вассалы среднихъ вѣковъ, примыкаютъ съ своими толпами къ царскому войску, для составленія котораго споняется все, какое попадетъ подъ руку, мужское народонаселеніе, дѣлится на отряды, вооружается копьями, мечами и небольшимъ количествомъ ружей, и ведется въ бой безъ всякаго приготовленія и обученія. Постоянное войско заключается все въ однихъ лишь гарнизонахъ столицы и главныхъ городовъ, да еще въ гвардіи, названной «неуязвимою», въ которой лучшую часть составляетъ отрядъ кассайскихъ наѣздивовъ, не уступающихъ въ ловкости даже нашимъ Черкесамъ, съ тою разницею, что они вооружены одними копиями, которыми владѣютъ, однакожъ, чрезвычайно-искусно. — Скажемъ здѣсь кстати и о флотѣ. Неумѣнье строить хорошія большія

суда и совершенное познаніе основныхъ правилъ мореходства уничтожаютъ тѣ выгоды, которыя могъ-бы имѣть Бирманъ по богатству своему въ тековомъ лѣсѣ. Весь флотъ состоитъ изъ 500 военныхъ шлюпокъ, вооруженныхъ каждая камнебросательной пушкой на носу и фалконетомъ на кормѣ, при которыхъ находятся тридцать солдатъ и кромѣ-того вооруженные гребцы. Составленіе всей флотилии и ея войска лежитъ на приморскихъ и прирѣчныхъ городахъ. Кромѣ судовъ дурной постройки, употребляемыхъ въ каботажной торговлѣ, внутренняя торговля по рѣкамъ производится на лодкахъ, столь-длинныхъ и плоскодонныхъ, что они пуждаются въ очень-большомъ баластѣ для предохраненія отъ качки, и въ широкомъ досчатомъ, перпендикулярномъ къ бортамъ обводѣ для избѣжанія опрокидываній.

Весь народъ бирманскій раздѣляется на шесть сильно-разъединенныхъ сословій: членовъ королевскаго дома, чиновниковъ, духовенство, купцовъ, земледѣльцевъ и рабовъ,—и кромѣ-того, на людей нечистыхъ, такъ-сказать, въѣкстныхъ, къ которымъ принадлежатъ тюремщики, палачи, сожигатели труповъ, прокаженные и публичныя женщины. Классы эти не требуютъ объясненій; скажемъ только, что рабы бываютъ двухъ родовъ: вѣчные (военно-пѣшные и ихъ потомки) и временные, взятые въ кабалу (несостоятельные должники, дѣтямъ которыхъ дается свобода по уплатѣ отцовскаго долга). Всѣ шесть сословій, при деспотизмѣ тяготящаго надъ ними правленія, не имѣютъ другихъ различій въ правахъ, кромѣ права угнетать низшихъ, права наследственности, существующаго для однихъ несчастныхъ въѣкстныхъ, и которымъ свободныя сословія не пользуются, — да еще во внѣшнихъ отличіяхъ, какъ-то въ платьѣ и жилищѣ.

Главная форма платья почти одинакова для всѣхъ сословій, исключая духовенства; но для двухъ высшихъ классовъ оно дѣлается изъ шоловой, а для остальныхъ изъ бумажной матеріи. Благородные Бирманцы носятъ бархатные или атласные узорчатые камзолы, съ открытымъ воротомъ и узкими рукавами; на плеча накинута легкая шоловая, распашная снани, обыкновенно пунцоваго цвѣта, съ откладнымъ желтымъ воротникомъ и такого-же цвѣта узорчатыми обшлагами на широкихъ рукавахъ. Изъ-подъ снани виднѣется край какой-либо яркой юбки и концы широкихъ панталонъ. Вообразите себѣ нѣкоторую гармонію въ этихъ яркихъ цвѣтахъ, дополните потомъ нарядъ желтыми сафьянными остроконечными саногамъ, высокой островерхой бархатной шапкой, которой оканна имѣетъ форму зубчатой короны, массивными серьгами, — и вы поймете, что подобный костюмъ знатнаго Бирманца долженъ быть и красивъ и величественъ. Званіе, или такимъ-образомъ одѣтаго туземца узнается или по шитію бархатной шапки, или по ордену, висящему на груди на нѣсколькихъ золотыхъ цепочкахъ, перекинутыхъ черезъ плечо. — Костюмъ дамъ бирманскихъ менѣе красивъ, хотя гораздо-болѣе оригиналенъ. Особенно странна форма юбки,

которая состоитъ изъ куска весьма-широкой узорчатой матеріи, стянутаю около талии, но распашной снизу и до-того длинной, что она волочится сзади какъ шлейфъ. Сверху ея надъвается нечто въ родѣ кофточки съ открытымъ воротомъ и рукавами въ родѣ греческихъ, обыкновенно изъ шоловой свѣтлой матеріи, украшенной по краямъ шитьемъ золотымъ или шоловымъ, смотря по состоянію. Женщины высшаго званія, выходя изъ дому, надъвають кромѣ-того очень-легкій шарфъ, который охватываетъ талию сзади, скрещивается на груди, а длинные концы его, переброшенные черезъ плеча, красиво развѣваются по вѣтру. Костюмъ дополняется цвѣтными башмаками (чулковъ не имѣется), нѣсколькими браслетами на обѣихъ рукахъ и старательной прической, для чего волосы собираются на маковку, образуя пучекъ фестоновъ, и окружаются повязкой, ленты и золотыя украшенія которой означаютъ званіе дамы. Вверхъ составляетъ столь-же необходимую принадлежность всякой порядочной дамы, какъ маленькій зонтикъ необходимъ для мужчинъ хорошаго тона. (См. приложенный рисунокъ).

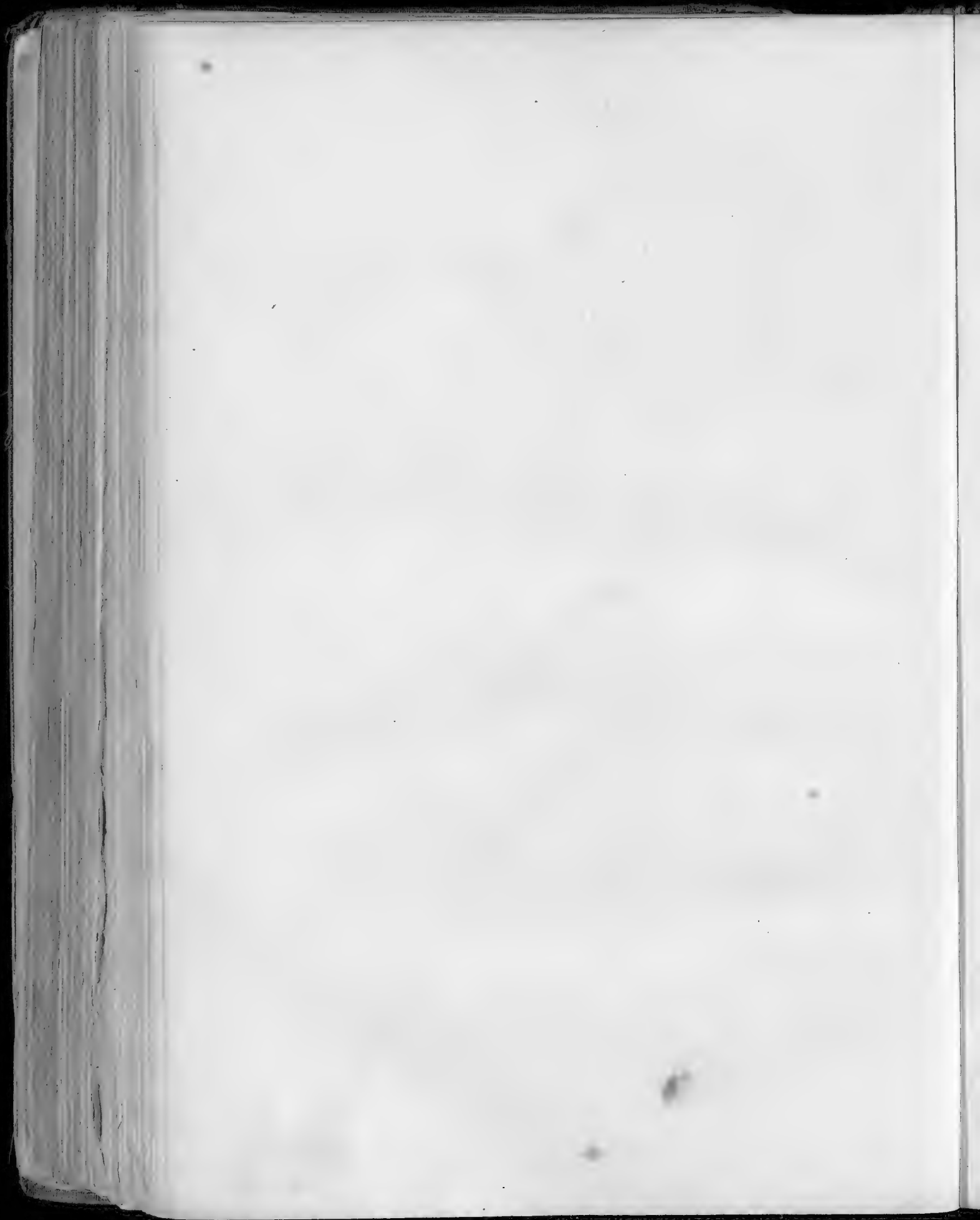
Низшіе, бѣднѣйшіе классы ходятъ полунагіе, и вѣроятно это было причиной обычая, распространеннаго между мужчинами и въ-особенности у простаго народа — вытравливать узоры на кожѣ рукъ и ногъ,—обычай, который Сіамцы называютъ «приличнымъ однимъ варварамъ», выводя изъ этого несомнѣннаго доказательства свою много-высшую образованность. Рахааны, жрецы бирманскіе, ходятъ тоже полунагіе, т. е. босопогіе, съ непокрытой головой, замѣняя длиннымъ желтымъ плащомъ отсутствіе всякаго платья; но это уже отнюдь не отъ бѣдности, а вслѣдствіе неизмѣннаго религіознаго обычая. Число этихъ духовныхъ довольно значительно; есть даже города и мѣстности, населенныя исключительно ими.

Они раздѣляются на два разряда: старшіе называются рахаанами или пун-сами, младшіе фонгисами. Всѣ они ведутъ жизнь безбрачную и живутъ большею частью въ уединенныхъ зданіяхъ, строящихся въ китайскомъ вкусѣ, среди роскошныхъ и тѣнистыхъ рощъ, и называемыхъ кіумами. Тамъ проводятъ они большую часть времени въ лѣтнемъ бездѣйствіи и молчаніи, или, какъ они сами объясняютъ, «въ духовномъ созерцаніи», хотя довольно-трудно понять, о чемъ могутъ размышлять эти люди въ грубомъ своемъ невѣдѣніи. Старшіе рахааны имѣютъ большую власть надъ младшими и почти никогда не выходятъ изъ жилищъ своихъ. Народъ почитаетъ священною обязанностью давать пропитаніе этимъ отшельникамъ, которые каждодневно посылаютъ младшихъ собратовъ своихъ съ ящикомъ подъ мышкою по городамъ или деревнямъ. Сборщики идутъ обыкновенно скоро, устремивъ глаза въ землю и отнюдь не глядя на тѣхъ, кто кладетъ подаваніе въ ящикъ. Подаванія-же эти состоятъ въ пищѣ, которую рахааны потребляютъ холодную; излишнюю они раздаютъ бѣднымъ, или недостаточнымъ школьникамъ своимъ. — Въ рукахъ рахаановъ находится все воспитаніе молодаго поколѣнія. За ученіе они не берутъ ничего; обучаютъ-же приходящихъ чтенію и письму, и въ то-же время объясняютъ имъ нравственныя истины, разумѣется по своему понятію и крайнему разумію. Тѣхъ изъ учениковъ, которые располагаютъ вступить въ ихъ орденъ, подвергаютъ разнымъ испытаніямъ и только послѣ долгаго обученія принимаютъ въ свое общество. Вступленіе въ него сопровождается многими довольно-смѣшными обрядами. Главная обязанность

BERNARDINA HUBB BURGESS COLOMBE.

NOBLE BIRMANE.

и добродѣтель рахаановъ — соблюденіе безбрачія; нарушившаго обѣтъ цѣломудрія выгоняють изъ кіума: начерпнувъ сажей лицо виновнаго, сажаютъ его на осла задомъ на передъ и въ такомъ видѣ возить по городу при барабаннымъ бовъ.

О постройкѣ здѣшнихъ храмовъ мы будемъ говорить ниже; теперь же остановимся на святилищахъ, привлекающихъ тысячи богомольцевъ.

Уваженіе туземцевъ къ храмамъ зависитъ отъ богатства ихъ или древности, или отъ святини, сохраняемыхъ въ нихъ. Этими послѣдними славятся въ-особенности *Рангунскій* храмъ, въ коемъ находятся семь священнѣйшихъ волосъ Готамы, и городокъ *Миандай*, возлѣ котораго, подѣ деревяннымъ навѣсомъ, хранится гранитная плита, въ 6 футовъ длиною и въ 7 шириною. Поверхность плиты занята продолговатымъ квадратомъ, раздѣленнымъ на 96 кляточекъ, съ символическимъ знакомъ въ каждой; съ обѣихъ отдаленнѣйшихъ сторонъ четырехугольника присоединены два неравно выпуклыхъ полукруга (върѣзъ, два неровныхъ сегмента): въ меньшемъ двѣ свившіяся между собою змѣи, а большій раздѣленъ опять на нѣкоторое число кляточекъ, и каждая изъ нихъ обозначена символической фигурой, за исключеніемъ пяти крайнихъ, примыкающихъ къ дугѣ, и самыхъ большихъ, которыя украшены грубымъ изображеніемъ раковины. Все это сдѣлано на поверхности гранитной плиты, какъ ясно видно, рѣзцомъ, даже не очень искуснымъ, но рахааны объяснили это иначе: меньшій кругъ назвали они слѣдомъ пятки, пять раковинъ признали, неизвестно въ силу какой логики, за отпечатокъ пяти пальцевъ ноги, все изображеніе за слѣдъ ноги Будды, который, однакожъ, какъ земное воплощеніе, имѣлъ и человѣческую ногу, — и вслѣдствіе этой безсмыслицы, всѣ туземцы вѣрятъ теперь въ какое-то преданіе, что это слѣдъ Будды, который, поставивъ одну ногу на этомъ мѣстѣ, другою уперся на плить, цейланской *зри-падъ* на такъ-называемой *Адамовой* горѣ, — и стоя такимъ-образомъ, въ родѣ Колосса Родосскаго, размышлялъ, неизвестно о чемъ, въ теченіи какого-нибудь миліона лѣтъ, вѣроятно (*).

Мы не станемъ повторять здѣсь всего, что было высказано нами въ отдѣлѣ Общихъ Свѣдѣній о религіи, правленіи, торговлѣ, промышленности и различіи племенъ обитателей Загангскаго Полуострова, и остановимся преимущественно на народѣ *Марамъ*. Несмотря на сырость климата, столь-вреднаго Европейцамъ, привычные къ нему Бирмаицы — вообще народъ здо-

(*) Мы покажемъ во 2-мъ томѣ нашего изданія, что это сходство съ *зри-падой* цейланской ни сколько не доказываетъ прихода сюда буддійской религіи съ острова Цейлана; хотя множество предметовъ, носящихъ тамъ имя Будды, служить вѣрнымъ и полнымъ доказательствомъ его религіозной дѣятельности на этомъ островѣ. Португальцы, первые пришельцы въ эти страны, сочли похвальнымъ всѣ эти означенныя индійскимъ преданіемъ мѣста обратить въ пользу христіанскихъ сказаній, которыхъ въ то время было такъ много. И вскорѣ Европейцы, забывъ простой замѣнъ именемъ Адама туземнаго Будды, начали видѣть въ цейланскихъ: *Адамовой* горѣ, *Адаловомъ* мѣстѣ, *Адаловомъ* гробѣ, и проч. доказательство сохраненія у туземцевъ имени, извѣстнаго только въ нашихъ священнѣйшихъ книгахъ; многіе доходили даже до увѣренія, что Цейланъ былъ мѣстомъ земнаго рая, и являлись ученые, доказывавшіе подобное мнѣніе, какъ напримѣръ, *Валдеусъ*, голландскій путешественникъ, такъ что для уничтоженія подобныхъ ложныхъ идей нужна была книга путешественника и миссіонера *Герике* (издававшая свой *Провѣдъ отъ Лондона въ Цейланъ*), чтобы доказать личнымъ свидѣтельствомъ, что обитатели Индіи никогда и не слыживали имени Адама.

ровый и рослый. Самая здоровая и вмѣстѣ самая плодородная часть государства — суть области, прилежащія къ южному берегу. Трудно-бы повѣрить въ нежестокость правовъ бирманскихъ, если принять въ соображеніе жестокость его уголовныхъ законовъ, и только рѣзкое раздѣленіе правительства отъ народа и совершенное безгласіе послѣдняго во всемъ, что касается управленія и законодательства, можетъ объяснить эту кажущуюся несообразность. При опредѣленіи правовъ обитателей Загангскаго Полуострова, наблюдателю безпрестанно представляются затрудненія — отличать природный духъ народа отъ болѣе или менѣе сильнаго вліянія, произведеннаго на него образомъ правленія и принятымъ вѣрованіемъ, — и притомъ, всякій разъ представляется уму вопросъ: каково было слѣдствіе этого вліянія: проходящее-ли это впечатлѣніе, которое можетъ еще уничтожиться, когда исчезнутъ причины, породившія его, — или духъ народа успѣлъ уже переродиться подъ вліяніемъ этихъ причинъ и слиться навсегда съ привитыми къ нему дурными качествами. Однакожъ, полезное разрѣшеніе этого вопроса до такой степени зависитъ отъ полноты, усложняемой и свободой изложенія, и значеніемъ описываемаго народа, и знакомствомъ съ его правами, что мы должны, за недостаткомъ всего этого, отказаться отъ подобнаго труда, по-крайней-мѣрѣ относительно народовъ Загангскаго Полуострова, хотя въ дополненіе сказаннаго уже о способностяхъ ихъ и разныхъ причинахъ ихъ неразвитія, мы, не обинуясь, можемъ сказать, что извѣстныя черты мужества и силы характера Бирманцевъ даютъ имъ, предпочтительно предъ другими Загангцами, право на народную самостоятельность, — и есть надежда, что съ уничтоженіемъ связывающихъ ихъ оковъ деспотизма и религіи, они двинутся первые вслѣдъ за кавказскимъ племенемъ, котораго они составляютъ отдаленную родственную вѣтвь. — Теперешніе законы Бирмана безчеловѣчны.

Оковы и тюремное заключеніе суть легчайшія степени наказанія изъ того ряда степеней его, который, проходя чрезъ рабство въ храмахъ, кнутъ и увѣчье, оканчивается смертію, соединенною съ ужасающимъ разнообразіемъ мученій. Одного произвола судьи, прихоти его достаточно, для того чтобы виновный былъ просто обезглавленъ, или утопленъ, или сожженъ живой, или отданъ на казнь обученному палачу-слопу, или потрошенъ передъ казнью. Далѣе слѣдуютъ: распятіе на крестѣ, вбиваніе кола въ грудь страдальца, вливаніе растопленнаго свинца въ горло, или привязываніе къ столбу, на берегу рѣки, для медленнаго утопленія во время прилива. Ужасное варварство, съ которымъ срашивается только иногда стоическая твердость и хладнокровіе мучимыхъ! Какъ не удивиться, напримѣръ, мужеству одного Бирманца, казненнаго за то, что онъ хотѣлъ оставить свою угнетенную родину и бѣжать въ другія болѣе-счастливыя страны: между-тѣмъ какъ палачъ вытѣзываетъ ему внутренности, несчастный преспокойно ѣлъ бананы!

Разумѣется, что подобная жестокость законовъ должна непременно переходить и въ нравы народа, особенно тамъ, гдѣ она, по существующимъ понятіямъ, считается тоже законною. Поэтому и участь военнопленныхъ бываетъ очень незавидна. Но въ основаніи — Бирманцы народъ добродушный и скромный, права тихаго и правдиваго.

Многіе путешественники имѣли случай присутствовать при увеселеніяхъ бирманскихъ: они видѣли борьбу, катаніе на повозкахъ длинными рядами, фейерверки, танцы, — они бывали въ кукольной комедіи, въ ихъ бѣдномъ театрѣ, при шумныхъ сходбищахъ и пированіи многочисленнаго народа по случаю какого-либо торжества, и нигдѣ не замѣтили нарушенія обычной учтивости, или приличія, или общественной тишины. Конечно, это могло-бы говорить столько-же и въ пользу благодѣтельной власти или страха, съ которымъ соединено всякое проявленіе веселія; но путешественники ясно говорятъ, что толпа веселилась шумно, непринужденно, и умѣла соблюдать при этомъ умеренность и трезвость, — а это можно приписать только добрымъ основаніямъ народнаго характера. Въ бытность Саймса въ Пегу, его посѣщали всѣ значительныя лица города, исключая губернатора, который, какъ представитель монаршей власти, никогда ни у кого не бываетъ въ гостяхъ. Средній классъ народа, слѣдуя туземнымъ обычаямъ, входилъ безъ околичностей, иногда не получивъ дозволенія хозяина, а чаще и вовсе не спрашиваясь. Онъ являлся безъ зову, также какъ и самъ привыкъ видѣть у себя незваныхъ гостей, но вся эта безцеремонность оканчивалась въ первой комнатѣ, въ передней, въ свѣняхъ, — далѣе-же всякая закрытая дверь и даже опущенная занавѣсъ, вмѣсто двери, были для нихъ неприкосновенной преградой. Незваные гости эти садились на разостланныя на полу рогожи или плетевки, не мѣшались ни во что, ничего не просили и не спрашивали, и по первому приглашенію выйти — уходили немедленно и не обижаясь. Европейцы замѣтили, что Бирманцы остерегались въ подобныхъ случаяхъ брать въ руки какую-либо изъ близъ-стоящихъ вещей, — и не было примѣра, чтобы что-либо было унесимо ими съ собою.

Но за-то, какъ-скоро, оставляя эту благородную почву неподдѣльнаго народнаго характера, вступаешь въ предѣлы обычая, на которые религія или деспотизмъ наложили печать свою, снова становится все необъяснимымъ и безтолковымъ, потому что здѣсь нѣтъ ничего основаннаго на чистыхъ законахъ разума. Мы говорили, напримѣръ, выше (въ Общихъ Свѣдѣніяхъ) о томъ, изъ чего дѣлаются истуканы: вотъ дальнѣйшая исторія каждаго изъ нихъ. Купивъ идла и освяти его, разумѣется помощью рахаана и за деньги, относятъ и ставятъ его во храмъ или подлѣ храма, оставляя въ обязанность идла и заступничество за щедратаго дателя и заботу о сохраненіи самого себя отъ вліянія непогодъ и разрушеній, приносимыхъ временемъ. Отъ Бирманца требуются еще другія приношенія, состоящія обыкновенно изъ рису, кокосовъ и варенья, — которые онъ долженъ ставить на низкія скамейки, предназначенныя для этого у внутреннихъ стѣнъ храма; но обыкновенно стан воронъ немедленно, при

немъ-же, спускаются на эти припошеи и расхищаютъ ихъ заодно съ дикими собаками, а жертвоприносящій видѣтъ все это и не долженъ смѣть отогнать наглыхъ гостей.

Похоронные обряды бирманскіе безалаберная смѣсь индійскихъ и китайскихъ. Трупы богатыхъ предаются огню, бѣдныхъ зарываются въ землю. Такъ какъ женщина, умершая въ родахъ, превращается, по понятію туземцевъ, въ злаго духа, котораго необходимо заклинать, то трупъ ея разсѣкаютъ, и вынимаютъ мертвого младенца; потомъ мужъ, по предварительномъ произнесеніи формулы законнаго развода, трижды обходитъ гробъ и удаляется совершать очистительныя омовенія, а при похоронахъ онъ долженъ идти впереди погребальной процессіи, кривляясь и размахивая оружіемъ. — Трупъ рабаана сначала балзамируется, потомъ укладывается и забивается въ плотный деревянный ящикъ, наполненный медомъ, и наконецъ кладется на костеръ, расположенный на возвышенной, массивной, деревянной колесницѣ. Собравшаяся въ города, на похоронную равнину, толпа участниковъ и зрителей раздѣляется тогда на-двое, и обѣ партіи тянутъ съ громкими криками колесницу, каждая на свою сторону. Паконецъ побѣда остается за тѣми, которые должны совершить обрядъ погребенія; ящикъ съ тѣломъ кладется въ огромную деревянную мортиру, наполненную порошкомъ, — и по данному знаку, бревенные остатки жреца, костеръ, и колесница — все взрывается съ трескомъ на воздухъ; потомъ все расходится по домамъ въ благочестивомъ молчаніи.

Изъ всѣхъ праздниковъ туземныхъ извѣстенъ только одинъ, определенный и весьма оригинальный: бирманскій карнавалъ, празднуемый 12 апрѣля, въ послѣдній день бирманскаго года.

Чтобы смыть грѣхи стараго года, обычай позволяетъ въ этотъ день женщинамъ обливать водой рѣшительно каждаго встрѣчнаго, и молодое поколѣніе женщинъ и дѣвушекъ съ особеннымъ удовольствіемъ пользуется этой льготой. Замѣчательно однакожь, что эта церемонія, исполняемая во всѣхъ точкахъ Бирманскаго Царства, не ведетъ никогда за собой ни грубости, ни изливствъ, — и не было случая, чтобы кто-либо употребилъ для этого нечистую воду. Атакоеваннй, облитый мужчиною можетъ, въ свою очередь, отвѣчать тѣмъ-же, но первому нападать на женщину считается непростительной грубостью. Капитанъ Ло замѣчаетъ, что Бирманки пользуются этимъ обычаемъ для выраженія тайнаго предпочтенія, о которомъ не рѣшались прежде изъясняться на словахъ, и называетъ потому его: «холоднымъ путемъ сообщеній съ избранными счастливицами».

Но если эти обряды, поражающіе своей странностью, были замѣчены путешественниками, то за-то внутренняя домашняя жизнь Бирманца остается еще вовсе неизвѣстною и намъ должно, по необходимости, довольствоваться одними несвязными отрывками. Извѣстно, напримѣръ, что въ пищу употребляютъ они преимущественно сарачинское пшепо, вареное съ солью, растительнымъ масломъ и мелкой соленой рыбой, — и что туземцы весьма неразборчивы въ пищу, или терпятъ большой недостатокъ въ ней, если потребляютъ даже муравьевъ (*). Странность

(*) Бирманъ, какъ страна чрезвычайно-сырая, изобилуетъ міриадами различныхъ наскомохъ. Кромѣ зеленыхъ клоповъ и другихъ, въ немъ водятся два рода муравьевъ: термиты, бѣлые муравьи, которые сильно жалятъ, строятъ огром-

вкуса бирманскаго проявляется впрочемъ и въ манеръ употребленія чая, который они не пьютъ, подобно Китайцамъ и Европейцамъ, но ждять варенные листья его, приправивъ ихъ масломъ и солью. О женщинахъ извѣстно, что онѣ красивы, обращаются свободно повсюду, но очень обременены работою (*).

Несмотря на трудность бирманскаго языка, котораго азбука состоитъ изъ 33 буквъ, съ особенными знаками для долгихъ гласныхъ и двугласныхъ (письмена пишутся остріемъ на пальмовыхъ листьяхъ и отъ лѣвой руки къ правой), — Бирманцы все грамотны; но ограниченная грамотность эта не повела ни ихъ самихъ по пути къ просвѣщенію, ни дала имъ средства заимствовать его у другихъ народовъ. Только у Индусовъ заняли они кое-какія астрономическія свѣдѣнія, но и тѣ уничтожены ихъ безсмысленной космогоніей, подобно тому, какъ тощія коровы извѣстнаго библейскаго сказанія поѣли дородныхъ. Безпристрастіе исторіографовъ бирманскихъ уже достаточно извѣстно читателю, послѣ вышеприведеннаго отрывка; успѣхи въ поэзіи и медицинѣ показаны въ Общихъ Свѣдѣніяхъ, — гдѣ указаны вмѣстѣ и причины жалкаго положенія знаній бирманскаго народа. Несмотря на это, при всякомъ кѣумѣ находятся библіотеки, книги коихъ, вмѣсто переплета, сохраняются въ лакированныхъ ящичкахъ.

АРХИТЕКТУРА. Бирманская архитектура, несмотря на противоположность свою европейской, поражаетъ иногда зрителя великолѣпіемъ своихъ размѣровъ, гармоніею своихъ колоннадъ и богатствомъ своихъ превосходно-золоченныхъ украшеній. Къ числу такихъ зданій принадлежитъ, напримѣръ, императорская зала аудіенцій, въ Авѣ. Эта одноэтажная, обширная зала въ 120 ф. длины и въ 90 ф. ширины, вызолоченный потолокъ и крыша которой поддерживаются тремя рядами ярко-вызолоченныхъ колоннъ, открыта со всехъ сторонъ, исключая стѣны

ниж, весьма-твердые кочки и страшно вредятъ прочности деревянныхъ строеній, — и *крылатые муравьи*, которые ведѣль за шесть или за семь до дождливаго времени наводняютъ собою комнаты, въ полномъ смыслѣ этого слова. Ихъ-то собираютъ туземцы, ставя вокругъ святы нѣсколько блювъ съ водою, и потомъ *приготавливаютъ изъ нихъ родъ каши*.

(*) Онѣ моютъ, придутъ, вьжутъ и ткуть. Вообще, благородныхъ Бирманокъ сравниваютъ съ греческими кляггинями Гомеровскихъ временъ, потому что онѣ всегда окружены прислужницами, которыми раздають работу. — Замѣтимъ кстати, что несообразность въ числѣ мужчинъ и женщинъ въ Бирманѣ, слѣдствіе непрерывныхъ войнъ, ввела тамъ въ обычай — продавать женъ и дочерей, особенно послѣднихъ. Извѣстный путешественникъ *Бухананъ* рассказываетъ, что въ случаѣ опасной болѣзни дочери родители заключаютъ съ врачомъ условіе: если онъ вылечитъ больную, то она принадлежитъ ему, — если-же умретъ, то врачъ обязанъ заплатить имъ положенную цѣну. Бухананъ видѣлъ много такихъ, очень-хорошенькихъ, пациентокъ въ домѣ одного лекаря въ Меади, и утверждаетъ, что это дѣло очень-обыкновенное.

за трономъ (*). Изъ опасенія, чтобы частные люди не обратили своихъ домовъ въ укрыленія, императоры дозволили имъ строить жилища свои только изъ дерева; право-же употребленія кирпича предоставлено исключительно дворцамъ и храмамъ. Но высота и деревянныхъ строеній должна быть соразмерна степени важности хозяина, или живущаго въ нихъ. Полы кіумовъ и жилищъ знатныхъ людей строятся обыкновенно футовъ 6 или 8 надъ землею; жилища-же простыхъ людей возвышаются отъ земли только фута на два или на три. Способъ постройки на столбахъ произошел первоначально отъ періодическихъ наводненій, но потомъ тщеславіе завладѣло и этимъ обстоятельствомъ. *Кіумы* (вышій типъ которыхъ читатель можетъ видѣть на правомъ планѣ рисунка, помѣщеннаго въ заголовкѣ стр. 393) имѣютъ внутри только одну просторную залу; отдѣльныхъ комнатъ нѣтъ въ нихъ не позволяется: каждый изъ духовной братии долженъ быть всегда на виду у другихъ. При кіумахъ школы для приходящихъ дѣтей всѣхъ сословій (**). Главное строеніе храмовъ окружено всегда множествомъ *пра*, часовень, кончающихся всегда небольшимъ шпилемъ и обставленныхъ чудовищными фигурами, нѣсколько-похожими на египетскихъ сфинксовъ (см. изображеніе на стр. 445). Когда какой-либо изъ этихъ *пра* приходитъ въ ветхость, вмѣсто поправки тотчасъ воздвигается около его новый, такъ что ходъ къ храму загромождается этими красными памятниками. Замѣчатель-

(*) Вотъ какъ совершается аудіенція въ этой залѣ. Возвышенный тронъ украшенъ пазаніями и осѣненъ позолоченнымъ металлическимъ зонтикомъ (*ти*). Въ сторонѣ играетъ музыка и выплываютъ лучшія туземныя танцовщицы. При входѣ повелителя, музыка и танцы утихаютъ, и всѣ Бирманцы падаютъ три раза ницъ. Въ рукахъ у императора, вмѣсто скинтра, равнозначащій ему *шоры*, хвостъ бѣлой козы, эмблема врученной ему Готамой власти. На немъ бѣлая тюника, шитая золотомъ и унизанная драгоценными камнями, на головѣ золотой шлемъ, унизанный сапфирами и рубинами, формы подобной главѣ буддійскаго храма, т. е. нѣчто въ родѣ говорной перевернутой трубы. Надъ трономъ распускается тогда бѣлый зонтикъ, который, вмѣстѣ съ лежащимъ возлѣ него лицомъ ботеля, мечемъ, щитомъ и особенной сбруей царскаго коня, составляетъ атрибуты верховной власти. Монархъ садится на тронъ, скрестивъ ноги; члены императорской фамиліи и высшіе сановники располагаются вокругъ него; присутствующіе, которые входятъ, снявъ предварительно башмаки, садятся тоже въ 50 шагахъ отъ трона, поджавъ подъ себя пятки (потому что учтивость требуетъ не показывать пятокъ высшему аваніемъ). Жрецы поютъ молитву; чиновникъ читаетъ списокъ всѣхъ лицъ, представляющихся въ тотъ день, и реэстръ подарковъ, привезенныхъ государю предстоящимъ посломъ, равно какъ и отдариваемыхъ императоромъ; потомъ государственный секретарь возглашаетъ, что такой-то, напр. государь Аннама или ост-индскій генералъ-губернаторъ, повергается къ золотымъ стопамъ (слѣдуетъ полный титулъ) императора, — и тѣмъ и кончается аудіенція... Государь удаляется, и затѣмъ начинается придворный пиръ. Жены и дочери вельможъ безпрестанно увеличиваютъ число танцующихъ, прѣвзжая на массивныхъ, но роскошно-украшенныхъ тканями колесницахъ, везомыхъ парой прыткихъ воловъ (см. тѣрный рисунокъ № IV). Народъ толпится около дворца. Между тѣмъ танцы переходятъ въ рядъ разнообразныхъ утеселеній, отъ комедій до бѣга на слонахъ и боя на водѣ, и блѣстательный фейерверкъ заключаетъ торжество дня. (Мы не будемъ говорить далѣе объ аудіенціяхъ при сіамскомъ и аннамскомъ дворахъ, потому что, кромѣ немногихъ незначительныхъ исключеній, главныя формы почти одинаковы съ бирманскою).

(**) Самый красивѣйшій изъ кіумовъ, *Кіумъ-Дожи* (царскій монастырь), въ *Але-рапурѣ*, не столько замѣчателенъ изяществомъ архитектуры, сколько богатствомъ украшеній. Онъ весь изъ дерева и въ пять этажей, суживающихся къ верху; полъ его, утверженный на 420 толстыхъ столбахъ, поднятъ отъ земли на 42 ф.; посреди залы, окруженной золочеными колоннами, вызолоченная рѣшетчатая загородка, въ родѣ большой кѣтки, — съ мраморнымъ изображеніемъ Готамы.

нѣйшіе по архитектурѣ своей храмы суть: Рангунскій, *Чоз-да-Хонъ*, т. е. *золотомъ крытый*, знаменитѣйшій (*), и въ Пегу храмъ *Чоз-Маду* (*золотаго бога*), древнѣйшій (**). — Города бирманскіе представляютъ удивительную противоположность храмовъ, крытыхъ золотомъ и бляхами, и низкихъ бамбуковыхъ, крытыхъ дерномъ хижинокъ, въ которыхъ обитаетъ населеніе. Почти весь города обнесены деревянною стѣною изъ тековыхъ бревенъ, въ родъ частокола (см. *изображеніе* на стр. 393) (***).

* *

О самихъ Бирманцахъ болѣе нѣчего сказать, и мы поневоле должны обратиться къ одному изъ племенъ, «имѣющихъ счастье жить подъ державною стѣною бѣлаго зонта», — къ **КАРІАНАМЪ**, племенію любопытному уже и потому, что, наперекоръ мнѣнію европейскихъ ученыхъ, пожаловавшихъ его въ потомки «пзбравнаго народа», оно очень-невысокаго мнѣнія о себѣ, и смѣлѣе рассказываетъ слѣдующую легенду: «Добрый духъ, желая дать религію всемъ народамъ, назначилъ и намъ день для принятія святыхъ законовъ; но предки наши, занятые житейскими дѣлами, опоздали къ назначенному сроку и пришли, когда уже

(*) *Рангунскій храмъ* формы конической; его можно скорѣе всего сравнить съ огромнѣйшимъ заостреннымъ колоколомъ, поставленнымъ на ступенчатыхъ лежняхъ. Шпиль его, чрезвычайно-ярко вызолоченный, имѣетъ, подобно другимъ, форму перевернутой говорной трубы (см. *средній планъ рисунка* на стр. 393). Онъ возвышается на 338 англійскихъ футовъ. Вблизи храма виситъ (вылитый въ 1780 г.) огромный колоколь (въ двѣ сажени вышиной, въ полторы въ діаметрѣ и въ 7 вершковъ толщины), подъ которымъ лежатъ на землѣ оленьи рога: приходящіе на богомоліе ударяютъ ими по три раза, попеременно то въ колоколь, то въ каменныя плиты пола, созвѣщая тѣмъ Готамъ о своемъ прибытіи и о своей молитвѣ. Англичане не успѣли захватить драгоценностей этого храма.

(**) Храмъ *Чоз-Маду*, которому преданіе приписываетъ болѣе 2000 лѣтъ существованія, построенъ на двойной террасѣ, въ формѣ восьмиугольника, постепенно-скругляющагося къ верху. Но это громадное зданіе, въ 192 сажени окружности, не имѣетъ ни входа, ни пустоты внутри (!), и служба совершается въ близстоящихъ храмовыхъ отдѣлахъ. Надъ ними, какъ и надъ всеми священными зданіями, возвышается желѣзный позолоченный шпиль, оканчивающійся внизу золоченымъ зонтикомъ, *ти*. По краямъ террасы множество бамбуковыхъ жердей съ бѣлыми круглыми знаменами, въ означеніе святости мѣста и въ знакъ духовной чистоты Буддизма; на верхнихъ концахъ жердей деревянныя изваянія гусей — эмблемы Бирмана и Пегу.

(***) Замѣчательнѣйшіе города: *Аса*, нынѣшняя столица Бирмана (съ 1824 года); центръ города занятъ площадью, обставленною храмами, дворцами (*боа* или *рен-дхау*) и присутственными мѣстами (*лотъ-дхау*), и обнесенъ, подобно кремлямъ нашихъ древнихъ городовъ, стѣной. За тѣмъ слѣдуетъ внутренній городъ, имѣющій тоже свою стѣну, и наконецъ наружный, коего внѣшняя стѣна тянется на 8 верстъ. Народонаселенія въ столицѣ не болѣе 50,000, но если къ Асѣ присоединить совершенно-смежную съ ней, прежнюю столицу *Амературу* (перль драгоцѣнности), въ которой, въ 1827 году, выгорѣло до 20,000 домовъ (!), и лежащей на противоположномъ берегу рѣки г. *Зайхангъ*, главное мѣсто производства истукановъ, — то во всѣхъ трехъ городахъ съ предмѣстіями наберется жителей до 350,000. Амература замѣчательна еще галлерей историческихъ и археологическихъ надписей, собранныхъ сюда со всѣхъ точекъ имперіи; болѣе 200 изъ нихъ начертаны на мраморныхъ доскахъ. *Тенанъ-Жеунъ* на берегу Правадди, печальный и пустыя окрестности котораго до-того богаты колодцами горнаго масла, нефти, что отъ разбивающихся случайно горшковъ его, выставленныхъ на берегу, образовались топи. Нефть частью употребляется Бирманцами для освѣщенія и предохраненія строеваго лѣса отъ наѣдомыхъ, частью вывозится въ Индустанъ. *Салий-Киунъ* извѣстенъ выдѣлкой селитры и пороха казною; продажа послѣдняго производится съ позволенія правительства, какъ во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ. *Мартабанъ*, нынѣ опустѣлый; *Рангунъ*, выгорѣвшій въ 1811 г., — и наконецъ, нѣсколько городовъ въ сильно-населенномъ Лаосѣ.

добрый духъ, окончивъ предпринятый трудъ, удаллся. Опечаленные такимъ несчастіемъ, они предались сильной горести и до-того плакали, что безконечно-милосердый духъ сжался надъ ними и далъ имъ законы, писанные на буйволовой кожѣ. Отцы наши, въ восторгъ отъ этой милости, стали пировать, но пока они веселились, новая бѣда омрачила ихъ радость. Такъ какъ кожа законовъ была немного сыровата, то они и вывесили ее на солнце для просушки; при-шли снимать. .. но на кожѣ не осталось ни одной буквы: куры сцарапали всѣ, — и слова великаго духа погибли безвозвратно, потому что онъ не хотѣлъ болѣе поучать оплошныхъ нерадивцевъ, и мы навсегда остались въ невѣжествѣ. » Вѣ-роятно поэтому, глубоко-убѣжденные въ невозможности измѣнить свою горькую долю, Каріане хотя и признаютъ два верховныхъ существа — доброе и злое, — но поклоняются только последнему. « Отъ неисчерпаемаго милосердія добраго, говорятъ они: намъ вѣчего бояться, стало-быть нѣтъ никакой нужды и почи-тать его; злой можетъ вредить намъ, следовательно его пужно умилостивлять: » странное понятіе о богочитаніи, основанное на страхѣ и силѣ, и свойственное очень-немногимъ даже и изъ дикарей, у которыхъ все-таки, хотя безотчетно, неволью, проявляется чувство любви къ Невидимому! Поэтому всѣ несчастія, самая смерть, приписываются Каріанами дѣйствию злаго духа, и чтобы умло-стивить его, они прибѣгаютъ къ разнымъ жертвамъ, принесеніемъ которыхъ оговариваются всѣ требованія ихъ религіи. У нихъ не существуетъ ни храмовъ, ни жрецовъ, ни молитвъ; всякій отецъ семейства, въ случаѣ надобности, когда его посѣтитъ какая-либо бѣда, приноситъ грозному духу въ жертву цвѣтовъ или курцу, — въ важномъ случаѣ рѣжетъ кабана, и потомъ спокойно ждетъ Божьихъ милостей. И, чудное дѣло! несмотря на такіа вѣрованія, заключающіяся въ од-номъ грубомъ обрядѣ, не проникнутомъ никакою мыслию, несмотря на это от-сутствие нравственныхъ началъ, Каріане примѣрный народъ по своей прав-ственности, чудо не только между кочевыми обитателями лѣсовъ, но и среди націй, причастныхъ гражданственности, одинъ изъ немногихъ остатковъ такъ-называемыхъ патріархальныхъ племенъ. Если вѣрять аббату Жюрюню, про-жившему между ними нѣсколько лѣтъ, они отличаются чрезвычайною чистотою нравовъ, необыкновенно-правдивы, честны, баснословно-гостепріимны, храбры, но кротки и степенны, — словомъ соединяютъ въ себѣ множество добродѣтелей, которыя стали рѣдки и у насъ. Можетъ-быть, почтенный аббатъ увлекается отча-сти пристрастіемъ; можетъ-быть нѣкоторыя изъ превозносимыхъ имъ достоинствъ Каріанъ — просто слѣдствіе обычая, слѣпago уваженія къ старинѣ; но изъ ка-кого-бы источника ни происходили эти достоинства, все-же мы должны почитать ихъ добрымъ словомъ, какъ свидѣтельство благихъ наклонностей туземцевъ.

Наружность Каріанъ резко отличается отъ наружности Бирманцевъ. Черты лица ихъ, не обезображиваемаго татуировкой, походятъ на южно-европейскія, и цвѣтъ кожи гораздо-свѣтлѣе. Не отличааясь большимъ ростомъ, они однакожъ хорошо сложены; а дѣятельная жизнь придаетъ ихъ членамъ чрезвычайную силу и ловкость. Одежда Каріанъ состоитъ изъ полукафтаны съ широкими рукавами, нѣсколькихъ ожерельевъ на шеѣ и куска ткани, повязаннаго вокругъ головы, изъ-подъ котораго висятъ длинныя волосы. Женщины, очень-недурныя собою, одѣваются почти также, но искусно украшаютъ свой нарядъ яркими плодами и ягодами, какъ-будто разноцвѣтными стеклами. — Зная характеръ Каріанъ, можно напередъ угадать, какого рода жизнь ведутъ они: война съ вѣтрми, мѣстами хлѣбопашество, а во время проливныхъ дождей дѣланье лодокъ на продажу Бирманцамъ — вотъ всѣ ихъ занятія. Скупаясь болѣе по лѣсамъ, они, вѣроятно, для защиты отъ сырости и отъ кровожадныхъ животныхъ, строятъ свои дома

(изъ бамбуковитъ, очень-непрочно на видъ) на столбахъ, возвышающихся надъ землею футовъ на 15, а къ дверямъ приставляютъ узенькія лѣстницы. Единственное украшеніе этихъ бѣдныхъ хижинъ—рога носороговъ и слоновьи клыки—гордость хозяина, потому что они служатъ единственнымъ памятникомъ его лѣсныхъ побѣдъ; внутри хижины, раздѣленной на-двое, одні цыновки да очагъ для стряпни. Припасы хранятся въ небольшихъ земляныхъ ямахъ, небольшихъ, потому что Каріанину нѣчего заботиться сильно о своемъ пропитаніи: вышла у него пища, онъ идетъ, со всемъ семействомъ, къ кому-либо изъ сосѣдей, и, по праву *гости*, живетъ на его счетъ, покуда не поправится; а тотъ, при нуждѣ, также безцеремонно пользуется этимъ правомъ: ясно, что мншмая добродѣтель, гостепріимство, дѣлается здѣсь, какъ и почти вездѣ, круговою порукою. Впрочемъ, Каріанинъ такъ воздерженъ, что гощеніе его не бываетъ слишкомъ накладно хозяину; только изрѣдка позволяеть онъ себѣ повеселиться и напиться въ волю рисовымъ виномъ, особенно по случаю свадьбы или похоронъ. Въ первомъ случаѣ, природная важность туземцевъ уступаетъ мѣсто разливному веселью, потому что бракъ великое дѣло для Каріанина: объ искусствѣ жить съ нѣсколькими женами вдругъ онъ не слыхивалъ,—разводъ не извѣстенъ ему,—во второй бракъ вступаютъ рѣдко; слѣдовательно, выбрать себѣ подругу жизни не легко. Къ счастью, выборъ этотъ дѣлается имъ самимъ, безъ всякаго участія со стороны родныхъ, и избранной имъ дѣвушкѣ предоставляется тоже полная свобода отдать свою руку ему, или кому вздумается. При согласіи суженой, женихъ, въ сопровожденіи родственниковъ, идетъ къ ея дому, взбирается на лѣстницу,—но тутъ ждетъ его препятствіе: желая узнать ловкость будущаго мужа, невѣста поручаетъ сильнѣйшему изъ своихъ родныхъ испытать его. Начинается опасная борьба, въ которой неискусный влюбленный рискуетъ сломить себѣ шею, — и если защитникъ лѣстницы объявляетъ себя побѣжденнымъ, раздаются радостные крики, выпиваются чаши съ виномъ, и свадебный обрядъ конченъ. Въ случаѣ-же, когда женихъ недоволенъ силенъ, чтобы пробиться въ домъ, его мѣсто заступаютъ кто-нибудь изъ его родственниковъ; но мы въ правѣ думать, что это поведеніе, и что коренные Каріане не слѣдуютъ ему.

При самихъ похоронахъ, т. е. при сожженіи тѣла, не бываетъ никакихъ особенныхъ обрядовъ, и церемонія совершается спустя довольно-значительное время. Въ день, назначенный для нея, собираются родня и знакомые покойника, наряженные въ лучшія платья, устриваютъ родъ катафалка, надъ которымъ вѣшаютъ косточку изъ головы мертвеца, сбереженную отъ сожженія, а вокругъ раскладываютъ всѣ пожитки покойника. За-тѣмъ начинается круговая пляска, сопровождаемая дикими пѣснями и продолжающаяся, съ промежутками и отдыхами за рисовымъ виномъ, иногда до восьми сутокъ; по окончаніи ея, нѣсколько стариковъ берутъ кость умершаго и, вмѣстѣ со всемъ его имуществомъ, относятъ на потайное, имъ однимъ извѣстное, кладбище. Тамъ они заклиняютъ покойника не возвращаться домой и не беспокоить своей семьи, говоря, что дома у него ничего не осталось, и что они привесли ему все—и одежду и оружіе.

АНГЛІЙСКІЯ ВЛАДѢНІЯ НА ЗАПАДНОМЪ ПОЛУОСТРОВѢ.

Для краткости и удобства, мы представляемъ ихъ въ таблицахъ, и далѣе разсматриваемъ поочередно и по возможности сжато. Имена, означенныя звѣздочкой, суть земли или государства, совершенно-подвластныя Ост-Индской Компаніи: другія находятся только въ податномъ, или даже въ болѣе или менѣе независимомъ состояніи.

ОБЛАСТИ И ГОСУДАРСТВА, ОТНЯТЫЯ У БИРМАНА (1827).		Уступленныя Голландцами (1824).	Купленныя (?) у владѣтелей (1845).
На зап. отъ Иравадди.	На вост. отъ Салауэна.		
Гаррау. Джинтія. Кассай. Катчаръ. Ассамъ. * Читагонгъ. Араканъ. *	Мартабанъ. * Іэ. * Таванъ. * Тенассеримъ. *	Земли на Малак- кскомъ Полуост- ровѣ. *	Пуло-Пинангъ. * Сингапуръ. *
Объ эти части, составлявшія прежде отдѣльныя, маленькія губерніи Ост- Индской Компаніи присоединены, съ 1830 года, къ Калькуттскому Президен- ству.			
ГРАНИЦЫ ЭТИХЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЕЙ.			
Къ западу Бенгалія и Бенгальскій заливъ, къ сѣверу Китайская, къ востоку Бирман- ская и Китайская Им- перія.	Съ сѣвера Бирманомъ, съ запада Бирманомъ и Бенгальскимъ зали- вомъ, съ востока Си- момъ, съ юга его Ма- лаккскими владѣніями.	Между мелкихъ малайскихъ кня- жествъ, или такъ называемыхъ коро- левствъ.	Суть острова подъ Малаккой: 1-й у западныхъ бере- говъ, 2-й на южной ея оконечности.

Начнемъ съ разсматриванія первой, самой болѣе по про-
странству части, переходя, по возможности, отъ запада къ во-
стоку. (Сюда-же войдетъ и описаніе *Правовъ и Обычаевъ* на-
селяющихъ эти земли народовъ).

ГАРРАУ или **ГАРРАУСЪ** — безпорядочная громада горъ, окруженная съ
двухъ сторонъ Бенгальскимъ Президентствомъ, обитаема племенемъ *Гаррау*,
управляемымъ, по большей части, своими независимыми вождями. Туземцы, при-
числяющіе себя къ Индусамъ, ходятъ почти нагіе; всѣ очень сильны и крѣпки,
по нрава кроткаго и веселаго. Они чтутъ *Шиву* подъ названіемъ *Магадевы*,
но поклоняются сверхъ-того и планетамъ; бдятъ они всякихъ животныхъ и къ
одному только молоку имѣютъ отвращеніе. Съ убитыхъ въ сраженіи враговъ
срубаютъ они головы: мясо этихъ головъ пропитывается сокомъ парочко для
сего разводимаго дерева, поджаривается и употребляется въ пищу, а черепы
служатъ вмѣсто ассигнацій и векселей при очень-значительныхъ платахъ.
Группы-же своихъ соотечественниковъ *Гаррау* сжигаютъ, чтобы не случилось

ошибкой принять туземнаго черепа за черепъ врага. Все это дѣлается въ 400-хъ верстахъ отъ Калькутты !

ДЖИНТИЯ или **ДЖИНТИЯХЪ**. Небольшая гористая область, богатая слонами, желѣзомъ и грубымъ шолкомъ, доставляемымъ дикими червями. Туземцы принадлежатъ къ желтому племени и называютъ себя *Хассилъ*, — исповѣдуютъ Браманизмъ, раздѣлены на касты, и приносятъ людей въ жертву злымъ духамъ. Кроме того, здѣсь много Индусовъ и мусульманъ. Главный раджа княжества пребываетъ въ *Джитіануръ* и называетъ себя : *могучимъ, побѣдоноснымъ повелителемъ, знаменитымъ Рамъ-Сингомъ* (Рамъ-Левъ), *великимъ царемъ*, — хотя кроме его маленькая Джинтия управляется еще множествомъ почти независимыхъ отъ него, мелкихъ вождей, безпрестанно-воюющихъ между собою, изъ которыхъ каждый обладаетъ двумя, часто даже и одной горой. Замѣчательно здѣсь обычай, что если раджа не имѣетъ дѣтей, то сестру его выдаютъ замужъ за молодаго туземца, и тогда дитя, рожденное отъ этого брака, становится законнымъ наследникомъ престола, — отца отравляютъ, а мать принимаетъ почётное названіе *куни* и становится выше самой *раніи*. Куні приносятъ каждагогодно человѣческія жертвы своему любимому племени, и народъ молится при этомъ о сохраненіи драгоценной жизни дарованнаго ему наследника. Страшно, что невѣжественные жители этой страны умѣютъ строить мосты и огромные памятники изъ прѣтяжелыхъ, громадныхъ камней.

КАССАЙ — обширная плоская возвышенность въ 2500 футовъ надъ моремъ, окруженная горами, амфитеатрально-поднимающимися еще на 2500 футовъ. Обитатели его называютъ себя *Мой-Тхайи*; они приближаются болѣе къ блѣлому, чѣмъ къ желтому племени; религія ихъ — Браманизмъ, языкъ — нарѣчіе языка *Тхайи*. Благодаря здоровому климату, туземцы рослы и сильны; они извѣстны какъ искусные кузнецы, весьма-ловкіе наѣздники и люди способные къ музыкѣ. Въ центрѣ княжества столица *Муинпуръ* или *Манипуръ*, по которой и страна называется иногда *Манипуромъ*.

КАТЧАРЪ, КАЧГАРЪ, или ГАЙРУМБО — страна гористая, богатая лѣсомъ, солью и грубымъ шолкомъ, называемымъ *луиъ*. Многочисленное племя *Катчировъ*, населяющее страну, — племя переходное, физическимъ типомъ схожее съ Китайцами и болѣе-блѣое и рослее, чѣмъ Бенгальцы. Забывъ свое древнее нарѣчіе, они приняли языкъ бенгальскій и вмѣстѣ съ нимъ Браманизмъ и установленіе кастъ, но по костюму и обычаямъ совершенно сходны съ Бирманцами. Богиня *Дургеъ* приносятъ здѣсь въ жертву военнопленныхъ. Старая столица — *Гуабари*, — новая, построенная на берегу замѣчательно-прозрачнаго *Медура*, — *Каспуръ*; но неограниченный раджа, для личной безопасности, перенесъ свою резиденцію, по сосѣдству Англичанъ, въ незначительное мѣстечко *Дудъ-Патали* несмотря на пышный свой титулъ: *Глава потомковъ луны, подвиги котораго блестятъ, какъ ослѣпляющее сіяніе блага зоптика, могущественный владытель Гайрумбо, царь царей; передъ которымъ съ уваженіемъ преклоняются всѣ земные владыки*. Дворъ и атрибуты власти этого князька скопированы съ бирманскаго. — Въ 60 верстахъ отъ Каспура находится въ горахъ огромная пещера, служащая ужъ нѣсколько вѣковъ резиденціей фанатиковъ-разбойниковъ. Общество ихъ дѣлится всегда на двѣ смѣны: одна молится въ пещерѣ, а другая рѣжетъ и грабитъ въ окрестныхъ лѣсахъ.

АССАМЪ, самое большое изъ всѣхъ численнѣйшихъ нами государствъ, лежитъ между 26° и 28° сѣверной широты. Подпавшій некогда подъ власть Ауренгзеба, и снова освободившійся потомъ, Ассамъ, съ 1826 года, находится въ зависимости отъ Ост-Индской Компаніи и дѣлится на три части. *Западная часть*,

Камру, принадлежит Англичанамъ, *средняя, собственно-Ассамъ*, платитъ имъ дань въ 30,000 р. сер., а *восточная* весьма-гористая часть, *Сидил* или *Содийлахъ* (половина которой покорена Бутанцами), населена разными полудикими мелкими народами, каковы: (къ северу отъ Брампутра) *Абори*, *Донхи* или *Дофлы*, *Мичмийцы* и (къ северу отъ этой рѣки) *Синьпхо*, *Мулаки*, *Кекуи*, *Боркампитицы*, и наконецъ самые восточные *Чаны* (не Шапы-ли?) Все эти мелкие народы, дающіе свое имя населенной имъ землѣ (отчего и появляется во многихъ географіяхъ названія разныхъ странъ, лежащихъ будто-бы къ востоку отъ Ассама), обитаютъ собственно въ восточной части его, *Содийлахъ*, управляютъ своими собственными раджами, и дѣлаютъ безпрестанные набѣги на среднюю полосу Ассама. Подданные ассамскаго раджи принадлежатъ къ семьѣ *Индусовъ*, бръютъ всѣ волосы кромѣ усовъ, говорятъ по-бенгальски, и ужъ болѣе двухъ-сотъ лѣтъ исповѣдуютъ Браманизмъ, хотя далеко не такъ боятся оскверненій, какъ жители Бенгаліи. Цвѣтъ кожи ихъ почти чѣрный, но въ верхнемъ гористомъ Ассамѣ гораздо-свѣтлѣе. Сильные, дѣятельные и трудолюбивые, они одѣваются собственными шелковыми издѣліями, которыя ткнутъ ихъ женщины. Многочисленные ремесленники распадаются по роду занятій на касты, какъ-то: плотники, каменщики. Зато въ Ассамѣ вовсе нѣтъ портныхъ; а башмачники встрѣчаются только рѣдко: ибо право носить башмаки или туфли составляетъ почётную привилегію и требуетъ особеннаго разрѣшенія раджи. Столица Ассама—*Джорганта*, но самый многолюднѣйшій городъ *Раганпуръ*, если можно только называть городомъ груду деревянныхъ и тростниковыхъ хатъ, окруженныхъ валомъ или стѣной изъ полевыхъ камней, и гдѣ нѣтъ ни площади, ни лавокъ. Ассамъ очень плодороденъ; шолкъ, кунжутное сѣмя и каучукъ составляютъ главный предметъ его вывозовъ. Развалины старыхъ широкихъ дорогъ напоминаютъ о прежнемъ процвѣтаніи края, столь-важнаго по торговому положенію своему между Китаемъ, Бирманомъ и Индустаномъ. Въ Сидил нѣтъ городовъ: туземные горцы живутъ въ аулахъ и деревянныхъ хижинахъ, такъ-сказать прилепленныхъ къ отлогимъ скаламъ; они ходятъ полунагіе, и вооружены стрѣлами, напитанными ядомъ, легкимъ копьемъ и мечемъ, называемымъ *ди*.

ЧИТАГОНГЪ—зависѣлъ прежде отъ бенгальскихъ набавовъ, и давно уже причисленъ къ Бенгальскому Президентству. Въ столицѣ его, *Пеламъ-Абадъ* (обитель вѣры), находится множество мечетей и двѣ католическія церкви временъ владѣнія Португальцевъ; брамантовъ встрѣчается здѣсь ужъ мало. Провинція эта славится здоровымъ климатомъ и минеральными водами, привлекающими множество больныхъ пеститителей.

АРАКАНЪ. О географическомъ и прежнемъ политическомъ положеніи Аракана мы говорили уже нѣсколько разъ; поэтому мы остановимся теперь только на физическомъ и этнографическомъ значеніи его. Пересѣкаемый множествомъ быстрыхъ рѣчекъ, или, вѣрнѣе, потоковъ, сбѣгающихъ съ *Араканскаго* хребта, или, иначе (туземное названіе), съ горъ *Юма-Донскихъ*, и изрѣзанный множествомъ морскихъ бухтъ и лагунъ,—онъ составляетъ болѣею частью длинную, узкую цѣпь полуострововъ, перешейковъ и острововъ, довольно-низменныхъ и покрытыхъ густымъ лѣсомъ. Хорошія гавани, почва удобная къ произрастанію сарацинскаго шпена, обиліе въ лѣсѣ и множество буйволовъ и слоновъ—вотъ перечень разнороднаго богатства этой страны; весьма-сырой и зловредный климатъ—ея гибельное неудобство. Гористая западная сторона этой большой области называется *Ануектумджу*. Звѣриная и рыбная ловля, а въ *Ануектумджу* выдѣлываніе весьма-уважаемой соседями бумажной ткани, *пулоны*, составляютъ единственный промыселъ Араканцевъ, или, вѣрнѣе, *Моговъ* или *Му-*

2088. Какъ народъ, родственникъ Бирманцамъ, онъ заимствовалъ его обычаи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нелюбовь къ родичамъ. На пути прощенья онъ не опереждалъ ихъ, хотя здѣсь всѣ, даже и женщины, знаютъ читать и писать: одна изъ многочисленныхъ уликъ противъ безусловнаго панегирика распространѣнію въ народъ грамотности, и доказательство, что при подобныхъ данныхъ, нужно обращать большое вниманіе на то, что именно читается и что пишется. Туземцы-же буддисты, и чтеніе ихъ ограничивается священными буддійскими книгами, что однакожь не мѣшаетъ туземнымъ женщинамъ быть довольно-безнравственными. О мужчинахъ подобнаго не извѣстно; путешественники говорятъ однакожь, что они вѣрооятно и жестоки при этомъ, честны и вѣрны данному слову, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ очень хитры и достаточно плутоваты въ торговлѣ: мы сомнѣваемся въ возможности подобнаго соединенія. Больше-опредѣлительно говорятъ тѣ-же путешественники о томъ, что туземные храмы, посвященные *Готамъ*, богаты и блестятъ золотомъ, а народъ бѣденъ, и города страшно грязны. — Народонаселеніе Аракана простиралось еще недавно до $2\frac{1}{2}$ милліоновъ жителей, но въ повѣйшее время значительная часть его разбѣжалась по лѣсамъ и ушла за бирманскую границу. Раджа Аракана единственный купецъ своего государства; онъ изнуряетъ своихъ подданныхъ, и платитъ большую дань Англичанамъ. Главный городъ *Араканъ*, лежащій на рѣкѣ того-же имени, имѣетъ физіономію совершенно-буддійскую.

Перейдемъ теперь къ англійскимъ владѣніямъ, лежащимъ къ востоку, а вмѣстѣ и къ югу отъ рѣки *Санлуэна*.

МАРТАВАНЪ, ІО, ТАВАИ, ТЕНАССЕРИМЪ. — Длинная полоса земель, имѣющая большое протяженіе отъ сѣвера къ югу, вдоль по западной сторонѣ средней развитыни Заганскаго Полуострова и примыкающей къ ней части Малаккискаго. Начинаясь на линіи соединенія Бирмана и Сіама, она отрѣзывается отъ перваго рѣкой *Санлуэномъ*, а отъ втораго отдѣляется постояннымъ рубежомъ, Бирмано-Сіамскимъ хребтомъ, провожающимъ ея восточныя границы, почти параллельно Бенгальскому заливу, омывающему ее съ запада, — доколь, по переходѣ значительной части Малакки, она не встрѣтится съ южной стороны съ сіамскими владѣніями на Малаккѣ. Равняясь, во всемъ этомъ протяженіи, поверхностью своею почти $7\frac{1}{2}$ тысячамъ географическихъ миль, она орошается устьемъ рѣки *Санлуэна* и кромѣ-того тремя мелкими рѣками, сбѣгающими со ската Бирмано-Сіамскаго хребта, и дающими имя своимъ тремъ послѣднимъ областямъ полосы. Она изобилуетъ болѣею частію деревъ, составляющихъ богатство Заганскаго Полуострова, — оловомъ, котораго въ-особенности много въ пескѣ рѣки *Тенассерима*, слонами и носорогами, населяющими густые лѣса всѣхъ четырехъ областей. Всѣ они принадлежали прежде раджамъ, бывшимъ болѣе или менѣе подвластными, по обстоятельствамъ, то Сіаму, то Бирмаву; но всѣ эти повелители лишились наконецъ земель своихъ, какъ обыкновенно случается съ мелкими владѣльцами, во время дружбы или вражды между ихъ сильными сосѣдами: борьба Англичанъ и Бирмана была для нихъ только случайностью. Населеніе всей этой полосы, значительно-увеличившееся, какъ утверждаютъ англійскіе путешественники, со времени англійскаго владѣтельства, все еще не выше 120,000 душъ, смѣси народовъ *Марамъ* и *Тхайи*, *Каріановъ* и особенно *Какіэновъ* (народа отличнаго отъ *Кіэновъ*). Туземцы заимствовали большую часть обычаевъ своихъ отъ сосѣдей, Бирманцевъ или Сіамцевъ, какъ пришлось, удерживая въ нѣкоторыхъ случаяхъ свои собственные, частью противоположные сосѣднимъ и частью весьма-странно-ори-

гинальны. Такъ, напримеръ, у Бирманцевъ заили они татуировку тѣла, у Сіамцевъ похоронные обряды (*). Какъ противоположность полунагимъ состоянъ, нельзя не упомянуть о томъ, что всѣ туземцы тщательно кутаютъ свое тѣло въ дорогія ткани: мужчины въ шелковыя, женщины въ бумажныя и кисею, но браслетовъ и ожерелій не носятъ. И все это платье, не подвергаясь никогда ни мытью, ни перемѣнѣ, изнашивается до лохмотьевъ и до новаго полнаго туалета: таковъ ужъ обычай! Мужчины носятъ, кромѣ того, во время дождя, свои доморощенныя легкія шляпы, съ полями столь-широкими, что они составляютъ въ діаметрѣ не менѣе четырехъ футовъ. — Оригинальность-же собственнаго туземнаго обычая проявляется всего болѣе въ странномъ родѣ пріѣзства: при встрѣчѣ двухъ пріятелей, одинъ изъ нихъ прикладываетъ носъ къ щекѣ другого и сильно втягиваетъ въ себя воздухъ. Кто крѣпче прижалъ носъ къ щекѣ и сильнѣе вдохнулъ чрезъ него, тотъ лучше исполнилъ долгъ пріличія. — При вѣнчаніи нѣтъ у нихъ никакихъ обрядовъ; разводы весьма легки, и женщины пользуются вообще большою свободой поведенія. Шахматы и игра въ мячи, вотъ удовольствія этого народа, соединяющаго борьбу и кулачные бои со всеми торжествами, — и страсть къ этому послѣднему роду удовольствія такъ велика, что, за неимѣніемъ бойцовъ, они довольствуются выученными на то буйволами, пѣтухами и даже особаго рода рыбами (называемыми Сіамцами *плакѣть*), которыхъ они содержатъ въ вазахъ, и въ назначенное время выпускаютъ на драку въ боевой бассейнъ, гдѣ онѣ тотчасъ кидаются другъ на друга и бьются до смерти одной изъ сражающихся.

Самая богатая народонаселеніемъ и безъ сравненія важнѣйшая часть этой полосы — область *Мартабанъ*; но городъ того-же имени, на правомъ, бирманскомъ, берегу рѣки *Санлуэна*, не принадлежитъ Англичанамъ. Основанный Крофордъ г. *Ангертъ* — главный теперь въ области; торговля и народонаселеніе возрасли въ немъ быстро и сильно въ нѣсколько лѣтъ. Въ области *Теннисеримъ* находится еще важный по торговлѣ, приморскій-же городъ:

МЕРГУИ, который, вмѣстѣ съ прилежащимъ къ нему *Архипелагомъ Мергуи*, составляетъ пятую область описанной нами полосы. Острова эти богаты источниками прѣсной воды, рыбой и устрицами. По архипелагу разсѣяно многочисленное, трудолюбивое, но робкое племя, называемое Бирманцами *Чалоз* или *Пазѣ*. Они не знаютъ ослѣдствій, проводятъ всю жизнь на ладьяхъ, и, страшась затѣвующихъ сюда за гнѣздами саланганы Малайцевъ и Загангцевъ, перекочевываютъ безпрестанно съ одного мѣста на другое. Занимаются они рыбной и всякой другой охотой, и мѣняютъ обыкновенно добычу свою на товары, доставляемые имъ Китайцами.

МАЛАККСКІЯ ЗЕМЛИ. (**) Англичанамъ принадлежитъ здѣсь *Малаккскій округъ съ городомъ Малаккой*. Онъ былъ отнятъ Голландцами у Португаль-

(*) Нужно замѣтить относительно послѣднихъ обрядовъ, что тѣла женщинъ, умершихъ во время беременности, сожигаются здѣсь около воды, а это подало поводъ къ обычному проклятiю туземныхъ женщинъ между собою, равносильному нашему: «*чтобъ тебѣ не разродится!*» тутъ кричатъ онѣ нерѣдко одна другой, во время брани: «*Пускай сожгутъ тебя на берегу рѣки!*»

(**) Разсматривая только англійскія владѣнія на этомъ полуостровѣ и упоминая вскользь о сіамскихъ, мы никакъ не намѣрены посвящать Малаккѣ страницъ, назначенныхъ для Правовъ и Обычаевъ обитателей Загангскаго Полуострова. Какъ полоса земли, соединенная природой съ описываемымъ нами полуостровомъ, и какъ страна, причисленная къ нему географами, Малакка вошла въ наши Общія Свѣдѣнія своимъ видомъ, своимъ пространствомъ и своими границами, — но какъ земля, оби-

цевъ, въ 1641 году, и уступленъ имъ Англичанамъ, въ 1824-мъ. Малакка была некогда средоточіемъ весьма-дѣятельной торговли, но теперь это незначительное мѣстечко, лишенное торговли, обратившейся на Пуло-Пинангъ и въ свободные порты Таньянь-Пинангъ и Сингапуръ. Впрочемъ Англичане завладѣли городомъ Малаккой не столько потому, что ожидали отъ него большихъ польвъ, сколько для того, чтобы онъ не вредилъ имъ, находясь въ чужихъ рукахъ. Полуразвалившаяся набережная, полуразбитая крѣпостца и на первомъ планѣ нѣсколько китайскихъ жилищъ, причудливо окрашенныхъ и вытянутыхъ въ линію вдоль берега,—вотъ теперешній видъ Малакки, этого ключа торговли двухъ морей, поочередно оспариваемаго некогда тремя торговыми европейскими націями. Самое замѣчательное зданіе, составляющее вмѣстѣ и главную причину извѣстности пынтиней Малакки: Англо-Китайскій Коллегіумъ, имѣющій интересную восточную библіотеку и англо-китайскую типографію. Главная цѣль коллегіума—изученіе китайской и индійской литературы. Отъ него записаны многія китайскія школы, разбросанныя даже въ предѣлахъ англійскихъ владѣній, напр. рангунская, китайскіе и малайскіе учителя которой получили образованіе свое въ Малаккѣ. Школы эти составляютъ немаловажную пружину англійской политики и опору ея власти въ этихъ странахъ.

ПУЛО-ПИНАНГЪ и СИНГАПУРЪ.—Гораздо-важнѣе для Англіи обладаніе двумя прилежащими къ Малаккѣ островами: Пуло-Пинангомъ и Сингапуромъ, которые, несмотря на свою необширность (*), составляютъ одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ перловъ въ коронѣ «владычицы морей». И замѣчательно, что пріобрѣтеніе этихъ сокровищъ не стоило ей почти никакого труда. Такъ, Пуло-Пинангъ, лежащій при вхождѣ въ заливъ Малаккскій, достался Компаніи по слѣдующему случаю. Въ концѣ прошлаго столѣтія капитанъ компанейской службы, Лейтъ, успѣлъ оказать какія-то услуги кедахскому султану (одному изъ малаккскихъ владѣтелей), который, въ благодарность, выдалъ за него свою дочь, а вмѣсто приданаго подарилъ Пуло-Пинангъ. Какъ истый Англичанинъ, Лейтъ уступилъ островъ Компаніи, которая учредила здѣсь главную складочную контору для торговли съ Китаемъ, назначивъ ревностнаго патріота правителемъ ея. Выгодное положеніе новой колоніи, богатство произведеній и умѣнье Лейта привлекли обширное народонаселеніе на Пуло-Пинангъ, обитаемый прежде нѣсколькими сотнями Малайцевъ и Китайцевъ,—и въ 1802 году число его жителей простиралось до 10 т., а теперь равняется почти пятидесяти! По этому возрастанію можно судить о важности торговли Пуло-Пинанга, пользующагося преимуществами вольнаго порта,—хотя со времени колонизаціи сосѣдняго Сингапура торговля эта значительно уменьшилась. Единственный городъ острова—Джорджъ-Таунъ, съ превосходною гаванью, чудеснымъ мѣстоположеніемъ и широкими улицами, по которымъ бродитъ самое пестрое населеніе. Климатъ Пуло-Пинанга, особенно въ гористой части его, такъ здоровъ и благообразенъ, что множество Европейцевъ изъ Бенгаліи пріѣзжаютъ сюда пользоваться свѣжимъ воздухомъ Индійскаго Монпелье.

Сингапуръ, лежащій на югъ отъ Малакки и отдѣляемый отъ нея лишь узкимъ проливомъ, представляетъ еще болѣе удивительный примѣръ того, какъ важно вліяніе свободной торговли на развитіе и благосостояніе мѣстъ, служащихъ ей

таемая племенемъ, которому мы обязаны посвятить особый томъ, она явится вполнѣ только въ немъ; здѣсь-же дасть намъ однѣ тѣ земли свои, которыя необходимы для полноты обѣихъ частей предстоящаго тома.

(*) Пространство Пуло-Пинанга равняется 35 кв. миль, а Сингапура—1½.

средоточіемъ. Лѣтъ двадцать тому, онъ, можно сказать, не существовалъ, — то-есть, былъ лишь дикимъ островомъ, на которомъ укрывались малайскіе пираты, да рыскали полчища тигровъ, — и только; а теперь Сингапуръ имѣетъ до 20,000 жителей, по торговлѣ почти равняется съ Бомбеемъ (обороты его простираются болѣе чѣмъ на сто милліоновъ рублей), и въ немъ издается даже журналъ: *Singapore Chronicle*. Подобно Пуло-Пинангу, онъ достался Англіи почти даромъ, потому что былъ удержанъ ею при возвращеніи Голландіи захваченныхъ владѣній этой послѣдней въ Малайскомъ Архипелагѣ; а Сиръ *Редфильдъ*, принимая всю важность передоваго владѣнія въ Китайскомъ морѣ, основалъ на немъ (въ 1819 г.) колонію, которая вскорѣ увидала въ своей гавани европейскій корабль и китайскую джонку, сіямскую барку и малайскую *про*, — купца изъ Франціи и Кохинхины, изъ Генуи и Калькутты, — колонію, которая, несмотря на то, что она и доселѣ не имѣетъ еще почти никакихъ произведеній собственной промышленности и важна только какъ пристань, — заслуживаетъ, по всей справедливости, названіе *Тиры Индіи*. Впрочемъ, со-временемъ и собственныя богатства Сингапура (начиная отъ строеваго лѣса до золотого песка, находямаго въ рѣкахъ его) и его климатъ, чрезвычайно-способствующій процвѣтанію земледѣлія, тоже къ чему-нибудь да пригодятся. Колонія распространяется съ каждымъ днемъ; преступники, ссылаемые сюда изъ всѣхъ президентствъ Индустана, разчищаютъ лѣсъ, проводятъ дороги, и дѣятельность кипитъ повсюду.

НЕЗАВИСИМЫЯ ГРУППЫ ОСТРОВОВЪ.

Во-первыхъ: многіе обитаемые острова вдоль западнаго берега Малаккского Полуострова (собственно подлѣ земли *Кедахъ*), и болѣйшій изъ нихъ:

САЛАНЪ, ДЖОНК-СЕЙЛАНЪ по-европейски, хорошо-воздѣланный и богатый оловомъ и лѣсомъ, коими пользуются Китайцы. Къ сѣверу отъ этого острова тянется длинная, въ 160 миль, града острововъ разныхъ группъ:

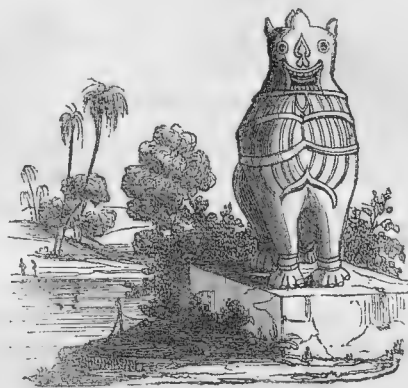
СЕЙЕРСКІЕ — самые южныя въ грядѣ, основанные на высокихъ гранитныхъ скалахъ, поражающіе удивительнымъ разнообразіемъ и величавой красотой прозябанія и прибрежныхъ раковинъ и коралловъ. Они удивляютъ своей пустынной тишиной; отсутствіе человека какъ-будто удаляетъ отсюда всякое бытіе оживленной твари! Только внутри лѣсовъ раздаются крики безчисленнаго множества сѣдыхъ вампировъ (*pteropus edulis*, сосцевосныя, близкія къ породѣ летучихъ мышей), однообразно-раскачивающихся цѣлый день подъ вѣтвями деревь, на которыхъ они висятъ, уцепившись задними лапами. Далѣе:

ГРАНИТНЫЯ СКАЛЫ, одѣтыя известковымъ камнемъ, къ которому салаганы прикрѣпляютъ свои гнѣзда. Кроме этихъ гнѣздъ собираютъ еще здѣсь жемчужныя раковины, но только для перламутра.

Потомъ идетъ описанный уже **АРХИПЕЛАГЪ МЕРГУИ**. Но исходя опять отъ болѣе-сѣверной точки, отъ мыса *Неграиса*, мы встрѣчаемъ, въ юго-западномъ направленіи отъ него, двѣ группы между 6° и 13° сѣверной широты:

АНДАМАНСКІЕ ОСТРОВА, — всего четыре, малайскіе обитатели которыхъ наводили недавно еще пиратствомъ своимъ страхъ на всѣхъ мореходцевъ. Островитяне почитали даже людоедами, потому что крушеніе корабля близъ нихъ острова давало всякій разъ поводъ ко всеобщему каннибализму. Въ послѣднее время основана здѣсь англійская колонія *Корнуаллисъ*. Къ югу отъ нихъ:

НИКОВАРСКИЙ АРХИПЕЛАГЪ, высокіе, гористые острова (ихъ около 20), покрытые пальмами арека и кокосовыми; они въ-особенности отличаются замѣчательнымъ отличительнымъ свойствомъ загангскаго прозябанія (см. стр. 397). Поэтому климатъ ихъ страшно заразителенъ для Европейцевъ, и Датчане, дѣлавшіе нѣсколько попытокъ завести здѣсь колонію, перемирали каждый разъ. Но здѣшніе жители, живущіе, такъ-сказать, между тиграми и змѣями, привыкли къ климату и здоровью. Это несчастное племя, говорящее малайскимъ нарѣчіемъ, но, къ удивленію, не малайскаго, а вѣроятно индійскаго происхожденія, заимствовало отъ праотцевъ свое крайне-трусливое миролюбіе. Не знающіе ни земледѣлія, ни благоразумія запасовъ въ пищу, они, въ случаѣ голода, должны пожирать другъ друга. Наріе, нескладные (говорятъ, однакожь, что здѣшнія женщины очень красивы собой!), они валяются всякій день въ грязи и обмазываются смѣсью охры съ жиромъ, чтобы защитить тѣло отъ насекомыхъ. Хитрые и мстительные, трусливые и жестокіе, они живутъ, т. е. прозябаютъ, какъ большая часть обитателей мелкихъ острововъ Океаніи, въ крайнемъ невѣжествѣ и загробѣнн правовъ. Курень изъ прутьевъ и листьевъ, съ пролазкой вмѣсто двери, составляетъ ихъ жилище; плетушка для нищи—единственная домашняя утварь; щитъ, палица, стрѣлы и дротикъ—ихъ богатство, оружіе и предметъ роскоши; послѣдними владѣютъ они такъ ловко, что бьютъ ими не только птицъ, но даже и крупную рыбу у берега. — Въ знакъ дружескаго привѣтствія они ударяютъ себя по бедру и поднимаютъ ногу вверхъ! Этотъ странный для насъ обычай не басня и не мистификація. Онъ ни сколько не походитъ на замѣчаніе, сдѣланное о туземцахъ шведскимъ морякомъ *Кэпингомъ*, что у этихъ дѣлать странныхъ людей есть хвостъ сзади: ученое заключеніе, сдѣланное этимъ ограниченнѣйшимъ человекомъ, вѣроятно оттого, что онъ принялъ за хвостъ висѣщія сзади тѣсмы ихъ лагути, этого первообраза изобрѣтеннаго человѣческаго стыдливостію платья,—и которое, однакожь, было принято, во время дню, за вѣрную хотя и очень-удивительную новость, извѣстными европейскими учеными *Линнеемъ* и *Бюффономъ*... Стоитъ только вѣрить всему, что говорятъ люди, и чудесамъ не будетъ конца!

СИЯМЪ.

Географическія свѣдѣнія объ этомъ государствѣ, занимающемъ почти средину Загангскаго Полуострова, весьма не точны. Вмѣстѣ съ Бальби и Берггаузомъ, мы полагаемъ границами Сіама къ северу китайскую область Юннанъ, къ востоку Аннамъ, тутъ-же мѣстами и воды р. Менамконга, — къ югу Сіамскій заливъ, Китайское море и независимыя владѣнія Малаккскаго Полуострова, къ западу-же Малаккскій проливъ, потомъ англійскія владѣнія по сию сторону Ганга и наконецъ Бирманъ, отъ котораго Сіамъ отдѣляется горами и рѣкой Сандуэномъ. Въ этихъ границахъ составъ Сіама заключается: въ непосредственныхъ ему земляхъ—собственномъ *Сіамѣ* (земль *Тхайи*) и части прежняго независимаго королевства *Камбоджи*, — и потомъ въ посредственныхъ земляхъ *Лаоса* и шести мелкихъ княжествахъ или королевствахъ на полуостровѣ Малаккѣ, изъ которыхъ четыре платятъ только дань, — а *Патами* (съ главнымъ городомъ того-же имени), самое населенное, самое плодородное, составляетъ собственность государя. Всѣ эти земли, взятые вмѣстѣ и имѣющія вчетверо большее протяженіе отъ сѣвера къ югу, чѣмъ отъ запада къ востоку, равняются около 13,500 $\square$ миль, изъ которыхъ почти половина падаетъ на долю земли Тхайи, нѣсколько болѣе трети на Лаосъ, и почти по $\frac{1}{10}$ на малайскіе участки и часть принадлежащей Сіаму Камбоджи. Главнѣйшая часть государства заключается, какъ мы уже сказали, въ долину, ограничиваемую двумя хребтами горъ, отдѣляющихъ на нее нѣсколько незамѣчательныхъ отраслей,—но дающихъ западной части Сіамскаго залива чрезвычайно-живописныя виды, изъ-за которыхъ видѣются безчисленные, остроконечныя, пирамидальныя вершины Бирманскаго хребта, такъ опредѣлительно названнаго Сіамцами *Самъ-Рой-Юмъ* (что значитъ собственно: горы трехъ-сотъ вершинъ). На востокъ между-тѣмъ тянутся болѣе низкіе хребты, покрытые густыми лѣсами,—и вся страна, приближаясь къ морю, понижается все болѣе и болѣе, такъ что послѣднія нѣсколько миль представляютъ, почти на всемъ протяженіи въ ширину этой долины, видъ воды, изъ которой иногда выказываются группы деревьевъ и кустарниковъ, и мѣстами издалека поражаютъ взоръ гранитные острова, возвышающіеся слишкомъ на 100 футовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ. Поселенные на рубежъ двухъ сильныхъ племенъ, Бирманцевъ и Китайцевъ, Тхайи, находясь въ непрерывной враждѣ съ первыми, искали издавна союза вторыхъ. Исторія ихъ становится, однакожъ, достовѣрной со времени внесенія къ нимъ буддійской религіи, въ 638 году по Р. Х.,—и изъ 60-ти царствовавшихъ въ Сіамѣ съ того времени государей, мы знаемъ, что 37-й перенесъ столицу царства изъ Лаконта, съ границъ Лаоса, въ Сіо-Тхайа, на берега Менама, въ 1350 г. нашей эры. Съ XVI столѣтія, Сіамъ вмѣшивается въ распри индустанскихъ владыкъ,—вскорѣ послѣ того, по случаю неудачной попытки на Малакку, начинаютъ сношенія между нимъ и голландской торговой компаніей,—и наконецъ, чрезъ полтораста лѣтъ, прошедшихъ во внутреннихъ смутахъ и раздорахъ, безцвѣтная исторія его получаетъ болѣе интереса, которымъ она обязана, однакожъ, только вѣншему вліянію, именно внесенію Христіанства, начатому Французомъ и доминиканцемъ Гоа и ревностно продолженному тремя главными дѣйствителями французской миссіи, посѣтившими страну эту въ 1602 году. Милостиво-пріятыи царствовавшимъ въ то время, готовымъ на преобразованія, умнымъ *Тшау-Нарайа*, они основали семинарію Св. Іосифа на уступленной имъ землѣ, и подкрѣпленные бѣжавшими изъ Кокхинны, вслѣдствіе гоненій, христіанами, были обязаны въ дальнѣйшихъ успѣхахъ своихъ особенному случаю. Нѣкто *Константинъ Фальконъ*, родомъ Грекъ изъ Кефалоніи, воспитанный въ Англіи и потомъ завезенный въ Индустанъ, поочередно то купецъ, то солдатъ англійской милиціи, корсаръ и путешественникъ, былъ выброшенъ на берегъ бурей, въ одно время съ сіамскимъ посломъ къ персидскому двору. Несчастіе сблизило ихъ, взаимныя услуги связали узами пріязни, и по возвращеніи съ этимъ вельможей въ Сіо-Тхайа, онъ вскорѣ былъ представленъ государю Тшау-Нарайа, и, заслуживъ его вниманіе своими умными и новыми взглядами на политику сіамскую, сдѣлался сначала посланникомъ, а потомъ ближайшимъ совѣтникомъ и первымъ министромъ. Обязанный въ началѣ французскимъ миссіонерамъ, онъ тѣмъ болѣе былъ благодаренъ, что благодарность его была основана на выгодахъ разсчета. Одаренный хитрымъ и гибкимъ умомъ, онъ два раза уже мѣнялъ вѣру отцовъ своихъ (сначала на протестантизмъ въ Лондонѣ, потомъ на католицизмъ въ Сіамѣ),—и теперь, мѣня на мѣсто при блестящемъ дворѣ французскомъ, онъ употребилъ весь свой вѣкъ при дворѣ сіамскомъ, для того чтобы покровительствомъ французскимъ миссіонерамъ заслужить благоволеніе Людовика XIV. Вскорѣ устроено было посольство двухъ уполномоченныхъ сіамскихъ мандариновъ въ Парижъ, гдѣ сначала не въняли подобному событію, какъ несбыточному, и гдѣ потомъ занялись церемоніями ихъ пріема, какъ дѣломъ высшей государственной важности. Казалось, что блескъ былъ единственнымъ путемъ вліянія на этихъ полудикихъ посланниковъ, и ихъ встрѣтили, окружили, отуманили этимъ блескомъ. Благоклонно-пріятыи въ Версаль, среди самаго блестящаго двора Европы, Людовикомъ XIV, изнывавшимъ подъ бременемъ своихъ украшеній, они были приглашены къ королевскому столу, и въ теченіе двухъ-мѣсячнаго пребыванія въ Парижѣ были такъ озабочены праздниками, балами, прогулками и удовольствіемъ охоты, что возвратились столь-же удивленные, сколько и усталые. Вслѣдъ за этимъ явилось въ Сіамъ французское посольство, при которомъ было 14 іезуитовъ, и между ними *Ташаръ*, созданіе Г-жи Ментепонъ и отца Лашеза, скрывавшій, подъ неважнымъ званіемъ математика, полномочіе произвести торжественное обращеніе сіамскаго короля въ Христіанство. Однако-же, на всѣ горячія предложенія этого рода, отъ имени Людовика XIV, сдѣланныя при первыхъ аудіенціяхъ, Тшау-Нарайа отвѣчалъ слѣдующею оффиціальною отрицательною нотой: «Скорое отпа-

деніе мое отъ вѣры, безмѣтно-исповѣдываемой въ царствѣ моемъ уже 2229 (?) лѣтъ, столь-же несогласно съ моимъ желаніемъ, сколько можетъ быть причиною всеобщаго возстанія и внутреннихъ раздоровъ. Меня тѣмъ болѣе удивляетъ, однакожь, горячность вашего монарха къ пользамъ Неба, что само оно не принимаетъ, какъ кажется, ни малѣйшаго участія въ этомъ, и спокойно оставляетъ выборъ вѣроисповѣданія нашему собственному произволу; потому что этотъ истинный Богъ, создавшій небо, землю и все видимое, существующее и дышащее жизнью, положившій основу всѣхъ существъ, населяющихъ міръ и внушившій имъ разнообразныя влеченія, могъ-бы дать имъ всѣмъ не только одинаковыя тѣло и душу, но даже и одинаковый образъ служенія Ему и почитанія Его, которой былъ-бы тогда, навѣрное, и лучшимъ для людей, и единственнымъ, и Ему наиболѣе-пріятнымъ. Но такъ какъ Онъ этого не сдѣлалъ, то должно предположить, что Онъ не желалъ совершить этого, и слѣдственно, нужно думать, что истинному Богу также пріятно быть почитаему безчисленнымъ множествомъ разнообразныхъ существъ, какъ и то, чтобы всѣ они хвалили Его, каждый по крайнему своему разумѣнію. Конечно, что эта рѣчь слишкомъ-умная и слишкомъ-софистическая, чтобы принадлежать какому-нибудь Сіамцу, хотя-бы и самому королю,—но какъ-бы то ни было, несмотря на всѣ убѣдительныя возраженія отца Ташара, духовная цѣль посольства не была достигнута, и пришлось довольствоваться результатомъ политической: дозволеніемъ занять французскими гарнизонами Банкокъ и Мергун, самыя укрѣпленныя мѣста государства. Разсѣтъ и планъ дѣйствій Фалькона былъ, впрочемъ, весьма ясенъ. Вся его власть въ Сіамѣ опиралась на личности короля, и угрожавшая послѣднему, въ случаѣ обращенія, гибель становилась его собственной; слѣдовательно, нужно было противоѣствовать совершенному обращенію короля. Но союзъ съ Франціею и допущеніе гарнизоновъ могли, въ случаѣ возмущенія или измѣненія правительства, служить ему оплотомъ и защитой, и потому союзъ и войска должны были быть допущены. Лучшей дипломатіи нельзя было и ожидать отъ Грека. Вслѣдствіе этого, начальникъ десанта получилъ приказаніе сноситься во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ съ самимъ Фалькономъ. Тогда многіе офицерскія мѣста въ сіамскомъ войскѣ были поручены Французамъ; къ первому министру была отряжена почѣтная стража изъ 24 отборныхъ французскихъ вояковъ, и командиръ эскадры, *Форбенъ*, человекъ умный и осторожный, былъ возведенъ въ санъ генералиссимуса сіамскихъ войскъ. Какъ опытный человекъ, онъ не удивился бѣдности, скрывающейся подъ мишурой восточнаго двора. Его не удивило видѣть, два дня послѣ того, великаго короля, скромно-возсѣдающаго на плетенкѣ изъ пвовыхъ прутьевъ и вынимающаго изъ кармана огарокъ свѣчи для освѣщенія залы своего государственнаго совѣта. Жалкая пародія на азіатскую пышность! Генералиссимусу дали, однакожь, 36 невольниковъ и двухъ слоновъ, маленькій, дурно-меблированный домикъ и 12 тарелокъ, два серебряныхъ бокала и четыре дюжины салфетокъ (салфетки при дворѣ сіамскомъ!), и назначили выдавать ежедневно по двѣ восковыя свѣчи. «Но скупость эта еще-бы ничего», говоритъ храбрый морякъ въ запискахъ своихъ: если-бы только умный преобразователь *Тшау-Нарайя* получше обходился съ своими вельможами. А то, говорилъ-ли изъ нихъ кто слишкомъ много, ему, по повелѣнію государя, немедленно зашивали ротъ; провинялся-ли кто въ молчаніи, ему тотчасъ разрывали уста до ушей. За одно пеловкое движеніе отсѣкали руку, за невѣрный шагъ отрубали ногу. И если-бы только не Фальконъ, то голова моя не усидѣла-бы на своемъ мѣстѣ болѣе 24 часовъ при этомъ нищенскомъ дворѣ.» Но въ надеждѣ на ловкаго Грека, *Форбенъ* остался генералиссимусомъ, а французское посольство отплыло обратно,

проживъ болѣе года въ Сіамѣ и увозя опять съ собой трехъ полномочныхъ пословъ сіямскихъ, съ подарками къ королю Франціи и просьбой прислать ученыхъ инженеровъ и новаго подкрѣпленія въ войскѣ. Между-тѣмъ Фальконъ продолжалъ счастливо царствовать, но гроза поднималась надъ головой его. Покровительствуемые имъ іезуиты были чрезчуръ ревностны и неуживчивы; а пренебрегаемые и даже притѣсняемые жрецы страны, *талапоэны*, слишкомъ сильны и озлоблены. Возвышающіяся христіанскія церкви, устроивающіяся вездѣ іезуитскія коллегіи служили народу достаточной причиною къ недовольству; вожатаи возмущеній искали только предлога и случая ко всеобщему возстанію. Случай представился. Государь лежалъ на смертномъ одрѣ, и два любимца мѣтили на тронъ его; Фальконъ, также жаждавшій престола, присталъ къ одному, но другой, *Петраджа*, умертвивъ своего соперника, арестовалъ коварнаго министра. Дефаржъ, начальникъ французскихъ силъ, устремился-было изъ Банкока на помощь къ министру, но испуганный, обманутый ложными донесеніями миссіонеровъ, остановился на пути, и далъ время совершиться перевороту. Несчастный Фальконъ былъ преданъ жестокимъ пыткамъ, а потомъ обезглавленъ. Французскія войска сдались на капитуляцію и получили приказаніе немедленно очистить занятія ими укрѣпленія. Тогда возстаніе туземцевъ и талапоэновъ проявилось во всей своей силѣ и жестокости. Христіанскія церкви были сожжены; іезуитскій коллегіумъ разграбленъ, и молодые воспитанники его сдѣлались жертвою неистовыхъ солдатъ; священнослужители поруганы, и часть ихъ обречена пыткамъ; миссіонеры едва спасли свою голову. Епископу Ламоть-Ламберу вырвали по волоску всю бороду, и потомъ полумертваго ввергнули въ тюрьму. И такова всегда безсмысленная жестокость фанатизма, что для униженія христіанской религіи, одна монахиня принуждена была проходить по улицамъ города съ распятіемъ, привязаннымъ подъ ногами ея, для того чтобы талапоэнами можно было похвалиться, что *христіане сами попираютъ ногами своего Бога*. Гоненія прекратились не прежде, какъ со вторичнымъ пріездомъ отца Ташара, возвратившагося изъ Парижа съ двумя сіямскими посланниками, — и переговоры кончились восстановленіемъ семинаріи, главою коею былъ снова наименованъ освобожденный изъ темницы епископъ. Это произошло въ 1690 году. Между-тѣмъ король умеръ, а два брата его (наслѣдники престола по закону сіямскому, предпочитающему ихъ даже роднымъ сыновьямъ) были *забиты сандалными палками* (изъ уваженія къ ихъ королевской крови: таковъ обычай).

Послѣ этого, династія Петраджи царствовала уже безъ новыхъ ссоръ съ Европѣйцами; но за-то, какъ-бы въ отмщеніе за нихъ, сосѣди сильно тревожили Сіамъ, и только одна смерть пресѣкла торжественное побѣдное нашествіе бирманскаго воителя Алопры, въ 1760 году. Но вторичное вторженіе Бирманцевъ, въ 1767 году, подъ предводительствомъ Шембуана, разгромило Сіамское Государство. Войска его были разбиты, столица взята приступомъ, разграблена, сожжена и разрушена до такой степени, что побѣдитель, уходя, не считъ даже нужнымъ удержать за собою покоренную страну.

Слабость государства и отсутствіе его побѣдителей дали вскорѣ случай одному почтенному китайскому князьку возсѣсть на тронъ, подъ именемъ *Шю-Таки*. Но благоразумный и предприимчивый въ началѣ, неутомимо-занятый усмиреніемъ бунтующихъ провинцій, онъ впалъ наконецъ въ такое крайнее, смѣшное суевѣріе и такую своевольную жестокость, что народъ прозвалъ его *сумасшедшимъ*. Тогда, воспользовавшись злыми слухами, одинъ туземный вельможа свергъ полоумнаго владыку и завладѣлъ престоломъ, который успѣлъ сохранить, несмотря на частыя набѣги Бирманцевъ, и наконецъ передалъ его своему не

менте благоразумному или счастливому наследнику, — незаконнорожденный сынъ котораго, *Кромъ-Шіамъ*, царствуетъ и теперь въ Сіамъ.

ПРАВЫ И ОБЫЧАИ. По увѣренію Сіамцевъ, ссылающихся на свѣдѣтельство своихъ священныхъ книгъ, въ-особенности на одну, писанную будто бы самимъ Буддою (почитаемымъ у нихъ подъ именемъ *Сомона-Кодомы*) (*), Буддизмъ былъ принесенъ въ ихъ страну за 2366 лѣтъ тому. Религія ихъ смѣсь Буддизма и Браманизма. Жрецы освобождены отъ всѣхъ податей и повинностей и пользуются большимъ уваженіемъ, которое доказывается уже и тѣмъ, что, въ случаѣ преступленія, ихъ наказываютъ не иначе, какъ снявъ напередъ платье. Они составляютъ самый образованный классъ народа и управляютъ воспитаніемъ юношества (**). Храмы многочисленны, и въ сравненіи съ бѣдностью страны, довольно великолѣпны. Сіамцы если не религіозны, то по-крайней-мѣрѣ болѣе строгіе исполнители обрядовъ, чѣмъ всѣ остальные обитатели Загангскаго Полуострова. Объ обрядахъ и процессіяхъ ихъ рассказываютъ много басенъ, но вѣрно то, что они сожигаютъ при этомъ большое количество пахучаго *орли-наго дерева* (родъ алоэ). Китайцы, слѣдующіе этому обычаю страны и имѣющіе каждый свою домашнюю моленную, нашли для

(*) Буддѣйская религія принесена въ Сіамъ Сомона-Кодомомъ, котораго туземцы чтутъ и какъ законодателя и какъ божество. Жизнь его исполнена разныхъ басней, соединенныхъ съ истинными фактами. Такъ, напримѣръ, одни увѣряютъ, что онъ былъ сынъ какого-то цейланскаго короля и родился отъ дѣвы, оплодотворенной божественнымъ лучемъ, — другіе, что онъ родился отъ цветка, — и цѣлыя томы можно-бы составить изъ описанія всѣхъ присвоенныхъ ему чудесъ, въ родѣ такихъ, напримѣръ, какъ онъ накормилъ голодныхъ талапоэновъ, за неимѣніемъ другой пищи, изъ уваженія къ нимъ, мясомъ жевы и дѣтей своихъ (хороша мораль!). Однакожъ, вѣроятно, что онъ былъ выходецъ изъ Индіи, ибо сами Сіамцы говорятъ, что имя его было собственно *Кодомъ*, и прибавленіе слова *Сомона*, которое на палійскомъ нарѣчій значитъ *лѣсной пустынникъ, отшельникъ* (можетъ-быть то-же, что *шаманъ*), принято имъ уже вмѣстѣ съ званіемъ жреца. Есть еще другое мнѣніе, что Сомона-Кодомъ былъ Египтянинъ, мнѣніе, основанное на сходствѣ типа изображеній его съ кафрскимъ — и во II томѣ нашего изданія мы изложимъ эту мысль подробно. — Со смерти Сомона-Кодомы (2390 лѣтъ тому) Сіамцы ведутъ свое лѣтосчисленіе циклами, по 60 лѣтъ каждый, и всякій годъ называется у нихъ именемъ какого-нибудь животнаго; такъ есть годъ *мышинный*, *коровій*, *заячій*, *куриный*, *свиной*, и т. п. Въ году у нихъ также 12 мѣсяцевъ, а въ недѣлѣ 7 дней. Суббота называется *днемъ успокоенія*, хотя и не празднуется. Главные праздники суть: два торжественныя путешествія на поклоненіе къ храмамъ и два дня мытья бѣлыхъ словенъ (*сагузіоангъ*).

(**) Замѣчательнъ здѣсь обычай, вслѣдствіе котораго всякій Сіамецъ долженъ непремѣнно, хотя на одинъ или на два года, посвятить себя служенію алтарей и талапоэновъ (которыхъ два класса: послушники, *джаунъ*, и жрецы, *дылукъ*).

него весьма-экономическій способъ: они истираютъ это дорогое дерево въ мелкій порошокъ, и, составляя изъ него съ примѣсью смолистаго вещества родъ тѣста, покрываютъ слоистъ его концы тонкихъ палочекъ горячаго тростника, которыя потомъ, сгарая въ родъ нашихъ лучинъ (съ тою разницею, что онѣ болѣе тлѣютъ, чѣмъ горятъ), пускаютъ отъ себя весьма-благоуханный запахъ; пачки подобныхъ курительныхъ лучинъ, обернутые въ красивую бумагу, на подобіе стеариновыхъ свѣчъ, продаются во всѣхъ городскихъ лавкахъ. Кромѣ этихъ полу-буддистовъ, полу-брамантовъ и важныхъ, по государственному вліянію, Малайцевъ-исламитовъ, въ Сіамѣ находится еще нѣсколько тысячъ потомковъ Португальцевъ, прижившихъ дѣтей съ туземками и передавшихъ имъ, вмѣстѣ съ языкомъ, если не религію, то по крайней-мѣрѣ нѣмъ христіанъ и свое пристрастіе къ торжественнымъ католическимъ процессіямъ (*).

Владыка Сіама, пользующійся титуломъ *Конг-Луанга*, называется «великимъ, безграницнымъ, безгрѣшнымъ властителемъ, господиномъ нашихъ головъ». Послѣ этого титула и сказаннаго нами выше о правленіи, становится понятнымъ, почему здѣсь нѣтъ ни разныхъ классовъ народа, ни аристократическаго рожденія, ни аристократическаго богатства, ни наследственныхъ званій, ни другихъ какихъ-либо ручательствъ права и личной свободы. Весь народъ состоитъ изъ рабовъ, почему и дѣлится только на господъ и рабовъ ихъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, Китайцы успѣли присвоить себѣ исключеніе отъ странно-тяготящихся надъ всѣми подданными повинностей (и въ-особенности поголовной), при общей съ другими платѣ податей. Изъ этихъ повинностей воинская такъ распространена на всѣ классы (исключая талапоэновъ, иностранцевъ и высшихъ сановниковъ), что всѣ Сіамцы должны находиться подъ ружьемъ по-крайней-мѣрѣ четыре мѣсяца въ году, если они не откупятся отъ этого положенной суммой: законъ, чрезвычайно-сообразный съ системою управленія, потому что онъ даетъ деспоту и возможность не разстрѣлывать казны своей для содержанія постоянной арміи, могущей быть опасною, а вмѣстѣ

(*) Сюда-же нужно причислить 2240 такъ-называемыхъ христіанъ, обращенныхъ ревностными миссіонерами (въ числѣ ихъ около 800 аннамскихъ христіанъ-переселенцевъ) и имѣющихъ по одной церкви въ городахъ: Аютіа, Тисантабонѣ, и три въ Банкоктѣ. Но всѣ эти христіане, лишенные образованія, праздный, бѣдный, лѣнивый народъ; въ-особенности-же потомки Португальцевъ составляютъ самую дурную, презрѣнную часть народонаселенія. Гораздо наилучшемъ счету находятся учѣные и дѣятельные, проживающіе въ Банкоктѣ, протестантскіе миссіонеры Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

и средство поставить въ короткое время на военную ногу большое число этой приученной милиции, состоящей большей частью изъ пѣхоты, вооруженной саблями, копьями и дрянными мушкетерами. По увѣренію путешественниковъ, 30,000 этой жалкой, дурно-вооруженной, дурно-одѣтой арміи, худо-обученной и даже непамятной отъ природы храбростью, находятся, однакожъ, постоянно подъ ружьемъ и составляютъ одинъ изъ главныхъ расходовъ правительства, получающаго до 17 милліоновъ ежегоднаго дохода.

Въ законахъ и судопроизводствѣ Сіама весьма замѣчательно то общее всемъ азіатскимъ странамъ и выходящее изъ системы ихъ управленія, мнимое превосходство уголовной части предъ гражданскою, что первая кажется на взглядъ справедливѣе, хотя потому, что, составляя главную опору правительства, она не дѣлаетъ (какъ говорятъ) никакого различія между званіемъ и значеніемъ обвиняемаго,—тогда какъ въ гражданскомъ отношеніи тяжущіеся судятся болѣе по званіямъ, чѣмъ по существующимъ правиламъ, несмотря на то, что равенство передъ закономъ составляетъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ именно главную основу справедливости; а въ первомъ, въ уголовномъ, высказывается напротивъ гораздо-болѣе въ общихъ положеніяхъ закона, въ неизмѣняемости и родѣ самаго судопроизводства, болѣе или менѣе охраняющаго личную свободу каждаго гражданина. Главный двигатель морали въ уголовныхъ законахъ составляетъ, какъ и въ Китаѣ, откуда они заимствованы, бамбукъ, число ударовъ которымъ, отъ 30 до 100, систематически опредѣлено, смотря по важности преступленій, съ прибавкой «пропорціональнаго» заключенія въ тюрьму. Прежнія наказанія сажаніемъ на колъ и медленнымъ огнемъ уступили теперь мѣсто потери головы или нѣкоторыхъ членовъ (зажигателямъ, напиримѣрь, отрубаютъ кисть руки), помощью палача, котораго роль для государственныхъ преступниковъ исполняется, какъ и въ Бирманѣ, обученнымъ на то слономъ-палачемъ.

Причиной подобной должности есть, какъ кажется, то, что слонъ, какъ чистѣйшее, разумѣйшее животное, особенно бѣлый, рѣдко-встрѣчаемый и поэтому пользующійся уваженіемъ, вмѣщаетъ въ себя, по вѣрованію метемпсихоза, душу уже известной степени совершенства, слѣдственно болѣе другихъ приближающуюся къ королю; поэтому слону не только уступленъ одинъ изъ атрибутовъ царскихъ, но и величаютъ его самого «государемъ», присоединя къ этому эпитеты: *чистый, страшный, милосердый*. Вотъ почему при сіамскомъ дворѣ слоны содержатся великолѣпно, и каждый изъ нихъ имѣетъ свой особенный столъ и шесть прислужниковъ, а всѣ вмѣстѣ общій дворецъ, при которомъ двѣ бѣлыя обезьяны играютъ, вслѣдствіе туземнаго суевѣрнаго преданія, роль придвор-

ныхъ врачей этихъ громадныхъ животныхъ, украшенныхъ бархатомъ, золотомъ и даже коронами, отгоняя отъ нихъ однимъ присутствіемъ своимъ всякіе педуги. Эти слоны, участвующіе въ самыхъ торжественныхъ процессіяхъ и изображаемые на знаменахъ и флагахъ королевства, составляютъ гордость сіамскаго короля, который въ числѣ ихъ видитъ не только блескъ и славу, но даже и свѣше-дарованное предзнаменованіе благоденствія своего царствованія. Нынѣшнее царствованіе достигло въ этомъ отношеніи высшей степени знатности, ибо оно имѣетъ счастье видѣть при своемъ дворѣ шесть бѣлыхъ слоновъ: число доселѣ неслыханное. Достоверная родословная ихъ, писанная ихъ исторіографами, показываетъ, что они всѣ родомъ изъ Лаоса.

Все народонаселеніе Сіама, различно показываемое географами и путешественниками, доходитъ, кажется, до пяти милліоновъ, если опредѣлить, по Берггаузу, четверть милліона на Малайцевъ, столько-же на дикихъ, кочующихъ въ горахъ, полтора милліона на разновременно-поселившихся здѣсь выходцевъ изъ Китая (что мы считаемъ, однакожъ, преувеличеннымъ), и три милліона собственно на Сіамцевъ съ Камбоджійцами: число, вѣроятно, близкое къ истинѣ. Слѣпая любовь къ своему собственному, народному, заставляетъ туземцевъ считать себя первѣйшимъ народомъ въ мірѣ (недостатокъ, общій восточнымъ племенамъ Азіи), и превыше всего хвалиться тѣми отрицательными добродѣтелями (терпѣливостью, воздержностью и миролюбіемъ), которыми надѣлила ихъ природа: несчастныя добродѣтели, лишаящія ихъ всякой возможности быть добрыми или злыми по сознанию, и при помощи которыхъ они достигли столько-же крайне-деспотической формы правленія, сколько и грубаго невѣжества, дающаго имъ силы не чувствовать безотрадности своего бѣдственнаго положенія. Подлые и надменные, низкіе, дерзкіе и трусливые, смотря по обстоятельствамъ, всегда лѣнивые, корыстолюбивые и склонные къ воровству, они вѣрно и быстро очерчены однимъ выраженіемъ аббата Жервеза, познакомившагося съ ними лѣтъ за сто предъ симъ: «Ихъ нельзя бояться какъ враговъ, и не должно полагаться на нихъ какъ на друзей.» Какая-же хвала имъ въ томъ, что будто-бы путешественникъ можетъ безопасно странствовать по всему государству, и что убійства вовсе неизвѣстны въ Сіамѣ? Во-первыхъ, жизнь человѣка не состоитъ въ одной способности спать, ѣсть и двигаться, а во-вторыхъ, невѣроятно, чтобы тѣ, которые всегда готовы отнять все у живаго человѣка, не отняли-бы и самой жизни въ случаѣ несогласія обираемаго, развѣ только обираемый будетъ изъ рода многотерпѣливыхъ, трусливыхъ и добровольно-отдающихъ все Сіамцевъ. Замѣчаютъ еще одну добрую сторону въ Сіамцахъ: склонность къ семейной жизни и

нѣкоторую свободу женскаго пола. Но это мнимое достоинство легко объясняется тѣмъ, что всякій Сіамецъ покупаетъ себя не вѣсту, какъ товаръ, и поэтому смотритъ на нее, какъ на невольницу. Сіамки не живутъ въ заперти, подобно другимъ азіатскимъ женщинамъ; но хороша эта свобода, когда онѣ обречены на всѣ возможные труды. Онѣ посятъ тяжести, обрабатываютъ поля, дѣйствуютъ веслами на лодкахъ, ходятъ за стадами и смотрятъ за семействомъ и за домомъ, въ которомъ мужчина, не заботясь ни о чемъ, наслаждается всякой нѣгой, требуя еще безпрестанныхъ доказательствъ подчиненности. Обѣдаетъ-ли онъ, жена должна прислуживать ему, и садится за столъ съ дѣтьми дождать остатки мужней трапезы; веселится-ли мужъ, пируетъ-ли онъ, катается-ли съ друзьями — объ участіи жены и помину нѣтъ. Дѣлать-ли она ложе его, и тутъ обязана она выразить покорность, подвластность свою тѣмъ, что голова ея лежитъ ниже головы супруга-господина. Поэтому-то склонность Сіамцевъ къ семейной жизни есть не что иное, какъ склонность къ лѣни и беззаботности, ясно-выражающаяся у богатыхъ, которымъ состояніе позволяетъ воспользоваться допускаемымъ закономъ многоженствомъ. Такъ, нынѣ царствующій государь имѣетъ триста женъ, первый министръ его сорокъ, и только бѣдняки довольствуются одной. Замѣчательно, что супружество почитается здѣсь дѣломъ чисто-гражданскимъ, и присутствіе талапоэновъ при бракѣ не необходимо. Разводъ тоже легко и скоро совершается гражданскимъ порядкомъ: нужно только обоюдное согласіе жены и мужа на разводъ и раздѣлъ принесеннаго обоими ими имущества. — Какъ не сказать при этомъ, каковы собой женщины сіамскія. Европейскіе путешественники считаютъ ихъ вообще очень-невзрачными, за исключеніемъ черноглазыхъ Лаосокъ, которыя принуждены ходить съ открытою грудью, потому что у нихъ существуетъ обычай, введенный вѣроятно мужчинами, что покрывать грудь прилично только старухамъ.

Не болѣе богаты разнообразіемъ одежды и самые Сіамцы, не употребляющіе никакихъ покрововъ ни для головы, ни для ногъ, за исключеніемъ развѣ турецкихъ туфель, заимствованныхъ ими у магометанъ-Малайцевъ. Всѣ сословія Сіамцевъ довольствуются кускомъ матеріи, аршина въ два длиною, которымъ обвиваютъ себя отъ коленъ до пояса, стараясь дать этому убору какъ можно болѣе складокъ. На верхнія части тѣла накидывается иногда другой кусокъ ткани, но чаще довольствуются присоединеніемъ шарфа (обтягивающаго пояс-

пищу) къ первому куску, который у богатыхъ бываетъ шолковый, обшитый иногда серебряной и золотой бахромой, а у бѣдныхъ бумажный или даже и крашеный полотняный. Для всѣхъ этихъ тканей предпочитаютъ темные цвѣта, — бѣлый исключительно присвоенъ талапоэнамъ, а красный королю и военному званію. Въмѣсто верхняго куска, зажиточные люди покрываютъ иногда туловище легкимъ желтоватымъ слоемъ мази, составленной изъ шафрана и мелко-истертаго сандалнаго дерева, и украшаютъ тѣло разными ожерельями, до которыхъ оба пола большіе охотники. А вельможи носятъ сверху кисейную рубашку, которую скидаютъ, подходя къ старшему по званію. — Странно послѣ этого, что, вслѣдствіе принятаго обычая, ни рубаха эта, ни остроконечная шапка, присвоенная имъ, не должны быть снимаемы въ присутствіи государя. Но можно-ли разумно объяснить, найдти причину обычаю, основанному на безразсудности людской, и удивляться ему, когда даже образованные Европейцы такъ ребячески стараются удержать у себя различіе одеждъ, считая его необходимымъ отличіемъ классовъ народа.

Пища Сіямцевъ состоитъ обыкновенно изъ рису, приправленнаго необходимымъ балашагомъ, смѣсью разныхъ сочныхъ и довольно-противныхъ снадобьевъ. Не менѣе того пристрастны они къ мясной пищѣ, воспрещаемой Буддизмомъ, котораго строгость они обходятъ, успокоивая свою совѣсть тѣмъ, что не сами убиваютъ животныхъ, которыхъ употребляютъ въ пищу: это производится на рынкахъ, самими продавцами, по просьбѣ покупателей, заглаживающихъ свой грѣхъ выпусканіемъ на свободу нарочно для сего продаваемыхъ мелкихъ птичекъ или рыбъ. Последнее дѣлаетъ и самъ государь, цѣлыми тонями, бездѣленно, несмотря на то, что отдаетъ рыбную ловлю на откупъ. Обычное питье Сіямцевъ составляетъ вода, но вода раздушенная маслянистыми веществами или припостями; чай распивается только столичными модниками, а вина привозятся изъ Персін и еще болѣе изъ Испаніи. Туземныя-же водки состоятъ изъ тари и пари изъ пальмоваго сока и лау (нашъ аракъ) изъ рису. Столовый приборъ изъ китайскаго или японскаго фарфора, а при дворѣ, какъ увѣряютъ, изъ чеканнаго серебра и золота. Во время большихъ обѣдовъ, каждый сидитъ на особенной циновкѣ или коврикѣ и угощается отдѣльно; пиръ сопровождается болтовней и веселыми разказами, до которыхъ Сіямцы большіе охотники. Жалеемъ, что незнаніе сіямскаго языка и совершенный недостатокъ описательныхъ матеріаловъ касательно этой страны лишаютъ насъ возможности судить, что составляетъ

предметъ общественныхъ бесѣдъ этого народа, и въ какой степени оправдываетъ онъ качество разговорчивости, которымъ, вмѣстѣ съ мрачностью характера, такъ глухо надѣлили его нѣкоторые путешественники. Мы думаемъ, что разговоръ этотъ не что иное, какъ перечень всеневныхъ, въ-особенности соблазнительныхъ происшествій жизни, и строгое осужденіе всего того, что выходитъ изъ круга существующаго и общепринятаго. На это даетъ намъ право сама бѣдная литература сіямская, если можно только назвать такъ собраніе нѣсколькихъ метромъ написанныхъ пьесенъ, романсовъ и эпическихъ поэмъ, — которая лишена всякаго творчества и движется вокругъ одного и того-же чувства любви, то идиллически-пастушеской, то чувственной и соблазнительной. Писанныхъ драматическихъ пьесъ вовсе не имѣется, потому что вымыселъ содержанія ихъ лежитъ на обязанности самой труппы, и слѣдственно составляетъ какъ трудъ, такъ и неотъемлемое достоинство каждаго даровитаго актера. Пьесы эти нѣкоторые путешественники раздѣляютъ на бирманскія, китайскія, лаосскія, и прочія, полагая, что онѣ заимствованы у сихъ народовъ; но это несправедливо, потому что разныя эти названія относятся, какъ намъ извѣстно, къ націи, изъ которой составлены труппы актеровъ, подобно тому, какъ мы сами говоримъ: итальянская опера, пѣмецкая опера, смотря по націи оперной труппы и манерѣ пѣнія, вносимой ею въ исполненіе музыки, могущей быть принадлежностью другаго народа. Кромѣ этой свѣтской литературы, на сіямскомъ языкѣ имѣется еще другая, совершенно-отдѣльная отъ нея, *духовнаго содержанія*, о которой говорено было въ *Общихъ Свѣдѣніяхъ* (стр. 413).

Другое средство общественнаго увеселенія составляетъ музыка, къ которой мрачные Сіамцы до такой степени пристрастны, что даже высшіе сановники, несмотря на азіатскую важность свою, не стыдятся пріобрѣтать особенное искусство на какомъ-либо изъ употребительныхъ инструментовъ. Инструменты эти четырехъ родовъ: *клани*, родъ дудки или чекана, *ран-намъ*, родъ гармоникки, въ которой стеклышки замѣнены подобранными подъ строй дощечками, по которымъ музыкантъ ударяетъ молоточкомъ, — *тук-кай*, родъ гитары, выдолбленной изъ одного куска дерева, и *клонг-понгъ*; нѣчто похожее на наши цимбалы или гусли.

Мы не изчисляли-бы всѣхъ этихъ инструментовъ народа, вообще столь-мало-извѣстнаго намъ, если-бъ не сочли несправедливымъ крайняго удивленія, которое нашли у многихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ эту страну: какъ могъ народъ, такъ далеко отставшій во всѣхъ отрасляхъ цивилизаціи и иску-

ства, достигнуть тоновъ, пріятныхъ даже европейскому уху. Удивленіе это кажется намъ тѣмъ болѣе несправедливымъ перенесеніемъ на чужую почву своего понятія о свѣтскости, смѣшиваемой здѣсь съ образованіемъ ума, что, по нашему мнѣнію, музыка не можетъ служить мѣрломъ бѣльшей или мѣньшей образованности народовъ, потому что пищу уму доставляетъ она только въ видѣ искусства, получившаго настоящее направленіе, или какъ наука, изыскивающая способы достиженія назначенной цѣли. И мы удивляемся не склонности къ музыкѣ этихъ печальныхъ и мрачныхъ душъ, невольно прибѣгающихъ къ утѣшенію, доставляемому безпредѣльностью музыкальных ощущеній, по тому, какой шагъ сдѣлали уже Сіамцы, отступая отъ неправильнаго, превратнаго направленія народовъ Восточной Азіи, ищущихъ музыкальнаго удовольствія въ одной силѣ звука, и хотя нѣсколько постигнувъ цѣль этого искусства — пробуждать мысль по законамъ звуковъ, и дѣйствовать на чувства и на страсти гармоніей ихъ.

Не менѣе удовольствія находятъ Сіамцы и въ охотѣ, для которой нѣтъ у нихъ недостатка ни въ храбрости, ни въ выборѣ, представляемомъ богатой и разнообразной природой страны. Охотятся они на дикихъ козъ, оленей, буйволовъ, медвѣдей, тигровъ, единороговъ и даже на людей, на горное племя Ка: охота, которую они отнюдь не считаютъ ни войной, ни разбоемъ.

Изъ собственной охоты (въ европейскомъ смыслѣ), замѣчательна особенно та, для которой у насъ и термина нѣтъ: «единорожная.» Самое удивительное, что Сіамцы, если вѣрить путешественникамъ, не предпринимаютъ ее большими сходами людей, — но что четверо или пятеро охотниковъ, узнавъ мѣсто, гдѣ находится это громадное животное, вооружаются большими бамбуковыми кольями, которыхъ остріе предварительно подвергается вліянію медленнаго огня, дающаго большую твердость дереву, — и потомъ, съ такимъ простымъ оружіемъ, отправляются въ лѣсъ, откуда крикомъ и шумомъ выжидаютъ единорога. Пробужденное животное является неустрашимо на бой, который, надѣясь на чрезвычайную силу и непроницаемость кожи, считаетъ столь-легкимъ, и разверзая пасть своею, судорожно-сжимающуюся отъ ярости, бросается на пятерыхъ храбрцевъ, — а эти, выбравъ удобную минуту, вонзаютъ ему далеко въ пасть заостренные колья, и потомъ разбѣгаются. Смертельно-пораженный звѣрь падаетъ, мечется во всѣ стороны, и наконецъ исходитъ кровью, между-тѣмъ какъ охотники поютъ пѣснь победы и выжидаютъ времени, чтобъ уже совершенно безъ опасенія докончить побѣжденнаго великана. Другіе роды охоты менѣе интересны для насъ: на нѣкихъ звѣрей Сіамцы употребляютъ свои огнестрѣльные оружія; на другихъ, напримѣръ на оленей и дикихъ козъ, отправляются они ватагами, гурьбою, и употребляютъ тетета.

Такъ проводитъ жизнь свою Сіамецъ, ни сколько не заботясь объ улучшеніи благосостоянія отчизны, потому что слѣпо вѣрится въ преподанное ему жрецами правило вѣрованія, что все земное суета и блага его непрочны, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не забываетъ своей личной пользы, потому что вѣра его дозволяетъ это. Религія, приведенная въ политическій законъ, или въ исполненіе нѣсколькихъ внѣшнихъ обрядовъ, не занимаетъ его жизнь и только со смертію является къ одру умирающаго; похоронные обряды поэтому столько-же разнообразны,

разны, сколько и многочисленны, причудливы и великолѣпы. Мертвыя тѣла предаются обыкновенно пламени, исключая бѣд-
няковъ, которыхъ просто бросаютъ въ рѣку, дѣтей, умершихъ
до прорѣзыванія зубъ, и женщинъ, скончавшихся во время бе-
ременности, которыхъ сначала погребаютъ, а потомъ уже черезъ
нѣсколько времени выкапываютъ и сжигаютъ; при чемъ же-
нщинъ стерегутъ во все время нахождения ихъ въ землѣ, ибо
туземцы увѣрены, что чародѣй, приобретаая останки нерожден-
ныхъ дѣтей, получаетъ способность знать прошедшее и буду-
щее и силу вредить живущимъ. Сожженіе производится для
богатыхъ на построенныхъ въ оградѣ храма возвышеніяхъ,
съ высокимъ балдахинномъ. Но напередъ исполняется обыкно-
венно чрезвычайно-странный обрядъ, пмѣющій, вѣроятно, нѣ-
которое основаніе въ вѣрованіи въ переселеніе душъ. Обрядъ
этотъ состоитъ въ томъ, что трупъ разрѣзывается на мельчай-
шія части и отдается въ пищу собакамъ и дикимъ, налетающимъ
со всѣхъ сторонъ, птицамъ, а потомъ, когда все тѣло употреб-
лено на поддержаніе жизни животныхъ, сжигаются лишь одні
обглоданныя кости. Высшіе, знатные классы общества присвоили
себѣ право бальзамировать своихъ мертвецовъ и потомъ уже
сжигать ихъ. Для чего-же бальзамировать, т. е. желать со-
хранить отъ порчи тѣла, предназначенныя огню? Если тѣла спѣ-
шатъ сжигать потому, что неискusstvenная бальзамировка не мо-
жетъ надолго сохранить ихъ, то спрашивается: на что-же ихъ
бальзамировать? Неужели отличительное право знатныхъ дол-
жно быть вмѣстѣ съ тѣмъ и отличительнымъ признакомъ ихъ
глупости, или на всѣ эти вопросы, которые боязливо-суевѣрный
умъ Сіамцевъ не рѣшается сдѣлать себѣ, нѣтъ уже другаго
отвѣта, какъ нѣтъ его на многія человѣческія заблужденія? Это
обычай, усвоенный временемъ, освященный вѣрованіями и под-
держиваемый самолюбіемъ высшихъ слоевъ общества, тѣхъ са-
мыхъ, которые одни могли-бы снять съ него непроницаемую
броню святости и подвергнуть суду здраваго разума. Такъ ужъ
вѣрно вездѣ межъ людей: если гдѣ водятся глупые предраз-
судки, какъ летучія мыши, любящія мракъ и скрывающіяся
подъ покровомъ его, тамъ всегда навѣрно есть люди, понимаю-
щіе безуміе предразсудковъ, но изъ собственныхъ выгодъ не
вносящіе свѣтлѣйшаго просвѣщенія во мракъ невѣдѣнія, служа-
щій оплотомъ суевѣрію. Близорукій умъ не заблуждался-бы, не
падалъ-бы въ грязь такъ часто, если-бы онъ не былъ руково-
димъ, какъ ребенокъ на помочахъ, просвѣщеннымъ эгоизмомъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ искусство сіамской бальзамировки. Вымывъ хорошенько

водою, трупъ, ему вливаютъ въ ротъ живой ртути (мѣнѣе богатые замѣняютъ ртуть медомъ). Послѣ этого даютъ мертвому тѣлу положеніе молящагося, колѣнопреклоненнаго, съ руками поднятыми въ уровень съ лицомъ, и потомъ удерживаютъ его въ этомъ положеніи, туго обвивая тѣло неширокими тесьмами матеріи, при чемъ, для той-же цѣли, перерезываютъ нервы рукъ и ногъ, имѣющіе способность скорчиваться. Спеленутое такимъ-образомъ тѣло укладываютъ въ узкой ящикъ, сдѣланный, смотря по состоянію покойника, изъ дерева, мѣди, серебра и даже золота, имѣющій два отверстія съ прочими трубами изъ бамбука: одна изъ нихъ, выходящая изъ рта покойника, оканчивается выше крышки строения и назначается для освобожденія зловонныхъ газовъ, отдѣляющихся отъ трупа; другая, проведенная къ резервуару, устроенному въ нижней части ящика, служить стокомъ всего жидкаго, отдѣляющагося изъ тѣла умершаго и выживаемаго изъ него силою повсемѣстныхъ компрессовъ. Жидкость его подвергается потомъ отдѣльно разнымъ обрядамъ, смотря по важности сана покойника: послѣ князя она отвозится торжественно въ королевскихъ ладьяхъ къ назначенному мѣсту рѣки (ниже города) и выливается въ воду; жидкость, собранная изъ королевскаго тѣла, подвергается въ кострюляхъ кипѣнію, и отдѣляющееся при этомъ поверхъ сосуда маслянистое вещество тщательно собирается и употребляется потомъ въ торжественныхъ случаяхъ, для помазанія его истукана, *Семь* (помѣщаемаго въ храмъ послѣ похоронъ короля), при торжествѣ поклоненія ему царственными потомками его. Между-тѣмъ, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, истокъ жидкости уменьшается, все тѣло морщится и потомъ иссушивается.

Къ опредѣленному сроку собираются приглашенные талапоэны, облачаются въ одежды желтаго цвѣта, пируютъ въ честь и въ убытокъ благочестиваго хозяина, читаютъ и раскрываютъ священные книги на палийскомъ языкѣ, недоступномъ народу, и наконецъ, торжественно уносятъ тѣло къ костру, ожидающему его въ извѣстномъ мѣстѣ. У храма присоединяются къ нимъ другіе жрецы, и вся процессія сопровождается пѣніемъ стиха, который, по переводу французскихъ миссіонеровъ, значитъ слѣдующее: «Увы! Смертно есть тѣло! Но какъ дымъ поднимается теперь къ небесамъ, да вознесется такъ и душа твоя въ горнія вершины!» На этомъ-бы ужъ и остановиться Сіамцамъ, но тутъ начинается сожиганіе тѣла, читаются молитвы, исполняются разные мелочные обряды, и наконецъ, изъ собраннаго пепла составляется съ помощью воды родъ тѣста, изъ котораго слѣпляется статуйка Будды, оканчиваемая и обзолочиваемая за дорогую плату руками талапоэновъ, и потомъ помѣщаемая въ храмъ на поклоненіе приходящихъ и въ-особенности потомковъ покойника. Непомѣющіе достатка для совершенія этого послѣдняго обряда сохраняютъ пепелъ умершаго, доколѣ не разбогатыютъ и не будутъ въ состояніи заплатить талапоэнамъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ соглашающихся исполнить его безвозмездно. — Обрядъ похоронный принимаетъ для короля размѣры и великолѣпіе, составляющіе единственное въ своемъ родѣ торжество, привлекающее сотни тысячъ зрителей.

Онъ начинается всеобщимъ трауромъ государства (при чемъ цвѣтъ одѣлнй чѣрный); потомъ люди всѣхъ чиновъ, званій, половъ и возрастовъ, всѣ безъ исключенія, трижды сбиваютъ себѣ голову. Костеръ окруженъ нѣсколькими галлереями: первую занимаютъ молящіеся и поющіе талапоэны, слѣдующія за-тѣмъ назначены важнѣйшимъ сановникамъ, придворнымъ и членамъ царской фамиліи, — крайнюю, самую возвышенную, занимаютъ актеры, разыгрывающіе разныя драматическія піесы, и фокусники, исполняющіе гимнастическія, магическія и другія представленія. Передъ сожженіемъ совершается одинъ странный обрядъ, которому опять никакъ нельзя найти причины. Нѣсколько дорожекъ пороха просыпаны отъ костра къ сѣдалищу короля, принцевъ крови и самыхъ важнѣйшихъ сановниковъ; онъ вспыхиваютъ вдругъ, и вѣроятно служили прежде, какъ и теперь самое воспламененіе костра, средствомъ предсказанія будущаго, на толкованіе котораго вездѣ находятся охотники. Удивительно однакожъ то, что эти дорожки не одинаковы: ведущая къ королю оканчивается у самыхъ ногъ его, другія на отдаленіи, увеличивающемся по-мѣрѣ пониженія важности лица, къ мѣсту котораго онъ проведены. Теперь это служитъ знакомъ отличія, публичнымъ доказательствомъ почѣта, замѣняющаго въ этой странѣ нѣчто въ родѣ нашихъ древнихъ (и къ счастью, уничтоженныхъ) разрядныхъ книгъ, такъ что, вѣроятно, есть люди, которые доказываютъ при случаѣ, что дорожка предка ихъ, какъ всѣмъ извѣстно, не доходила до него, напримѣръ, 5 локтей, а у предковъ такого-то оканчивалась за 5 локтей съ половиной. Мы готовы видѣть въ этомъ обрядѣ таинственный, потерянный цѣль смыслъ сближенія лица, или, вѣрнѣе, души, обитающей въ тѣлѣ его, съ огнемъ, который почитался всегда чистѣйшимъ элементомъ, чѣмъ-то совершеннымъ, таинственнымъ, и могъ, кромѣ того, заслуживать почитаніе, какъ преобразование бога Шивы. При такомъ предположеніи; болѣе или мѣнѣе приближеніе дорожки означало-бы: «ты ближе къ огню; ты совершеннѣе, твоя душа чище и болѣе близка къ новому переселенію, которое сблизитъ тебя съ ничтожествомъ, или высшимъ существомъ, Буддою»; но таинственный смыслъ вѣроятно затерянъ, обрядъ остался непонятный и необъяснимый, и мысль замѣнена однимъ суевѣріемъ. Такъ, изъ непра сожженного королевскаго трупа слѣпляется всякій разъ названіе Будды, и поставленное на алтарь храма привлекаетъ толпы народа, поклоняющагося ему, какъ богу.

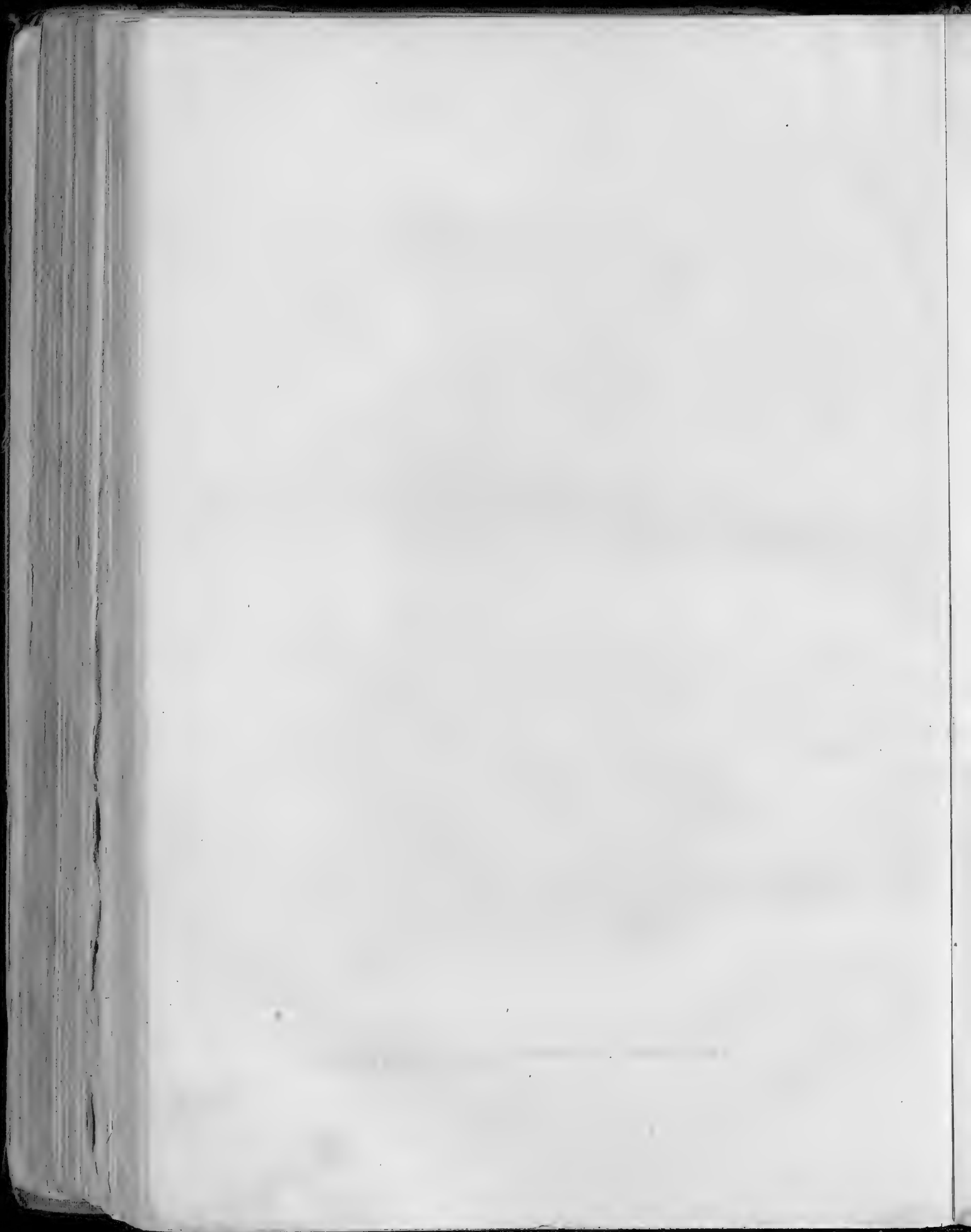
Языкъ сіямскій (собственно языкъ Тхайн) состоитъ весь изъ односложныхъ словъ; онъ имѣетъ 37 звуковъ, заключающихъ въ себѣ 14 гласныхъ простыхъ и 6 двойныхъ: каждый изъ этихъ 37 звуковъ имѣетъ свое собственное изображеніе на письмѣ. Разнообразное произношеніе всѣхъ гласныхъ и односложныхъ словъ, по-видимому совершенно-схожихъ между собою, почти недоступно не только Европейцамъ, но даже Индусамъ; почему изученіе сіямскаго языка весьма затруднительно, даже затруднительнѣе китайскаго, которому онъ уступаетъ не только въ богатствѣ и выработкѣ, но и въ самомъ отсутствіи философскаго начала въ составѣ своемъ. Практическое изученіе его затрудняется еще чрезвычайнымъ богатствомъ разнообразныхъ ідіомовъ, которые измѣняются, смотря по тому, къ кому адресуется рѣчь, или о комъ говорится: это порожденіе и явный отпеча-

EINGEBORNER UND KRIEGER IN COCHINCHINA.

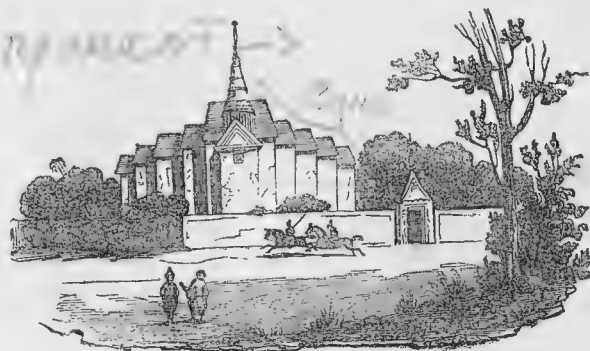
Naturel et Soldat Cochinchinois.

HYPERBOLIC ET BOREAL PROB NOXIMPERIUM.

токъ деспотизма, тяготяющаго надъ народомъ, а не слѣдствіе учтивости, которая измѣняетъ форму рѣчи, не производя особенной терминологіи въ немъ. По вообще, замѣчательна въ сіамскомъ языкѣ простота въ составѣ рѣчи, не требующей ни искусственной перестановки словъ, ни измѣненія ихъ окончаній (т. е. правилъ склоненія, спряженія и управленія), такъ что, напримеръ, переводя молитву: *Отче нашъ*, Сіамцы сказали-бы не иначе, какъ: «Отецъ, мы бысть на небо.» Разумѣется, что по этому самому возрасло въ письмѣ ихъ разнообразіе и частое употребленіе знаковъ прерыванія. Письмена языка Тхайи принадлежатъ собственно ему и пишутся (исключеніе изъ обычая общаго Азіятцамъ), подобно нашему, отъ правой руки къ лѣвой, опускаясь внизъ строка за строкою. Для письма обыкновенно употребляются пальмовыя листья, на которыхъ пишутъ рѣзомъ, но въ важныхъ случаяхъ, въ дѣлахъ религіи, прибѣгаютъ къ бумагѣ, при чемъ перо замѣняется карандашомъ. Искусство печатанія и средства его заимствованы отъ Китайцевъ.

АРХИТЕКТУРА сіамская, основанная на противоположныхъ нашему понятіяхъ о прекрасномъ, носить на себѣ видимый отпечатокъ страны и громаднѣхъ животныхъ, въ ней встрѣчаемыхъ. Въ ней замѣтно предпочтеніе угловатыхъ, остроконечныхъ, странныхъ формъ, и украшенія ея состоятъ, всего чаще, изъ изваяній огромныхъ и причудливыхъ животныхъ, хотя и не лишены вовсе какой-то силы и смѣлости въ исполненіи. Жервезъ и Кемпферъ оставили намъ довольно-подробное описаніе *Сіо-Тхайа*, древней, разрушенной Бирманцами сто-

лицы Сіама; но упоминать теперь о его 600,000 жителей, о его прямыхъ, широкихъ, мощеныхъ и орошавшихся каналами улицахъ и кирпичныхъ мостахъ, о дворцахъ и 200 храмахъ, отличавшихся если не огромностью, то по-крайней-мѣрѣ внѣшнимъ и внутреннимъ великолѣпіемъ (большимъ числомъ крышъ, возвышавшихся уступами, позолоченными фронтонами, многочисленностію пирамидъ и колоссальныхъ идоловъ, блестящихъ позолотою), упоминать теперь обо всемъ этомъ можно только за-тѣмъ, чтобы сказать въ заключеніе, что всего этого не существуетъ болѣе. — Частныя постройки возвышаются обыкновенно отъ земли на нѣсколь-

нихъ столбахъ; съ землей-сообщаетъ ихъ обыкновенная бамбуковая лѣстница, приставленная къ дверямъ дома; окна вмѣсто рамъ и стеколъ защищены бамбуковыми жалюзи, опускаемыми въ родѣ нашихъ маркизотъ. Жилища эти всегда деревянные; но Европейцы и Китайцы присвоили себѣ, наравнѣ съ дворцами, храмами и домами высшихъ сановниковъ, право употребленія кирпича и камня. Храмы имѣютъ то общее между собою сходство, что они почти всѣ покрыты красной черепицей, съ золотыми полосками и иногда оловянными бляхами. Лучшій храмъ—*Банкокскій*, знаменитый по прекрасному изваянію *Сомона-Кодомы*, въ саркофагѣ. Кромѣ храмовъ замѣчательны жилища талапоэновъ—монастыри (*ватъ*), мужскіе и женскіе отдѣльно. Они состоятъ изъ храма и маленькихъ домиковъ, служащихъ жрецамъ кельями,—и все обнесено двойной высокой стѣной, бамбуковой и каменной.—Изъ дворцовъ (*прассатъ*) славенъ находящійся въ Банкоктъ (политинажъ на предыдущей стр. представляетъ вѣнчанный видъ его). Онъ заключаетъ въ своей оградѣ большое, частью пустое пространство; собственное-же жилище государя (*вангъ*) отличается той странностью, что всѣ его залы составляютъ длинную амфиладу покоевъ, которые постепенными уступами восходятъ до самаго возвышеннаго, кабинета, занимаемаго государемъ. Потолки, окрашенные красной краской и богатство позолоты—составляютъ главное украшеніе этого тяжелаго зданія.

АННАМЪ. (*)

Проя читателя соединить сказанное нами о видѣ земли и политическомъ дѣленіи Загангскаго Полуострова, мы находимся

(*) Читатели наши могли легко убѣдиться однимъ взглядомъ на число страницъ книги, что мы далеко преступили границы предположеннаго прежде объема. Находясь внѣ обвиненія въ излишней экономіи, создатель и вмѣстѣ авторъ второй части этого тома, можетъ, не обинуясь, дѣйствовать какъ редакторъ изданія, и привести въ исполненіе планъ, отъ слѣдованія которому могло-бы его прежде удержать опасеніе видѣть свое дѣйствіе истолкованнымъ въ дурную сторону. Имѣя главною цѣлью критическое описаніе нравовъ и обычаевъ разныхъ народовъ, изданіе это придерживается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и политическимъ дѣланіемъ, усвоеннымъ географами. Такимъ-образомъ, въ границѣ двухъ послѣдовательныхъ томовъ своихъ, дошло оно до народа, носящаго на себѣ такой полный отпечатокъ китайскихъ нравовъ, обычаевъ и образованія, что описывать все это—значило-бы не только высказывать вкратцѣ главное содержаніе 2-го тома изданія, но даже дѣлать это, по необходимости, такъ неполно, неточно, не-логически, что все высказанное осталось-бы неясно, неубѣдительно и даже незанимательно. Поэтому, такъ какъ въ подобномъ изложеніи являлись-бы два главныхъ недостатка: повтореніе, ненужное, излишнее для изданія, и неинтересное, бесполезное для читателей, то редакторъ рѣшился на слѣдующее. Историческій очеркъ Аннама и его Нравы и Обычаи переноситъ онъ во второй томъ изданія, и приложитъ ихъ въ числѣ дополненій къ Китаю, оставляя здѣсь, однакожъ, все то, что необходимо для уразумѣнія приложеній. Въ этомъ-же томѣ остановится онъ на одномъ описаніи страны, надѣясь, что прибавки нѣсколькихъ строкъ, ко многому сказанному въ Общихъ Свѣдѣніяхъ о Загангскомъ Полуостровѣ, будетъ уже достаточно, чтобы дать полную идею о странахъ, носящихъ на себѣ общее названіе ОСТ ИНДИИ. Повторяемъ однакожъ, что мы не согласились-бы на такое дѣленіе предмета, если-бы, кромѣ причины логической, заключающейся въ самомъ предметѣ, не подкрѣпляла насъ мысль, что толщина и компактность предстоящаго тома не позволятъ приписать нашему дѣйствию причину одной сторонней разсѣчливости.

въ возможности уволить и его и себя отъ сухаго и скучнаго изложенія границъ Аннама. Между-тѣмъ какъ вниманіе, съ которымъ мы разсмотрѣли различіе и сродство племенъ, населяющихъ эти страны, дастъ намъ средство избѣгнуть важной ошибки, которой подвергался, при описаніи этого государства, почти всѣ наши предшественники, не исключая даже и славнаго своимъ сочиненіемъ, Дюмонъ д'Юрвиля. Отъ этой простой ошибки, своевольнаго раздѣленія Кохинхинцевъ и Тонкинцевъ, составляющихъ два родственныя племена одного и того-же аннамскаго народа, не только бросался ложный свѣтъ на многіе историческіе моменты этихъ странъ, но даже становилось неяснымъ и самое отношеніе главныхъ составныхъ частей государства: Тонкина, Кохинхины и Камбоджи (*).

Въ вышеприведенномъ составѣ своемъ, со включеніемъ принадлежащей Аннаму части Лаоса и прежде независимаго маленькаго Государства Цямпы, все пространство Аннама равняется не менѣе 39,500 $\square$ географическимъ милямъ, и вмѣщаетъ въ себя до 13 милліоновъ народонаселенія, изъ котораго большая часть падаетъ на Тонкинъ, самую сѣверную, самую важнѣйшую и населеннѣйшую часть Аннамской Державы. Вся имперія исповѣдуетъ Буддизмъ, но путешественникъ Крофордъ сознается, что не подумалъ-бы этого, если-бы не видѣлъ разныхъ статуй Будды или Фо, котораго изображенія, кромѣ многочисленныхъ и жалкихъ капищъ, встрѣчаются весьма-часто поставленными на дорогахъ, въ кіотахъ, устроенныхъ между банановыхъ вѣтвей. Высшія сословія приняли, какъ мы уже сказали, ученіе Конфуція, но это не мѣшаетъ толпѣ предаваться грубымъ суевѣріямъ и поклоняться разнымъ геніямъ-хранителямъ и злымъ демонамъ. Доходы имперіи простираются до 90 милліоновъ рублей. Войско состоитъ изъ 90,000 человекъ, изъ которыхъ около половины находится постоянно подъ оружіемъ и обучено по-европейски, но худо вооружено, и вообще не отличается природной храбростію; остальная часть составляетъ только милицію, годную для внутренней стражи (**). Касательно морской силы Аннама путешественники

(*) Всѣ эти названія составныхъ частей Аннама, такъ-сказать, вымышлены Европейцами. Названіе Тонкинъ произошло отъ имени главнаго города этой страны, который назывался прежде Донб-Кинъ (изъ словъ, означающихъ *есть городъ*), такъ какъ теперь, по присоединеніи Тонкина къ Аннаму, называется онъ Банб-Кинъ (*сѣверный городъ*). Настоящее-же туземное имя Тонкина: Кіао-Тши, страна *накрестъ лежащихъ большихъ пальцевъ ноги*, — странное названіе, изобрѣтенное Китаичами, замѣтившими особенное положеніе большаго пальца на ногѣ Тонкинокъ. Названіе Кохинхины составлено Португальцами, по мнѣнію однихъ, изъ прибавленія слова Чина (Китай) къ имени Кіао-Тши, — по мнѣнію другихъ, Котгинъ-Сина, японское названіе: «Западный Китай», — по мнѣнію третьихъ, наконецъ, это перепечатанное китайское названіе Куэнб-Шинъ-Шинъ, «Королевство Шинъ-Шинъ» (какъ они называли Цямпу), подобно какъ Камбоджа происходитъ отъ китайскаго-же Ханб-пу-тше.

(**) По здѣшнему закону, каждый мужчина отъ 18 до 60-лѣтнаго возраста обязанъ военной службой, и находится постоянно въ распоряженіи правительства, которое, по истеченіи въ Кохинхинѣ трехъ, а въ Тонкинѣ семи лѣтъ (въ мирное-же время и тамъ здѣсь только восьми мѣсяцевъ), увольняетъ солдата домой. Во время службы выдаютъ ему, какъ и въ Китаѣ, жалованье деньгами и пакъ сарацинскимъ пишеномъ. Около 800 словъ принадлежатъ къ обозу этой арміи, которой вовсе недостаетъ кавалеріи. Описывать костюмъ того или другаго рода войска было-бы излишнимъ: онъ вѣрно изобра-

не согласны; но взявъ въ соображеніе дѣйствія кохинхинскаго преобразователя, императора *Gia-Longa*, современника нашей Екатерины II-ой, заслуживающаго сравненія съ Петромъ Великимъ, и потомъ стараніе сына его Мигъ-Мана, при коемъ остовъ французскаго корабля, потонушаго въ Туранскомъ заливѣ, послужилъ образцомъ въ кораблестроеніи, мы рѣшаемся сказать съ Лапласомъ, очевидно, что прежнія канонерскія лодки и галеры замѣнены наконецъ флотомъ, устроеннымъ на европейскую ногу, и что теперь въ портъ столицы имперіи, Гюэ, стоитъ 12 трехмачтовыхъ липейвыхъ кораблей и 20 бригавъ, вооруженныхъ чугунными и мѣдными пушками.

Аннамцы отличаются отъ остальныхъ Загангцевъ тѣмъ, что, несмотря на знойный климатъ, они не любятъ оставлять какую-либо часть тѣла непокрытою, за исключеніемъ ногъ; только богатые употребляютъ башмаки, привозимые изъ Китая. Нарядъ изображеннаго у насъ земледѣльца (см. приложенный *рисунокъ*) можетъ служить типомъ всеобщаго одѣянія въ этомъ государствѣ. Это, какъ видите, нѣчто въ родъ рубашки; ихъ обыкновенно носятъ двѣ (шолковая внизу), но число ихъ увеличивается произвольно по состоянію температуры, и вся разица для богатыхъ состоитъ въ томъ, что они употребляютъ шолковую, а бѣдные бумажную, домашнюю, обыкновенно бѣлую, потому что цвѣтныхъ не любятъ, да и красить не знаютъ (во всемъ королевствѣ нѣтъ ни одного туземнаго красильщика). На головѣ носится всегда чалма (она, по фантазіи художника, покрыта, на нашемъ рисункѣ, корзинкой изъ пальмовыхъ листьевъ); но въ дождливую погоду подобная корзинка принимаетъ испанскій размѣръ трехъ футовъ и болѣе въ поперечникѣ, укрывается тесьмами подъ бородой, и поля ея опускаются на плеча и спину. Прибавя къ этому фланелевую фуфайку безъ рукавовъ, Аннамецъ работаетъ подъ самымъ проливнымъ дождемъ, какъ-бы вовсе не замѣчалъ его. Костюмъ женщинъ схожъ съ мужскимъ (см. *рисунокъ: Кохинхинская Дѣвушка*).

АРХИТЕКТУРА. Несмотря на обиліе въ матеріалахъ: камень, не уступающій мрамору ни въ твердости, ни въ годности къ полировкѣ,—земля, изъ которой кирпичи были-бы превосходны, если-бы ихъ не сушили только на солнцѣ, отчего онѣ не имѣютъ достаточной твердости,—и строеваго лѣса удивительной прочности и красоты,—несмотря на все это туземная архитектура находится еще въ дѣтствѣ. (*) Храмы, посвященные Конфуцію, суть единственные находя-

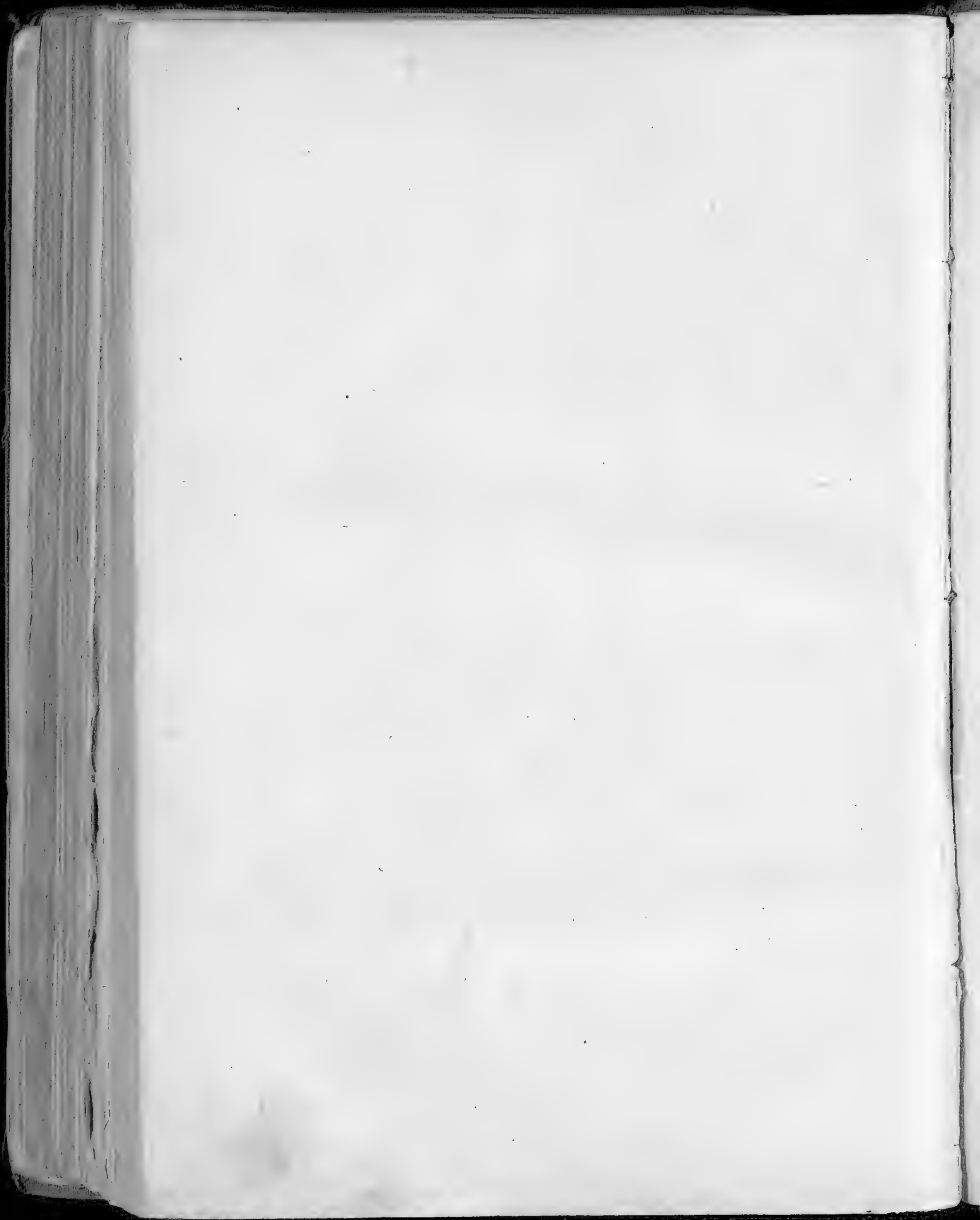
жень на двухъ приложенныхъ *раскрашенныхъ рисункахъ*. Финлесонъ, учѣный докторъ сопровождавшій Крофорда, находитъ аннамскихъ солдатъ весьма-воинственнаго вида въ сравненіи съ войсками Сіама или сипаями Индустана. Костюмъ ихъ, по его мнѣнію, есть совершенно-удовлетворительное разрѣшеніе вопроса: соединить наружную красоту военной формы съ удобствомъ солдата. Коническая каска искусно сплетена изъ тонкихъ деревянныхъ прутьевъ; она очень легка, чрезвычайно тверда, и почти всегда вызолочена. Большая часть ружей французскія, и тщательно оберегаются солдатами, которые натягиваютъ на нихъ чехлы при малѣйшемъ дождѣ. Въ ранцѣ у нихъ Финлесонъ нашелъ: маленькой рожокъ пороха для насыпки на полку, пакетъ выдолбленныхъ бамбуковыхъ палочекъ, заткнутыхъ по концамъ бумагой и содержащихъ разнѣрянные заряды пороха (пуль или даже свинцу не нашлось: время было мирное), пузырекъ душистаго масла, шахматную досочку съ полной шахматной игрой, и наконецъ, двѣ небольшихъ деревянныхъ палочки, толщиной въ палецъ. Палочки эти привѣиваются, въ случаѣ надобности, къ кольцу, находящемуся на наружной части ранца, и по временному ударенію въ нихъ (что производитъ довольно-громкій звукъ) замѣняютъ здѣсь обычную въ Европѣ перекличку часовыхъ и наше русское: «слушай!»

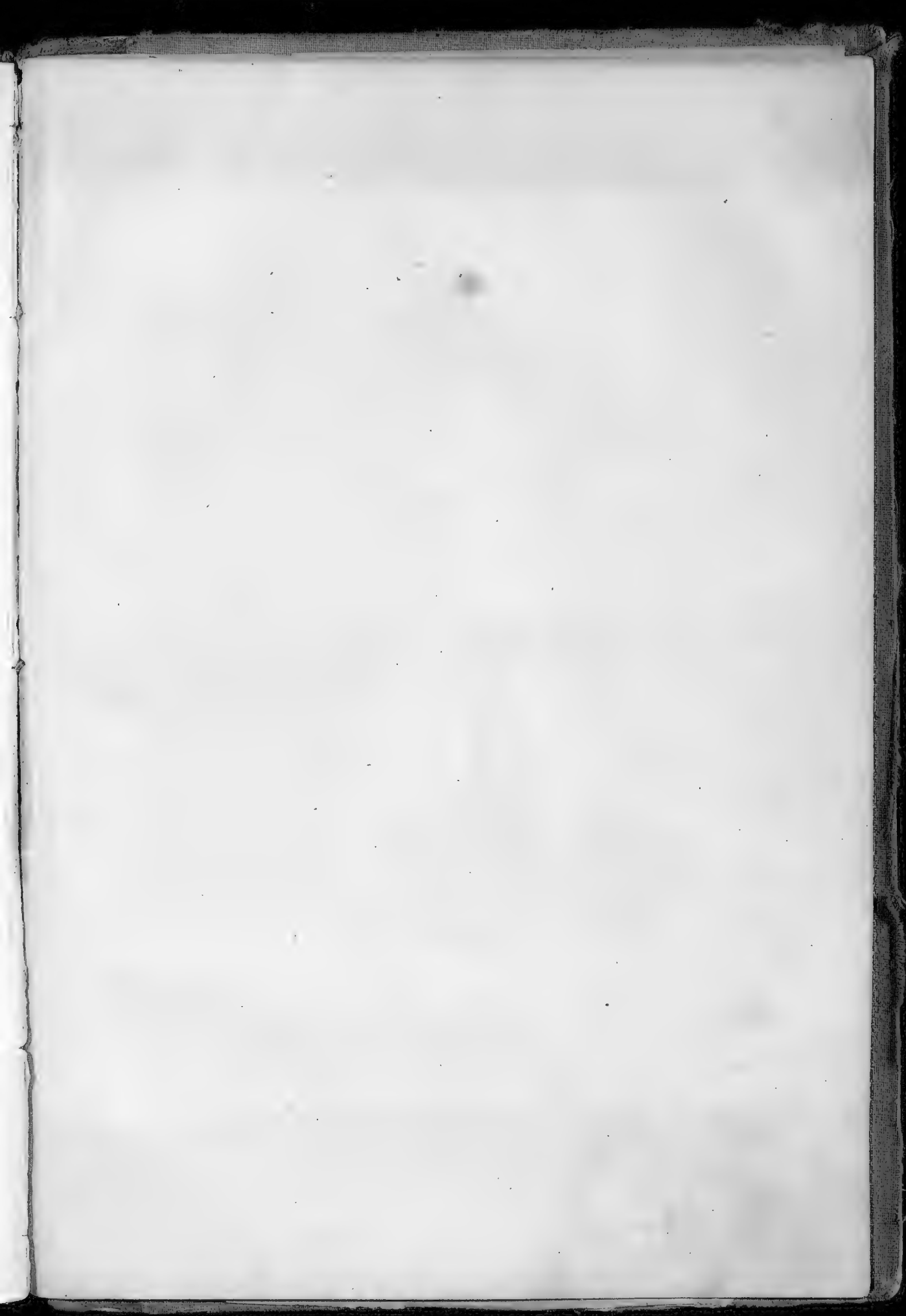
(*) Пристрастіе къ чудесному, странному, поражающему зрѣнію, недостатокъ въ основательныхъ знаніяхъ искусства и въ хорошихъ моделяхъ, сырость нѣкоторыхъ

FROM THE PUBLISHED TO THE PUBLISHED.

SOLDAT COCHINCHINOIS.

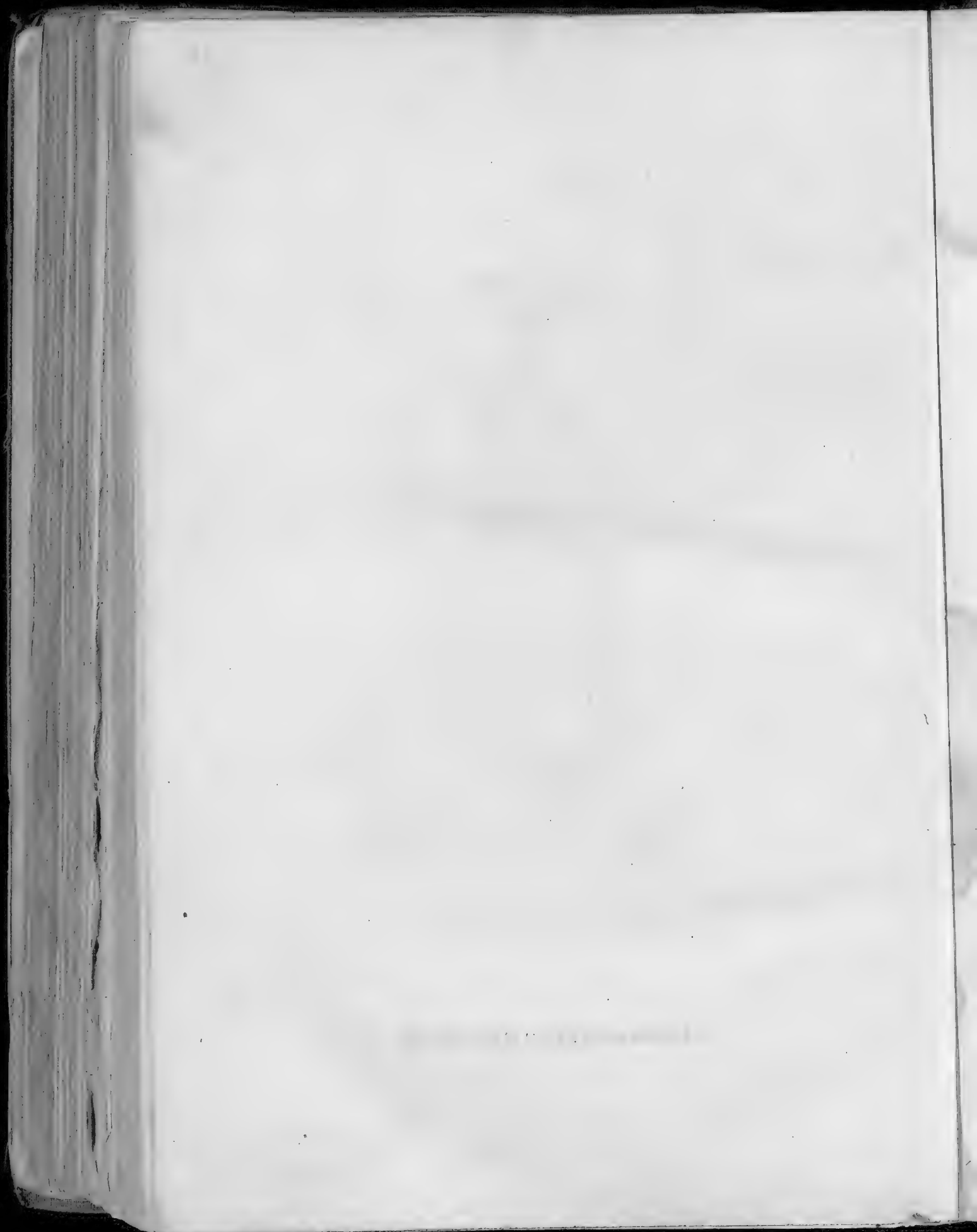

JEUNE FILLE COCHINCHINOISE.

ГОМЕРОВЫЕ ПЕСНИ ДАДЫМЕРА.

щіе на иждивеніи правительства; величина, красота и богатство буддійскихъ храмовъ зависятъ единственно отъ усердія вкладчиковъ. Большая часть изъ нихъ—часовни, открытыя со всѣхъ сторонъ и безъ всякихъ украшеній, въ родѣ бестѣки (см. изображеніе-букву на страницѣ 393). Но встрѣчаются храмы и другого рода постройки, въ родѣ прилагаемаго здѣсь изображенія пагоды, находящейся въ *Кандии* (такъ называется гавань города *Saigon*) (*).

Самый замѣчательный изъ храмовъ—*подземная пагода мраморныхъ утесовъ* (*Нонь-Нуокъ*), въ окрестностяхъ города *Фай-Фо*, близъ *Турава*, на кохинхинскомъ-же берегу (**).—Тонкинцы говорятъ, подобно Спартамъ, «что лучшей защитой отечества грудъ его вопиовъ, и что потому-то и страна ихъ не имѣетъ укрѣпленныхъ мѣстъ.»

мѣстностей, заставляющая прибѣгать къ постройкѣ на сваяхъ, и наконецъ оковы полицейскихъ законовъ, не допускающихъ ни опасной деспотизму прочности каменныхъ строеній, ни свободнаго возвышенія и украшенія, условливаемыхъ табелью о рангахъ: воть причины жалкаго положенія туземнаго искусства. Въ частныхъ постройкахъ Аннамцы не имѣютъ, кажется, другой цѣли, какъ только защиты отъ дождя и солнечнаго жара; хотя, однакожъ, должно сознаться, что прихоть Французскаго художника избрала весьма-не-кстати рыбацкія хижины Туранскаго залива (*смотри тѣрный рисунокъ*), которыя никакъ не могутъ служить типическимъ изображеніемъ аннамскихъ построекъ. Жилище зажиточнаго Аннамца состоитъ обыкновенно изъ трехъ частей: жилья, кухни и сарая для утвари и скота. Главныя стѣны—изъ бревень и глины, внутреннія перегородки—изъ щекатуренныхъ досокъ, крыша—изъ тонкихъ стропилъ, устланныхъ рисовой соломой, пальмовыми листьями и изрѣдка черепицей. Полъ земляной, или деревянный, досчатый, поднятый отъ земли на сваяхъ, или наконецъ, высшая степень роскоши, обклеенный особенной бумагой, выдѣланной изъ коры дерева. Стекла въ окнахъ и самыя рамы замѣняются подвижными бамбуковыми рѣшетками (жалузи).

(*) Онъ сооруженъ изъ кирпича, а кровля его, изъ красныхъ черепицъ, украшена рѣзными деревянными барками, съ изваяніями причудливыхъ рыбъ. Изъ двухъ залъ, составляющихъ внутренность этого храма, на алтарѣ первой находится изваяніе двухъ аистовъ; вторая украшена причудливыми изображеніями разныхъ морскихъ чудовищъ, которымъ, какъ покровителямъ рыбной ловли, посвященъ этотъ храмъ рыбаками, составляющими почти все населеніе города *Кандии*.

(**) Пагода эта, посвященная китайскому върученію *Фо* и сооруженная совершенно въ китайскомъ вкусѣ, будетъ разсмотрѣна во 2-мъ томѣ изданія, въ прибавленіи, посвященномъ Аннаму.

Но правительство думаетъ иначе: доказательствомъ тому укрѣпленія столицы *Гюэ*, построенныя, въ 1804 году, французскими инженерами, по плану страсбургскихъ, защищенныя 1200 пушками и обнесенныя рвомъ въ 80 ф. ширины и стѣной въ 150 ф. высоты,—и кромѣ-того, обширныя укрѣпленія Сайгонга, и пр. Конечно, укрѣпленія, созданныя самими туземцами, чрезвычайно слабы, напримѣръ, крѣпость Туранскаго залива, или стѣна, отдѣляющая имперію отъ Китая и построенная по образцу Большой Китайской Стѣны, съ одними воротами и всѣгдашними часовыми у нихъ; но это еще не доказываетъ ихъ, будто-бы, *спартанской храбрости*. Гораздо-замѣчательнѣе ихъ надгробные памятники, которые (какъ видно изъ рисунка, помѣщенного нами въ заголовкѣ стр. 239) отличаются отъ египетскихъ пирамидъ четырехъ-угольнымъ основаніемъ и маленькой платформой на вершинѣ. Построены они изъ камня и кирпича.

Изъ городовъ особенно замѣчательны: *Гюэ* или *Гюэ-Фу*, столица имперіи, на рѣкѣ того-же имени, въ двухъ миляхъ отъ морскаго (кохинхинскаго) берега (*); къ югу отъ него *Туранъ* или *Ган-Санъ*, съ превосходнѣйшею гаванью: онъ былъ прежде богатымъ складочнымъ мѣстомъ торговли съ Китаемъ, и въ послѣднее время снова подымается отъ упадка, до котораго довели его междоусобныя войны имперіи (**). Еще немного южнѣе—*Фай-Фо*, котораго окрестности знамениты подземной пагодой и обиліемъ въ превосходной коринѣ. Въ Тонкинѣ замѣчательны *Кетчо* или *Бак-Кинъ*, прежняя столица имперіи, а теперь столица тонкинскаго намѣстника, важный по торговлѣ городъ съ 40,000 ж. и великолѣпными развалинами прежняго императорскаго дворца; улицы его вымощены голыщемъ. Въ Камбоджѣ (присоединенной къ Аннамъ въ 1824 году и къ которой принадлежитъ, кромѣ *Камбоджійскаго Архипелага*, и группа *Нуло-Кондоръ*, гдѣ Англичане неудачно пытались завести колонію для тайнопрвозной торговли съ Китаемъ), кромѣ двухъ столицъ *Камбоджи* и *Паномпинга*, особенно замѣчательны *Сайгонъ* или *Диндже*, весьма-торговый и крѣпкій городъ, съ хорошимъ арсеналомъ и 100,000 ж. Въ Цямпѣ нѣтъ городовъ, а только деревни. Принадлежащая-же Аннамъ часть Лаоса раздѣлена на отдѣльныя королевства, но такъ мало извѣстна, что о существованіи одного изъ нихъ, *Боа* или *Боотанъ*, имѣются споры и сомнѣнія у европейскихъ географовъ.

(*) Замѣчательны по своимъ пространнымъ жилищамъ, казармамъ и сухопутнымъ морскимъ арсеналамъ (въ послѣднихъ богатый запасъ японскихъ мечей—лучшихъ въ мірѣ). Сильныя укрѣпленія города и императорская квадратная цитадель дѣлаютъ этотъ городъ *первой крѣпостію Азіи*. Въ оружейномъ музеумѣ находится полное собраніе разныхъ сортовъ употребляемыхъ въ Европѣ пушекъ, и въ томъ числѣ девять въ родѣ нашей *Царь-Пушки*, на чудесныхъ деревянныхъ лафетахъ твердѣйшаго дерева *сао*. Кромѣ-того, имѣется здѣсь огромный пущенный литейный дворъ и обширныя корабельныя верфи. Императорскій дворецъ огроменъ и богатъ до чрезвычайности.

(**) Городъ *Туранъ*, съ прилежащими въ нему землею и островами, былъ уступленъ Франціи въ 1787 году, за важныя услуги оказанныя Французами великому *Гіа-Донгу*. Но потомъ расположеніе аннамскаго двора измѣнилось, французское посольство, прѣзжавшее, въ 1817 году, проситъ о выполненіи данныхъ обѣщаній, было принято неблагоприятно,—и тѣмъ и покончились надежды на тѣсный союзъ Франціи и Аннамъ, который могъ-бы быть очень опасенъ Англійской Ост-Индской Компаніи.

Конецъ Ост-Индіи.

ДОПОЛНЕНИЯ.

I. (Къ стр. 54). Для объясненія мифа Кришны, редакторъ нашелся въ необходимости помѣстить здѣсь индійскую легенду, составленную имъ самимъ, какъ по туземнымъ источникамъ, такъ и по толкованіямъ на нихъ Кольбрука, Винкельмана, Виль-Форда, Джонеса, Полье, Гердера, Боленъ и Мюллера. При этомъ мы повторяемъ еще разъ, что никакъ не намѣрены слѣдовать примѣру людей, считающихъ долгомъ говорить съ неуваженіемъ о чуждыхъ намъ вѣрованіяхъ, и оставляемъ гнѣвъ и неуваженіе только тому, что вызываетъ эти чувства своею противоположностью истины или человечности.

Кришна (7-е земное воплощеніе 2-го лица индійской Тримурти) былъ 8-й сынъ царя Васадевы и Деваги (по другимъ произношеніямъ Деваки, Деваджи и даже Догбаки), дѣвцы-царевны изъ царскаго племени Ядусъ. Однакожъ, Востокъ, столь-склонный къ вымысламъ, не удовольствовался этой естественной формой воплощенія, и многіе приписываютъ оплодотвореніе дѣвцы Деваджи дѣйствию божественнаго луча. Подобнымъ чудесный процессъ оплодотворенія былъ, по мнѣнію Джонеса, президента Азіатскаго Общества въ Калькутѣ (V. Jones, Supplem. Tom. II. p. 548), принять у браминовъ общимъ закономъ всякаго воплощенія. То-же встрѣчаемъ мы и у буддистовъ о дѣвцѣ *Мага-Маи* при рожденіи Будды (Klaproth, Asia polyglotta; Journ. As. 1824 et janvier 1834; Alp. Thibétain, par Paulin de Saint-Barthelmi, p. 32, и Moor Hindou Panthéon, p. 188), у Египтянъ о богинѣ Изидѣ (Plutarch. de Isid. p. 62; Bibl. Orient. art. Hermes, T. III, p. 195, T. IV. p. 304; d'Herbelot, T. III, p. 197), и даже у самыхъ удивившихъ ученый міръ точностью и мелочностью своихъ лѣтописей, позитивныхъ Китайцевъ, приписывающихъ подобный-же процессъ оплодотворенія матери и сестрѣ своего императора Фуши, царствовавшего за 5,468 до Р. X. (Chine (Histoire), par Pauthier, p. 24; Mémoir. conc. les Chinois, T. I, p. 386). То-же вѣрованіе перешло потомъ не только въ Америку (Muratori Christianess. felice, T. I. ch. 5.), но даже и къ древнимъ друидамъ (Annales de la philosoph. chrét. 1833, N° 40; Altmeyer, Introduction à l'Hist. Brux. p. 50; Cours de phil. de l'Hist. p. 125). Объясненіе причинъ такого преданія см. у De Maistre, Soirées de St. Pétersbourg, T. I, p. 422 и 68, съ которымъ сравнитъ T. II. p. 389 и 290). Пураны и поэма Мага-Барата, въ которыхъ въ *первой* разѣ встрѣчаются сказанія о Кришнѣ, не упоминаютъ при этомъ случая о чудесномъ лучѣ, но сказано въ нихъ, «что самое рожденіе Кришны было обозначено многими чудесами»,—что на небѣ раздавались радостныя гимны, отголоски которыхъ доходили (?) до слуха удивленныхъ жителей земли,—что оба супруга, земные родители Кришны, сдѣлались свѣтозарными въ эту минуту, и мѣстопробываніе ихъ (которое, подробно-обозначенное въ индійской книгѣ Бавагадамъ: Кн. I, 9, 40, и у Jones Asiat. research. I, въ-особенности-же у Deguigne, Mém. conc. les Chin. I. c., показано иначе, чѣмъ въ мифѣ Кришны, помѣщенномъ въ журналѣ Москвитининъ, за 1846 годъ, N° I, стр. 474: *это замѣчаніе необходимо для любителей узеной истины*) наполнилось свѣтомъ,—самъ-же Кришна родился со всѣми атрибутами бога, котораго пристрастные къ символамъ Индіицы представляютъ почти всегда многорукимъ, въ обозначеніе идеи силы. Царствовавшій, въ то время, въ странѣ той, самовластный *Канса* (по другимъ выговорамъ Коша, Конша и Куша: *мы бе-*

реми Колвбруковскій), братъ матери Кришны, свергнувшій съ престола отца своего, которому было предсказано это рождение и въ народѣ и въ пуранахъ (?) (Wilfort, Capit. Observat.; Ramsay, Discours sur la Mithologie, p. 450: «Земля жалуется, что подъ бременемъ преступлений она будетъ низвергнута въ Паталу; Вишну общается съ ея спасителя, рожденного отъ пастуха, воспитаннаго между пастухами и освобождающаго ее отъ ига демоновъ, Даниэевъ, и великановъ зла, Ракшасовъ»), Канса видитъ въ новорожденномъ врага и приказываетъ умертвить его. Однакожъ Васадева, отецъ Кришны, «внявъ голосу съ неба», скрываетъ ребенка къ пастуху *Нандъ* (по другимъ *Ванда*: Dubois, Mœurs, instit. et cérémonies des peuples de l'Indes). Войдя въ возрастъ, Кришна избрала себѣ, подобно Аполлону Грековъ, девять молодыхъ пастушекъ, съ которыми занималась музыкой и пляской, и въ средѣ которыхъ онъ часто изображается, подобно вышеозначенному своему греческому подражанію. Индусы приписываютъ Кришнѣ изобрѣтеніе особеннаго рода флейты. — Известно, что всякая религія всегда носитъ на себѣ отпечатокъ духа, понятій и даже обычаевъ того народа, въ лоно котораго она родилась: иначе и быть не можетъ, потому что языкъ, которымъ она первоначально выразилась, необходимо вносить въ нее съ собою всѣ эти отпечатки народа, говорившаго имъ. По этому-то и индійскую легенду о Кришнѣ нельзя иначе подвергать критическому разбору, какъ при помощи санскритскаго языка, и при хорошемъ знакомствѣ съ нравами, обычаями и вообще духомъ этого народа. А такъ какъ у всякаго народа, живущаго подъ гнетомъ деспотизма и благословеніемъ климата и почвы, непреклонно сильно развивается чувственность, то понятно, что Индійцы, не считавшіе порокомъ влеченіе имъ общее, такъ-сказать законъ ихъ природы, не считали также нужнымъ отрицать эту страсть даже у тѣхъ, которыхъ они хотѣли облечь во всѣ возможные добродѣтели. Нужно замѣтить кромѣ того, что горячая, идущая причудливыхъ образовъ и склонная къ сверхъестественности фантазія ихъ видѣла божественное только въ сверхъестественномъ, и что, злоупотребляя для этого *гисло*, — эту границу между людьми и животными въ физическомъ мірѣ, это основаніе знаній чело́вѣка, его искусство и его языка, — фантазія ихъ основала на немъ свои безконечныя, уродливыя созданія и хронологіи, и теоріи мірозда́нія, и легенды своего вѣрованія. Нужно припомнить потому, что, выражая сначала творящія силы природы и чудесно-возобновляющуюся жизненность ея въ видимыхъ образахъ, Индійцы, по влеченію, къ несчастію, общему всѣмъ народамъ земли, отдѣляли потомъ символъ отъ идеи изображаемой имъ, и составили изъ этихъ символовъ отдѣльный предметъ почитанія, — и тогда понятно будетъ, почему, изображая въ своемъ мнѣи Кришну благословляющаго, Кришну проповѣдника новой и, по тогдашнему времени, чистой морали, они представляютъ его не только любимцемъ женщинъ и счастливымъ супругомъ 46,408 женъ, — но даже переносятъ ихъ на небо, и боготворятъ то въкупъ, то отдѣльно, обожая, напримѣръ, какую-нибудь Раду, — тогда какъ идея, выражавшаяся ею, напримѣръ, любви и нѣжности, давно исчезла, давно уже забыта. Да, нужно понять, нужно вразумиться, почему люди, пораженные уже древнихъ Грековъ сверхъестественною воздержностью своей отшельнической жизни, сохраняющіе, по увѣренію очевидцевъ, однообразное положеніе тѣла, доколѣ ногти не проростутъ изъ рукъ, скрещенныхъ надъ головою, и деревья не обвиваютъ обнаженныхъ членовъ ихъ, и все это, по ужасному заблужденію чело́вѣчества, *въ тѣстѣ божества и въ сближеніи съ нимъ*: нужно уразумѣть, почему эти самые люди считали-бы богохульствомъ не приписать своему божеству сверхъестественности во всемъ, и въ числѣ рукъ, и въ огромности тѣла, и въ необычайной силѣ производительной, — нужно вразумиться всѣмъ этимъ безпристрастно, какъ слѣдуетъ *уменію любителю истины*, а не ухмыляться подобно обыкновенному профану, мѣряющему все аршиномъ своихъ понятій, — и потому, не вѣря, какъ это не только можно, но и должно разумному чело́вѣку, не вѣра осуществленію сказаній этихъ легендъ, — тѣмъ не менѣе не отрицать безъ ученыхъ причинъ существованія самыхъ сказаній, потому только, что они не гармонируютъ съ нашими собственными понятіями, которыя, если они дошли до убѣжденія, должны быть *непоколебимы*, и, какъ истина, не нуждаются въ защитѣ неправдою. Это замѣчаніе считали мы себя въ правѣ сдѣлать одному журналу, исправлявшему мнимыя наши ошибки. — Извиняясь передъ читателями нашими въ этомъ краткомъ отступленіи, обращаемся опять къ легендѣ. Возмужавъ, Кришна убиваетъ тирана Кансу, и овладѣваетъ законнымъ своимъ наслѣдіемъ, столицю Гусерата. Достоверная война эта, бывшая въ XII вѣкѣ до Р. X., описана въ известной поэмѣ *Маха-Ерама*, о ко-

торой говорено было на стр. 55. Въ продолженіе всей своей жизни Кришна творилъ чудеса, являлся въ одно и то-же время въ разныхъ мѣстахъ, поражалъ Ракшасовъ, и продлилъ одну ночь любви съ Радой на цѣлые шесть мѣсяцевъ (безъ этого не могутъ обойтись Индійцы); но вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдывалъ новое, по тогдашнимъ понятіямъ и тогдашнимъ правамъ и обычаямъ Индусовъ, чистое ученіе нравственности, и заповѣдалъ ученикамъ своимъ распространять его живымъ словомъ, безъ помощи письма. По смыслу этого ученія, нравственное совершенство состоитъ въ умерщвленіи чувствъ, помысловъ, пожеланій и страстей; а цѣль человека—въ сляніи его духа съ духомъ божества, всемогущимъ и всепоглощающимъ. Въ описаніи пути или средствъ, ведущихъ къ этой цѣли, много возвышеннаго, но самая цѣль не понята, опредѣлена неправильно, и чистое смѣшано въ ней съ нечистымъ; хотя нужно замѣтить, что нынѣшнее положеніе его есть уже искаженіе послѣдующихъ временъ. Кришна кончилъ земную жизнь свою насильственною смертью. Говорятъ, что мать и отецъ его, узнавъ объ этомъ, умерли вдругъ въ ту-же минуту; Индусы прибаляютъ, что какъ они, такъ и всѣ жены, добродѣтельныя жены Кришны, вознесены на небо. Чтожь касается до него самого, то, по сказанію Индусовъ, безсмертная часть Кришны вознесена на небо, гдѣ онъ учредилъ свой рай, *Брандавана*, почитаемый однимъ изъ самыхъ главнѣйшихъ, и поручилъ его начальству блаженного пастуха *Нанды*,—а тѣло Кришны въ стволѣ несгараемаго дерева было пущено въ море, потомъ найдено, и останки его до-сихъ-поръ хранятся въ *Джавернатскомъ* храмѣ, что въ Ориссѣ, гдѣ и празднуютъ ему, какъ это показано въ нашей книгѣ, на стр. 356, день 18-го іюня. — Мы не беремъ на себя права объяснять таинственный смыслъ этой легенды, или доказывать его «постепенное преобразованіе въ устахъ народа, или какое-либо позднѣйшее осмысленіе его поэтами и философами», хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не находимъ ни повода, ни причинъ, ни выгоды сомнѣваться въ поддѣльности книгъ *пуранъ*, въ которыхъ эти преданія заключаются. Трудъ этотъ оставляемъ нашимъ отечественнымъ санскритологамъ и сочиненіямъ по части санскритской литературы; нашей-же единственной цѣлью было передать читателямъ этой книги хотя одну изъ многочисленныхъ индійскихъ легендъ, — передать ее, по возможности, ясно, хотя и кратко, и подкрѣпить *вѣрность нашего изложенія* ссылками на нѣсколько ученыхъ сочиненій.

II. (Къ стр. 394). Всѣ эти интересныя подробности можно прочесть въ написанномъ *Жаксинеи* введеніи къ живописному описанію Индии (*Univers pittoresque, Inde, page 105—110*). Онъ заимствовалъ ихъ изъ любопытной брошюры, подъ заглавіемъ: *Mémoire de Leibnitz à Louis XIV, sur la conquête de l'Égypte, publié par Hofman, suivi d'un projet d'expédition dans l'Inde, par terre, concerté entre l'Empereur Paul et le Premier Consul, en 1800*. Наполеонъ развилъ свой любимый планъ до самыхъ мельчайшихъ подробностей, все предвидѣлъ и на всѣ возможные возраженія выставилъ отвѣты и разрѣшенія.

III. **НОВѢЙШІЯ ИЗВѢСТІЯ.** Сейкская драма кончена! Англичане, съ свойственною имъ настойчивостью, сдержали свое слово—подписать мирный договоръ подъ стѣнами столицы Пенджаба, и послѣ четырехъ рѣшительныхъ битвъ, въ которыхъ они дѣйствовали съ рѣдкимъ мужествомъ (по словамъ депешей), понимая, какъ важно подавить опасность въ самомъ ея началѣ, а Сейки отчаянно отстаивали свою самобытность, — послѣ этихъ битвъ англійскія войска заняли Лахоръ. Во всей странѣ господствовало безначаліе, — главный министръ (*Тулабъ-Сингъ*) затѣвалъ заговоры противъ магараджи и его матери, а послѣдняя собиралась умертвить его... Пріходъ Англичанъ рѣшилъ все. Переговоры, начатыя еще во время послѣдняго сраженія, при *Собраонѣ* (?), были окончательно утверждены уполномоченными съ обѣихъ сторонъ. Ост-индскій генералъ-губернаторъ, Сэръ Генри Гардинджъ, при самомъ вступленіи въ Пенджабъ, объявилъ, что «пока британское правительство не думаетъ еще овладѣть непокорною странюю, — и вся цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать сейкскія войска совершенно безвредными, и за военныя издержки взыскать съ защитниковъ контрибуцію.» Поэтому, главные статьи договора состояли въ слѣдующемъ: Сейки *добровольно* уступаютъ Компаніи полное обладаніе округами на югъ отъ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Отъ редактора.	I
Отъ автора Индустана.	IV
ВСТУПЛЕНИЕ. — Названіе, положеніе и раздѣленіе.	1

ИНДУСТАНЪ.

I. ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.	3—29
Границы, пространство.	3
Горы и орографическое раздѣленіе страны.	4
Рѣки.	8
Климатъ.	12
Произведенія природы. <i>Финансы Религіоза Топъ, Тамилатъ</i>	18
II. ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.	29—239
Взглядъ на составъ народонаселенія Индустана.	29
ИНДУСЫ. —Физическій типъ.	31
РЕЛИГІЯ, ФИЛОСОФІЯ И ПОЭЗІЯ ИНДУСОВЪ. —Лѣтосчисленіе и древность цивилизаціи.	33
Сущность и постепенное перерожденіе браманскаго ученія.	37
Философія.	51
Поэзія и литература.	53
Вѣрованія народа въ настоящее время и свѣдѣнія о богослуженіи.	58
Секты.	62
Буддизмъ.	65
Джайнизмъ. <i>Джайнизмъ</i>	73
СОСЛОВІЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ИНДУСОВЪ.	
Нѣсколько словъ о сборникѣ Мену.	76
Касты. <i>Тайл. — Тайл. — Тайл.</i>	77
Образъ правленія.	102
Законы и судопроизводство.	109
ПРАВЫ, ОБЫЧАИ, ДОМАШНІЙ И ГРАЖДАНСКІЙ ВЪѢТЪ И ХАРАКТЕРЪ ИНДУСОВЪ. —Общія замѣчанія.	115
Деревни. <i>Деревни</i>	118
Образъ жизни обитателей деревень.	120
Города и ремесла.	123
Образъ жизни горожанъ.	125
Яства и способъ ѣды.	126
Одежда.	130
Правила общежитія и внутреннее убранство жилищъ.	133
Религіозные праздники.	136
Пилигримства и ярмарки.	143
Музыка и танцы.	144
Игры и увеселенія.	148
Сады.	153
Дороги, способы путешествованія и гостиницы.	154

Коммерческія сношенія.	Стр.
Подземные храмы.	158
Пагоды.	159
Гражданская архитектура.	163
Воспитаніе и обученіе дѣтей.	169
Имена и прозванія.	172
Сватовство, обряды вѣчнанія и свадьбы.	173
Рожденіе и первое дѣтство Индуса.	173
Смерть Индуса, посмертные обряды и понятія о загробной жизни.	179
Сутти и самоубійства.	182
Положеніе женщины.	190
Рабы.	194
Касты воровъ и дарна.	197
О народномъ характерѣ Индусовъ.	198
О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ У ИНДУСОВЪ.	202
МУСУЛЬМАНЕ.	210
СЕЙКИ.	217
КОРЕННЫЕ ЖИТЕЛИ.	224
ИННОПЛЕМЕННИКИ.	228
III. ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ИНДУСТАНА.	234
Эпоха до основанія Монгольской Имперіи.	239—278
Монгольская Имперія.	239
Европейцы въ Индіи.	248
Ост-Индская Компанія.	262
IV. СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.	277
Народонаселеніе, пространство и раздѣленіе всего Индустана.	285—381
АНГЛІЙСКАЯ ИНДІЯ. — Мѣстное начальство. — Административная и судебная организація.	285
Финансы.	287
Христіанскія миссіи.	292
Армія.	300
Общество Европейцевъ.	305
СОЮЗНЫЯ И РАССАЛЬНЫЯ ГОСУДАРСТВА — СУБСИДАРНАЯ СИСТЕМА.	320
ОБЗОРЪ ПРОВИНЦІЙ И ГОРОДОВЪ — СѢВЕРЪ ИНДУСТАНА.	324
Сиккимъ (338), Непаль (338), Гервалъ (339), Сирморъ и Канаверъ (342), Кугистанъ и Кашмиръ (342).	336
ВОСТОКЪ ИНДУСТАНА.	344
Бенгалія (344), Бахаръ (346), Аллахабадъ (347), Аудское Набавство (350), Агра (354), Дели (354), Мадва (355), Нагпуръ (354), Орисса (355), Сиркары (357), Голкондское Королевство (357), Ауренгабадъ (362), Балагати (363), Майсоръ (363), Коимбатуръ (364), Карнатикъ (364), Колоніи Франціи (366), Транкебаръ (369), Тричипалли (369), Цейланъ (369).	372
ЗАПАДЪ ИНДІИ.	372
Траванкоръ (373), Кочинъ (373), Малабаръ (373), Канара (373), Гоа (374), Конканъ (374), Бомбей (374), Кендишъ (375), Гуджератъ (375), Кутти (375), Раджпутана или Аджмиръ (376), Синдъ (377), Пенджабъ (379).	381
ЗАКЛЮЧЕНІЕ.	381
Какія выгоды приноситъ Англичавамъ Индія?	382
Чѣмъ Индія обязана Англичамамъ?	382
Какая будущность ожидаетъ Индію?	389

ЗАГАНТСКИЙ ПОЛУОСТРОВЪ.

ВѢЩІА СВѢДѢНІА.	Стр.
Границы.	393—420
Внѣшній видъ земли, горы и рѣки.	395
Произведенія.	395
Климатъ.	397
Промышленность.	400
Торговля.	403
Науки и искусства.	404
Образъ правленія.	406
Религія.	408
Языкъ и литература.	412
Народы и племена.	413
Политическое дѣленіе.	414
БИРМАНЪ.	419
Историческія свѣдѣнія.	420—436
Правы и обычаи.	421
Архитектура.	423
Каріане.	433
АНГЛІЙСКІЯ ВЛАДѢНІА НА ЗАГАНТСКОМЪ ПОЛУОСТРОВѢ.	435
Гаррау.	438—444
Джиятія.	438
Кассай.	439
Катчаръ.	439
Ассамъ.	440
Читагоугъ.	440
Араканъ.	440
Мартабанъ, Іа, Таваи, Тенассеримъ.	441
Мергуи.	442
Малаккскія земли.	443
Пуло-Пинангъ и Сингапуръ.	443
НЕЗАВИСИМЫЯ ГРУППЫ ОСТРОВОВЪ.	444
СИЯМЪ.	446—462
Историческій очеркъ.	447
Правы и обычаи.	450
Архитектура.	461
АННАМЪ.	462—467
Составъ земли и варядь жителей.	462
Архитектура.	464
ДОПОЛНЕНІА.	467

РИСУНКИ.

РАССТРАЖЕНІЯ:

	Стр.
1. Танцующій Пидусъ, на карнавалъ.	137
2. Байдерка.	146
3. Начальникъ тѣлохранителей делійскаго императора	352
4. Бирманка изъ высшаго сословія.	428
5. Кохинхинскій солдатъ	463
6. Туземецъ и воинъ изъ Кохинхины (Аннама).	464
7. Кохинхинская дѣвушка.	464

ЧЕРНЫЕ: (*)

1. Элефантскій храмъ (I).	160
2. Келасса, одинъ изъ Элорскихъ храмовъ (III).	162
3. Элорскій храмъ Пидри (II).	163
4. Бенаресская пагода (IV).	167
5. Тричегурская пагода (V).	168
6. Мечеть Мустафы-Хана, въ Беджапурѣ (VIII).	224
7. Башня Куттубъ-Минарь, въ Дели (VII).	242
8. Гробница Мухаммеда XIV, въ Беджапурѣ (XI).	261
9. Мечеть Атула-Ханъ, въ Жуанпурѣ (X).	349
10. Мечеть Шаха-Джехана, въ Дели (IX).	351
11. Ворота Котилла, въ Дели (XIII).	354
12. Гробница Пбрагима-Паша, въ Беджапурѣ (XII).	362
13. Сарватъ, буддійскій памятникъ близъ Бенареса (VI).	372
14. Аннамскія жилища на берегу Туранскаго залива.	465

ПРОДЪЛЖЕНІЯ. Рисунки эти, находясь почти каждый въ самомъ, объявляющемъ ихъ текстѣ, не нуждаются въ подобномъ указаніи мѣста ихъ размѣщенія.

(*) Черные рисунки размѣщены въ книгѣ не по порядку означенной на нихъ римской цифровкой, какъ предполагалось это прежде, — но сообразно расположенію текста сочиненія.

